ОТЗЫВЫ ЕПАРХИАЛЬНЫХ АРХИЕРЕЕВ ПО ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЕ

1

ОТЗЫВЫ
ЕПАРХИАЛЬНЫХ АРХИЕРЕЕВ
ПО ВОПРОСУ
О ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЕ

О Т З Ы В Ы

ЕПАРХИАЛЬНЫХ АРХИЕРЕЕВ

ПО ВОПРОСУ

О ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЕ

Часть первая

Общество любителей церковной истории
Издательство Крутицкого подворья
Москва
2004

ISSN 1728-0168

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Книга 33

(серия основана в 1991 г.)

По благословению Архиепископа Костромского и Галичского АЛЕКСАНДРА Председателя Синодального Отдела по делам молодежи

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ТОМА:

кандидат искусствоведения, доцент, протоиерей Валентин ЧАПЛИН
(Общество любителей церковной истории, Москва)

профессор Дмитрий Владимирович ПОСПЕЛОВСКИЙ
(Университет Западного Онтарио, Канада)

профессор Вильям ван дер БЕРКЕН
(Теологический факультет Утрехтского Университета, Голландия)

профессор Эрих БРИНЕР
(Институт «Вера во втором мире», Швейцария)

кандидат исторических наук Александр Юрьевич ПОЛУНОВ
(Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова)

кандидат исторических наук диакон Илья СОЛОВЬЕВ
(главный редактор серии)
(Крутицкое Патриаршее подворье, Москва)

Валентин Арсеньевич НИКИТИН
(Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата)

профессор Гюнтер ШУЛЬЦ
(Евангелический Богословский факультет Мюнстерского Университета, Германия)

доктор исторических наук, профессор Сергей Львович ФИРСОВ
(Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург)

кандидат богословия игумен Иннокентий (ПАВЛОВ)
(Российское Библейское общество, Москва)

кандидат исторических наук Модест Алексеевич КОЛЕРОВ

протоиерей Сергий ИЛЬИН

Наталия Александровна КРИВОШЕЕВА
(Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, Москва)

Издание осуществлено при финансовой поддержке организации «Помощь Церкви в нужде»
Перепечатка этой книги без письменного разрешения Общества любителей церковной истории воспрещается.
© Общество любителей церковной истории — оригинал-макет и оформление.
© Полунов А. Ю., Соловьев И. В. — вступительная статья.

ISBN 5-94688-006-3

Историческое введение

1

XX век в истории Российской Православной Церкви — как и в истории России в целом — оказался насыщен переломными, трагическими событиями.

Полтора десятилетия в начале XX в. оказались последним «островком» относительного затишья в жизни Российской империи, периодом, когда у предержащей власти был шанс решить многие из социальных, политических и церковных проблем, остро стоявших на повестке дня. К числу последних, безусловно, относились вопросы о роли Церкви в обществе, о ее отношениях с государством, об устранении канонических деформаций, возникших в церковном бытии за долгие века русской истории. Для Церкви начало ушедшего уже теперь XX столетия ознаменовалось движением за реформы, в ходе которого она стремилась восстановить каноническую соборную структуру, поврежденную в результате вмешательства государственной власти, заявила о необходимости отказа от синодальной системы, от ставшей чрезмерно тяжелой опеки самодержавного государства.

Хотя движение за реформы в период до 1917 г. не привело к осуществлению задуманных преобразований, оно имело огромное значение, которое сохраняется и в наши дни. Многие церковные проблемы, о которых писали и говорили в начале прошлого столетия, остаются на повестке дня и сегодня. Вот почему для нас очень важно изучение истории Церкви начала XX века. Надо помнить, что в ходе разработки церковных реформ был очерчен круг проблем, тревоживших церковное сообщество, и намечен ряд мер, многие из которых легли в основу решений Великого Московского Поместного Собора 1917—1918 годов. Нельзя забывать также того, что над разрешением вопросов о церковных преобразованиях трудились выдающиеся церковные историки и богословы, большинство из которых впоследствии погибло в результате репрессий, часть была рассеяна в изгнании по всему миру, а оставшиеся на Родине — не имели возможности продолжать научную работу. Российская Церковь лишилась огромного научного потенциала и те научные потери, которые понесла Церковь в годы гонений, остаются совершенно не восполненными в наши дни.

Однако, милостью Божией, исторические источники донесли до нас плоды научных исследований предреволюционных лет, уцелели многие книги, сохранились Деяния Великого Московского Собора 1917—1918 гг. и подготовительные к нему материалы. Можно сказать, что эти соборные решения (также не воплощенные в жизнь во всей полноте даже до сегодняшнего дня) позволили Церкви перенести тяжкие гонения советского времени.

* * *

История Российской Церкви в начале XX в. привлекала внимание западных авторов [1], но осталась почти неизученной в отечественной историографии. До 1917 г. эта тема не успела стать предметом обстоятельного научного рассмотрения, а после революции объективное ее исследование стало невозможным. В немногочисленных трудах советских историков православная Церковь, как правило, представала реакционной силой, наделенной огромными привилегиями и полностью покорной государству [2]. Лишь с конца 1980-х гг. наметился поворот к более взвешенному и глубокому исследованию проблем церковной истории.

Между тем многие аспекты истории Церкви по-прежнему нуждаются в научном рассмотрении и переосмыслении. Ждет разрешения целый ряд вопросов: почему власти в начале XX в. вынуждены были открыть дорогу официальному обсуждению преобразований? Почему столь единодушным стал отказ церковных кругов от существующего синодального строя? Почему, наконец, путь к этому единодушию оказался столь долгим — ведь планы широких церковных преобразований выдвигались уже славянофилами в середине XIX в.?

История родившегося в традиционно консервативном православном сообществе движения за церковную реформу может стать темой отдельного исследования. Важнейшим источником по этой теме являются предлагаемые вниманию читателей «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе», представляющие огромный интерес среди разнообразных материалов, связанных с движением за церковные реформы. «...Собрание «Отзывов», — писал видный церковный историк нашего времени протопресвитер Иоанн Мейендорф, — является наиболее значительным и обширным документом о состоянии Русской Церкви в последние годы старого режима и о ее чаяниях на будущее» [3]. Высказанный в большинстве «Отзывов» решительный отказ епископов поддержать синодальный строй стал для многих современников неожиданностью — ведь именно епископат являлся *самой привилегированной* и консервативной частью духовенства, неизменно выступавшей за тесную связь Церкви с государством.

---

[1] *Curtiss John S.* Church and State in Russia: The Last Years of the Empire. 1900—1917. N.-Y., 1940; *Simon Gerhard.* Church, State, and Society. — Russia Enters the Twentieth Century. 1894—1917. L., 1971; *Meyendorff John.* Russian Bishops and Church Reform in 1905. — Russian Orthodoxy Under the Old Regime. Minneapolis, 1978; *Valliere Paul.* The Idea of a Council in Russian Orthodoxy in 1905. — Idem. Erwin Immekus. Die Russische Orthodoxe Landpfarrei zu Beginn des XX. Jahrhunderts nach den Gutahten der Diozesanbischofe. Würzburg, 1978; *Каннингем Джемс В.* С надеждой на собор. Русское религиозное пробуждение начала века. Лондон, 1990; *Зернов Н. М.* Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1991.

[2] *Титлинов Б. В.* Церковь во время революции. Пг., 1924; *Платонов Н. Ф.* Православная Церковь в борьбе с революционным движением в России (1900—1907) // Ежегодник музея истории религии и атеизма, 1960 (4) и др.

[3] *Мейендорф Иоанн, протопресвитер.* Русский епископат и церковная реформа (1905 г.) // Вестник РХД. 1977. № 122. С. 58.

Значение «Отзывов» для развития русской богословской и церковно-исторической науки подчеркивалось неоднократно. «Эти ответы представляют собой подлинный памятник русской церковной истории, — писал в 1934 г. в эмиграции видный деятель русского религиозного возрождения Н. М. Зернов. — В них русский епископат, хотя и подобранный и проверенный всесильным Победоносцевым, произнес свой суд над русской церковной действительностью и его голос звучит для нас теперь не только ободрением и помощью, но и предупреждением и даже укором, ибо многое из того, на чем настаивали епископы, так и осталось неосуществленным и то, с чем они боролись, продолжает отравлять церковную жизнь эмиграции несмотря на то, что она развивается в атмосфере свободы, не скованная контролем советской власти» [1]. «Теперь мы можем только подтвердить оправданность его (русского дореволюционного епископата. — *Авт.*) опасений и засвидетельствовать разумность его предложений. Может быть, многое было бы предотвращено в трагической судьбе русской церкви, если хотя бы даже часть этих реформ оказалась проведенной в жизнь, но императорская Россия до последней минуты своего существования не решила дать церкви свободу. Последние годы перед революцией вместо ожидаемого обновления принесли русскому православию лишь новые унижения и испытания» [2]. Таким образом, как справедливо замечает Н. М. Зернов, историческая и научная ценность собранного в «Отзывах» материала сопряжена с его практической ценностью для церковной жизни.

Какова же предыстория «Отзывов»? Почему церковное руководство в начале XX в. фактически вынесло «вотум недоверия» традиционной церковно-государственной системе?

Ответить на эти вопросы можно лишь рассмотрев основные особенности предшествующей эпохи, осмыслив ее значение, как особой полосы в религиозной жизни России.

2

На протяжении многих лет в церковно-исторической литературе высказывалось мнение, согласно которому начальным моментом «закрепощения» Церкви государством считается церковная реформа императора Петра Великого — отмена патриаршества, учреждение Святейшего Синода, подчинение Церкви надзору светского чиновничества. Именно из этой реформы «протестантского образца» многие историки склонны выводить большинство церковных нестроений последующего времени.

Действительно, церковная реформа Петра I привела к деформации церковного управления, которая со временем отразилась на многих сторонах церковной жизни. Однако преобразования Петра не привели к утрате кано-

[1] *Зернов Н. М.* Реформа русской церкви и дореволюционный епископат // Путь. 1934. № 45. С. 6.

[2] Там же. С. 14.

ничности Русской Церкви. Реформа эта, по мнению видного церковного историка и богослова XX столетия протопресвитера Александра Шмемана, «...создала для Русской Церкви совершенно новые условия жизни и Церковь приспособилась к ним. Это был компромисс «каноничности» с абсолютизмом, введенный в России Петром Великим». Синодальный строй не нарушал «апостольского преемства епископата и связанной с ним непрерывности благодатной жизни, — он был «действителен» и Церковь не лишалась одного из своих «признаков», без которых она вообще перестает быть Православной Церковью. Но, признавая его «действительность», лучшие силы Русской Церкви не переставали обличать и разоблачать его, как именно компромисс, нарушающий и извращающий полную норму Церкви... А когда настало время, то и открыто заговорили о необходимости вернуться к подлинно каноническим началам церковного устройства. И нужно прочитать увесистые фолианты протоколов Предсоборного Присутствия 1905—1906 гг. и Отзывов Епархиальных преосвященных, чтобы видеть, как ответственно отнеслись живые силы Русской Церкви к этому «продумыванию» церковного устройства, какое усилие было сделано церковной мыслью, чтобы вечные начала Церкви, идеальную «каноничность» наилучшим способом воплотить в снова изменившихся условиях жизни. Ибо долг церковного сознания, церковного богословия в первую очередь всегда искать того, чтобы разница между нормой и жизнью, между канонической правдой и канонической практикой стремилась к нулю, хотя бы этого и невозможно было достичь в условиях земного странствия Церкви» [1].

Было бы неправильно сводить все церковные беды синодального периода к последствиям петровской церковной реформы. Само по себе восстановление допетровского строя не могло привести к устранению основных церковных проблем. Суть реформы, как представляли ее себе наиболее выдающиеся церковные деятели рубежа XIX — XX столетий, состояла не в искусственной реставрации архаичного допетровского церковного строя, а *в восстановлении соборности церковного управления.*

«Соборное начало, — писал в 1906 г. видный церковный деятель Н. Д. Кузнецов, — к сожалению, почти никогда не действовало в Русской Церкви, как этого требовала бы апостольская идея Христианской Церкви (1 послание Апостола Павла к Коринфянам, гл. 12) и как это устанавливается Вселенскими Соборами. По разным причинам в России сейчас же стала усиливаться власть митрополита в ущерб развитию областного управления, окружных соборов, самостоятельности епархиальной жизни и т. п., составляющих необходимые черты соборности. С получением Русской Церковью независимости от константинопольского патриарха значение и власть митрополита сделалась еще больше, а начало соборности еще незаметнее. Не соборы, собиравшиеся на Руси, руководили митрополитом, а он сам оказывал на них

---

[1] *Шмеман Александр, священник.* Эпилог // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. № 5 (38). Париж, 1952. С. 4.

то или иное влияние. (...) Введение же патриаршества сопровождалось на Руси образованием такой повелительной единоличной власти, да притом еще смешанной с воздействием на чисто мирские стороны жизни, что власть эта совершенно обезличила перед собой не только духовенство вообще, но и самих епископов, и при ней сделалось уже почти невозможным какое-либо живое проявление соборного начала» [1].

Российская церковно-историческая наука еще на рубеже XIX — XX столетий установила, что многие застарелые болезни церковного организма имели свои корни в ранних веках русской истории. Еще задолго до Петра I русская государственная власть грубо вмешивалась в дела Церкви. Московские князья, хорошо осознававшие огромное значение митрополитов в жизни общества и государства, стремились использовать авторитет духовной власти и убедили перенести митрополичью кафедру в Москву. Достигнув силы и влияния, князья добились от Константинопольского патриарха права избирать митрополитов из русских. Важно заметить, что выбор этот осуществлял великий князь. Так постепенно складывался тесный союз митрополита и великого князя, причем последний при помощи митрополичьего авторитета подавил все удельные княжества, постепенно объединив их под своей властью.

Со временем московские князья добились того, чтобы митрополиты не только избирались по их указанию из русских, но и поставлялись на кафедру в Москве. Этот порядок коренным образом изменил положение митрополита: прежняя его независимость и свобода постепенно утрачивались. Из прежних его прав оставалось только одно — «печалование» перед князем за опальных и обиженных, да и этим правом пользовались не все митрополиты, а если пользовались — то с большой осторожностью.

Со временем светская власть убедилась, что русский митрополит есть еще и *подданный* князя. Неугодных митрополитов стали свободно низводить с кафедр, заменяя угодными. Так, святитель Филипп митрополит Московский за обличения царя был лишен не только кафедры, но и жизни.

Москва была признана наследницей Византии, «третьим Римом», в силу чего великий князь Московский венчался царским венцом. Но эти представления требовали, чтобы рядом с великим государем был и патриарх, что составляло бы полноту великого православного христианского царства [2].

Когда в 1588 году в Москву прибыл Вселенский патриарх Иеремия II (Транос), царь, посоветовавшись с царицей и боярами (а не с духовным собором), решился воспользоваться пребыванием Константинопольского патриарха для поставления патриарха Московского. И только когда патр. Иеремия дал согласие — царь созвал Собор и предложил поставить в патриархи митрополита Иова. На это предложение отцы Собора смиренно ответили, что они полагаются на волю государя, и «по избранию и повелению великого Государя»

---

[1] *Кузнецов Н. Д.* Преобразования в Русской Церкви. Рассмотрение вопроса по официальным документам и в связи с потребностями жизни. М., 1906. С. 29—33.

[2] И в Болгарии и в Сербии государи, принимая титул императоров, в то же время учреждали у себя патриаршество, невзирая на противодействие Вселенского Патриаршего престола.

патриарх Иеремия поставил патриархом Московским Святителя Иону. «Характерно для московского теократического строя, — пишет по этому поводу проф. А. В. Карташев, — что все дело о патриаршестве ведется целиком государственной властью в ее интересах и ее вдохновением. И быть может еще характернее, что иерархия не только считает это не обидным для себя, но искренне отказывается от всякой активности и целиком доверяется царской воле...» [1].

Характер взаимных отношений светской и церковной власти в допетровской России вызывал и продолжает вызывать у историков противоречивые суждения, одно из которых высказано профессором Н. Ф. Каптеревым. «...Патриаршество, — писал Каптерев, — не внесло в тогдашнюю церковную жизнь ничего нового, живого, возвышающего и просветляющего ее. Оно даже совсем не имело корней в общецерковной почве, так как своим появлением на свет обязано было не церковному собору, на котором бы были представители всей церкви: архипастыри, пастыри и пасомые, не религиозно-церковным запросам и требованиями всего общества, а только царской власти, которая учредила у нас патриаршество по политическим мотивам, сама избирала и низводила патриархов, зависевших от нее во всем и всецело. О возможности существования какого-то самостоятельного, независимого от светской власти, по собственной инициативе действующего и распоряжающегося патриарха, свободно и без помехи проводящего в общественную жизнь свои христианско-церковные идеалы, древняя Русь даже и не подозревала. (...) Точно так же и епархиальные архиереи патриаршего периода были ставленниками только светской власти, от которой они всегда и во всем зависели: ни местное духовенство, ни паства, как бы следовало, в их выборе на кафедру не принимали никакого участия; им присылали архиереев сверху и они их принимали и подчинялись им, как принимали и подчинялись царским воеводам, не находя особой, заметной разницы в характере власти архиерея и воеводы: тот управлял одним, а этот другим, но оба управляли одинаково, при помощи совершенно одинаковых чиновников и по одинаковой системе». «Таким образом оказывается, — заключает свое исследование профессор Н. Ф. Каптерев, — что списывать церковные порядки с древней патриаршей Руси, восстановлять их, в видах улучшения и возвышения религиозной жизни современного общества, нам не приходится, так как в этом случае скорее бы получилось ухудшение, чем улучшение» [2].

Церковная реформа императора Петра I явилась, таким образом, продолжением политики его предшественников (в смысле подчинения духовной власти интересам государства). Правда, сам царь Петр и его наследники воспитывались совершенно иначе, чем московские государи, а послепетровская Россия находилась под сильным западным влиянием, которого не знала Русь Московская. И после смерти Петра всероссийские императоры продолжали

---

[1] *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 2. С. 27.

[2] *Каптерев Н. Ф.* Власть патриаршая и архиерейская в древней Руси в их отношении к власти царской и к духовенству // Богословский вестник. Т. 2. М., 1905. С. 62—63.

строить свои отношения с Церковью на основе сложившейся в России «симфонии» светской и духовной власти. Вместе с тем, петровская реформа, по справедливому замечанию профессора А. В. Карташева, помимо создания новой канонически дефективной [1] формы церковного управления, декларировала примат государственного авторитета над властью церковной. Установился «западнический, секулярный, антитеократический дух деспотического преобладания государства над Церковью» [2].

Церковное сознание не примирилось с государственным пленением Церкви. В долгой истории борьбы Церкви против подчинения государству особое место занимает вторая половина XIX в. Именно с этого времени движение за преобразование системы церковного управления на соборных, канонических началах приобретает реальные социальные основания. В общественной жизни происходят глубокие сдвиги, связанные с отменой крепостного права и другими реформами 1860—1870-х гг. Расширяется свобода слова, возникают органы местного самоуправления, независимые от администрации суды и адвокатура, общество получает возможность более свободно обсуждать волнующие его вопросы. Вместе с тем, социальные сдвиги носили отнюдь не только позитивный характер: потрясение традиционного миропорядка отозвалось в России тех лет острым духовно-нравственным кризисом. Тысячи людей оказались лишенными прежних моральных ориентиров, в городах быстро росла «индустрия развлечений» (азартные игры, кабаки, низкопробные зрелища), резко увеличилось количество самоубийств. Серьезную угрозу представляло и падение религиозности крестьянства, составлявшего в глазах властей важнейшую опору «старого порядка». Общество остро нуждалось в свободном и авторитетном пастырском голосе Церкви, но Церковь, говоря словами Ф. М. Достоевского, находилась «в параличе», в слишком тесных объятиях государства.

Нельзя сказать, что власти не видели серьезности проблем и не пытались отреагировать на них в своей церковной политике, однако делалось это зачастую не церковным, а бюрократическим путем [3]. Так, в 1862 г. была введена выборность благочинных, но их статус не был пересмотрен, и они остались всего лишь исполнительными органами епископа для надзора за епархией. Предпринятая мера, таким образом, фактически потеряла смысл. С 1864 г. в приходах открывались церковные попечительства и братства — союзы клириков и мирян с просветительскими, миссионерскими и благотворительными целями. Но попечительства не получили права распоряжаться церковными доходами и приходскими суммами и не улучшили материальное

---

[1] Дефективность эта заключалась не в отмене патриаршества, а *в упразднении соборности управления*. В начавшемся со времен Петра т. н. Синодальном периоде не было созвано ни одного церковного Собора.

[2] *Карташев А. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 311—312.

[3] См. об этом подробнее в книге: *Римский С. В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Материалы по истории Церкви. Кн. 26). М., 1999.

положение духовенства, постоянно требуя в то же время расширения своих прав [1].

Важное место среди церковных проблем занимал вопрос возрождения прихода как основной ячейки церковного организма. Однако предпринятые в эпоху 1860-х гг. неловкие новации светского чиновничества, пронизанные желанием облагодетельствовать Церковь «извне», оказались мертворожденными и фактически были обречены на провал. В «духовном ведомстве» продолжала углубляться «мертвенность» прихода, усиливалась пассивность мирян, их разобщенность с клиром, что тяжело отразилось на положении Церкви в эпоху революционных потрясений.

Еще одной проблемой церковной жизни этого времени явилась сословная замкнутость духовенства, ликвидация которой была необходима для преодоления трагического разрыва между пастырем и паствой. Официально упразднив сословные ограничения (в 1867 г. — отменена передача приходов по наследству, в 1869 г. — допущено отчисление детей клириков из духовного звания), власти, тем не менее, не обеспечили пенсиями заштатных священников, вдов и сирот духовенства, в связи с чем принятые меры так и осталась на бумаге.

Реальные пути укрепления общественного авторитета Церкви открывали не бюрократические маневры светского чиновничества, а преобразования в духе соборности, независимости Церкви от государства.

Освобождение Церкви из-под опеки государства поддерживалось в конце XIX в. представителями самых разных общественных течений. «Задача Церкви, — писала в 1881 г. популярная газета «Церковно-общественный вестник», — нравственное возрождение человечества, и в этом отношении следует возвратить ей всю необходимую свободу действия... Собственный интерес государства требует наивозможно большей действенности средств нравственного развития человечества, находящихся в распоряжении Церкви, а это возможно только при полной свободе Церкви, при независимости от стесняющих ее пут бюрократии».

Либеральная и славянофильская пресса выдвинула программу, включавшую децентрализацию структуры церковного управления, передачу власти на всех уровнях соборным органам, участие в них мирян, восстановление выборности священников, а в дальнейшем — и архиереев [2]. Один из наиболее продуманных проектов предлагался в серии статей протоиерея А. М. Иванцова-Платонова «О русском церковном управлении» в газете «Русь» в 1882 г. Однако в условиях самодержавного режима государственный контроль над Церковью оставался неизменным, поэтому реальные возможности для его ликвидации открылись лишь в начале XX в. в связи с движением за политические реформы.

---

[1] *Папков А* Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя-Освободителя. СПб., 1902. С. 147—164.

[2] См.: Мнения печати по церковным вопросам // Церковно-общественный вестник. 1881. № 5, 6, 12, 29.

Нельзя, конечно, сказать, что эпоха 1860-х гг. прошла для Церкви бесследно. В эти годы было принято немало полезных мер, создавших базу для последующих церковных реформ (характерно, что многие епископы в своих «Отзывах» призывали возродить многие нововведения 1860-х гг.). Возникла разветвленная сеть церковных периодических изданий, клирикам (особенно в начале 1880-х гг.) разрешалось проповедовать без предварительной цензуры, свободно печататься в светской прессе [1]. Поощрялись сближение духовно-учебных заведений с миром, приток в них воспитанников из других сословий, самоуправление преподавательских корпораций, свободное научное творчество. Приходское духовенство, на которое частично было возложено обеспечение духовных училищ, получило право собираться на окружные и епархиальные съезды [2].

И все же большинство реформ 1860-х гг., несмотря на их явное соответствие требованиям времени, так и не вошло в то время прочно в жизнь Церкви. В руках государственной бюрократии внешне «либеральные» принципы нередко служили орудием дальнейшего подчинения Церкви светской власти. Даже расширение прав преподавателей и приходского духовенства вводилось не столько для «раскрепощения» Церкви, сколько для ограничения самостоятельности епископов и укрепления позиций государственных чиновников.

Особенно преуспел в этом граф Д. А. Толстой, глава духовного ведомства в 1865—1880 г. «Я смотрю на духовенство... — излагал свои принципы Толстой, — не более, не менее, как на силу, которая должна находиться в подчинении правительству и которою умное правительство может искусно пользоваться для своих целей» [3]. Патологически враждебный всему, что выходило за рамки канцелярии, Толстой подозревал каждого архиерея в тайном желании «сделаться папой» и «подчинить государство Церкви». В свою очередь, и архиереи отплатили Толстому неприязнью, провалив в 1870-е гг. предложенную им реформу духовного суда [4].

В подобной обстановке новый обер-прокурор К. П. Победоносцев, пришедший к власти под флагом свертывания реформ и ограничения либеральных начал в 1880 г., получил практически полную поддержку со стороны епископата. Обер-прокурорство Победоносцева, составившее целую эпоху в жизни Церкви и государства (1880—1905), явилось непосредственным преддверием движения за церковные реформы начала XX века. Поэтому на событиях указанного времени следует остановиться подробнее. С «внешней» точки зрения положение Церкви значительно укрепилось: она выдвинулась на первый план в официальной государственной доктрине и стала важной частью образа самодержавия, складывавшегося в конце XIX в. при императоре Александ-

---

[1] *Freeze G.* Parish Clergy in Nineteenth Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983. P. 196, 335, 220—221, 239—243, 317—318.

[2] *Титлинов Б. В.* Духовная школа в России. Вып. II. Вильна, 1909. С. 337, 368, 382—395, 411—417.

[3] *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. Л., 1929. С.169.

[4] *Freeze G.* Op. cit. P. 401—404.

ре III и в начале XX в. при Николае II. В целях официальной пропаганды использовали реставрацию древних святынь, строительство новых храмов в «древнерусском стиле», юбилейные церковно-общественные торжества: 1000-летие со дня кончины св. Мефодия, 900-летие крещения Руси и др. Духовные власти при поддержке государства получили в свои руки надежное, казалось бы, оружие для борьбы с антицерковными течениями. Были запрещены театральные представления в Великий пост (1881), ведение питейной торговли и строительство мирских зданий вблизи храмов и монастырей (1885, 1886, 1887). Вводились дополнительные торжественные вечерни по воскресным и праздничным дням (1889), хозяевам промышленных предприятий запретили требовать работы от православных в эти дни (1893). В гимназиях расширилось преподавание церковно-славянского языка и Закона Божия. Духовные власти вмешивались в деятельность светской цензуры и бдительно надзирали за литературно-художественной жизнью страны.

С первого дня своей деятельности Победоносцев начал разукрупнение приходов и расширение состава причтов, сокращавшихся в 1870-е годы. В результате этих мер число священнослужителей выросло за 1881—1894 гг. на 20%, достигнув 56 900, а численность черного духовенства увеличилась на 60,8% — с 27 700 до 45 500. Ежегодно в России 1880-х открывалось около 250 храмов и 10 монастырей. Особенно внушителен был рост церковных школ для народа. Количество таких школ в 1881—1894 гг. увеличилось в 7 раз, достигнув 31 835. Число учащихся в этих школах возросло в 10 раз (со 105 317 до 981 076), размер казенных ассигнований на них — в 40 раз (с 17 000 до 657 200 руб.) [1].

В то же время, непрерывно наращивая дотации Синоду, правительство уменьшило финансирование начальных школ Министерства народного просвещения настолько, что их открытие практически прекратилось. Местным учебным начальствам предписывалось содействовать учреждению церковных школ. В 1884 г. были приняты особые «Правила о церковно-приходских школах», полностью выводившие эти училища из ведения светской администрации и подчинявшие их Синоду. Несколько раз в 1880—1890-е гг. в правительстве ставился вопрос о передаче духовному ведомству всех народных школ.

Все эти меры на первый взгляд должны были прочно утвердить в обществе авторитет церковно-государственной «симфонии». «Это была эпоха великого оживления церковной жизни во всех ее сторонах и проявлениях... — писалось в конце XIX в. в официальном «Обзоре деятельности ведомства пра-

---

[1] Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901 (далее — Обзор). С. 152—155, 68—69, 405—410, 700, 710.

Количественный рост церковных школ продолжался до 1903 г.: к этому времени их стало 44 421 с 1 909 684 учащимися, они составляли половину всех начальных училищ империи и охватывали треть всех детей-школьников. Размер казенных ассигнований на церковные школы вырос к 1903 г. в 600 раз — до 10 341 916 руб. (Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884—1909). СПб., 1909. Приложение. С. 14—15, 21).

вославного исповедания за время царствования императора Александра III». Царь «молился единою молитвою с народом и в этом духовном единении почерпал для своей души тот нравственный мир, который сказывался непреоборимо-твердой силой во всех ее начинаниях» [1]. Нарисованная официальным изданием картина, однако, мало соответствовала действительности. Режим 1880—1890-х гг. оказался, по существу, очередной формой «внешнего» попечения о Церкви, столь же бесплодной, как и все предыдущие. Выступив в роли «внешнего» попечителя, Победоносцев должен был опираться на какой-то один, определенный слой духовенства, повторив путь прежних обер-прокуроров — мастеров политики «разделяй и властвуй».

Именно архиереи казались К. П. Победоносцеву на первых порах единственной надежной опорой охранительного курса, и он принял ряд мер для расширения их прав. По почину обер-прокурора после двухвекового перерыва возродились архиерейские съезды, прежде рассматривавшиеся как недопустимая угроза прерогативам государства. В марте 1881 г. выборность благочинных была заменена назначением, собрания духовенства ставились под жесткий контроль правящего епископа. Согласно духовно-учебным уставам 1884 г. отменялись выборы учебных начальств (в семинариях эта мера коснулась и преподавательского состава), расширялись прерогативы ректора и власть архиерея над духовной школой [2]. Уверенность Победоносцева и его ближайших сотрудников в необходимости подобных мероприятий была основана также на мнении о том, что приходскому духовенству для успешной деятельности достаточно простоты и смирения, понимаемых как безоговорочное подчинение епархиальному начальству.

В начале 1880-х гг. власти предприняли попытку радикально «опростить» облик клира — привлечь в его состав начетчиков-простолюдинов, решив тем самым раз и навсегда его материальные проблемы и устранив возможность «препираться» с начальством. «Вместо бесплодного пересыпания религиозных понятий, стремления следить за современными идеями и развитием богословствующей мысли, — писал о начетчиках епископ Дмитровский Амвросий (Ключарев) в составленной по поручению обер-прокурора записке (1880), — они будут отличаться практическими подвигами благочестия... Не охлажденные рационализмом школы, они будут ревнителями церковных уставов и блюстителями дорогой для народа церковной обрядности» [3]. «Пастырь Церкви нарушит свой долг, — говорилось в указе Синода 1881 г. — если в своей проповеди выступит судьей общественных дел и явлений не по разуму Богопреданного учения, хранимого Церковью, а по мудрствованию человеческому, по духу своего века». Священники, в чьих проповедях усматривалось не-

---

[1] Обзор. С. 1.

[2] Обзор. С. 429, 430, 476—490, 571—572, 648. Отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1887 г. (далее — Отчет). СПб., 1889. С. 200.

[3] Цит. по: *Савва (Тихомиров), архиепископ.* Хроника моей жизни. Т. VI. Сергиев Посад, 1906. С. 304.

что сомнительное, были обязаны предъявлять их начальству для предварительного просмотра [1].

Мотив «близости к простому народу» был любимой идеей и самого Победоносцева. Русские священники, подчеркивал обер-прокурор, «из народа вышли и от него не отделяются ни в житейском быту, ни в добродетелях, ни в самых недостатках, с народом и стоят и падают... Избави нас Боже дождаться той поры, когда наши пастыри... станут князьями посреди людей своих, в обстановке светского человека, в усложнении потребностей и желаний посреди народной скудости и простоты» [2].

Подосновой «опростительских» планов, нацеленных на сближение пастыря с паствой, была идеализация народной религиозности, нежелание замечать далеко зашедший процесс ее разложения. В духовном ведомстве при Победоносцеве утвердился жесткий дисциплинарный режим; клириков, не соглашавшихся с «опростительским» курсом и пытавшихся отстаивать свои права перед лицом начальства, ждала скорая и решительная кара. «С молодыми либеральными батюшками тогда не стеснялись... — вспоминал о 1880—1890-х гг. митрополит Евлогий (Георгиевский). — Многие оказались со сломанными душами, случалось, попадали под суд и, не выдержав тяжелых испытаний, кончали идеалисты пьяницами, погибали» [3].

Неизбежным следствием подобной политики были настроения пассивности и безразличия среди духовенства. Власти тщетно пытались «сломать» эту пассивность приказами, постоянно *предписывая* духовенству *вдохновение* при богослужении, образцовое поведение в быту и др. Результаты преподания таких инструкций были незначительны. «Много тяжкого, — писал в 1885 г. Победоносцев своему близкому другу С. А. Рачинскому, — в инерции или даже в глухом противодействии нашей духовной среды и Боже! какие крепкие нервы нужно иметь и сколько терпения, чтобы в ней вращаться и действовать» [4].

Из истории известно, что общее направление действий церковного руководства и отношение к Церкви гражданских властей, как правило, немедленно отражается на положении духовной школы и богословской науки. Излишне говорить, что курс на «опростительство» пагубно повлиял на состояние духовно-учебных заведений конца XIX века. С начала 1880-х гг. тщательная богословская подготовка пастырей стала казаться начальству источником «опасности» и даже неким «излишеством», не оправданным условиями реальной жизни. В духовной школе уменьшалось число «светских» предметов. В академиях большинство учебных курсов стало обязательным для всех студентов, так что время для самостоятельной научной работы ограничилось. Диспут при защите магистерских диссертаций заменялся коллоквиумом без участия по-

---

[1] Обзор. С. 431—434.

[2] *Победоносцев К. П.* Московский сборник М., 1896. С. 214.

[3] *Евлогий (Георгиевский), митрополит* Путь моей жизни. М., 1994. С. 34.

[4] *Никанор (Бровкович), архиепископ.* Записки присутствующего в Святейшем Всероссийском Правительствующем Синоде // Русский архив. 1906. № 8. С. 512.

сторонних. Докторские степени присуждались вовсе без защиты. С 1887 г. штат студентов-богословов был ограничен в соответствии с потребностью духовно-учебного ведомства в наставниках, в связи с чем число учащихся в академиях сократилось за 1883—1889 гг. на треть (с 1127 до 765).

В некоторых семинариях и духовных училищах под влиянием *утилитарно-прикладных установок* возобновилось преподавание иконописания, медицины, агрономии. Усилилась сословная замкнутость духовной школы: вольнослушатели допускались в академии лишь в виде исключения, а своекоштные студенты — только при условии проживания в общежитии. Усложнялся доступ в семинарии лиц, не принадлежавших к духовному сословию. Повседневная жизнь воспитанников проходила под строгим надзором: запрещалось самовольно отлучаться из общежития, участвовать в публичных чествованиях общественных деятелей, собирать сходки, читать «неблагонадежную» с точки зрения начальства литературу, в число которой попали почти все периодические издания [1]. Основами церковной проповеди провозглашались простота, опора на традиции, отдаленность от злобы дня. Характерно, что сам Победоносцев с большим недоверием относился ко всякому яркому деятелю в церковной среде, включая убежденных консерваторов — протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского), архимандрита (впоследствии митрополита) Антония (Храповицкого) и некоторых других.

Каков же был итог церковной политики государства к началу XX столетия? Меры по ограждению духовной школы от современности оказались, по сути, бесплодными, что подтверждают «Отзывы епископов» 1905 г. Эти попытки были сродни желанию вычерпать море решетом: обер-прокурору приходилось постоянно напоминать учебным властям о необходимости строгого надзора за воспитанниками. «Нередко случалось, — констатировал Победоносцев в 1890 г., — что то же развращающее чтение, которое запретным своим свойством привлекало воспитанников, составляло в то же время любимую духовную пищу... у самих начальников и преподавателей» [2]. Когда в академиях и семинариях сокращалась выписка периодики, учащиеся заводили тайную библиотеку, начинали издавать рукописный журнал. Несмотря на преследования, такие «кружки самообразования» возрождались каждые несколько лет. Их руководителей (по признанию администрации, самых способных и прилежных студентов) приходилось исключать из учебных заведений, высылать на родину, отдавать под надзор полиции. Духовная власть, таким образом, сама рубила сук, на котором сидела, а в семинарской среде неизбежно возникали «бунтарские» настроения [3].

Насаждаемая государством в духовной школе политика *принудительной* церковности давала, как правило, обратный эффект. «Нельзя молиться по

---

[1] Обзор. С. 491—511, 559—567, 572—574, 591—621.

[2] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА), ф. 797, оп. 60, отд. 1, ст. 2, д. 63, л. 11.

[3] См. об этом, например, в статье: *Леонтьева Т. Г.* Вера и бунт: духовенство в революционном обществе в России в начале XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 29—44.

приказу, из-под палки, в продолжение четырех часов, — писал преподаватель семинарии С. Любимов. — Воспитанник стоит и проклинает все. Я никогда нигде не слышал более страшных проклятий, чем за семинарской службой» [1].

Озлобление учащихся обращалось не только против учебных начальств и Церкви, но и против всего государственного порядка, о чем говорили непрерывные волнения в семинариях; обер-прокурор отмечал в 1890 г., что почти во всех делах о политических заговорах было зафиксировано участие семинаристов [2], а в начале XX в. выступления воспитанников семинарий и академий приняли массовый характер.

Намеченная Победоносцевым реформа приходского клира, доведенная до логического финала, понизила бы духовный, интеллектуальный облик священников до уровня основной массы мирян и, по сути, привела бы к отказу от пастырской роли Церкви. В политике властей, — замечал один из архиереев еще в 1880 г., — звучит «неладная нота: ни к чему заботиться о духе, была бы соблюдена форма в деле удовлетворения религиозных потребностей нашего темного народа» [3]. Курс на «опрощение» был симптомом глубокого кризиса самодержавной государственности: он подразумевал возвращение даже не к дореформенным, а к допетровским временам и предполагал отказ от важнейшей государственной традиции времен империи — опоры на просвещение. Это стало проявляться и в церковной печати, содержание многих статей, прошедших жесткую цензуру, зачастую сводилось к простой назидательности.

Еще менее успешными оказались меры по отношению к светскому обществу. Эта проблематика также нашла отражение в «Отзывах», но еще более оживленно она обсуждалась в прессе в связи с вопросами о церковном суде, о семье и браке. Стремление точно соблюсти многочисленные стеснения и ограничения в сфере брачного права и, прежде всего, бракоразводного процесса привело некоторых современников к мысли, что такое «охранение правил», в конечном счете, способствует падению прочности семейной жизни, росту проституции, увеличению числа внебрачных детей и незаконных сожительств [4].

Бюрократизм духовного ведомства мешал широкому развитию движения церковных братств, не удалось нормализовать и отношения между пастырями и паствой на уровне прихода: миряне по-прежнему были лишены права распоряжаться церковным имуществом, влиять на выбор клира и неохотно жертвовали средства на обеспечение духовенства. Не добившись оживления церковной жизни, Победоносцев в то же время спровоцировал своей политикой трения с рядом гражданских ведомств, прежде всего с учебной администрацией. Чиновники Министерства народного просвещения не без основания виде-

---

[1] Духовная школа. М., 1906. С. 82.

[2] РГИА, ф. 797, оп. 60, отд. 1, ст. 2, д. 63, л. 11.

[3] РГИА, ф. 797, оп. 50, отд. 3, ст. 5, д. 182, ч. II, л. 208—208об.

[4] *Розанов В. В.* Семейный вопрос в России. Т. 1—2. СПб., 1903.

ли в экспансии церковных школ угрозу своим позициям и исподтишка вредили духовному ведомству [1]. Без энтузиазма отнеслось к церковно-школьному замыслу и Министерство внутренних дел — уже потому, что его с 1882 г. возглавил бывший обер-прокурор Д. А. Толстой. «Попы обманывают, что имеются у них какие-либо школы, — откровенно заявлял Толстой. — Я на их школы 15 копеек не дам» [2].

В связи с тем, что Победоносцев явно благоволил черному духовенству (архиереям отошла большая часть прерогатив, отобранных у преподавательских корпораций и приходского клира, прекратился вызов священников в Синод, к руководству в духовной школе усиленно продвигались представители монашества), его нередко обвиняли в «клерикализме», называли «делегатом монахов перед правительством». Однако на деле самостоятельность высшей иерархии к концу правления Победоносцева существенно не расширилась. Предпринятые попытки возвысить роль епископата в Церкви показали обер-прокурору, что его предшественники оплетали иерархию бюрократическими формальностями отнюдь не по злой воле и не только из-за «чиновничьего недомыслия». Ощутив некоторое увеличение своего влияния, архиереи начали затяжную борьбу с гражданским начальством за верховенство на местах, чем доставили немало хлопот обер-прокурору. Епископы, кроме того, потребовали реального расширения своих прав по управлению епархиями, а Победоносцев все-таки был не «Никоном в вицмундире», а государственным чиновником, и поступиться прерогативами светской власти он не мог.

Наконец, архиереи, соединяя в своих руках административную власть с судебной, крайне неохотно официально наказывали клириков, виновных в конфликтах с прихожанами (чтобы не создавать впечатления о неблагополучии своей епархии). Это мешало бороться против распространенных пороков духовенства — пьянства, вымогательства и др. В результате обер-прокурору приходилось все больше и больше ужесточать контроль за местным епархиальным управлением, действуя через консисторских чиновников. Епископов непрерывно перемещали из епархии в епархию, причем зачастую на значительные расстояния: так, в 1882 г. на Кишиневскую кафедру был переведен архиерей из Казани, на его место поставлен рязанский преосвященный, на место последнего — симбирский. Из 49 епархиальных архиереев, перемещенных в 1881—1894 гг., 8 были переведены по два, и 8 — по три раза. В среднем за год перемещалось по 3 епархиальных архиерея и по 3 викарных епископа, 4 викария получали назначения на самостоятельную кафедру; срок пребывания епархиального архиерея на одной кафедре ограничивался в среднем 5 годами [3].

---

[1] Эти застарелые обиды дали о себе знать практически сразу после падения самодержавия в России и установления власти Временного правительства.

[2] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 631. Письма к С. А. Рачинскому. Апрель—июнь 1885 г. Л. 177об.

[3] *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев, Святейший Синод и архиереи в 1881—1894 гг. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1994. № 4.

В рамках высшего церковного управления — Святейшего Синода — Победоносцев сохранил и даже ужесточил традиционную практику обер-прокурорского манипулирования. «Главное назначение присутствующих в Синоде — это подписывать, — вспоминал один из крупных иерархов победоносцевской эпохи, лично близкий к обер-прокурору архиепископ Херсонский Никанор (Бровкович). — Синодальных протоколов и журналов приносят по домам множество, и все их приходится подписывать; согласен ли ты с их содержанием или нет, об этом никому не нужно знать, а все-таки требуется: "подписать"» [1].

Вызванные в Синод архиереи в среднем находились здесь около полутора лет, но с 1888 г. на летние месяцы их стали увольнять в епархии, вызывая на этот срок других епископов, прозванных «статистами». «Вот этим-то статистам, — писал управляющий синодальной библиотекой А. Н. Львов, — предлагают подписать угодное чиновникам решение по тому делу, по которому уже состоялось действительное определение Синода... Те, понятно, подписывают, и вот иногда митрополиты, помнящие, как они решали известное дело, получают указ, где говорится, что... Синод определил по этому поводу совсем другое» [2]. Сам обер-прокурор, видимо, искренне считал, что заботится таким образом о благе Церкви, но среди епископата его действия со временем стали вызывать острейшее раздражение, вылившееся в 1905 г. в резкое выступление против обер-прокурорского надзора.

Еще одной важной застарелой проблемой синодального строя Российской Церкви, с которой пришлось столкнуться Победоносцеву, была проблема свободы совести и веротерпимости. Ее обострение было связано с последствиями реформ 1860—1870-х гг.

Бурный рост капитализма и крушение старых социальных структур создали в эти годы серьезную угрозу традиционному статусу Православной Церкви — укреплялось старообрядчество, росли движения протестантского (баптистского) толка (штундизм в Новороссии, на Украине и Северном Кавказе, «пашковщина» в Петербурге и нечерноземных губерниях) [3] Осложнилась ситуация и в районах с нерусским населением — Прибалтике, на востоке Польши (Холмский край), в Поволжье, Приуралье и Забайкалье. Здесь было немало очагов религиозных конфликтов, где власти, не желая раздражать население, закрывали глаза на отпадение приписанных к православию «иноверцев» в прежнюю веру. С начала 1880-х гг., под влиянием консервативных веяний происходит отход правительства от этого курса в сторону ужесточения вероисповедной политики. Вопрос о судьбе инославия остро волновал

---

[1] *Никанор (Бровкович), архиепископ* Записки... // Русский архив. 1906. № 8. С. 505.

[2] *Львов А. Н.* Князья церкви // Красный архив. 1930. № 2. С. 114—115.

[3] См.: *Мельгунов С. П.* Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в. М., 1919; *Бонч-Бруевич В. Д.* Из мира сектантов. М., 1922; *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России. М., 1965.

общество в конце XIX в., причем большинство общественных деятелей отстаивало принцип свободы совести [1].

Наиболее активно выступал в этом духе Владимир Соловьев, видевший в прекращении религиозных стеснений ключ к нравственному оздоровлению России, решению ее экономических, социальных и политических проблем. Иначе полагали некоторые представители иерархии и духовенства, а также значительная часть синодального чиновничества. Последние рассматривали инославие как угрозу духовному единству России и плод иностранного подстрекательства, с которыми необходимо бороться через стеснение свободы совести. «Это зло, — заявлял о штунде в 1882 г. экзарх Грузии, — не церковное только, но и политическое, народное... В народной массе, заражаемой штундизмом, готовятся враги России и пособники протестантской Германии» [2].

Под влиянием подобных установок инославие подверглось репрессиям, которые затронули старообрядчество, сектантство и другие неправославные исповедания на окраинах. Правда, в вопросе о свободе совести и веротерпимости — как и в области внутрицерковного устройства — позиция высших иерархов пережила в 1880—1905 г. примечательную эволюцию: практически никто из епископов в начале XX в., затрагивая проблему иноверия, в своих отзывах не высказался за сохранение старой системы принуждений.

Но к этим выверенным решениям духовные власти подошли далеко не сразу. Выступая за расширение веротерпимости, многие епископы одновременно выдвигали практически невыполнимое требование недопущения иноверной пропаганды как со стороны российских религиозных инославных деятелей, так и со стороны «заезжих миссионеров». И все же движение и государства, и Церкви к принципу свободы совести стало с начала XX в. неуклонным, что было вызвано сознанием бесполезности и даже вреда принуждений в религиозной сфере.

Осознанию этой истины предшествовал долгий и горький опыт тщетных попыток светских властей совместить государственное принуждение с религиозным «вразумлением». В рамках подобной политики органы администрации должны были взять на себя «оборону» Церкви (пресечь возможные насилия «иноверцев», обеспечить условия для проповеди). На деле такой симбиоз оказался нереальным: имея возможность в любой момент обратиться в полицию, священники и миссионеры порой не утруждали себя духовной работой. Это было заметно в конце XIX в. и в Прибалтике, и в Холмском крае, и в других районах. «Многие несут наказания от судов и высылаются административным порядком... — писал в 1893 г. Победоносцев архиепископу Полтавскому Илариону по поводу штунды. — Но эти меры составляют лишь вспомогательное средство... Главное лекарство против штунды надо искать в

---

[1] В этом смысле в конце XIX в. выступала практически единодушно печать как либерального (газеты «Порядок», «Неделя», «Новости», «Страна», «Русские ведомости», «Голос», журнал «Вестник Европы»), так и славянофильского («Русь», «Современные известия») толка.

[2] РГИА, ф. 797, оп. 54, отд. 2, ст. 3, д. 63а, л. 384об—385.

Церкви. К сожалению, однако, во всех почти епархиальных донесениях о штунде пишется о формальных увещеваниях да об административных мерах, но не видно исследования о том, каков священник в приходе и как он действует» [1].

Итоги неверной принудительной политики по отношению к инославию были весьма прискорбными. В Прибалтике пришлось заводить уголовное дело на каждого пастора, исполнявшего требы для формально приписанных к православию (а таких, по данным властей, числилось свыше 10 тыс. человек). Таким образом, к 1892 г. из 141 пасторов Лифляндской губернии 90 состояли под судом [2].

В Холмском крае бывших униатов за неисполнение православных обрядов штрафовали, сажали под арест, продавали за неуплату штрафов имущество, наиболее упорных высылали во внутреннюю Россию. Вследствие этого на западных рубежах империи складывался контингент недовольных, озлобленных политикой правительства людей, которые после объявления свободы совести в апреле 1905 г. массами перешли в католичество [3].

Хотя правительство всеми мерами пыталось закрепить первенство православного исповедания, курс этот наталкивался на объективные преграды — большую роль местных национальных элит в социальной жизни и администрации окраин, государственное узаконение «иноверных» конфессий. В Прибалтике на страже прерогатив лютеранства стояли немецкие дворяне, и хотя правительство в 1880-е гг. сильно ограничило их традиционные привилегии, — коснуться основы дворянского влияния — землевладения — оно не могло.

В польских землях властям приходилось действовать через местное чиновничество, состоявшее, по словам Победоносцева, «из поляков или из русских, принявших польскую окраску». Для востока империи реакционно-охранительная пресса и церковные власти наметили масштабную программу переустройств (ликвидация духовных управлений мусульман Поволжья и Приуралья, ламаитов Забайкалья, сокращение числа мулл, мечетей и ламаитских монастырей-дацанов, ограничение участия иноверцев в сельском и родовом самоуправлении), однако реализовать удалось лишь некоторые из названных мер.

Все чаще миссионерские устремления поддерживаемого государством духовного ведомства сползали к голому административному принуждению: полиция и сельские власти избивали штундистов, земские начальники штрафовали их и сажали под арест, губернские власти — высылали в отдаленные местности. Подобные меры вызывали шумный резонанс в России и за рубежом, широко использовались левыми в антиправительственной пропаганде,

---

[1] Письма К. П. Победоносцева преосвященному Илариону, архиепископу Полтавскому // Русский архив. 1916. № 1—6. С. 153.

[2] РГИА, ф. 797, оп. 60, отд. 2, ст. 3, д. 386, л. 79об.

[3] По официальным данным, в западных губерниях за 1905—1907 гг. в католичество отпала 171 тысяча человек. (Отчет. 1905—1907. С. 29.)

переключали религиозные движения в русло социального и политического протеста, отталкивали от правительства многих вполне лояльных и консервативных людей.

Следует заметить, что гражданские власти в 1880-е гг. далеко не сразу подключились к политике религиозных гонений, которая явно шла вразрез со сложившимся в России общественным и административным строем. Светская администрация отвечала перед своим начальством отнюдь не за вероисповедную чистоту края, а за спокойствие и порядок на местах, и поэтому боялась спровоцировать общественные волнения вмешательством в религиозную жизнь. Типичной была позиция одного из южнорусских губернаторов: он отказался высылать последователей штунды, заявив, что «никакого преступления эти штундисты не сделали — живут они тихо, платят повинности, повинуются властям и потому пусть остаются» [1].

Однако к середине 1880-х гг., состав местной администрации усилиями Победоносцева удалось значительно изменить. Но тогда преградой на пути религиозных гонений оказался Сенат, призванный блюсти формальную законность. Он протестовал против «растяжимого» толкования местными властями законов о вероисповедных преступлениях: требовал не инкриминировать прибалтийским пасторам совращений из православия, не разлучать супругов — бывших униатов, заключивших брак в костеле (закон карал только за неисполнение православных обрядов крещения и погребения). При наказании штундистов Сенат требовал точно установить факт общественного богомоления и принадлежность сектантов именно к штунде (что было нелегко, ведь по вероучению штундизм фактически был баптизмом, а тот являлся признанным в России исповеданием) [2]. И хотя власти всегда находили возможность обойти решения Сената и наказать инаковерующих административным путем, все же война между духовным и судебным ведомствами вносила разлад в работу государственного аппарата империи, способствовала его разрушению изнутри. Добавим, что светские власти, раздражая и озлобляя своими гонениями сектантов, по сути своей были бессильны справиться с ними: находившиеся в их руках средства были слишком грубы, чтобы ухватить столь зыбкую и нематериальную субстанцию, как религиозное инакомыслие. Так, например, когда вышло распоряжение изъять из воинских частей «пашковскую» литературу, начальство тифлисского гарнизона, не мудрствуя лукаво, запретило низшим чинам читать какие бы то ни было религиозные издания. Полиция южнороссийских губерний, в которых распространялся штундизм, стала арестовывать всех крестьян, замеченных в хорошем знании Библии, имевших дома Евангелие и религиозную литературу (даже синодального издания) [3]. Сбылось предсказание, сделанное еще в 1860-е гг. М. Н. Катковым: «Успешно проти-

---

[1] РГИА, ф. 797, оп. 59, отд. 2, ст. 3, д. 196, л. 11об—12.

[2] См.: *Кони А. Ф.* Униатские дела. Штундисты. Пасторские дела // *Кони А. Ф.* На жизненном пути. Т. I. М., 1913. С. 572—654.

[3] РГИА, ф. 797, оп. 54, отд. 2, ст. 3, д. 63а, л. 116об, 120—120об; *Кони А. Ф.* Штундисты. С. 620—621.

водействовать ереси или расколу может только сама же Церковь... Система религиозных гонений — это значит Церковь, вооруженная и организованная, как государство... Никакое правительство в настоящее время не может стать органом религиозных преследований» [1].

Осознание этой истины побудило церковное руководство в начале XX в. выступить за отказ от религиозных гонений и пересмотр отношений Церкви с государством. Тем не менее возможность примирения различных точек зрения по вопросу о веротерпимости (и в частности, перестройка отношений с инославием и иноверием) в относительно мирной обстановке была к этому времени в значительной степени упущена.

Нарождавшееся в России секулярное (т. н. «гражданское») общество, равно как и задачи внутренней миссии, требовали наиболее гибких и многообразных форм пастырской деятельности. Однако укрепленная курсом на «опростительство» и архиерейским произволом [2] инертность и несамостоятельность клира в условиях подъема общественного недовольства, социального брожения и роста атеистических настроений (особенно в радикальных кругах российской интеллигенции) вместе с разрушением народной религиозности представляла серьезную опасность для авторитета православной Церкви.

В эпоху Победоносцева церковное начальство пыталось достичь пастырского пробуждения самым разными средствами, но политика светской и духовной власти не сломила общей пассивности духовенства. Определенная часть его, как это видно из источников, оставалась безразличной к вопросу о церковных преобразованиях даже в то время, когда тема эта свободно и остро дебатировалась в церковной и светской печати. «Я и раньше думал, — писал в 1905 году в своем письме в редакцию «Русского дела» епископ Новомиргородский Димитрий, — (...) что единственное спасение России от надвигающихся на нее бед заключается в даровании св. православной русской церкви свободы от владычества чиновников-бюрократов. (...) Не сознает еще, или плохо сознает эту истину только среднее сельское, приходское духовенство,

---

[1] *Катков М Н.* О Церкви. М., 1905. С. 78—79.

[2] Одна из ярких деятелей русского религиозного возрождения М. Каллаш (псевдоним Курдюмов), размышляя о причинах архиерейского произвола, указывала, что это явление появилось в церковной жизни после того, как Церковь вплотную столкнулась с языческим миром. Соблазн власти легок, потому что для ее применения не требуется никаких внутренних качеств, кроме силы принуждения. Однако в истории христианства выпукло проявляется один закон: чем ближе становятся к верующим руководители паствы, чем выше духовно они сами, — тем ближе устанавливается их связь с пасомыми, основанная не на принуждении и страхе, а на свободной воле человека, которая своей любовью вызывает ответную любовь и добровольное послушание закону Христа. В этих случаях, в силу *закона любви*, осуществляется полнота истинной церковности. И наоборот. «Чем дальше отстоят от пасомых их официальные духовные вожди, чем формальнее их руководство, тем неизбежнее выступают на первый план все меры и приемы осужденного Христом земного господства, основанного на принуждении. Тогда дух подменивается буквой, свободное, добровольное исполнение — уставом, а истинная церковность вырождается в ведомственный надзор за внешним правоверием. Параллельно с этим изменяется и самый дух религиозного учительства». См.: *Курдюмов М.* Церковь и мир // Путь. № 59. С. 14.

воспитанное по семинарским учебникам, в которых, согласно Духовному Регламенту, доказывается, что при нынешнем синодальном управлении в русской церкви больше соборности, чем было при патриархах и всероссийских митрополитах. Поэтому предстоит труд еще много и много раз разъяснять духовенству ту истину, что современное управление в православной русской церкви не всегда согласуется с церковными канонами и что положение ее под властью чиновников крайне ненормально, а потому необходима коренная церковная реформа (...)» [1].

Однако причины молчания значительной части духовенства многие видели не только в его слабой образованности, но и в его бесправии, незащищенности, вытекавшей из несовершенств местного (епархиального) управления и, в частности, из факта отсутствия церковного суда. Так, К. Перевозников в статье «Почему молчит духовенство?» указывал, что православное духовенство в России фактически бесправнее и беззащитнее любого мужика. «У мужика, —пишет названный автор, — есть много способов хоть искать (...) удовлетворения своих обид: к его услугам и земский начальник, и уездный съезд, и уездный член суда, и окружной суд, и судебная палата, и сенат. Все это *судебные,* хотя и не всегда удовлетворительно судящие инстанции. Но кому, кроме Бога, поведает печаль свою духовенство? Кому, например, прикажете жаловаться на о. благочинного, если ему не понравится ваша физиономия и он начнет вас с достойным лучшей участи усердием теснить и преследовать? Консистории? (...) Доказывайте, сколько хотите, этому почтенному ареопагу, что вы правы (...) доводы ваши будут «оставлены без последствий». Вы можете, правда, апеллировать к епископу. Но не обольщайтесь сладкими надеждами на непременный успех! Во-первых, благочинный — одно из очей епископа — часто бывает у последнего, втирается в его доверие и потому говорит и действует безапелляционно; во-вторых, многие епископы не менее консисторий повинны в ревнивом, во что бы то ни стало оберегании своей власти; в-третьих, жалоба ваша непременно будет сдана «в консисторию на рассмотрение», а там по ней будет затребовано объяснение благочинного, которое вам не покажут и возражать на которое *не позволят*...

Если так трудно тягаться с благочинным, то что же станете делать, подпав воздействию личного усмотрения «епархиального начальства»? И жалобы в Синод нисколько тут не помогут. А между тем епископ может лишить вас и вашу семью куска хлеба, заклеймить вас званием преступника, лишить свободы заключением в монастырь, запретить священнослужение, низвести в причетники, — словом, одним взмахом пера, так часто отражающим минутное настроение пишущего, может отнять у вас все то, что вправе отнять только беспристрастный, лично не заинтересованный суд» [2].

Справедливости ради надо отметить, что в «Отзывах» епархиальных архиереев обозначилось стремление некоторых православных епископов пойти

---

[1] Цит. по: *Преображенский С. В. (составитель).* Церковная реформа. Сборник статей духовной и светской печати по вопросу о реформе. СПб., 1905. С. 34—35.

[2] Там же. С. 8

на сотрудничество со своими ближайшими помощниками — с белым приходским духовенством через допущение его к делам приходского и епархиального управления, а также — с мирянами. В особенности это проявилось в дискуссии вокруг вопроса о возможности участия клириков и мирян в Поместном Соборе.

Церковь вступила в XX век не только связанной бюрократическими путами, но и во многом отчужденной от общества, преисполненной обид на светскую власть. Кроме того, в ее внешне монолитных рядах давно уже наблюдалось глубокое внутреннее разобщение между белым и черным духовенством [1], обозначилась зияющая пропасть между епископом и рядовыми клириками, а также между сельским и более обеспеченным городским духовенством. В последние годы перед революцией, ввиду крайней политизации общества, среди духовенства обозначилось постепенно нараставшее разномыслие в политических взглядах. Все эти факторы отчетливо проявились в спорах о судьбах Российской Церкви и о путях ее реформирования, а также в подходах к разрешению многих практических вопросов, как, например, в вопросе о восстановлении патриаршества, о составе Поместного Собора и т. д.

3

Начало правительственной дискуссии по вопросу о церковных реформах было положено Указом 12 декабря 1904 г. о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка. В феврале—марте 1905 года Комитет Министров во главе с графом С. Ю. Витте рассматривал «общие вопросы веротерпимости и вопрос об отпавших от православной веры», а также вырабатывал «главные положения о правах старообрядцев и сектантов», рассматривал вопросы, «касающиеся инославных христианских и иноверных нехристианских исповеданий» [2].

По этим вопросам по инициативе графа Витте Комитет Министров выслушал выступление тогдашнего митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) (1846—1912), Первенствующего члена Св. Синода, выдающегося церковного деятеля своего времени. В преддверии появления нового закона о свободе совести митрополит Антоний представил в Комитет Министров записку «Вопросы о желательных преобразованиях в

---

[1] Даже в светской печати не раз проскальзывало характерное для многих представителей белого духовенства недоверие к монашествующим, будущая карьера которых определялась с того момента, когда их уста произносили отречение от благ жизни. «Им (монахам. — *Авт.*), — писали «Биржевые ведомости», — предоставлялось первенство в педагогии, в церкви, в консистории, в цензурных комитетах в том возрасте, который только-только не шел в разрез каноническим установлениям. Сотни, тысячи талантливых, энергичных, горящих любовью пастырства, представителей белого духовенства оставались в тени и забвении до седых волос. Старые педагоги семинарий, на своем труде поседевшие, отдавались под начало своим бывшим ученикам, — только за то, что те были монахами» // Биржевые ведомости. № 8. Март 1905.

[2] См. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству православного вероисповедания за 1905—1907 годы. СПб., 1910. С. 14—15.

постановке у нас Православной Церкви», в которой утверждалось, что в новых условиях «господствующая Церковь» под бюрократическим контролем останется беззащитной перед натиском иноверия. Выступление митрополита Антония поддержал председатель Комитета Министров граф С. Ю. Витте, отметивший мертвенность православного прихода, слабое влияние Церкви на жизнь общества и ее беспомощность в борьбе с революционными настроениями [1]. О последнем обстоятельстве напоминала недавняя драматическая история со священником Георгием Гапоном.

Записки С. Ю. Витте и митрополита Антония вызвали протест многолетнего главы духовного ведомства — обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, решительно отрицавшего факты бюрократического стеснения церковного организма. Престарелый обер-прокурор представил заинтересованным лицам свою записку, в которой, по существу, не нашел никаких желательных церковных преобразований. «Кажется, — писал обозреватель газеты «Слово» 24 марта 1905 г., — что в лице составителя этой контр-записки, поданной от имени К. П. Победоносцева, обер-прокурор нашел среди своих же собственных чиновников коварного предателя. Дело в том, что вся записка составляет сколок с одной диссертации некоего Рункевича (высокопоставленного чиновника Св. Синода. — *Авт.*), именно с тех ее глав и мест, которые на совете профессоров Санкт-Петербургской духовной академии были официально признаны представляющими церковную жизнь в неверном, предвзятом свете, составленными не научно и узко тенденциозно.

Утверждают также, что далее в записке К. П. Победоносцева (...) возражения делаются как раз против тех мыслей записки Витте, которые взяты из сочинений, удостоенных премий за ученые труды самим же Св. Синодом. Несомненно одно, что контр-записка Победоносцева произвела на членов Синода отрицательное впечатление» [2].

13 марта 1905 г. под влиянием К. П. Победоносцева император Николай II распорядился перенести обсуждение вопроса из Комитета Министров в Св. Синод. Однако и Синод, обычно во всем послушный обер-прокурору, высказался за проведение преобразований и созыв Поместного Собора [3]. Уже 17—22 марта 1905 г. Св. Синодом был составлен доклад императору о восстановлении патриаршества в России и о созыве для сего Собора, состоящего из епископов Российской Церкви. Однако под давлением обер-прокурора 31 марта 1905 г. Николай II наложил на этом докладе резолюцию, согласно

---

[1] Печать того времени сообщала, что, ознакомившись с текстом записки С. Ю. Витте, митрополит Санкт-Петербургский Антоний заявил в беседе со столичным духовенством, что «записка написана хорошо». «Я и мои братья-епископы, — сказал митр. Антоний, — будем всю жизнь молить за него Бога» // Слово. № 104. 24 марта 1905 г.

[2] Слово. 24 марта 1905 г.

[3] См.: *А. Р.* Историческая переписка о судьбах православной Церкви. М., 1912; *Мельгунов С.* К. П. Победоносцев в дни первой революции (неизданные письма к С. Д. Войту) // На чужой стороне. Прага, 1924. Т. VIII. Из писем К. П. Победоносцева к Николаю II (1898—1905) // Религии мира. История и современность. Ежегодник (1983). М., 1983; «Мать мою, любимую Россию, уродуют» Письма К. П. Победоносцева С. Д. Шереметеву // Источник. 1996. № 6.

которой созыв Собора был признан «неблаговременным», и синодальная инициатива поддержки не получила. Вслед за этим последовала отставка товарища обер-прокурора В. К. Саблера, неосторожно высказавшегося в поддержку программы Синода по преобразованию Церкви, причем на вакантную должность был назначен сочувствовавший К. П. Победоносцеву князь А. А. Ширинский-Шихматов.

Попыткой спасти синодальный строй от намеченных преобразований стала организация опроса епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Победоносцев надеялся, что традиционно консервативный епископат окажет ему поддержку и идея церковной реформы будет похоронена. Поэтому 13—27 июля 1905 г. по требованию обер-прокурора Св. Синод разослал правящим епископам циркуляр за № 3542 с предложением высказаться по заранее намеченному кругу вопросов, касающихся церковной реформы. Свои соображения архиереи должны были предоставить не позднее 1 декабря 1905 г. Так появились «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе». Однако вопреки воле обер-прокурора в своих ответах архиереи поддержали требования реформ, что стало окончательным поражением К. П. Победоносцева. Потрясенный манифестом 17 октября 1905 г., еще до получения всех отзывов и опубликования их в печати, он подал в отставку с поста обер-прокурора, который занимал в течение 25 лет.

Весна 1905 года была наполнена размышлениями о церковной реформе, причем, как отмечала печать того времени, тема эта захватила «всю читающую и мыслящую Россию, церковную и бесцерковную, верующую и безверную, консервативную и либеральную». Как и следовало ожидать, в обществе довольно скоро обнаружились расхождения во взглядах на церковную реформу. Правда, движение за реформы в церковном строе никогда не были каким-то направлением сплоченной группы единомышленников. В нем были разные по своим убеждениям люди: либералы и консерваторы, «правые» и «левые». Оттого так много было здесь крутых поворотов, конфликтов, столкновений различных точек зрения, среди которых далеко не всегда можно выделить единственно верную [1]. Это можно проследить на разных сторонах общей дискуссии, развернувшейся в печати в предсоборный период, в том числе, например, на полемике вокруг вопроса об использовании в богослужении русского языка, приобретшей в наши дни особую остроту.

«Любая попытка систематизации этой дискуссии, — пишет современный историк протоиерей Николай Балашов, — неизбежно страдает известным схематизмом. В частности, говоря о «сторонниках» и «противниках» использования в богослужении русского языка, или о «новаторах» и «консервато-

[1] История движения за церковные реформы подробно изложена в целом ряде публикаций — книгах *Н. М. Зернова* и *Дж. Каннингема*, в статье *И К. Смолича* «Предсоборное Присутствие 1906 г.: к предыстории Московского Поместного Собора 1917—1918 гг.» (опубликовано в кн.: История Русской Церкви. Кн. 8. Часть 2. М., 1997), в работе проф. *Д. В. Поспеловского* «Русская Православная Церковь в XX в.» (М., 1995).

рах», надо иметь в виду, что речь не может идти о каких-то монолитных и непримиримых лагерях, состоявших из носителей прямо противоположных убеждений. Среди тех, кого условно можно назвать «новаторами», встречались, конечно, люди, чрезмерно увлекающиеся. Однако, в большинстве своем, они осознавали неизбежные трудности, стоящие на пути при реализации их идей. (...) Граница между «новаторами» и «консерваторами» к тому же была подвижной» [1].

Гораздо острее в церковных и особенно в светских кругах ощущались противоречия по политическим вопросам. При этом сторонники сохранения существующего порядка выступали гораздо решительнее, чем их оппоненты.

Под влиянием столкновения мнений, а также под воздействием церковно-общественных событий, происходивших в России, епархиальные преосвященные совместно со своими советниками осуществляли работу по составлению «Отзывов».

Большое воздействие на судьбу церковной реформы оказал указ императора от 17 апреля 1905 года об укреплении начал веротерпимости. В нем признавалось, что «отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от православия лицо признается подлежащим к тому вероисповеданию (...), которое оно для себя избрало». С опубликованием этого акта начался повсеместный переход формально православных в другие исповедания, принявший, по данным обер-прокурора Св. Синода, массовый характер. «Главная и общая причина массовых отпадений, — говорилось в отчете обер-прокурора, — (...) заключается в том, что большинство отпавших и до указа 17 апреля 1905 года в действительности не принадлежало к Православной Церкви, <а> лишь формально числилось в ней и втайне, а иногда и явно, следовало прежней вере или вере своих отцов» [2].

17 марта 1905 года в столичном «Церковном вестнике» была опубликована статья 32-х петербургских священников «О необходимости перемен в русском церковном управлении». Эта статья являлась своеобразной пояснительной запиской, поданной митрополиту Антонию депутацией от столичного духовенства. Пришедшие к митрополиту священники просили владыку содействовать созыву Собора, который, по их мнению, будет являться первым шагом к обновлению и оживлению церковной жизни [3]. По благословению митрополита пояснительная записка «О необходимости перемен...» была напечатана в печатном органе Санкт-Петербургской духовной академии.

---

[1] *Балашов Николай, протоиерей.* На пути к литургическому возрождению. М., 2001. С. 46—47.

[2] Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству православного вероисповедания за 1905—1907 годы. С. 33.

[3] *Петров Григорий, священник.* Почему 32? // Русское Слово. № 87. Март 1905 г.

Авторы записки говорили об освобождении Церкви от государственной зависимости, как о насущной необходимости времени. «Только церковь, свободная в исповедании полноты своего самосознания, во внутреннем строе своем, в служении слова своего, в управлении всех дел своих и всего ей вверенного, только свободно самоуправляющаяся церковь может поддерживать в совокупности чад своих полную, сыновне чистую веру в себя и вполне обладать необходимым для осуществления ее высокого божественного призвания голосом, от которого горели бы сердца человеческие. Вне этой свободы церковь может только пребывать, сохраняться, но жить, влиять, действовать так, как свойственно ей по ее природе, она не может». «Знамения времени ярче и властительнее, чем когда-либо, свидетельствуют в переживаемую нами годину, что церкви надлежит выступить из несвойственного и недостойного положения, вследствие которого она является или силой, действующей под влиянием известным образом понимаемых обязательств перед государством, или же ни теплым, ни холодным спутником и созерцателем человеческих дел и общественной жизни. Необходимо, настоятельно необходимо, чтобы церковь возвратила себе всю силу плодотворного влияния на все стороны жизни человеческой и всю мощь своему голосу. А для этого она должна восстановить себе прежде всего свободу, искони ей принадлежавшую и определенную строем священных канонов, пренебрегаемых и забываемых, но не могущих утратить своей исконной для себя обязательности» [1].

Авторы записки останавливались далее на «основоположных чертах церковного домостроительства», т. е. на канонических принципах, составляющих церковную конституцию. Речь шла об избрании епископов клиром и мирянами, о неотделимости епископов от своей паствы (т. е. о недопустимости переходов архиереев с кафедры на кафедру, кроме исключительных случаев), о том, что епископ должен нести свое служение в пределах сравнительно малой по своим размерам области, совпадающей «с младшим делением государственной области» «совместно с сонмом пресвитеров, как своих советников, сотрудников и сослужителей, и перед лицом народа, в общении всего тела церкви» [2].

В тексте записки говорилось о необходимости созыва областных (митрополичьих) соборов, которые должны быть также судебной властью для епископов, клириков и мирян. Следующей судебной инстанцией должен быть собор всего патриархата, т. е. данной Поместной Церкви. Соборность Церкви, — по мысли авторов записки, — предполагает упорядочение и развитие епархиального управления «в строгой сообразности с духом канонов», а именно через самостоятельную, развитую жизнь приходов, объединенных в епархии, митрополичьи округа, подчиненные Поместному Собору, а в перерывах между его заседаниями Св. Синоду под председательством епископа столичного града.

---

[1] Цит. по: *Преображенский С. В. (составитель).* Церковная реформа. Сборник статей духовной и светской печати по вопросу о реформе. СПб., 1905. С. 2—3.

[2] Там же. С. 5.

Эта первая по времени записка 32-х столичных священников получила полное одобрение Санкт-Петербургского епархиального начальства, после чего была напечатана в органе Санкт-Петербургской духовной академии и впоследствии во многих других печатных органах, причем зачастую с одобрительными комментариями.

Так, газета «Новое время» в связи с запиской 32-х обращала внимание на многие канонические нарушения, имевшие место в современном церковном строе. Апостольские правила, — говорилось в статье «Управление и самоуправление в духовном мире», — под угрозой отлучения от Церкви запрещают епископам принимать свою власть и назначение на кафедры, обходя любовь местного народа, через поставление государственной власти. Однако в современной Церкви все без исключения архиереи получили свои назначения по воле государственной власти — императора и светского синодального чиновничества [1].

Высказанная в записке столичных иереев мысль о необходимости восстановления соборного строя и созыве в ближайшее время Поместного Собора Российской Церкви получила едва ли не всеобщую поддержку в печати, сочувствие абсолютного большинства епископов, многих священнослужителей и мирян. Однако в вопросах о восстановлении патриаршества и о составе ожидаемого Собора высказывались прямо противоположные мнения.

Еще в марте 1905 г. на вопрос сотрудника «Биржевых ведомостей» о восстановлении патриаршества Первоприсутствующий в Синоде Петербургский митрополит Антоний (Вадковский) давал уклончивый ответ. «Немного могу сказать об этом, — ответил владыка. — Ничего не могу сказать кроме того, что русское духовенство просило Государя разрешить съезд представителей православной Церкви. И если он будет разрешен, тогда выяснится и вопрос о патриархе. (...) Патриарх может быть избран только на строгом основании канонических правил» [2].

Практически одновременно с выдвижением на общественное рассмотрение вопросов о церковной реформе и о патриаршестве в Москве появилась группа духовенства и мирян во главе с М. А. Новоселовым, которая, не выступая против реформ, предлагала отложить их «до благоприятного времени». Сам Новоселов считал, что Синод предрешал программу занятий Собора, который необходимо отсрочить и воспользоваться этой отсрочкой для всестороннего обсуждения реформы на всех уровнях церковной жизни. Одновременно некоторые члены этой группы вскользь выступили против митрополита Петербургского Антония, который, по их мнению, спешит с преобразованиями потому, что будто бы домогается патриаршего сана. Газета «Московские ведомости» опубликовала две статьи в этом духе, обвиняя столичного митро-

---

[1] *Преображенский С. В. (составитель).* Церковная реформа. Сборник статей духовной и светской печати по вопросу о реформе. СПб., 1905. С. 19.

[2] Биржевые ведомости. 25 марта 1905 г.

полита и его сотрудников, а также членов Св. Синода и группу 32-х священников — в «церковном перевороте» [1].

В ходе обсуждения вопросов о церковной реформе за выборы патриарха стало высказываться большинство русского епископата. Так, например, 20 марта 1905 г. в статье «На заре», опубликованной в «Новом времени», епископ Нарвский Антонин (Грановский) писал: «(...) умножается богатство царствования усилением любви народной. Синод просит у Царя соизволения Его и мановения, чтобы поднялся от лица земли церковный голос рвения на избрание богомольца и теплого печальника за страждущую отчизну перед престолом Божиим и перед троном земным — всероссийского патриарха» [2].

В то же время высказывались и противоположные суждения. Возражения светской и церковной печати против восстановления патриаршества во многом сводились к боязни излишней централизации власти в Церкви, сосредоточения ее в одних руках, реальной возможности возникновения патриаршего деспотизма.

«Патриарх избирается на всю жизнь, и такая сильная пожизненная несменяемая власть стоящего во главе иерархии менее всего может содействовать истинной свободе церкви и развитию в ней соборного начала», — писал «Сын Отечества» [3].

«(...) Сан патриарха, с которым в истории Церкви соединялись не всегда одинаковые права, — и положение его среди русских епископов, как своих послушников, еще скорее может послужить поводом для развития новой формы деспотизма в церковном управлении, — считал видный церковный деятель начала XX столетия профессор Н. Д. Кузнецов. — Предполагаемое же при этом избрание или приглашение по очереди в Святейший Синод других епископов, послушников патриарха, и даже созыв по их усмотрению периодических соборов, особенно если они будут из одних епископов, могут являться лишь имеющий вид соборности, удобной декларацией для возрастания влияния и значения патриарха. При таких условиях может мало-помалу образоваться уже не деспотизм обер-прокурора, который все-таки представляет из себя что-то внешнее, а деспотизм, способный глубже владеть сознанием епископов и получать оправдание в обязанности повиновения старшим, а относительно монахов еще и в необходимости подчинения их воли главному начальнику» [4].

«Патриаршество не создаст ни самостоятельности и независимости церкви (...) мысль о восстановлении патриаршества могла возникнуть только на свойственном некоторым «консервативным» кругам с славянофильской окраской увлечении старинными, отжившими уже формами нашего быта», — пи-

---

[1] Московские ведомости. 25 и 26 марта 1905 г.

[2] *Антонин (Грановский), епископ.* На заре // Новое время. 20 марта 1905. № 10(431).

[3] *Штанге А.* К вопросу об учреждении патриаршества // Сын Отечества. № 32. 25 марта 1905 г.

[4] *Кузнецов Н. Д.* По вопросам церковных преобразований. М., 1907. С. 84—85.

сала газета «Киевские отклики» [1]. Власть церковная в России всегда почти шла в фарватере правительственной политики, — считал обозреватель «Русского чтения», — поэтому новоизбранный патриарх также (в той или иной степени) подчинится светской власти, как это всегда было в истории. Но, вместе с тем, вокруг патриарха неизбежно соберутся чиновники, «которые могут злоупотреблять своим положением даже более, чем при нынешнем устройстве» [2].

«Только благодаря освобождению церкви от единовластия патриархов оказались возможными те улучшения, благодаря которым церковь XVIII и XIX веков даже с внешней стороны так резко отличается от предшествовавшего темного времени, создавшего раскол и религиозное буквоедство, — писало «Киевское Слово». — Ошибка Петра I состояла лишь в том, что он смешал соборность с коллегиальностью. (...) Если бы он вместо синодальной коллегии устроил постоянный собор, то те задачи, которые им же имелись в виду, получили бы полное осуществление, и православная церковь была бы организована на истинно христианских выборных началах» [3].

В то же время сторонники патриаршества указывали на представляющиеся им преимущества этой формы церковного управления. Так, известный столичный протоиерей Николай Добронравов (впоследствии священномученик епископ) доказывал, что патриаршество является лучшей и простой формой устранения бюрократизма, так как патриарх будет иметь право непосредственного доклада царю о церковных делах, и, кроме того, через общение государя с патриархом расширится общение народа со своим царем. Патриарх должен быть ходатаем перед царем о нуждах народа и церкви, для чего он должен знать эти нужды. О них он сможет узнать от Поместного Собора с участием епископов, клириков и мирян, которому и подлежит право избрания патриарха [4].

Варшавский архимандрит Дионисий (Валединский) (впоследствии епископ) отметал опасения противников патриаршества о том, что епископы жаждут его восстановления из личных карьерных побуждений. «(...) Каждый здравомыслящий православный христианин понимает, что патриаршество для того человека (...) «его же Бог призовет, царь восхощет и людие», будет не «приятность» и не «карьера», а *крестоносный подвиг* целой жизни; ибо и обычное епископское служение, как известно из уст самих архиереев, это — не розы без шипов, а колючее терние, — и только «Божественная благодать, всегда немощная врачующи и оскудевающая восполняющи» помогает православным архипастырям не изнемогать под тяжестью Креста Христова (...)» [5].

Тем не менее, многие сходились на мысли о том, что восстановление патриаршества не является главным вопросом церковной реформы. «Не только о

---

[1] Киевские отклики. 1905. № 84.

[2] Русское чтение. 1905. № 34.

[3] Для чего нужно восстановление должности патриарха? // Киевское Слово. № 6(194). Март 1905 г.

[4] Русский листок. № 84. Март 1905 г.

[5] Варшавский дневник. 1905. № 88.

князьях церкви надлежит теперь думать, — писал К. Ровинский, — а и о теле церкви — о мирянах, которые только числятся прихожанами и, не принимая никакого участия в жизни приходов, не участвуют в разрешении церковно-общественных вопросов, что породило у нас религиозный индифферентизм и даже отчуждение весьма многих от церкви. Без разрешения этого коренного вопроса нашей церковной жизни восстановление патриаршества явилось бы только простым перенесением власти из рук высшей бюрократии в руки высших представителей черного духовенства» [1].

Проблема возрождения прихода, не решенная в 1860-е гг., дожила до начала XX в. и вызвала в эти годы оживленную дискуссию, ярко отразившуюся в «Отзывах» епископов. Большинство иерархов (их отзывы в ряде случаев были дополнены материалами епархиальных съездов духовенства) выступили в 1905 г. за самостоятельность прихода в выборе приходских священников и в распоряжении церковными суммами, ограничивая в то же время эти полномочия канонической властью архиерея.

Миряне также отстаивали свое право выбора священника, обосновывая его различными причинами. Так, например, крестьянам нередко приходилось сталкиваться с пастырями, не имеющими в данном селе никакого авторитета, а иногда — ведущими соблазнительный образ жизни, но при этом назначенными епархиальным архиереем. Интеллигенция в городах, — писала «Петербургская газета», — *фактически* может выбирать себе духовника, но как страдает крестьянство, приписанное к какому-либо приходу, где пастырь дается как данность. Куда деваться в таком случае крестьянину? Идти в другое село? Но всегда ли он имеет такую возможность и будет ли соседний священник исповедовать приезжего к нему человека, приписанного к другому приходу? [2]

Еще один довод в защиту выборности священника высказывал А. Слезкинский, указывавший на многочисленные злоупотребления епархиальной власти при назначении священников на приходы. «Сплошь да рядом недостойные, слабые во всех отношениях батюшки настоятельствуют в лучших приходах и живут припеваючи, а батюшки развитые, нравственные, сидят где-нибудь в глуши, лично пашут землю, убирают сено. Какая тут внедряется несправедливость!» Как часто на приходе складывается печальная картина оттого, что правящий архиерей назначил сюда священника не только не по выбору, но прямо *против воли прихода*. Выборы пастыря паствой прекратят эту печальную картину [3].

Выборы священника, по мнению многих, писавших на тему о реформе прихода, позволят избежать тяжкого греха симонии. Кроме того, они позволят избавиться от многих язв епархиальной жизни.

Отстраняя мирян от реального участия в жизни прихода и лишая их права выбора священника, епархиальный епископ подбирает настоятелей приходов

---

[1] Слово. 1905. № 113.

[2] Петербургская газета. 26 марта 1905 г.

[3] О причте и приходе // Рассвет. № 31. Апрель 1905 г.

исключительно по своему личному вкусу. При этом порой отдается предпочтение лицам, известным лишь немногими добродетелями, а именно прежде всего своей покорностью по отношению к консистории или умением подольститься к епархиальному начальству. Бывает, что епископ, не обладающий достаточным образованием (несмотря на наличие у него диплома духовной академии), держит «в черном теле» священников образованных, любимых интеллигенцией и народом. Бывает, что окружение епископа из боязни «конкуренции» старается выдвигать на ключевые должности в епархиях людей безынициативных и серых, из опасения, что человек яркий и талантливый сможет обратить на себя внимание архиерея и «затмить» их влияние. Случается, что в крупных по размеру епархиях правящий архиерей по каким-либо причинам (чаще по возрасту или «по занятости») передоверяет кадровую политику какому-либо приближенному лицу (например, викарному епископу). В этих случаях не только членам прихода — мирянам, но и духовенству не достучаться до своего архиерея. Наконец, случается, что инициативу в решении кадровых вопросов вместо народа Божия, т. е. самих прихожан, берет на себя ближайшее окружение архиерея (иногда даже втершийся в доверие келейник или монахиня, прислуживающая по дому). Со всеми этими злоупотреблениями, по мнению многих авторов, рассуждавших о реформе прихода, можно было бы покончить благодаря выборности священника паствой.

Однако обсуждение вопроса о церковных преобразованиях носило не только полемический (иногда узко-академический) характер. Под влиянием событий в столице весной—летом начинается «пробуждение епархиальной жизни», безусловно повлиявшее на составление «Отзывов» епархиальных архиереев. Во многих епархиях созываются съезды духовенства (в отдельных случаях с участием мирян), которые носят порой чрезвычайный характер. Так, например, епархиальный съезд в Гродно, открывшийся с участием мирян в Красностокском монастыре, рассматривал вопросы оживления деятельности приходов по противостоянию латинству, окрепшему после указа о веротерпимости. Киевский, черниговский, курский, иркутский, подольский, рижский, омский епархиальные съезды высказались за созыв Поместного Собора, а также окружных Соборов, за управление епархиями при помощи епархиальных пресвитерских советов, за восстановление прав прихода, выборность духовенства, преобразование духовно-учебных заведений в духе соборности и т. д. [1] На этом фоне майский съезд грузинского духовенства высказался за автономию Грузинской Церкви, за что власти разогнали отцов — депутатов казацкими нагайками, а через некоторое время Синодом был смещен Экзарх Грузии. Результатом разгона съезда стало то, что оскорбленное грузинское духовенство решительнее стало высказываться уже не только в пользу автономии, но и за автокефалию своей Церкви.

Вторая половина 1905 года была отмечена многочисленными волнениями в духовных семинариях: из-за беспорядков было закрыто почти 50 средних

[1] Церковный вестник. № 2. 1906 г.

духовно-учебных заведений. Принятие 27 августа временного закона об автономиях Университетов всколыхнуло учащихся и преподавателей духовных академий.

Подготовка государственного закона о цензуре также затронула духовенство. Присутствующие в комиссии по разработке закона о цензуре епископ Антонин (Грановский) и профессор-протоиерей Санкт-Петербургской духовной академии А. П. Рождественский высказались против института предварительной духовной цензуры, что нашло отражение в законе о печати, обнародованном 4 декабря 1905 г.

Важнейшим фактором, повлиявшим на церковную жизнь, стал конституционный манифест 17 октября 1905 года. Вскоре после его подписания, как уже отмечалось выше, К. П. Победоносцев ушел в отставку и на его место 20 октября был назначен князь А. Д. Оболенский, сочувствовавший реформе и находившийся под влиянием некоторых идей покойного В. С. Соловьева. Одновременно на место ушедшего в отставку товарища обер-прокурора А. А. Ширинского-Шихматова был назначен б. Директор хозяйственного управления Синода П. И. Остроумов. Смена руководства обер-прокуратуры, естественно, повлияла на настроения епископата.

Новые веяния в Церкви отразились и на составе самого церковного правительства — Св. Синода, в состав которого 4 ноября были введены представители белого духовенства — протопресвитеры придворного духовенства Иоанн Янышев и военного духовенства Александр Желобовский.

Наконец, на составление «Отзывов» не могли не повлиять многочисленные беспорядки, прокатившиеся по всей стране в 1905 году, в том числе волна забастовок и вооруженные выступления в Москве и в некоторых других городах и селах, еврейские погромы и т. д.

В то самое время, когда в Москве раздавались залпы вооруженного восстания, государь император счел «благовременным» созвать чаемый духовенством и мирянами Российской Церкви Поместный Собор. В середине декабря императору Николаю II была предоставлена сводка мнений, высказанных епископатом в «Отзывах по вопросу о церковной реформе». 17 декабря 1905 года в Царское Село были приглашены митрополиты Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний, Московский Владимир (Богоявленский) и Киевский Флавиан (Городецкий). На этой встрече царь осведомился о ходе подготовительных работ и заявил, что считает необходимым «приложить особое старание к исполнению всего, что требуется для созвания Собора в ближайшее по возможности время» [1]. 27 декабря 1905 г. это решение было объявлено публично в рескрипте на имя митрополита Петербургского Антония.

Таковой, в самых общих чертах, была историческая обстановка, в которой российскому епископату пришлось составлять свои «Отзывы» о церковной реформе. Год 1905, по признанию «Церковного вестника», «был *исключительным*, несравнимым, небывалым в летописях русской жизни. Как для рус-

[1] Всеподданнейший отчет... С. 39.

ской государственности, так и для русской Церкви, это был год кризиса, перелома, неотвратимой коренной реформы с симптомами революций». «Целая пропасть отделяет нас от вчерашнего застоя, который — даст Бог — уже не вернется» [1].

4

Важнейшими вопросами, по которым епархиальным преосвященным предстояло высказать свой отзыв, были следующие:

— о составе предстоящего Поместного Собора;

— о разделении России на церковные округа;

— о преобразовании церковного управления;

— о преобразовании церковного суда и пересмотре законов по брачным делам;

— о епархиальных съездах;

— об участии духовенства в общественных учреждениях;

— о благоустроении прихода;

— о порядке приобретения церковной собственности;

— о предметах веры, богослужении, единоверии, постовой дисциплине, церковном пении и проч.

Разумеется, что этот перечень вопросов не охватывает всех тем, которые затронули архиереи в своих «Отзывах».

По вопросу о составе ожидавшегося Всероссийского Поместного Собора архиереи высказали четыре основных мнения. Во-первых, шесть епископов высказались за присутствие на Соборе одних епископов с допущением мирян и клириков в качестве слушателей, но без права голоса.

Во-вторых, подавляющее большинство епископата (23 архиерея), в том числе Московский, Петербургский и Киевский митрополиты высказались за участие в Соборе представителей клира и мирян.

При этом большинство архиереев полагало, что решающий голос на Соборе должен принадлежать епископам или их заместителям; 11 епископов считало, что миряне имеют право на совещательный голос. Вместе с тем, было высказано четыре мнения за предоставление клирикам и мирянам равного с епископами решающего голоса.

Против разделения России на митрополичьи округа высказалось только три епископа. Сторонники введения митрополичьих округов опирались в своих суждениях на доводы, исходящие из догматического учения Церкви, из ее канонического права, из данных церковной истории, а также из потребностей современной Российской Церкви. К числу последних архиереи относили неудобство существующей централизации власти, когда в синодальной канцелярии скапливается столь огромное количество церковно-административных дел, что большинство из них решаются зачастую лишь формально, к тому

[1] Церковный вестник. 1906. № 1. С. 6.

же без учета местных особенностей епархиальной жизни и без достаточно объективного представления о самих лицах, дела которых приходится решать.

Централизованная церковная власть (церковное правительство) зачастую издает распоряжения, не учитывающие особенностей местной жизни епархий. Бесспорно, что, например, потребности епархий Северо-Запада отличаются от нужд епархий Средней Азии и вообще восточных. Ясно, что в разрешении этих вопросов более компетентны местные церковные власти, чем чиновники в столице.

Часть иерархов считала, что централизация церковного управления в том виде, как она сложилась к рубежу XIX — XX столетий, поддерживает только формальное единство церковно-административного организма. Введение же окружных митрополичьих Соборов даст местной епархиальной власти новую энергию и оживит местную епархиальную жизнь. Кроме того, митрополичьи Соборы рассматривались во многих отзывах как первая и вторая церковно-судебная инстанция [1].

В вопросе о преобразовании Высшего церковного управления обозначились как сторонники, так и противники установления патриаршества. Последние оставались в меньшинстве. В общем в «Отзывах» епископами предложена следующая схему Высшего церковного управления:

А. Поместный Собор, как высшая церковно-правительственная инстанция.

Б. Священный Синод, как исполнительный орган Поместного Собора и как канонически «меньший» Собор, заведующий текущими церковными делами.

В. Патриарх, как предстоятель и первоиерарх Российской Церкви, Председатель Собора и Синода.

За восстановление патриаршества было высказано большинство голосов, однако в среде епископата не было единодушия в вопросах о правах и полномочиях первоиерарха, а также в вопросе о его ответственности перед Синодом и Собором.

В вопросе об отношении Церкви к государству большинство архиереев считало, что Церковь должна быть автономна по отношению к государству, но пользоваться покровительством государственной власти.

В вопросе о местном епархиальном управлении многие епископы высказывались за учреждение особого епархиального пресвитерского совета или даже местного епархиального Собора.

По вопросу о церковном суде абсолютное большинство иерархов высказывалось негативно, полагая, что его современное состояние имеет значи-

---

[1] В 1905 году вышли в свет два новых исследования, рассматривающих вопрос о разделении России на митрополичьи округа. См. *Лебедев А. П.* Духовенство Древней Вселенской Церкви. М., 1905 (глава 4); *Гидулянов П.* Митрополиты в первые три века Христианства. М., 1905. История епархиального устройства в Русской Церкви рассматривалась также в сочинении И. Покровского «Русские епархии». Казань, 1897. Т. 1.

тельное число недостатков. При этом архиереи обратили внимание на необходимость существования *признанного текста канонического кодекса* с определенными требованиями и предписаниями, т. е. фактически речь шла о *кодификации церковного права.* Было обращено внимание на многочисленные недостатки консисторского устройства, а также на факт смещения в лице епархиального архиерея всех судебных функций — обвинительной, следственной и собственно судебной.

Следствие, отмечалось в некоторых отзывах, зачастую проводится несведующими или, что еще хуже — пристрастными людьми. Митрополит Киевский предполагал ввести в церковной судопроизводство элементы суда присяжных. Архиереи обратили внимание на затруднительность процедуры церковной апелляции. Высказывалось мнение о том, что церковный суд должен быть гласным.

Относительно небольшое место уделено в «Отзывах» вопросам семейно-брачного права. Тем не менее, большинство архиереев высказалось за упрощение «предбрачных формальностей», связанных с обязанностью священника собирать документальные сведения об отсутствии препятствий к совершению брака. Кроме того, в отзывах ставились вопросы о днях венчания, о браках с инославными, о заключении браков между лицами, не достигшими совершеннолетия.

Высказывались мнения о возможном уменьшении числа дней, в которые не совершается бракосочетание, два епископа (в том числе будущий патриарх Сергий Страгородский) допускали второбрачие духовенства, а один епископ полагал необходимым вынести этот вопрос на рассмотрение Поместного Собора.

В вопросе о допущении участия духовных лиц в органах светского управления большинство епископата высказалось за прямое участие духовенства во всех государственно-общественных учреждениях с целью христианизации общества, «во благо Церкви Православной и Государства Российского».

Общее мнение в вопросе о благоустроении прихода свелось к тому, чтобы «был восстановлен приход, как церковная община, сплоченная вокруг своего приходского храма и пастыря и одушевленная общностью духовных интересов и религиозно-нравственным взаимодействием ее членов». При этом в отзывах часто подчеркивалась необходимость укрепления начал соборности на приходах, а также предоставления приходу определенной свободы и самостоятельности, в пределах канонической законности.

В 29 отзывах говорилось о необходимости дарования приходу статуса юридического лица. Речь шла о *придании правоспособности приходской общине*, так как до этого времени приходское имущество закреплялось не за нею, а за данным приходским храмом.

При этом особняком стоял отзыв Екатеринбургского преосвященного, считавшего, что приходское имущество следует считать собственностью епископа.

Четырнадцать епископов высказались против участия прихода в распоряжении и заведывании церковными суммами, сохраняя это право за причтом и

церковным старостой. В отзывах экзарха Грузии и Могилевского епископа ставился вопрос о чине диаконисс.

Во многих отзывах ставился вопрос о пересмотре и исправлении богослужебных книг, в том числе и со стороны языка. В отзывах Алеутского, Иркутского, Полтавского и Смоленского архиереев говорилось о необходимости создания нового перевода Священного Писания на церковно-славянский язык. В ряде отзывов ставился вопрос о регулировании богослужебного Устава, четыре епископа высказывались за чтение вслух тайных молитв, два — за сокращение ектеньи об оглашенных и т. д.

В вопросе о единоверии высказывалось мнение о возможности употребления в богослужении старопечатных книг. Многие епископы высказывались за пересмотр существующей постовой дисциплины. Один из преосвященных прямо вопрошал о том, какие можно было бы сделать уступки в этом вопросе. Пост рассматривался не как орудие или проводник благодати, ибо сам по себе он, по мнению некоторых авторов отзывов, не имеет благодатной силы.

В ряде отзывов говорилось о необходимости принятия мер к упорядочению церковного пения.

Подробный обзор мнений епархиальных преосвященных, высказанных в их «Отзывах», был предпринят в отдельном издании, вышедшем в свет в Петербурге в 1906 г. [1]

* * *

Редакция выражает благодарность за поддержку издательского проекта «Отзывы епархиальных архиереев» организации **«Помощь Церкви в нужде»** и лично *протоиерею Феодору ван дер Воорту* (Голландия) за его содействие выходу в свет книг серии «Материалы по истории Церкви».

А. Ю. Полунов, И. В. Соловьев

[1] См. Сводка отзывов Епархиальных Преосвященных по вопросам церковной реформы. СПб., 1906.

Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе

№ 1

преосвященного Гедеона, епископа Владикавказского, **от 25 октября 1905 года**

Вследствие циркулярного указа от 28 минувшего июня за № 100, которым поручено епархиальным преосвященным войти в обсуждение вопросов, предположенных к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви, а именно: о разделении России на церковные округа, о преобразовании церковного управления и суда, о приходе, об усовершенствовании духовных школ, о порядке приобретения церковной собственности, о епархиальных съездах и об участии священнослужителей в общественных учреждениях, долг имею донести Святейшему Синоду, что по означенным вопросам, кроме вопроса о церковных округах, который по понятным причинам не был предметом суждений, на собрании нескольких достопочтенных духовных и светских лиц, под моим председательством, мы пришли к следующим заключениям.

1) По вопросу о преобразовании церковного управления и суда

Духовная консистория в настоящем ее положении, как судно-административный орган епархиального управления, не удовлетворяет своему назначению, во-первых, потому, что она соединяет в себе слишком несходные между собою функции власти — судную, административную, законодательную и исполнительную, и, во-вторых, потому, что в отправлении всех этих видов власти имеет одну и ту же организацию, являясь не самостоятельным, а лишь совещательным учреждением при епархиальном архиерее.

Первое основное начало всякого рационального судоустройства заключается в том, чтобы судебная часть функционировала отдельно и совершенно независимо от других видов власти. Это основное положение, ставшее азбучною истиной юридической науки, не находит себе применения в действующем ныне церковном законодательстве. Поэтому первой задачей церковной

реформы должно быть выделение из нынешней церковно-административной области судного дела и сосредоточение его в особом учреждении.

С проведением в жизнь принципа отделения судной власти от административной или законодательной духовный суд в пределах епархии можно было бы организовать следующим образом.

Во-первых, для разбирательства мелких проступков священноцерковнослужителей, не влекущих за собою по нынешнему пенальному кодексу наказания более, чем выговор или замечание без внесения в послужной список, а также для разбирательства споров, возникающих на почве владения движимой и недвижимой церковной собственностью, необходимо учредить окружные или благочиннические суды, которые бы состояли из двух или трех выбранных духовенством из своей среды достойных пресвитеров, утвержденных в этом звании епархиальным епископом и являющихся вследствие этого уполномоченными или доверенными лицами епископа. Эти пресвитеры действуют совершенно независимо от местного благочинного и получают указания только от епархиальной судной коллегии. Должность их почетная, ничем не оплачиваемая, кроме расходов по поездкам, и поощряемая наградами, но опять только по представлению означенной коллегии. Окружные судьи решают подсудные им дела окончательно, не представляя своего решения на утверждение епископа. В случае же недовольства их решением обвиняемые имеют право обжаловать эти решения в следующей по порядку инстанции духовного суда. Учреждение благочиннических судов вызывается неотложной нуждой, потому что почти половина разбираемых ныне в консистории дел решается на основании сведений, доставляемых благочинными, без всякой проверки этих сведений формальными следствиями.

Вторую инстанцию духовного суда представляет епархиальный суд, выделенный из консистории в самостоятельное, независимое учреждение. Членами этого суда опять могут быть три священника, выбранные всем духовенством епархии и утвержденные в этом звании Святейшим Синодом или заменяющим его учреждением, по представлению епархиального епископа. Епархиальные судьи, для большей тщательности расследования подсудных им дел, должны быть свободны от приходских обязанностей. Епархиальный суд имеет значение не совещательного только учреждения при епископе, а права настоящего коллегиального учреждения, так что голос каждого члена этого учреждения имеет значение в решении дел и постановлении приговоров. Епископ утверждает постановление суда, причем, если какое-либо решение суда он признает неправильным, то, не отменяя этого решения своей властью, все дело представляет на благоусмотрение Святейшего Синода.

Правильное отправление правосудия предполагает точно регламентированный закон. Действующий в настоящее время Устав духовных консисторий, по неполноте содержания, общности предписаний и неопределенности требований, не может служить достаточным руководством для суда. Необходимо пересмотреть и пересоставить этот устав.

С выделением духовного суда в особое самостоятельное учреждение консистории или заменяющему ее присутственному месту придется ведать только административные и хозяйственные дела. Для успешного ведения этих дел не будет большим злом, если консистория сохранит и современную свою организацию, т. е. будет только совещательным органом при епископе.

2) По вопросу о преобразовании прихода

В видах благоустройства прихода желательно: а) чтобы приход представлял собою юридическую единицу с правом собственности; б) чтобы причт выбирался приходом, при соблюдении известных условий; в) чтобы многоклирные причты, кроме соборов, разделены были на одноклирные, с определением одинакового жалованья за счет казны или прихожан. Этим достигнется уменьшение вражды между членами причтов и причин к переходу с места на место; г) чтобы церковными доходами и имуществом заведовали причт и прихожане. Последние для этой цели избирают из среды своей на срок известное число представителей. Эти представители вместе с причтом и церковным старостой составляют церковно-приходский совет, который и распоряжается, с ведома и одобрения епархиального начальства, всеми хозяйственными делами церкви.

3) По вопросу об усовершенствовании духовных школ

Желательно преобразовать духовные училища по типу прогимназий или реальных училищ в епархиальные шестиклассные прогимназии, а наши семинарии — в богословские четырехгодичные курсы, со специальным назначением этих курсов подготовить будущих пастырей и при условии свободного доступа на упомянутые курсы всем желающим служить Церкви.

В преобразованных так или иначе школах желательны следующие изменения в постановке учебного и воспитательного дела и в положении начальствующих лиц:

а) замена системы баллов подробным отчетом об успехах и поведении учеников;

б) перевод учеников из класса в класс по годовым баллам;

в) назначение переэкзаменовок в исключительных случаях по постановлению совета и с согласия родителей;

г) применение выборного начала в деле назначения начальствующих лиц.

4) По вопросу о порядке приобретения церковной собственности

По вопросу о порядке приобретения архиерейскими домами, монастырями и церквами собственности пришли к решению, что известный ограничительный закон, как показала практика, положительно не достигает своей цели,

создавая только излишнюю переписку в консистории. Закон этот следует или обратить в запретительный, или совсем отменить.

5) По вопросу о епархиальных съездах и об участии священнослужителей в общественных учреждениях заключено: предоставить епархиальным съездам, как епархиальным соборам, обсуждать не только экономические, но и все вопросы, выдвигаемые церковно-приходской жизнью, вопросы религиозно-нравственные и пастырской практики.

Что же касается вопроса об участии духовенства в общественных учреждениях, то желательно, чтобы духовенство всесторонне знакомилось с жизнью общества во всех ее проявлениях. В настоящее время оно не может иметь непосредственное влияние на общественную жизнь; жизнь общества течет без участия духовенства; голоса его по общественным делам почти не слышно. Молчание его вызывает у общества справедливый упрек в бездеятельности и нежелании работать. Нужно снять с духовенства этот упрек.

№ 2,
преосвященного Арсения, архиепископа Харьковского,
от 2 ноября 1905 года

Всероссийский Поместный Собор

Произошедшие за последнее время широкие и разнообразные перемены в русской жизни, произведенные реформы в государственном строе и особливо закон 17 апреля 1905 года о веротерпимости вызывают настоятельную необходимость в многочисленных преобразованиях строя и деятельности и российской православной Церкви. Такие церковные преобразования должны быть направлены к прочному обеспечению самостоятельности и свободы Церкви, к усовершенствованию церковного управления и церковно-приходской жизни. Осуществление сего, без сомнения, вызовет к усиленной деятельности все живые религиозно-нравственные силы Церкви и даст ей возможность оказывать самое широкое и плодотворнейшее воздействие на жизнь русского народа. Конечно, эти преобразования должны быть произведены только на почве канонического строя древней вселенской Церкви в соответствии с характером и сложными особенностями современной жизни. Но это — дело величайшей трудности и важности, дело ответственное не только пред настоящим, но и пред продолжительным будущим в истории нашей отечественной Церкви. Посему дело церковного преобразования может быть осуществлено только Поместным Собором Всероссийской Церкви.

С Высочайшего соизволения таковой Собор и имеет быть созван.

В рассуждении предстоящего Поместного Всероссийского Собора весьма важным обстоятельством представляется вопрос о том месте, где он должен быть созван.

Место Собора

Важность Собора и удобство созыва и деятельности его сами собою указывают на два места для него: столицы С.-Петербург и Москву. В С.-Петербурге для Собора представляется удобство близости к Его Величеству Государю Императору, близости ко всем высшим государственным учреждениям, а также удобство пользования для справок подлежащими многочисленными вспомогательными учеными учреждениями и канцеляриями. Но, бесспорно, Москва является еще более подходящим и даже необходимым для него местом. Это — историческое место древнерусских церковных соборов и последнего Великого Собора 1666—1667 годов. Москва в церковно-патриотическом отношении служит истинным сердцем России. Здесь хранилище истинно русских заветов и древнего истинно церковного благочестия; здесь и ныне, как

нигде, блюдется во всей строгости и чистоте благолепный церковный уклад и богослужебный чин. Важно, чтобы и столь важный для России Собор находился под обаянием такого древле-благочестивого церковного духа. Кремль Москвы, драгоценный своими священными и историческими воспоминаниями, может послужить местом величественных заседаний Собора. Многочисленные московские обители с удобствами могут дать приют для всего всероссийского сонма архипастырей. Наконец, Москва в географическом отношении и в отношении путей сообщения занимает центральное положение в России и представляет собою самое удобное место для съезда на Собор.

Состав членов Собора

Но еще более, чем место, для будущего Собора будет иметь значение, и значение важнейшее, состав его членов, каковым обстоятельством обусловятся как характер и направление его деяний, так и выработка окончательных его решений и постановлений. В этом отношении особливое значение будет иметь не только, так сказать, иерархический состав членов, но и характер убеждений и взглядов отдельных личностей. Ввиду сего вопрос о составе Собора надобно разрешать с особой осторожностью и предусмотрительностью.

а) *Епископы.* Нет сомнения, что на церковном Поместном Всероссийском Соборе должны, согласно канонам Церкви, участвовать все епархиальные архиереи, как правящие главы своих Церквей, ведающие и знающие церковную жизнь на самом месте. Но некоторые и из викарных епископов могут быть весьма полезными и необходимыми для Собора: это — лица, известные своей ученостью, деятельностью миссионерской, просветительной и учебно-воспитательной, или же как руководители религиозно-просветительных братств и обществ. Таковых викариев знает и, несомненно, вызовет на Собор сама высшая церковная власть.

б) *Монашество.* Для полноты же церковного представительства, для возвышения авторитета и величия Собора в глазах всего народа должны быть приглашены на него и представители православно-русского монашества. Так было и в истории некоторых соборов вселенского периода. Монашество и ныне оказывает глубочайшее влияние на народ и пользуется величайшим его уважением: народ был бы удивлен, если бы не видел участия в Соборе этих светочей православного аскетизма. Некоторые обители русской Церкви пользуются исключительною славою и уважением среди народа. Представители этих-то знаменитейших и важнейших обителей (игумены и архимандриты) и должны участвовать в Соборе, тем более что будущий Собор, касаясь самых разнообразных сторон церковной жизни, несомненно, коснется жизни монастырей и деятельности монашествующих. В этом отношении, под влиянием запросов современной жизни, настоятельно требуют своего разрешения вопросы об усилении аскетической строгости жизни в монашестве и о развитии его общественной, благотворительно просветительной деятельности. В таком или ином разрешении сих вопросов необходимы голос, знание и опыт самих

руководителей монашества. Вместе с сим представляется необходимым участие в Соборе представителей ученого монашества, главным образом из среды духовно-учебной. Они принесут Собору свою долю пользы, во-первых, учеными своими знаниями, а во-вторых — опытом учебно-воспитательным в разрешении вопросов по преобразованию духовно-учебных заведений. Высшая церковная власть по своему усмотрению и выбору вызовет из этой среды лиц особенно известных, с уже установившейся репутацией.

в) *Белое духовенство.* В интересах беспристрастного и наиболее практического, жизненного решения важнейших вопросов приходской жизни, например о выборном начале, приходской единице, участии мирян в церковных делах прихода и т. п., об общественной деятельности духовенства, а равно и для свидетельства об истинном настроении и религиозно-нравственных нуждах сельского населения, будет необходимым участие в Соборе и лиц белого духовенства. Здесь само духовенство в каждой епархии из своей среды может указать и выбрать своих доверенных и авторитетных депутатов; а дабы в этом не обнаружилось произвола или тенденции, то таковые депутаты должны быть утверждены и представлены высшему начальству и для назначения в Собор епархиальным архиереем. Ввиду различия епархий по своей обширности, количеству приходов и церквей было бы справедливым назначение в Собор из белого духовенства от каждой епархии от одного до трех депутатов.

2) *Миряне.* Должны ли быть допущены к участие в Соборе и миряне? В Высочайших указах неоднократно призывались мирские, приходские и общественные силы к деятельному участию в жизни Церкви. И действительно, само общество, особливо в последнее время, как никогда раньше, усиленно стремится осуществить этот Высочайший призыв и с интересом обсуждает формы и размеры такого своего участия в церковно-приходской жизни. Возбуждаются вопросы о праве мирян выбирать себе священника, контролировать церковное хозяйство и распоряжаться им для местных нужд прихода, об образовании из прихода юридического лица с правом владения благотворительными учреждениями и имуществом и т. п. Вследствие сего, для лучшего разрешения сих вопросов на предстоящем Соборе, представляется благовременным и несомненно полезным участие в нем и мирян. Конечно, желательны для сей цели, в интересах истинной пользы дела, из мирян искренние ревнители благочестия, преданные святой Церкви и бескорыстные радетели ее интересов. А в таком случае необходим осторожный и предусмотрительный выбор их. Здесь, прежде всего, останавливают на себе особливое внимание богословски ученые миряне как в среде духовно-учебной, так и в обществе. Найдется не мало известных канонистов, литургистов, археологов, историков, расколо- и сектановедов, которые своими знаниями, авторитетом, при безупречной нравственно-религиозной репутации, несомненно, могут быть в высшей степени полезными для Собора. Таковых лиц укажет каждый в своей епархии епархиальный архиерей и, по его рекомендации, вызовет их на Собор высшая церковная власть. Кроме сих лиц в качестве представителей мирян, должны войти в состав Собора и представители в собственном смысле прихо-

дов: это — благонадежнейшие и известнейшие своею преданностью Церкви церковные старосты, представители братств и дружественных Церкви обществ. Соответственно обширности епархий, от каждой из них, по рекомендации епархиального архиерея, высшая церковная власть вызовет их на Собор от одного до трех лиц.

В таком своем составе предстоящий Собор явится подлинно образом всей российской Церкви без чуждых ей элементов, но с членами, одушевленными одной идеей блага святой Церкви и русского народа. Конечно, при таком составе голос решающий, согласно канонам Церкви, принадлежит епископам, преемникам власти апостольской, по праву: «Изволися Духу Святому и нам»; но в предварительных и подготовительных рассуждениях право совещания принадлежит всем членам Собора.

Порядок рассмотрения и разрешения дел

Сложность дела у предстоящего Собора потребует, конечно, точного установления порядка рассмотрения и разрешения дел и организации при нем временного руководственного и подготовительного органа работ. От организации сего дела будет зависеть не только правильный ход занятий Собора, но и характер сих занятий по их содержанию и направлению. Сама система дел и занятий вызовет распределение их по отделам в подготовительных комиссиях, откуда они, естественно, будут поступать для соборного обсуждения в порядке намеченной самим Святейшим Синодом от 18—22 марта сего 1905 года программы реформы. Во главе распорядка дел в подготовительных комиссиях и руководителями здесь самого делопроизводства должны стоять авторитетные и полноправные члены Собора — епископы по их взаимному выбору и по нескольку для отдельных комиссий. Детальную разработку всего этого может взять на себя Святейший Синод, по опыту своего образцового делопроизводства, а затем выработанный порядок дел представить на рассмотрение и утверждение Собора.

Митрополии

В числе вопросов, предлежащих рассмотрению и разрешению Всероссийского Собора, первое место должно занять разделение России на церковные округа под управлением митрополитов, с предоставлением им права созывать областные соборы и с передачей в их ведение из высшего церковного управления дел второстепенной важности. Учреждение митрополии на указанных основаниях представляется необходимым для оживления, усиления и истинного направления деятельности Церкви применительно к особенным религиозно-нравственным нуждам известных областей. Бывшие с восьмидесятых годов соборы святителей: в Киеве (1884 и 1888 гг.), в С.-Петербурге (1884 г.), в Иркутске и Казани (1885 г.), миссионерские съезды в Москве (1887 и 1891 гг.), Одессе (1898 и 1905 гг.), Казани (1897 г.), учреждение областных

просветительных братств Казанского св. Гурия (1867 г.), Прибалтийского (1882 г.), Общества восстановления православия на Кавказе (1885 г.), указывают на возникновение в таких областях своих особливых нужд и запросов, а с другой стороны — на необходимость здесь объединения и организации местных церковно-просветительных сил и деятельности. Остается только подобному направлению церковной жизни дать канонический строй в виде областных митрополий с руководителями-митрополитами во главе. Что касается точного определения границ и указания областей в Российской империи для сих митрополий, то в этом случае учреждение митрополии для отдельных окраин и народностей в пределах России, несомненно, будет угрожать единству и неделимости государственного тела России, ибо естественно опасаться, что в подобных православных митрополиях на почве, например, национализма иерархии, духовного просвещения и церковно-богослужебного языка, церковная автономия будет вести к автономии политической. Ввиду сего представляется наиболее соответствующим интересам Церкви и государства образование митрополий в тех областях, кои имеют общность своих святынь, церковных традиций, интересов и нужд, в удовлетворение коих направлена была бы местная свободная деятельность Церкви. На таких основаниях должны быть учреждены митрополии: С.-Петербургская, Московская, Виленская, Киевская, Херсоно-Одесская, Харьковская, Грузино-Имеретинская — экзархат, Казанская и Иркутская с естественно связанными с ними соседними епархиями в таком виде: к Петербургской — Петербургская, Новгородская, Псковская, Лифляндия, Финляндия, Олонецкая, Вологодская и Архангельская; к Московской — Московская, Тверская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Владимирская, Нижегородская, Костромская, Ярославская; к Виленской — Виленская, Ковенская, Витебская, Могилевская, Минская и Гродненская; к Киевской — Киевская, Подольская, Волынская, Черниговская, Полтавская, Холмская и Варшавская; к Херсоно-Одесской — Херсонская, Кишиневская, Екатеринославская и Таврическая; к Харьковской — Харьковская, Донская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Курская, Орловская, Владикавказская и Ставропольская; к Казанской — Казанская, Пермская, Вятская, Симбирская, Оренбургская, Уфимская, Саратовская, Самарская, Уральская и Астраханская; митрополия или экзархат Грузино-Имеретинский с Сухумской епархией, кафедра митрополита или экзарха — Тифлис; к Иркутской — вся Сибирь.

По учреждении в России церковных округов под управлением митрополитов взаимные права и обязанности епархиальных епископов и митрополитов, а тех и других в отношении к высшей церковной власти, могут быть представлены в общем в следующем виде. Согласно 34-му апостольскому правилу, каждому епархиальному архиерею принадлежит право творить только то, что касается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих. Таким образом, вся внутренняя жизнь епархии во всех ее отраслях управляется епархиальным архиереем с его викарием, если таковой где есть; все то, что, по канонам церковным, принадлежит их власти здесь, то остается за ними и при учреждении митрополии. Что касается духовно-учебных заведений, то здесь

назначение преподавателей должно зависеть от епархиального архиерея, а начальствующих этот последний рекомендует и представляет высшей церковной власти, которая и утверждает их. Точно так же по всем тем предметам, кои связаны со средствами, получаемыми от высшей церковной власти, епархиальный архиерей будет зависим от этой последней. Всем епископам округа, по этому 34-му апостольскому правилу, «подобает знати первого в них и признавати его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения. Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех». Это соборное обсуждение дел производится, по 37-му апостольскому правилу, на периодических областных соборах. Таким образом, митрополит между областными епископами пользуется правами первенства и главенства. Он созывает соборы, назначает для них место и время, председательствует на них, предлагает вопросы на обсуждение и руководит обсуждением; он является и естественным наблюдателем по округу за исполнением соборных постановлений. Он же по всем делам областных своих соборов и митрополии сносится с высшей церковной властью. Митрополит также рукополагает епископов для своей области, во всякое время приглашая для сего ближайших епископов.

Соборному обсуждению подлежат дела, касающиеся всего округа митрополичьего, как например, разнообразные вопросы о местном сектантстве, мероприятиях в борьбе с ним, выбор и назначение для сего особых лиц, руководство и наблюдение за ними, местные бытовые особенности, касающиеся богослужебно-приходской практики, избрание и представление к утверждению высшей властью епископов и, наконец, все те церковные вопросы, которые может выдвинуть к особливому вниманию местная жизнь.

Усовершенствование епархиального управления

В местной епархиальной жизни прежде всего надобно признать необходимым усовершенствование в области епархиального управления.

Некоторые существующие органы этого управления в их современном виде, отдельно взятые, представляются необходимыми для епархии, это: канцелярия консистории и ее административная часть, попечительство о бедных духовного звания, епархиальный училищный совет, миссионерский совет, эмеритальная касса с кассой взаимопомощи на случай смерти, правление свечного завода и совет епархиального братства. При некотором упрощении делопроизводства и инстанций в каждом из сих учреждений и возвышении личного состава канцелярских чиновников учреждения эти будут действовать еще быстрее и правильнее.

Усовершенствование духовного суда

Но зато нельзя не видеть самой настоятельной нужды в преобразовании в этой области духовного суда: это — самое больное место в современной епархиальной жизни. Не касаясь здесь детальных недостатков его во всех

подробностях, ибо они сколько сознаны, столько же и выстраданы духовенством в течение веков, укажем только на крайние несовершенства в нем формального производства и недостаточность его личного состава. В этом отношении надобно согласиться вполне с основными принципами реформы суда по проекту Высочайше учрежденного 12 января 1870 года Комитета по преобразованию духовно-судебной части. Надобно признать необходимым совершенное выделение духовного суда от прочих органов епархиального управления. Судьи должны быть лица исключительно духовного сана. Производя суд, духовные судьи не принимают участия в делах администрации. Предварительное расследование дел на местах должно быть предоставлено ныне существующим по благочинническим округам духовным следователям, выбранным округом и утвержденным епархиальным архиереем на три года; от сих лиц дела подготовленные поступают в духовный суд. В составе сего суда должны быть шесть протоиереев или иереев, три из города и три из сел, выбранных самим духовенством и утвержденных епархиальным архиереем. На этот суд в определенный день вызываются обвинитель, обвиняемый и свидетели; после открытого опроса всех и взаимного обсуждения дела духовный суд, по иерейской совести, решает дело. Постановления епархиального духовного суда восходят на окончательное утверждение высшей епархиальной власти. При сем надлежит отделить для духовного суда преступления и проступки против благоповедения, веры и нравственности, а должностные неисправности и упущения предоставляются ведению административной власти консистории, которая имеет право налагать и административные взыскания. Высшую инстанцию духовного суда представляет судебное отделение при верховно-церковной власти. Оно простирает свою власть на всю российскую Церковь и состоит из первоприсутствующего и членов архиерейского и пресвитерского сана, причем архиерейского сана с первоприсутствующим полагается две, а пресвитерского одна треть. Все эти лица назначаются, по представлению высшей церковной власти, высочайшей властью. Здесь производится суд над епископами и по апелляциям на епархиальные духовные суды. Что же касается бракоразводных дел, то еще Комитет 1870 года нашел целесообразным принять за правило, чтобы подобные дела вчинались в светском суде, где и должно вестись все исследование сего дела, по уважению к тому соображению, что исследование достоверности какой-либо из причин развода с большим удобством может быть произведено судом светским, располагающим всеми необходимыми для того средствами; светский же суд приговор свой передает епархиальному начальству для соответственного распоряжения об окончательном признании недействительности. Желательно, чтобы епархиальным архиереем и оканчивались подобные дела.

Объединение епархиальных учреждений

К глубоким недостаткам епархиального управления относится также разрозненность и обособленность епархиальных учреждений, отсутствие между

ними строгого единства действий и согласования; иногда между ними возникают недоразумения, взаимные пререкания и препирательства, вследствие чего тормозится и задерживается нормальный ход епархиальной жизни. Между тем епархиальный архиерей, по причине обширности и многочисленности дел, подлежащих его рассмотрению, лишен возможности со всей тщательностью проверять деятельность каждого такого учреждения. В этом случае ему недостает такого вспомогательного органа, который бы объединял и приводил к согласию действия сих учреждений. Наиболее целесообразным представляется образовать при архиерее особый совет, куда бы поступали все постановления и всех епархиальных учреждений, в том числе и духовного суда, на окончательное утверждение. Таковой архиерейский совет должен состоять из шести членов. Епархиальное духовенство избирает в совет шесть кандидатов из протоиереев или иереев, из них архиерей утверждает трех, а остальные три зачисляются кандидатами; к трем назначенным из выборных архиерей еще назначает трех по своему личному усмотрению. В этом совете епархиальный архиерей председательствует, особенно в исключительно важных случаях, а при отсутствии его председательствует лицо, которому поручает сие архиерей; это же лицо всегда в совете докладывает дела. Все члены совета назначаются на пятилетний срок и пользуются жалованьем от казны. В этом совете постановления отдельных епархиальных учреждении утверждаются, перерешаются или же возвращаются для нового пересмотра, причем члены совета сообща постановляют свое решение по каждому делу. Для делопроизводства совет имеет канцелярию под начальством правителя дел. Делопроизводство разделяется по отделам (всех от 4 до 6). Каждым отделом заведует делопроизводитель; ему дается помощник и соответствующее количество писцов.

О приходе

Епархиальное управление в церковной жизни епархии — это одна сторона. Другая столь же важная — это современная приходская жизнь и отношение народа к интересам церковным. Здесь надобно отметить то прискорбное явление, что приход со своей церковью только номинально значится чем-то целым, единым; на самом деле приход не составляет органического целого, одушевленного живым участием к нуждам церкви и клира; в нем не усматривается и дружной совместной работы для своих религиозно-нравственных нужд: приход редко где содержит на свои общественные средства просветительные и благотворительные учреждения, вообще в нем слаб и малозаметен дух крепкой сплоченности, солидарности; да и юридически он не признается лицом с правом приобретения и владения имуществом. Вопрос об оживлении прихода в духе Церкви — важнейший вопрос народной жизни. Конечно, прежде всего такое оживление в приходе должен возбуждать и постоянно поддерживать клир церковный во главе со священником. Примерная личная жизнь, постоянное дружелюбие и ласковость к прихожанам, живая практическая проповедь, истовое богослужение — все это будет возгревать среди прихожан

ревность по вере и благочестию. Но как достичь оживления в приходе просветительной и благотворительной деятельности? Некоторые полагают достичь такого оживления предоставлением приходу права распоряжения собственно церковными средствами для своих приходских нужд. Но это совершенно неправильная точка зрения на дело. Церковные деньги и имущество есть священное достояние, которое, по 38-му и 41-му правилам апостольским, подлежит власти и распоряжению епископа, с разрешения коего и употребляется оно на нужды собственно церковные. Эти правила не по выводам какимнибудь, а по прямому и буквальному смыслу говорят о совершенно свободном праве епископов управлять и распоряжаться церковно-имущественным достоянием: «Повелеваем епископу имети власть над церковным имением. Аще бо драгоценные души человеческие ему вверены быти должны: то кольми паче о деньгах заповедать должно, чтобы он всем распоряжался по своей власти и требующим чрез пресвитеров и диаконов подавал со страхом Божиим и со всяким благоговением» (Прав. 41-е); «Епископ да имеет попечение о всех церковных вещах и оными да распоряжается, яко Богу назирающу» (Прав. 38-е). А в Постановлениях Апостольских, в гл. 35 кн. II, говорится: «Ты так и поступишь, как Господь постановил, и дашь священнику должное ему, начаток гумна и точила и приношения о грехах, как посреднику между Богом и нуждающимися в отпущении и заступлении, ибо тебе прилично давать, а ему раздавать, потому что он домостроитель и правитель церковных дел. Только не требуй у епископа своего отчета и не наблюдай за домостроительством его, как, или когда, или кому, или где, хорошо ли или худо, или так же как должно, совершает он его. У него есть свой требователь отчета — Господь Бог, вручивший ему такое домостроительство и сподобивший его такого места в священстве». Так определился характер имущественных церковных отношений при самом первоначальном возникновении церковного имущества. Жертва в церковь или на церковь в том и состоит по этой системе, что собственник добровольно отказывается от своего права, т. е. и владения, и распоряжения, и отчуждения, и вместе с самою вещью переносит на церковь и все это свое право. Свв. Иустин и Киприан Карфагенский ясно свидетельствуют, что церковное имущество в их время имело характер церковного или общего, но не общинного имущества, и что распоряжение им было предоставлено предстоятелю церкви. С храмом неразделим причт, духовенство, как «алтарницы, от алтаря питающиеся». Посему забота о нуждах церкви, в силу апостольских и древних церковно-гражданских установлений, должна распространяться и на духовенство. Отсюда вполне законно часть специально церковных средств уделяется на призрение вдов и сирот духовенства и на воспитание детей духовенства. Высшее наблюдение за правильным распределением и расходованием церковных сумм на нужды церкви и духовенства принадлежит, как сказано уже, епископу епархии, а ближайшее и непосредственное — причту, старосте церкви и двум уполномоченным от прихода. Представляется посему незаконным отнять у церкви и духовенства материальные средства и употреблять их на нужды прихода. Несомненно, что, если допустить это, то

все средства церковные пойдут на нужды прихода, и возникает серьезная опасность, что не только сами церкви от этого могут пострадать, но лишатся необходимых средств существования духовно-учебные заведения и епархиальные благотворительные учреждения, которые ныне пользуются крупными воспособлениями от церквей. Можно быть уверенным, что при водворении такого порядка духовно-учебные заведения должны быть закрыты, и дети духовенства останутся без воспитания; серьезно пострадает от этого и дело призрения лиц духовного звания. А это было бы горе великое, которое нельзя искупить выгодами чисто приходскими.

Храм есть центр и источник духовной жизни прихода. Поэтому принадлежащие к нему прихожане не только не имеют права посягать на его средства, но всячески должны из своих средств содействовать его благоустройству и благолепию, а вместе с этим и обеспечению причта. Действительное же оживление приходской, чисто общинной деятельности должно заключаться в открытии и благоустройстве на общинные средства в границах прихода церковно-просветительных и благотворительных учреждений, и в этом случае приход должен располагать своими особыми, отдельными от церкви средствами. Вот в этой области приходу, по праву, предоставляется распоряжаться по своему усмотрению. В этом случае во главе прихода надобно поставить приходское собрание и церковно-приходский совет, выбираемый общим приходским собранием, в котором должны принимать участие все члены прихода. Справедливо некоторые указывают, что в свое время церковно-приходские попечительства не могли оживить церковно-приходской жизни именно потому, что к участию в церковно-общественном деле были призваны не все прихожане и, затем, церковная община не была призвана целиком к контролю над общественными доходами и имуществом. Надобно, чтобы сие приходское собрание как выбирало состав изменяемых членов совета, так и контролировало его действия, получая от него ежегодный всесторонний отчет, обсуждая его и предуказывая совету дальнейшие задачи и средства их осуществления. В состав совета должны войти непременные члены его: председатель — настоятель церкви и другие священники сей церкви и церковный староста, а от прихода — выборные общеприходским собранием, так чтобы число их было четное и превышало бы число непременных членов; срок избрания — три года. Проект сих советов и приходских собраний прекрасно разработан для православных приходов Финляндии. Этот совет для своей деятельности получает средства, определенные приходским собранием, из приходских сборов со всех членов прихода, пожертвований и из дохода от своего приходского имущества. На эти средства совет устраивает в приходе: школы, богадельни, детские приюты, ясли, больницы, библиотеки т. п., на владение коими приход обязательно должен иметь право юридического лица. При этом совет, с разрешения приходского собрания, должен своими средствами помогать нуждам церкви, например на украшение, расширение, перестройку храма и др., и нуждам причта. В этом последнем отношении приход заботится о причтовых квартирах и устройстве, ремонте и расширении их, а также об обеспечении причта опре-

деленным вознаграждением за труд. Существующий способ обеспечения духовенства платою за требы служит главной и очевидной причиной расстройства нормальных отношений между причтом и прихожанами, причиной стяжательности духовенства, вымогательств и бесчисленных тяжб с прихожанами. Через это авторитет духовенства упал, а желающих поступить на духовную службу оказывается все меньше и меньше. Все это неизбежно ведет к упадку церковной жизни. Тогда как более или менее обеспеченное содержание причта, несомненно, отразится самым благотворным образом на приходской его деятельности. Первую помощь духовенству в этом отношении оказывает государство, выдавая членам причта казенное жалованье, которым оно должно всегда пользоваться и впредь. Правда, это жалованье совсем недостаточно для его содержания. Вот в этом-то случае организованный приход из своих определенных приходских средств и может чрез совет выдавать причту более или менее достаточное жалованье. Известная сумма для сего может поступать в церковный совет вместе с обычными приходскими сборами. При сем представляется справедливым, во избежание приходского произвола, чтобы везде от прихода выдавалось жалованье членам причта в одинаковой пропорции, а именно: настоятелю — на одну четверть больше его помощника-священника, диакону — на половину меньше священника, а псаломщику — на половину меньше диакона. С водворением в приходах такого порядка естественно ожидать, что приходы, если не все, то некоторые, будут заявлять свое право выбора желательных кандидатов на священноцерковнослужительские места. Это право может быть им предоставляемо, но не иначе как только под условием, чтобы сии кандидаты имели определенный образовательный ценз, подвергались испытанию в своей правоспособности епархиальным архиереем и только после сего назначались сим последним. Этим бы ограждалось законное право епархиального архиерея в назначении священноцерковнослужителей епархии и удовлетворялось бы естественное желание прихожан.

Об усовершенствовании духовно-учебных заведений

По вопросу об усовершенствовании духовно-учебных заведений, предположенному к рассмотрению на Соборе, надобно сказать следующее. Реформа современных духовных училищ и семинарий необходима. Причины, вызывающие необходимость этой реформы, указаны в предложении от 28 июня 1905 года г. синодального обер-прокурора, а именно: многопредметность с обширными программами, требующая больше механического усвоения и не дающая общего умственного развития, постоянная перемена начальствующих лиц и расстройство отсюда дисциплины, бегство от духовно-пастырской службы лучших воспитанников сих училищ. К этому надобно прибавить еще и следующие обстоятельства, неблагоприятные для духовной школы. В ней специально богословское обучение смешано с общеобразовательным, отсюда крайняя недостаточность общего образования и несконцентрированность, разбросанность богословского обучения, не приспособленного к известному разви-

тию и возрасту учащихся. Такое смешение вредит как первому, так и второму, делая учеников как отсталыми в общеобразовательном отношении, так и плохими богословами. К этому еще надо присоединить и то, что вследствие духовно-сословного характера семинарии и училищ к пастырскому служению насильственно приготовляются лица, не чувствующие к этому призвания. Ввиду всего вышеуказанного нам представляется наиболее целесообразной реформа духовных школ в смысле проекта архимандритов Филарета (впоследствии еп. Рижского) и Михаила (впоследствии еп. Курского), пропечатанного в журнал «Церковные ведомости» № 39 1905 года. Основная идея предстоящей училищной реформы должна состоять в совершенном отделении школы общеобразовательной от специально-пастырской. Для сего нынешние духовные училища должны быть превращены в общеобразовательные училища с семилетним курсом применительно к гражданским среднеучебным заведениям — гимназиям, а нынешние семинарии — в специально-богословские училища с трехлетним курсом. И те и другие должны быть в ведении духовного начальства и содержаться, как и ныне, отчасти на казенные, а отчасти на местные епархиальные средства. Общеобразовательные духовные училища назначаются главным образом для детей духовенства, которые отсюда будут правоспособны поступать куда угодно и по светской дороге. Но, с другой стороны, в сих духовных училищах, не в ущерб общеобразовательным наукам, должно быть усиленное преподавание Закона Божия, а также философии, психологии и логики, должен поддерживаться благочестивый строй жизни, и посему можно надеяться, что именно отсюда будет поступать в семинарию наибольший контингент. Духовные училища находятся под ближайшим наблюдением епархиального архиерея и под непосредственным управлением смотрителя. Составными частями училищного управления должны быть: училищное управление и педагогический совет. Духовные училища ни в каком отношении не должны быть заведениями, подчиненными семинариям. Само собой разумеется, что как общеобразовательные предметы, их программы, количество уроков, метод и характер преподавания, так равно и контингент классных наставников в сих духовных училищах должны быть на уровне, если не выше, соответственных гражданских учебных заведений. Семинария же открыта для всех сословий. Сюда поступают без экзамена из духовных училищ и по проверочному экзамену из всех средних учебных заведений, учительских семинарий, церковных второклассных и учительских школ. Здесь преподается круг только богословских наук по программам, утвержденным высшей церковной властью, с таким ежедневным распределением уроков, чтобы дать учащимся время для их домашних занятий, которые должны состоять в усвоении преподанного, в чтении полезных книг и составлении сочинений. Желательно, чтобы ректор и преподаватели были лица по преимуществу в духовном сане. Воспитание здесь будущих служителей Церкви должно зависеть не столько от инспекторского надзора, сколько от нравственного влияния всех наставников и воспитательного характера их преподавания. Общий строй жизни сих семинарий должен быть проникнут духом церковности.

Образцовое богослужение, обязательное для всех по воскресным и праздничным дням, по средам и пятницам Великого поста, и ежедневное для посещения желающих, каждодневная утренняя и вечерняя общая молитва, широко поставленное проповедничество, упражнения в миссионерских беседах, — должны содействовать сему. Непосредственное управление семинарией по всем частям, под ближайшим наблюдением епархиального архиерея, принадлежит ректору при содействии всех преподавателей, составляющих совет семинарии. Преподаватели семинарии и духовного училища утверждаются в своих должностях епархиальным архиереем, а ректор и смотритель, по представлению епархиального архиерея, назначаются высшей церковной властью. Представляется необходимым, чтобы поступали в областные духовно-учебные заведения начальниками лица, особенно подходящие к местным религиозно-нравственным нуждам. Для сего высшая церковная власть, пред назначением сих лиц, осведомляется у митрополита, насколько это лицо желательно для митрополии. Что же касается числа учащихся, способов их содержания, окладов жалованья преподавателей и всех прочих деталей в строе сих училищ и семинарий, то все это должно быть сообразовано с потребностями жизни, размерами и источниками материальных средств.

О порядке приобретения Церковью собственности

Подлежит соборному рассмотрению также и пересмотр законов, касающихся порядка приобретения Церковью собственности. Право приобретения церквами, монастырями и архиерейскими домами недвижимой собственности ограничивается в законах гражданских и о состоянии обязательством на таковое приобретение испрашивать Высочайшее соизволение. Но процесс испрашивания Высочайшего соизволения через центральное Синодальное Управление затягивает время, и чрез это упускается возможность в надлежащий момент и с надлежащей выгодой сделать приобретение. Уже одна перспектива обращаться к такому ходатайству по поводу желаемого приобретения заставляет нередко отказываться от этого приобретения. Да притом возможны, в силу существа этого правила, случаи и не разрешения в центральном Синодальном Управлении подобных приобретений. Ввиду сего представляется действительно необходимою совершенная отмена существующего ограничения по приобретению имуществ. Ограничение это, обязывающее епархиальное и центральное Синодальное Управление входить в рассмотрение этого рода дел, имеет свой смысл в том, чтобы ограждать церкви и монастыри от приобретений ненужных, невыгодных, спорных и т. п. Но все такие обстоятельства касательно приобретаемых имуществ лучше всего могут быть исследованы на месте епархиальным начальством. Посему надобно предоставить церквам, монастырям и архиерейским домам делать подобные приобретения каждый раз с согласия архиерейского совета и с утверждения епархиального архиерея нотариальным порядком. Вместе с сим представляется самая настоятельная нужда в признании законом за церквами, духовенством и монастыря-

ми прав юридического лица на приобретение для себя имуществ в вышеуказанном порядке так, чтобы имущество — приобретенное церковью принадлежало церкви, а доходами с него пользовались или одна церковь, или же пополам церковь и причт, смотря по условию приобретения, — приобретенное причтом принадлежало церкви, а доходами пользовался причт, — приобретенное духовенством или монастырем им бы и принадлежало с доходами. Этим бы устранена была навсегда необходимость укреплять имущество не за действительным приобретателем, например духовенством, а за фиктивным — епархиальным начальством или учебным заведением, имеющими права юридического лица. С другой стороны, признание этого права за духовенством вполне отвечало бы тому единству жизни и интересов, коими проникнуто оно в одной и той же епархии, подобно как признание подобного права за приходом содействовало бы объединению его в цельную общину.

О епархиальных съездах

В силу закона 17 апреля о веротерпимости Церковь ныне призывается к самому энергичному развитию самостоятельной, живой и свободной религиозно-просветительной деятельности. Не рассчитывая на внешнюю поддержку и покровительство светских властей, представители Церкви должны в себе самих, в своем одушевлении и своей взаимной солидарности находить и побуждение и силу для укрепления духа Церкви в среде народа. Епархиальное духовенство, под мудрым руководительством своих архипастырей, лучше всего может объединяться, укрепляться и вырабатывать себе наилучшие способы и средства своей деятельности на так называемых епархиальных съездах. Этим съездам надобно посему придавать особливо важное значение в жизни духовенства. Первоначально, по семинарскому уставу 1867 г., они должны были удовлетворять специально нужды семинарии, мужских и епархиальных женских училищ. Но впоследствии, как совершенно справедливо говорится в предложении г. обер-прокурора, по указаниям епархиальных преосвященных и по требованиям самой жизни, съезды стали выходить из этих тесных рамок и стали принимать к своему суждению общеепархиальные материальные нужды миссионерские, благотворительные и церковно-хозяйственные. Благодаря этому во многих епархиях возникли эмеритальные взаимовспомогательные кассы, свечные заводы, склады для разных предметов церковного обихода: вина, масла, ладана, утвари, облачений. Кроме сего, некоторые епархиальные преосвященные, пользуясь прибытием на съезд священнослужителей из разных мест епархии, часто самых захолустных, вступают с ними в собеседования и по религиозно-нравственным вопросам, оказывая на них непосредственное архипастырское воздействие и в свою очередь знакомясь с такими явлениями приходской жизни, которые недоступны наблюдениям при епископских объездах епархии. Со всем этим надобно вполне согласиться. Расширение сферы деятельности сих съездов вызывается жизнью и оказывается весьма полезным для успехов епархиальной жизни. Но здесь

прежде всего возникает вопрос о составе сих съездов. Для развития в епархиальном духовенстве самодеятельности, взаимного доверия, солидарности и для призвания из среды его к административной службе доверенных лучших людей необходимо ввести в жизнь духовенства выборное начало в применении к избранию: благочинного, его помощника, членов благочиннического совета, духовника, духовного следователя, членов архиерейского совета. В силу последовательности, и депутаты в состав сих съездов должны быть нарочито выбранные и уполномоченные доверием всего духовенства. Но некоторые епархиальные архиереи созывают на эти съезды только благочинных епархии в силу следующих соображений. Благочинные являются лицами, более осведомленными о состоянии подведомственных им церквей, причтов и приходов, чем случайно выбранный в депутаты священник одного отдельного прихода; благочинные — большей частью люди почтенные и умудренные опытом и знанием жизни, тогда как в депутаты на съезд нередко попадают иереи молодые и малоопытные; а самое важное в этом случае обстоятельство то, что эти благочинные, после собеседований на съезде со своим архипастырем, являются самыми действительными и удобными проводниками в жизнь епархии архипастырского влияния и выработанных мер к возвышению церковно-приходской жизни, каковым целям не в состоянии служить выборные депутаты, возвращающиеся в свои приходы и не имеющие влияния на свои округа. Ввиду всех этих обстоятельств, во внимание к основному в жизни духовенства выборному началу, необходимо составлять съезды из выборных депутатов. Можно надеяться, что, по крайней мере на первых порах по введении выборного начала, на сии съезды будут присылаемы духовенством те же благочинные, как выбранные и облеченные его доверием. Если же впоследствии все-таки будут на съезды являться специально выборные уполномоченные, то, помимо этих съездов, для специальных целей епархиального архиерея могут быть собираемы нарочитые съезды только благочинных епархий.

Несомненно, что в настоящее время епархиальные съезды должны иметь прежде всего религиозно-нравственное значение для епархии: в этом должно заключаться главное существо съезда. Здесь епархиальный архиерей совместно с представителями духовенства, как на епархиальном соборе, обсуждает все разнообразные стороны и нужды церковно-приходской жизни и деятельности духовенства. Из этих собеседований на съезде сам епархиальный архиерей может получать и подкрепление и правильное освещение своих личных сведений о жизни, нуждах и особенностях своей епархии. А в таком случае эти епархиальные соборы могут служить епархиальному архиерею подготовкой к митрополичьему собору, в который он внесет верные и точные сведения о своей епархии. Местом епархиальных съездов должен быть, конечно, кафедральный город архиерея — губернский, а наиболее подходящее время для сих съездов будет начало сентября, как время, наиболее свободное для духовенства в пастырском и хозяйственном отношениях, и время привоза детей в учебные заведения.

Также важное значение в религиозно-нравственном отношении должны иметь уездные, окружные благочинические и миссионерские съезды духовенства, как бы малые соборики. Представляется целесообразным выработать для всей епархии определенный порядок, время и место сих съездов. В особенности плодотворны были бы сии съезды, если бы они приурочивались иногда нарочито ко времени архипастырских обозрений сих уездов. Этим бы давалась возможность епархиальному архиерею посещать сии съезды духовенства и иметь с ним общее обсуждение церковно-приходской жизни уезда и местных округов и указывать здесь на месте наилучшие меры к достижению пастырских целей.

Другая важная сторона деятельности епархиальных съездов — это забота о епархиальных духовно-учебных заведениях, в каковой области духовенству желательно бы предоставить обсуждение не только экономически хозяйственных, но и воспитательных нужд сих заведений, и, затем, забота о своих епархиальных взаимовспомогательных учреждениях: эмеритальной кассе, кассе взаимопомощи на случай смерти, сиротских приютах, свечном заводе и складах для разных предметов церковного обихода. В этой области, как уже показал многолетний опыт, деятельность съездов, под руководством епархиального архиерея, оказывается в высшей степени плодотворной. Признавая необходимым дальнейшее развитие этой стороны епархиальных съездов, надобно, однако, указать те права и полномочия, коими в этом случае может располагать съезд. Совершенно справедливо, что некоторые съезды, вовлеченные в сферу общеепархиальных нужд, присвоили себе право полномочных хозяев, дозволяющих себе не только установлять разные обязательные сборы и облагать ими церковные доходы, но даже распоряжаться эксплуатацией церковных оброчных статей. Съезды — полноправные распорядители личных средств, сборов и взносов духовенства. Что же касается церковных доходов и оброчных статей, то это — священное достояние Церкви, находящееся во власти и распоряжении епископа Церкви. Посему съезды не имеют права самовольно распоряжаться сими церковными средствами и смотреть на них, как на достояние духовенства. В последнее время уже почти во всех епархиях устроены епархиальные свечные заводы, по мысли архипастырей и при широком содействии епархиальных съездов. В настоящее время свечные заводы являются для епархиального духовенства самым крупным источником доходов, кои духовенство почти целиком и употребляет на нужды своих духовно-учебных заведений. Вправе ли оно так поступать? Доход свечного завода — это собственность церквей. Поэтому было бы справедливым часть этого дохода употреблять и на нужды церквей и на миссионерское дело в епархии. Съезды имеют право проверять и улучшать ведение дела в подобных епархиальных учреждениях, но расходовать доходы могут только с разрешения и утверждения епархиального архиерея. Да и все другие постановления епархиального съезда восходят к нему же на рассмотрение, одобрение и утверждение. Духовенство епархии должно всегда иметь это в виду. Епархиальные съезды, действуя в указанных рамках, под руководством своего епархиально-

го архиерея, несомненно, могут и дальше достигать самых благоприятных результатов. В таком смысле епархиальным съездам надобно присвоить значение действительно вспомогательного органа при епископе не только по вопросам о материальных, но и религиозно-нравственных нуждах.

Об участии священнослужителей в общественных учреждениях

Для более успешного проведения в жизнь народа истинно православных начал, необходимо предоставить духовенству русской Церкви право участия в деятельности общественных учреждений. До последнего времени духовенство было лишено этого права. Представители клира могли принимать участие в городских и земских учреждениях только в качестве депутатов епархиального начальства. При сем члены причта не могли участвовать в выборах гласных и сами быть ими избираемы, а также участвовать и в сельских сходах. Такое ограничение общественных прав духовенства неминуемо приводило к совершенному упадку его общественной роли и влияния. Это ясно стало видеть гражданское правительство и само общество. В последнее время стали из светской среды раздаваться сильные голоса о поднятии общественной роли духовенства. Государственная власть признавала православие и Церковь главной своей опорой и единственно надежной зиждущей силой и целым рядом мер стала призывать духовенство к общественной деятельности, например, создавши положение о церковно-приходских школах, увеличивая с каждым годом отпуск казенного содержания беднейшим причтам, назначивши духовенству усиленную пенсию. Наконец, с высоты Престола раздался призыв духовенства к оживлению пастырской деятельности и к участию в общественно-государственной работе на пользу народа — см. Высочайший манифест от 27 февраля 1903 года. В сем же году Высочайшею волею духовенству сельскому предоставлено право участия в выборах в Государственную Думу. Таким образом, уже самим общественно-государственным сознанием признано за духовенством право на общественную деятельность. Надобно только узаконить его юридическим порядком и распространить его на духовенство не только сельское, но и городское, и в отношении ко всем общественным учреждениям. Мнение некоторых, что общественная деятельность духовенства не согласуется с прямыми обязанностями и вечными началами пастырского служения, и опасение их, что духовенство увлечется в политическую борьбу, неосновательно, ибо противоречит как истории православной Церкви, так и взгляду на сие самой государственной власти и общества, очевидно, не разделяющих подобного опасения. Между тем участие в общественных учреждениях пастырей Церкви, которым не должны быть чужды и мирские нужды своих пасомых, открывает широкое поприще для проведения в этой области чистых христианских начал и для утверждения своего нравственно-просветительного влияния.

Помимо всех вышеозначенных вопросов, подлежащих обсуждению и разрешению Всероссийского Поместного Собора, было бы желательно, чтобы сей Собор своим авторитетнейшим голосом высказался и по следующим еще вопросам, весьма важным в современной церковной жизни: во-первых, об истинных причинах разделения старообрядцев и православных: какими способами уяснить старообрядцам сущность тех клятв, кои изречены Великим Московским Собором 1666—1667 годов? Могут ли быть отменены или же смягчены строгие постановления этого Собора касательно старообрядцев? Не может ли предстоящий Собор подъять на себя великую миссию примирения со старообрядческим миром? Во-вторых, по вопросу о современном единоверии: нужен ли для единоверия и полезен ли будет ему отдельный епископ и в какие отношения его поставить к высшей церковной власти? В-третьих, по вопросу об инославных вероисповеданиях и в частности о старокатолицизме: сколько в них есть элементов вселенского православия и возможно ли на этой почве христианское сближение с ними православной Церкви? В-четвертых, по вопросу о современных православных монастырях: как поддержать в них, или же хотя бы в знаменитейших из них, богослужебный чин во всей чистоте и полноте первоначального устава? В-пятых, по вопросу о богослужении в приходских храмах: как поддержать и урегулировать здесь богослужебный устав, как поддержать церковное пение и чтение? Да и весь состав богослужебных книг не надлежит ли настоятельно пересмотреть со стороны языка, изложения, противоречий, несогласованности? В-шестых, по вопросу о постах: какие здесь возможно сделать уступки, дабы почти неизбежное нарушение поста не смущало совести православного? В-седьмых, по вопросу о брачных формальностях: не освободить ли, наконец, навсегда духовенство от ответственности за неправильные предбрачные документы или же непредставление таковых, с возложением таковой ответственности на брачащихся и их поручителей, и этим снять с духовенства великую служебную тяготу и причину всяких нареканий?

Все подобные вопросы тем более нуждаются в своем разрешении, что касаются они практической жизни православных и составляют уже давно для них самое наболевшее место. Наконец, представляется настоятельно необходимым соборное разрешение вопросов, связанных с Высочайшим указом 17 апреля о веротерпимости: о способах ограждения православных от совращений, о способах и характере православного миссионерства, о ясной и подробной разработке правил о смешанных браках и т. п.

№ 3

преосвященного Вениамина, епископа Калужского, **от 9 ноября 1905 года**

Протоколы заседаний комиссии по разработке вопросов, предположенных к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви

Протокол № 1

Сознавая всю великую важность и значение *прихода* в современной церковно-религиозной и церковно-общественной жизни, с одной стороны, а с другой — принимая во внимание почти полный упадок современной приходской жизни, результатом чего естественно является общая вялость всей церковной жизни, комиссия признавала бы вполне желательным и необходимым оживление церковно-общественной жизни путем возбуждения среди членов прихода, клира и мирян более тесного объединения на почве сознания единства религиозно-церковных интересов. Могучим средством для этого является возрождение православного церковного прихода, с восстановлением полной его самостоятельности и самоуправления, по образцу первоначальной христианской общины и приходского устройства, господствовавшего в древнерусской Церкви. Самая организация прихода может быть представлена в следующем виде.

Во главе прихода стоит церковно-приходская община с *правом юридического лица*; как таковая, она правоспособна приобретать разного рода имущества всеми способами и средствами, которые предоставлены законом каждой юридической единице. Для устойчивости приходской жизни и возбуждения ее жизнедеятельности весьма желательно восстановить право прихода на участие вместе с клиром в заведовании всеми церковными суммами и имуществом.

Органом, через который проявляет свою деятельность община, служит *церковно-приходское собрание*. В состав этого собрания входят клир и все прихожане мужского пола, по голосовому списку, исключая несовершеннолетних; собрание бывает один или два раза в год, под председательством настоятеля церкви, и ведает всеми сторонами церковно-приходской жизни: духовно-просветительной, благотворительной и церковно-хозяйственной. В частности, обязанности церковно-приходского собрания могут быть определены так. Его ведению подлежит:

1) утверждение голосового списка прихожан;

2) выбор церковного старосты и назначение членов церковно-приходского совета;

3) утверждение смет по расходу церковно-приходских сумм: на поддержание в благолепии храма, на ремонт домов причта и на сооружение или обновление других приходских учреждений;

4) определение правил для заведования и расходования сумм и имуществ прихода, а также установление порядка ведения отчетности и проверки последней;

5) благоустройство кладбища и заведование им;

6) разрешение дел по особым требованиям высшего начальства;

7) ввиду того, что выбор прихожанами кандидатов в клир не противоречит по существу каноническим правилам древней Церкви греческой и практике русской Церкви, желательным является и предоставление церковно-приходской общине права предызбрания и рекомендации местному епископу желательных для нее кандидатов на различные церковные должности, но при условии, чтобы рекомендуемые вполне удовлетворяли всем требованиям, предъявляемым высшей церковной властью особенно к кандидатам священства. Таких предызбранных и достойных кандидатов епископ возводит в священные степени; если же община не укажет в течение месячного срока своего кандидата, или предызбранный не будет удовлетворять требованиям для кандидата священства, то епископ назначает кандидата по своему усмотрению, так как епископу, собственно, и принадлежит это право.

Постоянным выразителем голоса церковно-приходского собрания и исполнителем его воли является *церковно-приходский совет.*

Церковно-приходский совет состоит из приходского священника, церковного старосты и прихожан, избранных на определенный срок церковно-приходским собранием от сельского общества, каждого поселка и деревни, но с тем, чтобы число выборных членов было четное и превышало число постоянных. Церковно-приходский совет, под председательством настоятеля прихода (или лица, его замещающего), собирается по инициативе председателя совета, смотря по церковно-приходским нуждам, или когда о том просит не менее половины числа членов совета. Ведению совета могут подлежать следующие дела:

1) хранение и заведование церковным имуществом и капиталами;

2) предварительное составление сметы расходов и доходов по приходу;

3) прием пожертвований на церковно-приходские нужды и взимание сборов, установленных церковно-приходским собранием;

4) избрание уполномоченных на благочиннические собрания, в суд и другие места;

5) внесение в церковно-приходское собрание различных представлений и проектов, вызываемых нуждами прихода;

6) осуществление постановлений общего собрания: по содержанию храма, ремонту причтовых помещений и развитию других церковно-приходских учреждений;

7) указание церковно-приходскому собранию кандидатов на должности клира, учителей и другие места;

8) принятие всех поступающих на имя прихода бумаг, ведение переписки с разными местами и лицами по делам прихода и др.

Но если и будет восстановлена на этих началах церковно-приходская община, все же ее жизнь будет тормозиться, если останутся прежние, отжившие свое время, унизительные и подрывающие авторитет духовенства способы его обеспечения. Только тогда поднимется пастырская деятельность, распространится влияние ее на всю церковно-общественную жизнь, и от преобразования приходской жизни можно ожидать благоприятных последствий, когда духовенство будет обеспечено жалованьем от казны на тех основаниях, на каких получают его все лица, состоящие на государственной службе по разным ведомствам. Средства для такого обеспечения могут быть получены Правительством путем обложения приходского православного населения; но при этом, мысля православное русское духовенство семейным и ввиду настоящей дороговизны жизни вообще, а особенно дорого стоящего образования детей, желательно было бы считать, по крайней мере для Калужской губернии, нормальным жалованьем, при церковно-общественных квартирах, для сельского священника 1200 рублей, диакона 800 рублей и псаломщика 400 рублей, а для городского духовенства: священнику 1500 рублей, диакону 1000 рублей и псаломщику 500 рублей. При таком обеспечении от казны духовенство обязано было бы все необходимые по приходу и храму службы и требы исполнять бесплатно, а необязательные — по положению, какое будет установлено Правительством или епархиальным церковным собранием.

А чтобы жизнь и деятельность приходов была равномерней, и жизнеспособность в малых приходах была больше и шире, желательно в возможных случаях уравнение приходов, и нежелательно открытие новых приходов, если в них насчитывается приходских душ менее 800 душ мужского пола.

Протокол № 2

Организация церковного управления

Выходя из той мысли, что русская православная Церковь, согласно с учением православной греко-восточной Церкви, признает епископскую власть центральным органом епархиального управления, а другие органы этого управления — вспомогательными епископу и действующими по данному от него полномочию, комиссия полагала бы желательным иметь такую организацию епархиального церковного управления, которая отвечала бы этим основным положениям и при которой действительно возможна бы была тесная, живая связь и взаимоотношение между епископской властью и органами епархиального управления, как это было в древней христианской Церкви. Намечая далее самую организацию этого управления, комиссия полагала бы вполне возможным облегчить епископов от множества мелочных дел по епархиальной администрации, передав их в ведение низших церковно-административных органов и предоставив в то же время каждой инстанции самостоятельно

заведовать известным кругом дел, ей указанных непосредственно компетенцией архиерейской власти.

Уездная церковная организация

Оставляя действующий орган церковно-епархиального управления — *благочинных*, и мысля их, как ближайших советников и руководителей духовенства вверенного им благочиннического округа, признавалось бы желательным, в видах большей плодотворности их деятельности, благочиннический округ ограничить десятью или двенадцатью церквами или общинами. Благочинный для такого округа избирается духовенством и приходскими представителями — по два от прихода: священник и церковный староста. К обязанностям благочинного вполне возможно бы было отнести: 1) два раза в полугодие объезжать благочиние и наблюдать за исправностью и поведением клира, за религиозно-нравственным состоянием приходских общин, за отношениями клира и мирян между собой; при этом, как главный руководитель церковно-приходских общин и ближайший наблюдатель за жизнью их, благочинный дает нужные советы, разрешает недоразумения, указывает неисправности и т. д.; 2) благочинный отмечает выдающиеся явления религиозно-нравственной жизни церковных общин, особых энергичных, учительных и содействующих церковно-просветительной и благотворительной деятельности прихода — пастырей, а равно и других лиц; сообщает, в видах исправления ненормальностей в приходской жизни, один раз в год ведомостью о ходе церковной жизни во вверенных ему приходах уездному церковному совету; 3) под председательством благочинного устраиваются братски совещательные собрания о разных затруднительных случаях церковно-приходской жизни, о мерах к поддержанию веры и доброй нравственности в народе; в этих совещаниях могут принимать участие и миряне, церковные старосты и другие, выбранные приходами, полезные для дела лица. Здесь же могли бы разбираться разные взаимные недоразумения и пререкания между членами клира и между клиром и мирянами, пререкания, которые без всякого формального следствия могли бы быть окончены миром. Дело ведется без формальных протоколов, кроме случаев, когда собрание признает нужным составить формальный протокол, чтобы направить дело в высшие административные органы управления.

Второй после приходской общины церковно-административною юридической единицей является *уездное церковное собрание*. В состав его входят: а) непременными членами: уездный протоиерей и благочинные; б) уездное духовенство — священники и в) выборные от приходских общин, по одному от прихода. Уездное церковное собрание ведает дела, касающиеся всего уезда по сторонам благотворительной, духовно-просветительной и экономической. В частности, на обязанности уездного церковного собрания лежит: 1) вырабатывать основы для разрешения дел: а) по церковному хозяйству (свечные операции, постройка и ремонт храмов и др.), б) по церковной благотворитель-

ности и в) по распространению церковного просвещения в уезде; 2) уездное церковное собрание разрешает недоумения и предложения церковно-приходских общин; 3) избирает членов уездного церковного совета, а также членов в суд; 4) заслушивает предложения уездного церковного совета, его годовые отчеты по разным сторонам церковно-приходской жизни и отсылает епископу; 5) входит с ходатайствами в епархиальное церковное собрание, а по другим — непосредственно к епископу; 6) указывает права и полномочия церковному совету и ревизует его; 7) делает раскладку: на содержание уездного попечительства, церковных школ, членов совета, благочинных, на содержание органов епархиального управления, разлагая назначенную епархиальным собранием сумму на округа в своем уезде; на духовно-учебные заведения и т. п.

Постоянно действующим исполнительным органом при церковно-уездном собрании является *церковный уездный совет*. В состав последнего входят: а) постоянный член — уездный протоиерей и б) выборные от уездного собрания члены: три духовных и четыре светских — мирян. Роль церковного уездного совета исполнительная: он приводит в исполнение все постановления уездного церковного собрания, а также подготовляет все нужные для этого собрания дела и документы. В частности, на уездном совете как постоянно действующем органе могут лежать следующие обязанности: а) прием, просмотр и хранение всяких приходских отчетностей со всего уезда с ответственностью за неправильность их; б) выдача справок и выписок из метрических книг и других церковных документов; в) разрешение ремонтов церквей и других церковных зданий, причем постройка новых церквей производится только с разрешения местного епископа; г) наблюдение за поведением всего уездного клира; д) фактическое наблюдение за учебными и благотворительными учреждениями в уезде, как-то: церковно-приходскими школами, попечительствами, богадельнями и проч.; е) утверждение церковных старост; ж) составление отчета уездному собранию, подготовление дел к собранию, например, по школьным вопросам и церковному хозяйству, составление раскладочной ведомости и проч.; з) переписка с разными лицами и учреждениями, хранение архива.

Церковно-уездные собрания могут собираться два раза или один раз в год. На уездных собраниях избираются представители в епархиальное церковное собрание: два от духовных и два от мирян. Время собрания назначается на предшествующем собрании; собрание бывает действительно при наличности $^2/_3$ членов, во второй раз — при наличности явившихся, причем зависит от собрания признать необходимым участие в собрании всех или некоторых членов.

Протокол № 3

Епархиальная организация

Высшим и ближайшим к епископу органом епархиального управления могло бы быть *епархиальное церковное собрание*, которое, за освобождением

от дел менее важных, переданных в низшие инстанции церковного управления, должно помогать епископу в важнейших делах, а также дать возможность ему ближе ознакомляться с потребностями паствы. В состав епархиального церковного собрания входят: 1) председатель, избираемый из духовных лиц закрытою баллотировкой; 2) выборные от уездных церковных собраний: два от духовных и два от мирян; 3) представители от монастырей, хотя бы по одному. Собрание действительно при $^2/_3$ членов его; причем вообще было бы желательно считать прибытие всех членов в епархиальное собрание обязательным. В состав собрания входят непременными членами: ректор семинарии, смотрители духовных училищ, председатель совета епархиального женского училища. Епархиальному церковному собранию подлежат все дела, касающиеся всей епархии по всем сторонам ее церковной жизни: духовно-просветительной, благотворительной, церковно-хозяйственной и других. В частности, епархиальное собрание: 1) заботится о правильной постановке и развитии духовного просвещения в епархии через устройство и содержание духовных училищ мужских и женских, богословских курсов, школ второклассных и церковно-учительских, а для сего соображает сметы расходов, делает возможную раскладку сумм по уездам и ходатайствует об отпуске казенных сумм в требующемся количестве через своего епископа; 2) согласует между собою разные формы епархиальной благотворительности, указывает лучшие; 3) имеет особенное попечение об утверждении веры и Церкви православной в тех местах, где заметно сильное влияние расколо-сектантства и недостаток местных средств для надлежащей с ними борьбы; 4) заботится об улучшении быта заштатных священноцерковнослужителей; 5) имеет суждение о развитии операций свечного завода; 6) избирает 6 членов в епархиальный церковный совет: три от духовенства и три от мирян; 7) определяет размер жалования им, для чего делает раскладку по уездам или ходатайствует о казенном жаловании; 8) разбирает недоумения и проекты уездных церковных собраний; 9) обсуждает вопрос о разных сборах на нужды края, духовно-просветительные и благотворительные; 10) возбуждает ходатайства перед высшей властью и 11) выражает пожелания при избрании кандидатов на епископскую кафедру своей епархии.

Постоянным выразителем голоса епархиального церковного собрания служит *епархиальный церковный совет* при епископе. Совет объединяет в себе все теперешние учреждения: консисторию, совет и правление училищ, миссионерский комитет, попечительство, правление свечного завода, епархиальный училищный совет и другие, которые уже должны упразднiться. В состав совета входят: а) 6 членов, назначенных по усмотрению епископа: три духовных лица и трое мирян; б) 6 от епархиального церковного собрания, причем ректор семинарии, смотрители духовных училищ, председатель совета женского училища входят непременными членами только по духовно-учебным делам, и один член назначается от монастырей. Желательно, чтобы во главе совета состоял викарный епископ или уже, за отсутствием последнего, лицо по усмотрению епископа. Все члены совета получают определенное

содержание, лучше казенное. При совете имеется канцелярия. Правитель дел канцелярии избирается советом, а утверждается епископом. Канцелярия состоит из разных отделов; в каждом отделе — делопроизводитель и писцы. Правитель дел, делопроизводители и писцы состоят на государственной службе, при казенном содержании. Делопроизводители и другие лица канцелярии избираются советом, им же и утверждаются. Председатель совета руководит всеми отделами совета, остальные члены заведуют лишь отделами, кои могут распределяться на: а) административные или церковно-распорядительные, б) церковно-хозяйственные, в) церковно-просветительные, г) церковно-благотворительные и д) миссионеро-проповеднические. Председатель совета состоит и председателем каждого отдела, а заведующий старший член отдела — помощником председателя, по своему отделу.

Во главе епархиальной Церкви стоит епископ. Он есть главный руководитель церковно-епархиальной жизни; ему принадлежит высший надзор за всеми сторонами церковной жизни и за всеми учреждениями епархии, а равно и суд; епископу принадлежит право распространения веры и охранение религиозно-нравственных начал в жизни всей паствы. Епископа избирает собор епископов под председательством областного митрополита, который и созывает собор грамотами. По утверждении избрания митрополит с епископами рукополагает избранного. При этом желательно, чтобы избрание, наречение и посвящение было среди паствы, для которой назначается епископ, т. е. в епархиальном городе. При избрании епископа на ту или другую епархию собор епископов обсуждает и представления местного епархиального церковного собрания о желательных для его епархии кандидатах во епископы и по рассмотрении, если окажутся достойными, удовлетворяет желание и голос епархиальной Церкви, ставя через это епископа в самое близкое и живое отношение как со всею паствою, так и со всеми органами епархиальной администрации.

Протокол № 4

Областное управление. Церковные, под управлением митрополитов, округа

Для наблюдения над деятельностью свободно избранных епископов, для братски пастырского совета и руководства их, а в случае нужды — и представительства за них, для созыва соборов окружных и представительства на них, вообще — для поддержания в церковно-епархиальном управлении единства признавалось бы весьма полезным восстановить в русской Церкви значение более видных архиепископий с архиепископскими или митрополичьими округами: это открывало бы более возможности к самостоятельному устроению церковной жизни в различных округах применительно к местным особенностям, причем опасаться, при восстановлении отдельных церковных областей, политической обособленности едва ли особенно можно, так как действующее во всех округах церковных одно христианское начало должно более способст-

вовать объединению, чем разъединению. Разделить всю русскую Церковь по округам представлялось бы, по географическими историческим основаниям, возможным так: 1) Северно-Русский или Новгородско-Петербургский с Финляндией и Остзейским краем; 2) Великорусский или Московский; 3) Южно-Русский или Киевский; 4) Западно-Русский или Белорусский и Литовский, со включением церквей, находящихся в бывшей Польше; 5) Восточно-Русский — Казанский; 6) Новороссийско-Одесский; 7) Кавказский; 8) Западно-Сибирский и 9) Восточно-Сибирский.

Архиепископ или митрополит через Поместный Собор, который он созывает, управляет целым округом или областью во всех отношениях. В частности: 1) он заботится о замещении епископских кафедр; 2) наблюдает и руководит духовно-учебными заведениями округа; 3) намечает и открывает новые епископские кафедры; 4) имеет надзор и контроль над епархиальным управлением; 5) вызывает к просветительной и благотворительной деятельности подлежащие его ведению монастыри, словом — развивает и утверждает все стороны жизни Церкви в своем округе. Митрополит, при замещении епископских кафедр в округе, выслушивает пожелания о кандидатах на епископские кафедры, представляемые епархиальными собраниями. Сам митрополит утверждается с соизволения высочайшей власти.

Исполнительным органом областного собора служит *митрополичий совет*. Как на областном соборе присутствуют представители от белого духовенства и мирян, избираемые епархиальным собранием и назначаемые епархиальным епископом, так и в митрополичьем совете желательно участие тех же элементов, по выбору съехавшихся на областной собор. На обязанности совета при митрополите лежит рассмотрение всех дел по указаниям собора и исполнение текущих дел, касающихся всех сторон церковной жизни округа. Число членов совета и средства содержания его указываются собором. Областной собор бывает не менее одного раза в год. При митрополите имеется канцелярия с правителем дел, избираемая советом при митрополите и утверждаемая последним.

Высшее церковное управление

Высшей церковной инстанцией, заканчивающей соборное управление в автономной русской Церкви, служит *Всероссийский Поместный Собор*. Соборам всегда в христианской Церкви придавалось величайшее значение, как в самые первые времена, когда вырабатывались основания церковного устройства, так и впоследствии. И действительно, история свидетельствует, что соборы сослужили большую службу Церкви православной. Одна только соборная власть считалась высшим законодателем и судьей в церковных делах. Такую-то соборную власть желательно видеть и в Русской Православной Церкви. Глава Поместного Собора — митрополит царствующего града; он носит титул *всероссийского патриарха.* Избранный голосом всей Православной Русской Церкви, патриарх тесно органически будет связан со всей Церковью

русской. Патриарх, с соизволения государя, созывает Собор; по делам церковным входит непосредственно в сношение с высочайшей властью, ходатайствует о нуждах православной Церкви. Он председательствует на Поместном Соборе. В состав Собора, кроме патриарха, входят: епископы, выборные от белого духовенства и миряне на епархиальных собраниях или областных соборах, а также лица по усмотрению епископов: все эти лица, несомненно, могут способствовать полному, твердому выражению мысли и всестороннему раскрытию жизни церковной, хотя присутствуют на Соборе с правом совещательного голоса, а право постановлений и решений соборных, согласно канонам, — принадлежит епископам. Желательно иметь от епархии на Соборе не менее двух членов: по одному представителю от клира и мирян. Поместный Собор в русской Церкви созывается для принятия общих мер по управлению церковному, для возвышения религиозно-нравственной жизни народа, для совершения необходимых преобразований в церковной жизни: он изменяет законы церковные и постановляет новые правила для более лучшего и совершенного течения церковной жизни. Ему принадлежит власть законодательная.

При патриархе имеется *постоянный совет*, по выбору Собора, из епископов, белого духовенства и мирян, с правом совещательного голоса. Число членов совета и источники их содержания указываются Собором. Совет вершит все восходящие до него дела из низших инстанций, делает распоряжения по текущим делам, подготовляет к Собору дела, наблюдает за правильным применением соборных постановлений в низших инстанциях и прочее. При патриаршем совете имеется канцелярия в полной зависимости от совета, которая им избирается и утверждается патриархом.

Протокол № 5

Церковный суд

Согласно каноническим постановлениям, право суда в христианской Церкви принадлежит епископам; но, ввиду сложности судебного производства и для облегчения многотрудного епископского служения, церковному суду можно бы было дать приблизительно такую организацию: 1) отделить совершенно суд церковный от церковной администрации; 2) избирать в каждом благочинническом округе собранием от клира и мирян *особого судью*, единолично производящего суд, причем каждой из тяжущихся сторон предоставляется искать и защищать свои права. Положение судьи, основание суда и порядок судопроизводства указывается определенным уставом. Этот судья ведает кругом дел маловажных, которые по преимуществу оканчиваются миром или незначительным штрафом. По всем апелляциям и протестам благочинных на действия судьи окончательною инстанцией является *уездный церковный суд*, решения которого по всем апелляционным делам непременно утверждаются епископом епархии. Уездный церковный суд состоит из всех окружных судей и из 2—3 лиц духовных, избранных уездным церковным собранием; один из

них председательствует в уездном суде по выбору судей. Окружные судьи могут быть и следователями, но не по своему округу. При решении дел известного округа окружной судья, на которого апеллируют, не участвует при разбора этого дела; постановлениями уездного суда окончательно решаются апелляционные дела и дела по протестам благочинных на постановления окружных судей. Уездный церковный суд есть в то же время первая судебная инстанция для всех прочих судебных дел в уезде, которые выше компетенции суда окружного судьи и прямо вчинаются в уездном церковном суде; одним словом, в уездный церковный суд переносятся все дела, которые в настоящее время ведает по тому или другому уезду консистория. При разбирательстве дел в уездном суде тяжущиеся стороны имеют право защищать лично свои права. Решения уездного церковного суда по делам, которые вчинались в этом суде, но не по апелляциям, подлежат обжалованию в *епархиальный церковный суд*.

Последний состоит из пяти лиц: одного по назначению епископа, а четырех по избранию епархиального церковного собрания. Из них один избирается председателем. Через два года по жребию два выбывают; через другие два года остальные два, а на их место тем же порядком избираются или новые или те же. Соответственно этому порядку идет и назначение епископом члена с своей стороны в суд. Епархиальный церковный суд ведает дела: а) по апелляциям на уездный суд тех дел, которые вчинались в этом суде, и б) делает постановления по всем делам, которые превышают права уездного суда. Свои постановления и решения епархиальный церковный суд представляет на утверждение епископа. Епархиальные судьи не могут занимать никаких административных должностей. Делопроизводство судебное ведется совершенно отдельно от епархиального совета, при отдельной канцелярии. На таких же началах желательно устроить и суд над монастырями, считая для них первою инстанцией суд уездный, с участием выборного представителя от монастырей уезда, а второю инстанцией — епархиальный суд, где тоже должен быть представитель от монастырей епархии. По такому же принципу организуется суд областной и кассационный при патриархе. Все лица, начиная с приходского клира, могут быть удалены со службы только по суду церковному.

Протокол № 6

О духовно-учебных заведениях

Ввиду того, что преследование указанных теперешними уставами духовно-учебных заведений двух задач — общего образования и специально духовного или пастырского приводит к тому, что ни та, ни другая надлежащим образом не осуществляется, желательно отделить школу общеобразовательную от специально-богословской. Первая, т. е. общеобразовательная школа, должна состоять из семи классов, из них низшие четыре класса сделать соответствующими прогимназиям, а весь курс семи классов поставить в соответ-

ствие с курсом светских учебных заведений, гимназий и реальных училищ как в отношении программ по общеобразовательным предметам, так и в отношении прав, так чтобы переход из духовных училищ в гимназии и обратно был свободный, равным образом — чтобы и права на поступление в высшие учебные заведения Министерства народного просвещения окончивших курс полной семиклассной духовной школы были сравнены с правами окончивших гимназии и другие подобные им светские учебные заведения, причем светские школы здесь имеются в виду реформированные, а не те, которые отживают свои дни. Но, имея в виду то обстоятельство, что в духовную школу будут поступать, по преимуществу, дети священноцерковнослужителей епархии, а также и то, что большинство из них, вследствие данного им в домах их родителей церковного воспитания, пожелают поступать для продолжения образования в богословскую школу, чтобы затем занять священнослужительские места в епархии, комиссия предполагала бы возможным объединить духовную общеобразовательную школу со школой богословской как по духу самой школы, так и по направлению прививаемого воспитания в тех видах, чтобы многие из учеников общеобразовательной школы, и не желавшие вначале поступить в духовное звание, незаметно проникались в духовной школе религиозно-нравственным направлением школы и могли перейти потом в богословские классы и сделаться достойными пастырями Церкви. С этою целью вполне возможно, например, отвести более видное место преподаванию Закона Божия в различных его формах, усиленное преподавание церковного пения, церковно-славянского языка с греческим языком, а в старших классах — логики, философии и психологии, так как эти науки имеют громадное общеобразовательное значение и для успешного и основательного изучения богословских наук составляют необходимое условие. Равным образом, принимая во внимание ту простоту домашней жизни и ту атмосферу, среди которой протекает детство поступающих в школу, желательно, чтобы в питомцах духовной общеобразовательной школы поддерживалась и развивалась заложенная с детства любовь к богослужению, к труду и простоте в жизни и школе, и чтобы воспитанники этой школы сохранили в себе те качества, как-то: самодеятельность, трудоспособность и твердую с добрым направлением волю, которыми отличалась прежняя духовная школа. Доступ в среднюю общеобразовательную школу должен быть открыт для всех по конкурсному экзамену.

Что же касается средств содержания этой школы, то, конечно, желательно было бы оставить за ней все прежние средства; но, так как при вышеуказанной реформе могут возникнуть затруднения в этом, то средствами содержания этих школ должны быть специальные: а) обязательная со всех плата за учение; б) сбор по раскладке епархиального собрания с духовенства; в) сбор с монастырей; г) казенные существующие субсидии и д) доходы от операций свечного завода. Состав преподавателей в общеобразовательной школе — светский, кроме предметов церковных.

Вторая, специальная школа для подготовления священнослужителей, должна представлять из себя особые *богословские курсы* с трехгодичным кур-

сом; здесь должны быть сосредоточены все необходимые для пастырского служения науки и строго религиозно-нравственное направление. В эту школу поступают ученики: а) окончившие 6 классов духовной общеобразовательной школы; б) 6 классов средних учебных заведений гражданского ведомства и в) из церковно-учительских школ. Диаконы должны поставляться, по крайней мере, из «прослушавших» богословские курсы. Состав преподавателей — духовный по преимуществу; могут быть и светские, но особенно прилежащие Церкви. Желательно участие родителей, в особенности духовенства, посредством епархиальных съездов и через особых уполномоченных из среды его лиц, в педагогических советах школ, для более прочной и здоровой постановки учебно-воспитательного дела. Содержание «богословских курсов» может получаться: а) от казны; б) от епархии, по раскладке епархиального собрания на общины приходские; в) от монастырей и г) платы за обучение.

Высшие школы — академии служат продолжением богословских курсов; могут быть в каждом митрополичьем округе; курс их — трехгодичный; при этом желательно, чтобы прием в них не был ограничен штатами. Содержание: за счет казны, монастырей и платы за учение. В академии преподаватели — выборные от «корпорации»; в богословских курсах и училищах — по рекомендации академии, по избранию корпорации богословских курсов и по выбору епархиального собрания, с епископом во главе.

Женские епархиальные училища желательно видеть соответствующими по курсу и правам женским гимназиям гражданского ведомства, но с сохранением в деле воспитания церковного духа и направления.

При обсуждении закона о приобретении собственности духовенством комиссия признала вообще необходимым пересмотр всех церковных законов русской Церкви, отделение действующих от утерявших свое значение, но до сих пор печатающихся в руководствах для пастырей, признав также необходимым составление ясных и точных руководств для учреждений и лиц духовного ведомства. Что же касается в частности до приобретения духовенством, церквами, где нет общин, монастырями и архиерейскими домами недвижимой собственности, желательным представляется порядок приобретения без испрошения Высочайшего каждый раз соизволения, а на правах юридического лица, с разрешения епархиальной власти, так как через такой порядок значительно сокращается процедура закрепления собственности и не предвидится нарушения чьих-либо интересов.

Относительно участия священнослужителей в общественных учреждениях комиссия выражает желание, чтобы священнослужители были допущены во все общественные и государственные законодательные учреждения, открывая этим возможность для пастырского влияния и для проведения чистых христианских начал и в этой области.

№ 4,
преосвященного Михаила, епископа Минского,
от 9 ноября 1905 года

1. О составе ожидаемого Собора Всероссийской Церкви

Православная Христова Церковь руководится в своей жизни словом Божиим и неизменно действующими правилами апостолов и святых соборов. Управление Церкви Христос вручил апостолам; преемники их — архиереи, а не иереи и тем более не миряне. Канонами соборов ясно повелено собираться на соборы и рассуждать на них лишь епископам (Правила Апост. 37-е, I Всел. Соб. 5-е, IV Всел. Соб. 19-е, VI Всел. Соб. 8-е, VII Всел. Соб. 6-е, Антиох. 20-е, Карф. 87-е, Лаод. 40-е). Правда, по свидетельству истории, на соборах были и пресвитеры и диаконы, были правители мирские и простые миряне. Но пресвитеры были только как заместители своих не бывших на соборе епископов или в свите епископов, а миряне — в качестве письмоводителей, вызванных по делу, охранителей внешнего порядка, или в качестве зрителей и молчаливо внимавших. Посему, на основании действующего права православной Церкви, *надлежит утверждать, что Собор Всероссийской Церкви должен составиться только из архиереев*. Могут (и даже желательно) быть приглашены на Собор, по указанию архиереев, и сведущие из пресвитеров и мирян, но без права решающего голоса. Если отступить от сего, если принять во внимание практику первоначальной христианской общины, христиан идеальных, то при современном положении вещей, при современном направлении богословской науки и философии, при общественной разнузданности, пренебрежении к церковному учению и отрицании всякой власти, должно ожидать на Соборе таких речей, суждений и требований, от которых ужаснется всякий истинный христианин. Утверждая так, мы не против съезда специалистов для разработки разных церковно-общественных и школьных вопросов, но это будут съезды при Синоде, а не Собор Церкви.

2. О разделении России на церковные округа

При огромности нашего государства, при многомиллионном количестве православных, в центральном управлении русской Церковью скопляется такое множество церковных административных дел, что в рассмотрении и решении их нет никакой возможности участвовать членам Синода, и дела должны решаться по канцеляриям светскими чиновниками, не знающими епархиальной жизни, решаться поэтому должны чисто формально. Освободить центральное управление от излишних дел, оставив ему только коренные части управления и церковное законодательство, является настоятельным делом.

Отсюда возникает необходимость — или расширения уполномочия епархиальных архиереев, или разделения России на церковные округа, числом примерно до девяти, но не в смысле автономных областей, а в смысле благочинических округов епархии, в полной зависимости от центрального управления. При таком значении церковных областей они не будут в противоречии с началом государственного единства России. Центры церковных или митрополичьих округов будут: Петербург, Москва, Киев, Харьков, Казань, Вильна, Тифлис, Иркутск, Томск. В эти центры в определенное время, раза два-три в год, должны съезжаться епархиальные архиереи округа для обсуждения передаваемых центральным управлением дел и дел, подлежащих постоянному ведению окружных соборов. К числу сих дел нужно отнести: разбор жалоб на епархиальных архиереев и жалоб на учреждения епархий, о расторжении браков, о снятии сана духовными лицами, утверждение должностных лиц, утверждение коих ныне зависит от Синода.

Вторым важным значением разделения России на церковные округа будет частое взаимообщение архипастырей, соборное решение дел. Отношение окружных соборов к епархиальным архиереям должно иметь значение нравственного руководства и, если придется, сказать слово прещения братолюбно (IV Всел. Соб. 19-е).

3. О преобразовании церковного управления и суда

Современная консистория весьма обременена формальным письменным производством. В своем делопроизводстве она каждую поступающую бумагу должна вносить в журнал, представляемый прежде исполнения на рассмотрение архиерею, что заставляет наводить справки из оконченных и даже архивных дел. Для освобождения консистории от ненужной обремененности нужно предоставить ей большую самостоятельность в канцелярском делопроизводстве, взяв за общее правило, чтобы никакое дело не получало окончательного решения без утверждения архиерея, чтобы всякое разногласие в присутствии даже по мелким вопросам разрешалось также преосвященным. Члены консистории должны быть свободны от приходской службы, дабы не отвлекаться от епархиальных дел. Для привлечения лучших сил в консистории штаты консисторий должны быть пересмотрены и служебное и материальное положение служащих должно быть лучше поставлено.

Выделить церковный суд из консистории следует, но отнюдь не следует лишить церковный суд его отличительных особенностей от суда гражданского. Выделение будет состоять в учреждении особого, отдельно от консистории стоящего, установления (с низшими органами — духовными судьями), с соблюдением условий: 1) члены сего учреждения, ведающего суд в епархии, и духовные следователи должны быть священнослужители, свободные от приходской и всякой административной службы; 2) председателем епархиального суда должен быть епархиальный архиерей, так как по церковным канонам местный епархиальный суд принадлежит епископу, который канонами призна-

ется правителем и судьею в своей епархии; 3) изъятие брачных дел из духовного ведомства, о чем в последнее время старается провести светская литература, не должно быть, как дело противоцерковное, ибо брак, как таинство, всегда признавался и должен подлежать церковному суду.

При упрощении форм делопроизводства и выделении церковного суда из консистории нет нужды в организации особого епархиального органа епископской власти, который объединял бы в своем ведении всю область епархиального административного управления. Это новое административное в епархии учреждение отдалило бы епископа от духовенства и жизни своей паствы.

4. О благоустройстве прихода

Наилучшим выходом от всех нестроений нынешней приходской жизни очень многими ныне признается введение в Церкви выборного начала, в силу которого избрание кандидатов клира должно составлять исключительное право приходов. Конечно, такое избрание имеет свои хорошие стороны, и оно в значительной степени могло бы способствовать восстановлению во многих местах утраченного ныне единения клира с прихожанами. Полное, однако, проведение этого принципа в жизнь, помимо его неканоничности (Лаод. 13-е), едва ли принесет ту пользу, которая от него ожидается. Не говоря уже о других неудобных сторонах этого порядка, где явятся подкупы, посулы, всякого рода искательства, осуществление его поставило бы в затруднение самих прихожан в деле приискания достойных кандидатов священства. Доказательством этого служит тот факт, что многие приходы подолгу остаются вакантными за недостатком кандидатов, и прихожане таких приходов только и заявляют о себе в подобных случаях тем, что обращаются к епископу с просьбами о скорейшей присылке им священника, но никогда не в состоянии указать кандидата на вакантное место. Само собой разумеется, что в отдельных случаях ходатайства прихожан о назначении к ним известного им члена причта должны быть удовлетворяемы; но вводить выборное начало необходимым условием для определения на священно- и церковнослужительские места — несвоевременно, и, по нашему мнению, следует сохранить существующий ныне порядок замещения этих мест по усмотрению епископов, с указанным выше добавлением для единичных случаев.

Отрицая, таким образом, за выборным началом приписываемое ему ныне очень многими значение, мы полагаем, что главною причиною нестроения приходской жизни и даже некоторой враждебности в отношениях клира с прихожанами, особенно в селах, в настоящее время является обоюдная бедность сторон. Один благочестивый наблюдатель приходской жизни в нашем крае с грустью однажды сказал нам, что все зло в том, что в нашей деревне живут два одинаково голодных волка — поп и мужик, которые, будучи обречены жить на те скудные средства, которые дает деревня, и не имея никакого источника дохода извне, должны пожирать друг друга. Замечание это глубоко справедливо. С одной стороны, церковный причт, не будучи в состоянии жить

на нищенское жалованье от казны, занят прежде всего заботою о приискании насущного куска хлеба для себя и своей семьи и возможном обеспечении себя и семьи в будущем и, вследствие этого, отдается не деланию на ниве Христовой, а возделыванию своих нив и садов и выколачиванию доходов от прихожан, а с другой стороны — убогие прихожане не только не проявляют ни малейшего старания улучшить жалкое положение причта, но еще ищут удобного момента захватить себе что-нибудь с поповой нивы, с попова луга. Поэтому первою мерою к восстановлению нормальной жизни в приходах должно быть полное материальное обеспечение клира. Размер этого обеспечения, сообразно современным условиям жизни, должен равняться до 1500 рублей в год для сельских священников и 2500 руб. в год для священников в городах. С назначением такого содержания от духовенства должны быть отняты земли, которые могли бы быть отданы крестьянам для увеличения благосостояния последних. При таких условиях ряды духовенства могли бы пополняться лучшими людьми, которые, не будучи давимы нуждою и будучи свободны от занятий по хозяйству, могли бы действительно послужить Церкви.

Другой мерой для поднятия падающего влияния духовенства на жизнь народную является освобождение его от обязанностей и служения целям светской власти, а не духу Христову. Ставши выше этих целей, духовенство должно все свое знание, всю свою энергию направить к устроению Царства Божия в сердцах людей.

Дальнейшим условием возрождения приходской жизни является предоставление прихожанам и церковно-приходским советам права совместного с духовенством заведования всеми церковными доходами и расходования их на нужды церкви и прихода.

Что касается вопроса о благоустройстве прихода в просветительном отношении, то, думается, в настоящее время, с изменяющимися политическими условиями жизни русской, заботу об этом повсеместно у нас возьмут на себя земства, и для духовенства достаточно будет неленостно преподавать Закон Божий в школах земских и там воспитывать подрастающее поколение в духе заповедей Христовых. С предоставлением, впрочем, приходским общинам права ведать все церковные доходы, сами общины озаботятся заведением и содержанием у себя необходимых школ, и заблаговременная выработка для этого каких-либо правил представляется излишнею. Равным образом, устройство тех или иных благотворительных учреждений в приходах может быть подсказано самой жизнью, и, лично обеспеченный материально, всякий пастырь всегда сумеет совокупно с паствою откликнуться на нужду прихода в этом отношении и посильно ее удовлетворить.

5. Об усовершенствовании духовных школ

Духовные семинарии — учебно-воспитательные заведения для приготовления юношества к служению православной Церкви. Это приготовление к пастырскому служению производится целым рядом научных дисциплин и

особыми школьными условиями, благоприятствующими развитию и укреплению душевных настроений, соответствующих главной воспитательной цели сих заведений. В духовные семинарии поступают главным образом ученики, подготовленные к прохождению семинарских курсов в духовных училищах, куда также по преимуществу поступают дети духовенства и отчасти дети городского бедного чиновничества и мещанства и лишь изредка дети крестьян. До 1879 г. не только окончившие курс семинарии, но даже окончившие лишь курс четырех классов, поступали в университеты со слабым поверочным экзаменом; с указанного года семинаристы лишены были этого права для той, конечно, цели, чтобы семинарии подготовляли пастырей Церкви, а не медиков и юристов. Цель была, без сомнения, хорошая, но едва ли достижимая. Ибо едва ли возможно допустить, чтобы все семинаристы воспитались так, чтобы каждый из них пожелал быть пастырем Церкви. Без сомнения, найдется в семинарии немало таких, которые, воспитавшись под крайне неблагоприятными домашними и школьными влияниями, не имеют никакого расположения к пастырству, тяготятся семинарской дисциплиной, крайне неохотно изучают преподаваемые предметы. Такие ученики, конечно, не могут не влиять дурно своим примером и складом своих понятий и воззрений на других учеников. Последние, может быть, без этого дурного товарищества охотно и вдумчиво готовились бы к трудному пастырскому служению, не предаваясь мечтам о выгодах и преимуществах разного рода других служений; но худое товарищество отравляет их спокойствие и постоянно направляет их мысли к должностям с большим окладом жалованья и свободной, полной всяких утех, светской жизнью. В последние годы, особенно в последние дни, мы ясно видим, что, с одной стороны, оканчивающие курс семинарии бегут от священства в другие должности, а с другой — в семинариях замечается сильное брожение, соединенное с беспорядками. Там, где семинаристы ясно и определенно выразили свои «требования» и желания, усматривается, что все эти желания и требования сводятся к одному: дай им право поступать в высшие учебные заведения и весь строй семинарской жизни установи таким образом, чтобы они подготовлялись к университету, т. е. изучали бы предметы, необходимые для университета, и жили бы так, как живут студенты университета — с той же свободою занятий и поведения. Одного только не хотят оставить нынешние семинаристы — казенного содержания, которым они желают пользоваться всецело, хотя таковым не пользуются гимназисты и воспитанники всех других учебных заведений. Очевидно, семинаристы желают привилегий беспримерных.

В настоящее время ожидается реформа семинарий. Проекты, какие появились в печати для этой реформы, двоякого рода. Один из них приближает курс духовных училищ и первых четырех классов семинарий к курсу гимназии, в том предположении, конечно, чтобы те из семинаристов, которые прошли эти восемь классов и не желают быть священниками, свободно выбывали из семинарии и поступали в университеты. В высшие же богословские классы, предполагается, поступят лишь те, кто свободно стремится к пастырскому

служению и охотно избирает его по внутренним влечениям своей души. Полагаем, что и в настоящее время есть много семинаристов, которые потому не идут в духовное звание, что они много лет были окружены товарищами, не расположенными к этому званию. В реформированных семинариях будет замечаться то же явление: не расположенные к священству отвлекут от священства и своих товарищей, обольстив их видами будущей жизни и деятельности в светском звании. Кроме того, не расположенные к духовному званию и не готовящиеся к нему от первых классов училища не будут расположены и подчиняться семинарским порядкам, во всяком случае более строгим и стеснительным, чем в светских учебных заведениях. Отсюда и с преобразованием семинарий в смысле предоставления им прав, одинаковых с гимназиями, и сближением курсов младших классов семинарий с курсами гимназии, нельзя ожидать, чтобы внутри семинарий стало мирно и спокойно. Это спокойствие постоянно будут нарушать те многочисленные элементы, настроение которых не имеет ничего общего с главною задачею семинарского образования. Поэтому в настоящее время нельзя признать удовлетворительными те проекты преобразования духовных семинарий, которые желают облегчить выход из семинарии элементам, чуждым пастырского призвания, с тем, чтобы оставались заканчивать семинарский курс лишь те, кто расположен к пастырскому призванию. Можно опасаться, что таких будет очень немного, и по-прежнему духовные семинарии будут воспитывать инженеров и докторов, но не пастырей Церкви.

Поэтому не следует ли, применительно к обстоятельствам данного времени, остановиться в вопросе о преобразованиях семинарий на других проектах (на проекте преосвященного Могилевского, который вполне разделяем, кроме учреждения богословских лицеев), сущность которых состоит в том, что по этим проектам, вместо нынешних семинарий с общеобразовательными курсами, должны быть учреждены богословские семинарии или богословские курсы для воспитания пастырей Церкви, с курсом наук специально богословских или же имеющих прямое отношение к изучению богословских наук, каковыми являются психология и основания философии? Такие богословские семинарии могут быть с четырех и даже с трехлетним курсом. Сюда могут поступить: без экзамена — окончившие шесть классов заведений, которые возникнут вместо нынешних училищ и младших классов семинарий; засим по экзамену: окончившие 6 классов гимназий и других подобных заведений, лучшие ученики, окончившие учительские семинарии Министерства народного просвещения и учительские семинарии, подготовляющие учителей для церковно-приходских школ. А для того, чтобы эти семинарии давали воспитанников, способных к слушанию курсов духовной академии, необходимо, чтобы в числе необязательных предметов были языки новые и древние. Лучшие и способнейшие ученики богословской семинарии, желающие получить высшее богословское образование, охотно, даже без предварительной подготовки, в течение лишь семинарского курса ознакомятся с древними и новыми языками настолько, насколько это необходимо для слушания академических курсов.

Конечно, можно опасаться, что не найдется достаточного числа желающих поступить в духовные семинарии. Думаем, что эти опасения напрасны. Если католические духовные семинарии с их суровым режимом, с обязательным целибатством католического священника, находят достаточный контингент лиц, желающих служить Богу и людям в условиях слишком стеснительных, то будем надеяться, что и православные духовные семинарии не будут пустыми. В пределах епархии найдется сто человек, которые охотно посвятят себя служению Богу в звании пастырей. Сознательное же вступление в это звание, в более или менее зрелом возрасте, может служить ручательством того, что три или четыре года, проведенных в семинарии в изучении философских и богословских дисциплин в курсах и программах, несколько видоизмененных и упрощенных сравнительно с нынешними курсами и программами, слишком обширными и многосложными, подготовят пастырей Церкви убежденных, христиански настроенных и достаточно умственно развитых для несения трудного пастырского дела. Полагаем, что в таких семинариях не будут появляться петиции с требованиями пустить семинаристов в университеты, освободить от посещения богослужений, предоставить в их распоряжение библиотеки и т. д.

6. О предметах веры

Православный христианин ходит в храм Божий для молитвы и поучения. Молитвенное свое настроение он выражает словами тех молитв, которые он выучил еще в детстве; особенно душа его нуждается в тех молитвах, которые возглашаются к Господу Богу устами священно- и церковнослужителей. Если душе богомольца непонятна эта молитва, то он не выносит из храма той душевной пользы, какую вынесет, если он своим сердцем и устами хвалит и благодарит Господа Бога словами и молитвами Церкви. Вот основания, почему желательно, чтобы богослужения в храме совершались на понятном для богомольца языке и чтобы чтение и пение в храме совершалось отчетливо, вразумительно, громко, не спешно.

В русской православной Церкви богослужение совершается на славянском языке; на этом же языке читается в храме Божием и слово Божие. Немногое в наших богослужебных книгах составлено вновь уже по принятии русскими христианства. Это — молебствия на разного рода случаи, засим те части месячной Минеи, в которых помещены службы святым, прославленным на Русской земле, или же службы в честь праздников (как например, Покров Пресвятой Богородицы), чествование коих совершается лишь на Руси. Все же остальные богослужебные чины и службы составляют перевод чинов и служб, составленных первоначально на греческом языке. Переводы эти совершались в разное время, разными лицами, сведущими и малосведущими в греческом языке. Последняя редакция богослужебных книг принадлежит известной комиссии, собранной при патриархе Никоне, во главе которой стоял Епифаний Славинецкий. Насколько неудачно были сделаны некоторые переводы, об

этом свидетельствует то, что многие стихиры и тропари являются непонятными даже для людей, прошедших высшую богословскую школу (например, песнь: «Любити убо нам, яко безбедное страхом»), или же понятными лишь людям, изучающим греческий язык специально. Образцом такого же неудачного перевода могут служить такие употребительные песни, как «Иже херувимы», или же начало прошений в ектениях, выраженное словами: «во еже». На греческом языке действительно стоят такие слова, которые иногда означают «иже» и «еже», но в указанных примерах эти слова такого значения не имеют: это — просто так называемые «члены», стоящие пред существительными или неопределенными наклонениями, которые переводчиками неопытными приняты за «местоимения» и переведены «местоимениями». Еще больше имеется песнопений, перевод которых неудачен вследствие неправильного подбора выражений славянского языка или неправильной расстановкой слов (например, ирмосы «Отверзу уста моя» и многие другие). Можно сказать, что наши богослужебные книги и отчасти Библия переведены на такой язык, на каком ни один славянин не говорил и не писал. Это — язык книжников, часто мало сведущих как в славянском, так и в греческом языке. А между тем православному русскому народу приходится слушать богослужение на этом языки, испытывая крайние трудности в понимании Священного Писания и богослужебных молитв и песнопений. Непонимание богослужебного языка самими чтецами и певцами делает их небрежными, читающими и поющими поспешно, неотчетливо, невразумительно. Богомольцы же, при том же непонимании и при дурном чтении и пении, скучают при богослужении, становятся невнимательными, равнодушными к богослужению — к его глубокому содержанию и высокой поэзии.

Посему настоит существенная нужда сделать новый перевод священных и богослужебных книг знатоками греческого и славянского языков и исправление текста тех частей в этих книгах, которые составлены в России. Более правильный перевод этих книг сделает богослужение наше более удобопонятным и вразумительным, а следовательно, — и более благотворным для души православного христианина, в настоящее время холодно и невнимательно относящегося к богослужению, ввиду неудобовразумительности языка его.

Пора относительно богослужения православной Церкви учинить и следующую перемену. Не в одно время явился весь состав нынешнего богослужения. Напротив, наше богослужение потерпело много изменений: из несложных молитв, чинов и обрядов времен апостольских оно через постоянные наслоения и прибавки явилось в настоящем сложном и многосоставном виде, рассчитанном на много часов. Если совершить наше богослужение как следует, без поспешности, раздельно, то в праздничный день всенощное бдение нужно совершать семь часов, литургию — три часа, вечернее богослужение — более двух часов, всего, следовательно, 12 часов. Так оно и совершается кое-где, в немногих монастырях, именно — немногих. В других же местах, где оно совершается по уставу, с полным чтением и пением всего положенного, естественная немощь совершителей укорачивает время его совершения

беглым, следовательно — неблаговоевейным и невразумительным чтением и пением. Отсюда получается такое явление, что из 50 тысяч церквей Российской империи в 49 тысячах богослужение совершается с чрезвычайными самовольными сокращениями, а также с поспешностью, с дурным чтением и пением: всенощное бдение 1—3 часа, литургия — 45 минут, а вечерни и совершенно не бывает. В сокращении службы происходит полный произвол, зависящий от воли настоятелей, а особенно чтецов и певцов. И так дело идет и в деревнях, и в столицах, и в кафедральных соборах, и в монастырях. Все погрешают против устава, и это так часто, повсеместно и почти всеми совершается, что этот грех приобрел право гражданства, считается делом обычным; иного порядка как будто и не может быть. Конечно, трудное дело совершать богослужение в течение 12 часов, еще труднее стоять в храме и молиться в течение этого времени. Нельзя этого достигнуть никакими приказаниями и наказаниями. Где устав выполняется в совершенстве и притом разумно, там это является как подвижничество, тоже не для всех доступное, или, точнее — доступное для немногих. Обычное же человеческое слабосилие делает невозможным этот подвиг для всех и каждого. А между тем, по праву ли поступают те, кто сокращает устав по своему произволу? Едва ли! Итак, в 49 тысячах церквей православной русской Церкви творится беззаконие, вошедшее в привычку, хотя и смущающее совесть многих. Что же делать, чтобы не творилось этого беззакония? То же, что творили св. Василий Великий, св. Иоанн Златоуст и другие. Первый сократил сложный чин литургии, именуемой литургией ап. Иакова, второй сократил литургию первого, а Церковь не только вселенская, но и поместная, имеет право сокращать чины богослужебные, каким пользовалась до настоящего времени.

Посему настоит существенная нужда сократить чины наших богослужений, но с тем, чтобы сокращенное читалось и пелось полностью, по уставу (сокращенному), истово, чинно, без поспешности, вразумительно.

7. Епархиальные съезды

Епархиальные съезды, возникшие на основании семинарского устава 1867 г. и имевшие своей задачей попечение о материальных нуждах духовно-учебных заведений епархии, с самого начала открытия их проявили настолько живое отношение к подлежащим их ведению делам, что почти повсеместно епархиальная власть стала признавать полную компетенцию за съездами и в разрешении разных вопросов церковно-общественной жизни; епархиальные архиереи стали поручать съездам рассмотрение вопросов, касающихся материального быта самого духовенства, общеепархиальных потребностей церквей и приходов, относительно религиозно-нравственной жизни православных приходов и т. п. Следовательно, расширение круга деятельности епархиальных съездов является вызванным самою жизнью церковного епархиального управления необходимостью признать за съездами более широкие полномочия против первоначального их назначения епархиальной властью. А это го-

ворит за то, что епархиальные съезды являются желательными в пособничество епархиальному управлению и в будущем. Оставление в епархии этого учреждения с таким назначением нисколько не может дискредитировать епархиальную власть, так как епархиальные съезды по правилам своим не могут иметь того значения, чтобы представлять собой сколько-нибудь серьезную оппозицию епархиальной власти: все постановления съездов подлежат утверждению епархиального архиерея, с полным правом за ним безапелляционного кассирования постановлений этих. Так что епархиальные съезды всегда остаются со значением не решающего, а лишь совещательного голоса. Между тем в такой своей роли они могут принести много полезной помощи епархиальному управлению в правильном применении своих распоряжений и административных мер соответственно действительной нужде по делам, которые будут рассматриваться при участии съездов. Если решаются вопросы относительно материальных средств церквей, нужд приходского духовенства или же вопросы о религиозно-нравственной жизни паствы, об отношениях духовенства к своим пастырским обязанностям, о мерах поднятия веры и нравственности в православном населении, — в таких делах депутаты съезда являются единственными выразителями действительного положения вещей и указателями наилучших способов достижения желанных результатов применительно к местным условиям каждого прихода.

Возражение, что созыв епархиальных съездов стоит великих денежных сумм и что съезды, вовлеченные в сферу общеепархиальных нужд, присвояют себе права полномочных хозяев церковного имущества, не может иметь значения причины нежелательности съездов, как вспомогательного по епархиальному управлению учреждения. Нет сомнения, что поездка на съезд депутатов стоит немалых средств, но само духовенство нисколько не обременяется такими расходами. Если же по местам на такие расходы употребляются церковные средства, то это, конечно, злоупотребление, которое должно быть устранено. Что же касается установления съездами налогов из церковных доходов на общеепархиальные нецерковные нужды, то таковые налоги бывают, как вызываемые крайней нуждой, при неизбежности их, по отсутствию других источников на покрытие этих нужд. Вообще же духовенство всегда склонно ограждать средства церквей от неправильной эксплуатации их, в целях употребления церковных доходов по прямому их назначению на нужды самих церквей.

Если нынешнему церковному управлению суждено будет получить реформу, хотя сколько-нибудь приближающую его к самоуправлению Церкви, то присвоение епархиальному съезду значения вспомогательного при епархиальном архиерее органа по церковному управлению, как органа ближайшего общения епископа с подведомственными ему паствами, является желательным. В предупреждение возможных случаев постановлений съезда, несообразных с существующими законами и положениями о церковном управлении, с которыми депутаты съезда могут быть и незнакомы, желательно было бы, чтобы в заседаниях съезда по делам, могущим вызвать неправильное реше-

ние, принимали участие и члены консистории, на обязанности которых должно лежать выяснение съезду соответствующих соображений закона, с которыми съезд должен считаться. При такой постановке дела решения съезда не будут оставлять за собою никаких недоразумений и сомнений относительно возможности утверждения их епархиальным архиереем.

Что касается вопросов, подлежащих решению епархиального съезда, то таковыми должны быть все вопросы, касающиеся церковного хозяйства, религиозного образования народа, народной веры и нравственности, распространяющихся в народе неправильных учений, состояния духовно-учебных заведений в материальном и отчасти воспитательном отношении, а равно вопросы по разным благотворительным учреждениям епархии.

8. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях

Устрояя на земле для спасения верующих Церковь, Христос Спаситель назвал ее Царством не от мира сего, следовательно — чуждой мирских интересов. На просьбу одного из народа о разделе имущества с братом Спаситель ответил: «Кто поставил Меня судить или делить вас?» Таким ответом Иисус Христос показал, что Он заботится о вечном благе душ, а все остальные людские интересы чужды Ему. Судя по сему, жизнь общественная должна быть вне круга деятельности священнослужителей, как продолжателей устроения Царства Христова на земле. — Правда, Иисус Христос ставит выше всего спасение и благо души. Но нельзя забывать, что милосердие Его охватывает человека во всей его целости. Его отношение к тем страданиям и несправедливостям, которые Он встречал, Его негодование при виде неправды, глубокая жалость ко всем сирым и обездоленным, постоянная заботливость о страданиях телесных, многочисленные чудеса для облегчения людей, терзаемых болезнью или голодом, — все это говорит о том, что и телесные нужды человека не были чужды Христу Спасителю. Он заботился об облегчении их, чем показал, что мирские интересы не могут быть изъяты совершенно из круга деятельности служителей алтаря Господня, пока человек живет на земле. Вот почему, посылая учеников Своих на проповедь, Иисус Христос заповедал им исцелять больных, очищать прокаженных, изгонять бесов, способствуя таким образом материальному благосостоянию обездоленных, ибо здоровье дороже всех внешних благ. Первая христианская община устроилась так, что в ней церковные и общественные интересы слились нераздельно: полное общение имуществ, почему между верующими не было никого нуждающегося. Когда произошло несогласие из-за раздаяния потребностей, апостолы избрали в помощь себе диаконов, установив особый чин иерархического служения, поручив ему заботу о мирских интересах, с возложением известных церковных обязанностей. Ясно, что с церковным служением лиц иерархии могут соединяться известные общественные обязанности, клонящиеся ко благу Церкви и удовлетворению телесных нужд верующих. Сбор милостыни для бедных производился или самими апостолами, или, по поручению их, учениками их и

предстоятелями Церквей, — благовестниками Евангелия о вечном спасении, которым таким образом не должны быть чужды заботы об удовлетворении телесных потребностей верующих. — Вот почему апостольские и соборные правила, запрещая священнослужителям принимать на себя мирские попечения ради личных корыстных целей, разрешают управление имениями сирот, больных, вдов, чтобы не попало таковое управление в руки обидящих. Так, 6-е апостольское правило, под угрозою извержения, запрещает епископу, пресвитеру и диакону принимать на себя «мирские попечения», — по толкованию в Кормчей книге «злаго ради приобретения своего, аще где не законом позвани будут младых и несовершенных возрастом детей оставшееся им от родителей имение управляти, или инако како повелени будут заступати вдовиц и сирот и немощные управляти, и не дати в руце обидящих стяжания их»; из этих слов Кормчей книги ясно видно, когда и в каких случаях запрещается священнослужителям принимать на себя «мирские попечения» — только ради злого приобретения своего. 81-е апостольское правило подтверждает предыдущее: «не подобает епископу или пресвитеру вдаватися в народные управления, но не опустительно быти при делах церковных», и 83-е апостольское правило говорит: «Епископ, или пресвитер, или диакон, в воинском деле упражняющийся и хотящий удержати обое, то есть римское начальство и священническую должность, да будет извержен из священного чина». Вселенские и некоторые из поместных соборов подробно изъясняют, когда и в каком случае священнослужителям разрешается принимать на себя известные общественные обязанности. Так, в 3-ем правиле IV Вселенского Собора сказано: «Дошло до святого собора, что некоторые из принадлежащих к клиру, ради гнусного прибытка, берут на откуп чужие имения и устрояют мирские дела, о Божием служении небрегут, а по домам мирских людей скитаются, и поручения по имениям приемлют, из сребролюбия. Посему определил святый и великий собор, чтобы впредь никто, ни епископ, ни клирик, ни монашествующий, не брал на откуп имений, и в распоряжение мирскими делами не вступал: разве токмо по законам призван будет к неизбежному попечительству над малолетними, или епископ града поручит кому иметь попечение о церковных делах, или о сиротах и вдовах беспомощных, и о лицах, которым особенно нужно оказать церковную помощь ради страха Божия». 10-е правило VII Вселенского Собора, подтверждая вышеуказанное правило, запрещающее клирикам принимать на себя «мирские и житейские попечения» или «занимать мирскую должность у глаголемых вельмож», рекомендует клирикам: «Лучше же да идет учити отроков и домочадцев, читая им Божественное Писание, ибо для сего и священство получил».

На Поместном Карфагенском соборе, между прочим, постановлено девятнадцатым правилом: «да не бывают епископы, и пресвитеры, и диаконы откупателями ради корысти, или управителями, и да не приобретают пропитания занятием бесчестным или презрительным». Наконец, Двукратный Поместный собор, происходивший в Константинополе в 861 г., под угрозой извержения на основании божественных правил, запрещает клирикам «прини-

мать на себя мирские начальственные должности или попечения или в домах мирских начальственных лиц звание управителей».

В русской Церкви, со времен князя Владимира, просветители Руси — иерархи были первыми советниками князей. Изначала в Русском царстве так велось: если великое государственное или земское дело начиналось, то великий Государь призывал к себе на собор патриарха, митрополитов и архиереев и с ними о важном деле советовался; без их совета ничего не предпринимал. Далее, временное правительство в 1612 г. не считало себя вправе приступить к устроению земли (к созванию земского собора) без участия предстоятелей Церкви. Предстоятели Церкви — епископы за все время царствования Михаила Феодоровича не только присутствовали на всех земских соборах, но и принимали самое деятельное участие во всех сферах их деятельности. Они дружно действовали, помогая в устроении государства и упорядочении всех сторон внутренней государственно-общественной жизни. И в царствование Алексея Михайловича в заседаниях боярской думы патриархи и митрополиты были непременными членами, и участие духовенства в трудах думы не проходило бесследно в законодательной деятельности ее. Участвовало в земских соборах и белое духовенство. Так, под актом земского собора 1598 г. имеются подписи 10 протопопов московских. В призывной грамоте на собор 1612 г. приглашались и протопопы, в другой грамоте — протопопы, попы и диаконы. Под избирательной грамотой 1613 г. имеются подписи 5 протопопов и 5 попов из разных городов Руси. Участвовало белое духовенство и в земских соборах при царе Михаиле Феодоровиче. Да и естественно должно быть так, ибо кому больше всего известны были нужды народа, как не духовенству.

Из приведенных выше правил св. апостол, вселенских и поместных соборов нельзя заключать, чтобы клирики совершенно были устранены от участия в государственных и общественных делах. По духу сих правил, занятия мирскими делами, или, на современном языке, государственно-общественными, будут несовместимы со священным званием в том случае, когда они приняты были бы духовными лицами в видах корыстных и когда эти занятия явно отвлекали бы их от исполнения прямых обязанностей служения Церкви. Но если мирские общественные обязанности не отвлекают от прямых обязанностей служения Церкви и являются безусловно бескорыстными (каковы обязанности гласных в городских думах, членов земских собраний), напротив, бывают полезными обществу и государству, — исполнение таковых обязанностей является вполне согласным с требованиями канонов церковных, по коим епископ, пресвитер и диакон не имеют права отказываться даже от управления, например, домом или имением, коль скоро призывает их ко сему закон для охранения имущества сирот, вдов, больных от расхищения обидящих. В думских и земских собраниях представители Церкви и служители алтаря Господня могли бы явиться защитниками интересов всех обездоленных — бедных жителей городов и сельских обывателей. Пастыри Церкви должны быть непременными членами городских дум и земских собраний (и по выбору, а не по назначению одного депутата, как это допущено ныне) не для ограждения

только личных церковных интересов, но как общественные деятели, могущие принести громадную пользу, — для более правильной и всесторонней функции наших городских дум и земских собраний. Священники более или менее чужды всякой партийности. При выборе в гласные в думах обыкновенно происходят интриги и борьба разных партий; пастыри Церкви могли бы явиться умиротворяющим элементом в шумных собраниях домовладельцев при выборе гласных. Им больше, чем кому-либо, должны быть известны умственные и нравственные качества кандидатов в гласные. Пользуясь пастырским авторитетом, они легко могли бы устранять недостойных и особенно вредных кандидатов. Далее, состоя гласными дум, они могли бы направлять деятельность дум ко благу всех горожан, а не известной только части общества — богатых классов. В деле благоустройства городов они могли бы составлять оппозицию против расточительности наших городских дум на постройки домов развлечений — театров и кафешантанов или на поставление никому не нужных памятников, бюстов писателей, — этих наглядных показателей человеческого тщеславия, — на общественные средства в то время, когда у города бывает масса более существенных нужд — устройство школ, больниц, приютов и т. п. В земских собраниях представители крестьянства в большинстве случаев являются безгласными, крестьяне должны бояться барина... Если же в земство попадают кулаки и мироеды, то последние не только не поддерживают интересов бедного крестьянства, напротив, делают все к вреду последнего. Лучшими защитниками интересов последнего могли бы быть священники сельских приходов, ближе всего стоящие к крестьянству, живущие по обязанностям пастырского служения интересами крестьянского населения. Почему на земских собраниях духовенство могло бы проводить более полезные и плодотворные проекты учреждений для народа, чем это делается ныне земскими деятелями, стоящими более на стороне землевладельцев помещиков, а не на стороне крестьян. Вся деятельность современного земства сводится к деятельности напоказ и расхищению общественных сумм через устройство плохих мостов, исправление на бумаге дорог и т. п. Бедность же и темнота народа остаются прежние. Только духовенство может осветить деятельность земства и внести дух правды в нее, оградив от хищения со стороны мнимых радетелей о благе народном — современных либералов социал-демократов, которых наиболее всего в рядах земских деятелей.

№ 5

преосвященного Паисия, епископа Туркестанского, **от 27 октября 1905 года**

Я думаю, что для введения реформы нужно иметь не воображаемую, а действительную нужду в ней и весьма внимательно обсудить, принесет ли предполагаемая реформа истинную пользу. При моей жизни неоднократно вводили реформы в духовно-учебных заведениях, но все они вместо улучшения дела ухудшали его. Да так было и не с одними духовно-учебными заведениями. Ввиду этого я опасаюсь, как бы и предполагаемая реформа не принесла вреда вместо пользы. Высказывая свое мнение о реформе в нашей Церкви, я не думаю навязывать его никому и руководствуюсь при этом единственно желанием блага нашей Российской Церкви. Начинаю с того, что считаю самым важным делом, именно: с необходимости иметь пастырей Церкви, вполне способных к своему высокому служению и вполне могущих служить для пасомых примером веры и благочестия. Потому что только при этом условии пастыри могут пользоваться уважением и иметь влияние на пасомых. А если они будут корыстолюбивы, горды, злы, мстительны, ленивы и преданы пьянству, никакие реформы не помогут делу: ни учреждение патриаршества, ни увеличение числа епископов, ни увеличение содержания духовенству не принесут пользы. В Царстве Польском духовенство было вполне обеспечено, а не имело никакого благотворного влияния на паству; вместо сближения с нею оно совершенно оттолкнуло от себя паству, которая при первом удобном случае перешла в римско-католическую церковь. А что же требуется для того, чтобы пастыри нашей Церкви были любимы и уважаемы паствою и имели на нее сильное влияние, которым они должны пользоваться для блага Церкви и государства? Для этого прежде всего необходимо изменить систему образования и воспитания пастырей. Давно следовало бы перестать гоняться за двумя зайцами, чтобы не потерять обоих. Иначе сказать, давно нужно было оставить ненужные светские науки, препятствующие изучать необходимые духовные. А ныне непростительно оставлять эту систему образования, когда и в светских учебных заведениях, с которых мы брали пример, сознали бесполезность, например, древних языков. Сколько времени тратится на изучение латинского и греческого языков, от которых, особенно латинского, ни один священник не получает пользы. Утверждали, что они развивают ум; но это заблуждение давно сознано. Они не развивают, но забивают ум и особенно память. Ввиду этого следует изучение обоих древних языков в духовных училищах допустить в самом кратком виде, а в духовных семинариях изучение латинского языка совсем прекратить, оставивши один греческий язык, который должно изучать через чтение Священного Писания Нового Завета, совершенно переставши изучать светских писателей. Польза от этого будет та,

что будущие священники легко изучат и язык греческий и, главное, Священное Писание, более всего необходимое для них. Само собою разумеется, что объяснение Священного Писания должно изучаться и подробно и отдельно от уроков греческого языка. Из других наук в духовных семинариях следует прекратить изучение истории философии, алгебры и геометрии, библейской истории и патрологии, потому что библейская история изучается в духовных училищах и в духовных семинариях при чтении и объяснении Священного Писания, изучение отцов Церкви должно войти в состав догматического богословия, истории церковной и гомилетики. Еврейский язык и новые языки полезнее вовсе не изучать, чем изучать по принятому обычаю. Весьма полезно изучать краткие сведения по медицине, которые, по моему мнению, необходимы для всякого человека, ввиду того, что бесчисленное множество людей болеют и умирают единственно от незнания самых необходимых условий для сохранения здоровья. Но самое главное внимание должно обратить на изучение Священного Писания, особенно Нового Завета, которое составляет самое сильное средство для борьбы со всеми ересями и сектами, которые постоянно умножаются. Здесь считаю нужным сказать, что при объяснении текстов вовсе не следует приводить мнения различных толкователей, через что не только затемняется истинный смысл его, но и подрывается авторитет толкователей. Затем следует подробно изучить историю Церкви и приучать учащихся изустно говорить поучения так, чтобы они и привыкли и полюбили это необходимое занятие.

Но для будущих пастырей едва ли не важнее образования — воспитание их. Никакое образование не заменит дурного поведения в человеке, а особенно в пастыре Церкви. Поэтому в духовно-учебных заведениях необходимо вести дело воспитания так, чтобы из них выходили истинные пастыри, вполне могущие служить для пасомых примером христианской жизни. А для достижения этого учащимся должно постоянно напоминать о предстоящем им трудном и важном служении, при отправлении которого не могут быть терпимы никакие пороки, а особенно ложь, грубость, злоба, мстительность, корыстолюбие и пьянство, унижающие не только пастыря, но и всякого христианина. Неисправимых по поведению учеников следует увольнять из заведения, хотя бы они были способны в науках. Но так как дело воспитания — весьма трудное, требующее от начальников истинной христианской любви (что подтвердил и Сам Верховный Пастыреначальник, призывая отпавшего Петра к апостольскому служению), благоразумия, опытности и полного знания преподаваемой науки, то нужно с величайшей осторожности избирать начальников духовно-учебных заведений. В наше время существует крайне несправедливый и обидный для заслуженных и испытанных преподавателей и принесший огромный вред для учебных заведений обычай назначать начальниками учебных заведений очень молодых монахов, неопытных и ничем не заслуживших отличия и не успевших доказать способностей к управлению учебными заведениями. И польза духовно-учебных заведений и справедливость требуют совершенно оставить обычай назначать начальниками молодых

монахов, которые должны научиться терпению, простоте жизни и смирению в монастырях или на низших должностях. Разве нет способных и достойных преподавателей и священников, могущих с пользой быть начальниками учебных заведений? Скажут: кого же придется рукополагать в епископы? На это скажу то же самое, т. е. что в каждой епархии есть весьма способные и достойные епископского сана лица, на которых у нас не обращается внимание потому, что они прежде не были монахами. Я знаю, что святый апостол Павел поставил молодого Тимофея, ученика своего, епископом в Ефесе, знаю, что священномученик Климент Анкирский и некоторые другие святые епископы были молодые. Но разве они могут служить оправданием принятого у нас обычая без разбора поставлять всех молодых монахов епископами, особенно в наше время, когда можно получить влияние на других и уважение только доказанной благочестивой жизнью, а не саном и не местом? Я был очевидцем того, как верующие даже во время совершения богослужения (на малом входе), не обращая внимания на епископов, хватали руки о. Иоанна Кронштадтского и целовали.

Но, приготовляя истинных пастырей Церкви посредством образования и воспитания, должно позаботиться о том, чтобы обеспечить их. С этим делом легко было бы справиться, если бы священники у нас были неженатые, которые, если они истинно благочестивые, не много потребуют на содержание себя. Но беда в том, что у нас священники большей частью многосемейные, которые должны содержать и учить своих детей, и поэтому они не могут довольствоваться малым содержанием при всем своем желании. Правительство едва ли будет иметь возможность назначить им достаточное содержание, хотя бы равное получаемому военным духовенством. Установление таксы за совершение различных треб, если и можно допустить, то не иначе как с согласия самих прихожан или на основании закона, утвержденного правительственной властью, без чего прихожане будут роптать и возмущаться. Мне кажется, что легче всего помочь духовенству таким образом: всех детей духовенства, особенно многосемейных священнослужителей, принимать на казенное содержание в духовно-учебные заведения. Но откуда взять деньги для такого множества стипендий? От богатых церквей и монастырей. Но я думаю, что бедные монастыри еще более могут дать средств, именно: много монастырей существует с самым ничтожным числом братии. Отчего не закрыть их, как закрыли другие монастыри в разное время? Монахов из нескольких монастырей перевести в один, а остальные закрыть, и все содержание, идущее на эти монастыри, употреблять на стипендии детей белого духовенства, преимущественно священников. Ведь рано или поздно, несомненно, светское правительство закроет монастыри — с тем различием, что все содержание, идущее на них, и все имущество обратит на общие государственные нужды. Не лучше ли духовному начальству благовременно самому сделать это с пользой для духовенства?

Но я думаю, что можно найти и другой источник для содержания детей духовенства в духовно-учебных заведениях. Этот источник я вижу в передаче

всех низших школ в одно ведомство. В настоящее время тратится двойная сумма и весьма большая на лиц начальствующих: так, например, в Волынской губернии около 15 000 руб. идет на содержание наблюдателей церковных школ и епархиального училищного совета и столько же, если не более, идет на содержание начальников над школами Министерства народного просвещения. Если бы все эти школы подчинить ведению одного управления, то сохранилась бы такая сумма, которой было бы достаточно для 200 стипендий в духовно-учебных заведениях. Но, кроме этой великой пользы, прекратилась бы постоянная вражда между обществом и начальниками над школами. Рано или поздно, несомненно, государственная власть прибегнет к подчинению всех низших школ одному ведомству.

Теперь перейду к вопросу об учреждении в Российской Церкви патриаршества, которого многие сильно желают, видя в нем спасение от всех зол. Действительно ли оно нужно для пользы Церкви православной? Я не вижу никакой нужды в учреждении патриаршества по следующим причинам: 1) патриарх без особенной власти не сделает для блага Церкви более того, что может сделать Святейший Синод; 2) патриарх с особенною властью легко может допустить много злоупотреблений, 3) патриарх должен благоразумием, святостью и благочестием превосходить всех архипастырей, без чего он может унизить свой великий сан и потеряет всякое уважение; 4) история нашей Церкви показывает, что без патриарха Церковь может управляться не хуже, чем при патриархе; 5) та же история убеждает, что патриархи ничего особенно полезного для отечества не могут сделать; 6) история церковная показывает, что в нашей Церкви и всех других церквах происходили распри и весьма печальные события при патриархах, которые были почти главной причиной разделения Церквей и введения разных злоупотреблений, например: в греческой Церкви — преследование целых наций за желание иметь самостоятельное церковное управление, в римско-католической церкви — введение ересей, в нашей Российской — происхождение раскола; 7) патриаршеский сан, возвышая патриарха перед всеми другими епископами, способствует ложному и крайне вредному самомнению: 8) многие митрополиты, управлявшие Российской Церковью, и другие епископы прославлены Богом, а из 10-ти российских патриархов ни один не числится в числе святых; 9) говорят, что обер-прокурор стесняет Святейший Синод. Но и волю патриарха еще легче стеснить. Если ныне обер-прокурор стесняет Святейший Синод, то в этом виноват сам Синод. Потому что, при полном единомыслии Святейшего Синода, не только обер-прокурор, но и сам Царь не может стеснить Святейшего Синода в его деятельности. Патриарха сместить весьма удобно, а всех епископов — весьма трудно и даже невозможно; 10) наконец, учреждение патриаршества, иначе — особенное возвышение одного епископа, несогласно с примером святых апостолов, из которых ни один не позволял придавать себе особенное значение, несмотря на выдающиеся качества. Итак, в учреждении патриаршества нет ни нужды, ни пользы. Патриарх Никон восстановил против себя бояр, а в наше время Патриарх легко может восстановить против себя всех.

На единственную причину для учреждения патриаршества в российской Церкви — можно указать на то, что другие малочисленные по населению и пространству Церкви православные имеют патриархов, а наша Российская православная Церковь велика и по пространству, и по населению.

Еще более удивляет меня предположение увеличить число митрополитов и учредить округи. Это предположение невольно напоминает учреждение в России генерал-губернаторов, должности которых то учреждают, то уничтожают. Россия изрезана железными дорогами, покрыта телеграфной и телефонной сетью так, что епископы, живущие в самой отдаленной области, весьма легко и удобно могут сноситься со Святейшим Синодом, который один авторитетно может и должен решать все важные вопросы. Если же в Святейшем Синоде много дел собирается, то этому легко помочь: стоит только увеличить число присутствующих в Святейшем Синоде. А учреждение округов и умножение числа митрополитов послужит для одних причиной гордости, а для других причиной зависти и унижения, чего везде, а особенно в церковном управлении, должно избегать. Я убежден, что для блага российской Церкви нужны не патриарх и не митрополиты, а вот что: 1) не должно вызывать присутствовать в Святейшем Синоде одних и тех же лиц, хотя бы они имели звание членов Святейшего Синода. Потому что никто не докажет, что они благочестивее и умнее других епископов. А между тем постоянное пребывание в Святейшем Синоде одних и тех же лиц легко может вести к злоупотреблениям властью. Поэтому должно по очереди всех без исключения епископов приглашать присутствовать в Святейшем Синоде в количестве 12 лиц для удобнейшего справедливейшего решения дел; 2) все дела должны решаться непременно большинством голосов, чего особенно должно держаться при избрании лиц на должности начальствующих и при награждении; 3) награды должны даваться не по желанию того или другого члена Святейшего Синода, а по выслуге определенного числа лет каждым лицом; 4) избрание епископов обязательно должно происходить по жребию, как поступали святые апостолы и как прежде было в нашей российской Церкви. Сколько святителей было в Новгороде, прославленных Богом? А все они избирались по жребию. Избрание во епископа святого Тихона Задонского должно убедить всех в пользе подобного избрания. Нельзя не дивиться и не жалеть об оставлении этого апостольского, полезного и необходимого обычая.

Что сказать о реформе консистории? Привыкши прежде видеть беспорядки в консистории, продолжают и ныне говорить о взятках и затягивании дел в них. Если прежде были беспорядки в консисториях, то это никого не должно удивлять. В былое время беспорядки были общие во всех присутственных местах. Да и как не быть им?! Секретарь консистории получал 300 рублей жалованья, а столоначальники — по 120 рублей в год. Как ни хитри, нельзя на такое ничтожное жалование прожить даже бессемейному. И если в наше время беспорядки бывают, то уже как исключение, но они опять-таки бывают во всех учреждениях — с той разницей, что в консисториях взятки ограничиваются рублями и десятками рублей, а в других местах — сотням и тысячами.

Люди везде одни и те же. Благочестивый человек, и нуждаясь деньгах, не возьмет чужого и не позволит откладывать дело в долгий ящик, а люди дурные и при большом содержании присвоят чужое и нерадят о службе. В консистории, как и везде, почти все зависит от начальника. Стоит епископу внимательно относиться к делам, быть ко всем без исключения всегда доступным и справедливо награждать и наказывать, — и тогда взятки и нерадение будут невозможны. В настоящее время секретарь и столоначальники консистории получают содержание приличное — тем более, что живя в губернском городе, они легко могут дать образование детям. Поэтому от них можно и должно требовать честности и усердия. Но все-таки желательно и крайне нужно увеличить сумму на содержание канцелярий.

При графе Толстом поднимался вопрос о введении специальных следователей и судей для правосудия и беспристрастия. Введение такого состава судей составляло бы напрасную потерю денег. Смело можно сказать, что священнику, исполняющему свою обязанность и ведущему хорошую жизнь, никто: ни консистории, ни благочинный, ни даже сам епископ — не могут причинить никакого зла. А если, наоборот, священник виноват, то его не спасет никакой суд. Притом следователями назначаются ближайшие и, следовательно, знакомые священники, которых при этом всегда может устранить подсудимый священник, если состоит в дурных отношениях со следователем, а на определения консистории, утверждаемые епископом, всегда можно жаловаться в Святейший Синод.

Но дела бракоразводные — совсем другое дело. Их следует решительно изъять из ведения консистории и передать в светские суды, которым приличнее и удобнее ведать их. В консисториях весьма много времени отнимая, они в то же время возбуждают напрасные нарекания, обвиняющие служащих там в получении взяток и затягивании дел. Знакомые с производством бракоразводных дел понимают, что они обставлены такими формальностями, что иное дело, при всем желании консистории и епископа скорее кончить его, тянется годы.

А что касается мнения, будто консистории и епископы обременены делами, то с этим нельзя согласиться. Если консистории и епископы обременены делами, то что сказать, например, о губернаторах и губернских правлениях, в которых дел вчетверо более? Волынский губернатор говорил мне, что на его имя получается гораздо более 100 000 номеров, а вице-губернатор говорил, что в губернском правлении получается более 80 000 номеров; между тем в Волынской консистории бывает всего около 25 000 номеров, а у Волынского епископа около 5000, хотя Волынская епархия — одна из самых больших по числу церквей. При этом нужно иметь в виду почти ежедневные заседания в разных губернских учреждениях, на которых губернатор и вице-губернатор обязаны присутствовать. В Могилевской, довольно большой епархии, по случаю болезни бывшего епископа три месяца дела были без движения, а мне весьма достаточно было для просмотра их двух недель, причем у меня еще довольно свободного времени оставалось. Ввиду этого говорить, что епархи-

альные епископы сильно обременены делам и что поэтому требуется увеличить число викарных епископов, нет основания. По одному викарному епископу в весьма многочисленных епархиях следует иметь по той единственной причине, что епархиальному епископу самому неудобно обозревать епархию, оставляя долгое время епархиальный город.

№ 6,
преосвященного Алексия, епископа Вологодского,
от 9 ноября 1905 года

Журналы совещания по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви

Журнал 1 сентября 1905 года

О разделении России на церковные округа под управлением митрополитов.

Справка. Объем власти митрополитов так определяется в древних церковных канонах: 1) митрополит созывал провинциальных епископов на соборы для суждения общих церковных дел в своей области и сам председательствовал на этих соборах (Антиох. 16-е и 20-е; Халк. 19-е); 2) утверждал избираемых на вакантные епископские кафедры (I Всел. Соб. 4-е, 6-е; Антиох. 19-е); 3) принимал жалобы на подчиненных епископов и назначал соборный суд над ними (Халк. 9-е; Антиох. 14-е; Карф. 28-е); 4) обозревал епархии подчиненных епископов (Карф. 63-е); 5) вообще, контролировал и утверждал своим согласием все важнейшие распоряжения епископов своей области (Апост. 34-е; Антиох. 9-е).

Но в тех же самых правилах указаны и границы митрополичьей власти, именно; 1) в делах, касающихся целой области, митрополит не мог решать ничего единолично, без согласия собора областных епископов (Апост. 34-е, 74-е; Антиох. 9-е, 14-е); 2) он сам был избираем, поставляем и судим собором своих епископов (III Всел. Соб. 1-е; Сард. 6-е); 3) мог действовать в епархии подчиненного ему епископа только как высший административный орган, но не как архиерей, именно — не мог здесь ни рукополагать, ни учить, ни совершать каких-либо архиерейских действий, разве только с согласия епископа (Кормч. гл. 58, Отв. Иоанна, еп. Кипр. 3-е). — Институт митрополии и власть митрополита, определяемая сейчас рассмотренными нами правилами, сохранились до настоящего времени в первоначальном виде своем только в шести автокефальных Церквах православного Востока.

Власть патриархов над подчиненными им митрополитами была, в сущности, та же самая, какую эти последние имели над епископами своего округа.

Власть патриарха в своем диоцезе, как и власть митрополита в своей области, — не единоличная: по основному правилу церковного устройства, установленному на вселенских соборах, в важнейших церковных делах те и другие обязаны были действовать не единолично, а от лица всей местной иерархии, представляемой на собор. Таким образом, собор есть основная, господствующая форма высшего церковного управления, в которой постоянно про-

является принцип равенства духовной власти епископов. С того времени, как в Церкви установились звания и соответствующие им права власти митрополитов, соборы получили характер правильных институтов, т. е. таких собраний епископов данной Церкви, которые должны были составляться в определенные сроки, именно сначала по два раза, а потом раз в году (Апост. 37-е; I Всел. Соб. 5-е; IV Всел. Соб. 19-е; VI Всел. Соб. 8-е; VII Всел. Соб. 6-е и проч.). Право созывать эти периодические соборы и председательствовать на них, по канонам, принадлежит митрополитам и патриархам, без которых собор, как неполный и неправильный, не может составить никакого действительного определения (Антиох. 20-е).

По определению VII Вселенского Собора (пр. 6-е), в компетенцию соборов периодических входили дела канонические и евангельские. К первым относились дела церковного управления в обширном смысл этого слова, а именно: 1) издание правил и постановлений, обязательных для всей иерархии и для всех простых членов данной Церкви (функция законодательная); 2) дела административные в тесном смысле этого слова, куда относятся: замещение вакантных епископских кафедр (Апост. 1-е; I Всел. Соб. 4-е; VII Всел. Соб. 3-е; Антиох. 19-е, 23-е), учреждение новых епископий (Карф. 98-е), увольнение епископов от должности (посл. Ефесск. соб. к памф. епископам) и перемещение их в другие епархии (Апост. 14-е; Антиох. 16-е), наблюдение за управлением церковными имуществами по епархиям, согласно с каноническими постановлениями об этом предмете (Апост. 25-е), так что, например, отчуждение церковного имущества могло быть совершено местным епархиальным архиереем только с разрешения митрополита и его собора (Карф. 42-е; VII Всел. Соб. 12-е), наконец — вообще принятие мер по отдельным епархиям; 3) дела судебные: собор является судом или первой или второй инстанции, смотря по существу самых дел, подлежащих соборному решению.

К так называемым евангельским делам соборной компетенции относились: 1) все дела о предметах вероучения и нравоучения, по поводу возникавших в местной Церкви спорных религиозных вопросов, до окончательного решения их на вселенском соборе (Апост. 37-е; Антиох. 20-е); 2) наблюдение за порядком общественного богослужения и исправление церковно-богослужебных книг (толк. Зонары и Вальсамона на 6-е пр. VII Всел. Соб.).

Права русского митрополита по управлению подчиненными ему епархиями были те же, какие предоставлены были иерархам этого звания древними канонами. Именно: наши митрополиты собирали епископов на соборы, что, по канонам, необходимо было для рукоположения епископов на вакантные кафедры, для суда над епископами и для решения общецерковных вопросов (догматических и дисциплинарных).

Русский патриарх отличался от восточных патриархов довольно резко в следующих двух отношениях: 1) при нем не было постоянного собора или синода, какой существовал и до сих пор существует при восточных патриархах; 2) наш патриарх не составлял третьей инстанции в церковном управлении, возвышающейся над епархиальными епископами и митрополитами: звание митро-

политов, по учреждении патриаршества, сделалось у нас простым титулом, присвоенным некоторым старшим епархиальным архиереям (например, Новгородскому), без соответственных прав власти, так что, в сущности, наши патриархи оставались теми же митрополитами, какие были у нас до учреждения патриаршества, и отличались от них только своим титулом «святейший» и некоторыми особенными принадлежностями архиерейского облачения, а не правами власти. Правда, на Большом Московском Соборе 1667 года присутствовавшие в его заседаниях восточные патриархи предлагали разделить русскую церковную территорию, по примеру греческой, на семь митрополий и подчинить простых епископов ведению этих митрополитов; подобное же предложение сделано было царем Феодором Алексеевичем на соборе 1682 года; но оба раза это предложение было отклонено, потому что принятие его, по мнению русских иерархов, повело бы к уничижению архиерейского сана.

Постановили: Совещание признает желательным восстановление соборного управления православной Российской Церкви на следующих основаниях: все епархии, по ближайшему усмотрению и решению Поместного Собора Всероссийской Церкви, разделяются на несколько митрополий. Митрополитам должны быть предоставлены те права, которыми они пользовались по древним церковным канонам, а именно: епископы известной области, согласно 34-е правилу святых апостол и Антиох. Соб. прав. 9-е, признают митрополита первенствующим на соборе епископов; признавая его, яко главу, ничего превышающего их власть не делают без его рассуждения, но и первый ничего не делает без рассуждения всех. Митрополит, имеющий попечение о всей области: а) созывает епископов на областные соборы как по собственному усмотрению церковных нужд, так и по заявлениям епископов; б) председательствует на областном соборе, и без него собор, как неполный и неправильный, не может составить никакого действительного определения (Антиох. 20-е, 16-е; IV Всел. Соб. пр. 19-е; прав. св. Апост. 37-е); в) принимает жалобы на подчиненных епископов и назначает соборный суд над ними (Халк. Соб. прав. 9-е; Карф. 28-е); г) вместе с епископами выбирает и представляет кандидатов на открывшиеся епископские кафедры; д) по собственному усмотрению и по уполномочию собора обозревает епархии подчиненных епископов (Карф. Соб. прав. 62-е); е) вообще, проверяет и утверждает своим согласием все важнейшие распоряжения епископов своей области (прав. св. Апост. 34-е; Антиох. 9-е).

Но в епархии подчиненного епископа митрополит, без согласия первого, не совершает никаких архиерейских действий и не отменяет распоряжений епископа прежде соборного решения.

Что же касается опасения обособленности окраин при учреждении митрополий, то совещание выражает надежду, что живое единение представителей отдельных епархий на областных и Поместном Соборе Всероссийской Церкви будет содействовать объединению отдаленных окраин и в политическом отношении.

Журнал 8, 15 и 22 сентября 1905 года

О благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях.

Справка. Канонические основания участия прихожан в делах церковных:

Власть иерархии в Церкви основывается на божественном праве, и только апостолам и их преемникам принадлежит в Церкви право учить, священнодействовать и духовно управлять; но, так как власть эта дана не для нее самой, а для Церкви, которую составляют верующие миряне вместе с иерархией, причем верующие миряне должны быть живыми и деятельными членами Церкви и всеми своими силами и способностями содействовать общему благу и преуспеянию ее, то и права их должны быть признаны иерархией во всех делах, касающихся Церкви. Духу православной Церкви соответствует только совместное, в точно установленных границах, действие в ней иерархии и верующих мирян. Восточные патриархи, сказав в своем окружном послании 6 мая 1848 года православным христианам всего мира, что «страж благочестия — само тело Церкви», т. е. самый народ, выразили в этом основную истину православной Церкви и определили все значение права народа в Церкви.

На соборе св. апостолов участвовали апостолы, пресвитеры и братия (Деян. 15:22—23). Не принимая личного участия в самом решении догматических вопросов, народ сохранял за собой право отстаивать истинную веру путем непризнания противных вере постановлений. Примером этого служит Флорентийский Собор (по западному счислению 17-й Вселенский), заключения которого были приняты и подписаны многими иерархами восточной Церкви; но в Российской, а также и во всех восточных Церквах остались недействительными, как отвергнутые народом. Право участия верующих мирян в избрании священнослужителей основывается также на примере апостольской Церкви. Верующий народ участвует в избрании апостола Матфея (Деян. 1:15) и первых диаконов (Деян. 6:2 и след.). Это право народа существовало в той или иной форме во все века Церкви. Против него обыкновенно приводится один канон (Лаодик. Соб. 13-е); но канон этот говорит о толпе, которой следует запретить избрание священнослужителей, но ни этот, ни какой другой канон не запрещает народу или его законным представителям участвовать, согласно установленному порядку, в избрании священнослужителей. Права народа в этом избрании, как и в церковных соборах, отличаются от прав иерархии. Народу принадлежит избрание и предложение известного лица в узком смысле, а иерархической власти — признание выбора и возведение предложенного лица в известное священнослужительское достоинство, или наоборот: иерархия предлагает известное лицо, а народ высказывает свое мнение о нем и согласие или несогласие на служение этого лица Церкви.

Участие народа в управлении церковным имуществом также ведет свое начало от времен апостолов. Св. апостолы, постоянно пребывая в молитве и служении слова, предоставили пещись о столах выбранным из среды верующих семи мужам, которым и поручено было «домостроительство для общей

потребности тогда собранных» (Деян. 6:1—6; VI Всел. Соб. пр. 16-е). Этим апостольским деянием навсегда положено начало гласного управления церковными имуществами. С течением времени участие народа в управлении церковным имуществом изменяло свою форму, но в основе своей оно оставалось всегда в силе, как остается в силе в различных видах и в настоящее время (церковные старосты, представители от прихожан).

Живительная реформа Церкви не противна церковным канонам, вполне ответствует древнему историческому укладу русской церковной жизни, духу гражданских наших постановлений, вполне согласна с жизнью других автокефальных православных Церквей и, в частности, с жизнью матери Церкви русской — Константинопольской патриархии.

Желательное изменение церковно-приходской жизни может быть совершено, по мнению совещания, на нижеследующих началах.

Общие правила

1. Приходская община должна являться низшей ячейкой всего церковного организма, сплотившегося во имя Христово для получения вечного спасения и благоустройства религиозно-нравственной жизни, имея во главе приходского пастыря, как отца и руководителя.

2. Она, не выделяясь из тела Церкви, объединяется по тем или иным местным условиям около приходского храма.

3. Она управляется самостоятельно через посредство общего приходского собрания; но эта самостоятельность не должна пониматься как полное отделение от епархиальной и высшей церковной власти. Она живет по благословению и руководству этой церковной власти, безусловно сохраняя единение и союз с ней.

4. Приходской общине предоставляется право избирать для себя кандидатов на священноцерковнослужительские места из лиц правоспособных по образованию и нравственным качествам, в смысле заявления ею епископу своего желания иметь преимущественно известное лицо, или в смысле свидетельства о добрых качествах ищущего рукоположения лица (опред. Св. Синода 18 июля и 8 августа 1884 года).

О приходском собрании

1. Приходское собрание собирается или по предложению настоятеля, или по общему единодушному желанию прихожан, и притом не менее как два раза в год.

2. На церковно-приходском собрании председательствует настоятель прихода.

3. Право участвовать на церковно-приходском собрании принадлежит каждому прихожанину, записанному в исповедные книги, имеющему не менее 25 лет от роду и не ограниченному в правах.

4. О созыве церковного собрания объявляется в церкви и заблаговременно, причем указывается точно и время, и место собрания, и самые дела, подлежащие обсуждению.

5. Председатель предлагает дела на обсуждение собрания и руководит совещанием. Дело, не обозначенное в определении о созыве, не может быть допущено к обсуждению. В случае разномыслия дела решаются большинством голосов.

6. В выборах каждое лицо, пользующееся правом голоса, участвует одним голосом; при равенстве же голосов выборы решаются жребием. Выборы следует производить закрытыми билетами, если кто-либо из членов собрания этого пожелает.

7. Церковно-приходскому собранию надлежит: а) избирать членов приходского совета для ближайшего заведования делами приходской общины, а также и церковного старосту; б) разрешать сборы и постановлять решения о займах на удовлетворение общих потребностей прихода, а также установить необходимые правила касательно раскладки и взимания приходских сборов; в) право расходования церковно-приходских сумм при том условии, что существующие сборы на духовно-учебные заведения и другие епархиальные нужды должны остаться в настоящей силе до тех пор, пока в законном порядке не будут ассигнованы особые суммы на удовлетворение этих нужд; г) заботиться о сооружении и содержании храмов, причтовых домов, кладбищ, помогать причту в открытии благотворительных и просветительных учреждений, приютов, богаделен, народных домов, бесплатных столовых, больниц, школ, приходских библиотек и пр.; д) установить условие и приговор, который не должен быть изменяем, о материальном вспомоществовании причту и собирать эти суммы через посредство своего совета и вручать старшему члену причта.

8. Приходу принадлежит право юридического лица приобретать и отчуждать с разрешения епархиальной власти недвижимое имущество как по завещанию и дару, так и посредством покупки, и укреплять его за церковью. В случае возможного отпадения членов этого прихода от православия, а также в случаях выделения части прихода в особый самостоятельный приход, отпавшие и выделившиеся теряют право на означенное имущество.

9. Приходское собрание, назначенное по делам избрания кандидатов на открывшуюся в приходе вакансию священноцерковнослужителя и хозяйственным, не может состояться, если на него придет менее двух третей общего числа прихожан, имеющих право голоса на приходских собраниях; для решения же всех других дел, чтобы собрание имело законную силу, достаточна половина полномочных прихожан.

О приходском совете

1. Исполнительным органом приходского собрания является приходский совет, состоящий по одному выборному от каждой деревни в сельских прихо-

дах и от шести до двенадцати выборных в городах. Также входят в состав совета местный причт и церковный староста, как постоянные и непременные члены.

2. Председательствует на церковном совете настоятель.

3. Члены приходского совета избираются, как и церковные старосты, на три года, но так, чтобы из них одна треть ежегодно выходила, если они снова не будут выбраны.

4. Церковно-приходский совет собирается по приглашению председателя или когда просит о том не менее половины числа членов совета.

5. Церковно-приходский совет не может приступить к производству дел, если не присутствует более половины всех членов и если между присутствующими членами число выборных не превышает числа постоянных.

6. Каждый член пользуется одним голосом и, при равенстве голосов, в силу вступает мнение, которое разделяет председатель.

7. Для совместной работы приходский совет может приглашать и других прихожан по своему выбору, но без права голоса при постановлении решений.

8. Церковному совету надлежит: а) производить денежные операции по приходу и расходу совместно со старостой церковным; б) хранить и заведовать приходским имуществом, а также вести отчетность по приходу; в) принимать пожертвования и пособия, а также распоряжаться раскладкой и взиманием сборов, разрешенных на приходском собрании; г) в случае надобности, избирать и уполномочивать поверенного являться представителем прихода в суде и перед другими властями; д) входить в церковно-приходское собрание с проектами; е) обсуждать предварительно предметы, подлежащие рассуждению и рассмотрению приходского собрания, и делать доклады; ж) распоряжаться приведением в исполнение постановлений приходского собрания; з) помогать приходскому пастырю в деле поднятия и возвышения приходской нравственности, устраивая общества трезвости, певческие хоры, паломничества; всячески содействовать благолепию богослужения; и) содействовать пастырю в деле ограждения православной веры от иноверия и раскола и помогать ему в распространении православия среди иноверцев; і) производить приходской, братский примирительный суд.

Журнал 29 сентября 1905 года

О консисторском делопроизводстве, о благочинических советах и благочинических собраниях духовенства.

О консисторском делопроизводстве

Консистории устроены и действуют по образцу гражданских присутственных мест. Такой порядок производства во внешних делах Церкви является единственно возможным при сношении с гражданскими присутственными местами. Многочисленные дела о выдаче паспортов, метрических свиде-

тельств и справок, копий формулярных списков, сообщения присутственным местам сведений и справок из метрик и церковных документов, о выдаче жалованья духовенству, о сборах на епархиальные потребности и на благотворительные учреждения, о пенсиях и пособиях, назначаемых по точно установленным правилам, и многие другие дела и в настоящее время решаются канцелярским порядком. Этот порядок вносит чуждый духу церковной жизни, но неизбежный в канцелярском производстве формализм в дела епархиальные, имеющие характер церковный. К последнему разряду дел относятся все дела о пастырской деятельности духовенства, направленной к спасению души человеческой, а также и дела, возникающие в случаях уклонения и неправильностей в этой деятельности духовенства.

Будучи основаны чаще на Своде законов и циркулярных распоряжениях Ведомства православного вероисповедания, чем на Священном Писании и канонах церковных, и облеченные затем в форму указов за №№, постановления епархиальной власти приобретают скорее принудительный, чем нравственно-обязательный характер. Но принудительные меры, рассчитанные на «опасение в противном случае подвергнуться строгому взысканию по законам», не всегда полезны и в отношении к подчиненному духовенству, а в отношении к мирянам оказываются скорее вредными, содействуя возбуждению духа вражды к духовному управлению, которому более свойственны меры назидания и наставления. И гражданские власти на просьбы о содействии в делах такого рода отвечают обычно формальной отпиской.

Итак, в деятельности епархиальных епископов и консисторий необходимо отделить канцеляризм и пастырство: смешение и даже замена последнего первым, как показывает опыт, вредны для того дела, на которое призваны епископы и консистории.

Епископы в настоящее время слишком обременены бумагами: пастырское их дело, несомненно, будет успешнее, если значительную часть бумаг, имеющих только канцелярский характер, они передадут в ведение учреждений, а сами будут возвышать, укреплять и совершенствовать дело спасения пасомых путем живого общения с пастырями и паствой, лицом к лицу.

Благочинические советы

Благочинические советы учреждены были по распоряжениям епархиальных епископов во второй половине минувшего столетия для рассмотрения споров членов клира о доходах и земле, жалоб на обиды, причиненные лицами духовными, просьб о вознаграждении за ущерб и убыток, а также для разбирательства судных дел второстепенного характера и главным образом таких, которые могли оканчиваться примирением.

В основу благочинических советов были положены начала соборности: духовенство на благочинническом соборике избирало двоих всеми уважаемых священников, которые вместе с благочинным и под его председательством и рассматривали означенные дела, руководствуясь не только законами и указа-

ми, но преимущественно внушениями совести и местными обычаями, получившими одобрение епархиального начальства. Спорящим сторонам дозволялось избирать своих депутатов для участия в разбирательстве дела. Совет производил разбирательство дел словесно, без всякой формальности, по жалобам как словесным, так и письменным. Смотря по свойству дел, совет, прежде разбирательства дела, мог послать своего члена исследовать дело на месте и затем уже постановить решение. О всех жалобах и делах, поступающих в совет, ведется журнал, с краткой записью существа дела и решения совета, за подписью членов совета и депутатов от спорящих сторон. Решение совета, по записи в журнал, тотчас объявляется через благочинного, с взятием в слышании оного расписки, и затем немедленно приводится в исполнение. Чтобы устранить возможность пересмотра почти всех дел, решаемых советом, в духовных консисториях, как это было с делами, решаемыми в духовных правлениях, в инструкциях благочиннническим советам точно был установлен порядок обжалования их решения. Для советов Вологодской епархии был установлен следующий порядок: недовольному решением совета предоставляется право взять с решения копию и перенести дело на рассмотрение периодического собрания духовенства в их округе или даже епархиального начальства; но в таком случае, для избежания напрасной проволочки дела, назначается для подания апелляции семидневный срок, по истечении которого, если не будет подана апелляционная жалоба благочинному на имя периодического собрания или высшего начальства, решение совета приводится в исполнение, несмотря на то, что недовольный изъявил на решение свое неудовольствие, и при сем объявляется, что если жалоба его на решение совета окажется неправильной, в таком случай он подвергается двойному взысканию пени в пользу попечительства или ответственности по закону в высшей степени. Если же при решении дела участвовал с которой либо стороны избранный депутат, той спорящей стороне апелляция не дозволяется. Благочиннническим советам Вологодской епархии было предоставлено налагать следующие меры взыскания: 1) испрошение у обиженного христианского прощения; 2) замечание и братское вразумление; 3) выговор строгий или простое замечание, смотря по вине; 4) денежный штраф в пользу попечительства о бедных духовного звания; в сем последнем случае решение представляется на благоусмотрение архипастыря; 5) пеня или денежное взыскание не свыше 5 рублей в пользу обиженного или удовлетворение за понесенные убытки; 6) если кто-либо из священноцерковнослужителей, подвергавшийся взысканию благочиннического совета за неблаговидное поведение и предосудительные поступки, будет замечен в другой раз в тех же проступках, такого подвергать строжайшему по степени взысканию, а если и после не исправится, тогда отсылать его к суду епархиального начальства при рапорте благочинного.

Благочиннические советы принесли несомненную пользу примирительным и скорым, в личном присутствии спорящих сторон, судом, способствуя лучшему выяснению прав и обязанностей духовенства и благоустройству отношений между членами причтов, а также между причтами и прихожанами. С

другой стороны, советы освобождали епархиальные управления от рассмотрения множества маловажных дел, возбуждающих большую переписку при исследовании их обычным канцелярским порядком.

В некоторых епархиях на благочиннические советы были возложены и другие обязанности, а именно: отмечать поведение духовных лиц по клировым ведомостям или же только поверять отметки, выставленные благочинным, представлять к наградам духовных лиц, церковных старост и жертвователей, следить за устройством причтовых помещений, в качества временных строительных комитетов, и иметь попечение о нуждающихся лицах духовного звания. Последняя обязанность в Вологодской епархии возложена на окружные попечительные советы, ныне имеющие в своем распоряжении свыше 34 000 рублей, с ежегодным приходом свыше 10 000 и расходом почти в той же сумме.

Блогочиннические собрания духовенства

Благочиннический совет обсуждает донесения благочинного и его помощника о встреченных ими при обозрении церквей непорядках и небрежении в содержании церквей с их принадлежностями — в том только случае, если эти непорядки замечены в одной или немногих церквах; если же эти недостатки — общие в округе, то, для принятия общих мер к их устранению, дело передается на обсуждение благочиннических собраний.

Сложная и трудная деятельность приходского пастыря вызывает множество вопросов, требующих совместного товарищеского обсуждения при участии опытных сослуживцев. Помимо разрешения вопросов пастырской практики, таковые собрания выясняли обязанности и задачи приходского служения: обязанность благоговейного совершения богослужения и святых таинств, доброго христианского поведения и точного исполнения всех постановлений православной Церкви, дабы тем самым подать живой пример прихожанам; диаконам и причетникам внушалось, дабы они старались образовать себя через чтение книг и занятий в школе, жить миролюбиво с прихожанами и священниками, не осуждать и не перетолковывать их действий, в особенности перед прихожанами. Особенное внимание пастырские собрания обращали на проповедническую и вообще просветительную деятельность духовенства: советовались о выборе слов, бесед и поучений, наиболее доступных пониманию народа.

Просветительная деятельность духовенства находит в пастырских собраниях живой источник сил и одушевление к усиленной работе. Дела об открытии церковных и воскресных школ, вечерних классов, об изыскании средств на школьное дело, о религиозно-нравственном обучении народа через устройство чтений и бесед, об учреждении благочиннических и приходских библиотек, выбор книг для них, — все это с большой пользой может быть предметом всестороннего обсуждения, правильного и наиболее, по местным обстоятельствам, целесообразного решения.

Более широкая организация миссионерского дела вообще и меры к искоренению суеверий, предрассудков и вредных обычаев, существующих в местном населении — в частности, правильнее могут быть выработаны и скорее проведены в жизнь, если это дело будет выяснено самим духовенством, а не чуждыми для него канцеляриями, часто не знающими условий местной жизни.

Кроме совещаний по различным предметам пастырского служения, благочинические собрания имели особую заботу о христианском поведении пастырей округа и ревностном исполнении ими своих обязанностей. В связи с этим собраниям духовенства были предоставлены значительные права и полномочия, а именно: суждение по заявлениям благочинного и других присутствующих на съезде о проступках, опущениях по должности и нравственных недостатках замеченных духовных лиц округа, а равно и о лицах, отличающихся примерным исполнением своих обязанностей и нравственной жизнью; руководство неопытных священников; представление лиц, загладивших свои прежние проступки, к награждению несчитанием судимости препятствием к получению наград. Съезды разбирали разные неудовольствия между членами причтов, стараясь примирить враждующих; делали внушения и братские вразумления замечаемым в неисправном поведении и исполнении своих обязанностей; входили в суждение по жалобам прихожан на причты, священников на причты и причтов на своих священников. Помимо внушений, замечаний и выговоров (суд чести?), съезды уполномочивались в некоторых епархиях налагать на виновных штраф от 25 коп. до 5 руб., особенно за проступки духовных лиц, явно нарушающих благочиние во время совершения богослужений, и за нетрезвость при отправлении своих обязанностей.

Разбор дел по маловажным проступкам с учреждением благочинических советов передан был в советы, и предметом совещаний собраний духовенства остались совещания по различным вопросам пастырского служения духовенства.

Существенным недостатком съездов, на которые имеются указания в печати, было допущение на некоторых съездах неуместных словопрений о посторонних, не относящихся к делу предметах, и случаи оскорбительных выходок со стороны одних членов съезда по отношению к другим. Но этот недостаток при предварительном извещении членов причта о тех предметах, о коих предположено рассуждать на съезде, и надлежащем руководстве со стороны местного благочинного, может быть устранен.

Постановили: Установив начало соборности в управлении митрополиями и признав за прихожанами право участия в выборе приходских пастырей и распоряжении церковным хозяйством, совещание признает необходимым восстановить то же начало соборности и в епархиальном управлении. Как митрополит созывает областной собор для обсуждения дел, имеющих значение для всей области или превышающих власть отдельных епископов, так и епископ один раз в год созывает епархиальный собор для совместного с пастырями и представителями от мирян обсуждения и решения общеепархиальных дел.

Епархиальный собор должен соединить и союзом христианской любви и ревности о спасении связать разрозненные приходы епархии. Личное общение и живой обмен знаний и опытности особенно необходимы в случаях колебания в православии населения епархии и массового уклонения от Церкви, когда требуется не формальное производство, а всестороннее обсуждение причин и поводов, вызвавших такое прискорбное явление, и выработка мер охранения православных в церковной ограде.

Являясь средоточием церковной жизни в епархии, собор епархиальный должен быть живым проводником тех постановлений, которые приняты на областном соборе митрополии и на Поместном Соборе Всероссийской Церкви. Соборное молитвенное общение пастырей и преданных православной Церкви мирян может вызвать высокий подъем религиозного воодушевления и решимость на самоотверженную работу всех членов Церкви на ниве Христовой. Тот же собор может указать деятелей, которые могут быть поставлены руководителями неопытных, т. е. он может представлять кандидатов или ходатайствовать о назначении известных разумом, благочестием и духовной опытностью лиц на открывающиеся места в епархиальном управлении.

Предметами обсуждения на епархиальном соборе могут быть имеющие общеепархиальное значение дела об охранении православного учения и распространении его среди иноверцев, о возвращении старообрядцев и сектантов в православную Церковь, о единоверии, о возвышении благолепия в церковном богослужении, установлении церковных торжеств и крестных ходов и другие дела веры и богослужения.

Засим, предметами обсуждений на епархиальном соборе могут быть вопросы епархиального хозяйства: раскладка сборов с церквей на содержание духовно-учебных заведений и другие общеепархиальные потребности, о возможном обеспечении вдов и сирот духовенства, о хозяйстве свечного завода и расширении его деятельности продажей книг, икон, церковного вина и церковной утвари, об эмеритальной кассе духовенства и т. п. Предварительная разработка этих вопросов может быть поручена отдельным выборным комиссиям, которые и представят собору все данные для правильного решения.

При ежегодном созыве епархиальных соборов становятся излишними съезды духовенства со всей епархии для разрешения вопросов, исключительно касающихся хозяйства духовно-учебных заведений и установления сборов с церквей без участия представителей от приходов, что̀ вызывает глухой, а иногда и открытый ропот прихожан и церковных старост.

Состав епархиального собора определяется путем выборов, причем каждый десяток церквей избирает одного депутата из духовных и другого из мирян. Сверх того, епископ или собор приглашает известное число лиц, могущих принести пользу своими знаниями и опытностью в делах, подлежащих обсуждению собора.

Существующий порядок епархиального управления, при котором оно разделено между независимыми учреждениями, рассматривающими и решающими дела каждое в своих целях: миссионерских, педагогических, канце-

лярских, — не может обеспечивать единства или, по крайней мере, согласованности в мероприятиях общего характера по управлению епархией. Для объединения епархиального управления необходимо установить начало соборного или совместного рассмотрения и решения производящихся ныне в отдельных учреждениях дел, имеющих между собой тесную связь или требующих согласованных действий всех учреждений епархии. Подобные совместные заседания епархиальных учреждений, как-то консистории с советом братства, епархиальным попечительством, с епархиальным наблюдателем и миссионером, — и при существующем порядке были признаваемы для дела полезными и вошли в практику, но, как не имеющие основания в законах, остаются случайными.

В силу канонических оснований, по которым епископ управляет епархией вместе с советом пресвитеров (Васил. Вел. пр. 89-е; Феоф. Ал. пр. 7-е), в особенности в делах хозяйственных (Карф. пр. 42-е; Антиох. пр. 25-е), а также и для пользы дела, необходимо установить, что такие совместные собрания представителей отдельных учреждений епархиального управления происходят в личном присутствии епископа и под его председательством, дабы при живом обмене мыслей дух правды не был скрыт за письмом, которое, по слову св. апостола, убивает (2 Кор. 3:6). Такое учреждение может быть названо «епархиальным управлением» и заменить собой присутствие нынешней консистории, причем канцелярия последней может быть преобразована в канцелярию епархиального управления на новых началах, а именно: с отделением и разграничением в епархиальном управлении канцеляризма от пастырства множество дел, обременяющих ныне совет пресвитеров, именуемый присутствием консистории, и отнимающих у епископа драгоценное время, необходимое для живого общения с паствой, может быть передано на ответственность чиновников, основательно знакомых с церковным и гражданским законодательством.

Сюда относятся все дела, решаемые канцелярским порядком и требующие более опытности в делопроизводстве и знаний гражданских законов и порядков, чем пастырской опытности, как-то: дела о выдаче паспортов и метрических свидетельств и справок, копий формулярных списков, сообщения присутственным местам сведений и справок из метрик и других церковных документов, расписание жалованья духовенству, о пенсиях и пособиях, назначаемых не вне правил, о сборах на епархиальные потребности и благотворительные учреждения и т. п.

Так же могут быть разделены дела и в училищных советах по церковным школам, в епархиальном попечительстве и других учреждениях епархиального ведомства. Все канцелярские дела должны быть предоставлены ответственности сих учреждений, а важные дела, требующие рассмотрения совета епископа, должны быть вносимы при тщательно составленных докладах в епархиальное управление, где их докладывает представитель данного учреждения. Список дел того и другого разряда должен быть определен в уставах и правилах сих учреждений.

При таком порядке епископы будут освобождены от множества мелочных дел, по которым ныне составляются журналы и доклады, требующие немало времени для чтения и просмотра приложенных к ним бумаг.

Состав и штаты епархиального управления и канцелярии оного определяются в законодательном порядке.

Ближайшими помощниками епископа в надзоре за церквами и духовенством епархии являются благочинные, которые, по мнению совещания, должны быть избираемы всеми членами причтов округа сроком на 12 лет. Право голоса при выборах принадлежит каждому члену причта соответственно занимаемому положению и обязанностям. За епископами остается неотъемлемое у них право утверждать или не утверждать избранных кандидатов на должности благочинных, а равно увольнять лиц, оказавшихся не соответствующими сей должности по своим умственным или нравственным качествам, а также подвергшихся взысканиям по суду.

«Пресвитеры и диаконы», гласит 39-е правило св. апостол, «без воли епископа ничего да не совершают. Ибо ему вверены люди Господни, и он воздаст ответ о душах их».

В помощь благочинному духовенство округа избирает, сроком на 4 года, троих священников, которые вместе с благочинным и под его председательством составляют благочиннический совет.

Журнал 6 и 13 октября 1905 года

По проекту основных положений преобразования духовно-судебной части, составленному Высочайше утвержденным 12 января 1870 года Комитетом.

По ознакомлении с проектом и возражениями против него совещание пришло к заключению, что упомянутый проект противоречит каноническим началам, на которых совершается суд в православной Церкви со времен св. апостолов. Поставив своей задачей отделить судебную власть от административной и ввести в духовный суд те начала, на основании которых был преобразован в то время светский суд, рассматриваемый проект ограничивает судебную власть епископа над духовенством и мирянами и судебные права епископа передает независимым от него пресвитерам и лицам прокурорского надзора, а значительную часть дел (по спорам между духовными лицами о земли доходах, если спор основан на письменном акте, дела о противозаконных брачных сопряжениях, о расторжении браков по прелюбодеянию и безвестному отсутствию, об удостоверении действительности брака, рождения и крещения, смерти и погребения) отдает светскому суду.

Имея в виду, что власть суда и наказания, по церковным правилам (1 Тим. 5:19—21; Апост. пр. 32-е; I Всел. Соб. пр. 5-е; VI Всел. Соб. пр. 102-е; Антиох. пр. 6-е, 12-е, 20-е; IV Всел. Соб. пр. 9-е), принадлежит епископу и лицам пресвитерского сана может быть поручаема только от имени епископа (Апост. пр. 39-е; Лаод. пр. 57-е), совещание *постановило* принять особый

проект, составленный преосвященным Алексием, архиепископом Литовским, за исключением и изменением некоторых его пунктов, а именно:

П. 5: должность судебного следователя с должностью духовного судьи совещание признает несовместимой и полагает, что в целях лучшего производства следствий должны быть назначаемы особые лица на должности следователей.

П. 10: вместо «пятью членами от местного земства» духовные судьи избираются «и представителями от приходов по одному».

П. 16: члены епархиального суда избираются епархиальным собором.

П. 30: охранение порядка в заседании суда возлагается на одного из членов.

Пункты 32 и 33 (судебные заседания происходят публично, и каждое решение духовного суда, состоявшееся публично, может быть напечатано и обсуждаемо) совещание не находит возможным принять по следующим основаниям: публика и пресса могут быть полезны для духовных судов при непременном условии — веры и преданности православной Церкви. Между тем наиболее религиозный, трудящийся православный народ не будет посещать судебных заседаний, ибо для этого у него нет времени. В суд скорее придет праздная городская публика и, конечно, не с целью назидания, а из праздного любопытства и ради интереса к скандальным подробностям процесса. Верующий же человек, помня поступок Хама, не пожелает из праздного любопытства видеть наготу своих духовных отцов.

Пункты 88, 92, 96 и 97 относительно обвинителей (прокуроров) и защитников (адвокатов) в суде духовном совещание не считает возможным принять по следующим основаниям: суд духовный и по настоящему проекту предполагается без участия присяжных заседателей. Если же отвергается суд присяжных, то нет надобности принимать прокуратуру и адвокатуру, которые назначены исключительно для выяснения дела перед присяжными. Словопрения и словесная борьба между обвинителем, стремящимся убедить в виновности подсудимого, и защитником, принявшим на себя обязательство за деньги оправдывать подсудимого, не могут быть признаны целесообразными в суде духовном, назначение которого состоит не в том, чтобы наказывать за проступки ради торжества отвлеченного правосудия (fiat justitia, pereat mundus) или ради удовлетворения обиженного, а в том, чтобы привести подсудимого к сознанию виновности и через наказание, всегда соответственное качеству греха и степени раскаяния, спасти душу его (как об этом подробно изъяснено в 102-м пр. VI Всел. Соб.; см. и Кор. 5:1—5). Равным образом, и цель духовного суда по жалобам обиженных состоит в том, чтобы возбудить раскаяние в обидчике и тем примирить с ним обиженного, дабы в Церкви Христовой все были братья, имеющие друг ко другу нелицемерную любовь (Мф. 18:15—18), ибо, «кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть» (1 Ин. 4:20). Сверх того, адвокатура на суде духовном не может быть принята потому, что она внесет неравенство перед судом бедных и богатых, из которых первые будут оставаться без защитника, а вторые будут не жалеть денег

на наем искусных адвокатов. Наконец, и сам автор проекта в делах бракоразводных не допускает поверенных (ст. 114), хотя они и были допущены в этих делах по Уставу духовных консисторий (ст. 62, пункт г). Совещание признает излишним, при существовании благочинных, и во многих отношениях неудобным предоставление духовному судье права возбуждать дела по лично усмотренным им преступным деяниям.

Принимая проект преосвященного Алексия, архиепископа Литовского, с указанными изменениями, совещание находит полезным высказать следующие пожелания, относящиеся к преобразованию духовного суда:

1) К делам, производящимся в духовном суде, должен быть применен закон о давности, т. е. установлены сроки, по истечении которых дела не могут быть возбуждаемы.

2) Дела о самоуправстве, обидах (на словах и действием) и вымогательстве лиц духовного звания могут возникать лишь по жалобам лиц, потерпевших от самоуправства, обиды или вымогательства.

3) Всякого рода дела о личных обидах и оскорблениях могут оканчиваться примирением.

4) Из числа мер, налагаемых по епархиальному суду, должны быть исключены: а) наказание низведением в причетники, как унизительное, и б) наказание поклонами.

5) Лишенным сана по суду должны быть предоставлены все права, принадлежащие им по рождению и по образованию.

6) В формулярах должны быть отмечаемы только случаи судимости, кончившиеся обвинением подсудимого.

7) Равным образом, должны быть исключены из клировых ведомостей отметки о поведении священноцерковнослужителей, как унизительные для духовенства.

Журнал 19 и 27 октября 1905 года

По вопросу *об усовершенствовании духовных школ* представляется необходимым коренное преобразование наших духовно-учебных заведений, с принятием во внимание следующих соображений:

1) В основе обучения и воспитания в духовно-учебных заведениях должно быть сохранено религиозно-нравственное направление в духе православной Церкви.

2) Сокращение общеобразовательного курса духовно-учебных заведений, с целью, главным образом, достаточной количественности в составе кандидатов священства, как ведущее к понижению их качественного ценза и не соответствующее потребностям церковно-приходской жизни, представляется для церковного дела безусловно нежелательным.

3) В целях общекультурных и специально-пастырских представляется необходимым возможное усиление общеобразовательного курса духовной школы и его принципиальная законченность четырьмя классами семинарии, с

устранением из состава общеобразовательного курса специальных частей курса богословского и сокращением древних языков и с постановкой на место их новых языков.

4) Окончание общеобразовательного курса должно давать право свободного поступления в университеты и другие высшие учебные заведения, причем аттестат семинарский должен быть, без различия разрядов, свидетельством успешного изучения всех наук курса, а не только Закона Божия.

5) Необходимо введение в курс духовной школы реальных знаний и усиление преподавания искусств.

6) Необходимо расширение программ педагогики в целях законченности общеобразовательного курса и пастырско-педагогической подготовки кандидатов священства.

7) Для подготовления к пастырскому служению должны быть наилучшим образом организованы при семинарии или отдельно от нее богословские классы.

8) Духовная школа и в своем общеобразовательном курсе и в классах богословских должна быть общедоступна, в ней должна быть уничтожена существующая 10%-ная норма приема иносословных, а для классов богословских должна быть уничтожена и норма возраста.

9) Желательна лучшая организация школьных библиотек и отмена ограничений для учеников духовно-учебных заведений в чтении всех доступных возрасту и интересам изданий под руководством преподавателей и лиц воспитательного персонала.

10) В целях улучшения и правильной постановки в духовно-учебных заведениях воспитания представляется необходимым преобразование организации и состава воспитательного надзора с учреждением должности воспитателей, свободных от преподавательских обязанностей и руководствующихся принципиально-существенными правилами жизнеповедения. Обеспечение и правовое положение воспитателей должно быть поставлено соответственно их призванию, с предоставлением им квартир при учебных заведениях и общежитиях.

11) В целях возвышения воспитательного авторитета служебного персонала учебных заведений, желательно усиление корпоративности в строе духовно-учебных заведений, с предоставлением права свободного избрания корпорациями учебных заведений кандидатов на начальственные и прочие должности, с предоставлением права назначения преподавателей духовно-учебных заведений советам академий.

12) Необходимо улучшить правовое и материальное положение служащих в духовно-учебных заведениях в уровень с положением служащих по Министерству народного просвещения.

13) Желательно усиление представителей епархиального духовенства в составе педагогических советов по выбору епархиального собрания.

14) Устройство общежитий предоставить духовенству и родителям учащихся. Общежития желательны, как средства для проведения воспитательных

идей, но при условиях: а) необязательности, б) немноголюдства и в) удовлетворительности в гигиеническом отношении; воспитатели при общежитиях должны быть лица особые и состоять в ведении семинарии.

15) Желательно увеличение числа духовно-учебных заведений в видах общедоступности образования и сохранения связи учащихся с семьей и родиной, а также устранения нежелательного в учебном и воспитательном отношении многолюдства учащихся в одном учебном заведении.

Журнал 3 ноября 1905 года

По вопросу *о порядке приобретения Церковью собственности*:

Русская Церковь до половины XVI века пользовалась безграничным правом приобретения имуществ всякого рода. Но уже царь Иоанн IV постановил, чтобы церкви и монастыри никаким способом не приобретали себе земель без дозволения Государя. Тот же царь соборным определением 15 января 1580 года окончательно запретил архиереям и монастырям так или иначе увеличивать свои поземельные владения, и это определение подтверждено было при Феодоре Иоанновиче в 1584 году. В 1764 г. монастырские и церковные земли были отобраны в казну.

По действующему законодательству, пожертвования в пользу архиерейских домов, церквей и монастырей имуществ недвижимых, как-то: домов, лавок и других строений, а также земель, приемлются не иначе как вследствие соображений и сношения консистории с кем следует о том: имеют ли завещатели или жертвователи сами право на таковые распоряжения сими имуществами, и соблюдены ли все формы, на подобные случаи установленные. О последствии своих соображений консистория со своим мнением представляет архиерею; и буде нет никаких препятствий к принятию завещанного или жертвуемого, то архиерей доносит Синоду для испрошения на то Высочайшего соизволения. При доношении Синоду о пожертвованных архиерейским домам, монастырям и церквам землях, домах и прочих угодьях, для исходатайствования Высочайшего разрешения об укреплении оных в церковную собственность, надлежит доставлять планы тем недвижимостям (ст. 985, т. X Зак. Гражд. изд. 1900 г.).

В силу 778, 984, 1429 ст. X т. I ч. и ст. 386 т. IX Закон. о сост. изд. 1876 г., архиерейские дома, монастыри и церкви приемлют пожертвования недвижимых имуществ не иначе как по исходатайствовании через епархиальное начальство и Святейший Правительствующий Синод, Высочайшего на то соизволения; совершение крепостных актов на приобретение как посредством покупки, так через дар или завещание, от частных лиц недвижимых имуществ происходит уже по воспоследовании Высочайшего соизволения на таковые приобретения. Очевидно, Высочайшим соизволением не совершается в подобных случаях самый переход права собственности к одаряемому от жертвователя, а только устанавливается право принять жертвуемое имущество; самое же укрепление прав собственности производится на общем основании.

Указом Святейшего Синода от 31 июля 1843 года, за № 10247, предписано всем подведомственным Святейшему Синоду местам и лицам, чтобы они в тех случаях, где необходимо по закону исходатайствовать Высочайшее соизволение на укрепление недвижимых имений за церквами и монастырями, входили впредь с представлениями своими в Святейший Синод по собрании всех нужных документов и сведений, а именно: I) по имениям, предоставляемым в пользу церквей и монастырей духовными завещаниями. При представлениях о сем прилагать: а) духовное завещание или формальную копию с оного; б) акт, по коему владел завещатель имением, или засвидетельствованный надлежащим порядком список с оного; в) план на завещанное имение, а буде в нем заключается дом или другие строения, то и фасад оным, с объяснением: кем и когда именно духовное завещание явлено для засвидетельствования в подлежащем присутственном месте, а если не сделано сего, то по каким именно причинам; г) собранные сведения от местных губернского правления, палаты гражданского суда, уездного суда и гражданской или земской полиции (а ныне от губернского правления, окружного суда, старшего нотариуса, земской управы, полицейского управления), о том, что на завещанном имении никаких исков, споров и запрещений нет; если же случится, что завещатель распорядился имением, доставшимся ему по наследству, то сверх всего вышеизложенного должно объяснить и то, кто именно после него есть законные наследники, было ли им объявлено надлежащим порядком духовное завещание, изъявили ли и они со своей стороны на распоряжение завещателя согласие и когда и чем именно то подтвердили. Буде же наследников не окажется даже и по учинении вызова их посредством объявлений через публичные ведомости в установленный законом срок, то как в таком случае, так и тогда, когда объявлен будет какой-либо спор к завещанному имению, дело об оном, без представления его Синоду, должно быть передано на рассмотрение подлежащего судебного места. II) По имениям, жертвуемым при жизни в пользу церквей и монастырей, должны быть представлены акты на жертвуемое имение, подлинные или в засвидетельствованных копиях, вместе с планами, а на дома — и фасадами, присовокупя к тому и те акты или копии с них, по коим даритель владел таковым имением, а также и сведения, показанные в первом пункте. III) По имениям, покупаемым церквами и монастырями, чтобы сверх представления всех выше объясненных в первом пункте сведений и документов, обозначаемо было: за какую цену продается имение, на счет ли продавца принимаются расходы при совершении крепостного акта и из каких источников будет продавец удовлетворен договорной суммой.

Церкви и монастыри могут приобретать в собственность недвижимые имения и по давности владения, т. е. на основании спокойного, бесспорного и непрерывного владения в виде собственности в течение 10 лет. Решением гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената разъяснено, что духовные учреждения, т. е. церкви, монастыри и архиерейские дома, могут приобретать по давности владения и такое недвижимое имение, которым они неправильно владели или которое приобрели от прежнего собст-

венника без всякого письменного акта или посредством такого акта, при совершении которого не соблюдены предписанные законом правила, в том числе и испрошение Высочайшего соизволения. В дополнение к этому указом Святейшего Синода 6 сентября 1879 года постановлено, что церкви и монастыри, владеющие недвижимыми имуществами по давности, не обязаны ходатайствовать ни о признании за ними судом прав собственности на те имущества, ни об испрошении Высочайшего соизволения на укрепление за ними владеемого имущества до тех пор, пока не встретится надобность продать это имущество, или заложить, или совершить иное действие, требующее предварительного акта владения имуществом. Только в этом случае епархиальное начальство должно ходатайствовать перед Святейшим Синодом об испрошении Высочайшего соизволения на укрепление за церквами и монастырями недвижимых имуществ по давности владения, с представлением судебного постановления о признании факта бесспорного владения в течение земской давности.

Определением Святейшего Синода от 19—31 августа 1892 года, за № 2134, разъяснено: 1) что недвижимые имущества, жертвуемые в пользу одной какой-либо церковно-приходской школы, должны быть укрепляемы за той приходской церковью, в приходе коей находится церковно-приходская школа (Уст. дух. конс. ст. 14); 2) недвижимые имущества, жертвуемые в пользу церковно-приходских школ всей епархии, или одного уезда, или же в распоряжение епархиального училищного совета и уездных его отделений, без определенного указания тех школ, в пользу которых жертвуется недвижимое имущество, должны быть укрепляемы за епархиальным начальством (ст. 698 п. 5 т. X ч. 1) с определенным назначением в пользу церковно-приходских школ.

Состоящие в Духовном Ведомстве общества, братства, приюты, богадельни и тому подобные религиозно-просветительные, благотворительные и богоугодные учреждения, действующие на основании уставов или правил, утвержденных епархиальными начальствами, либо Святейшим Синодом, или же светской властью, могут приобретать на свое имя и отчуждать общеустановленным порядком недвижимые имущества, без испрошения на то Высочайшего разрешения (опред. Прав. Сената 1900 г. 31 января. Церк. Ведом. 1901 г. № 10).

Епархиальные свечные заводы, а равно и церковно-приходские попечительства, как не принадлежащая к числу юридических лиц, коим по ст. 698 т. X ч. 1 дозволяется приобретение имуществ, неправоспособны к приобретению таковых, а потому на имя их не могут быть и совершаемы крепостные акты. Имущества, поступающие на потребности свечных заводов, укрепляются за епархиальным начальством, а жертвуемые в пользу церковно-приходского попечительства — за той церковью, в приходе коей состоит это попечительство.

Дела об укреплении недвижимых имуществ в собственность духовно-учебных заведений, а также о продаже и обмене недвижимых имуществ, сим

заведениям принадлежащих, окончательно решаются Святейшим Синодом. Ст. 778 т. X ч. 1 изд. 1900 года.

В праве приобретения движимых имуществ и капиталов Церковь ничем не ограничена.

Некоторые церковные установления, именно — архиерейские дома и монастыри, имеют еще право законного наследования: первые — в различных священных вещах, оставшихся после архиерея, хотя бы вещи эти были построены на его собственное иждивение, также во всем выморочном имуществе архиерея, если он не оставил духовного завещания (т. IX, ст. 395), а монастыри — в остающихся после монастырских властей вещах ризничных, в выморочном имуществе этих властей, во всем движимом имуществе простых монахов, наконец, в строениях, возведенных внутри монастыря монахами и вкладчиками светского звания на свои средства (т. IX, ст. 393).

Постановили: Существующие узаконения ограничивают правоспособность церквей и церковных установлений в приобретении недвижимых имуществ. Церкви и монастыри не обладают самостоятельным правом приобретения таких имуществ; право это на каждый отдельный случай дается Высочайшим соизволением. Причина такого ограничения заключается в установившемся воззрении, что имущества, приобретаемые Церковью, переходят «в мертвую руку», т. е. совершенно изымаются из гражданского оборота, что̀ естественно сопровождалось невыгодными последствиями для общей экономической жизни. В силу этого были изданы так называемые амортизационные законы, т. е. такие, которыми ограничивалось приобретение недвижимых имуществ «мертвою рукою» Церкви.

В настоящее время такие законы представляются излишними, так как, при существующих общественных течениях, церкви с большими усилиями получают и те земли, на отвод которых они даже по закону имеют право. И так как закон, по позднейшим разъяснениям, предоставляет право приобретения и отчуждения недвижимых имуществ существующим при церквах обществам, братствам, приютам, богадельням и тому подобным религиозно-просветительным, благотворительным и богоугодным учреждениям, действующим на основании уставов или правил, утвержденных духовной или светской властью, то распространение этого права приобретения и отчуждения недвижимых имуществ без испрошения Высочайшего соизволения на церкви и монастыри, но с разрешения епархиального начальства, представляется весьма возможным и справедливым.

Равным образом, в отмену и предупреждение фиктивных укреплений за учебными заведениями и епархиальным начальством тех недвижимых имуществ, которые приобретены епархиальным духовенством и находятся в фактическом его обладании и распоряжении, желательно предоставить права юридического лица духовенству епархиальному и уездному или вообще всякого рода организациям духовенства, действующим на основании законно утвержденных уставов и под наблюдением епархиальной власти.

Журнал 10 ноября 1905 года

По вопросу *об участии священнослужителей в общественных учреждениях*:

Русское духовенство до XVIII века было тесно связано с народом, из которого оно и выбиралось. Все земские интересы были вместе с тем и интересами духовенства: вместе с мирянами оно платило подати, и благосостояние его, за отсутствием жалования, всецело зависело от материального достатка самих прихожан. Уже по этой одной причине прежнее духовенство не могло быть равнодушным к общественным делам; и действительно, в числе голосов, раздававшихся против поборов, притеснений и правежей, были голоса и приходских священников. Кроме того, духовенство, как образованное сословие, принимало заметное участие во всех общественных делах, где требовались познания и просвещенный кругозор. Священники часто расписывались за неграмотных, скрепляли разные крепостные документы, участвовали в суде в качестве членов при разборе разных судных дел своих прихожан и подавали свой голос в мирских выборах земских старост и судей.

С уничтожением выборного начала в духовенстве изменился и характер взаимных отношений между духовенством и прихожанами: прихожане были устранены от непосредственного распоряжения церковными доходами и имуществом, равным образом и духовенство постепенно устранялось от участия в земских и общественных делах своего прихода.

По действующим законам, духовенство не имеет права принимать участие в сельских сходах.

Прежде священники имели право быть гласными в городских думах и в земских собраниях; ныне они лишены этого права, а для защиты церковных интересов в земские собрания и думы назначаются епархиальным начальством депутаты.

В последнее время высшая духовная и гражданская власть изменила свой взгляд на участие духовенства в общественных учреждениях. Так, Высочайшим манифестом 26 февраля 1903 года о мерах к улучшению народного благосостояния и незамедлительном удовлетворении назревших государственных нужд решено было, между прочим: 1) продолжать деятельное проведение в жизнь мероприятий, направленных к улучшению имущественного положения православного сельского духовенства, усугубляя плодотворное участие священнослужителей в духовной и общественной жизни их паствы, и 2) поставить задачей дальнейшего упорядочения местного быта сближение общественного управления с деятельностью приходских попечительств при православных церквах там, где это представится возможным.

В докладной записке, представленной в Комитет Министров высокопреосвященным митрополитом Антонием, выражены следующие пожелания по данному вопросу:

Наставник и прочие лица духовные инославных общин, являясь ставленниками этих последних, должны иметь для них особый авторитет и, при всех

обстоятельствах не только чисто церковной, но и общественной жизни, окажутся естественными представителями своих общин и ходатаями за них перед правительством. Такого же непосредственного участия в общественной жизни прихода желает и от православного духовенства Высочайший манифест от 26 февраля 1903 года. Поэтому не следует ли распространить на православных священников право быть непременными членами общественно-государственных учреждений, имеющих место в их приходах (в случае восстановления прихода, как земской единицы), участвовать в мирском сходе и быть представителями общины перед властями, при желании последней? Чтобы голос Церкви был более слышен в государственном управлении (которое принципиально призывает на себя благословение Церкви), а также, чтобы и государственные сановники могли непосредственно от полномочных представителей Церкви знать ее взгляд на тот или иной предмет, и представители Церкви могли непосредственно разъяснять государственным сановникам церковные дела и ходатайствовать о нуждах и потребностях Церкви, не признано ли будет желательным теперь же предоставить высшим представителям церковной иерархии (нескольким из них, по рангу или по выбору Церкви) участие с правом голоса в заседаниях Государственного Совета, Комитета Министров и подобных высших государственно-законодательных учреждений?

По Высочайше утвержденному положению о выборах в Государственную Думу, «уполномоченные от священнослужителей, владеющих в уездах церковной землей, имеют право участвовать в съездах уездных землевладельцев при выборах в Государственную Думу».

Постановили: Вопрос об участии духовенства в общественных учреждениях решен в положительном смысли Высочайшими манифестами 26 февраля 1903 года и 6 августа 1905 года и учреждением Государственной Думы. Сими актами духовенство призвано к непосредственному участию в общественной деятельности; наряду с другими выборщиками, духовенству предоставлено право избирать представителей от народа в Государственную Думу, которой, по манифесту 17 октября 1905 года, принадлежит право законодательства и надзора за закономерностью действий властей. Лица духовного звания могут быть и членами этого законодательного учреждения. По мнению совещания, это высокое право и вытекающие из него новые обязанности духовенства вполне согласны с назначением и задачами пастырского служения. Белое духовенство, живя в миру и не принимая на себя монашеских обетов отречения от мира, имеет своей задачей спасение людей в условиях мирской жизни. Сохраняя и возгревая в людях живую веру, духовенство имеет попечение о том, чтобы христианская заповедь о любви к ближнему и самоотверженной деятельности (Мф. 5:43—48; 10:37—39. Лк. 6:27—36) проникала во всякую общественную деятельность и возвышала значение общественных учреждений. Будучи живой совестью народа и напоминая ему о сохранении заветов христианского учения, духовенство может иметь большое влияние как при выборах в Государственную Думу, так и при решении дел в местных общественных учреждениях; под знаменем православия оно может соединить лучшие

силы народные и вызвать их на защиту своей веры и родины, как это было в смутные времена.

Не должны быть чужды духовенству и материальные нужды прихожан и заботы об улучшении экономических условий жизни народа. Воззрение, ограничивающее задачи пастырского служения религиозно-нравственным поучением и отрицающее заботы пастыря о материальных нуждах паствы, не имеет прочного основания в истории христианской Церкви. Христос Спаситель и Его ученики всегда сочувственно относились к человеческому горю и радости, заповедали делиться с ближним и пищей и одеждой, продавать имения и давать милостыню (Лк. 12:33; Мф. 25:35—40). Ближайшим следствием попечительности св. апостолов о материальных нуждах христиан была общность имущества, которая исключала существование крайней нищеты наряду с чрезмерным богатством (Деян. 4:34—35). С течением времени заветы св. апостолов об имущественном общении стали забываться, и в настоящее время во всех христианских Церквах замечается чрезмерное богатство одних христиан и крайняя нищета и экономическое рабство других. Правда, христианское учение отрицает всякое насилие и не ставит своей задачей социальные и экономические перевороты; но пастыри Церкви как ранее не оправдывали крепостного права, так и ныне не могут оправдывать экономического тяжелого положения малоземельных и безземельных крестьян; их обязанность — напоминать богатым и власть имущим быть справедливыми и сострадательными. «Богатым в нынешнем веце запрещай не высокомудрствовати, ниже уповати на богатство погибающее» (1 Тим. 6:17; ср. 9—10).

К улучшению экономических и общественных условий должна побуждать пастырей тесная зависимость от них состояния нравственности приходского населения. Некоторые пороки, как например кража, детоубийство и печальные явления заброшенности и беспризорности детей, воспитывающихся в притонах, в значительной мере зависят от материальной нужды и реже встречаются среди людей достаточных. Бывают, конечно, и исключения, но они подтверждают это общее правило.

В книге «О должностях пресвитеров приходских» даются такие наставления об участии пастырей в нуждах пасомых: «Не точию к странным священник должен быть любителен, но и ко всем требующим помощи его, а наипаче нищим и в недугах лежащим пособлять, о сиротах промышлять, вдовиц и обиженных заступать, о невинных ходатайствовать. Если же убогие священники добродетель сию за невозможное почитают, яко и сами требуют подаяния, то и в таких обстоятельствах должны воззреть на апостолов, которые, делая своими руками, о нищих помнили (Гал. 2:10), немощные заступали (Деян. 20:35). К тому же могут да и должны суть прихожан своих могущих способом апостольским к сей добродетели поощрять (1 Кор. 16:1; 2 Кор. 8:19)».

№ 7,
преосвященного Симеона, епископа Екатеринославского,
от 10 января 1906 года

Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было выразить согласие на созвание Поместного Собора Российской Церкви «для учреждения патриаршества и для обсуждения перемен в церковном управлении». Таким образом, давно назревший вопрос о коренном преобразовании всех сторон русской церковной жизни близок к фактическому своему разрешению. При обсуждении подробностей этого великого дела, имеющего осуществиться в недалеком будущем, представляется необходимым для блага русской православной Церкви следующее.

Русской православной Церковью должен управлять патриарх, но не единоличной своей властью, а при посредстве и с помощью постоянного собора епископов, или Патриаршего Синода. Собору епископов во главе с патриархом принадлежит высшая судебная и административная власть в Русском патриархате. Для присутствования в Синоде вызываются по строгой очереди все епархиальные епископы обязательно. Лично патриарх пользуется правом созывать поместный собор, председательствовать на нем и руководить его занятиями; патриарху же принадлежит право высшего непосредственного наблюдения за точным исполнением церковных законов в епархиях.

К разделению России на церковные округа под управлением митрополитов в настоящее время имеются заслуживающие серьезного внимания причины. Во-первых, нельзя отрицать, что для отдельных местностей России доселе существуют особые задачи в церковной жизни, служащие основанием к установлению в этих местностях областных управлений. Таковы восточные области и губернии России, Западный край и Кавказ. Во-вторых, последнее время показало со всей силой, что для успеха и процветания внутренней церковной жизни необходимо тесное единение представителей отдельных Церквей между собой и своей паствой. Целям выражения и закрепления этого единения наилучше могут служить областные соборы, созываемые митрополитом, по крайней мере — раз в год, согласно церковным канонам.

Личных административных прав в отношении областных епископов митрополиту не присваивается. Он созывает областной собор, председательствует на собраниях, руководит в обсуждении подлежащих рассмотрению собора вопросов. В состав созываемых митрополитом соборов входят епископы, как представители отдельных Церквей, и представители клира и мирян, по одному от каждой епархии, выбираемые общеепархиальными съездами духовенства. Митрополиту представляется право приглашать к участию в деятельности собора по своему усмотрению и других лиц, как духовных, так и светских. Правом решающего голоса обладают только епископы. Остальные члены со-

бора участвуют в обсуждении вопросов и имеют право лишь совещательного голоса.

Ведению областных соборов подлежат: 1) избрание митрополита, 2) выработка мер к возвышению религиозно-нравственной жизни в известной области и 3) судебные дела. Митрополит избирается собором из епископов области, достаточно известных своей опытностью в церковном управлении, и утверждается патриархом. Суждения о тех или иных мерах к поднятию религиозно-нравственной жизни в пределах области, в случае их важности для всей русской Церкви, вносятся на рассмотрение поместного собора. Что же касается судебных функций, то областной собор должен представлять собой вторую судебную инстанцию для клириков и мирян в их пререканиях с епископами и первую — для самих епископов.

В области епархиального управления, при ближайшем знакомстве с ним, резко бросаются в глаза два явления, сказывающиеся на ходе и состоянии церковной жизни самым пагубным образом. Это — давно вошедший в силу обычай частого перемещения епископов с одной кафедры на другую и назначение их по усмотрению или одной церковной властью, или церковной вместе с гражданской. — Частое перемещение епархиальных епископов с одной кафедры на другую противоречит духу и практике древней вселенской Церкви. По воззрениям вселенской Церкви, духовный союз епископа со своей паствой есть союз нерасторжимый. Согласно с этим взглядом, Церковь многократно запрещала епископам без особых исключительных причин переходить с одной кафедры на другую. С практической точки зрения, обычай частого перемещения епископов не приносит Церкви ничего, кроме вреда. Он лишает епископа возможности ознакомления с религиозно-нравственными нуждами паствы, с деятельностью духовенства; оставляет без ответа запросы духовной жизни пасомых. Перемещение епископа допустимо только в исключительных случаях, в силу особенно важных причин. Само собой разумеется, что это не служит препятствием к назначению викариев на самостоятельные епископские кафедры, равно как и к замещению столичных кафедр епископами, приобретшими опытность в деле церковного управления. — Обычай административного назначения епископов по усмотрению церковной власти, или последней вместе с гражданской, возник под влиянием воздействия государственных порядков на церковные дела. Теперь, когда государство готово оставить излишние заботы о делах чисто церковных, наступила пора восстановить древний порядок назначения епископов. Древний же порядок состоял в том, что в избрании епископа принимали участие наряду с церковной властью иерархия и народ того города, для которого епископ избирался. Церковному обществу того города, для которого назначался епископ, предоставлено было право указать желательного для епископской кафедры кандидата. Епископы имели суждение о нем с точки зрения умственного, нравственного и образовательного ценза. Утверждение избранного принадлежало областному митрополиту или патриарху. Применяя древнюю норму к современному положению церковных дел, желательный ныне порядок избрания и постановления епископа можно

представить в следующем виде. Выборы производятся в том городе, где находится праздная епископская кафедра. Патриарший Синод назначает для этого дела собор из соседних епископов (не менее троих) и областного митрополита. С прибытием собора в тот город, где находится свободная епископская кафедра, организуется избирательное собрание из местного духовенства и церковного общества. В состав собрания с правом голоса входят: 1) все наличные в городе причты, как приходские, так и состоящие при различных учреждениях, 2) представители от иногороднего и сельского духовенства, по одному от благочиния, избранные благочинническими съездами, 3) настоятели монастырей города и иеромонахи — все лично, и представители иных существующих в епархии монастырей — по одному от каждого, 4) представители от всех духовно-учебных заведений епархии, как мужских, равно и женских, 5) представители всех епархиальных учреждений и 6) представители приходов в лице церковных старост, в губернском городе — всех лично, в уездных же городах и селах — по одному от благочиния. Каждый из членов собрания имеет право предложить письменно своего кандидата в епископы. Таким же правом пользуются собор епископов и Патриарший Синод. После наименования кандидатов производится суждение о их достоинствах и недостатках и делается запрос о их согласии выступить кандидатами на известную епископскую кафедру. Кандидатами могут быть выставлены лица как из местных уроженцев и деятелей, так и иногородних. Желательно при этом, чтобы кандидатами были люди с высшим богословским образованием и только в исключительных случаях — со средним. После того как будут собраны все необходимые справки о предложенных кандидатах и удостоверено их согласие выступить таковыми, назначается день избрания. Избрание производится в присутствии всех членов собрания, под руководством собора епископов, закрытой баллотировкой. Епископы не подают избирательного голоса наравне с другими членами собрания. Дело об избрании кандидата представляется в Патриарший Синод на утверждение. Последний наводит справки о том, нет ли каких-либо препятствии к допущению избранного до управления епархии. В случае неудачи выборов назначаются выборы во второй раз. При неудаче вторичных выборов избрание и назначение епископа предоставляется центральной церковной власти. После утверждения избранного Патриаршим Синодом совершается наречение, а затем и посвящение в кафедральном соборе тем же собором епископов, который присутствовал при выборах.

При пересмотре законоположений о существующих органах епархиального управления видное место должен занять вопрос о расширении деятельности общеепархиальных съездов духовенства. Возникшие на основании семинарского устава 1867 года для удовлетворения нужд семинарий, мужских и женских епархиальных духовных училищ епархиальные съезды, побуждаемые к тому требованиями времени, по необходимости должны были выйти из узких рамок специальной программы. На обсуждение их стали предлагать и общеепархиальные нужды материального характера. Таким путем во многих епархиях образовались учреждения с хозяйственно-экономическими задача-

ми. Но и в этом виде епархиальные съезды во многом не удовлетворяют назревшим нуждам церковной жизни. Прежде всего, важно, чтобы епархиальные съезды были поставлены в тесные соотношения с епископом. Последний, как предстоятель епархиальной Церкви, является не только председателем съезда, но и руководителем его. Съезды собираются не только по мере надобности или же усмотрению епархиальной власти, но действуют периодически, как постоянный орган епархиального управления. В состав съезда входят не только священнослужители, но и представители от мирян, по одному от каждого благочиния, избранные благочинническими съездами. Рассмотрению съездов подлежат вопросы, касающиеся всех областей церковной жизни епархии: 1) хозяйственно-материальные нужды епархии, 2) деятельность епархиальных учреждений и 3) дела веры и нравственности. В частности, съезд избирает членов духовной консистории и начальников других епархиальных учреждений и наблюдает за их деятельностью. Только при соблюдении этих условий съезды могут принести осязательную пользу для епархиальной церковной жизни.

Высшая духовная власть епархиальной Церкви сосредоточивается в лице епископа. Он управляет епархией при посредстве различных административных органов. К таковым относятся: духовная консистория, советы и правления по делам епархиально-училищным, миссионерским, братским, вспомогательных и эмеритальных касс, свечных заводов. При разнообразии и обособленности этих епархиальных учреждений епископу в высшей степени затруднительно направлять их к правильной и согласованной деятельности. Чтобы облегчить епископу труд управления епархией с помощью различных административных учреждений, необходимо открытие кафедры уездного епископа в тех случаях, когда к тому окажутся средства и местным населением высказывается желание иметь кафедру епископа. Уездный епископ в пределах своей области пользуется всеми правами епархиального архиерея, но в деятельности своей должен быть подведом епархиальному епископу и в конце года представлять отчет последнему в управлении паствой. Уездный епископ может жить в монастыре и не иметь особого архиерейского дома. Не обязательно при нем и устройство консистории; достаточно одной только канцелярии. При существовании уездного епископа епархиальный архиерей может уделить более времени, забот и внимания деятельности епархиальных учреждений. В целях объединения деятельности этих учреждений необходимо организовать при епископе совет из представителей их, который и рассматривал бы совместно с епископом и под его руководством все важнейшие текущие дела.

Реорганизация церковного суда должна иметь в виду следующие задачи: 1) отделение суда от консистории, 2) гласность судопроизводства, в смысле обязательного вызова тяжущихся сторон, и 3) пересмотр действующих законоположений, согласно с церковными канонами и началами суда гражданского.

Вопрос о благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях при предполагаемых изменениях

во внутреннем строе русской церковной жизни получает такое решение. Церковно-приходская община получает утраченные ею права юридического лица по приобретению, владению и расходованию движимого и недвижимого имущества всеми способами, в законе указанными. Приход заведует и распоряжается всеми церковными суммами, за вычетом налогов на общецерковные, епархиальные и окружные благочиннические потребности. Приходская община, наконец, составляет религиозно-нравственный союз. Соответственно этим началам церковной жизни прихода, в его самостоятельное ведение поступает следующий круг дел: 1) заботиться о благоустройстве и содержании всех благотворительных и просветительных учреждений храма и кладбищ; 2) нравственно воздействовать на порочных или нравственно слабых членов прихода; в случае нужды применять церковно-дисциплинарные меры; по мере сил бороться с инославной и сектантской пропагандой. Делами церковно-приходской общины управляют приходское собрание и приходский совет. В состав первого входят все члены общины, достигшие совершеннолетия и по религиозно-нравственной жизни известные с хорошей стороны, и члены причта. Приходский совет составляется из членов причта, церковного старосты и выборных на срок прихожан, под председательством священника. Церковно-приходское собрание является органом распорядительным, а совет — исполнительным.

Причины замечаемого в настоящее время ослабления пастырской деятельности прежде всего и главным образом кроются в самых условиях воспитания и обучения духовного юношества. Участившиеся случаи волнений среди воспитанников духовных семинарий и училищ, наблюдаемое в последнее время почти повсеместно прекращение занятий в духовно-учебных заведениях, бегство кандидатов священства в светские высшие учебные заведения и то обстоятельство, что значительная часть духовенства в настоящее время, несмотря на дешевизну содержания и обучения в духовно-учебных заведениях, воспитывает своих детей в светских школах, — показывают, что дело религиозно-нравственного воспитания духовного юношества поставлено неудовлетворительно. Не предрешая вопроса о том или ином типе духовно-учебных заведений, имеющем создаться при изменившемся строе церковной жизни в России, заметим только, что желательно отделить общее образование от специального богословского и открыть двери духовной школы для всех сословий.

Участие духовенства в земских, городских и общественных учреждениях желательно по соображениям такого рода. С участием духовенства в общественных учреждениях открывается широкий путь для воздействия Церкви на государство. Далее, этим путем духовенство, близко соприкасающееся с народом, может оказать ему немаловажную пользу и тем самым возвысить свой нравственный авторитет. Наконец, за участие духовенства в общественных учреждениях говорит и прошлое восточной Церкви, когда епископы были не только равнодушными зрителями общественной жизни, но и деятельными участниками ее.

Признание за духовенством прав юридического лица по приобретению недвижимого имущества, составляя одно из средств к упрочению материального положения духовного сословия, представляется не только желательным, но и необходимым делом.

Свои суждения по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви, заключаю горячим пожеланием скорейшего созвания и плодотворности работ его.

№ 8,
преосвященного Стефана, епископа Могилевского,
от 26 ноября 1905 года

Для поставления православной русской Церкви в соответствующее ее достоинству положение, ввиду действующих ныне в государстве законов самой широкой веротерпимости, необходимо возможно полное проведение в жизнь русской Церкви следующих начал общеканонического церковного строя.

А) *По вопросу об отношении Церкви к государству.* Православная Церковь, как национальная Церковь громадного большинства русских подданных, неразрывно связанная с бытом и историческими судьбами России, охраняющая самое великое в государственном смысле благо — народную нравственность, должна пользоваться исключительным правом миссионерства в России и преимущественным, среди всех прочих союзов и ассоциаций, покровительством государственной власти во всем, что касается ее материального быта и внешнего представительства. В отношении же внутреннего самоопределения своего, т. е. в области вероучения, нравоучения, богослужения, проповеди и строя управления, русская православная Церковь должна быть вполне и предпочтительно перед всеми религиозными обществами институтом свободным, управляющимся только своими божественными законами и церковными канонами и совершенно независимым от влияния каких бы то ни было политических партий и воззрений.

Б) *По вопросу об основах внутреннего строя Церкви.* Во внутреннем строе Церкви коллегиальное начало, этот основной принцип русской гражданственности с XVIII столетия, введенный и в область церковного управления, должен быть заменен искони присущим церковной жизни началом соборности, состоящим в широком взаимодействии и живом общении всех членов церковного организма. В частности, в жизни Церкви должно быть отведено место правильно организованному представительству мирян, которое в древлесоборной Церкви последним всегда принадлежало, в русской же Церкви последних столетий сведено к участию светского чиновничьего элемента в церковных коллегиях.

С точки зрения этих основных начал весь уклад русской церковной жизни должен получить следующие формы.

I. Приходская церковная община

Основную ячейку церковной жизни составляет приход: от его жизнеспособности зависит жизнедеятельность и всего церковного организма. С обновления строя приходской жизни потому следует начинать и все великое дело нашего церковного пѣреустройства.

Созданные в целях возбуждения приходской деятельности церковно-приходские попечительства, как полумера, очень мало достигли цели и остались в большинстве безжизненными, бумажными учреждениями. Идею, положенную в основание учреждения попечительств в 60-х годах истекшего XIX столетия, следует провести до конца и возвратить приходам ту действительную их самодеятельность, которая, начиная с жизни первых христианских общин и византийских парикий и кончая древнерусской приходской организацией и современным приходом Константинопольского патриархата, составляла существенную принадлежность восточно-православного строя Церкви.

Основные черты приходской самодеятельности, в современных условиях жизни, должны выразиться в следующем:

1. Приход, существующий сейчас официально только как территориальная единица, должен возвратить себе искони принадлежавшее ему право собирательного юридического лица по владению, приобретению и расходованию движимого и недвижимого имущества всеми порядками и способами, в законе таковым лицам усвоенными.

2. Не имеющая ныне других обязательств к имуществу и хозяйству храма, кроме обязательства жертвы, и потому в большинстве чуждая, а иногда и подозрительно недоверчивая в отношении к церковным учреждениям, поддерживаемым церковными капиталами, — приходская община должна получить не только право полного контроля над суммами и всем вообще храмовым хозяйством, но и право распоряжения всеми церковными суммами, свободными за покрытием расходов по содержанию храма и налогов общецерковных, епархиальных и окружных благочинных.

Примечание. Хотя в высшей степени желательно, чтобы все приходские учреждения (школы, больницы и пр.), по примеру древней вселенской Церкви, были сосредоточены в ведении церковной власти, и, следовательно, приходские и храмовые суммы составляли бы один нераздельный церковно-приходский капитал, но, так как при условиях современной русской жизни возможность такого сосредоточения мало вероятна, и в развитии приходских учреждений будут несомненно принимать участие и другие ведомства, кроме церковного, — то капиталы общинно-приходский и специально храмовый, не различаемые в отношении субъекта заведования тем и другим, должны быть строго различаемы по предметам назначения и отчетности. Первый (общинно-приходский) может быть употребляем на всякого рода приходские нужды, безотносительно к ведомствам, учреждениям и пр.; право на этот капитал сохраняет община и в случае перехода ее в другое иноверное или инославное исповедание. Второй (специально-храмовый капитал) расходуется только на нужды храма и учреждений прихода, состоящих в ведении православной Церкви. В собственности последней остается этот капитал, как и самый храм, церковная земля и все церковные учреждения, если бы община и изменила православной вере, так как всякая жертва на храм и в православном храме есть жертва именно на православную Церковь и только в ее распоряжение.

3. Приходская община должна получить не только характер церковно-хозяйственной организации, но и составить из себя прочный религиозно-нравственный союз, с известным кругом прав и обязанностей в отношении охранения и раскрытия начал православной веры и христианской нравственности среди членов общины. Вместе с тем, самое понятие «церковь такого-то прихода», не совсем точно употребляемое ныне в значении приходского храма, переносится на приходскую общину.

4. Как в отношении функций церковно-экономических, так тем более в области веры и нравственности, приход действует не как совершенно автономная единица, а как малая органическая часть церковного тела в согласии и постоянном общении с последним.

Основанная на таких началах, приходская община, как церковная единица, получает в свое самостоятельное ведение следующий круг дел:

а) община заботится о благоустройстве и содержании храмов, кладбищ и всех просветительных и благотворительных приходских учреждений; причем последние община устраивает и содержит или без пособия от храма, — и тогда они составляют неприкосновенную собственность общины, каковы бы дальнейши судьбы ее ни были, или при помощи храмовых средств, — и тогда это учреждение поступает под контроль и ведение Церкви на правах ее собственности;

б) в отношении всех приходских учреждений община имеет право ближайшего контроля не только экономической жизни последних, но и внутренней, к каковому бы ведомству эти учреждения ни принадлежали; в особенности община обеспечивает правильную постановку религиозно-нравственного воспитания детей; в приходских школах в этих целях община получает право избрания учителей в свои школы из лиц правоспособных, если таковые будут находиться в ее среде и будут пользоваться репутацией лиц доброй христианской нравственности, — а равно и право устранения их (непосредственного — при содержании школы всецело на средства общины, и посредством представления подлежащему начальству — в случае пользования субсидией от того или другого ведомства);

в) как религиозно-нравственный союз, община принимает на себя обязанность и право — нравственно воздействовать на порочных или нравственно слабых членов своих; — применять, по мере надобности, к приходу те или другие общие церковно-дисциплинарные меры; — наблюдать и по возможности вести борьбу с инославной или сектантской пропагандой в приходе; — принимать или не принимать в свою среду обращающихся в православие иноверцев; — наблюдать за соблюдением внешнего порядка в храме при совершении богослужения и принимать на себя третейский безапелляционный суд в приходе по делам чести и имущественным — в случае, если бы тяжущиеся стороны пожелали обратиться к таковому суду;

г) наконец, с большой пользой для дела община могла бы функционировать и в качестве первичной административной единицы церковного управления в области таких дел, как брачные и особенно бракоразводные. Хорошо

известно, какой массой формальностей, называемых предбрачными предосторожностями, обставлено у нас совершение браков, и в какое затруднение часто бывают поставляемы и брачащиеся и совершители браков от всей суммы этих формальностей; между тем многие из последних, хотя бы, например, обязательство троекратного оглашения брака в три воскресные дня, могли бы быть свободно заменены простым засвидетельствованием общины о брачащихся лицах, их взаимных родственных отношениях и пр. Что касается ритуала бракоразводного процесса, то об уродливости его процессуальных подробностей едва ли нужно и говорить: эти заведомые лжесвидетели — очевидцы преступления, никогда не совершаемого при свидетелях, эти закупленные адвокаты с целью доказать наличность факта преступления для заинтересованной, а не правой или виноватой стороны, служат единственно к унижению высокого церковного суда и оскорблению великого таинства брака. Между тем родственники, ближайшие соседи, даже иногда целый приход в совокупности бывает прекрасно осведомлен относительно истинных причин разрыва супружеских отношений того или другого члена приходской общины. Суду этой последней и следует всецело передать бракоразводные процессы, в их первой основной фазе — констатировании наличности или отсутствия факторов развода у ищущей его супружеской четы.

С вопросом о приходской самодеятельности неразрывно связывается существенно важный вопрос — о праве общины избирать кандидатов на должности священно- и церковнослужителей прихода. Несмотря на то, что в идее явление это в высокой степени желательное, что право приходской общины участвовать в поставлении лиц иерархических предусматривается и канонами (Феоф. Алекс., п. 7), давать это полномочие общине сейчас, до правильного развития церковно-приходской жизни, представляется по крайней мере преждевременным, если не вовсе невозможным. Исторический опыт приходской жизни древней Руси, равно как и современные примеры избирательных прав этого рода в приходах константинопольской Церкви и наших старообрядческих общинах согласно свидетельствуют, что право это, когда оно усвояется общинам, ведет: иногда — к прямым злоупотреблениям со стороны избирателей; всегда — к понижению умственного и нравственного ценза избираемых, устанавливая между вторыми и первыми отношение наемничества и тяжелой материальной зависимости; вследствие чего самое применение на практике этого права общин в конце концов является скорее уступкой необходимости (неимению правоспособных кандидатов), чем вопросом принципа. Между тем современное положение русской Церкви именно таково, что требует возможно осторожного выбора кандидатов священства. Более, чем когда-либо, можно и следует ожидать ныне иноверческой и сектантской пропаганды в приходах: не невозможно проникновение неверующего или сектантствующего класса даже и в сферу самого приходского управления, — как опасаются того противники предоставления мирянам широкого участия в приходской жизни, — и, следовательно, более чем когда-либо, благовременно лицам, поставляемым на свещнице русской Церкви, светить возможно полным и ясным светом цер-

ковного самосознания. Наше убеждение потому: пока епархиальная власть будет располагать кандидатами священства со специальным богословским образованием, настоит желать сохранения права избрания священнослужителей исключительно за нею.

Для управления делами прихода организуются, в соответствии с общецерковным началом соборного управления, два органа: церковно-приходские собрания как орган распорядительный, и церковно-приходский совет как орган исполнительный. Кроме того, в приходе состоят, как особые должностные лица, — церковный староста и диакониссы.

А) В состав церковно-приходских собраний входят члены причта и все прихожане, достигшие 25-летнего возраста, не опороченные по суду, бывающие у богослужения и ежегодно исполняющие христианский долг исповеди и св. причащения. В состав церковно-приходских советов входят члены причта, староста и выборные на срок от прихожан представители прихода в количестве от 7 до 12 человек. В качестве почетных членов совета могут быть особо уважаемые в приходе лица и женского пола. Председательство в собраниях и советах принадлежит настоятелю прихода.

Б) Церковно-приходские собрания, созываемые не менее одного раза в год, ведают приблизительно следующий круг дел: а) избирают всех, кроме священно- и церковнослужителей, должностных лиц в приходе и представителей от общины для участия в благочиннических собраниях и советах; б) ведают все финансовые дела общины в качестве распорядительного ее органа, как-то: утверждают сметы платежного и раскладочного списка прихожан, разрешают всякого рода дополнительные сборы с прихожан на нужды прихода, рассматривают и утверждают отчеты церковного и приходского хозяйства и пр.; в) обсуждают дела веры и нравственности прихода, доводя о принятых в этой области решениях до сведения окружного благочинного. Собрание считается состоявшимся и определения его обязательны для всей общины, если прибудет не менее $^2/_3$ членов собрания. Дела решаются большинством голосов.

В) Церковно-приходские советы, собирающиеся ежемесячно и по мере надобности, а) непосредственно заведуют всеми приходскими и церковными суммами, причем функции казначея той и другой кассы отправляет староста; б) исполняют все те обязанности по заведованию и управлению приходскими учреждениями и делами, которые усвоены общине; в) входят в собрание с проектами и докладами, вызываемыми особенными нуждами прихода, и дают собранию отчеты как в своей деятельности вообще, так по делам церковно-приходского хозяйства в особенности. Совет действителен при участии в нем более половины членов; дела, как и в собраниях, решаются большинством голосов.

Диакониссы, по примеру древней христианской Церкви, избираются из пожилых, высокой нравственности девственниц или вдовиц, и служат главным образом делу приходского христианского благотворения; по роду своих обязанностей они участвуют в приходском совете с правом совещательного голоса.

Примечание 1. Церковно-приходские попечительства, с устройством церковно-приходских общин, теряют свое отдельное от последних существование.

Примечание 2. В тех городских приходах, где преобладает в составе прихожан элемент текучий (чиновники, заводские рабочие и пр.) и где организовать общину на прочных основах отдельного юридического лица будет затруднительным, общины могут получать характер свободных религиозно-нравственных союзов или братств; причем все права и обязательства общины усвояются и распространяются только на непосредственных участников этих союзов.

II. Епархиальное управление

Развивая жизнь внутри себя, приход, как органическая частица тела Церкви, участвует в жизнедеятельности и всего церковного организма. На принципе этого соборного взаимообщения приходских общин должно быть утверждено и епархиальное управление.

При меньшей обширности наших епархий самой лучшей формой названного взаимообщения было бы непосредственное участие каждой общины, в лице ее представителей, в епархиальных соборах; но, при наличности существующих епархиальных территорий, такое представительство общин является материально невозможным; равным образом и деятельность административных центральных органов епархиального управления, при сосредоточении всех дел епархии в одном центре, неизбежно обречена на мертвенно-канцелярский характер. Поэтому в деле улучшения нашего епархиального управления первая существенная нужда належит в возможно широкой децентрализации его, т. е. в образовании таких меньших административных единиц, которые, с одной стороны, могли бы самостоятельно решать часть дел, подлежащих ныне ведению епархиального центрального управления, а с другой — служили бы собирательными единицами для представительства приходских общин в епархиальных соборах. Готовые и весьма подходящие формы для такой децентрализации существуют уже в разделении наших епархий на благочиннические округа. Следует только существующему благочинническому окружному управлению сообщить больше жизнедеятельности и сообразовать его функции с принимаемыми в основу церковной реформы общими принципами соборного управления.

Применительно к последним, в области благочиннического управления, кроме существующего ныне коллегиально-административного органа — благочиннического совета, должен быть учрежден высший соборный распорядительный орган, в виде окружного благочиннического собрания представителей церковных общин; самый же благочиннический совет должен быть расширен как в составе своих членов, так, в особенности, в сфере компетенции своих действий.

Окружное благочинническое собрание. Окружное благочинническое собрание, — состоя, под председательством благочинного, из причтов и выбор-

ных от мирян, по два от каждой общины, — имеет своей задачей объединять деятельность отдельных приходских общин; поэтому оно действует параллельно общеприходскому собранию. Функции его деятельности, как и приходского собрания, трех родов: а) церковно-хозяйственные, б) религиозно-нравственные и в) избирательные. Как орган церковно-хозяйственный, собрание принимает на себя заботу об оказании денежных пособий вдовам и сиротам священноцерковнослужителей округа; заботится о содержании окружных благотворительных и просветительных церковных учреждений (второклассных или двухклассных школ, библиотек, богаделен и пр.); определяет вознаграждение благочинным и другим должностным лицам и ведает всеми вообще финансовыми операциями благочиния, производя соответствующие налоги и раскладки с церквей, рассматривая и утверждая подлежащие отчеты, сметы и пр. Как религиозно-нравственный союз или малый собор окружной Церкви, собрание, во-первых, ведает дела веры и нравственности, касающиеся округа, представляя все принятые в этой области решения на утверждение епархиального епископа; во-вторых, избирает из своей среды должностных лиц округа: двух членов благочиннического совета и двух кандидатов к ним, следователя и духовника, а также и представителей от округа для участия в епархиальном соборе.

Примечание. Должность благочинного должна быть замещаема епархиальной властью ввиду того, что: а) благочинный по существу своих обязанностей — это наместник или представитель епископской власти в округе; б) от благочинного, с проведением принципа децентрализации епархиального управления, потребуются довольно широкие административные способности, почему и выбор кандидатов на эту должность должен быть производим с полным беспристрастием, только в интересах дела, а не той или другой группы лиц; между тем такого беспристрастия не всегда можно ожидать со стороны выборщиков — священнослужителей, в отношении к которым благочинный осуществляет права непосредственного административного надзора; в) интересы священнослужителей и мирян будут достаточно обеспечены всеми прочими выборными лицами благочиннического совета (см. ниже, о пресвитерском совете).

Благочиннический совет. Благочиннические советы, сохраняя в общем свой настоящей тип, восполняются, как сказано выше, в составе своих членов и в сфере компетенции своей деятельности: А) В состав благочиннических советов, кроме благочинного и двух членов священников (в случае отсутствия последних — кандидатов к ним), входят всякий раз по два выборных от мирян той общины, дело которой рассматривается в совете. Мирские члены участвуют в совете с совещательным голосом, но с правом апелляции к епархиальной власти в случае, если бы решение духовных членов совета противоречило их совести и разумению. Следователь и духовник в совете не участвуют. Б) Увеличение компетенции деятельности советов должно быть достигаемо двумя способами: во-первых, должен быть расширен круг дел, подлежащих ведению благочиний: все, что может быть решено на месте, по возможности и

должно быть передано компетенции местного органа; во-вторых, самые решения советов, по крайней мере по известным категориям дел, должны быть признаваемы окончательными, не подлежащими перерешению в высшей епархиальной инстанции; для них (постановлений совета), если и должна быть в определенных случаях высшая санкция, то единственно санкция епископской власти, наравне со всеми другими епархиальными учреждениями. Подробный перечень дел, подлежащих как окончательному, так и неокончательному разрешению в благочиннических советах, всего естественнее, полагаем, определять епархиальным соборам, о которых у нас сейчас будет речь.

Собственно-епархиальное управление. По тому же типу, как благочинническое, организуется и собственно-епархиальное управление, формируясь в виде высшего органа — епархиального собора и административно-исполнительных органов — духовной консистории (переименовываемой в пресвитерский совет), епархиальных училищных советов, правлений духовно-учебных заведений и пр.

Епархиальный собор. Начатки соборного епархиального самоуправления и ныне существуют в русской Церкви в виде так называемых епархиальных и окружных съездов, возникших на основании устава духовных училищ 1867 г. Но съезды эти ни в той их узкой постановке, которая дана была им при их возникновении, ни в той расширенной их деятельности, которая установлена за ними практикой многих епархий, не могут быть признаны, ввиду проектируемой коренной реформы церковного строя, подходящей нормой для соборного епархиального управления. Узкосословные по составу своих членов, с односторонним специально-экономическим направлением своей деятельности, лишенные должной самостоятельности, приличествующей всякому церковному собору, наконец, фальшиво, не по-церковному, поставленные в отношении к епископу, который является чисто внешней силой по отношению к резолюциям съезда, а не живым руководителем последних, нынешние съезды, как таковые, могут сохранить свое значение разве что в сфере чисто сословных экономических предприятий духовенства: организации эмеритальных, похоронных касс и других способов сословной взаимопомощи. В области же не только общеепархиального управления, но и общеепархиального церковного хозяйства, на место съездов должны стать епархиальные соборы, со всеми следующими отличительными качествами церковных собраний.

А) Во главе собора неизменно стоит предстоятель местной Церкви — епархиальный епископ (другой формы церковных собраний Церковь никогда не знала). В состав собора входят не только священнослужители, но и мирские представители Церкви: те и другие, по одному лицу от благочиннического округа, избираются благочинническим собранием. Независимо от сего епископу, как председателю и руководителю собора, предоставляется право приглашать к участию почетных граждан города, а равно и других лиц — светских и духовных (например представителей духовно-учебных корпораций), каких он найдет полезным для дела собора, с тем, однако, чтобы число таковых лиц не превышало ¾ общего числа выборных членов собора.

Б) Соборы составляются не по мере надобности только и усмотрению епархиальной власти, а действуют как постоянный, обязательно и периодически функционирующий орган епархиального управления.

В) Круг дел, подлежащих обсуждению и решению собора, выходит из границ хозяйственно-экономических интересов епархии и обнимает собой все стороны жизни епархиальной Церкви. В частности, ведению собора подлежат: 1) все епархиальные учреждения (духовно-учебные заведения, консистория, попечительство о бедных духовного звания, свечной завод и пр.) как в хозяйственном отношении, поскольку таковые учреждения будут иметь отношение к церковно-епархиальному капиталу, так и в отношении лиц администрации сих учреждений. Последних (лиц), как-то: ректора и инспектора семинарии, смотрителей духовных училищ, если бы таковые училища сохранились, членов консистории, председателя правления свечного завода, председателя попечительства о бедных духовного звания, собор избирает, а при обнаружении злоупотреблений со стороны того или другого лица и увольняет; 2) далее собор, как и благочинническое собрание, но предпочтительно перед последним, обсуждает и решает дела веры и нравственности, касающиеся епархии; производит всякого рода самообложения с доходов церквей на общеепархиальные нужды и избирает своих доверенных представителей для участия в митрополичьих и поместных соборах всей русской Церкви.

Г) Сообразно высокому значению епархиального собора, постановления его, в пределах законности, имеют самодовлеющую силу, если будут приняты большинством членов с епископом, председателем собора во главе: в случае же, если одобрение председательствующего епископа будет по тому или другому вопросу на стороне меньшинства, спорный вопрос переносится на разрешение митрополита или митрополичьего собора (по постановлению большинства).

Епархиальные административные учреждения. Что касается существующих ныне административно-исполнительных учреждений епархиального управления, то каких-нибудь коренных изменений в их строе, помимо вышеупомянутого поставления их под контроль собора, не видится надобности производить: они по-прежнему должны сохранить свой строго коллегиальный характер и должны, каждое в сфере своей специальности, ведать определенный ему круг дел.

Вопрос здесь в том только, желательна ли и возможна ли организация, помимо существующих, еще особого высшего органа, непосредственно при епископе (наподобие древлецерковных пресвитерских советов), который объединял бы собой все области епархиального управления: — и в какие именно отношения мог бы стать этот орган к существующим епархиальным коллегиям.

Пресвитерский совет при епископе. Основная мысль проекта об учреждении такого жизненного органа, по нашему мнению, мысль верная и плодотворная. В высшей степени желательно и поставить епископа в живые, а не бумажно-канцелярские только, отношения к разным частям епархиального управления, и установить возможно полный и свободный обмен мнений меж-

ду епископом и его ближайшими сотрудниками и, наконец, освободить самое высокое имя епископа от нареканий в личном произволе, какие возможны при нынешнем единоличном окончательном решении дел со стороны епископа. Но для проведения этой идеи в жизнь епархии нет никакой надобности ни создавать особой коллегии, в придаток ко всем существующим, ни тем более пересматривать коллегиально все дела, восходящие теперь на утверждение епископа и предварительно уже рассмотренные и решенные той или другой коллегией, в сфере ее специальности. Кроме потери времени и излишней остановки в делах, от такого учреждения ничего другого получиться не могло бы, не говоря уже о том, что в епархиальных городах, подобных Могилеву, с очень ограниченным составом городского духовенства, и организовать такую новую коллегию, с весьма сложным кругом обязанностей, было бы не из кого, если не предположить содержания для того особых бесприходных священников. По нашему мнению, цель вполне, и с действительной пользой для дела, может быть достигнута при наличности и существующих епархиальных учреждений, без всякого изменения нынешнего строя их, если епархиальный епископ станет по известному кругу дел в непосредственно руководственное отношение к консистории, в качестве ее председателя; по делам же, касающимся одновременно нескольких епархиальных учреждений или имеющим более общий епархиальный интерес, образует при себе совет из представителей всех епархиальных учреждений. В силу этого нашего проекта дела консистории должны быть, в порядке разрешения их, разграничены на две категории: одни, менее важные и составляющие более компетенцию канцелярии, чем «присутствия» консистории, должны остаться в полном ведении и подлежать окончательному разрешению консистории, как таковой, в ее настоящем виде и составе: судные же и все другие важнейшие дела, требующие предварительного рассмотрения и обсуждения и такое или иное разрешение которых может отзываться на имущества, чести и пр. заинтересованных в деле лиц, рассматриваются и разрешаются консисторией под личным председательством епископа 2 раза в неделю; причем консистория в этом случае действует уже не как параллельное епископу коллегиальное учреждение, а как совещательный пресвитерский совет епископа, каковым именем таковое присутствие консистории и именуется. В определенные сроки, приблизительно один раз в неделю, этот пресвитерский совет расширяется в своем составе через участие в нем начальников всех отдельных епархиальных учреждений. Это совещательное собрание составляет усиленный пресвитерский совет епископов, и его суждению подлежат, как мы сказали уже и выше, все вообще важнейшие журнальные доклады отдельных учреждений; в частности — такое первостепенной важности дело епархиального управления, как избрание кандидатов на священнослужительские места и назначение на разного рода административные епархиальные должности (благочинного, членов правления свечного завода, попечительства о бедных духовного звания и пр.).

Церковный суд. Спроектированный нами строй епархиального управления — благочинического и собственно епархиального, — обеспечивая, на-

сколько возможно, закономерность и жизненность в течении епархиальных дел вообще, имеет за собою еще то великое преимущество, что им наиболее удовлетворительно, по нашему мнению, разрешается вопрос об упорядочении важнейшей отрасли епархиального управления — церковного суда.

Многотрудный и многосложный вопрос о церковном суде желательно, конечно, было бы разрешить также на почве предания и канонических постановлений вселенской Церкви. А эти источники рисуют картину церковного суда таким образом:

Единственный и правомочный судья в Церкви — епископ. Он производит в Церкви, и именно большей частью в храме, торжественный и гласный суд в присутствии и с совещательным голосом пресвитеров. Перед судом вызываются и допрашиваются обвинитель, обвиняемый и свидетели, о нравственной благонадежности которых добываются предварительные справки. Суду епископа подлежали не только клирики, но и миряне по всем делам веры и нравственности, независимо от суда гражданского, если таковой и имел место. По выслушании участников дела и по совещании с пресвитерами епископом тут же произносился приговор, который и вступал в свою силу. Но этот епископский суд, в частности над пресвитерами и диаконами, в случае недовольства его решением, не есть окончательный. Право апелляции к высшему митрополичьему соборному суду никогда не отрицалось за подсудимым пресвитером и диаконом, причем правилами епископу-судии настойчиво внушалось, чтобы он благодушно ради правды относился к этому праву апелляции и отнюдь не обнаруживал недовольства даже и в том случае, если бы высший соборный епископский суд отменил решение епископа, а с другой стороны внушалось и подсудимому, чтобы до решения его дела высшим судом он не пренебрегал, но признавал в силе решение епископа, не действовал например священная (так у автора. — *Прим. ред.*), если ему то было запрещено епископом. На соборе епископов, под председательством митрополита и не только по возможности, но, кажется, непременно в присутствии епископа, которому дело было подсудно, по апелляционной жалобе дело вновь тщательно пересматривалось, и решение этого суда, как второй инстанции для дел, разбиравшихся у епископа, считалось окончательным. Но этот же собор епископов митрополии для судных дел собственно епископов был первой инстанцией. Второй инстанцией по апелляциям епископов был суд диоцезальный, областной, патриарший, и только по делам, касающимся всей Церкви, каково, например, лжеучение, окончательно суд завершался на вселенских соборах.

Такова общая схема судоустройства и судопроизводства древней вселенской Церкви. Многоценнейшие качества сего суда: соборность в собственном смысле, гласность и многообъемлемость в смысле круга лиц и дел, не говоря о свободе апелляции, о независимости суда во всем, касающемся веры и нравственности христианской, — должны составлять предмет искреннего и твердого желания при решении вопроса о реформе современного церковного суда, в каковом указанные качества или совсем отсутствуют или получили непра-

вильные и вредные для дела формы. К сожалению, как ни многоценны указанные качества суда древней Церкви, в настоящее время церковный суд не может быть реформирован или, точнее, восстановлен в полном соответствии каноническим правилам. Трудно устранимое препятствие к сему — слишком малое количество епископов в настоящее время по сравнению с поразительно большим количеством епископов в древней Церкви, когда, выражаясь языком современной русской географии, каждый уездный город имел своего епископа, когда митрополит был в каждом губернском городе, причем самое пространство губерний и уездов — несравненно меньше наших губерний и уездов. Ибо только при несравненно большем количестве епископов и несравненно меньшем объеме епархии, чем теперь, возможно исполнение канонических постановлений о личном суде епископов, о соборах епископов и многих других. Конечно, следует надеяться и молить Бога, чтобы и российская Церковь со временем получила церковный суд, во всем подобный Церкви незабвенного и достойного всякого подражания периода вселенских соборов, но пока, опять оговариваюсь, это — лишь благочестивая мечта.

Применяясь же к условиям церковной жизни настоящего времени и имея в виду многочисленные укоризны на современный церковный суд, часть которых не могу не признать справедливыми, я бы полагал: первую инстанцию церковного суда для священноцерковнослужителей в их взаимных отношениях и по жалобе мирян сосредоточить в благочинническом совете в том составе, какой был ранее указан; удобство предоставления суда благочинническому совету заключается в том, что ему представляется возможность производить суд на месте и в то же время суд гласный и коллегиальный, с личным допросом обвиняемого, обвинителей и свидетелей. Ведению сего суда подчинить дела, кои влекут за собою замечание, выговор и денежный штраф известного размера. Для производства следствия по сим делам установить должность окружного выборного на благочинническом собрании следователя-священника. По делам более важным, влекущим за собой более тяжкие наказания, как-то: заключение в монастырь, запрещение в священнослужении, лишение места и др., благочинническому же совету предоставить всю процессуальную сторону суда, т. е. допрос причастных к делу лиц и свое заключение; окончательное же решение, т. е. приговор, предоставляется епископу с пресвитерским советом. Для производства следствия по сим делам установить должность епархиального следователя, который участвует и в благочинническом совете при разборе дел в качестве представителя от епархиального суда. Второй судебной инстанцией, по апелляциям на епархиальный суд, и первой инстанцией по делам епископов должен быть, по примеру древней Церкви, митрополичий соборный суд и, наконец, последней судебной инстанцией, второй для епископов, — соборный поместный патриарший суд, — о каковых соборах речь будет ниже.

Относительно объема дел и лиц, подлежащих церковному суду, желательно также в пределах возможности руководствоваться примером Церкви периода вселенских соборов.

Реформа духовных учебных заведений. Касается всего уклада церковной жизни, но в ближайшей связи с жизнью епархии стоит вопрос о подготовке кандидатов на места священнослужителей или, что то же, о реформе духовно-учебных заведений, а равно и два более частных вопроса, намеченных для обсуждения предложением г. синодального обер-прокурора: а) о праве священнослужителей участвовать в городских, земских и других общественных учреждениях и б) о праве духовенства, как сословия, приобретать недвижимое имущество и владеть им в качестве самостоятельного юридического лица.

Что касается реформы духовных шкод наших, то этот, весьма острый в настоящее время вопрос, по нашему убеждению и единогласному признанию членов комиссии, обсуждавшей его, может быть удовлетворительно разрешен только при применении к устройству духовно-учебных заведений тех общих принципов, которые подробно раскрыты мною в рапорте моем по сему в Св. Синод от 30 мая сего года за № 427. Принципы эти следующие: во-первых, полное отделение общего образования детей духовенства от специально богословского, не составляющего ни привилегии, ни обязательства духовных юношей; во-вторых, свободный доступ к богословскому образованию и связанному с ним священству всех сословий, в особенности же коренного крестьянского сословия, как сохранившего наиболее тесную связь с Церковью. В осуществление этих принципов: а) желательно устройство собственно для детей духовенства, при пособии от Церкви (как особый вид помощи Церкви своим пастырям), духовных прогимназий или даже и полных гимназий, с курсом и правами министерских гимназий, с направлением же, хотя и в духе православной Церкви, но без нарочитых задач подготовки к пастырству; б) для целей собственно пастырской подготовки необходимо учреждение в каждой епархии специальных богословских курсов, с 4-годичным курсом обучения, строго церковным режимом воспитания и образования и с правами поступления только в духовные академии; в) доступ на курсы надлежит открыть учащимся всех учебных заведений, заявившим себя религиозной настроенностью и нравственной жизнью; предпочтительно же подготовительной школой для поступления на курсы может служить нынешняя церковная второклассная школа, с расширенным по крайней мере на один год курсом обучения; та же второклассная школа преимущественно должна давать кандидатов и на низшие степени клира.

Участие духовенства в общественных учреждениях. На вопрос об участии духовенства в городских, земских и других общественных учреждениях можно ответить только утвердительно. Поскольку проектируемая реформа церковного строя имеет в виду оживление религиозной жизни среди русской паствы через широкое привлечение мирян к непосредственному участию во всех сферах деятельности Церкви, постольку же желательно христианское воздействие Церкви на жизнь паствы и через обратное участие ее пастырей в разного рода светских общественных коллегиях. Это только два пути к одной цели. Независимо от сего, духовенство, как сословие наиболее близко стоящее к духовной жизни народа русского, уже по тому одному имеет нравст-

венное и гражданское право сказать свое слово в подлежащих учреждениях по вопросам народного быта. То обстоятельство, что в канонических правилах Церкви, начиная с «Апостольских правил», неоднократно запрещается священнослужителям вдаваться «в народные управления» и «мирские попечения», едва ли может говорить что-нибудь против высказанного нами положения, так как все такого рода запрещения обычно были направляемы против разного рода личных имущественных эксплуатаций и прямого совместительства священства прохождением особых гражданских или военных должностей; но ни того, ни другого нет и не предполагается в проектируемом предоставлении священнослужителям права голоса в вышеназванных учреждениях. Наоборот, история той же древней восточной Церкви дает нам примеры самого широкого участия епископов христианских в общественной жизни византийских провинций.

Предоставление сословию духовенства прав юридического лица. Таким же порядком можно только приветствовать и почин предоставить духовенству, как сословию, право юридического лица по приобретению и владению недвижимым имуществом. Возможно лучшее обеспечение духовенства — и залог его более успешной деятельности, и всегдашняя потребность русской Церкви.

III. Высшее церковное управление

Начало соборности, широко примененное нами к устройству приходской общины и епархиального управления, должно найти свое высшее выражение в организации центрального церковного управления. И если намеченные нами формы приходского и епархиального строя основываются более на общих принципах, смысле и духе церковного канона, чем на определенных канонических правилах, то формы высшего соборного управления в Церкви регламентируются не только вполне определенными, но и настойчиво-обязательными церковными законоположениями.

Высшая власть в Церкви принадлежит не одному лицу, в какой бы иерархической степени оно ни состояло, и не коллегии епископов, административно назначаемых, а самодовлеющему, законно составленному собору епископов. Это положение — настолько основное в каноне, что не требует подтверждения какими-либо отдельными правилами или примерами: самый канон, как таковой, зиждется на нем. Оно же, конечно, должно быть положено во главу угла и при строении нашего высшего церковного управления.

Общая схема развития высшего соборного управления во вселенской Церкви, на точном основании канонов, такова.

Древнейшую форму соборного управления составляют, как известно, провинциальные или митрополичьи соборы. Апостольские правила и I Вселенский Собор (пр. 4-е) говорят о них, как об институтах, уже совершенно развитых и установившихся. Значение этих соборов, особенно до развития патриархатов, было очень велико. Провинциальные соборы ведали вопросы такой

первостепенной важности, как учреждение новой епископской кафедры (Сард. 6-е), избрание, а в случае благословной вины, и перемещение епископов, составляли судебную инстанцию, высшую над епископами, и пр.; причем самая обязательность соборных постановлений, в пределах митрополичьей области, не условливалась обычно утверждением какой-либо высшей власти. С возвышением над областными митрополитами диоцезальных митрополитов — в лице экзархов, а потом и патриархов — функции высшего административного управления централизуются в округ и переходят к соборам окружным, «большим» (II Всел. Соб. 6-е; Антиох. 12-е), которые, в свою очередь, очень рано начинают обращаться в постоянные соборы или синоды при патриархе. Но значение митрополичьих соборов, в отношении к своим областям, от этого не утратилось. Напротив, Церковь, до самого конца периода вселенских соборов, ревниво оберегала обязательное, периодически правильное действование этих соборов, имевших за собой апостольскую древность. VII Вселенский Собор, «во внимание к затруднениям собирающихся», допускает лишь незначительное ослабление древнего правила, разрешая «единожды», вместо двух раз, быть митрополичьему собору, но еще настолько строго смотрит на обязательность последнего, что «митрополита, пренебрегающего исполнить сие (правило)» не по нужде или другой уважительной причине, подвергает «эпитимии по правилам». Одновременно с митрополичьими и патриаршим окружными соборами действовали время от времени, преимущественно по общим вопросам веры, нравственности и церковной дисциплины, поместные и вселенские соборы как высшие законодательные органы Церкви. Только впоследствии по разным причинам, главным же образом под влиянием тяжелых политических обстоятельств, «по крайней нужде», прекращается в Церкви действование митрополичьих соборов, как ординарных органов управления Церкви, и вселенских соборов, как совершенно исключительных органов ее законодательства; вместе с тем соборное церковное управление осуществляется в виде постоянных патриарших синодов и, в случаях особливой важности, поместных соборов.

Русская Церковь, как возникшая сравнительно поздно, не знала древнецерковного областного соборного управления; да в древней Руси и невозможно было организовать не только его, а даже и правильно действующий патриарший синод, за крайней ограниченностью епархии и епархиальных епископов. Самой подходящей формой высшего соборного управления того времени могла быть форма поместного собора, действительно и находившая довольно широкое применение в жизни древнерусской Церкви. С учреждением Синода, поместный собор, если не юридически, то практически потерял в русской Церкви силу обязательности; самый же Синод не может быть назван без большой натяжки постоянным каноническим окружным собором русской Церкви.

Вышеизложенным совершенно определенно намечаются задачи предстоящей реформы в отношении устройства высшего церковного управления на точном основании церковных канонов; реформой этой, полагаем мы,

должно быть: 1) восстановлено древнецерковное собрание митрополичьих областей; 2) при первосвятителе русской Церкви организовано постоянное окружное управление на соборных канонических началах: 3) дано снова надлежащее место в жизни Церкви поместному собору.

А) *Митрополичье соборное областное управление.* Внешних препятствий к введению у нас этой древнейшей формы церковного управления в настоящее время нет. Епископов в современной русской Церкви хотя и не такой большой состав, как было в свое время в византийской Церкви, но и не так мало, чтобы нельзя было организовать 7—9 митрополичьих округов; к тому же увеличение епархии должно составить одну из ближайших задач церковного правительства. Обширность митрополичьих округов, сравнительно с древневосточными, восполнится современными удобными и скорыми путями сообщения. Что же касается опасения, как бы не усилились, вследствие разделения русской Церкви на отдельные округа, сепаративные стремления наших окраин, то опасение это могло бы иметь место разве что в отношении к православному население Кавказа, о котором и будет сделано несколько особых замечаний ниже. Но как на Кавказ или, вернее, в Закавказье, так и на всех прочих окраинах наших, — населенных не только инородцами, но и иноверцами, — где давление инородческого элемента столь же опасно для православия, сколько и для русской народности, сепаративные окраинные стремления скорее побуждают к особливому соборному единению там православных паств, чем препятствуют тому.

Между тем в интересах чисто церковных, особенно при устройстве епархиального управления на проектируемых нами началах, восстановление соборного митрополичьего управления у нас столь же существенно необходимо, как необходимо оно было и в древневосточной Церкви. В частности, вот те потребности епархиальной и общецерковной жизни, удовлетворению которых с наибольшей пользой могут послужить именно митрополичьи соборы.

1. Первая и главнейшая — избрание и назначение епархиального епископа. Церковь издревле ревниво оберегала постоянную нравственную связь епископа с паствой, многократно запрещая епископам, без исключительно благословной вины, переходить с одной кафедры на другую. Связь же эта утверждалась преимущественно на том, что епископами Церквей являлись в большинстве своем достойнейшие избранники самих же Церквей, пользовавшиеся глубоким уважением своих паств еще до вступления своего на кафедры. Тот же порядок, имеющий за собой апостольскую древность и глубокое религиозно-нравственное значение для жизни Церкви, должен быть восстановлен и у нас с обновлением всего нашего церковного строя. Епископы митрополии, под председательством митрополита и при участии представителей клира и мирян вдовствующей Церкви, лучше всего и в епархиальном городе последней, производят избрание епископа. Избираемый — предпочтительно кандидат местной же Церкви, самое большее — местной митрополии, но не из местных по возможности уроженцев, должен со своей стороны удовлетворять каноническим требованиям, иметь обширное общее и богословское образова-

ние и быть известным собору со стороны высоких нравственных качеств своих. Одобрение председательствующего на соборе митрополита и согласие большинства членов собора — епископов, согласно прямому указанию канонов, решают назначение того или другого кандидата.

2. Далее, в порядке компетенции митрополичьих соборов следуют судебные функции. Эта последняя сторона института митрополичьих соборов всего более, как известно, имелась в виду и I Вселенским Собором при установлении им правила (5-го) о двукратном регулярном составлении провинциальных соборов. Митрополичьи соборы, как сказано в своем месте и выше, должны служить второй судебной инстанцией для клириков и мирян в пререканиях их со своим епископом и первой инстанцией для самих епископов. Равным образом они же (соборы) разрешают и все вообще затруднительные и спорные случаи в практике епархиальных Церквей, которые могут возникать при применении начал широкого самоуправления к приходскому и епархиальному строю.

3. В живые отношения должен быть поставлен митрополичий собор и к находящимся в округе высшим духовным школам — духовным академиям и лицеям, если бы последние были открыты. Исключительно к компетенции собора, в частности, должно быть отнесено избрание ректора академии и его увольнение, равно увольнение профессоров, заявивших себя неправославным направлением мыслей.

Примечание. При избрании ректора академии профессора этой академии могут присутствовать in corpore на митрополичьем соборе.

4. Наконец, как в древней Церкви епископы городов, обнимавшихся пределами римской провинции, составляли из себя единое целое, корпорацию постоянного церковного союза и общения, и это имело великое значение для жизнедеятельности всей Церкви, так и ныне, даже более прежнего, возможно частое соборное единение предстоятелей и представителей отдельных Церквей не может не быть великой моральной силой и для пасомых и для самих пастырей. Особенно это нужно сказать в отношении к запросам переживаемого нами времени. Нарождающиеся с необыкновенной быстротой новые течения и веяния жизни требуют силы и новизны церковного слова. И только авторитет соборного решения в этом случае может сообщить отдельным голосам церковным должную уверенность, а единичным действиям и распоряжениям пастырей — нужную твердость и соответствующую нравственную и юридическую обязательность.

В состав митрополичьих соборов, в соответствии принятого нами в основу церковной жизни принципа — живого взаимообщения всего тела Церкви, входят как предстоятели Церквей области — епархиальные епископы, так и представители клира и мирян, по одному от каждой Церкви, избранные епархиальными соборами (см. выше). Кроме того, председательствующему на окружном соборе митрополиту предоставляется право приглашать к участию в областных соборах и других лиц — духовных и светских — по своему усмотрению. Право решающего голоса, на основании всегдашней практики вселен-

ской Церкви, принадлежит членам собора — епископам; остальные лица участвуют в рассуждениях собора и имеют совещательный голос по отношению к соборным решениям. Митрополичьи соборы составляются дважды или, по крайней мере, однажды в год, как того требуют каноны.

Что касается личности самого митрополита, поставляемого во главе области, то его полномочия должны быть в свою очередь согласованы с положением митрополитов древневосточных патриархов. Митрополит избирается, согласно каноническим требованиям, областным митрополичьим собором и утверждается патриархом; желательно при этом, чтобы митрополит был избираем из епархиальных епископов области, успевших уже заявить себя высокою мудростью церковного управления. Назначение митрополитов — служить объединяющим центром для Церквей области и быть проводником высшего соборного начала в жизни областных Церквей; поэтому все главнейшие функции его деятельности связаны с собором; таковы: а) право созывать областные соборы, б) право председательствовать на них и руководить ими и в) право утверждать своим согласием и посвящать избранного на епископскую кафедру кандидата. Личных же административных прав в отношении к епископам области митрополит не имеет; почему при митрополите не учреждается и особого синода для постоянного управления областью.

Митрополичьих округов считаю достаточным на первое время образовать девять: в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Вильне, Харькове, Казани, Астрахани, Иркутске и Тифлисе.

Примечание. Как замечено уже и выше, проектируемою нами организацией областного церковного самоуправления обостряется грузинский церковный вопрос. На основании личного близкого знакомства с Закавказским краем полагаем, однако, что этот вопрос, с осуществлением у нас общецерковной реформы, в свою очередь должен получить особую постановку. Хотя соединение грузинской Церкви с русскою Церковью (в 1783 г.) произошло и не на принципе автокефального сосуществования двух Церквей (тогдашний католикос грузинской Церкви Антоний получил лишь звание члена Св. Синода, в ряду же иерархов русских, по штатам епархий того времени, ему отведено было только 16-е, если не ошибаемся, место, — после архиепископа Тобольского); хотя и самой автокефальности грузинской Церкви, в существе дела, не существовало, поскольку эта Церковь находилась до самого присоединения ее к русской Церкви — в фактической или номинальной зависимости от антиохийского патриарха; в момент же присоединения автокефалия Грузии во всяком случае не могла быть осуществляема в совершенно разоренном царстве, все население которого не превышало тогда числа жителей нынешнего Тифлиса, — тем не менее сепаративные стремления грузинского племени к церковному обособлению, как равно и обвинение русской Церкви в незаконном якобы лишении Грузии церковной самостоятельности, и доныне чрезвычайно сильны. Предполагаемое же предоставление широкого самоуправления местным Церквам и округам церковным, до выбора собственного митрополита включительно, поведет, — можно с уверенностью сказать, — к намеренному

уклонению грузинской иерархии от всякой органической связи с жизнью русской Церкви. Последнее обстоятельство грозит тем большими беспорядками в местной церковной жизни Закавказья, чем острее национальная рознь между самим грузинским племенем и прочим православным населением Кавказа. Стремление грузин к исключительному культурному и, в частности, церковному господству в крае и противодействие сему стремлению других коренных кавказских племен, и ныне, — при нейтральном русском экзархе, — не остается без вредного влияния на жизнь местной Церкви. При митрополите же — грузине, как равно и при самом выборе кандидата на митрополичью кафедру, названная национальная рознь легко может переходить в открытые племенные столкновения и гибельные церковные раздоры. — Ввиду такого положения церковного вопроса в Закавказье мы со своей стороны проектировали бы, при организации митрополичьего областного управления в русской Церкви, первое: а) выделить в особый самостоятельный округ грузинскую Церковь в древнейшем ее составе — народностей картвельского или грузинского племени (Кахетии, Карталинии, Имеретии, Мингрелии, Гурии), с присоединением к ней и Сванетии, по тесной географической связи последней с Грузией; б) разноплеменное же православное население всех прочих областей Кавказа, в разное время завоеванных русским оружием, как-то: губерний Ставропольской, Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской и Черноморской (вместе с Абхазией), областей: Кубанской, Терской (вместе с Осетией) Карской и Дагестанской и округа Закатальского, подчинить в церковно-административном отношении ближайшему русскому митрополиту, каковым всего естественнее быть епископу г. Астрахани, в силу географической, а отчасти и исторической связи этого города с жизнью Кавказа; второе: митрополиту или, допустив древнее национальное название, католикосу грузинской Церкви, в отличие от прочих митрополитов Российской Церкви, предоставить право самостоятельного административно-судебного управления в пределах грузинской Церкви, с сохранением лишь общей канонической зависимости последней от русского патриархата; в силу чего при экзархе (католикосе) Грузии, кроме периодически действующих митрополичьих соборов, должен функционировать митрополичий синод, или ныне существующая синодальная контора, с правом высшего постоянного административно-судебного учреждения; первосвятителю же русской Церкви с его синодом должен принадлежать только общий контроль за тем, чтобы действия экзарха Грузии не шли вразрез с общецерковными канонами и постановлениями поместных соборов русской Церкви, касающимися Грузии.

Б) *Окружное патриаршее управление.* Митрополичьи области объединяются под властью первосвятителя русской Церкви, которому, чести ради российской Церкви, приличествует всего более сан патриарха. Патриарх избирается Поместным Собором русской Церкви и вступает в свои права с соизволения Государя. Он представительствует от лица русской Церкви перед Государем и во всех высших государственных учреждениях, но управляет Церковью не единолично, а посредством окружного патриаршего собора или, как

таковые соборы стали называться впоследствии, постоянного Синода. Последнему, во главе с патриархом, и принадлежит собственно высшая административная и судебная власть в Церкви. Как и в древневосточной Церкви, этот собор или Синод должен: а) быть компетентен устанавливать церковно-дисциплинарные нормы, обязательные в пределах всего патриархата; б) составлять судебную инстанцию, высшую над областными митрополичьими соборами, и в) постановлять решение по всем важнейшим вопросам административного характера. Чтобы быть канонически полномочным органом административно-судебной правительственной власти в Церкви, патриарший Синод должен быть учреждением соборным (состоящим из избранных Церковью архипастырей), а не коллегиальным (состоящим из членов, административно назначаемых). Правилами Карфагенского Собора Церкви, где начала соборного управления были проводимы особенно широко, было постановлено, чтобы на «полный» (или, что то же, окружной, патриарший) собор собирались по преимуществу епископы, занимавшие «первые кафедры в областях», или особо избранные для этой цели представители меньших областных соборов (Карф. 27:87). Желательно, чтобы и наш патриарший Синод состоял из постоянных членов своих, избранных поместным или областными соборами, и, — так как епископская власть всегда рассматривалась в древней Церкви как власть равная, — из епископов, поочередно вызываемых из епархий для присутствования в Синоде, по одному из каждого митрополичьего округа.

Лично патриарху, кроме прав в отношении к Поместному Собору, параллельных правам митрополита в отношении к собору областному, принадлежит право высшего непосредственного надзора за соблюдением канонов и исполнением законов церковных в епархиях.

В) *Поместный Собор русской Церкви.* Самым высоким торжеством единения всей русской Церкви служит Поместный Собор. Этому полномочному и свободному органу церковной власти принадлежит вся полнота собственно законодательства церковного (на неизменном согласии последнего со вселенским православием) в отношении ко всей русской Церкви и по всем частям церковной жизни: в области веры, нравственности, церковной дисциплины и строя церковного управления. Он же (Собор) избирает патриарха русской Церкви. Как назначенный преимущественно для решения общих вопросов веры и нравственности и церковного управления, Поместный Собор составляется по мере надобности или, если и периодически, то через более или менее значительные промежутки времени.

Состав Поместных Соборов тот же, что соборов и митрополичьих: епархиальные епископы и их заместители, с правом решающего голоса, представители клира и мирян, избранные епархиальными соборами и приглашенные лично патриархом, с голосом совещательным, составляют Собор. С высокой радостью принималось всегда и вселенской и нашей русской Церковью присутствие на такого рода Соборах и Государей, как знак особого расположения и усердия к Церкви со стороны Высочайшей власти: и ныне таковое присутствие должно быть приветствуемо и желаемо.

Примечание 1. Возражение, что участие на Поместных Соборах представителей клира и мирян противно будто бы канонам и не безопасно, ввиду извращенного церковного сознания у современных глашатаев церковной свободы, едва ли может быть признано основательным. — Что касается канонов, то последние не могут быть рассматриваемы и понимаемы вне фактов истории Церкви, сопровождавших самое составление канонов. Между тем свидетельства древнецерковных писателей и факты церковной истории, успевшие сделаться уже общеизвестными, говорят о неизменном присутствовании не только на поместных, но даже и вселенских соборах, до VII включительно, вместе с епископами «сановников», «множества монахов и других духовных лиц». Самые каноны свидетельствуют, что по крайней мере на соборах при избрании епископов миряне присутствовали (Сард. 6-е и особ. Карф. 61-е). При наличности такого рода фактов то положение, что все соборы делают законоположения свои только от лица епископов — отцов собора, может говорить лишь против права решающего голоса клириков и мирян, а не против права присутствия их на соборах и участия в соборных рассуждениях. Иное дело, если бы где-нибудь, какой бы то ни было собор запретил это участие, но во всем составе церковного канона такого запрещения нет. Известное 13-е правило Лаодикийского Собора, которое иногда приводится в этом случае, во-первых, относится только к избранию лиц иерархических степеней, а во-вторых, направлено против злоупотребления толпы при избрании, а не против самого участия мирян в избрании, каковое участие предполагается тем же Лаодикийским Собором (пр. 5-е). — Если участие в соборе клира и мирян канонам не противно, то, по условиям современной жизни паствы русской Церкви, оно более чем благовременно. При сильно возбужденном ныне во всех классах русского народа стремлении к общественности и самоуправлению, клерикальный принцип может повести к тому, что не только наша интеллигенция, наполовину уже отшатнувшаяся от Церкви, но и те еще православно-русские слои, которые не потеряли связей с Церковью, охотнее будут искать удовлетворения своим религиозным потребностям в разного рода сектантских общинах, с их широким самоуправлением и компактной организаций, чем в изолирующей их от себя Церкви. Бояться, что в состав собора проникнет неправославно мыслящий человек, нет никаких оснований после того, как на собор будут являться только лица, избранный священным же собором епархиальной Церкви, во главе с епископом; а если бы даже таковой член и проник на собор, какая опасность целости веры православной и крепости общецерковного самосознания могла бы грозить от одинокого его голоса, в виду целого сонма пастырей и избранных людей паствы? Не скорее ли, наоборот, и его голос слился бы с общим хором церковных голосов, примеры чему знает история Церкви?

Примечание 2. Собору Поместному, само собой разумеется, должны предшествовать соборы областные, митрополичьи; этим соборам — соборы епархиальные; сим последним — благочинные и приходские собрания, — дабы могло получать свое осуществление представительство клира и

мирян меньших церковных организаций в высших и дабы неразрешенные в окончательной форме церковные вопросы на низшей инстанции могли вслед за тем получить компетентное разрешение в следующих инстанциях.

IV. Предстоящий Поместный Собор

Сказанное о Поместных Соборах вообще — полностью относится и к предстоящему ближайшему Собору русской Церкви. — Ближайшая задача предстоящего Собора должна состоять, конечно, в обсуждении намеченных вопросов по преобразованию церковного строя и в избрании патриарха русской Церкви; но этот Собор, особливо как составляющийся после более чем двухсотлетнего перерыва в соборном единении Церкви русской, — должен явиться полномочным органом церковного самосознания и по всем другим вопросам церковной русской жизни, назревшим для соборного решения.

В числе этих вопросов, со своей стороны, мы не можем не указать, по крайней мере, следующих трех: а) о необходимости сделать богослужение наше более доступным пониманию народа; б) о необходимости соборного, всей поместной Церкви, разъяснения клятв Собора 1667 года и признания полной равночестности старого — до-никоновского и нового — после-никоновского богослужебного обряда, и в) о необходимости соборного разрешения вопроса о смешанных браках православных с иноверцами.

Вопрос о богослужении. Богослужение составляет душу всякой церковной жизни, и таковым в особенности является оно в понимании православного русского народа, для которого самая жизнь Церкви вполне равнозначуща тому, что совершается в храме, как и слово «Церковь» не имеет иного смысла, помимо храма (так у автора. — *Прим. ред.*). Несомненно, что и протестантствующее сектантство русское имеет успех среди простого нашего народа в значительной степени оттого, что умеет дать народу живое, сознательное участие в богослужении. Между тем наша собственная православная служба, священно-поэтической высоте и разнообразию форм которой дивятся сами инославные христиане, остается наполовину мертвою для громадного большинства русских людей. И причин этого скорбного явления главнейшее две: а) важнейшая из них — недоступность народному пониманию языка богослужебных книг наших; б) другая меньшей важности, но немаловажная сама по себе, — отсутствие в нашей Церкви таких особых изданий церковных служб для мирян, какие приняты в инославных церквах и без пособия которых сознательно следить за смыслом всех чтений и песнопений церковных нет никакой возможности — даже и при более понятном богослужебном языке.

Южнославянский, в частности, как полагают, болгарский перевод богослужебных книг наших, никогда не был вполне понятен и предкам нашим. В настоящее же время, несмотря на частичные исправления текста книг, производившиеся в разное время и различными лицами, это — архаический перевод в самом крайнем смысле этого понятия: ни по лексикону слов, ни в особенности по конструкции речи, не говоря уже об отдельных местах, иногда не

имеющих и грамматического смысла, он не удовлетворяет ныне своему назначению; и потому — дело насущной и первой необходимости: новый капитальный перевод наших богослужебных книг на новославянский язык, подобный языку чина Литургии или Евангелия, с полным приближением его синтаксической конструкции к речи русской. Одновременно же с сим в высокой степени желательно удовлетворение и другой вышеуказанной богослужебной потребности: издание на том же новославянском языке, в той или другой системе, церковных служб для пользования ими мирян в храме и дома. Издание это, мы глубоко уверены, не только даст возможность сознательнее участвовать в богослужении всякому сколько-нибудь грамотному мирянину, но послужит основанием и для широкого распространения общего пения в наших храмах и введет глубоко назидательные церковные чины в обиход домашнего чтения и пения русских благочестивых семей.

Вопрос о соборном признании равночестности старого и нового богослужебного обряда. Ныне же, на ближайшем Поместном Соборе, благовременно, по нашему мнению, поставить на первую очередь и наш старообрядческий вопрос: как потому, что это — вопрос, наиболее наболевший в русской Церкви, так и потому, что и для самих старообрядцев, вступивших после 17 апреля сего года в совершенно новую эру жизни, настоящий момент — самый критический, несомненно, момент в определении дальнейшего своего особого от господствующей Церкви существования.

Восстановляя древнеканонический строй церковной жизни, за нарушение которого сильно и не раз упрекали нас старообрядцы и их сторонники, мы полагаем тем самым уже наиболее широкий путь к православной господствующей Церкви отколовшимся от нее старообрядческим общинам. Должна быть снята с этого пути и последняя препона, на какую могли бы ссылаться старообрядцы: разумеем клятвы Собора 1667 года, положенные якобы на старые обряды. Учреждением единоверия православная Церковь фактически засвидетельствовала уже, что она не осуждает и не порицает старого обряда, как такового; собор православных архипастырей в Казани разъяснил это и своим нарочитым постановлением. Ныне благовременно, дабы целый Поместный Собор, равночестный Собору 1667 года, всенародно подтвердил (даже если бы потребовалось для того и требуемое старообрядцами предварительное сношение с восточными патриархами), что клятвы Собора 1667 года наложены на лиц, противящихся Церкви из-за разности в обрядах, а не на самые обряды, и что православная Церковь признает полную и совершенную равночестность старого и нового обряда.

Соборное разрешение вопроса о смешанных браках. Канонами вселенской Церкви запрещаются браки православных с иноверцами и еретиками (IV Всел. Соб. 14-е; VI Всел. Соб. 72-е; Лаод. 10-е, 31-е). Во время Петра I, под давлением светской власти, в русской Церкви введены смешанные браки православных с иноверцами. Указом о веротерпимости 17 апреля сего года светской властью решен исключительно церковный вопрос о браках православных с раскольниками и сектантами. Но подобное решение вопроса, при

коем православной Церкви придется освящать таинством брака лиц, не только крайне враждебных Церкви, но даже и совершенно не крещенных, не только отрицающих самые существенные догматы православной Церкви, но и всякого христианского вероисповедания вообще, есть акт явного насилия над Церковью и притом не во внешних и административных ее распорядках, а в стороне внутренней, в деле веры и таинств, каковую сторону Церковь должна хранить не прикосновенной святыней ни для какой гражданской власти и подлежащей лишь ее собственному решению, и притом такому правомочному, как только Собор поместной Церкви, и также по непременном сношении с другими автокефальными Церквами.

В благоговейном сознании величия предстоящего Собору дела, всю речь свою мы не можем заключить иначе, как молитвенным пожеланием, дабы отцы Собора, «от единого и того же Духа быв просвещены», по всем сим и иным вещам точию «полезное узаконили» (171 Всел. 1).

№ 9,
преосвященного Антония, епископа Черниговского,
от 26 ноября 1905 года

Журналы особого совещания по вопросу о назревших реформах в управлении российской православной Церкви

Журнал 6 октября 1905 года

Приступая, согласно указу Святейшего Синода от 27 июля 1905 г. за № 8, к обсуждению первого из поставленных вопросов — об учреждении областных округов церковного управления под управлением митрополитов, совещание обратило внимание на то, что в первые века христианства таковая форма церковного управления не только была господствующей, но и узаконялась церковными правилами. Еще 34-м Апостольским правилом узаконяется, чтобы «епископы всякого народа знали первого из них и признавали его за главу, не делали ничего превышающего их власть без его рассуждения». Позднейшими каноническими правилами точнее определяются объем и пределы власти митрополитов. Но теми же церковными правилами узаконяется, что «и первый из епископов области ничего да не творит без рассуждения всех» (34-е Ап. пр.); областное церковное управление вверялось митрополиту области при соучастии собора епископов, который должен был собираться сначала дважды в год (37-е Ап. пр., 5-е пр. I Всел. Соб., 2-е пр. II Всел. Соб., 19-е пр. IV Всел. Соб.), а затем однажды в год (8-е пр. VI Всел. Соб., 6-е пр. VII Всел. Соб.). На этих соборах, которые должны были созываться митрополитами областей (19-е пр. IV Всел. Соб., 20-е пр. Антиох. Соб.), должны были разрешаться, по выражению 37-го Ап. правила, «случающиеся церковные прекословия» или, как выразился VII Вселенский Собор, вопросы «о предметах канонических и евангельских: тогда собравшиеся епископы должны прилежати и пещися о сохранении божественных и животворящих заповедей Божиих» (6-е пр.). По сим соображениям совещание находит, что учреждение областных округов церковного управления под управлением митрополитов, при соучастии областных соборов, согласовалось бы с каноническими правилами православной Церкви; в видах же обширности Российской Церкви, разноплеменности входящих в состав Российского государства народностей и облегчения задач центрального церковного управления, восстановление областного церковного управления вызывается и потребностями церковной жизни. Если этим областным управлениям будут переданы из высшего церковного управления лишь дела второстепенной важности, с исключением из ведения их всех церковных вопросов общегосударственного характера, то, казалось бы, существование подобных церковных автономий не может вредить государственному единству Российской империи.

Переходя к обсуждению вопроса об условиях приобретения церквами и духовенством недвижимых имений, совещание находит, что предусматриваемое ст. 1.429 т. X (Зак. Гражд.) испрошение в каждом отдельном случае высочайшего соизволения на приобретение церквами недвижимых имений не предоставляет церквам никаких особых преимуществ ни в деле укрепления недвижимых имуществ, ни в каком-либо другом отношении и как таковое, по мнению совещания, могло бы быть отменено, — тем более, что и на практике не было примеров, чтобы подобные ходатайства Высочайше не были удовлетворяемы. — Существование духовенства, как юридического лица, не предусматривается существующими законоположениями, между тем как фактически не редки бывают случаи, когда духовенство той или другой епархии, того или другого училищного округа, той или другой церкви, приобретает на свои средства недвижимое имущество; по ныне действующему законоположению, подобные имущества закрепляются за церквами, учебным заведением, епархиальным начальством, т. е. за фиктивным владельцем. Желательно, чтобы этот пробел в законе был восполнен дарованием права православному духовенству приобретения недвижимых имуществ на свое имя.

Журнал 13 октября 1905 года

Приступая к обсуждению вопроса о необходимых реформах в епархиальном управлении и суде, совещание обратило внимание на то, что, по каноническим правилам, управление всеми епархиальными учреждениями и духовными лицами вверялось власти епископа (8-е пр. IV Всел. Соб.); суд же над священнослужителями происходил на областном соборе или, по крайней мере, в собрании нескольких епископов. «Аще пресвитеры, или диаконы обвиняемы будут, — говорится в 29-м пр. Карф. Соб., — то, по собрании узаконенного числа из ближних мест избираемых епископов, которых обвиняемые воспросят, то есть, при обвинении на пресвитера шести, а для диакона трех, вместе с сими собственный обвиняемых епископ исследует принесенные на них обвинения, с соблюдением тех же правил, касательно дней и сроков, и исследования, и лиц обвиняющего и обвиняемого. Дела же по винам прочих клириков един местный епископ да рассмотрит и окончит». Суд происходил в присутствии обвиняемого и доносителя, с допросом на суде свидетелей. В настоящее время духовный суд вверен консистории, постановления которой утверждаются епархиальным преосвященным; доноситель и обвиняемый сами не присутствуют и не дают объяснений на суде, свидетели не выслушиваются произносящими судебный приговор судьями. Все это заменяется письменными показаниями, данными участвующими в деле лицами и свидетелями назначенному для производства следствия духовному следователю. Поэтому духовный суд по необходимости в своем решении должен руководиться формальными доказательствами. Несовершенство духовного суда усугубляется тем, что следователем обычно бывает один из священников того же благо-

чиннического округа, в коем состоит и обвиняемый, и потому, как связанный служебными и другими отношениями, не всегда бывает и беспристрастен.

В соответствии с каноническими правилами православной Церкви совещание полагало бы, что как епархиальное управление, так и суд должен сосредоточиваться в руках епархиального преосвященного, который, в административном порядке направляя деятельность духовенства в деле пастырского служения, в судебном следит за уклонениями духовенства от предписанных норм и правил. Ввиду того, что нельзя рассчитывать на какие-либо новые ассигнования для улучшения духовного суда, совещание не признало возможным поднимать вопрос о приближении духовного суда ближе к населению, но не может не высказать пожелания о крайней необходимости, — особенно по делам более серьезным, по обвинениям, за которые грозит тяжкое наказание, — вызова на суд как обвиняемого, так и доносителя, равно как и свидетелей.

К сему совещание полагало бы необходимым, в соответствии с каноническими правилами православной Церкви, оградить духовный суд от подачи неосновательных жалоб указанием в законе тех лиц, от коих не могут быть принимаемы жалобы, так как, при обремененности епархиальных преосвященных самыми разнообразными служебными обязанностями, чтение неосновательных жалоб и рассмотрение решений по сим жалобам составляет непроизводительный труд.

Журнал 19 октября 1905 года

Обсуждая вопрос о том, на каких основаниях могла бы быть произведена реорганизация прихода, совещание обратило внимание на то, что прихожане каждой церкви, группируясь около своего приходского храма для выполнения своих религиозно-нравственных потребностей, вместе с тем своими средствами поддерживают как храм со всеми благотворительно-просветительными учреждениями, находящимися в приходе, так и состоящий при нем причт. Все текущие потребности по храму удовлетворяются текущими церковными доходами: кошельковым сбором, свечной прибылью и случайными пожертвованиями, причем очень значительная часть из них отчисляется в распоряжение епархиального начальства на содержание духовно-учебных заведений. В тех случаях, когда является необходимость в капитальном ремонте храма или постройке нового храма, равно как в приобретении недвижимого имущества для нужд просветительно-благотворительных учреждений или для обеспечения причта домами, большей частью обществом прихожан устанавливаются особые сборы, которые и поступают или в общецерковные средства с определенным назначением, или же организуются особые комитеты для сбора и расходования этих сумм. Причты содержатся на получаемые ими казенное жалованье и доброхотные даяния при совершении требоисправлений.

Нужно сказать, что, в случаях насущных нужд храма, прихожане, за очень редкими исключениями, очень энергично и охотно принимаются за дело и

изыскивают на это средства. Далеко нельзя того же сказать, когда дело касается нужд просветительно-благотворительных учреждений и причта. О первых они обычно говорят, что дело поддержания и содержания их — не их обязанность, а казны; отказ же в удовлетворении насущных нужд причта объясняется большей частью следствием того брожения, которое происходит в настоящее время в народе. Конечно, в народе еще крепко сознание того, что приход и приходский причт — одно, что нужды последнего — как бы нужды прихода, и в тех случаях, когда гражданское начальство со своей стороны принимает меры к воздействию на прихожан об удовлетворении нужд причта, последние довольно быстро удовлетворяются. Но нельзя не признать и того, что древние народные навыки и обычаи расшатываются. Огромную роль в данном случае играет личность священника. Там, где священник пользуется влиянием и уважением, там и на храм жертвы поступают более обильные, там и церковно-приходские школы пользуются большим вспомоществованием от прихожан, там не бывает недоразумений и при уплате за требоисправления. Где нет этой тесной связи между приходом и священником, в тех приходах и происходят нестроения.

Таким образом, один из существенных вопросов приходской жизни — это вопрос о кандидатах священства. В настоящее время священники назначаются епархиальными преосвященными большей частью из лиц, получивших специальное богословское образование в духовно-учебных заведениях. Нужно сказать, что в огромном числе случаев эти лица являются чуждыми приходу; а там, где практикуются частые перемещения, и установившиеся связи между священником и прихожанами тем самым разрываются. Казалось бы, этого не могло бы быть, если бы предоставить самим прихожанам право выбора священноцерковнослужителей. Но необходимо принять во внимание, что приходский священник является в районе своего прихода проводником церковно-государственных распоряжений и намерений, руководителем своей паствы в религиозно-нравственной жизни; священник — ближайший просвещенный человек, за советом к которому идет простолюдин в самых разнообразных случаях, выдвигаемых жизнью. Необходимо, чтобы священник мог исполнять эти возложенные на него обязанности. Можно ли рассчитывать на то, что выбор прихода падет на лицо, могущее выполнить эти сложные обязанности? Нельзя упускать из виду, что народ наш еще настолько мало просвещен, чтобы вообще оценить просвещение и просвещенного человека и чтобы при выборах он главное свое внимание обратил на умственные и нравственные качества кандидата; кроме того, при ограниченном круге известных приходу кандидатов священства и малой осведомленности о нравственных и умственных качествах их, выбор, естественно, будет падать не на более достойных, а на тех, кто в достижении своих целей не считается с тем, какими средствами достигается цель. Существующий в единоверческих приходах обычай выбора приходом клириков далеко не говорит за преимущество этого способа назначения приходского клира. Жизнь указывает, что домогательство занять приходы при единоверческих церквах нередко сопровождается интригами, заис-

киванием пред влиятельными лицами прихода и даже подкупами, причем эти священники бывают поставлены в необходимость в своей служебной деятельности руководиться не долгом принятой присяги, а сообразоваться с желаниями избравших их прихожан. По всем сим соображениям совещание находит, что порядок назначения священноцерковнослужителей должен оставаться прежний; если и может быть допустимо участие прихожан в этом деле, то только в форме рекомендации известных им кандидатов, окончательное же решение вполне должно зависеть от воли епархиального преосвященного.

Что касается участия прихожан в деле расходования церковных сумм, то, по существующим законоположениям, участие прихожан выражается в выборе церковного старосты, который вместе с причтом ведет все церковное хозяйство, расходуя церковные суммы под наблюдением епархиального начальства, и в выборе представителей от прихожан для присутствия при ежемесячном свидетельствовании церковных сумм. В настоящее время как церковный староста всегда имеет возможность заявить против расхода, признаваемого им незаконным и нецелесообразным, так и представители от прихожан нередко доводят до сведения епархиального начальства о неправильном, по их мнению, ведении церковного хозяйства. Предоставление прихожанам бóльших прав в определении правильности и целесообразности расходования церковных сумм может повести к большим недоразумениям в епархиальном управлении ввиду того, что и в настоящее время слышится недовольство прихожан на отчисление больших церковных сумм в пользу духовно-учебных заведений. Очень уж узок кругозор нашего русского простолюдина: ему видны нужды храма, нужды церковной школы и причта, и он готов нести сюда свои пожертвования; духовно-учебные заведения слишком далеко от него находятся, слишком мало он знает их, чтобы оценить действительное значение их в деле подготовления кандидатов священства. Можно опасаться, что если прихожанам будет предоставлено право распоряжаться церковными суммами, они откажутся от ассигнования церковных средств на духовно-учебные заведения.

Участие прихожан в делах церковно-приходской жизни, кроме того, выражается в деятельности церковно-приходских попечительств. Нельзя скрывать того, что в большем числе случаев деятельность их далеко не отличается оживленностью и направлена главным образом на благоукрашение своего приходского храма; нужды же прихода просветительно-благотворительные редко занимают внимание церковно-приходских попечительств; не так часто они отзываются и на нужды причта. В основу деятельности церковно-приходских попечительств положен принцип добровольного удовлетворения нужд прихода; никаких обязательных сборов и раскладок они не имеют права делать. Конечно, крайне желательно бы оживить захиревшую деятельность церковно-приходских попечительств, особенно в области удовлетворения благотворительно-просветительных нужд прихожан; но совещание полагает, что ставить ее в определенные рамки, обусловливать какими-либо обязательными нормами — не соответствовало бы духу христианской благотворительности,

как она проявлялась в жизни православной Церкви. Благотворение должно исходить из сердечного влечения православного христианина. Посему и проект устройства церковных общин в Финляндии совещание находит неприложимым к русскому православному приходу.

Журнал 3 ноября 1905 года

В настоящее время курс учения в духовно-учебных заведениях продолжается десять лет: четыре года в духовном училище и шесть в семинарии. Цель, преследуемая этими учебными заведениями, заключается в том, чтобы воспитанникам сих заведений дать и общее образование в объеме курса средних светских учебных заведений, и специальное богословское. Хотя при пересмотре устава духовно-учебных заведений в 1884 году и были сделаны некоторые сокращения в курсе общеобразовательных наук, а курс богословских наук был расширен, но остались нетронутыми основные положения введенной в 1867 году реформы духовно-учебных заведений. Духовные училища и семинарии, будучи в дореформенное время заведениями чисто сословными, назначенными для обучения в них лиц духовного звания, остались таковыми и после реформы 1867 года, чем отчасти и объясняется то, что этим учебным заведениям придан двойственный характер: давать среднее законченное образование детям лиц духовного звания и быть вместе с тем подготовительной школой для кандидатов священства. При обсуждении вопроса о реформе духовно-учебных заведений и приходится считаться с тем, на тех же ли самых основаниях следует произвести и настоящую реформу?

Никто не будет отрицать, что в курсе духовно-учебных заведений должно быть отведено значительное место преподаванию наук специально богословских, знакомство с которыми является необходимостью для кандидатов священства. Курс этих наук по уставу 1867 года определялся в два года; затем признанный недостаточным, он был расширен по уставу 1884 года за счет сокращения наук общеобразовательных. Кроме того, в самой тесной и неразрывной связи с богословским курсом стоит прохождение курса философских наук. Еще дореформенная духовная школа выдвинула много деятелей Церкви и государства, сильных столько же солидными богословскими знаниями, сколько разносторонним общим философским мировоззрением. Но питомцы и пореформенной духовной школы оказались замечательными работниками на всех поприщах государственной службы, главным образом — вследствие получения солидного философского образования. От традиции этой, сослужившей такую великую службу духовной школе, не следовало бы отступать, и отторгать преподавание философских наук от курса богословских наук казалось бы нецелесообразным.

Но следует ли объединять в одном учебном заведении курс богословских наук с курсом общеобразовательных наук? По-видимому, единство цели, преследуемое той или другой школой, является идеалом, к которому должен стремиться законодатель в этой области: только в этом случае и родители, от-

давая в школу детей своих, будут отчетливо представлять ту жизненную стезю, на которую они направляют своих детей, и ученики, видя ясно поставленною задачу своего обучения, будут избавлены от лишних сомнений и терзаний относительно их цели обучения, и весь учебный персонал, служа одному делу, будет идти более дружною семьей в деле преследования задач заведения. Кроме того, обособленность богословской школы, которая бы преследовала лишь одну цель подготовления кандидатов священства, с большей отчетливостью оттеняла бы перед обществом ту мысль, что Церковь призывает к священству лиц не только одного сословия, прошедших определенную школу, а лиц всех сословий и званий, желающих послужить Церкви Божией в сане священника. Таким образом, объединив в одной школе преподавание богословских и философских наук, следовало бы, казалось, эту школу поставить совершенно отдельно от других духовно-учебных школ.

Переходя затем к вопросу о том, какие же духовно-учебные заведения должны служить подготовительной школой для поступления в богословскую школу, конечно, нельзя опускать из виду того, что эти подготовительные школы явятся вместе с тем учебными заведениями, где будут обучаться дети православного духовенства отчасти по традиции, отчасти по тем льготам, которые предоставляются родителям питомцев сих заведений в деле материальной помощи. Но вместе с тем, нужно иметь в виду и то, что очень значительное число духовенства в настоящее время стремится дать своим детям образование в светских заведениях в видах того, чтобы они могли продолжать свое учение в высших светских учебных заведениях. Школы духовного ведомства, по мнению совещания, должны иметь в виду интересы не столько сословные, сколько интересы Церкви: только в этом случае и можно избежать того отчасти справедливого нарекания на представителей русской православной Церкви, что значительные церковные суммы, идущие на содержание духовно-учебных заведений, обслуживают интересы не столько Церкви, сколько духовенства. Поэтому при определении курса учения этих подготовительных школ необходимо главным образом иметь в виду то, чтобы эти заведения подготовляли воспитанников к поступлению в богословскую школу. Несомненно, от кандидатов священства ныне требуются познания не только специально богословские; священник должен обладать и общим довольно разносторонним образованием, чтобы действительно иметь возможность удовлетворять возникающие среди прихожан запросы. Поэтому курс этих подготовительных школ должен давать ученикам достаточные солидные знания в области общеобразовательных наук, каковы: русский язык с словесностью и историей литературы, история с географией, арифметика с главными положениями алгебры и геометрии, физика с естественной историей. Конечно, вместе с тем эти школы должны воспитывать в питомцах своих дух преданности Церкви, и посему в их курс должно войти и обучение Закону Божию в значительном объеме. Если с этой точки зрения обратиться к рассмотрению программ существующих школ, то ближе всего подошел бы курс второклассной церковно-приходской школы. Если бы еще несколько расширить курс этой школы, прибли-

зив ее к курсу церковно-учительских семинарий, то воспитанники ее приобретали бы настолько солидные знания в области общеобразовательных наук, что вполне могли бы считаться подготовленными для поступления в богословскую школу и обладали бы достаточными вполне знаниями в общеобразовательных науках.

Таким образом, из курса духовно-учебных заведений исключаются древние языки и подробное знакомство с алгеброй и геометрией; но, по мнению совещания, эти знания, имея совершенно специальное значение, для священника не имеют никакого практического значения. Могли бы быть введены или оба древние языка, или один из них, в курс богословской школы, так как она, служа подготовительной школой для кандидатов священства, будет подготовительным учебным заведением для высшей духовной школы; между тем без знакомства с древними языками невозможны никакие научные изыскания в области православного богословия. В этих видах мог бы быть введен в курс богословской школы и один из новых языков, хотя бы в качестве необязательного предмета.

Имея в виду все вышеизложенное, совещание полагало бы, что курс богословской школы должен продолжаться не менее как четыре года, курс же подготовительной школы — до пяти лет. Во главе богословской школы должно стоять лицо духовного звания, и это по следующим основаниям. Цель этой школы будет заключаться не только в сообщении знаний, но и в приобретении питомцами ее церковного настроения. Служение священника есть не только служение общественное, оно прежде всего — служение Церкви Божией, под покровом и в духе которой он должен исполнять свои пастырские обязанности; воспитать дух преданности заветам Церкви, конечно, может скорее всего лицо, само живущее этими церковными преданиями, согласно с ними направляющее всю свою жизнь. Для лиц остального персонала нет оснований ставить таких ограничений, так как и в числе светских лиц немало людей, также преданных Церкви и готовых с живейшим участием послужить делу подготовления пастырей Церкви.

Ко всему изложенному совещание полагало бы присовокупить, что при выработке самых научных программ богословской школы следовало бы обратить внимание на то, чтобы преподаватели на своих уроках обращали внимание не столько на знакомство с научными изысканиями в области той или другой науки, сколько на систематизированное знакомство с научными положениями, имея в виду применимость их в практической жизни приходского священника.

Журнал 10 ноября 1905 года

При обсуждении вопроса о деятельности епархиальных съездов преосвященнейший председатель совещания выяснил, что, действительно, съезды выходят из пределов подлежащих на основании семинарского устава 1867 года их рассмотрению вопросов и нередко даже вопреки указанию епархиаль-

ного преосвященного поднимают вопросы, касающиеся епархиального управления, постановки воспитательного и учебного дела в духовно-учебных заведениях и т. п. Такое вмешательство епархиальных съездов в дела, не подлежащие их ведению, вносит расстройство и в отношения духовенства к своему преосвященному, нарушая долг подчиненности, и в жизнь тех учреждений, о недостатках которых они хотели бы указать. Конечно, нельзя отрицать и большого значения епархиальных съездов в деле возникновения и поддержания таких епархиальных учреждений, каковы епархиальные свечные заводы, эмеритальные и погребальные кассы. Здесь указания их, как людей практически знакомых с жизнью духовенства и прихода, являются очень ценными, а непосредственный надзор за деятельностью этих учреждений посредством избираемых ревизионных комиссий должен быть признан и вполне целесообразным. Необходимо лишь точнее указать объем и границы их деятельности во избежание крайне нежелательных в епархиальном управлении конфликтов между епархиальными преосвященными и епархиальными съездами.

Что касается участия священнослужителей в общественных учреждениях, то нужно признать, что существующий в настоящее время порядок участия через депутатов духовного ведомства не может быть признан вполне целесообразным. Участие лиц духовного ведомства в общественных учреждениях важно с точки зрения влияния их на деятельность этих учреждений. Но, как не избранники населения, депутаты духовного ведомства не пользуются сколько-либо значительным влиянием: не только нет тесного единения между ними и выборными гласными, но на них смотрят, как на людей совершенно чуждых интересам, обслуживаемым общественными учреждениями; их заявления снисходительно выслушиваются, но и только. И с таким положением священнослужителей в общественных учреждениях необходимо считаться, если руководиться в этом вопросе идеальным церковным взглядом на пастырей Церкви, что они должны быть лишь провозвестниками вековых Евангельских истин, но не должны вмешиваться в круговорот общественных движений и настроений. Между тем грозная действительность, казалось бы, говорила за желательность того, чтобы и пастыри Церкви могли более действенно воздействовать на мятущееся настроение интеллигенции и народных масс. В недалеком будущем будет разрешен вопрос об учреждении низшей общественной единицы; если и там положение священника будет регулироваться действующим в настоящее время законоположением, то можно опасаться, что и здесь влияние приходского священника и тех воззрений, представителем которых он является, низведется к минимуму. Поэтому желательно было бы, чтобы вопрос этот был разрешен в том смысле, как он получил разрешение в положении о Государственной Думе, т. е. чтобы священнослужители имели право участия в выборах наряду с прочим населением.

Обращаясь, наконец, к рассмотрению вопроса о положении православной Церкви по отношению к старообрядцам, сектантам и иноверцам по издании Высочайшего указа 17 апреля сего года о веротерпимости, совещание находит, что православная Церковь в деле борьбы со старообрядцами и сектанта-

ми отныне должна опираться лишь на свои духовные средства. Воодушевление служителей Церкви вековечными идеалами церковными одно может помочь при воздействии на старообрядцев и сектантов. В этом отношении большую роль могло бы сыграть возможно большее распространение среди сектантского и старообрядческого населения печатных брошюр и листков, направленных на разъяснение их неправомыслия и уяснение тех пунктов православного учения, в правильности коих они сомневаются. Непрестанное уяснение с кафедры церковной истин православной Церкви и разъяснение заблуждений сектантских и старообрядческих должно быть признано первейшей обязанностью священника в деле ограждения чад Церкви от заблуждений. Строгое и истовое совершение церковных служб, возможно частые общественные служения с совершением торжественных крестных ходов могуче могут воздействовать на настроение и воодушевление чад Церкви и тем привлечь в лоно православия заблуждающихся старообрядцев и сектантов.

№ 10,
преосвященного Антония, епископа Волынского,
от 25 ноября 1905 года

Первая докладная записка

Во исполнение предписания Святейшего Синода о представлении отзыва по перечисленным в циркуляре № 8 вопросам имею честь доложить нижеследующее.

1. О составе ожидаемого Собора Всероссийской Церкви

Настойчивые домогательства текущей литературы о включении в состав Собора выборных от белого духовенства и мирян путем всеобщей подачи голосов представляют собою прямой сколок с парламентских выборов республиканских государств, но стараются обосновать себя на церковных канонах. Так, в известной записке группы 32 петербургских священников, имеющей чисто партийно-сословный характер, в пользу подобной идеи о Соборе из архиереев, священников и мирян (причем епископы будут составлять менее четверти общего числа заседающих членов Собора) авторы пытаются в защиту своего стремления привести основания библейские и канонические.

Первые они стараются видеть в известных словах апостола Павла о членах человеческого тела, взаимно нуждающихся друг в друге: «Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна» и проч. (1 Кор. 12 гл.). Но какое отношение этих слов к участию мирян в управлении Церкви, это остается совершенно невыясненным. Если отсюда выводить безразличное участие в делах Церкви и мирян и иерархии, то по той же логике следует допускать мирян к участию в совершении св. таинств, в проповедывании слова Божия и т. д., т. е. к полному упразднению священноначалия. Нужно не останавливаться ни перед какими лютеранскими передержками и софизмами, чтобы из общего морального принципа святой Библии выводить правила о внешнем устройстве Церкви.

Всего замечательнее, что Церковь в своем каноническом изречении (64-е правило VI Собора) опирается на те же слова Писания для подтверждения совершенно противоположной мысли, нежели авторы записки, по-видимому, всего менее интересовавшиеся учением Церкви. Вот это правило: «Не подобает мирянину пред народом произносити слово, или учити, и тако брати на себе учительское достоинство, но повиноватися преданному от Господа чину, отверзати ухо приявшим благодать учительского слова и от них поучатися божественному. Ибо в единой Церкви разные члены сотворил Бог, по слову апостола, которое изъясняя Григорий Богослов ясно показывает находящийся в них чин, глаголя: сей, братия, чин почтим, сей сохраним; сей да будет ухом,

а тот языком; сей рукою, а другий иным чем-либо; сей да учит, тот да учится… Да не будем все языком, аще и всего ближе сие, ни все апостолами, ни все пророками, ни все истолкователями... Почто твориши себе пастырем, будучи овцею; почто делаешися главою, будучи ногою; почто покушаешися военачальствовати, быв поставлен в ряду воинов?» и проч. «Аще же кто усмотрен будет нарушающим настоящее правило: на четыредесять дней да будет отлучен от общения церковного».

По-видимому, с бóльшим правом могли бы основываться петербургские священники на примере Апостольского Собора в Иерусалиме, который послал в Антиохию грамоту от имени «апостолов, пресвитеров и братии» (Деян. 15:23). Но, во-первых, совершенно не видно из этих слов, было ли сие упоминание о братии перечислением полномочных членов собора или просто ссылкой на одобрение народа, собравшегося послушать апостолов, и уверением, что впредь неразумные ревнители Моисеева закона не будут обижать братий из язычников требованием обрезания. Главным же образом неуместность сей ссылки обнаруживается непониманием существенного различия первых христиан с последующими поколениями. В то время иерархические полномочия определялись еще весьма слабо, ибо миряне имели и дар языков и пророчества, как свидетельствуют книга Деяний и 14 глава первого послания к Коринфянам. Если при теперешнем упадке нравов требовать полного восстановления практики первенствующей Церкви, то должно предоставить мирянам возлагать руки на епископов перед отправлением их на проповедь, как возлагали антиохийцы на Павла и Варнаву; должно им предоставить поочередное проповедание слова Божия на церковных собраниях. Но не подобный ли порядок вещей, применяемый от древних святых и чудотворцев к современным маловерам и грешникам, выражается в ирвингианстве, хлыстовщине, малеванщине и прочих проявлениях религиозного бешенства?

Церковь Христова и после св. апостолов ничего не утеряла из познания воли Божией, и Божественный Дух на тех же семи вселенских и девяти поместных соборах, на которых утвержден канон Нового Завета, ясно повелел через многократные определения разных соборов собираться епископам, а не мирянам.

Так, 5-е правило I Собора гласит, «чтобы в каждой области дважды в год были соборы: чтобы все вообще епископы области, собравшися во едино, исследовали таковые недоумения» и пр.; «доколе не заблагорассудит собрание епископов» и прочее.

В 37-м правиле св. Апостол ясно определено: «Дважды в год да бывает собор епископов».

Так же точно — «Собор епископов» — выражается и четвертый Вселенский Собор и прибавляет: «а епископам, которые не приидут на Собор» и пр., «братолюбно сказати слово прещения» (пр. 19-е). Св. Поместный Собор Антиохийский именует сии Поместные Соборы также «Соборами епископов», о созвании коих «напоминает епархиальным епископам митрополит» (пр. 20-е). То же самое говорится в 87-м правиле Карфагенского Собора и 40-м Лаоди-

кийского о порядке собрания епископов на Собор. VI Вселенский Собор в правиле 8-м и VII Вселенский Собор в правиле 6-м называют ежегодные Поместные Соборы «собранием епископов», причем последний присовокупляет: «тогда собравшиеся епископы должны прилежати и пещися о сохранении божественных и животворящих заповедей Божиих».

Страна Триполи, из коей трудно было епископам явиться на соборы в Карфаген, получила дозволение, чтобы оттуда «един епископ приходил для местоблюстительства в Собор» (пр. 14-е Карф.). Такой же смысл правил 141-го и 142-го того же Собора. VI Вселенский Собор в своих правилах 1-м и 2-м перечисляет предыдущие Вселенские Соборы, определяя их состав числом собравшихся епископов: «Определяем: хранити неприкосновенну нововведениям и изменениям веру, преданную нам от самовидцев и служителей Слова, еще же и от трех сот осмьнадесяти святых и блаженных отец» и проч. «Такожде и при великом Феодосии, царе нашем, сто пятидесятию святыми отцами, в сем царствующем граде собравшимися, провозглашенное исповедание веры содержим» и т. д. — идет перечисление соборов и составлявших их епископов.

Постановление св. апостолов и св. семи Вселенских и девяти Поместных Соборов есть неизменно действующее право Церкви, ее высший законодательный устав, утвердивший и самую св. Библию в ее настоящем составе. Мы теперь видим, что по сему уставу собор поместный составляется только из епископов, и если «группа петербургских священников» пытается указать на соборы, в коих участвовали миряне, то таковые или касаются злоупотреблений (ведь был и Разбойничий собор), или подлежать поправкам. Так, они указывают на 5 иерейских подписей в актах II Вселенского Собора. Если бы авторы записки были искренни и добросовестны, то они бы поинтересовались, откуда могло явиться столь малое число иереев между 150 епископами? Как ограничительное начало? или как особо облагодатствованные избранники? Но чьи? народа? какой епархии? или целой вселенной? На самом деле, они явились заместителями епископов вдовствовавших в то время их епархий, чем, конечно, уничтожается и сама мысль о самостоятельном участии на Соборе пресвитеров вместе со своими епископами.

На самом деле кроме епископов-заседателей, на соборы призывались только обвиняемые, обличаемые, тяжущиеся, затем, конечно, письмоводители, хартофилаксы — и молчаливо внимавшие миряне, среди коих бывали и императоры. «Группа священников» разыскала один или два маленьких собора в Италии, где было по нескольку епископов, иереев и мирян. Это — не соборы в подлинном смысле, а нечто вроде епархиальных съездов, к каковым должно причислить и бывшие Соборы в Москве и в Малороссии, причем на последних бывало иногда по два епископа, а на первых едва ли набиралось более двадцати. Наконец, эти соборы сами подлежат суду канонических правил, а конечно не могут собой создавать правила для настоящих времен, когда поместная Церковь Российская имеет не 16 епископов, как во времена московских соборов, а свыше 100.

Подобные доводы, будучи неопровержимы для искренно православных людей, конечно едва ли удовлетворят тех иереев или профессоров современного декадентского направления, которое в «Церковном Вестнике», в «Богословском Вестнике» и в изданиях светских проповедует республиканские идеи и желает перенести в жизнь Церкви тот совершенно чуждый ей мирской дух жизни, который первоначально выразился в римском праве, затем во французской революции и, наконец, установился в западноевропейских конституциях. Это — дух вечно нескончаемой борьбы против всякой власти, дух прикрытой анархии, совершенно противоположный духу послушания и смиренномудрия, которым обязуется и христианин, вступая в Церковь, и иерей, вступая в клир.

Итак, становясь более откровенными, представители подобного направления заявляют: «Если на соборе не будет священников, а одни епископы-монахи, то интересы белого духовенства останутся в пренебрежении».

Вот первое подтверждение только что приведенной характеристики направления. Разве соборы для того собираются, чтобы наблюдать чьи-либо интересы? разве это парламент, состоящий из борющихся партий? Собор нужен для восстановления не человеческих, а Духом Святым установленных, вечных и неизменных канонов Церкви, для приближения к нам спасения Божия, для умножения Божественной славы и праведности паствы, а не для чьих-либо *интересов*. Епископы первые подали пример самопожертвования. Теперь, стесненные в своей церковной деятельности, они в отношении личного благополучия и личной свободы предоставлены себе и могут допускать различные вольности без всякого контроля. Но вот они желают иметь над собой не только патриарха, но и изъявляют готовность подчиниться митрополитам. Власть патриарха получит ведь один, а остальные 99 из бесконтрольных владык сделаются его послушниками: семеро — непосредственными, а прочие 92 — послушниками митрополита и затем уже патриарха. Это столько же похвально со стороны епископов, сколько полезно для Церкви, ибо, при ослаблении общей церковной дисциплины, необходима твердая власть и над всеми нами.

Интересы белого духовенства! Но, если быть откровенными, то не придется ли нам сознаться, что мы, епископы, быть может — все без исключения, и по своим симпатиям, и по строю своих воззрений, и по укладу жизни, и по особым оттенкам религиозного чувства, несравненно ближе стоим к белому духовенству, нежели к черному? Монастырское монашество, в лице своих наиболее просвещенных и достойных представителей, подвижников, очень далеко стоит от иерархии, и уже, если вести речь об интересах, то и духовные, и материальные, и правовые интересы монастырей и монашества — вот что остается сравнительно в пренебрежении у нашей иерархии. А между тем пастыри народные, из народа вышедшие и ему понятные и близкие, — суть именно эти монастырские подвижники, настоятели и старцы, избранники братии, далекие от того «бюрократического строя», против которого кстати и некстати стараются теперь писать и говорить все умеющие и не умеющие делать то и другое.

Если сосчитать число приемов, число резолюций, число часов, которые каждый епископ уделяет белому духовенству сравнительно с черным, даже в тех епархиях, где найдется наибольшее число монастырей и монахов, то пропорция будет огромная, не менее 50 к 1. Упоминаем об этом не для осуждения кого бы то ни было, ибо и самого себя не исключаем из общей участи. Это весьма естественно и неизбежно; но пусть же закроются уста или заведомо лживых или крайне поверхностных писателей, которым непременно хочется представить архиереев мрачными отшельниками, созерцающими загробный мир и не желающими знать настоящего.

Прибавим к этому, что половина иерархов — вдовцы, вдовые священники, уже в преклонном возрасте изменившие семейную жизнь на одинокую и принявшие монашеское звание вместе с начальственною должностью незадолго до архиерейской хиротонии, и уже потому лишенные возможности не только удалиться от суетного мира, но даже и ознакомиться с монастырским строем, которому они по большей части вовсе не сочувствуют.

Итак, не в осуждение кого-либо, а ради выяснения настоящего положения дел должно признать, что главная деятельность и внимание наши, и наши симпатии поглощаются заботами о белом духовенстве, и притом преимущественно о его внешнем, материальном, правовом и сословном положении, а потому ни о каком ущербе для его интересов не может быть опасений не только на церковном соборе, но если бы речь шла о чисто сословном, государственном представительстве архиереев от имени духовенства.

Либеральные духовные писатели любят жаловаться на грубое, жестокое отношение епископов к белому духовенству и объясняют это монашеским званием. Допустим, что такое отношение иногда встречается, но монашеское звание тут ни при чем. Наибольшею строгостью и требовательностью отличаются иерархи из священников. Упомянем из них весьма просвещенных, мудрых и справедливых, но беспримерных в отношении требовательности, недавно почивших преосвященных Иринея, Митрофана, Владимира Нижегородского и подобных. Дело в том, что принятый до последнего времени способ отношений епископов к духовенству (белому и черному, и к последнему гораздо строже) выражает собой вообще начальническое отношение в духовном сословии. Ректора-протоиереи, смотрители статского звания, благочинные и члены консистории относятся к подчиненными таким же тоном с соответственными каждому званию оттенками. Армейское духовенство в отношении своего высшего начальника бывает поставлено совершенно так же, как приходский священник к архиерею, а наибольшая степень неудовольствия приходского духовенства бывает обыкновенно направлена не на архиерея, а на благочинного да на секретаря консистории. Не спорим против того, что и епископы должны бы иначе относиться к членам клира; но существующие недостатки в этом деле ничего общего не имеют с монашеством епископов, а выражают собою недостаток того сословия, к которому принадлежат и епископы и клирики, — хотя и лучшего из всех сословий государства, но, конечно, не чуждого недостатков.

Требование участия на предстоящем Соборе священников и мирян основывается, впрочем, не только на сословных притязаниях духовных декадентов, но якобы и на интересах церковной жизни.

Именно в духовной и в светской печати не стесняются заявлять, что современные русские епископы не могут быть выразителями церковного сознания, как бюрократы, разобщившиеся с обществом и со всей своей паствой, как даже не вполне законно поставленные епископы, которые, как добавляют некоторые, должны перед Собором сложить с себя свое звание и ждать нового избрания себя духовенством и паствой.

Скажем прежде всего, что если бы наши епископы были действительно не вполне законные, то каковы же поставленные ими иереи, какова воспринятая этими иереями паства? — *Аще Аз о веельзевуле изгоню бесы, сынове ваши о ком изгонят?* (Мф. 12:27). И как могли бы восполнить духовные немощи незаконных архиереев поставленные ими же иереи и миряне? — Но, к счастью, и восполнять нечего. Мысль о необходимости выборных епископов не только не основана на божественных канонах, но, напротив, противоречит им. Иереи, пожалуй, выбирались паствой и представляемы были на утверждение епископу, так что протестующие против иерархов либеральные батюшки пусть на себя примут укор, обращенный к епископам, а епископы избираются епископами же и утверждаются митрополитом, а митрополит — патриархом, как совершенно ясно выражено в 4-м правиле I Собора, в 28-м IV, в 3-м VII («Имеющий произвестися во епископа, должен избираем быти от епископов, якоже святых отец в Никеи определено... Утверждати же таковые действия в каждой области подобает ее митрополиту»), 19-м и 23-м правилах Антиохийского собора, 13-м Карфагенского и 12-м Лаодикийского. При этом советую нашим духовным республиканцам прочитать и следующее 13-е правило Лаодикийского собора: «Да не будет позволяемо сборищу народа избирати имеющих произвестися во священство». Отсюда видно, что избирание иерея народом было правом не прихожан, а епископов; прихожане только рекомендуют с согласия епископа кандидата или опрашиваются им в случае подозрения за кандидатом противоканонического порока, как это видно из 61-го правила Карфагенского собора, 7-го правила Феофила Александрийского. Тот же смысл имеет и постановление: «Хорошо, если (избираемый) будет иметь и одобрение от народа». Апостол Павел желает, чтобы и внешние, т. е. язычники, давали доброе свидетельство о епископе и пресвитере; но это не значит, чтобы миряне верующие или даже язычники были полномочными избирателями иерея и тем более епископа. О выборе последнего в вышеприведенных правилах прямо указано, что избирателями являются епископы, и если нет между ними единогласия, то предпочтение получает избранный большинством епископов (I Всел. Соб. пр. 6-е и др.). *А если клир и народ такого епископа не примут, то весь клир отлучается* (Апост. пр. 36-е).

Итак, то обстоятельство, что епископы у нас не выборные, нисколько не препятствует им быть представителями своих церквей, ибо так было и изначала. Современные духовные либералы не могут этого понять, ибо они сами

чужды церковного сознания и хотят видеть в каждой поместной Церкви ни более, ни менее, как правовую группу парламента; но каждая поместная Церковь есть нечто совершенно иное. Она вовсе не исчерпывается суммой наличных членов своих, но, вмещая в себе и живых и мертвых, а наипаче Божий закон, данный о Церквах во святой Библии и в священных канонах, она и представителем своим мыслит епископа не потому, что он нравится народному множеству, а потому, что он воспринял преемственно апостольскую благодать. Вот почему епископы апостольских престолов всегда мыслили себя представителями и послушниками апостолов: римские и антиохийские — Петра, александрийские — Марка, иерусалимские — Иакова, византийские — Андрея; епископы Церквей позднейших мыслят себя представителями святых основателей кафедры, или прославивших кафедру благодатными дарами: московские — св. Петра митрополита, иркутские — св. Иннокентия, тверские — св. Арсения и т. п. Хорошо, конечно, если епископ знает свою паству, но сие нужно для врачевания ее, а не для исповедания веры, не для изъяснения и восстановления святых канонов, которые соблюдать нерушимо он клялся при поставлении, как того требует 2-е правило VII Собора, как то исполняют и пресвитеры, давая присягу, к сожалению, забытую нашими духовными декадентами.

И вот это-то пренебрежение к учению церковному, это мирское республиканское настроение новаторов и побуждает нас обнаружить истинно-церковное учение о том, что на Соборе подобает быть только епископам. Чего ожидать, если явятся туда эти декаденты духовные и, не приведи, Боже, светские? Не зная вовсе учения веры, ни святой Библии, не желая знать святых канонов, о восстановлении которых они же заговорили было с таким искусным притворством, эти отцы и господа, конечно, не иного чего начнут домогаться, как того, о чем они пишут в газетах и журналах, уже сознательно восставая против священных канонов, а следовательно, и против Православия. Им хочется иметь женатых архиереев, двоебрачных иереев, упразднения святых постов, упразднения монашества и преобразования святых обителей в приюты для вдов духовного звания (священник А. Л. в «Новом Времени»), окончательной секуляризации духовной школы от духовного воспитания и превращения ее в чисто сословную светскую; им даже хочется автономии духовных академий с полной свободой отрицания всех догматов, по образцу столь любезного этим писателям Тюбингенского университета; наконец, батюшки на съездах заявляли желание ходить в светской одежде (рижские съезды), посещать театры (протоиер. Светлов в «Богосл. вестнике»), беспрепятственно расстригаться и снова приниматься за священство, мало того — не поминать в церкви Государя, сократить священные службы до возможной степени, упразднить почти все священнодействия, особенно архиерейские, и пр. (заявление московских иереев). Далее идти, кажется, некуда. Несомненно одно, что если подобные речи будут раздаваться на Поместном Соборе, то Церковь отзовется о нем не как о соборе церковном, а как она отзывалась об иконоборческих скопищах; и на сие скопище придется вновь собрать собор, что-

бы его осудить, как собирался VII Вселенский Собор «на извержение и на отвращение безбожных догмат христоненавистных и христианооглагольников, иконоборцев, Копронима же и ему смудрствующих окаянных епископов и несвященных иереев и всего их беззаконного и скверного соборища».

Итак, не ради умножения епископской чести, а ради сохранения чистоты божественной веры мы восстаем против допущения на Собор кого бы то ни было, кроме епископов, а противоположные домогательства имеют именно противоположную цель: изменить самый богоучрежденный строй христианства, изменить самые каноны. Без всякой церемонии это выразил академический воспитанник Гринякин в майской книжке «Миссионерского Обозрения». Перечислив некоторые каноны, которыми осуждается наш строй жизни, автор требует созвания собора вселенского, но вдруг, взамен того, чтобы указать средства для возвращения жизни в послушание евангельской вере, совершенно неожиданно предлагает все эти каноны на ожидаемом соборе отменить *, т. е. отменить и самое Православие, сущность которого они выражают и на верность которым присягают все клирики.

Если желающие участвовать на Соборе священники и профессора заботятся о собственных служебных льготах и сословных преимуществах, то светские писатели желают там видеть мирян уже с совершенно антииерархическими и антисословными целями.

Так революционное «Общество христианской борьбы», в котором, впрочем, участвуют два-три духовных профессора, прямо предъявляет Собору требование первым делом «осудить самодержавие, как вполне противоречащее христианству». Это противоречие просвещенные авторы «воззвания к русским епископам» находят в том, что требования самодержавного Царя безусловны, и что их нельзя не исполнять безнаказанно, хотя бы они противоречили заповедям. Авторы почему-то упускают из виду, что таковы же требования всякого правительства, например французского, уже прямо направленные против религии, и что даже в учебном катехизисе предписано таких требований не исполнять, а отвечать на них словами апостолов: *Судите: аще праведно есть пред Богом, послушати, вас паче, нежели Бога?* — Такова одна часть мирян, желающая проникнуть на Собор; а другая — это наши доморощенные богословы «Нового Времени», уже открытые нигилисты, отрицатели догматов, будущей жизни, святых таинств, евангельских чудес, всего Ветхого Завета, принципиальные эротоманы, современные николаиты, интеллигентные хлысты, требовавшие на страницах «Нового Времени» таких невероят-

---

* В том числе и 7-е правило IV Собора, извергающее иа Церкви всех посвященных в стихарь питомцев духовной школы, но уклонившихся от принятия священного сана и принявших звание мирских чиновников. К сему следовало прибавить еще 40-е правило Собора Карфагенского, извергающее чтецов, вопреки приказанию епископа отказывающихся от высших степеней служения, а также 10-е, воспрещающее чтецам оставаться холостяками, но требующее от них или супружества или обетов девства. Спрашивается, как могут участвовать на Соборе эти члены, подлежащие тройному извержению и даже отлучению от Церкви? А они всего настойчивее домогаются равенства с епископами.

ных вещей, чтобы после таинства брака супружеское совокупление совершалось в самом храме Божием, вероятно — при огромном количестве любопытных зрителей.

Я думаю, что если бы для участия на Соборе пригласить в полном составе любую каторжную тюрьму, то она не могла бы в такой степени опозорить нашу святую веру и прогневать Бога, как подобные кандидаты в члены Поместного Собора.

А благочестивые, смиренные миряне, народ, который в «Послании восточных патриархов» именуется хранителем веры? Он, не будучи богословом, и сам уклонится от воспрещенного мирянам, и скажет: ваше дело учить, а наше — поучаться.

Итак, на основании прямого учения Божественного Откровения, а также принимая во внимание современное положение вещей, никто, кроме епископов, не должен быть допущен на Собор. При ложном направлении богословской науки, уже давно подпавшей влиянию латинства и протестантства, дай Бог и нам-то, епископам, сговориться единодушно, без разделения и раскола. В этом нам поможет Бог и то обстоятельство, что мы не заканчиваем в школе своего духовного развития, а продолжаем его, учась уже у самой Церкви через чтение слова Божия, святых отец, богослужебных книг и — пастырского опыта. Епископство и доныне остается хранителем неповрежденной веры, и сиего вооружает против него сознательных и несознательных врагов Православия.

Вторая докладная записка

Изложив в особом докладе свое заключение по первому пункту данных епархиальным архиереям от Святейшего Синода запросов при циркуляре № 8, имею долг доложить нижеследующее по дальнейшим пунктам.

Пункт 2. О разделении русской Церкви на митрополичьи округа

Мысль эта опирается на слишком большую централизацию церковно-административных дел в Петербурге, где эти дела по необходимости иногда встречают формальное отношение при неосведомленности столичного управления о некоторых обстоятельствах провинциальной жизни и о самых лицах, касательно которых приходится что-либо решать.

Другого рода польза от устройства митрополичьих округов имелась в виду с точки зрения судебно-апеллятивной.

Именно, митрополичий собор должен будет рассматривать жалобы на архиереев в присутствии самого обвиняемого. В настоящее время Св. Синод, стараясь поддерживать авторитет епископов, затрудняется производить над ними следствие через уполномоченных лиц, а потому всякие неправильные действия епископов, которые не касаются каких-либо бумажных промахов и на бумаге всегда могут быть оправданы, остаются без всякого вменения.

Изменить такого рода положение дел весьма трудно, ибо Св. Синод, не обладая иным способом воздействия, кроме чисто юридического, бумажного, должен или поддерживать вышеуказанную практику, или подвергать епископа юридической каре, что̀ совершенно может расстроить епархиальную дисциплину и поощрять уже и без того укоренившуюся страсть к доносам недостойных клириков.

Напротив того, изустный суд или простое рассмотрение жалобы в присутствии обвиняемого прежде всего гораздо удобнее раскроет сущность дела, а затем даст возможность восстановить справедливость, не понижая авторитета обвиняемого епископа, — и, что особенно важно, оградит епархию от повторения подобных неправильных действий епископа, хотя бы и не противоречащих прямо и открыто букве закона, например излишней грубости обращения, недоступности, светского образа жизни, или, напротив, попустительства, допущения временщиков и т. п. Священные каноны выработали весьма подходящую формулу для подобного рода действий митрополичьих соборов: «таковому братолюбно сказать слово прещения» (19-е пр. IV Соб.).

Что касается вопроса о том, какие дела из ведения Синода передавать митрополичьему собору, то это лучше выяснится на самом Поместном Всероссийском Соборе. Приняв во внимание, что означенные митрополичьи соборы будут не постоянным учреждением и не многолюдным собранием, но, вероятно, получат характер архиерейских съездов по два раза в год на несколько дней, Св. Синод всегда будет иметь возможность передавать на решение таковых съездов все дела, какие сам заблагорассудит, а постоянному ведению митрополичьих соборов можно вручить, во-первых, утверждение в должности тех лиц епархиальной службы, для коих недостаточно, по принятым теперь воззрениям, утверждения одного епископа, например членов консистории, настоятелей и настоятельниц монастырей, начальников и начальниц духовно-учебных заведений, исключая ректора семинарии, епархиальных наблюдателей и т. п.; во-вторых, лишение сана клириков по приговору епархиальных начальств, причем должно освободить лишенных сана от всех гражданских ограничений и подвести их под те правила, которые существуют в государственном законодательстве для добровольно снимающих с себя сан, а таковое добровольное снятие сана совершенно упразднить, как противоречащее православному понятию о благодати священства и подвергающее отступника по 7-му пр. IV Всел. Соб. анафеме, а по Кормчей и по древним церковным толкователям — воспрещению христианского погребения и церковных молитв за упокой его души. Посему вдовых священников, не могущих обойтись без сожития, и всяких вообще клириков, впавших в сомнения о вере, должно лишать сана, не подвергая гражданским ограничениям, кроме вышеуказанных. Дела о разводе супругов тоже следует изъять из высшего церковного управления и передать в епархиальное, апелляции же по ним — на митрополичий собор как на окончательную инстанцию.

По смыслу канонов, митрополичий собор ведает избрание епископов, но, ввиду немногочисленности кандидатов на архиерейский сан в каждом округе

и немногочисленности епархий, входящих в состав округа, сие дело следует оставить в России за высшим церковным учреждением, т. е. за Патриаршим Синодом.

Митрополитов, по нашему мнению, должно иметь в следующих городах: 1) в Новгороде или Петербурге (последнее в том случае, если патриарх будет в Москве, первое — если патриарх будет в Петербурге); 2) в Москве или во Владимире (тоже в зависимости от местопребывания патриарха); 3) в Киеве; 4) в Казани; 5) в Харькове; 6) в Тифлисе; 7) в Томске.

Экзарху Грузии должно предоставить особые права над епархиальными епископами Кавказа, причем едва ли следует доверять заявлениям грузин о бывшей долгое время автокефальности Иверской Церкви, ибо сие опровергается весьма ценным историческим документом XVII века: «Пребывание в Грузии патриарха Макария Антиохийского» (смотр. «Православный Собеседник» 1905 г. январь—март). Митрополитам должно предоставить: 1) делать епископам братские внушения даже помимо собора; 2) посещать церковные торжества епархий округа по приглашениям епископов; 3) сомнительные дела окружного ведения передавать, по своему усмотрению, в Патриарший Синод.

При сем было бы весьма желательно поселить епископов викарных в города, коими обозначается их титул, и предоставить им в одном или в нескольких уездах полную самостоятельность, насколько таковая возможна при наличности одной только консистории в целой губернии.

О необходимости урегулировать положение викарных епископов, в настоящее время совершенно бесправных и почти бесполезных, и древней Церкви Христовой неведомых до недавней эпохи подражания еретическому Западу, а в православных восточных Церквах и поныне не существующих, — было говорено со справедливою горячностью покойным митрополитом Иоанникием на собрании 24 епископов в г. Киеве 9 ноября 1899 года. С согласия всех собравшихся митрополит Иоанникий обещал возбудить о сем соответственное ходатайство, но последовавшие затем болезнь и кончина святителя оставили сие намерение не исполненным.

Заключая речь о митрополичьих соборах, мы выразим пожелание, чтобы сии соборы в отношении к епархиальньным епископам имели характер не столько юридической власти, сколько нравственного руководства и духовного авторитета.

По 3-му пункту

Должно помнить, что таковой же нравственно-руководственный характер не может быть чуждым епархиального суда над священниками и прочими клириками — в противовес судам гражданским, которые и прежде руководствовались не христианскими началами, а римским правом, а в настоящее время стараются отрешаться от всякого нравственного начала и принимают характер формально-утилитарный.

Дело о реформе духовного суда в 70-х годах и изданные в то время два тома «Мнений преосвященных архиереев о реформе духовного суда» нам пришлось изучать довольно обстоятельно, и мы совершенно согласны с мнением огромного большинства тогдашних епископов о полной неуместности той попытки лишить церковный суд его отличительных особенностей от суда гражданского и, так сказать, омирщить его.

Неизменным юридическим кодексом для церковного суда служит «Книга Правил»; и если суд над клириками по сей книге будет происходить с тем характером абсолютной юстиции (fiat justitia, pereat mundus), — то всякое судебное дело будет кончаться лишением сана виновных, ибо по сей книге должно извергать из сана всякого иерея, если он хоть раз упиется, нарушит пост среды или пятка, возьмет лихву, пойдет на охоту или на зрелище и т. д. Предоставить смягчать приговоры вселенской Церкви суду формальному совершенно невозможно; это доступно, да и то с сомнением, только духовнику и епископу.

Последнему приходится по большей части просто заминать или нарочно не доводить до конца те весьма многочисленные в каждой епархии дела, которые по прямому смыслу канонов должны бы оканчиваться лишением сана, если бы докапываться до окончательного раскрытия преступления с такой же настойчивостью, как это делается в судах гражданских. Потому епископ, заметив, к чему направляется дело, спешит переводить священника на другой отдаленный приход, наказав его епитимией как бы за ту сравнительно несущественную часть его проступков, которая успела выясниться сразу, например немилолюбивое отношение к некоторым прихожанам, недостаточно благоговейное отношение к церковной службе и т. д. Изменить такой порядок вещей и восстановить каноническую строгость во всей силе возможно будет лишь тогда, когда священство перестанет быть сословной профессией, за которую принимаются юноши и лишение которой делает многосемейного интеллигентного человека нищим и общественным отщепенцем. Меня спросят: а как же неизменные святые каноны оставить без исполнения в духовном суде? Ответим: приходится действовать так с искренним сознанием, что мы допускаем злоупотребление, в коем выражается одна из многих духовных болезней современной русской Церкви. Посему нам подобает не горделивый взгляд на церковные каноны, как на пережиток старины, но взгляд умовательный, исполненный сокрушенного покаяния, — как на утраченное совершенство, возвратиться к которому, возвыситься до которого мы должны. Конечно, после многих отступлений (правда, насильственных) поместной Церкви от богоучрежденного порядка, такое возвышение, являющееся целью и нашего Собора, возможно только постепенно.

По идее священства, в пресвитеры выбирается лучший из старцев приходской общины; а выносить на себе всю строгость правил, подходящих для такого избранника, — легко ли заурядному молодому человеку, а особенно раннему вдовцу, каковые и являются по большей части подсудимыми в епархиальном суде?

Посему, отрицая возможность коренного изменения следственного порядка в духовном суде, мы почитаем удобопоправимым лишь способ судебного приговора, который в большинстве епархий зависит не от присутствия консистории, а от судебного стола ее, и определяется либо столоначальником, либо секретарем консистории, либо членом, ведающим судебный стол. При некоторой невнимательности иерарха к делам, во всех этих трех случаях легко возможно пристрастие и взяточничество, так как прочие члены консистории редко заслушивают дела, исходящие из чужого стола, и зачастую подписывают их, не читая. Посему желательно, чтобы судное дело (хотя бы проект окончательного протокола) действительно заслушивалось в заседании; осуществить же сие возможно, по нашему мнению, тогда, если в епархиальном городе учредить, кроме приставленного к тому члена консистории, еще трех духовных судей, которые заслушивали бы все судебные дела, собираясь хотя бы раз в неделю, таким же порядком, каким, по теперешнему Уставу консисторий, должны бы заслушать ее члены. Означенных судей мог бы выбирать епархиальный съезд из уважаемых духовных лиц епархиального города, причем можно и остальных членов консистории не лишать их прежнего права слушания судебных дел. Но при этом измененном порядке явится то преимущество, что судебные заседания будут собираться, что̀ теперь по консисториям бывает не всегда и не везде. Думаем, что означенные духовные судьи могут служить без всякого вознаграждения.

Что касается до упомянутой в циркуляре «организации такого действенного епархиального органа епископской власти, который бы объединял в своем ведении область епархиального управления», то мы сему, безусловно, не сочувствуем. Напротив, мы полагаем, что и существующими административными учреждениями епархиальный архиерей должен пользоваться как можно меньше, а должен сам непосредственно входить в отношение с обращающимися к нему письменно и устно лицами. Новый орган управления еще более отдалит епископа от жизни паствы, еще более сделает его управление бюрократическим, еще более умножит количество бесполезной бумажной переписки. Чем менее архиерей сдает дел в консисторию, тем лучше для Церкви; так, определения на места, переводы клириков с места на место, различные решения по делам богослужебным — о крестных ходах и т. п. должны идти вне консистории и сдаваться туда уже в решенном виде. Жалобы на священников следует в большинстве случаев сдавать прежде всего на объяснение обвиняемым, да и всю переписку с причтами направлять по возможности прямо из архиерейской канцелярии.

Что касается миссионерских комитетов и епархиальных братств и т. п. учреждений, то, где мы их ни видели, это были учреждения дутые, искусственные, бесполезные, занимавшиеся в худшем случае взаимными перекорами и тормозившие деятельность миссионеров, а в лучшем случае — делами декоративными, помпозными, в виде торжественных заседаний с чтением дутых отчетов, либо составлением адресов разного рода юбилярам.

Мы, конечно, не говорим о закрытии сих учреждений, но о том, что осложнять управление ими через какой-либо новый орган — значит только умножать служение духу праздности.

Но дальнейшему запросу о благоустройстве прихода и о выборных священниках написано очень много в нашей периодической литературе, а раньше — в ученых трудах г. Папкова. Исходная мысль этих проектов симпатичная — восстановить приход как дружное братство единоверной общины, как некое отражение вселенской Церкви, Тела Христова, в небольшой духовной семье, объединяемой духовным отцом — священником. Но, к сожалению, и в этом вопросе, как и в вопросе о составе предполагаемого Собора, авторы, начав речь о церковных канонах, быстро забывают, или стараются забыть, свою исходную мысль и переходят к тому, чтобы водворить в церковной жизни парламентерство, т. е. всеобщую борьбу за власть и право там, где предписана Господом взаимная уступчивость, послушание и отречение от себя. Требуются права для прав, свобода для свободы — при отсутствии в сознании авторов всякого содержания той церковной жизни, для которой они желают всеобщего деятельного участия.

Не обобщаем этой характеристики на ученые труды Папкова, которые изъявляют притязание на очень скромное нововведение — признание прихода, т. е. общества прихожан (под председательством священника, прибавим мы), за юридическое лицо, имеющее право собственности. Это было бы, пожалуй, затруднительно, если бы сие право было распространено на имущество церкви и на недвижимое имущество причта; но, к счастью, на сие не заявляется притязания. Разосланный архиереям проект устройства православных приходов в Финляндии может быть допущен и в России, ибо здесь ведению приходского собрания подлежит не имущество храма, а право самообложения, так что большая часть параграфов говорит именно о последнем. Собрания собирает и на них председательствует священник, так что с иерархической точки зрения финляндский проект не вызывает возражений, хотя он и скопирован с приходов лютеранских. Требуются только некоторые изменения касательно власти губернаторов, а также и насильственного обложения прихожан и особенно взыскания по сим обложениям. Против подчинения церковным советам старост, ревизоров и даже церковно-приходских школ едва ли следует возражать.

Но при этом должно помнить, что устройство подобных церковных советов и собраний само по себе вовсе не явится тем возрождающим началом, той панацеей замершей церковной жизни, как на то рассчитывают либеральные, поверхностные писатели и журналисты. Приходская жизнь замерла не вследствие упразднения таких советов и собраний, а при оскудении духовной жизни в пастве, при оскудении самой религии. Совершенно напрасно вопиют газеты и даже духовные академические издания о каком-то насильственном, как бы клерикальном, лишении мирян всякого участия в церковной жизни. Не мирян отдалили от нее, а они сами отдалились, отдалились от Бога, от молитвы, от постов, от говения: что же им за интерес участвовать в жизни своего

прихода? Правда, можно винить духовных отцов в недостаточно одушевленной борьбе против духовного вырождения паствы — это другое дело; но думать, что в наше время только потому Константина Острожского и Кузьму Минина сменили Петрункевичи, Л. Толстые и С. Трубецкие, что у нас прихожане не имеют значения юридического лица и (это особенно) права выбирать клириков, — это смешно и глупо, а между тем по газетам выходит именно так, и мало того — выражается уверенность, что при восстановлении этих двух условий наше общество возвратит себе духовную ревность эпохи Алексея Михайловича, от которой мы разнимся почти в той же мере, как древние язычники от древних христиан.

Глубокое нравственное растление, полное омирщение, маловерие и внедряемая ложным воспитанием гордыня — вот те новые качества современного общества, которые отличают его от сынов древней Руси, представлявшей собой как бы один огромный монастырь, преданный почти исключительно церковной жизни. Мы охотно допускаем, что осуществление у нас финляндского проекта будет благоприятным условием для восстановления дружной церковной жизни; но значение его не будет превышать значимости пожертвованного рубля на дело, требующее тысячерублевой затраты.

Что касается приходов чисто крестьянских, то несправедливо и утверждать, будто они вовсе безжизненны. Напротив, не только в Великороссии, где во многих приходах живут еще по Домострою, но и в западной Малороссии, обращенной 100 лет тому назад от униатской ереси, при наличности доброго, чадолюбивого духовного отца, прихожане составляют дружную духовную семью, объединяющуюся не только в молитве и в общем попечении о благолепии храма и церковном пении, но и в делах призрения вдов и сирот, в контроле над поведением юношества, в заботах о церковно-приходской школе, в борьбе с иноверной пропагандой (например, папизма) и т. д., а особенно в общей любви, преданности и послушании духовному пастырю, что̀ весьма утешительно, но, конечно, не для маньяков парламентаризма и республики, которые не могли бы переносить христианского догмата, изложенного в изречении апостола: *Сице и послушанием единаго праведни будут мнози* (Рим. 5:19), если б они знали какие-нибудь апостольские изречения.

Одушевленная и деятельная приходская жизнь бывает там, где есть добрый пастырь: тогда постепенно явится и разумная организация, которую, конечно, должна поддерживать и высшая власть; но формальное внедрение такой организации при скудости христианского содержания в общине даст очень-очень мало, как это и видно из современного состояния наших малороссийских церковных братств и великороссийских церковно-приходских попечительств, существующих по большей части только номинально — для питания наивного честолюбия сельских жителей. Возвышение духовной жизни паствы у нас возможно еще при теперешнем укладе жизни сельской; возможно ли оно в городах, или там жизнь обречена на окончательное отделение от Церкви и даже на отлучение от нее, — это другой вопрос. Но, во всяком случае, действующей силой здесь должна быть пастырская ревность и пастыр-

ское искусство; а начать дело с внешней организации — это все равно, что сшить ребенку огромный сюртук и шапку и думать, что он из-за того сделается взрослым человеком.

С мыслью о необходимости найти добрых пастырей, окружаемых доверием, уважением и любовью паствы, согласны и духовные публицисты; средством к этому они полагают учреждение священства выборного. Самое таинство хиротонии один из подобных писателей (автор рассказа «Лиловый священник» в «Рассвете») толкует в смысле народного избрания через поднятие рук (хиротония), совершенно упуская из виду молитву: «Божественная благодать... проручествует» и прочее, что̀ говорит архиерей, простирая *свою архиерейскую* руку на главу посвящаемого.

Писатели из либеральных иереев, маскирующиеся в единомышленников «освободительного движения», а на самом деле всегда занятые своими сословными интересами, принуждены в число требований своей республиканской программы тоже вводить «выборное начало», против которого так недавно еще ратовал «Церковный Вестник», главный орган этой партии. Теперь приходится переменить фронт; но упоминание о выборном начале ограничивается у них этими двумя словами, и затем речь быстро переходит на другие предметы сословно-утилитарного характера, чем оправдывается заявление покойного старого публициста Елагина о том, что белое духовенство, начав писать или говорить о нуждах церковных, затем тотчас же сводит дело к своим собственным сословным нуждам, по большей части противоположным нужде церковной.

Остановимся же на мысли о выборном духовенстве по существу, хотя и кратко, ибо и по записке, разосланной при синодальном циркуляре, очередь за этим предметом. Несомненно, что правильная жизнь Церкви, исповедующей веру в исполнение Святым Духом всей своей жизни, веруя в полную святость и непогрешимость Церкви вселенской, хранит веру в присутствие благодатной силы и в Церквах поместных, в епархиях и в церковных общинах, ибо Неложные Уста сказали: *Идеже бо еста два, или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их.* Община носит в себе некий дар благодати и, имея среди себя несколько человек, всецело посвятивших себя духовной жизни, постоянно изучающих слово Божие и пребывающих в молитве, выбирает лучших из них в клир, а лучших из низших клириков — в диаконы, а лучших из диаконов — во пресвитеры. Насколько разнится теперешняя практика ставить юношей-мирян прямо во священники — с законом Церкви, это видно из 10-го правила Сардикийского Собора, которое требует, чтобы епископ и пресвитер не прежде поставлялся, как совершит служение чтеца и диакона. «Очевидно, что для каждой степени чина должно быть предоставлено не слишком малое время, в продолжение которого могли бы усмотрены быть его вера, благонравие, постоянство и кротость, и он, быв признан достойным божественного священства, получил бы величайшую честь» и т. д. Наименьший возраст для иерея полагается канонами — 30 лет. Исключения делались только для чрезвычайных духовных дарований или, выражаясь по-современному, для «религиозных талантов».

В общинах единоверческих и раскольнических приведенные правила стараются соблюдать в точности, потому что в тех общинах есть подходящий к тому контингент. Был он и в православных общинах, пока богословское просвещение не монополизировали устроенные сперва на латинский, а потом на протестантский лад семинарии. С тех пор священники стали очень учеными (хотя вовсе не в духовном отношении), а миряне очень невежественны. Посредствующее начало между пастырем и паствой, т. е. клир, стал постепенно терять свое значение как ближайших кандидатов на иерейский сан и начал мало-помалу приближаться к тому положению, которое он имеет у латинян, т. е. положению только церковных певцов — вовсе бесправных, что̀ особенно заметно в нашем западном по-униатском крае. Говоря искренно, в устроении церковных общин мы так удалились от истинного Православия, что восстановление древнего православного строя может быть лишь целью постепенного приближения к нему со стороны церковных деятелей, а не мгновенного поворота.

Начать восстановление православного приходского строя с введения выборного начала — значит предлагать тяжко больному жирную грубую пищу, полезную для атлета-рабочего, но смертельную для тифозного клиента. Наша церковная община для избрания достойного пастыря теперь *неправоспособна*; напротив, избирательное право будет причиной глубокой деморализации (развращения) паствы и самого нежелательного понижения уровня духовенства.

Мы утверждаем, что та и другая опасность грозит нам как в том случае, если за выборными священниками будет сохранено требование образовательного ценза, так и в том, если таковое требование будет отменено. В последнем случае простодушных крестьян будут располагать в свою пользу, во-первых, всякие духовные и полудуховные проходимцы — выгнанные монастырские послушники, невежественные и пьяные дьячки, затем честолюбивые мужики — мироеды, мелкие торговцы, умеющие угостить народ и показать им свое искусство петь на гласы и читать по-славянски. Ведь бо́льшего народ не сумеет потребовать от будущего иерея.

Можно себе представить и то, какая ненависть поселится сейчас же между прежним сословным духовенством и этими избранниками. Ведь в число последних будут стремиться все те, сильные, честолюбивые и весьма порочные натуры, которые прежде делали себе карьеру по торговой части, а за последнее время являются в виде вожаков сект (см. Шугаевского: «Вожаки штунды» — «Миссионерское Обозрение» май 1903 г.), торгующих совестью и губящих легковерные души. Преимущественно перед другими достойнейшими эти лицемеры, не твердые даже в догматических верованиях, будут становиться во главу приходских общин в качестве священников и затем отторгать их от тела Церкви в раскол и секты.

Впрочем, таких случайных священников желает не вся наша церковная оппозиция, а только светские ее представители, выродившиеся из когда-то славянофильского лагеря, а теперь обратившиеся в декадентов-николаитов.

Духовные либералы, по-видимому, желают и от выборного духовенства требовать богословского ценза. Это, конечно, будет уже безопаснее для целости Церкви, но зато совершенно бесцельно с точки зрения самого принципа выборов. Выборы, когда они будут уместны, имели бы то преимущество, что священство перестало бы быть предметом житейской профессии, целью учебной карьеры, как бы седьмым классом сословной семинарии, но снова получило бы характер апостольского призвания, когда смиренный и благоговейный мирянин не по своей воле, а по призванию Церкви, оставит все житейские попечения и всего себя отдаст на служение Богу и Церкви, когда, в случае своего нравственного падения или болезни, он будет иметь возможность оставить свое служение и возвратиться к тому заработку, которым он пропитывался раньше в своем прежнем доме, со своей семьей, продолжавшей и потом его прежнюю профессиональную работу. Не говорим уже о том, что послушание русских прихожан таким бескорыстным пастырям, ведомым им еще смолоду за мужей благоговейных, будет послушанием безусловным, подобным послушанию монастырскому.

Теперь скажем: какое из этих достолюбезных свойств пастырского служения останется за выборным семинаристом? Ведь за немногими исключениями, когда в приходе после смерти священника останется налицо его родич, окончивший курсе, — все дипломированные искатели священства будут неведомы избирателям, и способ угождения первых последним в чем будет состоять, как не в давно известном, разлюбезном и — увы! — в подобных случаях почти всесильном у нас прибежище всех избранников, т. е. в хмельном зелье, в спаивании избирателей, которое при наличности многих кандидатов превратится в такой аукцион, что небу станет жарко, а для кого это будет полезно, кроме акцизного ведомства? Обратите внимание и на общество искателей священства. Конкуренция между ними неизбежна как в тех епархиях, где есть избыток кандидатов, которые предварительно по нескольку лет служат псаломщиками и диаконами, так и в тех, где их недостаток по числу приходов, ибо в последнем случае на приходы бедные семинариста не залучишь, а на приходы достаточные они стремятся еще напряженнее, чем в епархиях первого рода. Почему так? Весьма понятно: в изобилующих духовенством, центральных старорусских епархиях стремление к достатку гораздо слабее у духовных юношей, а готовности мириться с бедностью весьма много. Недостаток образованного духовенства ощущается на окраинах, особенно там, где священники богаты и отдают детей в гимназию, да и семинаристы, воспитанные в достатке у родителей, или уходят на мирские должности, или ищут в священстве прежде всего покойной и сытой жизни. Что делать? Еще когда-то сказано, что «богатым трудно спасаться» (Мф. 19:23), а самоотвержения можно искать всегда скорее среди бедных, чем среди богатых.

Итак, в настоящее время, когда определение на священнические места всецело сосредоточено в одной инстанции, последняя может наблюдать хоть относительную справедливость в предпочтении долее прослуживших на епархиальной службе перед только что окончившими курс, в предпочтении

прилежных учеников семинарии перед плохими; наконец, внимательный епископ может узнавать и по существу благоговейных и богомольных юношей среди других легкомысленных и индифферентных и последним предложить предварительно усовершать себя в духовной жизни, в проповедании слова Божия, в церковном уставе и т. д. — на низших клировых послушаниях.

Конечно, как во всяком земном учреждении, справедливость здесь наблюдается не всегда; бывают случаи, когда на назначение клириков влияют всякие секретари. Но все же при таких печальных обстоятельствах, хотя и скверных, но, по крайней мере, имеющих однообразие, искатель священства будет испытывать меньше затруднений, чем при выбором начале. Даже в самом худшем случае, если в епархиальном управлении при дряхлости или болезненности владыки священный сан достигается через симонию, искатель священства, обладающий чуткой совестью, имеет возможность проситься в другую епархию; а что ему придется делать при начале выборном? Узнавая о смерти священников, с лихорадочной поспешностью гнать из конца в конец родной епархии и по дороге встречаться с товарищами, стремящимися по тому же адресу с четвертями водки в своей повозке. Какие отношения установятся между этими конкурентами? Не будут ли они перед крестьянами, выхваляя себя, поносить друг друга? Ведь иной притащился сюда на последние деньги уже после двух-трех неудавшихся поездок, и если он не привез с собой водки, то и впереди у него одно только бездельное шатание по приходам. А с чем оно еще сопряжено? Ведь эти молодые люди служат либо учителями сельских школ, либо псаломщиками: как они будут совмещать свою службу с разъездами по епархии? и не очевидно ли, что скромные и неспособные к попойкам студенты семинарии, при таком способе определения на священнические места, не будут получать таковых пять-десять лет после окончания курса, а пронырливые и бессовестные их младшие товарищи будут выхватывать приходы из-под их носа?

Обо всем этом не пожелали подумать наши либеральные писатели, как они и вообще не думают о том, что̀ говорят и пишут, а стараются лишь о том, чтобы наговорить побольше всяких радикальных идей и произвести посильнее эффект. Им вовсе не дорога ни Церковь, ни родина, но они испытывают то состояние духа, которое охватывает иногда разошедшуюся пьяную компанию, когда под звуки веселой музыки каждому хочется сорваться с места и удивить публику какой-нибудь новой фигурой самодельного казачка, хотя и при полном отсутствии умения и ловкости.

Выше мы упомянули, что выборное священство, при своей неприменимости в настоящее время, должно, однако, оставаться для нас желательным идеалом церковного устройства. Как же достигать последнего? Нужно стараться о том, чтобы во-первых, дети и юноши, исполненные духовной ревности и обладающие добрыми качествами, не были лишены соответствующего воспитания и чтобы путь к священству или вообще к занятию клировой должности не был закрыт для нарочито благочестивых и преданных вере пожилых христиан после необходимого оглашения их богословскими и канони-

ческими истинами, при испытании их послушания и смиренномудрия в нарочитых монастырских учреждениях. Об этом речь будет дальше.

Что касается до таких улучшений в назначении на пощеннические места и в оживлении приходской жизни, которые можно ввести теперь же, то нам думается, что епископы хорошо сделали бы, освободив кандидатов священства от необходимости с трепетным вниманием спешить узнавать о новых вакансиях и подавать прошение за прошением на каждую из них, пока, после многих неудач, выбор остановится на просителе. Не лучше ли устроить так, чтобы кандидат священства, достигнув необходимых к тому, по местным обычаям, условий (в епархиях, обильных кандидатами — трехлетней службы в сане низшего клирика, в епархиях, бедных кандидатами — просто окончания курса и т. п.), подавал архиерею прошение о священстве с указанием желательных ему условий прихода (уезда, состава населения и т. п.), затем спокойно ждал назначения, а епископ, имея у себя всегда несколько десятков подобных прошений, при каждом известии об освободившейся вакансии перебирал бы все прошения и избирал бы наиболее подходящего к данному приходу.

Кроме того, в каждой епархии имеются исключительно бедные приходы, куда окончивший семинарию пойдет лишь в том случае, если ему отказано будет во всяком другом приходе, но просидит на нем не более двух лет, так что во многих епархиях найдутся приходы, в которых в продолжение 20 лет перебывало по 12 священников. Такова добрая треть приходов Овручского уезда, Волынской епархии. На такие приходы гораздо разумнее ставить священниками благоговейных диаконов, не получивших семинарского образования, но изъявляющих готовность священствовать в бедном приходе до конца своих дней.

Что касается участия прихожан в церковной жизни, то совершенно напрасно либеральные писатели понимают сие участие лишь как административное и экономическое. Жизнь прихода есть общение с Богом прежде всего в молитве, потом в борьбе со страстями, в усвоении добродетелей, в украшении храма, в помощи бедным, в утешении скорбящих, во вразумлении колеблющихся, в обличении нечестивцев, в воспитании детей, в служении старцам, в погребении умерших. Таковы именно постановления божественного апостола к поместным Церквам; прочитайте заключительные увещания его к Солунянам (1:5, 11—23), к Евреям (13:15—18), также к Ефесянам, к Колоссянам и др.; прочитайте 5-ю главу первого послания ап. Петра — и узнаете, что жизнь приходских общин вовсе не заключается в охранении правового порядка, но в общем стремлении к духовному совершенству через духовные подвиги и дела любви.

Пробуждать людей к такому общему деланию должен пастырь Церкви, для чего, конечно, требуется прежде всего ревность Божия, но, кроме того, и познания, коих духовная школа дает ему очень мало, а еще требуются и высшие руководственные указания духовной власти. Между тем у нас нет ни одного «Пастырского руководства», кроме составленного действ. ст. сов. Нечаевым, каковое Учебный Комитет в 1884 году допустил как временное, пока не

появится другого лучшего. Конечно, руководство не сделает ленивых иереев усердными, но неопытных опыту научить может.

Если бы священник предлагал умелым прихожанам читать на клиросе по очереди, другим петь, третьим, по усердию, мыть и чистить храм, четвертым звонить на колокольне; если б он одной старухе посоветовал пойти обмыть заброшенную покойницу-сироту, другой умной женщине — посидеть с осиротелой вдовой; если б убедил богатого человека помочь нуждающемуся, обокраденному ворами соседу; если б всем прихожанам посетовал о том, что в церкви нет иконы новоявленного угодника, и т. д.: то он сделал бы только то, что по частям делают многие добрые пастыри, но чему его никогда никто не учил. А где все это делается, там вовсе не замерла приходская жизнь, но процветает во славу Божию, и процветать она по селам везде будет, где окажутся добрые пастыри; не помешает сему признание прихода юридическим лицом, не помешает введенное не теперь, а в свое время, выборное священство. Но сила духовного возрождения приходской жизни вовсе не в этих юридических формах, о которых только и умеют толковать наши и светские и духовные публицисты, действительно, совершенно выродившиеся в отношении жизни духовной.

Поразительное непонимание предметов духовной жизни со стороны наиболее просвещенных представителей нашего духовенства и богословской науки, совершенное их неумение найтись во всяком вопросе, выдвигаемом жизнью и не предусмотренном в семинарских учебниках, полное бессилие русской богословской мысли в разработке наук, изъясняющих (а не защищающих только) христианство, — все это плод неправильной постановки нашей духовной школы, но на таковой запрос синодального циркуляра мы ответим в особой записке, а эту записку закончим несколькими словами о приобретении церковными учреждениями земельной собственности, об участии духовенства в государственных учреждениях и об епархиальных съездах.

Нам думается, что для приобретения церковной собственности нет никакой нужды обращаться к высшим инстанциям, а тем более беспокоить по таким делам *Высочайшую* власть, но вести подобные дела должно тем же порядком, как приобретают недвижимую собственность торговые и другие учреждения и лица, причем юридическая санкция покупки, дарственного приобретения должна исходить от епархиального начальства, если ценность собственности не превышает суммы в 10 000 рублей; продажа церковной собственности должна быть обставлена более строгим контролем, но в пределах Духовного Ведомства. При сем юридическими лицами сих владений должны быть признаваемы учреждения: церкви, монастыри, учебные заведения, братства благотворительные, миссионерские и другие, разного рода церковные общества и т. д. Те же собственности, делами которых распоряжается епархиальный съезд, например свечные заводы и разного рода прибыльные статьи, должны иметь по-прежнему юридическим собственником епархиальное начальство, потому что, чем более они приобретают хозяев в виде депутатов, ревизоров и управителей, определяемых епархиальным съездом, тем более

немилосердому расхищению они подвергаются. Съезд, встречаясь с чисто уголовными делами по растрате значительных сумм на свечном заводе, избегает заводить судебные дела, избегает даже жаловаться на это архиерею, и, где последний сам не следит за этими отраслями епархиальной жизни, там духовенство — или, вернее, поместная Церковь — бессовестно обкрадывается на главном источнике своих доходов, т. е. на свечном заводе, который фактически остается, как res nullius.

Святейший Синод в своих мартовских заседаниях довольно энергично высказывался в пользу участия представителей Духовного Ведомства в различных выборных органах государственного управления, начиная от высшего и кончая сельским сходом.

Эту же мысль подхватили духовные публицисты, но были чрезвычайно огорошены, когда в одной газете появилась заметка свящ. Арсеньева с приведением 6-го и 81-го правила св. апостол: «Епископ, или пресвитер, или диакон да не приемлет на себя мирских попечений. А иначе да будет извержен от священного чина». Ту же мысль содержит 3-е правило IV Собора и 10-е VII. Здесь возбраняется участие в мирской службе, ради корысти принимаемое некоторыми клириками. Но касается ли это участия духовных лиц в законодательных собраниях по поручению духовной власти и для защиты прав Церкви, да притом без вознаграждения? Конечно, нет. Напротив, в настоящее время скрытой, но весьма напряженной вражды деятельных элементов государственной жизни против религии вообще и особенно против Церкви, весьма полезно иметь представителей последней в совещательных и законодательных органах государства, не исключая и Государственной Думы, хотя здесь положено чинам ее жалованье. При сем следует заметить, что в Думу необходимо ввести и представителей монастырей, как значительных землевладельцев, подлежащих многим обложениям от государства. Однако участие духовных лиц в Думе должно быть обставлено со стороны духовного начальства различными предохранительными правилами, дабы духовный заседатель мыслил себя именно представителем Церкви, а не свободным художником. Впрочем, решение общего вопроса об участии духовенства в государственной жизни, вероятно, будет зависеть не от церковного собора, а от тех же светских законодательных собраний, и едва ли оно будет направлено в благоприятном для Церкви смысле, а посему нет нужды подробно развивать эти мысли, как, по всей вероятности, несбыточные.

Что сказать об епархиальных съездах? Учреждение — в высшей степени привлекательное по своему замыслу, но пока совершенно не удавшееся в своем действительном осуществлении. Попытки некоторых архиереев как-нибудь расширить внимание съехавшихся депутатов или благочинных от чисто-сословных имущественных вопросов на предметы духовной жизни, пастырского руководства, борьбы с ересями и т. п., оканчиваются почти всегда неудачей. Поэтому в восьмидесятых годах духовное начальство постаралось если не вполне отменить, то ослабить эти съезды до возможной степени, и епископы, вручавшие съездам значительные полномочия, держались на плохом счету.

Думается, что причиной такого омирщенного, не церковного характера съездов явилось то обстоятельство, что самое установление их шло в связи с установлением земских собраний и других либерально-правовых и экономических реформ первой половины царствования Государя Александра II. Поэтому и епархиальные съезды приобрели западнический характер, т. е. вращались в интересах сословно-имущественных — правовых, под коими должно разуметь, во-первых, выборную агитацию, а во-вторых — выходки против епархиального начальства. Кроме того, на них постоянно заявлялись требования на обложение монастырей в пользу духовно-учебных заведений, особенно — епархиальных училищ и разных богаделен для вдов духовного звания. Между тем весьма трудно оправдать подобное обложение в пользу сословных нужд даже церквей приходских, а монастыри, как внесословные учреждения, могут быть привлекаемы к пожертвованиям лишь на духовные нужды народа, который их содержит своими пожертвованиями, который был бы вправе ожидать от них бóльших духовных дарований, чем он теперь получает, а наипаче учительства, словесного и печатного.

Итак, возможно ли поправить дело епархиальных съездов? Конечно, нет нужды ограничивать их полномочия по заведованию разными доходными статьями епархиальных сборов, ни уничтожать права самообложения и обложения церквей, хотя бы в тех пределах, какие допущены теперь, а особенно при том условии, если Поместный Собор положит начало духовного и церковного возрождения академий, семинарий и духовных училищ. То, что̀ съезды имеют теперь, пусть и остается за ними, ибо журналы их поступают и теперь на утверждение архиерея. Однако не мало ли этого?

Необходимо приближать постепенно эти съезды к тому, чтобы они были передаточными началами пастырского опыта и пастырских дарований от епископа к священникам и священников между собой; чтобы постановления их не сводились, по подобию постановлений всяких парламентов и земских заседаний, к ассигнованиям или не ассигнованиям на тот или иной проект докладчика. Конечно, деньги — большое дело в условиях нашей культуры, но все же они — не единственная сила, влияющая на жизнь.

Пусть съезды обсудят, как украшать святую службу Божию правильным ее ведением, как урегулировать главных управителей нынешнего богослужения, т. е. регентов, или — лучше, — как изменить теперешний неразумный порядок вещей, когда не от священника и даже не от псаломщика, а от наемного разночинца светского звания, совершенно невежественного и часто безобразного, зависит состав каждого праздничного богослужения, из коего почти ничего не остается, а все пропускается в пользу двух-трех отвратительных концертов, не положенных по уставу. Далее, съезды могли бы устанавливать временные курсы для усовершенствования в пении псаломщиков, могли бы приглашать в епархиальные центры лучших проповедников своей и чужих епархий для научения священников (хотя бы желающих) живому слову. Не худо бы им привести в известность все, наиболее многолюдные, сельские и монастырские праздники и командировать на них проповедников и продав-

щиков священных книг и священных предметов. Там же могли бы быть делаемы заявления о духовных бедствиях в приходах, обуреваемых еретиками или мятежниками, и затем командироваться туда на несколько дней или недель лучшие проповедники и пастыри. Священники, которым удалось в приходе основать не бумажную, а действительную благотворительность имущественную или сердобольное братство ревнителей веры и милосердия, приглашались бы на съезд для повествования собратиям, как нужно достигать таких благих плодов пастырства, а эти могли бы на основании сего делать соответственные постановления или просто высказывать духовенству пожелание съезда. Вообще, весьма обширна была бы программа епархиальных собраний, если бы они занимались обсуждением хотя бы того, что уже на деле выполняют лучшие представители духовенства. Поместный Собор мог бы предначертать многие пункты такой программы, а затем она сама бы расширялась постепенно. Если епископы прежде терпели неудачу в подобных попытках, то, думается, потому, что на съезд собирались не лучшие пастыри, а дельцы-юристы. Итак, предоставив им первую часть дел — внешних, распорядительных, должно епископу затем к ним в помощь пригласить лучших пастырей епархии и уже в этом усиленном составе съезда обсуждать дела — чисто пастырские. Избирать этих дополнительных депутатов может на первый раз и сам епископ. За это никто его не осудит, ибо здесь уже не борьба за права и за честь, а общее служение великому делу Царства Божия, в котором никому не тесно.

№ 11,
преосвященного Анастасия, архиепископа Воронежского,
от 25 ноября 1905 года

Соображения особого совещания по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви

I. О церковном приходе

1. Обсуждение вопроса о приходе началось с общего положения: существует ли в настоящее время церковный приход, как живая и жизнеспособная организация? Высказаны были мнения, что прихода, как религиозного братства, в настоящее время нет: в церковь собирается для общественной молитвы публика, а не прихожане. Поэтому необходимо еще создать приход, как братство, живущее общими церковно-религиозными нуждами. Но большинство присутствующих согласилось, что такое мнение справедливо лишь отчасти, и то главным образом по отношению к городским приходам; сельские же приходы, несомненно, существуют как живые общины. Об этом говорит уже происхождение новых приходов. Как они возникают? Из общей потребности в храме, созидаемом на общие средства. Если общество, чувствуя эту потребность, делает большие расходы на устроение храма, домов для причта и школы, то ясно, что оно состоит уже не из совершенно чуждых друг другу лиц. Итак, приход существует, но приходская жизнь обнаруживается весьма слабо, в исключительных обстоятельствах. Как достигнуть оживления прихода?

2. Прежде всего, в представленных докладах и на совещании *признано необходимым предоставить приходу права юридического лица.*

3. Все дальнейшие вопросы о приходе рассматривались после обсуждения, нарочито самим собранием поставленного и, по общему признанию, существенно важного вопроса о материальном обеспечении духовенства. По этому поводу были обстоятельно высказаны соображения как в пользу существующего порядка обеспечения приходского клира, так и против него. Главное основание защищать существующий порядок — опасение, как бы духовенство, перешедши на жалованье, не порвало установившихся связей с прихожанами и не обратилось в чиновников. При этом указаны были факты сближения, духовного единения пастырей с пасомыми во время хождения по приходу со святым крестом и молебнами. Соглашаясь с мыслью о пользе и необходимости посещения прихожан со святым крестом, некоторые указывали, что смысл этих посещений утрачивается от необходимости посетить приход в 100—200 дворов в течение двух-трех праздничных дней, когда отправляются и в церкви продолжительные служения. При таких условиях целью

посещения прихожан со стороны пастыря является не столько моление и назидание, сколько собирание причтовых доходов. И на практике часто наблюдаются случаи не сближения, а охлаждения между священником и прихожанами во время праздничных хождений причта по приходу. С назначением жалованья можно было бы воздержаться от этой «визитации» ко всем прихожанам, а посещать только некоторых, наиболее нуждающихся. Посещение же каждого прихожанина отложить на дни, для него важные, например, на дни памяти святых, имена коих носят прихожане. Эта мысль вызвала горячее возражение со стороны мирянина, указавшего, что посещение священником в великие праздники составляет великое утешение для каждого православного христианина и что поэтому ослабление этого обычая поведет к понижению духа церковности и там, где он еще сохраняется теперь. После того как были высказаны соображения за и против существующего порядка обеспечения духовенства, собрание высказалось за необходимость его замены определенным жалованьем — в такой форме: «В устранение недоразумений и всякого рода нареканий, изменить существующий способ обеспечения духовенства *назначением определенного содержания от прихода за исполнение обязательных треб*, как-то: крещения с миропомазанием, покаяния, причащения, брака и чина погребения. Размер содержания должен быть в зависимости от количества душ в приходе в определенной сумме, каковая входит в общую раскладку сельских подушных окладов, а также городских и земских сборов, и — получаться тем же порядком, какой установлен для должностных сельских лиц».

4. По вопросу об избрании или о назначении членов приходского причта одни составители докладов высказываются за предоставление приходам права ходатайствовать перед епископом о поставлении в члены клира известных приходу, одобряемых им и правоспособных лиц. Другие говорят против участия прихода в выборе членов клира, видя к этому громадные практические затруднения — а) в умственной и нравственной неподготовленности приходов, б) в возможности агитации неверующих, в) в возможности еще большей зависимости причтов от приходов.

На совещании мнения также разделились. При этом выяснилось, что как за прямое право прихода избирать членов причта, так и решительно против всякого участия прихода в определении членов причта стоят отдельные голоса. Большинство же высказалось за *право прихода рекомендовать епископу кандидатов на священнослужительские места и ходатайствовать об их определении, с сохранением за епископом его канонической власти* определять тех лиц, которых он сам признает правоспособными в умственном и религиозно-нравственном отношениях.

5. По вопросу о праве прихода принимать участие в церковном хозяйстве в целях просветительно-благотворительных мнения также разделились. Одни из представивших доклады высказываются за предоставление приходу этого права, но с существенным ограничением, в такой, например, форме: «Предоставить прихожанам, по удовлетворении всех установленных взносов на ду-

ховно-учебные и общеепархиальные потребности, расходовать (на церковно-приходские нужды) остающуюся свободную церковную сумму, с соблюдением существующих правил об отчетности церковных сумм и с испрошением в некоторых случаях, указанных в § 35 Инструкции церковным старостам, разрешения епархиального архиерея». Другие высказываются вообще против такого права, опасаясь главным образом подрыва существующим епархиальным учреждениям. То же раздвоение высказалось и во время совещания, причем отмечена была необходимость требования, высказанного в предложении г. синодального обер-прокурора, — чтобы дарование этого права прошло «без потрясения и вреда для существующих церковных учреждений, содержимых на церковные средства». Никто не возражал против выполнения этого условия, но было указано, что в настоящее время на церковные деньги содержатся не только церковные, но частью и духовно-сословные учреждения, почему было бы делом справедливости освободить церкви от этого последнего расхода, предоставив приходам тратить эти суммы на свои нужды. После обмена мнений совещание высказалось за *предоставление приходу права расходования церковных сумм после удовлетворения нужд церковных учреждений в установленном в настоящее время размере*, причем одни считали достаточною такую общую формулировку, другие высказались за точное процентное разделение церковно-приходских сумм на общецерковные и местно-приходские нужды, примерно па 50% на те и другие. Собрание остановилось на первом мнении, т. е. на предоставлении приходу права расходования церковных сумм, остающихся после удовлетворения нужд церковных учреждений в установленном в настоящее время размере.

6. Об организации приходов. В каждом приходе созывается один или два раза в год *церковно-приходское собрание*, кроме того, в потребных случаях созываются экстренные собрания. На церковно-приходском собрании председательствует настоятель прихода, а когда он по какой-либо причине отсутствует — другой священник, исправляющий должность настоятеля, или, когда в приходе один священник, место председателя занимает церковный староста. Церковно-приходскому собранию принадлежит право: а) ходатайствовать перед епархиальной властью об определении известных приходу правоспособных членов клира, б) избирать церковного старосту, в) избирать членов церковно-приходского совета, г) делать постановления о расходовании остающихся, за удовлетворением общецерковных нужд, церковных сумм. Исполнительным органом церковного прихода служит *церковно-приходский* совет, в который входят в качестве непременных членов все члены причта и церковный староста и несколько членов (5—10), избираемых церковным собранием на определенный срок. Председателем церковно-приходского совета состоит настоятель прихода, а за отсутствием его — второй священник; если же в приходе только один священник, заместителем председателя бывает церковный староста. Церковно-приходский совет из своей среды выделяет двух лиц в качестве помощников церковному старосте и по одному лицу в качестве попечителей церковно-приходской школы и богадельни.

Церковно-приходский совет созывается председателем не менее одного раза в месяц для счета и проверки церковных сумм и для обсуждения текущих дел.

II. О епархиальном управлении

7. Собрание выслушало один из представленных докладов о епархиальном управлении. Общая мысль доклада такова. Современный епархиальный епископ не в силах фактически руководить двухмиллионной паствой, не может даже знать всех своих соработников — приходских пастырей. Поневоле управление епархиальное носит характер бумажный, а не живой пастырский. Поэтому, какие бы реформы ни приводились для улучшения епархиального управления, они бессильны по существу, так как дело требует не улучшения, а *коренного изменения* в строе епархиального управления. Для пастырского делания необходимо из епархиальных кафедр сделать окружные митрополичьи, а во всех уездных городах учредить епископские кафедры. Тогда епархия будет исчисляться в 200 000 пасомых, с 80—100 приходами, которыми епископ может руководить фактически, почти ежегодно обозревая всю епархию и созывая для совещаний (епархиальных съездов) всех пастырей епархии. Разрешение этого вопроса затрудняется экономическими соображениями; но острота этих соображений частью отпадет, если принять во внимание, что уездные епископы не будут стеснены необходимостью такого внешнего представительства, какое считается чуть не обязательным в губернском городе.

Главное возражение против прочитанного доклада — неимение определенных средств на открытие новых епархий. Но для действительного руководительства пастырей со стороны архипастыря и для выхода из современного положения дела замена нынешних епархий более мелкими была признана делом необходимым. При этом большинство признало нужным *разделение существующих епархий на более мелкие самостоятельные* же *епархии*. Меньшинство же признавало достаточным назначение в каждую епархию нескольких викарных епископов, с тем чтобы они жили в уездных городах и ведали на местах определенный круг епархиальных дел, как действительные помощники епархиальных епископов.

По вопросу о реформе современного епархиального управления совещание пришло к следующим заключениям.

8. А) Вместо существующих консисторий учредить пресвитерские советы при епископе из 4—8 членов от духовенства, избираемых епископом и утверждаемых высшей церковной властью, с добавлением к постоянным членам по одному представителю от всех других епархиальных учреждений, которые участвуют в заседаниях пресвитерского совета по мере надобности, при рассмотрении дел, касающихся этих учреждений.

Б) При пресвитерском совете оставить *светское лицо с обязанностями заведующего канцелярией сего совета*. Он избирается советом и утверждается епархиальной властью.

9. В) Предоставить некоторые дела окончательному рассмотрению и решению пресвитерского совета, как не требующие особого обсуждения, каковы, например: разрешение производства ремонтных работ в церквах при наличности к тому данных, за исключением указанных в § 35 Инструкции церковным старостам, приведение в исполнение постановлений других судебных учреждений, вошедших в законную силу; а выдачу метрических свидетельств предоставить приходским священникам, чем делопроизводство в совете значительно сократится (на 5000 номеров).

Г) В делах бракоразводных и о признании браков недействительными исследование причин, влекущих за собой расторжение брака или признание брака недействительным, передать в ведение суда светского, а самый приговор о расторжении или признании сих браков недействительными, а также исследование и решение о браках, заключенных в близком родстве, предоставить суду духовному.

Д) В устранение излишней и непроизводительной переписки в епархиальном управлении по разрешению брачных дел в известных степенях родства или по возрасту брачущихся, дозволить приходскому духовенству без разрешения епископа венчать браки в боковых линиях родства кровного и во всех видах свойства двухродного с 5-й степени, а в трехродном свойстве — со 2-й степени, и установить точно, без всяких исключений, возраст брачущихся (или 15½ лет для девиц и 17½ лет для мужчин, или 16 лет для девиц и 18 лет для мужчин), а также предоставить приходскому духовенству — лиц, не имеющих постоянной оседлости и прихода (прислуга, чернорабочие и проч.), венчать по документам, выдаваемым гражданскими правительственными учреждениями, с возложением ответственности на выдавшее документ учреждение и на лиц брачущихся и их поручителей.

Е) Признано желательным отменить или ослабить троекратное предбрачное оглашение, как не достигающее своей цели, но часто ведущее к недоразумениям между членами причта и прихожанами. А испрошение дозволения епископа на венчание браков ограничить случаями особых недоразумений, которые и должны быть представляемы на усмотрение епископа.

10. Ж) Ввиду несовершенства Устава духовных консисторий необходимо издание такого законодательного сборника, в котором все законы, определяющие церковное управление и суд, были бы сведены к единству и изложены с совершенной определенностью и точностью, преграждающей возможность усмотрения и перетолкования.

З) Изменить теорию формальных доказательств через привнесение непосредственного убеждения судей при решении судебных дел.

И) Пересмотреть лестницу наказаний и установить более целесообразные меры взыскания за проступки и преступления лиц духовных.

І) Установить ответственность за лживые и клеветнические доносы и отнюдь не принимать к рассмотрению анонимных и пасквильных доносов, а также доносов, учиненных скопом.

К) Учредить институт духовных следователей.

11. Особливым предметом обсуждения на собрании был вопрос о выделении суда из ведения консистории.

В представленных письменных отзывах, почти во всех, дело стоит так: считая епископа совмещающим в себе власть административную и судебную, авторы отзывов полагают, что необходимо образовать два независимые друг от друга и одинаково подчиненные епископу учреждения или отделения пресвитерского совета — судебное и административное. При этом был прочитан один доклад, подробно излагающий предметы ведения судебного отделения.

В доказательство необходимости такого отделения было высказано мнение, что практика духовных судов, иногда прикрывающих духовных лиц от ответственности, ведет к понижению чувства законности в духовенстве. А эта практика частью зависит от того, что функции судебная и административная соединены в одном учреждении, почему, при самой щепетильной честности судей, на их решения влияют соображения административного свойства. Необходимо поэтому, чтобы духовный суд был выделен в особое учреждение, независимое от административного совета. Это мнение вызвало возражение, указывавшее, что суд духовный можно упрекнуть не в послаблениях, а в излишней строгости: за что общий суд не налагает никаких наказаний, за то духовный суд наказывает монастырским подначалием.

После этого собрание, приглашенное определенно высказаться на поставленный вопрос, признало необходимым *относительное отделение суда от администрации и образование двух независимых друг от друга отделений пресвитерского совета — административного и судебного, одинаково подчиненных епископу.*

12. В связи с этим собрание обсуждало вопрос о гласности суда, т. е. о сообщении ему словесного, состязательного характера, с допущением на него не только сторон обвиняющей и обвиняемой, но и депутата от суда светского по вопросам церковно-гражданского или смешанного характера. Соглашаясь с таким мнением, собрание высказалось только против допущения на суд адвокатов и публичности духовного суда, т. е. присутствия на суде посторонней публики.

13. Для облегчения суда епархиального и для более быстрого судопроизводства в докладах предлагается передать часть дел, именно маловажных, на благочиннические советы. Собрание присоединилось к этому мнению.

14. Но кроме этого формального делопроизводства, было признано желательным введение *иерейского суда совести на благочинни́ческих съездах*. Есть пороки, которые не могут быть предметом разбирательства в обычном судопроизводстве, — такие пороки делают клирика нетерпимым среди пастырей. Среди пастырей может оказаться человек, служащий соблазном для округа. Обыкновенно такие люди спокойно носят рясу, служа соблазном для пасомых. Для формального суда такие люди неуязвимы, а между тем они приносят страшный вред Церкви. В этом случае благочинническому съезду и должно быть предоставлено право суда над своими собратьями. Тогда указанные лица будут внимательнее относиться к советам и замечаниям своих сослуживцев.

Суд братский носит характер, чуждый формального делопроизводства. Он состоит: а) в объявлении обвиняемому, что его соблазнительная жизнь известна окружному духовенству, которое считает ее несовместимою с пастырским званием; б) если это предостережение не возымеет силы, съезд неформальным же порядком доносит о соблазнительной жизни обвиняемого архипастырю, прося его сделать ему архипастырское вразумление; в) если и эта мера не подействует, съезд имеет право ходатайствовать перед архипастырем об исключении обвиняемого из окружной среды духовенства.

Собрание высказалось за желательность введения такого братского суда.

15. В настоящее время как члены духовной консистории, так и благочинные определяются епархиальной властью. Такой порядок дела в некоторых докладах признается нежелательным. Как авторы указанных докладов, так и некоторые члены собрания считали более целесообразным выборный порядок определения названных лиц, приводя к тому следующие основания: а) благочинный и члены консистории (пресвитерского совета) должны быть представителями духовенства при епископе, выразителями интересов и запросов духовенства, и потому они должны быть излюбленными лицами для духовенства; б) в настоящее время такой порядок соответствует общему направлению жизни, так как общество достигло избирательного порядка в определении руководителей общественной жизни; в) такой порядок имеет основание в канонах и истории Церкви (община первенствующей Церкви избрала себе диаконов, которые были поставлены апостолами; епископы на соборах избирали новых епископов; община избирала себе епископа, которого поставлял потом собор епископов).

Другие члены собрания были того мнения, что и благочинные и члены консистории должны быть назначаемы епископом как органы его власти. Против указанных соображений — этими лицами было высказано следующее: а) благочинный и члены консистории суть органы административной власти; б) хотя в настоящее время общество получило право представительства в области гражданского управления, но этим не изменился характер определения лиц административных: во всяком, даже республиканском, государстве административные лица не избираются обществом, а назначаются высшей властью, как органы этой власти; в) избрание диаконов не есть избрание органов административной власти; избрание епископов соборами епископов не приложимо к вопросу об избрании благочинных и членов консистории, так как епископы обладают такими прерогативами, коих не могут иметь собрания пресвитеров; избрание епископов христианскими общинами впоследствии было отменено канонами.

После того как были высказаны эти мнения, собрание было приглашено высказать общее заключение, признает ли оно нормальным *существующий порядок назначения* или считает нужным введение порядка избрания. Преобладающим большинством собрание высказалось за существующий порядок.

При этом мною было сказано, что в Воронежской епархии порядок назначения отчасти совмещается с порядком избрания. Существуют благочинниче-

ские советы, члены которых избираются окружным духовенством. Состоя сотрудниками благочинного, они и являются представителями интересов окружного духовенства. А по выбытии благочинного епархиальная власть нередко из их среды избирает нового благочинного. Таким образом, благочинным является лицо, излюбленное духовенством округа. Признавая целесообразность такого порядка в принципе, некоторые члены собрания указывали, что он часто не осуществляется на практике: так как многие благочинические советы бездействуют, то в члены их избираются далеко не всегда энергичные священники, — духовенство часто не придает значения должности помощников благочинного; а поэтому и избрание благочинного из наличного состава благочиннического совета не всегда служит ручательством за удачность такого выбора.

16. В заключение рассуждений о епархиальном управлении собрание высказало желание, чтобы был ограничен существующий теперь порядок частых переводов епархиальных епископов с одной кафедры на другую, так как такой порядок не дает возможности епископу узнать свою епархию и сделаться ее действительным руководителем.

III. О епархиальных съездах

17. По вопросу о епархиальных съездах все составители докладов, касавшиеся этого вопроса, высказались единогласно. То же единогласное мнение высказано на собрании. Предметом съездов должно быть все пастырское делание, а не одни экономические вопросы: вопросы о церковной проповеди, миссионерстве, начальной и богословской школе, взаимных отношениях причта и прихожан и т. п. Съезды обсуждают назревшие церковные нужды, являясь выразителями мнений всего епархиального духовенства. Во избежание субъективного освещения дела депутатами последние должны являться только докладчиками и разъяснителями мнений, высказанных на предварительных благочиннических съездах.

Необходимо издание инструкции съездам, за которую они не должны переступать в своих рассуждениях; а для каждого отдельного съезда необходима программа, заблаговременно составленная на основании поступивших от разных учреждений и лиц предложений, докладов и прошений, затем переданная на предварительное обсуждение благочиннических съездов, так чтобы съезд обсуждал только вопросы, о которых епархиальное духовенство не только осведомлено, но и высказало суждение, выразителем которого является депутат. А для того, чтобы постановления данного съезда стояли в связи с решениями прежних съездов и были планомерным развитием церковного дела в епархии, а не случайными актами, следует иметь полный сборник постановлений епархиальных съездов за все время их существования.

Но такая постановка съездов немыслима при настоящем их положении, когда съезд после трехдневного, или немного больше, существования никого и ничего не оставляет после себя, кроме весьма кратких, немотивированных

журналов. Было высказано мнение, чтобы председатель и делопроизводитель съезда избирались на три года и являлись вместе с тем подготовителями дела и его докладчиками. К ним поступали бы все предложения, доклады и прошения на съезде; на основании их они составляли бы программу съезда, которая, по утверждении ее епархиальным преосвященным, поступала бы на предварительное рассмотрение благочинных съездов. В таком случае председатель был бы в курсе дела, и о. о. депутаты выслушивали бы мотивированные, обоснованные на законах предложения, чем преграждалась бы возможность неосновательных и незаконных постановлений.

Признавая нужду в более определенной, чем теперь, организации съездов, некоторые члены собрания считали неудобным избрание для этой цели председателя на трехлетний срок — по следующим основаниям: а) такой председатель был бы фактически органом власти в епархии, почти равнозначащим пресвитерскому совету; б) выбор мог бы оказаться неудачным, и духовенство было бы вынуждено терпеть в течение трех съездов такого председателя; в) председатели часто избираются из уездов, — в таком случае им было бы весьма затруднительно подготовлять программу съезда, так как для этого необходимо присутствовать в губернском городе. Поэтому высказано было предложение избирать комиссию из городских священников для подготовления программы съезда.

Приглашенное высказаться на поставленный вопрос, собрание подавляющим числом голосов признало лучшим назначение для подготовления и разработки программы съезда комиссию из священников города Воронежа.

Собрание имело суждение о допущении на съезды мирян. Было высказано мнение, что съездам оказали бы помощь своими знаниями наставники духовной школы, а хозяйственной опытностью своей — церковные старосты и другие миряне, заявившие себя усердием к Церкви. Но собрание большинством высказалось за недопущение мирян на эти съезды, как на съезды духовенства.

IV. Разделение русской Церкви на округа под управлением митрополитов

18. По вопросу о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов большинство составителей докладов и членов собрания высказалось положительно, меньшинство — отрицательно. Главные основания отрицать нужду в разделении — следующие: а) митрополиты будут средостением между епархиальным епископом и Св. Синодом; б) образование округов потребует больших денежных расходов; в) разделение опасно в политическом отношении. Главное основание за разделение — желание связать общими церковными интересами ныне разрозненных, не знающих друг друга епископов и таким образом оживить церковную жизнь, которая бы направлялась не общими циркулярными распоряжениями Св. Синода, неприложимыми ко многим епархиям, а постановлениями окружных соборов, вытекающими из действительных и особливых нужд данного округа. Вместе с тем, митрополи-

ты округа были бы постоянными членами Св. Синода, вызываемыми туда в половинном составе на каждое полугодие, и таким образом Св. Синод был бы составлен из представителей и руководителей всей русской Церкви.

V. Высшее церковное управление

19. Высший орган церковной власти — Святейший Синод — должен быть преобразован так, чтобы Церковь получила автономное управление. Если и неизбежен правительственный контроль над деятельностью высшей церковной власти, то он должен выражаться только в признании законности или незаконности тех церковных постановлений, которые так или иначе касаются светского правительства. В вопросах же чисто церковных участие светской власти незаконно, противно канонам. Таковы вопросы об избрании членов Св. Синода, об издании и составлении богословских и богослужебных книг и чинов и вопросы веры в собственном смысле.

Во главе Св. Синода стоит патриарх, который, будучи первоприсутствующим в Синоде, пользуется преимуществом чести, как старший между равными, и ему принадлежит право представительства и непосредственного сношения с Высочайшей властью по делам Церкви и с восточными патриархами.

На собрании, как и в некоторых докладах, впрочем высказаны были мнения о нежелательности патриаршества. Патриарх, являясь представителем Церкви перед высшей властью, будет менее независим в своей деятельности, чем если бы это был первоприсутствующий митрополит, являющийся только передатчиком постановлений Синода. И практика церковной русской жизни за период патриаршества показала, что Церковь при патриархах была не более самостоятельна, чем в синодальный период. Но, по мнению других членов совещания, это зависело от того, что патриарх пользовался не только преимуществами чести, но и власти. Поэтому собрание высказалось за желательность восстановления патриаршества.

VI. Участие духовенства в общественных учреждениях

20. По вопросу об участии духовенства в общественных учреждениях высказаны в докладах и на собрании следующие мысли. Преобладающее большинство высказывается за прямое участие духовенства в общественных учреждениях — на следующих основаниях: а) пастырь есть и гражданин; б) по своему развитию духовенство стоит выше народной массы и своим влиянием может содействовать развитию общества в христианском направлении; в) протекшая историческая жизнь показывает, что русское духовенство всегда помогало правительству в общественном устроении. В частности, указывается на благотворное участие духовенства в земствах за первое время их существования, на состоявшееся уже допущение духовенства в Государственную Думу и на особенную нужду в созидательной работе духовенства в настоящее время.

Меньшинство, считая необходимым влияние пастыря на общественное благоустройство, полагает, что пастырь не должен вмешиваться непосредственно в дела общественного и гражданского управления. Основания: а) каноническое: епископу и пресвитеру воспрещается «вдаваться в народные управления, но неопустительно быти при делах церковных» (81-е Ап. пр.); б) непосредственное участие втянет духовенство в партийную политическую борьбу с ее страстями и изменчивыми теориями общественного устройства и тем унизит пастырское служение; в) протекшая история показывает, что духовенство, участвуя в гражданском управлении лишь одним своим мнением, иногда оправдывало или терпело явления, заслуживающие порицания: оно оказывалось в таком положении потому, что бралось говорить о том, в чем не было осведомлено. Поэтому названное меньшинство полагает, что пастырь должен принимать непосредственное участие в общественных учреждениях не вообще, а лишь по вопросам, касающимся пастырского дела, именно: храмоздательства, просвещения и благотворения.

После обмена мнений собрание высказалось за прямое участие духовенства в общественных учреждениях по всем возникающим в них вопросам. Но я согласился с мнением меньшинства, полагая, что пастырь должен стоять выше партийной политической борьбы и освещать общественную жизнь с высоты вечных истин Евангелия.

VII. О преобразовании духовно-учебных заведений

21. По вопросу о преобразовании духовно-учебных заведений все авторы докладов и члены собрания высказались за приравнение общеобразовательного курса средней духовной школы к курсу средней светской школы, чтобы общее образование будущих пастырей носило законченный средний курс и чтобы лица, желающие выйти из духовного звания, без затруднения могли, по окончании общеобразовательного курса, поступить в светскую высшую школу. Духовная школа — низшая, средняя и высшая — должна быть всесословная.

Так как многие воспитанники духовной школы, по окончании ее, уходят в светское звание, то предложено было мнение — требовать с них уплаты суммы за право учения и за содержание в общежитии, после определения их на службу; но мнение это большинством присутствующих не принято.

Приравнивая общеобразовательный курс духовной школы к курсу средней светской школы, собрание высказалось за сохранение в нем, как отдельного предмета, чтения текста Св. Писания и изучения логики, психологии и философии, а также за воспитание питомцев и в общеобразовательных классах в духе церковности. Против утверждавших, что средняя общеобразовательная духовная школа не должна отличаться от таковой же светской, были высказаны следующие соображения: а) одной средней школы теперь нет, а есть школы классические и реальные, следовательно — в настоящее время нельзя и говорить о приравнении общеобразовательного духовно-учебного курса к курсу средней школы вообще; б) давая детям общее образование, ду-

ховная школа воспитывает их «в надежду священства», а потому она должна заботиться, чтобы они с малых лет имели церковные навыки и были хорошо осведомлены с источниками христианской веры; в) между тем мы еще не знаем, сохранится ли в будущей светской школе преподавание Закона Божия как учебного предмета.

22. В связи с только что изложенным обсуждался вопрос о единстве или разделении духовной школы. Одни утверждали, что следует отделить богословские курсы в духовной школе в особое учебное заведение, придав ему церковный строй по преимуществу. Но против этого высказалось большинство членов совещания, правда — незначительное. Главное соображение против разделения — следующее. При отделении богословской школы от общеобразовательной трудно надеяться на улучшение дела подготовки пастырей. Рассуждение о том, что тогда в богословскую школу пойдут люди с призванием и из общеобразовательной духовной и из средней светской школы — носит теоретический характер. На самом деле тогда в специальную богословскую школу пойдут очень немногие. Призвание, в смысле непреодолимого влечения к пастырству, есть дар исключительный, благодатный. В обычных же условиях призвание вырабатывается воспитанием и образованием. Поэтому необходимо с юных лет, еще с низших классов общеобразовательной духовной школы, самым строем этой школы внушить питомцам мысль о высоте пастырства и о том, что Церковь хочет сделать из своих питомцев пастырей, чего нельзя достигнуть при выделении богословской школы в особое учебное заведение и при образовании из общеобразовательных классов только сословной гимназии.

23. В целях воспитательных признано необходимым постоянное общение воспитателей и воспитанников, для чего каждый воспитатель-наставник должен иметь под своим ближайшим наблюдением небольшое количество воспитанников, от 15 до 20 и не более 35. Но это возможно осуществить лишь в том случае, если наставники будут жить при школе и будут лучше обеспечены.

В тех же целях необходимо сделать школу малолюдной и поставить ее в простые условия сельского быта, выведши из многолюдного губернского города. (Это и должно произойти при осуществлении вышеизложенного проекта разделения современной епархии на несколько самостоятельных.)

24. Что касается специально-богословского курса, то он должен быть расширен на три года. В программу богословских классов должны быть включены преподаваемые в настоящее время науки, за исключением тех, в коих сведения служат повторением из ранее пройденных наук, например библейской истории, обличительного богословия. Но постановка богословской науки должна быть новая, более жизненная, дающая религиозную истину, а не отвлеченную схему понятий. Представляется желательным ввести в программу богословских классов общественные юридические науки и, если окажется возможным, гигиену. Желательно было бы будущих пастырей ознакомить в общих чертах с архитектурой церковной и живописью (особенно иконописью).

В богословские классы могут поступать лица, окончившие курс в других средних школах или достаточно подготовленные и склонные по своему настроению к служению в церковном клире.

25. Во главе духовной школы стоят ректор (в духовном сане) и инспектор (духовное или светское лицо), избираемые корпорацией наставников школы. Высшее руководительство школой принадлежит епархиальному епископу, под непосредственным руководством которого воспитанники знакомятся с нуждами религиозной жизни паствы.

VIII. 0 пересмотре богослужебных книг

26. Собрание единогласно высказалось за пересмотр богослужебных книг, особенно в тех частях, кои неудобовразумительны.

IX. О сокращении для приходских церквей богослужебного чина

27. Высказано желание, чтобы будущий Поместный Собор пересмотрел чин православного богослужения и определенно указал, какие части его должны выполняться обязательно, без сокращений, и какие могут быть опускаемы в приходских церквах. Признано, что без такого пересмотра священники по-прежнему будут стоять в ложном положении, вынужденные произвольно сокращать продолжительные богослужебные чины, составленные в условиях не мирской, а монашеской жизни.

X. О пересмотре канонических постановлений

28. Признано необходимым, чтобы будущий Собор пересмотрел канонические постановления, определяющие жизнь христиан, так как многие из них неприменимы к современной жизни. Ранее (п. 10—Ж) собрание признало необходимым издание сборника законов, точно определяющих проступки лиц духовных и мирян, подлежащих духовному суду, и наказания за них. В настоящем собрании признано, чтобы в этот же сборник вошли и точные нормы, определяющие жизнь христианина.

29. В частности, высказано желание, чтобы от лиц, желающих принять священный сан, не требовалось обязательное вступление в брак, по крайней мере, по достижении ими канонического, т. е. 30-летнего возраста.

XI. О составе Поместного Собора

30. Наконец, по вопросу о составе будущего Поместного Собора совещание высказалось за приглашение на Собор не только епископов, но и клириков и мирян, с предоставлением клирикам и мирянам права совещательного голоса.

№ 12,
преосвященного Серафима, епископа Полоцкого,
от 28 ноября 1905 года

Принимая в соображение высказанные в особом собрании и затем на епархиальном соборе мнения и пожелания, я нахожу полезным представить по изложенным в предложении синодального обер-прокурора вопросам нижеследующие соображения.

I.

Участие на Поместном Соборе пресвитеров и мирян с голосом совещательным не только желательно, но и необходимо. Ибо это принадлежит им по каноническим правилам, способствует сближению клира с мирянами и возбуждает в них интерес к церковным порядкам и задачам. Что же касается способа избрания представителей от мирян на Собор, то кажется наиболее справедливым выборный способ, в такой последовательности. Прихожане какой-либо приходской церкви избирают на приходском сходе, без участия причта, своего представителя — выборщика. Затем эти приходские выборщики собираются по благочиниям совместно с духовенством того же благочиния, и здесь выбираются два выборщика — один из духовенства, другой от мирян. Наконец, эти последние выборщики собираются уже в губернском городе и здесь выбирают от епархии двух представителей на Собор — одного от духовенства, другого от мирян. При этом собрание выразило желание, чтобы от епархии на Собор было допущено не менее двух представителей. Затем вопрос, чем руководиться при выборах представителей на Собор и выборных от прихожан: настроением ли, образованностью или местонахождением, — может быть решен в том смысле, чтобы никакими условиями не стеснять свободы выборов, а предоставить прихожанам и выборщикам полную свободу, тем более, что состав даже самого маленького и заброшенного прихода всегда разнообразен в отношении умственного, религиозного, нравственного и материального состояния прихожан. Что же касается материальной стороны дела, — ибо может случиться, что будет выбран человек бедный, для которого путешествие и проживание не только в столицу на Собор, но и в губернский город и в благочиннический пункт будет затруднительно, — то представляется возможным, что каждый приход в состоянии дать своему выборному на проезд до благочиния, а затем все благочиние дает своим двум выборным на проезд в губернский город и, наконец, выборные от епархии получают средства со всей епархии. Эти средства могут быть позаимствованы из церковных и попечительских сумм, из сумм епархиальных братств и т. п. Затем, в отно-

шении вопроса, как — закрытой или открытой баллотировкой — производить выборы, собрание безусловно признало желательность закрытой баллотировки во всех стадиях выборов; но при этом многие находили, что закрытая баллотировка в многочисленных (4.000 и более душ) приходах с большим количеством неграмотных практически невозможна и представит массу затруднений, и по этому вопросу решали так: в приходах — выборы открытые, а далее — закрытые.

II.

Разделение российской Церкви на церковные округа под управлением митрополитов представляется весьма желательным и едва ли будет способствовать возрождению идей о культурной и политической обособленности, например, Белоруссии. Ибо самостоятельность митрополий нисколько не будет вредить идее государственного единства, так как, во-первых самостоятельность митрополии будет не полная, а только относительная; во-вторых, русский православный народ даже в период польского владычества в Западном крае всегда служил проводником и представителем именно русской государственности; в настоящее же время и вовсе нет оснований сомневаться в полной политической благонадежности православного населения Западного края. Центральная духовная власть слишком удалена; оттуда, именно вследствие отдаленности, многие вопросы, волнующие местное население, кажутся неважными и не заслуживающими внимания; вот для таких-то, второстепенных с точки зрения центральной власти, вопросов и необходимо создать местный духовный центр, в котором сходились бы и объединялись духовные запросы местного белорусского населения.

А объединение православных белорусов необходимо и не терпит отлагательства. В настоящее время сплотились жиды, сплотились поляки; но это — силы центробежные. Вот в противовес этим силам центробежным необходимо приняться за устроение сил центростремительных, сил белорусских, сил мощных, но не устроенных: центром, объединяющим эти силы, и будет западно-русская митрополия, с кафедрой в Вильне.

III.

Преобразование епархиальных органов управления и суда согласно с каноническими соборными началами и ввиду данных религиозно-экономических воззрений и стремлений, кажется, было бы целесообразнее произвести следующим образом.

Духовный суд в настоящем его виде, как известно, продолжает руководствоваться существовавшими еще до 1864 г. законами о судопроизводстве гражданском (по гражданскому процессу) и законами о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках (по уголовному процессу), тогда как все остальные судебные места (кроме военных), с изданием судебных уставов

20 ноября 1864 года, перестали применять эти законы везде, где введены были эти уставы. Результатами этого являются многие недостатки и несовершенства в строе духовно-судного процесса, справедливо вызывавшие и вызывающие ряд нареканий и упреков на духовный суд и Церковь. К числу этих недостатков относится отсутствие института специальных духовных следователей, вследствие чего производство следствий по судным делам поручается людям неопытным и не получившим даже элементарной специальной подготовки; отсутствие предварительного следствия, которое давало бы законное основание или к привлечению виновного к ответственности, или к прекращению дела, вследствие чего во всех случаях по делам о проступках и преступлениях лиц духовных, не подлежащих судопроизводству непосредственно архиерейскому, непременно назначается формальное следствие без производства предварительного расследования или дознания о вероятности оговора, последствием чего во многих случаях бывает привлечение к следствию лиц невинных; отсутствие следствия на самом суде, вследствие чего духовный суд сам не производит исследования всех обстоятельств судного дела путем личного опроса свидетелей, сторон и прикосновенных к делу лиц, а ограничивается лишь рассмотрением тех данных, которые добыты духовным следователем и важность и значение коих поэтому оцениваются судом не по внутреннему и непосредственному убеждению, а лишь по теории формальных доказательств; предоставление существенной части судного процесса — судебного следствия — одному следователю, при неясной и неопределенной роли депутата при следствии, или — в некоторых случаях — так называемого сотрудника, вследствие чего, за отсутствием допроса на суде, дело как бы предрешается одним следователем и он, собственно, является решителем дела или судьей, а не духовный суд, которому приходится только подводить формально итоги из добытого следователем, без проверки следствия или переследования оного на суде; наконец, отсутствие суда в наиболее принятом обычном смысле этого слова, так как окончательное рассмотрение и решение дела сводится лишь к выводу итогов из бумажного производства, представленного следователем, и к формальному подведению приличных случаю узаконений, а сами судьи лишены возможности видеть подсудимого, а подсудимый — возможности защищаться перед судьями, которые таким образом имеют дело не с людьми, а с протоколами следствия. Но нет нужды останавливаться на всех, особенно второстепенных, недостатках духовно-судного процесса. Недостатки его настолько общепризнаны, что уже неоднократно и светской и духовной правительственной властью возбуждался вопрос о пересмотре действующих для духовного суда узаконений и реформ этого суда на других началах. Уже при издании судебных уставов в 1864 году законодатель имел в виду судебную власть духовных судов определить «особыми о них постановлениями» (см. примечание ко 2 ст. Учрежд. судебн. устан.). Затем, как видно из циркулярного указа Св. Синода от 14 января 1865 г., имелось в виду издать если не особый устав, согласованный с судебными уставами 1864 года, то во всяком случае разъяснение как вошедших в эти уставы правил, в чем-либо касаю-

щихся духовного ведомства, так и образа и порядка действия со стороны духовного ведомства в этих случаях. Затем, и в 60—70 годах предпринимались Св. Синодом обширные работы по вопросу о реформе духовного суда и организации его в соответствии с церковными канонами и с началами гражданской судебной реформы, завершившейся изданием судебных уставов 20 ноября 1864 года. Наконец, и в настоящее время Св. Синодом возбужден вопрос о пересмотре законоположений о духовном суде и согласовании его с каноническими соборными началами. Ввиду сего нет нужды, как уже сказано, останавливаться и выяснять общепризнанные недостатки и несовершенства судоустройства духовного суда, а, признав существование их установленным и неоспоримым, следует указать возможные в указанном направлении меры или способы к их устранению и замене или реформе современного строя духовно-судного процесса более совершенными и согласованными с каноническими началами формами судопроизводства. Обращаясь к сему, мы в самом указании существенных недостатков духовного суда, перечисленных выше, находим и естественное указание того, чего не достает ему и к чему должно стремиться, чтобы он стоял на уровне с современным ему светским судебным правом, которое далеко опередило церковное право и вошло в жизнь, как общепринятая норма. И в этом стремлении, а равно и в бывших ранее попытках приблизить духовный суд к формам суда светского и поставить его в уровень с последним даже в их основоположениях — не представляется ничего противоцерковного и неканонического уже в силу той тесной связи, в какой всегда находились Церковь и государство и в силу чего и русская Церковь, по примеру древней Церкви, пользовавшейся для своего суда формами суда греко-римского, гражданского, пользовалась в надлежащих обстоятельствах формами судопроизводства светского суда. И это позаимствование и пользование формами суда светского, и более широкое и глубокое вхождение норм права светского, гражданского, в область судебного церковного права — тем возможнее и желательнее, что нормы светского, гражданского права в существенной части своей нисколько не противоречат каноническим соборным началам нашей Церкви. В доказательство последней мысли можно указать на те элементарные формы духовного суда, какие общеприняты были Церковью еще на заре христианства и в период вселенских соборов и какие указаны в книге «Апостольских Постановлений», в описании так называемых «понедельничьих судов». Обращаясь к этим формам суда древней Церкви, мы видим, что в случае, например, обвинения священника в обиде, нанесенной им брату о Христе, или вообще в «неправом хождении перед Господом», — дело по этому обвинению поступало на суд старцев и затем епископа. Суду предшествовало дознание или следствие. Уполномоченные епископом собирали справки не только о нравственной личности обвиняемого, но и о личности обвинителя и свидетелей, дабы не сделать обвиняемого жертвой клеветников. Затем, после следствия, в один из понедельников назначался суд. В состав суда входили старцы-пресвитеры. Обвиняемый и обвинитель выходили на середину двора епископа и здесь вели защиту и обвинение в порядке состязатель-

ного процесса. Старцы судили по справедливости и правде любовной и затем ставили свое решение или мнение. Это решение или мнение не имело окончательной силы и восходило на решение епископа. Епископ, руководимый Духом Божиим и Евангелием, ставил уже окончательное решение или приговор. Таким образом, в основу духовного суда древней Церкви, как мы видим, положены почти все главные стадии судебного процесса, которые имеются в современном нам светском суде, ибо в этом суде, подобно теперешнему светскому, мы находим: и обвинение, и предварительное следствие, и предание суду, и следствие на самом суде, и суд через лиц, не имеющих власти ставить окончательный приговор, и — наконец — окончательный приговор. А раз это так, и если в действительности главные и существенные стадии современного судопроизводства светского суда не только не противоречат, но и согласуются в главных и существенных своих стадиях с нормами духовного суда древней Церкви, зиждущегося на канонических началах нашей Церкви, то в интересах устранения указанных выше недостатков и несовершенств современного нам духовного суда, вызывающих справедливые на него нарекания со стороны лиц, с ним соприкасающихся и свыкшихся с более совершенными нормами суда светского, не только возможно с точки зрения канонических начал, но и желательно, чтобы наш духовный суд, получивший в свое ведение довольно широкий круг судебных дел, из коих некоторые касаются и светских лиц, пользовался в надлежащих обстоятельствах формами судопроизводства светского суда. А для этого необходимо, чтобы те формы судопроизводства, которые, с появлением кодифицированного светского законодательства, легли в основу судопроизводства, изложенного в Уставе духовных консисторий и которыми, с изданием судебных уставов 1864 года, перестали пользоваться все другие судебные места, были оставлены и заменены более совершенными и более соответствующими духу церковных канонов формами и строем судопроизводства светского суда, действующего на основаниях, данных в судебных уставах 20 ноября 1864 года. И для этого, в частности, желательно и необходимо, чтобы в строе духовно-судного процесса были следующие стадии: предварительное следствие или дознание, производимое особыми специально подготовленными и опытными (уполномоченными от епископа) лицами или следователями, каковое следствие или дознание должно производиться по законному к тому поводу и основанию и заключать в себе данные, достаточные и необходимые для решения духовным судом вопроса о том, подтверждаются ли признаки проступка или преступления, возведенного на известное лицо, или не подтверждаются; рассмотрение духовным судом добытых предварительным следствием данных и решение вопроса о предании обвиняемого духовному или другому суду или прекращении производства следствия; в случае предания духовному суду — вызов в этот суд обвиняемого, обвинителя и их свидетелей и других прикосновенных к делу лиц и исследование дела путем судебного следствия через опрос сторон, свидетелей и других лиц на началах состязательного процесса, и затем решение дела на основании добытых на суде (следственным и состязательным порядком) данных и внутренне-

го убеждения и совести судей, с представлением сего решения на окончательное рассмотрение и решение епископа в порядке 328—330 ст. Устава дух. конс. по изд. 1883 года. Что касается детальных сторон означенного духовно-судного процесса, то они могут быть заимствованы, поскольку согласуются с намеченными началами и стадиями духовного суда, из тех обрядностей и порядков, которые приняты в судоустройстве светского суда.

Наряду с этим, с церковной точки зрения желательно и необходимо, чтобы компетенция духовного суда простиралась только на такой круг судебных дел, который имеет за собой каноническое основание подлежать этому суду. История русского церковного законодательства показывает, что Церковь всегда придерживалась этого основного взгляда при определении компетенции духовного суда, при квалифицировании проступков и преступлений духовных лиц и кодификации церковных узаконений. Благодаря этому компетенция духовного суда постепенно стала суживаться, и целый ряд дел и лиц постепенно отошел из ведомства духовного суда в ведомство светского суда. Сюда относятся из лиц: призреваемые Церковью слепцы, хромцы, задушные человеки (т. е. отпущенные по духовному завещанию на волю рабы) и др., а из дел — дела: о повреждении храмов, могил, нанесении побоев снохою свекрови, посягательств детей вступить в брак без воли родителей, насильном восхищении к браку, насилии, внебрачных детях, кровосмешении, еретичестве, волшебстве, святотатстве, богохульстве и других преступлениях против веры и Церкви. Кроме сего, и духовные лица, ведавшиеся в некоторых тяжебных делах с светскими лицами в духовном суде, отошли в этих делах к ведомству светского суда или по подведомственности светского лица или по подсудности предмета тяжбы. Придерживаясь указанного основного начала русского церковного законодательства, следует и из современного нам круга дел, подведомственных духовному суду, изъять и передать светскому те из них, для удержания коих в духовном суде нет достаточных канонических оснований. К числу их прежде всего следует отнести целый ряд дел бракоразводных и о признании браков недействительными. Отстаивать за собой бракоразводный процесс Церковь не имеет ни исторических (как свидетельствуют византологи), ни канонических (что̀ уже достаточно разъяснено в современной литературе по бракоразводному вопросу), ни практических (на манер Константинопольской патриархии) оснований. Кому неизвестно, что брачные разводы с их грязью, симуляцией прелюбодеяния, достоверным лжесвидетельством (если так можно выразиться), приносили и приносят лишь одни огорчения духовному ведомству, наносили урон авторитету духовного суда и сделались притчей в образованном обществе. Поэтому чем скорее от всего этого освободиться, тем лучше, — тем более что к сему не встречается серьезных препятствий. Бракоразводное дело в настоящем его виде обставлено столькими придатками чисто гражданского, государственного, а не церковного происхождения, что Церковь с полным удобством и без всякого для себя ущерба может и передать его государству, — его гражданскому суду. Взять хотя бы дела по расторжению браков в случаях осуждения одного из супругов в каторжные работы и на по-

селение и житье в Сибирь. Здесь все, предшествующее формальному расторжению брака, принадлежит светскому суду, и однако ж Церковь не терпит от этого никакого урона. Точно так же не получилось бы урона, если бы аналогичная роль присвоена была светскому суду и относительно рассмотрения остальных поводов развода, как-то: по прелюбодеянию и безвестному отсутствию одного из супругов. Затем, в бракоразводных делах по неспособности существенная и предрешающая все дело часть судопроизводства (в установлении повода к разводу) не принадлежит духовному суду, и однако Церковь тоже не терпит от этого никакого урона. Мы уже не говорим о целом ряде дел о признании браков недействительными по насилию, обману или в сумасшествии одного или обоих брачившихся, по каковым делам значительная и решающая существо дела часть судного процесса, по действующим узаконениям, и теперь принадлежит светскому суду и предваряет решение духовного суда о признании браков действительными или недействительными. Поэтому вполне желательно и необходимо, чтобы, подобно этим делам и делам о расторжении браков по неспособности к сожитию и за ссылкой в Сибирь по судебным приговорам, и все остальные дела по искам о расторжении брака начинались и ведались в суде светском во всем том, что̀ необходимо для установления действительности указанного в иске повода к разводу, и уже затем, когда, по обследовании в сем суде, указанные в законе поводы к разводу были бы с несомненностью установлены, приговор этого суда сообщался бы духовному суду для дальнейшего постановления и решения о расторжении брака. Желать такого порядка в сих делах побуждает и то соображение, что следствие по этим делам в духовном суде не может быть произведено с той полнотой и обстоятельностью, как в нынешнем светском преобразованном суде, который располагает для правильного и скорого производства следствия теми средствами, каких не имеет, да и едва ли скоро получит суд духовный. Причем, само собою разумеется, устранена была бы и та вопиющая несообразность, по которой теперь дела о расторжении браков по искам вчиняются в тех епархиях, в которых обязанные ими супруги имеют постоянное местожительство (ст. 244 Уст. дух. конс.), а не в тех, где совершено преступное деяние, дающее право на предъявление иска, вследствие чего нередко духовному суду приходится исследовать означенное преступное деяние за тысячи и более верст от места совершения преступного деяния и суда, что̀, разумеется, помимо замедления дела, не гарантирует полноты и обстоятельности исследования преступления. Тогда как в светском суде, за исключением случаев положительно в законе указанных, всякое преступное деяние (ст. 208 Уст. угол. судопр.) исследуется в той местности, где оно учинено, и судится в том суде, коему местность сия подведомственна, — и это потому, что следствие нигде не может быть проведено с таким успехом, как в месте, где учинено преступление, и не только потому, что явка свидетелей к следствию, по близости их места жительства, не представляет затруднений, но также и потому, что при местном розыске удобнее усмотреть следы преступления и собрать улики и доказательства вины или невинности подсудимого (реш. Правит. Сен. 1867 г.

№ 46). Отсутствие в духовном суде указанного основного требования и приводит к тому, между прочим, что в бракоразводном процессе по делам о расторжении браков по прелюбодеянию одного из супругов приходится главным образом руководствоваться теорией формальных доказательств, давным-давно осужденной и наукой и новейшими законодательствами, признавшими полную ее несостоятельность. Ввиду сего и других указанных выше соображений настоит положительная необходимость в отмене для духовного суда теории формальных доказательств (ст. 249 Уст. дух. конс.), так как суд духовный, суд Церкви, должен быть по преимуществу судом совести, а не формы, и не формально лишь обставленные, на деле, может быть, не существующие, а нравственно убедительные данные должны лежать в основе решения духовного суда по делам бракоразводным.

Наряду с этим следует передать ведомству гражданского суда и все производящиеся ныне в духовном ведомстве дела об удостоверении о действительности события браков и рождении от законного брака (ст. 258 и след. Уст. дух. конс.) и особенно дела об исправлении метрических записей о рождении по существу, при этом не в тех только случаях, когда возникает спор в гражданском суде о законности или незаконности рождения лица, записанного в метрические книги, а и вообще — когда возбуждается вопрос об исправлении метрической записи. К удержанию этих дел в ведомстве духовном нет достаточных ни канонических, ни практических оснований, тем более, что часть подобного рода дел (о законности рождения, когда возникает о сем спор, и об узаконении добрачных детей) производится в светском суде. Окончательные же постановления сего суда по этим делам должны сообщаться духовному начальству для надлежащих отметок в метрических книгах.

Таким образом, мы указали, на каких именно началах желательно и необходимо преобразование духовного суда в епархиальном ведомстве и какие стадии и обрядности должны составлять процессуальную сторону этого суда. Но, вместе с этим, крайне желательно и в интересах ускорения рассмотрения судебных дел или судопроизводства и в интересах и самих тяжущихся или сторон, чтобы дела, которые должны подлежать компетенции духовного суда, не все рассматривались и решались в консистории, а часть этих дел, подобно тому, как это фактически допускается во многих епархиях, подлежала бы компетенции благочиннических советов, которые в отправлении судебных функций и судопроизводства должны руководствоваться тем же порядком, который выше указан вообще для духовного суда, и которые — как и теперь — должны состоять из благочинного, его помощника и одного из священников по выбору духовенства на известный срок. Ведомству благочиннических советов в судебном отношении могут подлежать: а) вообще проступки и преступления духовных лиц против должности, благочиния и благоповедения, за которые по закону полагаются сравнительно незначительные меры взыскания и исправления, указанные в законе (ст. 176 п.п. 8—12 Уст. дух. конс.), и которые, по смыслу указа Святейшего Синода от 26 июля 1902 года за № 8, не служат препятствием для виновных к получению наград по службе;

б) дела по взаимным спорам, могущим возникать из-за пользования движимой и недвижимой церковной собственностью; в) просьбы о вознаграждении за ущербы и убытки, оцениваемые не свыше 50 руб.; г) жалобы об уплате бесспорных долгов и на нарушение бесспорных обязательств на сумму не свыше 100 руб.; д) дела о личных обидах и оскорблениях, не соединенных с проступками, противными достоинству духовного сана, и которые по закону могут прекращаться взаимным примирением; е) дела, которые не подходят под эти рубрики, но, по решению епархиального начальства, будут подлежать компетенции благочиннического совета. Все эти дела направляются в благочиннический совет или непосредственно лицами, вчиняющими дела, или направляются епархиальным епископом или консисторией, если они вчиняются в консистории или у епископа, и рассматриваются в указанном выше порядке судопроизводства не прежде как по производству духовным следователем предварительного следствия. Решения благочиннического совета, не обжалованные в течение месяца со времени объявления решения сторонам, считаются вошедшими в законную силу и обжалованию уже не подлежат; а обжалованные в установленное время — рассматриваются и окончательно решаются в епархиальном суде консистории. В случае законного отвода кого-либо из членов благочиннического совета вместо него приглашается соответствующий по положению в таком совете член ближайшего благочиннического совета. Издержки судебного свойства (например, по доставке к суду свидетелей), если будут заявлены, возлагаются на лиц, оказавшихся по суду виновными или ответчиками, при недоказанности же иска или обвинения — на лиц, возбудивших эти дела, а при невозможности взыскания этих издержек с кого следует — за счет казны, для чего в депозит духовного суда должен быть открыт казной соответствующий кредит. Само собой разумеется, что при вышеуказанной реформе духовного суда, обусловливающей собой сравнительно больший труд для суда и его канцелярии и требующей более или менее постоянного состава духовных следователей из лиц специально к сему подготовленных и опытных, необходимо, чтобы труд всех лиц, причастных к суду, был достаточно вознагражден или из средств казны, или из местных средств.

Что касается, засим, епархиального управления через посредство главного органа сего управления — консистории и других епархиально-административных учреждений, возникших параллельно с консисторией и обособившихся от оной, каковы: епархиальный училищный совет по церковно-школьным делам, епархиальное попечительство, миссионерский при братстве комитет и древлехранилище, управление свечного завода, пенсионная и погребальная касса и другие, — то, действительно, желательно и необходимо, в интересах облегчения для епархиальной власти направления деятельности этих учреждений к более правильному и согласному действию, объединить их в одном органе епископской власти. В данном случае более целесообразным представляется слить все эти административные учреждения с главным органом административного управления в епархии — консисторией, которая, объединив в своем ведении всю область епархиального управления, действительно, стала

бы тем действенным епархиальным органом, который мог бы соображать всю совокупность дел и интересов указанных епархиальных учреждений и направлять их к правильному и согласному действию. И для этого объединения не может встретиться серьезных затруднений ни по существу, ни с технической стороны. Обращаясь, например, к истории возникновения некоторых из сих учреждений, можно видеть, что деятельность некоторых из них (например, по школьному делу, миссионерскому, свечной операции) сосредоточивалась раньше в консистории и только с течением времени, при развитии и увеличении этой деятельности, дабы не обременять без нужды своими функциями других функций в деятельности консистории, что̀ было неизбежно при неизменном по штату составе служащих в консистории, выделилась из консистории и получила самостоятельную от последней организацию. Кроме сего, заслуживает внимания и то обстоятельство, что во всех указанных выше учреждениях, в том или ином числе, ведают дела те же лица, которые (по крайней мере, в Полоцкой епархии) служат и в консистории. А если представляется возможным для этих лиц совмещать свою службу или деятельность по консистории с служебной деятельностью в указанных учреждениях, то, само собою, не встретится затруднений к совмещению этой разнообразной служебной деятельности при слиянии означенных учреждений с консисторией: вся разница будет только в том, что то, что̀ доселе делается ими в разных местах и в разное время, при слиянии учреждений с консисторией будет делаться в одном месте и в другое время. Самое делопроизводство и денежная часть со счетоводством в означенных епархиальных учреждениях по характеру своему не представит затруднений к указанному слиянию и объединению; по количеству же бумаг и дел (журналов, постановлений, актов и т. п.) увеличение бумаг и дел в консистории не будет превышать 10% теперешнего количества*. Что касается, в частности, епархиального училищного совета, то из теперешнего состава членов оного епархиальный наблюдатель школ церковно-приходских и грамоты, оставаясь епархиальным наблюдателем с присвоенными ему ныне правами и обязанностями, обязательно входит в состав членов присутствия консистории, а остальные члены сего совета, не входя в состав служащих в консистории, лишь приглашаются в качестве членов совета в присутствие консистории для обсуждения дел по училищному совету в назначенное для этого время. Отношение к сему совету его уездных отделений и круг их деятельности остаются в общем прежними, как это указано в «Положении об управлении школами церковно-приходскими и грамоты». Все эти епархиальные учреждения, слившись и объединившись с консисторией, делопроизводство по специальному кругу своих дел должны вести общеустановленным для губернских присутственных мест порядком, принятым и в консистории. При этом, ввиду увеличения делопроизводства, состав постоянного присутствия консистории должен быть увеличен на 2—3 члена, а состав служащих в

* Только по епархиальному училищному совету сравнительно значительное движение бумаг: в среднем в год входящих 1100, исходящих 1500, журнальных статей около 200; по остальным же учреждениям движение бумаг незначительно.

канцелярии — на два стола с особыми столоначальниками или делопроизводителями с потребным количеством писцов, между каковыми столами и другими уже существующими и должно быть распределено делопроизводство по делам училищным, миссионерским, попечительским, свечной операции и пенсионно-погребальным кассам. Увеличение движения бумаг и денежных сумм вызывает необходимость помощника регистратору и помощника казначею, который может вести особые денежные книги для сумм епархиальных учреждений, объединившихся с консисторией. Источником вознаграждения в достаточном размере для новых членов в составе присутствия, а также для новых делопроизводителей, помощников регистратора и казначея и писцов — могут служить частью те средства, которые ныне получаются служащими в указанных учреждениях, частью те средства, которые могут быть изысканы на месте из средств общеепархиальных. Наконец, для большей жизненности и согласованности деятельности консистории с нуждами, потребностями и преобладающими в епархии взглядами и желаниями, клонящимися к общему благу епархии, желательно, чтобы к постоянному составу членов присутствия были избираемы всем духовенством епархии два или три временно присутствующих члена, выбор которых удобнее всего производить на епархиальных съездах, и чтобы, по мере выхода из состава присутствия постоянных членов, на место выбывшего назначался один из кандидатов, выбираемых тоже всем духовенством епархии. Подобное объединение всей области епархиального управления в одном органе (требующее в отношении консистории, епархиального училищного совета и епархиального попечительства соответствующих изменений в узаконениях о них), при постоянном составе одних и тех же лиц, которые будут соображать всю совокупность дел и интересов общеепархиальных, действительно даст возможность епископской власти направлять всю область епархиального управления к правильному и согласованному действию * и, вместе с этим, устранить замечаемые иной раз в деятельности епархиальных учреждений односторонность и антагонизм, столь естественные при преследовании ими своих узкоспециальных интересов, — необстоятельность и неполноту решений, обусловливаемую иной раз недостаточной осведомленностью в общих и специальных узаконения и неимением под руками всех необходимых для дела справок, — стремление иной раз вторгнуться своим влиянием в круг ведомства и действий другого учреждения или места и присвоить себе некоторые его права и функции, — и, наконец, излишнюю переписку между учреждениями, обусловливаемую их самостоятельностью и обособленностью друг от друга. При такой организации всей области епархиального управления в одном органе благовременно присвоить ему и более соответствующее ему по кругу его дел и сообразно с установившейся терминологией для губернских управлений — наименование, каковым может быть:

* Для обеспечения, наприм. «согласного действования» консистории и епархиального попечительства и для удобства сношений между ними, законодатель даже и теперь требует, чтобы один из присутствующих в консистории был и попечителем (ст. 487 Уст. общ. призр., т. XIII Св. Зав. изд. 1892 г.).

«епархиальное правление». Во главе «епархиального правления» должен быть епископ, который если не постоянно, то по крайней мере в наиболее важных делах, принимает активное участие в рассмотрении и решении этих дел, руководя всем не только в качестве председателя, но и главного начальника в епархии. Такой порядок канонически возглавлял бы «епархиальное правление», которое представляет собой «постоянный совет пресвитеров», ускорил бы рассмотрение и решение дел, дал бы епископу возможность непосредственного ознакомления с деятельностью этого совета пресвитеров и их положительными и отрицательными сторонами, устранил бы возможность посторонних, побочных влияний на направление и исход дел и способствовал бы сокращению производства и переписки, обусловливаемой ныне существующим порядком в отношениях епископа к консистории. При описанном выше объединении епархиальных учреждений такого рода учреждения в епархии, как епархиальное Свято-Владимирское братство, епархиальный комитет Православного Миссионерского Общества, витебский отдел Императорского Православного Палестинского Общества, общества вспомоществования ученикам и т. п., как имеющие характер временного, а не постоянного и обязательного в епархии учреждения, существование коих обусловливается иной раз количеством платных членов, пожелавших войти в их состав, а открытие и закрытие — зависит от воли этих членов, и как не имеющие по характеру своей деятельности значения духовно-административных учреждений для управления епархией, не должны сливаться и объединяться в один орган епархиального управления, продолжая функционировать на основании своих уставов или основных для них положений, из коих при этом должно быть выключено все то, что может придать этим учреждениям характер учреждения, претендующего присвоить себе некоторую роль в управлении епархией. Указанный выше принцип объединения духовно-административных учреждений желательно, насколько возможно, применить и для учреждения Духовного Ведомства в каждом из уездов епархии, с передачей компетенции этих низших объединенных органов известного круга дел для окончательного решения.

Но в ряду епархиальных учреждений должны получить большую роль и большее значение, нежели какое теперь имеют, епархиальные съезды духовенства. Съезды эти, возникшие на основании семинарского устава 1867 г., специально для удовлетворения нужд семинарии, мужских и епархиальных женских училищ, с самого открытия их показали довольно живое отношение к тем делам, какие предоставлены были их ведению, и успели сделать немало полезного в устроении этих дел. Но, к сожалению, при самом открытии их, в самой постановке этих съездов допущено несколько неправильностей и односторонностей, которые и препятствуют съездам приносить всю ту пользу для жизни церковной, какую они должны приносить по существу дела. К числу этих недостатков и несовершенств в общих чертах следует отнести: незначительность круга их самостоятельности, ограниченность круга предметов их ведения и пределов деятельности и односторонность направления. И хотя, под влиянием требований самой жизни, эти недостатки и несовершенства в поста-

новке съездов по местам постепенно и устраняются, выводя деятельность этих съездов из тесных границ, которые указаны для них в семинарском уставе, но все же остается еще много желать, чтобы дать этим съездам более правильную постановку, благодаря которой они получили бы и бóльшую самостоятельность, и более широкий круг предметов их ведения, и меньшую односторонность их направления, и более живое, жизненное значение всей их деятельности, совокупность каковых условий давала бы съездам возможность иметь значение действительно вспомогательного органа при епископе, в виде «совета пресвитеров» не только по вопросам о материальных, но и религиозно-нравственных и других общеепархиальных нуждах. Для лучшей постановки и устройства епархиальных съездов поэтому желательно следующее. Они не должны иметь характер случайного явления, могущего по чьей-либо личной воле быть или не быть, а должны иметь характер постоянного, последовательного выражения совещательного или соборного начала в церковной жизни и для этого должны быть, по крайней мере, однажды в год, а в случаях чрезвычайных важных и не терпящих отлагательства, касающихся всей епархии, — и чаще, в виде экстренных съездов. На съезды могут являться по два депутата от духовенства благочиния, по предварительному уполномочию от благочиннических съездов или собраний. Председательствовать на епархиальных съездах непременно должен сам епископ — и не в качестве главного блюстителя за внешним порядком совещаний с одинаковым с другими правом голоса, а в качестве главного духовного начальника всей епархии, желающего знать и ознакомиться с такими явлениями в жизни епархии, которые недоступны его наблюдению при других способах ознакомления с этой жизнью, и желающего ознакомиться с взглядами, мнениями и советами на эти явления лучших и опытных людей для соответствующих мероприятий в деле устроения и управления епархиею. На собрании этих съездов члены его или депутаты могут делать заявления, высказывать мнения, предлагать проекты и решение их; но право окончательного постановления или утверждения решений должно, как и теперь, принадлежать самому епископу. Он, собственно, есть ответственный (нравственно и официально) правитель епархии, и поэтому никакое постановление епархиального собрания, никакое мнение большинства не может освободить его от ответственности за какую-нибудь принимаемую по епархии меру, если этой меры не одобряет его собственная мысль и совесть. Поэтому епархиальные съезды при епископе должны иметь лишь совещательное, а не административно-правительственное значение. Правительственная же власть в епархии должна оставаться в руках епископа. Епархиальные съезды, представляя собой таким образом более или менее постоянный собор или совет пресвитеров, должны собираться главным образом затем, чтобы, как сказано выше, дать возможность епископу ближе ознакомиться с потребностями, мнениями паствы и помогать ему советами лучших людей в управлении паствой, не стесняя его власть и не противодействуя ей. Что касается мнений, желаний и потребностей, то в заявлениях о них и предъявлениях их должна быть предоставлена участникам в съезде полнейшая свобода. Не

только всякое мнение и решение, постановленное предварительно на местном благочинническом собрании, должно быть обязательно предъявляемо депутатами благочиния на этом съезде, но и всякое личное мнение по всякому предложенному вопросу должно быть смело высказываемо всяким членом съезда, без всякого опасения какой-либо ответственности, начальственного неблаговоления и т. п.

Что касается до существа дел, подлежащих ведению епархиальных съездов, то сюда могут быть представляемы на рассмотрение епархиальные дела всякого рода: помимо специальных вопросов по содержанию духовно-учебных заведений, вопросы, касающиеся епархиального управления, выборов временных членов в состав присутствия «епархиального правления» или кандидатов для пополнения постоянного состава членов сего присутствия, церковного хозяйства, духовного образования пастырей, миссионерской части, религиозно-нравственного образования народа, распространения неправильных учений в народе, состояния духовно-учебных и благотворительных заведений и т. п. Разумеется, вопросы менее важные, которые могут быть обсуждаемы на собраниях благочинных, и такие дела, которые обычны и по установившемуся порядку могут быть правильно производимы в постоянно действующих духовно-административных учреждениях, не должны отнимать лишнего времени у членов епархиального съезда. Но по преимуществу дела и вопросы новые, по которым нет установившихся мнений и определенной практики, должны обращать на себя особенное внимание этих съездов. С полным вниманием также должны быть рассматриваемы предъявляемые здесь жалобы на неисправность самих органов духовной администрации, постоянно действующих, на неудовлетворительное состояние религиозно-образовательных заведений и т. д. Вопросы, подлежащие обсуждению съезда, следует оповещать заблаговременно, чтобы депутаты и уполномочившие их могли составить предварительно сколько-нибудь определенные мнения по этим вопросам. Но это не должно стеснять членов съезда в предъявлении на собрании вопросов новых, заблаговременно не указанных. Право делать заявления всякого рода должен иметь всякий член съезда — как от лица того округа, которым он послан, так и от своего собственного лица. И прежде всего на съезде должно быть место заявлениям самого председателя — епископа, который и помимо местных заявлений, представляемых депутатами разных округов, может и из других источников и из своих собственных наблюдений иметь множество малодоступных другим членам съезда сведений о состоянии и потребностях не только той или другой местности, но и целой епархии. Большая часть вопросов должна быть обсуждаема открыто; но по некоторым, преимущественно касающимся выбора лиц в разные должности, должна быть закрытая баллотировка. В закрытых баллотировках и открытых голосованиях разных вопросов всем членам съезда должно быть предоставляемо одинаковое право. Но епископ, в качестве председателя съезда, на основании высказанного выше принципа, не должен принимать участия в этих голосованиях наравне с другими членами съезда. Он может перед голосованием высказать или не высказывать

своего мнения по вопросу, подлежащему голосованию, предложить своего кандидата (в ряду других) на известную должность или предварительно предоставить высказаться относительно замещения этой должности другим членам собрания, — затем, по окончании голосования, утвердить мнение большинства или меньшинства на известных основаниях или объявить, также с известными мотивами, свое решение по этому вопросу, хотя бы и несогласное ни с большинством, ни с меньшинством. Все вопросы, мнения и постановления, предъявляемые на епархиальных съездах, должны быть возможно тщательно записываемы, чтобы, с одной стороны, представлять отчетливую хронику епархиальной жизни и материал для проверки правильного течения ее высшей церковной властью, а с другой — и это главнее — представлять данные или материал для епископа для зависящих соображений и мероприятий в области епархиального управления. При вышеописанном устройстве епархиальных съездов они освободятся от тесных границ, указанных для них семинарским уставом 1867 года, и — в качестве «совета пресвитеров» — будут служить для епископа действительно весьма полезным вспомогательным органом в сфере епархиального управления по многообразным вопросам и нуждам епархиальной жизни.

Что касается вопроса о порядке приобретения Церковью и духовенством собственности, то по данному вопросу обращают на себя внимание те узаконения, по которым в настоящее время требуется, чтобы, в случае приобретения недвижимой собственности в пользу церквей, монастырей и архиерейских домов, испрашивалось на это Высочайшее соизволение, а в случае приобретения такой собственности в пользу духовенства — имущество это укреплялось не за действительным приобретателем, а за фиктивным — епархиальным начальством или учебным заведением. Подобные условия и ограничения прав приобретения собственности представляются малопонятными и практически неудобными, и, кажется, единственное оправдание для их существования лишь в том, что на аномалию их своевременно не было обращено внимания. По действующим узаконениям, например, какое-либо общество вспомоществования ученикам имеет право беспрепятственного приобретения недвижимых имуществ в свою пользу, а самое духовное училище, при котором это общество открыто, не имеет такого беспрепятственного права, а должно испрашивать разрешение Св. Синода (т. IX Св. Зак. по прод. 1890 г., прим. к ст. 398); или какая-либо богадельня, приют при церкви тоже имеют право беспрепятственного приобретения недвижимой собственности, а самая церковь, при коей открыта богадельня, не имеет права приобретать такой собственности без особого каждый раз Высочайшего разрешения (т. IX Св. Зак. ст. 386 и 398; Уст. дух. конс. ст. 106 и 137); или, в качестве частного лица, члены клира имеют право на беспрепятственное приобретение в свою пользу недвижимого имущества, а в качестве представителей духовного сословия — не имеют такого права (ст. 698 т X ч. 1 по изд. 1900 г.). Поэтому желательно и необходимо пересмотреть действующие по сему предмету узаконения — в смысле отмены ограничения права приобретения недвижимой собственности

церквами, монастырями и архиерейскими домами путем купли, дара или пожертвования, по коему обязательно требуется испрашивать каждый раз Высочайшее соизволение, и в смысле присвоения духовенству прав юридического лица по приобретению в его причтовую собственность недвижимого имущества. Это особенно желательно и ввиду того, что, по недавнему разъяснению Правительствующего Сената, даже состоящие в Духовном Ведомстве общества, братства, приюты, богадельни и тому подобные религиозно-просветительные, благотворительные и богоугодные учреждения, действующие на основании уставов или правил, утвержденных епархиальными начальствами, либо Святейшим Синодом, или же светской властью, могут приобретать на свое имя и отчуждать общеустановленным порядком, без испрошения на то Высочайшего разрешения («Церковные ведомости» 1901 г. № 10). То же самое, что̀ сказано о праве приобретения, следует сказать и о праве отчуждения собственности. Но дабы, при отмене означенных ограничений, не могло быть случаев приобретения церквами, монастырями и архиерейскими домами имуществ ненужных, невыгодных, спорных и т. п., то, в ограничении их от этого, желательно и целесообразно было бы, чтобы рассмотрение подобного рода дел и получение разрешения на приобретение, а равно и отчуждение недвижимой собственности — зависело от высшей духовной власти.

IV.

Благоустройство прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях представляет при данных исторических обстоятельствах самую трудную и важную задачу. Суждения и желания в отношении способов и целей благоустройства прихода давно уже разделяют клир и мирян на две состязающиеся стороны. Миряне обыкновенно заявляют, что — при существующем порядке — прихожане только жертвователи, лишенные возможности следить, куда направляются их пожертвования. Такое положение отучает прихожан интересоваться церковными делами, не дает им чувствовать себя членами прихода. Церковно-приходские попечительства — учреждения мертворожденные, главным образом потому, что члены приходской общины в большинстве случаев не разделяют их идеи или отстраняются от дела. Для оживления приходской жизни необходимо предоставить прихожанам некоторые права по отношению к церкви и причту. Нужно предоставить прихожанам право рекомендовать желательных им кандидатов священства, просить об оставлении переводимых членов причта и т. п. Необходимо дать право прихожанам знать, куда и как расходуются жертвуемые ими деньги, расширить благотворительную деятельность приходских попечительств, направляя ее не только на церковь и причт, но и на беднейших и вообще нуждающихся прихожан. Для оживления приходской жизни необходимо вызвать интерес к ней со стороны прихожан через предоставление им возможно больших прав на участие во всех сторонах приходской жизни. Теперь прихожане не чувствуют, что церковные дела и интересы есть их собственные дела

и интересы, и в этом именно лежит основа их охлаждения к церковно-приходской жизни. Представители же клира заявляют, что — при существующем порядке — прихожане действительно не знают в подробностях, как и куда расходуются церковные деньги, но и посвящать их в эти подробности нельзя, ибо если прихожане узнают, что почти весь церковный доход в огромном большинстве церквей расходуется на содержание духовно-учебных заведений и на некоторые общеепархиальные нужды, то, несомненно, такой расход вызовет с их стороны справедливый протест, а если еще прихожанам предоставить и права в распоряжении церковными суммами, то, наверное, ресурсы духовно-учебных заведений пострадают. С этой стороны, допущение прихожан к участию в распоряжении церковными суммами может-де быть опасно, особенно если иметь в виду, что реформа прихода должна совершиться «без потрясения и вреда для существующих учреждений, содержимых на церковные средства». Однако некоторые высказывали, что эти опасения напрасны, так как, если прихожанам заранее объявить, что известная часть церковных доходов должна быть, по распоряжению высшей власти, употреблена на нужды духовно-учебных заведений и т. п., то, конечно, выделение этой части не вызовет никакого ропота, и прихожанам придется только рассуждать о суммах, оставшихся по отсылке обязательных сборов. Представители духовенства с этим доводом не соглашаются, указывая на то, что, по оплате всех обязательных сборов, в весьма многих церквах не останется сумм, о которых бы прихожанам можно было рассуждать, и что это, несомненно, вызовет ропот и еще большее охлаждение к церкви и даже уменьшение церковных доходов. Что же касается весьма слабого развития приходской благотворительности, то это явление будто мало зависит от существующего строя приходской жизни, а основывается на психологии самого народа. Подтверждением сего, по заявлению некоторых священников, могут служить волостные сходы, где уже крестьяне чувствуют себя вполне хозяевами дела, и на этих-то сходах всякие благотворительные затеи и предложения пожертвовать обыкновенно проваливаются. Точно так же едва ли будет практически полезно предоставление прихожанам (в том или другом размере) права рекомендации и ходатайства о назначении членов причта, ибо такое право будет способствовать развитию в приходах интриг и партийности и в весьма редких случаях будет выражать собой правильное суждение о качествах членов причта. Да и отсутствие этого права в настоящее время совершенно нечувствительно для прихожан, так как хорошие пастыри почти никогда, кроме их собственного желания, не переводятся из приходов; если же и бывают иногда непонятные и нежелательные для прихожан перемещения, то только потому, что прихожане не знают тех причин, которые вынудили на это епархиальное начальство, несмотря даже на наличность ходатайств прихожан; тем более, что прихожане в большинстве случаев не имеют возможности и достаточных оснований правильно оценивать деятельность членов причта во всех ее проявлениях. Даже епархиальному начальству, и то весьма трудно иметь точные сведения о клире.

Таким образом, по тщательном и всестороннем рассмотрении этого вопроса, приходится предположить следующее:

1) Необходимо учреждение приходской общины. Но это может быть только в том случае, если в распоряжении общины будут находиться материальные средства, изысканные самими прихожанами на приходские нужды. Эти средства могут быть изысканы через самообложение соответственно материальному достатку каждого лица в приходе или иным каким-либо способом. Возможно и желательно участие прихожан в заведовании церковным хозяйством и теми церковными суммами из свечной прибыли и кошелькового сбора, какие остаются по удовлетворении всех расходов на общеепархиальные нужды и синодальные требования, тем более, что на это имеется некоторое основание в Высочайше утвержденной инструкции церковным старостам (§ 36). Приходская община может быть организована применительно к тем правилам, какие разработаны для устройства православных приходов в Финляндии, для чего должна быть выработана подробная инструкция, но с тем, чтобы во всех своих действиях приходская община, кроме инструкции, руководствовалась и всеми существующими духовными и гражданскими узаконениями и подлежала контролю духовного начальства. С устройством приходской общины и возвращением ей отнятого у нее права на деятельное участие в церковном хозяйстве и в распоряжении хотя бы остающимися после всех взносов на общеепархиальные нужды церковными суммами спадет с священников значительная тяжесть той исключительной их ответственности за весь приход, какая подчас положительно их давит. В настоящее время священник положительно отвечает за все: за то, что приходский храм не благоустроен, не чисто содержится, за то, что дома для причта требуют ремонта, а средств для этого не имеется, за то, что прихожане не усердны к храму, за то, что они не просвещены, за то, что нет церковной школы или она идет плохо и т. д. При всей энергии, при всей ревности к исполнению своих обязанностей, при настоящем устройстве прихода священник не в состоянии добросовестно выполнить все лежащие на нем обязанности. Тогда же половина этой тяжести, если не более, ляжет на плечи самих прихожан.

2) Что касается выборов членов клира прихожанами, то таковой выбор мог бы быть вполне применен только в том случае, если бы прихожане в состоянии были дать и давали полное содержание членам причта, так как в таком случае каждый прихожанин, давая средства на содержание членов причта, живо интересовался бы избираемыми кандидатами и вправе был бы желать и участвовать в избрании их. Вообще же избрание приходом членов причта нельзя признать особенно желательным, ввиду возможности постоянных интриг, партий, взаимных пререканий и неудовольствий, которые всегда связываются с избирательным началом и в сфере церковной являются по преимуществу неприличными, а с другой стороны — и ввиду недостаточной компетентности и даже благонадежности многих приходских общин для определения истинных достоинств и необходимых черт пастыря Церкви. В частности, православное население Полоцкой епархии весьма бедно и может с

своей стороны давать на содержание причта разве только некоторое вспомоществование, и то только при условии освобождения прихожан от существующей ныне платы за обязательные требы (погребение, крещение, исповедь, бракосочетание и др.). Кроме того, вследствие умственной неразвитости населения Западного края и крайней забитости оного со времен крепостного права и вследствие исторической зависимости от помещиков-поляков и католической пропаганды, белорусские прихожане не могут отнестись с должным пониманием к этому в высшей степени важному делу — выбору членов причта, и таким образом легко может быть, что, пользуясь неразвитостью населения в приходах, при выборах членов причта появились бы разного рода вожаки, которые при выборе руководствовались не умственными и нравственными качествами избираемых лиц, а какими-либо своими личными расчетами и соображениями, и проводили бы на должность членов клира своих кандидатов, часто вовсе не соответствующих по своим умственным и нравственным качествам великому пастырскому служению. В истории Полоцкой епархии бывало немало случаев, когда прихожане возбуждали перед епархиальным начальством ходатайства о назначении на священноцерковнослужительские должности таких лиц, которые хорошо известны епархиальному начальству своим дурным поведением. Кроме того, могут быть и нежелательные происки и агитация и со стороны самих кандидатов на должности клира, которые также могут порождать вредные волнения. Помимо того, в Полоцкой епархии имеются (и не мало) приходы, в которых, вследствие исключительного их положения среди инославного населения, выборное начало вовсе неприменимо. Кандидаты в эти приходы, кроме особенных умственных и нравственных качеств, должны иметь и специальные знания, каковые качества не всегда в должной степени могут быть оценены местными прихожанами. Все достоинства кандидатов для таких приходов могут быть ведомы епархиальному начальству, которое при назначении их может руководствоваться и административными соображениями. Для кандидатов клира в настоящее время прежде всего необходим известный образовательный ценз; при выборном же начале население сельских приходов и даже некоторых городских будет поставлено в крайне затруднительное положение, когда придется выбирать из двух-трех лиц, имеющих образовательный ценз, а в некоторых приходах не найдется даже и этого числа кандидатов; выбор же неизвестных приходу кандидатов пользы делу не принесет, а скорее причинит вред. Епархиальная же власть, без сомнения, лучше может знать кандидатов священства, имея возможность следить и лично и через школьное начальство за их образованием и воспитанием. Но, для достижения более близкого и участливого отношения между причтом и прихожанами, участие последних в выборах членов клира может быть допустимо только в том смысле, чтобы прихожанам было предоставлено право ходатайствовать перед епархиальным начальством о своих кандидатах, если таковые у них имеются, и чтобы епархиальное начальство без достаточных оснований не отказывало в удовлетворении этих ходатайств и уведомляло о причинах отказа.

3) С учреждением приходской общины и с предоставлением ей вышеуказанных прав прежде всего необходимо изыскать средства к обеспечению духовенства определенным в должном размере жалованьем, чтобы духовенство было избавлено от необходимости торговаться с прихожанами перед совершением таинств и духовных треб, и притом — чтобы жалованье это получалось духовенством не от прихожан непосредственно или через их сословные учреждения, хотя бы и изысканное через самообложение прихожан, а из Государственного казначейства, так как неисполнение прихожанами принятых на себя обязательств по содержанию причта или своего приходского храма — в настоящее время явление общераспространенное, и, кроме того, справедливо надо опасаться, что материальная зависимость священника от прихожан была бы вместе и нравственною зависимостью и составила бы «непобедимую преграду» для пастырского влияния священника на приход.

4) С учреждением приходской общины и обеспечением духовенства в должном размере жалованьем, для благоустройства прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях необходимо еще и более всего, чтобы само приходское духовенство — душа прихода А) относилось искренно, сердечно и по совести к своим пастырским обязанностям, а не формально, и обратило бы особенное внимание: а) на церковную проповедь, сделав оную живым словом пастыря к пасомым, б) на религиозно-нравственные чтения, распространив их в возможно бóльших пунктах прихода, чтобы каждый прихожанин — малый и старый — мог слышать возможно чаще если не живое слово своего пастыря, то предложенные под его руководством религиозно-нравственные чтения, в) устройство церковных библиотек для общего пользования; и Б) совместно с церковно-приходской общиной — г) на открытие в каждом приходе братств, в состав которых входили бы лица разного пола, звания и состояния, и которые способствовали бы просветительным благотворительным и даже миссионерским делам в приходе, д) на устройство в приходе детских школ, отдельно для мальчиков и девочек, е) приютов и богаделен и ж) на дела благотворительности, — через что будет усиливаться тесная связь между духовенством и прихожанами, каковую связь духовенство должно заботиться поддерживать всеми зависящими от него способами, между прочим обязательным посещением своих прихожан со святым крестом и молитвой в праздники Рождества Христова, Крещения и Пасхи. Без этого же одно преобразование прихода останется одним формальным актом и не принесет никакой пользы.

V.

Вопрос об усовершении духовно-учебных школ в настоящее время едва ли может быть решен иначе как через превращение духовных училищ (с приготовительным классом) и первых трех классов семинарии в гимназии Духовного Ведомства, а последних трех классов — в богословские курсы или «пастырское училище». Ибо устройство богословских училищ с сокращенным

общеобразовательным курсом, которые служили бы исключительно для приготовления кандидатов на священнослужительские должности, с допущением в эти училища детей, прошедших курс церковно-приходских школ (за исключением второклассных) без различия сословий, не может быть признано целесообразным, так как школы эти во всех отношениях будут ниже существующих духовно-учебных школ, строй которых признается не отвечающим назначению. Главный упрек, который ставится теперешним духовным школам, состоит в том, что они не сообщают своим питомцам религиозного настроения, любви и внутреннего расположения к тому служению, к которому последние предназначаются, что строем этих школ заранее предрешается будущее призвание поступающих в них детей, на что ни сама школа, ни родители или опекуны детей часто не имеют вовсе достаточно данных и оснований. Но этот же самый недостаток целиком войдет и в предполагаемые богословские училища, так как и в них будут поступать дети, не отдающие себе отчета в своих стремлениях, и определение в них детей всегда будет вытекать из стремления родителей (преимущественно беднейшего класса) устроить где-нибудь получше (сообразно своим понятиям и средствам) своего ребенка, сообразуясь не с его наклонностями (которых очень часто и не видно), а с возможностью и материальными средствами. Кроме этого, познания, сообщаемые в предполагаемых богословских училищах, по всей вероятности были бы много слабее и сокращеннее тех, которые дают теперь своим питомцам средние духовно-учебные заведения. Посему общие соображения относительно реформы общеобразовательных низших и средних духовно-учебных заведений можно выразить в следующих положениях:

1) Главные причины, почему воспитанники духовно-учебных заведений стремятся уйти из духовного звания, заключаются, во-первых, в ненормальном положении нашего духовенства в материальном и в правовом отношениях, а во-вторых — и в особенности — в ненормальном состоянии Церкви, члены которой не принимают и не могут принять при современном положении действительного активного участия в жизни церковной и вследствие этого остаются чуждыми ей. Следовательно, для устранения этих причин необходима общецерковная реформа на началах соборности и изменение быта духовенства.

2) Так как собственной причиной ненормального положения нашей духовной средней школы является смешение в одном учебном заведении двух целей: специальной (приготовление служителей Церкви, как гласит § 1 устава дух. сем. и § 1 устава дух. учил.) и общеобразовательной, созданной практикой, то необходимо в духовно-учебных заведениях общее образование совершенно отделить от богословского и, в целях последнего, учредить богословские курсы или «пастырское училище», куда могли бы поступать лица со средним образованием, желающие посвятить себя служению православной Церкви.

3) Из духовных училищ и низших классов семинарии необходимо создать вполне законченную общеобразовательную среднюю школу, с правами ми-

нистерских гимназий, но с некоторыми своеобразными особенностями в программе, в целях дать более солидное и основательное среднее образование.

4) С успехом кончившие курс в таких средних учебных заведениях, как и имеющие аттестат зрелости, на равных правах, могут поступать во все университеты и другие высшие учебные заведения, а также без экзамена на богословские курсы; лучшие из них и желающие, по рекомендации педагогических советов, могут поступать в духовные академии.

5) Сохранять сословную обособленность духовно-учебных заведений и 10% норму для светских не представляется полезным. В гимназиях Духовного Ведомства дети духовенства пусть пользуются только правом преимущественного поступления (предпочтительного), свободой от платы за учение и особым правом на стипендии Духовного Ведомства. Для пользы учебного дела нужно бы норму классного состава учащихся понизить до 40 (вместо 50). Желательно, чтобы всеобщее обучение производилось за государственный счет.

6) Для усиления воспитательного влияния преподавателей необходимо введение института классных наставников, которые могли бы входить во внутреннюю жизнь учеников и руководить ими в умственном и нравственном развитии (особенно это необходимо для младших классов).

7) Не надо устраивать большие общежития, где казарменная обстановка обыкновенно действует на воспитанников удручающим образом и располагает к особым порокам, свойственным воспитанникам, живущим в общежитии, и особенно воспитанникам закрытых учебных заведений; следовало бы свободно размещать учеников на частных квартирах в благонадежных семьях; хорошо было бы также и в интернатах устроить отдельные комнаты человек на 6 или на 8, где бы ученики могли группироваться по своим склонностям и сами заботиться о благоустройстве своих помещений.

8) Для управления такими гимназиями Духовного Ведомства назначать директоров и инспекторов не обязательно из лиц, носящих духовный сан, и лучше установить выборное представление кандидатов на эти ответственные должности со стороны педагогических советов, с участием в выборах и представителей от родителей с совещательным голосом.

Ко всему этому нужно присоединить еще следующие положения:

9) Уравнять права преподавателей духовных гимназий с правами преподавателей других средних учебных заведений и улучшить их материальное положение так, чтобы им была возможность всецело предаться исполнению своих прямых обязанностей, и не было необходимости искать занятий на стороне.

10) Предоставить преподавателям свободу выбора учебников и учебных пособий и большую свободу в преподавании, под контролем общего педагогического совета.

11) Отменить переходные экзамены для учеников, оказавших удовлетворительные успехи в течение учебного года.

12) Отменить систему ежедневных официальных отметок в классных журналах (с оставлением четвертных и годовых), в целях уменьшения несомненного вреда их в воспитательном отношении.

13) Необходимо обратить самое серьезное внимание на санитарно-гигиеническое состояние интернатов, физическое развитие и здоровье учащихся. Для этого установить постоянный медицинский надзор над всеми учащимися (в виде периодических возможно частых осмотров и наблюдений над воспитанниками при классных и внеклассных занятиях), предоставить врачу наблюдение за пищевыми продуктами и столом, вменить ему в обязанность составление ежегодных отчетов о состоянии интернатов в санитарно-гигиеническом отношении и о состоянии здоровья воспитанников для непременного напечатания в местном епархиальном органе, и, что̀ более всего важно для действительности этих мер, предоставить врачу право голоса во всех педагогических собраниях (по уставу 1867 г. так и было, см. § 74).

14) В целях содействия саморазвитию и целесообразному использованию свободного времени воспитанниками, является весьма желательным устроение читален с духовной и светской журналистикой и предоставление воспитанникам самим заботиться о пополнении и аккуратном содержании своей ученической библиотеки, конечно, под контролем и руководством классных наставников. Кроме того, учреждение — при содействии преподавателей — литературно-научных кружков, содействие устройству вокально-музыкальных вечеров и образовательных экскурсий воспитанников с преподавателями, дозволение посещения публичных спектаклей и концертов, участие в народных чтениях и беседах, учреждение касс взаимопомощи и благотворительности, — все это, возбуждая самодеятельность учащихся, также должно принести несомненную пользу в воспитательном и образовательном отношении. Все это дозволяется под руководством классных наставников.

15) Для предупреждения беспорядков, возникающих по вопросам внутренней жизни воспитанников, желательно дозволение им обсуждать свои нужды по отделениям (по 2, по 3 класса) и через своих дежурных докладывать о своих нуждах и недоразумениях кому следует; при введении института классных наставников эти обсуждения упрощаются, так как последние по самой цели своего назначения должны входить во внутреннюю жизнь воспитанников, вместе с ними будут обсуждать их нужды, и являться ходатаями за них.

16) Дозволить воспитанникам применять между собой товарищеский суд чести, долженствующий воспитывать в учениках чувство законности и чувство собственного достоинства. Воспитатели и учителя должны внимательно относиться к этому суду чести.

Говоря о желательной программ для средне образовательной школы Духовного Ведомства, необходимо начинать с начальных классов, образующих теперь духовные училища; и так как эти классы органически связаны с общеобразовательными классами теперешних духовных семинарий, то разъединение их в губернских городах, под управлением разных начальств, является совершенно искусственным. В классах, образующих теперь духовные учили-

ща, желательно было бы прежде всего совершенное упразднение древних классических языков, а те 32 часа в неделю, которые теперь назначаются на занятие этими языками, было бы гораздо целесообразнее употребить: а) на более обстоятельное знакомство с отечественным языком, б) на усиление преподавания географии, в) на знакомство с отечественной историей, хотя бы в кратких чертах, г) на естественную историю и д) на изучение новых языков.

Что касается общеобразовательных классов, входящих теперь в состав общего семинарского курса, то здесь представляется полезным, с одной стороны, расширение курса математики и физики и присоединение к последней основ химии, введение в курс основ анатомии человеческого тела и гигиены (в качестве продолжения естественной истории). Кроме того, в литература желательно сокращение программы древней литературы и периода ложноклассицизма и введение взамен того периода новейшей русской литературы. Логику, философию и психологию желательно оставить в курсе духовных семинарий, в виду их значительной пользы для общего развития учеников; здесь разве потребуется только некоторое упорядочение в преподавании сообразно с общей программой. Желательно присоединить ко всему этому элементарные сведения из области правоведения и финансовой науки (знакомство, например, с финансовыми операциями, процентными бумагами и пр.). Изучение новых языков (французского, немецкого и английского) сделать обязательными Классические языки остаются обязательными, но количество часов для изучения их нужно сократить на половину. С другой стороны, нужно удалить из курса общеобразовательных предметов библейскую историю, литургику, гомилетику, основное богословие и церковную историю, как самостоятельный предмет. Вместо библейской истории более целесообразным является чтение Библии, именно чтение, знакомящее с библейской историей по самой Библии. В этом же направлении нужно изменить и все преподавание Священного Писания в общеобразовательных классах. Библию нужно читать в русском переводе, имея славянский текст под руками, для бóльшего уяснения мысли, с комментариями только в особенно трудных местах. Общая церковная история — в кратком объеме.

Относительно «пастырского училища» или специально богословских курсов, для подготовки служителей Церкви, намечаются следующие положения:

1) Срок богословских курсов не должен быть более трех лет.

2) На богословские курсы принимаются все, получившие общее образование в каком бы то ни было среднем учебном заведении, лица православного исповедания, желающие посвятить себя служению Церкви и в возрасти от 20 до 40 лет.

3) Образ жизни на курсах (в общежитиях) должен быть строго нравственный и церковный, на подобие, католических семинарий. Начальствующие лица должны быть духовные, а также преподаватели и воспитатели; особенно преподаватели тех предметов, которые требуют практического знакомства с богослужением, желательны по преимуществу в духовном сане; однако,

предпочтения монашествующим лицам не должно быть. Слушатели также могут состоять в духовном сане.

4) Богословские курсы должны находиться в непосредственном ведении епархиального архиерея, хотя желательно, чтобы ближайшим руководителям курсов предоставлена была большая свобода и самостоятельность в деле воспитания и образования.

В программу специально богословских курсов должно войти основательное изучение Св. Писания Нового Завета (по греческому тексту), а также истолкование особенно важных текстов Ветхого Завета, который в целом, предполагается, будет прочитан поступившими на богословские курсы. Потом, конечно, введение в богословие или основное богословие, догматика с историей развития догматического учения, нравственное богословие, церковная история общая и русская (сюда же присоединить и истории раскола), изучение творений св. Иоанна Златоуста и Григория Нисского, элементарные сведения из гражданского и церковного права, с особенным ударением на последнем, и обличительное богословие. Кроме того, практические занятия, относящиеся к богослужению: упражнения в составлении проповедей и умении вообще говорить, непосредственное знакомство с богослужебными книгами и более широкая постановка изучения церковно-археологического материала. Пастырское богословие и педагогика.

Некоторые справедливо проектируют сделать так, чтобы третий год богословских курсов был специально практический. Кроме практического изучения богослужения, здесь необходимо знакомить слушателей с ведением метрических книг, составлением различных бумаг и т. п.

Чтобы преподавание на богословских курсах было менее схоластично и более жизненно, необходимо дать свободу академическим научно-богословским исследованиям, которыми питается современная богословская мысль, с целью более успешной идейной борьбы православной христианской Церкви с различного сорта толкованиями по богословским предметам в светской печати, которую меньше стесняет цензура.

VI.

Необходимость участия духовенства в общественной жизни русского народа, признанная государственной властью в только что опубликованном законе о выборах в Государственную Думу, не может подлежать никакому сомнению в виду апостольской заповеди о заступничестве (Деян. 20:35, и 1 Солун. 5:14). В селах и деревнях приходской священник — почти единственная, культурная сила, могущая оказывать влияние на строй жизни крестьян; в то же время, это — единственное лицо, которое близко знакомо с нуждами и недостатками земледельческого класса, и единственный советник в этих нуждах, к которому крестьяне с доверием и охотно обращаются и не напрасно, по слову апостола: «благочестие на все полезно». Кто же в такой степени и с такой ясностью может поведать истинные нужды крестьянские и во-

обще православного населения, как не развитой и любимый ими пастырь? В выборные и могут попадать только такие пастыри. И если, по слову Господа, пастырь должен оставлять все стадо, «чтобы отыскать одну заблудшуюся овцу, то может ли пастырь быть безучастным к тому учреждению, которое будет касаться его овец и может принести даже вред его стаду и отдалить заблудшихся от него? В выборных учреждениях участвуют люди всех профессий, и это не мешает им исполнять свою обязанность добросовестно, при служении общему благу; что̀ же может мешать пастырю проводить пастырские идеи в общественных собраниях и ходатайствовать о нуждах паствы перед ними? Избирали же ходатаями перед Государем духовных лиц в старину! В пользу участия духовенства в общественных учреждениях может говорить история земских собраний до 1890 года, до какового времени священники являлись на этих собраниях, как выборные от крестьян. Это участие было во многих местах весьма плодотворно: все лучшее, что создавалось собраниями того времени, было делом священников. Прекрасную иллюстрацию этой истины можно видеть, например, в факте служения по выборам земства в качестве председателя уездного училищного совета протоиерее В. Востокова (с. Мироновка, Новоузенского уезда), ныне умершего. Таковую должность о. протоиерей с пользой и успехом нес не один десяток лет. Во всяком случае, при свободе личности и равноправии, когда культурная часть общества призывается к служению общественным интересам, — служение пастырей, их непосредственное участие в этом служении будет не только полезным, но необходимым, ибо, при современных сбивчивых понятиях об общем благе, пастыри могут во многих общественных собраниях быть единственными заступниками истинного христианского благоустройства и порядка. Мы нисколько не преувеличим, если скажем, что много вредного, разрушающего устои народной жизни не было бы внесено нашими общественными собраниями (земскими и городскими) в жизнь, если бы в числе выборных от крестьян и землевладельцев были наши приходские священники.

VII.

Вопросы, касающиеся познания, утверждения и очищения от различных заблуждений христианской православной веры, имеют, по-видимому, целью установить более правильное и точное понимание некоторых пунктов христианского православного учения, которые вследствие разного рода исторических условий получили несколько одностороннее понимание и толкование в сознании большинства православных людей, которое часто относится даже не к самому существу догмата, а скорее к тому положению и значению, какое ему дается в системе христианского учения. Такого рода историческими условиями, так или иначе воздействовавшими на развитие нашей догматики и вообще богословия, были у нас, с одной стороны, влияние западных учений, перенесенное в Россию вместе с западной ученостью, и с другой стороны —

усиленная борьба с ними [1]; и последнее обстоятельство, пожалуй, даже влияло особенно сильно. Несомненно, что наша догматика воспитывалась на полемике с инославными учениями; и нельзя не отметить того факта, что многие православные догматисты, увлекаясь полемикой, впадали часто в противоположные крайности. Вследствие этого, многие черты христианского учения, считавшиеся дотоле лишь богословскими мнениями, превратились в русском общецерковном сознании почти в непререкаемые догматы [2].

К числу такого рода вопросов, несомненно, следует отнести, например, вопрос о Filioque. Хотя какая бы то ни было постановка этого вопроса не оправдывает поступка римской церкви, зачислившей учение о Filioque в число догматов веры и введшей это слово в неизменный дотоле символ веры, тем не менее, как показала недавняя полемика, возникшая на страницах наших богословских журналов по поводу выраженного так называемыми старокатоликами желания присоединиться к православной Церкви, нельзя не отметить и того факта, что многие православные богословы, увлекшись полемикой, впали в противоположную крайность, введши крайнее понимание этого догмата — исхождение Бога-Духа только от Отца, вопреки мнению некоторых древних учителей Церкви о явлении Его и через Бога-Сына. Между тем, точная формулировка вероучения православной Церкви по этому пункту и еще более точное обозначение того, что в этом учении она считает для верующих несомненным и обязательным и что̀ относит к области богословских мнений, могли бы много способствовать присоединению старокатоликов к православию. Вообще, вопрос этот необходимо обсудить не частным лишь лицам из среды наших богословов, а именно на Соборе, который и должен точно определить те условия, на которых могло бы состояться вышеуказанное соединение с греко-российской Церковью старокатоликов.

Параллельно с вопросом об отношении православной Церкви к старокатоликам, может быть также решен вопрос и об англиканских церквах, со стороны которых, особенно в последнее время, заметно довольно сильное тяготите к православной Церкви.

Необходимо также русской Церкви еще раз высказаться о старообрядцах, которых, не смотря на постоянные разъяснения миссионеров, по-прежнему продолжают смущать клятвы собора 1666—1667 гг. Мирный призыв к ним со стороны Всероссийского церковного Собора, кажется, мог бы иметь желательный успех, тем более, что, со времени манифеста о свободе вероисповеданий, заметно улеглась у старообрядцев неприязнь к православной Церкви.

Наконец, необходимо также на Собор решить вопрос и об отношении Церкви к некоторым частным лицам. Известно, что недавнее отлучение Св.

---

[1] Например, со времени Стефана Яворского и Феофана Прокоповича у нас утвердилось два богословских направления: одно — в духе католичества, другое — в духе протестантства, при чем внешнее господство того и другого направления чередовалось смотря по тому, кто стоял во главе правления в России: немцы или приверженцы католичества.

[2] Этот вопрос, между прочим, связан с вопросом о свободе богословских исследований.

Синодом Л. Н. Толстого от Церкви повело к различного рода недоумениям и спорам даже о каноничности этого действия Св. Синода.

Кроме того, что касается, так сказать, прямого исповедания веры, необходимо также обратить внимание и на те стороны религиозной жизни, в которых наше религиозное миросозерцание находит себе внешнее выражение, именно — на церковное богослужение, совершение таинств, обряды и различного рода церковные обычаи.

Богослужение русской православной Церкви также развилось главным образом под влиянием полемики с еретиками и инославными исповеданиями, а отчасти также и под положительным влиянием инославных церквей. Неудивительно поэтому, если оно (т. е. богослужение) часто в отдельных своих частях даже не вполне служит точным выражением православного учения, хотя и не столько по букве, сколько по духу. Так, не смотря на точное учение православной Церкви об истинном смысл почитания святых, икон, креста Господня, тем не менее некоторые части различных богослужебных чинов, наприм. акафисты честному кресту, носят на себе следы крайнего взгляда на этот вопрос, сводя почитание этих предметов чуть не к олицетворению и обоготворению. При этом заметно несколько материалистическое отношение к этим предметам, с признанием в них почти самосущей им присущей силы, действующей с необходимостью.

Кроме того, так как богослужение развивалось под влиянием самых различных богословских воззрений, то в отдельных богослужебных чинах нередко можно встретить даже различные взгляды на один и тот же предмет. Примером этого может служить уже отмеченная в литературе видимая разность во взглядах на святость брака и чистоту брачных отношений у чиносоставителей венчания и «молитвы, повнегда родити жене отроча». Понятно, все, что̀ здесь сказано, не имеет большого значения для образованного православного богослова, который знает, как нужно относиться к подобного рода неточностям, но для людей, менее образованных в богословском отношении, эти непримиренные противоречия могут служить и камнем преткновения и источником неправильного понимания православной церковной дисциплины, особенно же для лиц инославных, желающих присоединиться к православной Церкви.

Вообще, вопрос об исправлении богослужения является одним из наиболее важных вопросов русской церковной жизни, так как богослужение в деле и познания Божественной благодати и утверждения в православной вере служить самым надежным средством. По идее православное богослужение и должно быть именно таким. В полемике с католичеством православные богословы всегда указывают на свое богослужение, как на одно из преимуществ православной Церкви, в виду особенной его назидательности. Однако на практике оно далеко не достигает той цели, для которой создано благодатными носителями православия. Причина этого кроется, прежде всего, в его непонятности для большинства верующих. В виду этого, необходимо прежде всего улучшить язык богослужения, сделать его более ясным и понятным в отдельных словах и конструкции.

Затем, в деле совершения богослужения необходимо дать больше свободы его совершителям и предъявлять меньше требований буквального исполнения мелких требований Типикона. Пусть в каждом богослужебном чине дается только существенное; остальное же можно предоставить усмотрению предстоятеля и сослужащих, которые могли бы несущественный части богослужения изменять, сообразуясь с различного рода внешними обстоятельствами и с нуждами и настроением молящихся. В таком случае можно надеяться, что молитва будет вытекать из потребности молиться, а не из обязанности совершать службу. Нужно отметить и еще один факт, вытекающий, впрочем, из предыдущего. Вследствие главным образом, непонятности богослужения происходить то, что многие присутствующие в храме во время богослужения внутренне почти не участвуют в нем. Богослужение совершается духовенством, а народ, если он и молится в это время, то его молитва является частной, а не общественной, потому что она обыкновенно имеет очень мало связи и внутренней и внешней с тем, что̀ делается в это время в церкви. Не совсем безосновательными поэтому, если и не вполне справедливыми, являются заявления некоторых христиан, склоняющихся к штунде и другим сектам, что им в православной церкви «нечего делать» и «скучно». Такого христианина более приманивают к себе собрания различных наших сектантов, на которых все поют общие и всем понятные гимны, при чем каждый чувствует, что он сам непосредственно и со всеми вместе участвуете в общей молитве. Необходимо поэтому, не изменяя и не понижая внешнюю красоту, благоление и стройность нашего богослужения (эстетический элемент имеет большое значение в деле развития религиозного чувства), привлечь к близкому участие в богослужении всех верующих, пришедших в церковь, чтобы каждый из них не только хорошо понимал и чувствовал все то, что̀ происходит перед его глазами, но и деятельно участвовал в выражены общих мыслей и чувств. На первый раз, на пути к достижение указанной цели, например, полезно бы было выпустить дешевые издания богослужебных чинов с кратким изъяснением всего, что совершается в храм, и переводом молитв и песнопений.

Помимо богослужения, нельзя также не обратить внимания на некоторые частные церковные постановления и требования, недостаточно применимые к жизни, которые на практике служат не к укреплению и к углублению добродетельного настроения верующих, но подчас только к соблазну, отягощая совесть одних и смущая совесть других. К числу вопросов касающихся такого рода церковных требований, на первом плане нужно поставить вопрос о посте, рассматриваемый не с принципиальной точки зрения и не с точки зрения его обязательности, но имея в виду лишь его практическую осуществимость. Вследствие многих церковно-исторических причин, на Руси с самого начала утверждения в ней христианства образовался чисто механический взгляд на обряды, посты и проч. На них смотрят не как на условия и орудия или проводники благодати, а как на ничто само в себе имеющее особенную благодатную силу. Взгляд этот несомненно проник к нам с Востока, где христианство с самых древних времен находилось под влиянием восточного дуализма с его

взглядами на материю, как на источник зла. Отсюда, естественно, вытекает требование полной и безусловной необходимости поста, и пост, вместо смиряющего и размягчающего (см. Исаии LVIII гл.) христианского подвига, сделался одним из раздражающих и неудобоносимых бремен для одних и поводом падения и угрызения совести для других. Причиной последнего служит главным образом то, что требования, касающиеся поста, у нас нисколько не приноровлены к русской жизни. Особенно это делается ясным, если мы обратим внимание на различные мелкие правила и постановления касательно поста, целиком перенесенные к нам из монастырей юго-восточных. Такое ли, например, значение для русского имеет разрешение Типикопа в известные дни — «пием вино», какое имеет оно для человека Греции и Палестины, где вино при обилии виноградников, играет роль русского кваса? И, понятно, странным является после нашего отношения к «вину», что в известные дни запрещается есть масло (постное) и разрешается пить вино. Или: какой смысл имеет для жителя крайнего севера запрещение или разрешение в известные дни употребления в пищу рыбы, если рыба служит его единственной пищей? Правда, против всего этого можно возразить, что на практике все эти мелкие постановления все равно не исполняются. Но если так, то и существование их можно считать неполезным, ибо тогда все значение их сводится лишь к тому, что они напрасно отягощают немощные совести (Римл. XIV гл.).

Среди отдельных сроков, назначенных Церковью для поста, есть один, неприноровленность которого к условиям, русской жизни выступает особенно ярко, именно — это так называемый Петровский пост. По условиям нашего климата соблюдение этого поста, особенно для бедного крестьянина, является совершенно невозможным, так как в период времени, на который приходится этот пост, невозможно или слишком трудно достать именно все то, что можно есть в посту. Хлеб у крестьянина в это время на исходе, иногда его вовсе нет, картофель — главная пища крестьянина после хлеба — еще не созрел, овощи тоже, рыба бывает только в озерных и речных местностях, и то как редкость. Остается питаться исключительно почти молоком, покупая к этому муку и крупу на заработанные деньги. Естественно, что большинство крестьян, не смотря на свою приверженность к постам вообще, этот пост по необходимости не соблюдают, что̀ часто тяжелым гнетом ложится на их совести при их привычке соблюдать все церковные постановления. Не безвинны в этом и клирики, даже в лице почетных пресвитеров. Так как Петровский пост в разные годы бывает и более и менее продолжителен и особенно бывает, труден для соблюдения в годы ранней Пасхи, то не следовало ли бы, не уничтожая этого поста, хотя сократить его до того минимума (8 дней), который определяется поздней Пасхой? Такое сокращение, не лишая христиан в это время благочестивого подвига, сложило бы с их совести тяжелое бремя.

Могущему же утвердить святую греко-российскую Церковь по благовествованию апостольскому, Единому Премудрому Богу, через Иисуса Христа, слава во веки. Аминь.

№ 13,
преосвященного Никанора, епископа Гродненского,
от 28 ноября 1905 года

Во исполнение указа Святейшего Синода за № 8 от 27 июля 1905 года, обсудив предлагаемые в оном вопросы вместе с лицами, заслуживающими доверия, имею долг почтительнейше представить следующие соображения.

1. Следует учредить в России семь церковных округов, под управлением митрополитов, прибавив к трем митрополиям: Казанскую, Волынскую, Кавказскую и Сибирскую, чтобы, на основании 4 пр. I Всел. Собора и 28 пр. IV Всел. Собора, поставление епископов и суд над ними совершался всеми епископами тоя области.

2. Епархиальное управление должно быть совершаемо не через чиновную консисторию, а через освященный совет при епископе.

3. Епархиальный суд может совершаться через сей же освященный совет при епископе.

4. Важнейшие дела епархиального суда и управления могут быть разрешаемы в ежегодном епархиальном соборе духовенства и мирян (а некоторые передаваемы в митрополичьи советы и областные соборы). Здесь же рассматриваются и все дела, обычно относимые ныне к съездам духовенства.

5. Духовенству в общем его составе следует дать права юридического лица, чтобы оно могло приобретать собственные заводы, кассы и т. п.

6. Духовные лица могут участвовать во всех родах и видах народных управлений (думских, земских и сельских), как все люди, не лишенные прав состояния; но пользуются они этими правами по мере сил и возможности.

7. Приходу следует дать право юридического лица.

8. Приходы могут заведовать всеми церковными делами через приходские советы.

9. Ближайшим делом церковных советов должно быть попечение о храме, призрение бедных, христианское начальное просвещение.

10. Приходы могут избирать псаломщиков и посвященных уже диаконов и священников, а не посвященных должен избирать епископ, как канонически обязанный к тому (Тит. 1:5; 1 Тим. 5:22) и ответствующий за недостойно посвященных (2 Тим. 1:6).

11. Следует упростить способы приобретения приходскими церквами собственности.

12. Духовные школы нужно преобразовывать постепенно, вводя в оные более церковности и уменьшая предметы светского образования. Там, где нет в епархиях семинарий (Гродненской, Екатеринбургской и подобных), немедленно (в виде опыта) должно учредить церковные курсы, из которых выходили бы кандидаты священства. В новых же митрополиях постепенно должно учреждать новые академии, начиная с Почаевской лавры.

№ 14,
преосвященного Владимира, епископа Кишиневского,
от 28 ноября 1905 года

I. По вопросу о возможности и желательности введения областного церковного управления в русской Церкви

«Прекрасным и крайнего тщания достойным признали мы», говорят отцы святого шестого Вселенского Собора, «и то, чтобы отныне, ко исцелению душ и уврачеванию страстей, тверды и нерушимы пребывали (правила) приятые и утвержденные бывшими прежде нас святыми и блаженными отцами, а также и нам преданные именем святых и славных апостолов, осмьдесят пять правил» (2 пр. шест. Всел. Собора).

В этом соборном правиле мы слышим голос святых отцев христианской Церкви конца VII века, обращенный к сынам кафолической Церкви всех времен. В твердом, неизменном и усердном соблюдении апостольских, соборных и отцев Церкви правил святые отцы указывают нам верное средство ко исцелению недугов душевных и ко врачеванию страстей, могущих иногда возникать в жизни членов воинствующей Церкви на земле. Внимательно изучая правила древней вселенской Церкви, в них мы ясно видим, как в зеркале, всю ее жизнь, по ним мы наглядно представляем себе и душевные страсти и раны некоторых членов ее, и верные средства, какие употреблялись тогда для уврачевания и излечения этих язв и страстей. Эти священные правила положительно свидетельствуют нам, что древняя вселенская Церковь была живым и самодействующим церковным обществом и что присущие ей духовные силы, свободно проявлявшиеся в жизни ее, породили эти самые жизненные правила или каноны, которые, чем дальше, тем более и более развивались и совершенствовались и, наконец, явились высокоразвитыми каноническими формами внутренней независимой жизнедеятельности вселенской Церкви, благодаря главным образом простору, который, с началом соборности в управлении и с свободой частной инициативы, дан был областной церковной жизни и способствовал проявлению ее местных сил в должной широте и многосторонности.

И действительно, из истории вселенской Церкви мы видим, что в древности областные поместные Церкви были по большей части исторически сложившиеся, объединенные в себе тесными духовными и естественными связями, части Церкви вселенской, жившие — в силу исторических условий — полной, законченной самостоятельной церковной жизнью, но всегда в то же время стремившиеся к теснейшему единению между собой. Они управлялись по каноническим постановлениям поместным собором своих епископов, под высшим руководством главного епископа области — митрополита; но, будучи

автономны, он не были автокефальны. Значение таких автономных Церквей в древней Церкви было весьма велико. Своей самостоятельностью и независимостью они обеспечили для Церкви широкое развитие начал соборности и самоуправления, а стремлением к взаимному единению положили начало образованию патриархатов и возникновению вселенских соборов. Таким образом, полагались основания к созиданию того удивительного строя канонического соборного церковного управления, в котором стройно и гармонично сочетались и идея единства верховного управления и широкая свобода поместной церковной жизни. Вместе с тем, широта и простор поместной церковной жизни вызвали необыкновенную жизненность и многосторонность проявлений церковной деятельности. Каждое явление церковной жизни, в области ли вероучения, или христианского просвещения, благочиния, богослужения и проч., возникая на месте, в среде заинтересованных людей и в виду насущных потребностей времени и обстоятельств, при ничем не стесняемой свободе обсуждения получало возможность самого широкого раскрытия и уже в таком виде поступало в общую сокровищницу вселенской Церкви.

Начавшаяся с IV в. эпоха вселенских соборов, эпоха усиленной догматической деятельности Церкви и вместе канонического строительства, довершила дело, начатое во II и III веках. Вселенские Соборы своими каноническими постановлениями, во-первых, возвели в форму положительного права то, что̀ было уже раньше обычным правом, во-вторых — завершили здание церковного управления учреждением третьей инстанции церковной власти — власти патриархов, предстоятелей автокефальных поместных Церквей.

Но, учреждая эту высшую степень церковной власти, каноны вселенских соборов вовсе не стремились к ограничению ни областного (митрополичьего), ни епархиального управления. И то и другое оставлено было в прежнем широком объеме юрисдикции и при прежней свободе самоопределения; патриаршая же власть являлась лишь высшим направителем общецерковной жизни, вносившим необходимую во вселенской Церкви согласованность в действиях областных Церквей. Каноны вселенских соборов так ревниво оберегают самостоятельность областных Церквей, что предоставляют им в лице окружных соборов, главных органов окружного управления, весьма широкие полномочия. По определению VII Всел. Собора, в круг полномочий периодических областных соборов входили дела канонические, к которым относились дела церковного управления в обширном смысле этого слова (VII Всел. Соб. 3 пр.; I Всел. Соб. 4 пр.) и так называемые евангельские дела, к которым относились все дела о предметах вероучения и нравоучения по поводу возникавших в местной Церкви спорных религиозных вопросов до окончательного решения их на Вселенском Соборе («Богосл. Вестн.». 1900 г. Т. II. С. 479—480).

Таким образом, древние областные Церкви, при свободе и самодеятельности своих Поместных Соборов, были средоточием всего богатства внутренней жизни вселенской Церкви и главным двигателем ее духовного роста и развития.

Что касается русской Церкви, то, хотя она восприняла святую веру от Греции и вместе с верою должны были перейти к ней и канонические установления греческой Церкви но, к сожалению, система областного церковного управления заявившая себя столь благотворно и жизненно в древней Церкви, не осуществилась в русской церковно-исторической жизни. Это случилось по многим причинам. Прежде всего, слабое развитие в русской Церкви областного управления и неразрывно связанного с ним начала соборности объясняется невысоким культурным состоянием и малообразованностью тогдашнего русского общества вообще и русского духовенства в частности, которое не в состоянии было вложить живое содержание в высокоразвитые канонические формы греческой Церкви, если бы даже он и восприняты были в качеств нормы церковного управления. Далее, неблагоприятно влияли на развитие областного управления в русской Церкви обширность и отдаленность русских епархий. Русским епископам и духовенству почти было невозможно, согласно церковным канонам, два раза в год собираться на областные соборы. Правда с приобретением церковной независимости в XV в., а еще более с учреждением в русской Церкви патриаршества в 1589 г., наступала, по-видимому, благоприятная минута для правильного осуществления у нас системы областного управления, и даже дважды сделана попытка ввести разделение русской Церкви на самостоятельные округа с митрополитом во главе: на Большом Московском Соборе 1667 г. и на соборе 1682 г.; но оба раза попытка эта не увенчалась успехом, потому что, по мнению русских иерархов, принятие подобной системы управления повело бы к уничижению епископского сана («Богосл. Вестн.» 1900 г. Т. III. 30 стр.) Но самой главной причиной, препятствовавшею у нас развитию системы областного управления с Поместными Соборами во главе, было то особенное положение, в которое русская Церковь с самаго же начала своего стала в отношении к русскому государству. В момент своего утверждения на Руси, христианская вера застала наше государство в период первоначального образования. Русская Церковь с самого же начала своей деятельности должна была принять государство под свою нравственную защиту и, естественно, служить не столько идее областной автономии, сколько идее государственного единства и центральной верховной власти. Такой тесный союз русской Церкви с государством, сначала безусловно необходимый и высокоблаготворный — особенно в деле государственного объединения Руси, наконец привел к нежелательным последствиям. Государственная власть, окрепши в лоне Церкви и сознав собственные силы, стала постепенно стремиться к естественному преобладанию над Церковью и из покровительствуемой и союзной последовательно превратилась в главенствующую. Приняв введенную Императором Петром I реформу церковного управления, русская Церковь лишилась внутренней независимости, утратила самостоятельность даже высших органов своего управления и стала в подчиненное положение к государству. Отселе ее собственная жизнедеятельность могла проявляться лишь настолько, насколько это совпадало с интересами государственными; она превратилась в духовное ведомство, регулируемое, наряду с

другими функциями государственной жизни, общими указаниями центральной власти.

Теперь, если русская Церковь желает быть живым и самодействующим церковным обществом подобно древней вселенской, если она желает, чтобы присущие ей духовные силы не замерли окончательно под покровом многочисленных ограничений, но проявлялись в жизни ее во всей должной широте и многосторонности, если русская Церковь этого всего желает, она должна принять в основание и руководство в своей жизнедеятельности соборное начало самоуправления, или, иначе сказать, она должна воспринять в качестве нормы церковного управления те священные канонические установления древней вселенской Церкви, в которых она найдет, как выражается шестой Вселенский Собор, целебный духовный бальзам «ко исцелению душ и ко уврачеванию страстей». Тогда русская Церковь возвратить себе внутреннюю самостоятельность, и поместно-окружные соборы заявят себя с такой же жизнеспособностью, энергией и плодотворностью, с какими они действовали в древней вселенской Церкви.

Но, спрашивается, осуществима ли в нашей Церкви предполагаемая реформа в настоящее время? На этот вопрос смело можно ответить утвердительно. Теперь нет тех прежних причин, которые могли бы препятствовать полному и всестороннему осуществление в нашей Церкви как системы областного управления с окружными соборами, так и вообще канонических начал управления. Ныне не страшны ни отдаленность, ни обширность епархий, тем более, что объем последних может быть изменен; духовно-просвещенных людей, понимающих нужды Церкви, теперь достаточно. Опасаться же того, что Поместные Соборы превратятся в арену партийной борьбы, нежелательных разногласий и разделения, нет оснований. Вечная цель святой Церкви Христовой — служить вечному спасению своих чад, а не временным, изменчивым интересам мира сего. Животворящий Дух Божий, приснодействующий в Церкви, сохранить ее и теперь от порабощения мирским началам. Епископы, эти видимые ангелы-хранители Церкви Божией, являющиеся вершителями соборных дел, будут выступать на соборах в качестве предстоятелей своих Церквей не на подобие парламентских представителей, которых при следующих же выборах можно отвергнуть, а как Богом поставленные несменяемые хранители своих паств, как носители вечных истин Евангелия, как свидетели неизменного церковного веросознания. Нет основания опасаться также и того, что, в виду существования в некоторых наших окраинах сепаратных стремлений, введение областной церковной автономии будет содействовать подобным стремлениям и таким образом может вредно отразиться на единстве государственного строя. В настоящее время националистические и сепаратные стремления питаются обыкновенно другими мотивами — этнографическими, культурно-историческими и под., но не церковно-религиозными. И, если где они возникли, они будут существовать и помимо областной церковной автономии. Бороться с такими стремлениями должно государство, а не Церковь. Пожалуй, полная обособленность или автокефальность церковных кругов

могла бы стать в противоречие с началом государственного единства; но система областного церковного управления не исключает единства верховной власти Церкви. Поместные областные Церкви не суть Церкви автокефальные; они должны будут все находиться в одинаковом подчинении у высшего органа русского церковного правительства — Поместного Всероссийского Собора и русского верховного митрополита или патриарха.

Из вышеизложенного видно, что разделение России на автономные церковные округа имеет каноническое и историческое основание, и оно не только возможно, но в настоящее время даже необходимо — в виду накопившегося во всех областях церковной жизни множества весьма важных, жизненных вопросов, требующих самостоятельного и свободного разрешения Церкви.

В настоящее время христиане инославных вероисповеданий, а также старообрядцы и сектанты, живущие на юге России не в малом количестве, с объявлением закона о веротерпимости, проявляют особую живучесть и энергию к устроению своего религиозного быта, совращая даже православных с истинного пути. Понятно, что в виду такой опасности, угрожающей нашей Церкви, устройство церковного округа на юге России дало бы возможность объединиться, сплотиться для совета и обсуждения нужд своей поместной Церкви не только церковным представителям, но и прочим православным; те и другие в тесном духовном сближении, во взаимном общении черпали бы для себя нравственную поддержку, смелость и подъем духа в борьбе с врагами Церкви. Помимо этого, есть много других местных религиозно-нравственных нужд в каждой епархии, которые удовлетворялись бы своевременно с бóльшим удобством и пользой, благодаря окружным церковным соборам.

Опасение, что разделение России на автономные церковные округа поведет к распадению православно-русского народа, не имеет оснований; русские иерархи, искони стремившиеся к поддержанию государственного единства, и при областном церковном управлении не будут чужды сей исторической традиции, и при таких условиях Русское государство в свободной и живой деятельности Церкви приобретет для себя новую зиждительную силу, тот внутренний духовный цемент, который прочнее всяких правовых связей скрепит целость русской нации и государства.

II. По 2-му пункту синодального определения

Взяв во внимание образ церковного управления в древней Церкви, соображаясь со взглядом компетентных лиц современного духовенства, высказывающихся в духовных журналах (ныне издающихся) по этому вопросу, и прислушиваясь к голосу и отзывам лиц светских, интересующихся этим вопросом, комиссия находит, что существующих ныне порядок епархиального управления посредством духовной консистории не согласен с образом управления и заведования делам и Церкви и причта в древности. С канонической точки зрения представляется существенно важным, чтобы управление делами церковными вершилось не чиновниками, а людьми, облеченными иерархиче-

ским саном. Канцелярская сторона управления и письмоводства может быть поручена и светским лицам, но без всякого участия в управлении или вершении дел. Пример древней Церкви нам указывает, что все дела по церковному управлению решались соборно: епископы во главе с собором пресвитеров рассматривали и решали дела, между тем, в настоящее время, современное церковное управление, в лице консистории, есть негласное, неколлегиальное. Консистория со своими членами священнослужителями, далеко не свободными от прямых своих обязанностей по совершению церковных богослужений и требо исправлений в приходе, со своим штатом чиновников, скудно обеспеченных содержанием и обремененных излишним, устарелым и во многих случаях ненужным делопроизводством, обременяет и себя и епископа, заведующего епархией, и лишает его возможности многочисленности дел исполнять прямую свою обязанность — следить за своей паствой, пасти ее и руководить на путь спасения. Накопление переписки и медлительность делопроизводства в епархиальном управлении, обременяющие епархиального епископа, объясняются как устарелыми формами делопроизводства консистории, так и составом плохо подготовленных к службе лиц, работающих в этом учреждении. К тому же, во многих случаях члены консистории являются зависимыми от епископа и секретаря консистории, каковая их зависимость парализирует взгляд их на дело и вынуждает высказать свое мнение по известному делу далеко не самостоятельно.

Многие пишут и говорят, и совершенно справедливо, что епархиальный епископ в настоящее время, за множеством дел и бесконечным делопроизводством по консистории и другим учреждениям в епархии, не имеет физической возможности входить в непосредственное отношение с духовенством и своей паствой и следить за жизнью и нравственностью своих пасомых; а между тем, какое важное имело бы значение близкое знакомство епископа с подведомственным ему духовенством и паствою!

По мнение комиссии, в основе церковной жизни должно быть положено соборное начало, начиная с низших ступеней ее, т. е. с приходов, и кончая высшими инстанциями церковного управления. Поэтому и епархиальное управление также должно быть основано на принципе соборности. При епископе, как в апостольские времена и вообще в первые века христианства, должен состоять вместо нынешней консистории собор пресвитеров, в совещаниях которых участвуют и представители от мирян с одинаковым правом голоса. Этот собор является учреждением непрерывно-действующим для рассмотрения и ведения текущих дел епархии, с определенным числом лиц как от духовенства, так и от мирян, которых избирают клир и миряне. Служение их продолжается четыре или пять лет, и затем избираются новые члены. Для управления канцелярией собора и для наблюдения за правильным и успешным делопроизводством, должно быть особое избранное лицо (по возможности лицо духовное) с юридическим образованием и сведущее в знании церковных канонов, соборных правил и гражданских законов, на основании коих и должно производиться дело управления; лицо это должно быть с правом

совещательного голоса на соборе, в пределах закона и канонов церковных, но без участия в решении дел; оно должно подчиняться собору и быть ответственным за неправильное делопроизводство по управлению.

В целях освобождения или облегчения епископа от занятий и рассмотрения им чрезмерно излишней переписки, передаваемой ему из разных учреждений епархии, при существующем ныне порядке, надлежит упростить самое делопроизводство. В этих видах нужно предоставить собору пресвитеров вершить некоторые дела второстепенной важности без непосредственного участия на соборе епископа и без представления их на его рассмотрение, а только с его ведома, — это, во-первых; и во-вторых, нужно расширить круг деятельности и значения благочиннических советов и съездов. Пусть эти органы управления и распоряжения делами епархии с ведома и по усмотрению собора займутся рассмотрением и решением дел по хозяйственной части Церкви и прихода и по вопросам о разных нуждах епархии меньшей важности. Наконец, ведение дел второстепенных низших инстанций и учреждений в епархии, как-то: миссионерских комитетов, братских эмеритальных и ссудных касс, вспомогательных обществ, строительных комитетов, свечных заводов и пр., — подчинить епархиальным съездам духовенства; для сего необходимо для каждой инстанции или учреждения выработать особенные уставы или правила для их руководства при разбирательстве и решении дел, ведению сих учреждений подлежащих.

Собор пресвитеров должен быть учреждением административно-судебным, так как на выделение из консистории церковного суда и на организацию духовных судебных установлений в соответствии с церковными канонами и с началами гражданской судебной реформы по судебным уставам 20 ноября 1864 года потребуется большая сумма денег. А Правительство на это новое дело денег не даст, в виду затруднительного положения Государственного Казначейства. Поэтому, вследствие необходимости, собор пресвитеров должен не только управлять, но и судить. В основу церковного суда должен лечь принцип мира и любви христианской, и потому церковный суд в отличие от гражданского суда, только осуждающего и наказывающего, или оправдывающего и освобождающего от наказания, должен сперва увещевать, предупреждать, потом угрожать и, наконец, если не последует исправления, наказывать, но наказывать с надеждой видеть исправление наказуемого. Желательно ведение суда над духовенством по образцу светского, т. е. суда гласного, словесного, а не формального, ныне действующего, с упрощенным письменным производством, и с допущением защиты, т. е. духовных юристов для защиты и ведения дел в соборе.

Собор пресвитеров при епископе, как церковный суд, это — первая инстанция в епархии для решения более важных дел, касающихся недвижимых церковных имуществ и всех исков на сумму 500 руб. и свыше, а также дел по преступлениям и проступкам, предусмотренным Уставом дух. Конс., если таковой не будет подлежать изменению и дополнению, за которые проступки полагается лишение священнослужителей сана, а священно-монашествую-

щих лиц — сана и монашества, с исключением из духовного ведомства; временное запрещение в священнослужении, с отрешением от должности и с определением в причетники; возложение эпитимии в монастыре или в архиерейском доме; исключение псаломщиков из духовного звания, отрешение от места и исключение за штат. На решения эти приносятся апелляционные жалобы и частные в суд при митрополите. Следствия по этим делам производят духовные следователи.

Вторая судебная инстанция — окружные благочиннические суды — учреждается для разбора мелких проступков священно-церковнослужителей, живущих в пределах того или другого благочиннического округа, а также всяких исков до 500 руб., споров и тяжб, могущих возникать из-за пользования движимой и недвижимой церковной собственностью, предназначенного для содержания причта, из-за неправильного раздела или удержания братских доходов, занятия неправильно кем-либо участка церковной земли или дома с усадьбой. Суды эти открываются в видах облегчения главного при епископе суда, самого духовенства и прихожан, и состоят из выбранных на благочиннических съездах на три года двух или трех судей-священников, при участии одного или двух представителей от мирян. Судьи руководствуются при решении дел особыми правилами, которые должны быть изданы для них, и собираются для заседаний во всякое время, по мере накопления дел. Местом собрания назначается тот город или село, которые окажутся центральные для суда и лиц заинтересованных. Разбирательство дел производится словесно через допрос сторон и свидетелей, без всякой формальности, и только решение кратко записывается в книгу и подписывается судьями. Судьи при разборе дел всячески стараются склонить тяжущихся лиц к примирению, чем и могут заканчиваться тяжебные дела. Апелляции допускаются только в исключительно редких случаях. Решения по делам, по которым определены взыскания, приводятся в исполнение благочинным, власть которого должна быть ограничена советом выборных от духовенства.

III.

Церковный приход есть основная форма церковно-приходской жизни и определяется, как совокупность лиц, проживающих в районе данного прихода и под руководством духовных пастырей, устрояющих жизнь своей приходской общины по началам православной христианской религии. Посему, жизнь каждого прихода может правильно развиваться и проявлять в полноте те великие силы, которые вложены Христом в общие основы христианской жизни, лишь под условием, если в жизни этого прихода и деятельности его будут сознательно участвовать, по возможности, все лица, составляющие церковный приход. Приход должен быть семьей, где пастыри занимают место духовных отцов, а прихожане, как духовные дети, составляют предмет неусыпных забот духовных отцов о их религиозно-нравственном просвещении и удовлетворении их духовных нужд. Участвуя в делах прихода, привнося в его пользу до-

лю личного творческого труда, каждый прихожанин будет сознавать себя не чужим храму, составляющему центр приходской жизни, ни школе, в которой воспитываются его дети под руководством духовных пастырей, ни тем благотворительным учреждениям, которые, по благословению Церкви, открываются или существуют в данном приходе.

В настоящее время глубоко чувствуется отсутствие этого прихода в делах церковно-приходской жизни. Приход и вся его разнообразная деятельность сосредоточены в лице церковного причта, который, понятно, не может быть исполнительным органом всех требований и нужд целого прихода. Ныне священнослужители являются совершателями церковного богослужения, исполнителями треб, проповедниками в храме и законоучителями в школе. Затем, причт вместе с церковным старостой ведет приход и расход церковных сумм. Выбираемый ныне представитель от прихожан, церковный староста является на деле в большинстве случаев хранителем церковных сумм и заботится с причтом исключительно о материальных нуждах храма. Другие два представителя от общества суть лишь безмолвные свидетели производимых церковным старостой денежных операций церкви. Остальные прихожане мало знакомы и с нуждами храма и с условиями жизни прихода, к которой они призваны по званию христиан. Жизнь прихода течет вяло, организация его слаба вследствие недостатка участия в делах его хотя бы большинства прихожан.

Для оживления деятельности прихода и для благоустройства его, представляется необходимым созыв церковно-приходских собраний дважды в год, к концу 1-го и 2-го полугодия, а также — когда это окажется необходимым по мнению пастырей прихода, по желанию большинства прихожан, или по требованию епархиального начальства.

Руководителями церковно-приходского собрания должны быть служащие в приходе пастыри храма.

Право участия в церковно-приходском собрании принадлежит каждому совершеннолетнему прихожанину беспорочного поведения; список таковых прихожан должен быть тщательно составлен по исповедным ведомостям церкви, которые ежегодно проверяются.

Определение о созыве церковно-приходского собрания составляется письменно священниками и сообщается приходу в первый раз по крайней мере за две недели до назначенного дня. Это определение должно быть прочитано в храме и вывешено на дверях его, а при возможности — оповещено в местном печатном органе.

В определении о созыве церковно-приходского собрания должны быть обозначены ясно время и место собрания, а также дела, подлежащие его рассмотрению; при чем, предложенные на обсуждение собрания вопросы считаются решенными по большинству голосов членов собрания.

Предварительно созыва церковно-приходских собраний, священниками в церковных и частных беседах должен быть выяснен прихожанами храма надлежащий порядок церковно-приходской жизни и указаны все права и обязанности прихожан по отношению к храму и приходу.

Эти обязанности прихожан выражаются в следующем:

1) Прихожане в общем церковно-приходском собраний избирают из своей среды членов церковного совета.

2) Церковно-приходское собрание избирает, руководствуясь существующей инструкцией, церковного старосту, а также двух представителей от прихожан для присутствования при проверке церковных сумм.

3) Церковно-приходское собрание должно видеть и решать дела о благоустройстве храма, о изыскании средств на постройку и содержание причтовых помещений, о содержании приходских кладбищ, об открытии и содержании в приходе достаточного количества школ и об обеспечении их содержанием в такой мере, чтобы все дети данного прихода могли обучаться в них бесплатно.

4) Церковно-приходские собрания решают вопросы о изыскании средств на постройку при храмах приходских аудиторий для ведения в них вне богослужебных бесед и религиозно-нравственных чтений. Отсутствие таких помещений слишком вредно отзывается на деле духовного просвещения почти во всех приходах.

5) На церковно-приходском собрании обсуждаются меры к возможно более широкому развитию в приходе благотворительных учреждений, как-то: больниц, приютов, богаделен, яслей и пр., и к изысканию для сего средств.

6) Церковно-приходское собрание заботится изысканием средств для открытия церковно-приходской библиотеки и приобретения для выдачи книг религиозно-нравственного содержания прихожанам; при чем заведующими библиотеками должны быть приходские священники, а сотрудники их избираются церковно-приходским собранием.

7) Церковно-приходское собрание не рассматривает вопросов об избрании кандидатов на священнослужительские места, каковой вопрос всецело разрешается епархиальной властью, а также не заведует церковным имуществом и церковными суммами (от продажи свеч, кружечного и кошелькового сбора и др.).

Наилучшее разрешение вопросов о содержании храмов, причтовых помещений, церковных школ, приходских библиотек и благотворительных учреждений дано в Высочайше утвержденном «Положении о церковно-приходских попечительствах». Посему надобно, чтобы эти попечительства были открыты во всех приходах, чтобы деятельность их была расширена, и чтобы к участию в них в качестве действительных членов были привлекаемы все, по возможности, прихожане данного прихода, достигшие совершеннолетнего возраста. Церковно-приходские собрания должны рассматривать дела попечительства, проверять денежные суммы попечительства и следить за своевременным взносом в его пользу пожертвований от прихожан, а также распределять денежные пожертвования на усмотренные нужды.

Наконец, церковно-приходские собрания делают свои постановления, которые считаются обязательными для всего прихода, записываются в особую книгу и хранятся в церковном архиве.

Избираемый церковно-приходским собранием церковный совет состоит из приходских священников, церковного старосты и благонадежных прихожан в числе не менее 12-ти человек; при чем собрание совета может состояться при наличности более половины членов общего его состава. Члены церковного совета избираются на три года, по истечении которых заменяются новыми выборными, или по выбору остаются те же.

Церковный совет собирается по приглашению приходского священника или по требованию не менее половины состава его членов и ведает все вышеуказанные дела прихода и подготовляет их для доклада церковно-приходскому собранию.

Благоустройство прихода в предначертанном виде поставит священника в более близкие отношения к приходу, и прихожане уразумеют, что он есть призванный и благожелательный к ним деятель на ниве Христовой, одушевленный в своем служении единственно любовью к своему высокому пастырскому долгу, а не побуждениями другого свойства.

Но все вышеизложенное к пользе развития церковно-приходской жизни может быть осуществлено при следующем единственном условии: надо обеспечить духовенство тем или иным способом определенным окладом достаточного жалования, ибо духовные лица являются не только опорой религиозно-нравственного состояния народа, но и ответственными руководителями в деле его вечного спасения. В настоящее время священник есть служитель Церкви Христовой, который однако не может быть независимым в материальном отношении от своих пасомых, ибо средства для существования он должен приобретать при исполнении своих священных обязанностей и в такие священные минуты, когда каждый человек менее всего настроен думать об удовлетворении материальных нужд. Посему, для урегулирования свободных — в материальном смысле — и независимых отношений пастыря Церкви к пасомым и для успешного направления им церковно-приходской жизни при указанных современных нуждах, необходимо обеспечить материально духовенство соответственно его положению в обществе и высокой ответственности за великое дело утверждения и охранения религии и нравственности народа. Тогда изгладятся то недружелюбие неимущих и то отчуждение имущих, которые теперь болезненно сказываются в отношениях прихожан к пастырям.

Эта необходимость реорганизовать строй приходской жизни и определить нормальные отношения прихожан и причта по вышеуказанному порядку — особенно ощущается в настоящее время, когда происходит сильное движение к проведение реформ общественного строя жизни, когда среди городского и сельского населения явилось много противоцерковных агитаторов, для которых существующий способ вознаграждения священников за исполнение ими треб служит поводом к обвинению духовенства в поборах и в неискренних, корыстных отношениях к народу, что̀, понятно, составляет незаслуженную и скорбную обиду для духовенства.

IV. По вопросу о реформе духовной школы

Необходимость реформы духовно-учебных заведений в учебно-воспитательном отношении настолько общепризнана, что доказывать ее представляется совершенно излишним.

Духовная школа, низшая и средняя, в настоящее время преследует две цели. Поставляя своей главной задачей приготовление юношества к служению православной Церкви, она в то же время является сословным учреждением, имеющим целью облегчить духовенству воспитание своих детей. Хотя нельзя отрицать того, что весьма желательно было бы, дабы дети духовенства, имеющие возможность от детства своего наблюдать пастырские труды своих родителей, и сами избирали пастырское служение, но опыт показывает, что многие из детей духовенства по тем или другим причинам уклоняются от этого служения, тогда как лица иносословные, не получившие богословского образования, с любовью ищут пастырского звания. В виду этого, представляется желательным, дабы богословский курс духовно-учебных заведений был выделен из курса общеобразовательного.

Богословский курс, обнимая собой 2—3 года, должен быть всецело посвящен приготовлению кандидатов на пастырское служение православной Церкви; программы его и постановка воспитательной части должны быть таковы, чтобы пастырь Церкви был на высоте требований современного положения православной Церкви. На богословский курс должны быть принимаемы лица всех сословий, православного исповедания, доброй жизни, в возрасте не моложе 18-ти лет, окончившие среднеучебные заведения: если будут поступать не позже двух лет по окончании курса среднеучебных заведений, — без экзамена, а все остальные, равно как получившие только домашнее воспитание, — по поверочному испытанию. Желательно было бы, чтобы все слушатели богословского курса пользовались казенными стипендиями.

Общеобразовательный курс духовно-учебных заведений, низших и средних, желательно реформировать применительно к реформе светских средне- и низшеучебных заведений так, чтобы окончившим курс средней учебной духовной школы был открыт доступ во все высшие учебные заведения, но с преимущественным при этом положением Закона Божия и с соответственной духовной школе постановкой воспитательной части. Духовные школы с общеобразовательным курсом должны иметь целью облегчать православному духовенству воспитание его детей, а потому в школы эти должны быть принимаемы прежде всего дети православного духовенства, и только если, по принятии детей духовенства, окажутся вакансии, могут быть принимаемы и дети других сословий православного исповедания с платой за право учения.

Что касается воспитательной части в духовных школах, то для улучшения таковой представляется необходимым, при точном регулировании всех сторон жизни воспитанников: 1) ограничить число учащихся и, если окажется необходимость, вместо параллельных отделений открывать новые учебные заведения; 2) учредить институт классных наставников-воспитателей; 3) улучшать

материальное положение преподавателей настолько, чтобы они, не ища сторонних занятий, всецело посвящали себя учебному заведению и, не ограничиваясь классными уроками, принимали участие и в вечерних занятиях воспитанников, руководя внеклассным чтением, а также играми и доступными развлечениями; и 4) принять меры против частой смены начальствующих и воспитателей.

V. По вопросу о пересмотре законов, касающихся порядка приобретения Церковью собственности

Монастыри, церкви, архиерейские дома и другие учреждения Духовного Ведомства: школы церковные, попечительства и т. п., не могут приобретать недвижимых имений иначе, как по Высочайшему разрешению. Для сего они о предполагаемой покупка прежде всего представляют установленным порядком Святейшему Синоду для испрошения Высочайшего соизволения (Св. Зак. т. X, ч. 1, зак. гражд., изд. 1887 г., ст. 1429; и ст. 386 и 398 закона о состояниях — Св. Зак. т. IX, изд. 1876 г.). Такой же порядок установлен для утверждения за монастырями и церквами завещанных им недвижимых имуществ (ст. 1067 зак. гражд.).

С первого взгляда кажется, что ограничение это, обязывающее церкви, монастыри и архиерейские дома, школы испрашивать через епархиальное начальство и Св. Синод Высочайшее соизволение на приобретение недвижимости путем купли, дара или пожертвования, не служит препятствием к приобретению указанными учреждениями имуществ; но на самом деле указанное ограничение служит причиной тому, что очень многие сделки по приобретению имуществ не совершаются, и много препятствует делу приобретения имуществ, ибо не мало времени требуется для того, чтобы по каждому случаю приобретения имуществ куплей, по дару или завещанию собрать все необходимые документы и испросить через епархиальное начальство и Синод Высочайшее соизволение, а продавцы имуществ, желающие скоро продать имущества, притом на выгодных условиях, часто отказываются ждать, пока будет испрошено Высочайшее соизволение, и духовные учреждения несут потери, каковых не было бы, если бы они могли приобретать имущества без ограничений. То же самое бывает и с дарителями, которые, видя, что духовные учреждения не могут принять дар немедленно, без испрошения Высочайшего соизволения, отказываются ждать и дары передают другим учреждениям и лицам, могущим принять дары (при дарении) в данный момент. Мало этого, некоторые дарители выражают изумление, узнав, что церкви и монастыри, школы и духовенство не могут принимать предлагаемые им дары без особого каждый раз испрошения Высочайшего соизволения. Изумление дарителей возрастает, когда они узнают, что духовные учреждения других исповеданий, например Армяно-григорианского и др., имеют право получать дары без ограничений. В таких случаях авторитет православных церквей, монастырей и духовенства сильно страдает, и они мало того, что нередко лишаются очень

ценных имуществ, но в глазах дарителей теряют свое высокое значение, как не желающие принять дары в момент предложения. Некоторые дарители, особенно из простолюдинов, никак не могут понять, почему духовенство не может принять в дар имущества в момент предложения, и не мало времени нужно для убеждения в существовании указанного порядка укрепления имуществ — в том, что духовенство не может принять имущества до испрошения Высочайшего соизволения. Некоторые дарители прямо заявляют, что духовенство не желает принять их дара на пользу Церкви, и разубедить их является невозможным.

Закон, требующий Высочайшего соизволения на право приобретения имущества путем купли, дара или завещания, является весьма тяжелым для церквей и монастырей, когда приобретаются имущества сравнительно малоценные, о приобретении которых испрашивать каждый раз Высочайшее соизволение было бы очень обременительно как для епархиального начальства, так и Св. Синода, а особенно для Государя Императора. Неужели же беспокоить Особу Его Величества и испрашивать Высочайшее соизволение, когда благочестивый православный христианин жертвует хатку для школы церковной или усадьбу для помещения священника православного или жертвует ½ десятины земли, ⅛ десятины сада или огорода на церковь, на монастырь или на школу?

Для примера возьмем Кишиневскую епархию. В ней свыше 1000 церквей, свыше 600 школ церковных, 20 монастырей и скитов. 1000 церквей приобретают путем купли, дара или завещаний усадьбы и дома церковные для священнослужителей и церковнослужителей: 600 церковных школ приобретают усадьбы, здания для школ и землю для школьных садов и огородов малыми участками. Но ведь часто церковно-причтовые дома и школьные здания в селах и деревнях и усадьбы в ½ или ¼ десятины сравнительно малоценны. Сколько времени, труда и расходов непроизводительных потребовалось, чтобы по каждому маловажному случаю приобретения малоценных имуществ испрашивалось Высочайшее соизволение на укрепление их за церквами! Кроме этого, для испрошения Высочайшего соизволения необходимо представлять крепостные акты на приобретаемые имущества, планы их и другие документы; но как трудно бывает достать их в Бессарабии, где жители владеют своими имуществами без формальных документов и планов, а чтобы получить на них формальные акты и планы, иногда требуются расходы, превышающие стоимость приобретаемого имущества! И по неволе приходится малоценные имущества не закреплять за церквами, ибо очень затруднительно по маловажным делам приобретения малоценных имуществ испрашивать Высочайшее соизволение, ибо пришлось бы очень часто беспокоить Особу Его Величества по маловажным делам. А от не закрепления имуществ церкви и монастыри не раз терпят потери. А между тем, малоценные в отдельности имущества, приобретаемые куплей, по дару и завещаниям, в общей совокупности взятые, составляют для церквей очень ценное состояние, которое следовало бы закреплять за церквами без ограничений.

Далее, закон (т. X, ч. 1, зак. гражд., изд. 1900 г., ст. 618) не признает за духовенством, как сословием, прав юридического лица по приобретению недвижимого имущества. Посему, во всех тех случаях, когда для духовенства настоит надобность в приобретении в полную собственность для его нужд и на его средства, это имущество приходится укреплять не за действительным приобретателем — духовенством, а за епархиальным начальством или учебными заведениями, имеющими права юридического лица. Следовало бы духовенству предоставить права юридического лица в деле приобретения имуществ. С древних времен, православные церкви, монастыри, архиерейские дома и духовенство имели права приобретать имущества куплей, по дару и завещаниям; но эти права ограничены были узаконениями позднейшего времени.

Ныне, с обнародованием новых узаконений о веротерпимости, даруются права приобретения имуществ различным инославным духовным учреждениям и даже разным религиозным обществам. Справедливость требует, чтобы православным церквам, монастырям, архиерейским домам, церковным школам и духовенству предоставлены были права на приобретение имуществ без всяких ограничений, как это велось прежде на Руси. Для того же, чтобы церкви, монастыри, архиерейские дома, школы, духовенство и духовные учреждения не приобретали имуществ спорных, невыгодных, ненужных, условных и т. п., то необходимо все сии учреждения обязать приобретать имущества с ведома и разрешения епархиального начальства.

VI.

Следует ли присвоить епархиальным съездам значение вспомогательного при епископе органа не только по вопросам о материальных, но и религиозно-нравственных нуждах?

Так как духовенство изыскивает и отпускает средства на содержание разных просветительных и благотворительных учреждений епархии, то естественно, что ему должно принадлежать право контролировать правильность поступления доходов, а также не только бумажная, но и фактическая поверка расходования сумм; равным образом и то, насколько эти учреждения, поглощающие средства епархии, удовлетворяют своему назначение. В то же время, в интересах оживления деятельности епархиального духовенства, поднятия авторитета пастыря и учителя, необходимо расширить те разновременно и искусственно созданные рамки, которые стесняют деятельность пастырей и задерживают правильную жизнь прихода. Предоставление большей самодеятельности духовенству, посему, представляется не только желательным, но и необходимым. Одним из видных средств в достижении этого могут быть реорганизованные съезды епархиального духовенства. Реорганизация съездов должна состоять в следующем:

1) Съезд духовенства состоит из: а) выборных от духовенства, по одному депутату от благочиннического округа, б) двух или трех представителей мо-

нашествующего духовенства и в) одного представителя от духовно-учебных заведений.

2) Избрание депутатов на епархиальный съезд предоставляется: а) от округов — всем священно- и церковнослужителям посредством закрытой баллотировки, на срок 1 год, б) от монашествующих — усмотрению епископа, в) от духовно-учебных заведений — правлениям и советам этих учреждений.

3) Съезд духовенства происходит в губернском городе под непосредственным ведением епархиального архиерея, но без всякой зависимости от консистории и других органов епархиального управления. Решения съезда представляются на утверждение епархиальному архиерею, который может предложить съезду вторично обсудить вопросы, с решением которых он не согласен. В случаях новых разногласий в решении вопросов между епархиальным архиереем и съездом, постановления съезда не приводятся в исполнение до разрешения Святейшим Синодом спорного вопроса.

4) Съезд духовенства происходит ежегодно от 15 до 30 февраля или 15—30 августа, в промежутке между этими числами.

5) Правом быть избранным в депутаты на съезд пользуется каждый священник округа, не подвергнутый взысканию по суду. При баллотировки, три голоса псаломщиков считаются за один. К депутатам избираются кандидаты по ним. Избрание округом депутата — окончательное и санкции епархиальной власти не подлежит.

6) Депутаты съезда во время участия в заседаниях съезда получают из общеепархиальных сумм по 5 руб. в сутки.

Обязанности и права съездов:

7) Оставить в силе синодальные руководственные указания, относящиеся к устройству епархиальных съездов и изложенные в 1—9, 18—27 пунктах § 93 устава духовных семинарий.

8) Решение вопросов, касающихся веры и нравственности православной паствы; организация миссий, чтений религиозно-нравственных и бесед, библиотек; борьба с иноверцами, раскольниками и сектантами, привлечение к этому способных людей; открытие братств и других благотворительных и просветительных учреждений в епархии и изыскание на содержание их средств.

9) Церковное учительство вообще; избрание членов епархиального училищного совета и уездных отделений, а равно и уездных наблюдателей; заслушание отчетов уездных отделений и училищного совета предварительно представления высшему начальству.

10) Контроль за правильным поступлением и расходованием денежных сумм, отпускаемых на содержание учебных заведений духовенством; право следить за постановкой учебно-воспитательного дела в учебных заведениях

через избранных съездом членов, снабженных особой инструкцией, с обязательством входить в съезд с докладом по доводу замеченных уклонений в учебно-воспитательном деле.

11) В случае обнаружения опущений, небрежности, хищений, неправильного ведения хозяйства, съезд постановляет журналы, смотря по степени виновности, о смещении служащих, назначенных духовенством, а о лицах, назначаемых Святейшим Синодом или епархиальной властью, входит с представлением об их увольнении.

12) Духовенство на съездах должно иметь суждение об устранении всех поводов, ведущих к нестроениям во взаимных отношениях духовенства; съезд имеет право возбуждать самостоятельно дела против отдельных лиц сословия, роняющих достоинства сана и звания.

13) Дела местных епархиальных учреждений, общества взаимопомощи эмеритальной кассы, строительного комитета, ссудной кассы, свечного завода, братств и всех других учреждений в епархии, имеющих отношение к сословным интересам духовенства, ведаются исключительно съездом епархиальное попечительство о бедных духовного звания, а также вновь открываемые епархиальные учреждения также ведаются и контролируются епархиальным съездом.

14) Съезду предоставляется право рекомендовать епархиальной власти кандидатов в члены консистории; в потребных случаях иметь суждение и входить с докладами к епархиальному преосвященному по поводу деятельности консистории; требовать отчета от консистории о состоянии денежных сумм, поступающих от епархии, а равно установить, чтобы распоряжения консистории, связанные с новыми для церквей в духовенства расходами, предварительно рассматривались епархиальным съездом.

15) Принятие мер к оживлению духовной и благотворительной жизни монастырей епархии; привлечение монастырей к участию в содержании просветительных и благотворительных учреждений епархии, учреждение в монастырях подготовительных курсов для псаломщиков-молдован, приютов для немощных священноцерковнослужителей епархии, их вдов и сирот.

16) Вопросы оживления церковной жизни в молдавских приходах: улучшения церковного чтения и пения, наилучшей подготовки церковных чтецов и певцов, обучения их молдавскому церковному пению и чтение, печатания на церковно-молдавском языке круга богослужебных книг и брошюр религиозно-нравственного содержания.

17) Общеепархиальный съезд указывает права и обязанности окружных съездов духовенства.

1) Благочиннический окружный съезд духовенства созывается по предложению епархиального начальства, общеепархиального съезда духовенства и по собственной инициативе, для решения дел, касающихся интересов округа. О времени и месте окружный благочинный заблаговременно извещает духовенство округа. Явка в съезд обязательна для всех священноцерковнослужителей округа.

2) Заседания съезда происходят под председательством окружного благочинного, избираемого духовенством округа и утверждаемого епархиальным архиереем из числа священников округа сроком на пять лет. Должности духовника, помощника благочинного и духовного следователя тоже должны быть в округе выборные, сроком тоже на пять лет.

3) Окружный съезд духовенства ведает, кроме дел, передаваемых епархиальным начальством, следующие дела: а) проверяет один раз в год всю денежную отчетность благочинного округа; б) проверяет деятельность благочинического совета; в) ведает открытие и отчетность религиозно-просветительных учреждений в округе, как-то: приходских попечительств, братств, религиозно-нравственных чтений собеседований; г) рассматривает жалобы лиц, недовольных решением пастырского суда чести при благочинических советах, приноравливая рассмотрение дел к созыву съезда, где тогда же избираются съездом лица для решения дел.

Права и обязанности благочинических советов в округе следующие:

1) Благочинический совет округа состоит под председательством благочинного; кроме него в состав совета входят еще пять священников, избираемых духовенством из своей среды на пять лет. При рассмотрении в совете дел, касающихся интересов псаломщиков, в состав совета входят два псаломщика, тоже избираемые на 5 лет, с правом голоса наравне с священниками.

2) В виду того, что состав совета будет из лиц выборных и духовенству желательных, на благочинический совет возлагается братский суд чести для окружного духовенства. Ведению суда принадлежат проступки против чести, нравственности и благоповедения. Права и обязанности этого суда не регламентируются никакой инструкцией. При рассмотрении дел члены совета должны руководствоваться голосом иерейской совести и к исправлению виновных применять меры нравственного свойства, как-то: увещание, внушение, замечание и проч., о неисправимых же сообщать окружному съезду и докладывать на благоусмотрение епархиального преосвященного.

3) В остальном, благочинический совет в своей деятельности руководствуется правилами о благочинических советах, ныне существующими в епархии.

VII.

Следует ли предоставить духовенству право участия в городских, земских и сельских общественных учреждениях?

Безусловно следует. Положение духовенства в государстве Русском почетно; оно несет такие важные и очень ответственные обязанности, что ограничительные законы, применяемые к евреям и другим подобным в государстве элементам, не могут иметь место. Это — ничем не вызванное со стороны всего духовенства мероприятие. Уже значительное время прошло с того времени, как последовало устранение духовенства от участия в земских, городских и сельских собраниях и учреждениях; но за это время авторитет духо-

венства не стал выше по сравнению с тем, когда духовенство, участвуя в названных учреждениях и совещаниях, вносило в них свое благотворное влияние. Посему следует восстановить право, что: а) священноцерковнослужители по имущественному цензу, личному или своих жен, должны участвовать в выборах земских и городских, избирать и быть избираемыми; б) учреждения Духовного Ведомства, владеющие недвижимостью, также участвуют в выборах городских и земских собраний через своих представителей; в) для защиты интересов сословия и звания, духовенство по цензу, представляемому церковной землей или домами причтовыми, участвует в земских и городских выборах.

VIII. О предметах веры и по вопросу о положении православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверцам

На решение Собора предлагаются следующие вопросы: а) об отношении православной Церкви к другим христианским Церквам, преимущественно к старокатолицизму, англиканской Церкви и армяно-григорианской, б) о возможности соединения христианских Церквей и условиях соединения, в) о возможности созвания Вселенского Собора, г) о причинах к разводу и браках на разведенных по прелюбодеянию.

Что касается положения Церкви православной в отношении к последователям других вероисповеданий, проживающим в пределах Русского государства, то можно предложить рассмотрению и решению Собора, прежде всего, следующий принципиальный вопрос: каково должно быть отношение между государством и господствующей в государстве Церковью в делах, касающихся защиты веры и борьбы с заблуждениями?

А затем, по вопросу о чисто церковных мерах и средствах к ограждению православия и православной Церкви от вредного влияния со стороны разных лжеучителей и лжеучений, а также к привлечению заблуждающихся в лоно православной Церкви, комиссией могут быть сделаны частные и более подробные указания.

Так как Церковь только тогда может не опасаться нападений со стороны неверия и лжеучений, когда члены ее крепки и тверды в вере и глубоко проникнуты духом православного учения, то, по мнению комиссии, прежде всего и главным образом необходимо употребить все средства к тому, чтобы поддерживался и укреплялся этот дух веры и благочестия в русском народе. Именно, следует рассмотреть весь строй церковной жизни и все здесь направить и приспособить к тому, чтобы достигалась вышеуказанная цель, и — в частности — следует поднять авторитет пастырей церковных и укрепить связь между пастырями и пасомыми, а также способствовать появление братств или христианских союзов с религиозно-нравственными целями и расширению их деятельности.

Крепкая своим внутренним и внешним строем и верностью своих членов, Церковь будет в состоянии успешно вести борьбу и с отступниками от веры, а

также последователями других вер, и направлять тех и других на путь истины. Тогда к делу миссии могут быть привлечены все члены Церкви: и миссионеры в собственном смысле, и пастыри, и простые миряне, так как много будет желающих послужить этому делу. Самое дело миссии должно быть основано и ведено на началах христианской любви и кротости и должно быть чуждо резких приемов полемики. А для того, чтобы все, желающие вести борьбу с заблуждениями в области веры, имели надлежащие к тому познания, желательно как увеличение числа специально миссионерских школ, так и приспособление программ преподавания во всех школах Духовного Ведомства к потребностям православной миссии.

При сем прилагаются мнения съезда о. о. депутатов духовенства и местных епархиальных миссионеров.

Мнения общеепархиального съезда духовенства Кишиневской епархии по вопросам о реформе церковного управления и духовной школы, а также и по другим вопросам церковно-общественной жизни

Общеепархиальный съезд духовенства Кишиневской епархии в заседаниях своих, 17—19 числа ноября месяца сего 1905 года состоявшихся, рассмотрев выработанные по поручению его преосвященства, преосвященнейшего епископа Владимира, особыми комиссиями мнения по выдвигаемым в настоящее время церковно-общественной жизнью вопросам, *постановил*:

1) Всецело присоединиться к мнению комиссии по вопросу «о возможности и желательности введения областного церковного управления в русской Церкви» — с Святейшим Синодом, во главе с патриархом, с отменой должности обер-прокурора Синода и с обязательным участием — как в областном управлении при митрополитах, так и в Святейшем Синоде — представителей белого духовенства — пресвитеров.

2) Признать потребностью времени и потому весьма желательным осуществление указанных в «Мнении комиссии по второму пункту синодального определения» начал соборности в области епархиального управления, но без участия в этом управлении мирян.

3) К мнению комиссии по вопросу «об устройстве церковного прихода» съезд духовенства считает нужным присовокупить, что, в видах лучшей постановки дела, является существенно необходимым объединение деятельности церковно-приходских попечительств в одном приходском учреждении — «церковном совете», с предоставлением последнему юридического права приобретения имуществ для благотворительных и просветительных целей в пределах прихода.

4) Всецело присоединиться к мнению комиссии по вопросу «о необходимости соборного рассмотрения вопроса о пересмотре законов, касающихся порядка приобретения Церковью собственности».

5) В доклад комиссии по реформе духовной школы внести следующее: а) обучение в богословских классах должно быть бесплатным для воспитан-

ников всех сословий; б) в богословских классах ввести преподавание местных наречий; в) в среднюю духовную школу ввести учреждение «попечительного совета» из представителей духовенства епархии избираемых епархиальным съездом, с правом участия в педагогических собраниях и наблюдения за учебно-воспитательным делом; г) желательно ввести выборное начало при назначении начальствующих лиц в духовно-учебных заведениях; и, наконец, д) предоставить право поступления в духовные академии без поверочных испытаний всем окончившим богословские классы.

6) В 8-м пункте доклада комиссии по вопросу «о реорганизации епархиального съезда» внести следующее: дело избрания епархиальных миссионеров предоставляется епархиальному съезду духовенства.

7) По вопросу «об участии духовенства в городских, земских и сельских учреждениях» съезд, единогласно согласившись с мнением комиссии, изложенным в приведенных трех пунктах, признал необходимым сделать следующие дополнительные изменения: а) пункт 4: предоставить право духовенству в лице своих представителей участвовать на сельских сходах, и б) пункт 5: ходатайствовать о предоставлении определенного числа мест в Государственной Думе духовенству, как сословию.

8) Суждения комиссии, учрежденной преосвященным архипастырем, и доклад епархиальных миссионеров, изложенный в особом мнении, по вопросам: а) о положении отечественной Церкви в государства после указа 17 апреля 1905 года о веротерпимости, б) об отношении Церкви после сего указа к раскольникам и сектантам и, вообще, к иноверным и инославным, и в) о предметах веры и вопросах обрядово-канонического характера, — признать желательным представить на обсуждение и разрешение будущего церковного Собора, как материал, вполне соответствующий назревшим вопросам церковно-общественной жизни.

Мнение кишиневских епархиальных миссионеров по вопросам: а) о положении отечественной Церкви в государстве после указа 17 апреля сего года о веротерпимости, б) об отношении Церкви после сего указа к раскольникам и сектантам и, вообще, к иноверным и инославным, и в) о предметах веры, которые могут подлежать обсуждению на предстоящем Всероссийском Церковном Соборе

1. С объявлением указа от 17 апреля сего года о веротерпимости, наша отечественная православная Церковь перестала быть господствующей; она унижена в правах перед раскольниками и сектантами, так как последние, в силу сего указа, получили более обширные права, чем какие имела и имеет наша Церковь. Расколо-сектантские общины получили право самоуправления, и их выборные наставники уравнены в правах с православным духовенством. Право самоуправления расколо-сектантских общин избавляет их от вмешательства государственной власти в их внутреннюю жизнь, от чего не освобождена наша православная Церковь. Изданные государственной властью законы

о праве прелюбодеев вступать в новый брак и о производстве работ в воскресные и праздничные дни противоречат Священному Писанию и учению Церкви. Кроме этого, самоуправляющаяся расколо-сектантская община имеет, сравнительно с нашей Церковью, больше преимуществ для процветания религиозной жизни ее. Расколо-сектанты свободно могут строить храмы, школы и приобретать движимое и недвижимое имущество, могут свободно оказывать из своей церковной кассы материальную поддержку сиротам, вдовам и, вообще, всем нуждающимся прихожанам. Все это, бесспорно, содействует процветанию и оживлению религиозно-нравственной жизни расколо-сектантских общин, превращая сии общины в живой союз верующих и заставляя чувствовать, что община их, при таком устройстве, есть их чадолюбивая мать. Православная община, по-прежнему, будет управляться административным порядком — посредством духовных консисторий и, следовательно, лишена права на самоуправление; жертвы православных прихожан на нужды приходских храмов отсылаются из прихода; приход не может приобретать недвижимых имуществ, не может свободно строить храма, школы и других благотворительных учреждений, и лишен возможности удовлетворять из своей церковной кассы сирот, вдов и других нуждающихся. Вследствие всего этого, православные чувствуют себя разрозненно, а не членами живого союза верующих, и, естественно, не могут признавать своей церковной общины — материю, но мачехой, которая только берет и берет посредством кружечных и других сборов. Православные прихожане имеют даже смутное представление о Церкви Христовой, как обществе верующих; они со словом «церковь» соединяют представление лишь о здании — дом для молитв. Такое положение православной Церкви заставляет опасаться нападений со стороны расколо-сектантов. В виду этого, представляется необходимым устроить православную приходскую общину на тех же свободных началах и даровать ей те же права, на каких организованы и такими пользуются общины расколо-сектантов. Желательно, чтобы православная приходская община получила свободу в построении храмов, в приобретении имуществ и в оказании материальной помощи из церковных средств бедным и нуждающимся прихожанам, а также, во имя правильных взаимных отношений между пастырями и пасомыми, желательно и даже необходимо обеспечить священноцерковнослужителей определенным жалованьем или от казны, или от общины. Указанные меры будут содействовать к утверждению веры в членах православной общины и привязанности их к Церкви, как к живому союзу верующих, соединенных между собой единством веры и союзом братской любви.

2. Церковь Христова, как столп и утверждение истины, признает единственно спасительным и истинным только свое учение, а учение всяких других христианских общин признает удалением от истины или даже заблуждением, а потому — неспасительным. Поэтому, она на отпадение некоторых своих членов в расколо-сектантство или в иное инославное и иноверное исповедание не может смотреть равнодушно и допускать оторвание их от единства церковного, удаление от света ко тьме, от истины ко лжи, от спасения к поги-

бели. Мало этого, Церковь, будучи верна, завету своего Пастыреначальника: *ины овцы имам, яже не суть от двора сего, и тыя Ми подобает привести,* матерински заботится о привлечении в свое лоно всех заблудших. Она не может, в силу своего Божественного назначения, допускать для своих членов той религиозной свободы, которая допущена государством в указе от 17 апреля сего года о веротерпимости. Допустить это — значило бы, что Церковь потворствует еретикам и раскольникам и открывает своим чадам широкие врата, ведущие во временную и вечную пагубу. В виду этого, отношения Церкви к расколо-сектантству и к инославным и иноверным исповеданиям должны — и после указа от 17 апреля сего года о веротерпимости — остаться те же, какие были до сего времени. Церковь по-прежнему, в силу не отмененного постановления Большого Московского Собора 1667 года, коим дано русским церковным крамольникам название «раскольников», вменяет в обязанность во время бесед о вере, в проповедях церковных и в полемических сочинениях именовать глаголемых старообрядцев присущим им названием «раскольники», за что православные не должны быть привлекаемы к ответственности по 7-му пункту указа, а в официальных бумагах на имя гражданских чинов и учреждений можно величать их «старообрядцами», хотя на самом деле они не «старообрядцы», а «новообрядцы». 16-м пунктом того же указа воспрещается в официальных актах называть ламаитов идолопоклонниками и язычниками, а между тем Церковь Христова иначе их не может признавать и называть — на основании слова Божия и учения святых отцов. Хотя для обуздания еретиков и раскольников Церковь, в силу присущего ей права, находящего для себя основание и учении Ветхого и Нового Завета и в практике первенствующей христианской общины, может прибегать к помощи государственной власти, но, так как государство вышеуказанным актом отказало в этом, то она, для ограждения своих чад от совращения и для привлечения в свое лоно заблуждающих, будет пользоваться средствами, находящимися в ее распоряжении. Таковыми средствами Церковь считала и считает *всеоружие Божие: препоясание чресл наших истиною, облечение в броню праведности, обувание ног в готовность благовествовать мир,* а паче всего — *щит веры, которым возможно угасить все раскаленные стрелы лукавого, шлем спасения и меч духовный, который есть слово Божие, и постоянная молитва о всех* (Ефес. 6 гл., стихи 13—19). Поэтому, Церковь будет пользоваться проповедыванием слова Божия, которое не может и не должно быть связано цензурой, — беспрепятственными публичными и частными миссионерскими беседами в духе кротости и любви, распространением полемических и других книг и брошюр, устройством приходских кружков ревнителей Православия, оживлением церковного богослужения посредством введения общего пения, развитием приходской благотворительности, увеличением числа миссионеров — епархиальных и уездных, смотря по количеству расколо-сектантов епархии, учреждением должностей миссионеров против католичества и против еврейства, приучением воспитанников семинарии, кандидатов на священство, к живой импровизации и к ведению бесед с расколо-сектантами, ино-

верными и инославными христианами, для чего командировать воспитанников семинарий старших классов в ближайшие пункты расколо-сектантства для присутствования и возможного участия в публичных беседах епархиальных миссионеров. Церковь Христова, ревнуя о умножении числа своих чад, не может без содрогания сердца относиться к совращению бывшими православными родителями своих детей, не достигших 14-летнего возраста, в расколо-сектантство, на что дает им право 2-ой пункт указа от 17 апреля сего года; а равно не может согласиться с тем, чтобы расколо-сектанты и католики могли принимать подкидышей и крестить их по обрядам своей веры, что̀ разрешается им 7-м пунктом того же указа. Предоставление права одной лишь Церкви крестить подкидышей не нарушает свободы совести — в виду того, что ни над кем не производится насилие. По нашему мнению, священные права нашей православной Церкви, первенствующей в обществе, требуют, нам проповедует о сем и знаменитый канонист отечественной Церкви, преосвященный Иоанн, епископ Смоленский: а) чтобы иноверные религии не имели права распространения между православными в обществе, где эта Церковь должна господствовать, и где, следовательно, это право для нее одной должно быть сохранено (Корфаг. соб. 104, 105 и 112 прав.); б) чтобы иноверцы своими открытыми обрядами не производили соблазна и вреда для членов Церкви, особенно — чтобы своим вмешательством или насилием не делали никакого замешательства в православной Церкви, ее собраниях, обрядах и управлении (Лаодик. соб. прав. 6; —Тимофея прав. 9; 17 правило св. апост. и 6 прав. II Всел. Соб.); в) чтобы намеренно не препятствовали распространению православной веры в своих обществах и свободному обращению к ней желающих из своих членов; г) чтобы, не подлежа прямо внутренним законам православной Церкви, касающимся только ее чинов, не нарушали внешних, к ней относящихся, постановлений, как-то: относительно ее мира, благочестия и прав гражданских (Карфаг. Соб. прав. 104); д) наконец, чтобы со стороны государства употреблены были надлежащие меры к предупреждению и пресечению всяких совращений в иновере от веры православной (Карфаг. Соб. правила 69, 71, 95, 104 и 120). Такая норма отношений Церкви к еретикам и раскольникам возможна лишь при нормальном отношений государства к Церкви, и наоборот. Христианский вид взаимных отношений между Церковью и государством — тот, когда они единством веры и духа входят между собою в общеполезный союз, т. е. когда государство принимает под свою защиту права и законы Церкви, без посягательства на их целость и независимость, и своими средствами помогает ее действительному благоустроению и благоденствию, и когда Церковь со своей стороны, не теряя своей свободы и прав, может, без ущерба для себя, сообразоваться в своих делах с постановлениями государственными, освящает, чтит и охраняет государственную власть, ограждает своим учением и правилами добрый гражданский порядок.

3. По нашему мнению, на предстоящем всероссийском церковном Соборе должны подлежать обсуждению следующие вопросы: а) о болгарской схизме, или о так называемой греко-болгарской распре; б) о разногласии греческой и

русской Церкви по вопросу о принятии католиков; в) об ересях армяно-григорианской Церкви; г) о том, имеет ли преемство хиротонии священство англикан и старокатоликов; д) о бывшем греческом митрополите Амвросии и об основанной им в русском расколе иерархии; е) об отмене канонических правил, упраздненных практикой Церкви; ж) о том, возможно ли допустить для некоторых немощных совестью почитание икон без лобзания их; з) о постах церковных; и) об отдельном церковно-богослужебном уставе для мирских церквей; і) о том, лишаются ли благодати священства священные лица, изверженные из сана по суду; к) о том, действует ли благодать хиротонии в священных лицах — бесспорных прелюбодеях, по суду человеческому еще не обличенных в сем грехе; л) лишаются ли благодати священства священные лица, жены коих ведут прелюбодейную жизнь; м) как смотреть на рукоположение в священные саны молодых людей и лиц, нарушивших до рукоположения свое целомудрие; н) следует ли брак, как повторяемое таинство, совершать только до трех раз над одним и тем же лицом, а почему не более; о) строго разграничить, согласно 54 правилу VI Вселенского Собора, степени родства, возбраняющие вступление в брак; п) рассмотреть правило Собора 1667 года о клятвах, изреченных на старообрядцев, и о неписании Бога-Саваофа; р) о возможности допустить совершение церковного богослужения, таинств, чинов и обрядов на русском языке, понятном для всех русско подданных — великороссов, малороссов и белороссов; с) о русских сектантах; т) о браках вдовых священно-церковнослужителей; у) о хиротонии в сане епископа без пострижения в монашество, и ф) о не лишении гражданских прав священнослужителей, добровольно слагающих с себя сан.

1905 года, ноября 19го дня.

№ 15,
преосвященного Питирима, епископа Курского,
от 24 ноября 1905 года

По вопросу об участии представителей Церкви в общественных, городских и высших государственных учреждениях Российской империи

Христианское учение, уподобленное Спасителем нашим закваске, которая должна проникать во весь состав муки, находящейся в сосуде, должно проникать естественно во все стороны жизни человеческой, — как частной и общественной, так и государственной. Проводниками начал Христовой веры в первые века христианства были св. апостолы, а потом преемники их высокого служения — епископы, затем и пресвитеры и все вообще последователи Христовой веры. Поэтому как бы богоугодно было, если бы правители и законодатели государств всегда в основу общественной и государственной жизни полагали законы, согласные с духом святой веры Христовой, а подданные, повинуясь предержащей власти, как от Бога поставленной, с христианским смирением и послушанием исполняли установленные законы в своей частной, общественной и государственной жизни! Между тем приходится видеть разность в воззрениях на эти государственные и общественные вопросы. Эта разность производит то, что граждане, исходя на общественное и государственное дело, предпринимаемое по одному побуждению любви к отечеству, не узнают друг друга, и одни разрушают то, что̀ созидают другие. Тогда не нужно много прозорливости, чтобы видеть, что их потомки с еще бóльшим усилием будут разрушать дела их, что их труды останутся без продолжателей, их добро — без наследников. Дать им единство убеждений и связать их разнообразную деятельность в одно стройное целое может только христианство; в православном христианстве — единение умов, сердец и всех внутренних и внешних сил человеческих. Мы, русские, поставлены на этом начале самим Промыслом Божиим. Наша вина, если мы на нем не всегда удерживаемся и оттого страдаем. «Предай Господу путь твой и надейся на Него, и Он совершит». Путь жизни каждого человека и целых народов и царств только тогда прям, безопасен и ведет к совершенству и счастью, когда он открыт или представлен Господу, Его руководительству и попечению. Когда в умах человеческих сияет свет Его вечной истины, в сердцах водворяется Его святость, в делах владычествует Его правда, — тогда царство человеческое становится царством Божиим. И оно всегда может надеяться, что его дело Сам Бог совершит, потому что направлено к исполнению Божией воли: оно относится к Божией славе; Сам Бог защищает его и исполняет как Свое собственное. Здесь — начало успешности всех общественных и государственных дел и, вместе, гражданского единомыслия и единодушия. Есть одно великое имя,

перед которым беспрекословно преклоняется все человечество: это — имя Божие. Только одного учителя оно слушает без возражений, — говорящего от имени Божия; одной власти повинуется — власти Божией, или той, которая носит на себе ясные знамения божественного избрания, как например, царской. Одному руководителю оно без страха вверяет судьбу, это — всеблагому Богу или Его избранникам. Ни истины, ни власти, ни закона оно не признает обязательным для себя, если не найдет в них связи с истиной, властью и законом Божиим. Итак, если нужно вести к совершенству целые миллионы людей, или идти вместе с ними, то надо входить с ними в связь прежде всего верою в Бога. В наше время многие думают, что жизнь религиозная может идти своим порядком, а общественная и государственная — своим: великая ошибка! Как в видимом мире всякое существо живет жизнью, от Бога данною, так в мире человеческом, или в обществе, самое малое, но истинное добро происходит от правильной жизни духа, живущего святой верой и добром нравственным. Только под руководством святой веры воспитывается гражданская честность и правдолюбие. У земной власти нет средств делать людей честными и правдивыми: никакие законы не оградят общественного и государственного достояния от расхищения и судебной правды от нарушений и уклонений, доколе к каждому гражданину не будет приставлен внутренней страж и свидетель всех его сокровенных помышлений, желаний и дел. Этот свидетель — чистая, озаряемая законом Божиим и строгая совесть; этот страж — страх греха, как нарушения воли всеведущего и правосудного Бога. Только христианское настроение духа ручается за честность и правдивость гражданина. Христианство, распространяясь среди людей, проникало и проникает во все стороны человеческой жизни: с появлением христианства нравы людей стали смягчаться к лучшему, более совершенному; законы людские стали гуманнее; пытки и телесные наказания стали постепенно отменяться; под влиянием христианства пало рабство. Но нельзя сказать, что настанет такой период в жизни людей, когда отношения между всеми людьми установятся вполне христианские и для высокого преуспеяния человечества нужно будет другое более высшее учение.

Принимая во внимание вышесказанное, естественно желать, чтобы представители Церкви благовременно и безвременно, не в храме Божием только и в частных домах, а и в общественных и государственных учреждениях проводили в жизнь народную начала святой веры, подражая св. апостолу Павлу, который проповедывал Христово учение в ареопаге. Ибо как единственно жизненные христианские начала нравственности будут проникать в жизнь государственную, если о них не будет проповедано? Затем, чем больше и усиленнее архипастыри и пастыри будут заботиться об этом, тем это будет лучше, тем оно ближе будет подходить к своему назначение. Но, кроме религиозно-нравственного преуспения своих пасомых, пастырям Церкви не чужды и мирские нужды их пасомых. Замечено, что чем население более обеспечено, тем менее среди его бывает преступлений, и наоборот: бедность, хотя и не порок, но большое несчастие и часто представляет такую наклонную плос-

кость, ни которой мирскому человеку легко нравственно пасть или вообще согрешить. И Иисус Христос, Спаситель наш, имел при Себе особую кассу для удовлетворения необходимых телесных нужд Своих учеников и Своих слушателей. Когда народ, много дней слушавший Его божественное учение в пустынном месте, нуждался в телесной пище, то Спаситель сказал Своим ученикам: *дадите вы им ясти* (Матф. 14:16), и вошел в народную нужду. Затем, подражая Господу, и апостол Павел, когда узнал, что в иерусалимской Церкви голод, стал собирать милостыню среди христиан других основанных им Церквей и отсылать собранный пожертвования голодающим. Таким образом, для архипастырей и пастырей Церкви Христовой не должны быть чужды мирские нужды своих пасомых; следовательно, и они должны заботиться об удовлетворении не только духовной жажды своих пасомых, но и телесного голода, а поэтому участие духовенства в тех людских собраниях, в коих обсуждаются экономические, общественные и государственные дела, согласно с духом христианской любви. Но, кроме забот об экономическом благоустроении русского населения, в сельских, городских, земских и в Государственной Думе будут обсуждаться вопросы о народном просвещении: теперь без одобрения Государственной Думы не будет издаваться для народа ни один закон. Естественно поэтому желать, чтобы представители Церкви принимали участие при обсуждении на собраниях указанных дел; желательно, чтобы воспитание и образование русского народа и вообще его просвещение было основано на незыблемых христианских православных началах — на страхе Божием, без чего образование, вместо ожидаемой пользы, может принести населению вред.

Итак, только в союзе и взаимодействии государства с Церковью следует искать благоустроения и государства и Церкви; только в этом союзе с Церковью государство Русское почерпнет животворящую нравственную силу для охранения и развития наших русских народных жизненных начал, — временное даже ослабление коих ведет христианское общество не минуемо к разложению, вызывающему общественные беспорядки. Русская Церковь, как показывает история, никогда не искала мирской власти и земного мирского господства и всегда ставила на первое место вечные интересы Христовой религии и Христова Духа перед всякими мирскими выгодами. Русскому Правительству безусловно не следует бояться так называемого в западной Европе клерикализма: он в русской Церкви немыслим, и русский православный клир к земной власти не стремился и не будет стремиться.

О необходимости для пастыря широкого влияния и теплого, участливого отношения к мирским потребностям пасомых встречаем мы и у св. отцов Церкви. Так, св. Василий Великий, указывая в своем 70 нравственном правиле, что̀ должны делать те, кому вверена проповедь Евангелия, между обязанностями их звания упоминает и о том, что «к вверенным они должны быть сострадательны и в телесных их нуждах, и заботиться о них». «Нельзя одобрить, — говорит св. Григорий Двоеслов, — тех пастырей, которые посвящают свои занятия исключительно одним духовным предметам, так что внешние

нужды паствы для них как бы не существуют». Некоторое недоумение могут возбуждать 6 и 81 апостольские правила, где как будто не дозволяется пастырям такого рода деятельность. Но правила эти говорят не о том, чтобы пастыри Церкви не прилагали забот своих к житейским нуждам пасомых, но чтобы они только не принимали на себя таких мирских занятий, кои не согласны с высоким достоинством священного сана или служат препятствием к выполнению их прямых обязанностей. К числу такого рода мирских попечений относятся апостольскими правилами следующие занятия: ростовщичество, адвокатура, содержание корчемниц, военная или гражданская служба и пр. (см. прав. Ап. 44, 54, 20, 83 и 10-е VII Всел. Соб.). Все эти занятия запрещались им еще и потому, что пастыри Церкви предавались им исключительно в корыстных целях, как свидетельствуют о том отцы VII Всел. Собора, пр. 3. В таком смысле понимают устроение дел, запрещенное пастырям, и знаменитые восточные канонисты — Аристин, Зонара и Вальсамон. «Устроять мирские дела значит, — говорит Зонара, — когда кто-либо из корысти вступает в чужие дела или хлопоты, принимая на себя заботы или мирские беспокойства или тяжбы, и из сребролюбия принимает поручения по управлению чужими имуществами». Но те же самые правила, запрещая пастырям Церкви принимать на себя мирские обязанности из чисто материальных расчетов, вполне дозволяют им вмешиваться в жизнь и отношения членов общества в том случае, когда это вмешательство направлено ко благу пасомых. «Пастыри, — говорится в 3 правиле IV Всел. Собора, — должны иметь попечение о сиротах и вдовах беспомощных и о лицах, которым особенно нужно оказать церковную помощь, ради страха Божия». Наша славянская Кормчая в своем толковании на 6-е апостольское правило утверждает также, что «епископу или пресвитеру или диакону подобает... заступать вдовиц и сирот и немощная управляти и не даяти в руце обидящим стяжания их». Отсюда видно, что церковные правила вменяют пастырям даже в непременную обязанность заботиться о внешних нуждах пасомых, особенно находящихся в беспомощном положении, и вмешиваться в их общественные отношения, когда эти последние явно противоречат христианским началам любви и справедливости Пастыри Церкви не должны таким образом ограничиваться только исполнением обязанностей — учить, священнодействовать и руководить духовной жизнью пасомых, но должны зорко следить и за всеми явлениями их внешней жизни, вникать в их общественные дела и отношения и везде оказывать свое нравственное влияние. Так, ревностное и благотворное участие в общественной и государственной жизни русского народа принимали и великие святители московские — свв. Петр, Алексий и митрополит Феогност. Участие св. митрополита Алексия в гражданских делах было настолько важно для отечества., что великий князь Симеон перед своей смертью завещал братьям прежде всего слушаться владыки Алексия. В смутное время оградили самобытность и величие России и особенно важные услуги оказали отечеству московские патриархи — Иов и Гермоген; оба они, защищая законную царскую власть, решительно восстали против появившихся самозванцев. Так, канонически и исторически одинаково

твердо устанавливаются необходимость и законность широкого пастырского влияния на сельскую, общественно-земскую и государственную жизнь народа. Пасомые, говорит в своем правиле пастырском св. Григорий Великий, «не видя в пастырях сочувствия к своим внешним нуждам, остаются в свою очередь равнодушны и к ним, пренебрегая большей частью их пастырскими наставлениями...». Поэтому он советует пастырям заботиться и о невинных средствах к процветанию внешнего благосостояния членов своих паств.

В виду вышесказанного, признаю весьма необходимым для блага Церкви и для пользы Русского государства ходатайствовать перед Государем Императором о дозволении — особенно теперь — представителям русской Церкви участвовать с правом голоса в сельских, волостных, городских, земских и государственных высших учреждениях на общих для всех русских подданных основаниях.

№ 16,
преосвященного Никона, епископа Владимирского,
от 27 ноября 1905 года

Дать обстоятельные суждения по предложенным в указе Святейшего Синода от 27 июля 1905 года, за № 8, весьма серьезным и сложным вопросам в столь короткое время за неимением в маленьких губернских городах нужных ученых сочинений — не представляется возможным. По мере же сил и возможности долг имею, во исполнение указа, представить по данным вопросам свое мнение. Но прежде чем отвечать на вопросы, предположенные к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви, считаю долгом дать ответы на вопросы, выдвинутые в предложении г. синодального обер-прокурора, касающиеся самого Собора.

По вопросу о составе предполагаемого Собора Всероссийской Церкви

При решении этого вопроса нужно отправляться от трех точек: канонических постановлений, церковной практики и современного состояния Церкви.

На основании канонов: Апост. 37-е, Антиох. 20-е, I Всел. Соб. 5-е, IV Всел. Соб. 19-е, VI Всел. Соб. 8-е, VII Всел. Соб. 6-е, Лаод. 40-е, Карф. 27-е, 87-е — ясно видно, что Собор составляют епископы. О присутствии на соборах клириков и мирян в правилах не упоминается.

Практика Церкви показывает другое. На апостольском Соборе присутствовали не одни апостолы, но и старцы-пресвитеры и даже братия миряне, на что указывают выражения: Павел и Варнава «прияти быша от церкве и апостол и старец» (Деян. 15:4); «собрашася же апостоли и старцы ведети о словеси сем» (ст. 6); «умолчаша же все множество» (πλῆθος) (ст. 12); «тогда изволися апостолом и старцем со всей церковью» (ст. 22); «апостолы и пресвитеры и братия — находящимся в Антиохии» (ст. 23); «собравшись, единодушно рассудили» (ст. 25).

В последующие времена пресвитеры, диаконы и миряне также принимали участие в соборах.

На соборах, составленных св. Киприаном, о падших принимали участие confessores et laici stantes (stantes — которые во время гонений не пали и не подлежали церковному покаянию) (Opp. Kypriani, ep. XI, ed. Baluz. p. 22; ep. XIII, p. 28; ep. 66, p. 114 и ep. 71, p. 126). Такой образ действий св. Киприана, — «что в столь важном деле предоставляется рассуждать епископам, передавая свое мнение пресвитерам и всему народу», — клир римский вполне одобрил (ibid. ep. 31, p. 43). На соборе по вопросу о перекрещивании еретиков, кроме 87 епископов, принимало участие много пресвитеров, диаконов и maxima pars plebis (ibid. p. 320).

В 264—265 годах в Антиохии собралось много епископов по делу Павла Самосатского. Вместе с ними на соборе присутствовали пресвитеры и диаконы (Евсевий. Церковная история. VII, 28, изд. 1848 г. с. 447).

На соборе 269 г. принимал участие пресвитер Малхион, который, «несмотря на скрытность Павла, особенно обличал его». В окружном послании, написанном от имени собора, имя Малхиона стоит в числе других епископов, хотя они перечислены здесь далеко не все (там же, VII, 30, с. 448; ср. Hefele Conciliengeschichte 2 Aufl. Bd. I, s. 19).

На соборе против Берилла Бострийского Ориген, будучи пресвитером, начав беседовать с Бериллом, прежде всего старался выведать, как он мыслит. Узнав же, что̀ он утверждает, обличил его в неправославии, убедил своими основаниями, преклонил доказательствами, поставил на путь истины (там же, VI, 33, с. 369).

На соборах Ельвирском (около 306 г.) и Арльском (314 г.) пресвитеры и диаконы заседали не только в качестве заместителей отсутствующих епископов, но и на правах самостоятельных членов собора, сопутствующих своим епископам и подписавшихся под определениями (Hefele Bd. I, s. 20). Основание для участия пресвитеров в совещаниях Арльского собора дано было в самом указе императора Константина о созвании этого собора. В указе императора Константина, которым он приглашает Сиракузского епископа Христа прибыть в Арль по спорному делу Цецилиана и Майорина, говорится: «Повелев к календам августа собраться в г. Арелат весьма многим епископам из разных и бесчисленных мест, я счел нужным написать и тебе, чтобы, потребовав общественную подводу от знаменитого Латрониана, воеводы Сицилийского, а потом взяв с собой, по собственному твоему выбору, *два духовных лица второй степени* (пресвитеров) и трех слуг, которые бы могли прислуживать вам в дороге, ты прибыл к определенному дню в вышеозначенное место» (Евсевий. Церковная история. X, V, с. 584).

На соборе Ельвирском, кроме епископов, присутствовали 26 пресвитеров, диаконы и народ (residentibus etiam viginti et sex presbyteris, adstantibus diaconibus et omni plebe. Mansi. Collectio conciliorum t. II, col. 5). В актах собора однако только об одних епископах сказано: «dixerunt» (ibid.).

На вселенских соборах, когда христианство сделалось господствующей религией, в составе собора произошли несущественные изменения применительно к новому положению Церкви.

Акты I Вселенского Собора не сохранились и не дошли до нас. На основании же сообщений Евсевия, Сократа и Созомена видно, что «вместе с епископами на собор прибыло много пресвитеров, диаконов, между которыми особенно известен диакон Александрийский Афанасий, прославивший себя в состязании с арианами. Тогда же явились в Никею и некоторые из языческих философов, — одни с тем, чтобы ближе ознакомиться с учением христианским, а другие — по ненависти к нему, надеялись при помощи диалектики запутывать речи епископов и опровергать защищаемое ими учение» (Деян. Всел. Соб., Каз. 1859 г., с. 19). На соборе в присутствии епископов говорил диакон Афанасий,

«с особенным искусством, силой слова и мысли поражая хитросплетенные мудрования ариан. Вероятно, сторону Ария принимали и некоторые из философов, вступая в прение с епископами» (Деян. Всел. Соб., с. 21—22, и ссылка на Созом. I, 20; Афан. слово 2; Сокр. I, 5; Руфин. кн. I, гл. 16).

С начавшимся с IV века ограничением участия мирян в церковных делах (Лаод. 13-е), уже не встречается в памятниках упоминания о том, чтобы миряне принимали участие в соборных совещаниях; молчаливое же присутствие их в лице представителей высшей государственной власти императоров и сановников продолжается; например, на IV Вселенском Соборе, кроме императора Маркиана, присутствовали представители высшей государственной аристократии, представители всех ведомств государственного управления (Деян. Всел. Соб., 1863 г., т. 3—4, с. 122—123); на VI Вселенском Соборе присутствовал император Константин со многими высшими чиновниками (коих на первом собрании было 13) (Деян. Всел. Соб., 1882 г., Каз., т. VI, с. 22). При этом примечательно то, что в описании каждого деяния (заседания) этого собора, после перечисления прибывших на заседание гражданских чинов, говорится: «...собрался также святый и вселенский собор... а именно» — и идет перечисление епископов или их заместителей (там же, с. 22, 26, 28, 32, 74, 76, 79 и др.). Это показывает, что миряне не мыслились в составе собора, хотя и присутствовали на нем, хотя были высшие чины и сам император.

Духовные лица пресвитерского и диаконского сана присутствовали на соборе и принимали участие в рассуждениях. Наприм., Аетий, архидиакон константинопольской Церкви, ставил вопросы монаху Каросу, который, будучи поставлен в затруднение, сказал Аетию: «Не суди, да не будешь осужден. Епископы сидят, а ты зачем говоришь?» Однако этим он не остановил Аетия (Деян. Всел. Соб., 1878 г., т. IV, с. 34). На VI Вселенском Соборе участвовал «Стефан пресвитер и инок, ученик почтеннейшего Макария, архиепископа Феополя Антиохии» (Деян. Всел. Соб., 1882 г., т. VI, с. 27, 25), состоявший при патриархе Антиохийском Макарии (с. 86), оказавшийся вместе с ним еретиком (с. 98, 108). Равным образом, на собор прибыл и рассуждал монах Полихроний, оказавшийся также еретиком (там же, с. 215—217). На VII Вселенском Соборе вместе с епископами и представителями императорской власти присутствовали «почтеннейшие архимандриты, игумены и иноки» (Деян. Всел. Соб., 1863 г., т. VII, с. 71). Они принимали ближайшее участие в совещаниях собора и высказывали свои мнения (там же, с. 86, 91, 103, 105, 108, 111, 121, 185 и др.), но под определением собора однако не подписались (с. 591—610).

Переходя к практике русской Церкви, видим, что на соборе присутствовали царь и государственные чины (Деян. Моск. Соб. 1666 г. Псков, 1875 г., л. 11 на обор.), архимандриты и игумены (там же, л. 17, 18, 22 на обор. и др.). Деяния Московских Соборов 1654 г. и 1667 г. подписаны многими архимандритами, игуменами и протоиереями (Деян.. Моск. Соб. 1654 г. Псков, 1875 г., л. 15—16; и 1667 г. Псков, 1874 г., л. 73—74).

Таким образом, практика Церкви вселенской и русской показывает, что на соборах могли присутствовать и присутствовали пресвитеры и диаконы,

монахи и простые миряне, но с правом только совещательного голоса, принимая участие в раскрытии вопросов, решение же принадлежало только епископам. Чем ближе было время к началу Церкви, тем большее участие принимали в соборах пресвитеры, диаконы и миряне. Следовательно, и в предстоящем Соборе русской Церкви могут принимать участие черное и белое духовенство пресвитерского и диаконского сана, иноки и простые миряне.

Если же поставить вопрос прямо: допускать ли на Собор клир и мирян, то мы ответили бы на него утвердительно и решительно: нужно допустить по следующим, кроме указанных, соображениям.

Церковь является во всей полноте только тогда, когда налицо пастыри и пасомые, когда налицо все три богоучрежденные степени иерархии. Отчего предстоящему Собору русской Церкви не представить ее во всей полноте, когда к тому есть полная возможность? По учению восточных патриархов, «у нас ни патриархи, ни соборы никогда не могли внести что-либо новое, потому что хранитель благочестия есть само тело Церкви, т. е. самый народ» («Церковный Вестник» 1905, № 15, с. 465). Если собирается собор Церкви, то нужно, чтобы слышался на нем голос и паствы. Необходимо представить Церковь на соборе во всей полноте и потому, что многие нужды Церкви известны только пастве, и способ удовлетворения их ощутительнее и понятнее пасомым, чем пастырям, подобно тому как голод понятнее для алчущего, чем для благотворителя его, степень действия лекарств и облегчения болезни осязательнее для больного, чем для врача, который по заявлению больного на бесполезность лекарств меняет их и побуждается к этому часто не своими знаниями, а только заявлениями больного на бессилие лекарств. Пастыри могут просмотреть многие действительные и важные нужды паствы, выработать меры для удовлетворения нужд менее пригодные, чем какие может указать сама паства. Допущение на Собор всех: белого и черного духовенства пресвитерского и диаконского сана, иноков и простых мирян, сблизит между собой пастырей и пасомых, между тем как устранение мирян от участия в Соборе еще больше отдалит их от Церкви, и Собор будет не в пользу, а во вред Церкви. Когда на Соборе будут участвовать все, не исключая и пасомых, тогда Собор будет иметь всю силу авторитета, и такой состав Собора заградит уста всякому желающему протестовать против его постановлений. На придание Собору особо высокого авторитета следует обратить должное внимание — а) ввиду того, что это будет первый Собор после долгого перерыва и, хотя в этом новшестве скажется старина, но все же он в глазах многих откроет новый путь управления Церковью и жизнью церковной: на нем будут рассматриваться весьма важные вопросы, многие, накопившиеся не за одно столетие; б) ввиду боевого отношения к Церкви многих из русского общества, а также со стороны раскола, который будет стараться что-либо подыскать к умалению авторитета Собора; и в) ввиду дарованной свободы слова и печати, которая будет помещать на столбцах газет все, что̀ будет возможно сказать или сказано против Собора.

По вопросу о порядке для избрания на Соборе представителей от клира и мирян

На основании практики Церкви, которая указана выше и которая открывается подробнее из чтения деяний соборов, порядок избрания представителей от клира и народа был простой. Император указывал приглашаемому епископу, как например Константин Великий Сиракузскому епископу Христу, сколько и какого сана клириков он должен взять с собой на собор (Евсевий. Церковная история. X, V, с. 584), причем выбор лиц предоставил самому епископу. В приглашениях на Собор, рассылаемых епископам, можно будет Государю Императору указать maximum клириков и мирян, которых мог бы каждый епископ привести с собой по собственному выбору. Выбор клириков и мирян нужно предоставить епископам, потому что они лучше других должны знать и знают людей в клире и среди мирян, отличающихся образованностью, благочестием и ревностью о Церкви, каковые только и могут быть выразителями верований и жизни своей поместной Церкви.

Из деяний соборов видно, что в качестве представителей мирян присутствовали высшие государственные сановники, которые назначались самим Государем (Деян. Всел. Соб., Каз., 1882 г., т. VI, с. 174—175). Но, кроме назначенных Государем, прочие государственные сановники не имели права входить на собор и оставаться на нем, даже в том случае, когда имели к собору поручения от Государя. Когда архидиакон Константин, первенствующий из нотариев святейшего архиепископа Константинопольского, доложил собору, что предназначенные к чтению на этом заседании бумаги Макария, архиепископа Антиохийского, поданные последним Государю, принесены, и что принесший их Иоанн, славнейший патриций и квестор, стоит у дверной завесы, славнейшие сановники и святой собор сказали: «Пусть войдет славнейший патриций и квестор Иоанн». Когда Иоанн вошел, то славнейшие сановники и святой собор сказали: «Пусть славнейший патриций и квестор Иоанн объявит, ради чего он прибыл к нам». Когда Иоанн объяснил, что он прислан Государем передать бумаги, и передал их, то славнейшие сановники и святой собор сказали: «Славнейший патриций и квестор Иоанн, исполнивший императорское повеление, пусть возвратится домой, а упомянутые бумаги пусть будут прочитаны» (там же, с. 176—177).

Когда и духовные лица являлись на собор без приглашения, по своему желанию, то не имели права входить на собор без разрешения собора: о них докладывалось собору, и собор или разрешал им войти и говорить (там же, с. 220), или отказывал.

Применительно к этому, в случае прибытия на собор мирян и клириков без приглашения и только по собственному желанию, они должны довести до сведения Собора о своем прибытии, желании говорить, с указанием того вопроса, который они желают разъяснить. От всего Собора будет зависеть — допустить их в заседание и разрешить им говорить или отказать в том и другом.

По вопросу о подготовительном органе работ по Собору, организации при нем временного руководственного органа, порядка рассмотрения и решения дел Собором

Подготовление дел к Собору должно быть возложено на Святейший Синод. Так как у Святейшего Синода много и текущих дел, а у членов его, кроме того, есть свои епархиальные дела, то следует число временно присутствующих в Синоде епископов увеличить сверх обычного числа не менее как на три человека, которые должны заняться подготовкой дел к Собору и в помощь которым Святейший Синод даст нескольких духовных лиц и мирян, выдающихся ученостью, а равно и чиновников канцелярии Святейшего Синода, знакомых с разными вопросами, восходившими в Святейший Синод, решениями их и с архивом Синода, чтобы они могли дать возможно полные и подробные справки по тем или другим предметам. Всех этих лиц, которым будет поручено подготовление дел к Собору, Святейший Синод должен освободить от всяких других поручений, чтобы они имели более времени и могли сосредоточиться на этом деле. Они через определенные сроки, например еженедельно, должны словесно докладывать Святейшему Синоду о ходе своих занятий — как для осведомления с делами членов Святейшего Синода, так и для получения указаний в затруднительных и вообще потребных случаях. В лице этой комиссии сам Святейший Синод будет подготовительным органом дел к Собору.

Святейший Синод, усиленный тремя епископами, вызванными специально для подготовления дел к Собору, будет временным руководственным органом и во время Собора. Лица духовного сана и миряне, принимавшие участие в подготовлении дел к Собору до созвания его, во время заседаний Собора будут докладчиками дел по программе, составленной и одобренной Святейшим Синодом ранее — отчасти во время самого Собора. Это будет совершенно согласно с практикой древней и русской Церкви. На Вселенских Соборах докладывали дела и читали послания епископов, письменные исповедания веры подозреваемых в ересях, выдержки из святоотеческих творений и определения предшествующих соборов — справки духовные лица двух низших степеней священства и чиновники царские.

Порядок рассмотрения и решения дел должен быть применительный к порядку, бывшему на вселенских соборах. Вопросы, подлежащее рассмотрению, должны вноситься по программе, одобренной Святейшим Синодом и оглашенной к всеобщему сведению. Если нужно будет изменить программу, утвержденную ранее Собора, то Святейший Синод должен иметь для этого особое, отдельное от Собора, собрание. Вопрос, внесенный на Собор, должен подлежать всестороннему обсуждению. Всякий присутствующий на Соборе по приглашению епископ, клирик и мирянин, или допущенный Собором на определенное заседание, имеет право в порядке очереди высказать полностью свое мнение, причем первоприсутствующий на Соборе епископ с согласия Собора может остановить оратора, если он будет уклоняться в сторону, или повторять высказанное ранее, или говорить общими фразами. Решение и оп-

ределение не должно следовать тотчас по выяснении вопроса, а должно быть по обсуждении всех вопросов, чтобы не пришлось изменять решений по первым вопросам в зависимости от обсуждения последующих вопросов, имеющих соприкосновение с первыми. Решение вопросов должно быть дано одними епископами без участия клириков и мирян, которые должны при решении вопросов безмолвствовать, но непременно присутствовать, как свидетели.

Канцелярскую часть при постановлении решений должны исполнять те же клирики и миряне, которые принимали участие в подготовлении дел к Собору и в докладе их.

I. По вопросу о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов

Введение системы областного церковного управления, заявившего себя столь жизненно в древнее время, несомненно благотворно подействовало бы на оживление и нашей русской церковной жизни. Оно, во-первых, открыло бы путь для начал соборности, составляющих необходимое предположение древнего церковного управления, и содействовало бы к поддержанию между епископами взаимного братского руководства, единства действий и контроля. Затем, освободило бы нашу высшую церковную власть от дел второстепенных, которые могли бы с бóльшим удобством решаться на месте в присутствии лиц, близко знакомых с ними. Наконец, оно предоставило бы епископам известного округа возможность обсуждать способы наиболее целесообразного применения к местным потребностям состоявшихся уже общих постановлений и вырабатывать особые мероприятия в тех случаях, когда надобность в них вызывается местными условиями.

Со времени приобретения русской Церковью автокефальности мы встречаемся дважды с попыткой ввести у нас разделение на самостоятельные округа с митрополитами во главе, именно — на Большом Московском Соборе 1667 г. и на Соборе 1682 г. Но оба раза эти попытки не увенчались успехом. В том и другом случае проект разделения русской Церкви на митрополичьи округа был тесно связан с учреждением новых епископий «церковного ради благочиния и всенародного управления» и был отвергнут отцами Собора в силу, главным образом, соображений экономического свойства. Главнейшим препятствием к осуществлению его служили «малоградность» и недостаток средств. Кроме сего, имелось в виду при этом устранить «те распри и высости между архиереями и от народа молвы и укоризны», которые, по мнению отцов, могли последовать в случае подчинения епископов, кроме патриархов, областным митрополитам. Епископы предпочитали лучше оставаться всем равными перед лицом повелительной патриаршей власти, чем нести двухстепенное подчинение.

С затруднениями этого рода приходится иметь дело и в настоящее время. Восстановление митрополитанского управления в духе IV века, когда митрополит стоял во главе церковного округа, отдельные епархии которого не превышали пределов наших уездов, трудно осуществимо вследствие материаль-

ных затрат, с которыми по необходимости будет соединено соответствующее увеличение епископских кафедр. Во избежание взаимных пререканий между епископами, о которых упоминали отцы собора 1682 года, необходимо, далее, организовать митрополитанское управление на таких началах, при которых сохранена бы была в возможной степени самостоятельность епископов, входящих в состав областных митрополий.

Имея в виду указанные условия, митрополитанский строй русского церковного управления в настоящее время представляется возможным организовать на следующих основаниях.

Согласно указаниям практики древне-вселенской Церкви, разделение русской Церкви на митрополитанские округа должно обусловливаться историческими и этнографическими особенностями обособляемых районов. При этом не может быть оставлено без внимания и правительственно-административное деление империи. Но преимущество во всяком случае должно быть отдано первому, и епархия с определенным бытом должна тяготеть к епархиям того же типа даже в том случае, если эта епархия в административном отношении относится к другой области (например, Волынская епархия должна входить в состав Западно-Русской митрополии, а не Киевской). Разделение на митрополичьи округа, если оно будет произведено, не должно быть, понятно, рассматриваемо, как нечто неизменное и раз навсегда установленное. Требования жизни сами покажут, какие поправки должны быть внесены в первоначально принятую схему разделения.

Церковно-правительственная власть, сосредоточенная в церковном округе, с введением митрополитанского устройства должна быть распределена между двумя органами: а) главным епископом области и б) областным собором.

А) Главный епископ округа именуется митрополитом. Избрание его совершается на соборе всех епископов данной области. При избрании главнейшим основанием к выбору известного кандидата должны служить его духовная опытность и заслуги. По избрании митрополит утверждается в своем служении высшей церковной властью. Было бы желательным, чтобы резиденцией избранного митрополита служил город, который является главным в данном округе. В таких городах жизнь идет более ускоренным темпом и отличается большей сложностью и разнообразием проявлений, вследствие сего требует от предстоятеля Церкви особенной опытности и духовного авторитета. Кроме того, пребывание митрополита в главном городе области облегчит для него исправление функций надзора, руководства епископов и созыва периодических Поместных Соборов. Правда, перемещение епископов с одной кафедры на другую древней Церковью воспрещалось (см. I Вс. пр. 15; Антиох. 21; Сард. 1; IV Вс. 5). Но в данном случае оно может быть допущено, как явление исключительное, обусловленное особенно важными причинами, имеющими в виду благоустроение церковной жизни. Такие исключения допускались, несомненно, несмотря на запрещение, и в практике древней Церкви, да и в 14-м Апостольском правиле перемещение епископов представляется возможным по приговору собора.

Избранный в митрополиты епископ, с перемещением в главный город области, явится вместе с тем епископом и прилегающей к городу епархии. Поставлять в митрополиты того или другого кандидата, ограничиваясь только этим его служением и не назначая ему никакой епархии, как между прочим полагал протоиер. Иванцов-Платонов, было бы несогласно с практикой древней Церкви и не может быть допустимо.

Служение избранного митрополита должно быть пожизненным и несменяемым, и только правонарушения с его стороны или общее каноническое недостоинство могут повести к законному устранению его от должности.

В отношении к подвластным областным епископам церковные каноны усвоят митрополиту власть административно-исполнительную. Он являлся руководителем окружных соборов и церковной жизни округа и проводником распоряжений высшей правительственной власти. Так: а) митрополит созывал провинциальных епископов на соборы для обсуждения общих церковных дел в своей области и сам председательствовал на этих соборах (Антиох. 16 и 20; Халкид.19); б) утверждал избираемых на вакантные епископские кафедры (I Вс. 4, 6; Ант. 19); в) принимал жалобы на подчиненных епископов и назначал соборный суд над ними (Халк. 9; Ант. 14; Карф. 28); г) обозревал епархии подчиненных епископов (Карф. 63); д) вообще контролировал и утверждал своим согласием все важнейшие распоряжения епископов своей области (Апост. 34; Ант. 9; ср. А. Павлов — Курс церковного права, 1902 г., с. 254).

В настоящее время, применительно к условиям организации митрополитанского строя на началах, приведенных выше, и в видах возможного сохранения самостоятельности отдельных епископов, за митрополитом могут быть признаны следующие преимущества чести и власти в сравнении с епископами, составляющими его округ. Он является ближайшим руководителем и опытным советником, к которому епископы округа в недоуменных и затруднительных случаях обращаются за разъяснением, указанием и постановлением. Ежегодно не менее одного раза (VI Вс. пр. 8; VII Вс. пр. 6) под его председательством созывается окружный собор, на котором обязаны присутствовать все епископы данного округа (IV Вс. Пр. 19 и Карф. 87). На этом соборе всем членам его должно быть предоставлено право равного голоса. Митрополит, председатель собора, является только его руководителем.

Б) Объем церковной юрисдикции окружных соборов по каноническим правилам определяется весьма широко (см. А. Павлов — Курс канонического права, с. 262). У нас в России, применительно к общему ограничению широкого развития областного церковного управления, вызываемому особыми условиями нашей местной жизни, мнения дела должны быть изъяты из компетенции окружных соборов и переданы ведению высшей церковной власти. Впрочем, ограничение это должно направляться не столько на количественную сторону подведомых соборам дел, сколько на степень правовой компетенции окружных соборов в смысле окончательного разрешения этих дел.

Предметом ведения окружных соборов могут быть следующие дела: 1) Рассмотрение и обсуждение общих мер по управлению Церковью, предпи-

сываемых от высшей власти; причем соборы могут обсуждать способы наиболее целесообразного применения их к местным потребностям. 2) Выработка мер, признаваемых необходимыми самими иерархами окружных соборов в целях возвышения религиозно-нравственной жизни составляющих округ епархий. Не имея в отношении к этого рода делам права законодательного утверждения, окружные соборы тем не менее должны быть облечены самым широким правом их предварительного обсуждения и разработки для представления Всероссийскому Поместному Собору. В тех случаях, когда выработанные ими положения не идут вразрез с постановлениями, которыми руководствуется поместная русская Церковь в ее целом составе, проявление местной инициативы со стороны епископов не должно быть стесняемо и этим ограничением. 3) Рассмотрение жалоб, приносимых епархиями на епископов, и суд над епископами с правом взыскания, начиная от братского увещания до отрешения епископа — последнее с утверждения высшей церковной власти. Окружные соборы в этом отношении будут составлять вторую судебную инстанцию по всем делам, подлежащим первоначальному ведению епархиального церковного суда, т. е. во всех случаях обжалования постановлений последнего.

Такой характер должна носить организация митрополитанского управления в России, согласно каноническим установлениям Церкви и применительно к условиям местной церковной жизни.

В заключение необходимо рассмотреть одно опасение, высказываемое по поводу введения у нас в России автономных церковных округов. Имея в виду существование в некоторых наших окраинах сепаратных стремлений, предполагают, что введение областного церковного управления будет содействовать усилению этих стремлений и таким образом может неблагоприятно отразиться на целости государственного организма.

В ответ на это опасение надо прежде всего сказать, что Церковь может служить государству, но прежде всего должна служить собственным целям и задачам, жить самостоятельною внутренней и свободной жизнью.

Затем областная церковная автономия, которую предполагается ввести в нашем церковном управлении, не исключает единства верховной власти Церкви. Поместные областные Церкви не будут являться Церквами автокефальными, а будут находиться в одинаковом подчинении у высшего органа русского церковного правительства — Поместного Всероссийского Собора и патриарха, и таким образом автономия эта ни в каком случае не будет стоять в противоречии с началами государственного единства.

Вообще же националистические и сепаратные стремления в настоящее время питаются другими мотивами — этнографическими и культурно-историческими, но не церковно-религиозными. Поэтому если они где-нибудь возникли, то будут существовать и помимо церковной автономии. Бороться с такими стремлениями должно государство, а не Церковь.

Итак, опасение это не может служить основанием для того, чтобы лишать нашу русскую Церковь той важнейшей реформы, при которой только воз-

можно оживление церковной жизни и возвращение значительно утраченного влияния Церкви на общество.

II. По вопросу о пересмотре законоположений о существующих органах епархиального а) управления и б) суда и о преобразовании оных согласно с каноническими соборными началами

А) Епархиальное управление

Исторически известно, что, с основания Церкви, церковная власть принадлежит епископу. Он есть главный управитель Церкви и духовного ведомства и представитель высших церковных прав и полномочий в епархии. В 41 пр. Апост., 25 пр. Ант. Соб. сказано: «Повелеваем епископу имети власть над церковным имением». В 9 пр. Ант. Соб. сказано: «Каждый епископ имеет власть в своей епархии, и да управляет ею». В управлении епархией епископ действует через подчиненное ему духовенство; отсюда явились при его кафедре должностные лица, как исполнительные органы епископской власти. Из них образовалась при нем особая корпорация, именуемая «советом», «пресвитериумом»; но все лица поступали в совет по назначению епископа и по преимуществу из лиц духовного звания. В русской Церкви во времена митрополитов для управления митрополичьей областью были особые духовные и светские органы. Постоянными помощниками митрополита являлись соборяне, составлявшие при нем постоянный совет его — «клирос». Стоглавый Собор определил производить управление епархиями самим епископам или кому они укажут из духовных лиц. Тогда появились органы приказные — из архимандритов, игуменов, протопопов. В 1744 году, вместо архиерейских приказов, учреждены в губернских городах духовные консистории, а в уездных — духовные правления; появились заказчики, кои при императрице Елизавете назывались благочинными и назначались епископами для наблюдения за благочинием духовенства. Консистория есть ближайший орган епархиального управления, заменивший собой древние советы и пресвитериумы и, как синодальнее учреждение, высший орган. Духовная консистория есть присутственное место, через которое, под непосредственным начальством епархиального архиерея, производятся управление и духовный суд в поместном пределе православной Российской Церкви, именуемом епархией (ст. 1 Уст. дух. конс.).

С последней четверти прошлого века во всех епархиях возник целый ряд новых епархиально-административных учреждений, каковы: советы и правления по делам епархиально-училищным, миссионерским, братским, епархиальных съездов, вспомогательных эмеритальных и пенсионных касс.

По нашему мнению, все эти учреждения, как органы епархиального управления, следует сохранить в их обособленности и отнюдь не объединять в каком-нибудь одном органе епархиального управления, чего желает г. обер-прокурор в своем предложении Святейшему Синоду. И при существовании

столь многих и обособленных органов епархиального управления, ведающих важными частями епархиальной жизни и занятых множеством дел, существующие консистории все же подавлены делами, оказываются очень медлительными в решении дел и, можно сказать, неисправными, оставляя к следующему году до 1000 нерешенных дел. Что же будет с консисторией, если сосредоточить в ней все дела епархиального управления?! Тогда она окажется еще более медлительной и более неисправной, чем теперь. Сколько бы ни увеличивали число писцов, чиновников, даже членов консистории, присутствие, слушающее и решающее дела, будет одно. Оно может и в будущем заслушать столько же дел, сколько заслушивает теперь. Получится то же, что̀ наблюдается сейчас в Святейшем Синоде: ничтожная часть дел будет докладываться присутствию, а наибольшая часть дел будет решаться канцелярией и предлагаться только к подписи членам на квартирах. Такое сосредоточение дел задавит секретаря и затруднит епархиального архиерея. Теперь первенствующее лицо в каждом из упомянутых органов епархиального управления, являясь к преосвященному с докладом решенных дел, при сравнительно малом количестве их, ясно представляет подробности каждого дела и может доложить его на словах кратко и ясно и, в случае надобности, сообщить каждую подробность; при сосредоточении же дел в одном органе управления это немыслимо. Если бы для одного органа управления это и было возможно, то словесный доклад дел, по множеству их, отнимал бы у докладчика много времени в ущерб быстроте движения прочих дел. А теперь, пока докладывает епископу дела епархиальный училищный совет, все прочие органы делают свои дела; когда докладывает попечительство свои дела, то прочие учреждения также продолжают заниматься своими делами. Для внимательного епископа и не выжившего из памяти нисколько не затруднительно эти разрозненные учреждения направлять к правильному и согласному действию. При этом соображение всей совокупности дел и интересов епархиальных учреждений и направление их к согласному действию может быть весьма облегчено для епископа, если не передвигать их с одной кафедры на другую и через частые передвижения не заставлять их знакомиться все с новыми и новыми лицами, местами, порядками и т. д. По нашему мнению, следует поступить совершенно наоборот предложению, именно выделить из консистории возможно большее число дел — все дела второстепенной важности, передав их в новые учреждения второстепенные, но независимые от консистории, независимые одно от другого и имеющие прямое и непосредственное отношение к епархиальному архиерею: уездные духовные правления, устроенные только совершенно иначе, чем существовавшие прежде духовные правления, почти так, как указывает Иванцов-Платонов (О русск. церк. упр. СПб., 1898 г., с. 37—43), и существующие благочиннические советы.

Уездное духовное правление. Оно находится в каждом уездном городе, но может быть и в безуездном, если уезд многолюдный и в городе есть штатный собор, например, во Владимирской губернии в г.г. Иваново-Вознесенске и Киржаче. Уездное духовное правление состоит из соборного протоиерея, сле-

дователя и члена из протоиереев или священников. Все три лица состоят на службе по назначению епархиального архиерея. В помощь к ним назначается четвертый член, который приглашается в заседания тогда, когда не присутствует на них кто-либо из означенных лиц. Председатель совета — соборный протоиерей. Следователь собственно заведует судными делами и производит следствия по делам, поступающим в правление от епархиального архиерея и консистории; но он, в случае болезни и подобных обстоятельств, может передавать расследование дела депутату окружного благочинического совета. Дела в правлении разрешаются единогласно или, в случае разногласия между членами правления, по большинству голосов. Если произойдет разногласие у протоиерея с другими двумя членами, имеющими одинаковое мнение, то правление должно представить дело на усмотрение консистории, с прописанием мнений как протоиерея, так и других двух членов. Дела решаются в правлении окончательно. В случае недовольства решением дело по апелляции переносится в высший орган епархиального управления — консисторию, но для этого нужно иметь уважительные причины и о недовольстве своевременно заявлять уездному духовному правлению. По окончании года правлением представляется в консисторию список решенных и нерешенных дел к сведению. Ведению уездных духовных правлений подлежат: а) прием, просмотр и хранение всех приходских отчетностей, метрических, исповедных и приходо-расходных книг со всего уезда с ответственностью за исправность их более серьезной, чем какую можно было бы возложить на консисторию, в которую ныне стекается со всей епархии такое множество этих отчетностей, какого проверить и при самом добросовестном отношении к делу нет возможности; б) выдача всяких справок и выписок из метрических книг и других церковных документов — с тем, чтобы и все гражданские присутственные места признавали за этими выписками и справками такое же официальное значение, как за получаемыми ныне из консисторий. Это весьма облегчило бы всех имеющих нужду в метрических свидетельствах и вынужденных в настоящее время брать их (со значительными тратами) лишь в губернском городе в консистории (те же выписки неофициального или менее официального значения, какие ныне предоставляется выдавать самим приходским причтам, должны и на будущее время оставаться в их ведении); в) наблюдение за поновлениями церквей; г) разрешение всяких местных церковных расходов, по заявлениям причтов и приходов, которым в этом отношении должна быть предоставлена самостоятельность гораздо бóльшая, чем какая теперь предоставляется; д) наблюдение за поведением всего уездного клира и отношениями причтов к приходам; разбор менее значительных жалоб и распрей, возникающих между членами клира и между клириками и прихожанами; более значительные жалобы, распри и вообще судные дела, конечно, должны быть передаваемы на рассмотрение архиереев или через архиереев в консисторию. Соответственно с сказанным, уездным духовным правлениям должны быть предоставлены и известные права делать замечания, налагать взыскания и наказания низших степеней; высшие же степени взысканий, конечно, должны остаться во власти архиерея.

Окружной благочиннический совет. Благочинический совет составляют: благочинный, который председательствует на нем, депутат округа и член-делопроизводитель. Все три лица избираются духовенством округа. Ведению окружного благочиннического совета принадлежат: проверка по документам клировых ведомостей, представление к наградам духовных и светских лиц и церковных старост, доставление консистории и епархиальному попечительству, по требованиям оных, полных сведений о вдовах, сиротах и заштатных церковнослужителях, имеющих нужду в пособии; рассмотрение: а) заявлений о проступках духовных лиц против должности, благочиния и благоповедения, не соединенных с явным вредом и соблазном и не требующих формального исследования; б) споров, возникающих между членами причтов по разделу доходов за требоисправления, по пользованию церковной землей и помещением в церковных домах; в) просьб на священноцерковнослужителей со стороны духовных лиц, прихожан и посторонних лиц о вознаграждении за труды, а также за убытки и ущерб до 100 рублей; г) жалоб о неуплате бесспорных долгов и нарушении бесспорных обязательств на сумму до 100 рублей; д) исков о личных обидах и оскорблениях, не соединенных с проступками, противными достоинству священного сана; дела об увольнении в отпуск диаконов, псаломщиков, о выдаче видов их семействам и семействам священников, наблюдение над благотворительными заведениями, находящимися при церквах округа, попечительствами, богадельнями, обществами трезвости; утверждение церковных старост, членов попечительств и других приходских учреждений.

Б) Церковный суд

Церковный суд имеет свою основу в учении Христа Спасителя (Мф. 18:15—17) и св. апостолов (1 Тим. 5:19—21). В канонах христианской Церкви ясно сказано, что все посвященные и монахи, привлекающие и привлекаемые к суду, будет ли иск обвинительный или денежный, должны судиться в церковном суде, а если кто-нибудь из них изберет светский суд, презрев церковный, тот за это самое лишится собственной степени, хотя бы и оказался на сем суде невинным в преступлениях (Карф. 13, 117; Халкид. 9). Клирики и монахи должны судиться непременно у своего епископа (Апост. 32; I Вс. 5; Халкид. 9 и др.). В случае недовольства судом своего епископа клирики и монахи могут апеллировать к высшему суду — во вторую инстанцию его, которую составляет собор епископов области (Халкид. 9; Карф. 139). Клирик со своим епископом или епископы между собой судятся у собора епископов области (Ап. 74; I Вс. 5; II Вс. 6; Халк. 9 и др.). Отсюда апелляция идет ко всему собору автокефальной Церкви (Ант. 15; Халкид. 9; Карф. 139).

Церковный суд должен составлять необходимую и неотъемлемую часть епископской власти, которая является высшей в управлении епархии, потому что епископ должен располагать необходимыми средствами против нарушителей правил церковной жизни и деятельности; без них невозможно и управление Церковью. Судебная власть в руках епископа необходима не для одного

ограждения внешнего порядка в Церкви, но и для воспитания нравственности в клире и мирянах. Чистота нравов в первенствующие века христианства и в нашей древней русской Церкви много поддерживалась судебной властью Церкви. Когда круг преступлений, подлежащих ведению Церкви, стал постепенно сокращаться и сократился, можно сказать, до нуля, то по мере сокращения падала и нравственность в христианском народе. Теперь, наприм., ограбление церкви перестало считаться тяжким грехом, каково святотатство, и приравнивается в сознании многих к обыкновенному воровству, потому что это преступление совершенно перешло из ведения церковного суда в суд светский. Поэтому ограбление церквей участилось и сделалось обычнее ограбления частных домов.

Церковный суд должен иметь намеченные канонами инстанции: епископский, областного собора (митрополичий) и собора всей автокефальной Церкви (патриарший). И в епархиальном суде, по причине многолюдства клира и пасомых, по причине множества возникающих судных дел, а равно по причине обширности епархии, необходимо иметь тоже три инстанции: суд консисторский, суд уездных духовных правлений и суд окружных благочинических советов. Выше были указаны дела, подлежащие ведению каждого из этих учреждений, между ними указаны и судные дела. Решения всех этих учреждений, когда подсудимый доволен решением, должны восходить на утверждение епархиального епископа, а когда недоволен, то — передаваться на рассмотрение следующей инстанции.

Вопреки теперешнему разделению консисторским Уставом (§§ 154—156) дел на подлежащие консисторскому суду и непосредственному суду архиерея, епископу должно быть возвращено каноническое право производить суд по своему усмотрению: непосредственно или при содействии того или другого из существующих церковных судебных учреждений. Священник перед епископом часто раскрывает настолько подробно свою совесть, что многое из нее делать гласным нельзя, но оно имеет важное значение в освещении и решении дела. Епископ, стесненный вышеуказанным разделением дел и мнением консистории, поступается своей совестью в решении дела.

Так же необходимо точно разграничить, какие преступления подлежат суду духовному и суду уголовному.

Устав консистории ограничивает духовную подсудность клириков проступками и преступлениями против должности, благочиния и благоповедения. Устав уголовного судопроизводства — делами, возникающими от нарушения клириками обязанностей их звания. Под понятие преступлений против должности, благочиния и благоповедения подходят все возможные преступления клириков и самые уголовные. Равным образом, выражение «нарушение обязанностей звания» весьма общо и может обнимать собой все обязанности клириков — и служебные и нравственные, так как те и другие суть обязанности звания. В нашем делопроизводстве были случаи, как псаломщики привлекались земскими начальниками за нарушение тишины и спокойствия, за оскорбление словом, делом и за другие проступки против благочиния и благо-

поведения к ответственности по законам гражданским и присуждались к аресту в земские помещения, к денежному штрафу, и все это делалось не только без согласия епархиального начальства, но и без ведома его. Прямо брался со службы обвиненный и арестовывался. Съезд земских начальников в нашей епархии присудил даже одного архимандрита к заключению за неплатеж денег, усмотрев сопротивление власти.

Устав духовных консисторий не указывает производства дознания о преступлении; но оно в консистории практикуется по резолюциям архиерейским. На дознании свидетели допрашиваются без присяги, показание их (по силе 369 ст. 15 т. Угол. Суд.) не имеет силы доказательства, и по одному дознанию не может быть судим и наказываем обвиняемый; по следствию же каждый должен быть наказан.

В духовном суде нет особых духовных следователей, как в гражданском (§ 6 Суд. Уст. 1884 г.). Обязанности следователей исполняются рядовыми священниками, так называемыми депутатами, избираемыми духовенством каждого благочиннического округа на 4 года. Депутаты духовные, отправляющее ныне обязанности духовных следователей, особенно из молодых священников, мало знакомы с жизнью и с правилами и формами следственного производства. Были примеры, что являлись отказываться от порученного следствия. По этой причине необходимо для каждого уезда иметь следователя-священника, имеющего необходимые для этого познания, о чем упомянуто было, когда говорилось о составе уездного духовного правления.

Нет в нашем суде руководства вроде наказа, который имеют судебные следователи. И для самих подсудимых не излишне было бы следственное руководство, чтобы быть на страже своих интересов и пользоваться правами закона к своему оправданию. Есть ныне ходячие по рукам руководства для следственных производств (Маврицкого, Луканина, Вруцевич, Филипповского); но они — частные, противоречащие себе, одобренные в местной своей епархии, но не Святейшим Синодом, от которого выходят правительственные распоряжения. Да и самый наш Устав консистории расходится с Судебным Уставом. По ст. 446 Уст. Угол. разрешается быть при показаниях обоим — и истцу и ответчику; по консисторскому же Уставу (ст. 161), подсудимым и прикосновенным к делу лицам предоставляется только прочитывать дело, подписывать его с объяснением, довольны или нет следствием. Если бы обвиняемый находился при допросе свидетелей, тогда он имел бы больше возможности опровергнуть обвинения.

При теперешнем судопроизводстве в духовном ведомстве дела решаются в отсутствии свидетелей и даже самого обвиняемого: судьи довольствуются лишь заочными показаниями свидетелей, освещением и выяснением дела только через вопросы иногда неопытного следователя, и решают дело только на основании этих несовершенных данных. Естественно, что решение выносится иногда далеко не правильное. Нередко благодаря пристрастию следователя и отсутствию при решении дела обвинителя и свидетелей дело решается несправедливо и для другой стороны — для истца. По этой причине нужно, с

одной стороны, приблизить суд к истцу, обвиняемому и свидетелям в пространственном отношении — первую инстанцию сделать в благочинническом совете, а вторую — в уездном духовном правлении; а с другой — предоставить право присутствовать при разбирательстве дела во всех инстанциях, объявляя время рассмотрения дела и предлагая явиться на него всем: истцу, обвиняемому и свидетелям. Дело их — воспользоваться этим правом или нет.

В Уставе духовных консисторий нет систематического уложения о наказаниях за проступки и преступления лиц духовного звания, налагаемых судом духовным. Как многие из проступков не названы настоящим их именем, а только общим — проступками против должности, благочиния, благоповедения; так точно для многих проступков не указано и соответствующего наказания, — так что, при решении некоторых дел, нет возможности тому или другому роду преступления применить то или другое наказание. От такой неполноты действующего ныне Устава духовных консисторий получается то, что наказание иногда назначается без применения закона, по внутреннему только убеждению, что̀, впрочем, гражданским судом предусмотрено и разрешено в одном лице мирового судьи, а не в общем суде.

По 202 ст. Устава дела об оскорблениях, нанесенных духовными лицами, если сие было соединено с проступком, противным достоинству духовного сана, не прекращаются примирением, и виновные подвергаются взысканию. Желалось бы, чтобы статья эта была изменена, и взаимные оскорбления прекращались обоюдным миром, что̀ было бы в духе христианской религии, покрывающей все любовью. У нас есть целый институт суда, названный мировыми судьями. На их суде слышится первое слово, сказанное истцу и ответчику: «Не желаете ли примириться?» Примирением сократилась бы и самая численность дел судных.

В Уложении о наказаниях (ч. 1, изд. 1885 г.) есть целые главы: а) смягчающие наказания (153), б) отменяющие наказания (158). К первым относятся: если обвиняемый учинит чистосердечное признание или заслуживает снисхождения по прежней долговременной беспорочной службе. Ко вторым: когда со времени учинения преступления прошло 10 лет, 8 лет, 5 лет, прошло 2 года или 6 месяцев. Но, по 187 ст. Устава дух. конс., священнослужитель, несмотря на долговременную службу, прямо за первую нетрезвость посылается в монастырь, за вторую нетрезвость низводится во причетники. По второй категории предъявляются часто к духовным лицам такие проступки и преступления, которые имели место много лет тому, и в свое время не были предметом разбора духовного суда. Надеемся, что в новом уставе дозволено будет суду духовному пользоваться обстоятельствами, смягчающими наказание и отменяющими его.

III. По вопросу о благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях

Оживление приходской жизни могут произвести две причины: а) добрый пастырь в приходе и б) участие в делах прихода всех прихожан. Это доказы-

вает действительность. Где пастырем состоит человек ума, энергии и доброго сердца, там приходская жизнь идет не по шаблону, а расцветает; там церковь является не на словах, а в действительности учительницей и матерью: под покровом ее имеются школы в селе и деревнях, есть церковно-приходское попечительство, которое заботится не только о благоукрашении и отоплении храма, а и помогает бедным своего прихода в разных нуждах. Такой пастырь сумеет пробудить духовную жизнь в своих прихожанах, привлечь их к доброму делу, собрать их, объединить и направить их силы духовные и материальные. Именно пастырями объясняется то явление, что в одном приходе приходская жизнь кипит, а в соседних замерла. Несомненно, что без прихожан и энергичный пастырь, можно сказать, ничего не сделает, — нужно их участие; но сельские прихожане сами по себе, без стороннего влияния, не примутся за оживление приходской жизни, потому что крестьяне доселе жили под опекой и ни в чем не имели инициативы, не привыкли к ней, потому что они малоразвиты для этого и потому, что для этого нужны средства, а крестьяне бедны и по этой причине скупы. Насколько крестьяне безучастны и индифферентны к своей приходской жизни, показывает то, что в редких приходах они пользуются предоставленным им правом участвовать через двух уполномоченных при ежемесячной высыпке свечных и кошельковых сумм. Если где и является участие их в приходской жизни, то в борьбе с причтом в защиту церковного старосты, когда причт начнет сдерживать произвол старосты в расходовании церковных сумм, и в выборе членов причта: во священники — такого лица, которое бы не требовало от них ремонта разваливающегося общественного дома и построило бы собственный дом, а во диакона — человека с большим басом, хотя бы он был без всякого образования и жизни плохой.

Соответственно сказанному, для оживления приходской жизни главное внимание нужно обратить на священников, — чтобы они были люди живые в этом отношении и вдыхали жизнь в прихожан, чтобы они имели на это время и чтобы пастырская деятельность не подавлялась заботами о своих материальных нуждах.

По этой причине приготовление людей к пастырскому служению должно быть чуждо отвлеченности и сухости, а должно быть поставлено более практически и жизненно. Приходится наблюдать, что у многоученого священника в церкви черно, дом церковный покосился, школа в лачуге, а у священника из диаконов, доучившегося, так сказать, в жизни, церковь благолепная, причтовый дом и школьное здание таковы, что можно ставить в городе, и богатое средствами церковно-приходское попечительство. Известно, что у настоятелей с средним и высшим образованием монастыри падают, а настоятели из простецов, особенно из купцов, приводят в цветущее состояние самые захудалые монастыри.

Необходимо священников, с одной стороны, освободить от значительной части канцелярской работы, которая к пастырскому делу не имеет никакого отношения и составляет по существу обязанность волостного писаря, например представление сведений о подлежащих отбыванию воинской повинности,

статистических данных о родившихся, бракосочетавшихся и умерших, о привитии оспы и т. п., с другой — облегчить эту работу в той части, которая неизбежна, например от писания клировых ведомостей не менее как в количестве 5 экземпляров: для епархиального архиерея, викария, консистории, благочинного и для своей церкви; исповедных росписей в двух экземплярах: для консистории и для своей церкви; причем должно заметить, что в исповедные росписи консистория почти никогда не смотрит, и они для консистории имеют ничтожное значение только при следствии о пропусках записи лиц крещаемых. Исповедные росписи — и ненадежный документ, потому что они всегда полны крупнейших ошибок относительно лет и даже состава семейства. Эти многообъемистые и тяжелые для переписки по множеству цифр росписи могут заменить для консистории таблицы, прилагаемые к ним.

Необходимо обеспечить причт содержанием от казны или из земских сборов, потому что, при теперешних средствах содержания причтов множество времени тратится священником на сборы осенние, петровские и др. совершенно в ущерб пастырской деятельности. В многолюдных и разбросанных приходах некоторых епархий, например Вятской, духовенство ездит за этими сборами или со славой почти все время года, кроме рабочей поры, когда оно само и прихожане бывают на лугах и в поле, и бездорожье. Бывают случаи, что из-за сборов и славы духовенством даже опускается богослужение в церкви в праздничные дни.

Участие прихожан в обновлении и оживлении приходской жизни отнюдь не должно выражаться в избрании членов клира. Избрание членов клира практиковалось в древней Церкви, но оказалось неполезным и потому отменено канонами (Апост. 30; Лаодик. 12 и 13). В русской Церкви в древности миряне также избирали себе клириков. И у нас это оказалось непригодным: такой порядок создал крестцовое духовенство, бывшее темным пятном в русской Церкви. И в настоящее время представление мирянам права избирать священников сделается корнем многих зол.

Миряне будут избирать священников и вообще клириков не столько по достоинству — образованию и нравственности, сколько руководясь побочными соображениями, которые указаны выше. Несомненно, что кандидаты на тот или другой приход будут употреблять все средства, не исключая угощения мирян водкой и других позорных приемов, к тому, чтобы склонить мир на свою сторону. Такой пастырь, вошедший на приход не дверьми, а прелазя инуде, конечно не может иметь доброго влияния на свой приход и оживить его.

При выборном начале клира прихожанами возникает неразрешимый вопрос. Если бы миряне и руководились при выборах в свои приходы членов клира правильными соображениями — требовали от избираемых соответственных умственных и нравственных качеств, и тогда возможны для членов клира преткновение и падение в службе и жизни; а при отсутствии указанных требований от избираемых в клир среди клириков будут появляться люди нетерпимые на должности как по сознанию епархиальной власти, так и самих прихожан. При теперешних порядках, наказав виновных в преступлениях

клириков, епархиальная власть перемещает их на другие приходы или худшие, или отдаленные от места их служения, где предшествующая зазорная жизнь лица священного неизвестна. На новом месте священник начинает жить иногда по-новому, добропорядочно, и является пастырем удовлетворительным. Куда девать таких лиц — пошатнувшихся в нравственном отношении — при выборном начале членов клира? Куда они ни приедут, всякий поймет, что проситель потерял место за худые дела, и всякий скажет, что такой пастырь им не надобен. Справка о нем по прежнему месту службы еще сильнее воздействует на прихожан в неблагоприятном смысле для просителя — искателя места. Епархиальная власть тоже не может дать ему места, потому что это было бы нарушением прав прихожан, вызвало бы их на возражение и прямое противодействие. Куда даваться священнику? Его сан не позволяет ему снискивать пропитание средствами обычными, доступными для светского человека, например поденной работой на железных дорогах, на полях и т. п. А между тем у безместного священника может оказаться многолюдная семья из малолетних детей.

Какое участие в приходских делах для оживления приходской жизни в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях могут принимать прихожане, это указано нами в представленном нынешней весной Святейшему Синоду проекте изменения положения о церковно-приходских попечительствах. Этот проект составлен на основании опыта всех преосвященных русской Церкви за время существования церковно-приходских попечительств — с 1864 года и доселе — и их указаний. Проект составлялся именно с той целью, чтобы внести благоустройство в приход, обнимая церковно-приходским попечительством всю жизнь прихода. Проект положения церковно-приходских попечительств требует ничтожных исправлений для приспособления к благоустройству прихода — только опущения нескольких параграфов, и может быть представлен в следующем виде.

1. Каждый приход обязан заботиться:

а) о содержании и удовлетворении нужд приходской церкви, как места молитвы для всех прихожан и благодатного освящения их таинствами;

б) об устройстве, содержании и ремонте причтовых домов и об изыскании средств к безбедному существованию местного причта, дабы пастырская деятельность его не подавлялась заботами о материальных нуждах;

в) об устройстве и содержании церковных школ;

г) об учреждении приходских библиотек и читален;

д) об изыскании средств на устройство богаделен и приютов для беспомощных и сирот, выдачу пособий вдовам и сиротам, больным, увечным и обедневшим вследствие каких-либо несчастных случаев, и вообще об оказании материальной помощи всякого рода нуждающимся;

е) о противодействии нетрезвости и другим порокам и дурным обычаям.

2. Источниками средств для прихода служат: а) добровольные взносы; б) кружечный сбор вне церкви в пределах прихода; в) добровольные сборы по подписным листам; г) добровольные сборы натурой с прихожан; д) отвод

земли под общественные запашки; е) доходы от общественных арендных статей и ж) доходы от принадлежащих приходу недвижимых имений.

3. Сверх перечисленных источников, имеющих характер добровольных пожертвований, средствами для приходов могут быть сборы, имеющие обязательный характер по постановлениям общего собрания прихожан, а именно: поземельный (с десятины) или подушный, деньгами или натурой.

Примечание. Постоянные или единовременные сборы по постановлениям общего собрания считаются обязательными для всех прихожан во всех тех случаях, когда эти приговоры составлены на общих собраниях прихода, на которых присутствовало не менее двух третей прихожан, имеющих право присутствовать на общих собраниях, а равно когда они приняты также не менее как двумя третями всех присутствующих.

4. В особенно затруднительных обстоятельствах прихода епархиальным начальством может быть выдаваема спорная книга на имя одного или двух членов прихода, избираемых общим собранием.

5. Когда для благоустройства прихода окажутся нужными какие-либо пособия или содействие от казны, либо от духовного и других ведомств, то приход ходатайствует перед ними о таковом пособии или содействии.

6. Приход не простирает своей власти на церковный суммы, поступающие по ныне действующему порядку в церковную кассу, именно свечные и кошельковые, потому что свечной доход, подобно ветхозаветному агнцу, часть которого сгорала дотла, а часть шла в пользу священников, и кошельковый составляют жертву Богу, которой распоряжается, по канонам святой Церкви, епископ (Ап. 38 и 41), а не миряне.

7. Всем поступающим суммам и вещам ведется точная запись и отчетность в расходовании их.

8. Приход должен иметь: а) приходо-расходную книгу с соответствующими графами как для наличных денег, так и для процентных бумаг; б) книгу для записи поступления как случайных единовременных сумм, так и единовременных и постоянных сборов, пожертвований в приходские кружки и прочих сумм; в) книгу для записи материальных пожертвований; г) книгу для приговоров и постановлений общих собраний прихожан; д) книгу для постановлений совета и е) книгу для алфавитного списка прихожан, имеющих право участвовать в общих собраниях прихода.

9. Суммы прихода должны храниться в сберегательных кассах по книжкам, выданным на его имя, и должны быть вынимаемы оттуда не иначе как по особым отношениям совета за подписью председателя и делопроизводителя. На руках у казначея могут находиться лишь незначительные суммы, необходимые на ближайшие текущие расходы. Размер этих сумм определяется общим собранием (ст. 20, п. *г*).

10. Расходование сумм прихода производится по определению совета или общего собрания. В исключительных случаях пособия могут быть разрешаемы председателем совета и казначеем под личную их ответственность и при непременном условии довести до сведения о том совета в первое же ближай-

шее заседание. Предельный размер такого пособия определяется общим собранием (ст. 20, п. *д*).

11. В приходах, располагающих достаточными средствами, суммы, как имеющиеся, так и вновь поступающие, могут разделяться на капиталы: а) расходный, б) запасный и в) неприкосновенный.

12. Управление делами приходов возлагается:

А) на общее собрание и

Б) совет.

13. Общие собрания прихожан состоят из местных священно- и церковнослужителей и из прихожан.

14. Общие собрания составляются из лиц не моложе 25 лет, состоящих домохозяевами в приходе, не исключая и лиц женского пола, а также хотя и не владеющих домами в пределах прихода, но имеющих, по закону, право участвовать в выборе церковного старосты. За каждым лицом, которое участвует в собрании, считается один голос. Право участвовать в собраниях есть личное и не может быть передаваемо по доверенностям.

Примечание 1. При обсуждении в общих собраниях вопросов касательно призрения малолетних, устройства яслей и других подобных вопросов, при разрешении которых может иметь значение суждение женщин, совет может приглашать для участия в таковых собраниях и других лиц женского пола, сверх домохозяек, отличающихся благочестием и преданностью вере православной.

Примечание 2. Не могут участвовать на общих собраниях прихода:

а) состоящие под следствием или судом за преступления или проступки, а равно и подвергшиеся по судебным приговорам за противозаконные деяния заключению в тюрьме или иному более строгому наказанию;

б) исключенные из службы по суду или из духовного ведомства и звания за пороки или же из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат, а также сложившие с себя священный сан;

в) несостоятельные должники и

г) состояние под опекой за расточительность.

15. Всем лицам, имеющим на основании ст. 14 право присутствовать в общем собрании, должен быть составлен и содержим в исправности особый список. Первоначально список сей составляется приходскими священнослужителями, при участии нескольких почетнейших из прихожан, причем непременно должно быть не менее одного лица от каждой деревни данного прихода.

16. По особому своему значению и положению в храме и приходе председателем в общих собраниях прихода состоит священник, а в тех приходах, где их несколько, настоятель.

Примечание. При отсутствии приходского священника председательствует входящий священник.

17. Общие собрания прихожан бывают обыкновенные и чрезвычайные. Первые собираются не менее одного раза в год, в начале гражданского года,

но не позднее 15 февраля; чрезвычайные же собрания созываются в случае надобности для решения неотложных вопросов, превышающих полномочия совета, по собственному его усмотрению, или по требованию ревизионной комиссии, или по распоряжению епархиального начальства.

18. О дне и месте общих собраний и о предметах, подлежащих обсуждению, председатель извещает прихожан, объявляя о том в церкви, при стечении народа, в три предшествующие собранию воскресных или праздничных дня.

19. Собрание признается состоявшимся, когда в оном было не менее одной десятой части лиц, имеющих право в нем участвовать, кроме тех, однако, собраний, на которых устанавливаются обязательные для всех прихожан сборы (ст. 3). Если общее собрание не состоится по неприбытию указанного числа прихожан, оно созывается вторично в срок, назначенный собравшимися, но не ранее двух недель, и собрание это считается состоявшимся при каком бы то ни было числе членов присутствующих, о чем прихожане и предупреждаются в извещениях о собрании. Дела в собраниях решаются большинством голосов, и о последовавшем решении составляется постановление; в случае разделения голосов поровну имеет перевес та сторона, на которой голос председателя собрания.

20. Ведению общих собраний прихожан подлежат:

а) изыскание средств на постройку новых храмов, на производство нужных исправлений в существующих церковных строениях, на устройство причтовых помещений, изыскание средств и устройство просветительных и благотворительных учреждений в приходе и проч.;

б) избрание членов ревизионной комиссии, кандидатов к членам совета и к членам ревизионной комиссии, в числе $^1/_3$ членов общего состава каждого из названных учреждений;

в) рассмотрение годового отчета с актом ревизионной комиссии о суммах и имуществе прихода и утверждение сметы прихода и расхода на будущий год;

г) определение размера, в каком могут находиться суммы на руках у казначея;

д) определение предельного размера пособия, выдаваемого, в случаях неотложной надобности, по распоряжению председателя и казначея;

е) рассмотрение вопросов об образовании запасного и неприкосновенного капиталов;

ж) рассмотрение и утверждение предположений совета касательно продажи или отчуждения недвижимых имуществ прихода, приобретенных им самим после введения сего положения, и позаимствований из запасного капитала;

з) разрешение вопросов об открытии просветительных и благотворительных учреждений в приходе;

и) рассмотрение вопросов, превышающих компетенцию совета.

Примечание. К обсуждению в общих собраниях допускаются лишь такие вопросы, которые относятся непосредственно к делам прихода; причем при-

ходскими делами не считаются дела, производство которых по закону принадлежит правительственным властям — духовным или светским.

21. Вопросы, предлагаемые на обсуждение общего собрания ревизионной комиссией, председателем и отдельными членами совета, а также отдельными прихожанами, вносятся не иначе как через совет и с заключением онаго.

22. Ревизионная комиссия, избираемая на один год, состоит от 3 до 5 членов, смотря по обширности прихода. Председатель комиссии избирается членами оной.

23. Звания членов совета прихода и ревизионной комиссии несовместимы.

24. На обязанности ревизионной комиссии лежит проверка годового отчета и сметы. Для сего совет передает ревизионной комиссии приходорасходные книги, отчеты и сметы и относящиеся до отчетности документы не позднее как за две недели до общего собрания, на котором они должны быть утверждены.

25. Ревизия считается действительной, если произведена не менее как половиной членов ревизионной комиссии. О результатах ревизии комиссия составляет акт и делает надпись в обревизованных книгах.

26. Совет состоит из председателя и членов.

27. В совете, как и в общем собрании прихода, председателем состоит местный священник, а в многоштатных причтах — настоятель.

Примечание. При отсутствии приходского священника председательствует входящий священник.

28. Членами совета состоят: священнослужители и церковные старосты, а в сельских приходах — волостные старшины или головы православного исповедания и еще не более 10 человек прихожан, избираемых на три года в общем собрании; при этом ежегодно выбывает из состава совета одна треть выборных членов, первые два года по жребию, а затем по старшинству избрания и заменяются новыми членами. Выбывающие члены могут быть снова избраны новым собранием.

29. На случай продолжительного отсутствия или выбытия избранных общим собранием членов ранее срока, на который они избраны, общее собрание избирает к ним на тот же срок кандидатов в числе, указанном в п. 6 ст. 20 сего положения. Кандидат, вступивший в состав совета, остается в нем до того срока, на который был избран выбывший член.

30. Церковнослужители не состоят непременными членами совета, но они могут быть избраны на общем собрании в члены такового совета.

31. Совет избирает из своей среды казначея и делопроизводителя.

Примечание 1. Церковный староста, являясь непременным членом совета, не может быть избран казначеем прихода — в устранение смешения сумм собственно церковных и сумм прихода.

Примечание 2. Делопроизводитель совета, в случае необходимости, может быть избран и не из членов совета.

32. Все члены совета служат делу прихода безвозмездно.

33. Заседания совета созываются, по мере надобности, председателем или вследствие заявления не менее $^1/_3$ членов совета, но во всяком случае не менее одного раза в месяц.

34. Заседания совета признаются состоявшимися, когда на них присутствовало не менее ½ его членов, в том числе председатель и казначей.

35. Решение совета постановляется простым большинством голосов присутствующих в заседании его членов; в случае равенства голосов голос председателя дает перевес.

36. На совет возлагается:

а) распределение занятий по совету между членами по взаимному между ними соглашению;

б) попечение об увеличении средств прихода и о возможном достижении его целей;

в) заведование капиталами прихода и прочим имуществом;

г) наблюдение за своевременным поступлением сумм по постановлениям общих собраний;

д) обсуждение степени нужд обращающихся за помощью и оказание необходимой помощи в размере действительной надобности и сообразно со средствами прихода;

е) ежемесячное свидетельствование сумм прихода;

ж) ведение списка членов прихода;

з) сношение с подлежащими местами и лицами от имени прихода;

и) созвание общих собраний прихода;

і) составление и представление общему собранию отчета о деятельности и суммах прихода за истекший год со сметными предположениями на будущий;

к) исполнение постановлений общих собраний;

л) рассмотрение заявлений отдельных прихожан;

м) представление к обсуждению общего собрания вопросов, не разрешенных советом или выходящих за пределы его власти;

н) предварительная разработка всех вообще дел, вносимых в общее собрание.

37. Председатель совета созывает членов в заседания совета и общих собраний, руководит совещаниями в заседаниях совета, следит за исполнением устава, а также постановлений совета и общих собраний, и принимает входящие и подписывает исходящие от прихода бумаги за скрепою делопроизводителя или казначея, по принадлежности.

38. Делопроизводитель заведует письмоводством и всей перепиской по делам прихода, составляет, под руководством председателя, протоколы заседаний совета и общего собрания, ведет алфавиты членов прихода и списки лиц, обращающихся к помощи прихода; на его же обязанности лежит составление годового отчета о деятельности прихода.

39. Казначей принимает поступающие суммы и другие пожертвования; ведет шнуровые книги, как приходо-расходную, так и материальную; производит, по распоряжению председателя, все денежные операции и выдачи, как

деньгами, так и вещами; составляет годовой отчет о суммах прихода и вообще заведует счетной частью по приходу.

40. Каждый член прихода имеет право заявить совету лично или письменно свои предположения об улучшениях и полезных нововведениях по приходу. Совет, по обсуждении таковых заявлений и признании их уважительными, делает по ним соответственное распоряжение, а в случаях, превышающих его власть, представляет на рассмотрение общего собрания. В случае непринятия советом подобного заявления члену-заявителю предоставляется право представить оное через совет на обсуждение общего собрания.

41. Приходы имеют право приобретать на свое имя и отчуждать, установленным порядком, недвижимые имущества.

42. Для пересылки в подлежащие учреждения бумаг приходы пользуются печатью церковной.

IV. По вопросу об усовершении духовно-учебных школ

Коренной недостаток в жизни наших семинарий и училищ — в том, что они совмещают в себе две цели: школы для детей духовенства и школы, подготовляющей пастырей Церкви и других членов клира. Цели эти, во-первых, не сходятся, а во-вторых — обе они, при существующем строе наших семинарий, не достигаются в нужной мере. Дети духовенства в массе в последние годы одержимы стремлением к образованию светскому, бегут от пастырского служения и негодуют на то, что семинария дает им мало в том направлении, куда лежит их сердце. Церковь же заинтересована в том, чтобы духовно-учебные заведения воспитывали возможно больше и возможно лучших пастырей Церкви. От этого совмещения в одном заведении двух разнородных целей в значительной степени зависят и те непорядки, какие в последнее время свили себе гнездо в семинариях. Но это совмещение, сложившееся исторически, вызвано необходимыми экономическими причинами, с которыми приходится считаться и при настоящей реформе духовно-учебных заведений, в каком бы то ни было направлении. Духовно-учебные заведения содержатся главным образом на средства, получаемые от церквей. Но, по существу, на эти средства имеют право содержаться только заведения духовно-учебные в тесном смысле слова, т. е. школы, дающие и подготовляющие пастырей Церкви и других клириков. Для детей же духовенства должны быть доступны не только юридически, но и практически — с экономической стороны, наравне со всеми русскими гражданами, все наши общеобразовательные средние учебные заведения. С обращением духовно-учебных заведений в специально пастырские, тысячам детей духовенства должно быть дано место в так называемых светских заведениях, а это едва ли возможно. Наличное число средних учебных заведений крайне недостаточно, и для того, чтобы в них нашли место и дети духовенства, придется открывать десятки новых за счет государства. Сделает ли это государство, нельзя с уверенностью сказать в настоящее время. Посему и теперь, при вопросе о реформе духовных семинарий и училищ, необходимо

иметь в виду и интересы детей духовенства и интересы Церкви и придумывать такую комбинацию или такой компромисс, который возможно лучшим способом удовлетворял бы интересы тех и других, т. е. общего образования и пастырской подготовки. От коренной ломки сложившегося в течение века строя духовно-учебных заведений заставляют воздержаться и миллионные затраты, сделанные духовенством на постройку своих училищ.

В упрек нашим семинариям прежде всего ставят весьма неискусное объединение в курсе элементов общеобразовательных и богословских. Справедливость этого упрека признается всеми, и доказывать или разъяснять его теперь совершенно излишне. Следовательно, при реформе существующего строя прежде всего следует резко разграничить курс общеобразовательный от специально богословского или пастырского. За образец в этом случае можно взять устав духовных семинарий, выработанный при обер-прокуроре гр. Д. Толстом. Но простое возвращение к уставу 1867 года не может удовлетворять потребностям настоящего времени ни в отношении общеобразовательного, ни в отношении специально богословского курса; оба они нуждаются в существенных изменениях. Общеобразовательный курс того времени в основании своем имел классическую систему образования, обрывки коей остались и в уставе 1884 года. Эта система теперь отжила свой век, как система обучения: она до последней степени ослаблена даже в классических гимназиях, и нет оснований сохранять ее в духовно-учебных заведениях. Следовательно, нужно создавать новую систему общего образования. Богословское образование, обильное разными науками, в общем как-то отвлеченно, схоластично, и мало подготовляет к пастырскому служению с его современными все более и более осложняющимися запросами. Его нужно несколько упростить и приблизить к требованиям жизни.

В вопросе о реформе общеобразовательного курса могут быть два течения — расширение или сокращение этого курса. Сократительная тенденция ясно проглядывает в уставе 1884 года; высказывается иногда и в современной литературе. Этой тенденции не должно быть места при реформе духовной школы: интересы общего образования и интересы пастырского служения одинаково настойчиво требуют не сокращения, а расширения общеобразовательного курса.

Затем высказывается пожелание об объединении духовных училищ и общеобразовательных классов духовных семинарий в одно среднее общеобразовательное учебное заведение. Пожелание — достойное внимания; но это объединение должно касаться внутренней, идейной стороны, т. е. системы общего образования, соответствующей потребностям данного времени. Но, при этом единстве, должно быть, по крайней мере, две законченных ступени образования, чтобы прошедший и только первую половину курса выходил с запасом знаний довольно законченным. Такую первую ступень и могут представлять собою обновленные духовные училища, которые будут отдельно существующими низшими классами семинарии. Отдельное существование училищ вызывается хозяйственными соображениями (куда девать существующие зда-

ния). Единство же между ними и семинариями должно поддерживаться тем, что из училища ученики переходят в семинарию без экзамена, а для объединения в учебно-воспитательной деятельности могут быть устраиваемы ежегодно съезды преподавателей семинарии и училищ.

Реформа духовно-учебных заведений должна быть начата с реформы духовных училищ на следующих основаниях:

1. Духовные училища являются младшими с законченным курсом классами общеобразовательной школы.

2. В духовное училище на одинаковых правах принимаются дети всех сословий, но в случае сильной конкуренции — дети по преимуществу духовенства и крестьян.

3. Принимаются дети, окончившие курс начальной школы при современном трехлетнем ее курсе и не моложе 11 лет (в 1-й класс).

4. Обучение должно быть для всех бесплатное, если таковое будет и в школах других ведомств.

5. Курс обучения — четырехлетний.

6. Переход из класса в класс без экзамена. При окончании курса экзамен за все 4 года. Переход в семинарию без нового экзамена.

7. Число ежедневных уроков по сравнению с настоящим должно быть увеличено (в первых двух классах по 24 урока в неделю, а в III и IV может быть и 27).

8. Классические языки должны быть устранены из системы обучения, вместо них должно быть введено природоведение и усилено изучение арифметики, потому что многие заканчивают свое образование училищным курсом и поступают в псаломщики. Для них знание греческого и латинского языков вовсе не нужно, а между тем они в течение училищного курса потратили на изучение их не менее тысячи часов, в которые можно было сообщить им много других знаний, необходимых для них в жизни.

Образцом для программы реформированных духовных училищ может быть программа второклассных школ с некоторыми изменениями и дополнениями. Курс училищ может быть следующий:

1. *Закон Божий* в пределах настоящей программы с добавлением краткой церковной истории; причем часть уроков по объяснению богослужения может быть перенесена во II класс, а в IV классе должно остаться время для повторения всего курса в системе. Всех уроков 13 (3+3+3+4).

2. *Русский язык* по 6 уроков в неделю в каждом классе. На этих уроках изучается систематический курс русской грамматики и параллельно с ним элементарный курс грамматики нового церковно-славянского языка, насколько это нужно для понимания церковно-богослужебного языка. В IV классе, кроме окончания и повторения грамматики, ученики практически через чтение образцов знакомятся с главнейшими видами словесных произведений. Во все время курса ученики систематически упражняются в толковом и выразительном чтении, в логическом анализе читаемого и в разнообразных письменных орфографических и стилистических работах.

3. *Арифметика* по 6 уроков в неделю в каждом классе. Проходится возможно полный курс арифметики; в IV классе повторяется и дополняется элементарными сведениями из алгебры.

4. *География* должна начинаться с 1-го класса и проходить через все (1+1+2+2). Первый и второй год — общие географические сведения применительно к программе географии в двухклассных и второклассных школах. Третий и четвертый год — краткое изучение географии всех частей света и более подробное изучение географии России. На уроках возможно больше наглядности и живых описаний, а не сухого перечня.

5. *Русская история*. Против введения истории в программу духовных училищ едва ли кто будет возражать. Для истории можно отвести 5 уроков (1 во втором и по 2 в III и IV классах) и преподать довольно обстоятельный курс русской истории.

6. Не менее полезно введение в курс духовных училищ и *природоведения и гигиены* — 7 уроков (1+1+2+3). Первые два года — уроки описательного характера, приучающие к наблюдению предметов окружающей природы (о растениях, о металлах и минералах, о соли, стекле); последние два — элементарные сведения из физики, химии, космографии и гигиены.

7. *Черчение и рисование* должны также входить в курс духовных училищ — по 2 урока в неделю в каждом классе. В старших классах преподается черчение геометрическое.

8. Затем должны быть уроки *пения* — 7 (2+2+2+1), *чистописания* по 2 в первом и втором классах и уроки *гимнастики* (подвижные игры, по возможности на открытом воздухе, по 1 часу в неделю).

При такой программе получается 24 урока в первом классе, 25 — во втором, 26 — в третьем и 28 — в четвертом. Продолжительность уроков, по примеру гимназий, может быть сокращена до 50 минут.

Принятие в училище учеников, окончивших курс начальной школы, даст возможность пройти основательно намеченный курс. Требование это избавит от необходимости иметь при училищах приготовительный класс и не может поставить в затруднение родителей, ибо везде есть или скоро будут начальные школы.

По окончании курса в училище ученики без экзамена переходят в семинарию.

Курс семинарии разделяется на общеобразовательный (четыре класса) и специально богословский (два класса). Из общеобразовательного курса должны быть устранены те вставки богословских наук, какие сделаны уставом 1884 года (библейская история, церковная история, гомилетика, литургика и основное богословие). Все богословские науки сосредоточиваются в двух старших классах, а в первых четырех расширяется общее образование с присоединением к нему необходимых познаний в православно-христианском веро- и нравоучении.

Программа общеобразовательных классов в семинарии могла бы быть следующая:

Закон Божий. По уставу 1867 года в первых четырех классах семинарии подробно изучалось Священное Писание Ветхого Завета, — и выходили из IV класса без знаний основных источников христианского веро- и нравоучения — Евангелия и Посланий Апостольских. Такой порядок едва ли может быть оправдан. Посему полезнее ввести в первые три класса семинарии истолковательное чтение Евангелия и Посланий Апостольских. В IV классе можно было бы ввести нечто вроде основного богословия по программе школ церковно-учительских. В программу эту входят следующие пункты: I) о религии вообще и в частности о богооткровенной христианской религии, II) о приготовлении рода человеческого к принятию Спасителя, III) об Иисусе Христе — Божественном Основателе христианской религии, IV) догматическое учение христианской религии, V) нравственное учение христианской религии и VI) о Церкви Христовой, как хранительнице христианской веры.

В каждом классе по 3 урока Закона Божия.

Теория и история литературы — по 4 урока в I, II и III классах.

Элементарное знакомство с формами словесных произведений, полученное в IV классе училища, даст возможность пройти обстоятельно систематический курс теории словесности в I классе семинарии. Во втором и третьем классе изучается история русской литературы; причем древняя литература изучается возможно короче, а новая и новейшая — возможно обстоятельнее. Необходимо, чтобы школа ознакомила с главнейшими произведениями русской литературы XIX века, научила юношество разумно разбираться в различных направлениях этой литературы. Такое знакомство может предохранить от увлечения разными модными, бойкими, но не художественными произведениями последнего времени.

История всеобщая и русская — по 4 урока в I, II и III классах.

В первом классе изучается история древнего мира, а во втором и третьем история всеобщая может изучаться параллельно с русской. Самый характер преподавания истории должен быть существенно изменен. Изучение истории в духе Иловайского пора бросить. Нужно изучать историю постепенного развития человеческой культуры, усовершенствования различных форм общественной и государственной жизни, а не рассказы и анекдоты о лицах, сражениях и т. п. Изучение русской истории в этом направлении облегчается тем, что элементарное знание русской истории приобретено уже учениками в духовном училище.

Изучение *математики* должно быть усилено, и восстановлены размеры математических наук, бывшие по уставу 1867 года; преподаваться должна алгебра (5 уроков), геометрия и тригонометрия (8 уроков) в I, II и III классах.

Естествоведение. Наряду с математикой, весьма желательно усиление естествоведения не только по сравнению с программой физики 1884 года, но и 1867 года. В курс естествоведения должны входить: физика, основные сведения из космографии, химии с минералогией, ботаники, зоологии; сюда же можно присоединить и гигиену. Преподавание можно начать со II класса —

2 урока, в III тоже два урока, а в IV — три или даже 4. Элементарные сведения по природоведению, приобретенные в училище, дадут возможность в семинарии пройти очень обстоятельно курс естествоведения.

Изучая окружающую природу и человека по его физической стороне, странно было бы оставить учащихся без всякого ознакомления с внутренней, духовной жизнью человека; посему в общеобразовательный курс должна входить и *психология* [1]. Духовные семинарии никогда не забывали об этой науке: в последнее время о ней вспомнили и в гимназии. Для психологии может быть отведено 2—3 урока в III классе.

Не следует также устранять из общеобразовательного курса и другого искони существующего в семинарии предмета — *философии.* Существующая программа философии — начальных оснований и краткой истории философии, составленная по образцу программы этого предмета в католических духовных семинариях и академиях, не может быть признана удовлетворительной ни в той, ни в другой своей части. Значительная часть начальных оснований философии входит в программу основного богословия, а история философии преподается по необходимости в таких кратких размерах, что из нее ученики не могут вынести ясных понятий о разных философских системах и направлениях. Нельзя признать удобным и преподававшийся ранее «Обзор философских учений», ибо он, расчленяя философскую систему по разным сторонам (вопросу о познании, бытии и т. д.), не давал возможности учащимся хорошо усвоить философскую систему, как целую. Сопровождавшая его история философии была также кратка. Посему следует остановиться только на истории философии, чтобы учащиеся могли ознакомиться с последовательным развитием философской мысли; наиболее обстоятельному изучению должны быть подвергнуты философские теории последнего времени (например, Ницше), которые заметно отражаются на течениях современной мысли. Истории философии должно предшествовать — «введение», где было бы дано понятие о философии, о методах познания и т. п. Для уроков философии должно быть отведено в IV классе 4 или 5 часов в неделю.

Все перечисленные науки издавна в той или иной форме входили в курс духовных семинарий. Но складывающиеся новые формы общественной и государственной жизни России побуждают ввести в курс общеобразовательных старших классов и некоторые новые науки. По нашему мнению, было бы полезно ввести в IV классе преподавание географии и основных элементов учения о политической и экономической жизни государства.

До настоящего времени *география* преподавалась в III и IV классах училища, и, как показывает опыт, географические знания к окончанию курса у громадного большинства учащихся улетучивались или оставались в виде довольно смутных воспоминаний. Между тем знание того, как живут другие культурные народы или наши ближайшие соседи, не может быть признано

[1] В курс психологии должно входить и ознакомление с основными законамм и формами познания, и это ознакомление в связи с психологией будет полезнее отдельно преподаваемой *логики.*

бесполезным для образованного человека. Если мы считаем полезным и необходимым знание прошедшей жизни человечества (т. е. истории), то знание настоящей его жизни является естественным дополнением. География и даст это знание, а преподаваемая в IV классе, перед окончанием общеобразовательного курса, даст знание *сознательное*. В программу этой географии должно входить обстоятельное изучение политического устройства, культурной и промышленной жизни культурных государств Европы и Америки и наших ближайших соседей — Японии, Китая, Персии и Турции. В программу географии России следует внести главным образом элемент этнографический — ознакомление с теми разнообразными народностями, которые населяют наше обширное отечество. Для географии должно быть отведено в IV классе 3 урока в неделю.

До последнего времени в курсе средних учебных заведений общеобразовательных не было сообщаемо никаких сведений из наук *общественных*, и учащиеся вступали в жизнь, не имея никаких понятий о жизни государственной, по вопросам экономическим и проч. Такое неведение является особенно тягостным в настоящие дни, когда манифестом 17-го октября возвещены основы гражданской свободы, когда русские граждане призываются к участию в устроении государственной жизни через своих представителей в Государственной Думе, когда в то же время идет ожесточенная классовая борьба на политико-экономической почве. С изменением условий жизни в России, является необходимым для средней общеобразовательной школы ознакомление будущих граждан с основными законами государственного устройства и основами наук экономических. Для этого предмета следует отвести в IV классе 3 урока в неделю.

Теперь остается определить положение в общеобразовательном курсе семинарии древних и новых языков.

Так как прошедшие четыре класса семинарии далее могут переходить или в высшие светские учебные заведения или в богословские классы, то является необходимым сохранение в общеобразовательном курсе *латинского и греческого языков*. Целью изучения этих языков должно быть поставлено приучение учащихся к переводу текста греческих и латинских авторов. Отсюда, изучение грамматики должно ограничиваться необходимыми этимологическими и синтаксическими сведениями, а главное внимание должно сосредоточиваться на упражнениях в переводе с латинского и греческого языка на русский. Каких авторов переводить, это уже дело составителя подробной программы. Для латинского языка должно быть отведено по 3 урока в неделю в I, II, III и IV классах, а для греческого — по два.

В общеобразовательный курс семинарии должен входить обязательно и один из *новых языков* — немецкий или французский по выбору учащихся. Преподавание этого языка должно иметь целью приучение учащихся к чтению немецких или французских авторов. Задаваться целями более широкими — научить иностранной речи разговорной — едва ли будет целесообразно, ибо для большинства знание иностранного языка требуется для чтения иност-

ранных книг, а не для разговора. Для нового языка следует отвести по 3 урока в неделю в I, II, III и IV классах.

По одному уроку в неделю должно быть отведено и занятию *пением*.

Таков может быть общеобразовательный курс первых четырех классов семинарии. По окончании его, учащиеся получают право на поступление в высшие учебные заведения наравне с окончившими курс в других общеобразовательных школах.

Из класса в класс ученики переходят без экзамена, кроме тех случаев, когда в известном классе оканчивается какая-либо наука. Так, в III классе ученики должны сдавать экзамен по словесности и истории литературы, по истории общей и русской и по математике за все три года, в IV классе — по всем остальным предметам и за весь курс.

Желающие по окончании общеобразовательного курса переходят в богословские классы без особых для этого испытаний.

Богословские классы

Богословские классы имеют целью подготовление к пастырскому служению; к этой цели должны быть направлены образование и режим жизни учащихся.

В богословские классы поступают прошедшие 4 класса семинарии и желающие из окончивших курс в других средних учебных заведениях; последние поступают по экзамену из Закона Божия и философии с психологией, ибо знание двух последних наук необходимо для лучшего усвоения богословия.

Курс богословских классов может быть сформирован следующим образом:

Священное Писание Ветхого Завета по 3 урока в V и VI классах. Цель этих уроков — прочтение с учениками и истолкование важнейших мест из книг законоположительных, исторических, учительных и пророческих, знание и понимание коих необходимо пастырю Церкви для лучшего уразумения христианского веро- и нравоучения и для его пастырской деятельности. Чтение и истолкование должны идти по тексту славянскому и русскому.

Примечание. Священное Писание Нового Завета должно быть изучено в младших классах, теперь же оно будет воспроизводиться и истолковываться в различных отраслях богословских наук. В этом раздельном виде, в применении к тем или иным пунктам христианского веро- и нравоучения, оно будет все повторено.

Основное богословие (3 урока в неделю в V классе) должно иметь своей задачей философское и научное обоснование основных истин христианской веры и нравственности. Существующий учебник основного богословия должен быть заменен новым, более основательно и научно составленным.

Догматическое богословие — 2 урока в V классе и 3 урока в VI классе. Система догматического богословия должна быть переработана. Переработка должна иметь целью сократить и упростить эту систему и сделать ее более жизненной. Сюда должно войти и краткое ознакомление с отступлениями от православия католиков и протестантов.

Точно так же должна быть изменена и система *нравственного богословия* (2 урока в VI классе). Схоластический учебник Солярского должен быть заменен другим. С нравственно-христианской точки зрения должны быть изъяснены условия современной личной и общественной жизни.

В курс богословских наук должно быть введено и *богословие пастырское* (2 урока в V классе и 2 — в VI), раскрывающее задачи и характер пастырского служения не в идее только, но в применении к нарождающимся все новым и новым требованиям и запросам жизни. К пастырскому богословию присоединяются основы канонического права и «пастырского руководства».

Уроки *гомилетики* (1 урок в V классе и 2 — в VI) также должны изменить свой характер. Теория и история проповеди должны изучаться в самых кратких и существенных чертах; главное же внимание должно быть сосредоточено на практических упражнениях в составлении проповедей и особенно импровизаций, чтобы будущий пастырь Церкви мог всегда найтись сказать назидательное слово.

Церковная история общая в V классе (5 уроков) и русская церковная история в VI классе (3 урока).

Дополнением к церковной историй должна быть *патристика* (2 урока в VI классе). Православному пастырю необходимо быть знакомым с жизнью и творениями знаменитейших отцов и учителей Церкви. Полезно поэтому выделить это ознакомление в особый предмет. При этом, естественно, сокращается курс церковной истории, и вместо 6 уроков достаточно будет иметь ее 5.

Литургика (2 урока в V классе и 3 — в VI) должна ознакомить с историей богослужения и церковным уставом. Усвоение богослужебного порядка и устава желательно практическое — в храме, через деятельное участие в богослужении праздничном, воскресном и будничном.

Преподавание *истории и обличения старообрядчества, раскола и сектантства* (2 урока в V классе в 3 — в VI) должно также в значительной степени изменить свой характер и быть более приспособленным к требованиям жизни. Преимущественное внимание должно быть сосредоточено на выяснении и обличении сектантства, представляющего наибольшую опасность для Церкви.

Греческий язык (2 урока в V классе и 2 — в VI) — чтение новозаветного, святоотеческого и богослужебного (особенно последнего) текста.

Основы педагогики, дидактики и школьной гигиены (2 урока в V классе и 3 — в VI) — необходимы будущим законоучителям и учителям. Не менее 3 уроков должно быть отведено урокам педагогики и дидактики, и два урока

или один (по усмотрению преподавателя) — наблюдениям и занятиям в школе начальной.

Церковное пение по 1 уроку в V и VI классах.

Кроме сих предметов, в богословских классах могут быть необязательные уроки латинского и еврейского языка и новых языков.

Ввиду того, что в богословских классах будут обучаться окончившие общеобразовательный курс, преподавание здесь может носить до известной степени академический характер (без ежедневного спрашивания, но minimum с двухнедельными, а по другим предметам месячными репетициями и с самостоятельными работами учащихся по теме или иным частным вопросам). Из V в VI класс ученики переходят без экзамена; в VI классе сдают экзамен за два года. По окончании курса имеют право поступать в духовные академии по конкурсу аттестатов; не лишаются права поступать по желанию и в светские высшие учебные заведения.

Ввиду того, что в богословских классах будут обучаться взрослые юноши, самый режим их жизни должен быть несколько иной: им должно быть предоставлено больше свободы и самостоятельности во внеклассное время. С другой стороны, ввиду того, что они здесь приготовляются к пастырскому служению, на них могут быть наложены обязанности, от которых могут быть освобождены воспитанники общеобразовательных классов, например посещение богослужения в будничные дни, прежде освященных литургий в среды и пятки Великого поста и т. п. По этим, между прочим, соображениям было бы более целесообразным, чтобы богословские классы существовали отдельно от общеобразовательных, если это окажется возможным осуществить без значительных денежных затрат.

Проект распределения предметов по классам

Духовные училища	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.
Закон Божий	3	3	3	4
Русский язык	6	6	6	6
Арифметика	6	6	6	6
Русская история	—	1	2	2
География	1	1	2	2
Природоведение и гигиена	1	1	2	3
Черчение и рисование	2	2	2	2
Чистописание	2	2	—	—
Пение	2	2	2	1
Гимнастика и игры	1	1	1	1
	24	**25**	**26**	**27**

Первые 4 класса семинарии	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.
Закон Божий	3	3	3	3
Словесность и история литературы	4	4	4	—
История всеобщая и русская	4	4	4	—
Математика (алгебра, геометрия и тригонометрия)	5	4	4	—
Естествоведение	—	2	2	4
Психология	—	—	2	—
История философии	—	—	—	5
География	—	—	—	3
Общественные науки	—	—	—	3
Латинский язык	3	3	3	3
Греческий язык	2	2	2	2
Новый язык	3	3	3	3
Пение	1	1	1	1
	25	**26**	**28**	**27**

Богословские классы	V кл.	VI кл.
Священное Писание Ветхого Завета	3	3
Основное богословие	3	—
Догматическое богословие	2	3
Нравственное богословие	—	2
Пастырское богословие	2	2
Гомилетика	1	2
Церковная история	5	3
Патристика	2	—
Литургика	2	3
Раскол и сектантство	2	3
Греческий язык	2	2
Педагогика, дидактика и школьная гигиена	2	3
Церковное пение	1	1
	27	**27**

Примечание. К представлению прилагается по этому вопросу еще мнение корпораций Владимирской духовной семинарии и Владимирского духовного училища.

V. По вопросу о пересмотре законов, касающихся порядка приобретения Церковью собственности

Ныне существующей закон о приобретении и отчуждении монастырями, архиерейскими домами и церквами недвижимых имуществ каждый раз с Высочайшего соизволения — представляется желательным изменить.

Ограничение это — испрошение Высочайшего соизволения — в настоящее время, при действующих судебных и нотариальных учреждениях, представляется излишним обременением государственной власти.

На протяжении многих лет нельзя и припомнить случая, когда бы на принятие монастырем, архиерейским домом или церковью недвижимого имущества и на укрепление такового за ними — Высочайшего соизволения не воспоследовало. Напротив, бывали случаи, что и по испрошении Высочайшего соизволения имущества оставались не укрепленными за церковными установлениями по разным причинам.

В то же время и само Правительство постепенно ослабляло это ограничение для разных учреждений Духовного Ведомства (определение Правит. Сената 31 января 1900 года о праве состоящих в Духовном Ведомстве религиозных обществ и братств приобретать недвижимые имущества без испрошения Высочайшего соизволения, припечатанное в № 10 «Церковных Ведомостей» за 1900 год).

Главная масса недвижимых имуществ, как известно, получается духовными учреждениями по дару и завещаниям, каковые дела, по Высочайшему повелению от 10 декабря 1903 года, уже и переданы на разрешение епархиального начальства.

Поэтому желательно, чтобы разрешение на укрепление и отчуждение недвижимых имуществ, при достаточности ограждения при этом имущественных интересов церковных установлений местным епархиальным начальством, оставалось в ведении и власти епархиального начальства.

В 5 п. 698 ст. т. X ч. 1 изд. 1900 г., юридическими лицами, кои могут приобретать право на имущества, поименованы «епархиальные начальства, монастыри и церкви»; духовенство и церковные причты в епархии юридическими лицами не поименованы.

Между тем владение недвижимостью, как собственностью, исключительно духовенства в епархии, как сословия (2 п. 2 ст. т. IX Зак. о сост. изд. 1899 г.), и причта каждой церкви, как установленного законом штата, — мыслимо, и в действительности имеет место.

По непоименованию только в законе духовенства и церковных причтов юридическими лицами, приходится приобретение ими недвижимой собственности и владение ею укреплять или за «епархиальным начальством», или за

церковью, т. е. не за действительным собственником и владельцем, а мнимым, фиктивным.

Епархиальное начальство, при укреплении на его имя и за ним недвижимого имущества, не на его средства приобретаемого и назначаемого не для его нужд и пользования, собственником и владельцем недвижимости на самом деле не становится, подобно тому, например, как опекун не становится собственником имения опекаемого, управляющий — собственником или хозяином управляемого им имения.

При этом укрепление недвижимого имущества за «церковью», когда оно отчуждается и приобретается с назначением во владение и пользование им для нужды штатного причта, а не церкви, при которой положен и состоит штат причта, на практике (в особенности по недвижимым имуществам, кои жертвуются или завещаются) приводит к коллизии — к правовым и экономическим недоразумениям и к вредным последствиям таковых между распорядителями в хозяйстве церкви и церковными причтами.

Поэтому представляется необходимым, чтобы в законе, сверх поименованных в 5 п. 698 ст. 1 ч. X т. изд. 1900 г., были поименованы же, как особые юридические лица: а) «епархиальное православное духовенство», наряду с «церквами» — б) «причты церквей».

При признании и поименовании в законе сих юридических лиц желательно, чтобы и в отношении их, как в отношении церквей, монастырей и архиерейских домов, разрешение на укрепление и отчуждение недвижимых имуществ предоставлено было ведению и власти только епархиального начальства.

VI. По вопросу об епархиальных съездах духовенства

Задачи съездов по «положению» о них более чем узки. Они созываются для выбора членов правления в духовные училища и семинарии и для изыскания средств к безбедному существованию духовных школ. И съезды доказали свою жизнеспособность тем, что это свое дело сумели выполнить с энергией и успехом.

Вопросы епархиальных съездов на первых порах, конечно, мало выдвигались из рамок узкой программы «положения» о них. Духовенство действовало, так сказать, «просто, по-домашнему, по своему хозяйству». Но и здесь съездам предстояло работы не мало, и работы серьезной и спешной, часто весьма заботливой и тяжелой, ввиду безотложных нужд и неимения необходимых материальных средств к покрытию их. При огромной доле работы, взятой на себя епархиальными съездами, перестраиваются старые училищные здания, строятся новые, рядом с ними воздвигаются здания семинарского и училищного общежитий для своекоштных воспитанников, с дешевым, доведенным до minimum взносом за содержание. Нет на все это средств? Устраивается епархиальный свечной завод, хотя также без гроша денег и на голом поле. Вместе с тем съезды заботятся и о сиротах духовенства, обучающихся в духовно-учебных заведениях. Особенно заметны заботы их в отношении си-

рот-девочек: например, во Владимирском епархиальном женском училище почти все сиротские стипендии (118) образовались по инициативе и из взносов духовенства по постановлениям съездов.

Далее епархиальные съезды мало-помалу приобретают право ведать все свои экономические дела, организацию сословной взаимопомощи. Благодаря съездам в епархии открывается эмеритура для духовенства; на помощь его бедным организуются попечительства, приюты, богадельни для престарелых вдовцов, вдов и сирот. Не раз на епархиальных съездах поднимался вопрос о приобретении или постройке казенных церковных домов для причтов, о взаимном страховании, образовании кассы единовременного пособия семействами умерших или вышедших в за штат по болезни священноцерковнослужителей и т. п.

С течением времени съезды обнаруживают стремление работать в более широкой программе — общими братскими силами решать вопросы о религиозном образовании народа, о поднятии народной нравственности, о миссионерском деле. Они говорят об упорядочении отношений духовенства к прихожанам, о регулировании платы за требы, о слабостях и недостатках духовенства, об открытии церковных библиотек, воскресных школ, об устройстве внебогослужебных собеседований, о поддержке церковно-приходских школ и т. п.

Словом, ведению епархиальных съездов подлежали в известном, так сказать, масштабе всевозможные вопросы церковно-епархиальной жизни: хозяйственные, учебно-воспитательные, пастырские. И духовенство с благодарностью принимало всякий серьезный вопрос, данный ему на обсуждение, и в благодарность за доверие, за привлечение к организационному делу, с готовностью отдавало свой труд не только на совещательных собраниях съездов, но и после — на «живом деле».

Так думало, говорило и действовало духовенство в лице своих съездов при известном режиме, существующем доселе между съездами и епископом. Под впечатлением добрых отношений между съездами и епископской властью естественно ожидать, что при постоянном добром и просвещенном руководстве архипастырей съезды, сблизив духовенство в интересах не только узко сословных — хозяйственных или учебно-воспитательных, но и более широких — пастырских, могут служить со временем весьма важным пособием для епархиальных начальств в их заботах о религиозно-нравственном преуспеянии своих паств, и что таким образом, при указанном условии устойчивой и серьезной работы духовенства во главе со своим епископом, не затеряется, не погибнет очень нужная, работоспособная общественная сила. В пользу этой работоспособной силы следует, наконец, сказать и то, что съезды, служа почти тридцать лет весьма благовременной и благопотребной школой для практической, административной деятельности духовенства, приобрели значительную опытность в коллективном решении всевозможных вопросов общецерковного, епархиального и приходского характера.

Таков в общих чертах и кратком изложении «опыт» епархиальных съездов, на основании которого мы приглашаемся сказать слово об установлении

определенных границ для их деятельности и указании им надлежащего места и значения в ряду епархиальных учреждений».

По нашему мнению, прежде чем рассуждать об определенных границах для деятельности епархиальных съездов и т. д., необходимо точнее разделить, так сказать, разграничить эту деятельность. С первого взгляда на деятельность съездов она резко делится на три части: на деятельность по церковно-хозяйственным, учебно-воспитательным и религиозно-нравственным вопросам.

Нельзя не дать места на съездах вопросам церковно-хозяйственным, — и места надлежащего, уже на одном том легальном основании, что существует о духовных школах известное «положение». Затем напрасно думают, что обсуждение подобного рода вопросов по существу дела не соответствует характеру церковных собраний. Когда Церковь является в обществе учреждением, имеющим определенную внешнюю организацию, когда для нее открываются задачи и цели, требующие не одних духовных сил, но и материальных средств, когда на попечении ее остается масса лиц, помимо служения ей, не имеющих других источников для своего материального существования, — тогда у Церкви необходимо должны явиться и своего рода материальные хозяйственные вопросы и интересы. И в древности обсуждению такого рода вопросов и интересов давалось место на церковных соборах. Но худо бывает тогда, когда этим вопросам и интересам не только дается предпочтительное перед всякими другими — высшими нравственными интересами церковной жизни значение, но и когда они даже обращаются почти в исключительный предмет церковных попечений, совещаний, мероприятий и т. д. А еще хуже бывает тогда, когда на удовлетворение сословных интересов клира епархиальными съездами нередко весьма бесцеремонно расходуются исключительно общие церковные средства, эксплуатируются церковные оброчные статьи, причем открывается место и узурпациям своего рода. Вот здесь, по нашему мнению, необходимо, и чем скорее — тем лучше, подумать и об определенных границах деятельности епархиальных съездов, тем более, что общие годичные церковные средства, текущие, так сказать, ресурсы в громадном большинстве епархиальных церквей уже заранее использованы всевозможными на них налогами. При этом нельзя не вспомнить и о различных сборах церковных в течение года, которые также всякий раз перемещают церковную копейку в чужой карман. Повторяем, служащие алтарю от алтаря питаются, — приходская община должна ведать нужды своего духовенства и заботиться деятельно об удовлетворении их: но это не снимает с членов клира обязанности также вносить на те нужды потребные жертвы и из личных средств. Иначе нечего и мечтать о привлечении мирян, хотя бы в лице только церковных старост, на епархиальные съезды для участия в них, столь желательного в видах выработки более или менее согласного ведения церковного хозяйства и решения других общецерковных вопросов и нужд, например приходских попечительств и т. п. В общем программа епархиальных съездов должна включать всю экономическую сторону жизни епархии. Важными и существенными в этой части программы являются рассмотрение денежных

отчетов всех епархиальных учреждений, контроль расходования и учреждения епархиальных сумм, ревизия их наличного состояния. Ни один из запросов, ни одно из недоумений в этом отношении не может и не должно быть оставлено без ответа.

Затем, епархиальные съезды свидетельствуют состояние духовного просвещения в епархии во всех его областях: религиозно-просветительной, миссионерской, школьной. Особенно важно установить также отношение епархиальных съездов не к экономической только, но и к внутренней, учебно-воспитательной жизни всех духовно-учебных заведений в епархии. В настоящее время это неизбежно. Когда волнуются и нервничают дети, непременно должно быть выслушано свободное, откровенное слово спокойных рассудительных отцов. Идея сближения школы с жизнью, педагогов с родителями их учеников, необходимость совместного обсуждения вопросов воспитания и обучения получила право гражданства в Министерстве народного просвещения и находит там себе широкое применение. Между тем ежегодный епархиальный съезд духовенства дает такое прекрасное, легко доступное и, несомненно, весьма плодотворное для духовно-учебного дела средство сближения педагогов с родителями, что не воспользоваться им — предосудительно. Поэтому ежегодно епархиальный съезд, вместе с воспитателями и наставниками духовно-учебных заведений, имеет несколько заседаний, посвященных исключительно вопросам духовного воспитания и обучения.

Далее, епархиальному съезду должно быть предоставлено в некоторых случаях и право суда. «Слушание и рассмотрение съездом, по крайней мере, важнейших судебных дел [1] было бы весьма важным улучшением нашего церковного епархиального судопроизводства» (Заозерский). Коренной недостаток современного суда — это то, что постановляющие приговор не видят лиц и не слышат голоса тех, кого судят. Они знают о них только по бумагам следствия. Здесь же, на съезде, всегда могли бы оказаться люди, лично знающие обвиняемого и по своему положению ближе стоящие к нему и потому более способные судить каноническим судом милости и врачевания, а не одного только прещения и казнения. Да и сам обвиняемый имел бы более побуждений явиться лично на этот суд. Такой суд, если бы и не олицетворял собой во всей полноте, то, несомненно, напомнил бы «суд чести», суд товарищей. Кому не известно, что среди священства, к прискорбию, находится немало таких, которые далеко не отвечают запросам пастырства как по характеру своей деятельности, так и по благоповедению? В каждом благочинническом округе духовенство, близко все-таки соприкасаясь друг с другом и имея некую возможность встречаться, знает друг друга. В округе, да и в самой епархии отчасти, знают, «чем жив» тот или иной пастырь, а потому и знают, какого рода его как частная, так служебная жизнь и деятельность. Это знание и нужно бы использовать для развития в духовенстве нравственного самосознания и для укрепления в нем энергии. Использовать же его можно бы в таком

[1] По усмотрению епископа.

случае, когда пастырским собраниям было бы предоставлено право не только рассматривать доклады, проекты и вопросы, но и оценивать деятельность и поступки друг друга и рассматривать возникающие тяжебные дела. В последнем случае деятельность пастырских собраний, можно с уверенностью сказать, была бы на высоте своей задачи, являясь вполне беспристрастной. Ибо немыслимо, чтобы пастырское собрание, в полном состав епархиального духовенства, где не менее 60—62 иереев, было заражено духом лицемерия. Конечно, суд товарищей-пастырей над пастырем же являлся бы лишь мнением пастырского собрания, помогающим единственному судии над пресвитером — епископу постановить свой первый приговор. При существовании суда чести, — пороков и преступлений как против должности, так и против нравственности среди духовенства было бы гораздо менее, нежели замечается теперь. И это вот почему: при существовании суда чести нравственное самосознание пастырей возвысится настолько, что оно не сможет индифферентно или даже терпимо относиться к таким явлениям в жизни пастыря, которые задевают честь духовенства как сословия, унижают авторитет пастыря, служат к губительному соблазну пасомых в приходе и дают повод ненавистникам духовенства лишний раз бросить в него комом грязи. Это развитие самосознания даст право надеяться и на то, что суд товарищеский был бы не только нелицеприятным, но и беспощадным к порочным действиям пастыря. Эта же нелицеприятность и беспощадность вызвала бы, в свою очередь, чувство самосохранения, а посему и желание стать лучшим в среде иереев с неодобрительными наклонностями и привычками, так как они знали бы, что перед судом чести никакие свидетельства, никакие увертки или хитрости не спасут их от правильной оценки их поступков, их вообще жизни и деятельности.

Разумеется, вопросы менее важные, которые могут быть обсуждаемы в собраниях благочиннических, — дела обычные, которые по установившемуся порядку могут быть правильно производимы в постоянно действующих духовно-административных инстанциях: в благочинническом совете и консистории, не должны отнимать лишнего времени у членов епархиального съезда. Но по преимуществу дела и вопросы новые, по которым нет установившихся мнений и определений практики, должны обращать на себя особенное внимание епархиальных съездов. С полным вниманием также должны быть рассматриваемы на епархиальных съездах предъявляемые здесь жалобы на неисправность самых органов духовной администрации, постоянно действующей; здесь же должны производиться выборы в разные должности, не исключая и членов консистории, при введении выборного начала.

Но и указанными рамками не может ограничиваться программа епархиальных съездов. Всегда необходимо и полезно собираться пастырям Церкви для взаимного обмена мнений и выработки общих решений по вопросам необъятного по размерам и глубине пастырского делания. Особенно же необходимы пастырские собрания в настоящее время — время реформ и новых законов, из которых очень многие близко касаются Церкви и духовенства. В деятельности епархиальных съездов должна отражаться жизнь всей епархии, во

всех ее проявлениях, со всеми ее запросами и треволнениями, со всеми ее течениями добрыми и недобрыми. Известно, что никакие формы администрации, налагаемые, так сказать, на поверхность свободного течения жизни и соприкасающиеся с жизнью лишь стороной, сами по себе не способны дать правильного развития жизненным отправлениям, если в самом организме нет живых сил или если живые силы организма лишены возможности проявлять себя и своими проявлениями поверять целесообразность и неиспорченность самых административных форм, придумываемых для наилучшего обеспечения правильности жизненных отправлений. Поэтому никакие переустройства собственно церковной администрации сами по себе не могут еще возвысить жизненного строя Церкви, если вместе с тем не будут возбуждены и возвышены в Церкви внутренние, духовные силы, составляющие самое существо религиозной жизни, т. е. вера, благочестие, преданность церковным интересам, живое духовное разумение, живая христианская любовь и т. д., а в то же время не будут понижаемы и подавляемы вредные силы, ослабляющие и убивающие религиозную жизнь в епархии: маловерие, безверие, изуверство всякого «ветра» и доселе неслыханные, изумляющие пороки. Поэтому программа епархиальных съездов должна включить обширный и важный отдел вопросов, касающихся охранения церковного благочиния, ограждения чистоты веры и свободы совести, уяснения и развития церковного учения, упорядочения и совершенствования пастырской практики. И чем подробнее, искреннее и основательнее будут даны ответы на все эти вопросы, тем очевиднее, осязательнее будет польза епархиальных съездов. Духовенству в настоящее время молчать не только нельзя, но и преступно. Непростительно согрешит тот пастырь, который устранится от жизни пасомых, не желая быть их учителем в то время, когда они особенно нуждаются в отеческом совете, в духовной помощи, в наставлении отца-пастыря. Он должен и словом своим и делом воздействовать на жизнь пасомых, охраняя их от соблазна, от смуты, от упадка веры в Бога и любви к нашей святой Православной Церкви и людям. Все средства свои, все силы свои духовные и моральные пастырь Церкви должен направлять к этой цели. Он должен идти к людям, с людьми жить, с людьми говорить, о них думать, о них заботиться, их поднимать, тяготы и болезни их взять, испить с ними всю чашу слабости, горя и страданий, невежества и буйства мысли и воли, одним словом — быть человеком, чтобы дать человеку воды живой и привести его ко Христу. Какую же великую нравственную помощь такой желанный пастырь будет черпать на заседаниях съездов во взаимообщении с лучшими представителями епархиального духовенства и с самим архипастырем, так как эти заседания съездов, конечно, не могут обходиться без участия архипастыря! Личное присутствие архиереев на подобных заседаниях не только не стеснит свободы совещаний съездов, но даст бóльшую твердость их постановлениям и устранит всякий повод к столкновениям между съездами и епархиальной властью, — а вместе с тем даст и более серьезный, правильный и приличный характер этим собраниям. Мало того: епархиальные преосвященные, пользуясь прибытием на съезд священнослужите-

лей из разных местностей епархии, часто самых захолустных, и вступая с ними в собеседования по религиозно-нравственным вопросам, могут оказывать, таким образом, свое просвещенное, непосредственное свое архипастырское на них воздействие и в то же время сами знакомиться с такими явлениями приходской жизни, которые недоступны наблюдениям при епископских объездах епархии. Епархиальные съезды и должны собираться с тем, чтобы дать возможность архиерею ближе знакомиться с мнениями и потребностями паствы и помогать ему в управлении паствой советами лучших по своему развитию, направлению и энергии людей. Такой епархиальный съезд духовенства в настоящее тяжелое время, да и во всякое другое, явился бы не только выразителем желаний духовенства, но и прекрасным, незаменимым помощником власти церковной в отыскании путей к улучшениям. При одной мысли, при одном известии о таком епархиальном съезде как бы тотчас же загоралась работа и по выработке и освещению тех вопросов, какие были бы предложены к его обсуждению! Уже сама по себе эта работа была бы весьма полезна; но еще важнее и полезнее был бы голос пастырей во всех концах епархии: они ярко осветили бы и местные и общественные потребности и указали бы наиболее верный выход из тех затруднений, какие переживают Церковь и общество в настоящее время. Отсюда, из центра епархии, со своего пресвитерианского при епископе соборика, «со многого совета», о.о. депутаты понесли бы во все пределы и концы епархии успокоительную уверенность в том, что здесь шла всеобщая горячая работа на пользу местной Церкви и всех чад ее, и что эта дружная работа, постепенно распространяясь от своего центра к оконечностям всех радиусов, не замедлит сказаться благотворными последствиями в самых глухих, отдаленных уголках епархии. Как очевидно, программа и область деятельности епархиальных съездов могут быть в этом отношении очень обширными, не нарушая в то же время ничьих прав, не создавая никаких ограничений высшей епархиальной власти. А духовенство в широте и жизненности такой программы нашло бы для себя сильное побуждение к живой плодотворной церковно-приходской деятельности.

Но «от слова до дела, — говорят, — еще далеко». Всякое преобразование не имеет смысла, пока не создано обстановки, необходимой для нового порядка. Это особенно нужно иметь в виду, когда идет речь об епархиальных съездах. Расширение прав съездов юридически, т. е. бумажно, легко возможно; но, быть может, оно вовсе не будет расширением de facto. Какая польза в «новом» законе, если не будет дано гарантий его исполнения? А этих гарантий по отношению к съездам нет. История съездов с 1867 года была постепенным расхищением их прав, и это расхищение продолжается и будет продолжаться и с расширением их компетенции, если «гарантий» не будет. Ввиду этого следовало бы начать с более точного узаконения уже принадлежащих им прав — в устранение всего того, что̀ косвенно может фактически свести съезд «на нет». Очень многими правами съезды владеют совершенно платонически, хотя закон и считает их за съездами. В чем именно нужна корректура, о сем следуют пункты.

Главный и существеннейший недостаток в истории епархиальных съездов состоит в том, что съезды эти еще не представляют у нас правильного, последовательного, твердо поставленного выражения совещательного или соборного начала в жизни церковной, а являются чем-то случайным, отрывочным, чем-то введенным в жизнь по чьей-то личной воле и легко могущим подвергнуться уничтожению по другой личной воле. Сфера их самостоятельности незначительна, пределы деятельности ограничены, направление, данное им, односторонне; в самом характере их выразился исключительно сословный характер. Получив случайное место в епархиальном управлении (главным образом в целях материального улучшения быта духовенства), эти совещательные учреждения не имеют под собою твердой почвы в развитии совещательного начала в самой приходской жизни, а над собой завершения — в восстановлении соборного характера высшего церковного управления. Ясно поэтому, что нужно в настоящее время не подавлять какие бы то ни было зачатки самостоятельного выражения совещательного начала в церковной жизни, а расширять их вверх и вниз, устанавливать на твердых началах, освобождать от всякого исключительного характера и одностороннего направления, чтобы соборное начало жизни церковной, составляющее по идее существенную характеристическую черту православия, было выражено и в нашей епархиальной Церкви во всей возможной полноте.

А для этого епархиальным съездам необходимо быть по крайней мере однажды в год. Кроме того, в особенных случаях, при обсуждении каких-либо не терпящих отлагательства и важных мер или вопросов, касающихся всей епархии, епископ может созывать экстренные епархиальные съезды. Сфера их самостоятельности в большинстве случаев, особенно при решении экономических вопросов, должна быть, по возможности, полная.

Что касается упреков в ограниченности пределов деятельности и одностороннем направлении съездов, исключительно сословном, духовном, — эти упреки на будущее время должны пасть сами собой. При совершенно правильной и самой широкой и открытой постановке епархиальных съездов предметами совещаний на них всегда будут дела двоякого рода. Одни дела, касающиеся интересов всего церковного общества, конечно, потребуют совместного обсуждения от духовенства и мирян. Таковы вопросы, касающиеся возвышения народной веры, народной нравственности, устройства приходской благотворительности, распространения религиозного образования в народе; вопросы церковно-хозяйственные также во многих сторонах своих требуют на съездах совместного обсуждения от духовенства и представителей самих приходских обществ. Но, кроме того, всегда останется для съездов много частных специальных дел, касающихся интересов собственно духовного сословия. Такова большая часть вопросов, касающихся епархиальной администрации, духовно-учебных заведений, взаимных отношений между членами клира и под. Обязывать всех представителей церковного общества, являющихся на съезды для обсуждения общественно-церковных вопросов, принимать участие и во всех частных делах, касающихся собственно клира, нет никакой надобности. Это было бы и обреме-

нительно для них, и могло бы повести или к излишней проволочке, или к неправильному ускорению ведения съездов, с ущербом для внимательного рассмотрения дел, представляющихся им.

Далее, известно, как много значит в бюрократических учреждениях председатель. Он — половина всего учреждения, его душа. В съездах председатель по закону свободно избирается из состава депутатов. Это прекрасно; но, увы! на деле не всегда так бывает: случалось, когда председатель, избранный большинством голосов, отстранялся епархиальной властью, и на место его утверждалось лицо, за которого не было и одной трети голосов. Понятно, как относится к делам съезда такой председатель по назначению. Властный и снабженный еще более властными инструкциями, он не ограничивается одним предложением вопроса на обсуждение; он предрешает вопрос, лишая этим самым депутатов свободы при обсуждении данного вопроса. Если, несмотря на это, депутаты не склоняются к мнению председателя, у него на этот случай есть сборные «сподручники», очень ловкие, говоруны-софисты, удачно сбивающие и запутывающие всякого, кто попытается высказаться и выяснить тот или другой из предложенных на обсуждение собрания вопрос. Епархиальные съезды в этом отношении должны быть совершенно отрешены от чуждых влияний, и выборы председателя не изменяемы.

Кроме этого, чтобы епархиальные съезды стояли на высоте своего назначения, необходимо еще одно условие — это удачный выбор депутатов. Последнее обстоятельство всецело зависит от самого духовенства. Нам не раз приходилось слышать, что в иных епархиях добрая половина выборщиков смотрит на выборы, как на простую формальность, одинаково бросая всем кандидатам избирательные шары. Другие руководятся личными симпатиями или антипатиями, ничего общего с интересами епархии не имеющими, и, наконец некоторые, правда — немногие, смотрят на выборы, как на удобный случай свести, между прочим, и свои личные счеты.

В дополнение к указанным условиям необходимо указать еще и на третье — последнее. К суждениям на епархиальном съезде депутаты должны быть внимательно подготовлены через внимательное суждение о тех же предметах на благочиннических собраниях духовенства. Вопросы, которые предстоит решить епархиальному съезду, доселе на благочиннических съездах почти не обсуждались или, если и обсуждались, то слегка; большей же частью дело ограничивается сообщением перечня этих вопросов. Таким образом, случайно избранный депутат, не получая от своих избирателей никаких инструкций, остается в полной неизвестности насчет взглядов духовенства своего округа на предложенные вопросы, если не считать случайно услышанных на съезде мнений нескольких лиц. Результаты этих выборов нетрудно угадать. Депутат на епархиальном съезде относится к решению съездом дел так же пассивно, как и его избиратели. Большей частью он присоединяется к мнению «большинства», которое всегда сгруппируется около «руководителей съезда». Неудивительно поэтому, если съезд иногда поражает всю епархию каким-нибудь неожиданным постановлением. Отчета о съезде депутаты не представ-

представляют, так что духовенство неизменно продолжает пребывать не в курсе дел своей епархии.

Необходимо, чтобы вопросы сдавались не сразу на епархиальный съезд, а предлагались бы задолго до съезда вниманию духовенства через напечатание в епархиальном органе. Независимо от сего, депутаты могут вносить на съезд и новые вопросы как от своего округа, так и от себя.

Хорошо, если бы было постоянное отделение епархиального съезда, как управа при думе или в земстве, а ко времени самого съезда собиралась подготовительная комиссия по крайней мере за неделю до открытия сессий, для подготовки дел к докладу.

VII. По вопросу об участии священнослужителей в общественных учреждениях

При обсуждении вопроса об участии священнослужителей в общественных учреждениях мы ставим исходной точкой своих рассуждений, во-первых, дополнение к Высочайшему положению о Государственной Думе от 18 сентября сего года, по которому священнослужители могут быть не только выборщиками, но и выбранными в саму Думу членами; во-вторых, положение 1864 года, действовавшее по отношению к земским учреждениям до 1890 года, по коему священнослужители являлись выборными в гласные члены как земских, так и городских собраний по имущественному цензу; и, наконец, в-третьих, практику как древней Церкви, так в особенности отечественной до Петра Великого церковной жизни, когда священнослужители близко стояли ко всем мирским учреждениям; и посему пришли к выводу, что участие священнослужителей в общественных учреждениях не только желательно, но и необходимо вообще — в целях наиболее успешного проведения в жизнь христианских начал, в частности же таковое необходимо по отношению к сельским собраниям — в целях прямого влияния вне церковной кафедры на умиротворение разных семейных, нравственных и имущественных недоразумений, на устройство разных благотворительных и просветительных учреждений в данной местности, не говоря о делах, касающихся храма и его служителей; по отношению к земским и городским собраниям — в тех же целях прямого влияния на решение вопросов, касающихся уже целого края или города; причем желательно было бы возобновить положение 1864 года по отношению к уездным земским собраниям, а по отношению к губернским — сохранить ныне существующее положение о депутатском представительстве от духовенства, независимо от выборных, так чтобы на губернских собраниях являлись священнослужители как выбранные по личному имущественному цензу, так и представители от духовенства, выбранные же по имущественному цензу церквей, как это постановлено по отношению к Государственной Думе в дополнении от 18 сентября.

Мнения корпораций Владимирской духовной семинарии и Владимирского духовного училища по вопросам о духовно-учебной реформе

Корпорации Владимирской семинарии и Владимирского духовного училища, по вопросам о реформе духовно-учебных заведений — семинарии и училища, в общем собрании своем пришли к следующему:

1. Выделить специально богословские предметы, необходимые для пастырского служения, в два особых высших класса (нынешние V и VI классы семинарии), в которые переходят после выпускных экзаменов нынешнего IV класса, заканчивающего среднюю общеобразовательную школу, те из воспитанников семинарии, которые желают посвятить себя пастырскому служению.

2. Нынешним IV классом семинарии закончить среднюю общеобразовательную школу, для чего объединить нынешние первые 4 класса семинарии с 4-мя классами духовного училища. В видах многих неудобств отделения четырех классов семинарии для соединения с четырьмя классами духовного училища, чтобы образовать особую от богословских курсов школу по типу нынешних восьмиклассных светских гимназий (неравномерность возраста, неподготовленность помещений, неудобства и дальность путей расстояния, ибо всем бы пришлось и малых детей возить на далекое расстояние), оставить нынешние духовные училища с их 4-годичным курсом и нынешние первые 4 класса семинарии в соединении с двумя последними. Не уничтожая нынешних училищ и семинарии, единство общеобразовательной школы в училище и первых четырех классах семинарии выразить внесением в курс нынешнего духовного училища преподавания естественной истории (по 3 урока в III и IV классах) и новых языков (в I кл. — 4, во II кл. — 3, в III кл. — 2, в IV кл. — 2), — предметов, считаемых корпорациями необходимыми для школы общеобразовательной и удобно усвояемыми детьми младшего возраста. То же единство выражается и тем, что в IV классе духовного училища вводятся 4 урока алгебры.

3. В видах скорейшего ознакомления детей с отечествоведением в училищный курс вводится преподавание отечественной истории в кратком, элементарном виде. Знание же фактической стороны отечественной истории послужит основанием для более сознательного усвоения ее и в семинарии.

4. Кроме вышеуказанных нововведений, в курсе духовного училища решено упразднить нынешний устав богослужения, как имеющий специальное назначение, оставив лишь, совместно с катехизисом, краткое объяснение богослужения. Самый катехизис преподавать в кратком виде и переделать. Церковно-славянский язык сократить до пределов курса Ильминского. Географию начать преподавать с I класса, с отнесением физической и математической географии на конец курса в IV классе. В церковном пении преподавать общеупотребительные местные напевы и считать необходимым знание круглой ноты. Ввести, как необязательные предметы, черчение и рисование.

Таким образом, схема предметов и уроков училищного курса будет такова:

ПРЕДМЕТЫ	КЛАССЫ				Общее число уроков
	I	II	III	IV	
Священная история	3	3	—	—	6
Катехизис с объяснением богослужения	—	—	3	3	6
Русский с церковно-славянским языком	6	5	5	4	20
Арифметика	3	3	3	2	11
Алгебра	—	—	—	4	4
География	2	2	2	2	8
Отечественная история	—	—	3	2	5
Естественная история	—	—	3	3	6
Латинский язык	—	2	4	4	10
Новые языки	4	3	2	2	11
Чистописание	2	2	—	—	4
Церковное пение	2	2	1	1	6
Всего	**22**	**22**	**26**	**27**	**97**

5. В учебном курсе нынешних 4-х классов семинарии расширить преподавание общеобразовательных предметов словесных, математических и исторических и ввести новые предметы — законоведение, педагогику, гигиену и новые языки. На словесность в I классе уделяется 5 уроков с тем, чтобы здесь была закончена теория словесности без перенесения ее во II класс семинарии; во II классе (4 урока) должна преподаваться литература (до Екатерин. времени), с сокращением изучения древней письменности; в III классе (4 урока) — со времени Екатерины до Гоголя включительно; в IV классе (4 урока) — новейшая литература. Выражено желание изучения главных произведений европейской литературы, с добавлением, если понадобится, одного урока в IV классе. Математику уравнять почти до пределов нынешнего гимназического курса, почему ввести в курс преподавание тригонометрии и космографии, расширить вообще курс науки и соответственно этому увеличить число уроков, уделив на математику, кроме 4-х уроков в духовном училище, в I классе — 3, во II классе — 5, в III классе — 4 и на физику в III классе — 2, в IV классе — 3, всего 17 уроков, а с училищными 21 урок. По гражданской истории прибавить 4 урока — по два урока во II и III классах, для преподавания отечественной истории параллельно с общей гражданской историей. На законоведение назначить 3 урока в IV классе, на педагогику 2 урока в том же классе, на гигиену 2 урока в III классе, на новые языки по три урока в I и II классах. Выражено желание предоставить желающим из воспитанников возможность изучать оба новые языка, для чего не назначать уроков одновременно.

6. Так как первые четыре класса семинарии, при своем общеобразовательном характере, будут служить для многих из воспитанников, не желающих изучать специально богословские курсы, окончанием семинарского обра-

зования, то признано необходимым, чтобы они имели знакомство со Священным Писанием, потребным для каждого христианина. Ввиду обширности объема предмета решено уделить на Священное Писание в I классе 5 уроков с тем, чтобы здесь пройдены были законоположительные и исторические книги Ветхого Завета, во II классе — 4 урока на книги учительные, в III классе — 3 урока на книги пророческие; в IV классе должен изучаться Новый Завет, на который назначается 3 урока с тем, чтобы, в случае невозможности ознакомления со всеми новозаветными книгами, были изучены здесь Евангелие и Деяния Апостольские.

7. Первые 4 класса семинарии, будучи общеобразовательными, в то же время являются и подготовительными для имеющих поступить на богословские курсы. Поэтому здесь вводится, несмотря на исключение из училищного курса, не имеющий особого значения для общеобразовательной школы греческий язык в количестве 12 уроков, по 3 урока в I и II классах, 4 — в III классе и 2 — в IV классе. Изучение ограничивается пределами подготовки к умению понимать новозаветный текст и святоотеческие писания. В тех же целях оставлено здесь по одному уроку церковного пения и предоставлено желающим изучать еврейский язык, сделанный необязательным.

8. Латинский язык оставлен в сокращении сравнительно с прежним, ввиду признания общим собранием достаточности уделенного для него количества уроков в семинарии и училище для приобретения тех познаний, которые требуются для поступления в высшую светскую школу. На философию уделено 4 урока с тем, чтобы изучалась история философии.

9. В специально богословских — V и VI классах семинарии решено прежде всего увеличить число уроков по Священному Писанию и церковной истории как основным предметам для пастыря. На тот и другой предмет уделяется по 6 уроков в V и VI классах с тем, чтобы на 6 уроках по Священному Писанию в V классе был вкратце повторен курс по Священному Писанию Ветхого Завета, а на 6 уроках в VI классе повторены Евангелие с Деяниями Апостольскими и пройдены Апостольские послания, причем, по мнению некоторых членов собрания, повторение и прохождение вновь могли бы вестись параллельно. Общая церковная история проходится параллельно с русской церковной историей, причем на общую историю в том и другом классе назначается по 4 урока, на русскую — по 2 урока. Число уроков по расколу сокращается. В V классе остается 2 урока для прохождения истории раскола и сектантства, в VI — 3 урока для полемики с расколом и сектантством. Обличительное богословие, как особый предмет, уничтожается и присоединяется к догматическому богословию. Последнее переносится на VI класс с 6 уроками. Нравственное богословие получает название христианской этики и не должно иметь прежней схоластичности. Вводится патристика с 3 уроками в VI классе. К литургике присоединяется церковная археология, и весь предмет преподается в V классе при 5-ти уроках. На гомилетику уделяется 2 урока в V классе. Теория гомилетики должна быть сокращена, и должны быть изучаемы образцы гомилетических произведений. Вводится каноника по 2 урока в V и VI клас-

сах, вместо практического руководства. Дидактика имеет 2 урока и основное богословие 3 урока в V классе.

Таким образом, схема предметов и уроков в семинарии получается такая:

ПРЕДМЕТЫ	КЛАССЫ						Общее число уроков
	I	II	III	IV	V	VI	
Словесность и литература	5	4	4	4	—	—	17
Общая гражд. История	3	3	2	—	—	—	8
Русская гражд. История	—	2	3	—	—	—	5
Законоведение	—	—	—	3	—	—	3
Философия	—	—	—	4	—	—	4
Психология	—	—	—	3	—	—	3
Педагогика	—	—	—	2	—	—	2
Логика	—	—	2	—	—	—	2
Математика	3	5	4	—	—	—	12
Физика	—	—	—	5	—	—	5
Гигиена	—	—	2	—	—	—	2
Греческий язык	3	3	4	2	—	—	12
Латинский язык	2	2	2	—	—	—	6
Новые языки	3	3	—	—	—	—	6
Церковное пение	1	1	1	1	1	1	6
Еврейский язык	н е о б я з а т е л ь н о						2
Священное Писание	5	4	3	3	6	6	27
Основное богословие	—	—	—	—	3	—	3
Догматическая этика	—	—	—	—	—	6	6
Христианская этика	—	—	—	—	—	2	2
Патристика	—	—	—	—	—	3	3
Общая церковная история	—	—	—	—	4	4	8
Русская церковная история	—	—	—	—	2	2	4
История и обличение раскола и сектантства	—	—	—	—	2	3	5
Литургика и церковная археология	—	—	—	—	5	—	5
Гомилетика	—	—	—	—	2	—	2
Каноническое право	—	—	—	—	2	2	4
Дидактика	—	—	—	—	2	—	2
Всего	**25**	**27**	**27**	**27**	**29**	**29**	**164** и 2 урока по еврейскому языку

Из приложенных схем видно, что нынешнее число уроков (не более 24) — для многих классов семинарии и училища недостаточно. Поэтому собранием высказано мнение о необходимости нынешние часовые уроки сократить до 50 минут с перерывом между уроками в 10 минут; после 3-го урока делать большую получасовую перемену, так что все 5 уроков, при начинании их в 9 часов, будут оканчиваться в 2 часа 10 минут. При таком количестве уроков будет возможно избегнуть так нежелательных и неудобных послеобеденных уроков.

Наряду с распределением и назначением предметов и уроков, на общих собраниях обеих корпораций высказано было много мнений и желаний касательно характера преподавания, экзаменов и вакационных сроков, материального обеспечения учащих и, наконец, самого строя духовно-учебных заведений и участия их в разработке духовно-учебной реформы.

1) Предоставить в преподавании большую свободу, не требуя от преподавателя обязательного спроса известного количества учеников с обозначением балла за ответ: поверку данного урока предоставить производить самому преподавателю по его усмотрению. Сам характер преподавания применять к возрасту и пониманию учащихся и, например, в V и VI классах семинарии ввести лекционный способ преподавания и право назначать репетиции. Балльную систему и разрядные списки уничтожить, отмечая только удовлетворительность и неудовлетворительность ответов. Для того, чтобы преподаватель лучше знал учеников и их познания, ограничить число учеников в классе 30.

2) Допустить приемные экзамены только в училище, предоставляя оканчивающим курс училища переходить в семинарию без выпускного экзамена по годовым успехам. Выпускные экзамены иметь только для оканчивающих IV и VI классы семинарии, так как в IV классе кончается школа общеобразовательная, в VI — специальные богословские курсы. Переводных экзаменов вообще не делать и предоставить педагогическим советам право оставлять малоуспешных без экзамена на повторительный год и назначать малоуспешным экзамены после вакации (не более как по двум предметам), по усмотрению совета. Желательно более раннее окончание занятий перед летом (к 1-му июня) и более раннее начатие их после лета, с тем, чтобы в рождественской трети, длинной и утомительной, сделать перерыв занятий с 15 октября по 1 ноября.

3) Много пожеланий высказано относительно материального вознаграждения учащих в духовно-учебных заведениях. Нормальное количество уроков иметь 15 с вознаграждением в 1500 руб., а за добавочные назначать вознаграждение по 75 руб.; за чтение сочинений, заведование физическим кабинетом и библиотекой назначить особое вознаграждение. Старшие оклады уничтожить. Ввести пятилетние прибавки; иметь полупенсии и получение пенсии на действительной службе. По размеру вознаграждения лиц с семинарским образованием уравнять с лицами академического образования.

4) Наконец, выражено желание введения выборного начала по отношению к начальствующим лицам на пятилетний срок без обязательства принятия священного сана, а также рассмотрение и разработка духовно-учебной реформы при участии избранных преподавателей для того, чтобы реформа была результатами действительной совместной работы лиц, всего ближе соприкосновенных с духовно-учебным делом и потому всего более в нем заинтересованных.

№17,
преосвященного Питирима, епископа Курского,
от 23 ноября 1905 года

По вопросу о том, насколько необходимо в настоящее время Высочайшее соизволение на укрепление за церквами и монастырями недвижимых имуществ

При решении вопроса о том, насколько необходимо в настоящее время испрошение Высочайшего соизволения на укрепление за церквами и монастырями недвижимых имуществ, необходимо прежде всего обратить внимание на то, когда и по какому поводу монастыри и церкви лишены права на свободное приобретение недвижимых имуществ. Из истории видно, что еще в XIV веке, при развитии Московского государства, вопрос о существовавших тогда церковных вотчинах получил государственный характер. От чрезвычайно быстрого возрастания монастырских вотчин у правительства стала уходить из рук земля, которая нужна была ему для раздачи служилым людям. Притом же, на льготные монастырские земли уходило много крестьян с земель служилых людей, которые от этого беднели и затруднялись нести государственную службу. Высшее боярство, сила которого основывалась главным образом на вотчинном владении, носившем еще следы удельного характера, и которое приписывало себе своего рода держание земли совместно с единым русским самодержцем, было сильно встревожено, увидав перед собой все более и более возраставшее значение новых державцев земли — монахов, и всеми силами принялось противодействовать их усилению. Вследствие таких обстоятельства со времени Иоанна III в правительственных сферах с особенной энергией стала развиваться мысль об ограничении вотчинных прав монастырей и вообще церковных учреждений. На первый раз, при покорении Новгорода, пользуясь правами завоевателя, великий князь раздал служилым людям несколько владычных и монастырских земель Новгородской области. Тот же великий князь стал настаивать, чтобы более знатные служилые роды не отказывали своих вотчин в монастыри без особого разрешения Государя. При Иоанне Грозном, на Стоглавом Соборе, было положено более общее правило, чтобы новые вотчины владыкам и монастырям никаким способом не приобретать без согласия царя. В 1580 году, по случаю сильного истощения государства от войн, был созван Собор о монастырских вотчинах, и на нем было положено: села, завещанные монастырям на помин души, отдавать обратно родственникам завещателя с тем, чтобы последние вознаграждали монастырь деньгами по цене завещанных сел. При царе Алексее Михайловиче составлялось новое Уложение, которое должно было неизбежно коснуться прав иерар-

хии, и это Уложение воспретило уже безусловно всякое увеличение церковных вотчин, причем некоторая часть наличных церковных земель была отписана в казну вследствие того, что по жалобам тяглых людей беломестцы, особенно духовные и их люди, селились около городов слободами, отбивали от них торги и промыслы, а сами никаких податей не платили. При Петре I церковные вотчины перешли в управление монастырского приказа, который в царствование Анны Иоанновны, будучи переименован в коллегию экономии, перешел в ведение Сената. Но императрица Елизавета Петровна опять отдала все церковные вотчины в руки духовенства. Наконец, Петр III сделал решительный шаг, распорядившись включить все церковные вотчины в общий состав имуществ государственных, а на содержание церковных учреждений и лиц определить штатное жалованье. Намерение Петра III в окончательной форме осуществила преемница его, императрица Екатерина II, которая для окончания этого дела созвала комиссию из духовных и светских лиц, и в 1764 году эта комиссия все церковные вотчины передала в государственное ведомство под именем экономических, а архиерейские дома и монастыри были снабжены соответствующими окладами жалованья, с прибавкой известного количества земель и разных угодий. Затем, в 1786 году, церковные земли были секуляризованы и в Малороссии. В 1788 году сделаны соответствующие распоряжения о монастырских вотчинах губерний Харьковской, Екатеринославской, Курской и Воронежской. Наконец, по присоединении к России Западного края и Закавказья, населенные церковные земли в разное время (при Николае I и Александре II) отобраны и там, с приличным за них вознаграждением духовенства из казны.

Из приведенных выше исторических данных видно, что мотивы к отобранию от монастырей и церквей земельных угодий и к лишению монастырей и церквей права на свободное приобретение этих угодий были чисто государственные. Государство частью само нуждалось в земельных угодьях для раздачи их служилым людям, частью служилые люди нуждались в земле, дабы иметь возможность безнуждно исполнять государственную службу, а частью духовные люди, имея землю, селились около городов и отбивали у горожан промыслы, не платя сами никаких повинностей. Все эти мотивы уже в 1805 году, видимо, стали утрачивать свое значение в глазах правительства. В этом году было возбуждено ходатайство Амвросием, митрополитом Новгородским, о разрешении Перекопскому монастырю, Новгородской епархии, приобрести подворье, и Государь Император беспрепятственно согласился на это. Затем, в 1810 году, был поставлен принципиальный вопрос о том, возможно ли монастырям приобретать в собственность земельные угодья, и при разрешении этого вопроса Высочайшей властью было усмотрено, что приобретение некоторых статей, по местному их положению, может быть весьма полезным для монастырей, особенно для тех, кои не могли получить от Короны всех угодий, по штатам им предоставленных. А потому было постановлено: на будущее время, всякий раз, когда по надобностям монастырей будут предстоять покупки ими земельных угодий, испрашивать на сие Высочайшее соизволение,

посредством чего, как сказано в указе Министра Юстиции Правительствующему Сенату, от 29 мая 1810 года за № 24 246, частные только исключения сделаны быть могут в общем законе, и всегда можно будет удовлетворять желаниям монастырей соответственно подлинным их надобностям. В 1819 году такое же правило было введено и для приобретения земель в собственность приходских церквей. В 1841 году, при издании Устава консистории, в нем уже появляется статья (112, по изданию 1883 года 106), предусматривающая право церквей и монастырей приобретать земли безотносительно к их имущественному состоянию, однако же с Высочайшего всякий раз соизволения. Наряду с этим в гражданских законах появляются статьи, предоставляющие право гражданскому суду самому утверждать духовные завещания, коими передаются в собственность церквей и монастырей земельные угодья. Переходя к настоящему времени, нельзя не видеть, что теперь испрошение Высочайшего соизволения на укрепление за церквами и монастырями различных земельных угодий обратилось в простую формальность. Обычно в этих случаях теперь собираются документы, определяющие права жертвователя на распоряжение жертвуемым имуществом и устанавливающие беспрепятственность укрепления земли за церковью или монастырем со стороны тех данных, какие требуются и при приобретении недвижимого имущества частным лицом, т. е. со стороны отсутствия на жертвуемой земле споров, исков, запрещений, взысканий и недоимок. С этими именно данными вопрос об укреплении за церковью или монастырем жертвуемой земли ныне восходит на Высочайшее воззрение. Следовательно, основной государственный мотив — опасение, чтобы через постоянное приобретение земельных угодий церкви и монастыри не приобрели преобладающего экономического значения в государстве, — ныне отошел на задний план и не принимается во внимание Высочайшей властью. Не принимаются во внимание и другие государственные мотивы к ограничению имущественных прав монастырей, о которых упоминалось выше, по абсолютному несоответствию их современным условиям государственной жизни, так как ныне само государство в земельных угодьях не нуждается, людей, которые отбывали бы государственную службу за землю, в государстве нет, и, наконец, по действующим узаконениям все дарственные на церкви и монастыри земли, превышающие установленную норму, не изъяты из обложения государственными повинностями. Несомненно, этим только и можно объяснить, что в настоящее время не бывает никогда случаев Высочайшего отказа в разрешении на укрепление за церквами и монастырями приобретаемых ими земель. Наконец, с изданием Высочайшего манифеста 17 октября сего 1905 года, когда гражданские права каждого лица сделались абсолютно свободными, какие бы то ни было ограничения как для лиц, жертвующих церквам и монастырям земельные угодья, так и для церквей и монастырей, принимающих жертву, представляются уже совсем несовместимыми с приведенным актом Высочайшей воли.

Итак, в настоящее время, по-видимому, возможно было бы укреплять за церквами и монастырями приобретаемые ими земельные угодья без Высо-

чайшего соизволения, как акта, практически потерявшего свое государственное значение.

Исключение из этого может быть допустимо только в одном случае, а именно: когда жертвователь пожелает передать в собственность церкви или монастыря имущество, доставшееся ему по наследству. На основании 967 ст. 1 ч. X т. Свода Закон., родовое имение дарить родственникам или чужеродцам, мимо ближайших наследников, запрещается. Поэтому, до изменения вышеозначенной статьи, в случае пожертвования кем-либо на церковь или монастырь родового имения, необходимо Высочайшее соизволение на принятие и укрепление за церковью или монастырем этого имения, в изъятие указанной статьи закона.

Что касается вообще порядка приобретения церквами и монастырями недвижимых имуществ, а равно и порядка продажи ими сих имуществ, то о них можно сказать следующее. По действующим ныне узаконениям, все казенные учреждения приобретают в свою собственность недвижимые имущества тем самым порядком, какой существует для торговых учреждений и частных лиц. Так как, на основании 1282 ст. Уст. гражд. суд., дела церквей и монастырей причисляются к разряду дел казенного управления, то, следовательно, и к ним можно было бы прилагать этот общий порядок приобретения недвижимой собственности, установленный законом для торговых учреждений и частных лиц; причем, имея в виду двоякий способ приобретения церквами и монастырями имуществ — путем дара и путем покупки, юридическая санкция для этих приобретений могла бы быть установлена двоякая: в первом случае (при приобретении путем дара) она всецело может принадлежать епархиальному начальству, а во втором (при приобретении путем покупки), применительно к требованиям 118 ст. Уст. о казенных подрядах и поставках, она может быть разграничена между Святейшим Синодом и епархиальным начальством, и последнему она может принадлежать при условии, если ценность приобретаемого имущества не будет превышать суммы 10 000 рублей. Затем, при продаже церквами и монастырями недвижимой собственности, может быть полностью приложен порядок, определенный для городских и других общественных учреждений 1503 ст. 1 ч. X т. Свод. Зак., применительно к которому контроль за продажей церковной и монастырской собственности может быть сосредоточен в Духовном Ведомстве и распределен между епархиальным начальством и Святейшим Синодом в пределах стоимости продаваемого имущества. При этом юридическими лицами продаваемых имуществ должны признаваться учреждения, в пользовании коих находятся эти имущества, как-то: церкви, монастыри, учебные заведения, благотворительные братства, миссионерские и другие церковные общества и т. п. Те же собственности, распорядителем которых является епархиальный съезд, например свечные заводы и разного рода прибыльные статьи, должны иметь по-прежнему юридическим собственником епархиальное начальство, ввиду охранения их от излишнего расхищения. Опыт показал, что чем более подобные собственности имеют хозяев в лице депутатов, ревизоров и управителей, назначаемых епархиаль-

ным съездом, тем большему расхищению они подвергаются. Съезд, нередко встречаясь даже с чисто уголовными делами по растрате значительных сумм на свечном заводе, избегает заводить судебные преследования против виновных, избегает даже жаловаться на них епархиальному архиерею, и, таким образом, где епархиальный архиерей сам не следит за этими отраслями епархиальной жизни, там в большинстве случаев духовенство, или вернее Поместная Церковь, обкрадывается на этом главном источнике своей доходности. А потому, для большого контроля за подобными статьями доходности, безусловно необходимо иметь юридическим собственником их епархиальное начальство.

№ 18,
преосвященного Димитрия, архиепископа Казанского,
от 29 ноября 1905 года

Предположения Казанского епархиального начальства об усовершенствовании духовных школ

Принимая во внимание наличность ненормальных и нежелательных явлений в церковно-общественной жизни как результат несовершенства в строе духовных школ, отдел, рассматривавший вопрос об усовершении духовных школ, признал необходимым реформировать последние применительно к требованиям современной церковно-общественной жизни. Ввиду того, что современная жизнь предъявляет не меньшие, а еще бóльшие требования к развитию и образованности пастырей Церкви, не может быть и речи о какомлибо понижении или сокращении общеобразовательного курса в духовных школах. Отсюда, предположение об устройстве богословских училищ, с сокращенным общеобразовательным курсом, которые служили бы исключительно для приготовления кандидатов на священноцерковнослужительские должности, не может быть признано желательным, как не отвечающее ни интересам Церкви, ни требованиям современной жизни. Что касается типа духовных школ, то отдел, не уничтожая совершенно сословно-профессионального характера духовных училищ и семинарий, дабы через то не лишить их права на получаемое ими ныне весьма значительное пособие от Церквей и тем не отнять у бедного сельского духовенства всякой возможности к воспитанию и образованию его детей, признает желательной такую организацию духовных школ, которая, с одной стороны, давала бы доступ в духовную школу лицам, обучающимся в других церковных и светских школах и желающим, по своему настроению и влечению, посвятить себя церковному служению, с другой — открывала бы и выход из духовной школы тем из ее питомцев, кои не почувствуют в себе призвания к пастырскому служению. Посему, высказываясь за сохранение существующего типа духовных школ, отдел в то же время признает желательным в нем такие изменения, которые приближали бы их к духовным школам до реформы 1884 года, причем место общеобразовательным предметам в семинариях было бы дано в первых 4-х классах, а большая часть богословских предметов была бы сосредоточена в двух старших классах. Переходя, в частности, к рассмотрению вопроса об усовершении низшей, средней и высшей духовных школ в учебно-воспитательном и административном отношениях, отдел признал заслуживающими уважения следующие соображения и желательными следующие изменения.

А) Духовные училища

I. Учебная часть

Существенными недостатками учебного плана, принятого в настоящее время в мужских духовных училищах, из которых немалое число детей вступают прямо в действительную жизнь, являются: а) полное отсутствие в учебном плане хотя бы элементарного курса общей церковной и русской церковной и гражданской истории, вследствие чего дети, лишенные почему-либо возможности продолжать образование в духовной семинарии, вступают в жизнь без всяких сведений по этим предметам; б) полное отсутствие в учебном плане хотя бы элементарного курса живых иностранных языков, которое является серьезным препятствием для основательного ознакомления с этими языками в духовной семинарии; в) отсутствие начальных оснований алгебры и особенно геометрии, элементарный курс которой существенно необходим особенно для тех учеников, которые не имеют возможности продолжать образование в духовной семинарии; г) отсутствие хотя бы элементарного курса черчения и рисования. Чтобы дать место перечисленным предметам в учебном плане духовных училищ, по мнению отдела, полезно было бы освободить учеников духовных училищ от изучения весьма трудного для них греческого языка, начав это изучение с первого класса духовной семинарии, и сократить число уроков латинского языка, назначив на этот язык вместо теперешних 16-ти только 7-м уроков в неделю. Примерная таблица уроков, составленная применительно к изложенным выше основаниям, с указанием разницы ее по сравнению с действующим теперь учебным планом, может быть представлена в таком виде:

Название предметов	Число учебных часов в неделю по проектируемому учебному плану					Число учебных часов по действующему учебному плану (в неделю же)					Разница между означ учебными планами	
	I кл	II кл	III кл	IV кл	Итого	I кл	II кл	III кл	IV кл	Итого	Прибавлено	Убавлено
Закон Божий (с общей и русской церковной историей)	4	4	4	3	15	3	3	3	3	12	3	—
Русский язык	6	4	4	3	17	10	3	3	3	19	—	2
Греческий язык	—	—	—	—	—	—	5	5	6	16	—	16
Латинский язык	1	2	2	2	7	—	5	6	5	16	—	9
Немецкий язык	—	—	—	4	4	—	—	—	—	—	4	—
Французский язык	—	—	2	2	4	—	—	—	—	—	4	—
Математика	5	4	3	3	15	4	3	2	2	11	4	—
География	—	4	2	2	8	—	—	3	3	6	2	—
История	—	—	4	3	7	—	—	—	—	—	7	—
Черчение и рисование	2	2	1	—	5	—	—	—	—	—	5	—
Пение	3	2	1	1	7	4	2	1	1	8	—	1
Чистописание	2	1	—	—	3	2	2	—	—	4	—	1
Итого	**23**	**23**	**23**	**23**	**92**	**23**	**23**	**23**	**23**	**92**	**29**	**29**

Один из членов отдела, г. Морев, высказался против уменьшения числа уроков церковного пения в духовном училище и семинарии и предлагал наоборот, увеличить число оных. Кроме того, г. Морев преподавание одного (церковного) обиходного пения считает для учеников недостаточным и желает ввести и уроки светского пения, которое, по его мнению, имеет высокое значение для развития самой техники пения и могло бы сослужить полезную службу и для усовершенствования пения церковного. Вместе с пением необходимо в духовных училищах обратить особенное внимание на *выразительность церковного чтения*. Оно вместе с пением составляет одно из важнейших условий благолепия церковной службы и средств возбуждения молитвенного настроения.

II. Часть воспитательная

Для успешного осуществления воспитательных целей, по мнению отдела, необходимо прежде всего участие в деле воспитания всех преподавателей; желательно, чтобы они посещали училище не только для классного преподавания в утренние часы, но и для воспитательного воздействия на них и сближения с ними во время, свободное от классных учебных занятий. Особенно желательно было бы видеть преподавателей вместе с учениками в училищном храме и общежитии во время вечерних занятий. Что касается ближайшего надзора за поведением учеников, то, помимо смотрителя и его помощника, желательно иметь особых классных надзирателей, по одному для каждого класса, из лиц с высшим образованием, обеспечив их в материальном отношении настолько, чтобы они не стремились как можно скорее оставить свою должность для занятия другой, более обеспеченной. Для привлечения таких лиц на должность надзирателей было бы полезно назначить им на первое пятилетие службы жалованье несколько выше первого оклада, получаемого преподавателями, например 900 руб. вместо 750 руб., с прогрессивным увеличением этого жалованья по пятилетиям, так чтобы оно не было ниже жалованья преподавателей, прослуживших одинаковое число лет с классным надзирателем. От таких более или менее постоянных классных надзирателей, переходящих вместе со своими воспитанниками из класса в класс до выхода воспитанников из училища, можно было бы ожидать и требовать не одного только надзора за внешним порядком школьной жизни, которым доселе ограничивались почти все без исключения надзиратели, не исключая и занимавших иногда эту должность лиц с высшим образованием, — но и ознакомления с характером, наклонностями, индивидуальными особенностями и вообще с внутренним миром каждого из питомцев, а равно и воспитательного воздействия на их внутреннюю жизнь.

В составе лиц воспитательного и учебного персонала в каждом духовном училище должно быть по крайней мере одно лицо, облеченное духовным саном, которое и должно быть настоятелем училищной церкви.

К занятию должности классного надзирателя, кроме лиц с высшим образованием, могут быть допускаемы лица и со средним образованием, имеющие искреннее расположение к педагогической деятельности.

III. Часть административная и экономическая

Собрания правления в мужских духовных училищах должны быть, как и теперь, двух родов: а) по педагогической и б) экономической части. Желательно, чтобы на первых при обсуждении всех вопросов присутствовали все преподаватели и надзиратели училища и члены правления от духовенства, а на вторых — смотритель, помощник смотрителя, не менее двух членов правления от духовенства, один преподаватель по выбору педагогического собрания и эконом, а при решении более важных экономических вопросов, например о предоставлении бесплатного содержания воспитанникам, кроме вышеупомянутых лиц — все остальные преподаватели и надзиратели училища. Делопроизводство на собраниях педагогических должно быть возложено на одного из преподавателей, а на экономических — на эконома. Желательно, чтобы последний, а равно и один по крайней мере из письмоводителей канцелярии правления училища, состояли в штате служащих училища.

Касательно порядка назначения училищной администрации отдел полагал бы за лучшее, чтобы смотритель училища и его помощник выбирались преподавателями училища и представителями от окружных съездов духовенства в количестве, не превышающем числа участвующих в выборах преподавателей, из лиц с академическим образованием, бессрочно, и утверждались Святейшим Синодом.

Б) Духовные семинарии

I. Часть учебная

Как результат своих рассуждений касательно учебной части в духовных семинариях, отдел представляет следующий проект распределения учебных предметов в духовных семинариях, с пояснительными к нему примечаниями:

Расписание учебных предметов для семинарий с							
Название предмета	По уставу 1867 года						
	I кл	II кл	III кл	IV кл	V кл	VI кл	Итого во всех классах
Изъяснение Св Писания — Ветхий Завет	2	2	3	3	—	—	16
Изъяснение Св Писания — Новый Завет	—	—	—	—	3	3	
Русская словесность с историей литературы	3	3	—	—	—	—	6
Греческий язык	5	5	5	5	2	2	24
Латинский язык	4	3	4	4	—	—	15
Французский язык / Немецкий язык	2	2	2	—	—	—	6
Математика	3	4	4	—	—	—	11
Физика с космографией	—	—	—	4	—	—	4
Гражданская история, всеобщая и русская	3	3	2	—	—	—	8
Психология	—	—	—	2	—	—	2
Логика	—	—	2	—	—	—	2
Обзор философских учений	—	—	—	4	—	—	4
Библейская и церковная история, всеобщая и русская	—	—	—	—	6	3	9
Литургика	—	—	—	—	3	—	3
Гомилетика	—	—	—	—	4	2	6
Основное богословие	—	—	—	—	3	—	3
Догматическое богословие	—	—	—	—	—	6	6
Нравственное богословие	—	—	—	—	—	2	2
Обличительное богословие, история и обличение русского раскола	—	—	—	—	—	—	—
Практическое руководство для пастырей	—	—	—	—	—	3	3
Педагогика / Дидактика	—	—	—	—	1	1	2
Занятия в образцовой школе	—	—	—	—	—	—	—
Церковное пение	—	—	—	—	—	—	—
Декламация	—	—	—	—	—	—	—
Еврейский язык	—	—	—	—	—	—	—
Иконописание	—	—	—	—	—	—	—
Итого уроков в неделю	22	22	22	22	22	22	—
ПРИМЕЧАНИЯ:	[1] При изъяснении Св Писания Нового Завета (в V и VI классах) воспитанники под руководством преподавателя должны прочитать Евангелия и Апостольские послания по-гречески [2] Еврейский язык, церковное пение, иконописание, а также гимнастика полагаются вне классного времени.						

показанием числа уроков по каждому из них																	
По уставу 1884 года							По проектируемому расписанию							Разница с 1867 г.		Разница с 1884 г.	
I кл	II кл	III кл	IV кл	V кл	VI кл	Итого во всех классах	I кл	II кл	III кл	IV кл	V кл	VI кл	Итого во всех классах	Прибавлено	Убавлено	Прибавлено	Убавлено
4	2	4	3	—	—	19	3	3	3	3	—	—	19	3	—	—	—
—	—	—	—	3	3		—	—	3	4	—	—					
4	4	3	—	—	—	11	4	4	3	—	—	—	11	5	—	—	—
4	4	2	2	1	1	14	4	4	3	3	—	—	14	—	10	—	—
4	4	2	2	1	1	14	2	2	2	2	—	—	8	—	7	—	6
—	—	—	—	—	—	—	2	2	1	1	—	—	6	6	—	6	—
							2	2	1	1	—	—	6			6	
3	3	3	—	—	—	9	3	3	3	—	—	—	9	—	2	—	—
—	—	—	3	—	—	3	—	—	—	4	—	—	4	—	—	1	—
3	3	3	—	—	—	9	3	3	2	—	—	—	8	—	—	—	1
—	—	—	2	—	—	2	—	—	2	—	—	—	2	—	—	—	—
—	—	2	—	—	—	2	—	—	—	2	—	—	2	—	—	—	—
—	—	—	3	—	—	3	—	—	—	3	—	—	3	—	1	—	—
—	2	3	3	2	1	11	—	—	—	—	7	6	13	4	—	2	—
—	—	—	1	2	—	3	—	—	—	—	3	—	3	—	—	—	—
—	—	—	2	1	1	4	—	—	—	—	2	4	6	—	—	2	—
—	—	—	1	2	—	3	—	—	—	—	3	—	3	—	—	—	—
—	—	—	—	3	3	6	—	—	—	—	3	3	6	—	—	—	—
—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—		2	2	—	—	—	—
—	—	—	—	2	5	7	—	—	—	—	2	4	6	6	—	—	1
—	—	—	—	2	2	4	—	—	—	—	2	2	4	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	3	1	—	1	—
				1	1	2											
—	—	—	—	2	2	4	—	—	—	—	1	1	2	2	—	—	2
1	1	1	1	1	1	6	—	—	—	—	2	2	4	4	—	—	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	2	—	2	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	2	—	2	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	2	—	2	—
23	23	23	23	23	23	—	23	23	23	23	29	29	—	18	—	12	—

Французский, немецкий и еврейский языки, иконописание и гимнастика полагаются внеклассного времени.

Для воспитанников Казанской духовной семинарии обличение мухаммеданства и языческих суеверий чуваш и черемис, языки: татарский, чувашский и черемисский полагаются для желающих вместо древних языков.

Для пояснения представленной выше таблицы необходимо сделать следующие замечания:

1) Сделанные в проекте нового расписания учебных предметов перемены по сравнению с уставами 1867 и 1884 гг. приближают новое распределение к распределению 1867 г. с тем лишь различием, что уроки по Св. Писанию Нового Завета отнесены к III и IV классам вместо V и VI, как это было в расписаниях 1867 и 1884 гг. Перенесение уроков Св. Писания Нового Завета из V и VI в III и IV классы сделано с той целью, чтобы сообщить известную законченность курсу первых четырех общеобразовательных классов семинарии, а равно и ввиду того, что из всех богословских предметов Св. Писание заслуживает предпочтения и по своему общеобразовательному значению и по своей необходимости для обстоятельного изучения всех других богословских предметов в V и VI классах. Вместе с тем, широкая постановка преподавания Св. Писания в первых четырех классах сообщит и этим классам профессиональный оттенок, который всегда будет напоминать воспитанникам этих классов о том, что они готовятся к служению Церкви.

2) Число уроков по латинскому языку уменьшено на шесть по сравнению с уставом 1884 г., чтобы дать место для более широкой не только по сравнению с уставом 1884 года, но и по сравнению с уставом 1867 г. постановке живых иностранных языков, имеющих общепризнанное значение как в интересах общего образования, так и в интересах подготовки к изучению богословских наук в духовных академиях.

3) Число уроков по математике оставлено то же, что и по уставу 1884 г., но преподавание этого предмета может быть расширено по крайней мере до объема, в каком он преподавался до 1884 г., если только будет принято предложенное отделом расписание уроков для духовных училищ, где на начальные основания алгебры и геометрии назначено 4 часа в неделю.

4) Психология помещена ранее логики, как наука существенно необходимая для изучения последней.

5) Общее число недельных часов в V и VI классах увеличено по сравнению с уставом 1884 г. на шесть в каждом классе и доведено до 29 уроков в неделю, так что потребуется назначить в пять дней по пяти уроков и в один день четыре. Так как в этих классах обучаются ученики, по возрасту соответствующие студентам младших курсов высших учебных заведений, выслушивающих не менее пяти часовых лекций ежедневно, то упомянутое увеличение числа недельных часов не представит серьезных затруднений, особенно если принять во внимание, что пятые уроки могут быть заняты церковным пением, декламацией, еврейским языком и иконописанием, причем последние два предмета можно сделать и необязательными.

Примечание. При обсуждении изложенного выше проекта с пояснительными к нему замечаниями, некоторые из членов отдела (архимандрит Михаил, священник М. Источников и В. И. Беликов), соглашаясь в общем с проектом, высказались лишь против перенесения уроков по Св. Писанию Нового

Завета из V и VI в III и IV классы, признавая нецелесообразным оставить богословские классы без уроков по Св. Писанию и преподавать Новый Завет прежде, чем закончен будет курс Ветхого Завета, и не находя возможным признать, что уроки по библейской истории Ветхого и Нового Завета, положенные в V и VI классе в проекте, могут служить хотя бы некоторым возмещением уроков по Св. Писанию. Сверх того, теми же лицами высказано желание ввести, в видах подготовки к слушанию апологетики, преподавание естествознания в III и IV классах семинарии, с назначением на сей предмет 3-х уроков в III и 4-х в IV классе семинарии.

Я со своей стороны нахожу весьма желательным введение в семинариях преподавания патристики.

Рассуждая о программах и постановке преподавания учебных предметов в духовных семинариях, отдел признал желательным:

1) Сокращение существующих программ, так чтобы они представляли лишь самый необходимый и общеобязательный minimum знаний по известному предмету, а преподаватели, не связанные слишком обширной и излишне подробной программой, имели возможность проявить самостоятельность и инициативу при выполнении программы, а равно и время для повторения и общих обзоров содержания пройденных отделов.

2) Составление более кратких и в то же время более удовлетворительно изложенных учебников, которые заключали бы в себе соответственно программам общеобязательный minimum знаний, изложенный живым литературным языком.

3) Чтобы выбор учебников был предоставлен педагогическому совету семинарии.

4) Чтобы в преподавании исторических наук периоды, ближайшие к нашему времени, не только не упускались из виду, но изучались с особенной подробностью.

5) Чтобы при изучении книг Св. Писания Ветхого Завета книги учительные, как более трудные для понимания, имеющие по преимуществу философский характер, были поставлены после пророческих, которые по своему содержанию тесно связаны с книгами историческими.

6) Чтобы изучение истории литературы предшествовало изучению теории словесности, так как последняя представляет лишь обобщение и систематизацию определений, вырабатываемых путем изучения литературных произведений.

7) Наконец, отдел признал, что экзамены как средство для определения знаний учеников не достигают своего назначения, а как средство для объединения, систематизации и закрепления этих знаний в памяти учеников значительно уступают репетициям под руководством преподавателей, и потому должны быть отменены; следует лишь оставить экзамены после вакатов для неуспешных учеников, получивших не более двух годовых неудовлетворительных отметок, и, по усмотрению совета, экзамены для учеников, получивших три неудовлетворительных отметки, а также экзамены для тех из окон-

чивших курс в VI классе духовной семинарии, которые желали бы повысить в выпускном свидетельстве балл по тому или другому предмету.

II. Часть воспитательная

Рассуждая о постановке воспитательной части в духовных семинариях, отдел признал желательными следующие изменения в действующей ныне воспитательной практике:

1) Обязанности, исполняемые ныне помощниками инспектора, возложить на классных наставников, число которых должно соответствовать числу классов и отделений каждой семинарии, с назначением каждому из них добавочного содержания в размере до 240 руб. в год и казенной квартиры. Помимо постоянного наблюдения за воспитанниками вверенных их попечению классов и отделений, все классные наставники по очереди несут на себе обязанности дежурных воспитателей по всему учебному заведению или по отдельным общежитиям, если последние помещаются в различных зданиях.

2) Объединение воспитательных приемов классных наставников и высшее руководство их действиями должно принадлежать педагогическим советам во главе с ректором и инспектором.

3) Если бы замена должности помощника инспектора должностью классного наставника почему-либо признана была невозможной, то желательно, чтобы каждый из помощников инспектора имел хотя бы незначительное число уроков, преподавание которых могло бы дать ему известный авторитет в глазах учащихся, столь необходимый для успешного осуществления воспитательных целей.

4) В видах сближения преподавателей с воспитанниками и для устранения антагонизма между ними, как явления в высшей степени прискорбного, в корне подрывающего значение самых целесообразных педагогических мероприятий, было бы полезно поощрять устройство домашних чтений, литературных вечеров, научных рефератов и школьных представлений под руководством и при ближайшем участии преподавателей.

5) В тех же целях, а равно и для разумного наполнения досугов воспитанников и предупреждения нежелательных увлечений, желательно поощрение занятий искусствами: музыкой, рисованием, гимнастикой и т. п., а равно и более внимательное и участливое отношение преподавателей к внеклассному чтению учеников.

6) Для устранения взаимного недоверия и антагонизма между семьей и школой было бы полезно увеличить число членов правления от духовенства, с предоставлением им права свободного ознакомления с постановкой воспитательного дела путем посещения семинарии во внеклассное время, а с разрешения ректора — и во время классных занятий для присутствования на уроках с согласия преподавателей. В тех же целях сближения семьи и школы было бы полезно устраивать беседы по вопросам школьной жизни между корпо-

рацией преподавателей и родителями учеников, хотя бы в лице являющихся в епархиальный город на различные съезды представителей духовенства.

III. Часть административная и экономическая

В устройстве административной и экономической части в духовных семинариях отдел признал желательным:

1) Чтобы ректор семинарии был избираем корпорацией преподавателей и представителями от епархиального съезда духовенства в количестве, не превышающем числа преподавателей из лиц с академическим образованием в священном сане, бессрочно.

2) Чтобы инспектор избирался тем же порядком из наличного состава преподавателей, но без обязательства быть в священном сане, сроком не менее 3 лет.

3) Чтобы педагогическим собраниям предоставлено было более самостоятельности в определении различных подробностей касательно устройства педагогической, дисциплинарной и учебной части, например в решении вопросов об организации письменных работ, о пополнении библиотек, о приобретении учебных пособий, об организации внеклассного чтения и т. п.

4) В материальном отношении преподаватели духовных семинарий и училищ были бы сравнены с преподавателями средних светских учебных заведений.

5) Чтобы разрешено было принимать в богословские классы семинарии всех получивших среднее образование, без различия учебных заведений, где обучались желающие получить богословское образование, однако ж не иначе как с представлением одобрительных рекомендаций начальств тех заведений об их способностях и нравственных качествах.

6) Чтобы воспитанники, прошедшие общеобразовательные классы семинарии, были уравнены в правах на поступление в высшие учебные заведения с окончившими курс средних светских учебных заведений, а окончившие курс богословских классов, без различия разряда, получили право поступления в духовные академии.

В) Духовная академия

В отношении к духовным академиям отдел, оставляя в силе все основные положения ныне действующего устава от 1884 г., признал желательными изменения лишь в некоторых его частях и параграфах, в частности.

I. Часть учебная

Принимая во внимание многопредметность преподаваемых в академии наук, столь неблагоприятно отражающуюся на общем образовании и умственном развитии учащихся, отдел признал необходимым по возможности со-

кратить число общеобязательных предметов путем распределения некоторых из них по специальным группам и, после всех соображений, нашел возможным дать следующее распределение всем преподаваемым в академии наукам.

А. Предметы общеобязательные:

1. Свящ. Писание Ветхого и Нового Завета.
2. Основное богословие.
3. Догматическое богословие.
4. Нравственное богословие.
5. Педагогика.
6. Церковное право.
7. Общая церковная история.
8. Философия: а) логика, психология, метафизика и
   б) история философии.
9. Один из древних и один из новых языков.

Примечание. Новые языки, ввиду важности их для ученых работ, должны быть в числе общеобязательных предметов и при составлении списков студентов должны быть вводимы в общий счет наравне с прочими предметами.

Б. Первая (словесная) группа:

1. Патристика.
2. Русский и церковно-славянский языки (с палеографией) и история русской литературы.
3. Теория словесности и история иностранных литератур.
4. Еврейский язык и библейская археология.
5. Пастырское богословие и гомилетика.
6. Литургика и церковная археология.

В. Вторая (историческая) группа:

1. Библейская история.
2. История и обличение раскола.
3. История и обличение западных исповеданий.
4. Русская церковная история.
5. Общая гражданская история.
6. Русская гражданская история.

Г. Третья (миссионерская) группа (для Казанской академии):

Все предметы, обозначенные в уставе 1884 года.

Примечание. В видах приготовления преподавателей семинарии по математике и физике и преподавателей училищ по географии и арифметике, отдел признал желательным в одной из академий ввести преподавание физико-математических наук, а именно: 1) математику, 2) физику, 3) географию и 4) космографию.

II. Часть административная

Касательно административной части академического устава отдел имел суждение: 1) об отношениях епархиального преосвященного к академии и 2) об академической администрации.

В первом отношении, оставляя епархиальному преосвященному общее начальственное наблюдение за направлением и благоустройством академии, согласно ныне действующему уставу, отдел признал нужным яснее установить отношение его к совету, как органу с ним совещательному, и правлению, как органу исполнительному, сформулировав параграф 15 устава таким образом: «Епархиальный преосвященный, смотря по надобности, делает письменные предложения совету для обсуждения и исполнения».

Имея в виду, с одной стороны, ускорить течение дел академических, с другой — облегчить деятельность местного преосвященного, крайне обременяемую иногда маловажными академическими делами, отдел признал желательным некоторые из дел, подлежащих рассмотрению и утверждению епархиальными преосвященными, а также представляемых через него в Св. Синод, передать совету и правлению для окончательного их решения, или для непосредственного их сношения с Св. Синодом. В частности, следующие предметы занятий совета, представляемые, по ныне действующему уставу (§ 81 *б*), на утверждение епархиального преосвященного, предоставить совету на окончательное решение: 1) зачисление в студенты академии, увольнение по прошениям и исключение из академии: 2) назначение времени и порядка производства испытаний в академии; 3) распределение сумм на учебные пособия; 4) оставление при академии окончивших курс студентов, для приготовления к занятию преподавательских кафедр в оной, и назначение им содержания; 5) составление инструкции для библиотекаря; 6) составление правил о приеме студентов в академию и о переходе из одной академии в другую; 7) присуждение премий за ученые труды на предложенные от академии задачи. Из второй категории отдел полагал бы следующие дела предоставить непосредственному сношению между советом и Св. Синодом (§ 81 *в*): 1) распоряжения о вызове воспитанников семинарий в состав академических курсов; 2) предположения о распределении кончивших академический курс на учебно-воспитательные должности в духовных семинариях и училищах; 3) избрание в звание почетных членов академии; 4) избрание кандидатов на должности профессоров; 5) увольнение и удаление их; 6) удостоение степени магистра и доктора.

Соответственно вышеизложенному изменению в академическом делопроизводстве, отдел признал желательной следующую формулировку и в па-

раграфе 88 устава: «Все журналы совета направляются председателем соответственно § 81 *б* к непосредственному исполнению, или — § 81 *в* к представлению в Св. Синод на утверждение, или — § 81 *а* к епархиальному преосвященному на утверждение». По тем же соображениям предложена следующая формулировка параграфа 89: «Журналы по делам, относящимся до ученой деятельности академии, могут быть печатаемы вполне или в извлечении по усмотрению совета».

Таким же образом сокращено делопроизводство и правления, причем окончательному решению правления предположено передать следующие дела (§ 94 *б*): 1) рассмотрение инструкции для действий помощников инспектора и составление инструкций для действий врача; 2) предположения, касающиеся улучшения по хозяйственной части. А следующие дела предоставить непосредственному сношению между правлением и Св. Синодом (§ 94 *в*): 1) увольнение в отпуск ректора и инспектора свыше 29 дней; 2) составление смет по содержанию академии; 3) разрешение сверхсметных расходов свыше 1000 руб.; 4) заключение контрактов на подряды и поставки свыше 10 000 руб.; 5) дела о назначении пенсий и пособий служащим при академии. Соответственно сему, предположено следующее изменение в формулировке примечания к параграфу 94 *в*, 5: «Дела о назначении пенсий и пособий служащим в академии, равно касающиеся до отбывания воинской повинности студентов академии, представляются правлением обер-прокурору Св. Синода», а равно параграфа 98: «По всем делам, рассматриваемым в правлении, журналы оного представляются председателем епархиальному преосвященному или непосредственно в Св. Синод, соответственно роду дел и указаниям параграфа 94».

Кроме того, отдел занимался вопросом о способе решения дел в совете, преимуществах открытой и тайной подачи голосов (§ 87), и выслушал по этому поводу следующие соображения Я. А. Богородского: «Уставом 1869 г. для решения некоторых вопросов было узаконено закрытое голосование; уставом же 1884 г. оно совсем отменено, и по всем вопросам узаконено открытое голосование. Трудно сказать, который из этих двух видов голосования лучше, который из них более обеспечивает беспристрастное, добросовестное решение вопросов. При открытом голосовании свободная подача беспристрастного, чистосердечного мнения бывает иногда стеснена, но зато при нем стеснена и подача мнения, явно пристрастного и несправедливого. При закрытом голосовании беспристрастие ничем не стеснено, но зато оно дает полную свободу пристрастию и несправедливости. Что касается морального влияния того и другого вида голосования на подающих голос, то в этом отношении преимущество, по-видимому, находится на стороне открытого голосования. При нем является только соблазн угодить кому-нибудь, сделать приятное (начальству или приятелю); насолить же кому-нибудь неудобно, рискованно. При закрытом голосовании угодить никому нельзя: никто не знает, куда я положил свой шар; а если и скажу после, то могут не поверить. Но насолить безнаказанно — представляет великий соблазн. Открытое голосование приучает к откровенному выражению своих мнений, развивает твердость воли и гражданское му-

жество; закрытое приучает только скрывать свои мнения. Наконец, открытое голосование побуждает вникать в дело, изучать вопрос, предстоящий решению, чтобы иметь возможность отстаивать свои мнения; закрытое голосование не требует этого. Первое можно назвать зрячим голосованием, второе — слепым. Случалось, что человек подходил к баллотировочному ящику, не составив себе никакого определенного мнения (по лености мысли или потому, что во время обсуждения вопроса разговаривал с соседом о постороннем), и потому предоставлял дело решению судьбы. Для этого он, просовывая руку в баллотировочный ящик, не наклонял ее ни направо, ни налево, а опускал шар прямо, на ребро, разделяющее правую сторону от левой, и шар катился туда, куда его толкнула физика, без участия психики голосующего. От этого, вероятно, и происходило, что голосующие сами поражались иногда неожиданными для себя результатами голосования (раз, к своему ужасу, забаллотировали заслуженного профессора, и раз, к своему стыду, выбрали помощника секретаря). Если где-либо было бы полезно прибегать к закрытому голосованию, то разве там, где всего более могут быть задеты личные интересы и личное самолюбие. Так как из всех самолюбий авторское самолюбие, говорят, самое чувствительное, то, может быть, было бы полезно возвратиться к закрытому голосованию там, где приходится иметь дело с авторами и их рецензентами, а именно при присуждении профессорских премий за сочинения и при присуждении ученых степеней магистра и доктора». Одобрив изложенное мнение профессора Я. А. Богородского, отдел признал его заслуживающим осуществления в академическом уставе.

Остановившись на вопросе о назначении ректора и инспектора академии, отдел пришел к следующему соображению:

«Ректор назначается Св. Синодом из числа кандидатов, представляемых советом академии и местным епархиальным преосвященным, или из лиц, известных Св. Синоду своими способностями к занятию сей должности. Кандидаты эти могут быть как из монашествующего, так и из белого духовенства, и иметь степень доктора или магистра богословия.

Примечание. Желательно, чтобы ректор из лиц монашествующих был в сане епископа, но не был связан епархиальными делами, а из белого духовенства — в сане протопресвитера.

Инспектор назначается тем же порядком, как и ректор, из личного состава профессоров академии, но без обязательства быть в священном сане» (к §§ устава 20 и 32).

Оставляя за инспектором все определенные действующим уставом права и обязанности, отдел счел нужным пожелать изменения лишь касательно порядка оценки поведения студентов. Признавая последнюю актом особой важности и значения и желая придать ей наибольшее беспристрастие в глазах аттестуемых студентов, отдел счел нужным передать ее правлению и формулировать параграф 33 следующим образом: «Инспектор на основании наблюдения за студентами ведет записи замеченных за ними проступков и представ-

ляет их в конце года правлению, которое после надлежащего обсуждения и оценивает поведение студентов соответственными баллами».

III. Общие положения

1) Касательно возведения доцентов академии в звание экстраординарных профессоров и экстраординарных профессоров в ординарные отдел признал желательным, чтобы доценты, прослужившие в сей должности в академии 10 лет, возводились в звание экстраординарных профессоров, хотя бы вакансии экстраординарного профессора и не было, и, если бы по состоянию духовно-учебного капитала оказалось возвышение оклада жалования невозможным, то и без возвышения последнего, но с правом зачисления в пенсию по должности экстраординарного профессора и члена совета; чтобы экстраординарные профессоры, прослужившие в академии 25 лет, возводились в звание ординарных профессоров, хотя бы, при невозможности возвышения оклада жалования, с окладом и пенсией по званию экстраординарного профессора.

2) В вопросе о профессорских стипендиатах отдел заслушал доклад профессора Я. А. Богородского следующего содержания: «Учреждение профессорских стипендиатов имеет целью заблаговременное приготовление правоспособных кандидатов на занятие преподавательских кафедр в академии. Но установившийся на практике порядок этого приготовления кандидатов мало отвечает достижению цели. На самом деле студенты, оставляемые стипендиатами, употребляют почти весь свой стипендиатский год только на обработку, на исправления и дополнения своего курсового сочинения, признанного достаточным для получения степени магистра, но большей частью условно, т. е. под условием исправлений и дополнений. Хотя работы их в данном случае касаются области той науки, на преподавание которой на академической кафедре они готовятся, однако же они вращаются в более или менее тесном кругу только одного какого-либо вопроса, входящего в состав науки. Для общего серьезного ознакомления с целым составом науки, с ее источниками и пособиями у стипендиатов не остается времени; а иногда они это и не считают особенно нужным. Для более основательной подготовки преподавателей на академических кафедрах было бы желательно продолжить срок стипендиатства на два года. Без увеличения ассигновки на этот предмет (1400 руб.) этого можно достигнуть оставлением каждый год, вместо двух, одного стипендиата. Это не повредит достижению цели профессорского стипендиатства, потому что и при одном ежегодном стипендиате количество их намного превысит нормальную потребность в замещении преподавательских вакансий в академии. Зато в качественном отношении кандидаты на преподавательские кафедры выиграют несомненно. При представлении стипендиатами отчетов об их двухгодичных занятиях будет полное основание требовать от них удостоверения в основательном знакомстве со всеми отделами той науки, которую они избрали как свою специальность. Затем, в настоящее время накопление кандидатов на занятие преподавательских кафедр в академии обусловлено чистой

случайностью: большей частью два первых студента по списку оставляются стипендиатами, какая бы ни была их специальность. От этого для некоторых кафедр кандидатов много, более чем сколько нужно, а при некоторых мало — один, два, а при некоторых не окажется ни одного. Это дело следует упорядочить. Нужно предоставить совету академии право снабжать профессорскими стипендиатами по возможности равномерно все кафедры. По надлежащей справке следует определить, какие именно кафедры бедны стипендиатами, и затем в течение ряда последующих годов оставлять стипендиатов только при этих кафедрах. Об этом студенты должны быть извещены заблаговременно. Если бы случилось, что в каком-либо году не оказалось ни одного студента, настолько даровитого, чтобы он мог впоследствии с пользой для науки занять должность преподавателя в академии, то совету предоставить право вовсе не оставлять профессорского стипендиата в этом году. Деньги же, ассигнованные на стипендиатов в этом году, не возвращать в духовно-учебный капитал, а оставлять в распоряжении совета на предмет удовлетворения будущих особенных потребностей по приготовлению кандидатов на преподавательские должности в академии. Этими потребностями могут быть: а) оставление в одном году вместо одного двух стипендиатов, по случайной ли надобности в стипендиате (неожиданное лишение кафедры преподавателя), или потому, что в одном курсе окажется два особенно ценных студента по своим выдающимся дарованиям; б) могущая встретиться надобность в заграничной командировке стипендиата и в) выписка книг для стипендиата (так как библиотека, при своем ограниченном бюджете, не всегда может выписать потребовавшуюся случайно книгу). Книги эти, по миновании надобности для студента, поступают в фундаментальную библиотеку академии. Образующийся вышеупомянутыми способами остаток стипендиатских сумм в распоряжении совета не должен превышать размера двухгодичных ассигновок на содержание стипендиатов (2800 руб.)».

Отдел постановил: проект профессора Я. А. Богородского, одобрив, принять, как весьма желательный для практического применения (к § 54 устава).

3) Касательно ученых степеней магистра (§ 137 уст.) и доктора (§ 141 уст.) отдел признал желательным ввести следующие изменения сравнительно с существующим порядком:

а) Для получения степени магистра богословия требуются отличные успехи и удовлетворительное для сей цели сочинение; студенты же, оказавшие в течение академического курса лишь очень хорошие и хорошие успехи, должны выдержать новое устное испытание по тем предметам, по коим не оказали успехов, соответствующих степени магистра, и представить новое сочинение или обработать свое кандидатское сочинение настолько, чтобы оно удовлетворяло требованиям для получения магистерской степени.

б) Лица, ищущие степени доктора, могут представлять сочинения не только по богословским, но и по светским наукам, только предметы их исследования должны иметь связь с предметами христианского вероучения и нравоучения; получающие степень доктора именуются докторами или богословия, или истории, или права, или философии, или словесных наук, соответст-

венно отличительному характеру их ученых трудов или диссертации. Для получения степени доктора требуется от ищущего оной другая, отличная от магистерской темы, диссертация.

4) Обсуждая параграф 111 устава о приеме воспитанников в академию, отдел выработал следующие желательные условия:

а) В академию принимаются воспитанники духовных семинарий 1 и 2 разряда, гимназий и реальных училищ, причем воспитанники духовной семинарии 1-го разряда подвергаются лишь письменному поверочному испытанию по 3 предметам, по указанию совета: богословскому, философскому, церковно-историческому или историко-литературному, и пишут одно поучение; воспитанники же 2 разряда семинарии, гимназисты и реалисты подвергаются, сверх того, и устным испытаниям, а именно: воспитанники семинарий — по двум богословским (по указанию совета) предметам, воспитанники гимназий и реальных училищ — по Закону Божию и церковной истории (в объеме гимназического курса), а воспитанники реальных училищ, сверх того, и по одному из древних языков (хотя бы в элементарном курсе). При приеме как воспитанников семинарий, так и воспитанников гимназий и реальных училищ, должно быть обращено особое внимание на аттестаты и отзывы касательно умственных и нравственных качеств поступающих со стороны их начальств.

б) В вопросе (к § 113 устава) о помещении студентов академии отдел нашел возможным дозволить студентам жить вне академии не только у родителей, но, по усмотрению начальства, и у близких родственников и вообще у лиц, известных академическому начальству благонадежностью и пользующихся его доверием.

в) Касательно лиц духовного звания отдел полагал бы возможным допустить в число студентов академии не только вдовых, но и женатых, но с тем непременным условием, чтобы последние обязывались подпиской не принимать на себя никаких сторонних занятий, например совершение богослужений по церквам, законоучительство в школах и т. п.

г) Относительно приема в академию вольнослушателей (§ 115 устава) отдел признал возможным допускать сторонних лиц (не ниже среднего образования) к слушанию академических лекций *по усмотрению совета*, но без всяких прав и преимущества, усвояемых студентам академий.

Мнение профессора Я. Богородского

Существующий административный и учебно-воспитательный строй академии в общем представляется удовлетворительным и не требует замены его новым, основанным на иных каких-либо началах. Но в некоторых его частях, преимущественно в постановке учебного дела, желательны изменения к лучшему.

Всеми замечено, что уровень развития у воспитанников современной духовной (и не одной духовной) школы понизился сравнительно с прежними временами. Не входя в рассмотрение всех причин этого явления, нельзя не обратить внимания на следующее. Составители старых уставов и программ

преподавания, видимо, руководствовались бесспорно верным принципом обучения: non multa, sed multum. Воспитанники не обременялись непосильной массой предлагаемого им к усвоению научного материала и имели более времени для вдумчивого отношения к преподанному им на уроках или лекциях, а также для чтения соответствующих книг и упражнения в сочинениях. Реформаторы старых уставов забыли вышеупомянутый принцип и постепенно увеличивали как количество преподаваемых предметов, так и объем преподавания их. Всего важнее для учащегося стала память. Обладающие обширной памятью, хотя бы имели и очень умеренный ум, стали выдвигаться вперед, считаться лучшими учениками; те же, которые обладали недюжинным умом, но слабоватой памятью (такое совпадение бывает, и даже нередко), получая дурные отметки на экзаменах, махали на все рукой и дотягивали кое-как до окончания курса учения. По уставу академий, действовавшему в начале 40-х годов прошлого столетия, всех предметов, преподававшихся в академии, было 28, а за исключением математики, физики и естественных наук, введенных уже после 1844 года, 25. Преподавание этих предметов было распределено только между 14 кафедрами («История Казанской духовной академии» — *П. В. Знаменского*. Вып. 2, с. 9). Естественно, что такое отношение количества предметов к количеству преподавателей уменьшало еще и объем программ преподавания. По уставу 1869 года, равно и по ныне действующему, который есть сколок с первого, количество предметов увеличено до 35, а кафедр — до 27. Составители устава 1869 года сознавали невозможность для студента одолеть такую массу научного материала, и потому разделили его на три группы, вследствие чего каждый студент, свободный от предметов двух групп, при незначительном количестве общеобязательных наук, изучал сравнительно не очень большое количество предметов. Устав 1884 года уничтожил это деление на три группы, как действительно искусственное и неблагоприятно отражавшееся на полноте богословского образования, получаемого в академии. Хотя при этом и были тоже установлены две группы, но, так как к каждой группе было отнесено только по 5 предметов, то количество общеобязательных предметов сильно увеличилось, и каждому студенту, вместе с его групповыми предметами, пришлось изучать до 30 предметов у 20 и более преподавателей.

Было бы желательно, в интересах наилучшего усвоения студентами предлагаемого им научного материала, уменьшить как количество преподаваемых каждому студенту наук, так и объемы их преподавания, т. е. количество кафедр. Первое могло бы быть достигнуто перенесением некоторых общеобязательных предметов в групповые. Например, библейская история может быть отнесена к первой группе, где состоят еврейский язык и библейская археология. Сюда же можно бы перенести патрологию, как историю древнехристианской богословской письменности, в ряд историй литератур иностранных и русской. Пастырское богословие можно поставить во вторую группу. Далеко не все студенты делаются впоследствии пастырями Церкви; те же, которые заранее имеют к этому расположение, могут особенным образом приготовиться к этому, записавшись на вторую группу. Что касается гомилетики, то она

может быть совсем изъята, как особый предмет академического образования. С церковной проповедью, как особым видом словесного искусства, студенты могут быть ознакомлены преподавателями теории словесности (в семинарии и академии), а с историей христианского проповедничества — частью в церковной истории, общей и русской, частью в патрологии. Упражнения же в составлении проповедей и в произнесении их должны быть практическими занятиями при изучении пастырского богословия под руководством преподавателя этой науки. — Сокращение количества кафедр может быть достигнуто таким образом: по всеобщей гражданской истории вместо двух преподавателей мог бы быть один, как это было до устава 1869 года. Преподавание истории философии могло бы быть соединено с преподаванием метафизики. История философских систем явилась бы обширным введением в курс метафизики; последняя же была бы систематизированным философским мировоззрением настоящего времени как результатом предыдущей многовековой работы философской мысли. Наконец, преподавание русской гражданской истории могло бы быть поручено преподавателю русской церковной истории, как это тоже было до устава 1869 года. От такого соединения преподавание русской гражданской истории в богословской школе только выиграло бы в идейном отношении.

Для улучшения постановки учебного дела в академии необходимо еще создать побуждение для студентов к более усердному изучению ими преподаваемых им курсов науки и улучшить сам состав студентов. Всем известно, что большая часть студентов в течение года почти ничего не делают для усвоения преподаваемых им наук. Они почти совсем бросили посещение лекций, аудитории пустуют; посещают их обыкновенно несколько человек — не то самых усердных, не то из одного приличия и, может быть, по очереди. Изучение курсов науки они обыкновенно начинают за две недели до переводных экзаменов спешным чтением отрывков из этих курсов, т. е. тех мест, которые падают на начало так называемых экзаменационных «билетов». И известно также, с какими знаниями они являются на экзамены. Это какие-то обрывки знаний. Поневоле установилась крайняя снисходительность в отметках на экзаменах. За исключением очень немногих студентов, ответы которых действительно заслуживают быть отмеченными баллом 5, большая часть получающих четыре на самом деле заслуживает не более тройки, а получающие 3, в сущности, отвечают на 2. Экзаменаторы пускаются на все хитрости, не предусмотренные правилами, чтобы и студента спасти от двойки, и свою совесть успокоить: по какой-то неведомой математике ставят позади тройки один, два и даже три минуса. Двойка появляется только тогда, когда знание, обнаруженное студентом, равняется прямо нулю. Чтобы, с одной стороны, побудить студентов к более добросовестному и к более своевременному изучению преподаваемых им курсов наук, а с другой стороны — и облегчить им очень тяжелые переводные экзамены, было бы полезно узаконить полугодовые репетиции, напоминающие полукурсовые университетские экзамены. Чтение лекций может заканчиваться ноябрем. Все же учебное время декабря должно быть посвящено проверке знаний студентов из прочитанной части курсов.

Студенты, получившие на репетиции удовлетворительные отметки, получают право на переводных экзаменах сдавать экзамены только из той части курсов, которая прочитана во второй семестр. Это было бы большим облегчением для студентов, не обладающих острой и много вместительной памятью и выносливым здоровьем. Студенты, получившие на репетиции двойку и менее или уклонившиеся от репетиции, сдают переводный экзамен из всего курса. Кроме того, для побуждения студентов не уклоняться от репетиций, полезно установить, чтобы студент, получивший на репетиции не менее 4, имел право на прибавку единицы к ответному баллу на переводном экзамене, если этот балл не менее 3. Будет выходить так: на репетиции 4, на переводном экзамене 3+1, сумма 8, средний балл 4. Или: на репетиции 5, на переводном экзамене 3+1, сумма 9, средний балл 4½. Или: на репетиции 5, на экзамене 4+1, сумма 10, средний балл 5. Получившие в обоих случаях по пяти имеют в среднем 5+. — Большой вопрос составляет побуждение студентов к исправному посещению лекций. Только люди, никогда не бывшие профессорами или лекторами обязательных курсов науки, могут думать, что привлекать студентов в аудитории следует только так называемым живым, интересным изложением предмета. Не всякий научный материал допускает живое, завлекательное изложение. Наука, в общем интересующая студентов, тоже непременно имеет отделы сухие, требующие напряженного внимания и борьбы со скукой. Только тот, кто не имеет ни малейшего понятия о том, что̀ такое наука, может думать, что всякая наука так быстро движется вперед, обогащается ежегодно таким обилием нового и интересного материала, что студентам каждого последующего курса можно всегда читать все новое, и они уже не услышат того, что слышали и записали студенты предыдущего курса... На самом деле, аккуратное посещение студентами лекций не может быть достигнуто без некоторых внешних понудительных мер. Косвенной, и потому мягкой, не сильно шокирующей студентов мерой могла бы быть следующая. Ректор, на основании 23 и 24 параграфов устава, от времени до времени посещает лекции, входя в аудитории не перед началом лекции, а приблизительно в половине ее. Попросив преподавателя сделать перерыв чтения, он вызывает по списку некоторых студентов, отсутствующих отмечает в списке на виду у студентов; одного из присутствующих заставляет изложить содержание предыдущей лекции, а другого — повторить только что прочитанное преподавателем. Думается, что это одно, без всяких формальных взысканий, побудило бы студентов к более исправному посещению лекций.

Улучшенный состав студентов может быть достигнут более строгим приемом их в академию. Последние прискорбные события в жизни духовной школы, повлекшие за собой закрытие многих семинарий и всех академий, побуждают отнестись к вопросу о приеме в студенты академии с величайшим вниманием. Протестующий либерализм, выражающийся всякого рода насилиями и беззакониями, есть верный показатель низкого уровня умственного развития, недостаточной научной обработки ума. Всем известно, что воспитанники духовной школы были вообще развитее воспитанника светской шко-

лы. Этим в значительной мере обусловливается то явление, что тогда как студенты университетов уже в течение нескольких десятков лет от времени до времени бунтовали, студенты академии воздерживались от этого, даже были далеки от этого. Эту же связь между бунтующим либерализмом и низким умственным развитием мы видим и в следующих явлениях. Известно, что в периоды так называемых «студенческих беспорядков» первыми застрельщиками и наиболее грубыми выразителями движения являлись обыкновенно студенты ветеринарных институтов. Причина этого несомненно та, что общий уровень умственного развития ветеринарных студентов ниже уровня развития университетских студентов. В ветеринарные институты до самого последнего времени принимались окончившие только пять классов гимназии. И в духовных школах: где прежде всего, и уже довольно давно, начались безобразия протестов? — В семинариях. Академии же поддались в самое последнее время. Причину того, что и академии все же не устояли, нужно видеть в следующем. В прежнее время состав студентов академии образовывался почти исключительно из самых лучших воспитанников семинарии, отправляемых в академию и содержимых в ней на казенный счет. Так называемые волонтеры в академиях были редким явлением. На казенный счет в академию посылались обыкновенно только первый и второй ученики по списку, редко третий (за отказом первого или второго). Таким образом, в академии попадало, так сказать, самое отборное зерно из воспитанников семинарии. Нужно заметить при этом, что в семинариях первые ученики по списку, иногда вторые и третьи, часто целой головой выше не только второразрядных, но и остальных перворазрядных учеников. Поэтому студенты академии в большинстве своем были люди даровитые, хорошо подготовленные, способные к изучению любой науки и заинтересоваться ею. Впоследствии количество своекоштных студентов стало увеличиваться, и наступило время, когда оно намного превысило количество казеннокоштных. Количественному преобладанию первых над последними содействовало и распоряжение об уменьшении количества казенных стипендий. Своекоштным студентом мог быть всякий ученик семинарии, окончивший курс учения по первому разряду. Но известно, что хвост первого разряда очень мало отличается от головы второго разряда. Да и остальные перворазрядные ученики, согласно высказанному выше замечанию, по своим способностям и развитию много ниже первых двух-трех учеников, которые прежде одни попадали в число студентов академии. Это обстоятельство, в связи с начавшимся движением семинаристов в университеты и другие высшие учебные заведения, сильно понизило академическое студенчество в качественном отношении. При таком общем составе студентов по необходимости понизились и требования от них при прохождении академического курса, — в противном случае пришлось бы очень многих исключить за малоуспешность. Явилась масса студентов, которые вовсе не желали изучать преподаваемые в академии науки, даже презирали их; они только желали дотянуть до окончания курса, стараясь правдами и неправдами получить на экзаменах переводные баллы. Не без греха тут были и некоторые слабовольные или зараженные

либеральными фантазиями преподаватели. Прежде академия была истинным храмом богословской науки; теперь она стала фабрикой аттестатов для получения гражданских прав и преимуществ и местом укрытия от исполнения воинской повинности для тех, кто по окончании семинарского курса не хотел идти в священники. На этой почве пониженного интеллекта, под влиянием развращающей литературы, и развился в академическом студенчестве уродливый протестующий либерализм. Если бы умственный уровень студентов был таким же высоким, каким он был до наплыва в академии всяких семинарских перворазрядников, такое прискорбное явление, как закрытие всех академий, не могло бы иметь места.

Вот почему желательно, чтобы прием в студенты академий был возможно строгим выбором людей наиболее даровитых, людей, действительно желающих получить высшее образование и заранее готовившихся к получению такового (как это и было, когда в академии посылались только лучшие ученики, которые заранее знали, что их пошлют, и потому заранее готовились, особенно налегая на некоторые важнейшие науки и стараясь непременно изучить какой-либо новый язык, хотя бы он не преподавался в семинарии). Главнейшей подготовкой к поступлению в академию нужно считать удовлетворительное знание древних языков и непременно одного, по крайней мере, из новых. Незнание студентами языков очень печально отражается на их письменных ученых работах. Благодаря этому незнанию образовалась даже особая промышленность — переводческая. Досужие люди за приличную плату переводят страницы и целые главы из нужных студенту книг при написании сочинения. Не обладая достаточным научным образованием, незнакомые с научными терминами и с приемами цитации в ученых сочинениях, они иногда вводят студентов в прискорбные заблуждения. Отсюда происходят бессмыслицы в приведенных цитатах из иностранных авторов, ошибочные умозаключения, основанные на неверно понятых словах авторов, и даже курьезы вроде «короля Бабеля» вместо «царство Вавилонское»... Условием приема в академию нужно поставить обнаруженное студентом на приемном экзамене такое знание древних и одного из новых языков, которое позволило бы ему пользоваться книгами, написанными на этих языках, без посторонней помощи. Об этом должно быть сделано особое объявление и затем ежегодно объявляться при вызовах студентов в академию. Все желающие поступить в академию должны знать об этом заранее, за несколько лет. Полезно было бы также на приемных экзаменах обращать внимание на начитанность студентов. Если бы какой-либо студент и не очень удовлетворительно изложил то, что̀ полагается знать по учебнику, но если бы при этом он обнаружил некоторую начитанность в богословской литературе, древнеотеческой или современной, и удовлетворительное знание языков древних и новых, то это — студент, желательный для академии... Один же бойкий ответ студента по учебнику, при совершенном отсутствии начитанности и при слабом знании языков, не должен считаться бесспорным основанием к приему в академию. Сказанное о значении начитанности, обнаруженной на приемных экзаменах, должно быть осо-

бенно прилагаемо к более или менее пожилым священникам, желающим поступить в академию. Вообще же нахождение в среде студентов академии священников (вдовых и не вдовых) в значительном числе весьма желательно, и доступ им в академию не только не должен стесняться какими-либо условиями, не имеющими отношения к их научной правоспособности, а напротив — должен облегчаться.

О сроке службы профессоров академии

По действующему уставу, служба профессоров бессрочна. Всякий понимает, что это имеет и хорошие и дурные стороны; чтобы воспользоваться тем, что̀ в этом установлении полезно, и избежать того, что̀ неполезно, можно было бы установить крайний срок службы профессора 40 лет. Этот срок настолько велик, что почти исключает случаи, когда профессору пришлось бы оставить службу преждевременно, при наличности еще достаточных сил для продолжения ее; но в то же время он не допустит случаев, когда профессор, несмотря на то, что по всем основаниям ему следует оставить службу, стал бы продолжать ее. Профессор может выйти в отставку, когда ему угодно, и сроки для пенсий остаются те же, что и теперь; но по прошествии 35 лет службы он обязательно выходит в отставку, однако с правом в продолжение 5 лет продолжать службу, получая пенсию и, кроме того, вознаграждение за преподавание в размере 1200 рублей в год. В это время он обязан наметить себе преемника и заняться особенным образом подготовлением его, руководя его научными занятиями. По прошествии пятилетия (а при желании и ранее), профессор освобождает кафедру, и она занимается его преемником. Профессор, имеющий звание заслуженного профессора, по выходе в отставку (полную), избирается (или просто причисляется) в почетные члены академии со званием: «почетный член — профессор», и участвует в заседаниях совета с правом голоса и со всеми другими правами, присвоенными членам совета (для усиления спокойно-рассудительного, консервативного элемента в составе членов академического совета).

О назначении ректора и инспектора академии

Ректор назначается Святейшим Синодом, преимущественно из кандидатов на эту должность, представленных советом академии и местным архиереем. Ректором может быть только духовное лицо, имеющее степень доктора или магистра.

Инспектор назначается таким же порядком, но исключительно из наличного состава профессоров академии.

Об отношении академии к местному архиерею

Местный архиерей есть начальник академии с пределами власти, обозначенными в уставе академий 1869 года.

№ 19,
преосвященного Питирима, епископа Курского,
от 30 ноября 1905 года

По вопросу о преобразовании духовного суда

Предстоящее восстановление церковного управления и всего строя нашей церковно-общественной жизни на строго канонических началах само собою предполагает уже необходимость соответственного переустройства и настоящего церковного суда (судопроизводства и судоустройства).

Таким образом, первой и главнейшей целью, к какой необходимо стремиться при предстоящем преобразовании духовного суда, должно быть поставлено устроение его на тех основных канонических началах, которые установлены правилами Церкви Вселенской. При господствующем ныне стремлении к коренному изменению всего строя русской народной жизни нужно всемерно позаботиться о том, чтобы такое стремление не отразилось и в области нашей церковной жизни, и в этих именно видах ныне, более чем когда-либо, необходимо, чтобы всякое преобразование в церковном управлении было совершено на строго канонических основаниях. Вместе с указанной главной и важнейшей целью, «ввиду давно признанной неудовлетворительности нынешнего судоустройства и судопроизводства в Духовном Ведомстве, сделавшейся особенно очевидной со времени преобразования судебной части светского ведомства» (слова отчета г. обер-прокурора), было бы желательно возможное, без противоречия канонам Церкви, применение к церковному суду и тех начал судоустройства и форм судопроизводства, какие выработаны позднейшей судебной практикой и положены в основу действующих ныне судебных уставов Императора Александра II.

Для достижения этих целей необходимо: I) твердо установить те основные канонические начала и нормы церковного суда, какие признаны Вселенской Церковью и отступление от коих ни при каких условиях недопустимо; II) имея в виду наличные недостатки нашего церковного суда и преимущества суда гражданского, выяснить: каким образом и в какой мере начала нашего гражданского судоустройства могут быть применены к церковному суду, без нарушения канонов Церкви.

I. Канонические начала церковного суда
(судоустройства и судопроизводства)

1) По общецерковному сознанию, право суда, как и право управления, дано Церкви Божественным Основателем и Главой ее Иисусом Христом (Мф. 18:15—18; Лк. 12:13—14) в лице свв. апостолов, а от апостолов перешло к

преемникам их власти и служения — епископам (1 Тим. 5:19—21: 1 Кор. 5:3—6; 6:1).

Примечание. Приметить должно, что апостолы получили полномочие от Христа не порознь, а все вместе, in corpore, и все в равной мере, а потому и полнота церковной власти заключается во всем епископстве, от которого уже и переходит к отдельным епископам. Соответственно этому, —

2) Апостольские и соборные правила и непрерывная практика Церкви вселенской признают только два средоточия церковно-судной власти: епископа и соборы; суд епископа — во вверяемой ему области (παροιχία, епархия), и суд собора епископов, простирающий свою власть над многими (областные и окружные соборы) и даже над всеми епархиями и их епископами (Вселенские Соборы).

3) Епископ, по канонам Церкви, является полноправным распорядителем в своей епархии (Апост. пр. 34-е, 38-е; Антиох. Соб. 9-е); в этой полноте власти епископа необходимо мыслятся и судебные полномочия его в своей епархии (Апост. пр. 32-е; I Всел. Соб. 5-е; IV Всел. Соб. 8-е, 9-е, 17-е; VI Всел. Соб. 31-е); суд епископа обязателен (в делах, подлежащих церковному суду) для всех клириков и мирян; они не имеют права обойти этот суд и искать себе суда у другого епископа или какого-либо иного судьи (Апост. пр. 39-е); епископу принадлежит право налагать наказания — отлучать пресвитеров и диаконов, причем никакой другой епископ не может принять отлученного (Апост. пр. 32-е); ни одно судебное дело клирика не может миновать суд епископа, без согласия которого клирики не могут даже избрать посредника для решения возникшего между ними несогласия (IV Всел. Соб. 9-е) и т. п.

Примечание. В судебной деятельности епископа, по канонам Церкви, принимал участие совет пресвитеров (presbyterium), состоявший из старших пресвитеров кафедрального города с участием иногда и диаконов. На такое участие указывают многие места Апостольских Постановлений (кн. 2-я, гл. 48); об этом же ясно свидетельствуют отцы Церкви Григорий Неокесарийский и Киприан Карфагенский (в письмах к римскому народу); на то же указывают и некоторые соборные правила, как например 14-е правило Сардикийского Собора. Но несмотря на существование при епископах этих органов судебной власти, на основании тех же канонических правил и постановлений решительно недопустимо какое-либо умаление или ограничение судебных полномочий епископа участием указанных советов. Пресвитеры, а иногда и диаконы и даже миряне, только помогали епископу в производстве суда, но не разделяли с ним судебной власти его; они принимали участие только в процессе суда, который происходил в присутствии и при содействии их; но суд творил, безусловно, один епископ. По указанию Апостольских Постановлений, он один во время судопроизводства совершал действия, выражающие власть судьи: произносил приговоры (ἀπόφατις), назначал наказания — лишал сана или должности, отлучал и т. п. О таковом именно участии клириков в епископском суде особенно ясно говорится в следующем апостольском постановлении: «На судилище (διχαστήριον) пусть присутствуют с вами (епископ-

пами) и диаконы, и пресвитеры. Когда же войдет то и другое лицо, у которых есть тяжба, то пусть каждое станет посреди судебного места, и вы, выслушав их, праведно произнесите мнения, стараясь обоих сделать друзьями, прежде приговора (ἀπόφασις) епископа .... потому что епископ и на судилище имеет одобрителем и свидетелем суда Христа Божия» (Ап. Пост. кн. II, гл. 42). О том же — что епископ производит суд и произносит приговор от одного своего лица и под своей ответственностью — ясно свидетельствуют постоянно встречающиеся в канонах Церкви выражения: «Аще кто от епископа будет извержен» или «будет отлучен» и т. п.

4) Вторую, высшую степень (инстанцию) церковного суда, от апостолов идущую и канонами установленную, представляют соборы епископов:

а) Областные (Апост. пр. 37-е; I Всел. Соб. пр. 5-е; Антиох. Соб. 9-е пр.), во главе с митрополитом или старейшим между епископами области, которому принадлежит право созывать соборы (IV Всел. Соб. пр. 19-е; Сард. Соб. пр. 14-е), вызывать на суд обвиняемого (Карф. Соб. пр. 88-е), определять сроки соборов (Карф. 28-е). В состав судей соборного суда входили исключительно епископы; в этом отношении неизменно оставалось в силе основное начало древнего церковного права: qui habet ordinandi, habet et judicandi potestatem. Что касается 5-го правила Сард. Собора, указывающего на деятельное участие в рассмотрении судного дела пресвитеров римского папы, то то же правило прямо называет их «заступающими место пославшего их». Подобных примеров епископского полномочия, даваемого пресвитерам и даже диаконам, в деяниях Вселенских Соборов встречается много; но самостоятельная судебная власть усвоялась только епископам. Бывали, наконец, случаи, когда пресвитеры и диаконы, нередко сопровождавшие епископов на соборы, приглашались отцами соборов в качестве ученых советников; но эти лица, несомненно, имели такое же значение, какое имеют ныне ученые эксперты в гражданских судах. Областные соборы, по правилам древней Церкви, должны были собираться дважды в год для разрешения всяких вопросов и недоумений (I Всел. Соб. пр. 5-е). Областному митрополичьему суду подсудны: все дела, возникающие между епархиальными епископами (3-е пр. Сард. Соб.; Карф. 134-е, 135-е); все дела, по которым к суду привлекается епископ, как в качестве подсудимого по проступкам против благоповедения и должности, так и в качестве судьи, приговор которого обжалован (II Всел. Соб. пр. 6-е; Антиох. 14-е, 15-е, 16-е; Сард. 5-е и 13-е; IV Всел. Соб. пр. 9-е).

б) Окружные соборы (узаконенные правилами после разделения в IV веке империи на обширные округи — диоцезы, обнимавшие несколько митрополий), состоявшие из представителей всех митрополий, входивших в состав округа-диоцеза, под председательством митрополитов тех городов, которые стояли во главе целого диоцеза, получивших в V столетии название архиепископов, экзархов, а со времени IV Вселенского Собора — патриархов. Окружные соборы стояли в таком же отношении к областным, в каком последние стояли к епархиальным епископским судам. Предметами, подсудными окружному собору, служили все вообще апелляционные дела, решенные уже

епархиальным судом, а потом и областным собором (II Всел. Соб. пр. 6-е); на этих же соборах решались дела по жалобам на митрополитов (III Всел. Соб. 1-е).

в) Высшей и последней судебной степенью (инстанцией) церковного суда, как и церковного управления вообще, был Вселенский Собор, состоявший из верховных представителей всех Церквей: это — в собственном смысле вся Церковь Вселенская, воедино собранная и повинующаяся единой Божественной Главе — Христу, невидимо действующему Духом Святым через избранных Своих — отцов Собора.

О всех указанных выше органах церковного суда в древней Церкви, как о постепенно восходящих и зависимых инстанциях церковного суда, кратко, но определенно говорится в 9-м правиле IV Всел. Собора: «Аще который клирик с клириком же имеет судное дело да не оставляет своего епископа... но сперва да ведет свое дело у своего епископа (епархиальный суд)... Аще же клирик со своим или со иным епископом имеет судное дело: да судится в областном соборе (под председательством митрополита — 2-я инстанция). Аще же на митрополита области епископ, или клирик, имеет неудовольствие: да обращается или к экзарху великия области (διοίχησις, диоцеза) (3-я инстанция), или к престолу царствующего Константинополя и пред ним да судится».

5) *О церковном судопроизводстве*. В Апостольских Постановлениях замечательными чертами описывается самый образ церковного судопроизводства. Отличалось оно от светских судов: а) заботой о примирении судящихся, по заповеди Христовой, прежде формального расследования дела и приговора, и б) высоким уважением к личности подсудимого и полным обеспечением защиты для него. Велось судопроизводство гласно и открыто. В судилище (διχαστήριον), кроме епископа с его пресвитерами и диаконами, присутствовали и миряне. По открытии заседания тяжущиеся, или подсудимый с обвинителем, по приказанию епископа вводились в судилище (по свидетельству Тертуллиана, церковный суд происходил в местах богослужебных собраний) и становились на средине. Затем, непосредственно за изъяснением дела, начинался суд. Начинался он обычно увещанием и убеждением к примирению. Пресвитеры и диаконы, разъясняя сторонам дело, стараются примирить их. Когда же дело достаточно выяснялось и тяжущиеся не изъявляли желания примириться, — епископом произносился приговор. — При производстве дел по обвинениям в преступлениях, форма судопроизводства несколько изменялась. Прежде начатия судебного следствия в присутствии обвиняемого и обвинителя, производилось тщательное расследование о нравственных качествах и предшествовавшей жизни их, а также о степени добросовестности свидетелей (Апост. Пост. кн. II, гл. 49). Затем следовало слушание доказательств обвинителя и обвиняемого непременно в присутствии их; выслушивание же одной только стороны (μονομέρω) считалось крайней несправедливостью (Апост. Пост. II, 51). Потом начинались прения сторон, причем иногда появлялись на суде и искусные обвинители, для которых это занятие было профессией, ввиду чего лицам, производившим суд, предписывалось в судебных делах обладать искусством «сведущих мастеров серебряных дел», тонко отли-

чающих поддельные монеты от настоящих (там же, гл. 42-я). По той же причине отцы Карфагенского Собора возбудили вопрос об учреждении церковных ученых экдиков, которые имели бы обязанностью защищать бедных подсудимых и ходатайствовать по церковным делам в гражданских судилищах (Карф. 86-е и 109-е). По выслушании прений делалось заключение о виновности или невиновности подсудимого, и епископом поставлялся приговор, который записывался и подписывался.

Из представленного очерка судоустройства и судопроизводства древней Церкви Вселенской нетрудно видеть, что и в наше время можно бы восстановить судебную практику древней Церкви. Для лучшего осуществления этого желания, прежде всего необходимо разделение всей территории русской Церкви на митрополичьи округа, с предоставлением митрополитам усвояемых им канонами прав, и затем — установление между митрополиями связи и единения через установление экзаршего или патриаршего сана, носитель коего и являлся бы представителем автокефальной Церкви российской.

II

Обратимся к вопросу о желательном, при предстоящем преобразовании церковного суда, применении к нему тех начал, которые положены в основу нынешнего гражданского судопроизводства и судоустройства.

Вопрос этот, как известно, поставлен был на очередь почти вслед за реформой в 1864 году гражданского суда и вызван был, по словам г. обер-прокурора Святейшего Синода, «неудовлетворительностью нынешнего судоустройства и судопроизводства в Духовном Ведомстве, давно уже сознанной и сделавшейся особенно очевидной со времени преобразования судебной части в светских ведомствах» (отчет обер-прокурора за 1873 г.). И в самом деле, сопоставление даже одних внешних преимуществ реформированного гражданского судопроизводства (каковы, например, гласность судебного процесса, суд присяжных) с общеизвестными недостатками суда консисторского — с его медленностью, канцелярской тайной, бумажным делопроизводством, — слишком резко бросалось в глаза и не могло не обратить на себя внимания. Потребность в преобразовании церковного суда стала очевидной. В удовлетворение этой потребности, как известно, Высочайше утвержденным в 1870 году Комитетом был составлен к началу 1873 года «Проект основных положений преобразования духовно-судебной части», не получивший одобрения вследствие серьезных разногласий не только между представителями Церкви, но и между учеными канонистами того времени, из коих одни, увлекаясь началами, положенными в основу реформы гражданского суда, находили эти начала вполне применимыми и к церковному суду и одобряли проект Комитета, другие же, наоборот, находили, что некоторые из указанных начал несогласимы с канонами Церкви и даже стоят в противоречии с ними.

В настоящее время не будет нецелесообразным пересмотреть работы бывшего Комитета, а равно и суждения о них канонистов того времени — с

тем, чтобы, отрешившись от тех крайностей, к каким неизбежно приводит полемика, найти тот средний путь, который мог бы привести к желанной цели: улучшение нашего церковного судопроизводства через возможное применение к нему, без противоречия канонам Церкви, тех начал, на которых устроен наш гражданский суд.

Главные начала, положенные в основу наших гражданских судебных уставов, указанные Комитетом 1870 года, следующие: 1) отделение судебной власти от административной и обвинительной; 2) замена письменного производства устным, публичность заседаний суда и равноправность сторон на суде с предоставлением всех средств к защите и к оправданию и 3) учреждение судов, более близких к подсудимым. Применение этих начал к церковному суду, по мнению Комитета 1870 года, не только поведет к желательному однообразию судопроизводства в духовных и гражданских судах, но и устранит давно признанные коренные недостатки нынешнего духовного суда, каковые заключаются: а) в смешении административной власти с судебной, б) в канцелярской тайне судопроизводства по письменным актам, составленным во время предварительного следствия, и в) в централизации судопроизводства.

Рассмотрим теперь: возможно ли и, если возможно, то в какой мере и каким образом, применение вышеуказанных начал к духовным судам без противоречия канонам Церкви? В частности:

1) Возможно ли в духовном суде отделить судебную власть от административной, без противоречия канонам Церкви?

Известно, что Комитет 1870 года, тщательно заботившийся о выполнении главной задачи своей — реформировать духовный суд по образцу гражданского, с меньшим вниманием относился к канонам Церкви и потому признал возможным полное отделение судебной власти не только от духовных консисторий, но и от епархиальных архиереев, — и этот взгляд свой Комитет провел и в представленном проекте преобразования церковного суда. Но с точки зрения канонической такое отделение или, вернее, отнятие судебной власти от епископов, безусловно, недопустимо. И Священное Писание, и каноны Церкви, и судебная практика древней Церкви — единогласно усвояют епископам, как преемникам апостольского служения, судебную власть в Церкви в такой же силе, как и власть управления. Епископам эта власть принадлежит, по общепринятому у канонистов выражению, jure divino. Поэтому именно ни в объяснительной записке Комитета к проекту преобразования духовного суда, ни в соображениях, высказанных в то время некоторыми защитниками взглядов Комитета на этот вопрос, не встречаем ни одного твердого и положительного основания, которым можно было бы оправдать такое отступление от канонов Церкви. Все доказательства Комитета и его защитников — или сводятся к практическим неудобствам соединения судебной власти с административной и выгодности их разделения, или же отличаются косвенным характером. В объяснительной записке Комитета необходимость отделения судебной власти мотивируется, главным образом, тем, что «соединение в одном лице или в одном каком-либо учреждении властей судебной и административной представ-

представляет весьма важные неудобства. Если одна и та же власть и предъявляет требование и сама же обсуждает последствия его неисполнения, то очевидно, что обвиняемые не могут иметь никаких ограждений от неправильного преследования их. При соединении администрации и суда в одних руках ничто не представляет ручательства в том, что каждая из двух властей будет держаться в ее естественных границах». Не входя в обсуждение вопроса, действительно ли обвиняемые епархиальным судом не имеют никаких ограждений от неправильного преследования их, и допуская даже, что указанные неудобства действительно существуют, мы не можем однако признать указанный мотив достаточны м для отступления от канонов Церкви. Всякие практические соображения и мотивы могли бы иметь свое значение в данном случае, как и в других аналогичных, только при том условии, если бы они оставались в границах законных норм и не стояли бы в прямом противоречии с каноническими основами церковного суда. При отсутствии же указанного условия, для удовлетворения тех или других практических удобств должны быть изыскиваемы иные средства, а не нарушения канонов. Так именно и смотрели на дело канонисты того времени, защищавшие непреложность канонов. «Вопрос об изъятии судебной власти из рук епископа, — писал известный канонист-профессор А. Ф. Лавров (впоследствии Алексей, архиепископ Виленский), — не имеет существенно-важного значения для духовенства епархии; для него гораздо важнее изъять судебные дела из канцелярской тайны, вывести суд на свет Божий, установить гласность судопроизводства и т. п. Те неудобства, которые могли бы произойти от соединения в лице архиерея правительственной и судной власти, могли бы быть устранены: а) выборным порядком назначения членов суда; б) увольнением их не иначе, как по суду; в) принятием коллегиального образа решения дел и т. п.». Не придавали практическим соображениям решающего значения и некоторые из защитников взгляда Комитета, и потому принялись оспаривать неизменность самих канонов Церкви. «Всматриваясь в содержание древних правил, — говорили, — находим, что некоторые из этих правил относятся к существенным сторонам церковного устройства и управления; другие, напротив, носят следы случайного происхождения... Первые должны быть сохраняемы, последние же не могут иметь обязательной силы для современной нам жизни; сохранение или отрицание их должно быть определяемо не иным чем, как сообразностью или несоответствием их со степенью развития юридических понятий и потребностей жизни. Поэтому было бы большой ошибкой требовать сохранения этих идей и форм при современных преобразованиях только потому, что они нашли себе место в церковном каноне». Установив такую точку зрения на каноны Церкви, приходили к следующим выводам: вопрос о разделении суда и администрации в Духовном Ведомстве принадлежит к той области церковно-практических вопросов, в которой каноны Церкви не могут иметь неизменно обязательного значения. Он возник не из догматических разногласий, а из ненормального развития централизации в нашем епархиальном управлении. Ни с одним из догматов христианства он не стоит в связи, ни одного из них не касается. А

потому, «нужно освободить наших архиереев от занятий судебным делопроизводством, чтобы дать свободу для трудов более возвышенных».

Но такое отношение к канонам Церкви и такие выводы могут иметь значение разве только в качестве личных мнений ученых канонистов, но ни в каком случае не могут быть принимаемы за руководительные начала при решении вопросов, касающихся устроения жизни церковной. Церковь, установившая каноны в качестве норм церковной жизни, определила и то, как мы должны относиться к ним. Отцы VII Вселенского Собора в 1 и 2 правилах сего Собора, «свидетельствуя, что божественные правила они приемлют со услаждением, и всецелое и непоколебимое содержа постановление сих правил, повелевают несокрушимо их хранить всем христианам, наипаче же приемлющим священническое достоинство, изучать их как и святое Евангелие и книгу божественного апостола». 2-м правилом VI Вселенского Собора никому не дозволяется изменять или отменять правила. О том же читаем мы и в послании Восточных патриархов о православной вере, содержащем изложение православного исповедания восточно-кафолической Церкви и составляющем книгу догматико-символическую, отступление от которой ни в каком случае, невозможно. На этом основании, возводимый во епископский сан, перед хиротонией, обязуется Церковью, под страхом лишения сана, хранить крепче и нерушне все каноны и уставы.

Таким образом, принимая во внимание: а) что и Священным Писанием и канонами Церкви право суда в Церкви усвояется епископу и б) что каноны Церкви должны быть обязательными и неизменно хранимыми, — необходимо признать, что отделение власти судебной от власти административной в лице, епархиального архиерея с канонической точки зрения недопустимо.

Что же касается консистории, как учреждения, через которое «под непосредственным начальством епархиального архиерея производится и епархиальное управление и духовный суд», то к изъятию из ведения консистории судебной части не может встретиться ни канонических, ни практических препятствий. Канонами Церкви самое существование подобных учреждений, в качестве органов судебной власти епископского суда, не предусматривается, а напротив — совершенно ясно указывается на пресвитерий — особый пресвитерский совет, непосредственно содействовавший епископу в производстве суда, каковой совет несомненно и ныне мог бы быть восстановлен на канонических основаниях и вполне заменить собой суд консистории. Настоящие консистории, по свойству и кругу дел, в них производящихся, действительно представляют собой такое смешение разнообразных отправлений, какого не бывало и в старых дореформенных гражданских учреждениях; в них рассматриваются и производятся дела административные, хозяйственные и судебные. Правда, дела эти, как известно, распределяются по категориям и расписываются к производству по столам, при чем каждый стол вверяется особому наблюдению одного из членов. Но этим разделением только распределяются, так сказать, занятия между членами консистории, но нисколько не устраняются те неудобства, какие проистекают от соединения в одном учреждении су-

дебной и административной власти. Все дела консисторские, как по административной, так и по судебной части, докладываются присутствию, состоящему из одних и тех же членов, все журналы и постановления консистории подписываются одними и теми же членами. Не может быть сомнения, что, при таком участии в судопроизводстве лиц, заведующих и административной частью, самые суждения их, даже помимо воли их, часто не могут быть строго объективными, беспристрастными; лица, заведующие административной частью, имея свои взгляды на служебную деятельность подсудимых, будут и при слушании следственных дел, иногда даже незаметно для самих себя, привносить и в суждения о подсудимых эти взгляды и соответственно с ними наклонять весы правосудия то в одну, то в другую сторону. В этом отношении совершенно справедливо заметил Комитет 1870 года, что, «при соединении администрации и суда в одних руках, ничто не представляет ручательства в том, что каждая из двух властей будет держаться в ее естественных пределах».

2) Относительно применимости к духовным судам второго начала, положенного в основу наших гражданских судов, — гласности и устности судопроизводства, с предоставлением полной равноправности сторонам на суде, — с канонической точки зрения не может быть никаких возражений. Из представленного выше краткого очерка судопроизводства в древних церковных судилищах в эпоху Вселенских Соборов легко убедиться, что система древнего церковного судопроизводства гораздо более была сообразна с теми формами и порядками ведения дела, какие практикуются в современных судах, чем та, какая господствует в наших консисторских судах. Публичность заседаний суда, признаваемого ныне одной из важнейших гарантий правильного отправления правосудия, составляла необходимую принадлежность духовного суда со времен апостольских; затем, из апостольских и соборных постановлений мы видим, что суд велся открыто и устно, обвиняемый, равно как и обвинитель, непременно должны были явиться к суду лично (заочное решение допускалось только в том случае, если подсудимый по трем вызовам не являлся, и в таком случае решение трактовалось как наказание за неявку — Апост. пр. 74) и, при производстве судом допроса, должны были непременно присутствовать оба; открыто велись прения по делу, допускались при этом обвинители и защитники: приговор произносился здесь же после внимательного исследования дела. Нынешнее же консисторское судопроизводство, как известно, не имеет никакого сходства с тем порядком, какой установлен для суда церковными правилами. О непосредственном архиерейском суде (§ 154) не говорим, так как он не определяется никакими юридическими формами и не сопровождается никакими юридическими последствиями, а носит характер нравственного архипастырского вразумления, или увещания, или предостережения. Суд же консисторский в собственном смысле производится формально, по письменным актам, в отсутствие, за некоторыми исключениями, и подсудимого и обвинителя, и при самых неудовлетворительных условиях. Начинается судопроизводство, как известно, следствием; но так как определенных

постоянных следователей нет, то производство следствий поручается, по усмотрению епархиального начальства, кому-либо из окружных священников, не имеющих нередко не только юридической, но и практической подготовки к делу. Естественно поэтому, что самые следственный дела, представляемые в консисторию, не отличаются ни надлежащей полнотой и обстоятельностью, ни той всесторонностью, какая требовалась бы, чтобы на бумаге воспроизвести факты с их жизненной обстановкой. Правда, консисторией нередко возвращаются следственные дела для дополнения; но это делается обычно в тех случаях, когда при обозрении дела усматривается, что следствие произведено в каком-либо отношении несогласно с установленными формами и правилами, а потому в большинстве случаев дополнение следствия ведет только к увеличению объема дела, а не к обстоятельному уяснению сущности его. После такого расследования, дело в известную очередь докладывается присутствию, которому и предстоит на основании изложенных в докладе сведений постановить свой приговор по делу. Членам консистории приходится при этом совмещать в себе обязанности и обвинителей, и защитников, и судей, и во всех этих случаях пользуясь только тем материалом, какой дается бумагами следователя. Совершенно естественно поэтому, что к этому мертвому материалу члены консистории охотно присоединяют те или другие частные сведения, какие могут иметься у них, например о служебной деятельности подсудимых. Нетрудно видеть, как много неудобств представляет такой процесс для достижения целей правосудия и как много в нем удобства для целей, совершенно противных правосудию. «Опыт судебных учреждений, — замечает Комитет 1870 года, — почти ежедневно убеждает, что по актам так называемого предварительного следствия (а в консисторском судопроизводстве оно и окончательное, так как судебного следствия, за редкими случаями, не бывает) можно вывести заключение, совершенно противоположное тому, к какому суд приходит на основании следствия судебного, при котором подсудимый и свидетели лично перед судьями дают показания. Предварительное следствие, по разъяснению Правительствующего Сената, представляет только собрание материалов для полного обнаружения истины при судебном следствии. В этом последнем суде, в котором перед взором судей не мертвая бумага, которая не может сказать ничего более того, что̀ в ней написано, а живые люди, раскрывающие во всей жизненной правде все обстоятельства дела, — суд и должен искать оснований для оправдания или обвинения подсудимого. Сама по себе очевидна истина, что цель правосудия тем скорее и вернее достигается, чем больше средств дается и суду и сторонам заинтересованным к восстановлению всех обстоятельств дела и к объективной оценке этих обстоятельств. В современном гражданском суде и именно при производстве судебного следствия все эти благоприятные условия налицо: здесь и подсудимый и свидетели. При консисторском суде эти условия отсутствуют; судьи не ставятся в непосредственное отношение с подсудимым, ни с обвинителем, ни с свидетелями; они получают сведения только из бумаг, полученных через третье лицо — следователя, а бумага — все терпит. Легко понять, к каким неудобст-

вам может приводить такой порядок, как легко при нем и затемнить истину и односторонне истолковать и т. п.

Принимая во внимание: а) указанные и общепризнанные недостатки консисторского судопроизводства, б) превосходство тех форм судопроизводства, какие приняты в гражданских судах, и в) соответствие последних в главных чертах своих с правилами церковного судопроизводства, — нельзя не пожелать возможно полного применения рассматриваемых форм гражданского судопроизводства и к нашим духовным судам.

3) Третье начало — учреждение судов более близких к подсудимым, осуществленное в гражданском ведомстве учреждением: мировых судей в различных пунктах уездов, съездов мировых судей в уездах, окружных судов в губерниях и т. д., — несомненно имеет весьма существенное значение и для духовенства. Обширность наших епархий и крайняя централизация судебной власти в одной инстанции — духовной консистории не только крайне затрудняют возможность пользоваться правосудием нуждающимся в нем, но и служат одной из главных причин медленности консисторского судопроизводства. В виду этих обстоятельств необходимо признать, что учреждение в епархиях судов, более близких к подсудимым, представляет существенную и настоятельную потребность, тем более заслуживающую внимания, что о ней многократно заявляли уже и епархиальные съезды духовенства.

Комитет 1870 года, руководившийся главным образом примером реформы гражданского судоустройства, проектировал учреждение в каждой епархии, по образцу мировых судей, по несколько духовных судей из лиц иерейского сана, особо для этой цели избираемых духовенством и утверждаемых епархиальным архиереем. Затем, минуя уездные съезды духовных судей, признанные излишними, Комитет проектировал далее: духовно-окружные суды, каждый для нескольких епархий, судебное отделение при Святейшем Синоде и, наконец, общее собрание Святейшего Синода.

Таким образом, по проекту Комитета, только первая, низшая инстанция суда в лице иереев-судей приближается к подсудимым, а уже следующая, вторая, значительно отдаляется от них, так как окружные суды имеют обслуживать по несколько епархий. При этом, в соответствии с главной тенденцией Комитета, тщательно избегается всякое участие епархиальных архиереев в епархиальном суде.

Такое решение вопроса нельзя признать ни каноничным, ни практичным. В каноническом отношении оно грешит: а) тем, что совершенно оставляет без внимания непреложные канонические правила, которые не только строго ограждают право епископа судить клириков его области (епархии), но и воспрещают клирикам искать суда у другого какого-либо епископа, или иного судьи; б) тем, что предоставляется право самостоятельного, независимого от епископа, суда иерею — что̀ безусловно антиканонично и допустимо только в Церкви пресвитерианской. По канонам Церкви Вселенской, пресвитеры не обладают самостоятельной юрисдикцией, т. е. такой, которая необходимо была бы связана с их иерархическими положениями. Они могут судить только на

одном праве, именно — на праве полномочия от епископов, как и бывало в древней Церкви, когда пресвитеры являлись делегатами от епископа епархии и по его уполномочию. Но, если от епархиальных епископов будет отнята судебная власть, то от кого же пресвитеры-судьи будут получать ее? Епископ, не имеющий судной власти, не может и пресвитеру дать полномочие. Словом, не будут ли эти иереи-судьи только мировыми судьями в рясах? В практическом же отношении рассматриваемое устройство суда: а) не вполне достигает цели, так как, приближая к духовенству суды по маловажным проступкам, оно в то же время отдаляет их по проступкам важным, замедляя таким образом решение по тем делам, которые могут угрожать подсудимым такими наказаниями, каково отрешение от должности или лишение сана, — и б) едва ли избирает лучший из возможных способов для достижения цели: сомнительно, чтобы единоличным судом особо избираемых судей могло обеспечиваться достижение целей правосудия в такой степени, в какой оно обеспечивается судом коллегиальным в учреждениях, подобных благочинническим советам. Насколько известно, духовенство всегда относилось с бо́льшим доверием к учреждениям коллегиальным, в чем легко убедиться, просматривая постановления епархиальных съездов по аналогичным вопросам. То основание, на которое указал Комитет в объяснительной записке, как на главное побуждение к предпочтению, в данном случае, единоличного суда коллегиальному, едва ли может быть признано достаточным. Комитет исходит из того основания, что, при коллегиальном устройстве низшей инстанции суда, не будет достигаться главная цель — иметь суд скорый: при коллегиальном устройстве, судьи могут собираться только изредка, подобно благочинническим советам, тогда как при единоличном судье — суд будет постоянным. Но при этом Комитет упустил из виду, во-первых, что наряду со скоростью суда стоит и другое, равноценное качество его — справедливость (суд скорый и правый); а с другой — и то обстоятельство, что, по проекту Комитета, на иереев-судей возлагаются обязанности судебных следователей, которые нередко будут отвлекать и от места их служения и от судейских обязанностей.

Нельзя, наконец, признать ни удобными, ни маловажными те пробелы в судебных инстанциях, которые допущены Комитетом устранением уездных и епархиальных судов: не может быть сомнения, что учреждение этих судебных инстанций не только вносило бы большую постепенность во весь строй духовно-судебных учреждений, но и служило бы к наилучшему достижению цели — приблизить суды к подсудимым.

Основываясь на изложенных соображениях и не отступая от канонических начал, можно бы признать наиболее целесообразной такую организацию судебных инстанций духовного суда: 1) суды благочинных советов, или нарочито избираемых духовенством округов лиц, в числе двух-трех, утверждаемых епархиальным архиереем; 2) суды уездные, состоящие из двойного числа членов (6), избираемых и утверждаемых епархиальным духовенством, под председательством викариев, где таковые есть, или уездных протоиереев; 3) епархиальный суд из пресвитеров, избираемых епархиальным съездом ду-

ховенства и не занимающих никаких административных должностей, во главе с епархиальным епископом; 4) суд областного собора епископов под председательством митрополита области — апелляционный на решения епархиальных судов и самостоятельный для рассмотрения недоразумений между епископами, и 5) суд собора Поместной Церкви Российской под председательством патриарха.

№ 20,
преосвященного Георгия, епископа Астраханского,
от 25 ноября 1905 года

Ответы на запросы, изложенные в указе Святейшего Синода от 27 июля 1905 года, за № 8

I. О разделении России на церковные округа под управлением митрополитов

Вопрос о митрополиях мы делим на четыре пункта: а) необходимы ли в России митрополии с особыми правами? б) не будут ли они в противоречии с государственным единством? в) каковы должны быть преимущества митрополичьей власти? г) где и из каких городов должны состоять митрополичьи области?

А) Необходимость митрополий с особыми правами вызывается следующими соображениями. И церковная история и многочисленные канонические постановления указывают на плодотворность, законность и устойчивость митрополий, как института церковного управления. И у нас, в России, приведение в действие прав и обязанностей, которые были возложены канонами на митрополитов, не может быть оспариваемо.

Причинами, вызывавшими учреждение областных церковных автономий в греческой Церкви, были: разноплеменность населения, обширность областей, исторические преимущества некоторых Церквей, неудобство сообщений и другие. Эти причины существуют и у нас. Про разноплеменность и обширность России нечего и говорить. Неудобство сообщений и доныне существует в некоторых областях империи. От этого Сибирь, например, страдает едва ли не более древних византийских провинций. Тогда дороги были одинаково плохи приблизительно везде, а ныне одни области могут быстро сообщать на предъявленные им запросы свои желания и мнения, а другие, за дальностью и бездорожьем, пожалуй, и совсем не запрашиваются.

В числе причин к учреждению митрополий были исторические преимущества некоторых Церквей. Нельзя отрицать особых преимуществ и за некоторыми русскими епископиями. Такова Киевская, явившаяся первоначальным центром, из которого вера Христова распространилась по всей Руси. Такова Московская, основанная знаменитым святителем Петром, имевшая в ряду своих архипастырей целый сонм знаменитых иерархов и как столичная область князей и царей Московских. Такова Петербургская — как епархия столицы Российской империи, как средоточие высшего управления всей Российской Церковью. К этой же категории можно отнести те епископии, которые в

минувшие времена имели архипастырей с особыми преимуществами власти или чести, таковы Новгородская, Казанская и другие.

Необходимость учреждения митрополий вызывается также желанием объединения особых мероприятий, которые проводятся в разных территориях империи по распространению Христовой веры и охранению прав православия. Да и вообще местные условия выдвигают особые задачи, разрешение которых ближе всего заинтересовывает или озабочивает лишь ближайших соседних епископов, часто требуя притом скорейшего исполнения. Кроме того, компетентность, осведомленность архипастырей данного округа несомненно выше, нежели вообще всех прочих, за отдаленностью не могущих знать местных нужд и настроения жителей.

Б) Митрополии с их предполагаемыми областными соборами вовсе не являются совершенными автономиями. За исключением дел «второстепенной важности» и мероприятий, касающихся интересов местной Церкви, — во всем остальном, а главное в полной иерархической субординации, митрополит будет состоять в зависимости от центрального духовного начальства, будет ли то патриарх или, как ныне, Святейший Синод.

Затем, нынешнее время есть, несомненно, время всеобщей децентрализации, и — насколько можно судить издалека — Императорское Правительство не видит в этом особой опасности. Не только остаются в разных местах генерал-губернаторы с весьма большими полномочиями и пределами власти, но даже учреждаются целые наместничества с присвоением их начальникам обширнейших прав во всех областях государственного управления. Можно полагать, что и областные митрополии (хотя бы и на окраинах) не представят угрозы государственному единству и целостности Российской империи.

В) Права, преимущества и круг деятельности областных митрополитов должны быть теми, какими известны из истории христианской Церкви — в том виде, как определились они к концу соборного периода по различным каноническим определениям (главнейшие из них следующие: Апост. 34-е; I Всел. Соб. 6-е; Антиох. 9-е; Лаод. 57-е; IV Всел. Соб. 25-е; I Всел. Соб. 4-е; IV Всел. Соб. 28-е; Антиох. 19-е; Апост. 37-е; Антиох. 20-е; IV Всел. Соб. 19-е; VI Всел. Соб. 8-е; Антиох. 16-е; IV Всел. Соб. 9-е; Сард. 14-е; Карф. 28-е, 37-е, 139-е; Антиох. 14-е и др.).

Г) Согласно указаниям Церковной истории и многочисленным каноническим определениям (например IV Всел. Соб. 17-е пр.; VI Всел. Соб. 38-е пр.), при решении вопроса о том, где должны быть митрополии, должно руководиться, во-первых, гражданским делением государства (древние диоцезы, нынешние генерал-губернаторства и подобные им административные единицы), а во-вторых — сравнительной древностью и авторитетом епископии. По нужде, как было и прежде, так могут быть сделаны и теперь некоторые отступления.

Сообразуясь с такой точкой зрения, деление российской Церкви на округа можно предположить в таком виде:

1) Митрополия Московская [1], включающая в себя епархии коренного великорусского центра: Московскую, Владимирскую, Рязанскую, Ярославскую, Тверскую, Костромскую, Калужскую, Тульскую, Курскую, Орловскую и Смоленскую.

2) Митрополия Киевская [1], обнимающая епископии с малорусским (преимущественно) населением: Киевскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Подольскую, Волынскую и Воронежскую.

3) Митрополия С.-Петербургская [1], обнимающая северо-запад и север европейской России со включением Финляндии (по малочисленности ее православного элемента), т. е. епархии: С.-Петербургскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую, Рижскую, Архангельскую, Вологодскую и Финляндскую.

4) Митрополия Новороссийская (Одесса), включающая в свой район край степной европейской России, т. е. епархии: Херсонско-Одесскую, Таврическую, Екатеринославскую, Кишиневскую и Донскую.

5) Митрополия Виленская с губерниями Белорусско-Литовского края и русской Польши, которая, подобно Финляндии, имеет особого генерал-губернатора, но по тем же соображениям не имеет основания для особой митрополии. Сюда должны войти епархии: Литовско-Виленская, Полоцко-Витебская, Гродненская, Минская, Могилевская, Варшавская и Холмская.

6) Митрополия Кавказская в приблизительном объеме нынешнего экзархата, т. е. епископий: Карталинско-Кахетинской, Гурийско-Мингрельской, Имеретинской, Сухумской (Горийской, Алавердской) и Владикавказской.

7) Митрополия Казанская, с епархиями среднего Поволжья и Востока европейской России: Казанской, Нижегородской, Вятской, Пермской, Уфимской, Симбирской и Екатеринбургской.

8) Митрополия Саратовская, в которую должны войти: а) епархии, входившие некогда в состав Астраханской, и б) владения в так называемых среднеазиатских областях. Разделить эту митрополию на две нельзя — по малочисленности православного населения в среднеазиатских владениях. К тому же, и в европейской и азиатской областях, отходящих к Саратову, живет много и единоплеменных и единоверных народов (магометане). Таким образом, к Саратовской митрополии должны бы отойти епархии: Астраханская, Саратовская, Пензенская, Тамбовская, Оренбургская, Самарская, Ставропольская и Туркестанско-Ташкентская.

9) Митрополия Западно-Сибирская, обнимающая епархии: Омско-Семипалатинскую, Тобольскую, Томскую и Енисейско-Красноярскую (центр — гор. Омск или гор. Томск).

10) Митрополия Иркутская — митрополия всей восточной Сибири и всех американских православных поселений, т. е. епархий: Иркутской, Якутской, Приамурско-Благовещенской, Владивостоко-Камчатской, Манджурско-Приморской (Забайкальско-Нерчинской) и Алеутско-Северо-Американской.

---

[1] В случае открытия патриархата в Москве, Киеве или Петербурге подлежащие митрополии переносятся в ближайшие достойнейшие грады: Владимир, Чернигов, Новгород (наподобие митрополии Крутицкой в московский патриарший период).

Два существенных недостатка отмечаются в современном епархиальном управлении: 1) консистории при соблюдении устарелых форм делопроизводства обременены формальным письменным производством, и 2) одному епископу, при разнообразии и обособленности других вспомогательных епархиально-административных учреждений (по делам училищным, миссионерским, попечительским, свечно-заводским и проч.), крайне затруднительно направлять всю совокупность дел и интересов сих учреждений к правильному и согласному действию. Посему требуется, с одной стороны, учредить такой епархиальный орган епископской власти, который объединил бы в своем ведении всю область епархиального управления, а с другой — установить для сего органа новые формы делопроизводства и освободить его от массы дел через выделение менее важных из них в ведение низших, вспомогательных епархиальных учреждений.

Применительно к началам и целям, здесь обозначенным, проектируется самый состав епархиального управления и суда в следующем виде:

А) Высшим и ближайшим к епископу органом епархиального управления должен быть *епархиальный духовный совет пресвитеров*. Но сей епархиальный духовный совет пресвитеров должен иметь при епископе значение совещательного и вспомогательного учреждения, содействующего епископу в управлении епархией. Он должен быть освобожден от множества неважных дел, которые могут быть переданы низшему органу епархиального управления. Таковы дела, предназначенные для решения епископа и вносимые в епархиальный духовный совет:

о рукоположении священнослужителей, определении и перемещении их на вакантные места, определении и увольнении настоятелей и настоятельниц монастырей, о сложении священнического сана и монашества по прошениям, об увольнении священноцерковнослужителей за штат по прошениям, о представлении их к пенсиям, об определении и увольнении секретаря и чиновников епархиального духовного совета;

об имуществах и капиталах архиерейского дома и монастырей, об учреждении новых самостоятельных приходов, о постройке новых церквей, молитвенных домов и часовен и о упразднении оных за ветхостью, излишеством и пожаром, о сборе с церквей на содержание духовно-учебных заведений;

об охранении и распространении веры Христовой и об искоренении суеверий в народе;

о расторжении браков и о браках, совершенных незаконно, о наложении церковной епитимии за проступки и преступления по приговорам судебных мест и производящимся в консистории делам, влекущим за собой монастырское заключение свыше 3-х месяцев, а также низведение виновного на низшую степень священства и лишение сана и проч., и проч.;

рассмотрение и утверждение важнейших дел по разным учреждениям епархии.

Для рассмотрения и решения поступивших в епархиальный духовный совет важных дел епископ лично присутствует в епархиальном духовном совете и, отобрав мнение у членов совета, постановляет решение. Состоявшееся решение тотчас записывается, и по оному делается постановление. Члены, в случае несогласия своего мнения с решением епископа, могут требовать занесения его в протокол. В случае невозможности для епископа быть в епархиальном совете в определенный день он может поручать председательство в епархиальном совете и решение известного рода дел своему викарию, где таковой имеется, или старшему члену. Дела же более важные, не требующие спешного решения, могут откладываться до личного председательства в епархиальном совете, так как отсутствие епископа из епархиального города не должно быть очень продолжительно.

Членов епархиального духовного совета должно быть от 4-х до 6-ти; половина этих членов избирается самим епископом, а избрание другой половины членов предоставляется духовенству на епархиальном съезде. Члены избираются на пять лет и утверждаются своим епископом. Временное устранение или увольнение члена из епархиального духовного совета, прежде окончания срока избрания, может быть допускаемо епископом или по собственному прошению, или по суду. Для рассмотрения и решения важнейших дел по учебной и воспитательной частям епархиального училищного совета, духовной семинарии, мужских и женских духовных училищ, миссионерского комитета, братства, свечного завода и других духовных учреждений приглашаются в епархиальный духовный совет с правом голоса председатели сих учреждений. Секретарь и другие чиновники епархиального совета должны избираться самим советом и утверждаться епископом. Секретарем совета должно быть лицо, имеющее по возможности юридическое и специально-каноническое образование (лицо это не должно быть непременно светским чиновником, но может иметь и священный сан). Как постоянным членам епархиального духовного совета, так и всем чиновникам должно быть положено определенное соответственное жалованье из казенных сумм, а за недостаточностью их — из общих церковных сумм или же местных.

Б) Для заведования епархиальными делами меньшего значения должен быть образован, в помощь епископам, низший административный орган — *благочиннический совет*. Духовенство округа избирает из среды себя на три года двоих, пользующихся опытностью и уважением, священников, из которых и местного благочинного, назначаемого епископом, составляется совет. В заведование благочиннического совета могла бы отойти весьма значительная часть дел, в настоящее время находящихся частью в ведении епископов и консисторий, частью в ведении благочинных, частью — других учреждений. Так, ведению благочиннического совета могли бы быть предоставлены следующие дела:

а) Выдача, прием, просмотр всех приходских отчетностей, метрических, исповедных и приходо-расходных книг со всего округа, с ответственностью за их исправность.

б) Выдача всяких справок и выписок из метрических книг и других церковных документов — с тем, чтобы и все гражданские и присутственные места признавали за этими выписками и справками такое же официальное значение, как за получаемыми ныне из консистории. Это весьма облегчило бы всех имеющих нужду в метрических свидетельствах и вынужденных в настоящее время брать их с значительными затратами лишь в губернском городе, в консистории. Те же выписки, какие ныне предоставляется выдавать самим приходским причтам, должны и на будущее время оставаться в их ведении.

в) Наблюдение за подновлением и постройками церквей, находящихся в их округе, исключая разрешения на построение новых церквей, которые должны оставаться в ведении епархиального духовного совета.

г) Разрешение всяких местных церковных расходов, по заявлениям причтов.

д) Утверждение церковных старост, членов попечительства и других приходских учреждений, и другие менее важные дела.

е) Рассмотрение споров и недоразумений, возникающих между членами причтов по словесным жалобам кого-либо из них.

В) Для разбора незначительных жалоб и распрей, возникающих между членами причта, или же между причтом и прихожанами, и вообще таких проступков духовных лиц, за которые полагаются в настоящее время низшие виды наказаний, а именно: замечание, выговор без внесения в послужной список, денежный штраф, монастырская епитимия до трех месяцев без запрещения в священнослужении, — должны быть *духовные судьи.*

Духовный судья избирается для каждого узда священноцерковнослужителями уезда из лиц достаточно опытных и не бывших под судом. Избранный для известного уезда судья-священник должен быть бесприходный, причисленный к церкви того города или села, где будет иметь местожительство. Духовный судья должен быть обеспечен приличным содержанием.

Духовный судья приступает к разбору дела по сообщениям епархиального начальства или благочиннического совета, а равно и частных лиц в том месте, где возникли жалобы. Он разбирает все дела гласно. По выслушании разных сторон составляется протокол, постановляется приговор и объявляется оный.

В интересах церковного правосудия представляется полезным для дел того же рода, т. е. меньшей важности, учредить апелляционную инстанцию — *съезд духовных судей* епархии. По апелляционной жалобе на приговор духовного судьи известного уезда съезд всех духовных судей епархии, признав жалобу уважительной, может отменить его приговор и постановить свое решение, которое почитается окончательным и никакому обжалованию не подлежит. Таковые съезды духовных судей епархии могли бы быть два раза в год — в мае и сентябре месяцах в том месте, где сами судьи сочтут для себя удобным собраться.

Г) Для производства следствий по важным обвинениям и жалобам на священноцерковнослужителей как белого, так и черного духовенства, должны

быть особые *духовные следователи*. Духовными следователями должны быть люди по возможности со значительным церковно-юридическим образованием, избираемые самим духовенством. Духовных следователей должно быть по числу уездов в епархии. Такими следователями могут быть и лица, не имеющие духовного сана; если же духовный следователь — священник, то он должен быть бесприходный, причисленный только к штату кафедрального или уездного собора. Следователь должен быть обеспечен приличным содержанием.

Духовный следователь приступает к предварительному следствию не иначе, как по предписанию епархиального духовного совета в той местности, где находится обвиняемый и где совершено то или другое преступление. Предварительное следствие, которое духовный следователь признает оконченным, представляется им епархиальному духовному совету. Совет, признав следствие произведенным достаточно полно, приступает к суду. Судопроизводство должно быть гласное.

Представленные доказательства поверяются и, если нужно, дополняются в заседании суда рассмотрением подлинных протоколов и других доказательств и отобранием показаний от подсудимого, свидетелей и участвующих в деле лиц. В вопросах и прениях на суде предоставляется принимать участие как обвинителю, так и подсудимому или его защитнику. После совещания приговор постановляется по внутреннему убеждению членов совета, записывается в протокол и объявляется немедленно. Приговор, против которого в двухнедельный со дня объявления срок не последовало ни протеста обвинителя, ни отзыва подсудимого или его защитника, почитается вступившим в законную силу. Если же подсудимый заявит неудовольствие на решение епархиального духовного совета, то все дело переносится на рассмотрение окружного митрополита, который или утверждает постановление епархиального духовного совета, или же отменяет оное и дает свое заключение.

Что касается бракоразводных дел, то можно бы проектировать следующее:

а) Дела о многобрачии, о вступлении в брак в недозволенных степенях родства или свойства, о браках лиц, не достигших совершеннолетия, решаются прежде в епархиальном духовном совете и, по окончании над виновными суда духовного, поступают к суду уголовному.

б) Дела о расторжении брака по безвестному отсутствию одного из супругов в течение пяти лет или по неспособности к брачной жизни, производятся в гражданском суде, который, в случае признания безвестного отсутствия доказанным или признания действительной неспособности к брачной жизни, сообщает свое решение епархиальному начальству для расторжения брака.

в) По просьбам о расторжении браков по причине присуждения одного супруга к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния, епархиальный духовный совет решает дело тогда, когда просящий расторжения представит епархиальному начальству подлинный судебный приговор по сему делу или засвидетельствованную копию.

г) Желающие расторжения брака по нарушению святости оного прелюбодеянием обращаются к епархиальному архиерею, который поручает духовным отцам супругов сделать им увещание, чтобы они оставались в брачном союзе. Если увещание окажется безуспешным, то дело о расторжении брака передается духовному следователю, который производит судоговорение и спрос свидетелей по известному делу. Дело о расторжении брака производится при закрытых дверях. Все добытое следователем после судоговорения и спроса свидетелей представляется в епархиальный духовный совет, который постановляет решение о расторжении брака на основании существующих постановлений.

III. О приходе

Приход — это малая Церковь, а Церковь, по учению апостола Павла (Рим. 12:4—5), есть живой организм, тело; члены Церкви — духовенство и народ — это члены одного живого тела, составляющие все вместе одно целое. Посему в нормальном приходе связь между пастырем и прихожанами и у прихожан между собой столь тесная, живая, сколь тесна связь между членами в живом человеческом теле.

Между тем в действительности, у причта с прихожанами и у прихожан между собою нет органического, внутреннего единения, связи, т. е. нет общности интересов, нет совместной деятельности, направленной к подъему христианской жизни в приходе. Если и существует какая связь, то разве внешняя, случайная.

Устранить указанную разобщенность в приходе и восстановить единение возможно, по мнению некоторых, посредством дарования приходу права: 1) выбирать себе членов причта, 2) заведовать нуждами прихода через церковно-приходское попечительство и 3) распоряжаться церковным достоянием.

1) Но выборное начало, как идеальное в принципе, в настоящее время трудно осуществимо — ввиду того, что наш простой народ не может выделять из себя просвещенных пастырей и, по темноте своей, не может правильно оценить кандидата священства. В случае осуществления этого начала во главе народа будут полуграмотные начетчики. Если же брать кандидатов священства подготовленных, из семинарий и академий, — их народ не знает; значит, выбор невозможен.

2) Церковно-приходское попечительство, при современных условиях, должно быть признано лучшим средством для выражения приходской жизни, как учреждение, в котором причт и прихожане вступают в союз для достижения благотворительных и просветительных целей.

Это учреждение вызвано к бытию «для попечения о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении, а также об устройстве первоначального обучения детей, и для благотворительных действий в пределах прихода» (§ 1 Полож.). Круг обязанностей попечи-

тельств указывается в § 5 Положения. В числе их, между прочим, находится забота об изыскании средств для учреждения в приходе школы, больницы, богадельни, приюта и других благотворительных заведений. Члены попечительства избираются в определенном числе и на определенный срок общим собранием прихожан; общее же собрание принимает от попечительства отчет в его действиях и в заведываемых им суммах и имуществе. Местной епархиальной власти дано было право открывать попечительства; в дальнейшем же своем существовании эти учреждения предоставлялись себе. В основу их положены начала свободы деятельности и самоуправления. К сожалению, опыт показал, что многие из них еле влачат свое жалкое существование, а кое-где и совсем позакрылись вследствие того, что простой наш народ беден; обремененный разными податями и общественными работами, он уклоняется от всего, что требует от него новых расходов, а ведь учреждение попечительств обязательно предполагает существование разных взносов. Что же касается до интеллигенции, если она имеется в наших деревнях и селах, то помещики и разночинцы, составляющие ее, мало в большинстве случаев интересуются жизнью прихода и церкви. При таком контингенте прихода трудно вести дело священнику: что ни задумай он, все разбивается о равнодушие богатых и бедность бедных. Вот почему, между прочим, духовенство иногда неохотно устраивает попечительства; при равнодушии прихожан к делам прихода священники смотрят на попечительства, как на обузу для себя, излишнее обременение. Между тем именно попечительства вместе с братствами и могут служить, при настоящих условиях, самым лучшим, самым ярким выражением жизни приходской общины. При многих столичных церквах они успели развить широкую благотворительность и просветительную деятельность, да и по селам местами в них прекрасно осуществляются все характерные черты древнерусского прихода, за исключением выборного начала. В целях религиозно-нравственного просвещения прихода они заводят школы, народные библиотеки и читальни, устраивают внебогослужебные беседы; организуют певческие хоры; мало того — принимают меры к искоренению пьянства и разгула в народе и к разумному провождению последним праздничного досуга; принимают на себя заботы о медицинской помощи населению, устраивая больницы, приемные покои; основывают приюты, ясли, богадельни; оказывают помощь нуждающимся деньгами, вещами и сельскохозяйственными продуктами; берут на себя руководительство по правильной постановке сельского хозяйства во всех его видах. Большинство из действующих попечительств, правда, не развивает такой обширной деятельности, а замыкается в тесном круге забот только по благоустройству своего храма; но это же является и доказательством того, что церковное хозяйство, от заведования которым община устранена, дорого для нее: иначе бы она через свое попечительство не на нужды храма скорее устремила свое внимание, а на школы и другие просветительно-благотворительные учреждения. Так как многие из приходов не имеют церковно-приходских попечительств, то следует сделать их при всех церквах обязательными. Организацию попечительств надо несколько изменить, а именно:

Членами попечительства должны считаться все прихожане и прихожанки, вполне зрелые возрастом, т. е. достигшие 30-ти лет. Для постоянных занятий делами попечительства прихожане избирают из своей среды особых лиц, по одному от каждого десятка дворов. Из них, если это возможно, одного избирают председателем (им может быть и священник, если того пожелают прихожане), другого — казначеем и третьего — секретарем, которые утверждаются в своем звании епархиальным начальством. Организация церковно-приходского попечительства должна быть рассчитана на полное удовлетворение внутри прихода всех потребностей — и социально-нравственных и экономических. С этой целью должно расширить круг деятельности попечительства до возможной степени, подразделив ее, где это окажется возможно и удобно, на следующие пять отделов, отвечающих запросам современной приходской жизни: а) религиозно-нравственный — сюда относится миссия среди нехристиан, сектантов и раскольников, борьба с пороками: пьянством, распутством, сквернословием; б) образовательный — сюда относится устройство школ, библиотек, читален и т. п.; в) благотворительный, который устраивает приюты, богадельни, больницы, вспомогательные кассы и пр.; г) сельскохозяйственный и д) церковно-причтовый.

Хорошо было бы при этом установить для каждого отдела особую книгу, чтобы каждый жертвователь мог направлять свою жертву туда, куда он желает. Это могло бы способствовать большему притоку пожертвований. Бумажное делопроизводство попечительства должно быть упрощено до возможной степени. Попечительство должно пользоваться самой широкой автономией и быть отнюдь не стесняемо в своей просветительной и благотворительной деятельности. Раз прихожане будут свободно привлечены ко всякому делу прихода на автономных началах, они сблизятся между собой, произойдет между ними обмен мнениями, будут вырабатываться новые планы: это и послужит началом новой церковной жизни.

3) Точно так же и привлечение приходской общины к участию в церковном хозяйстве может явиться одним из самых действительных средств к оживлению приходской жизни. Деятельное участие прихода в церковном хозяйстве значительно облегчило бы священнику и причту обязанность контроля действий старосты — тяжелую обязанность, ибо на почве этого контроля легко возникают разные «недоразумения» и размолвки между старостами и причтом. Являясь «поверенным прихода», староста пользуется подчас излишним доверием со стороны последнего; его действий избранные прихожане не проверяют, даже не желают, опасаясь, как бы его не обидеть. Понятно, что при таком невмешательстве со стороны прихода в дела старосты им крайне неприязненно встречается всякая попытка священника и причта проверить его. В результате часто бывает, что подозреваемая недобросовестность старосты остается недознанной, а в церковном хозяйстве между тем недочеты. Совсем другое дело было бы, если бы сам приход, принимая близкое участие в делах церковного хозяйства, взял на себя фактически контроль действий своего поверенного. Обязанный не только законом, но и самим укладом при-

ходской жизни к строгой отчетности, церковный староста был бы приучен к частой проверке имеющихся у него на руках денежных сумм и вовсе бы не имел оснований считать таковую за знак недоверия к нему, зная, что так везде делается по закону, а не по подозрению на личный счет каждого. Формальной проверки правильности итогов в приходо-расходных книгах, к чему сводится вся деятельность двух приходских представителей, слишком недостаточно. Это не есть живое и деятельное участие всего прихода в жизни храма. Ненормально, чтобы староста, как это нередко бывает, самовластно и независимо распоряжался церковным хозяйством, не справляясь с желанием прихода. Церковное имущество приобретается ведь на средства членов прихода, составляется из тех трудовых копеек, которые жертвуются ими на нужды храма; поэтому естественно, чтобы прихожанам предоставлено было право принимать близкое участие в ведении церковного хозяйства и в движении церковных сумм.

При этом, впрочем, нужно опасаться того, что прихожане, увлекшись предоставленными им правами в широких размерах участвовать в церковном хозяйстве, позабудут о своих обязанностях, стеснят духовенство, и вместо устроения получится полное расстройство в церковных делах. Народ еще в массе слишком неразвит, чтобы мог здраво проявить свою правоспособность. Юридической личностью признать приход еще можно, т. е. можно перевести на него права юридического лица, могущего приобретать собственность и владеть ею, каковым в настоящее время признается храм — церковь в смысле здания. И в настоящее время приходская община до некоторой степени пользуется церковным имуществом, восхищаясь благолепием храма, наслаждаясь звуками колокола, чудным пением хора; но как теперь, так и по даровании приходу прав юридической личности, все равно отдельный прихожанин не будет считаться владельцем церковного здания с его инвентарем и ни одной вещью не вправе будет воспользоваться для домашних целей. Таким образом, признание за приходом прав юридического лица в существе дела не внесет никаких изменений в отношения приходской общины к церковному достоянию, и каждый член общины будет по-прежнему только номинальным собственником последнего. Надо устроить так, чтобы церковное хозяйство составляло гордость каждого члена прихода, предмет его радости, забот и попечений. Радея о храме и церковном имуществе, каждый прихожанин стал бы трудиться для себя и в сознании этого почерпал бы бодрость и энергию.

Однако если и возможно в практическом отношении признать приход юридическим лицом в делах по приобретению церковного имущества и по заведованию церковным хозяйством, это еще не значит, что можно будет поручить приходской общине бесконтрольное ведение сего последнего. Абсолютная автономия, кроме вреда, церковному хозяйству едва ли что̀ может принести. Кто поручится за то, что с ней не связан будет целый ряд разного рода неурядиц и беспорядков в области церковного хозяйства? Посему высшее наблюдение за расходованием церковных сумм по-прежнему должно принадлежать духовной власти, иначе у прихода порвется связь с еписко-

пом, — а это — против общих канонических положений, требующих постоянной, самой живой и искренней связи епархиальной паствы со своим епископом, — и нарушится единство в ведении всероссийского церковного достояния. Епископу всегда принадлежало верховное право на распоряжение церковным имуществом — право, с канонической точки зрения несомненное.

С другой стороны, нормировка прав приходской общины по заведованию церковным хозяйством нужна и потому, что, при настоящих культурных условиях нашей деревни, сельские прихожане не всегда могут обнаруживать правильное понимание относительной важности отдельных церковных нужд. Необходимо установить такой порядок, чтобы церковные суммы, собираемые в храме и на храм расходуемые, тратились прежде всего только на действительные церковные нужды — острого, так сказать, характера, и чтобы это расходование, будучи гласным, служило выражением единодушной воли всего прихода, со священником во главе. Но, чтобы усердие прихожан к благолепию своего храма никогда не оскудевало, необходимо сократить до минимума, если не совсем уничтожить, ту канцелярскую переписку, с которой связано в последнее время получение приходом разрешения на производство того или другого крупного расхода из церковных сумм на церковные же нужды.

Церковные суммы должны быть употребляемы только на церковные потребности, на нужды своего храма. Однако нельзя обойтись без исключений из этого положения. Известный процент из церковно-приходских денег должен идти на содержание духовно-учебных заведений. Эти школы приготовляют пастырей для народа, следовательно — имеют в виду его же духовные интересы. Затем, известный процент с церковных доходов и, конечно, одинаковый и неизменный для всех приходов должен идти и вообще на содержание тех учреждений, организация которых невозможна в пределах одного прихода. Это необходимо, пока Правительство не взяло на себя заботы об отпуске специальных средств на общеепархиальные нужды.

Но желательно вместе с тем, чтобы расходование церковного достояния на нужды за пределами прихода имело место по возможности только в случае излишка и было совершенно добровольным, и чтобы каждый приход, в лице своих представителей, имел возможность следить за порядком расходования этих отчислений. Наши церкви в настоящее время слишком обременены различными поборами. Пора бы подумать об их сокращении. Заведование приходом, церковным хозяйством и церковными суммами должно производиться при посредстве особого комитета из выборных от прихода, назначаемых общим собранием прихожан. Эти общеприходские собрания устраиваются два раза в год, в сроки, определяемые местными условиями жизни. На них определяется число и срок службы выборных от прихода. Последние на приходских собраниях делают заявления, насколько целесообразно расходуются церковные суммы. Ревизуя правильность этого расхода, выборные в потребных случаях дают по сему вопросу свои заключения местному благочинному и могут входить со своими заявлениями по экономическим церковным вопросам к епархиальному преосвященному. Составляя ревизионно-наблюдатель-

ный комитет, они имеют, таким образом, голос совещательный, но не решающий, который принадлежит общему приходскому собранию.

Само собою разумеется, что ни церковно-приходским попечительством, ни предоставлением прихожанам права владеть церковным имуществом нельзя в короткое время сплотить в приходе многих или всех вместе в один союз приходский. Для этого нужны годы. Долголетняя совместная деятельность сближает людей и, в частности, пастыря с пасомыми, облегчая тем благотворное воздействие пастыря на пасомых. Посему было бы желательно, чтобы священник, полюбивший приход и излюбленный приходом, до самой смерти своей оставался в одном приходе, работая над приходской организацией. Если это бедный приход, то лучше усилить казенное материальное обеспечение, чем переводить священника на другое место.

К единению пастыря с пасомыми, главным образом, должно служить освобождение священнослужителей от теперешней экономической зависимости от прихожан. Этого можно достигнуть путем замены ныне практикуемого способа вознаграждения за требы определенным жалованьем. Средства для него могут быть взяты из того же источника, из которого получают доход священнослужители теперь. Ныне в общем прихожанин дает пропорционально своим достаткам. Принцип этот в содержании причта сохранится, если прихожане будут обложены в пользу причта подоходным налогом, в общей своей сумме равным приблизительно той, какую получает каждый причт теперь; а где теперешнее содержание недостаточно, там подоходный налог должен быть, по возможности, увеличен.

Для развития единения священника с прихожанами желательно, наконец, чтобы причт освобожден был от производства так называемого предбрачного «обыска»: пусть будет обязанностью священника только совершение таинства, расследование же о беспрепятственности к браку — дело полиции, на которую и следует возложить эту обязанность.

IV. Об усовершенствовании духовных школ

Вопрос об улучшении воспитания и обучения в духовных семинариях и училищах в настоящее время созрел настолько, что медлить его разрешением уже невозможно. Необходимо реформировать их так, чтобы названные заведения перестали преследовать сразу две различных цели — профессиональную и общеобразовательную. Цели эти могут с успехом осуществляться школами двух типов. Прежде всего необходимо создать новую, специально духовную школу для каждой епархии, дабы в ней по специальному курсу наук учащиеся готовились исключительно к священнослужительскому званию. В такую школу должны поступать уже не мальчики 9—10 лет, как теперь, не отвечающие за свое призвание, а сознательные юноши 17—19 лет, с успехом окончившие курс среднеучебного заведения и свободно пожелавшие принять пастырское служение, к которому они и будут сознательно и усердно готовиться. Такая специально духовная школа должна быть непременно всесо-

словной, т. е. принимать на одинаковых условиях юношей как духовного происхождения, так и из других сословий, но не прежде как по получении ими среднего образования в учебных заведениях с общеобразовательными курсами. Так как общеобразовательные предметы уже пройдены в средней школе, то воспитанникам этой специальной школы с трехгодичным курсом преподаются богословские науки и прививаются знания, в пастырском служении необходимо нужные. В ней можно и должно завести строго церковный образ жизни и порядок, соответствующий будущему высокому служению ее питомцев.

Естественно ожидать, что такие школы с определенной и ясной целью, имея преподавателей, специально знакомых с предметами и средствами, к этой цели относящимися, и принимая воспитанников, добровольно и с разумением избирающих духовное поприще, с бо̀льшим успехом, чем настоящие духовно-учебные заведения, могут вести дело и достигать предопределенного назначения.

Кроме специально духовной, с трехгодичными богословскими курсами, школы необходимо во всех епархиях устроить среднеучебные заведения общеимперского типа, но Духовного Ведомства, чтобы в них детям (мальчикам) местного духовенства давалось такое же общее образование, какое дается в гимназиях гражданских, и с каким, по окончании курса, желающие служить в духовном звании поступали бы в богословскую школу, а не желающие могли уходить в гражданское ведомство и в высшие светские школы наравне с воспитанниками других среднеучебных заведений империи. В среднеучебных заведениях Духовного Ведомства должны быть сохранены для детей местного духовенства существующие для них ныне в училищах и семинариях льготы и привилегии по обучению и содержанию, сравнительно с детьми из других сословий, если бы таковые пожелали поступить на свободные вакансии в этих школах. Православное духовенство в своем большинстве проживает и служит в местах, значительно удаленных от образовательных центров, т. е. не только от губернских, но и от уездных городов, располагающих среднеучебными заведениями гражданского ведомства и всегда переполненными «своими» учениками. В материальном отношении большинство семей православного духовенства очень плохо обеспечено; оно не может прилично содержать своих детей в «чужих» среднеучебных заведениях, при которых не имеется благоустроенных общежитий. Посему если, как теперь, казна церковная и государственная не придут к нему на помощь, дети его обречены будут довольствоваться в отношении образования только средствами народной, низшей школы... Это обстоятельство, без всякого сомнения, явится одним из сильных побуждений для лиц достойных и правоспособных избегать службы в духовном звании. Итак, дети духовенства в «своих» среднеучебных заведениях должны быть свободны от платы за обучение, должны пользоваться общежитиями при них по удешевленным ценам, а сироты — бесплатно. Думается, что предоставление указанных льгот не будет несправедливостью в отношении детей других сословий, если принять во внимание трудность духовной службы и

крайнюю неблаговидность и скудость материальных средств к жизни, особенно у низших клириков-сельчан. По некоторым ведомствам уже практикуется выдача семейным чиновникам казенного пособия на воспитание детей ввиду скудного оклада жалования. Значит, пособие духовным среднеучебным заведениям от церквей епархии и казны, как это делается и в настоящее время, получает смысл необходимой поддержки семейным членам духовенства для приличного воспитания их детей, из числа которых и при новых порядках школьного образования большинство будет избирать профессию своих отцов.

Если почему-либо будет признано неудобным для каждой епархии организовать две самостоятельных школы: для детей духовенства — среднеучебную и для подготовки священнослужителей — специально-духовную, то можно бы наличные духовные училища и семинарии реформировать через приближение их учебного строя к уставу 1867 г. Для сего потребовалось бы курс духовных училищ и четырех классов семинарии совершенно сблизить с курсом восьмиклассных гимназий гражданского ведомства и так, чтобы духовные воспитанники четвертым классом семинарий могли заканчивать среднюю школу с общеобразовательными науками, получать свидетельства или аттестаты, дающие права, равные гимназическим, для поступления на гражданскую службу и во все высшие светские учебные заведения. Для специального подготовления к пастырскому служению, по указаниям устава 1867 года, оставить в семинариях V и VI классы, в которые и будут поступать все желающие пастырского служения юноши, где бы они ни окончили среднюю школу: в гражданском ли или духовном ведомстве.

V. О порядке приобретения церковной собственности

К вопросу о пересмотре законов, касающихся порядка приобретения церковными установлениями православного исповедания недвижимой собственности, относятся: 1) статьи 432, 435, 443 и 445 тома IX законов о состояниях, изд. 1899 г.; 2) статьи 698, 778 и 985 тома X части 1-й законов гражданских изд. 1900 г.; 3) статьи 106 (п. — *в*), 126 и 137 Устава духовных консисторий, изд. 1883 года.

Сущность всех означенных статей закона вообще, за исключением 698 ст. X тома 1 ч. зак. гражд., о которой сказано будет ниже, заключается в том, что монастырям, архиерейским домам и церквам православного исповедания, сверх тех недвижимых имуществ, кои должны быть отводимы им на основании межевых законов и о которых упоминается в 432 и 445 статьях IX тома законов о состояниях, не запрещается приобретать в собственность от частных лиц как покупкой, так и через дар или завещание, всякого рода ненаселенные недвижимые имущества, как-то: дома, лавки и другие строения, а также и земли; но таковые приобретения утверждаются за ними совершением узаконенных крепостных актов не прежде как по соблюдении следующих формальностей: консистория входит в соображение и в сношение, с кем сле-

дует, о том, имеют ли завещатели или жертвователи (а также и продавцы) сами права на таковые распоряжения сими имуществами и соблюдены ли в точности все формы, на подобные случаи установленные. О последствии своих соображений и сношений консистория со своим мнением представляет архиерею, который, если не встретит препятствий к принятию завещанного и жертвуемого (а также покупаемого) недвижимого имущества, доносят о том, с приложением документов, Святейшему Синоду, для испрошения Высочайшего соизволения на укрепление имущества за одним из означенных церковных установлений.

Из многолетней практики разных епархиальных управленни известно, что 1) не все монастыри, архиерейские дома и церкви обеспечены недвижимыми имуществами, следующими им по закону (432 и 445 статьи IX тома законов о состояниях), и 2) что в последнее время в пользу архиерейских домов, за исключением новооткрываемых архиерейских кафедр, никаких пожертвований ни через дар, ни по духовным завещаниям не делается. Пожертвования, преимущественно денежные и ризничные, производятся лишь в пользу церквей и монастырей. В редких весьма случаях по духовным завещаниям делаются иногда пожертвования и недвижимыми имуществами (например, ветхий деревянный дом или таковая же изба, построенные на городской или общественной земле); но эти имущества, по ветхости, малоценности и потому, что подлежат сносу, не могут считаться недвижимыми, а потому об укреплении оных за церквами или монастырями нельзя возбуждать ходатайств, и таких ходатайств никогда и не возбуждалось. Возбуждать таковые ходатайства перед Святейшим Синодом оставалось возможным исключительно в тех случаях, когда являлась настоятельная нужда и представлялась возможность за умеренную цену выгодно приобрести покупкой в церковную или монастырскую собственность недвижимое имущество (например, дом с надворными постройками и усадебной землей, для помещения ли членов причта, необеспеченных от прихожан домами и усадебной землей, или же под монастырскую гостиницу для притекающих богомольцев). Эти ходатайства и возбуждались, но не прежде как по собрании консисторией на месте всех документов, устанавливающих цену имущества, несомненную принадлежность оного продавцу, а также и то, что на имуществе не числится никаких недоимок и что к оному не предъявлено ни исков, ни споров, ни запрещений. Само собой разумеется, что эти ходатайства возбуждались, если продавец в последний момент изъявлял согласие ожидать платы за продаваемое имущество до воспоследования Высочайшего соизволения на укрепление имущества за покупающим учреждением. В противном же случае, когда продавец, нуждаясь неотложно в деньгах и не имея возможности ожидать Высочайшего разрешения, требовал или немедленной уплаты денег, или же возвращения ему документов на имущество, то последнее требование продавца немедленно удовлетворялось, после чего имущество продавалось в посторонние руки, а дело в епархиальном управлении дальнейшим производством мгновенно обрывалось. О таких печальных случаях до сведения Святейшего Синода никогда не доводи-

лось, но они бывали и вызывали ропот за медленность и формализм со стороны лиц купеческого сословия, привыкших вести такие операции посредством телеграфных сношений. Правда, на протяжении многих лет нельзя припомнить случая, когда бы возбужденные епархиальными начальствами перед Святейшим Синодом ходатайства об испрошении Высочайшего соизволения на укрепление за церковью или монастырем покупаемых недвижимых имуществ оставались неудовлетворенными; но это обстоятельство служит наилучшим доказательством того, что епархиальные начальства всегда относились к делам подобного рода с должною осмотрительностью и никогда не дерзали возбуждать ходатайств об испрошении Высочайшего соизволения на укрепление за церковными установлениями ненужных, невыгодных, спорных и тому подобных недвижимых имуществ.

Ввиду вышеизложенного, представляется естественным и вполне целесообразным выразить пожелание, чтобы начертанное в 435 и 443 статьях IX тома законов о состоян., а также 778 и 985 стт. X т. 1 ч. зак. гражд. ограничение, как стеснительное для покупателей и продавцов, вредное для церковных установлений и, за изменением жизненных условий, утратившее свое первоначальное значение, было отменено, и чтобы епархиальным архиереям предоставлено было право самим решать окончательно дела о приобретении церковными установлениями ненаселенных недвижимых имуществ как покупкой, так через дар или завещание. Относительно же порядка, по которому ныне консистория собирает потребные для дел сего рода сведения и выражает мнение, следует заметить, что такой порядок, как показал долговременный опыт, вполне целесообразен; а потому желательно, чтобы этот порядок сохранен был в силе и на дальнейшее время, если, конечно, консистория не заменена будет новым учреждением с новым наименованием, на каковое учреждение должно будет возложить обязанность соблюдать означенный порядок.

Переходя затем к обозрению 698 ст. X т. 1 ч. зак. гражд., изд. 1900 года, находим, что статья эта в десяти пунктах именует лиц, могущих приобретать права на имущество. К числу таких лиц, между прочим, отнесены: в пункте 4-м — дворянские общества, городские общества, сельские общества и земские учреждения; в 5-м — епархиальные начальства, монастыри и церкви; в 7-м — богоугодные заведения; в 10-м — сословия лиц, как-то: товарищества, компании, конкурсы. Ни архиерейские дома, ни епархиальные попечительства о бедных духовного звания, ни церковно-приходские попечительства, ни духовенство, как сословие, в означенной статье закона не поименованы, тогда как архиерейским домам 435 статьею IX т. зак. о состоян., изд. 1899 г., 985 и 1402 стт. X т. 1 ч. зак. гражд., изд. 1900 г., предоставлено несомненное право приобретать в собственность как покупкой, так и через дар или завещания, всякого рода ненаселенные недвижимые имущества. Епархиальным же попечительствам о бедных духовного звания и церковно-приходским попечительствам, для более успешного осуществления возложенных на эти учреждения обязанностей, а также и духовенству, как сословию, для удовлетворения насущных его потребностей, крайне необходимы права юридических лиц на

приобретение в собственность ненаселенных недвижимых имуществ. А потому желательно, чтобы 698 ст. X т. 1 ч. зак. гражд., изд. 1900 г., дополнена была включением в подлежащие пункты всех означенных здесь учреждений и духовенства как сословия.

VI. О епархиальных съездах

Вопрос о том, не следует ли присвоить епархиальным съездам значение вспомогательного при епископе органа не только по вопросам о материальных, но и религиозно-нравственных нуждах, решается в утвердительном смысле. Епархиальные съезды весьма полезно преобразовать в совещательный орган при епископе по вопросам общеепархиального хозяйства и религиозно-нравственного воспитания епархии, в древнехристианский пресвитериум или «совет пресвитеров» (сравн. пр. Вас. Вел. 89-е; Феоф. Ал. 7-е; Апост. 42-е; Антиох. 24-е, 25-е). Важность такого учреждения, правильно организованного и поставленного на твердую почву, велика и несомненна, как не подлежит никакому сомнению и важность основной, строго канонической идеи его о живом, взаимном и постоянном обмене епископа со своими пастырями по делам вверенной епархии. В русской Церкви такого учреждения еще нет, а существующие епархиальные съезды в своем нынешнем положении не отвечают его цели. Нашим съездам духовенства для «пресвитерского совета» при епископе недостает многого: ни соответственной жизнеспособности и опоры, ни регламентации дел, ни компетенции решений. Пределы деятельности наших съездов — везде узки, ограничены, а сфера самостоятельности их — вовсе незначительна. Кроме того, наши съезды сделались исключительно сословными; сословность же их может мешать им в освещении и разрешении некоторых вопросов, касающихся общей приходской жизни. Вследствие всего этого весьма желательно епархиальные съезды приблизить к древнему «пресвитерскому совету», или собору, и придать им канонический характер вспомогательного органа при местном епархиальном епископе, уничтожив их строгую сословность и расширив права и компетенцию, но отнюдь не создавая этим конституционных ограничений святительской власти.

Желаемые прочность положения и авторитетность решений епархиальных съездов в значительной степени могут быть достигнуты при двух главных условиях: 1) если съезды эти будут созываться в каждой епархии регулярно, в известные, однажды установленные сроки, а не по назначению епископа и 2) если председательство на съездах примут сами епархиальные архиереи.

Должны быть непременно сроки для епархиальных съездов, как своего рода соборов, по примеру древней христианской Церкви (см. пр. Апост. 38-е, 34-е; I Всел. Соб. 5-е, 4-е; Антиох. 20-е; VI Всел. Соб. 8-е; IV Всел. Соб. 19-е; VII Всел. Соб. 6-е; Карф. 27-е). Целесообразно думать, что епархиальные съезды должны собираться не менее одного раза в год (удобнее осенью, по окончании полевых работ и до закрытия навигации); в экстренных же случаях

съезды могут быть созываемы и независимо от назначенного срока — волей епископа, для замещения, например, свободных духовных должностей, если бы какие-либо должности на епархиальной службе замещались выборными духовенством лицами.

Епархиальный преосвященный, стоящий во главе всей епархии, пользующийся удобным поводом непосредственно познакомиться со всеми явлениями приходской жизни и воздействовать на духовенство и мирян своим словом и всем нравственным обликом своей личности, естественно, должен стать и председателем епархиального съезда. Решения же съездов от присутствия на них епископа получат высшую санкцию и неоспоримый авторитет в глазах всей епархии. Епархиальный епископ имеет право окончательного решения. Разумеется, в подаче голосов он не участвует, но совместно с депутатами съезда обсуждает вопросы, всесторонне разбирает, рассматривает их. Решение дают депутаты по большинству голосов; однако епископ может быть и несолидарным, несогласным с решением съезда и вправе постановить свое решение или одобрить и утвердить мнение меньшинства. Во избежание же нареканий в произволе и ввиду возвышения своих распоряжений перед лицом всей епархии председательствующий епископ может высказывать съезду и свои доводы и мотивы в пользу предпринятого особого решения, для иллюстрации своей той или иной меры, причем для многих ясно, убедительно будет, что мера епархиального начальника лучше предложенной съездом, и основания его, аргументы — доказательнее, тверже, сильнее.

Епархиальный съезд духовенства должен быть вспомогательным органом при местном епископе и, вместе с тем, средством плодотворного пастырского взаимообщения для самого духовенства. Поэтому дела, подлежащие съезду, должны быть всякого рода: сюда относятся вопросы, касающиеся церковного хозяйства, духовного образования пастырей, епархиального печатного органа, народной веры и нравственности, распространения неправильных учений, состояния благотворительности, миссионерского дела, духовно-учебных заведений, проповедничества, благочиннических библиотек, школьного просвещения народа, отношений духовенства к интеллигенции и общественным движениям и т. п. Вопросы могут предлагаться каждым депутатом в качестве собственного мнения и в виде предложения благочиннических съездов того или другого округа. Вопросы, заранее известные епархиальному архиерею, объявляются через «Епархиальные ведомости» по епархии для предварительного ознакомления с ними депутатов и обсуждения их на благочиннических съездах. Но, понятно, должны приниматься и всякие новые вопросы. Все вопросы заявляются прежде преосвященному председателю съезда; с его разрешения допускается на съезде и чтение, с разбором, рефератов, написанных собравшимися на интересующие их темы. Подобное расширение и оживление занятий епархиальных съездов уже сглаживает односторонне материальное направление их и превращает съезды в живую и солидную церковно-общественную силу.

Односторонность епархиальных съездов еще более сгладится, а церковно-общественное значение их еще более увеличится, если они перестанут быть

сословными, и в них будут принимать некоторое участие миряне (сравн. пр. 7-е Феофил. Ал.). Миряне могут выбираться из церковных старост, из членов церковно-приходских попечительств или братств и из других лиц на благочиннических съездах, куда тоже они должны быть допускаемы. Они принимают участие в обсуждении вопросов, касающихся церковного хозяйства, благотворительности, распространения религиозного образования в народе, возвышения веры и нравственности в приходе и т. п. Но в обсуждении вопросов касательно собственно клира (тем более — взаимных отношений между клириками), епархиальной администрации, духовно-учебных заведений и прочих специальных предметов, миряне не должны участвовать и могут присутствовать на таких заседаниях съездов лишь в качестве свидетелей, и притом — с особого дозволения председателя. Поэтому как дела съезда, так и заседания его должны быть двояки: а) общие церковно-приходские дела — с участием депутатов от мирян и б) дела частные, касающиеся клира и церковной администрации, — без участия мирян. По некоторым отдельным вопросам (например, по рассмотрению отчетов, смет, проектов епархиальных учреждений) съездом могут назначаться комиссии, которые обязаны потом докладывать съезду свои заключения. Обсуждение вопросов должно быть открытое, но при выборах на должности допускается закрытая баллотировка. Председательствующий епископ может не соглашаться с мнением съезда и при выборах на должности, но, в случае несогласия, также мотивирует перед съездом свой выбор.

Все вопросы, мнения и постановления съезда тщательно записываются и подписываются всеми, чтобы эти записи представляли собой правильную хронику течения епархиальной жизни и давали точный материал для проверки правильности течения епархиальной жизни высшей церковной властью. Записи подписывает и епархиальный епископ. Таким образом, эти записи служат одновременно и местными законодательными актами. Если же, по болезни или другой какой-либо причине, епископу случится отсутствовать в съезде, то руководство занятиями съезда он передает кому-нибудь из старейших или опытных депутатов, и тогда уже необходимо ведение особых журналов заседаний съезда. Журналы получают законодательную для епархии силу только по утверждению их епископом.

Депутаты для съездов выбираются на определенный срок в разном числе для разных епархий, соответственно общей численности всего епархиального духовенства. Каждый благочинический округ отправляет на епархиальный съезд не менее двух своих представителей — духовных депутатов и, по крайней мере, одного от мирян, по уполномочию благочинических собраний. Ни один из депутатов не должен быть отводим епархиальным архиереем; каждому депутату начальством гарантируется свобода мнения, в пределах обсуждаемых вопросов, и неприкосновенность личности и занимаемого положения.

Наконец, нельзя не пожелать, чтобы у епархиального съезда была постоянная подготовительная комиссия. Эта комиссия могла бы собираться изредка, периодически и, следя за жизнью духовенства и общества в течение целого

года, постепенно отмечала бы все, что̀ достойно внимания съезда. Такого рода отметки и составили бы собой зерно для докладов очередному годичному съезду духовенства. Подготовительная комиссия не должна состоять из многих членов; для ее назначения достаточно двух-трех членов: двух городских священников, по указанию епископа, и редактора неофициальной части «Епархиальных ведомостей». Достойное обсуждения на епархиальном съезде подготовительная комиссия представляет, перед началом очередного съезда, особым рапортом епархиальному архиерею как председателю всех епархиальных съездов.

VII. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях

Из двух воззрений, существующих между представителями церковного управления и богословской науки по вопросу об участии священнослужителей в общественных учреждениях, следует признать более правильным, более соответствующим современному состоянию общества и более согласным с прямыми обязанностями и вечными началами пастырского служения — то, по которому пастырям Церкви не должны быть чужды и мирские нужды их пасомых.

Было время, когда наше православное духовенство пользовалось большим почетом и оказывало сильное влияние на весь ход государственной и церковно-общественной жизни. Оно было сословием привилегированным, зависимым только от ближайшей епархиальной власти, самостоятельным и передовым. К его голосу прислушивался не только простой народ, но и высшее общество. Приходское духовенство, как вышедшее из народа и передовое, принимало живейшее участие не только в духовных, но и во всех мирских интересах своей паствы; и чем живее где-либо проявлялась жизнь народа, тем более выступало духовенство в качестве руководителей и устроителей гражданской и общественной жизни пасомых. Высшее духовенство заседало в княжеской думе и нередко исполняло дипломатические поручения. Но с Петра I начинается значительное ограничение прав духовенства по участию его в государственных и общественных делах; духовенство лишается и многих привилегий, которыми прежде пользовалось; архиереи и монастыри устраняются от управления своими хозяйствами и пользования своими доходами. С течением времени духовенство еще более было стеснено в своих правах и льготах, так что теперь оно уже не пользуется тем доверием и уважением, каким справедливо пользовалось в старину, и разобщенность между пастырем и паствой все более и более увеличивается. Между тем современное положение государства таково, что авторитетный голос пастыря и его влияние на общественную жизнь теперь особенно необходимы. Что̀ же могло бы оживить пастырскую деятельность духовенства, усилить его влияние на общественную жизнь и возвратить ему подобающее положение? Для этого необходимо расширить права духовенства на участие его в государственных и общественных делах. Это, по-видимому, сознает теперь и само Правительство, Положением

о выборах в Государственную Думу (6 августа 1905 года) предоставив священнослужителям право участвовать через своих уполномоченных в съездах уездных землевладельцев при выборах в Государственную Думу. Однако это — лишь первый шаг на пути расширения гражданских прав духовенства. Необходимо, затем, предоставить духовенству и юридическое право участия в думских и земских собраниях, и притом не в качестве депутатов от Духовного Ведомства, как это теперь законом допускается, но на правах выборных гласных, с правом не только высказывать свое мнение по тем или другим вопросам общественной жизни, но и принимать участие в возбуждении, обсуждении и решении этих вопросов. Только в этом случае голос пастыря в общественных учреждениях будет выслушиваться с должным вниманием.

При существующей ограниченности прав духовенства ныне нередко замечается такое явление, что в возбуждении, обсуждении и решении даже таких вопросов, которые имеют прямое и непосредственное отношение к церковно-общественной жизни или к религиозно-нравственному состоянию нашего общества, пастыри Церкви почти никакого участия не принимают. По-видимому, кто бы, как не приходские пастыри должны принимать самое живое участие в таком истинно христианском, высокогуманном деле, как отрезвление народа на почве преимущественно духовного просвещения его? А между тем, на самом деле, пастыри принимают слишком слабое и, во всяком случае, второстепенное участие в учреждениях попечительства о народной трезвости. Даже высшее и главное руководство в этом деле принадлежит представителям светского общества, а духовенство имеет отношение к нему единственно только через своих депутатов.

Еще более желательно активное участие духовенства, на правах выборных гласных, в таких общественных учреждениях, как губернская дума и земство. В настоящее время, когда общественное движение направлено к пересмотру и улучшению всех сторон современной жизни, городские и земские учреждения в деле народного образования и просвещения начинают проявлять особенно оживленную деятельность: наряду с учреждением школ разного типа открывают народные аудитории и курсы для внешкольного образования, заводят народные читальни и библиотеки, имеют свои книжные склады и тому подобные учреждения, ставящие целью воздействовать на население, на развитие в нем умственных и нравственных сил. Конечно, весьма почтенна и вполне желательна дружная общественная работа на пользу образования и просвещения нашего народа, в громадном большинстве еще невежественного. Но для истинных сынов Церкви, а для пастырей ее в особенности, еще более желательно то, чтобы народное просвещение шло и развивалось не в духе оппозиции Церкви, а в согласии и единении с ее духовно-просветительной деятельностью, на началах истинно православно-русских. Между тем в просветительной деятельности общественных учреждений теперь все более и более усиливается стремление воспитывать и просвещать народ на других началах: на началах жизни, знания и свободы, и притом с исключением из народного образования элемента религиозного или характера церковности. Против тако-

го течения в воззрениях на народное просвещение до сих пор выступали на земских собраниях преимущественно гласные от крестьян. Но нужно заметить, что крестьянский элемент в земстве выражен довольно слабо, несоответственно его численности, и притом представляет из себя умственную силу, далеко недостаточную для того, чтобы умело разобраться при прениях в доводах своих более умственно-развитых противосторонников. Настоит надобность поэтому ввести в число гласных общественных учреждений и представителей от духовенства, чтобы тем усилить в земстве и думе партию ревнителей здравого просвещения народного и дать достаточный противовес либеральной общественной группе, желающей изменить вечным началам истинного образования и просвещения.

Не менее важно и полезно было бы, как в видах благоустройства жизни церковно-приходских общин, так и в интересах добрых взаимных отношений между пастырем и паствой, участие духовенства и в сельских сходах. Будучи духовным руководителем своих прихожан, сельский священник мог бы явиться здесь желанным руководителем их и в делах мирских и своим пастырским авторитетом внести в общинное решение дел и более порядка и более справедливости, чем это теперь замечается. Здесь, на почве общего служения пользам и нуждам общины, между пастырем и пасомыми установилось бы и более полное единение и более крепкая нравственная связь. Народ увидел бы тогда в своем пастыре не только исправного требоисправителя и грозного обличителя, но и доброго отца, с любовью вникающего в мирские нужды и потребности пасомых.

Наконец, дарование духовенству юридического права на активное участие в общественных делах было бы делом и большей справедливости. По действующим положениям городскому и земскому, все имущественные классы, к какому бы состоянию ни принадлежали, имеют право голоса в избрании гласных и могут быть сами избираемы в гласные, если обладают установленным для сего цензом. Пользуясь сим правом, все имущественные классы уже десятки лет избирают из среды своей излюбленных людей для забот о нуждах общественных и имеют в лице их в городских и земских учреждениях не только выразителей своих нужд и потребностей, но и защитников своих сословных интересов. Одно только духовенство до сих пор остается обездоленным, лишенным всякого права участия в интересах общественного управления и до некоторой степени даже вычеркнутым из живой связи общественных классов. Между тем и оно для попечения об общественных нуждах могло бы выставить из своей среды вполне достойных лиц, мужей совета и разума; и оно не менее других сословий нуждается в представительстве и защите своих интересов; и оно, наконец, не менее других общественных классов имеет право на участие в деле общественного самоуправления. Многие из духовенства, как известно, помимо церковных земельных наделов имеют и собственные земельные участки и другие доходные недвижимости, по которым, на общем для всех основании, состоят плательщиками государственных, городских, земских и оценочных сборов. В больших же городах, кроме того, духовенство

имеет попечение о весьма ценных доходных имуществах и является иногда очень крупным плательщиком городского сбора. Казалось бы, если закон не освобождает духовенства от участия в платеже городских и земских сборов по его собственным недвижимостям, то нет никаких оснований отказывать ему и в тех правах и преимуществах, которые соединены с исполнением этого обязательства.

Наконец, нужно сказать и то, что участие пастыря в общественных делах не только не будет отвлекать его от осуществления религиозно-нравственных задач пастырства, но даже может содействовать этому, открывая ему новые пути для проведения в область народной жизни чисто христианских начал и новые способы для утверждения своего нравственно-просветительного влияния.

VIII. О предметах веры

Русская Церковь в настоящее время нуждается в пересмотре и реформировании внешней, обрядовой стороны. Эта сторона церковной жизни не подвергается пересмотру и изменениям уже 2½ столетия и успела за это время во многом устареть и через это утратить принадлежащее ей великое значение — быть проводником Христова учения в жизнь и сознание верующих. В Христовой Церкви только истины веры — догматы — абсолютно неизменны, но внешняя, обрядовая сторона может изменяться и, действительно, во все времена — до самого появления раскола — изменялась и совершенствовалась. Если же форма, в которую облекается учение веры, практически становится неизменной, то невольно к ней привыкают, ее считают самой главной стороной церковной жизни, из-за нее забывают или игнорируют самое содержание веры, а через это самое благочестие становится внешним, обрядовым, фарисейским. У нас в русской Церкви случилось это несчастие: форма, обряд — сковали жизнь; но так как форма эта во многом устарела и не достигает своей цели, то поэтому в настоящее время обрядовая сторона церковной жизни не создает надлежащим образом настроения верующих, а во многих случаях препятствует его развитию.

Следует обратить внимание на следующие церковно-обрядовые стороны в жизни русской Церкви:

1) Следует пересмотреть текст богослужебных книг. В православном христианском богослужении главное место принадлежит слову, посредством которого передается сознанию верующих все богатство и разнообразие содержания христианства. Но это содержание с каждым десятилетием становится все менее и менее понятным не только для людей простых, но даже и для лиц богословски образованных. Это обстоятельство объясняется двумя причинами: обилием непонятных, устаревших слов и выражений, успевших накопиться в церковных книгах главным образом в последние два столетия, — и, затем, конструкцией богослужебного текста, чуждой славянскому языку и являющейся точным отображением конструкции греческого текста: переводчи-

ки переводили слово за словом. Желательно при исправлении книг: произвести замену устаревших славянских слов и выражений славянскими же, но заимствованными из новославянского наречия понятными словами и выражениями; перевести некоторые молитвы и песнопения, особенно каноны, вновь и при этом не придерживаться механически конструкции греческого текста, а выработать конструкцию, присущую славянскому языку. При проведении настоящей реформы следует иметь в виду, что исправление книг до патриарха Никона было у нас, по свидетельству истории, делом обычным.

2) Следует поднять церковную проповедь и поставить ее на такую высоту, чтобы эта важнейшая часть богослужения действительно влияла на народ и через это достигала своих целей. Проповедь должна быть живым, свободным словом пастыря, если возможно — импровизацией; только такая проповедь, отвечающая на действительные запросы и нужды слушателей, может быть плодотворной. Стоять проповеди на надлежащей высоте мешают два обстоятельства: схоластическая постановка гомилетики в семинарии и цензура проповеди. Следует: дать надлежащую постановку гомилетике в семинарии, где обращать главное внимание на развитие в учениках присущего каждому человеку дара свободного слова; отменить цензуру проповеди, кроме тех случаев, когда проповедь имеет быть произнесена в царские дни, в архиерейском служении и в других случаях, подобных этим.

3) Следует освободить храм Божий от служения целям, не имеющим прямого отношения к облагодатствованию, к молитве и духовному назиданию верующих. Эти прямые задачи храма парализуются многочисленными денежными сборами на самый храм, на причт и на разные нужды, общего с храмом ничего не имеющие. На служение этим коммерческим целям привлекается и проповедь, которая во дни сборов, преимущественно в великие праздники, низводится со своей высоты и превращается в простое приглашение с церковного амвона к денежному пожертвованию. Храм должен быть неприкосновенен; поэтому необходимый сбор в пользу храма нужно производить в притворе; сборы для клира совершенно сделать ненужными дарованием ему определенного содержания или от казны, или от прихода; всякие же другие сборы, в таком неимоверном количестве явившиеся в последнее время, отменить навсегда, как не имеющие никакого отношения к храму Божию и задачам церковного богослужения.

4) Следует обратить внимание на церковное пение при богослужении и вменить в обязанность настоятелям церквей и регентам исполнять при богослужении только такие напевы, которые строго соответствуют духу православного богослужения. В настоящее время в выборе напевов у нас царит великий произвол и беспорядок: избираются пиесы крикливые, вычурные, в духе итальянской музыки; по причине этого иногда храм Божий превращается в музыкальный зал, а религиозно-молитвенное настроение — в художественно-эстетическое.

5) Необходимо пересмотреть церковный устав. Эта священная книга, предназначенная регулировать формы и порядок церковного богослужения,

не подвергается никаким изменениям с 1682 года и за этот продолжительный срок неподвижности успела приобрести в глазах ревнителей благочестия характер чего-то вечного, догматически неизменного; но именно вследствие этого устав перестает быть регулятором церковной жизни: церковная практика развивается помимо устава; даже церковной властью допускаются сокращения служб, перемены во времени совершения богослужения; не только в приходских церквах, но и в монастырях и соборных храмах уставная служба сделалась редкостью. Устав мало-помалу превращается в исторический памятник, а богослужебная практика, теряя под собой почву, постепенно вступает на шаткий и опасный путь произвола; но произвола в церковной жизни быть не должно: все в Церкви, и особенно богослужение, должно совершаться по известному порядку, авторизованному высшей властью Церкви. Поэтому если церковный устав устарел, если некоторые его требования уже не исполняются, если уставный строй рассчитан на монастырскую жизнь, то необходимо реформировать устав и приспособить его к законным запросам верующего мирянина, чтобы устав сделался понятным и удобоисполнимым и в современных условиях жизни. Тогда устав может сделаться снова жизненным руководителем церковной жизни; требования духовного начальства следовать уставу будут не пустым звуком, а совершенно жизненными и удобоисполнимыми; а церковно-богослужебная практика, несомненно, приобретет устойчивость и однообразие. Реформа устава находится в полном согласии с предыдущей деятельностью Церкви в этом направлении. Начиная со св. Харитона Исповедника, составившего устав (III в.), и до самого конца XVII столетия устав изменялся, дополнялся, совершенствовался; и в нашей Церкви до XVI века господствовал Студийский устав, во многом и даже существенном отличающийся от настоящего устава.

Нужно думать, что на ожидаемом Всероссийском Соборе будут возбуждаемы разные меры, относящиеся к урегулированию отношений православной Церкви к расколу и сентантству. В сем отношении мы ограничимся следующими замечаниями:

1) Провозглашенная указом 17 апреля свобода переходит из православия в другие христианские исповедания, в раскол и сектантство — находится в полном согласии с православным учением: «Еретика человека по первом и втором наказании отрицайся» (Тит. 3:10), и: «Аще же и Церковь преслушает брат твой, буди тебе яко же язычник и мытарь» (Мф. 18:17). Если Церковь сама должна исключать из своего состава отступников от нее, то как она может силою удерживать в своей ограде тех, которые сами хотят отойти от нее! Действуя в этом случае на отступников силой слова и отказываясь в борьбе с ними от внешних побочных мер стеснения, Церковь не может, однако, терпеть совращения своих членов путем насилия, угроз, обмана, обещания выгод и подкупа; не может она потерпеть и открытого резкого похуления ее со стороны заблуждающихся. Не будучи в состоянии пресечь указанные злоупотребления своим духовным орудием, Церковь не только может, но и должна, в случаях сих злоупотреблений, обращаться к содействию государственной

власти. Закон о наказуемости этих преступлений, хотя и существует, но, после дарования свободы совести, почти не применяется на практике. Следовало бы поэтому Собору от своего авторитетного лица обратиться к государственной власти с требованием защиты православной веры во всех означенных случаях.

2) Настоит крайняя необходимость обратить серьезное внимание на клятвы Соборов 1656 и 1666—1667 гг. Эти клятвы, как известно, положены не на сами обряды, а на лиц, которые из-за обрядов отделяются от Церкви и похуляют ее, как еретическую, за содержимые ею обряды. Если ожидаемый Собор найдет в постановлениях указанных Соборов неточные выражения, действительно могущие давать повод к ложным толкованиям этих постановлений, то не признано ли будет полезным снестись от лица Собора, по поводу этих постановлений, с Восточными патриархами и затем дать более точное формулирование осуждения не обрядов, а лиц, делающих обряды лозунгом отделения от Церкви, т. е. раскола.

№ 21,
преосвященного Иоанникия, епископа Архангельского,
от 28 ноября 1905 года

Поставляя своим нравственным долгом не скрыть от Святейшего Синода мнений и соображений по предложенным вопросам комиссий и благочинни-ческих собраний, я решаюсь их представить при сем в подлиннике. От себя лично по каждому из предложенных вопросу имею долг представить следующие соображения:

1. Ввиду того, что в предложении г. синодального обер-прокурора перед перечислением вопросов, подлежащих рассмотрению Всероссийского Собора, высказана первостепенной важности мысль о том, что "самое созвание Поместного Собора нуждается в точном определении, на основании канонических постановлений и церковной практики, его состава", — первый вопрос, подлежащий обсуждению, естественно является, вопрос "о составе Поместного Всероссийского Собора".

Я совершенно разделяю основную мысль, высказанную и посильно обоснованную членами комиссий и намеченную благочинническими собраниями, о том, что предстоящий Собор, как Собор Всероссийской Церкви, должен быть "всецерковным", т. е. состоять из епископов, клира и мирян, и средоточием и единением всех лучших сил данного времени: иерархии, клира и мирян. Только в таком общественном составе Собор будет живым общением всех православных россиян в духе любви и единства, и будет обладать жизненностью и высоким нравственным авторитетом. Если ограничить состав Собора одними епископами, Собор может не получить должной авторитетности не только в глазах мирян, но и в глазах самих подведомых епископам клириков, и будет трактоваться, как уже и ныне трактуется в печати, "замкнутым архиерейским собранием".

Но не все участники Собора должны пользоваться одинаковым решающим голосом. Таковой голос должен принадлежать одним епископам (или их заместителям); представителям же клира и мирян следует предоставить право лишь "совещательного голоса". Так было на Вселенских Соборах; так, а не иначе, должно быть по существу дела. Только епископам, как преемникам апостолов, предоставлено Господом Иисусом Христом "право вязать и решить" (Мф. 18:15—19). Только епископ имеет право "судить со властью, как судит Бог", говорится в Апостольских Постановлениях (2, 11, 12, 13).

При предоставлении же всем участникам Собора равного права решающего голоса, голос епископов будет едва слышен и, по причине сравнительной малочисленности епископов, подсчет их голосов не будет иметь не только решающего значения, но и сколько-нибудь выдающегося.

2. Второй вопрос, подлежащий обсуждению, — вопрос "о разделении всероссийской Церкви на церковные округа под управлением митрополитов, с предоставлением им права созывать областные соборы и с передачей в их ведение из высшего церковного управления дел второстепенной важности". В предложении г. синодального обер-прокурора признается "существование в настоящее время особливых задач, подлежащих церковному управлению в разных территориях империи и служащих жизненным основанием к установлению областных или окружных автономий".

Обсуждая этот вопрос с историко-канонической точки зрения, следует признать, что организация областного соборно-митрополичьего управления в русской Церкви необходима, как вносящая в строй общественной жизни бóльшую определенность и полноту и как являющаяся установлением, обеспечивающим частое и живое взаимообщение между епископами и вообще между клириками и паствами причисленных к области епархии. Не будучи "автономными" в собственном смысле, как поставленные в постоянную связь с высшим церковным управлением и в зависимость от него, митрополии не могут грозить ни государственному единству, ни единству и целокупности всероссийской Церкви. Но для сего необходимо, чтобы митрополии не только находились в зависимости от высшего церковного управления, но и имели бы постоянную органическую связь с находящимися в их ведении епархиями. А для сего строй управления всероссийской Церкви должен быть такой. Соподчиненные митрополии епархии, управляясь независимо каждая своим епископом, в то же время участвовали бы, во главе с митрополитом, в качестве членов его собора и в управлении всею митрополичьею областью, т. е. чтобы митрополией управлял не единолично митрополит, а через митрополичий собор из епископов (или их представителей) входящих в митрополию епархий. Этот собор, созываемый дважды в год, должен ведать — кроме общих дел, касающихся интересов всей митрополии, — и делами по апелляциям на епархиальный суд и управление. Высшей инстанцией по отношению к митрополиту и его собору должен быть постоянный патриарший собор из викариев С.-Петербургской епархии, духовника Его Величества и протопресвитера военного и морского духовенства, под председательством всероссийского патриарха. Для решения дел особливой важности этот собор, в подлежащих случаях, дополняется выборными или очередными членами из митрополитов и епархиальных епископов.

3. Вопрос "о пересмотре законоположений о существующих органах епархиального управления и суда и о преобразовании их согласно с каноническими соборными началами".

В предложении г. синодального обер-прокурора признается: а) что духовные консистории, как учреждения административно-судебные, требуют реформы в смысле, прежде всего, "выделения" из консистории "церковного суда" и организации его в соответствие с церковными канонами и с началами гражданской судебной реформы 1864 г.; б) что присутствие консистории состоит из членов, постоянно отвлекаемых от епархиальных дел исполнением

своих прямых священнослужительских обязанностей, в) что, параллельно с консисториями и независимо от них, в епархиях много учреждений, подчиненных епископу без посредствующего органа, соображающего всю совокупность дел и интересов епархии, и г) что, наконец, ввиду сего необходима организация епархиального органа, объединяющего в своем ведении всю область епархиального управления.

По моему мнению, для сообразования существующих органов епархиального управления и суда с каноническими началами — следует внести в организацию этих органов начало "соборности", выражающееся в том, чтобы члены этих органов были выборными, притом — одним клиром: члены духовной консистории, епархиального училищного совета, миссионерского комитета, правления эмеритальной и вспомогательной касс; члены же: управления свечного завода, различных братств и в других подлежащих случаях — клиром и мирянами. Выбор должен происходить на епархиальных съездах духовенства — по два-три кандидата — и представляться на утверждение епископа. Что касается до вопроса о выделении из консистории церковного суда и об организации его в особом учреждении на началах гражданских судебных уставов 1864 г., то, по моему мнению, в этом не представляется никакой нужды по следующим соображениям: 1) количество судных дел в епархиях, сравнительно, очень незначительно (во вверенной мне епархии в среднем ежегодно до 50 всех дел, из них более важных — не более 15); организовать для решения этих дел особое учреждение было бы, очевидно, делом, не упрощающим епархиальное судопроизводство, а усложняющим; 2) введение в церковное судопроизводство начал светских судебных уставов, очень мало применимых к подлежащим суду консистории проступкам священноцерковнослужителей (пьянство, вымогательство, несоблюдение предбрачных предосторожностей, бесчинное совершение богослужения), по существу, практически, едва ли осуществимо. Как может епархиальный суд осуществить практикуемые светскими судами так называемые "обеспечения правильности судопроизводства": гласный расспрос судьями сторон, свидетелей и защитников, когда, например, подсудимый иерей проживает в Александровском, Кемском или Печорском уездах, или когда свидетели, особенно многочисленные (при повальных обысках), не пожелают ехать в Архангельск за тысячи верст, по невозможной дороге, бросая на произвол судьбы свои семейства и промыслы? Да и из ближайших к Архангельску уездов явка тяжущихся и прикосновенных к делу лиц, по тем же причинам, всегда будет затруднительной и вызовет, несомненно, на реформированный епархиальный суд неисчислимые недовольства и резкие нарекания. Для улучшения существующего епархиального судопроизводства следовало бы лишь пересмотреть и дополнить ныне действующий устав духовных консисторий, который в некоторых частях устарел и вообще краток и малоприменим к условиям современной жизни.

Вопрос об учреждении в епархиях особого органа, объединяющего в своем ведении всю область епархиального управления, по моему убеждению, должен быть решен также отрицательно. Все существующие епархиальные

учреждения, перечисленные в предложении г. синодального обер-прокурора, хотя и действуют независимо и как бы разобщенно друг с другом, но они объединяются в лице епархиального епископа, который без особого затруднения всегда может направлять их к правильному и согласному гармоническому действованию. Никакой особый орган, кроме епархиального епископа, не может с надлежащей отчетливостью и ясностью сообразить всю совокупность епархиальных дел и интересов. Только в умопредставлении епископа, как в фокусе, должны и могут отражаться и отражаются все нити и пути водительства епархиальной жизнью.

4. По четвертому вопросу — "о благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях" — я полагал бы: благоустроение приходской общины через признание за ней права юридического лица и автономного заведования всеми делами прихода при посредстве местного органа из прихожан — несомненно содействовало бы основанию и обновлению не только церковной жизни в приходе, но и вообще духовных народных сил в России. Поэтому следовало бы предоставить приходским общинам не только заведование материальными нуждами церкви, но и призрение и просвещение и — до известной степени — распоряжение всем церковным достоянием; кроме того, следовало бы предоставить приходским общинам право "примирительного суда, когда-то существовавшего в древнерусской Церкви, посредством какового суда приходская община предупреждала бы всякую между ее членами вражду и примиряла бы враждующих мерами нравственного воздействия и, во главе со своим пастырем, обличала бы и исправляла бы заблуждающихся и согрешающих своих сочленов. А для сего желательно учреждение при всех приходах братств или попечительств и приходских советов, с непременным участием в тех и других приходских священников — в качестве членов или председателей — и прочих членов причта. При организации этих братств и приходских советов и при определении их обязанностей возможно в значительной степени руководствоваться проектом Высочайшего постановления о церковно-приходском собрании и церковном совете православных приходов в Финляндии. Очень желательно по идее восстановить за каждым приходом, насколько это возможно при современных условиях, право выбирать или, по крайней мере, рекомендовать кандидатов на священноцерковнослужительские места, с тем, чтобы эти кандидаты, по засвидетельствованию благочинических советов, удовлетворяли всем каноническим требованиям и имели бы соответствующее образование, — с сохранением, однако, за епископами права, по испытании и признании представленных кандидатов непригодными, заменять их кандидатами по своему усмотрению.

В действительности, по крайней мере — при существующих неудовлетворительных условиях народно-приходской жизни, правами выбора клириков может воспользоваться очень ограниченное число приходов во всей России. Конечно, к таким исключительным приходам отнюдь нельзя отнести почти все приходы Архангельской епархии и особенно отдаленные — инородческие приходы Лапландни, Поморья, Корелии и Зырянского края.

5. По вопросу "об усовершении духовно-учебных школ", учебно-воспитательная и дисциплинарная часть которых ныне пришла в большое расстройство, я в основных чертах согласен с "соображениями по постановке духовно-учебных заведений по учебной и воспитательной частям", выработанными учрежденной мною комиссией. Необходимо общеобразовательные науки отделить от специально-богословских, сосредоточа первые в курсах духовного училища и первых четырех классах семинарии, а последние — в V и VI семинарских классах. Впрочем, курс духовных училищ должен быть рассчитан на то, чтобы, кроме образовательных необходимых сведений из различных наук, давать и такие сведения, которые открывали бы путь оказавшимся неспособными далее продолжать образование к занятию низших церковных должностей. В семинариях курс общеобразовательных наук мог бы быть частью оставлен в прежнем составе и объеме, частью изменен и восполнен введением некоторых новых наук и расширением объема прежних, за счет, главным образом, древних языков, из коих может быть признан обязательным какой-либо один и по значительно сокращенной программе. Из новых наук желательно было бы ввести краткий курс медицины, отечественного законоведения и космографии.

Относительно самых программ учебных предметов, как богословских, так и общеобразовательных, нельзя не выразить пожелания, чтобы они были пересмотрены и исправлены по соображению с временем, предназначенным для прохождения того или другого предмета; то же самое нужно сказать об исправлении или замене некоторых учебников и семинарского и училищного курса, неудовлетворительность коих в настоящее время общепризнана. Воспитательная часть духовно-учебных заведений требует глубокого, коренного изменения, необходимо в этом отношении дать делу воспитания такую организацию, при которой бы единственным главным двигателем был "нравственный авторитет" педагогического персонала, но не репрессия и суровые правила сухой дисциплины.

6. По вопросу "о пересмотре законов, касающихся порядка приобретения Церковью собственности, и о признании за духовенством как за сословием прав юридического лица по приобретению недвижимых имуществ" — ответ, как и предполагается в самом предложении г. синодального обер-прокурора, может быть только один — утвердительный. Если приходской общине желательно предоставить право на самоуправление, то тем более ей должны быть предоставлены права юридического лица на приобретение и отчуждение церковного имущества без испрошения каждый раз Высочайшего соизволения. Равным образом духовенство, как и всякое другое сословие, естественно должно пользоваться одинаковыми с другими сословиями правами юридического лица. Ограничивающий в сем праве духовенство закон: т. X, ч. 1 Зак. гражданск. изд. 1900 г. ст. 698, несомненно, как и свидетельствует сам г. синодальный обер-прокурор, не что иное, как аномалия.

7. По вопросу относительно "епархиальных съездов, а именно об установлении, на основании опыта, определенных границ для их деятельности и

указаний им надлежащего места и значения в ряду епархиальных учреждений", я полагал бы вполне желательным и без затруднения осуществимым — присвоить епархиальным съездам значение вспомогательного при епископе органа не только по вопросам материальным, но и религиозно-нравственных нужд и по вопросам церковно-практическим (имущественных и хозяйственных нужд). В круг деятельности съездов должны бы входить: а) по духовно-учебным заведениям — вопросы не только материальные, но и учебно-воспитательные; б) по вопросам общеепархиальным — вопросы миссионерства, проповедничества и вообще соприкасающиеся с пастырской практической деятельностью. Сообразно с епархиальными съездами должны быть реформированы и благочиннические съезды, предметами деятельности коих были бы: религиозно-нравственное состояние того или другого прихода в благочинии; выработка мер к улучшению приходской (благочиния) жизни в духовно-нравственном, просветительном, экономическом и благотворительном отношениях; заготовление обоснованных материалов для обсуждения на епархиальных съездах; меры братского воздействия на лиц, отличающихся неблагоповедением или неисправностью по службе; примирение враждующих.

8. Что касается вопроса "об участии священнослужителей в общественных учреждениях", то, с изданием Высочайших манифестов: 6 августа сего года об учреждении Государственной Думы и 17 октября сего года, по точному смыслу коих в составе Государственной Думы должны участвовать представители всех сословий, в том числе и духовного, — вопрос этот уже получил фактическое разрешение: и с теоретической точки зрения таковое именно разрешение сего вопроса имеет достаточные и едва ли оспоримые основания. Спаситель пришел духовно возродить человечество, с каковым возрождением, по мере совершения его в людях, естественно должны постепенно улучшаться и все стороны человеческой жизни, в том числе и стороны общественные и политические. Насколько желательно и необходимо проникновение христианством (Духом Христовым) всех сторон Русского государства, настолько желательно и необходимо участие духовенства, как проводника учения Христова, в общественных учреждениях гражданского ведомства; насколько Церковь заинтересована проведением христианских начал в общественный организм России, настолько она в лице своих представителей должна дорожить участием их в гражданских учреждениях. Отказаться от этого участия — значило бы, со стороны представителей Церкви, не понимать задачи Церкви и ограничивать сферу и средства ее влияния на общество, как свою паству.

9. Последний вопрос, который, помимо намеченных Св. Синодом, "предвидится" по предположению г. синодального обер-прокурора к обсуждению на Всероссийском Соборе, — это вопрос "о положении православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверцам по издании Высочайшего указа 17 апреля о веротерпимости". Этот вопрос ввиду воспоследовавшего Высочайшего манифеста 17 октября сего года "о свободе совести", получает особо важное значение. Сим манифестом в идее подтверждается право

каждого верноподданного в вопросах веры следовать велениям своей совести; следовательно, в идее отменяются как бы все правительственные мероприятия по отношению не только к старообрядцам, но и инославным и даже иноверцам, каковыми мероприятиями доселе православная Церковь пользовалась как внешним законным средством охранения своих чад от отпадения от Церкви православной и ограничения влияния инославной и иноверной пропаганды. С приведением в действие силы сего манифеста православная Церковь может оказаться как бы без государственной поддержки и будет предоставлена своим собственным силам.

По моему твердому убеждению, Церковь никогда не должна пострадать, согласно непреложному слову Господа Иисуса Христа: "Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ю". Православная Церковь, даже и предоставленная самой себе, должна положиться исключительно на свою мощь и правду, опереться исключительно на великую самодовлеющую силу учения Господа, на Его Божественное покровительство: "Идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их". Твердо верю, что и правительство наше, в лице первее всего Благочестивейшего Государя нашего, как первейшего сына Церкви и помазанника Божия, не может оставить деятельность православной Церкви без признания за ней со стороны государства должных прав и преимуществ пред другими Церквами, как за Церковью всероссийскою, государственною, господствующею, истинною и святою.

О желательной постановке миссионерского дела в соответствии с манифестами 17 апреля и 17 октября 1905 года

Указ 17 апреля о веротерпимости вызвал немало вопросов первостепенной важности касательно нашей внутренней миссии. Хотя указ этот в жизнь наших расколо-сектантов собственно нового привнес очень немного — он лишь санкционировал то, чем они довольно давно и довольно таки безнаказанно пользовались, — тем не менее он отнял у духовенства ту помощь ему в этом святом деле, которая., будучи лишь тенью, признаком помощи, на самом деле по каким-то непонятным предрассудкам считалась за великую для духовенства опору. Разумеем правительственную помощь. Духовенство теперь стало лицом к лицу с расколо-сектантством, без всяких посредств и пособничества. Вот и явились разные вопросы: как-то теперь будет существовать миссия? Справиться ли ей? Да и нужна ли она?

Нельзя не сознаться, что в основе всех этих и им подобных вопросов лежит простое неведение сущности, смысла и направления миссионерской деятельности. Миссия хотя и давно у нас существует, но, вследствие различных исторических обстоятельств, ей все как-то не счастливило, она всегда была какой-то падчерицей в глазах благоволения нашего церковного начальства; ей поэтому приходилось вступать в разные непрочные и неблагодарные сделки и компромиссы и покрываться тенью какого-то даже полицейско-сыскного дела. Ведь нельзя позабыть, что еще не так давно от миссии требовали высле-

живания за раскольниками и сектантами, за их молитвенными домами, их противозаконными действиями и т. п., — что̀, собственно, есть сфера деятельности только чиновничества. На миссионеров епархиальных еще недавно смотрели как на экспертов по миссионерским делам, как бы лишь на чиновников особых поручений по миссионерским делам при консисториях и разных братствах. Бог даст, теперь рассеются все эти кривотолки, и миссия вступит в ее надлежащем освещении и деле.

Миссия — это служение делу евангельской проповеди, распространению христианства как среди не знающих совершенно Христа, так и среди имеющих неправильное о Нем и Его деле понятие. Миссия, следовательно, есть апостольское служение, и, как таковое, она должна носить в себе все свойства и признаки его. Посылая на проповедь апостолов, Господь заповедал им не брать даже и посоха, значит, единственным средством к проповеди для них должно было быть одно слово. Кто же не будет слушать этого слова, тех не принуждать и не приневоливать к нему, ибо никто не может придти ко Христу, если не привлечет его Отец Небесный (Ин. 6:44), а только отрясать прах от ног своих. Еще более: самим проповедникам будут чинить большие неприятности, будут отдавать их в судилища, водить по правителям; но им не только Христос не заповедал как-либо противоставать этому или искать помощи или защиты у светских властей и царей, но не повелел даже заботиться о том, как и что̀ сказать на судилищах (Мф. 10:9—20). — И после времени апостольского, по словам историка Евсевия, "много было благовестников слова (т. е. миссионеров), которые, воодушевляясь примером апостолов, с живой ревностью содействовали возрастанию и утверждению слова Божия" (кн. V, гл. 10).

Итак, слово без всяких правительственных подпорок, полицейско-сыскных поддержек и изысканий и без денежного обоснования, такое слово есть единственное средство миссии; к нему разве еще присоединяется жизнь сообразно с этим словом. С таким оружием миссия не ищет своих си, она требует жертв от проповедников и свое упование возлагает на Господа — и только...

Отсюда ясно, что указ 17 апреля, естественно, должен способствовать возвращению дела миссии к его единственно истинному и надлежащему положению. Давая свободу всем иномыслящим и иноверующим, указ в то же время освобождает духовенство и миссионеров от несвойственных им и их унижающих занятий, обязанностей и друзей, которые опасней врагов и которые, действительно, за все время дружбы с ними миссии оказывали ей только сомнительные услуги. А отсюда следует и тот естественный вывод, что теперь только миссия может явить себя как настоящее, истинное свободное служение Христу и Его Евангелию... Теперь никто ни в чем не может упрекнуть и заподозрить миссионерское служение; никто не может подумать и других в этом убеждать, что миссия только и живет правительственной поддержкой и что цели ее — цели полиции.

Но, чтобы миссия стояла на должной ей высоте и являла дело Христово с пользой для него, необходимо нужно, чтобы все мы, все те, которые составля-

ем целокупное тело Христово — Его святую Церковь, искренне, с любовью принялись за служение Христу и Его Церкви, не по обязанности только, из-за страха или наград, а из сознания важности и великости этого дела, а пастыри — и из-за сознания ответственности своего служения, имеющего целью не только упасти овец двора Отчего, но привести сюда и овец чуждых. Теперь православная Церковь, предоставленная самой себе, должна исключительно положиться на свою внутреннюю мощь и правду, и ей необходимо употребить все средства и все свои наличные силы к живой свободной деятельности всех ее членов. А для этого необходимы самые существенные и коренные реформы всего церковного строя. Временем расцвета Церкви была заря христианства. И там мы должны искать для себя великий образец подражания. Церковь тогда была автономна. Автономна она должна быть и теперь, как автономны общины раскольников и сектантов, грозные своей сплоченностью. Церковь должна пользоваться широкими бесконтрольными со стороны государства правами при собрании своих соборов и в деятельности своих учреждений. Церковь — мать. И, как мать, она не нуждается в опеке своего ребенка — государства. Государственная опека была часто вредна для Церкви. Церковь, поставленная нередко в такие двусмысленные условия в отношении к государству, должна была поддерживать в лице духовенства различные государственные мероприятия (например крепостное право) и теряла доверие некоторых членов. В автономной соборно-управляемой Церкви должно находить, по примеру апостольскому, широкое применение выборное начало как к приходскому духовенству, так и к епископам, митрополитам и, если будет, патриарху, включая всех должностных лиц во всех церковных учреждениях (избрание в апостольские времена семи диаконов, пресвитеров, избрание уполномоченных от христианских Церквей для сбора и передачи пожертвований бедствующим христианам иерусалимской Церкви). По примеру времен апостольских и по образцу древнерусских братств мирянам должно быть предоставлено деятельное в своей мере участие во всех сторонах церковной жизни — в выборе духовенства до патриарха включительно, в церковном управлении, суде и учительстве; ими должно быть передано заведование, под наблюдением диаконов и контролем священников и епископов, церковным имуществом и хозяйством, благотворительными и просветительными церковными учреждениями; мы же — пресвитеры и епископы, — по примеру апостолов, в молитве и служении слову пребудем (Деян. 6:4). Деятельность всех церковно-дожностных лиц и учреждений должна быть гласной и подлежать свободному обсуждению как духовной, так и светской печати.

В частности, епископы должны быть поставлены так, чтобы они, по примеру апостолов, были свободны от всяких хозяйственных и канцелярских дел и пребывали только в молитве и служении слова, чтобы они были всем вся, первии последними и большии рабами и служители всех, велики не по высоте своей власти, а своим внутренним религиозно-нравственным авторитетом, чтобы они — архипастыри — знали свою паству и глашали своих овец по имени (уменьшение епархий по древнему примеру), чтобы они были первыми мис-

сионерами, учителями и руководителями в религиозно-нравственной жизни и пастырей и мирян, чтобы к ним имели свободный во всякое время доступ не только всякий клирик, но и мирянин. Епископы — инициаторы, руководители и возгреватели миссионерского дела в епархии, они же, по историческому своему преемству, — первые миссионеры. Когда в III в. по Р. Х. особливые провозвестники слова евангельского перестали действовать, то заботы о распространении христианства и об очищении его от всяких еретических примесей лжеименного разума всецело перешли к епископам. И дело это они вели с ревностью и успехом. По словам немецкого ученого богослова А. Гарнака, "не будучи собственно миссионером, епископ (древний) проявлял деятельность миссионера"... Как на пример, можно указать на деятельность Григория чудотворца, принявшего при занятии кафедры в Понтийской Неокесарии только 17 христиан, а по смерти своей оставившего здесь только 17 язычников.

Священники — первые миссионеры в своем приходе. Для успешного ведения ими миссионерского дела пастырям необходимо не только приобрести теоретически специально миссионерские познания, но иметь любовь и призвание к пастыро-миссионерскому делу. Пастыри должны быть людьми призвания, проникнутыми духом святой веры Христовой и сердечно убежденными в истине и спасительности ее. Исполнившись сами духом и силой православия, пастыри внесут теплоту и свет его и в среду вверенной им от Бога паствы. От пастырей без призвания и хладных в вере — не польза, а вред. "Аще убо свет, иже в тебе, тьма есть, то тьма кольми" (Мф. 6:23). Зажигает огонь в другом только тот, кто сам горит, пылает святым огнем воодушевления, веры; безразличный же и холодный в вере замораживает в другом и то, что̀ тот имеет. К пастырям относятся слова нашего Спасителя: "Вы — соль"; пастыри должны укреплять паству свою и сохранять ее в нравственной крепости и охранять от нравственного растления. Как свет, — пастыри должны просвещать жизнь своей паствы светом Христовой веры, одухотворять ее духом православия. Пастырей с призванием должна дать и приготовить реформированная духовная школа. Но одного призвания еще для пастыря недостаточно. Нужно их поставить в благоприятные условия для ведения приходской миссии в широком смысле этого слова. Поэтому пастырей необходимо освободить от хозяйственных по церкви и канцелярских работ. Пусть хозяйственную часть ведет сам приход и диаконы, мы же — пастыри — в молитве и служении слова пребудем. А ведение метрических книг, предбрачных обысков и проч. передать гражданскому ведомству. Положение пастыря в приходе должно быть свободное и независимое. Выбираемый своими прихожанами, он не иначе может быть уволен или переведен, как только по суду или по своему личному желанию. Существующий способ обеспечения духовенства должен быть оставлен и заменен определенным достаточным жалованьем от казны или от прихода. В проповеднической своей деятельности пастырь должен быть свободен от всяких стеснений цензуры. Только при таких условиях пастырь Церкви может ревностно и безбоязненно выполнять долг своего пастырского служения делу спасения ближних.

Могущественным средством воздействия пастыря на пасомых является богослужение православной Церкви. Наше богослужение имеет религиозно-нравственное и воспитательное значение. Оно будет вполне достигать своей цели, когда будет совершаться на языке, понятном для всех, т. е. на родном русском языке. Священное Писание говорит: "Пойте Богу разумно". Апостолы проповедовали на всех языках и на всех языках молились с верующими. У нас в России есть литургии на языке латышском, зырянском, мордовском, но нет богослужения на своем родном наречии. Сектанты некоторых совращают и потому, что их простое, понятное богослужение совершается по-русски. Храм для православного человека должен быть школой, а богослужение, совершаемое в нем — отдельными уроками христианской жизни, так как здесь человек научается жить, здесь он узнает не только, что̀ он должен делать, но и что̀ думать, что̀ чувствовать.

Что̀ сказать о школе, в которой ведется обучение на непонятном для учащихся языке? Всякий здравомыслящий человек скажет, что такая школа для ученика принесет очень мало пользы, что такая школа не может иметь большого влияния на своих питомцев.

Православная Церковь в России в этом отношении находится в положении худшем, чем все другие народные школы: везде, во всех школах, обучение ведется на общеупотребительном наречии: только в церкви богослужение совершается на малопонятном, а для многих и совершенно непонятном славянском языке. Будучи великолепным по своему содержанию, оно остается непонятным, а вследствие этого — и без желательного влияния на простой народ. Поэтому полезно было бы славянский язык в церковном богослужении заменить русским. Такая замена даст для очень многих великое счастье участвовать в богослужении часто не одним только стоянием в храме, но участвовать разумно. Испытавши же в храме несколько минут неземного блаженства, человек едва ли решится оставить православие и перейти в сектантство. Можно русский язык ввести в употребление постепенно. Пусть сначала богослужение на русском языке совершается изредка, как оно совершается, например, на греческом языке. Во всяком случае, от такого совершения богослужения опасности нет. Со временем оно будет все более и более учащаться. Начинать употребление в богослужении русского языка нужно с городов и, вообще, с тех мест, где народ более развит, более сочувствует этому. Это имеет удобство в том отношении, что в городах и, вообще, в более населенных местах всегда имеется несколько храмов, и не желающие присутствовать при богослужении на русском языке будут иметь возможность присутствовать при богослужении на славянском языке. А пока русский язык в богослужение вводится в одном месте, к нему привыкнет и само пожелает завести у себя население и других мест. Не нужно и священников принуждать совершать богослужение на том или ином языке: ведь в одних местах эту реформу можно ввести без всякой опасности теперь же, в других необходимо подождать. Нужно представить это на благоусмотрение местных епископов и приходских пастырей. Пусть от прихода зависит заменить славянский язык русским или же до поры

до времени оставить славянское богослужение. Постепенность в этом деле нужна даже для самих священников и, вообще, людей интеллигентных, которые понимают действительное значение русского и славянского языка в богослужении. Даже для них сразу перейти на русский язык было бы тяжело и неприятно. Ведь на русском языке молиться мы как будто не умеем и, с другой стороны, так привыкли при молитве употреблять славянский язык, что, может быть, за первой службой на другом языке не сумеем воодушевиться, как это бывает за славянской службой. Может быть, за первым богослужением на русском языке мы не получим удовлетворения своей душе, потому что дело это для нас ново, нужно к нему привыкнуть исподоволь. Поэтому на первых порах нужно, чтобы о совершении богослужения на русском языке прихожане знали, и нужно по мере возможности приготовить их к тому пастырским словом. На основании всего сказанного мы думаем: следовало бы вопрос о богослужении на русском языке поставить на очередь в нашей церковной жизни и разных мероприятиях к ее усовершенствованию. А также следовало бы поставить на очередь и вопрос о необходимости выработать для церковной службы новую норму, при которой служба была бы не так продолжительна, но в то же время сохранила в себе все то, что̀ придает ей красоту и содержание и обусловливает просветительно-воспитательное значение. Древняя Церковь не смотрела на богослужение как на что-то неподвижное, догматически неизменное. Церковь в лучшие времена своей жизни пользовалась широким правом изменять богослужение. Наш церковный устав особенно нуждается в изменении, как приспособленный для монахов, но никак не для мирян. Можно произвести сокращение ектений (одна и та же ектения повторяется много раз), стихир, песней канона, чтения псалмов и проч. За обедней прочитывать вслух некоторые тайные молитвы, которые глубиной своего содержания в силах создавать возвышенное настроение души.

Если проповедование слова Божия необходимо всегда, то в настоящее время оно особенно требуется. Народ наш развивается. В уме его возникают все новые и новые запросы. Отвечать на эти запросы на основании слова Божия и учения православной Церкви должны пастыри, и их долг — учить народ всегда и непрестанно, чтобы он был научен в здравом учении. Особенно необходима и благотворна в нынешнее время проповедь изустная, живая. Ныне не только жители городов, но даже и сельские прихожане мало удовлетворяются чтением готовых проповедей по книжке или по тетради, и в особенности — когда чтение это вяло и монотонно. Лучше десять слов, идущих прямо от души, сказанных проповедником от сердца, чем многое множество слов холодных и мертвых. Лучше самое краткое поучение на предмет или явление, хорошо известное слушателям, взятое из их жизни, чем самое пространное и продолжительное рассуждение об истинах отвлеченных, мало доступных народу. Да будет же слово пастырей живо и действенно! Да будет оно преисполнено не словами, а силой убеждения, глубиной искренности и любви! В нынешнее время весьма необходима еще проповедь катехизическая — о главных и основных истинах святой православной веры. Прискорбно слы-

шать, что многие члены нашей паствы не имеют точного знания о главных истинах веры своей или имеют знания неясные, неполные и даже неправильные. Пастыри должны сообщить своим пасомым такие познания путем катехизации. В дни Великого поста и других постов, когда люди говеют, готовятся к принятию Святых Таин, бывают настроены благоговейно, когда сердца их и души бывают широко отверсты для благотворного пастырского воздействия, — в это время пастырь должен особенно проповедовать и сообщать пасомым своим катехизические познания веры. Учить пастыри должны не только взрослых членов своей паствы, но и детей своих прихожан в храмах и в школах. Школа приходская — великое орудие в руках пастыря. Кроме благоговейного совершения богослужения, проповеди и учительства в школе, пастыри должны учить свою паству еще примером своей жизни. Слово располагает, а пример увлекает. Жизнь пастыря — на глазах всех прихожан. Добрая жизнь пастыря является лучшим примером для паствы, и недобрая жизнь его служит губительным соблазном. Долг пастыря — стремиться к тому, чтобы не только сознательно, но даже и ненамеренно не сделаться камнем преткновения для простых в вере чад православной Церкви. Пример неукоризненной, строго добродетельной, благочестивой жизни, приличествующей христианскому пастырю, благотворно воздействует не только на верных чад самой Церкви, но и на иноверцев и старообрядцев, так что те из них, которые не покорятся слову пастырского увещания, иногда житием пастыря без слова могут быть приобретаемы для Церкви, как некогда в апостольское время мужи, не покорявшиеся евангельскому слову, приобретаемы были житием своих благочестивых христианских жен (1 Петр. 3:1, 2). Благоговейное одушевление при совершении богослужения, живая проповедь, личный пример пастыря — вот могучее орудие в руках духовенства. Масса народа будет стекаться в тот храм, где при богослужении будет чувствоваться верующая душа служителя Божия, где пастырь в своей пламенной молитве будет тесно соединяться с Богом и других объединять с Ним. Такое богослужение человеку даст забвение грязи и пошлости окружающей жизни, унесет его в горний мир. И человек насладится восторженными порывами христианской молитвы. Никто не станет отрицать громадного воспитательного значения за таким богослужением. Одушевленная проповедь, разогретая любящим сердцем проповедника, заставит встрепенуться толпу. Но этого мало: она подчинит толпу. И из слушателей едва ли многие оставят Церковь и будут на стороне искать решения мучительных для них вопросов о Боге и как жить. Жизнь священника, воплощая в себе идеал Христа, будет обаятельно действовать на окружающих. И паства таких священников все будет расти и расти за счет раскола, сектантства и инославия.

Диаконы и псаломщики должны идти навстречу своему священнику как в совершении богослужения, так и в подражании его высоконравственной жизни, а также и в миссионерской деятельности.

К борьбе с расколом и сектантством должны быть призваны и миряне путем создания приходской общины. Приходскую общину мы признаем не в

смысле внешней организации, созданной на параграфах инструкции. Мы допускаем приходскую общину, как известное направление приходской жизни, исключительно созданное на началах Христовой любви. Пастырь должен так воспитать своих прихожан, чтобы они пришли на помощь к нему в его заботе о спасении вверенной ему паствы. Тогда священник — не одинокий борец против нравственного нестроения общества и врагов Церкви. Сами прихожане будут влиять друг на друга в деле религиозно-нравственного воспитания, дружными усилиями поддерживая того, кто будет терять образ Божий и опускаться все ниже и ниже на дно жизни. Высшим выражением единения приходской общины будет служить молитва. Бессильные в борьбе с каким-нибудь злом, члены общины естественно обратятся к Богу. И тогда польется искренняя горячая молитва устроителей Царства Божия на земле за всех озлобленных, за людей с уставшей, истерзанной душой, за несчастных и забитых горем и нуждой. Сам Господь снизойдет к людям. Их силы удесятерятся... И зло... погибнет. Приходская община — твердый оплот православия и страшная гроза врагам его! Общинной жизни раскольников и сектантов будет противопоставлена тесно сплоченная приходская православная община, где будет бить живым ключом Божественная благодать, и жизнь — благоухать цветами веры и добра. Враг дрогнет, не устоит.

Специальные противораскольничьи и противосектантские миссионеры при объявлении свободы совести не только не излишни, но и приобретают теперь бóльшее поле деятельности и большее значение. Они — пример апостольской ревности; они — руководители в бóльшем своем количестве теперь растерявшегося духовенства, не знающего, что̀ ему предпринять и что̀ сделать для миссии; они — изыскатели новых способов борьбы словом с заблуждающимися, обновители старых, обветшавших приемов полемики; они — и первые, кто должен испытать на себе волну сектантского возбуждения на беседах, готовые словом же и только словом усмирить, укротить ее. Миссионеры епархиальные теперь нужнее, чем как были прежде: при настоящем подъеме страстей священнику приходскому трудно одному влиять на народ, ему не безопасно одному показываться среди возбужденной толпы, и вот, миссионер и должен и может тут ему помочь и своим авторитетом, и своим беспристрастием, и своей книжностью, и своей, наконец, опытностью. Только теперь миссионерам придется больше бывать в разъездах и меньше исполнять разные канцелярские поручения; почаще посещать центры сектантства и подольше проживать в них. А для этого необходимо нужно предоставить им как можно более свободы, инициативы и самостоятельности. До сих пор миссия была если не исключительно, то главным образом, в руках миссионеров-специалистов. Но деятельность большинства миссионеров бесплодна или достигает минимальных результатов. Миссионеры говорят, что нет никакой возможности сломить фанатизм раскола и сектантства; наши беседы нередко нарушаются шумом, гамом, насмешками и издевательствами. В таких же неблагоприятных, если не в худших, условиях находилась деятельность одного из первых миссионеров юной Христовой Церкви. Мы разумеем речь ап. Петра в

день Пятидесятницы. Без сомнения, речь его была встречена смехом, может быть — издевательствами и даже бранью. Но это продолжалось только несколько мгновений. Насмешки на лицах слушателей быстро сменились затаенным напряженным вниманием. Слушатели готовы были без конца слушать чудную речь, которая бурным потоком лилась из уст его. Они почувствовали глубоко, всем существом своей души почувствовали, что Христос есть истинный Бог, и верить нужно лишь Ему. Чем дальше говорил апостол, тем вера его слушателей загоралась все сильнее и сильней... Апостол кончил. Озаренная речью апостола толпа пораженная — она кричала: "Что̀ делать нам?" Смысл этих слов такой: что̀ хочешь, то и делай с нами. Апостол советовал креститься во имя Христа. Успех был поразительный. Около 3000 человек крестилось в тот же день. Нам скажут, что апостол действовал здесь под влиянием силы Св. Духа. Да... сила Св. Духа подняла до известного напряжения ту веру во Христа, которой горела душа апостола, — ту любовь, пламень которой охватил все сердце его. Апостол любил людей, он страдал за них: как далеки они от того счастия, какое даст им вера во Христа! Слушатели все это пережили, все это перечувствовали и с твердой решимостью пошли за апостолом. Не апостолы только, как носители чрезвычайных дарований, имели такое влияние на толпу. Подвижники, как наш современный великий пастырь кронштадтский, оказывают сильное влияние на народ. Их отдельный совет, отдельная проповедь иногда в силах перевернуть целое миросозерцание человека. И человек жизнь роскоши и неги меняет на жизнь лишений и труда. Весь секрет в том, что подвижники и кронштадтский пастырь твердо верят и чувствуют горячо. Где появляются такие деятели, там не может быть и речи о возникновении раскола и сектантства. Раскол и сектантство там тают и даже вымирают. Цель миссионера — не убедить только слушателей, но и подействовать на чувство их, чтобы они убежденно могли сказать про миссионера: "Да, мы чувствуем, что он прав". А это возможно тогда, когда вера миссионера будет тверда, как адамант, и в сердце будет теплиться к ближнему любовь. Между говорящим и толпой устанавливается тесное взаимоотношение только при известном условии. Чем богаче, чем ярче наличное состояние говорящего, тем будет бóльший успех среди толпы. Напротив, чем беднее его душевная жизнь, тем меньший будет и успех, а вернее — никакой. Если речь его будет дышать верой и выльется из сердца, которое любит людей, страдает за них, то эта речь непременно найдет звучный отклик в сердцах слушателей и подчинит всецело их. Короче говоря, миссионер непременно должен обладать даром вдохновения и быть человеком с миссионерским призванием, не только специалистом и теоретическим знатоком своего дела, но и человеком духа и силы, человеком апостольской ревности и пророческого одушевления, который бы действовал на слушателей не только силой логических доводов, но и огнем внутренней своей убежденности в правоте и спасительности проповедуемых им истин. Тогда его влияние будет могущественно на толпу.

Таких миссионеров может создать новая реформированная духовная школа, если в ней все воспитание будет дышать любовью Христа и самая ду-

ховная наука будет много говорить сердцу человека. Само собой разумеется, что преподавание истории и обличения расколо-сектантства в реформированной духовной школе должно быть поставлено широко и основательно. Поэтому нельзя не удивляться появившемуся в газетах проекту распределения богословских наук в реформируемой духовной семинарии, по которому кафедра истории и обличения расколо-сектантства уничтожается, на преподавание этого предмета уделяется только три урока, и преподавание истории и обличения расколо-сектантства соединяется с преподаванием церковной истории. Если при нынешних 6-ти недельных уроках едва удается пройти курс истории и обличения расколо-сектантства, то что̀ сказать о реформированной духовной школе, в которой, в соответствие современным нуждам Церкви, вызванным объявлением свободы совести, рассмотрение вопросов, пререкаемых расколо-сектантством, должно быть поставлено шире и обстоятельнее, чем это, по необходимости, делается теперь, за невозможностью все сделать и рассмотреть при 6-ти недельных уроках.

Что касается публичных и частных миссионерских бесед, то значения и важности их отрицать нельзя. Но им должна быть дана иная постановка. Миссионерские беседы отличаются сухостью, безжизненностью и схоластическими приемами. Каждая миссионерская беседа должна обязательно не только подействовать на ум, но и потрясти душу слушателей. Помимо личности миссионера, здесь имеет значение и само содержание беседы. Каждая беседа непременно должна быть жизненна. А это возможно тогда, когда миссионер будет не только доказывать логически истинность православия, но и говорить о том высоком душевном настроении, какое создает в душе истинно верующих православная вера. Миссионер может ссылаться или на свой религиозный опыт, или на опыт святых отцов, или всей Церкви.

Кроме миссионерских бесед, на расколо-сектантскую среду можно действовать — в смысле сближения ее с православием — путем школ, библиотек, через посредство книгонош, путем благотворительности расколо-сектантам и борьбой с пьянством и порочностью в православной среде. Главнейшей же мерой воздействия на старообрядцев является уравнение единоверцев в правах с православными и предоставление им права иметь собственных единоверческих епископов.

Народная школа принесет хорошую пользу миссионерству, если ее основная цель будет религиозно-нравственное просвещение народа в духе православной Церкви. Вопросы, пререкаемые раскольниками и сектантами, в селениях, зараженных расколом и сектантством, должны раскрываться перед школьниками с возможной ясностью и полнотой.

При каждой церкви нужно завести библиотеку и читальню с книгами и духовными журналами, которые действительно пробуждают душу человека и зовут для новой жизни во имя правды Божией и Христовой любви и которые ярко говорят, что высшее духовное блаженство можно получить только в православной Церкви. Миссионерскому отделу, где есть секты или раскольничьи толки, отводится самое видное место.

Книгоноши имели и теперь имеют большое значение в деле распространения штундизма. Епархиальным братствам необходимо посылать по селам и городам книгонош. Книгоноши должны быть хорошо осведомлены в истинах православия и с учением раскольников и сектантов и быть людьми идеи. Они не только будут продавать и раздавать книги, но будут проповедовать среди раскольников и сектантов.

Организация миссионерских кружков в очагах раскола и сектантства принесет крупную услугу делу миссии. Такие кружки есть в губерниях Нижегородской и Херсонской. В состав кружков войдут лица, которые так же, как и книгоноши, хорошо знают православное учение, знакомы с учением раскольников и сектантов и люди с огнем веры в душе. Члены миссионерских кружков — лучшие помощники священника на миссионерском поприще, так как священник не всегда и всюду может поспеть и все усмотреть.

Любовь — это великая сила, которая заклятых врагов делает друзьями. Пастырям Церкви и миссионерам нужно вносить как можно более света и тепла в раскольничью и сектантскую среду, своей любовью обогревать иззябшие раскольничьи и сектантские души. Приходская благотворительность ни под каким видом не должна оставаться равнодушной к нуждам раскольников и сектантов. Она, под влиянием своего священника, пусть оказывает помощь бедным — и раскольникам и сектантам. Сектанты своей благотворительностью немало совратили православных.

Особенно приходская благотворительность должна прилагать свои заботы о тех нуждающихся братиях, которые присоединились к Церкви из раскольников или из сектантов. Слабых духом враги Церкви легко могут привлечь к себе материальной помощью. При церковных попечительствах должны быть особые кассы или специальный фонд для оказания помощи нуждающимся прозелитам православной Церкви.

На беседах сектанты обвиняют православных в распущенности: на пьянство православных они указывают, как на одну из причин отделения их от Церкви. Ввиду этого пастыри должны обратить особенное внимание на борьбу с пьянством и пороками своей православной паствы. Кроме уже известных мер — общества трезвости, воскресных вечерен с общим пением и собеседованиями, устройства чтений о туманными картинами, — необходимо организовать приходскую дружину из людей безукоризненно трезвых. Эта дружина под руководством священника может бороться с пьянством. Слабых дружинники будут удерживать от пьянства. Кто пьет с горя или от нищеты, дружинники своей помощью отвлекут несчастных от вина.

Единоверцы должны быть совершенно уравнены в правах с православными. В настоящее время единоверие в сравнении с православием является пасынком. Это — крайне несправедливо в отношении к единоверцам и очень вредно для миссионерства. Переход православных в единоверие должен совершаться беспрепятственно. Разница между нами и единоверцами слишком несущественна — в одних лишь обрядах. А обряды в Церкви, как известно, "вещь средняя" в деле спасения, явление условное, изменяемое в зависимости

от места, времени и других обстоятельств. Единоверцам необходимо дать собственных архиереев. Очень полезно для дела миссии — вопрос о единоверии решить в том смысле, как он был решен на съезде миссионеров Архангельской епархии в июле месяце 1905 года и как этот вопрос подробно рассматривается и решается в брошюре протоиерея о. Ильи Легатова: "О современных нуждах единоверия и о мерах для сближения старообрядцев с православной Церковью".

Представленные при отзыве преосвященного Архангельского предположения местной комиссии по разработке вопросов, подлежащих рассмотрению и разрешению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви

I. О Соборе Всероссийской Церкви

Состав Собора на основании канонических постановлений и церковной практики. Порядок избрания представителей из монашествующих, из белого духовенства и мирян

"Церковь есть организм истины, вверенной взаимной любви христиан": вот глубоко верное определение Христовой Церкви истинного ее сына — А. С. Хомякова, потому что оно имеет свой корень в самом существе Церкви и ее духе и, следовательно, полное оправдание и опору в истории ее существования и постоянного развития ее жизни — "дондеже достигнем вси в меру возраста исполнения Христова" (Еф. 4:13). Главнейшими началами истинной церковной жизнедеятельности служат *свобода и единство*, организующей же и одушевляющей их силой, внутренним связующим цементом — *любовь*, а отсюда — *единение духа в союзе мира* (Еф. 4:3). Это глубочайшее внутреннее единство, единство нравственное; свободное, должно быть непременным условием взаимоотношения пастырей Церкви и их паствы, теснейшему единению и братскому взаимообщению которых, как двум элементам Церкви, и вверена, под руководством Духа Святого, истинная жизнь Церкви и ее истинный прогресс, ее вечная непоколебимость и непогрешимость. Там же, где недостает полно выраженного одного из этих элементов и, стало быть, и гармонии между ними, т. е. между иерархией и паствой, получается ненормальное течение жизни Церкви: ибо происходит резкое, крайнее, одностороннее разделение между Церковью учащей (иерархией) и поучаемой (паствой), могущее переходить, с одной стороны, в подавление личности и свободы каждого отдельного члена Церкви, в деспотизм, несомненно во всех отношениях вредно отзывающийся на жизни Церкви (как это и видим в католичестве), или же, с другой стороны, в произвол каждого члена Церкви, в своеволие, не желающее знать и слушать голоса своего пастыря, даже отрицающее в самом корне идею истинного пастырства (как это видим в протестантстве). Ясно, что в самой идее *истинно-православной Церкви* не должна иметь места такая дисгар-

мония, исключающая церковную жизнь. "Церковь, — пишет св. Киприан Карфагенский, — есть народ, соединенный со своим пастырем, стадо, прилежащее пастырю. Церковь обитает в епископе, клире и верном народе" (Тракт. о "Единстве Церкви"). "У нас, — говорят Восточные патриархи в ответе папе Пию IX, — ни патриархи, ни соборы никогда не могли внести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия (веры, религии и нравственности) есть *само тело* Церкви, т. е. сам народ".

После этих соображений должно быть понятно, почему Христова Церковь (и в названии своем ἐκκλησία — народное собрание) носит, как свой существенный признак, название *соборной* [1]. Церковь, значит, должна иметь соборный характер; т. е. внутреннее управление делами Церкви, ее устроение, словом — вся ее внутренняя жизнь должна быть безусловно предоставлена самой Церкви, т. е. *всецерковному собранию* верующих и, понятно, независимо от всяких посторонних влияний — государства, политики и проч., опираясь исключительно на вложенные в само существо ее законы органического развития. Соборное начало в Церкви есть то же, что̀ кровообращение в живом организме, есть жизненный нерв церковного организма, есть сама *жизнь* Церкви. Только при общем свободном согласии и при полной свободе (независимости) Церкви возможно ожидать уничтожения существующего, к прискорбию, у нас разделения, обособления между паствой и пастырями; только в восстановлении *соборности* найдем восстановление истинных начал жизни Церкви — единодушия и любви, при всей свободе членов Церкви; только здесь будет обеспечена истина и правда в решении общественных вопросов и может восстановиться правильное течение и развитие церковной жизни. "В соборе, — прекрасно пишет покойный канонист проф. Т. В. Барсов, — эти начала (т. е. единодушие, любовь и свобода) не только требуются и ищутся, но и необходимо предполагаются и непосредственно действуют, — как готовые данные, — для раскрытия и воспроизведения полной, всецелой, всесовершеннейшей идеи собора. Так, многочисленностью представителей своего состава, представителей с одинаковыми правами власти и голоса, собор прямо покровительствует и развивает закон и начало духовной свободы; составлением и определением правил, обязательных и важных для всех членов, состоящих в Церкви, он возвещает и утверждает закон и начало единодушия и единомыслия в понятиях и убеждениях веры; присутствием различных, равномерных и разнородных своих членов, собравшихся на собор по одним и тем же побуждениям, для одной и той же желанной для них цели, собор открыто держится и громко провозглашает закон и начало истинно-братской и взаимно-совершеннейшей любви. А по всему этому вместе он является живым изображением существа Церкви Христовой, если рассматривать эту Церковь в

[1] Хотя название *соборной* Церкви применяется к обозначению ее *вселенности*, но тем не менее *собор* (σύνοδος) применялся к обозначению молитвенного собрания всех верующих (см. Апост. Постан. Кн. 5, гл. 26), а отсюда и к собраниям всякого другого характера — судебного и законодательного. Так все это и обозначает Тертуллиан в своей "Апологии" термином "собрание".

основных началах ее исторического существования, если смотреть на нее как на отдельное в мире царство, предназначенное развить и воспитать в человечестве начала истинной свободы, взаимной любви и полнейшего единодушия" (см. "Христ. чтение" 1869 г., ч. 2-я, ст. "О вселенских соборах", с. 234—235).

Из сказанного ясно вытекает, что и состав всякого собора, а следовательно, и предстоящего Собора поместной русской Церкви, *обязательно* должен быть *всецерковный*, т. е. состоять из епископов, клира и мирян. Так это было всегда — и в век апостолов, и в последующие века энергической жизни Церкви; так это было и в древнерусской Церкви, до самой реформы Петра Великого. Вот факты истории. Образец всех соборов — первый апостольский собор — состоял из *апостолов* (епископов), *старцев* (пресвитеров) и *всего народа* (всей Церкви) (см. Деян. 15 гл.). В следующее за апостолами время Церковь и живет этой данной основой своей жизни. Святой Игнатий Богоносец пишет в послании к Ефесянам: "Составляйте же из себя вы все до одного хор, чтобы согласно, настроенные в единомыслии, дружно начавши песнь Богу, вы единогласно пели ее Отцу чрез Иисуса Христа... Полезно вам быть в невозмутимом единении между собою, чтобы всегда быть и в союзе с Богом" (4 гл.). В III веке, при появлении ереси Монтана, "верующие начали часто и во многих местах *собираться* и, исследовав новое учение, объявили его нечестивым и отвергли, как еретическое" (Евсевий — "Церк. История" V, 16). В следующем веке имеем, например, следующее драгоценное указание св. Киприана Карфагенского: "С самого начала епископства моего, — писал он пресвитерам и диаконам, — я положил за правило *ничего не делать по одному моему усмотрению, без совета вашего и без согласия народа*". При возникновении вопроса о падших он же писал, и подобное же — почти буквально — отвечала ему римская Церковь, что этот вопрос должно разрешить с общего совета "епископов, пресвитеров, диаконов исповедников и твердых в вере мирян" (Твор. св. Киприана. Т. I, с 175, 133, 165, 217, 221). Св. Иоанн Златоуст говорит: "В Церкви должно жить, как в одном доме... Тогда бы и меньший мог приносить пользу большему... И ныне, если один не говорит полезного, то пусть другой встанет и говорит. Хотя бы он был и меньший, но, если предлагает что-либо полезное, предпочти его мнение, хотя бы он был даже последний, не оставь без внимания" (18 бес. на 2 Кор. СПб., 1904. Т. X, с. 633—634). Св. Афанасий Александрийский даже разбор дела по жалобе на епископа считает предметом ведения "собравшегося народа и приявших власть от Духа Святого в присутствии изъявляющих свое требование мирян и клириков", и это, по словам св. отца, — "по церковным правилам и по слову Павлову" (1 Кор. 5:4). Соборный строй церковной жизни, при котором иерархия и клир были в тесном общении с народом и все принимали близкое участие во всех делах Церкви, проходил через всю древнюю историю Церкви. Так, в IV в. на Эльвирском Соборе 309 г. было 19 епископов, 26 пресвитеров, диаконов и "великое множество народа"; на Константинопольском Соборе 394 г. епископы присутствовали "со всем священным чином". Подобное же было на римских Соборах 465, 487, 490 гг.,

на Константинопольском Соборе 536 г. и др. То же встречается на Вселенских Соборах. Хотя они и носят названия — "Собор 318 отцев" (I Всел.), "Собор 150 отцев" (II Всел.), "Собор 630 отцев" (IV Всел.); но на всех их были и принимали горячее участие в обсуждении решений (определения II Всел. Собора подписаны 5-ю пресвитерами) пресвитеры, диаконы (например, на I Всел. Соборе св. Афанасий Александрийский — в состязании с еретиками) и *множество народа*. Историк Сократ пишет о составе I Всел. Собора: "В настоящем собрании находилось множество епископов, числом более 300, а сопровождавшим их пресвитерам, диаконам, чтецам и многим другим и *числа не было*" ("Церк. Ист." 1, 8, с. 33). На I Всел. соборе были, например философы (см. Деян. I, 101—57), на IV Соборе, кроме императора, перечисляются представители всех ведомств государственного управления Византии, все государство (см. Деян. Всел. Соб. Т. IV, 124—126 с.); на VI Соборе большое влияние имел св. Андрей Критский, "простой нотарий"; на VII Всел. Соборе было "множество благоговейнейших архимандритов, игуменов и монахов". Так что каждую из цифр, определяющих число членов-епископов — 318, 150, 630 и др., нужно по крайней мере увеличить втрое (по мнению проф. Заозерского, — см. "Богосл. вестн." 1903 г., Апр., с. 698, в ст. "О средствах усиления власти высшего церковного управления"), чтобы составить исторически верное представление о численном составе Вселенских Соборов.

И в русской Церкви по временам были соборы, на которых вместе с епископами присутствовали и низшее духовенство и миряне (например, Собор Владимирский 1274 г., Стоглавый Собор, Собор по поводу ереси жидовствующих и др.); и Соборы эти занимались вообще благоустройством Церкви, избирали и рукополагали митрополитов и епископов, решали вопросы веры, прекращали религиозные волнения, вызванные еретиками. — И в настоящее время в некоторых православных Церквах Поместные Соборы являются высшим органом церковного управления, причем, — что весьма замечательно, — не только из лиц епископской степени, но наряду с ним, как архиерейским синодом, действуют синоды *смешанные* — из лиц иерархии (т. е. епископов), клира и мирян, при том с одинаковым правом голоса (см. ст. проф. Заозерского в "Богосл. вестн." с. 706 и др.), — соборы (синоды) то как *непрерывно* действующие (например, "смешанный совет" константинопольской Церкви — из 4 епископов и 8 мирян, или "экзархейский совет" болгарской Церкви — из экзарха и 6 мирян, избираемых клиром и народом), то как действующие *периодически*: в Карловацкой митрополии — "народно-церковный собор" из епархиальных архиереев и 75 выборных членов, из коих $^1/_3$ духовенство и $^2/_3$ миряне; и подобный же собор в Сибиньской митрополии (в Венгрии) — из епископов и 90 представителей: 30 духовных и 60 мирян. Но нужно, впрочем, заметить, что все эти смешанные советы и соборы ведают дела, так сказать, не чисто духовного характера, т. е. не касающиеся веры, богослужения и церковной дисциплины, а по преимуществу управлением церковными имуществами, церковно-строительным и церковно-школьным делами и средствами на них и проч. И только в константинопольской Церкви и Сибиньской митрополии

участвуют эти смешанные соборы в выборе — в первой патриарха, а во второй — митрополита; причем в константинопольской Церкви, кроме членов "смешанного совета", и миряне имеют право участия в предложении кандидатуры на патриарха (но при согласии на это одной трети духовенства), а также участвуют в выборе *трех* кандидатов на патриархию; окончательное же избрание патриарха предоставлено исключительно духовным членам собора. Всех светских членов (мирян) — около 100 человек.

Что касается канонических оснований соборной формы церковного управления, то они несомненны: см. прав. св. апостолов 20-е, 37-е; Антиох. Соб. 20-е; Карф. 27-е; I Всел. Соб. 5-е; II Всел. Соб. 6-е; IV Всел. Соб. 19-е; VI Всел. Соб. 8-е; VII Всел. Соб. 6-е. Насколько строго это соборное начало проводилось, видно, например, из 6-го пр. VII Всел. Собора, по которому митрополит, не соблюдающий правил о созвании Собора, подвергался епитимии, а властители (ἄρχοντες), препятствующие созыву, — отлучению от Церкви; по 19-му пр. IV Всел. и 8-му пр. VI Всел. Соборов — епископам, не являвшимся без уважительных причин на соборы, делались внушения; а Карфагенский Собор (пр. 87—88-е) предписывает даже подвергать их суду и строгой епитимии.

Итак, должно признать несомненным, что Поместный Собор русской Церкви "истинно-канонического типа" должен быть средоточием и единением всех лучших сил данного времени — сил иерархии, клира и мирян. Эти лучшие силы должны быть следующие: 1) все наши иерархи; 2) представители клира — пресвитеры, диаконы и псаломщики, причем первые, конечно, выдающиеся своей пастырской деятельностью, должны быть обязательно, подобно как и в древности при епископе непременно был и пресвитериум, тем более, что они и ближе стоят к пастве, чем епископы, и лучше знают ее потребности; 3) подвижники-аскеты (монахи); 4) ученые богословы, причем известные *канонисты обязательно*; 5) представители государственной власти и 6) миряне — как выдающиеся своей духовно-нравственной жизнью и истинно церковным направлением, так и писатели и публицисты, ищущие религиозной истины и, вообще, лучшие представители интеллигенции, — что̀ будет важно для сближения их с Церковью. Такой Собор, могущий составиться очень многолюдным — человек в 500, а вероятно, даже и больше, — и пусть будет на первый раз таким многолюдным: пусть он будет внушительнейшим проявлением церковной жизни, сильнейшим биением пульса церковного организма, чтобы послужить началом обновления церковного нашего строя и всей жизни Церкви, могущественной нравственно-духовной силой воодушевляющей всех сынов Церкви, опорой для энергичной борьбы Церкви со всеми враждебными ей силами; пусть он отзовется громким эхом во всех отдаленных углах нашего обширного отечества и — мало того — во всех православных странах (и даже и неправославных). Нечего и говорить о том, как особенно необходим подобный Собор в наши дни намеченного обновления государственной и общественной жизни родины нашей. Последующие же соборы могут быть и гораздо менее многолюдны, например человек в 200 — в следующей пропорции: 50

епископов (приблизительно), 50 священников и диаконов и 100 мирян (согласно с мнением проф. Заозерского; см. цитир. статью "Богосл. вестника").

Только в таком общественном составе Собор будет живым общением всех в духе любви и единства как всех членов единого организма (при свободном обмене взглядов), полновластным органом церковного законодательства; только в этом случае он будет обладать и жизненностью и высоким нравственным авторитетом. Такие соборы, по мнению комиссии, должны составляться *раз в три года* (как это и видим в некоторых православных Церквах), в соответствие *каждогодному* собору епархиальному и через *два* года повторяющемуся собору митрополичьего округа. При нынешних путях сообщения и вообще условиях жизни, это, вероятно, не будет особенно затруднительным. На этих периодически созываемых Соборах должны решаться важнейшие дела Церкви: на них принимаются общие меры по управлению церковному, по возвышению и направлению религиозно-нравственной жизни народа; им подлежит обсуждение вообще назревших преобразований в церковной жизни: они же должны быть и высшей судебной инстанцией.

В частности, что касается представителей на ожидаемом Соборе от нашей Архангельской епархии, то комиссия предполагает из следующих лиц: 1) епархиальный владыка; 2) *один* из уважаемых представителей истинно монашеской жизни; 3) *четыре* представителя от белого духовенства — священников, диаконов и псаломщиков, из коих один — от городского духовенства, один — от прилегающих к гор. Архангельску уездов, один — от Кемско-Александровского уездов и один — от Мезенско-Печорского уездов, и 4) *четыре* представителя от мирян: один — от гор. Архангельска и трое — от уездов, параллельно представителям от духовенства.

Теперь спрашивается: какое же значение на Соборе будет иметь такое значительное число лиц — решающее или совещательное? Наши современные канонисты, как-то: проф. Заозерский, архим. Михаил, покойный проф. Т. В. Барсов и др., согласно канонам и практике древней Церкви (как это видим и из актов соборных), отвечают, что *решающее* (и определяющее) значение должны иметь только епископы, все же прочие члены Собора — значение *совещательных* голосов. Этот принцип канонического устройства "имеет за себя не только историческое основание и вековую исконную традицию или святоотеческое и церковное предание, но и догматическое основание: Церковь создана, создается и охраняется апостолами и их преемниками — епископами; они же несут ответственность за нее. Посему нет Церкви без епископа и без епископов, и кто не с епископом, тот и не в Церкви" (см. цитир. ст. Заозерского в "Богословск. вестн." с. 710).

Однако с одинаковым каноническим правом мы должны отвергнуть и "архиерейские соборы", как замкнутые комиссии (как например, и наш нынешний Св. Синод). "Дух замкнутых комиссий, — пишет проф. Заозерский, — "секретов" или "консисторий" был совершенно чужд Церкви апостольского века, равно как и следующих веков: он проник в церковное управление по подражанию формам государственного управления обеих половин

Греко-Римской империи" (там же, с. 711). Поэтому было бы и странно, и грустно, и прямо *вредно* для дела устроения Церкви (ибо повело бы к вышеуказанному полному разобщению иерархии и паствы), если бы соборы иерархов стали решать церковные вопросы при замкнутых дверях [1]. Ясно, стало быть, что как в постановке вопросов, подлежащих решению Собора, так и в выработке самих определений соборных, и все прочие члены — клир и миряне — должны принимать (как и всегда было в древней Церкви) весьма деятельное участие. Вот почему *непременно обязательно* и прибытие их на Собор; и значительное число их не только не повредит, а, напротив, поможет всестороннему обсуждению и правильному и жизненному решению всех назревших вопросов. При этом, как и в древности, особенно важное значение и из мирян могут иметь люди ученые — богословы и канонисты, как знатоки дела. Они могут "подготовлять самые результаты соборных определений своими рассуждениями и наперед предуказывать другим подлинную истину предмета" (см. цит. ст. проф. Т. Барсова в "Христ. чт." 1869 г. с. 797). Равно очень важен и ценен голос представителей государственной власти (особенно в решении щекотливых вопросов, касающихся отношений между Церковью и государством). Они на Вселенских Соборах принимали живое участие, созывая их и заправляя порядком рассуждений отцов, предлагая даже правила касательно церковного благоустройства (например, по предложению императора Маркиана — на IV Всел. Соборе приняты в канон правила 3, 4 и 20; см. Кн. правил), даже утверждая их своим подписом и тем придавая им санкцию и гражданских законов, обязательных для всех членов христианского государства. Впрочем, ввиду более прочного единения Церкви учащей — всех архипастырей и пастырей между собой, комиссия, большинством голосов, признала желательным дать *решающий голос и представителям клира*, а в вопросах административных и церковно-практических (но отнюдь не в вопросах, касающихся веры, богослужения и церковной дисциплины) предоставить *решающий голос* — наравне с епископами и духовенством (клиром) — и мирянам, опасаясь, в противном случае (т. е. только при совещательном значении их голоса), уклонения мирян от весьма желательного участия на Соборе. Нечто подобное мы находим и в практике нынешних православных Церквей (в Болгарии, в митрополиях Карловацкой и Сибиньской и даже в патриархии Константинопольской), в коих существуют "смешанные соборы" и "народно-церковные соборы" с одинаковым правом голоса всех членов — иерархии и мирян (они, например, заведуют постройкой монастырей, церквей и церковных школ, управлением церковными и школьными имуществами и контролем над ними, и даже участвуют в выборе митрополита в Сибиньской митрополии и патриархов — в константинопольской церкви). Но, как бы то ни было, а

[1] Признается желательным, чтобы заседания Собора происходили публично, а также, чтобы имели свободный доступ на Собор представители от старообрядческих и сектантских общин с правом принимать участие в прениях по вопросам разномыслия их с Православной Церковью.

должно быть признано необходимым на принятие соборных определений согласие *всего клира и народа*. "Это согласие, — справедливо пишет проф. Барсов, — имеет особенную важность потому, что затрагивает собой весь состав церковного общества, свидетельствует об единодушном — в буквальном значении этого слова — "сознании правоты и благоплодности соборных определений" (см. цитируем. ст. "О Всел. Соборах" с. 405).

Поэтому-то и Вселенские Соборы признавались таковыми не оттого, что на них присутствовало множество епископов (хотя соборные определения постановляемы были ими), а оттого, что вся Церковь, весь народ признал их выразителями своей веры и внутренней церковной жизни.

"Соборы еретические, числом подписавшихся епископов превосходившие соборы православные, отвергнуты были [1] единственно потому, что их решения не были признаны за голос Церкви всем церковным народом — тем народом и в той среде, где в вопросах веры нет различия между ученым и невеждой, церковником и мирянином, мужчиной и женщиной, государем и подданным, рабовладельцем и рабом, где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар видения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все были едино в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия. Таков догмат, лежащий в глубине идеи собора".

Наконец, что касается вопроса о порядке выбора лиц на всероссийский Собор, то относительно духовенства выбор этот — представителей его — устроить не будет затруднительно. И именно, у нас есть так называемые "благочиннические съезды" и "епархиальные съезды". Первый, на котором желательно присутствие всего клира благочиннического округа (хотя это в некоторых очень обширных наших благочиниях будет и трудно сделать), выбирает *одного* депутата на общеепархиальный съезд; а этот последний избирает, — как из лиц, вошедших в свой состав, так и из отсутствующих, если найдет необходимым, — *четырех* членов на Собор.

Монашествующие могут отдельно, например посредством письменных сношений, из своей среды избрать кандидата или же нескольких, а епархиальный съезд выбирает одного — на Собор. Но как избирать мирян? Твердое и вполне правильное осуществление выбора их может установиться только впоследствии, когда восстановится каноническое устройство всего епархиального управления и, в частности, восстановится *приход*, как тесно сплоченная община — союз пастыря с пасомыми и всех прихожан, объединенных Церковью и в Церкви. Но на первых порах можно это устроить и ныне следующим образом. В каждом приходе, на общеприходском собрании, имеющем происходить *обязательно в храме*, в присутствии всего причта с равным прихожанам правом голоса, и, по возможности, состоящем из всех достигших самостоятель-

---

[1] Наприм. соборы, принявшие полуарианский символ веры, или т. н. "разбойничий собор" 449 г., или иконоборчесий собор 754 г., где было более 600 епископов. И у нас на Руси — Флорентийский собор с участием митрополита Исидора.

ного возраста прихожан (причем особенно необходимо присутствие всех членов имеющегося братства или попечительства, а равно, конечно, и вообще всех лучших, т. е. благочестивых и верных сынов Церкви), — так на каждом таком приходском собрании выбирается один депутат на благочиннический съезд. А этот съезд, совместно с клиром и мирянами — своими сочленами, выбирает, кроме вышеуказанного депутата от духовенства, и *одного* депутата-мирянина на общеепархиальный съезд, который опять-таки, как и в предыдущем случае, или из своей среды, или из отсутствующих, избирает *четырех* достойнейших мирян членами Собора. Из этого важного проекта следует, что избрание членов должно быть совместно, а не особо от духовенства и мирян. Ибо следует сразу же приложить все старание к тесному сплочению духовенства и мирян, пастырей и пасомых, чтобы возбудить полное и всеобщее доверие к всецерковному делу — Собору русской Церкви, а также и общий интерес к предстоящей ему великой созидательной работе. А отсюда понятно, почему наши сословные съезды — благочиннические и епархиальные — необходимо теперь же в самом порядке выборов обратить в учреждения *общественного характера.*

II. О разделении Всероссийской Церкви на митрополии

Вопрос о децентрализации высшего управления русской Церкви, в смысле разделения ее на особые округи с митрополитами во главе, находит для себя основание в чрезвычайной обширности территории русской Церкви и в многочисленности и разнообразии — в этнографическом и бытовом отношениях — состава ее паствы. Вызываемые этими причинами обширность, многочисленность и разнообразие вопросов и дел, подлежащих ведению высшего органа церковной власти — Св. Синода, делают затруднительным скорое и всестороннее решение их и вызывают если не необходимость, то, по крайней мере, желательность передачи части этих дел и вопросов (дел второстепенной важности и вопросов местного значения) в ведение органов местного, окружного или митрополичьего управления. Практическая же сторона данного вопроса, именно: как организовать митрополичье управление и в каком отношении должно стоять оно к епархиальному и высшему церковному управлению, — находит для себя решение в практике древней вселенской Церкви, в организации в ней окружного или поместного управления. Древняя Церковь строго держалась идеи равенства всех епископов между собой и, когда, по условиям церковно-исторической жизни, предстоятели некоторых особо почетных и влиятельных кафедр выделились из ряда других епископов, она предоставила им лишь преимущество чести: они были только первыми среди равных, без особых полномочий власти, с одним лишь правом председательства на соборах окрестных епископов и теми преимуществами, какие вытекали из этого права. Только впоследствии, когда Церковь разделилась на несколько округов или провинций, с именем митрополий как определенных церковно-административных единиц, представители этих округов — мит-

рополиты — получили особые права и определенные преимущества. Но и в это время не было в собственном смысли "подчинения" епископов одному: митрополит не был "главою" епископов во всем безусловном значении этого слова [1]; он не был полновластным владыкой и единоличным вершителем дел в пределах своего округа; с ним разделял власть и его ограничивал собор местных (окружных) епископов, — так что, следуя более точной терминологии, управление церковным округом нужно назвать не митрополичьим только, но *соборно-митрополичьим*. В частности, вот в каком виде, по соборным правилам и историческим данным, представляются права и преимущества митрополита и его отношение к окружному собору, как и собора к нему: 1) Митрополит имел право созывать окружные соборы и председательствовать на них; решения соборов, без участия в них митрополита, не имели законной силы (IV Всел. Соб. 19-е; Антиох. 16-е, 19-е). 2) Митрополит имел начальственное наблюдение за церковным порядком и благоустройством в своем округе (Апост. пр. 34-е; Антиох. 9-е); с этой целью он имел право посещения или обозрения всех епархий округа (Карф. 63-е). 3) Не вмешиваясь без особого повода в дела управления каждой епархией, он имел, однако, голос в решении всех церковных дел целой области, и этим голосом преимуществовал перед другими епископами, которые являлись начальниками только в своих епархиях (Апост. пр. 34-е; Антиох. 9-е; Двукр. 14-е). 4) Особенному попечению митрополита вверены были праздные епископские кафедры, делами которых он и управлял до назначения епископа; в избрании епископов он принимал главное участие; ему принадлежало и право решительного утверждения выборов, так что сделанное против его воли избрание епископа не могло быть действительным (I Всел. Соб. пр. 4-е, 6-е; Антиох. 19-е); он же вместе с епископами области и рукополагал каждого епископа (те же правила и IV Всел. Соб. пр. 25-е, 28-е). 5) Митрополит принимал жалобы и доносы на епископов и устанавливал порядок судопроизводства над ними (IV Всел. Соб. пр. 9-е; Карф. 28-е; Антиох. 14-е); принимал также апелляции на суд епископский, даже на суд многих епископов (Карф. 11-е, 37-е, 139-е; Сард. 14-е; IV Всел. Соб. 9-е). 6) Епископы округа должны были возносить в молитвах имя своего митрополита (Двукр. 14-е). Но почти во всех перечисленных функциях своей власти митрополит был ограничен. Так, если, с одной стороны, епископы не могли ничего особенно важного предпринимать в делах церковных без согласия митрополита (Апост. пр. 34-е; Антиох. 9-е), то, с другой стороны, и митрополит в делах, касающихся целой области, ничего не мог делать без общего рассуждения и согласия епископов всего округа (те же правила); причем в случае разногласия дела решались не его голосом, но большинством других голосов (I Всел. Соб. пр. 6-е; Антиох. 9-е, 19-е). Право избрания и рукоположения епископа принадлежало собственно собору епископов; митрополиту же при-

[1] Не потому ли, может быть, и титул *архиепископа* долгое время не входил в употребление в Церкви, — что он выражает собой *главенство* одних епископов над другими? В африканской Церкви этот титул был даже запрещен положительным правилом (Карф. 48-е).

надлежало лишь главное участие в этом деле и право утверждения избранного (см. вышеуказ. прав.). Даже в важнейших из своих полномочий — в суде над епископами — митрополит был ограничен; он не мог судить епископа единолично, без Собора (Апост. пр. 74-е; Антиох. 14-е; св. Кирилла пр. 1-е). Такое ограничение митрополита собором епископов переходило в прямую зависимость его от последнего, если, по правилам соборным (III Всел. Соб. пр. 1-е; Сард. 6-е), он и сам был поставляем и судим собором своих епископов. Соборы областные, под председательством митрополита, составлялись дважды в год, для рассмотрения текущих дел (главным образом судебных). Но в том же составе соборы составлялись и каждый раз, когда была нужда произвести избрание и хиротонию епископа, хотя в этом случае вместо полного собора считалось достаточным, согласно 1-му апост. правилу, и трех епископов, вместе с митрополитом, если прочие епископы области давали письменное заявление, что они согласны будут с произведенным означенными тремя епископами избранием.

Вышеизложенные полномочия митрополита, как и митрополичьего собора, ограничивались только определенным округом и дальше его пределов не могли простираться (III Всел. Соб. пр. 2-е; III Всел. Соб. пр. 8-е). Высшей же инстанцией, с более обширными полномочиями, по отношению к митрополиту и его собору был вначале большой областной собор; так, к этому собору поступали апелляции на суд митрополита и его собора (II Всел. Соб. пр. 6-е; IV Всел. Соб. 9-е, 17-е; Антиох. 11-е, 12-е). А впоследствии, с учреждением патриархов, такой инстанцией явился патриарх с его собором, которому предоставлены были по отношению к митрополитам такие же полномочия, какими располагал митрополит по отношению к епископам. Патриарх поставлял (т. е. утверждал соборное избрание и рукополагал) митрополитов своего округа (IV Всел. пр. 28); созывал их, вместе с епископами, на большой областной собор, под своим председательством (Соб. Конст. V, пр. 17-е) и имел верховный надзор над делами митрополичьего управления, равно как и служением и поведением митрополитов; имел право безапелляционного суда по делам духовным и тяжебным между митрополитами и епископами и прочим духовенством; принимал апелляцию на суд митрополитский, как и епископский (IV Всел. Соб. пр. 9-е, 17-е); определял своим голосом на соборах наказание митрополитам, как и епископам, обличенным в более или менее важных преступлениях, наприм. отрешение от места (Юстиниан Новел. 137, 120; Номокан. Фотия, тит. 9. гл. 6) и проч.

Стоя на историко-канонической точке зрения, нельзя не признать, что подобную же вышеизложенной организации областного соборно-митрополичьего управления можно было бы установить и в русской Церкви в настоящее время, внеся в нее, применительно к современным требованиям церковной жизни, лишь бо̀льшую определенность и полноту, именно — исправив и восполнив нормы устройства органов окружного управления, в соответствии с епископским управлением, с одной стороны, и центральным — с другой, и установив точнее круг ведомства этих органов. Так, в соответствии с проек-

тируемым составом высшего органа церковной власти — Поместного Собора русской Церкви (см. п. 1-й настоящих "соображений"), а также и с соборным органом епархиального управления (п. 3), — и в митрополичий собор могли бы быть введены, в качестве членов, лица белого духовенства и монашествующего, по выбору от целого округа, а также и миряне, по своему настроению и осведомленности в делах церковного управления могущие оказать полезное и деятельное содействие в решении церковных и церковно-общественных дел. Точно так же, в параллель постоянному исполнительному органу в высшем церковном управлении и таковому же учреждению в управлении епархиальном, и при митрополите можно было бы организовать (под именем "совета" или каким другим названием) подобное учреждение с исполнительными функциями, в состав которого входили бы епископы ближайших к митрополиту епархий (могущие по первому призыву явиться в митрополию) и члены из духовенства и мирян, по избранию и уполномочию областного собора; последние, т. е. миряне, с обязанностями членов "совета" могли бы соединять и делопроизводство по различным отраслям митрополичьего управления. Круг ведения его должен простираться, прежде всего, на дела местного значения (вроде, например, мероприятий к распространению и утверждению веры и правил жизни христианской, к утверждению благочиния среди паствы той или другой местности, — заведования церковно-просветительными учреждениями округа, борьбы с расколо-сектантством и т. п.); из дел же общецерковного характера и значения — лишь на те, какие найдет возможным передать в эту инстанцию высший орган церковного управления. Точно так же и круг юрисдикции митрополита и его собора должен простираться на дела и тяжбы епископов и духовенства и на духовные дела мирян только своего округа, причем решение соборно-митрополичьего суда не должно считаться безапелляционным, не должно исключать апелляции к высшему церковному суду, если к этому будут основания законные. Вообще, высший церковно-правительственный орган, согласно древним церковным правилам, должен иметь высшее наблюдение и контроль над митрополичьим управлением, как к нему же должны поступать на окончательное решение все вопросы, возбуждаемые на митрополичьем соборе, но выходящие из пределов компетенции последнего. Митрополии, с митрополитами во главе, в общем строе церковного управления должны быть лишь посредствующими инстанциями между высшим центральным церковным управлением и епархиальным, имеющими своим назначением: для высшего церковно-правительственного органа (будет ли это орган личный или коллегиальный — при общем Соборе всероссийской Церкви) — облегчить многосложное дело управления обширной русской Церковью, для органов же епархиальной власти — епископов — дать возможность, путем частых соборных совещаний и личных сношений, с большей правильностью и единообразием вести дело церковного строительства в пределах своих епархий, сообразуясь с местными нуждами и условиями. При таком положении и значении в общем строе церковного управления вновь образованные митрополии не могут угрожать единству Церкви русской и плано-

мерному развитию ее жизни; напротив, учреждение митрополий установлением частого и живого общения между епископами может только содействовать оживлению церковной жизни не только в центре, но и на окраинах. Не будучи автономными в собственном смысле этого слова, но поставленные в постоянную связь с центром и зависимость от него, митрополии равно не могут грозить и государственному единству русской территории.

Что касается самого установления границ митрополичьих округов, распределения по ним существующих епархий, то руководящими основаниями для этого могут служить следующие условия: обширность епархий и удаленность их от центра, географическое соседство, церковно- или гражданско-историческое значение некоторых кафедр в ряду других, исторически сложившаяся, этнографическая или культурно-бытовая однородность населения некоторых местностей и даже целых районов русской государственной территории. С точки зрения этих оснований, всю обширную территорию русской Церкви можно было бы разделить примерно на следующие округи: 1) Северный, с резиденций митрополита в Вологде или Архангельске, в состав которого могли бы войти обширные северные епархии — Архангельская, Олонецкая, Вологодская и Вятская; 2) С.-Петербургский — из епархий: С.-Петербургской, Псковской, Тверской, Новгородской, Финляндской и Рижской; 3) Московский — из епархий центра России и ближайших к центру: Московской, Владимирской, Рязанской, Ярославской, Костромской, Калужской, Тамбовской, Тульской, Смоленской, Пензенской; 4) Казанский — из епархий Поволжья и частью приуральских: Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Астраханской, Оренбургской и Уфимской; 5) Западный, Виленский округ — из епархий западной России: Полоцкой, Минской, Могилевской, Гродненской, Холмской, Виленской, Варшавской; 6) Киевский округ — из епархий: Орловской, Курской, Воронежской, Черниговской, Киевской, Волынской, Полтавской, Харьковской, Подольской; 7) Южный округ, с резиденцией митрополита в Херсоне или Одессе, из епархий: Кишиневской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Донской; 8) Кавказский округ — из епархий Кавказа, Закавказья и Предкавказья; 9) Западно-Сибирский или Тобольский — из епархий Западной Сибири с присоединением части приуральских и Средней Азии: Пермской, Екатеринбургской, Тобольской, Томской, Туркестанской; и 10) Восточно-Сибирский или Иркутский — из епархий: Енисейской, Иркутской, Забайкальской, Якутской, Благовещенской и Владивостокской.

III. Об епархиальном управлении и суде

Предложенные вопросы: о преобразовании консистории, об отделении суда от администрации, об учреждении епархиального органа, объединяющего собой все ныне существующие епархиальные учреждения, — сводятся к вопросу: как должно быть поставлено епархиальное управление и суд, чтобы

организация жизнедеятельности епархии основывалась на канонических началах и была возможно совершенной?

Мотивом к постановке этих вопросов служат признанные Св. Синодом неудовлетворительность существующего строя епархиальной жизни и удаление ее от начал канонических. О том, что по этой именно причине надлежит неотложно реформировать существующий строй епархиальной жизни, о том, что, если этой реформы не произойдет, православная Церковь окажется в ближайшем будущем в великой опасности, — с откровенностью и решительностью засвидетельствовала вся православная Церковь в лице высшего церковного правительства: епископов, представителей белого и монашествующего духовенства и, наконец, мирян — в статьях и заметках периодической печати.

Прежде чем определить, в общих — конечно — чертах, какова должна быть организация епархиального управления и суда, нужно в самых кратких пунктах установить: в чем именно неудовлетворительна и неканонична существующая организация?

Недостатки современной организации епархиальной жизни следующие:

1. Стоящий во главе епархии епископ правит и судит епархией без применения (в собственном и строгом смысле слова) *соборного начала*, этой коренной, исконнейшей и существеннейшей важности основы жизнедеятельности православной Церкви. Ни пресвитеры, ни вообще клирики, ни миряне епархии не принимают действительного и подобающего участия ни в управлении, ни в суде. Всю тяготу, все непосильное бремя управления и суда в епархиях — большей частью с двух, трех и даже более миллионным населением — несет одно лицо, один епископ, совмещающий в своем лице и административную, обвинительную, и судебную власть.

2. Хотя, по Уставу духовных консисторий, управление и суд в епархии производится епископом через духовную консисторию, причем епископ и консистория составляют вместе так называемое “епархиальное начальство”, но в действительности: а) управление в значительной своей части совершается помимо консистории, через миссионерские комитеты, разного рода братства, епархиальные съезды духовенства, училищные советы, правления духовно-учебных заведений, правления эмеритальной и вспомогательной касс, которые действуют независимо от консистории и которые во главе с епископом составляют, в сущности, другое, так сказать — параллельное, “епархиальное начальство”; б) и то и другое “епархиальное начальство” на самом деле отнюдь не представляют в собственном смысле епархиального начальства, под каковым термином мыслится начальствование не единоличное, а разделяемое, коллективное, соборное. По действующим законам, консистория и другие ей подобные (вышеперечисленные) епархиальные учреждения имеют значение лишь вспомогательных, совещательных, подведомых органов епархиального епископа, который нисколько не стеснен в своих решениях “постановлениями, мнениями и соображениями” этих органов; если он находит их несогласными со своими воззрениями, то полагает свое решение, которое и при-

водится в исполнение, без права протеста или апелляции со стороны этих органов.

3. Как следствие этой ненормальности, является ненормальная организация духовной консистории, именно — по несоответствию ее соборному началу. Члены консистории выбираются единолично епископом, единолично ему подчинены, единолично по его ходатайству увольняются без следствия, суда и даже объяснения. Секретарь консистории одновременно находится в подчинении двум начальникам: обер-прокурору и епархиальному епископу. Роль его действования слишком сложна и в то же время неопределенна и двусмысленна. Он не имеет права голоса, но ответствен в правильности всего консисторского делопроизводства. в правильности каждого консисторского решения, ответствен не только за формальную его исправность, но и по суще ству.

Таким образом, в епархии нет ни лица, ни учреждения, с которыми епархиальный епископ в собственном смысле разделял бы власть управления и суда.

Ныне суд над епархией сосредоточен в консистории вместе с управлением ею. Суд — тайный (негласный), формальный, без свидетелей и защитников. Суд следует выделить и поставить независимо. Но вопрос этот сводится "к отнятию" судебной власти от епископа.

Возможно ли с канонической точки зрения лишить епископа права суда? Вопрос этот с достаточной ясностью не разработан и не решен в православной литературе. Преосвященный Литовский Алексий (Лавров) в своем обстоятельном исследовании "Предполагаемая реформа церковного суда" доказывает, что ни Св. Писание, ни каноны, ни церковная практика не дают основания лишить епископа права суда. Но тот же автор, предлагая свой проект реформы духовного суда, лишает епископа права обвинения (обвинительной власти), которое передает консистории, благочинным и частным лицам.

Еще вопрос, что̀ важнее и значительнее: лишить ли епископа права суда или лишить права обвинения?

Как епископ может управлять паствой, не имея права обвинять, а следовательно, замечать, констатировать недостатки, проступки, нестроения своей паствы?

Преосвященный Алексий признает, что смешение административных прав с судебными, совмещение их в одном лице ненормально, недопустимо.

Во всех культурных государствах правители не могут быть вместе и судьями. Даже при самодержавном строе правления Государь, по идее вместе и верховный судья, отделил от себя судебную власть и сам не может вмешиваться в дела судебные: суд в России действует самостоятельно, независимо, а его решения не может отменять никто. Конечно, в высшей степени желательно дать такую постановку судебному делу и в Духовном Ведомстве, т. е. чтобы никто, в том числе и епископ, не мог ни вмешиваться, ни переменять по своему усмотрению решения суда, чтобы духовные судьи были вполне самостоятельны, независимы, несменяемы иначе как по суду же.

Не полезнее ли и не справедливее ли, чтобы епископ судил через выборных духовенством епархии и мирянами и им утвержденных и контролируемых пресвитеров-судей?

Управляя и надзирая за жизнью епархии и обнаружив существенной важности проступок, епископ виновных "предает суду", сам в нем участия не принимая.

Организация епархиального суда должна быть, таким образом, такова. Епархиальный суд состоит из достаточного числа (смотря по нуждам епархии) выборных судей-пресвитеров, при участии выборных же мирян, как представителей прихожан. Таким образом, в суде будут принимать участие представители всей местной Церкви (епархии). Выборные судьи выбираются на срок (3, 5 и более лет); они несменяемы и не могут быть удалены иначе как по суду за доказанные проступки по должности и преступления. Все обеспечения, признанные необходимыми и допущенные в светском суде, должны иметь место и в духовных судах: суд должен происходить гласно, устно, с расспросом сторон и свидетелей и с обоснованием судьями приговора на внутреннем убеждении, а не на формальных доказательствах, согласно судопроизводства древней Церкви, как оно с достаточной подробностью начертано в "Постановлениях Апостольских": "Судилища ваши да бывают во второй день после субботы.. На судилище же пусть присутствуют и диаконы и пресвитеры, судя, как люди Божии, с справедливостью и нелицеприятно. Когда придет то и другое лицо, у которых есть тяжба, то каждый пусть станет посреди судебного места; и вы, выслушав их праведно, произносите приговор, стараясь сделать их обоих друзьями... Сидя в судебном месте в присутствии того и другого лица, тщательно изведывайте о препирающихся и сначала об обвиняющемся"...

Суд над клириками должен производиться лишь одними судьями-пресвитерами, без мирян, а суд над мирянами — судьями-пресвитерами и судьями-мирянами. Дела о преступлениях зазорных должны слушаться при закрытых дверях.

Кроме суда, в епархии должен быть еще совет выборных пресвитеров (в собственном смысле "консистория"), ведающий все епархиальные, административные, имущественные, духовно-учебные и прочие дела. Этот совет самостоятельно решает дела под контролем епископа и его председательством (когда он пожелает). Право апелляции на решения епархиального суда допускается лишь по предусмотренным законом основаниям и причинам. Апелляционные дела из области епархиального управления и суда рассматривает и решает митрополичий суд, состоящий из митрополита, епископов области (за исключением тех, к епархиям которых относятся апелляционные дела), пресвитеров и мирян.

IV. О благоустройстве прихода

Для улучшения современного православного прихода во всех сторонах его жизнедеятельности необходимо восстановить его — насколько это ока-

жется удобным и возможным при современных условиях — по началам древнехристианских общин, из которых каждая, как бы мала или велика ни была по своему составу, представляла из себя одно тело во Христе, как бы тесную семью во главе с епископами и пресвитерами, считавшими главной своей обязанностью учить и священнодействовать и привлекавшими своих пасомых или мирян к участию в делах церковного устроительства, благотворения и т. п. под их руководством. Этим участием мирян во внешних делах общин, с одной стороны, положено было начало гласности в управлении церковным имуществом, исключающей возможность каких-либо нареканий на предстоятелей Церкви при их единоличном распоряжении делами общин, и с другой — указан способ единения между пастырями и пасомыми и снискания христианскими общинами доброго имени в глазах внешних людей, т. е. не принадлежащих к Церкви. Так было во времена апостольские и в древней Византии, причем в последней указанный порядок устройства христианских общин был уже санкционирован каноническими правилами и гражданскими законами.

В древнерусской Церкви каждой приходской общине принадлежали права: 1) совершенно самостоятельного, независимого от епископа, расходования церковных сумм через выборных старост, 2) земельной собственности, 3) примирительного суда по делам маловажных преступлений и 4) выбора священноцерковнослужителей с обязанностью содержать их по договорам ("порядным"). Органом самоуправления древнерусской приходской общиной служили братства, т. е. организованные церковно-православные союзы при приходских храмах с выборными старостами, ведавшие судебную (по незначительным правонарушениям), благотворительную и просветительную стороны в жизни прихода и следившие за нравственностью членов общины и исполнением ими христианских обязанностей.

В частности, о праве христианских общин выбирать членов иерархии во времена апостольские свидетельствуют факты избрания св. евангелиста Матфея вместо Иуды (Деян. I:15—26) и семи диаконов (VI гл.). В последующие века, на основании указанных случаев из апостольской практики, Церковь усвояла общине право избирать себе пастырей, оставляя за собой только право испытывать избранных и посвящать, как об этом свидетельствуют многочисленные свидетельства древнейших отцов Церкви, например св. Климента, Тертуллиана, Иеронима и др. Эта практика в первые века настолько утвердилась, что благотворное значение ее замечено было даже языческими императорами, из которых, например, Александр Север стал применять ее при замещениях административных должностей в провинциях (Lampridii, Vita Alexandri Severi, cap. 14). Выборное начало применялось и к низшим членам клира, как это можно видеть из практики св. Киприана, который, поставив однажды чтеца Аврелия без предварительного согласия с народом, как бы извинялся перед последним, заявляя, что при избрании клириков он имел обыкновение советоваться со своим клиром и народом. Этот св. отец писал, что "Богом установлено, чтобы священник был избран в присутствии народа перед глазами

всех, и чтобы его достоинства и способности были подтверждены всеми, по общему суду и свидетельству". Но, признавая за народом право выбирать себе пастырей, Церковь Православная никогда не смотрела на этот выбор как на такое обстоятельство, которое сообщает выбранному все права и всю власть (как это практикуется ныне в протестантстве), равно как никогда не признавала за выбором абсолютного и безусловного значения. Вообще же посвящение вопреки согласию клира и желанию народа считалось преступлением и нарушением обычных прав (пр. 7-е св. Феофила Александрийского и пр. 89-е св. Василия Вел.), как писал об этом св. Киприан (56-ое письмо), заявлявший, что "народ имеет власть не только избирать священников достойных, но и отвергать недостойных". Светское законодательство также придавало выбору большое значение. Так, при Констанции, ввиду бывших фактов поступления в клир богатых людей, чтобы избавиться от государственных налогов, приказано было освобождать от этих налогов только тех, которые докажут, что они избраны были в клир по воле народа. Вообще, в первые века выборное начало действовало в очень широких границах. Первое ограничение не общины, а беспорядочной *черни* или толпы, встречается в 13-м пр. Лаодикийского Собора, хотя по постановлениям других соборов, современных Лаодикийскому или немного позднейших (например, 20-е пр. Гиппонского Соб. 393 г.; 22-е пр. IV Карф. Соб. 436 г.), епископам даже запрещалось посвящать кого-либо без совета с клиром, без свидетельства и согласия народа. Право выбора, начиная с IV в., постепенно стало заменяться и превращаться в простое одобрение общинами лиц, уже избранных епископами с клиром. По правилам Феофила Александрийского и св. Василия Великого дело представляется в таком виде: кандидат избирался клиром (при епископе) и представлялся общине, которая могла при этом указывать известные ей качества избранного и свое согласие на принятие его выражала словом ἄξιος, повторяемым затем от лица клира и епископа. Но такой порядок, ввиду значительной разницы его от практики первых трех веков, не везде удавалось вводить, так как выборное начало никогда не вымирало из сознания народа. Если в V, VI, VII и VIII веках мало сведений о существовании выборного начала, то это объясняется тем, что в V и особенно в VI веках оно было, так сказать, заслонено так называемым ктиторством на Востоке и патронатством на Западе, причем выразителями голоса общин являлись ктиторы и патроны храмов, подобно тому как у нас в России до уничтожения крепостного права такими же выразителями были помещики. Даже в XII в. это начало продолжало существовать, как можно судить об этом по вопросу Александрийского патриарха Марка к Вальсамону: должен ли он уступать народу, который сам избирает кандидатов в архиереи, священники и диаконы и просит непременно посвятить тех, кого он избрал?

В русской Церкви без выбора народа долгое время никто не мог вступить в состав клира. По Стоглавому Собору, "по всем святым церквам избирают прихожане священников и дьяков искусных и грамоте гораздых, житием непорочных". В синодальный период приходский выбор священноцерковнослужителей был также необходимым условием для посвящения, причем по

Регламенту епископу предоставлено право испытывать представляемых кандидатов и определять их достоинства. Но уже в конце XVIII в. право народа выбирать пастырей сильно было ограничено. Так, по благочинической инструкции Московского митрополита Платона, священники должны избираться не "всем миром", а только "лучшими" из прихожан, притом под строгим надзором благочинных. При императоре же Павле выборное начало совсем отменено, а за прихожанами оставлено право одобрять в глазах епископа тех или других кандидатов. Современные епископы при замещении вакансий руководятся, главным образом, образовательным цензом кандидатов из воспитанников духовно-учебных заведений и своим усмотрением.

Из этого краткого очерка видно, что современный нам русско-православный приход несколько уклонился в своем устройстве от древних христианских общин, чем и объясняют наблюдаемый повсюду упадок приходской жизни в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях. Для оживления приходской деятельности в указанных отношениях нужно так устроить приходскую общину, чтобы пастыри своей деятельностью, живым словом и примером, никем и ничем не стесняемые, с любовью вели своих пасомых ко спасению, а пасомые, в единении между собой и пастырями, слушали голос их и, находясь под их руководством, взаимно назидали друг друга в вере и христианской жизни. А для этого желательно: 1) дать духовно-учебным заведениям такую организацию, при которой воспитанники, если не все, то по крайней мере большинство, выходили бы с любовью к пастырству; 2) предоставить приходу возможно бóльшую самостоятельность в устроении, под руководством священников, всех сторон его жизни, для чего необходимо признать за каждым приходом значение юридического лица, каковое значение ныне уже признано за старообрядческими и сектантскими общинами; 3) учредить во всех приходах братства или попечительства и при них приходские советы, с непременным участием в тех и других приходских священников — в качестве членов или председателей — и прочих членов причта, чтобы эти братства и попечительства заботились о нравственно-христианской жизни прихожан, об искоренении между ними пороков; изыскивали бы средства для устройства школ с библиотеками, больниц, богаделен и др.; заботились о благоустройстве храмов и об обеспечении клира; предупреждали всякую вражду между прихожанами; примиряли враждующих мерами нравственного воздействия и т. п. При организации братств и приходских советов и при определении их обязанностей возможно в некоторой степени руководствоваться проектом Высочайшего постановления о церковно-приходском собрании и церковном совете православных приходов Финляндии; 4) восстановить за каждым приходом, насколько это возможно при современных условиях, право выбирать или, по крайней мере, рекомендовать кандидатов на священноцерковнослужительские должности, с тем, чтобы эти кандидаты, по засвидетельствованию благочинических советов, удовлетворяли всем каноническим требованиям и имели соответствующее образование, и с сохранением за епископом права испытывать их и — в случае непредставления прихо-

жанами своих кандидатов — назначать по соглашению с состоящим при нем (епископе) советом пресвитеров, а равно и с прихожанами; 5) дать приходскому духовенству, с сохранением за ним нынешнего казенного жалованья, такое материальное обеспечение из местных средств, при котором пастыри и низшие члены клира могли бы всецело отдаться своему великому служению. В деле обеспечения духовенства местными средствами представлялось бы возможным до некоторой степени руководствоваться соответствующими статьями всеподданнейшего проекта Высочайшего постановления о церковно-приходском собрании и церковном совете православных приходов Финляндии.

Всякий православный приход с существующим при нем братством или попечительством и приходским советом должен составлять первую самоуправляющуюся единицу в общей системе епархиального управления. Из нескольких таких единиц, совпадающих, например, с благочинническими округами, может быть составлен *окружной совет*, который должен служить средней, посредствующей ступенью между единицами округа и высшим органом епархиального управления — *советом пресвитеров* во главе с епископом.

В видах возможного единения в церковном и гражданском управлении было бы желательно, чтобы каждый православный приход, составляя низшую ступень в системе церковного управления, служил вместе с тем и мелкой земской единицей, что̀ для правительства дало бы возможность слышать подлинный голос народа и духовенства.

V. О порядке приобретения приходскими общинами недвижимой собственности

Если приходской общине желательно предоставить права на самоуправление, т. е. избрание членов клира, распоряжение церковными доходами, заведование благотворительными учреждениями и пр., то тем более должны быть предоставлены ей права юридического лица на свободное приобретение и отчуждение церковного имущества, с отменой всяких ограничительных законов, особенно в отношении приобретения приходами недвижимого имущества. Последнее всегда служило и продолжает служить одним из главных источников содержания церквей, по преимуществу же членов причта, в виде земельных и водных угодий, домов и пр.; но приобретение их даже дарственным путем сопряжено с такими ходатайствами и затруднениями, которые иногда побуждают отказываться от жертвуемого дара. По существующим узаконениям, всякого рода недвижимое имущество может поступить в пользу церкви только с Высочайшего соизволения, а для этого предварительно требуются от многих губернских и присутственных мест (городской управы или сельского управления, полиции, нотариуса, суда, консистории и пр.) формальные удостоверения о неимении препятствий. Особенно затруднительно долговременное собирание сведений и удостоверений в тех случаях, когда имение продается спешно; и вообще всегда остается тягостная неуверенность,

воспоследует ли дозволение заключить купчие крепости, хотя бы продавец и покупатель считали со своей стороны дело выгодным и законченным. Стеснительный закон преследовал ту цель, чтобы во владении церквей и монастырей не скоплялись громадные недвижимые имения; но это основание в настоящее время потеряло силу. Громадные имущества сосредоточивались во владении только монастырей, а не приходских церквей, и в давнее время, а не ныне. Благотворители прежнего времени знали только одно учреждение, заслуживавшее их сочувствие, — церковь, по преимуществу монастырь; тогда как в настоящее время пожертвования расходятся по бесчисленным благотворительным учреждениям, кроме церкви. Во всяком случае, для жизни лучше такой порядок, когда власть будет ограничивать ненормальное скопление земельных угодий в каждом отдельном случае, чем во всех случаях путем ограничительного закона задерживать нормальное проявление приходской жизни.

Вследствие этого должно почитать необходимым, — предоставить православным приходским церквам приобретать в собственность недвижимые имущества: а) дарственными способами на общем с частными лицами основании, не испрашивая на укрепление их особого разрешения начальства, и б) покупкой за счет церковных сумм, вечных вкладов в пользу причтов и всякого рода доходов, с разрешения епархиального преосвященного, по предварительном соображении в духовной консистории выгод таковой покупки и возможности употребления на нее церковных сумм.

Желание это тем более справедливо, что оно уже было высказано особой Высочайше назначенной комиссией по духовным делам в 1869 году, с Высочайшего соизволения 17 февраля 1873 года внесено на рассмотрение в Государственный Совет, и ныне нуждается только в утверждении (см. *А. Папков* — "Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя-Освободителя", с. 180).

VI. О епархиальных съездах духовенства

Прототипом нынешних епархиальных съездов духовенства нужно считать древние собрания приходских священников при епископских кафедрах, устраивавшиеся ежегодно в первое воскресенье Великого поста, почему это воскресенье до настоящего времени во многих местностях называется "сборным". По документальным данным, эти собрания были обычным явлением в древнерусской Церкви включительно до XIV века, когда отношения между епископами и священниками были чисто братские и весьма близкие. В XV и XVI вв., по мере разобщения между архипастырями и пастырями, стало заметно в тех и других охлаждение к этим собраниям; в XVII и последующих веках до конца шестидесятых годов прошлого столетия этих собраний уже не было. По сохранившимся документам, древнерусские собрания пресвитеров при епископских кафедрах, по своей внутренней организации, представляли собой как бы школу, учителем которой был епископ, а учениками — священники, почему цель этих собраний и предмет занятий назывались "наукой исправлений духовных". Следовательно, древнерусские собрания епархиально-

го духовенства при кафедрах епархиальных епископов можно считать епархиальными соборами для решения всех вопросов церковной жизни, каковых в первое время существования русской Церкви, без сомнения, было очень много при полуязыческом настроении первых русских христиан и при малообразованности духовенства.

Современные нам епархиальные съезды духовенства, стоящие до некоторой степени в тесной связи с реформами шестидесятых годов прошлого столетия и обязанные своим возникновением ближайшим образом уставу духовно-учебных заведений 1867 г., в основе своей должны были иметь широкие начала "свободы и совещательной самодеятельности". На самом же деле эти принципы их сужены. За сорок лет существования съездов история их представляет собой печальную картину нарушения и расхищения их прав, что̀ будет продолжаться и впоследствии, если эти права ничем не будут гарантированы. Самая деятельность их свелась повсеместно к решению вопросов главным образом хозяйственного и экономического характера. При такой постановке они не имеют уже значения органа, воздействующего на религиозно-нравственную жизнь епархии.

Ныне, когда все духовенство интересуется вопросом, какое положение оно должно занять при ожидаемом обновлении и воссоздании России на началах Высочайше дарованных свобод, особенно необходимо дать епархиальным съездам духовенства такую организацию, при которой ясно было бы для всех, что духовенство, в единении с епископом, в каждой епархии составляет огромную общественную силу в деле религиозно-нравственного воспитания народа, а равно и в деле широкого и успешного проведения в жизнь начал свободы, дарованной Высочайшим манифестом от 17 октября 1905 года. Отсюда задачи съездов должны быть расширены, и деятельность их должна быть поставлена в условия, согласные с названным Высочайшим манифестом.

Согласно с общим строем предполагаемой реформы в церковном управлении, необходимо и епархиальные съезды реформировать так, чтобы они приняли характер ежегодных древнерусских епархиальных соборов, имели высшее значение и место в епархиальном управлении и являлись бы при епархиальных епископах вспомогательными органами в решении вопросов прежде всего религиозно-нравственных и затем уже — материальных. Поэтому необходимо: а) требовать, чтобы на каждом съезде представлено было подлинно верное положение епархии в религиозно-нравственном отношении, чтобы выработать наиболее верные и целесообразные средства духовно-нравственного воздействия на паству; в) вызывать на каждый съезд не по одному члену от благочиния или от уезда, но возможно более; г) открыть доступ к участию в заседаниях съездов мирянам и низшим чинам клира с совещательным голосом в делах чисто церковных и с решающим в вопросах церковно-практических, чтобы эти учреждения не были узкосословными, чтобы постановления их имели *общецерковный характер* в данной епархии и не были, так сказать, навязываемы мирянам против их желания; д) председательствовать на съездах самим епископам, особенно при решении вопросов относи-

тельно веры и благочиния, но с тем, чтобы епископы-председатели являлись не начальниками, а только руководителями, и чтобы вообще деятельность съездов никем и ничем не была стесняема, и чтобы постановления их, не соответствующие взглядам епископов, не были изменяемы или уничтожаемы ими самолично, а представлялись бы в высшие инстанции. В круг деятельности съездов, кроме нынешних предметов, должны бы входить — по духовно-учебным заведениям — вопросы не только материальные, но и учебно-воспитательные; в административном отношении — выбор на определенный срок членов пресвитерского совета при епископе и епархиального суда и др. учреждений, и в хозяйственном и экономическом — те же вопросы, что и в нынешних нереформированных съездах, и др. Сообразно с епархиальными съездами должны быть реформированы и благочиннические — с тем, чтобы эти съезды носили характер "соборикoв" во главе с благочинными. А именно желательно, чтобы съезды эти устраивались не менее двух раз в год и чтобы на них участвовали с равным правом голоса низшие члены клира и миряне (церковные старосты, попечители и т. п.). Предметами деятельности благочиннических съездов могли бы быть: суждение о религиозно-нравственном состоянии всех приходов благочиннического округа, выработка мер к улучшению их в духовно-нравственном, просветительном, экономическом и благотворительном отношениях; заготовление обоснованных материалов для обсуждения на епархиальных съездах; выбор (непременно закрытой баллотировкой) достойных депутатов на епархиальные съезды, благочинных и членов благочинических советов; меры братского воздействия (товарищеский суд чести) на лиц, отличающихся неблагоповедением или неисправностью по службе; примирение враждующих; способы самообразования и самоусовершенствования как священников, так и низших членов клира; решение разных недоумений в области пастырской деятельности; руководство неопытных пастырей и т. д. и т. д. При такой постановке благочиннических съездов благочиннические советы могли бы рассматривать по преимуществу вопросы, касающиеся некоторых отдельных, но не всех приходов благочиннического округа и маловажные проступки среди членов причта, замеченные в первый раз; они же могли бы давать одобрение или вообще отзыв о кандидатах к занятию священноцерковнослужительских вакансий, если таковые кандидаты будут представляться прихожанами праздных приходов, и т. д. и т. д.

VII. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях

Вопрос этот многими решается в отрицательном смысле. Представители такого взгляда усматривают основание для него в тех случаях из земной жизни Иисуса Христа, когда Он уклонялся от разбора дел гражданского (о разделе наследства между братьями) или политического характера (об уплате иудеями подати римскому царю), а также в словах апостола Павла, о повиновении властям (Рим. 12:1—2), понимаемых защитниками этого взгляда, в случае допущения духовенства к участию в гражданских учреждениях, в смысле

обязательства Церкви в лице ее представителей освящать всякий существующий строй общественной жизни, каков бы он ни был.

Защитники этого взгляда, по-видимому, забывают, что Спаситель и святые апостолы уклонялись от разрешения вопросов политического и юридического характера, сами повиновались и других учили повиноваться существующим властям и порядкам общественной жизни не потому, что они считали эти вопросы совершенно чуждыми их служению и что существовавший при них строй общественной жизни был совершенный и не оставлял желать ничего лучшего, но потому, что они не желали изменять современные им порядки путем агитаций, возбуждений народной массы и — тем более — путем насилий, с каковой целью и предложен был Спасителю один из означенных вопросов. Спаситель пришел духовно возродить человечество, с каковым возрождением, по мере совершения его в людях, естественно, должны постепенно улучшаться и все стороны в жизни человечества. Порядки и строй общественной жизни всегда зависели и будут зависеть от людей и от влияний, под которыми они жили и будут жить; всегда составляли и составляют продукт времени; всегда изменялись и будут изменяться в зависимости от изменения людей и условий времени. Поэтому ни христианство вообще, ни св. апостол Павел в частности — не могут освятить в качестве абсолютно совершенных никакого строя общественной жизни на земле, ни одной формы государственного правления. Но, уживаясь при любой форме правления в данное время и уча своих последователей признавать и уважать принятые законы и порядки, — хотя они, как временные, и не могли считаться совершенными, — христианство в то же время постепенно подготовляет почву и условия для создания лучших порядков и форм общественной и государственной жизни путем постепенного изменения и улучшения человечества по мере восприятия им христианских начал жизни, причем прежние рамки и формы общественной и государственной жизни становятся тесными, требуют расширения, а иногда и замены их новыми.

При таком отношении между христианской Церковью и государством неестественно было бы отрицать участие представителей Церкви в делах государства и его учреждений. Со стороны государства это значило бы — отказаться от религиозно-нравственного влияния на него со стороны христианства, благотворность которого доказана всей девятнадцативековой его историей, а со стороны Церкви — отказаться от своего прямого назначения. Если в последнее время такое явление и имело место во Франции, при известной тенденции римско-католической Церкви и ее служителей с свойственным им духом папизма, — то оно не может иметь места в России при православной Церкви и при православном духовенстве, представители которого, за весьма редкими исключениями (патр. Никон), никогда не задавались политическими целями, никогда не стремились к главенству в государстве, но чаще находились в подчинении у государства. При таких условиях опасности в так называемом клерикализме не было и не может быть в России, хотя в истории ее на протяжении целого ряда веков наблюдалось ближайшее участие православ-

ного духовенства в делах и учреждениях гражданского ведомства. Так, в удельно-вечевой период епископы, как люди высокообразованные по тому времени, хотя в большинстве случаев и чуждые России по своему происхождению из Греции, заседали в княжеских думах вместе с князьями. В патриарший период в царскую думу и земские соборы приглашались не только патриархи, но и епископы. Воеводы городов должны были во всех важных делах советоваться с епископами. Священники и дьяки участвовали в земских делах при совершении разных общественных актов в мирском суде, в челобитье перед властями и т. д. Правда, в позднейшие времена, благодаря известной тенденции великого преобразователя России, епископы чуть не под присягой отрекались от вмешательства в мирские дела; но из вышеизложенного ясно, насколько это противоречит истории и задачам Церкви в ее отношении к государству.

Поэтому духовенству должно восторженно приветствовать Высочайший манифест об учреждении Государственной Думы, а равно и манифест от 17 октября 1905 года, по смыслу которого в составе Думы должны быть представители всех сословий, не исключая и духовного. Что касается, в частности, сельского приходского духовенства, то ему, в случае признания каждого прихода мелкой земской единицей, естественно пришлось бы принимать участие в делах общественных в качестве членов местных органов приходского самоуправления. Не предрешая вопроса о том, каким голосом, решающим или совещательным — должны владеть представители духовенства в общественных учреждениях, но полагая, что в делах чисто церковных их голос должен быть решающим, а в прочих совещательным, — следует признать за общее правило, чтобы представители Церкви как в составе Государственной Думы или Совете Министров, так и в местных гражданских учреждениях разных видов и наименований, избегая всякой партийности, не будучи профессиональными политиками и агитаторами и не добиваясь власти в области политики и гражданского управления, своим участием в гражданских учреждениях пользовались не столько в защиту материальных интересов Церкви, — хотя и это не противоречит их миссии, — сколько для того, чтобы свободно высказывать просвещенно-правдивый с христианской точки зрения взгляд на все вопросы общественной жизни, проводить этим путем высокие христианские начала в сознание народа и в государственные законоположения, а вместе с тем постепенно создавать такие условия в жизни народа государства, которые естественно выразились бы в возможно лучших формах политического строя и управления на вечных и незыблемых нравственных основах христианства. И насколько желательно и необходимо проникновение христианством всех сторон Русского государства, настолько желательно и необходимо участие духовенства в общественных учреждениях гражданского ведомства. Насколько Церковь заинтересована проведением христианских начал в общественный организм России, настолько она в лице своих представителей должна дорожить участием их в гражданских учреждениях. Отказываться от этого участия значило бы со стороны представителей Церкви — или не понимать задач

Церкви, или ограничивать сферу и средства влияния ее на общество. Противники такого участия в защиту своего мнения напрасно указывают на проповедь с церковной кафедры, как на единственное место и средство к проведению духовенством христианских начал в общество. По слову св. апостола Павла, служитель Церкви должен проповедовать благовременне и безвременне. Затем, весьма многие стороны общественной жизни, требующие освещения с христианской точки зрения, не могут быть признаны удобными для церковной кафедры; другие стороны для своего освещения требуют обмена мыслей, что̀ также неудобно для церковной кафедры.

VIII. О способах познания и утверждения веры среди народа и охранения ее от искажений и извращений

Наиболее благоприятным условием для утверждения истинной веры в сознании народа и для охранения ее от разных искажений служит, без сомнения, близость народа к святым храмам и их служителям, к школам и училищам и к другим религиозно-просветительным учреждениям и к их деятелям. И наоборот, условием для ослабления веры и для внесения в ее область разных нежелательных наслоений является в большинстве случаев отдаленность народа от названных учреждений и лиц, понимаемая не в смысле только пространства, но и в смысле духовного разобщения между народом и пастырями и — тем более — архипастырями.

Несмотря на усиленное открытие новых приходов в последние 10—15 лет, в нашей епархии в настоящее время можно указать очень много селений, удаленных от приходских храмов и причтов на 40, 60, 80, 100 и более верст, при крайне неудобных путях сообщения, что особенно часто наблюдается в приходах Кемского, Александровского, Мезенского и Печорского уездов. Что же было в старину, если, например, в состав нынешнего Ижемского прихода Печорского уезда до 1830 года входили все 15 приходов, расположенные по р. Ижме на пространстве в 300 верст и по р. Печоре от устья Ижмы до границы с Вологодскою губ. на пространстве свыше 300 верст? В состав Кольского прихода почти до конца прошлого столетия входили все селения Мурманского берега и все погосты внутри Лапландии; в состав Варзугского прихода — все селения Терского берега, за исключением двух — Умбского и Понойского, стоящих на окраинах Терского берега; в состав Кемского соборного прихода — все селения от гор. Кеми по берегу Белого моря до села Керети и отсюда до границы с Финляндией и т. п.

Не в лучших условиях многие пункты Архангельской епархии находились, а некоторые и в настоящее время находятся, и в школьно-просветительном отношении. Так, до учреждения церковных школ на всю необъятную Кольско-Лопарскую волость, занимающую половину Кольского полуострова, было только одно училище в гор. Коле, по всему Терскому берегу — одно в Кузомени, на всем пространстве (до 600 верст) прежнего Ижемского прихода — не более трех училищ и т. п.

При таких условиях сколько-нибудь правильную веру могли знать и хранить только живущие близ храмов и училищ; остальное же население удовлетворения присущей ему религиозной потребности должно было искать у других учреждений и лиц. Отсюда — разные моленные и их наставники, если не всегда неблагонамеренные, то в большинстве случаев невежественные в области религии.

С открытием новых приходов, с устройством храмов, с учреждением церковных школ и с увеличением числа сельских училищ, без сомнения, улучшились условия к утверждению веры в сознании народа и к очищению ее от разных наслоений и искажений. Но почва для религиозно-просветительного воздействия на народ со стороны указанных просветительных учреждений и их деятелей уже была засорена плевелами. Местное население, долго жившее без храмов и священников, уже привыкло к своим наставникам, а равно и к моленным с их самочинными порядками. Священник, назначенный со стороны, кажется человеком пришлым, чужим; заводимые им порядки признаются произвольными и самочинными; его единоличное хозяйничанье в храме и распоряжения по делам приходским кажутся насколько обидными, настолько же и незаконными. Вот те неблагоприятные стороны, которыми тормозится и замедляется сила религиозно-просветительного воздействия на народ по открытии новых приходов и которыми держатся все виды искажений истинной веры: нет духовного единения и общения между пастырем и пасомыми; нет той сплоченности их в одно живое тело под благодатным кровом приходского храма, которой так сильны старообрядчество и все виды сектантства. В силу тех же неблагоприятных условий и школьно-просветительное дело медленно и туго прививается в тех местностях, где на наставников и начетчиков издавна привыкли смотреть, как на единственных надежных учителей, где вся грамотность сводится к бессознательному чтению так называемых канонов (по усопшим) и где, в частности, сторонятся от церковной школы, не без основания усматривая в ней тенденцию обращения учащихся детей из старообрядчества или сектантства в православие.

В силу вышеизложенных условий, и в настоящее время, несмотря на открытие многих самостоятельных приходов со вновь устроенными в них храмами, — несмотря на постепенное увеличение числа церковных школ и сельских училищ там, где раньше не было ничего подобного, — несмотря, наконец, на постепенное, хотя и медленное, воздействие этих религиозно-просветительных учреждений, — возможны еще факты полного невежества в области религии, как например факт отождествления храма с жилищем священника, имевший, по слухам, место в недавнее время в Кемском уезде. Впрочем, должно заметить, что открытием новых приходов и даже хождением народа в храмы занимающий нас вопрос не исчерпывается: чтобы храм мог оказать религиозно-просветительное воздействие на простолюдина, нужно, чтобы он сколько-либо сознательно присутствовал при богослужении; а для этого в свою очередь необходимо, чтобы он понимал богослужебный язык, не всегда

доступный пониманию даже интеллигентного человека, и тем более — для простолюдина или инородца.

Для устранения причин, способствующих ослаблению или искажению веры в сознании народа, на основании вышеизложенных соображений, представляется необходимым:

1. Увеличить число приходов, чтобы окружность каждого из них в Архангельской епархии имела не более 20 верст в диаметре при удобных путях сообщения, хотя бы при этом пришлось открывать самостоятельные приходы для мелких селений.

2. Ввиду невозможности малым по народонаселению приходам дать причту достаточное обеспечение, отнести этот расход всецело на средства Государственного казначейства.

3. Дать всем приходам — как существующим, так и имеющим открываться, — при возможном применении выборного начала, такую организацию, при которой причт и миряне входили бы в самое тесное общение между собой путем участия причта в делах прихожан и последних — в делах храма и прихода (см. п.п. IV и VII сих предположений).

4. Увеличить число епархий в России путем дробления нынешних, слишком больших по пространству и народонаселению, на несколько меньших, равных по пространству двум-трем уездам центральной России, или же учредить в каждой из нынешних епархий по нескольку викариатств с обязательством для викарных епископов жить в уездных городах.

5. Дать епархиальному управлению такую организацию, при которой епископы, имея небольшие в территориальном отношении епархии, вспомоществуемые своими викариями и состоящими при епископских кафедрах советами пресвитеров, при меньшем числе дел канцелярского характера, имели бы возможность чаще и ближе входить в личное общение с пастырями и паствой и располагали бы бóльшим временем и свободой для исполнения первейшей своей обязанности — учить и священнодействовать.

6. Вызываемый предыдущей мерой значительный расход на содержание епархиальных епископов, в случае значительного увеличения числа их и состоящих при них учреждений, или на содержание викарных епископов, если бы Государственное казначейство затруднилось покрыть его своими средствами, отнести на средства монастырей империи по раскладке этого расхода между ними, какая могла бы быть сделана центральным духовным управлением. Для возможного же сокращения расходов на содержание епархиальных епископов и их викариев представлялось бы желательным, чтобы те и другие в своем внешнем положении и при совершении богослужений возможно более приближались к апостольской простоте. В этих видах, в частности, не представлялось бы необходимым для всех епархиальных епископов и, тем более, для их викариев иметь особые крестовые церкви с такими или иными штатами при них и совершать богослужения с той пышностью, которая, не имея существенного значения, вызывает, однако, значительный расход на содержание особых прислужников (протодиакон, иподиаконы, многосоставные хоры и т. п.).

7. Для увеличения вызываемого предыдущими мерами числа кандидатов для епископских и священнослужительских вакансий, с возможным применением выборного начала при замещении тех и других вакансий, открыть, согласно древнехристианской практике, доступ к епископскому сану без пострижения в монашество заслуженным вдовым протоиереям и иереям с образованием не ниже среднего, и к сану пресвитеров и диаконов — благочестиво настроенным и достаточно образованным из мирян.

8. Ввиду невозможности установления близкого общения между архипастырями, пастырями и паствой при частом переводе епископов из одной епархии в другую и членов причта — из одного прихода в другой, признать означенные переводы безусловно вредными и нежелательными, исключая случаев перевода по суду или при повышении служебном. Так как означенные переводы не только членов белого духовенства, но иногда и епископов, весьма часто вызываются большей обеспеченностью одних приходов или епархий сравнительно с другими, то, для устранения этого повода к переходам, было бы желательно, чтобы все епархии, а равно и все приходы в каждой епархии, при равных условиях жизни и деятельности в них, давали бы одинаково — достаточное содержание как епископам, так и белому духовенству.

9. Признавая благотворное и доныне влияние святых обителей, как центров религиозно-нравственного просвещения, на окрестное население, открыть хотя бы одну обитель в обширном Печорском уезде — как для ослабления распространенного в этом крае старообрядчества, так и для укрепления веры в православном населении.

10. Для успешного воздействия пастырского на пасомых в инородческих приходах признать желательным: а) изучение нынешними пастырями таковых приходов инородческих наречий для произнесения на них поучений и для возможного применения их при совершении богослужений; б) преподавание этих наречий в богословском классе духовных семинарий и — в частности — преподавание зырянского и корельского языков в Архангельской семинарии, как это было до 1884 года, и в) всемирное привлечение инородческих детей, кончивших курс одноклассных церковно-приходских школ или училищ Министерства народного просвещения, в духовно-учебные заведения и во второклассные учительские школы, чтобы из них со временем выходили пастыри из среды самих инородцев.

11. Наконец, ввиду важного значения, какое должно иметь православное богослужение в деле уяснения и утверждения в сознании народа истин христианского веро- и нравоучения, необходимо сделать его доступным пониманию народа и дать мирянам возможность более или менее активного участия в церковно-общественной молитве. Для сего необходимо: а) упростить церковно-славянский язык православного богослужения в русской Церкви путем исправления текста священных и богослужебных книг, причем все непонятные слова и выражения заменить более понятными славянскими же (синонимическими), если это возможно, или же русскими, насколько это будет позволять важность предмета, а греческую конструкцию, совершенно чуждую сла-

вянской речи, заменить русской; б) оставляя неприкосновенным нынешний состав каждого богослужения для выполнения в монастырях, сократить для приходских церквей чинопоследование некоторых общественных служб (особенно всенощного бдения) с тем, чтобы, при возможных сокращениях, главный смысл (идея) каждого чинопоследования, выраженный в известных молитвах, песнопениях или обрядах, рельефнее выделялся для слушателей, не заслоняемый разными второстепенными молитвами и песнопениями в составе службы, и чтобы каждое чинопоследование, при сокращенном составе, выполнялось истово, благоговейно, неспешно и без излишнего обременения молящихся, в) издать для приходских церквей и для мирян особый церковный устав относительно не только совершения богослужения применительно к предположенному составу его, но и относительно продолжительности постов (кроме св. четыредесятницы) применительно к жизни мирян и к условиям места и времени; г) издать — для возможно широкого распространения в народе и для употребления их при общественной молитве — чинопоследования (сокращенные) всенощного бдения в воскресные и праздничные дни, а равно и божественной литургии, с исправленным славянским и параллельным русским текстами, а равно с краткими предварительными и подстрочными толкованиями основной идеи каждой службы и смысла каждого наиболее важного песнопения в целом строе известного чинопоследования; д) издавать по мере возможности священные и богослужебные книги на всех инородческих наречиях, имеющих широкое распространение в России, и е) вводить постепенно общее пение в приходских храмах, чтобы молящиеся принимали активное участие в церковно-общественной молитве.

Соображения о постановке духовно-учебных заведений по учебной и воспитательной частям

I.

Цель духовной школы — приготовление к пастырскому служению и, попутно, к служению в низших церковных должностях и к учительству в начальных школах. Но как для всякого вообще общественного деятеля, так тем более для пастыря Церкви, ввиду высокой важности, сложности и многосторонности его служения, кроме специального образования, необходимо образование общее. Чтобы вернее достигать и прямой своей цели и служить наиболее действительным подспорьем и приготовлением к образованию специально-богословскому, общее образование в духовных школах должно быть поставлено так, чтобы, обогащая ум учащегося необходимыми познаниями, оно действовало в то же время развивающим и воспитывающим образом. Такая постановка образования должна выражаться как в выборе предметов, так и — главным образом — в способе преподавания этих предметов, рассчитанном не столько на низшую механическую способность рассудка — способность запоминания и ассоциации, сколько на высшую координирующую его

способность — способность мышления. Кроме того, ввиду несоответствия с идеей пастырского служения принудительного (в прямом или косвенном смысле) характера приготовления к нему, духовная школа должна быть поставлена так и с тем расчетом, чтобы учащиеся, когда при выработавшейся с возрастом способности самоопределения у них обнаружится склонность или способность более полно использовать свои силы и дарования на другом поприще служения отечеству, кроме церковного пастырства, — чтоб они могли оставить школу не с половинчатым знанием, но с полным знанием общеобразовательного курса, дающим им право и возможность свободно избрать соответствующий их склонностям и дарованиям путь дальнейшего образования.

Общеобразовательные науки, ввиду этого, могли бы быть отделены от специально-богословских, как это было при уставе 1867 года; им мог бы быть посвящен курс первых 4-х классов семинарии. Кроме указанного основания, в пользу выделения специально-богословских наук из общеобразовательного курса могут быть и другие основания положительного свойства. Прохождение богословских наук не в разбивку в течение нескольких лет, но компактно в два последние года и учениками уже развитыми, способными к отвлеченному философско-богословскому мышлению, несомненно, будет способствовать более цельному, прочному и основательному усвоению богословских знаний. Можно надеяться, что тогда гораздо реже будут иметь место те упреки, какие в настоящее время почти ежегодно слышатся от экзаменационных комиссий в духовных академиях — о механическом и поверхностном знании воспитанниками семинарий некоторых дисциплин (особенно — церковной истории), наскоро проштудированных по учебникам готовящимися к экзаменам в академию. Кроме того, выделение богословских наук в особый курс откроет возможность поступать в богословское отделение семинарии многим экстернам из светских учебных заведений и церковно-учительских школ, имеющим призвание к пастырскому служению и желающим приобрести более широкие богословские познания.

Впрочем, говоря о выделении богословских наук в особый курс, нужно сделать исключение для изучения Священного Писания, курс которого (в обширном смысле слова), ввиду важности и необходимости знакомства с ним для каждого человека-христианина, должен проходить через все годы учения, именно: в духовных училищах — в виде священной истории Ветхого и Нового Завета и Закона Божия, в форме простых, доступных ученикам бесед об основных истинах веры и правилах жизни христианской (вме́сто существующего катехизиса по принятому учебнику), в семинариях — в виде изъяснения священно-библейских книг Ветхого и Нового Завета или истолковательного чтения Библии.

Курс духовных училищ должен быть рассчитан на то, чтобы, кроме общеобразовательных необходимых сведений из различных наук, давать и такие сведения ученикам, которые открывали бы путь оказавшимся неспособными далее продолжать свое образование к занятию низших церковных должностей. С этой целью в курсе училищ должно быть оставлено изучение христи-

анского богослужения, но не в той форме, как в настоящее время — в виде заучивания сокращенного устава богослужения, каковое крайне обременительно для памяти и в конце концов, как показывает опыт, не достигает цели, но — в виде практического ознакомления с богослужебными книгами, с указанием значения, общего содержания и (общего) порядка важнейших церковных служб. Чтобы учащиеся, курс обучения коих почему-либо ограничится лишь духовным училищем, не выходили из училища без необходимых для каждого юноши сведений из церковной и гражданской истории, а также и с целью дать некоторую предварительную подготовку к предстоящему более обстоятельному изучению гражданской и церковной истории для тех, кто имеет проходить семинарский курс, — желательно было бы включение в курс училищ, в качестве как бы продолжения священной библейской истории, церковно-исторических рассказов о наиболее важных событиях и лицах и — в качестве отдельного предмета — истории русской гражданской в биографиях главнейших деятелей и доступных рассказах о более важных событиях. — Изучение русского языка должно быть оставлено в существующем объеме, с возможным увеличением числа уроков, в целях более широкой постановки практических упражнений — письменных и устных — при изучении языка. Изучению церковно-славянского языка также должна быть дана по преимуществу практическая постановка ввиду той цели, какую имеет изучение этого языка в духовных училищах, — правильного и сознательного чтения священно-богослужебных книг; причем изучение этого языка должно быть начато не ранее как после знакомства с грамматическими формами языка русского, т. е. с 3-го класса. — Арифметика и география остаются в прежнем объеме, но с бóльшим числом уроков. — Кроме этих общеобразовательных предметов, желательно было бы ввести в курс училищ и естествознание или природоведение, в форме предметных уроков или простых бесед (с демонстрированием наглядных пособий) о предметах и явлениях из всех царств природы. Введение этой новой для училищ области знания, о важности которой в целях общеобразовательных едва ли нужно говорить, не было бы обременительным для учеников и не сопряжено было бы с затруднениями при распределении уроков по классам, если признать, что древние языки, — изучение которых, в нынешней постановке, не вызывается существенными нуждами современной школы вообще и духовной школы в частности, — могут быть изъяты из курса духовных училищ.

В семинариях курс общеобразовательных наук мог бы быть частью оставлен в прежнем составе и объеме, частью изменен и восполнен введением некоторых новых наук и расширением объема прежних — на счет, главным образом, древних языков, из коих может быть признан обязательным какой-либо один: или греческий (ввиду, гл. обр., практической важности его для изучения Свящ. Писания и понимания богослужебного языка), или латинский (ввиду пользы знакомства с ним, между прочим, для изучения новых языков, а также ввиду практической пригодности его для желающих поступить после

семинарии в высшие учебные заведения) [1]. — Из новых наук желательно было бы ввести, во-первых, — как прямое продолжение тех естественнонаучных сведений, какие получены будут учениками в училище, и также хотя бы в виде краткого курса (с наглядными пособиями), — науку о строении человеческого организма и уходе за ним (физиологию и гигиену) и, во-вторых ввиду важности этой отрасли знания особенно в настоящее время, — отечественное законоведение (в форме общего обзора государственных и общественно-гражданских учреждений России и их функций, с присоединением кратких сведений из общего государственного права). — Как прямое завершение курса географии и ближайшее применение в области мироведения математических знаний, желательно восстановить изъятую уставом 1884 г. из семинарского курса (но, кстати сказать, оставленную, хотя и в кратком виде, в женских духовных училищах) науку космографии, соединив ее с математическими науками. Изучение математических наук, при настоящей их постановке не имеющее законченного вида и почти не дающее ученикам возможности практического применения приобретенных знаний, но сводящееся лишь к простой гимнастике ума, желательно было бы восстановить в том объеме, как это было по уставу 1867 года; т. е. алгебру ввести в объеме полного элементарного курса и присоединить к геометрии тригонометрию, как ее естественное завершение, — изъяв пасхалию; для физики, ввиду обширности ее курса, увеличить число уроков. — В курсе истории литературы желательно было бы сделать возможное изменение — сокращением уроков по древней русской литературе и введением в программу новейших русских писателей. Курс гражданской истории, логики, психологии и философии — оставить в прежнем объеме, увеличив лишь число уроков. Изучение новых языков желательно было бы сделать обязательным; разумеется, впрочем, изучение одного из них, по выбору самих учеников, как это было до устава 1884 г. Из курса церковного пения можно было бы изъять введенные уставом 1884 г. технический разбор фит и лиц знаменного распева и технику крюкового пения XVII в. (периода киноварных помет), как отделы, не имеющие практического приложения в будущем служении воспитанника семинарии, — заменив их другими, опущенными ныне, знакомство с которыми прямо предполагается хорошей постановкой теории партесного пения (например сольфеджио).

Из курса богословских наук — изъяснение Св. Писания Ветхого и Нового Завета должно быть оставлено в прежнем объеме; желательно было бы только дать несколько иное распределение учебного материала по классам — в той, гл. обр., мысли, чтобы не оставить без знания священных книг Нового Завета и проходящих общеобразовательный курс. В 1-м и 2-м классах предметом изъяснения могли бы быть, как и ныне, законоположительные и исторические книги Ветхого Завета, в 3-м учительные и пророческие, но не полностью, а избранные из них места, именно — важнейшие по своему мессианскому значению и употребительные в церковном богослужении; в 4-м классе — из книг

[1] Один из членов комиссии высказался за сохранение обоих языков.

Нового Завета Евангелия и из кн. Деяний Апостолов и Апостольских посланий избранные места, именно — выдающаяся по полноте излагаемого в них учения об основных истинах веры и правилах жизни христианской, а также употребляемые за воскресным и праздничным богослужением; в 5-м классе — систематический, дополнительный к пройденному, курс изъяснения учительных и пророческих книг Ветхого Завета, и в 6-м классе — такой же курс изъяснения книги Деяний Апостолов и Апостольских посланий с Апокалипсисом Иоанна Богослова. — Наука библейской истории, как излишняя при изучении священной истории в духовном училище и Свящ. Писания в семинарии, могла бы быть изъята из семинарского курса. Равным образом, не представляется особенно настоятельной нужды в существовании и обличительного богословия, как особой науки, — ввиду того, что учебный материал этой науки по частям входит в курс других богословских наук: исторической частью — в церковную историю и полемической — в догматическое богословие. — В курсе некоторых богословских наук можно было бы сделать некоторое изменение и частью сокращение, устранив частичное повторение одного и того же учебного материала в разных соприкасающихся между собой науках; например, в курсе догматического богословия — исключить историю догматов, как излишнюю на уроках догматики при одновременном с ней прохождении церковной истории; в церковной истории — изъять отделы о богослужении и сократить отделы о церковном управлении и благочинии, ввиду более подробного ознакомления учащихся с содержанием этих отделов на уроках литургики и практического руководства для пастырей; в нравственном богословии — устранить излишнюю дробность в изложении курса и вообще дать ему более отвечающую живому духу христианской нравственности постановку. Курс остальных богословских наук мог бы быть оставлен в прежнем виде и объеме.

Применительно к вышеизложенным замечаниям и соображениям, расписание учебных предметов семинарского и училищного курса, по классам и числу уроков в классе, может быть представлено приблизительно в следующем виде.

Курс духовных училищ	I кл	II кл	III кл	IV кл.	Общее число уроков по предметам
Священная история Ветхого и Нового Завета	4	4	5	5	18
Краткая церковная история в рассказах					
Закон Божий в беседах об истинах веры и нравственности					
Практические уроки и богослужении					
История русская гражд (в биографиях и эпизодических рассказах)	—	—	2 (церк -слав яз)	2	4
Русский язык с церковно-славянским	6	6	5	5	22
Арифметика	5	4	2	2	13

Курс духовных училищ	I кл	II кл	III кл.	IV кл.	Общее число уроков по предметам
География	—	—	4	4	8
Природоведение (элементарный предметно-наглядный курс)	—	3	3	3	9
Рисование, черчение и чистописание	3	3	—	—	6
Церковное пение	4	2	1	1	8
Ручной труд	Во внеклассное время				—
Общее число уроков по классам	**22**	**22**	**22**	**22**	—

Курс духовных семинарий	I кл	II кл	III кл	IV кл	V кл	VI кл	Общее число уроков по предметам
Священное Писание	4	4	4	5	3	3	23
Догматическое богословие	—	—	—	—	3	3	6
Нравственное богословие	—	—	—	—	—	3	3
Основное богословие	—	—	—	—	3	—	3
Общая и русская церковная история	—	—	—	—	5	4	9
Литургика	—	—	—	—	2	2	4
Гомилетика	—	—	—	—	2	2	4
Практич. руковод для пастырей	—	—	—	—	1	2	3
История и облич. раск и сект.	—	—	—	—	3	3	6
Дидактика и посещение школы	—	—	—	—	1+1	1+1	4
Философия	—	—	—	4	—	—	4
Психология	—	—	—	3	—	—	3
Логика	—	—	2	—	—	—	2
Словесность и история литературы	4	4	2	2	—	—	12
Гражд. истор. всеобщ. и русск.	3	3	4	—	—	—	10
Алгебра	4	—	—	—	—	—	4
Геометрия	—	4	—	—	—	—	4
Тригонометрия с космографией	—	—	4	—	—	—	4
Физика	—	—	—	4	—	—	4
Физиология и гигиена	1	1	1	1	—	—	4
Законоведение	—	—	—	2	—	—	2
Древн. яз. (греч или лат)	3	3	3	1	—	—	10
Новый яз. (франц. или немецк)	3	3	2	—	—	—	8
Церковное пение	1	1	1	1	—	—	4
Общее число уроков по классам	**23**	**23**	**23**	**23**	**24**	**24**	—

Относительно самих программ учебных предметов, как богословских, так и большей части общеобразовательных, нельзя не выразить пожелания, чтобы он были пересмотрены и исправлены по соображению с временем, предназна-

ченным для прохождения того или другого предмета, и с тем расчетом, чтобы введенные в них вопросы могли быть достаточно полно преподаны и основательно усвоены учениками даже со средним уровнем способностей. То же самое пожелание — пожелание коренного исправления или замены новыми — можно выразить и относительно учебников, особенно некоторых из них, по предметам и семинарского и училищного курса, неудовлетворительность коих в настоящее время считается почти общепризнанной (таковы, например, учебник Солярского по нравственному богословию и еп. Августина по основному богословию, учебник Иловайского по гражданской истории и Краевича по физике; Катихизис митр. Филарета, как учебник для училищ, учебник географии Смирнова и друг.). Желательно вообще, чтобы правлениям или педагогическим собраниям духовно-учебных заведений предоставлено было право периодически входить с представлением в Учебный Комитет о замене одних учебников другими, по заявлениям преподавателей; причем критерием для оценки того или другого учебника служило бы не столько непременно точное соответствие его установленной программе, сколько внутренние дидактические достоинства. Желательно, чтобы и программы, раз установленные, не оставались неизменными, но периодически пересматривались и исправлялись, согласно указаниям опыта, по заявлениям педагогических собраний.

С ожидаемой реформой духовно-учебных заведений соединяется также пожелание, чтобы экзамены оставлены были лишь для воспитанников выпускного курса, а в остальных классах — лишь для слабоуспевающих и по тем только предметам, по каким у них имеются неудовлетворительные отметки.

В видах привлечения в духовные школы бóльшого числа учащихся, особенно в таких епархиях, какова, например, Архангельская, где наличный состав детей духовного звания, учащихся в духовно-учебных заведениях, не удовлетворяет потребностям епархии в кандидатах на священноцерковнослужительские должности, — желательно, чтобы были допущены в духовно-учебные заведения бесплатно и без существующего процентного ограничения дети иносословных родителей, с условием лишь, в случае выхода их из духовно-учебного заведения или отказа потом от службы в духовном ведомстве, уплатить требующуюся с них сумму за содержание в общежитии, проценты, взносами по поступлении на службу. Прием иносословных мог бы быть допущен не только в училища, но и в семинарии: а) в 1-й класс — с экзаменом полным, в объеме училищного курса, или сокращенным, дополнительным — для окончивших второклассные церковноприходские школы, и б) в богословские классы (5-й и 6-й) — также с соответствующим испытанием для экстернов из светских учебных заведений или сокращенным, дополнительным — для окончивших церковно-учительские школы.

II.

В деле воспитания больше, чем где-либо, нужен авторитет. Но авторитет этот, чтобы быть действительным, должен опираться не на один только пре-

стиж власти, и даже не столько на него, сколько на другие, более глубокие, внутренние основания. Трудно, разумеется, регламентировать те условия, какими создается этот внутрений авторитет, так как все дело тут, главным образом, в личности воспитателя, в его личных качествах, достоинствах, которые иногда складываются так, что сами собой импонируют на воспитываемых, сами собой создают из личности воспитателя безусловный авторитет для них. Но на такое редкое сочетание внутренних достоинств в воспитателе нельзя, конечно, рассчитывать в деле пополнения обширного кадра воспитателей духовных школ: такие воспитатели считаются единицами. Однако, не имея в виду исключительных личностей, нельзя не указать некоторых общих требований или условий, удовлетворение коим со стороны воспитателя было бы весьма желательно в целях достижения им авторитета, а с авторитетом — и успеха в деле воспитания. Таковыми общими требованиями или условиями со стороны воспитателя являются: во-первых, строгая, неуклонная последовательность в проведении моральных принципов и правил общеустановленной воспитательной дисциплины в жизнь воспитываемых и, во-вторых, внимательное, вдумчиво серьезное и, если можно так выразиться, бережно деликатное отношение к личности воспитываемого. Если недостаток или отсутствие первого может повести к частичному или полному упадку воспитательной дисциплины, то отсутствие второго вызывает то взаимное непонимание, ту рознь и даже неприязнь между воспитателем и воспитываемыми, которые составляют главный дефект в жизни современной школы. Нужно однако, чтобы то и другое требование на практике взаимно пополняли и корректировали друг друга, так как, в противном случае, первое, т. е. строгая и неуклонная последовательность воспитателя, может легко перейти в узкий и мелочный педантизм, убивающий живое дело воспитания, а второе, т. е. деликатное отношение к личности воспитываемого, может обратиться в неизвинительное попустительство. Чтобы воспитателю быть на высоте первого требования, необходимо располагать ему достаточной инициативой и самостоятельностью, необходимо обладать достаточными полномочиями, чтобы вовремя применить соответствующее моральное воздействие, соответствующую меру предупредительного или исправительного характера. Положение помощника инспектора семинарии в этом отношении нельзя признать нормальным: его ответственность не соответствует его ограниченным правам, точно так же как его ограниченные полномочия не дают должного обеспечения его воспитательному авторитету. — Чтобы быть на высоте второго требования, воспитатель должен стоять возможно ближе к воспитываемым, в смысле знакомства с их духовно-нравственным миром, чтобы, ограничивая своевременно крайности, излишества в проявлениях молодой натуры, в то же время идти навстречу всем законным ее запросам и стремлениям. Существующая инспекционная система воспитания на практике тем, главным образом, и грешит против здравой педагогики, что смотрит на воспитанника большей частью лишь как на объект внешнего надзора и воздействия, вовсе или почти не считаясь с его внутренним духовным миром, с его склонностями, интересами, запросами и

стремлениями. Отсюда и означенная рознь между воспитателями и воспитываемыми в современной школе — рознь, доходящая зачастую до решительной неприязни, когда воспитатели и воспитываемые составляют как бы два противоположных лагеря, ведущих между собой постоянную борьбу, не стесняясь при этом в выборе средств борьбы: с одной стороны — всевозможные репрессии, широкое применение сыскных приемов, открытых и тайных, с другой стороны — также целая система всевозможных уловок с целью провести бдительность начальства, прикрыть грех, выпутаться из беды, отстоять себя в случае подозрения или возведенного обвинения. Создается положение, одинаково тяжелое и для воспитателей и для воспитываемых и в общем приводящее, конечно, к результатам совершенно противоположным тем, какие преследует истинное воспитание. Сказанным не отрицается, конечно, необходимость воспитательного надзора и воздействия. Надзор и воздействие необходимы, но надзор должен быть прямой и открытый, исключающий все такого рода приемы, какие могли бы оскорбить чувство человеческого достоинства в воспитываемом, — кроме того, надзор, вытекающий не из желания только положить взыскание, наказание на воспитываемого, но из стремления направить и исправить его, как в семье отец или мать направляют жизнь и поступки своего ребенка. Воспитатель, знающий духовный мир своих воспитанников и проникнутый чувством искреннего расположения к ним, сумеет ориентироваться в их стремлениях и поступках, обуздав одни, как отрицательные проявления юной натуры, и ответив сочувствием на другие, дав им закономерное и правильное направление и развитие. Воспитанник — полная человеческая личность, и все стороны этой личности должны быть предметом внимания воспитателя, если он хочет быть действительным руководителем молодой души; все основные потребности и стремления человеческого духа в воспитываемом должны найти законный исход и удовлетворение. Религиозность — коренное свойство человеческого духа и основа жизни, и на развитие этой стороны души воспитанника, особенно воспитанника духовной школы, должно быть обращено преимущественное внимание воспитателя. Но, с другой стороны, более чем где-либо, в этой области нежелательны и неуместны излишний ригоризм и принуждение, и настоятельно нужны особенная осторожность и деликатность, чтобы излишним рвением не надорвать молодой души и, вместо желаемого настроения, не вызвать озлобления к воспитателю и охлаждения и даже отвращения к тому, что с такой настоятельностью внушается. Нужно, чтобы религиозность и набожность были и со стороны воспитанника, как со стороны всякого человека, свободным выражением благочестиво настроенной души и проявлялись в непринужденных поступках и действиях. С этой точки зрения едва ли могут быть признаны целесообразными все те проекты, в иных местах уже и получившие осуществление, когда требование обязательного посещения церковной службы простирается кроме праздничных и воскресных дней, — в которые присутствие за богослужением является уже для всякого христианина нравственным долгом, — и на дни будничные с установлением очередей по классам. На том же основании сомнительна целе-

сообразность и нововведения сравнительно недавнего времени, сделавшего обязательным посещение воспитанниками преждеосвященных литургий в среду и пяток Великого поста: в необычное время, перед или среди классных уроков (практика, как известно, различна в различных местах), обязательное присутствие за божественной службой, вместо желаемого подъема молитвенного духа и религиозного настроения, вызывает часто, как говорит непредубежденное наблюдение, лишь ропот недовольства среди учащихся; к тому же, падая как раз на такое время учебного года, когда подводятся уже большей частью итоги учебному курсу и когда, следовательно, и учащие и учащиеся должны дорожить каждым часом, означенное нововведение не может не наносить некоторого ущерба и для учебного дела. Гораздо лучше и целесообразнее было бы предоставить самим учащимся в любое время года и особенно, конечно, в покаянные дни Великого поста, по желанию, посещать церковные службы, утренние или вечерние *вне* учебных часов (чтобы не было ущерба для учебных занятий) и не обязательно в семинарском храме, но в любом приходском храме, — в той мысли, что молитва добровольная и не связанная непременно с принятым и привычным местом бывает более ценна и действительна по силе искренности, чем молитва вынужденная, обязательная по времени и по месту. — Богослужение вообще, в присутствии воспитанников, чтобы вполне отвечать своему высокому религиозно-воспитывающему значению, должно быть совершаемо с полным благоговением, — для чего можно было бы и поступиться особенно точным выполнением церковного устава, — равным образом должно быть поставлено так, чтобы участие в нем было возможно более сознательным для всех учеников. Для этой последней цели, как и вообще в целях учебно-образовательных, желателен перевод церковно-богослужебных книг на русский язык или, по крайней мере, издание хотя некоторых служб, как всенощного бдения и литургии и служб страстной и светлой седмиц, полностью с двумя параллельными текстами — церковнославянским и русским. Желательна была бы также, в видах поддержания бóльшего внимания и молитвенного настроения за богослужением, возможно лучшая постановка хорового пения с участием всех голосов — детских и мужских, что̀ вполне возможно при взаимном обмене голосами учащихся в семинариях и училищах.

Интеллектуальные потребности учащихся находят себе выражение в стремлении к саморазвитию, помимо официальных уроков и занятий, в стремлении к чтению книг по собственному выбору. И едва ли можно по существу оспаривать естественность и законность этого стремления учащейся молодежи к свету и знанию. Воспитатели должны идти навстречу этому стремление в целях его поощрения и урегулирования. Желательно было бы с этой стороны возможно большее расширение круга книг, допущенных к чтению ученикам, чтобы последние могли находить удовлетворение по возможности всем запросам своей любознательной мысли, не вынуждаясь обращаться для этого на сторону, где теряется уже возможность какого бы то ни было контроля и руководства ими со стороны воспитателей в этом деле. Желатель-

но бы также допустить в той или иной форм участие в выборе книг для ученической библиотеки самих учеников, в видах, прежде всего, прямого расчета пополнения библиотеки таким материалом, который находил бы постоянный спрос со стороны учеников и поддерживал в них живой интерес к чтению, а также — и затем, чтобы, зная вкусы и запросы учащихся относительно книг, руководителю этого дела из лиц учащего или воспитательского персонала можно было своевременно направлять и исправлять эти вкусы. — В тех же целях самообразования и саморазвития учащихся, нельзя не признать желательным устройство среди них кружков или групп для совместного чтения книг и обмена мыслями по вопросам, относящимся к той или другой отрасли наук общеобразовательного и специального курса, — кружков литературных, естественнонаучных, философских и философско-богословских. Опасение, какое вообще соединяется с организацией этих кружков, — опасение за возможность уклонения их от своих прямых целей, — само собою устраняется, если во главе этих кружков станут, в качестве членов-руководителей, компетентные в данной области лица учащего или педагогического персонала. А между тем такого рода кружки, служа прямым подспорьем для учебно-образовательного дела, имели бы и широкое воспитывающее значение, развивая и воспитывая в учащихся чувства доброго содружества на идейной почве и в то же время заполняя часы их досуга делом безусловно интересным и плодотворным и отвлекая таким образом от праздности, на почве которой всегда возникают всевозможные грехи против установленных правил жизни и дисциплины. Этой последней цели могли бы служить и литературные вечера, периодически устраиваемые в стенах учебного заведения, со включением в их программу пения и музыки, которые и сами по себе должны быть поощряемы. В этих вечерах могли бы находить себе приложение и в то же время поощрение специальные дарования учеников в области пения, музыки и декламаторского искусства, а для слушателей-учащихся они представляли бы богатый материал к развитию в них чувства изящного и к удовлетворению свойственных всем и каждому эстетических потребностей. Кроме того, устраиваемые в присутствии и даже при возможном активном участии лиц преподавательского персонала (могли бы быть допущены на них и лица посторонние, известные педагогическому персоналу, по приглашению учеников), вечера эти способствовали бы установлению большей близости между учащими и учащимися — близости, желательность которой в настоящее время почти всеми признается, и самой по себе и как условия более широкого воспитательного воздействия первых на последних. Нечего уже говорить о том, какое значение должны иметь и имеют эти вечера в жизни юношества, как разумное и хорошее развлечение среди однообразно скучной обстановки общежития, как благодетельно они должны влиять на развитие духа общительности и хорошего тона в обращении с людьми, — недостаток коих и доселе еще продолжает считаться и в жизни и в литературе своего рода характерным признаком духовного воспитанника.

Обширность и трудность задачи, какая ставится воспитателю общепедагогическим требованием более близкого знакомства с духовным миром каж-

дого из вверенных его руководству детей или юношей, ставит на очередь вопрос о привлечении к делу воспитания в каждом духовно-учебном заведении возможно большого числа лиц не в качестве "надзирателей" только, но в качестве именно воспитателей. Практическое решение этого вопроса, конечно, может быть различно. Но наиболее простым и, как кажется, более целесообразным решением является введение в духовно-учебных заведениях института "классных воспитателей" из среды преподавательского персонала, с соответствующим прибавочным вознаграждением, — по примеру "классных наставников" в гимназиях, — с тем лишь существенным различием, чтобы названные лица несли на себе не только обязанности инспекторского надзора над учащимися в учебные часы, но разделяли и труды по воспитанию во внеклассное время с непосредственно поставленными для того начальствующими лицами (ректором и инспектором). Соответственно этому их назначению, необходимо должны быть предоставлены им известная самостоятельность в действиях и определенные полномочия, не исключающие, впрочем, в то же время строгого согласования и единства в воспитательных приемах и требованиях как между собой, так и с начальствующими лицами. Средством к установлению единства должны быть признаны, конечно, прежде всего частные совещания лиц воспитательского персонала между собой, а затем — и периодические, но возможно более частые, доклады их об образе действий своих общему педагогическому собранию, которому как в воспитательном, так и в учебном деле должно быть усвоено значение направляющей и контролирующей отдельных лиц инстанций.

Говоря об общем педагогическом собрании в духовно-учебных заведениях, нельзя не признать, что названный орган, в современной постановке его в общем строе школьной администрации, не вполне отвечает тому важному значению, как он должен иметь в жизни учебно-воспитательного заведения. В настоящее время это — по существу дела лишь совещательное учреждение при епархиальном преосвященном, решение коего (т. е. учреждения) не имеет самодовлеющей силы и значения, так как всегда может быть кассируемо властью преосвященного и заменено противоположной резолюцией. Как таковое, педагогическое собрание не может пользоваться должным авторитетом среди учеников, которые нередко на деле обходят его обращением за удовлетворением своих нужд, а иногда и за решением разных коллизий с учебно-педагогическим персоналом непосредственно к епархиальной власти. По той же причине не имеет оно надлежащего значения и в глазах преподавателей, сознающих, что их мнения, заявленные в собрании, составляют лишь простой справочный материал для решения высшей инстанции. Желательно поэтому, в интересах общепедагогических, возможное расширение полномочий педагогического собрания, предоставление ему большей самостоятельности и правоспособности в решении учебно-воспитательных вопросов и дел — хотя бы в той мере и форме, как это имело место одно время в практике духовно-учебных заведений, именно когда было в силе определение Св. Синода от 18 мая — 12 дек. 1873 г., коим установлено было — во всех случаях неутверж-

дения преосвященным составленного по общему согласию или по большинству голосов решения правления семинарии (а такими случаями могли быть: согласие с меньшинством, или с мнением председателя, или, независимо от этих мнений, особая резолюция), решение преосвященного считать как предложение о новом пересмотре дела в семинарском правлении; если же и по новом рассмотрении дела не последует согласия епархиального архиерея на заключение правления, то все дело передавать на разрешение Св. Синода (или Учебного Комитета при Св. Синоде).

К сказанному о педагогическом собрании, как постоянном школьно-административном органе, нельзя не присоединить пожелания, чтобы в целях установления большей общности в дел воспитания и в воспитательных приемах между школой и семьей, а также и для совместного разрешения особенных, выдвигаемых жизнью и практикой воспитательных вопросов — периодически, хотя бы изредка, несколько раз в год, составлялись совещания педагогического и начальствующего персонала школы с родителями учащихся, по крайней мере — живущими в городе и в ближайших к городу селах.

Предложение г. обер-прокурора Св. Синода, от 28 июня с. г., по вопросу об усовершенствовании духовных школ, в числе недостатков существующих духовно-учебных заведений, обусловливающих современные нестроения в них, указывает между прочим на частую перемену начальствующих лиц, разумея особенно лиц монашествующих, смотрящих на службу в духовно-учебных заведениях, как "на этапный пункт на пути к дальнейшему служебному повышению". Неблагоприятное влияние указанного фактора на ход педагогического дела в духовно-учебных заведениях и по общим педагогическим соображениям и на основании показаний практики, не может подлежать сомнению: в деле воспитания, для успешного его хода, больше всего нужен человек с установившимся педагогическим тактом и долголетним педагогическим опытом и человек, преданный этому делу, в нем самом, а не в чем-либо постороннем, видящий цель и назначение свое. Переходя к вопросу об устранении названного недостатка в жизни духовных школ, нельзя не признать, что средство или путь к его устранению указан уже в самом предложении г. обер-прокурора Св. Синода. Именно, желательно, чтобы не оказывалось особого предпочтения при замещении начальственных должностей в духовно-учебных заведениях лицам монашествующим перед лицами из белого духовенства — при назначении на должность ректора семинарии — и перед лицами из того же духовенства и светскими — при назначении на должности инспектора семинарии и смотрителя училища и его помощника, — каковые лица, по свидетельству опыта, являются вообще более надежными, в смысле продолжительности времени и постоянства места их службы, заместителями начальственных должностей сравнительно с первыми и, как люди большей частью семейные, обладают бóльшим личным педагогическим опытом и тактом, чем монашествующие (за исключением, конечно, лиц, принявших монашество из вдовых священнослужителей). Допущение к начальственным должностям в духовно-учебных заведениях преимущественно лиц белого духовенства и

светских открывало бы широкую возможность к назначению на эти должности местных епархиальных кандидатов, разумеется — достойных и известных своими заслугами на административном или педагогическом поприще духовных лиц с высшим духовным образованием или лиц педагогического персонала в местных духовно-учебных заведениях, — что̀ в свою очередь также могло бы служить своего рода ручательством большей прочности занятия означенными лицами принятых должностей. К избранию этих кандидатов могли бы быть привлечены педагогические собрания духовно-учебных заведений, совместно с представителями от городского духовенства, участвующими в этих собраниях. Возможность пристрастия или односторонней партийности в этих выборах могла бы быть предупреждена или устранена контролем над ними епархиального преосвященного, который и представлял бы избранного кандидата, со своим отзывом, на утверждение высшей власти. Таким порядком замещения начальственных должностей в духовно-учебных заведениях для высшего органа духовно-учебного управления только облегчалось бы дело подыскивания достойных кандидатов на означенные должности; на месте же избранные кандидаты способствовали бы особенному оживлению строя и жизни духовно-учебных заведений, с которыми они связаны узами духовной близости.

Предложение г. обер-прокурора Св. Синода говорит лишь о частой смене начальствующих лиц в духовных школах; но столь же, если не более неблагоприятным для общего хода учебного, а вместе и педагогического дела условием, является и частая смена лиц преподавательского персонала, из коих одни, побуждаемые частью желанием служить ближе к родине, частью стремлением к большей обеспеченности, часто переходят из одних духовно-учебных заведений в другие, из окраинных в центральные, и наоборот, из малолюдных в более многолюдные (с параллельными классами и бóльшим числом уроков), а другие, под давлением той же материальной необеспеченности в настоящем и мало обещающем будущем, и совсем оставляют духовно-учебную службу при первой возможности. Ближайшим средством к предупреждению и устранению этого нежелательного явления в жизни духовно-учебных заведений представляется по существу дела возможное повышение преподавательского оклада в духовно-учебных заведениях и пропорциональная прибавка к установленным окладам за выслугу лет (по примеру светских среднеучебных заведений), преимущественно на одном и том же месте. Осуществление этой меры в настоящее тяжелое для России время сопряжено с большими затруднениями для государства; но духовные школы в удовлетворении своих насущных нужд вправе рассчитывать и на другие материальные источники, кроме сумм Государственного казначейства, — на суммы епархиальные и средства монастырей. И нельзя не пожелать, чтобы данный вопрос обратил на себя внимание высшей церковной власти и предстоящего Поместного Собора, — в интересах обеспечения за многочисленными духовными школами достаточного контингента опытных и надежных лиц преподавательского персонала.

Расписания учебных предметов и числа уроков в духовном училище и в духовной семинарии, составленные ректором семинарии протоиереем А. Орловым

ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ								
№	ПРЕДМЕТЫ	Классы и число уроков				Всего	По уставу 1884 года	
		I	II	III	IV			
1	Закон Божий	6	6	4	4	20	12	
2	Церковное пение	2	2	2	3	9	8	
3	Церковно-славянская грамота	4	4	3	3	14	19	
4	Русский язык	5	5	4	4	18		
5	Письмо	2	2	—	—	4	4	
6	Начальная арифметика	5	5	4	3	17	11	
7	Краткая отечественная история	—	—	2	3	5	—	
8	География, в связи с краткими сведениями о явлениях природы	—	—	4	3	7	6	
9	Черчение и рисование	—	—	1	1	2	—	
10	Ручной труд	Во внеклассное время					—	
	Итого уроков в неделю	**24**	**24**	**24**	**24**	—	—	

Примечание. Обучение в духовных училищах — по программам двухклассной церковноприходской школы, курсов 2, 3, 4 и 5 годов, с незначительным изменением в числе уроков. Введение в духовных училищах курсов двухклассной церковноприходской школы, в общем весьма значительных и отвечающих задачам духовной школы, сблизило бы эти училища, а равно и семинарии, с церковными школами одноклассными, двухклассными и второклассными, открыло бы в них, думается, неиссякающий источник будущих кандидатов на священноцерковнослужительские должности путем теперь уже доступного, со стороны подготовки, приема в училища и семинарии лучших учеников церковных школ. Кроме того, училища, при распространенности церковных школ, были бы свободны от переполнения учащимися, и последние, имея возможность поступать в любой класс училища и даже прямо в семинарию, дольше могли бы оставаться под родительским влиянием. Вместе с этим, здесь давался бы новый толчок для процветания церковных школ.

ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

№	ПРЕДМЕТЫ	Классы и число уроков					Всего	По расписанию 1886 г	
		I	II	III	IV	V			
1	Священное Писание	4	4	4	4	4	20	19	В первых трех классах — избранные места из Ветхого завета вероучительные, правоучительные и употребляемые за богослужением, также объяснен евангельск и апостольск литургийных чтений В IV и V кл — весь Новый Завет
2	Догматическое богословие	2	2	2	—	—	6	6	В иной постановке, чем нынешняя Относится к первым годам в целях усиления религиозно-нравственного влияния на учащихся и как не представляющее особых трудностей
3	Нравственное богословие	—	—	—	2	—	2	2	Совершенно в иной постановке, чем нынешняя
4	Апологетика	—	—	—	—	3	3	3	—
5	Сравнительное богословие	—	—	—	—	1	1	1	—
6	Литургика с объяснительным чтением служебника и требника	—	—	—	—	3	3	3	—
7	Гомилетика	—	—	—	2	2	4	4	—
8	Практическое руководство для пастырей	—	—	—	2	2	4	4	—
9	Отечественное законоведение	—	—	—	—	1	1	—	—
10	Гражданская история общая и русская	4	3	2	—	—	9	9	—
11	Церковная история общая и русская	—	—	4	3	—	7	9	—
12	Обличение русского раскола	—	—	—	—	2	2	4	—
13	Русская словесность и история литературы	4	4	4	—	—	12	11	Например, по программе церковно-учительской школы
14	Математика арифметика, алгебра, главные основания геометрии и землемерие	4	3	2	—	—	9	9	—
15	Сведения о природе, ее силах и явлениях	—	2	2	3	—	7	3	Например, по программе церковно-учительской школы
16	Логика	—	—	—	2	—	2	2	—
17	Психология	—	—	—	3	—	3	2	—
18	Философия	—	—	—	—	3	3	3	Философия относится к концу курса ввиду трудности ее для усвоения воспитанниками
19	Дидактика и главные основания педагогики, с посещением образцовой школы	—	—	—	2	2	4	6	Ученики посещают школу под руководством преподавателя дидактики в зависимости от хода учебных занятий
20	Греческий язык	3	3	2	—	—	8	14	Чтение преимущественно избранных мест из Свящ Писания и богослужебных книг, с разбором текста наподобие филологических замечаний на послание к Ефесянам С Смирнова
21	Церковное пение с обучением регентованию и музыке	2	2	2	1	1	8	6	Например, по программе церковно-учительской школы
22	Гигиена	1	1	—	—	—	2	—	
	Итого уроков в неделю	24	24	24	24	24	—	—	

В послеклассное время — гимнастика и для желающих латинский язык, новый язык (один), дополнительный курс математики и иконописание

Примечание. Курс учения в семинарии, при сокращении занятий классическими языками и внесении в программы других предметов только вопросов существенно важных и жизненных, представляется возможным ограничить 5 годами. Если бы, однако, опыт показал недостаточность 5-летнего курса, то не встретилось бы особых затруднений прибавить 6-й класс, назначив его преимущественно для повторения и расширения прежде пройденных важнейших учебных курсов. — В семинарии назначаются для желающих, располагающих временем и силами и имеющих в виду поступление в высшие учебные заведения: латинский язык, один новый язык и дополнительный курс математики, или другие курсы — по соглашению с Министерством народного просвещения. Курсы эти, посильные и нужные только для некоторых, делать обязательными для всех учащихся не представляется основательным.

Журнал благочиннического съезда 2-го округа Онежского уезда, Архангельской епархии

1905 года, октября 23 дня. Благочиннический съезд 2-го Онежского округа в составе подписавшихся членов причта и церковных старост, имели суждение по вопросам к предстоящему Всероссийскому Собору. Пришли к следующему:

1) Признать делом первой необходимости — поднять религиозно-нравственное состояние в приходе. Меры к этому: а) школа, усердное преподавание в ней Закона Божия, чтение и беседы в школе, старание вызвать охоту к чтению книг религиозно-нравственного содержания; б) живая проповедь, при большей свободе в этом деле; в) исправное отправление богослужений; г) примерный образ жизни членов причта, учащих и церковных старост, и д) единение клира с паствой.

2) Исправление в церковно-богослужебных книгах и однообразие в отправлении богослужений и треб желательны.

3) Для самообразования духовенства иметь благочинническую библиотеку на средства членов причта и церквей.

4) Епископ и благочинный должны быть выбираемы. Консистория может уступить свое место учреждению более лучшему — выборному от духовенства епархии совету пресвитеров при епископе, равноправному ему.

5) Освободить духовенство от несвойственных ему по духу обязанностей (ведения метрических книг и духовных росписей и т. п.). Отменить закон о троекратном оглашении при браках, ограничившись оглашением один раз — перед самым совершением брака; ответственность же за родственные отношения брачущихся возложить на поручителей.

6) Суд духовенства должен быть судом чести, судом товарищей.

7) Призвать церковноприходские попечительства к более деятельной жизни, дабы они служили для священника проводниками в жизнь прихода всего доброго и полезного.

8) Искать улучшения быта духовенства. Оскорбительный, унизительный способ получения доходов за исполнение треб и крестных ходов заменить обложением рабочей единицы в приходе (от 18 до 50 лет мужского пола) и получать этого рода обеспечения через волостное правление или сельского старосту, предварительно войдя в соглашение об этом с прихожанами.

9) Участие членов причта в волостных и сельских сходах, в качестве членов с правом голоса, в целях единения и проведения в сознание и жизнь прихода добрых и полезных начал, — влияния на повышение как религиозно-нравственного состояния, так и житейского благоустройства в приходских общинах.

Далее следует журнал того же съезда от 10 октября 1905 г., по содержанию одинаковый с предыдущим журналом — за исключением пункта 9, который здесь совсем опущен, и пункта 7, в конце которого здесь добавлено: "Приходу быть самоуправляющейся общиной".

Журнал благочиннического съезда 3-го округа Холмогорского уезда

1905 года, ноября 4 дня. Мы, нижеподписавшиеся члены причтов, церковные старосты и председатели церковно-приходских попечительств 3-го Холмогорского благочиния, бывши, согласно журнальному постановлению Архангельского епархиального духовенства от 12 сентября 1905 года, для обсуждения вопроса о реформе прихода, по обсуждении постановили:

1) Избрание кандидатов клира приходом для 3-го Холмогорского благочиния не представляется в настоящее время желательным.

2) Желательно уничтожение мелких поборов в пользу духовенства — сбора хлеба, масла и вообще так называемой руги.

3) Желательна самая широкая гласность при ведении приходских дел; ведение денежных дел и запись прихода и расхода денежных сумм обязательно при участии выборных от прихожан.

4) Желательно предоставление права приходу распоряжения церковными средствами, за исключением сбора на духовно-учебные заведения и епархиальные учреждения; но сборы на эти предметы, существующие в настоящее время, для церквей обременительны.

5) Обложение церквей в пользу духовно-учебных заведений и епархиальных учреждений желательно производить при участии мирян.

6) Желательно причтовые земли, за исключением небольшого сенокосного участка, передать во владение крестьян за выкуп, так же и церковные.

7) Желательно возможно большее сближение священника с лучшими по жизни прихожанами, людьми благочестивыми для того, чтобы он мог иметь бóльшую силу в приходе и большее влияние на нравственное развитие прихожан.

8) Желательно, чтобы в сельских приходах брак венчался после двух оглашений, чтобы духовные росписи писались в одном экземпляре, вообще — возможное сокращение канцелярской работы.

9) Желательно увеличение жалованья от казны причтам приходов благочиния, особенно если будет отдана земля, уничтожена руга.

10) Желательно участие духовенства в сельских сходах и вообще в общественных учреждениях.

(Следует 20 подписей.)

Мы, нижеподписавшиеся, согласны, чтобы духовенство было выборным, а в остальном с изложенным в постановлении согласны, но постановление не считаем окончательным, потому что не имели времени приготовиться к решению таких важных вопросов.

(Следует 5 подписей.)

Все нижеподписавшиеся члены съезда согласны в том, что для вдовых священников должен быть допущен второй брак без снятия сана, так же и для диаконов. Вопрос был предложен уже после написания постановления.

(Следует 10 подписей.)

Так как последнее заявление подписано менее чем половиной участников съезда, то нельзя, кажется, его считать за постановление съезда. Благочинный свящ. *В. Иванов.*

Объяснительная записка благочинного 3-го округа Холмогорского уезда

Прилагая при сем постановление съезда духовенства 3-го Холмогорского благочиния, состоявшегося 4 числа сего ноября, имею честь в пояснение его сказать следующее:

1) Основанием непринятия избирательного начала по отношению к кандидатам клира послужили следующие причины: а) неизвестность приходским деятелям этих кандидатов; б) возможность нежелательных явлений при избрании членов клира вроде подкупа, подпаиванья вином, унизительного заискиванья кандидатов перед влиятельными прихожанами; в) вообще зависимость священника от прихожан, которые предъявляют и теперь требования, которые священники не могут удовлетворить и в настоящее время, наприм., требуют угощения водкой. Впрочем, пункт этот принят не единогласно, и согласных на выборное начало было бы гораздо более, если бы избрание кандидатов клира было обусловлено какими-либо гарантиями в том, что член клира не будет забракован через месяц или год или, вообще краткий срок служения в приходе.

2) Основание отмены руги — то же, что̀ и повсеместно: она унижает духовенство и плодит недоразумения и нежелательные явления в приходской жизни.

3) Основанием широкой гласности при ведении приходских дел послужили преимущественно отношения священника и прихожан в Зачаческом приходе, где, при деятельном и доброго направления священнике, недоразумения тянутся свыше десятка лет.

4) Основаниями 4-го пункта относительно самостоятельного распоряжения местными церковными средствами приходской общиной служат: а) то

обстоятельство, что средства эти в некоторых приходах служат предметом разногласия и даже раздора (Зачаческий приход) между причтом и прихожанами, и б) обременительность расходов на общеепархиальные нужды в настоящее время.

5) Если обложение церквей производить при участии мирян, недовольство расходом на общеепархиальные нужды падет само собою.

6) Владение землей в настоящее время приносит причту по большей части незначительный доход, особенно в приходах Коскошинском, Никольском, Калежском и Шастозерском, а между тем заставляет духовенство торговаться до последней возможности с рабочими и вообще вступать в нежелательные отношения с прихожанами, которые иной раз применяют ту же мерку при плате причту за требы.

7) Но если отдать землю во владение крестьян за выкуп, который по качеству земли не может быть значительным, если уничтожить сбор печеного хлеба, масла и проч., если, главное, уменьшить сборы с церквей на духовно-учебные заведения, то духовенство не будет иметь достаточных средств для обучения детей в духовно-учебных заведениях и вообще сносного материального существования, потому что содержание, получаемое священниками приходов Никольского, Калежского, Шастозерского, Рязановского и Целезерского, а в особенности Коскошинского, будет не многим более 400 рублей в год и самое большее — 550 руб. в год, а псаломщиков — втрое менее; содержание же двух детей при обучении в духовно-учебных заведениях в гор. Архангельске будет стоить рублей 300 или более (как показывает опыт обучающихся в гимназии). Что же тогда останется на содержание остальной семьи, которая у иного состоит из 6—8 человек? Необходимо поэтому увеличение содержания от казны (п. 9). Но при настоящем состоянии государственных финансов едва ли на это можно рассчитывать. А потому необходимо сохранить сбор на духовно-учебные заведения почти в том же размере, что̀ и ныне.

8) Самые большие неудовольствия между священником и прихожанами возникают чуть ли не из-за соблюдения правил о троекратном оглашении, которое оттягивает брак на две недели лишних, и потому сокращение оглашений до двух весьма желательно.

Журнал благочиннического совета 3-го округа Архангельского уезда от 15 октября 1905 г.

Члены благочиннического совета 3-го округа Арханг. уезда, вследствие распоряжения епархиального начальства, в общем собрании своем, имели суждение о предстоящих реформах и улучшении положения русской православной Церкви и, по обсуждении сих вопросов, пришли к следующим заключениям:

1) Для улучшения русской православной Церкви необходимо большее единение пастыря с пасомыми, а для сего желательно, чтобы в каждом приходе, во главе с пастырем Церкви, существовало просветительное учреждение

(попечительство, община, совет или братство), материально обеспеченное, которое объединяло бы в себе начальную школу, благотворительность, заведовало бы библиотекой, хозяйственной частью церкви и религиозно-нравственными чтениями.

2) За священником должно остаться право нравственного руководства пасомыми. В этом случае необходимо сохранить все его правовые преимущества в приход.

3) Для той же цели необходимо полное освобождение священника от необходимости прибегать к поборам за требоисправления, как морально унижающим его, для чего от правительства или общества должно быть назначено вполне приличное жалованье.

4) Пастырь прихода намечается духовенством всего благочиннического округа, но не прихожанами. Участие последних в выборе пастыря нежелательно по следующим причинам: а) в современном сельском населении заметно полное отсутствие должного критерия при оценке кандидатов священства; б) отсутствие в современном приходе сколько-нибудь достойных кандидатов для степеней священства, и в) возможность злоупотреблений при избрании пастырей Церкви, подобно тому, как это бывает при избрании сельских должностных лиц: судей, волостных старшин, сельских старост и т. п. Намеченный кандидат утверждается епархиальным епископом или назначается по его благоусмотрению.

5) В каждом округе должен быть благочиннический совет, которому в известных границах должна быть предоставлена судебная власть. Члены благочиннического совета выбираются духовенством всего благочиннического округа.

6) При епископе, за упразднением консистории, учреждается особый совет пресвитеров.

7) Апелляционные жалобы на решения благочиннических советов рассматриваются епархиальным епископом.

8) Высшее управление Церковью принадлежит патриарху, который выбирается собором всей Церкви.

9) Собор всероссийской Церкви должен быть из епископов русской Церкви. Священники, во всем зависящие от своих епископов (Апост. пр. 39-е), могут с их согласия быть допускаемы на собор в качестве советников, или помощников, или поверенных от них.

10) Для удобства управления желательно, чтобы всероссийская Церковь была разделена на округи под управлением митрополитов, с предоставлением им права созывать областные соборы и с передачей в их ведение из высшего церковного управления дел второстепенной важности. В частности, северные епархии: Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Вятская, Пермская — могли бы образовать отдельную митрополию, с учреждением в первой епархии митрополитанского управления, как в портовом городе.

11) Дела, касающиеся нескольких епархий, на основании правил Вселенских Соборов (I пр. 5-е, II пр. 2-е, IV пр. 19-е, VI пр. 8-е) и Поместных (Анти-

ох. пр. 20-е, Карф. пр. 87-е и 88-е), решаются Поместным Собором епископов (входящих в отдельную митрополию).

12) При настоящих запросах общественной жизни, пастырю Церкви необходимо подробное ознакомление со всеми течениями современной культурной жизни, с современными мыслителями, которыми питается культурное общество, а посему необходимо все духовно-учебные заведения преобразовать, чтобы питомцы духовной школы, будущие пастыри, выходили из сих заведений с бóльшим запасом реальных знаний (сократить классицизм).

13) Возможно широкое распространение начальных школ в приходах, с религиозно-нравственным направлением, так как, с одной стороны, на почве религиозного невежества насаждаются всевозможные ереси, секты, раскольнические тóлки, с другой — без духовного просвещения никакие начинания в видах поднятия прихода не принесут пользы.

14) Участие духовенства в земских и сельских собраниях с правом голоса, а также в крестьянском общественном управлении, и вообще расширение юридических прав духовенства на участие его в общественной жизни в качестве полноправных граждан.

15) О предоставлении юридических прав просветительному учреждению в приходе и автономного заведывания всеми делами прихода (нуждами церкви, просвещения, призрения и распоряжением достоянием церкви).

Журнал благочиннического съезда 3-го округа Онежского уезда

1905 года, октября 11—12 дня. Духовенство 3-го округа Онежского уезда, при участии представителей от мирян в лице церковных старост, под председательством благочинного, священника Александра Попова, обсуждало вопросы о реформе церковной жизни, напечатанные в № 17 "Арханг. Епарх. Ведомостей" за 1905 год, причем по обсуждении постановило:

1) По вопросу о *Соборе всероссийской Церкви* духовенство вполне согласно с теми мнениями, которые изложены в статье "О составе церковного собора", помещенной в № 21 журнала "Церковный Вестник" за текущий год, с добавлением непременного условия, чтобы в соборных заседаниях обязательно участвовали и низшие члены клира — диаконы и псаломщики.

2) *Разделение всероссийской Церкви на церковные округа под управлением митрополитов* весьма желательно, с выбором митрополита из епископов округа и с предоставлением им права созывать областные соборы для обсуждения дел, находящихся в ведении митрополитанского управления. На областных соборах должны участвовать представители, выбранные от всех епархий области из иереев, диаконов и псаломщиков. Епископы области, конечно, должны быть непременными членами областных соборов.

3) *Об органах епархиального управления и суда.* Духовная консистория должна быть преобразована. Епархией управляет епископ, выбранный представителями от духовенства и мирян, с советом, состоящим из выборных представителей от иереев, диаконов и псаломщиков. Обособившиеся от кон-

систории и стоящие ныне совершенно отдельно и действующие независимо друг от друга советы и правления по делам епархиально-училищным, миссионерским, братским, епархиальных съездов, эмеритальных касс, свечных заводов и др. ведут свои дела самостоятельно, т. е. постановления свои исполняют без утверждения епархиальной власти. Тогда епархиальные архиереи будут освобождены от того обилия бумажной деятельности, которой они ныне завалены. Но самостоятельная деятельность советов и правлений должна состоять под контролем епископа и его совета, который ревизует дела этих самостоятельных учреждений.

Епархиальным судом ведает епископ и его совет. Менее важные судебные и прочие приходские дела предоставить ведению благочиннических советов, составленных из выбранных духовенством округа лиц из всех членов причта в большем, в сравнении с нынешним, количестве, причем председателем его состоит благочинный, и непременным членом — окружной духовник. Благочинные избираются духовенством округа. Благочинническому совету предоставляется право обсуждать и исследовать дела о провинившихся членах причта, и только в важных и крайних случаях, ввиду безуспешности нравственных мер, совет доносит епархиальной власти о неисправных священноцерковнослужителях, и епархиальная власть решает дело на основании сего донесения без назначения следствия, которые вообще нежелательны, так как приносят расстройство в приходскую жизнь. Духовенство на общих собраниях своих, которые должны быть обязательно не менее двух раз в год, обсуждает поведение и деятельность своих собратьев и должно стараться о благотворном влиянии на неисправных. Необходим свой суд чести над духовенством округа. Конечно, анонимным доносам никакого значения не придавать и по ним дел никаких не возбуждать. Жалобы прихожан на священноцерковнослужителей должны быть препровождаемы на рассмотрение и расследование благочинического совета.

При епископе и его совете должна быть особая канцелярия, ведущая делопроизводство по делам епархиального управления.

4) *О предоставлении приходской общине самостоятельности и права свободно распоряжаться средствами церкви на ее нужды и прихода, и о привлечении мирян к участию в делах церковных.*

В настоящее время делами церковными по большей части заведуют причт и церковный староста, а если и есть два представителя от прихожан, то участие их в церковных делах сводится только к учету денег и подписи в приходо-расходной книги. Остальные прихожане стоят вдали от церковного хозяйства, и это — как бы не их дело; они даже иногда намеренно отдаляются от участия в церковных делах, чтобы причт и староста могли делать, что̀ хотят и как хотят. Оттого у прихожан нет интереса к делам церковного хозяйства, и замечается даже как бы отчуждение от храма; храм становится им как бы чужим.

Необходимо привлечь прихожан к участию в делах церковного хозяйства и установить гласность в этом деле: чтобы приходом и расходом сумм цер-

ковных заведовали все прихожане через своих выборных (один от десяти домов), с которыми причт и церковный староста должны совещаться о делах церковных и приходских. Важные дела должны обсуждаться на общем собрании прихожан. Члены причта, церковный староста и выборные от прихожан составляют так называемый "приходский совет". Выборные должны знать все источники поступления доходов и предметы расходов. Приходо-расходная книга должна докладываться на общих собраниях прихожан (сходках) по нескольку раз в год. Для ежемесячного учета церковных сумм, выборные от прихожан выделяют из своей среды несколько грамотных человек, по крайней мере не менее трех, которые вместе с причтом и церковным старостой подписывают ежемесячно приходо-расходную книгу. При таком положении дела не будет нужды в особых, существующих ныне, приходских попечительствах, так как "приходской совет" и прихожане будут ведать и заботиться о всех нуждах церкви прихода.

Необходимо, чтобы суммы церковные употреблялись преимущественно на нужды церкви и приходскую благотворительность, а также вообще на благоустройство приходской жизни, а не на нужды городов и столиц, как справедливо замечено в "Орловских Епархиальных Ведомостях" (см. № 37 "Церк. Вед." 1905 г., с. 1582 и 1583). Ввиду этого процентное отчисление из церковных сумм на общеепархиальные нужды, доходящее ныне в Архангельской епархии до 44%, а прежде бывшее более значительным, нужно ограничить известной нормой, а именно: сколько в настоящее время каждая церковь округа может дать на общеепархиальные нужды без ущерба для местных нужд, та сумма должна оставаться и на будущее время без изменения. По обсуждении признали, что церкви округа могут дать ежегодно на общеепархиальные нужды следующую сумму: Прилуцкая церковь с приписной Кириковской — 100 р., Клещевская — 45 р., Пияльская — 80 р., Вазенгская — 35 р., Чекуевская — 75 р., Польская — 30 р., Верхнемудьюжская — 30 р., Нижнемудьюжская церковь с приписной Сырьинской церк. — 35 р., Мондинская — 25 р., Кожская — 30 р., Корельская — 15 р., Порожская — 25 р., Вонгудская — 30 р. и Подпорожская — 40 р., а всего 595 р. в год. Остальными же суммами церковными, кроме вышеуказанных, приходский совет имеет право свободно распоряжаться на нужды церкви и прихода. Ежегодная сумма в <...> р. идет от церквей на духовно-учебные заведения епархии; на эмеритальную же кассу духовенства и на попечительство о бедных духовного звания не должно поступать ассигнований из церковных сумм. Нужно сознаться, что церковные суммы до настоящего времени шли на содержание духовно-учебных заведений и в пользу учреждений как воспособление духовенству, которое само собой, по малой обеспеченности в материальном отношении, не в состоянии было на свой счет воспитывать не только сирот духовного звания, но и таких детей, отцы коих состоят в звании священников, диаконов, а особенно псаломщиков в бедных приходах. Когда духовенство будет обеспечено достаточным содержанием, тогда и воспособление от церкви не потребуется, а если и потребуется, то незначительное. Теперь же, ввиду того, что местные церков-

ные суммы идут на сторону, — причты, а особенно церковные старосты, соблюдая интересы церкви, стараются утаивать церковные доходы, чтобы меньшая сумма подверглась обложением процентным сбором и чтобы в церкви осталось более средств для собственных нужд. Это — очень нередкое явление, и явление крайне прискорбное. Эти тайные, или, как называют их, "захребетные" суммы иногда, при известных обстоятельствах, становятся собственностью нечестных церковных старост или даже посторонних лиц.

Пока не будут оставаться в церквах сбережения, не может быть и живой благотворительной деятельности в приходе, что̀ доказывает печальное существование приходских попечительств, которые без средств, как замечено в тех же "Орл. Епарх. Вед." (№ 37 "Церк. Вед." 1905 г.), увяли, не успевши расцвесть. На сбережения церковные, которые не должно тратить на роскошь в церквах, необходимо развивать благотворительность в приходе. Когда же церковных сумм будет недостаточно, приходский совет и прихожане должны оказывать нуждающимся членам в приходе помощь трудом или натурой. Необходимо ввести между членами прихода христианскую взаимопомощь и нравственную поддержку друг другу, что̀ общими силами сделать вполне возможно.

Установленная в Архангельской епархии и обременительная для церквей плата по 6 коп. за каждый бланковый лист для церковных документов и ведомостей должна быть уменьшена до 3 коп. за каждый лист.

Желательно, чтобы тарелочные сборы на благотворительные учреждения столиц, каковых сборов особенно много бывает в течение Великого поста, были необязательны для церквей, а производились лишь в тех церквах, где на это изъявят согласие причт и прихожане.

5) *О выборном начале духовенства или о праве прихожан выбирать себе пастырей.*

При нынешнем порядке назначение священника в тот или другой приход зависит исключительно от усмотрения епархиальной власти, а желание прихожан не принимается во внимание, если бы они даже имели в виду достойного кандидата. Желательно предоставить прихожанам право избирать себе священника из известных им лиц, которые будут одобрены местным духовенством или только благочинническим советом. Такие кандидаты могут быть из местных псаломщиков или диаконов с богословским образованием, или из народных учителей; конечно, кандидаты эти должны быть доброго поведения. Выбор прихожанами себе священника не противоречит каноническим правилам, и такой порядок прежде практиковался в русской Церкви. Если новорукоположенный священник будет вести себя в приходе неодобрительно, прихожане могут внушить ему, чтобы он вел себя должным порядком, а иначе они будут просить епархиальную власть через благочиннический совет убрать от них такого священника. Это должно сдерживать священников от зазорного и недостойного их сана поведения. Если прихожане терпят священника зазорного поведения, то епархиальная власть, когда оной будет это известно, поступает на основании законоположений по своему усмотрению. Недоразумения между прихожанами

и членами причта разбирает благочиннический совет с депутатами от прихожан. Желательно, чтобы священники более продолжительное время жили в одном приходе, например около десяти лет, хотя могут быть и исключения. Возможно перемещение и в другой, более хороший, вакантный приход. Если прихожане последнего знают известного священника с хорошей стороны и он прослужил в своем приходе довольно времени, а желание перейти в лучший приход у него есть, то прихожане могут просить назначить к ним такового священника. В случае, если прихожане в течение полугода не могут выбрать себе священника, таковой назначается к ним епархиальной властью. Лучшие места в епархии епархиальная власть может предлагать более достойным священникам, с согласия прихожан, в виде награды, когда они долго прослужили в приходе сравнительно бедном. А также многосемейные должны рассчитывать на лучшие в материальном отношении приходы, если того достойны. На тех же основаниях прихожане выбирают в свой приход диаконов и псаломщиков. Последние могут быть выбираемы и из грамотных крестьян, отличающихся добрым поведением и обладающих хорошим голосом.

6) *Относительно обеспечения духовенства жалованьем взамен пользования земельными участками, которые в Архангельской епархии приносят по большей части убыток причтам, а не доход.*

При отхожих промыслах, существующих в Архангельской губернии, наем рабочих, сравнительно с другими губерниями, обходится дорого, и мало есть крестьян, которые взяли бы обработку земли в аренду или из половины <долевое пользование>. При том, земля при такой обработки плохо удобряется и в конце концов становится непроизводительной. А сколько хлопот и неприятностей связано с обработкой земли! Это же отвлекает членов причта, особенно псаломщиков, от исполнения прямых обязанностей. Полезно оставить за причтом небольшую пропорцию земли как пахотной, так и сенокосной, в равном количестве на каждого члена причта, т. е. для священника столько же, сколько для диакона и псаломщика, например по 1½ дес. пахотной и 5½ дес. сенокосной земли на весь причт, для производства опытов улучшенного земледелия, а остальную землю, находящуюся ныне во владении причтов, передать во владение крестьян, взамен чего следует назначить на причт прибавку жалованья из Государственного казначейства в количестве 300 р. священнику и по 200 р. диакону и псаломщику. Об этом должен быть возбужден вопрос в будущей Государственной Думе. Тогда духовенство будет обеспечено содержанием и не потребует воспособления от церквей на воспитание своих детей. Тогда от духовенства можно требовать лучшей деятельности на пользу православной Церкви и народа. Тогда не должно быть вымогательства от прихожан за требоисправления, а вполне можно довольствоваться тем, что̀ дают.

Желательно, чтобы при разделе братских доходов псаломщик получал третью часть, а не четвертую, как теперь.

7) *О церковной проповеди.*

Необходимо, чтобы живое слово раздавалось с церковного амвона. Для этого пастырям самим нужно проникнуться духом Евангелия и проповедовать

чистое евангельское учение, поясняя на примерах из жизни нарушение сего учения. Необходимо разъяснять прихожанам молитвы, богослужение, таинства и истины веры. Деятельными помощниками священника в этом деле должны быть о. диаконы, где они есть, а также способные к тому псаломщики. Для более простой и живой беседы с прихожанами желательно собираться в праздничные и воскресные дни в школу или иное помещение и там вести собеседование, чтобы священник мог спрашивать присутствующих о понимании ими истин веры и прихожане могли обращаться к священнику за разрешением недоумений по вопросам веры и нравственности. Необходимо посещать для этой цели деревни, отстоящие от приходской церкви на значительном расстоянии. Мудрствовать на этих собеседованиях нечего. Что говорит законоучитель детям в школе, то же может говорить и здесь, потому что народ в знании веры — то же дитя. Любовь к делу и сознание своего долга помогут пастырю выполнить с пользой для прихожан такие собеседования. При таком положении дела у пастыря с пасомыми будет живая связь, и это поднимет его авторитет среди прихожан.

Необходимо отменить писание очередных проповедей на известные дни, по ранее составленному расписанию. Пусть каждый священник, кончил или нет он курс семинарии, представляет ежегодно не менее двух проповедей в год или сколько может представить, в проповеднический комитет, на те дни, какие сам изберет. Лишать этой возможности лиц, не окончивших семинарию, унизительно для них.

8) *О церковном богослужении.*

Необходимо ввести однообразие в богослужении. В одной церкви более пропускают и скорее служат, в другой — напротив — почти все вычитывают и выпевают, почему службы церковные идут долго и даже утомительно. При выполнении церковного устава, в настоящее время чтение и пение в церквах ведется небрежно и отталкивает прихожан от посещения богослужения. При главном условии, что лучше петь и читать немного, но толково и со смыслом, признали выполнять следующее. На *всенощном бдении*: стихиры на "Господи воззвах" петь только в продолжение каждения священником храма, а когда кончится каждение, петь "И ныне" и богородичен или догматик. На стиховне петь 1-ю стихиру без стихов в воскресные дни, и со стихами и чтением стихир — в великие праздники. "Бог Господь и явися нам" петь трижды, затем тропарь однажды и богородичен. Кафизму читать одну, только не одни и те же псалмы или части псалмов кафизмы, а разные. В каноне ирмос петь, читать три тропаря, а катавасию петь после третьей, шестой, восьмой и девятой песней. На "Хвалитех" петь одни стихи, "И ныне", богородичен. На 1-м часе "Приидите, поклонимся" и весь псалом "Милость и суд". Тропарь читать или петь. "Господи, помилуй", 40. "Иже на всякое время". "Христе, Свете истинный" — про себя. На *литургии*: петь изобразительные псалмы, хотя и не целиком. "Блаженны" петь все. Шестопсалмие и паримии читать на средине церкви.

Желательно ввести в употребление пение некоторых псалмов, как например: "Благословлю Господа на всякое время", "Помилуй мя, Боже, по велицей

милости Твоей" и др., которые для приучения к ним прихожан желательно петь во время причастного.

Необходимо позаботиться об оживлении церковного богослужения. Пение должно быть стройное и воодушевленное. Чтение — внятное и неторопливое. Желательно бы некоторые песнопения приучить петь всех прихожан, например: символ веры, "Достойно и праведно есть", "Свят, свят, свят Господь Саваоф", "Тебе поем", "Достойно есть" и "Отче наш", для чего сначала следует приучать к пению этих песнопений учеников-детей, которые, придя в возраст, будут продолжать пение этих песнопений.

Псаломщиков, которые устроят хорошее пение в церкви, следует поощрять денежным вознаграждением из церковных сумм, смотря по достаткам церкви.

Желательны местные курсы для псаломщиков под руководством опытных лиц из духовенства округа или из посторонних лиц. Курсы на первый раз желательно бы устроить в течение 2 недель после весенних работ, в будущем 1906 году. Средства на устройство курсов ассигновать из сумм церквей.

Желательно бы, для понимания прихожанами апостольских и евангельских чтений, ввести в церквах чтение св. Евангелия и Апостола на русском языке.

Для живого участия прихожан в церковном богослужении необходимо объяснять им смысл и значение церковных богослужений.

9) *О церковноприходских школах.*

Желательно ввести в церковноприходских школах курс четырехлетний. Тогда ученики выйдут из школы с более окрепшими познаниями в Законе Божием, особенно о богослужении церковном, так и в знании русского правописания. В курс четвертого года следует ввести программу русской истории и географии. Допустить в школу учебник "Родное Слово" Ушинского и букварь Лебедева. При преобразовании народных училищ Министерства народного просвещения такую же программу ввести и в церковноприходские школы, чтобы все народные школы были одного типа.

Ввиду нередко встречающихся недоразумений между заведующими церковными школами и учительницами сих школ, желательно заведование школами передать учительницам, как в сельских училищах.

10) *О запасных священниках.*

Ввиду упущений и затруднений при исполнении обязанностей приходского священника в случае его продолжительной и тяжкой болезни, необходимо ввести штат запасных священников, которые бы, во время болезни приходского священника, исполняли его обязанности. Содержание этих священников отнести на остатки кредита от праздных вакансий.

11) *Об епархиальных съездах.*

Необходимо предоставить епархиальным съездам свободу при обсуждении всех вопросов, касающихся епархиального управления, а также духовно-учебных заведений и учреждений епархии. Свои заключения епархиальный съезд представляет на утверждение епархиальной власти. Относительно луч-

шей постановки учебно-воспитательной части в духовно-учебных заведениях епархии, — съезд духовенства приглашает в свои заседания корпорацию сих заведений для совместного обсуждения о учебно-воспитательном деле.

Журнал благочиннического съезда 5-го округа Шенкурского уезда

Мы, нижеподписавшиеся, священнослужители церквей 5-го благочиния Шенкурского уезда, считая долгом откликнуться на приглашение Вашего Преосвященства поработать над уяснением вопросов, подлежащих решению на будущем Всероссийском Соборе, в собрании своем 23 октября имели суждение по тем вопросам, которые отпечатаны в № 17 "Архангельских Епархиальных Ведомостей", и благопочтительнейше имеем честь предложить на архипастырское воззрение Вашего Преосвященства следующие соображения:

1. О Соборе Всероссийском

Необходимость созыва Всероссийского Собора, признанная Святейшим Синодом и всеми выдающимися духовными деятелями, сознается и всем духовенством и желательна для мирян, о чем и приходится слышать. Собор этот, мы полагаем, должен состоять не из одних епископов, но и из низшего духовенства монашествующего и белого, и из мирян. Из монашествующего духовенства должны быть настоятели монастырей, так как монастыри являются и должны быть центрами религиозно-нравственной и благотворительной деятельности, и ученые монахи; из белого духовенства должны быть представители городского и сельского духовенства: обязательное присутствие их доказывается тем, что каждый приход есть маленькая Церковь, есть жизненная клетка церковного организма, об оздоровлении которой и должны быть направлены все рассуждения Собора, потому что здорова она — здоров и весь организм, больна она — могут заболеть и соседние и даже весь организм. Священник же есть руководитель этой маленькой Церкви: он лучше других знает ее жизнь, ее нужды, недостатки и достоинства; поэтому без присутствия приходских священников постановления Собора могут быть неполны. Представители от этого духовенства могут быть назначены, но лучше, если они будут выбраны самим духовенством, так как опять-таки само духовенство лучше знает своих собратий, чем власти. Избрание может происходить по благочиниям: пусть духовенство укажет одного или двух священников из епархии, известных ему, как достойных быть выбранными на Собор. Из этих выборных духовенством епархии лиц нужно будет только утвердить тех, за которых было бóльшее чи́сло голосов, а это может сделать консистория; но, чтобы не было сомнений в подтасовке голосов, пусть избирательные списки будут отпечатаны в "Епархиальных Ведомостях".

Представители духовных школ: ректоры, инспекторы семинарий и смотрители духовных училищ — тоже весьма будут полезны на Соборе, как воспитатели духовного юношества — будущих священников.

Необходимость присутствия мирян на Соборе вытекает из того, что каждый православный христианин есть член Церкви, ради которого и самая иерархия существует, поэтому, были бы полезны там профессора духовных академий — канонисты, религиозно-настроенные и сочувствующие Церкви писатели и другие образованные лица.

2. Разделение всероссийской Церкви на церковные округа под управлением митрополитов

По своей некомпетентности мы не можем решать этого вопроса; но не можем не выразить желания, чтобы епархии, как например наша, были разделены на две или на три епархии; через это уменьшилось бы у епископа канцелярское дело и было бы больше времени для общения с духовенством и паствой.

3. Об органах епархиального управления и суда

Вместо нынешней консистории не лучше ли будет, если будет учрежден постоянный пресвитерский совет при епархиальном епископе? Он может состоять из выборных приходских священников. По своему разумению можем предложить такой проект. Пресвитерский совет состоит из 9—12 членов, выбранных из приходских и заштатных священников на три года. Он разделяется на три-четыре отделения, которым поручается епископом рассмотрение дел по отдельным отраслям епархиального управления; им же могут быть переданы дела по заведованию духовными училищами, миссией, эмеритальной кассой и т. п.; так как они будут свободны от дел приходских, то времени на это у них будет достаточно. Общие собрания совета должны происходить под председательством епископа. Содержание этим членам совета не потребуется особенно большое, так как они будут получать содержание и по приходу. Духовный суд может иметь две инстанции: благочиннический совет, или — еще лучше — собрание духовенства благочиния для разбора дел по небольшим жалобам и другим мелким преступлениям духовенства против дисциплины; и вторая, высшая инстанция — пресвитерский совет во главе с епископом. Для производства следствий в распоряжении его лучше всего иметь особых следователей, например по одному на уезд.

4. О благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях. Исторические и канонические соображения о выборном начале духовенства

Для благоустройства прихода необходимо дать ему автономию и права юридического лица. Во главе прихода пусть стоит настоятель церкви и почетные и выборные прихожане, составляющие приходский совет. Этот совет будет иметь полную возможность заботиться как о религиозно-нравственной,

так и материальной жизни прихода. Если руководитель жизни, приходский священник, будет человек энергичный и члены совета — люди благонастроенные, то жизнь прихода может процветать: они будут бороться с разными пороками, особенно с пьянством, которое есть корень всякой распущенности, равнодушия к религиозным вопросам, тупости умственной, окаменения сердечного, — причина распри и неустройства семейного и общественного, лени и бедности материальной. А посему, надо <достигать> права — или совершенного изгнания из приходов, или крайнего ограничения винной торговли. Тогда явятся у нас и силы нравственные и средства материальные. Совет будет заведовать церковным и школьным хозяйством, будет приобретать имущества, капиталы, с накоплением которых может оживиться и благотворительная деятельность прихода. Поднять жизнь приходскую можно только тогда, когда во главе ее будет стоять священник образованный и преданный своему делу. Теперь лучшие силы из духовного звания уходят по разным причинам; но главная причина — это необеспечение священника, зависимость его от прихожан; не у всякого хватает силы жить в бедности, и вот обстоятельства заставляют ходить по приходу, собирать ругу, торговаться при совершении брака, собирать в алтаре перед жертвенником пятаки за поминовение. Это — унижение для священника; дети его видят это и бегут из духовного звания. Нет, нужно избавить священника от взимания платы за обязательные требы, от собирания руги, а дать ему, во-первых, приличное, не меньше, чем, например, какому-нибудь ксендзу или пастору в Западном крае, казенное содержание, — и, во-вторых, за все обязательные требы особое вознаграждение в одинаковом размере по всем приходам, взимаемое с прихожан волостными правлениями или казначействами в виде маленькой подушной подати. На жалованье от Правительства духовенство вправе надеяться, так как оно лишилось своего содержания при переходе монастырских имений в казну при императрице Екатерине II. Введение в жизнь выборного начала приходского духовенства тоже весьма полезно, по нашему разумению: тогда избираемые меньше будут <игнорировать> своими обязанностями — в тех соображениях, что славу о себе они будут приобретать не только перед епархиальным начальством, которое смотрит — и не может иначе смотреть — на деятельность священника больше с показной стороны, но и перед народом, мнением которого они будут дорожить; полезно и для избирающих, потому что они с большим доверием будут относиться к избранному ими, а не навязанному, пришлому, чуждому лицу. Только надо гарантировать последнего от произвола и случайностей. Жалобы на священника разбирать особенно тщательно и переводить его из прихода уже после того, как выяснилось, что он бесполезен в нем; лишать же священника права самому проситься в другой приход нельзя, но для этого должны быть важные причины, например состояние здоровья. Но, при предоставлении права прихожанам выбирать себе клир, необходимо оставить во власти епископа право подвергать выбранного испытанию более или менее продолжительному (если он ему неизвестен) и его религиозных воззрений и познаний и нравственности и утверждать или не утверждать вы-

бранного, и — в случае отказа прихожан почему-либо выбрать своего кандидата — назначать священника по своему усмотрению.

5. Об усовершенствовании духовно-учебных школ

При решении вопроса о реформе духовных школ было бы желательно, чтобы обращено было особенное внимание на воспитательную часть; необходимо, чтобы преподаватели были вместе с тем и воспитателями, чтобы они возможно реже переменялись, от чего страдает как учебное дело, так и воспитательное. Что же касается особых упрощенных богословских школ, то они были бы полезны разве что для приготовления псаломщиков и диаконов, но отнюдь не священников, потому что жизнь требует от священника познаний солидных, а не поверхностных.

6. О епархиальных съездах

При реформированном епархиальном управлении епархиальные съезды духовенства пусть превратятся в епархиальные соборы; для этого нужно будет число членов их увеличить и заседания производить непременно под председательством епископа. Кроме обсуждения вопросов о материальных нуждах епархии, на них могут быть рассматриваемы нужды религиозно-нравственные; они могут выбирать членов пресвитерского совета и даже, в случае вдовства епархии, выбирать, если на то будет соизволение Святейшего Синода, себе епископа не только из лиц монашествующих, но и из белого духовенства.

7. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях

Участие духовенства в общественных учреждениях в качестве членов может принести немалую пользу Церкви и государству; так например священник, присутствующий на сельском или волостном сходе, одним своим присутствием может помешать обсуждению и решению таких дел, которые полезны только некоторым и явно вредны большинству. Он может препятствовать и даже искоренить великое зло этих сходов — пьянство.

8. Соображения о сокращении существующих богослужебных чинов и об установлении новых чинопоследований

Церковный устав, по которому должны совершаться службы, исполняется только в монастырях; в приходских же церквах многое из него опускается по произволу служащих, так что составилась хотя обидная для духовенства, но справедливая поговорка: “У каждого попа свой устав”. Поэтому необходимо выработать особый устав для приходских церквей. Богослужебные книги должны быть пересмотрены, все неправильные и непонятные выражения ис-

правлены и заменены понятными. Должны быть рассмотрены и те соборные правила, которые касаются церковного благочиния, например 20-е правило I Вселенского Собора о поклонах, приводящее в настоящее время пастырей Церкви, особенно проживающих в раскольнических приходах, в немалое затруднение. Раскольники, строго держась сего правила, не делают земных поклонов по воскресным дням и неисполнение этого православными нередко в беседах поставляют на вид; православные же в этих случаях обычно обращаются за разъяснением к своему духовному отцу. И вот тут-то пастырю и приходится иногда, можно сказать, двоиться: с одной стороны — соборное правило, запрещающее земные поклоны по воскресным дням, с другой же — как запретишь глубоко верующему человеку выражать свои религиозные чувства тем или иным, принятым святой Церковью, образом?! Да и за богослужением, наконец, бывают столь великие и священные минуты, например во время <евхаристического> канона, особенно при пресуществлении Святых Даров, что даже сам пастырь, стоящий в виду всех верующих, невольно преклоняет колена и падает ниц. Вообще, нельзя более медлить с заботой о поднятии на должную и подобающую святыне высоту величия и торжественности церковных благочиний, чтобы, таким образом, всякий верующий христианин мог находить для себя в храме Божием, действительно, отраду и утешение, а не чувствовал бы скуки и усталости. Хоровое, а еще лучше — общее пение и осмысленное чтение будут играть в этом случае немаловажную роль, а посему-то и следует вменить псаломщикам в непременную обязанность — обучать детей пению в школах и образовывать из них церковные хоры. Желательно, чтобы псаломщики были деятельными сотрудниками священника, а для этого нужно улучшить их материальное положение. Не менее важное значение должны иметь в этом отношении такие отправления торжественных соборных богослужений, совершаемых сонмом всего духовенства известного округа при участии диакона и церковных хоров например, в храмовые праздники. Собрание духовенства для отправления торжественных соборных богослужений будет иметь еще и иное значение, именно: оно даст возможность пастырям возможно чаще обмениваться своими соображениями и пастырской опытом по вопросам, касающимся религиозной жизни прихода, церковного благоустроения и пастырского воздействия на пасомых. Хорошо было бы еще возбудить вопрос о дозволении общей исповеди, с подразделением кающихся лишь по возрасту и полу: пусть бы каждая группа кающихся общие свои грехи исповедовала перед духовником открыто, особенные же или тяжкие — тайно; разрешение грехов получал бы, конечно, каждый в отдельности. При такой постановке дела не было бы, думается, той поспешности в совершении таинства и той неудовлетворительности исповедью со стороны говеющих, какая сплошь и рядом замечается теперь. Напротив, тогда каждый бы исповедник имел полную возможность раскрыть пред Господом всю свою душу, выплакать перед Ним все свои грехи, не утаив ни малейшего из них, а от духовного отца всегда получал бы вразумление и наставление; сами же духовники тогда уже перестали бы смотреть на исповедь, как на непосильное бре-

мя, и относились бы к сему великому таинству с должным вниманием и благоговением.

9. О положении православной Церкви в отношении к старообрядцам

Исходя из принципа о веротерпимости, следовало бы прекратить и оставшиеся чисто канцелярские отношения духовенства по отношению к старообрядцам. Канцелярские дела о старообрядцах всего лучше бы, думается, было передать в руки самих старообрядцев и господ миссионеров. Прекращать же или ослаблять миссионерскую деятельность, по нашему мнению, нельзя, и состав миссионеров уменьшать было бы вредно; состав же клира для раскольнических приходов нужно подбирать особенно осмотрительно, материально обеспечить его и сделать его неуязвимым в упреках относительно корысти.

Проект преобразования консистории, составленный священником М. Поповым

Преобразовать консисторию следовало бы в следующем. Начнем с малого: с писцов.

Писцы. Писцами консистории должны быть увольняемые из духовных училищ и семинарии — с тем, чтобы каждый из таковых был прикомандирован к одной из церквей гор. Архангельска для участия в чтении и пении за богослужениями, в религиозно-нравственных чтениях и внебогослужебных беседах, в делах приходского братства или попечительства. Через это писцы консистории приготовлялись бы быть псаломщиками, диаконами и даже иереями. А то — исключат из учебного заведения, и пойдут они по монастырям; познакомятся со многими пороками, испортятся нравственно и потом поступают в клир церковный.

Столоначальники. Столоначальниками консистории должны быть непременно кончившие курс семинарии, знающие жизнь и быт сельского духовенства, разделяющие его радости и печали. Всего лучше, если столоначальники все будут духовного сословия — дети духовенства местного. Такие столоначальники должны быть прикомандированы каждый к отцу — члену стола в качестве проповедников в храме, где он священствует, и делопроизводителей в приходском братстве или попечительстве.

Секретарь. Секретарь консистории должен быть непременно священником бесприходным, с высшим образованием. Он должен совместно с городскими священниками улучшать и направлять проповедничество в кафедральном соборе и в каждом городском приходском храме. Секретарь консистории — не только начальник в бумажном делопроизводстве и исполнении столоначальниками и писцами их приходского назначения, не только направитель проповедничества в городе, но и пятый член присутствия консистории с правом голоса наравне с другими четырьмя членами. В силу этого, секретарь

не может быть временщиком, вершителем судеб епархии и раздавателем приказаний, решать то или другое дело, как ему угодно.

Члены консистории. Между четырьмя членами консистории и пятым членом-секретарем — полная солидарность, достигаемая тем, что все они вместе являются ежедневно или через день, днем или вечером, ко владыке с подготовленными заранее журналами и протоколами в докладной и справочной частях и подходящими статьями закона и с другими бумагами, требующими неотложного разрешения, и решают дело вместе с владыкой. Иногда владыка сам назначает дни, когда он прибудет в консисторию для решения таких-то дел, кои заранее отнюдь не предрешены. Иногда все члены уполномочивают из своей среды по очереди понедельно ходить к преосвященному для переговоров и разъяснений. Через все это падет преграда и средостение между членами и секретарем, между владыкой и присутствием консистории, и не будет места ни происканиям, ни домогательствам первенства ни у секретаря, ни у о.о. членов. Вершителем судеб епархии не будет кто-либо единолично, по произволу, а совместно владыка и члены и член-секретарь. Будет управление соборное, а не самовластное, по выражению: "Закон — это я".

К утверждению владыки должны посылаться протоколы и журналы по распорядительному и следственному столам; а по хозяйственному и счетному столам журналы и протоколы приводятся в исполнение без утверждения владыки, если все члены и член-секретарь подпишут. Это — для облегчения владыки.

Пресвитерский совет. Если к какому-либо журналу или протоколу будет мнение, тогда такой журнал и протокол посылается на пересмотр в пресвитерский совет, состоящий из следующих выборных лиц: настоятеля кафедрального собора, ректора семинарии, смотрителя духовного училища, инспектора классов женского епархиального училища, законоучителя гимназии, благочинного градских церквей, духовника, следователя, епархиального и уездного наблюдателей церковноприходских школ, председателей: эмеритуры, свечного завода, попечительства о бедных духовного звания и училищного совета, миссионера, — при участии всех членов консистории и члена-секретаря. Кроме дел, из консистории направляемых, когда не последует единогласного решения, пресвитерский совет занимается решением всех тех дел, кои подлежат ведению каждого лица, входящего в состав самого совета: семинарии, училищ, церковных школ, эмеритуры и проч.

Владыка утверждает единогласное решение пресвитерского совета или решение большинства. Если же владыка утвердит мнение меньшинства или свое решение положит на единогласное решение пресвитерского совета, тогда член-секретарь консистории посылает все дело на решение высшей власти, а до получения ее решения исполняется решение владыки.

Выбор членов консистории и члена-секретаря ее. Все члены консистории и член-секретарь ее избираются из духовенства города, где находится епархиальный владыка, через каждые три года на епархиальном съезде духовенства закрытой баллотировкой. При этом избираются и 5 кандидатов. Эти 10 из-

бранных подвергаются новой закрытой баллотировке на совете пресвитеров, причем выбирается только 5 человек: 4 члена и член-секретарь. В этой баллотировке не принимают участия те 10, кои выбраны на епархиальном съезде и от коих получено согласие у съезда принять должность, если пресвитерский совет выберет окончательно. Если же съезд выберет такого, который не будет согласен, то выбирает другого, пока выбранный не даст согласия на принятие должности. Выбор же 5 на пресвитерском совете, как окончательный, представляется на утверждение епископа, тоже окончательное. Если владыке не угоден будет выбор пресвитерского совета, то он может приказать снова переизбрать на пресвитерском совете из 10 только лиц, выбранных съездом. Если пресвитерский совет окажется при прежнем своем решении, то выбор должен быть утвержден владыкой, хотя он и может в этом случае просить высшую власть утвердить своих, но только из числа 10, выбранных епархиальным съездом.

Самое важное и необходимое и неотложное дело новой консистории. Самым первым и неотложным делом новой консистории должно быть поднятие пастырского дела в епархии и преобразование монастырей. — Для поднятия пастырства каждый из членов консистории посылается преосвященным на братскую, однородную ревизию епархии, цель и способ которой уже изложены в особой инструкции, при сем прилагаемой и некогда одобренной преосвященным Антонием, ныне епископом Волынским и Житомирским, надпись которого собственноручная имеется на инструкции. Помощниками в такой ревизии — исключительно для поднятия пастырства, а не для следствий и кары — должны быть: о. благочинный того благочиния, где будет ревизия, наблюдатель епархиальный и уездный церковноприходских школ и миссионер. Все они совместно могут и должны поднять пастырство. Средства для Архангельской епархии, в количестве 200 рублей ежегодно, уже отпущены Св. Синодом, но ни разу еще не использованы. — Эта ревизия должна коснуться и монастырей, которые наискорейшим образом должны быть преобразованы так, чтобы хозяйство и капиталы были взяты из заведования настоятелей и братии в епархиальное ведомство — в пресвитерский совет, все постройки дальнейшие прекратить, ленивых и нетрезвых удалить, и сделать монастыри только местом молитвы, труда, спасения и миссионерства для других мест. Для таких подвижников только и должно выдать все готовое содержание и все необходимое, а остальное шло бы на благотворительность, на школы, на жалованье учителям, начиная с семинарии и кончая церковноприходскими школами. Ни в одном монастыре настоятелем не может быть лицо без достаточного образования и призвания поставить монастырь на служение миссионерству, религиозно-нравственному просвещению и обновлению. В видах однородного назначения каждого монастыря ни в одном монастыре не должен быть настоятелем епископ. Каждый монастырь должен быть вне бесконтрольного отношения, а только соборного отношения и влияния, каким является пресвитерский совет. Отсюда должны прекратиться такие ненормальные явления: например, Веркольский монастырь, Пинежского уезда, получает от

народа из разных мест Российской империи в год 50 000 рублей и все эти деньги издерживает. В продолжение 10 лет, значит, он издержит полмиллиона, и это все — на пищу, житие, одежду и постройки, и самую малую часть — на благотворительность. Если бы этим сотням тысяч дать назначение другое, например на образование, тогда какую бы великую службу Богу и народу сослужил Веркольский монастырь! Об этом имеется целая переписка в консистории — по делу ревизии всех монастырей епархии.

Заключение. Таким образом, новая должна быть консистория по своему составу, и новую силу и направление должна явить для обновления и исправления религиозно-нравственной жизни пастырей и пасомых. Консистория по вышесказанному является частью самостоятельной, когда решения ее единогласные и, как таковые, утверждаются епископом, — и частью несамостоятельной, как часть пресвитерского совета, когда решения ее не единогласны. Зато весь состав консистории: четыре члена и член-секретарь — будет обновляться через каждые 3 года, и все — от писца до членов и секретаря — исполняют не одно бумажное дело, а и религиозно-нравственное, просветительное и благотворительное и здесь в городе, а отсюда разносят это добро и свет по приходам и монастырям епархии.

Инструкция при ревизии причтов епархии, о.о. благочинных и монастырей

(Надпись: "Конечно, хорошие правила для хороших и надежных ревизоров. Но это очень идеально, и, при существующем взаимном недоверии властей и взаимном несочувствии между приходским и монастырским духовенством, едва ли достигнем даже формального осуществления").

I. Что вызывает ныне ревизию? Об этом было сказано в представлении Св. Синоду, когда испрашивался ежегодный кредит в 200 р. на разъезды при ревизии (от 4 сент. 1896 г. № 528), а именно: узнать, все ли о.о. благочинные правильно взимают с церквей процентные сборы по назначению съезда и аккуратно ведут денежные дела, а особенно следить за направлением пастырства, "как каждый благочинный возбуждает, направляет и усиливает среди подведомых причтов пастырскую ревность к проповедничеству и истовому совершению богослужений ".

II. Цель ревизии: во-первых, по возможности возбудить в духовенстве сильное желание пастырствовать через улучшение проповедничества и собеседований, охотное, неторопливое совершение богослужений и таинств, особенно исповеди, а также через законоучительство в школе, распространение книг, библиотек и чтений; во-вторых, повлиять на каждого благочинного, чтобы он в деле пастырства стал во главу среди подчиненного ему духовенства, сблизил бы причты между собой и направил к общей, дружной работе, был бы "отцом и благочинным", поддерживающим причты, а не формалистом, оставляющим иногда пастыря на произвол гордецов, так чтобы духовенство составило из себя, объединенное любовью и призванием, великую нравствен-

ную силу и приобрело авторитет духовный; в-третьих, узнать состояние духовенства и паствы, духовные нужды в каждом приходе; в-четвертых, поднять значение духовника, как направителя в благочинии среди духовенства духа пастырства; в-пятых, войти в положение бедного духовенства — вдов и сирот; в-шестых, узнать сохранность сумм церковных и благочиннических и все ли записывается в приходо-расходную книгу; и в-седьмых, узнать духовное состояние монастырей, сохранность сумм и, по возможности, возбудить желание не только к духовным подвигам, но и к миссионерству и нравственному обновлению окружающего населения.

III. Способ ревизии. Ревизия должна касаться не одних благочинных, а всех причтов. Для сего одному и тому же ревизующему избрать несколько благочиний и побывать в них не один раз, а много (примерно 10), чтобы все узнать и дать направление. Такая ревизия может быть дважды в год, а то и более, и начаться с города Архангельска и ближайших уездов. Эта ревизия должна быть исполнена духа любви, кротости и терпения. Сначала должно сделать вразумление, наставление и увещание, потом, в случае неисполнения указанного и неисправления, вызвать, особенно из ближайших приходов, на увещание к преосвященному и, если это не подействует, тогда принять строгие меры против неисправных из причтов и благочинных, одинаковые, без послабления, по правде. Но если где будут замечены вопиющие злоупотребления, тогда уже и сразу строгие меры употребить. Для того, чтобы узнать, как причт совершает богослужение, необходимо самому ревизующему совместно послужить литургию или побывать за ней, где ревизия производится, или по крайней мере попросить причт при своем приезде отслужить молебен храмовому святому. Уже такой молебен покажет многое, особенно в псаломщике, который будет читать при этом Трисвятое; это — камень преткновения, ибо большинство псаломщиков торопливо, небрежно читает Трисвятое, но кто дорожит богослужением, тот внимательно, благоговейно прочитает. Относительно проповеди покажет богослужебный журнал, очередные написанные проповеди (какие очередные, узнать у о. благочинного или из консистории с собой взять расписание очередных проповедей), спрос у псаломщика и церковного старосты при священнике непременно, как часто проповедь бывает, рассмотрение имеющихся у священника и в церковной библиотеке по каталогу сборников проповедей и ведение беседы за богослужением, где удастся, в присутствии ревизующего.

Относительно привлечения к исполнению долга исповеди и св. причащения узнать из богослужебного журнала и из расспросов, какие были сказаны беседы и розданы для чтения книги, какие были приняты меры, потребовать составление каталога книг библиотек церковной и школьной, предложить выписку книг и раздачу для чтения прихожанам (список дешевых и назидательных книг должен иметься с собой у ревизующего), потребовать список не бывших у исповеди 3 года и более и узнать, возится ли этот список при требоисправлениях и хождениях с молитвой в начале постов, и старается ли пастырь о религиозно-нравственном поднятии паствы и какие меры принимает

для ослабления пьянства, раскола, разгула молодежи и проч. Спросить причт, в дружбе ли с ним церковный староста, волостной старшина, председатель попечительства и его члены и прочие гражданские власти, чтобы сделать и им, насколько возможно, духовное наставление, или просить от имени его преосвященства. О состоянии паствы и мерах к поднятию ее священник письменно сообщает ревизующему, а о состоянии духовенства о. благочинный тоже письменно сообщает характеристику, свой отзыв и взгляд правдивый ревизующему — не для кары, а для проверки и сообщения духовнику благочиния, с которым и должен побеседовать ревизующий и попросить принять меры к искоренению написанных благочинным недостатков среди духовенства. Может и должен ревизующий и сам поувещевать братски и попросить исправиться и деятельно пастырствовать. Особенно эти наставления необходимо делать псаломщикам и диаконам, чтобы они были уважительны, трезвы и благоговейны при совершении богослужений, а также посоветовать о. благочинному и духовнику направить духовенство улучшить совершение богослужения, проповедь и жизнеповедение. — Узнать еще, есть ли благочинническая библиотека, каталог книг этой библиотеки, какими книгами пополняется, и кто следит за этим живым делом, и даются ли книги для чтения духовенству. Узнать, что̀ о. благочинный и причты выписывают для церквей и для себя, и посоветовать о. благочинному, чтобы он предлагал ежегодно подведомственным причтам выписывать для церквей различные духовные журналы по особому листу, на котором бы каждый причт отмечал, что̀ желает выписать. При этом условии ближайшие причты и менялись бы один с другим после прочтения. — Обратить внимание на детей духовенства, все ли они обучаются (есть священники, у коих дети нигде не обучаются), а также на благолепие и чистоту храма Божия, церковные одежды, богослужебные книги, св. сосуды, особенно св. миро и Св. Дары; на книги же обысковые, метрические внимание второстепенное должно быть. — Если есть школа церковная, то собрать детей, заставить кого-либо из учащихся прочитать утренние молитвы и что-либо из св. Евангелия, спросить по Закону Божию; если в учебное время, то побывать на уроке, спросить про участие школьников в чтении и пении в церкви, — и этим всем проверится отзыв о законоучителях духовной и светской инспекции.

Войти в положение вдового духовенства и сирот и попросить от о. благочинного сведений об их материальном положении, о родственниках, кои могли бы помогать. Посоветовать, чтобы кружка на бедных духовного звания обносилась непременно за богослужениями второю, и образовать взаимопомощь в благочинии как бедному, сиротствующему духовенству, так и прихожанам, что̀ может взять на себя приходское попечительство или братство. Посоветовать образовать взаимообщение среди духовенства, для чего устраивать собрания в местах, где бывает торговля и ярмарки, куда съезжаются причты по житейским делам, а также в уездных городах, и дать широкое действие благочинническим советам.

Для ревизии сумм церковных, предварительно потребовать от смотрителя свечного склада, где предполагается ревизия, выписки из книги: когда, в какую церковь, сколько, по какой накладной отпущено свеч для продажи и освещения церкви (отдельно), и сколько из какой церкви принято изгару. Эту ведомость сличить с приходо-расходной книгой церковной при ревизии. Наблюсти, нет ли сумм "захребетных", кои записываются, — а иногда и совсем не записываются — в книгу попечительскую под названием "от неизвестного благотворителя". По приезде в приход явиться в церковь и при причте и старосте сосчитать свечи и наличие сумм у сторожа и в ящике старосты, и затем сверить с книгой. При осмотре сумм обратить внимание на процентные бумаги, все ли они государственные, хранятся ли, где следует, вовремя ли получаются проценты по ним. Узнать из приходо-расходной книги, своевременно ли уплачиваются процентные сборы по определению съезда, в таком ли количестве, как в ведомости съезда, и правильно ли записываются самые сборы и оборотные суммы; при этом объяснить церковному старосте, что процентный сбор с церквей налагается по указу Св. Синода и утверждается преосвященным, и что из этого сбора ни копейки не идет чиновникам консистории, как некоторые крестьяне говорят. — При ревизии сумм у о. благочинного сразу потребовать имеющиеся, не отосланные по назначению деньги, сосчитать при о. благочинном и пометить, потом проверить благочинническую книгу, столько ли по ней, обратив внимание, нет ли остатков от года и, если есть, то перенесен ли в следующий год и вовремя ли отослан. Сверить благочинническую книгу по рапортам денежным от причтов, особенно процентный сбор, имея при этом ведомость, сколько каждая церковь благочиния должна уплачивать, и узнать, все ли записывалось сразу по получении и скоро ли отсылалось благочинным. Просмотреть журнал входящих и исходящих бумаг, узнать исправность исполнения указов консистории по отметкам на указе о времени получения и по отметкам во исходящем и на самом указе о времени исполнения. Узнать, есть ли опись дел архивных и в порядке ли он <архив> и текущее делопроизводство.

Кроме ревизии причтов и о.о. благочинных, необходимо произвести ревизию и монастырей, чтобы узнать духовное состояние их и какие меры принимаются к водворению порядка в монастырской жизни, есть ли библиотека и насколько применима к монашествующим и окружающему населению, и что̀ делается монастырем для просвещения и поднятия благочестия окружающих жителей и приходящих в обитель через проповедь, школу, миссионерство и благотворительность. Наконец, поверить суммы по приходо-расходной и кладовой книгам, а если где постройка, то и по строительной книге. Когда будет принесен ящичек, в котором хранятся расписки на вклады процентных бумаг, то находящееся в нем считать самому ревизующему и потом сверить по кладовой книге. Обратить внимание на богослужение, чтобы оно совершалось неспешно, а по монастырскому уставу, а также на образование церковного хора. Посоветовать подвизаться не только о своем спасенни, но и взяться за подвиг спасения других, каковым духом были крепки прежние монастыри и отсутствие какового повергает монашествующих в беспечность и леность — мать всех по-

роков. Посоветовать, чтобы настоятели и настоятельницы монастырей доносили консистории или преосвященному в годовых отчетах не о постройках и зданиях, а главным образом о духовной жизни и влиянии монастыря. Для контроля над суммами, поступающими от бесчисленных жертвователей через почту непосредственно в монастыри, посоветовать во всех монастырях завести книгу повесток, в которую бы записывались все суммы, получающиеся с почты, с обозначением: кому следуют, от кого и с каким назначением.

IV. Результаты ревизии. Если ревизующему будет удаваться обо всем вышепрописанном узнать, поправить и посоветовать, то это будет настоящая ревизия, и как следует. Ревизия же поверхностная оказывает один вред, давая заключения ошибочные, и благочинный терпится, которого бы давно следовало уволить. При желании, по всем пунктам возможно дать ответы. Должно все записаться ревизующим на месте, подписаться им и причтом и <быть> представлено преосвященному. Тогда, при надлежащей ревизии, будет возможность знать не по бумагам, не по кляузникам о деятельности и бездеятельности причтов, о состоянии духовном паствы каждого прихода епархии, а лицом к лицу. Тогда могут быть приняты меры по всей епархии для нравственного возвышения духовенства и паствы. Состояние прихода и причта будет известно. Когда будет проситься в этот приход другой пастырь, у которого не будет качеств, потребных для плодотворной деятельности в этом приходе, он и не будет назначен, а назначится такой, который будет соответствовать. Таковой наперед будет знать, что̀ за приход, в который он назначается, не по количеству пахотной и сенокосной земли, не по жалованью и доходам, а по духовному состоянию прихожан: их порокам и добродетелям. Приехав в такой приход, он будет действовать не так, как Бог ему на душу положит, а как требует самое положение духовное прихода. Мало того, он будет продолжать дело предшественника доброго добрым путем, а не так, чтобы делать посвоему и разрушать или наоборот делать, чем было у того. И что̀ сделает этот пастырь (не внешнего, а духовного через богослужение, проповедь и пр.), то будет и должно быть известно, так чтобы следующий пастырь опять-таки продолжал дело и развивал нравственно паству. Тогда-то, Богу содействующу, поднимется на высоту дело пастырства.

№ 22,
преосвященного Питирима, епископа Курского,
от 23 ноября 1905 года

По вопросу о разделении православной российской Церкви на митрополичьи округа

I. — В век апостольский, когда Церковь только еще созидалась на своем основании и была повсюду притом управляема самими апостолами, естественно, не могло быть строгого разграничения поместных Церквей. Из Иерусалима — средоточия церковного управления — исходили действия апостольской власти; сюда же другие Церкви обращались со своими нуждами (Деян. 11:22 и др.). Несмотря на это, общества верующих по областям и городам (за пределами Иудеи) однако уже образовали поместные Церкви. Состоя под главным начальством св. апостолов, эти Церкви имели свое отдельное, местное управление; единство начал жизни христианских общин открывало возможность самостоятельного решения некоторых вопросов жизни членами каждой отдельной христианской общины, например, решения церковно-практических вопросов, поставления членов клира и проч. Апостольские послания упоминают о Церквах: Коринфской, Ефесской, Галатийских, Македонских и др. Ясно, что основанием для указанного разделения Церкви являлось гражданское разделение областей и городов Римской империи; в последней мысли нас убеждают те же апостольские послания, из которых ясно открывается, что самые обширные пределы Церкви именуются целыми *округами*, например, Церкви Асийские (1 Кор. 16:19); значительно меньшие — называются *провинциями*, например, Македонские (2 Кор. 8:1); в провинциях Церкви разделяются по *главным городам*, например, Фессалоникская (1 Фес. 1:1), Ефесская (Откр. II, 1) и др. При упомянутых Церквах были свои пастыри и епископы, получившие от св. апостолов должные полномочия (Деян. 20:17; Тит. 1:5). Главные города провинций, в которых находились кафедры епископов, были местом главного управления. В справедливости этого положения нас убеждают апостольские послания, написанные на имя выдающихся городов разных провинций, например, послания в Коринф, Фессалоники и др. Что же касается окружного управления (или областного) отдельных Церквей, в целом их пространстве, то оно, по свидетельству апостольских посланий, сосредоточивалось в *главнейших городах* (столицах) *округов*. Посылая приветствие местной Коринфской Церкви, св. апостол Павел пишет: «Церкви Божией, находящейся в Коринфе, со всеми святыми, по всей Ахаии» (2 Кор. 1:1); и через Коринф тот же апостол нередко делал распоряжения в Ахайских Церквах (1 Кор. 16:1); Коринф же был столицей Ахаии. Ближайшие к апостольским временам церковные писатели свидетельствуют нам, что апостолы, полагая в

разных местах основание христианским Церквам, утверждали свои кафедры чаще всего в главных городах областей и провинций. «Обозрим Церкви апостольские, — пишет Тертуллиан, — где доселе еще кафедры апостольские стоят на своих местах и где читаются подлинные их послания. Если, например, ты живешь близ Ахаии: пойди в Коринф. Если недалеко от Македонии: найдешь там Филиппы, Фессалоники... Если можешь побывать в Асии, там Ефес. Если ты в Италии, там Рим».

Поставляя свои священноначальственные кафедры преимущественно в главных городах языческого мира, св. апостолы тем самым утверждали христианство и полагали фундамент порядку церковного управления. Преемники св. апостолов строго и неуклонно следовали положенным апостолами основаниям церковного управления. Церковное управление целых округов, сосредоточиваясь в главных городах, естественно, получало единство, гармоничность и правильность в своей эволюции; из главных городов областей духовные иерархи, находящиеся в самых близких отношениях к гражданскому правительству, имели возможность оказывать довольно большое и сильное влияние на течение церковных дел в отдаленных епархиях. Столицы представляли больше удобств и для Поместных Соборов, которые в первые века христианства бывали ежегодно. Выражения «предел», «округ», «народ», встречающиеся в Апостольских правилах (14-е, 15-е, 34-е и 35-е), утверждают нас в мысли о том, что каждая страна отдельно образовывала поместную Церковь, в состав которой входило несколько округов, включавших в себя, во-первых, по несколько епископий, и во-вторых — имевших значительную долю самостоятельности в своем управлении (децентрализация); каждая епископия — основная единица церковного управления — служила пределом власти для своего епископа (Апост. пр. 34-е и 35-е). Каждый город с принадлежащими ему селениями составлял особую епископию. Этот распорядок церковного управления имел место в истории христианской Церкви самых первых веков; например, христиане Африки, Египта, Галлии, Италии образовывали в своих странах отдельные Церкви, которые имели, с одной стороны, *важнейшие, первенствующие кафедры* (в Африке — Карфагенская, в Египте — Александрийская, в Галлии — Лионская, в Италии — Римская), с другой — *несколько округов*, включавших в себя по несколько епархий, например, в Африке — Мавританские, Нумидия и др.; в Египте — Ливия, Фиваида и др. Африканские округа и епархии и их епископы находились в подчинении епископу Карфагенскому; Египетские — Александрийскому; Галльские — Лионскому; Итальянские — Римскому (II Всел. Соб. пр. 2-е). Отсюда очевидно, что вышеуказанный распорядок церковного управления шел рука об руку с гражданским разделением областей и городов, первый вполне соответствовал последнему, совпадал с ним; это обстоятельство всегда было принимаемо за правило; «Аще царскою властию вновь устроен, или впредь устроен будет град», — гласят правила Вселенских Соборов, — «то распределение церковных приходов да последует гражданскому и земскому порядку» (IV Всел. Соб. пр. 17-е; VI Всел. Соб. пр. 38-е). Совокупность епископий составляла церковный орга-

низм. Дела, выходящие за пределы епископий, *подлежали ведению и решению собора епископов* (Апост. пр. 34-е). Собор епископов, во главе с митрополитом, — основная каноническая форма правления тем или другим церковным округом, — должен был составляться сначала два раза, а потом один раз в году (Апост. пр. 37-е; I Всел. Соб. пр. 5-е; IV Всел. Соб. пр. 19-е; VI Всел. Соб. пр. 8-е; VII Всел. Соб. пр. 6-е). Пастыри Церкви, занимавшие апостольские кафедры — «matrices et originales fidei», пользовались в церковном управлении особенным уважением. Гражданская важность самых городов в тогдашнем мире навсегда упрочила пастырям их преимущества чести и власти (Апост. пр. 34-е). *С начала IV века епископы главных городов получили название митрополитов.* I Вселенский Собор, утверждая преимущества первенствующих епископов, положительно усвояет им титул митрополитов (4-е, 6-е и 7-е пр.). Из 6-го и 7-го пр. I Всел. Собора видно, что в древней христианской Церкви было четыре выдающиеся митрополии, именно — в Александрии, Антиохии, Риме и Кесарии, объявленной в гражданском отношении столицей Палестины. Были митрополии и в других областях (2-е пр. II Всел. Соб.; 8-е пр. III Всел. Соб.).

Митрополитам предоставлены церковными канонами следующие права: 1) митрополит имел начальственное наблюдение за церковным порядком и благоустройством всей подчиненной ему провинции (Апост. пр. 34-е; Антиох. Соб. пр. 9-е). 2) Ему принадлежала особая забота о праздных епископских кафедрах, управление их делами, главное участие в избрании епархиальных епископов и власть решительного утверждения выборов; избрание епископа, совершенное против воли митрополита, не считалось действительным (I Всел. Соб. пр. 4-е, 6-е; Антиох. 19-е). 3) Митрополит, вместе с епископами области, рукополагал каждого епископа (те же правила и IV Всел. Соб. пр. 25-е, 28-е). 4) Имел голос в решении всех церковных дел целой области, и этим голосом преимуществовал перед всеми другими епископами, начальствовавшими только в своих епархиях (Апост. пр. 34-е; Антиох. Соб. пр. 9-е; Двукр. 14-е). 5) Он имел право созывать Поместные Соборы и председательствовать на них, соборные решения, без участия в них митрополита, не имели законной силы (IV Всел. Соб. пр. 19-е; Антиох. 16-е, 20-е). 6) Он принимал жалобы и доносы на епископов и установлял порядок судопроизводства над ними (II Всел. Соб. пр. 6-е; IV Всел. Соб. пр. 9-е; Карф. Соб. 28-е; Антиох. 14-е). 7) Принимал апелляции на суд епископский, даже согласный суд многих епископов (Карф. 11-е, 37-е, 139-е; Сард. 14-е; IV Всел. Соб. 9-е). 8) Подчиненные ему епископы должны были возносить в молитвах его имя (Двукр. 14-е). 9) Вообще, они ничего особенно важного не могли предпринимать в делах церковных без согласия митрополита (Апост. пр. 34-е; Антиох. 9-е). 10) Митрополит имел право посещения или обозрения всех епархий своей области (Карф. 63-е). 11) Из духовных лиц никто не мог являться к царскому двору (даже по важным делам) без дозволения митрополита и грамот за его подписью (Антиох. пр. 11-е; Сард. пр. 9-е). 12) Митрополит обнародовал в своей области царские постановления по делам церковным.

Новое административное деление (с перенесением столицы из Рима в Византию), сделанное императором Константином Великим, сообщило церковному управлению строгую определенность. Кроме разделения империи на две половины — восточную и западную, император Константин Великий составил из нее четыре главные префектуры: Восточную, Иллирийскую, Италийскую и Галльскую. Каждая префектура имела в себе по несколько округов (διοικήσεις), а каждый округ — по несколько градоначальств или провинций (ἐπαρχία), а градоночальство — многие города или уезды (territorium, παρκκίκ). Восточная префектура заключала в себе пять округов: Восточный (главный город — Антиохия), Египетский (Александрия), Азийский (Ефес), Понтийский (Кесария) и Фракийский (Константинополь). II Вселенский Собор, утверждая права митрополитов, принятые на I Никейском Соборе, соображает уже пространство митрополий с новым устройством империи. «В системе греческого церковного управления митрополит соответствовал гражданскому губернатору, а подчиненные епископы — уездным светским начальникам. Каждый уездный город имел своего епископа; власть последнего простиралась только на город и уезд. Каждый губернский город имел своего митрополита; власть последнего простиралась на все епископии, которые входили в состав гражданской губернии». Вследствие нового разделения областей империи знатнейшие в последней города — Антиохия, Александрия, Ефес и Кесария (митрополии) делались уже столицами не отдельных провинций (епархий), а целых округов. Отсюда и в церковных делах епископы-митрополиты означенных столиц пользовались преимуществами места и чести перед другими митрополитами того же округа и стали называться экзархами (Сард. Соб. пр. 6-е). С течением времени экзархи возымели большое влияние на целые округа. Решения местных соборов не всегда достигали своих целей; недовольные часто обращались к светским судьям и к самим императорам. Вследствие этого Халкидонский Собор (451 г.) утвердил полномочную власть старейших из областных митрополитов над целыми округами, назвав их (митрополитов) экзархами великия области (всех окружных епархий) или патриархами (IV Всел. Соб. пр. 9-е и 17-е). Следовательно, новый гражданский административный распорядок отразился нововведением и в церковном управлении; явилась новая инстанция церковного управления, соответствующая гражданскому диоцезу, которая сначала называлась экзархатом, а потом получила имя патриарха (IV Всел. Соб. пр. 17-е и 19-е). Патриарху принадлежала высшая церковная и судебная власть над всеми без исключения духовными лицами и частями его округа (IV Всел. Соб. пр. 9-е, 17-е и 28-е). На Востоке образовалось четыре патриархата (VI Всел. Соб. пр. 36-е). Патриархи управляли своими округами не единолично, но при содействии состоявших при них синодов. В отличие от соборов митрополичьих, собиравшихся два раза в году, патриаршие синоды были постоянные.

Итак, анализ апостольских посланий, церковных канонов и церковно-исторических данных приводит нас к таковому выводу: в древней христианской Церкви действительно существовали митрополичьи округа. Организация ми-

трополичьих округов не сразу определилась, а выработалась постепенно, получая изменения на протяжении истории христианской Церкви. Основные черты ее в первое время были следующие: в основу внешнего разделения Церкви на митрополичьи округа было положено начало территориальное. Христианские общины и епархии, объединенные природными условиями жизни, составляли округ. Впоследствии это начало было несколько изменено в пользу административного, мало, впрочем, отличающегося от территориального начала. Другой, чисто внешней чертой организации митрополичьих округов было обилие входящих в его состав епископий и приходов, обусловливавшее представительное начало при митрополите от сравнительно небольшой группы христиан. Что же касается внутренней организации митрополичьих округов, то она характеризуется следующими чертами: власть в древней христианской Церкви, опираясь на представительное, соборное начало, основывалась не на внешнем своем авторитете, а на внутренней силе, содержимой всей Церковью Христовой, истины и благодатной помощи Св. Духа, живущего во всем организме Церкви. Существование в древней христианской Церкви митрополичьих округов есть выражение общего начала, лежащего в основе управления древней Церкви, — значительной самостоятельности местного управления (децентрализация). Самоуправление древних поместных Церквей, являющееся основой соборности, — результата выборного начала, лежавшего в основе строя жизни древней Церкви. Соборный строй и соборное решение церковных вопросов возможно только при признании свободного суждения, права голоса за каждой поместной Церковью (и христианской общиной), как носительницей Христовой истины, как частью тела Христова. Отсюда власть главы митрополичьего округа была представительная, а не абсолютная. Ограничения власти митрополита были таковы: 1) он не должен был простирать свою власть далее пределов своей области (II Всел. Соб. пр. 2-е; III Всел. Соб. пр. 8-е); 2) в делах, касающихся области, ничего не мог делать без общего рассуждения и согласия епископов своего ведомства (Апост. пр. 34-е; Антиох. пр. 9-е); 3) в случае разногласия дела решались не его голосом, но большинством других голосов (I Всел. Соб. пр. 6-е; Антиох. пр. 9-е, 19-е); 4) не мог непосредственно судить епископа без собора (Апост. прав. 74-е; Антиох. 14-е; св. Кирилла пр. 1-е); 5) сам был поставляем и судим собором своих епископов (III Всел. Соб. пр. 1-е; Сард. пр. 6-е); 6) суд митрополита, данный обще с его местным собором, подлежал апелляции к большему областному собору или (впоследствии) к патриарху (II Всел. Соб. пр. 6-е; IV Всел. Соб. пр. 9-е, 17-е; Антиох. 11-е, 12-е). Предметами, подлежащими ведению митрополичьего собора, были поместные нужды церковной жизни, не затрагивающие общецерковных вопросов. Эти местные нужды, при естественной внимательности к ним заинтересованных лиц, ими самими обсуждались и решались на соборе. По вопросам общецерковным представители митрополичьего округа имели право голоса на Поместном Соборе епископов всех округов.

Что же касается причин, обусловивших появление митрополичьих округов, то об этом должно сказать следующее: пространственное разделение по-

местных Церквей, влекшее за собой неудобство для членов Церкви в отношении личного общения (мысли), и различие национальности — естественно способствовали обособлению одной поместной Церкви или христианской общины от другой (с сохранением, разумеется, полного братского единения между собой), оставляя каждой из них самостоятельность в отношении своего управления. Местные нужды и запросы разных христианских общин, требовавшие благовременного удовлетворения и разрешения, также способствовали появлению митрополичьих округов (децентрализации) в древней христианской Церкви. Вот каковы основные черты организации митрополичьих округов в древней христианской Церкви и причины, обусловившие появление означенных округов.

II. — Обращаясь от организации митрополичьих округов в древней христианской Церкви к истории православной Российской Церкви, находим следующее. Православная российская Церковь до 1589 года была митрополией Константинопольского патриархата. Константинопольский патриархат предоставил Русской митрополии все основные особенности организации митрополичьего округа. Православная российская Церковь имела значительную долю местного самоуправления, правда, довольно урезанного под влиянием идей византизма, царившего в это время на православном Востоке. Православная российская Церковь имела право созывать Поместные Соборы. Впоследствии (после падения Константинополя в 1453 году) она получила право поставления русского митрополита не в Константинополе, а в России, и даже титул патриархата (в 1589 году). Со времени введения патриаршества замечается некоторый подъем церковной жизни. В это время явилась мысль организовать русский патриархат по образцу патриархатов древней христианской Церкви. *На Соборе 1667 года восточные патриархи предлагали разделить православную российскую Церковь на митрополии* и подчинить епископов ведению митрополитов, *согласно с правилами древней Церкви*: подобное же предложение сделал царь Феодор Алексеевич на Соборе 1682 года, но осуществления этого желания не последовало до наших дней. Напротив, патриарх Никон, слишком увлекшись идеей византийского абсолютизма, направил своей деятельностью историческое течение жизни православной российской Церкви к уничтожению и тех немногих особенностей канонического строя, какие были приобретены до него. Реформой Петра I (25 января 1721 года) православная российская Церковь снова была поставлена в положение митрополичьего округа со Святейшим Синодом, вместо митрополита, во главе (в древнем смысле). Носителями идеи соборности и децентрализации остались одни только епархиальные архиереи, в количестве весьма недостаточном для того, чтобы быть представителями духовных нужд огромного православного населения России. Вместо децентрализации и соборности, в основу жизни православной российской Церкви легла с этого времени идея *самой строгой централизации*, почти совершенно исключающей местное самоуправление. Во главе православной российской Церкви стал правительственный орган коллегиальный, но ни в каком случае не соборный и представительный. Самостоятельная деятельность этого правительственного органа со-

вершенно парализована близким, решающим участием государственной власти в делах Церкви и отсутствием средств для проведения своих решений в жизнь. Лишившись основного канонического строя, российская православная Церковь не могла уже сохранить тех проявлений церковной жизни, которые вытекают из основного начала — соборности. Со времени синодального управления в православной российской Церкви не было ни одного Поместного Собора. Епархиальные съезды, по-видимому, представляющие явление соборного характера, не имеют его в действительности. Их постановления касаются чаще всего чисто внешней стороны епархиальной жизни и, при общем бюрократическом строе Церкви, почти никогда не имеют жизненного значения. В приходской жизни начало соборности также парализовано. Приход не представляет юридической единицы; поэтому ему, даже при желании, никакая широкая деятельность на пользу Церкви недоступна. Но желание действовать требует не только возможности действовать, но и почвы для своего возникновения. А лишение соборности и самостоятельности угашает и самый дух христианской любви. Остается только чисто внешняя бюрократическая деятельность. В современной православной российской Церкви она получила широкий расцвет. В нее, как в единственное русло, влилась большая доля энергии членов православной российской Церкви, в форме бумажной переписки и судебных дел.

В состав православной российской Церкви вошла иверская Церковь, бывшая в течение некоторого времени *автокефальной*. Основанная в IV веке, она первоначально состояла в ведении Антиохийского патриарха, но скоро сделалась автокефальной, и глава стал именоваться католикосом всея Иверии. В V веке царь грузинский Вахтанг I положил начало автокефалии грузинской Церкви, настоятельно испросив у Антиохийского патриарха то, чтобы высшее духовенство в Грузии состояло из природных грузин, а не греков, как было до него. По свидетельству греческого историка Прокопия, попечение императора Юстиниана I (482—565) о благе Церкви в Иверии сказалось в том, что он согласился утвердить за главными иерархами ее право независимости (αὐτοκεφαλό) управления их своей Церковью, исключая дел важнейших, касавшихся единства веры, когда они должны были относиться к Константинопольскому патриарху и императору (ист. Прокопия кн. IV гл. 3. de bello Gothico; Истор. христ. в России до равноап. Владимира, с. 154, 1846 г.). Антиохийский патриарх Феофилакт (из эдесских священников, 744—750) с согласия собора рукоположил одного из приехавших в Антиохию абхазцев, по имени Иоанна, в католикосы с постоянным жительством в Абхазии. Это был первый католикос, назначенный для абхазцев. При абхазском царе Феодосии I (806—845) также появились в Абхазии самостоятельные католикосы. Антиохийский патриарх Феодор (970—975) разрешил тогдашнему католикосу Грузии варить у себя св. миро («Грузия в XVII ст. по изображению патр. Макария» в перев. с арабск. яз. П. Жузе). С 1783 г. Грузия отдалась под покровительство России; грузинская Церковь была подчинена Св. Синоду (лишение автокефальности). С этого времени она подчинилась общему церковному строю.

Для освобождения православной российской Церкви от того неканонического и крайне стеснительного состояния, в котором она находится в наше время, возможен один путь. Необходимо возвратить ей утерянное начало соборности, за которое говорят и каноны Церкви (Апост. пр. 37-е; I Всел. Соб. пр. 5-е; IV Всел. Соб. пр. 11-е; VI Всел. Соб. пр. 8-е; VII Всел. Соб. пр. 6-е) и церковная история, и провести это начало во все формы церковной жизни. Актом такого возвращения Церкви канонического начала соборности и самоуправления будет, между прочим, и разделение православной российской Церкви на митрополичьи округа. При введении в православной российской Церкви митрополичьих округов необходимо сохранить все основные черты их внешней и внутренней организации, указываемые канонами Церкви и проверенный историей древней христианской Церкви. Именно — православную Российскую Церковь необходимо разделить на митрополичьи округи, руководствуясь при этом географическими, историческими и этнографическими основаниями. По означенным основаниям удобнее всего разделить Россию на *следующие церковные округа*: 1) Северно-Русский или Новгородско-Петербургский (включая сюда православные финляндские и остзейские Церкви); 2) Великорусский — Московский; 3) Южно-Русский — Киевский; 4) Кавказский — Тифлисский; экзарху Грузии должно предоставить особые права над епархиальными епископами Кавказа, причем, во внимание к бывшей в течение некоторого времени автокефальности иверской Церкви, этой последней следовало бы возвратить автокефальность; 5) Западно-Русский — Виленский (включая сюда православные Церкви, помещающиеся в бывшей Польше); 6) Восточно-Русский — Казанский (епархии поволжские, уральские); этот обширный по пространству и разносоставный по населению округ можно разделить на два; и 7) Азиатско-Русский — Сибирский. В последнем округе можно увеличить число епархий и с течением времени разделить этот округ на две половины: Восточно-Сибирскую и Западно-Сибирскую. Необходимо увеличить число епархий, которые войдут в митрополичьи округа, и число викарных архиереев с самостоятельной деятельностью, насколько таковая возможна при наличности одной консистории в целой губернии. Это необходимо с той целью, чтобы епископы, составляющие митрополичьи соборы, могли быть, во-первых, действительными свидетелями местных церковных нужд и, во-вторых, — действительными представителями этих нужд и борцами за них. Увеличение числа викарных архиереев необходимо также и в видах устранения неудобств, представляемых во многих отношениях нашими обширными (по пространству) епархиями в Сибири и в некоторых местностях (в таких местах должно быть дробное разделение приходов и епархий) на севере и на востоке европейской России.

Святейший Синод необходимо возглавить, чести ради Российского государства, патриархом со всеми каноническими полномочиями областного митрополита.

Митрополичьему собору должно передать все дела по местным вопросам, с правом окончательного решения их. Мысль о передаче местных дел органу

местного самоуправления — митрополичьему собору — опирается на слишком большую централизацию церковно-административных дел в С.-Петербург, где эти дела по необходимости иногда встречают формальное отношение, при неосведомленности столичного управления о некоторых обстоятельствах провинциальной жизни и о самих лицах, касательно которых приходится что-либо решать. Другая польза от устройства митрополичьих округов будет с точки зрения судебно-апеллятивной: митрополичий Собор должен будет рассматривать жалобы на архиереев в присутствии самого обвиняемого. В настоящее время Святейший Синод, стараясь поддерживать авторитет епископов, затрудняется над ними производить следствие через уполномоченных лиц, а потому всякие неправильные действия епископов остаются без всякого вменения. Изменить такого рода положение дел весьма трудно, ибо Святейший Синод, не обладая иным способом, кроме бумажного, должен или поддерживать вышеуказанную практику, или подвергать епископа юридической каре, что̀ совершенно может расстроить епархиальную дисциплину и поощрять уже и без того укоренившуюся страсть к доносам со стороны недостойных клириков. Напротив, рассмотрение жалобы в присутствии обвиняемого гораздо удобнее раскроет сущность дела и даст возможность восстановить справедливость, не унижая авторитета обвиняемого епископа, а епархию оградить от повторения подобных неправильных действий епископа, хотя бы и не противоречащих прямо и открыто букве закона, например излишней грубости обращения, недоступности, светского образа жизни, или — напротив — попустительства, допущения временщиков и т. и.; по поводу подобного рода действий епископа митрополичий собор «таковому братолюбно скажет слово прещения» (19-е пр. IV Всел. Соб.).

Вопрос о том, какие дела из ведения Св. Синода передавать митрополичьему собору, выяснится на Поместном Соборе. Так как митрополичьи соборы будут непостоянным учреждением и немноголюдным, по два раза в год, то Святейший Синод всегда будет иметь возможность передавать на решение таковых соборов все дела, какие сам заблагорассудит, а постоянному ведению митрополичьих соборов можно вручить, во-первых, утверждение в должности некоторых административных лиц епархии, во-вторых — лишение сана клириков по приговору епархиальных начальств, причем должно освободить лишенных сана от всех гражданских ограничений и подвести их под те правила, которые существуют в государственном законодательстве для добровольно снимающих с себя сан, а таковое добровольное снятие сана совершенно упразднить, как противоречащее православному понятию о благодати священства и подвергающее отступника по 7-е пр. IV Всел. Собора отлучению. Вдовых священников, не могущих обойтись без сожития, и клириков, впавших в сомнение о вере, должно лишать сана, не подвергая гражданским ограничениям. Дела о разводе супругов тоже можно изъять из высшего церковного управления и передать в епархиальное, апелляции же по ним — на митрополичий собор, как на окончательную инстанцию. По смыслу законов, митрополичий собор ведает избрание епископов; но, ввиду немногочисленности кандидатов

на архиерейский сан в каждом округе и немногочисленности епархий, входящих в состав округа, дело это следует оставить в России за высшим церковным учреждением, т. е. за патриаршим Синодом. — При митрополите, заведующем целым округом, должен быть епископ (в качестве викария), который должен помогать митрополиту в управлении делами епархии, в которой находится окружной город, и управлять епархиальными делами в случае отсутствия митрополита. Викарных епископов (увеличение числа которых весьма желательно, в особенности — в обширных по пространству и с густым населением епархиях) должно поселить *в городах, коими обозначается их титул*, и предоставить им в одном или нескольких уездах полную самостоятельность, насколько таковая возможна при наличности одной только консистории в целой губернии.

№ 23,
преосвященного Константина, епископа Самарского,
от 30 ноября 1905 года

О составе ожидаемого Собора Всероссийской Церкви

Христианская Церковь не есть царство от мира сего (Ин. 18:36); потому и власть ее образовалась, поддерживается и действует в своем управлении не так, как власти земные. Церковь есть общество, особенным — благодатным образом управляемое Богом. Господь наш Иисус Христос как Верховный Владыка определил в Церкви различные служения (1 Кор. 12:5), т. е. поставил на первом месте апостолов, за ними пророков и евангелистов, потом пастырей и учителей (Еф. 4:11). Дух Святый, по мере благоволения Христова (4:7), разделяет каждому из них Свои дары для общей пользы и действует, при сем разделении, по Своей недоведомой воле (1 Кор. 12:7, 11). Впрочем, все и во всех производит один и тот же Триединый Бог (12:6). Такой союз земной Церкви с Небом будет существовать до скончания века (Мф. 28:20).

Без воли и указания Божия нельзя восхитить в Церкви никакого служения (Евр. 5:4). Чем выше служение, тем яснее должно быть божественное призвание, и наоборот, чем открытее божественное призвание, тем обширнее власть, сообщаемая лицу, призванному на известное служение. — Совокупность власти, разделенной между лицами, Богом призванными на служение Христовой Церкви, составляет, собственно, так называемую власть церковную. Обыкновенно власть церковная действует через особо избранных лиц, именно — через иерархию, которым вообще вменяется в обязанность иметь попечение о народе (Апост. пр. 36-е); в важнейших же случаях власть церковная сосредоточивается в соборах. — Соборы образуются преимущественно из епископов, частью из пресвитеров и из мирян (Деян. 15:2, 4, 6, 22, 23), о чем скажем ниже подробно.

Высшая власть принадлежит Вселенскому Собору, который имеет авторитет божественный. Его определения, касающиеся догматов веры, почитаются равно непогрешимыми, как постановления и предания апостольские (см. посл. I Всел. Соб. к еписк. африканским и посл. св. Григория Богосл. к Иоанну, еписк. Констант.). Власть его простирается на весь христианский мир (см. 118 посл. блаж. Августина к Януарию). Приговоры его не отменяются (см. Созом. 2:29).

В поместной Церкви высшая власть принадлежит Поместному Собору, каковые собирались для рассуждения о догматах веры и для разрешения сомнительных случаев и прекословий, бывающих в частных Церквах (см. 34-е и особенно 37-е пр. св. Апостол).

Власть Поместного Собора простирается только на ту Церковь или область, епископы которой составляли Собор. Решения его также носят на себе печать божественного вдохновения (см. посл. Африканского Собора к п. Цел.). Поместные соборы должны быть дважды в год (Апостольское правило 37-е: «Дважды в году да бывает Собор епископов, и да рассуждают они друг с другом о догматах благочестия и да разрешают случающиеся церковные прекословия». То же I Всел. Соб. 5-е пр., IV Всел. Соб. 19-е, Антиох. Соб. пр. 20-е и др.); или, по крайней мере, однажды в год («Всемерно быти собору епископов единожды в лето» — VI Всел. Соб. пр. 8-е. То же см. VII Всел. Соб. пр. 6-е). Из кого же состояли и из кого должны составляться Соборы?

Если мы обратимся к каноническим правилам, которыми предписывается пастырям Церкви обязательно собираться дважды или однажды в год на Собор, то найдем, что везде говорится о Соборе только епископов. Так, в 37-м пр. св. апостол: «Дважды в году да бывает Собор епископов, и да рассуждают они друг с другом о догматах благочестия и да разрешают случающиеся церковные прекословия». Канонисты, толкуя это правило, пишут: «Дважды в год епископы должны сходиться для рассуждения о делах и о догматах» (Аристин, ст. 71); «для церковных вопросов, какие могут встретиться в разных странах, признано необходимым, чтобы епископы собирались».

Антиохийский Собор (бывший в 341 г.) 20-м правилом: «Ради нужд церковных, за благо признано быти в каждой области Соборам епископов». Толковники только добавляют, что собор епископов должен иметь во главе своего митрополита.

Карфагенский Собор (351 г.) в правиле 14-м, рассуждая о «Триполе», повелевает из этой области вызывать на Собор «одного местоблюстителя епископа», не упоминая о других каких-либо лицах. Об епископах, как только членах Поместного Собора, говорится в 141-м и 142-м правилах того же Собора.

В 27, 84, 87 и 106-м правилах того же Собора предписывается первенствующим епископам посылать на Соборы, в местоблюстители, только епископов.

Так и Лаодикийский Собор (364 г.), 40-м правилом, членами Соборов именует «епископов».

Обратимся ко Вселенским Соборам. Первый Вселенский Собор 5-м правилом: «Чтобы в каждой области дважды в год были Соборы; чтобы все вообще епископы области, собравшиеся воедино, исследовали недоумения».

Четвертый Вселенский Собор правилом 19-м определяет: «Согласно с правилами св. отец, чтобы в каждой области епископы дважды в году собирались воедино, где назначит епископ митрополии, и исправляли все, что̀ откроется».

Шестой Вселенский Собор правилом 8-м повелевает: «Быти ежегодно Соборам епископов… всемерно быти Собору вышереченных епископов».

Седьмой Вселенский Собор правилом 6-м: «Подобает быти каноническим исследованиям посредством собрания епископов». Зонара в толковании на это

правило говорит: «Ибо архиереи, собиравшиеся на Собор, исследовали, совершалось ли все это в их странах, и согласно ли с божественными заповедями живут люди».

Таким образом, из рассмотрения правил св. апостол, Вселенских и Поместных Соборов видно только, что где говорится о Соборе, там упоминаются только епископы одни, как члены Собора.

Но, упоминая только о Соборе, как о Соборе епископов, — мне кажется, — церковные каноны не исключают и пресвитеров и мирян, как участников Собора, хотя бы с правом голоса совещательного, а не решающего, ибо, по церковным канонам, епископ — все: ему и, именно, ему одному вверены люди Господни (39-е пр. св. Апост.).

А что действительно пресвитеры и миряне участвовали на Соборах и с правом голоса, это видно из следующего.

Первый Собор, как образец для всех, был собор Апостольский, о котором повествует книга «Деяний святых апостол». На этом Соборе, совместно с апостолами, участвовали в обсуждении вопроса об обязательной или необязательной силе обрядового Моисеева закона — и пресвитеры и братия, т. е. верующие миряне: «Апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения сего дела» (Деян. 15:6); «Апостолы и пресвитеры со всей Церковью рассудили... послать в Антиохию с Павлом и Варнавою именно Иуду и Силу, написавши и вручивши им следующее: «Апостолы и пресвитеры и братия»... (22—23 ст.). Итак, сами апостолы не желали усвоять исключительно себе право произносить решительный приговор там, где со стороны упорных могли возникнуть прекословия, и, почитая Духа Божия, живущего и в пресвитерах богоуправляемой Церкви, собрали на Собор и их и братию и посредством общего рассуждения решили вопрос, касавшийся обрядового закона Моисеева.

На многих Соборах африканской Церкви в III веке вместе с епископами участвовали и пресвитеры (клир) и миряне. Так было на Соборе по вопросу о крещении еретиков (твор. св. Киприана, т. I, с. 267). По вопросу о падших Киприан необходимо требовал соборного рассуждения, при участии пресвитеров и мирян. Сообщая римскому клиру и народу о своем намерении — по прекращении Декиева гонения — на соборе расследовать дело о падших, Киприан говорил, что он положил за правило ничего не делать по своему частному усмотрению, без совета клира и народа. И римская Церковь вполне одобрила намерение этого св. отца. «Как приятна нам твоя мысль, — пишет ему римский клир, — которую ты и прежде высказывал, что в столь важном деле о падших нужно рассуждать епископам, передавая на рассмотрение свое мнение пресвитерам и народу» (твор. Киприана, т. I, с. 136 и 221). Римский клир при этом выражает мысль, что соборное определение, при участии пресвитеров и мирян, будет тверже, если оно основывается на согласии большинства и народа.

Обратимся к Вселенским Соборам. На первом Вселенском Соборе, в качестве секретаря и помощника епископа Александра, присутствует св. Афанасий и принимает деятельное участие в спорах с арианами.

На втором Вселенском Соборе, что̀ видно из актов Собора, присутствовали пресвитеры, причем некоторые из них были заместителями своих епископов и, как таковые, даже подписывали определения Собора.

Помимо того, на Соборах обязательно присутствовали «нотарии», секретари съезда, имеющие сан пресвитеров и диаконов; причем «нотариями» были лица, знакомые с церковными вопросами и обладавшие в той или иной степени богословскими знаниями. «Нотарии» разделялись на две категории: были официальные нотарии, обязанные записывать все, что̀ будет сказано или прочитано на Соборе, и неофициальные, сопровождавшие того или другого епископа, члена Собора. Деятельность нотариев-пресвитеров не ограничивалась только записыванием всего того, что̀ говорилось и читалось на Соборе. Они созидали и самые акты Собора наравне с другими членами Соборов и даже более того. Так, мы видим на III Вселенском Соборе «нотария»-пресвитера Петра, принимавшего большое участие и в соборных суждениях. Его словами открывается первое заседание Собора, словами, в которых он кратко излагает предмет, которым должны будут заняться отцы Собора, именно — в них указывалось появление еретика Нестория. Затем, он же предлагает прочитать имеющуюся в его руках Высочайшую грамоту, касающуюся открывающегося Собора. По предложению его же читается одно послание св. Кирилла к Несторию, — причем он же делает краткую оценку учения Константинопольского патриарха, называя это учение неправильным мудрованием. Он же обращается к епископам, посылавшимся к Несторию пригласить его на Собор, с требованием от них отчета об исполнении возложенной на них миссии. Он же предложил прочитать на Соборе важнейшие места из творений св. отец, могущие служить к опровержению Несториева заблуждения, и т. п. На IV Вселенском Соборе видим архидиакона Аэция, который как «нотарий» читает некоторые документы на Соборе; он же передает секретарю императорской Консистории знаменитое послание папы Льва к Флавиану; он же выступает с некоторыми докладами от челобитчиков и от епископов, отправлявшихся к Диоскору для вызова его на заседание Собора. Подобное можно указать и на других Соборах.

Потом: каждый епископ, как член Собора, имеет право иметь при себе во время заседаний нескольких «нотариев» из своих клириков, которые для своего епископа записывали все, что происходило и что̀ говорилось на Соборе (см. Деян. Всел. Соб., т. III). Лишить епископа, члена Собора, права иметь при себе своих «нотариев» считалось преступлением со стороны того, кто отважился бы на это (см. Деяния Халкидонского Собора).

Если мы обратимся к последнему, седьмому Вселенскому Собору, то увидим, что на оном, с правом голоса, присутствовали не только пресвитеры, но и иноки, с мнениями и голосом которых считался председатель Собора — св. Тарасий.

Если обратимся к истории русской Церкви, то тоже увидим, что на Соборах, вместе с главными и первыми членами — епископами, присутствовало и низшее духовенство. Знаменитый «Стоглавый» Собор 1551 года разве состоял

из одних только епископов? Нет, на нем присутствовали и «архимандриты и игумены и попы и весь освященный Собор». Собор 1660 г. в качестве членов имел архимандритов и иеромонахов и белое духовенство.

На знаменитых Соборах 1666 и 1667 гг. присутствовали, и с правом голоса, архимандриты, игумены, иеромонахи и священники (см. Материалы т. II и Деяния сих Соборов). Таким образом ясно, что участие на Соборах высшего клира, пресвитеров и мирян — не противно церковным канонам; но участие это должно, по-моему, выражаться только в совещаниях, в исследовании того или иного вопроса. Окончательное же решение должно принадлежать епископам. Право назначения и выбора пресвитеров на Собор должно быть представлено только одним епископам; равно, приглашение мирян, особенно из лиц, отличающихся своими познаниями в области богословия, церковного права (канонов) и церковной истории, должно быть только от лица епископов.

По вопросу о разделении Церкви русской на округа под управлением митрополитов

Установление точки зрения на предмет. Нет сомнения, что переустройство церковного управления, имеющее быть предметом обсуждения и определений Собора всероссийской Церкви, должно совершиться в пределах, определяемых канонами Христовой Церкви. Но и церковная история и самые каноны Церкви свидетельствуют, что — в этих пределах — формы церковного управления изменялись сообразно потребностям места и времени. Потому и перемены в порядках церковного управления, имеющие быть предметом обсуждения на Поместном Всероссийском Соборе, прежде всего должны быть обоснованы на канонах Церкви, но при этом должны удовлетворять и потребностям места и времени. Эти потребности и должны указать, в каком периоде церковной истории должно ныне искать наиболее желательный тип церковного устройства и управления из числа различных типов, определяемых церковными правилами: желать ли восстановления полной автономии частных Церквей, как это было в век апостольский; видеть ли идеал церковного устройства в объединении нескольких епархий в церкви областные и национальные авторитетом преемников апостольских; в объединении ли областных церквей под властью архиепископов или патриархов, занимавших престолы в городах, бывших некогда столицами целых царств (Рим, Александрия, Антиохия Сирская, Карфаген); или, наконец, признать наиболее соответствующим современным потребностям Церкви тип управления последний по времени происхождения — объединение национальных Церквей, объемлющих целые государства властью постоянного Собора епископов (Синоды: Всероссийский, Эллинский, Румынский). Все эти типы церковного устройства и управления каноничны, как имеющие основание в канонах самой Церкви; но каждый может сделаться антиканоничным в историческом его осуществлении, если древние формы и термины окажутся лишенными существенного своего содержания.

Древнейшие каноны церковные относительно предмета рассуждения. Областно-митрополичий тип церковного устройства и управления устанавливается древнейшими по времени происхождения канонами — правилами Апостольскими и Собора Антиохийского (341 г.):

Прав. Ап. 34-е	Антиох. 9-е
Епископам всякого народа подобает знати первого из них, и признавати его, яко главу,	В каждой области епископам должно ведати епископа, в митрополии начальствующего, и имеющего попечение о всей области, так как в митрополию отовсюду стекаются все, имеющие дела. Посему рассуждено, чтобы он и честию преимуществовал, и чтобы прочие епископы ничего особенно важного не делали без него, по древле принятому от отец наших правилу, кроме того токмо, что̀ относится до епархии, принадлежащие каждому из них, и до селений, состоящих в ее пределах. Ибо каждый епископ имеет власть в своей епархии, и да управляет ею с приличествующею каждому осмотрительностию, и да имеет попечение о всей стране, состоящей в зависимости от его града, и да поставляет пресвитеров и диаконов, и да разбирает все дела с рассуждением. Далее же да не покушается что̀-либо творити без епископа митрополии, а также и сей без согласия прочих епископов.
и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения, творити же каждому только то, что̀ касается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих.	
Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех, ибо тако будет единомыслие и прославится Бог о Господе во Святом Духе.	

Пределы власти епархиального архиерея. Собор Антиохийский, комментировавший в своем 9-м правиле 34-е правило апостольское, устанавливает самостоятельность власти епископской («каждый епископ имеет власть в своей епархии» — равноправность епископов) и в то же время изъемлет из власти епископа дела «особенно важные». Но так как «особенно важный» есть

понятие относительное, то, очевидно, этим соборным правилом не определяются границы власти епископа с точностью. Оно дает только епископу возможность — по собственному его почину воздержаться от единоличного решения в деле, которое он сочтет особенно важным. Соответствующее выражение правила апостольского, внушающее епископам «не творити без рассуждения» главного епископа области «ничего превышающего их власть», указывает путь к точному определению пределов этой власти: власть епархиального архиерея превышает то, что̀ составляет компетенцию главного епископа области с «рассуждением» и «согласием» «всех прочих епископов» той же области, т. е. областного Поместного Собора.

Предметы действия областного Собора. Поместный Собор, по определению канонов, есть всякое собрание нескольких епископов области по делам церковного управления (I Всел. Соб. 5-е). Собор, на котором председательствует главный епископ области или митрополит, и присутствие на котором обязательно для всех епископов области (I Всел. Соб. 5-е; IV Всел. Соб. 19-е; Карф. 87—88-е; VI Всел. Соб. 8-е), есть «совершенный» или «всецелый Поместный Собор» (Апост. 37-е; I Всел. Соб. 5-е; IV Всел. Соб. 19-е; VI Всел. Соб. 8-е; VII Всел. Соб. 6-е; Антиох. 20-е; Карф. 27-е и 106-е). Предметы занятий областного Собора в канонах церковных излагаются так: он вообще благоучреждает дела (всей) области (II Всел. Соб. пр. 2-е); в частности: рассуждает о догматах благочестия и разрешает прекословия (Ап. 37-е; VII Всел. Соб. 6-е) и сомнительные случаи (Антиох. 20-е), разбирает дела о пределах епархий (IV Всел. Соб. 17-е), исправляет определения меньшого Собора (Карф. 43-е), избирает и поставляет епископа (Антиох. 19-е и 23-е; Лаод. 12-е; Карф. 13-е; I Всел. Соб. 4-е; IV Всел. Соб. 28-е; VII Всел. Соб. 3-е), разбирает жалобы на епископа (I Всел. Соб. 5-е) и судит его (Карф. 12—25-е).

Область самостоятельного действования епископа. За исключением этих предметов «рассуждения митрополита или главного епископа области со всеми прочими ее епископами», т. е. областного Поместного Собора, — «каждый епископ в своей епархии имеет власть» управления никем не ограниченную, кроме закона: закона евангельского, канонов св. апостол, св. соборов и св. отец и постановлений высшего священноначалия русской Церкви. Как управляющий своей епархией самостоятельно, епископ ни митрополиту, ни областному собору, ни всероссийскому Правительствующему Синоду не обязан и отчетом в делах внутреннего управления епархией, разве как отчет, по какому-либо случаю, будет потребован от него митрополитом с областным собором или Святейшим Синодом [1]. О случаях же и событиях епархиальной церковной жизни, выходящих из ряда дел, составляющих обычное ее течение

[1] Сообщение центральному церковному управлению при Святейшем Синоде требующихся для сего управления сведений о ходе церковной жизни в епархии есть дело состоящих при епископе учреждений канцелярских; таковы, например: извлечение из исповедных росписей (Уст. дух. конс., ст. 16), ведомости о числе присоединившихся к Церкви (ст. 33), о родившихся, браком сочетавшихся и умерших (ст. 103), о числе и составе духовенства, о церковных школах, донесение о сгоревших церквах (ст. 59) и т. п

и требующих особого внимания или же соответствующих мер воздействия [2], епархиальный архиерей, по собственному усмотрению в том надобности, сообщает братскими посланиями епископам смежных епархий, в предостережение от усматриваемых для Церкви Христовой опасностей, в видах получения братской помощи и содействия, и обязательно уведомляет митрополита своей области, как обязанного иметь такое же попечение о всех епархиях области, какое епархиальный архиерей имеет о церквах своей епархии (Антиох. 9-е). Как самостоятельный управитель Церкви Божией в пределах своей епархии, епископ не имеет надобности испрашивать от высшей церковной власти разрешения на устройство церквей и монастырей, открытие новых приходов (Уст. дух. конс., ст. 71, 92, 46, 47), назначение и посвящение к ним пресвитеров, диаконов и низших клириков, монастырских настоятелей и настоятельниц и других лиц епархиального управления. Но так как духовенство, иные церкви и монастыри и некоторые лица епархиального управления пользуются или казенным жалованьем, или иного вида воспособлением от правительства к своему содержанию, то соображение потребностей Церкви с имеющимися уже материальными средствами для их удовлетворения относится к той «приличествующей епископу осмотрительности» в делах церковного управления, какая требуется от него церковными канонами. Потому дело епископа — входить с ходатайством перед Правительством и вступать в сношение с подлежащими учреждениями и лицами по делу обеспечения церковных учреждений земельной собственностью, капиталами или жалованьем от Правительства.

Самостоятельность епископа в управлении церковным имуществом. Не обязан епископ давать отчет и по управлению церковными имуществами, которыми он распоряжается по своему усмотрению, ни от кого независимо, хотя не единолично, а через пресвитеров и диаконов, при посредстве собственно на то назначенного лица — эконома (Апост. 41-е; Феоф. 10-е, 11-е; IV Всел. Соб. 26-е; Апост. 38-е и толкование на оное Зон., Ар., Вал., см. Слав. Кормч.; сн. VII Всел. Соб. 12-е, Кир. Ал. 2-е, Карф. 135-е). Учреждение канонами отчетности по управлению церковным имуществом, не выходящей, однако же, из пределов епархиального управления (IV Всел. Соб. 26-е; VII Всел. Соб. 11-е; Феоф. 11-е), направлялось к ограждению епископа от нареканий в неправильном употреблении сего имущества, а также в предупреждение несправедли-

---

[2] Например — при усмотрении искажения истин веры в народном сознании (Уст. дух. конс., ст. 7), суеверных разглашений и действий (ст. 19), совращения от правой веры, представляющего опасность дальнейших совращений (ст. 21 и 24). В случае обращения к Церкви Православной духовного лица римско-католического вероисповедания (ст. 30, п. 3), для приискания ему должности и места служения, епархиальный архиерей входит в сношение непосредственно с ближайшими епископами области и обращается к митрополиту, который от себя может обратиться за содействием в этом деле к другим митрополитам. В случаях недоуменных, когда епископ находит нужным проверить свое решение или образ действий, епархиальный архиерей обращается к митрополиту для получения совета, а не для того, чтобы предоставить митрополиту решение по делу, отклонив от себя ответственность, например — при крещении малолетних без согласия родителей (ст. 31, п. 1).

вых притязаний со стороны наследников епископа на имущество Церкви, а со стороны клира — на собственность епископа. Только по усмотрению каких-либо злоупотреблений со стороны епископа по управлению церковными имуществами областной собор мог потребовать от епископа отчета по управлению этой частью (Антиох. 25-е; Карф. 42-е). Потому испрошение предварительных разрешений от центральных органов церковного управления, требуемое Уставом дух. консисторий (ст. 71, 92, 120, 127, 134 и 146), как несоответствующее определяемой канонами самостоятельности епископа в управлении епархией, подлежит отмене.

Отношение епархиального архиерея к областному Собору и митрополиту. Отношение епархиального архиерея к своему митрополиту или к областному Собору выясняется всего лучше канонами церковными а) об избрании и поставлении епископа, которое принадлежит областному Собору и митрополиту и б) канонами о суде духовном, по которым установлено право апелляции на решение епископа к областному Собору и на решение митрополичьего Собора — к Собору большему.

По делу избрания и поставления епископа. По канонам церковным, избрание епископа есть дело всех епископов области, с участием ее митрополита. Антиохийский Собор постановил: «Епископ да не поставляется без Собора и присутствия митрополита области. И когда сей присутствует, то лучше есть быти с ним и всем тоя области сослужителям». Тем же правилом (19) требуется, чтобы поставление епископа было делом, по меньшей мере, большинства епископов той области или через личное их присутствие, или через засвидетельствование своего согласия грамотами. В противном случае, т. е. если бы поставление епископа совершалось без согласия большинства епископов области, Собором постановлено считать его недействительным; слова правила таковы: «Аще не инако, вопреки сему определению, поступлено будет, да не имеет никакой силы поставление». Но и неосновательный протест меньшинства против совершившегося большинством избрания Собор признает недействительным; правило говорит: «Но аще поставление совершится по определенному правилу, а некоторые по своей любопрительности воспрекословят, да превозмогает решение множайших». Итак, по соборному правилу, в деле избрания епископа на вдовствующую кафедру решение принадлежит большинству епископов области. Но это есть уже окончательный акт избрания, завершаемый рукоположением избранного через митрополита области с епископами, которое могло быть отложено митрополитом в самом крайнем случае, не более трех месяцев, а в противном случае сам митрополит подвергал себя ответственности (IV Всел. Соб. 25-е). Собор Карфагенский, подтверждая правило, требующее поставление епископа «многими епископами» области, допускал исключение из этого правила «по нужде», дозволяя избрание (если не встретится прекословия, т. е. протестов, — пр. 61-е) при личном присутствии даже трех только епископов области (пр. 13-е).

Участие паствы в избрании для них архипастыря. Но ни в каком случае голос решающий в деле поставления епископа не принадлежал народу; Собор

Лаодикийский определил: «Да не будет позволяемо сборищу народа избирати имеющих произвестися во священство» (пр. 13-е). Тот же Собор кандидатами на епископство признает только тех, кто митрополиту и епископам области известен как лицо, достойное избрания по вере и жизни: «Епископов, по суду митрополитов и окрестных епископов, поставляти на церковное начальство, и притом таких, которые с давнего времени испытаны и в слове веры, и в житии сообразном правому слову» (пр. 12-е); почему не дозволялось возводить на священные степени вообще новокрещенных (пр. 3-е; II Всел. Соб. 2-е). Избрание же под влиянием мирских начальников подвергало поставленного извержению из сана, а всех, кто продолжал бы оставаться в общении с ним, — отлучению. Воспоминая относящиеся до поставления на епископство правила соборов предшествовавшего времени, последний Вселенский Собор делает такое изложение церковных постановлений относительно избрания и поставления во епископа: «Всякое избрание во епископа, или пресвитера, или диакона, делаемое мирскими начальниками, да будет недействительно — «по правилу» (Апост. 30-е), которое глаголет: «Аще который епископ, мирских начальников употребив, через них получит епископскую в Церкви власть, да будет извержен и отлучен, и все сообщающиеся с ним. Ибо имеющий произвестися во епископа должен избираем быти от епископов, яко же от св. отец в Никее определено в правиле (I Всел. Соб. 4-е), которое глаголет: епископа поставляти наиболее прилично всем тоя области епископам; аще ли же сие неудобно, или по належащей нужде, или по дальности пути, то, по крайней мере три вкупе да соберутся, а отсутствующие да приимут участие в избрании и изъявят согласие посредством грамот, и тогда творити поставление; утверждати же таковые действия в каждой области подобает ее митрополиту» (VII Всел. Соб. 3-е). Народ же епархии, для которой нужно было поставить епископа, принимал участие в избрании его, указывая лиц, достойных избрания, и возражая против избрания выставляемых кандидатов на епископство, если кому известны были какие-либо нравственные недостатки избираемого, устранявшие его от служения Церкви в достоинстве епископа. Такое право отрицательного голосования принадлежало всей Церкви, не только клиру, но и мирянам (из избирательных собраний удалялись только оглашенные — Лаод.). Восклицание народа, при рукоположении на степени священства, вслед за рукополагавшим епископом: «Аксиос» — было только свидетельством, что на предшествовавшем рукоположению испытании не найдено за рукополагаемым никакого преступления, проступка или нравственного недостатка, который делал бы его недостойным священства.

Обручение епископа с паствой на всю жизнь. Участие местного клира и народа в избрании епископа стояло в связи с обучением епископа вверяемой ему церкви не на время, а на всю жизнь. В древности этому способствовало то, что епископ самым способом содержания привязан был к месту своего служения, как собственник или как благотворитель, употребивший на пользу паствы свое имущество. Но многочисленные каноны церковные свидетельствуют о злоупотреблении искания епископами лучших кафедр (Апост. 14-е;

Антиох. 21-е; Карф. 64-е; I Всел. Соб. 15-е; Антиох. 35-е; IV Всел. Соб. 5-е; Антиох. 13-е, 22-е; Сард. 1,-е 2-е, 3-е, 11-е, 12-е; VI Всел. Соб. 20-е; Апост. 36-е; Антиох. 18-е; Карф. 85-е, 86-е) и всемерно ограничивают это стремление, не делая, впрочем, из этого непреложного правила и допуская перемещение от одной кафедры на другую по требованию особых обстоятельств и по усмотрению в том нужды собором многих епископов (Апост. 14-е).

Образ избрания и поставления епископов согласно канонам. На основании вышеприведенных правил, попечение митрополитов о епархиях вверенных им областей и деятельность областных соборов в тех случаях, когда какая-либо епархия лишилась своего епископа, в настоящее время могли бы проявляться таким образом.

Митрополит, по доведении до сведения его известия о кончине подведомого ему епархиального архиерея, поручает временное заведование епархией, если нет в епархии викарного епископа, ближайшему из епископов смежных епархий (по удобству сообщений), которые (ближайший или викарный) совершают погребение почившего и подписывают акт освидетельствования оставшегося имущества. Вместе с тем митрополит созывает к определенному сроку собор всех епископов области для избрания преемника почившему, на каковой прибывает и сам. В случае же невозможности председательствовать на соборе митрополиту председательствует старейший по службе из областных епископов. Кафедральный клир или совет пресвитеров, который участвует в управлении епархией, извещает духовенство и народ кафедрального города, и все находящиеся в нем духовные и миряне епархии имеют право предложить собору местных кандидатов на епископство, не устраняя из числа таковых кандидатов и мирян, известных своей благочестивой жизнью и обладающих достаточными в учении веры познаниями. Собор производит исследование о достоинстве предлагаемых ему кандидатов на епископство, и либо избирает одного из предложенных местной Церковью кандидатов, либо предлагает ему известных, уже не из среды местной Церкви, как достойнейших. Если присутствующие на соборе епископы, пришедши к какому-либо решению, составят большинство всех епископов области (например, согласившихся 8, не соглашающихся 3, а не прибывших на собор 4), то решение большинства, с митрополитом во главе, может быть немедленно приведено в исполнение через посвящение избранного митрополитом с соепископами. Если же избранию большинства на соборе недостает утверждения митрополита и, по опросе отсутствующих, они тоже не присоединяются к решению большинства, то дело избрания нового епископа восходит на решение бóльшего собора, правительствующего всей русской Церковью, и через то круг кандидатов на избрание расширяется, распространяясь на лица, известные всем митрополитам за достойных избрания на епископство.

Об отношениях епископа к митрополиту и областному собору в деле суда сказано в отделе о реформе суда духовного.

Ежегодные областные соборы. Областные соборы, созываемые митрополитом для избрания епископов, могут устранять необходимость созвания Со-

бора, ежегодно созываемого в каждой области в определенное время, по постановлению самого областного собора, и в месте, какое назначено будет митрополитом. Присутствие епископов на областном соборе есть дело для них, по канонам церковным (I Всел. Соб. 5-е; IV Всел. Соб. 19-е), обязательное, и от исполнения этой обязанности они освобождаются только болезнью, престарелым возрастом, который делает для них непосильными трудности далекого пути, и другими вполне уважительными причинами. Хотя епископы и могут поручать представительство свое на областном соборе викарному епископу, за неимением же викария — даже и двум протоиереям или архимандритам (конечно, с правом одного только голоса), но желательнее было бы, чтобы викарному епископу поручались дела епархиального управления на время отсутствия епископа, а мудрость и опытность епископа, правящего епархией, имели себе приложение в участии его при соборном обсуждении дел, касающихся целой области. Предметом занятий областного собора служат дела, касающиеся всей области, вносимые на собор предложениями митрополита, и предлагаемые им же на обсуждение собора заявления епископов области о частных нуждах их церквей, делаемые ими первоначально тому же митрополиту, который, по своему усмотрению, может предложить их на обсуждение и в свое отсутствие, может и отложить впредь до собора, имеющего быть под его председательством.

Личные сношения митрополита и епископов области помимо областных соборов. Все епископы области, в случае надобности, для личных сношений с митрополитом области, как в его митрополии, так и при посещении им епархий своей области, оставляют для того свои епархии, не испрашивая на то ни от кого разрешения и наблюдая лишь соборное правило о неоставлении епископом своей паствы на время, продолжающееся больше трех седмиц. Равно и митрополит, по усмотрению в том надобности, сам посещает епископов своей области на их кафедрах, имеет при этом братское общение с ними в божественной службе и предлагает поучение пастве. А также и епископы, при соучастии с ним в божественной службе в его митрополии или в пределах других епархий, по приглашению митрополита, могут предлагать поучение пастве в его присутствии и в присутствии местного епископа. Желательно было бы восстановление в прежнюю силу древнего правила, что учительство в Церкви принадлежит собственно епископу и чтобы проповедь пресвитера в присутствии епископа сделалась редким исключением.

Предусматриваемые благотворные последствия разделения Церкви русской на митрополии. Разделение Церкви русской на митрополии, с предоставлением митрополитам права созывать областные Соборы, может принести Церкви Христовой великую пользу. Польза эта не ограничивается тем, что децентрализация, в некоторой мере, церковного управления освободит высшее священноначалие от занятий делами меньшей важности. Церковь русская, столь обширная пространственно, представляющая столь великое разнообразие частей, входящих в состав ее, — разнообразие и по народно-племенному их составу и по сложившимся исторически особенностям их жизни, —

требует не только ближайшего архипастырского наблюдения за течением областной церковной жизнедеятельности, но и самостоятельности местных органов церковного управления, дабы они могли свободно и благовременно, по собственной инициативе, действовать согласно своему усмотрению местных потребностей, а не обращаемы были в слепых и беспрекословных исполнителей распоряжений, исходящих из центрального церковного управления. Край Прибалтийский, с населением латышским, эстонским и народов финского племени (финны, собственно, и лопари); край, составлявший некогда царство Польское, с родственным ему и подвергшимся полонизации малороссийским и белорусским населением, степи Новороссии, с их казачеством, и Бессарабия; полухристианские полуязыческие народы Кавказа, Закавказья и Грузии; мусульманские и языческие народы, частью уже оседлые, а в большинстве еще кочевники, по ту и по другую сторону Каспийского моря, на востоке Европы между Уралом и Волгой и на протяжении всей Сибири — представляют, по своим духовным качествам, столь разнообразную почву для духовного делания, что централизация церковного управления всеми этими областями Церкви русской в северной столице государства Российского не может не иметь последствий, неблагоприятных для церковной жизни. От предоставления епископам свободной инициативы и самостоятельности в их церковном действовании можно ожидать и большей целесообразности и бóльшего разнообразия мероприятий в удовлетворение жизненных местных потребностей. Единение же епископов и живой между ними обмен их жизненным опытом, средством к чему являются областные соборы, даст широкое распространение тому, что̀ окажется в этом жизненном опыте наиболее удобоприменимым и полезным по местным условиям.

Ожидаемая польза областных соборов как инстанции посредствующей между властью епископальной и синодальной. Митрополит с его областным собором явится и весьма благопотребной посредствующей инстанцией между властью епископа и Правительствующего Синода. При обременении центрального церковного управления жалобами на неправильные решения по делам, имеющим характер чисто местный, требующим иногда, чтобы дело возвращено было на надлежащий путь с самого своего начала, — жалобы эти не могут иметь ни скорого удовлетворения, ни надежного действия. При настоящем порядке дел частные и апелляционные жалобы на действия епархиального начальства имеют обыкновенно последствием истребование отзыва по жалобе от того же епархиального начальства, которое и постановило обжалованное решение. Областной Собор, по своей большей близости к местным делам, имеет возможность непосредственно рассмотреть дело, что̀ приближается к пересмотру дела в новом составе суда. Притом же и решение областного Собора, по церковным правилам (Антиох. 15-е), если оно не единогласное с участием и митрополита, как председателя Собора, не есть решение безапелляционное. Но не в случаях только нарушения чьих-либо прав — ненамеренного (иски гражданские) или злонамеренного (иски уголовные) должна оказывать пользу бóльшая близость областного Собора к делам его области; а и

вообще она благоприятствует скорейшему усмотрению и исправлению ошибочных, нецелесообразных или недовольно осмотрительных и нежелательных по своим последствиям действий епархиальной власти.

*Число епископов в области и ограничение его соборными правил*ами. Состав областных соборов находится в прямой зависимости от числа епархий, входящих в состав церковной области, и от числа в них епископов, правящих епархией, и их помощников по управлению — епископов викарных. В древности, когда содержание епископов и клиров не имело никакого отношения к средствам государства, число епископов было весьма велико относительно территории епархий и митрополий. Было время, когда оно определялось исключительно желаниями самой паствы. Но с половины IV века (347 г. Собор Сардикийский пр. 6-е) Церковь начинает ограничивать умножение епископов, как дело, не благоприятствовавшее достоинству епископского сана. Для Церкви русской, при протяжении некоторых ее епархий на тысячеверстные пространства, при миллионном населении ее епархий (в 1902 г. в 31 епархии числилось свыше миллиона душ паствы, в 11 епархиях свыше 2 миллионов), умножение епархий и самостоятельно правящих епископов весьма желательно — в видах сокращения числа душ, находящихся на попечении одного архипастыря, и в видах бóльшего удобства посещения им паствы в местах ее жительства. Для митрополита каждый новый епархиальный архиерей в его области являлся бы новым помощником в делах попечения его о благонаправлении и преуспеянии духовной жизни в областной его церкви. Но число епископов зависит не от одних материальных способов обеспечения их (в удовлетворении их житейских потребностей, в устройстве и поддержании благолепного их священнослужения). Не затруднительность такого поддержания епископского достоинства имели в виду соборы, воспрещая поставлять епископов в малые города и веси, «да не уничижается имя епископа и власть» (Сард. 6-е). Некоторые «и по чину епископа приявшие рукоположение» обращаемы были в подчиненное положение хорепископов (Антиох. 10-е), соответствовавшее положению викарных епископов настоящего времени (Анк. 13-е) или даже благочинных (Канонич. посл. к хореп. Вас. Вел.); без сомнения, не потому лишаемы они были власти, что «малый град», в который они были поставлены, мало давал им средств к поддержанию внешнего величия. Следовательно, «имя и власть епископа» подвергались «уничижению», вследствие поставления епископов и в малые города, через понижение требований относительно внутреннего достоинства епископа для замещения великого числа епископских кафедр. Так и в настоящее время областному митрополиту может оказаться полезнейшим иметь хотя бы и меньшее число вспомоществующим ему в попечении о делах области епископов-управителей, но помощников достойнейших и способнейших.

Проект объединения епархий в митрополии. В настоящее время у нас в России, где государство приходит на помощь Церкви своими средствами в содержании епископов, вопрос о числе епархий и епископов в Церкви есть вопрос не чисто церковный, но и государственный. В рассуждениях о разде-

лении Церкви русской на митрополии должно исходить из существующего положения вещей и вопрос этот сводить собственно к распределению существующих епархий в такие группы, которые наиболее соответствуют внутренним особенностям православного населения и внешним условиям их жизни. С этой точки зрения центральные епархии России естественно составят митрополию Московскую, юго-западные — Киевскую, северо-западные — Новгородскую. На востоке европейской России — Казань и Астрахань, как бывшие некогда столицы царств, вошедших в состав царства Русского, тоже могли бы сделаться главными городами митрополий. Расширение царства Русского к морю Черному делает нужным восполнить число древних митрополий — Новгородской, Киевской, Московской, Казанской и Астраханской — митрополией Херсонеса-Таврического, с присоединением к ней Кавказа и Закавказья и с выделением в особую церковную область экзархата Грузинского. Такое же объединение в церковном управлении нескольких епархий, через восстановление Литовской митрополии, полезно было бы на западе России. Наконец, царство Сибирское, если не может быть разделено на две митрополии, то во всяком случае должно составить особую обширнейшую митрополию с центральным городом, бывшим кафедрой святителя Иннокентия Иркутского. Едва ли есть достаточное основание для опасений, как бы образование особых церковных областей на окраинах государства не возродило идей о культурной и политической обособленности окраин; так как и там, где идеи эти уже существуют и проявляются тенденциями сепаратизма, эти идеи и тенденции принадлежат индифферентной к вере и Церкви интеллигенции, а не народной массе православного населения (за исключением, быть может, Грузии); да притом и границы предполагаемых церковных областей настолько обширнее территорий, подвергающихся обвинению в сепаратизме, что церковная областная жизнь скорее должна способствовать к объединению окраин с сопредельными им частями государства, чем могла бы возбуждать идеи о политической обособленности этих окраин.

По вопросу о благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях

Точка зрения на вопрос. Вопрос этот понимается не как дело исключительно регламентации пастырской деятельности в приходе: проповеднической, школьно-учительской и общественно-благотворительной. Понимаемый шире и глубже, он сводится к одному — великой важности — вопросу: о пробуждении или восстановления духовной жизненности прихода. Уже одна такая постановка вопроса свидетельствует о согласном убеждении всех, что в этой малой единице — приходской общине — духовная жизнь недостаточно проявляется. Как на средство к духовному оживлению прихода, к пробуждению дремлющей энергии приходской жизни, указывают на предоставление приходу самодеятельности — в возбуждении интереса приходской общины к делам ее привлечением ее к заведованию и управлению этими делами.

Проявление духовной жизни в приходе. Но насколько основательна надежда на это средство? Если бы наша приходская община встречала задержку и стеснение в заботах своих о себе самой, тогда, конечно, устранение этой задержки и стеснения выразилось бы усилением деятельности и возбуждением энергии. На самом же деле, если приход встречал какие-нибудь препятствия своей самодеятельности, то это было единственно — когда он, в лице приходских попечительств, заявлял притязание на распоряжение церковными суммами. А проявлялась ли жизнедеятельность прихода в направлениях, на которых не встречалось никаких препятствий? Энергия приходской жизни выразилась ли какими-нибудь протестами против этого единственного препятствия? Приходские попечительства, братства, миссионерские общества с их уставами давно уже были готовыми рамами для заполнения делом; а дела так и не оказывалось. Примерный устав приходских попечительств предусмотрительно разделил самые средства попечительств на три части, с особым назначением; но не помогла и эта мера: кру́жки на дела призрения бедных и на вспоможение причту оставались пусты; все пожертвования поступали на украшение храма. Ремонт церквей, написание новых икон (нужны ли, не нужны ли они для храма), устройство риз на иконы, священнослужительских облачений, приобретение колоколов — вот самые обыкновенные проявления приходской деятельности через приходские ли попечительства, или помимо приходских попечительств. Чтобы убедиться в этом, стоит только посмотреть в любом номере «Церковных ведомостей» список пожертвований, о которых доводится до Высочайшего сведения. Деятельность приходов по обеспечению причтов не только имеет инициативу не в приходе, а в причте, но и в исполнении бывает почти всегда делом настояния причтов и епархиального начальства; со стороны же прихода чаще встречается противодействие усилиям духовенства, чем искреннее сочувствие заботам пастыря о семье своей и о положении низшего причта. Точно так же и общественно-благотворительная деятельность приходов так ничтожна потому, что очень редки случаи, когда пастырь прихода проявляет инициативу и энергию в этом направлении, не вызывают в среде прихода сочувствия и содействия деятельности этого рода. Нечего и говорить о том, как мало заботы со стороны прихода встречает народная школа: и земству, и Министерству народного просвещения, и епархиальному начальству приходится употреблять всякого рода влияние и даже давление, чтобы школы поддерживались и в том далеко не блестящем положении, в каком они теперь находятся. Общества трезвости, возникавшие изредка по энергичному почину пастырей, повсюду оказывались бессильными в борьбе с народной слабостью и, вскоре после торжественного открытия, бесшумно кончали свое существование. Некоторое сочувствие в среде народа возбуждает миссионерская деятельность пастырей; но, к сожалению, и это сочувствие проявляется больше на почве фанатизма, чем в делах истинного сострадания и любви к заблуждающимся: содействием пастырям мерами полицейского надзора за действиями распространителей заблуждения да шумным участием в религиозных прениях только и выражается это мнимое сочувствие народа пастырской деятельности в ограждении чистоты веры и целости Церкви Хри-

стовой. Этот обзор приходской жизни и деятельности приводит к тому же убеждению, что духовная жизнь в приходах находится в состоянии дремоты или замирания, а не подавляется и задерживается в своей энергии каким-либо гнетом и стеснениями, и для оживления своего нуждается совсем не в том, чтобы ей предоставлено было больше свободы и самодеятельности, а в чем-то другом. Жизнь прихода свидетельствуется делами усердия к храму Божию, подвигами поста, путешествий ко св. местам, стремлением женского населения в монастыри и к подобию монастырской жизни в келейничестве, но... и только; из направлений приходской жизни религиозно-нравственного, духовно-просветительного и общественно-благотворительного жизнь народа имеет течение в направлении только религиозном (а не религиозно-нравственном); да и религиозность народа принимает направление одностороннее — обрядово-храмовое.

Приходская самодеятельность как средство к возбуждению духовной жизненности народа. При таком положении дела, хотя бы какому-нибудь энергичному пастырю удалось осуществить во всей широте самоуправление приходской общины по тому идеалу, какой изображен в положении о приходах в Финляндии, где приходская жизнь только еще вновь организуется и где грамотность населения благоприятствует введению самой сложной организации, — при таком предполагаемом полном успехе рациональной организации прихода и подробной регламентации его деятельности, эта самодеятельность прихода подобна будет тому искусственному дыханию, когда механическим попеременным то расширением, то сжиманием грудной клетки пытаются восстановить естественное дыхание у вытащенного из воды утопленника; действия, подобные действиям естественно жизненным, могут быть введены в приходе, а возвращения к жизни обмершего может так и не воспоследовать. Интерес к делам приходской общины может быть возбужден предоставлением ей в широких размерах самоуправления. Например, отдайте в полное распоряжение приходской общины все ее пожертвования на свой приходский храм, и денежные, и вещевые — в форме свечного дохода, — возбудится живейший интерес прихода к этому делу; но это будет интерес общественно-экономический, а не религиозно-церковный. Выборные от прихода сумеют распорядиться этими средствами так, чтобы и церковь не нуждалась, и дома причта поддерживались в порядке, и требования начальства к школам были удовлетворены, — и все это без всякого обременения приходской общины; но едва ли священнику удастся заставить приход взглянуть на дело шире и глубже, например, — убедить приход, что часть этих пожертвований нужна приходу для обеспечения ему в будущем достойных пастырей; богатые приходские единицы скорее будут покупать тысячепудовые колокола и золотить купола своих храмов, чем выпускать излишек средств из прихода на какие-то нужды Церкви в истинном смысле слова: «церковь»; для них церковь есть приходский храм — и только.

В чем, собственно, состоит жизнь прихода? Для правильного разрешения вопроса, что̀ нужно для возбуждения духовной жизненности в приходе, нужно определенно решить: в чем жизнь прихода, как мельчайшей церковной

единицы, или — иначе — в чем жизнь всей Церкви вообще? Жизнь Церкви — в истинной и действительной любви к Богу, которая проявляется в истинной молитве и в деятельной любви к ближнему, так же, как жизнь организма проявляется в дыхании и произвольном движении. Вера есть только средство к возбуждению любви через уразумение человеком истинного и потому единственного жизненного или спасительного отношения человека к Богу; надежда есть только средство к возбуждению энергии духовной жизни. Потому вера и надежда, — по достижении цели — любви к Богу уже не превратной, что̀ имеет место в будущем веке, — как средства, более уже не нужные, отпадают, и вечно пребывающей остается сама «жизнь будущего века» — «любы» (1 Кор. 13:8, 13).

Что нужно для возбуждения духовной жизненности прихода? Если кто остается бесчувственным к бедственной участи ближнего, страдания которого постоянно у него перед глазами, тот обманывает себя («ложь есть» — 1 Ин. 4:20), думая, что в нем есть действительная любовь к Богу. И молитва без разумения и чувства есть только внешнее подобие молитвы, а не молитва (1 Кор. 14:14—16). Приобретение народом истинной и действительной любви к Богу, проявляющейся не только добрыми делами, но и действительной любовью к ближнему, — вот один из признаков возвращения человека к жизни духовной. Участие народа в молитве сердечное, невозможное без участия разумного («пойте Богу нашему, пойте разумно». Пс. 8), — вот другой признак, что душа верующая дышит Духом Божиим (Римл. 8:15, 26; Быт. 2:7). Вот что̀ нужно собственно для возбуждения духовной жизни в приходе.

Возвращение церковного учительства к жизненному направлению. Средство к этой цели, — конечно, вера, но не усиление катехизации, проповедничества, внебогослужебных собеседований, школьного законоучительства; все это и теперь есть, и все это не оказывает действия. Нужна перемена в направлении учительства. Оттого вера не оказывает действия, что вера проповедуется не живая, а мертвая. Проповедники веры сами стоят все еще на ветхозаветном начале: «Человек, исполнивший закон, жив будет им» (Римл. 10:5; Гал. 3:12; Лев. 18:5), и научаемые убеждены, что Царствие Небесное нужно заработать доброделанием; они принадлежат к числу сторговавшихся (Мф. 20:2) с Домовладыкой; а динарий — вера и добрые дела — они не входят в смысл слова Христова, что «Царствие Божие внутрь нас есть» (Лк. 17:21) — есть внутреннее состояние (Римл. 14:17), которое не может быть дано со вне, простым вменением. С этой ветхозаветной еще точки зрения и нужно перевести нравоучение на новое, новозаветное начало: любовь божественную и именно любовь Христову, которая объемлет сердце наше, когда мы только подумаем, что Он за всех нас умер (2 Кор. 5:14). Жизнь и деятельность по чувству любви и благодарности к Господу — вот начало, которое делает верующих выше закона (1 Тим. 1:9). А у нас обыкновенно догматика — сама по себе, а нравоучение — само по себе, как будто нам и не возвещено, что так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную (Ин. 3:16).

Возвращение богослужению образа совершения, благоприятствующего истинной молитве. Нет у народа и истинной молитвы: народ терпеливо простаивает целые часы за храмовым богослужением, но это не есть молитва, потому что чувство не может поддерживаться целые часы без понимания слов молитвы, а слова храмового богослужения — выше понимания народа; богослужение непонятно народу не потому только, что совершается на церковнославянском языке и притом спешным чтением, но и прямо потому, что для понимания его требуется в известной мере богословское образование. Православное богослужение есть великое сокровище, если сравнить наши церковные песни с малосодержательными гимнами лютеранского Gesang-Buch'a, и когда-нибудь дойдет дело до пользования этим сокровищем всего православного люда; но, тем не менее, в настоящее время это — еще сокровище, сокровенное «на селе» [1], а народ бедствует и голодает духовно, почти вовсе не имея молитв, доступных его пониманию, кроме ектений и до некоторой степени — акафистов, которые потому так и любит народ, что они ему несколько понятны. Надобно воспитать народ настолько, чтобы он не считал за молитву одни поклоны с крестным знамением и одно механическое чтение или выслушивание непонятных слов Псалтири, тропарей и стихир. Что же можно было бы сделать, чтобы общественное храмовое богослужение, которое некогда в Греции было таким превосходным средством к удовлетворению духовной потребности в молитве, опять возвратить на служение истинно молитвенному настроению?

Замена чтения пением, по возможности — общим пением всей церкви. Во-первых, то, что̀ должно быть пением и было некогда пением, — опять возвратить пению. Хорошо было бы восстановить в представлениях православного народа сознание, что пение всей церкви есть норма, а пение хора есть уже только замена пения всей церкви, так же как и псаломщики своим пением заменяют хор там, где приходская община не в состоянии иметь хор. Представление о пении всей церкви, как о норме, и пении хора, только как о замене общецерковного пения при исполнении тех песнопений, исполнение которых всей церковью (в существующих условиях места и времени) неисполнимо, — такое представление должно быть воспитываемо в народе богослужением при архиерейской кафедре — в соборах да в церквах духовно-учебных заведений, где воспитанники этих заведений должны составлять главную массу молящихся. Общее пение всей церкви всего удобнее начать с пения псалмов, напевы которых не многообразны и довольно общеизвестны, а текст мог бы быть напечатан, для употребления всей церкви при богослужении, и напечатан (как печатаются стихи) с разделением на музыкальные фразы. После псалмов предметом общего пения могли бы сделаться и другие песни, ежедневно употребляемые в богослужении, и текст и напев которых всей церкви извест-

[1] Вот, например, тропарь на 9-й песни канона 8-го гл. на воскресной утрени: «Ты, о Всевышний, снисходя к рабам и сделавшись человеком, по Своему человеческому естеству, называл Богом Своего Отца по естеству Божественному; когда же Ты воскрес из гроба, то соделал Отцем земных, по благодати, Того, который по естеству Своему есть Бог их и Владыка».

ны: «Свете тихий», «Ныне отпущаеши», «Единородный Сыне», «Слава в вышних Богу», «Святый Боже», «Приидите, поклонимся».

Значение богослужебного устава. В основу изменений богослужения относительно пения должно быть положено тоже коренное изменение понятий относительно обязательности церковно-богослужебного устава. В основе современного способа совершения богослужения лежит тот же ветхозаветный принцип: «Сотворивый тà человек жив будет в них», — для спасения необходимо выполнить все предписанное уставом: «Проклят всяк, кто не исполняет всего, чтò написано в книге» (Гал. 3:10) устава. Отсюда — афонская практика разлагать на всю братию правила, не вычитанные братом, когда нетление тела его доказывает, что он находится под проклятием за не вычитанное монашеское правило. Отсюда — наше церковное чтение, в котором мысли слушающих невозможно поспевать за словами чтеца. Отсюда — все разнообразные компромиссы в выполнении богослужебного устава, когда мы стараемся сделать вид, по крайней мере, будто бы мы выполняем устав. Следует признаться в непосильности для нас (не физической, а моральной) богослужения в том виде, в каком оно изображено в уставе, и относительно стихословия Псалтири сделать общим правилом то, чтò уже сделалось правилом при пении первого антифона первой кафизмы на вечерне и полиелейных псалмов на утрени, т. е. петь столько стихов из псалмов, сколько это под силу молящимся, по разнообразным условиям места и времени. Но при этом твердо должно быть выдерживаемо начало, что песни должны быть песнями, а не чтением. Пение тропарей канона могло бы быть исполняемо голосом одного певца, чтò делало бы несколько понятнее смысл их; а пение ирмосов и катавасии, как более известных по содержанию, могло бы быть исполняемо всей церковью или, по крайней мере, хором.

Возвращение молитве об оглашенных действительного ее значения. Ектении об оглашенных и о готовящихся к просвещению желательно было бы (по примеру Церкви греческой настоящего времени) исключить из ежедневного совершения литургии, оставив их в богослужебном употреблении только там и тогда, где и когда оглашенные и готовящиеся к просвещению налицо в собрании верующих и, после ектении, преклоненные перед священнослужителем могут выслушать читаемую вслух всей церкви молитву о них и тогда удалиться. Через это молитва об оглашенных опять получила бы настоящее свое значение, теперь совершенно ею утраченное.

Моление о недугующих. Желательно было бы введение в употребление весьма редко совершаемого теперь моления о болящих на сугубой эктении. Желательно, чтобы прошения об исцелении болящих и молитва о том священнослужителя после ектении возглашаемы были не по заказу, а по собственному почину пастыря, в случае болезни такого лица, о котором готова помолиться вся приходская церковь.

Моление об усопших. Еще настоятельнее требует исправления в богослужении дело поминовения усопших. Когда диакон читает диптихи у престола Божия в то время, как на престоле «святая предлежит и страшная жертва» (Ки-

рилл Иерус. «Тайнов. поуч.»), и когда диакон приглашает всех верующих вознести моление о усопших (заупокойная ектения), это не было в древности бессмысленным чтением никому неизвестных имен. Не должно быть допускаемо это и ныне; пусть возглашаются имена государей, архипастырей местной церкви и тех, о которых Церковью (Святейшим Синодом) заповедано моление по всем храмам Церкви русской (о Филарете и Иннокентии — митрополитах Московских), вообще — имена тех, о которых сознательно может молится вся приходская церковь (например, о новопреставленных прихода). Поименное же поминовение родственников и знакомых (чтение поминаний) должно быть предоставлено самим верующим, которые могут знать, кто воспоминается под тем или другим именем; для этого верующим должен быть предоставлен доступ в предложение, т. е. к жертвеннику, чтобы верующие — мужи и жены, подавая свои приношения (просфоры), сами могли поименно поминать, кого пожелают, живых и умерших; тогда только поименное поминовение будет иметь свой смысл и действительное значение. Для того желательно восстановление древнего устройства храмов, когда «предложение» было частью храма, отделенной от алтаря, т. е. той части, где стоит св. престол и куда соборными правилами воспрещен доступ не только женам (Лаод. 44-е), но и вообще непосвященным, т. е. мирянам (Лаод. 19-е), за исключением царя (VI Всел. Соб. 69-е). До восстановления же древнего устройства храмов, пока жертвенник находится в самом алтаре, он мог бы быть отделяем от престола завесой.

Моление о царе. Из чина литургии, совершаемой архиерейским служением, могло бы быть исключено многолетствование царя, царствующего дома и синклита, бываемое по вступлении священнослужителей в алтарь, как приветствие государю, вступающему в это время в храм с своим синклитом. Приветствование это могло бы совершаться за литургией только там и тогда, где и когда государь действительно присутствует. Соответственно тому, и в чине литургии, совершаемой священником, подлежало бы исключению воззвание диакона: «Господи, спаси благочестивые и услыши ны», разрывающее ныне возглас священника: «Яко Ты еси освящение»... «И во веки веков».

Необходимость мероприятий против того, чем подрываются духовные жизнь и силы народа. Но и возвращение к совершению богослужения, более благоприятствующему истинной молитве верующих, и удержание церковного учительства от вождения пастырями стада Христова на скудные пажити делания добрых дел без любви к Богу и ближнему, — все это можно сравнить с улучшением гигиенических условий больного. Это улучшение, хотя неприметно и медленно, но должно иметь действие к восстановлению сил и здоровья больного организма. Но и самые благоприятные условия среды мало окажут действия, если больной будет допускать нарушения режима в образе жизни. Изыскивая средства к возбуждению духовной жизнедеятельности прихода, нужно подумать о том, что̀ подрывает духовные жизнь и силу в православном русском народе.

Духовные болезни, подрывающие жизнь и силы народа. Наиболее подрывающие духовную жизненность нашего простого народа грехи его в настоя-

щее время: это — пьянство и жестокость. Пьянство само по себе, как сознаваемая слабость, не было бы так вредно, потому что от слабости стараются освободиться; но пьянство вредно, как нечто легализованное и даже санкционированное; в народе живет убеждение, что нельзя же не пить, во-первых, в праздник и, во-вторых, когда есть даровое вино (свадьбы, помочи, сдача оброчных статей и подрядов, суд). Жестокость прорывается в избиениях конокрадов и других воров, в бунтах (эпидемийных и др.), и проявляется, как ординарное явление жизни, в истязании мужьями жен, мачехами детей, в избиении взрослыми детьми одряхлевших родителей. Между тем, делает ли что-нибудь пастырство в противодействие этим подрывающим духовную жизнь духовным болезням православного простого народа, делающим из богобоязненного и добродушного человека иногда скота бессмысленного, иногда кровожадного зверя? Пьянство народа отношением к нему пастырства легализируется и даже санкционируется. Народ не может не видеть, что само духовенство смотрит на пьянство, как на явление совершенно неизбежное и естественное, как снег зимой и дождь летом. Народ видит, что духовенство признает пьянство неизбежной принадлежностью праздников церковных; он видит это в хождении духовенства с молебнами по домам поголовно пьяных прихожан, при участии в крестных ходах полупьяных и совсем пьяных богоносцев, певчих, сторожей церковных, не говоря уже о нередких случаях, когда духовенство в этих крестных ходах само мало чем отличается от своих празднующих прихожан. По отношению к проявлениям жестокости в народе духовенство виновно своим полнейшим безучастием и невмешательством. Необходимо потребовать от духовенства самым настоятельным образом противодействия пьянству и жестокости в народе мерами чисто духовными.

Противодействие пьянству. Относительно пьянства, так как действовать предстоит против него не как против физической, наследственной болезни, столь распространенной в народе, а против живущего в народе убеждения (противного слову Божию — 1 Кор. 6:10), что пьянство совместимо с богоугождением и попечением о спасении души, — и мера должна состоять в искоренении этого убеждения словом и примером, с памятованием, что слово без примера недействительно. От духовенства должно потребовать, чтобы оно не учило только в храме, что пьянство нетерпимо в Церкви Божией, но и являло собственное в том убеждение всегда и во всем. Строжайшим образом должно быть воспрещено духовенству (и карательными мерами должно быть поддерживаемо такое запрещение) самому спаивать народ при помочах, которые без общего пьянства не могут состояться, и выставлением вина на сходе для задабривания общества при выпрашивании у него чего-либо. Строжайше должно быть воспрещено духовенству и участие в народном пьянстве. Участие духовенства в пьянстве народа при браках является для народа требованием (и даже одним только принятием) от него винных приношений при свадьбах. Участие духовенства в праздничном пьянстве народа неизбежно, если не будет духовенству вовсе воспрещено присаживаться при крестохождениях и — из почтения к (пьяному уже часто) хозяину, чтобы не обидеть

его, — выпивать хотя бы по $^{1}/_{12}$ рюмки в каждом доме. Пока этот принцип необижания будет допускаем, до тех пор известная картина Перова «Крестный ход в деревне» не выведется в православной русской Церкви. Непозволительность пьянства пастырь Церкви должен постоянно и самым решительным образом свидетельствовать лишением пьяных всякого участия в благодатных дарах Церкви, начиная с отказа пьяным в священническом благословении и простирая до недопущения никакого общения с пьяными в делах житейских: никаких треб для пьяных не должно быть совершаемо; пьяные не должны быть допускаемы к восприемничеству; появление пьяных поезжан в церкви должно останавливать и даже вовсе прекращать совершение венчания, доколе пьяные не будут удалены из храма; когда священник своим участием освящает брачную, похоронную или праздничную трапезу прихожанина, он должен (применительно к правилу соборному — Лаод. 54-е) вставать и уходить, как скоро кто-нибудь из участников трапезы дошел до состояния опьянения. Наконец, вообще священник не должен входить ни в какие деловые и житейские сношения с пьяными, пока пьяный не вытрезвится. Только при строжайшем, — без всяких исключений для лиц нужных или будто бы почтенных, — таком видимом гнушении пьянства пастырством, в пастве может восстановиться убеждение, что пьянство — грех.

Меры против жестокости. Взрывам жестокости в самосудах и других народных нестроениях и жестокости в истязаниях, на которые истязатели считают себя имеющими право, противодействие должно быть совсем иное. Убеждение в недозволительности жестокости ни для кого и ни в каких случаях и обстоятельствах должно быть воспитано в народе посредством духовных наказаний: никогда жестокость не должна оставаться ненаказанной. Действующим церковным законодательством наложение наказаний церковных изъято из круга власти священников, и право наложения их оставлено исключительно за епископом (Дух. Регл. § 13). Но существенное наказание (ἐπιτιμία, запрещение — 2 Кор. 2:6, наказание, наложенное по суду) есть запрещение приступать к трапезе Господней; все другие виды церковных наказаний составляют уже возвращение виновному любви отеческой (Евр. 12:8, 6—11). И священник не имеет никакого (по Духовному Регламенту) права отказать в причащении никому, заявляющему о своем раскаянии в совершенном преступлении (за исключением преступления для кающегося, ибо такое преступление есть признак нераскаянности). Жестокость и должна быть объявлена относящейся к числу тех преступлений, которые не могут быть разрешаемы пресвитером без архипастырского суда. Тогда о всяком случае жестокости, хотя бы совершивший это преступление сам еще и не искал разрешения в нем, приходскои пастырь должен донести епископу, с подробным изложением обстоятельств дела и собственным мнением, какому духовному наказанию полезно было бы подвергнуть виновного. На непосредственное, секретное — в случае надобности, донесение священника епископу непосредственно от епископа получает священник и разрешение на свое донесение. По получении сведения о какой-либо совершившейся в приходе жестокости пастырь обязан

призвать виновных к раскаянию, как скоро возбуждение страсти настолько уляжется, что явится возможность говорить с ними, как отцу с детьми. По разъяснении виновным, что они находятся под гневом Божиим впредь до принесения ими искреннего раскаяния, пастырь должен объявить им и о последствиях, какими сопровождается для них настоящее их душевное состояние. Временное отвержение их любовью Божественной должно выражаться непринятием от них никаких даров сыновней их любви, т. е. никаких пожертвований ни на церковь, ни в пользу причта, равно как несовершением для них лично (а не для семейных, если семейные невиновны) никаких молитвословий Церкви. Таким образом не только такие проявления жестокости, которые подпадают каре закона, прежде суда земного должны вызывать суд Церкви, но и не подвергающиеся суду человеческому нарушения шестой заповеди, по изъяснению ее Господом Иисусом Христом (Мф. 5:21 —22), должны непременно понести наказание церковное. Массовые жестокости последствием будут иметь покаяние общее; частные случаи жестокости, — публичным покаяниям мужей, истязающих жен своих, и детей — ругателей и бийц своих престарелых родителей, — научать весь приход понимать, что слово апостола «жена да боится своего мужа» (Еф. 5:33), не есть полномочие бить жену, и что непочтение детей к родителям есть смертный грех, навлекающий проклятие на виновных (Втор. 27:16; Мф. 15:4).

Способ содержания духовенства как причина малоуспешности пастырской деятельности. Одной из существенных причин малоуспешности пастырского воздействия на жизнь прихожан служит способ содержания духовенства, живущего главным образом так называемыми доброхотными даяниями прихожан, а по выражению более точному и откровенному — платой за требы. Этот способ содержания духовенства, когда оно само бывает сборщиком с народа тех средств, какие на содержание духовенства дает народ, имеет то преимущество, что духовенство получает свое содержание при наименьшем обременении плательщиков, так как дело обходится здесь без всяких посредников между народом и духовенством. Но, при этом экономическом преимуществе, этот способ содержания духовенства настолько вреден в духовном отношении, что даже жалованье от Правительства, когда Правительство берет на себя посредство между плательщиком-народом и духовенством, является более желательным, чем существующий, будто бы апостольский, способ содержания пастырей Церкви и их сотрудников. Осмелился ли бы кто-нибудь предложить апостолу Павлу плату за всенощную в Троаде или апостолу Петру за то, что он пришел в Лидду воскресить Тавифу? Итак, пока в народе и в духовенстве существует убеждение, что за молитву и вообще за пастырский труд можно и должно платить, — настоящий способ содержания духовенства не есть апостольский; апостольским он стал бы тогда, когда в народе, вместо настоящего взгляда на дело, воспиталось бы убеждение, что ему нужно содержать духовенство, потому что духовенство ему нужно, подобно тому как народ содержит пастуха, нужного ему для его бессловесного стада. Самый же большой духовный вред настоящего способа содержания духовен-

ства, способа беспосредственного, состоит в том, что духовенство становится в глазах народа его эксплуататором, и между духовенством и народом образуется антагонизм; духовенство старается получить возможно больше, а народ старается отделаться возможно меньшим. Может ли такое отношение не уничтожать отношения духовного отчества и сыновства? Смешение этих двух понятий «содержание духовенства» и «плата за труд» и создает иллюзию эксплуатации там, где даже и нет эксплуатации. Например: за венчание брака, за предбрачные сведения, за справку в книгах, нужную для брака, берется гораздо больше, чем стоит сам труд, — берется по тому (не сознаваемому даже иногда) основанию, что женится человек в жизни однажды, редко дважды, еще реже трижды; потому при таком «случае» и следует взять «налог» на содержание духовенства в 3 руб., в 5 руб., в 7 руб., в 10 руб., в 15 руб.

Способ переустройства обеспечения духовенства. Как уничтожить в народе это представление о плате (и иногда слишком дорогой, непомерно дорогой плате) духовенству за его духовное делание? Установлением таких свободных отношений между пастырем и приходом, чтобы приход сам озабочен был изысканием средств на содержание духовенства для того, чтобы не лишиться своего пастыря и его помощников. А это может быть достигнуто при двух условиях: при сложении обязанности содержать духовенство на весь приход с тех, которые лично имеют нужду в пастырском делании (крестины, свадьбы, похороны, молебны, панихиды, водосвятия, исповедь, причащение, обедни, вообще все «заказное» в пастырском служении); во-вторых, при предоставлении пастырю полной возможности оставить тот приход, где содержание представляется для него недостаточным, и перенести свою пастырскую деятельность в другое место. Пастырская деятельность должна быть всегда равной, как река, которая катит свои волны и к которой всякий во всякое время приходит, чтобы утолить свою жажду и удовлетворить все другие потребности в ее струях; ничего — личного, ничего — заказного, ничего — такого, что̀ доступно тому, у кого есть деньги, и недоступно тем, у кого денег нет. Сколько дней в седмице может священник употреблять на служение литургий, столько и употребляет; а сорокоуст пусть состоит в том, чтобы, у кого есть новопреставленный, тот и приходил бы в течение сорока дней к совершаемым в эти седмицы литургиям и панихидам. Лития после обедни, по уставу, или и полная панихида — если есть желающие, молебен Спасителю, Божией Матери и тем святым, память которым приходится между одной литургией и другой, пусть совершаются после каждой литургии, и все желающие пусть участвуют в этих молениях без всякой за то платы. Пусть не будет различия обязательных и необязательных, оплачиваемых и неоплачиваемых, личных треб; что̀ обязательно для паствы (молитва родильнице, молитва в 40-й день и год, в порядке Требника), то пусть будет обязательно и для пастыря. Пусть при входе в храм будут две кружки: одна — для пожертвований на храм, другая — для пожертвований в пользу причта; и, если в последнюю пожертвований поступает недостаточно, то приход сам должен озаботиться восполнением этих средств, зная, что при их недостаточности священник уйдет

от них. Точно так же и вещевые сборы: пусть священник не сам ходит и лично выпрашивает; пусть приход сам озаботится, чтобы сборами этими, — которые для прихода легче, чем денежные взносы, — пополнялась скудость денежных средств, доставляемых приходом. Уход причта из прихода, не доставлявшего достаточных средств к его содержанию, и причисление прихода к другому, ближайшему, будут достаточным побуждением к тому, чтобы приход сам себя обложил — как знает — для доставления причту достаточных средств к содержанию. Тогда приход сам озаботится сделать для причта нежелательной перемену места служения устройством хороших причтовых домов, наделом причта землей и тому подобными удобствами и выгодами жизни. И все это достиглось бы без всякого озлобления, без всякой личной зависимости от того или другого богатого прихожанина.

Увеличение числа пастырей, как средство к возвышению духовной жизни в приходах. Против такой постановки дела представляется то возражение, что в конце она все-таки отзовется сокращением числа приходов и увеличением числа душ, приходящихся на попечение одного пастыря, и сокращением числа церквей, в которых совершается непрерывно богослужение. Одним словом, против такой перемены в отношениях между пастырями и приходами будут говорить все то, что̀ говорилось при уничтожении реформы в церковной жизни, предпринятой при обер-прокуроре Св. Синода графе Д. А. Толстом. Итак, не лучше ли оставить все в существующем порядке, а надежду улучшения приходской жизни возложить на увеличение числа пастырей? Пусть будет больше пастырей неприхотливых и нетребовательных, хотя бы для этого пришлось понизить образовательный ценз священства — ставить священниками хороших по жизни диаконов и псаломщиков? Ответ заключается в вопросе: если все оставить так, как теперь существует, то нельзя ожидать никакого возвышения духовной жизни в православном народе, а будет продолжаться ее понижение. С понижением образовательного ценза для получения священства понизится и моральный уровень пастырства, потому что хорошая жизнь посвящаемых во иереи диаконов и псаломщиков есть свидетельство только того, что они свободны от грубых пороков, а отнюдь еще не доказательство истинного их благочестия; и, если отношения между паствой и пастырем построены на начале добывания самим пастырем с прихода средств к содержанию, то эксплуатация прихода полуневежественными пастырями, воспитанными на этих началах, примет бóльшие размеры, более грубые формы, а соответственно тому будет усиливаться и недовольство паствы своими пастырями.

Личное воздействие пастыря на паству. С уменьшением числа пастырей, с увеличением района приходов и числа прихожан, приходящихся на одного пастыря, должно ослабляться личное влияние пастыря на паству. Но в чем состоит в настоящее время это личное влияние? Проповедничество не есть влияние личное, а массовое; проповедь действует одинаково, произносится ли она для 400 или для 800 душ слушателей. Рекомендуемые иногда пастырские беседы при посещении домов прихожан, когда священники ходят по домам

или под окнами для сбора подаяния зерном, яйцами, шерстью, — очень неудачная выдумка. Сами прихожане не привыкли обращаться к священнику за советом и наставлениями потому, что привыкли к тому, что священнику за всякое «беспокойство» его надобно заплатить. Остается единственное личное воздействие пастыря на прихожанина — при исповеди. Известно, каково может быть это воздействие, когда число исповедующихся в сутки у священника от 200 или 300 душ доходит до 900 душ. Исповедь совершенно утратила у нас значение духовного воздействия пастыря на паству.

Действие духовника для возвышения духовной жизни прихода. Исповедь в том виде, как она теперь у нас совершается, состоит в одном разрешении грехов, и — не только без ущерба для духовной пользы прихода, но даже с большим преимуществом в этом отношении — могла бы быть заменена общей исповедью, как и практикует это о. Иоанн Кронштадтский. Православный народ привык к мысли, что те только грехи получают прощение от Бога, которые перечислены (самим исповедующимся или за него духовным отцем его) при исповеди, и смущаются совестью, если забудут или не посмеют высказать, хотя бы это были грехи заведомо общие ему, исповедующемуся, вместе со всеми исповедующимися и вместе с самим духовным отцем его, например: леность на молитву, рассеяние мыслей за богослужением, осуждение и т. д. Совершенно утратилось понимание того, что устное признание исповедующегося духовнику нужно ему, чтобы он, духовник, мог изречь суд: можно ли этого исповедавшегося допустить ко св. причащению, или — иначе — истинно ли он раскаивался в исповеданных грехах своих. Если прихожане будут знать, что продолжающие быть «ворами, лихоимцами, пьяницами (за исключением тех, у кого пьянство обратилось уже в болезнь), злоречивыми, хищниками» (1 Кор. 6:10), как нераскаянные грешники, не могут получить разрешения, а потому не могут и приступить к причащению, — то такие или вовсе не будут приступать к исповеди, или же будут у духовного отца своего прямо просить разрешения своего сомнения: можно ли им, при пленении такими-то именно страстями и пороками, приступить к причащению. Исповедь получит надлежащее свое значение. Общая же исповедь в грехах, общих всем, предпочитительнее бывающего теперь на исповеди от духовника напоминания кающемуся грехов его, потому что такое напоминание, с объяснением тяжести того или другого греха, может быть неспешное и обстоятельное, продолжаясь хотя бы час времени, а если нужно — и долее. Такое общее приготовление к получению разрешения грехов могло бы быть заканчиваемо общей же и разрешительной молитвой, после которой бы получившие разрешение удалялись, а неуверенные в том, что и им принадлежит изреченное разрешение, оставались бы и доканчивали дело исповеди, раскрывая перед духовником состояние души своей, приводящее их в сомнение — разрешены ли и их грехи. Важно надлежащее понимание таинства покаяния и устной исповеди, понимание того, что при этом и у духовника и у исповедующегося — одна забота: как бы кто не приступил ко св. причащению в суд и в осуждение себе, в поругание святыни таинств, по неведению и неразумному дерзновению. Такая исповедь,

восстановленная в истинном своем значении, может быть очень действительным средством к возвышению духовной жизненности в приходе.

Наложение открытого церковного покаяния, как средство к поднятию духовной жизни в приходе. Возбуждению и возвышению духовной жизни прихода могло бы содействовать и восстановление в силе церковного (публичного, по современному словоупотреблению) покаяния или епитимии за явные грехи, — покаяния, обратившегося ныне в формальность судебного делопроизводства. Оставление явных грехов ненаказуемыми распространяет и укрепляет в православном народе мысль о дозволительности таких грехов. О незаконном сожительстве говорят совершенно свободно, как о деле общепринятом, с того времени, как распространили на него название гражданского брака. Так как епитимия налагается у нас только за деяния, открывшиеся по суду, то и дошло дело до того, что ни пастырям, ни пастве как будто и дела нет до открытых нарушений закона евангельского. Всем известные нарушители его избираются в служение церковных старост, церковных попечителей, удостаиваются общения с ними епископов (до сведения которых считается недозволительным доводить то, что̀ всем, кроме них, известно), получают благословения Святейшего Синода и Высочайшие награды по ходатайству духовного правительства, — и через то грех в Церкви пользуется кажущимся почтением и уважением. Приход должен быть призван к содействию пастырю своему в обличении и наказании явных грехов. Что̀ сказано выше относительно случаев жестокости, — должно быть распространено и на другие явные грехи. От кого бы ни услыхал о них пастырь, он должен идти и потребовать объяснения у обвиняемого, о последствиях своего обличения и увещания донести архипастырю со своим заключением, и полученное от епископа решение суда духовного привести в исполнение — или через понесение виновным возложенной на него епитимии, в умиротворение негодования на грех, которое должна ощущать вся местная Церковь (приход — 2 Кор. 7:11), или через недопущение виновного до участия в трапезе Господней. И епископ, узнавший о каком-либо явном грехе, остающемся без обличения и наказания, должен потребовать объяснения от местного пастыря, как он допускает гибель души, не употребляя в дело врученной ему власти. При дарованной в наши дни, милостью Божией, свободе совести, с восстановлением в надлежащей силе суда церковного, произойдет истинно желательное отделение от стада Христова тех, кто, не имея христианских убеждений и в душе давно уже не принадлежа к Церкви, продолжал являться для всех сыном православной Церкви — потому, что отступление от нее не дозволялось уставом о предупреждении и пресечении преступлений. Для тех же, которые истинно принадлежат к Церкви, публичная епитимия за явные грехи будет спасительным действием внимательной к детям матери, которая своим окриком призывает к благонравию забывшихся малых детей. В деревнях, где неверие не сделало еще такого опустошения, как в городском и фабричном населениях, преступления буйной, озорной молодежи против собственности и личности, может быть, благовременно еще встретят плотину, которая окажется еще в состоя-

нии вернуть к надлежащему мирному течению жизнь, которая всюду теперь делается подобной бурливому потоку. В мерах церковного наказания встретит себе обличение и вразумление и другое зло большинства наших приходов, зло не признающееся и, благодаря преступному невмешательству пастырей, привыкшее встречать кажущееся уважение к себе, это — эксплуатация капиталом местной бедноты, когда весь приход считает иные лица аспидами и кровопийцами, а называет благодетелями. Когда суд духовный, суд Церкви, выражающийся наложением публичной епитимии за явные грехи, будет восстановлен в своей силе, тогда, по многочисленности запросов от пастырей к их архипастырям, окажется, быть может, необходимость возвратить пастырям отнятое у них Духовным Регламентом право наложения епитимии, — даже до лишения св. причащения, — собственной властью, без донесения о том архиерею. В настоящее время, при образованном пастырстве, — можно надеяться, — очень редкими окажутся печальные случаи возмутительного злоупотребления пастырской властью, когда лишение причащения обращается в средство эксплуатации, вымогательства.

О реформе суда духовного

Задача правосудия заключается в том, чтобы установить истину, фактическую и юридическую, и охранить или восстановить право, нарушенное произволом или злой волей. Эту задачу может решить только правильно организованный суд. В основе организации суда и вообще судебной деятельности лежит право: материальное и формальное. Материальное право составляют определения как преступных деяний, так и соответственных каждому из них наказаний. Формальное право, или процесс, в сущности есть не что иное, как применение к отдельным жизненным случаям положений материального права. Между тем и другим правом существует необходимая связь и последовательность, и только правильная постановка того и другого обеспечивает правильный суд, и — наоборот — ненормальности в содержании материального права должны вести к аномалии при применении их; с другой стороны, при неправильном процессе применение целесообразных норм может повести к несправедливости. Из этих двух элементов слагается и духовный суд — не тот тайный суд совести, который выражается в таинстве покаяния, а суд Церкви внешний, формальный. Следовательно, и духовный суд, чтобы удовлетворять целям правосудия, должен иметь доброкачественное материальное право и таковой же процесс. Имеет ли и то и другое духовный суд действительно в доброкачественном виде и поэтому удовлетворяет ли он целям правосудия? Для разрешения этого вопроса необходимо обратиться к рассмотрению как материального права, так и процесса духовного суда, и обсудить, насколько они достигают своей цели — восстановить правду. Руководящими началами при этом послужат, с одной стороны, требования современного состояния светского правосудия, с другой стороны — требования канонические, т. е. те начала, которыми руководилась древняя вселенская Церковь при отправлении

правосудия. Первые — помогут выяснить, насколько наш духовный суд удовлетворяет или не удовлетворяет своему назначению, и — в последнем случае — что̀ в нашем духовном суде надо изменить и дополнить, одним словом — как его реформировать. Вторые — укажут нам пределы необходимой реформы, т. е. то, что̀ в духовном суде должно быть сохранено, чтобы при реформе не поколебать вселенские и неизменные начала церковного строя.

ЧАСТЬ I. МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

Основанием всякой карательной деятельности в современном государстве является закон. Закон содержит в себе те правовые нормы, или обязательные для всех запреты, что̀ делать и чего не делать, и устанавливает наказание за неисполнение. Ни облагать наказанием деяния, в момент их совершения по закону не наказуемые, ни приговаривать виновных к наказанию, в законе не установленному, судья не имеет права. Уложение о наказаниях формулирует этот принцип (nullum crimen, nulla poena sine lege) следующим образом: «Наказания за преступления и проступки определяются не иначе, как на точном основании постановлений закона» (ст. 90). И в светском суде этот принцип действительно находит себе применение, потому что материальное право отличается там ясностью, точностью и полнотой как в определении возможных преступлений, так и соответственных каждому проступку наказаний. В светском карательном кодексе установлена соразмерность наказаний с тяжестью преступных деяний, и тем ограничен, если не изъят совершенно, судейский произвол в деле назначения наказаний. Последнее достигается тем, что в Уложении о наказаниях создана так называемая лестница наказаний, в которой все роды наказаний, разделенные на виды и степени, по сравнительной их тяжести, располагаются в последовательном порядке степеней, в форме арифметической или геометрической прогрессии. На основании 104 ст. Уложения, мера установленного законом за преступное деяние наказания определяется: «по мере большей или меньшей умышленности в содеянии преступления; по мере большей или меньшей близости к совершению онаго, если преступление не вполне совершено; по мере принятого подсудимым участия в содеянии преступления или в покушении на оное; наконец, по особенным, сопровождавшим содеяние преступления или покушение на оное, обстоятельствам, более или менее увеличивающим или же уменьшающим вину преступника».

Так ли совершенно материальное духовно-судное право?

Материальное духовно-судное право изложено в Уставе духовных консисторий, в разделе III, собственно, в ст. 176—196. Таким образом, в двадцати статьях сосредоточено все духовное уложение о наказаниях, указаны как возможные проступки священноцерковнослужителей, так и определены соответствующие им наказания. В частности, Устав предусматривает: оскорбление действием в церкви, во время богослужения, и оскорбление неприличным словом и вообще тяжкое оскорбление вне церкви (179, 186 ст.); произведен-

ное в церкви неблагочиние, повлекшее соблазн, замешательство и остановку богослужения (180 ст.); совершение в нетрезвом виде церковного богослужения (181 ст.); неуважение к дому Божию и освященным вещам оного, выразившееся в неприличном слове или действии (182 ст.); допущение, по нерадению, младенцу умереть без крещения и больному без покаяния (183 ст.); вымогательство платы за преподание треб (184 ст.); нарушение целомудрия или святости брака (185 ст.); нетрезвость (187 ст.); повенчание лиц несовершеннолетних, или находящихся в родстве, или же обязанных супружеским союзом, без соблюдения надлежащих предосторожностей (188, 189, 190 ст.); неисправность по отправлению богослужения и треб, а также немиролюбие (191 ст.); неисправное ведение приходо-расходных, метрических, обыскных книг и исповедных росписей (192—193 ст.). И только. Но этим в действительности не исчерпываются возможные проступки священноцерковнослужителей против должности, благочиния и благоповедения. В частности, вышеозначенными статьями не предусматриваются таковые и, как это видно из практики консисторского суда, чаще других проявляемые духовными лицами проступки: самовольные и продолжительные отлучки из прихода, неподчинение и неуважение низшего члена причта высшему, оскорбление одним членом клира другого при исполнении служебных обязанностей, учинение растраты или присвоение церковных или братских денег, грубое обращение с прихожанами, жестокое обращение с женой или детьми, неисполнение следователями порученного им дела, превышение власти со стороны благочинных и т. д. Наличность виновности священноцерковнослужителей в сих и им подобных проступках ставит духовный суд в затруднение относительно определения соответствующего наказания. Выход из этого затруднения, правда, указывается 195 ст. Устава дух. конс., которой предписывается — в случаях, которые не означены в сем Уставе, руководствоваться церковными правилами или Сводом Законов Российской империи, в особенных же случаях испрашивать разрешение Св. Синода; но этот выход соединен с большим затруднением, как по отысканию подходящих церковных правил или светских указаний, так и в самом применении таковых. Дело в том, что, рассматривая те канонические правила, которые положены в основании церковного суда над духовными лицами и определяют наказания за различные преступления, находим, что некоторые из них составлены под влиянием временных обстоятельств и бытовых условий, при отсутствии которых они естественно теряют свою действительную силу (Карф. 12, 29). Затем, многие правила, приложение которых к современным порядкам было бы очень желательно, или не действуют, или видоизменены до такой степени, что утратили свое первоначальное значение (Ап. пр. 37-е; Ник. 5-е; Конст. II, 8-е; Ап. 34-е; 19-е, 9-е и др.). Отсюда возникают вопросы: что̀ нужно считать в канонах Соборов и отцев Церкви действующим и обязательным для судебной власти законом? и где критерий для различения того, что̀ остается в них обязательным для настоящего времени и что̀ отошло в область истории? Ни церковная практика, ни наука, ни законодательство не дают такого прочного и надежного критерия. Между тем, и с

юридической и с практической стороны точное определение положительного значения древнего канонического законодательства для современной церковной практики, как правительственной, так и особенно судебной, имеет существенную важность. Очевидно только, что вопрос этот не может быть предоставлен произволу практики, как это бывает теперь, и не может быть разрешен наукой, которая бы только могла подготовлять материал к решению его. Он принадлежит всецело церковно-законодательной власти, и только ею может быть разрешен.

Что касается упомянутого в статье Свода Законов или светского законодательства, то, действительно, некоторые из перечисленных проступков, не содержащихся в Уставе дух. конс., там упоминаются; предусмотрены там и многие другие (см. Улож. о наказ.), но в качестве уголовных и потому подлежащих — согласно п. *в* 149 ст. Устава — действию уголовного суда. Хотя Устав дух. конс. передает уголовному суду только тяжкие уголовные преступления, но самого понятия «тяжкое» не определяет, и самых проступков и преступлений, относящихся к категории тяжких, не перечисляет. Обсуждение проступков со стороны их тяжести на практике сводится к усмотрению суда, а это не одинаково отражается на участи виновных в них лиц. В интересах правосудия, законодательной церковной власти следовало бы восполнить соответствующие статьи Устава или — лучше — создать карательный кодекс вновь, заимствовав определение преступлений как из церковных правил, не утративших своей силы и значения и в настоящее время, так и из Свода Законов. Из правил св. отец, Вселенских и Поместных Соборов нужно бы, кажется, внести в наше Уложение те церковные правила, которые упоминают:

1) О преступлениях служителей Церкви, проистекающих от злоупотребления правами церковного священнодействия, куда относится всякое незаконное совершение или несовершение, преподание или не преподание другим всех таинств св. Церкви, и в частности: неправильное совершение крещения (Ап. пр. 47-е, 49-е, 50-е; Карф. 59-е; VI Всел. Соб. 31-е, 59-е); освящение мира пресвитером для таинства миропомазания (Карф. 6-е); неупотребление в таинстве евхаристии узаконенного вещества (VI Всел. Соб. 32-е, 28-е); не преподание сего таинства умирающим (I, 13-е; Карф. 7-е; Грич. Нис. 2-е, 5-е), непринятие кающегося и неправильное разрешение связанного другим (Ап. 52-е); совершение незаконного брака (VI, 6-е; Неок. 1-е; Феоф. 13-е и др.); незаконное избрание и поставление на степени и должности церковные, как-то: избрание незаконнопоставленной властью (II, 4-е; Сард. 18-е), через симонию (Ап. 29-е; IV, 2-е; VI, 22-е), избрание новообращенных к вере (Ап. 80-е; I, 2-е), или изменявших ей когда-либо (I, 10-е), не отличающихся умственными качествами и образованием (Ап. 80-е; VII, 2-е), состоящих в незаконном супружестве (Ап. 17—19-е; IV, 14-е; VI, 3-е, 72-е; Вас. Вел. 2-е) и впадших прежде рукоположения в тяжкий плотский грех (I, 10-е; Карф. 68-е; Григ. Нис. 5-е; Ап. 22-е; I, 1-е); поставление посторонним епископом без воли местного епископа (Ап. 14-е, 35-е; I, 15-е), в чужую епархию (I, 16-е; IV, 20-е), без назначения к определенному месту (IV, 6-е).

2) По преступлениям, проистекающим из нарушения прав и законов церковного управления, из которых одни свойственны епископам, как-то: нарушение пределов поместного управления и смешение Церквей (II, 2-е; III, 8-е; IV, 17-е), распространение власти на другие епархии, выражающееся учением (VI, 20-е; Сард. 11-е), рукоположением клириков и совершением других священных действий (Ап. 14-е, 35-е; I, 15-е; II, 2-е; IV, 5-е и др.), принятием к себе клириков других епархий без законного увольнения (VI, 18-е; Карф. 91-е), неуважение к распоряжениям других епископов и общение с отлученными от них (Ап. 16-е; I, 5-е; Ант. 3-е) и всякое самовольное действование без воли высшего церковного правительства (Ап. 14-е; Ант. 6-е, 9-е, 16-е и др.), с оскорблением общих правил и постановлений Церкви (VI, 2-е; VII, 1-е), с нарушением прав и преимуществ, свойственных Церквам (III, 8-е; IV, 28-е; VI, 29-е и др.). Другие преступления свойственны клирикам, и таковые, как предусмотренные церковными правилами, необходимо следует внести в церковный устав о наказаниях; сюда относятся: а) самовольный переход от одной церкви к другой (Ап. 15-е; IV, 5-е, 20-е; VI, 17-е; Ант. 3-е; Сард. 16-е), отделение от своего епископа и самочинное служение (Ап. 31-е; IV, 8-е; Ант. 8-е; Сард. 14-е), неповиновение суду своего епископа, перенесение от него дела к другому, а еще более к суду светскому (Ант. 4-е, 15-е; II, 6-е; IV, 9-е; Карф. 15-е, 37-е, 118-е, 139-е); б) преступления, проистекающие из нарушения обязанностей священнослужения, как-то: неправильное против устава служение церковных служб (VI, 32-е, 81-е), продолжительное опущение церковных служб (VI, 80-е; Сард. 12-е), святокупство или обращение священных действий в предметы корыстолюбия и продажи (VI, 23-е), совмещение церковного служения с мирскими званиями и должностями (IV, 3-е, 7-е; VII, 10-е и др.); в) преступления, оскверняющие священный сан, куда относятся: все плотские грехи (Ап. 25-е; Неок. 1-е; Вас. Вел. 32-е, 52-е), лихоимство (Ап. 41-е; I, 17-е; VI, 10-е), нетрезвое поведение (Ап. 42-е), отречение от своего сана и оставление его (Ап. 62-е; IV, 7-е).

3) Преступления, возникающие от взаимного нарушения прав и преимуществ друг друга, как-то: незаконное низложение епископом прочих служителей (I, 5-е), досаждение епископу от других служителей (Ап. 55-е; IV, 18-е; VI, 34-е), неуважение низшими служителями Церкви высших и присвоение себе первыми преимущества последних (Лаод. 20-е; I, 18-е; II, 7-е), тяжбы и ссоры их между собой по разным искам в дележе доходов и пользовании церковной собственностью (I, 5-е; II, 6-е; IV, 9-е, 17-е; Ап. 38-е, 73-е и др.); преступления клириков против мирян, например — в случаях присвоения ими себе имущества последних и других обидах (II, 6-е; Карф. 28-е, 144-е).

4) Служители Церкви так же, как и миряне, могут впадать в преступления, противные вообще христианской вере и нравственности; посему является необходимость обозначить и таковые, например: отпадение от веры христианской и переход в иную нехристианскую (Вас. Вел. 73-е; Григ. Нис. 2-е); фанатизм и изуверство (VI, 1-е; Ап. 27-е; Карф. 74-е, 80-е, 103-е, 122-е; Двукр. 9-е); суеверия и гадания разных видов (Анк. 24—25-е; Лаод. 36-е; VI, 60—63-е;

Вас. Вел. 65-е, 72-е, 83-е; Григ. Нис. 4-е); нерадение об исполнении христианских обязанностей и в частности — уклонение от св. причащения (Ап. 9-е; Ант. 2-е; VI, 80-е; Сард. 11-е); неуважение к христианской святыне (VI, 97-е; VII, 9-е); участие в предосудительных играх и зрелищах (VI, 50-е, 51-е, 60-е, 69-е) и все безнравственные поступки, позорящие звание христианина, както: непослушание к родителям (Вас. Вел. 38-е, 40-е, 42-е), неверность супругов (Вас. Вел. 9-е, 21-е, 39-е, 58-е), беспечность о детях (Вас. Вел. 2-е, 33-е, 52-е), содействие распутству (VI, 86-е), святотатство (Григ. Нис. 6-е, 8-е; Двукр. 10-е), воровство (Вас. Вел. 61-е), клятвопреступничество (Вас. Вел. 64-е, 82-е) и др.

Затем, непредусмотренное церковными правилами можно восполнить Сводом Законом, заимствовав из Уложения и Устава о наказаниях и включив в духовное Уложение о наказаниях, во-первых, те статьи, в которых содержится определение проступков и наказаний, подведомых суду духовному, наприер 859 статья Улож. о наказ., гласящая о нарушении священником правил для погребения мертвых, и др., и, во-вторых — те статьи, подсудные светскому суду, которые определяют такие преступления, кои по свойствам своим скорее подлежат суду духовному, нежели светскому. Так, например, обвинение священнослужителя в кощунстве, т. е. в насмешках, доказывающих явное неуважение к правилам или обрядам Церкви православной, предусмотрено 182 статьей Улож. о наказ.; но духовное лицо, обличенное в сем преступлении, прежде всего и по преимуществу является нарушителем правил Церкви и своих духовно-нравственных обязанностей. Таковы же проступки, могущие быть учиненными священноцерковнослужителями и предусмотренные Уложением о наказ. в статьях: 185, 188, 190, 192, 207—209, 859, 1442, 1552 ч. 1, 1557 ч. 1, 1569 ч. 1, 1572 ч. 1, 1577, 1066, 1003. Также и те статьи Улож. о наказ., которые предусматривают проступки и преступления светских лиц по службе государственной и общественной, каковые (за исключением тех, которые влекут за собой наказания, соединенные с лишением или ограничением прав состояния) могут быть применены и к духовным лицам, составив особую категорию проступков против должности духовной, судебной и административной (Улож. о наказ. ст. 329—331, 333, 335—337, 341, 343, 344 ч. 1, 347, 348 ч. 1, 349—352, 354 ч. 1 и 2, 356, 357, 360, 364 ч. 1, 369—372, 380, 381, 383, 388, 389 ч. 2, 390—394, 397—407, 409—423, 426—427, 429—431, 432 ч. 1, 433—434, 470—475, 476 ч. 1, 477, 478 ч. 1, 479 ч. 1, 480 ч. 1, 483, 484, 486—491, 492 ч. 1, 494, 496, 497 ч. 1, 501—504. Устав о наказ.: 35—36, 42—43, 100—141).

Таким образом, восполнение материального права должно идти двумя путями: прежде всего за счет церковных правил, а в случае недостаточности таковых — за счет статей светского Уложения о наказаниях. Редакция статей при этом должна быть самая определенная, чтобы определение проступка было точно и полно, заключая в себе указания на существенные признаки проступка; например, при определении наказания за вымогательство следовало бы не просто выразиться так, как делает наш Устав: «Священнослужители,

уличенные в вымогательстве за преподание треб, отрешаются от места и низводятся в причетники до раскаяния и исправления» (184 ст.), а хотя бы сказать так: «За всякие делаемые кому-либо священноцерковнослужителем притеснения, или угрозы, или предъявляемые требования, с целью получения от них денег или иных материальных выгод за совершение таких треб, которые должны быть отправлены по закону бесплатно, виновные»... и т. д. (ср. 377 ст. Улож. о наказ.). Точно так же при определении наказания за нетрезвость необходимо выразить, что̀ надо разуметь под нетрезвостью (более или менее постоянное неумеренное употребление спиртных напитков), чтобы не подавать повода к разнообразному толкованию судом неясных понятий и к применению суровых наказаний к таким явлениям порочной воли, которые этого по закону не заслуживают.

Особенное внимание также должно быть обращено на определение наказаний за преступления. Вся система взысканий, предложенная Уставом дух. конс. в 176 ст., недостаточна в том отношении, что Устав или упоминает о таких взысканиях, которые на будущее время никак не должны и не могут иметь значения наказаний по суду, или указывает наказания без надлежащей точности и определенности. Устав в числе наказаний ставит поклоны (176 ст. п. 10), тогда как едва ли можно почесть целесообразным обращать в предмет наказания то, что̀ по существу своему должно составлять долг каждого христианина и быть делом свободы, а не принуждения. Устав относит к наказаниям пеню и денежное взыскание, строгий и простой выговор, исключение за штат и отрешение от места (пп. 6, 7, 9, 11); но относительно классификации всех этих наказаний одинаково возникает недоумение, чем различествуют между собой из перечисленных наказаний: пеня и денежное взыскание, строгий и простой выговоры, исключение за штат и отрешение от места. Вообще, вся система наказаний по Уставу дух. конс. оказывается неудовлетворительной в том отношении, что Устав часто налагает наказания без определения срока и периода времени, а смотря по обстоятельствам дела (188 ст.), по усмотрению епархиального начальства (182 ст.), впредь до раскаяния и исправления (181, 186—187 ст.ст.).

Удобнее будет, в смысле постепенности и большей точности, лестницу наказаний для священноцерковнослужителей и монашествующих, упомянутую в 176 статье, расположить таким образом: а) замечание, б) выговор, в) денежный штраф, г) заключение в монастырь от 1 до 3-х месяцев, от 3 до 6, от 6 мес. до 1 года в священнослужение, клиросное послушание, труды, без отрешения от места, д) заключение в монастырь до 3 месяцев, от 3 до 6, и от 6 мес. до 1 года, с отрешением от места, е) низведение в причетники до 1 года, ж) увольнение за штат навсегда, з) лишение священнослужителей и священно-монашествующих сана, но с оставлением в Духовном Ведомстве, и) лишение сана и исключение из духовного звания, і) исключение причетников из Духовного Ведомства. К монашествующим взамен тех взысканий, которые не могут быть к ним применимы, определить: перемещение из одного монастыря в другой, монастырские труды, лишение монашества.

Мы знаем требование 104 ст. Улож. о наказ. о строгой соразмерности наказания со степенью виновности в преступлении. Между тем Устав дух. конс. почти не различает степеней виновности обвиняемого лица и даже не полагает различия между совершением проступков и покушением на оные. Так, по ст. 185 Устава одному и тому же наказанию (лишение сана и исключение из духовного звания) подвергаются священнослужители и за нецеломудренную жизнь и за нарушение святости брака прелюбодеянием, тогда как нецеломудрие есть понятие мало определенное и обозначает скорее преступление, совершаемое в мыслях или в движениях сердца, а оскорбление святости брака прелюбодеянием есть фактическое совершение преступления.

В Уставе духовных консисторий совершенно не упомянуто о порядке внесения в послужные списки священноцерковнослужителей перечисленных в 176 ст. мер взыскания и исправления, налагаемых по суду, а также и в тех случаях, когда лица судимые оправданы и от суда и ответственности освобождены. Касающиеся же сего указы Св. Синода (от 11 марта 1835 г., от 1 апреля 1899 г. № 1922 и от 10 ноября того же года № 7088, от 26 июля 1902 г. № 8) не разъясняют дела. Желательно упоминание в карательном кодексе по этому вопросу применительно к 813 ст. III т. Свод. Зак., изд. 1896 г., по которой в послужные списки гражданских чиновников и канцелярских служителей внесению не подлежат: а) приговоры оправдательные; б) приговоры по делам, прекращенным за примирением сторон; в) приговоры, коими, на основании Уложения о наказаниях и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, определены: внушения, замечания, выговоры, без внесения в послужной список, денежные взыскания, вычет из жалованья или арест на время не свыше трех недель. В послужные списки не вносятся также взыскания, которым чины гражданского ведомства подвергаются без суда, по распоряжению начальства.

Переработанное материальное право для того, чтобы получить действительный авторитет закона, должно быть санкционировано законодательной властью в поместной русской Церкви, т. е. Всероссийским Собором, как выражением общецерковного правосознания.

Обобщая все вышеизложенное, приходим к следующим выводам: 1) Материальное право или карательный кодекс духовного суда (Уст. дух. конс.) не отличается полнотой и точностью как в определении преступных деяний, так и в соразмерности наказания со степенью действительной виновности; переработка его необходима. 2) В основу этой переработки должны лечь церковные правила, а затем недостающее может быть восполнено подходящими статьями из светских карательных кодексов, т. е. Уложения о наказ. и Устава о наказ. 3) Новый карательный кодекс, точно так же и новый процесс (о нем будет сказано ниже), должен получить санкцию церковной законодательной власти, т. е. Всероссийского Собора.

Когда вопрос о материальном праве будет разрешен надлежащим образом и духовный суд приобретет совершенное материальное право, тогда он станет на твердую почву, почву закона; усмотрению суда не будет места, и действия суда станут правомерными.

Из предыдущего мы видели, что для достижения правосудия необходимо точное и полное материальное право. Но это — одна сторона дела. Как бы ни было совершенно материальное право, на котором основывается правосудие, оно не достигает своей цели, если не будет иметь совершенным формального права. Формальное право, или процесс, есть система юридических норм, определяющих организацию судебной власти и формы, в которых должна производиться судебная деятельность, т. е. судоустройство и судопроизводство. Судоустройство определяет — в частности — права, пределы и круг деятельности судебной власти во всех ее инстанциях, род дел, подлежащих ведению каждой, и отношения между собой разных органов правосудия. Судопроизводство устанавливает те обязательные формы, в которых должна двигаться судебная деятельность, преследуя цели правосудия в каждом данном случае. И то и другое имеют своей общей задачей — дать суду и сторонам, в деле заинтересованным, все возможные средства к тому, чтобы достигнуть объективного убеждения в существовании правонарушения или преступного действия и восстановить правовое равновесие или подвергнуть наказанию преступную волю. Как же должен быть устроен процесс, т. е. судоустройство и судопроизводство, чтобы он наиболее удовлетворительно решал свою задачу?

Глава I. Судоустройство

В настоящее время наукой и законодательством одинаково признано, чтобы в основу устройства судов были положены некоторые общие принципы, которые обеспечивают внутреннее достоинство судов и обусловливают достижение правосудия. К таковым принципам относится, прежде всего, самостоятельность суда, т. е. чтобы суд руководился теми только целями, какие указываются целями правосудия и никакими другими, потому что всякие другие цели и соображения вредно отражаются на правосудии. Вследствие этого основного положения современное право требует отделения суда от администрации и возможной независимости судебной власти от административной, т. е. чтобы рассмотрение всех судных дел было предоставлено только судебным учреждениям, без всякого вмешательства и участия властей административных. К отделению суда от администрации побуждает не одно удобство разделения труда, но также и необходимость разъединения властей административной и судебной, для взаимного ограничения одной из них другой. Администрация требует от управляемых исполнения закона и предупреждает нарушение законного порядка, а суд восстановляет порядок уже нарушенный и определяет последствия его нарушения. Если одна и та же власть и предъявляет требование, и сама же обсуждает последствия его неисполнения, то очевидно, что обвиняемые не могут иметь никаких ограждений от неправильного преследования их. При соединении администрации и суда в одних руках ничто не представляет ручательства в том, что каждая из двух властей, админи-

стративная и судебная, будет держаться в ее естественных пределах (Жур. Деп. Гос. Сов. с. 164). В отношении к судоустройству принцип самостоятельности суда требует точного определения прав и круга деятельности каждой судебной инстанции, иначе сказать — судебная компетентность различных органов правосудия должна быть строго обозначена законом, подсудность тех или других дел точно определена, и каждый из этих органов, внутри пределов, для него установленных законом, должен существовать и действовать вполне самостоятельно. В силу самостоятельности каждого суда, воспрещается высшей инстанции всякое вмешательство в производство дел низшей инстанции, разве только в порядке, определенном законами, и тогда рассмотрению и суду высшей инстанции подлежит самое дело по его существу или формам (апелляция или кассация), а не суд над действиями низшей инстанции. Самостоятельность суда отражается далее и на внешнем положении судьи, который по Судебным Уставам должен быть несменяем (243 ст. Учр.), т. е. не увольняем, не переводим с одного места на другое, разве только по суду или по собственному желанию. Но, стремясь установить самостоятельность и независимость суда, современное процессуальное право вводит в то же время во внутреннее устройство судебных мест такие независимые от суда элементы, которые предупреждают и ограничивают всякий произвол судебной власти, каковы суть: прокуратура и защита. Первая следит за законосообразностью всех судебных действий, вторая отстаивает на суде частные интересы сторон, ответственных перед судом. С той же целью производство предварительных следствий вверено особым судебным органам — судебным следователям, действующим под надзором прокурора, который постановляет свое заключение по их дознаниям и предает виновного суду, поддерживая затем обвинение и в самом судебном учреждении. Одна из коренных особенностей нового суда заключается, далее, в участии самого общества. Это участие допускается в различных формах: или в предоставлении самому обществу права избрания тех органов правосудия, которым вверяется охранение ближайших интересов частных лиц в определенных сроком границах, или в участии общества в самом приговоре суда о виновности или невиновности подсудимого, о вменяемости или невменяемости ему известного действия, через своих представителей, т. е. присяжных. Суд присяжных известен в двух формах: а) как существующий у нас в России суд присяжных заседателей, в виде отдельной, независимой от суда коллегии народных представителей, избираемых на каждое дело отдельно и постановляющих приговор лишь о вине или невинности и притом без мотивировки его; б) или в виде суда шеффенов, как в Англии, т. е. коллегии народных представителей, избираемых на известный период времени, заседающих вместе с судьями, составляющих одну коллегию и решающих вместе с судьями все вопросы, возникающие в деле.

Система судов. Характер поступающих в суд дел, т. е. большая или меньшая важность их, вызывал необходимость в устройстве судов разной компетенции, а именно: а) суда для разбора мелких дел (мир., гор. суд и зем. нач.) и б) общих судов для разбора дел более серьезных (окр. суд). Для ис-

правления ошибок и неправильностей в решениях дел этими судами установлены апелляционные и кассационные суды. Для мировых судей апелляционной и кассационной инстанцией служит съезд мир. судей, для городских судей и земских начальников — уезд. съезд, а кассационным судом для них — губернское присутствие, для окружных судов является судебная палата. Высший и кассационный суд в империи составляет Сенат. Компетенция судов первой и второй категории точно установлена законом. В случае возникновения пререканий о подсудности и для устранения их установлены особые правила: пререкания разрешаются указанными в законе присутственными местами.

а) Потребность в правильно организованном суде над мелкими проступками вызывается тем, что нередко мелкие проступки нарушают и более дорогие права. Кроме того, непринятие немедленных мер ко взысканию за мелкие проступки ведет часто к дальнейшим, более сложным, правонарушениям. Наконец, наказание за мелкие проступки, если не физически, то нравственно может быть тяжко, ввиду чего надо, чтобы его назначал суд, правильно организованный, обставленный такими условиями, при которых нельзя ожидать ошибочного решения. Отличительные черты этих судов заключаются в следующем. Так как проступки и деяния, которые приходится ему разбирать, имеют более местное, чем общее значение, поэтому этот суд должен иметь местный характер, выбираться из местных жителей. Главная задача этого суда — устранить недоразумение и примирить; поэтому судья должен быть местный житель, член данной среды, более всего способный явиться миротворцем. Суд этот должен быть более простым ввиду несложности самых недоразумений и проступков; поэтому это должен быть судья единоличный. Порядок, установленный на этом суде, должен быть лишен, по возможности, всяких сложных формальностей. Но, будучи местным, единоличным, скорым и неформальным, суд этот должен быть также самостоятельным, независимым и разбирать дела судебным порядком, т. е. присуждать к ответственности лишь за то, что̀ предусмотрено законом, и разбор дел на этом суде также должен быть обставлен необходимой судебной процедурой, требуемой правильным судопроизводством.

Ввиду того, что судьи этих судов решают дела единолично, на случай исправления возможных ошибок и неправильностей необходима апелляционная инстанция. Подача апелляционной жалобы допускается, по Судебным Уставам, не на все решения этих судов, а только на сравнительно более серьезные; более же мелкие дела (арест не свыше 3 дней, штраф 15 руб. и взыскание убытков до 30 руб.) мировые судьи этих судов решают окончательно (124 ст.). На эти решения могут подаваться лишь кассационные жалобы, если имеются на то законные основания (нарушена подсудность, существенные формы процесса, и неправильно применен закон).

б) *Общий суд*. Кроме дел, выделенных судам первого рода, все остальные дела ведают общие судебные места. Суды эти организованы на начале двух инстанций, причем каждое из судебных учреждений приноровлено к особому

кругу. Первая инстанция есть окружный суд, решающий дела частью (очень ограниченное количество) без присяжных заседателей, а все остальные — с присяжными заседателями. Второй инстанцией для дел, решенных окружным судом без присяжных заседателей, является судебная палата, которая является высшей апелляционной инстанцией. Такая система судов служит к тому, что ни один суд не обременен массой дел, вследствие существования мелких судов, а апелляционный и кассационный суд служит гарантией для подсудимого, что ошибки и неправильности в решении низших судов будут исправлены высшими.

Внутреннее устройство судебных мест. Местный судья решает дела единолично. Общие суды, равно как и вторая инстанция в местном суде, построены на коллегиальном начале. В последнее время среди юристов-практиков раздаются голоса за предоставление и в общих судах одному коронному судье права разбирать дела с присяжными заседателями.

Способами занятия судебной должности обыкновенно служат или назначение Правительством, или избрание самого общества. В суды общие обыкновенно назначаются судьи или прямо правительством, или по рекомендации того судебного места, где открылась вакансия. Выборный судья здесь неприменим, потому что этим подрывалось бы начало самостоятельности, несменяемости. Для местных судов, по Суд. Уст., судьи должны назначаться по выбору самого общества. Будучи преимущественно блюстителями мира, судьи эти особенно нуждаются в доверии местного общества, которое, зная живущих среди него, лучше может оценить индивидуальные особенности и моральную сторону избираемого лица, чем это могут правительственные органы. Предоставляя Правительству или обществу выбор, законодатель в то же время выставил условия, необходимые для занятия судебной должности. Условия эти — частью общие, частью специальные. К общим условиям относятся возраст (не менее 25 л.), несудимость и пр. Специальные условия для лиц судебного ведомства — юридическое образование или особая подготовка, а для некоторых должностей — особый стаж. Само собой разумеется, что, кроме перечисленных условий, от кандидата на судебную должность требуется обладание нравственными качествами.

Места предварительного производства или органы следствия. Предварительное производство обнимает ряд следственных действий, имеющих целью собрать, подготовить материал, необходимый для расследования дела по существу. Дела мелкие и простые решаются большей частью без предварительного производства, а если надо собрать доказательства, то это делает не судебный орган, а потерпевший, полиция или административное учреждение, представляющее обвинение. В делах же, подлежащих рассмотрению общих судов, ввиду сложности и важности их, нельзя обойтись без предварительного расследования, и оно Судебными Уставами признано необходимым для всех таких дел. Исключение допускается лишь по делам, решаемым без присяжных заседателей (545 ст. Уст.). Предварительное следствие с 1850 г. производится судебным следователем. Судебный следователь, по Суд. Уст., есть должност-

ное лицо судебного ведомства, приуроченное, как и мировые судьи, к определенному участку. По положению следователь уравнен с судьей. В 1867 г. учреждены следователи по особо важным делам. На окраинах (Закавказье, Сибири, Туркестанском крае, Арх. губ.) производство следствия поручено не особым органам, а местным мировым и участковым судьям. В комиссии 1894 г. по пересмотру судебной части было найдено более удобным соединение в одной должности обязанностей единоличного судьи и следователя, так как обе категории — и следственная и собственно судебная — дают, в сущности, однородный материал. Вся разница сводится лишь к тому, что, собрав доказательства, следователь направляет дело, в установленном порядке, к представителю обвинительной власти для дальнейшего движения, а судья сам разрешает его своим приговором. Опыт тех губерний, где должность следователя соединена с судейской, показывает, что никаких неудобств от этого не встречается. Упомянутая же выше комиссия 1894 г., обсуждая недостатки предварительного следствия, полагала, что от соединения должностей судейской и следовательской предварительное следствие должно даже улучшиться.

Органы предания суду. Куда направляется дело по окончании предварительного следствия? Естественнее всего предварительному следствию идти бы на заключение прокурора, как органа публичного преследования и обвинения, и от него получать или прекращение или дальнейшее движение, в смысле предания суду. Однако есть веские соображения, которые побуждают желать создания особой коллегии для предания суду. Появление публично на суде в качестве обвиняемого само по себе не легко (независимо от того, будет или не будет обвинен); оно причиняет нравственные страдания, может и доставить материальный вред, может повлиять на репутацию, отозваться на всю жизнь. Еще тяжелее, конечно, такое привлечение для невинного. «Выставление человека на позорище публичного обвинения, — говорят мотивы государственной канцелярии (II, с. 188), — наносит его честному имени такой тяжкий удар, которого следы не всегда изглаживаются и оправданием на суде, тем более, что предание суду нередко отражается на состоянии обвиняемого и почти всегда стесняет его свободу». Столь важное значение момента предания суду в уголовном процессе вызывает необходимость поставить его в условия, которые служили бы достаточным ручательством, что на скамью подсудимых не попадет человек, привлеченный к нему пристрастно или легкомысленно; а такое ручательство заключается единственно в разрешении вопроса о предании суду высшей судебной коллегией — обвинительной камерой. Кроме того, стадия предания суду составляет средство контроля над действиями прокурорского надзора и органов предварительного следствия. Сознание, что следствие по каждому делу, подсудному прис. заседателям идет на просмотр в палату, заставляет членов прокурорского надзора и следователей внимательнее относиться к своим обязанностям. По Судебн. Устр., каждое законченное предварительное следствие по делу, влекущему за собой лишение или ограничение прав, шло в суд. палату, как органу предания суду, независимо от того — составлен ли по нему прокурором обвинительный акт или заключение о

прекращении и приостановке преследования (523 ст. Уст.). Позднее, в 1883 г., это изменено, а именно: в палату решено направлять лишь дела с обвинительными актами; те же, по коим прокуратура находила возможным составить заключение о прекращении, поступали в окружной суд. Особая организация обвинительной камеры предания суду дает видеть, что светское законодательство бережно относится к личности обвиняемого, стремясь предавать суду — при посредстве этого института — лиц, действительно совершивших какое-либо преступление.

Таково устройство судов в современном государстве. Нам пришлось остановиться, может быть, несколько подробно на светском судоустройстве с той целью, чтобы иметь возможность сравнить с ним устройство нашего духовного суда и, если позволит особая природа нашего духовного суда, лучшее и необходимое из него заимствовать, так как внутренние достоинства и внешняя стройность организации светской судебной власти не подлежат сомнению, равно и то, что только такая рациональная постановка судоустройства способствует достижению правосудия. Так ли организованы духовно-судебные органы?

Органами судебной власти в духовном ведомстве служат: а) Св. Синод в качестве суда первой инстанции над епископами и в качестве второй апелляционной инстанции по делам, решенным епархиальным судом, б) епархиальный суд. Значение Св. Синода в качестве апелляционной инстанции — весьма ограниченное: туда поступают весьма немногие дела, а именно — имеющие своим последствием лишь лишение сана священнослужителей, исключение церковнослужителей из духовного ведомства (171 ст. Уст. дух. конс.), так что основным духовным судом является епархиальный. Судебная власть в епархиальном суде всецело принадлежит епархиальному архиерею. Он судит священноцерковнослужителей или непосредственно сам по проступкам: а) неведения, нечаянности, неудобоподвергаемым гласности и формам обыкновенного суда, б) вообще по проступкам против должности и благоповедения, не соединенным с явным вредом и соблазном, и в) по жалобам, приносимым именно с тем, чтобы неправильно поступившего исправить архиерейским судом и назиданием без формального делопроизводства (155 ст. Уст. дух. конс.). Во всех других случаях архиерей производит суд через консисторию (154 ст. Уст. дух. конс.). Консистория есть административно-судебное учреждение. Здесь производятся, рассматриваются и решаются всевозможные дела по епархиальному ведомству: и административные, и хозяйственные, и судебные. Дела распределяются по предметам их на отделения и расписываются к производству по столам. Каждый стол вверяется особому наблюдению одного из членов консистории (294—295 ст.ст. Уст. дух. конс.). Решаться же все дела должны коллегиально. Присутствию докладываются все вступающие в консисторию дела и бумаги без изъятия. В слушании и решении дел должны участвовать все члены (309, 313 ст.ст. Уст.). Но так как всех бумажных дел — и серьезных и маловажных — поступает в консисторию довольно значительное количество (в Самарскую консисторию в 1904 г. поступило входящих

№№ 23923 и исходящих №№ 22218), то заслушивать всем каждую бумагу, правильно следить за всеми докладами в присутствии и разумно, со знанием дела, участвовать в их решении, нет никакой возможности, особенно если принять во внимание, что члены консистории обременены приходскими обязанностями; и на практике обыкновенно дело идет таким образом, что регистратор размечает каждую бумагу по столам, а член каждого стола рассматривает и решает дело, к нему поступающее, единолично и затем составленные и заподписанные им журналы или протоколы предлагает для подписи остальным членам. Обмен мыслей и переделка решенного членом происходят вообще редко. Таким же порядком решения консистории не имеют самостоятельного значения. Ибо, по закону, самостоятельной власти в области ли суда или в администрации консистории не предоставлено. По определению Устава, консистория есть не более, как присутственное место, через которое, под непосредственным начальством епархиального архиерея, производятся управление и духовный суд (1 ст. Уст. дух. конс., ср. 1 ст. Угол. судопр.). В случае несогласия с мнением консистории он полагает свое собственное решение, которое и приводится в исполнение (330 ст. Уст.). Вся работа членов присутствия имеет, в сущности, значение приготовительной разработки дела, которая может пригодиться в том только случае, когда архиерей найдет ее правильной, т. е. сообразной с его взглядом на дело. Следовательно, консистория не есть учреждение с самостоятельной юрисдикцией; она не есть даже, по заключению одного канониста и профессора, присутственное место, которое, прочным и твердым устройством своего состава и самостоятельной деятельностью своих членов, могло бы служить надежным определяющим началом для деятельности архиерейской власти, указывать для нее известные формы и границы и направлять движение дел сообразно с требованиями закона, а есть не более как официальная канцелярия при архиерее, имеющая производить приготовительную работу по делам, в нее вступающим. Других судебных органов в епархии Уставом не предусматривается. Таким образом, единственный судебный орган есть архиерей. Все функции судебной власти сосредоточены в архиерее: он отдает под суд на основании доходящих до него различными путями сведений (153 ст. Уст.); он назначает следствие, поручая его производство тем или другим доверенным лицам по своему усмотрению (158 ст. Уст.); он, по неопределенности закона, может оказывать большое влияние на самое производство следствия и суда, сделать его гласным или нет (155 ст. Уст.), т. е. дать делу ход или остановить его в самом начале; собственному усмотрению местного архиерея предоставляются предварительные распоряжения относительно подсудимого до начала суда и следствия, которые сами по себе (например, запрещение священнослужения) составляют чувствительное наказание, а при неопределенности процесса, на основании одного доноса, могут часто постигать невинного (159 ст. Уст.); ему принадлежит право наблюдения над правильностью производства следствия, и к нему поступают жалобы на медленность или неправильные действия следователей (167 ст.); он, наконец, произносит и окончательный приговор, или утверждая

определение консистории, или полагая свою собственную резолюцию, которая, за исключением самого крайнего наказания, т. е. лишения сана, приводится в исполнение без объявления удовольствия или неудовольствия. Обвиняемому дозволяется только приносить частные жалобы в Синод (173—174 ст.ст. Уст.). Защиты обвиняемого и участия общественного элемента на суде, в виде присяжных заседателей, на суде епархиальном не имеется.

Сопоставляя судоустройство светское и наше духовное, видим, что наше судоустройство представляет собой почти полную противоположность судоустройству светскому. Оно отличается, во-первых, смешением суда и администрации, как в лице епархиального архиерея, так и в лице консисторий; во-вторых, — смешением в одном лице епархиального архиерея всех судебных функций: обвинительной, по соображениям которой определяется предание суду; следственной, по указаниям и под влиянием которой собираются данные для суда, и, наконец, судебной в тесном смысле, от которой зависит окончательный приговор; в-третьих — неимением защиты обвиняемого на суде и общественного элемента в отправлении правосудия; в-четвертых — отсутствием организации системы судов, мелких и высших, в качестве апелляционных и кассационных судебных органов; в-пятых — отсутствием организации судебных следователей и каких-либо определяющих начал в предании суду обвиняемых. Такое отличие не составляет достоинства нашего судоустройства и не способствует достижению правосудия; напротив, как показывает продолжительный опыт и наблюдение, вредно отражается на последнем. В частности, смешение суда и администрации, и вообще всех судебных функций, а также неимение защиты и суда присяжных, часто влечет за собой решение судного дела не по требованию закона и справедливости, а по соображениям целесообразности и вообще усмотрения. Местная судебная практика за предыдущие годы в подтверждение сказанного представляет не единичные примеры: в 1903 году решено административно 21 дело из 83, имеющихся в консистории судных дел, т. е. ¼ всех судных дел; в 1902 году около 10 (по описи 1903 г. №№ 19, 21, 34, 37, 45, 46, 53, 59, 60, 62, 68, 71, 79, 77, 54, 16—15, 11—12, 7). Большая часть судных, решенных административно, дел закончены производством в консистории, по распоряжению его преосвященства, переводом подсудимых в другие приходы. Один из подсудимых уволен без суда (следствие было произведено) от должности (№ 62); есть случай посылки в монастырь без суда за повенчание несовершеннолетних (71).

Отсутствие мелких судов, обременяя епархиальный суд делами маловажными, тем самым отдаляет решение дел более серьезных, вследствие чего последние остаются без движения по целым годам (из 72 дел 4-го судного стола в 1902 г. около 10 дел было мелких, затем из остальных 17 дел, т. е. почти ¼ часть дел, находились в производстве более года). Одно дело было в производстве три года (№ 5, 12 января 1902 г. — 12 января 1905 г., д. свящ. Лебин). В 1901 г. из 93 дел — мелких было около 15, более года находилось в производстве 8 дел, следовательно, около $^{1}/_{10}$ всех решенных дел более полугода. Эти цифры не служат точными показателями судебных дел, решенных адми-

нистративно. Сюда надо причислить дела, решаемые архиереем непосредственно, а также разбирательства всех прочих столов консистории.

Малое развитие высших апелляционных и кассационных судов лишает возможности исправить ошибки и неправильности в решениях низших судов.

Отсутствие положительных норм в Уставе, которыми определялось бы устройство следственных органов, т. е. судебных следователей, вредно отражается на предварительном следствии. В настоящее время следствия производятся не постоянно одними и теми же лицами, но для каждого дела назначаются особые следователи. Лица сии, не имея ни опытности, ни знания по следственной части, естественно, делают много ошибок и опущений. Произведенные такими следователями следствия в большинстве случаев оказываются поверхностными, неполными по содержанию и несогласными с установленными формами и правилами, вследствие чего весьма нередко возвращаются епархиальным начальством для исправления и дополнения или для нового производства, а через то окончание дела замедляется на месяцы и даже годы. В 1904 г. из 60 произведенных следствий 9 возвращались для восполнения, одно даже два раза. Если принять во внимание, что из оставшихся не восполненными 51 дела 11 приходится на дела маловажные, по коим всякое следствие могло быть удовлетворительно, то окажется в 1904 г. возвращенными следователям для исправления ⅓ всех судных дел. Цифры возвращенных следствий по разным городам неодинаковы.

Предание суду священноцерковнослужителя совершается у нас просто, ибо, по закону (156 ст. Уст. дух. конс.), всякая бумага, поступившая к архиерею или в консисторию, должна вызывать следствие и суд. Между тем сколько неосновательных и даже клеветливых доносов поступает к епархиальному начальству на духовных лиц, и каждый из них подвергает часто лиц невинных преданию суду. Тяжелое состояние священнослужителя, преданного суду по пустякам, отягчается тем еще обстоятельством, что у него отбирается немедленно ставленая грамота, а иногда запрещается священнослужение, так что обвиняемый сразу становится в положение, так сказать, арестованного.

Таким образом, наше судоустройство не отличается рациональной постановкой, мало служит целям правосудия и вредно отражается на положении подсудимых. Очевидно, такое судоустройство не может оставаться в том же виде и должно быть реформировано. Каким образом? Из вышеизложенного ответ ясен: посредством применения уже выработанных начал общего гражданского судоустройства к потребностям суда духовного. Что начала эти вполне современны, в смысле соответствия их общественным потребностям, глубоко обдуманы, широки и вполне рациональны, — в этом едва ли можно сомневаться в настоящее время. Применение их в церковном судоустройстве, несомненно, и духовное правосудие поставит на должную высоту. Вопрос только в том, как применить их, чтобы не стать в противоречие с канонами, и не изменить природы суда духовного. Реформа процесса может пройти только в согласии с канонами. И прежде всего, возможно ли к суду духовному применить коренное начало светского процесса, именно — отделить суд от адми-

нистрации, чтобы поставить духовный суд в отправлении правосудия независимо от архиерея, как главного администратора епархии, а также возможно ли устранить существующее теперь смешение судебных функций? Обращаясь к церковным правилам, видим, что епископу действительно принадлежит вся полнота церковной власти: законодательной, в бóльших или меньших размерах, правительственной и судебной. Особенно ясно это высказано в 9-м правиле Антиохийского Собора: «Каждый епископ имеет власть в своей епархии (парикии), и да управляет ею с приличествующей каждому осмотрительностью, и да имеет попечение о всей стране, состоящей в зависимости от его града, и да поставляет пресвитеров и диаконов, и *да разбирает все дела с рассуждением*». О епископском суде над клириками говорят еще следующие церковные правила: Карф. 12-е, 15—17-е, 29-е, 117-е, 139-е; IV, 9-е. Из древней церковной судебной практики видно, что епископы судят клириков или непосредственно сами, или при содействии пресвитериума (см. письма Киприана 55 и др., папы Корнилия, Оригена, Апост. Пост. кн. II гл. 16, 28, 45—47, а также свидетельства Вас. Вел., Феоф. Алекс. Иоан. Злат. и др.). Итак, de jure и de facto, в древней вселенской Церкви судебная власть над клириками принадлежала епископу. В силу этого, отделить совершенно суд от администрации и поставить судебные органы в отношении к архиерею так же самостоятельно и независимо, как поставлены вообще светские суды по отношению к администрации по Судебным Уставам, — невозможно. Епископу должны принадлежать все судебные функции, и ввести в наш суд такое разделение судебных функций, какое введено в светском суде, невозможно.

Защита обвиняемых, не имеющая места на суде в настоящее время, должна найти себе применение в будущем новоустроенном суде. Участие защиты при судебном рассмотрении дела не только полезно, но и необходимо для того, чтобы подсудимый воспользовался всеми средствами защиты, которые предоставлены ему законом, и по незнанию или смущению не оставил без надлежащего объяснения обстоятельств, могущих доказать его невинность или уменьшить его вину (Журн. Деп. Гос. Сов. с. 176). Иметь или не иметь защиту на суде зависит всецело от обвиняемого. В случае желания защиты обвиняемый может пригласить адвоката. Установление защитников в церковных судах не противоречит канонам. Напротив, в 86-м пр. Карф. Соб. (401 г., 12 пр.) находим указание на учреждение этой должности (экдик) первоначально с целью защиты бедных от насилия богатых, потом — с целью вообще защиты церковных дел на светских судах (Карф. 109-е, ср. 2-е и 23-е пр. IV Всел. Соб.). Естественнее всего защиту на суде вести присяжным поверенным, как знакомым с правом теоретически и практически. Но не будет противоречить церковным правилам, если защитниками на суде как по делам церковным вообще, так и по делам духовных лиц, явятся духовные лица, если это дело не отвлекает их от служения Богу и не делается источником гнусного прибытка (IV, 3-е); по крайней мере, в древней Церкви экдиками (ученые защитники и ходатаи) по делам церквей в судилищах светских могли быть и были, как показывает 109-е пр. Карф. Соб., священники епархий.

Следственных органов, т. е. судебных следователей, церковные правила ни прямо, ни косвенно совершенно не предусматривают, а между тем соответственная организация их для суда духовного, как мы видели выше, необходима. Следовательно, мы не станем в противоречие с канонами, если воспользуемся в этом отношении указаниями опыта светских судов, где в последнее время раздаются голоса за соединение должности следователя с судебной и где в настоящее время в некоторых местах (в округе Тифлисской суд. палаты) такие следователи действуют более или менее успешно, и учредим таких же следователей. И нашему суду будет удобнее иметь не отдельных следователей, как это имеет место вообще в светских судах, и не первого попавшегося, как в настоящее время, а иметь следователями судей мелких судов, которые должны быть учреждены для разбора дел маловажных, о чем сказано будет ниже. У таких судебных следователей собственно судных дел будет немного; нельзя рассчитывать на то, чтобы пришлось им также производить много следствий; по своему же положению в качестве судей они будут более осведомлены с правом вообще и с процессом в частности, и, следовательно, есть основание ждать от них производства следствий в более удовлетворительном виде, чем какое получается в настоящее время от случайных следователей.

Затем, собственно судебная деятельность, т. е. производство судебного следствия и постановка приговора, должна принадлежать суду. Решив дело, епархиальный суд отсылает его к архиерею на утверждение. В случае несогласия епископа с решением епархиального суда дело может быть подвергнуто новому пересмотру в той же инстанции.

Должна ли быть система судов, как в светском судоустройстве? Что̀ скажут об этом каноны? По действующему праву, единственным епархиальным судебным органом является консистория. Отсутствие мелких судов и высших в качестве апелляционных и кассационных, с одной стороны, замедляло решение дел, вследствие скопления оных в одном центре, с другой — лишало подсудимых права на проверку и пересмотр состоявшегося определения епархиального суда, когда оно казалось неправильным. Такое устройство, помимо известных неудобств для подсудимых или правосудия, было, кроме того, и не канонично. Каноны предусматривают целую систему судов: а) Некоторые ученые, как например проф. Соколов, предполагают, что в древней Церкви был низший судебный орган в лице хорепископа. Между другими обязанностями по надзору и управлению, в качестве помощника епископа (Ант. 10-е; Анк. 13-е; Вас. Вел. пр. 89-е), хорепископ, как думает этот профессор, производил судебные разбирательства между членами клира и мирянами по маловажным спорам и жалобам. Впоследствии хорепископы заменены были периодевтами из пресвитеров (89 пр. Вас. В.; Ант. 10; Лаод. 57); позднее, как свидетельствует Вальсамон, — так называемыми епископскими экзархами, в круг обязанностей которых входило разбирательство между духовными лицами по делам маловажным. б) Вторым самостоятельным органом судебной власти является епископ, представитель поместной части Церкви — парикии,

который разделял свои обязанности с советом пресвитеров. Если по суду епископа виновному угрожает крайняя мера наказания, то приговор должен быть представляем епархиальному или областному собору (Ант. 9-е; Карф. 14-е, 29-е; IV, 9-е, 16-е; VI, 102-е; VII, 4-е). в) Следующей за епископом судебной инстанцией представляется областной Собор, составляемый из епископов нескольких парикий, принадлежащих к одной какой-либо области, под председательством старшего между ними епископа главного города области, с IV века получившего название митрополита. Такие собрания были не постоянными, а повременными учреждениями. Древнейшие каноны предписывали составлять Соборы дважды в год (Ап. 37-е; Ник. 5-е; IV, 19-е; Ант. 20-е); впоследствии положено было собираться однажды в год (VI, 8-е; Карф. 27-е; ср. Лаод. 40-е). Деятельность древних Соборов не ограничивалась законодательной и церковно-правительственной сферой. Кроме этих отправлений, Соборы в церковных областях были и судебными учреждениями для решения дел, превышающих судебную компетенцию отдельных епископов с их советами, или высшими инстанциями для пересмотра в апелляционном порядке процессов, уже решенных и оконченных в местном суде епископом. В качестве апелляционных инстанций епархиальные Соборы являются при первоначальном своем учреждении. Уже 37-е пр. Ап., устанавливая дважды в году Соборы епископов, указывает для них, между прочим, такую цель: «Да разрешают случающиеся церковные прекословия». Последнее выражение ясно дает понять, что в самую отдаленную эпоху христианской Церкви Собор был признан необходимым и каноническим органом разрешения дел судебных. Назначение Соборов, как апелляционных инстанций, прямо указывает 5-е пр. Всел. Собора. Это правило важно еще в том отношении, что ограждает самостоятельность и независимость церковного суда в каждой инстанции от произвольного вмешательства других, хотя бы и высших, властей. Таким образом, решение каждого местного суда должно быть крепко и не могло быть произвольно отменяемо какой-либо другой властью. Только Собор имеет право перерешать постановления местного суда или оказывать снисхождение осужденным (I Всел. Соб. пр. 5-е). Та же цель указывается для областных Соборов в 20-м пр. Антиохийском. 2) Последней судебной инстанцией были Соборы нескольких областей (епархий) под председательством первого между областными епископами, или епископа великие области, получившего впоследствии название патриарха (Конст. Двукр. с 681 г., пр. 14—15-е; ср. IV, 9-е, 28-е и VI, 36-е). Шестой Вселенский Собор подтверждает особые преимущества по управлению и надзору пяти епископов всей христианской Церкви (36-е), которые, следовательно, сложились ранее этого времени. Согласно с основным принципом канонического управления Церкви, который можно назвать соборным, при этих высших центрах, составлявшихся из нескольких областей, образовались большие Соборы (Ант. пр. 12-е), Соборы великие области (I Всел. Соб. пр. 6-е). В период вселенского церковного законодательства они, как и Соборы епархиальные, были учреждениями повременными и созывались по требованию особых обстоятельств или по вопросам, касавшимся це-

лых поместных Церквей. Судебная компетентность Соборов целого патриархата простиралась на рассмотрение жалоб против митрополитов со стороны епископов или, вообще, лиц духовных. Они служили высшей апелляционной инстанцией на приговоры областных Соборов (Ант. 12-е) и разрешали сложные судебные процессы, которые не могли быть оконченными на Соборах областных епископов (II Всел. Соб. пр. 6-е). Патриарх на этих Соборах занимал такое же положение, какое принадлежало митрополитам на Соборах епархиальных. Вот все органы судебной власти Церкви по канонам, с определенным для каждого из них кругом ведомства и юрисдикции. Началом для определения подсудности служит положение, занимаемое известным лицом в Церкви, и принадлежность его к тому или иному пределу парикии, епархии и проч. Низший из этих органов не обладает самостоятельной юрисдикцией, т. е. такой, которая необходимо связана с его саном и должностью. Хорепископ действовал как делегат епископа парикии, по его полномочию. Три других органа, или учреждения, являлись вполне самостоятельными в пределах своего ведомства. Через эти инстанции проходил судебный процесс до тех пор, пока не исчерпывались все средства правосудия к дознанию истины и восстановлению права. Общий порядок движения дел по инстанциям представляется по канонам в таком виде: члены клира, в судебных делах между собой, прежде всего обращаются к своему епископу, ибо каждый епископ имеет власть в своей парикии, управляет ею и разбирает все дела (Ант. 9-е). С жалобой и обвинением на епископа следует обращаться к собору области, и его судят епископы области (Ант. 15-е). Церковная практика показывала, впрочем, что поместный суд, хотя бы и многих епископов одной области, не всегда оказывался достаточным и удовлетворительным. Местные воззрения или интересы, симпатии или антипатии, могли быть разделяемы почти всеми епископами какой-либо области, и однако же оказывалось, что подобное согласие не служило еще гарантией беспристрастия и справедливости судебного приговора по делу одного из них, не разделявшего этих убеждений или интересов. Бывало и так, что судьи высшей областной инстанции не сходились между собой во мнениях, и одни признавали подсудимого виновным, а другие невиновным. Последнего рода случаи были предусмотрены и предотвращены Соборами. По правилам Собора Антиохийского (пр. 14—15-е), при подобном разногласии судей митрополиту предоставлялось приглашать епископов из других соседних областей, которые вновь рассудили бы дело и разрешили сомнение, дабы купно со епископами той области утвердили то, что̀ будет постановлено. Но если все областные епископы произносили единодушный приговор с участием митрополита на осужденного, то епископам других областей воспрещалось вмешиваться в дело и перерешать его. Такой согласный приговор считался окончательным до II Всел. Собора. По 6-му прав. II Всел. Собора, обвинения на епископов должны быть представляемы, прежде всего, всем епископам области. Если же епископы соединенных епархий, паче чаяния, не в силах будут восстановить порядок по возводимым на епископа обвинениям, тогда обвинители да приступят к большему Собору епископов великие облас-

ти, по сей причине созываемых. При сем отцы Собора строго воспрещают «или слух царский утруждати, или суды мирских начальников, или Вселенский Собор беспокоити». IV Всел. Собор в подобных случаях предписывает обращаться к экзархам великие области или к престолу царствующего Константинополя (пр. 9-е, 17-е). Впрочем, патриарх сам не мог отрешить подвластного ему епископа без Собора, но должен предложить его дело соборному рассмотрению. С другой стороны, каноны нигде не дают права патриархам самим вмешиваться во внутренние отправления правосудия каждой области или требовать к себе уже решенные судебные дела для пересмотра; но предоставляют подсудимым право переносить, при известных условиях, свое дело от епархиального суда к Собору великие области в апелляционном порядке. Притом приговор низшей инстанции считается действительным, несмотря на апелляцию, до тех пор, пока не будет поставлено новое решение (Сард. 15-е, 13-е). Ответственность низшей инстанции перед высшей за неправильный приговор допускается только в тех случаях, когда судьи будут обличены в явной и преднамеренной несправедливости (Карф. 16-е).

Сказанным исчерпывается все судоустройство и весь порядок судебных инстанций, установленный Вселенской Церковью. Он ясно показывает, что судоустройство судебных органов в нашей Церкви не соответствует канонам, и что между каноническим устройством судебных органов и современным светским более сходств, нежели в настоящем устройстве судебных органов русской Церкви, и что, следовательно, обновление современного духовного судоустройства в этом отношении может идти как по пути судоустройства канонического, так и по образцу устройства современных светских судебных органов, ибо между ними нет разногласия и крупной разницы. Итак, и в Духовном Ведомстве должны быть:

1) Низшие судебные органы

Потребность учреждения их с теоретической стороны, как и с практической, не подлежит сомнению. Указанные выше мотивы к учреждению светских мелких судов с их отличительными особенностями всецело относятся и к нашим духовным. К сказанному можно добавить немного, а именно: в наших обширных епархиях нет никакой возможности обойтись без судов местных, которые своей близостью к тяжущимся и простотой форм делопроизводства вполне соответствовали бы потребностям большинства духовенства. Теперь по необходимости приходится тащиться со всяким делом в губернский город в консисторию или заводить нескончаемую переписку по делу, которое на месте могло бы разрешиться очень скоро, по свежим — так сказать — данным. Потребность жизни в этих судах так велика, что во многих епархиях думают удовлетворить ее созданием так называемых благочиннических советов. В нашей епархии такой благочиннический совет в качестве низшей судебной инстанции создан по инициативе епархиального съезда духовенства сессии 1895 г. мая 27 дня (Журн. № 14). Проект положения о благочинническом со-

вете, выработанный Самарской консисторией, компетенцию благочинническо-го совета по судной части определяет так:

«По делам судным благочиннические советы принимают к рассмотрению: а) обвинения на лиц, принадлежащих к духовенству благочиннического округа, с их семейными, в проступках и неблагоповедении, когда виновные подлежат взысканиям не свыше выговора, простого или строгого, замечания и поклонов (Уст. дух. конс. ст. 176); б) жалобы на обиды и притеснения, когда дело может быть окончено прощением или примирением и когда обвиняемый изъявит согласие подчиниться решению совета.

Примечание. Сюда относятся: а) неисправность, неисполнительность, небрежность и леность в исполнении служебных обязанностей, ослушание, непочтительность, грубость и дерзость, самоуправство и превышение власти, случайная нетрезвость, слова и действия, несогласные с достоинством духовного сана и звания, и т. п.; б) споры, возникающие из-за пользования движимым или недвижимым церковным имуществом, из-за раздела братских доходов и других средств к содержанию, неисполнение обязательств, неуплата бесспорных долгов; в) ссоры семейные, наговоры и клевета, несправедливая взыскательность в делах службы, неверная аттестация перед начальством и т. п.».

В таких же размерах определяется ведомство благочиннических советов по судебной части и в других епархиях, с той лишь разницей, что точно определяется размер возможных денежных исков, как по уплате бесспорных долгов, так и по нарушению бесспорных обязательств; именно, благочинническ-ий совет принимает к своему рассмотрению жалобы на удовлетворение в размере, не превышающем сумму 50 руб. К числу наказаний, налагаемых советом, прибавлен денежный штраф в пользу попечительства о бедных духовного звания. Мы не имеем точных сведений о том, как успешно действуют благочиннические советы по разбору мелких судных дел; но, вообще говоря, не имеем оснований ждать развития их деятельности, главным образом — из-за неудовлетворительности их организации. Недостатки их в этом отношении заключаются, во-первых, в их коллегиальности (п. 7), каковая излишня для разбора мелких дел и соединена с неудобством по созванию всех членов, а главное — неудобна потому, что председателями их состоят благочинные, каковые, по характеру своей службы — административно-полицейской — не пользуются доверием и расположением среди подведомого им духовенства, и кроме того, как обремененные массой других, чисто административных дел, не имеют времени отнестись к судебной функции с должной внимательностью и серьезностью. Поэтому мелкие суды не должны остаться в этой форме благочиннических советов, а должны быть организованы, взамен их, на начале единоличном и выборном. Основания для такой организации и отличительные черты ее аналогичны с организацией светских мелких судов, и нет необходимости повторять их в настоящее время. Такие судьи и кандидаты к ним выбираются на 3 года всеми священноцерковнослужителями благочинн-ического участка из лиц иерархического сана со средним, по крайней мере, образованием, имеющих не менее 30 лет от роду, не состоящих под судом и

не подвергавшихся по суду взысканиям ранее. Избранные судьи утверждаются епископом. Компетенция духовного судьи должна быть точно обозначена, но она должна быть шире компетенции благочиннического совета; именно, кроме перечисленных в ведении благочиннического совета, они могут разбирать споры и иски имущественного свойства в размерах, предоставленных мировым судьям и земским начальникам (иски от 300 до 500 руб.); затем, в дополнение к перечисленным проступкам, подлежащим ведению благочинни-ческого совета, также различные виды обид и личных оскорблений. Наказания, налагаемые духовными судьями, также расширить, включив в перечисленные денежный штраф, отдание под надзор местной администрации (благочинных) и т. п.; но вообще эти суды должны иметь преимущественно характер судов исправительных, но не карательных.

Духовные судьи самостоятельны в отправлении своей судебной деятельности и контролю со стороны епархиального суда в порядке ревизионном не подлежат; однако годовые отчеты о своей деятельности представляют сему последнему. Делопроизводство их не отличается сложностью и аналогично делопроизводству земских начальников. Недовольные их решением имеют право апеллировать к суду епархиальному; но по некоторым проступкам и имущественным искам (например, в исках до 30 руб.) решение их должно быть окончательным; определяющим началом для разграничения их приговоров на окончательные и неокончательные должен быть размер наказания или сумма иска, и разграничить точно в настоящее время то и другое нет возможности — по неразработанности нашего материального права, о чем сказано выше.

Устройство низших судов было бы во многих отношениях весьма полезно: а) суд второй инстанции освободился бы от множества делопроизводств по таким проступкам, которыми обременены теперь консистории; б) местный суд, получив бóльшие права и полномочия, приобрел бы более достоинства и уважения, а вследствие этого — и гораздо более влияния на нравственный быт духовенства, потому что, подвергая своему рассмотрению и взысканию маловажные нарушения права, он через это приучал бы духовенство к правильной, закономерной деятельности и предостерегал бы от более крупных проступков и правонарушений.

2) Епархиальный суд

Епархиальный суд является апелляционной инстанцией на приговоры духовных судей и первой инстанцией по разбору остальных проступков и имущественных исков, изъятых из ведения духовных судей. В качестве апелляционной инстанции на приговоры духовных судей он должен решать окончательно все дела, в него поступающие из судов первой степени, и апелляций на его решения допускать не следует — ввиду маловажности дел, с одной стороны, и ввиду лучшей организации этих судов, гарантирующей более правильное решение, сравнительно с низшими судами, так как в нем, как в апелляци-

онном суде, дела обсуждаются бóльшим количеством судей и он состоит из лучших судей, чем суд первой степени. Епархиальный суд будет состоять не менее как из трех членов. Все трое из этих членов будут избираться из опытных и известных по своему образованию и нравственным качествам духовных лиц епархиального города, преимущественно из лиц с высшим образованием. Епархиальный суд действует более или менее самостоятельно, и учреждение для епархиального суда должно быть устроено совершенно отдельно от консистории.

Компетенция епархиальных судов. В качестве суда первой степени епархиальный суд должен принимать к рассмотрению и разрешать все дела о проступках и преступлениях духовенства, изъятые из ведомства духовных судей и рассматриваемые теперь формальным порядком в консисториях. В нем должны начинаться все дела этого рода, за исключением тех немногих, когда процесс направлялся бы непосредственно на епископа со стороны подчиненного ему лица из духовенства; в таких случаях первой инстанцией, сообразно с канонами, должен быть суд епископский. Степень власти епархиальных судов можно было бы определить предоставлением им права присуждать окончательно к следующим видам наказаний: денежному оштрафованию в высших размерах, заключению в монастырь до 3-х месяцев, запрещению священнослужения до 3-х месяцев, без отрешения от места, отрешению от места до ½ года. Приговоры эти, как окончательные, могут быть отменяемы только в кассационном порядке, как по жалобам участвующих в деле лиц, так и по протестам или представлениям лиц, коим будет вверен прокурорский надзор в епархиях. Новый пересмотр таких дел по существу, в апелляционном порядке, только затягивал бы движение правосудия и был бы крайне неудобен для высшей отдаленной инстанции, суд которой, за отсутствием живых, непосредственных данных, неизбежно принял бы характер письменного производства по бумагам. Затем, во всех дальнейших мерах наказания, например при удалении от должности от ½ до 1 г., запрещении священнодействия свыше 3-х месяцев и т. п., решения епархиального суда должны быть не окончательными и подлежат апелляциям. Где же и как могла бы быть устроена вторая общая судебная инстанция в Духовном Ведомстве, которая принимала бы апелляции на решения епархиальных судов и рассматривала бы их окончательно?

3) Собор при митрополите или архиепископе

По древнему каноническому порядку, церковное управление представляется разделенным на округи или митрополии, архиепископии (Ап. пр. 36-е; Ник. 5-е; IV, 19-е). В каждом таком округе существует при митрополите или архиепископе или повременный, как было в самом начале (Ант. 14-е, 20-е; VI, 8-е; VII, 6-е; Карф. 27-е), или постоянный (как было потом на Востоке) Собор или совет — для управления и суда по особенно важным делам целого округа. На эти Соборы или советы переносились по апелляциям те дела, которые не получили окончательного разрешения в епархиальных судах; в них же

начинались непосредственно иски или обвинения, приносимые на самих епископов, со стороны ли клира, им подведомого, или со стороны лиц светских. В состав этих Соборов или советов входили епископы, пребывавшие в центре округа, при кафедре митрополита, и почетнейшие из духовенства. Решения таких советов, если не всегда имели полную и окончательную силу, однако же Вселенские Соборы допускали обжалование их только при особенных, прямо обозначенных в канонах условиях, а в случае единогласного решения епископов округа и совета — не допускали и вообще без особенной крайности, запрещали утруждать Великие Соборы (II, 6-е) судебными разбирательствами. Если бы подобный порядок общего церковного устройства и управления был принят у нас, тогда установить вторую и вместе окончательную апелляционную инстанцию было бы весьма удобно при каждом митрополите или архиепископе округа. Здесь, согласно с полномочиями епископства соборного, утверждались бы высшие по суду наказания для виновных и осужденных из пресвитеров, например, лишение сана, низведение в низшие ряды клира, совершенное удаление от должности и т. п. Здесь же принимал бы свое начало суд над самими епископами, в составе не менее 12 епископов, по проступкам и преступлениям против должности. Будучи центральным в своем округе и находясь не в таком отдалении от самых крайних пределов округа, в каком находится Синод, он представлял бы и более удобства для самих подсудимых или их поверенных вести дело лично и представлять с места нужные сведения и дополнения. Тогда правильнее бы распределялась судебная деятельность в Духовном Ведомстве, и дела не задерживались бы, ожидая своей очереди, как это случается ныне, при сосредоточении всей апелляционной судебной деятельности в Св. Синоде. Само собой разумеется, что решения этого областного епископского суда по делам, поступающим из епархиальных судов округа, были бы окончательными, не допускающими нового пересмотра в апелляционном порядке. Но при этом не отнимается право у подсудимых и прокурорской власти переносить свои жалобы и протесты на решения этих судов в Св. Синод в кассационном порядке в случаях, обозначенных Суд. Уставами, а именно: а) в случае явного нарушения прямого смысла закона и неправильного толкования его при определении преступления и рода наказания; б) в случае нарушения пределов ведомства или власти, законом предоставленной судебному учреждению. Во всех этих случаях высший Синод пересматривал бы дело в кассационном порядке — со стороны правильности его производства и сообразности решения с законом. Дело, по которому приговор низшей инстанции будет отменен, обращалось бы, как в светских судах, или в суд, постановивший приговор, или в другой суд в равной с ним степени, для нового производства с того действия, которое послужило поводом к кассации. При этом суд, в который обращено дело для нового решения, обязывался бы в изъяснении точного смысла закона подчиняться суждениям Синода. Жалобы против постановленного на этом основании решения уже не могли бы допускаться: но этим не уничтожается право жалобы на другом основании, вследствие новых опущений, сделанных судом, или вследствие повторения им опу-

щений, послуживших поводом к отмене приговора (Суд. Уст. ст.ст. 912, 928, 930).

4) Верховный суд в русской Церкви

Таким образом, в качестве высшего суда и только кассационного, равного по значению Сенату, является в Духовном Ведомстве Синод.

Св. Синод, в качестве верховного суда в русской Церкви, состоит из епископов под председательством старшего или патриарха, если будет таковой в русской Церкви. Этот верховный суд рассматривает дела только в кассационном порядке. С идеей кассации соединяется понятие о высшем надзоре за порядком судопроизводства и правильным и единообразным толкованием законов по точному смыслу их; и эта деятельность будет принадлежать Св. Синоду при патриархе, как высшему верховному суду в русской Церкви. Устройство этого суда будет соответствовать канонам и современному устройству светских судов, потому что теперь всеми законодательствами Европы признана необходимость такого верховного судилища, которое, не составляя само судебной инстанции и не рассматривая судных дел по существу, сосредоточило бы в себе надзор за порядком судопроизводства и правильным толкованием законов. Деятельность Св. Синода в последнем отношении, т. е. по толкованию закона, может быть — будет так же необходима и плодотворна, как плодотворна деятельность Сената.

Вот все, что̀ можно использовать из судоустройства канонического и светского, современного, чтобы реформировать современное судоустройство русской Церкви. Здесь имеется все наиболее важное и существенное. Детали могут быть разработаны без затруднения. Только на указанных выше началах канонического и светского судоустройства наше церковное судоустройство будет служить наилучшим образцом целям правосудия и с внешней стороны примет стройный и законченный вид.

Глава II. Судопроизводство

Правильное построение судопроизводства, как и судоустройства, должно быть сделано на основании твердо установленных начал. Из них должны вытекать, с ними должны согласоваться все стороны, все формы и даже все детали процесса. К этим основным положениям, прежде всего, относится вопрос о типе процесса. В настоящее время лучшим типом в процессе считается состязательный — обвинительный. Состязательный порядок в уголовном процессе выражается в том, что сущность судебной процедуры слагается из взаимодействия суда, разрешающего уголовный иск, и сторон — обвинителя и подсудимого, которым предоставляется право инициативы в представлении суду доказательств, право настояния перед судом на осуществлении их законных требований и право отказа от предъявленных требований; обвинитель, представляя суду обвинение, тем самым устанавливает пределы судебного

исследования, а подсудимый получает право на защиту в широких размерах. В современном уголовном процессе смешанного типа состязательный порядок выражается: а) в отделении обвинительной власти от судебной; б) в допущении формальной защиты; в) в принятии начала равноправности сторон; г) в установлении проверки всего материала, собранного предварительным производством, на судебном следствии, причем сторонам должна быть дана возможность представить свои объяснения по поводу каждого из происходящих на суде действий, а суд имеет право основывать свое решение только на тех обстоятельствах, которые были проверены на судебном следствии; д) в установлении особой стадии окончательного производства — заключительных прений сторон, во время которых стороны подробно излагают свои соображения по доводу рассмотренных на суде доказательств, и е) в допущении пересмотра приговора не иначе как по требованию заинтересованных в нем сторон. Для осуществления состязательного начала, которое по существу своему есть не более как спор двух равноправных сторон перед нейтрально стоящим судебным органом, необходимо: 1) чтобы обе стороны были налицо: при отсутствии обвинителя (публичного и частного) судебное рассмотрение дела не допускается, в отсутствие же подсудимого постановление приговора допускается только в виде исключения, когда закон разрешает постановление заочных приговоров. Во-вторых, — в равноправности сторон. По нашим Судебным Уставам, прокурор или частный обвинитель — с одной стороны, а подсудимый или его защитник — с другой, пользуются в судебном состязании одинаковыми правами (630 ст. Уст.), и — в частности — и та и другая сторона имеют право: а) представлять в подтверждение своих показаний доказательства; б) отводить, по законным причинам, свидетелей и сведущих людей, предлагать им, с разрешения председателя суда, вопросы, возражать против свидетельских показаний и просить, чтобы свидетели были передопрошены в присутствии и в отсутствии друг друга; в) делать замечания и давать объяснения по каждому действию, происходящему на суде, и г) опровергать доводы и соображения противной стороны. В-третьих, если разбор дела должен вестись путем борьбы сторон, то суд этот должен быть открыт, гласен и для сторон, т. е. судебное дело должно разбираться в присутствии сторон, о чем сказано выше, и для всего общества, т. е. быть вообще публичным. Суд есть общественное дело и совершается в интересах общества, а каждая такая деятельность, по существу своему, должна быть публична, должна подлежать контролю общественного мнения и контролю прессы. Имея возможность наблюдать деятельность суда, общество может или проникнуться к нему доверием, а это укрепит роль его и значение, или обнаружить его недостатки, укажет желаемые реформы закона. Что касается гласности первого рода, то для нее Судебный Устав не сделал никакого ограничения. Затем, как основное положение, признана и гласность второго рода, т. е. публичность (88 и 620 ст.ст. Уст., ср. 325—326 гр. судопр., 617 ст. Уст., 89 п. 3 Уст.), за исключением указанных в законе случаев и дел (1056 ст. Уст.; о богохулении, порицании веры: Улож. о наказ. ст.ст. 192—199 и 326; о преступлении против прав

семейных: Улож. о наказ. ст.ст. 2118—2169; против чести и целомудрия женщин: Улож. о наказ. ст.ст. 2076—2085; о развратном поведении, противоестественных пороках и сводничестве: Улож. о наказ. ст.ст. 1336—1344, 1348—1355). Публичность судопроизводства, кроме права публики присутствовать на заседании, означает еще право печатать о всем происходящем на суде, равно как и о решении судов (165 ст. Учр.). Из органов прессы печатать происходящее на суде могут все существующие, но обсуждать судебные действия позволяется лишь тем, в коих есть особый отдел (XIV т. Св. Зак. ст. 75). 4) Четвертое требование состязательности — чтобы процесс велся устно; письменный, канцелярский разбор дел устраняется; чтение письменных бумаг, показаний свидетелей и т. п. должно допускаться только в виде исключения. Устность необходима для лучшего раскрытия истины. Имея возможность лично допросить свидетеля, судья всегда лучше уяснит его показание, чем прочтя показание, записанное следователем; последнее носит субъективный, односторонний характер, отражая личность следователя, его взгляды и приемы. Судья, пользующийся при решении дела не живой речью свидетеля, а письменным отчетом, должен принимать на веру то, что̀, может быть, и не соответствует действительности, но показалось таким следователю. Имея дело с живым человеком, скорее можно уяснить, понять искренность или лживость его слов, разобрать вопросы со всех сторон. У нас письменность сохранена в предварительном производстве; наоборот, для главного производства во всех судебных местах способом судебного разбирательства принята устность (86, 156 и 625 ст.ст. Уст. угол. судопроизвод.). Исключения из этого общего правила оговорены в законе (159, 889, 626—627 ст.ст. Уст.). 5) Наконец, решение суда должно быть результатом внутреннего свободного убеждения судьи и не связано никакими формальными требованиями закона в оценке силы и значения доказательств дела. Ввиду того, что решение суда должно быть основано на внутреннем убеждении судей и должно явиться целостным выводом из совокупности всех обстоятельств дела, вытекает требование непрерывности заседания суда, за исключением времени, необходимого для отдохновения (633 ст. Уст.). Только построенное на этом начале судопроизводство достигнет своей задачи: доставить суду и сторонам по возможности верные и прямые средства к дознанию искомой истины и восстановлению права, с другой стороны — оградить по возможности все отправления правосудия от вторжения случайностей и произвола. В сих видах закон с особенной внимательностью и подробностью определяет как права и круг деятельности следственной власти, так и самые формы следствия, потому что оно должно служить основанием для предания суду, хотя данные, собранные предварительным следствием, не имеют по закону решающего влияния на дальнейшее судопроизводство. Кроме следствия предварительного, закон устанавливает еще судебное следствие, на котором рассматриваются и проверяются все собранные доказательства; и оно-то, собственно, служит основанием для судебного решения. Судебное следствие есть рассмотрение доказательств виновности лица, обвиняемого в совершении данного преступления, судом, постановляющим приго-

вор по существу дела. Оно слагается из: а) приготовительных к суду распоряжений, где определяется порядок производства, вручается подсудимому обвинительный акт, список свидетелей и т. п. (547—594 ст.ст. Уст. угол. судопроизв.); б) открытия судебного заседания, которое состоит в том, что провозглашается дело, вызывается обвиняемый, выясняется — кто из свидетелей не явился, и т. д. (611—734 ст.ст. Уст. угол. судопроизв.); в) судебного следствия, состоящего в проверке всех выставляемых за и против обвинения доказательств; г) судебных прений сторон, в которых делается оценка всех представленных доказательств и делается из них соответствующий вывод (735—749 ст.ст. Уст. угол. судопроизв.), и д) постановления приговора, которое начинается с постановления судом, с участием сторон, вопросов, на которые следует ответить для разрешения дела, и оканчивается провозглашением судом резолюции. Все судебное следствие ведется устно, публично, так что конечный результат его является непосредственным выводом суда из всех обстоятельств дела. Итак, главное преимущество современного процесса заключается в том, что он стремится поставить судей в непосредственные отношения к подсудимым и дать первым возможность развить свое внутреннее убеждение в виновности или невиновности последних до степени очевидности.

Так ли построено судопроизводство в духовном суде? В Уставе духовных консисторий, который должен служить основанием для судопроизводства по делам духовным, немного находим определений, сюда относящихся (148—175, 197—204 ст.ст.); притом некоторые из них представляются не более как общими указаниями или постановлениями, без достаточной юридической определенности (168—169 ст.ст.). Некоторые, и притом — существеннейшие, части процесса, например, следствие, имеющее служить основанием для суда, оставлены почти без всякой обработки, конечно потому, что в этих частях духовная власть и ее органы должны были следовать общим правилам, установленным для этого рода дел в Своде Законов (т. XV, ч. II). До какой степени общие узаконения должны быть применяемы к особенностям суда духовного по самому свойству дел, в нем производящихся, это определялось иногда инструкциями, издававшимися в разных епархиях по личному усмотрению начальства. Вообще, следственная часть в духовном судопроизводстве с юридической точки зрения находится, можно сказать, в первобытном состоянии. Существующее епархиальное судопроизводство о лицах духовных бывает двоякое: или непосредственно архиерейское, или через консисторию (154 ст.). Первое есть один из видов внутреннего духовного суда, производимого властью архипастырской, и потому для него не полагается законом точно определенных юридических форм. Ему подлежат: а) проступки неведения и нечаянности, требующие исправления и очищения совести священнослужительской иерархическим действием архиерея и неудобоподвергаемые гласности и формам обыкновенного суда; б) вообще проступки против должности и благоповедения, не соединенные с явным вредом и соблазном, замеченные в священнослужителе, которого прежнее поведение было неукоризненно; в) жалобы, приносимые именно с тем, чтобы неправильно поступившего исправить

архиерейским судом и назиданием без формального делопроизводства. Суд этот производится архиереем на основании негласного дознания и, в случае справедливости оговора, имеет своим последствием архипастырское вразумление или наложение эпитимии, с прохождением оной на месте или в архиерейском доме, до 2-х недель. Случаи такой судимости в формулярные списки не вносятся, следовательно — юридических последствий не имеют и на служебном положении не отражаются. Но последствия этой судимости, когда она сопровождается прохождением епитимии не дома, а в архиерейском доме или в монастыре, весьма неблагоприятно отражаются на общественном положении священника. Если арест на 5 дней или на неделю, по приговору мирового судьи, считается наказанием настолько значительным для репутации общественного положения, что не может быть наложен без гласного суда и подлежит апелляционному отзыву, то какими же последствиями для общественной репутации священника может сопровождаться двухнедельное удаление его от места службы и семейства и арестование за проступок, который учинен тайно и не подлежал огласке! Заметим при этом, что на подобные распоряжения архиерея никакие жалобы по закону не допускаются (155 ст.). В интересах охранения общественного положения подпавшего под действие 155 ст. Уст., желательно изменение ее в том смысле, чтобы налагаемая архиереем епитимия проходилась дома. Во всех других случаях, по бумагам, могущим поступать к архиерею или в консисторию, закон предписывает формальное судопроизводство, открывающееся следствием, по назначению архиерея (156, 158 ст.ст.). Все производство следствия находится под наблюдением епархиального начальства (160 ст.). Производство совершается, конечно, на бумаге, и подсудимым и прикосновенным к делу лицам предоставляется прочитывать и подписывать по листам произведенное на месте исследование и в подписи объяснить, довольны ли следствием и, если недовольны, то в чем именно. По окончании следствия консистория, получив все дело, рассматривает, произведено ли оно согласно с установленными формами и правилами, вполне ли обнимает и уясняет дело; произведены ли, по возражениям на неполноту следствия со стороны подсудимых, дополнительные изыскания. Если окажутся какие-либо недостатки, то консистория предписывает дополнить следствие прежним производителям или другим (161—162 ст.ст.). Закон предписывает подсудимым все свои оправдания приносить при следствии и изъяснять в рукоприкладстве под ним и под делом. На основании собранных таким образом сведений, показаний и оправданий консистория постановляет свое заключение о невиновности или виновности и наказании подсудимого, представляя оное на рассмотрение и утверждение архиерея.

Таким образом, духовный суд производится втайне и без бытности подсудимого, по письменным актам. Этот порядок судопроизводства следственного типа вполне согласен с порядком, который существовал ранее в гражданском суде и который отменен Суд. Уст. 20 ноября 1864 г., как неудовлетворительный, не достигающий своей цели. Процесс тем лучше, чем больше средств он дает суду и сторонам, в нем заинтересованным, к восстановлению

фактической истины, и чем скорее и вернее ведет он судью и подсудимого к преследуемой правосудием цели. Между тем, при нашем порядке судопроизводство следственном, все дело идет заглазно от суда; судья не становится в непосредственное соприкосновение с подсудимым; они сообщаются между собой бумажным способом и, притом через третье лицо — следователя. Подсудимый требуется налицо в консисторию лишь по ее усмотрению и в том случае, если сделанные им при допросе показания представляются почему-либо неполными и неудовлетворительными (163 ст. Уст.); но и это случается крайне редко. Вся убедительность живой речи и непосредственных впечатлений для судьи здесь не существует. Его внимание сосредоточено не на психологическом анализе внутренних состояний, из которых развивалось рассматриваемое им действие, но на том, вполне ли соблюдены при делопроизводстве установленные формы и правила. Следовательно, и приговор о вине или невинности подсудимого составляется не по внутреннему убеждению, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при судебном разбирательстве, а по мертвым бумагам, прошедшим через руки следователя. — Здесь следствием исчерпывается вся сущность процесса; для судьи не указывается других средств, более верных и близких к объективному убеждению, которые в новых судах представляются судебным разбирательством, имеющим служить, по закону, главным основанием для приговора. Постановление решений без бытности подсудимого, по письменным актам, составленным во время следствия, сопряжено с крайне вредными последствиями. Опыт судебных установлений, образованных по Суд. Уст. 20 ноября 1864 г., почти ежедневно убеждает, что по актам так называемого предварительного следствия можно вывести заключение, совершенно противоположное тому, к которому суд приходит на основании следствия судебного, при котором подсудимый и свидетели лично перед судьями дают показания. Предварительное следствие даже при самом добросовестном его производстве, как заметил по одному делу Правит. Сенат, не может исчерпать всех средств к открытию истины в данном случае, а представляет только собрание материалов для полного его обнаружения на судебном следствии. В этом последнем суд и должен искать оснований к оправданию или обвинению подсудимого, так как при этом следствии (судебном) заявляются и обнаруживаются обстоятельства, как обвиняющие, так и оправдывающие подсудимого, совокупность которых и должна служить основанием того внутреннего убеждения, по которому составляется решение.

Высказанное Сенатом авторитетное заключение относительно важности судебного следствия для открытия истины ясно указывает, какого могучего средства к разысканию истины лишается духовное судопроизводство, не имея у себя судебного следствия; и, следовательно, это обстоятельство составляет главный и существенный недостаток нашего судопроизводства. Другим отличием, не могущим благоприятно отражаться на состоянии духовного правосудия, является отсутствие гласности судопроизводства в наших судах как для сторон, так и для общества. Публичность заседаний, как мы видели выше, считается одной из важнейших гарантий правильного отправления правосу-

дия. Кроме того, нынешние духовные суды, подобно прежним светским, постановляют свои решения на основании установленной законом теории формальных доказательств, без принятия в основание личного убеждения судьи. Несостоятельность этой теории признана наукой и практикой. Государственный совет о теории формальных доказательств, в одном из своих журналов по преобразованию судебной части, высказал следующее: «Кому неизвестны последствия действующей в суде духовном узкой теории формальных доказательств по делам о прелюбодеянии? Действительно виновные признаются не изобличенными потому только, что не были застигнуты на месте преступления несколькими свидетелями; а те, которые никогда не нарушали супружеской верности, признаются прелюбодеями потому, что, потеряв всякое терпение от распутства жизни своих жен, вступили с ними в сделку и приняли на себя вину с подготовкой для того надлежащей свидетельской обстановки».

Такие отличия нашего судопроизводства от судопроизводства светского не составляют достоинства нашего процесса. Наш процесс, построенный по типу устарелого следственного процесса, облеченный в письменную форму, не представляет никаких достаточных средств для убеждения в фактической истине со стороны судьи и для охранения и защиты своих прав со стороны подсудимого. Ни обвинитель, ни защитник, ни обвиняемый, ни свидетели не проходят непосредственно под вниманием суда, оставляя каждый свое живое впечатление; перед судьей — одни мертвые бумаги, от которых нельзя добиться ничего более того, что̀ в них написано. Между тем, сколько удобств представляет следственный порядок для того, чтобы затемнить истину, замедлить действия суда, загромоздить дело ненужными подробностями и сбить с толку судей! Путем этой переписки можно развить пустое дело до огромных размеров. Сам закон, очевидно, предвидел возможность при этом порядке громадного расширения размеров дела, когда нашел нужным назначить сроки для прочтения и рукоприкладства под ним подсудимых. На дело в 50 листов полагается две недели, в 100 листов — месяц и т. д. (165 ст. Уст.). Очевидно, что такой порядок судопроизводства, как крайне неудовлетворительный, не может быть терпим долее и должен быть заменен наиболее рациональным, именно состязательным или, точнее, состязательно-обвинительным, как в светском судопроизводстве, тем более что на такую замену согласны будут и церковные каноны. Какой принцип полагают каноны в основание судебного процесса? Заметим наперед, что прямого ответа на это нет в постановлениях Соборов, но есть некоторые указания, на основании которых можно сделать более или менее безошибочный вывод. Каноны принимают такой же принцип, как и современный процесс, а именно: состязательный и обвинительный. Это видно:

1) Из подробного обозначения качеств лица обвиняющего и степени его достоверности, чем обусловливается и самое начало процесса. В отношении этого в канонах содержится общее правило: не должно принимать доносов и допускать обвинения на епископов и клириков от всех без исследования, но предварительно изведывать общественное о них мнение (II Всел. Соб. пр. 6-е;

IV, пр. 2-е); при этом различается, какого рода и свойства приносимая жалоба, т. е. касается ли она церковных дел или частных. В первом случае обвинения допускаются только от людей, вероятия достойных (Ап. пр. 74-е). Вследствие этого, на епископов и клириков не принимаются обвинения: а) от всех тех, которых гражданские законы не допускают к доносам (Карф. пр. 144-е); б) от еретиков, иудеев и язычников (Ап. 75-е; II, 6-е); в) от осужденных и изверженных клириков, или отлученных мирян, и от тех, кои сами под судом (II, 6-е и Карф. 143-е пр.) и опорочены в общественном мнении (Карф. 8-е, 28-е); г) от таких обвинителей, у которых одно из многих приносимых ими обвинений уже было исследовано и осталось недоказанным (Карф. 145-е); д) всякий тайный донос или обвинение, которого обвинитель не хочет или не может публично подтвердить доказательствами. Такой донос, хотя бы он шел от самого епископа, не допускается канонами (Карф. 147-е), и т. п. Совсем иначе смотрят каноны на жалобы по делам частным, не церковным, касающимся личных или гражданских интересов между сторонами. 144-е правило Собора Карф., перечислив разных лиц, от которых не позволяется принимать доносов на состоящих в клире по делам церковным, делает следующее дополнение: «Впрочем, у всех, от которых не допускается такое обвинение, да не отъемлется свобода приносити жалобы по своим делам». Особенно замечательно в этом отношении 6-е правило II Вселенского Собора, потому что в нем выясняются мотивы церковного законодательства об этом предмете и точно приводится различие между церковными обвинениями и частными жалобами.

2) Наличность вышеуказанного принципа в древнем церковном процессе доказывается прямой обязанностью, возлагаемой на обвинителя, вести процесс до конца, представлять все доказательства, так что устранение обвинителя от дела, или опорочение его лица во время суда, прекращает самый процесс (Карф. пр. 28-е). В случае опасения, что исследование дела на месте пребывания ответчика не безопасно от насилия толпы, или родственников, или друзей последнего, что показания свидетелей не могут быть здесь свободны, полны и беспристрастны, обвинителю предоставляется право избрать для себя ближайшее место, где не было бы затруднений для него представить свидетелей и свободно исследовать показания (Карф. 39-е). Тем же правом пользуется и сторона обвиняемая. В своем иске или жалобе обвинитель должен указать церковный закон, на котором основывает обвинение, представить факты, подавшие повод к жалобе, определить сущность своего иска или требования, представить двух или трех свидетелей (Ап. пр. 75-е; 1 Тим. 5:19). Обвинение по одному подозрению не допускается (Феоф. Алекс. пр. 6-е). Бремя доказательств, (onus probandi), как в низшей инстанции, так и в высшей, лежит на обвинителе; даже более того, обвинитель может настоять на перенесении дела в высшую инстанцию не иначе как письменно поставив себя под страхом одинакового наказания с обвиняемым, если бы при производстве дела не доказал обвинений и оказался клевещущим (II Всел. Соб. пр. 6-е).

3) Из того, что, по церковным правилам, на суде должен быть и сам обвиняемый. Каноны обязывают подсудимого лично явиться в суд к назначенному

сроку (Ап. пр. 74-е; Карф. 28-е) и представить опровержение возведенного на него обвинения (Феоф. Алекс. пр. 6-е). Обвиняемым, если желают, — как и должно, — защищать свое дело и попещись о доказательствах своей невинности, предоставляется именно для этой цели годичный срок, по истечении которого, если они вознерадят очистить свое дело, то после сего никакой глас от них не приемлется (Карф. пр. 90-е, 28-е). Заочные решения допускались, как изъятия. Если подсудимый не являлся к суду по трем вызовам, в таком случае суд мог постановить о нем заочное решение, как бы в наказание за неявку, «да не мнится выгоду имети, бегая от суда» (Ап. 74-е).

Но обвинительный и состязательный процесс в делах церковных не мог оставаться с характером частного иска или жалобы. На церковную власть была возложена обязанность надзора за действиями и служебными отношениями подчиненного ей духовенства. Следовательно, ей необходимо предоставить и право обвинения, в случаях замеченного ею в подчиненных уклонения от предписаний закона. Являясь в подобных случаях в качестве обвинителя, церковная власть естественно должна была обладать средством для предварительного дознания и исследования. Вследствие этого каноны вводят в обвинительный процесс элемент следственный и предоставляют судебной власти, когда нужно, право инициативы в судопроизводстве; вменяют ей в обязанность не только судить то, что̀ представляется сторонами, но самой предпринимать ряд мер к разъяснению фактической истинности события и установлению оснований для юридической его оценки по закону. Это ясно из прямых выражений, встречающихся в соборных постановлениях, относящихся к суду, например, в 5-м пр. I Всел. Соб. и в 6-м пр. II Всел. Соб. Но при этом нельзя не заметить, что обвинительный принцип в судебном процессе, во время всех главных действий судопроизводства, является преобладающим и сообщает процессу характер публичного состязания между двумя сторонами. Согласно с канонами действовала и судебная практика. Суд, например, над св. Афанасием производился по правилам обвинительного процесса, в котором его враги последовательно, на Тирском Соборе, как предъявляли обвинения, так представляли и обвинителей; но в том же суде над Афанасием были употреблены и приемы следственного производства, когда отправленная Тирским Собором комиссия производила исследование некоторых обстоятельств дела в Мареотиде. Суд над архимандритом Евтихием и в первой и в последней инстанции, — на Поместном Константинопольском (448 г.) и на Вселенском Халкидонском Соборе (451 г.), — происходил по обрядам обвинительного процесса, где обвинителем подсудимого явился прежний друг Евтихия — Евсевий Дорилейский; в некоторых частях этого суда можно усмотреть и приложение следственного процесса, как например — исследование двумя составленными по повелению императора комиссиями деяний Собора, бывшего под председательством Флавиана, и показаний некоторых лиц, на свидетельства которых ссылался подсудимый Евтихий.

Наконец, в-четвертых, в соборных канонах мы не находим какой-либо установленной теории законных или формальных доказательств, которых суд

должен держаться при определении фактической истины события и его юридических свойств. Есть указание на судебное признание и на свидетелей в значении судебных доказательств. Признание, сделанное на суде, принимается достаточным доказательством виновности (Ап. пр. 74-е), разумеется, — если оно сообразно с обстоятельствами дела. Но признание вне суда, тайное, требует судебного исследования для подтверждения его достоверности (147-е пр. Соб. Карф.). О свидетелях при определении достоверности и значения их показаний, как судебных доказательств, правила определяют то же, что̀ и касательно обвинителей: «Свидетелей к свидетельству не принимать тех, от которых положено не принимать доносов» (Карф. 146-е пр.), и делают немногие, исключительно к ним относящиеся, дополнения. Так: а) не принимается свидетельство лица, имеющего менее 14 лет возраста (Карф. 146-е); б) тех, кого сам доноситель представит из своего дома, т. е. близких домашних людей (146-е пр. Карф.); в) от тех, которые сие же самое дело прежде рассматривали, и от их домашних (Карф. 70-е); г) наконец, свидетельство одного не считается вполне достаточным (Ап. пр. 75-е). Вообще же правила нигде не связывают церковного суда какою-либо определенной теорией доказательств, предоставляя судье свободу принимать во внимание все обстоятельства, открывающиеся в деле, на которых может основываться внутреннее убеждение в истине.

Из ближайшего сопоставления указаний канонов с данными судебной практики необходимо вывести следующее общее заключение относительно духовного судопроизводства во вселенской Церкви. Обвинительное начало имело преобладающее значение перед следственным в судебном процессе, и применение первого обыкновенно сопровождалось публичным состязанием на суде участвующих в деле сторон. Служа основанием для постановления приговора и обжалований судебных решений сторонами, обвинительное начало не исключало уместности и начала следственного, когда, при отсутствии обвинителя и обвиняемого, суд сам должен был исследовать как фактическую достоверность преступления, так и виновность подсудимого. Согласно с этим судом, суд над Несторием на Ефесском Соборе, производившийся в отсутствии подсудимого (in contumaciam), состоял, сообразно свойству преступления, из рассмотрения и одобрения — с одной стороны — мест из сочинений отцев и писателей, признанных Церковью православными, с другой — из исследования и сличения с предыдущими мест из сочинения Нестория, признанных еретическими.

Таким образом, древний канонический тип судопроизводства был состязательно, обвинительный, дополняемый следственным, т. е. такой же, какой существует в современном светском процессе; и, следовательно, следственный тип процесса, господствующий в духовном судопроизводстве, не только не современен, но и не каноничен и должен быть заменен состязательно, обвинительным.

Что̀ же для этого необходимо ввести в наше судопроизводство и что̀ оставить из старого процесса? Предварительное следствие должно остаться и при новом процессе. В светских судах оно производится судебным следователем.

Судебный следователь здесь — главный деятель. В предварительном светском производстве принимает участие и полиция, на которую законом 8 июля 1860 г. возложена лишь деятельность по обнаружению факта преступления (ст. 9 Учр. суд. след.), т. е. розыск и производство негласного дознания. Деятельность полиции признана полезной и расширена по новому проекту. Эта же деятельность в нашем предварительном производстве может быть оставлена за благочинными, которые и ранее в этом отношении действовали более или менее успешно. Но собственно судебное следствие ведет следователь, который, как выше было указано, есть вместе с тем и судья по разбору мелких дел и проступков и который производит следствие, согласно правилам, изложенным в Уставе угол. судопроизводства. В некоторых законодательствах западной Европы, например, в австрийском, германском и др., Уставом угол. судопр. на предварительном следствии допущена защита. У нас в России защита на предварительном следствии и Судебными Уставами и комиссией 1894 года была отвергнута, главным образом, потому, что, «при слабости нашего розыска и проистекающей оттуда необходимости собирания доказательств самим следователем, защитник будет иметь полную возможность по всякому недостаточно расследованному делу направить следствие в сторону, ничего общего с истиной не имеющую, и следователь окажется бессильным противодействовать такому приему защиты». Эта возможность остается неустранимой и на предварительном производстве по проступкам духовных лиц, и потому нет нужды допускать здесь защиту и у нас, тем более, что защита для желающих будет допущена на судебном следствии.

Далее, в наше судопроизводство должно быть введено судебное следствие на основе состязательности. Для сего должны быть приглашаемы к судебному разбирательству как обвинитель, так и обвиняемый, которые должны давать свои объяснения на суде лично. Сторонам предоставляется право представлять в судебное заседание свидетелей, могущих выяснить дело. Суд со своей стороны может вызывать тех свидетелей, которые необходимы для дела, особенно в делах серьезных, влекущих за собой лишение сана или увольнение за штат. Защита допускается, но по инициативе сторон, а не суда. Участие сторон в судебном следствии даст возможность суду постановлять свой приговор на основании непосредственного впечатления; письменный материал, добытый предварительным следствием, не будет исключительным. Теория формальных доказательств должна быть отменена, и свой приговор суд должен постановлять на основании личного убеждения. Введение в наше судопроизводство состязательного принципа должно сопровождаться также гласностью духовного процесса. Духовный суд в древней Церкви производился публично, при общем собрании местной Церкви; доказывать этот общеизвестный обычай нет необходимости. В науке пользуется успехом даже такой взгляд, что церковный суд за первые три века христианства принадлежал местной церковной общине, что епископ и пресвитериум были только председателями этого церковно-общинного суда (Н. С. Суворов — «Объем дисциплинарного суда и юрисдикции Церкви в период Вселенских Соборов». Яро-

славль, 1884). Эти указания древней церковной практики говорят о том, что гласность и публичность судопроизводства не противоречит природе духовного суда и, следовательно, может быть введена и в современное духовное судопроизводство. В современном духовном нашем судопроизводстве гласность и публичность так же необходима и полезна, как и в светском судопроизводстве, для того, чтобы: а) утвердить и поддержать доверие в обществе к духовному суду; б) для беспристрастия, серьезной внимательности и осмотрительности судей; в) для охранения чести духовенства от ложных обвинений, от разных сплетен и т. п.; г) для ограничения кляузничества; д) для охранения самого духовенства от предосудительных поступков из боязни оглашения их, и, наконец, е) для утверждения вообще законности. Поэтому желательно узаконить гласность и публичность нашего судопроизводства с теми ограничениями ее, какие имеют место по Судебным Уставам в судопроизводстве светском. Судебные Уставы 1864 г. исключают из общего правила о публичности судебных заседаний только четыре следующие категории дел: а) о богохулении, оскорблении святыни и порицании веры; б) о преступлениях против прав семейственных; в) о преступлениях против чести и целомудрия женщин и г) о развратном поведении, противоестественных пороках и сводничестве (620—621 ст.ст.). Но и относительно этих, очевидно, возмутительных преступлений, законодатель замечает, что закрытие для публики дверей судебного заседания, как мера чрезвычайная, должно быть допускаемо и в случаях, выше указанных, только при явной в том необходимости, с точным означением в определении суда, какие именно действия суда должны происходить при закрытых дверях и по каким причинам. И нашему законодательству, в случае признания гласности и публичности в судопроизводстве в виде общего правила, можно поступить так же, т. е. исключить из общего правила некоторые, весьма немногие случаи, обозначив в законе те дела, производство которых должно совершаться при закрытых дверях и с теми условиями, на которые указывалось выше (621 ст.). Гласность и публичность, как и в светском процессе, следует допустить во всех судебных инстанциях, и особенно она необходима в той судебной инстанции, которая займет в Духовном Ведомстве место и значение Сената, т. е. в высшем Синоде при патриархе. Сенат печатает свои решения во всеобщее сведение для руководства к единообразному исполнению и применению законов (926, 933 ст.ст.). Гласность и публичность в Синоде могли бы также послужить одним из лучших средств к разъяснению, укреплению и объединению духовного законодательства, страдающего, по крайней мере в настоящее время, неопределенностью, случайностью и разнообразием. Но одна судебная гласность, без печатной, была бы неполна, недостаточна для образования правильного и серьезного общественного суждения. Печать закрепляет факт и дает возможность путем обмена различных взглядов выработаться в правильном и беспристрастном виде общему суждению о факте или действии, и закрепляет, дает прочность самому суждению. Серьезная, честная печать имеет огромное влияние как на образование общественного мнения, так и служит самым лучшим контролем над

деятельностью судей. Поэтому она допущена в судах светских. В узаконениях по этому вопросу вообще постановлено, что каждое состоявшееся в публичном заседании судебного установления решение по существу дела, гражданского или уголовного, может быть печатаемо в повременных изданиях как самим судебным установлением, так и частными лицами, в том именно виде, в котором оно изложено в приговоре или решении. Равным образом, дозволено печатать о всем происходившем в публичном заседании судебного установления при рассмотрении дел (фактическую часть). В тех же повременных изданиях юридических журналов, которые имеют особый отдел юридической хроники, там закон разрешает разбор и обсуждение самых судебных решений; при этом требуется только соблюдать должное уважение к судебному установлению, постановившему решение, и к чинам его.

Нельзя усмотреть и предвидеть каких-либо основательных возражений против допущения гласности и публичности, как в судебных заседаниях, так и в печати, в наших духовных судах. Напротив, продолжительный опыт применения гласности и публичности в светских судебных установлениях не дает оснований ждать чего-либо другого, кроме пользы, от применения их и к нашим судебным установлениям. Как в светских судах, так и в наших духовных, публичность и гласность будут лучшей гарантией судебных отправлений от ошибок, произвола и вообще злоупотреблений.

Все дальнейшие подробности, касающиеся судопроизводства, должны быть проведены в согласии с указанными основными началами. Перестроенное на основании их, наше судопроизводство будет канонично, современно и более будет удовлетворять целям правосудия, нежели судопроизводство, существующее в настоящее время.

Преобразование епархиального управления

1. Основания

Вопрос о преобразовании существующих органов епархиального управления заключает в себе особые трудности, потому что одной своей стороной он примыкает к труднейшему вопросу об оживлении церковно-приходской жизни и другой касается вопроса об организации высшего церковного управления.

Здесь, таким образом, выступают на вид две задачи, тесно между собой связанные, но не покрывающие одна другую: церковно-общественная и церковно-правительственная (административная). В осуществлении задач церковно-общественного характера тщетно было бы возлагать большие надежды на внешнюю регламентацию, как бы остроумно и канонически правильно ни была она задумана; здесь на первом плане должен быть жизненный внутренний рост учреждения.

В осуществлении задач церковно-правительственного характера, наоборот, строгая законосообразность, возможно точное определение границ лич-

ного усмотрения и наиболее совершенный способ делопроизводства имеют существенное значение для ограждения общецерковных нужд и частных интересов и для беспрепятственного течения необходимых церковных дел. Трудности вопроса усиливаются еще оттого, что канонические основания епархиального управления слишком общи и неопределенны, а исторические примеры смутны или не отвечают потребностям настоящего времени.

Древнейший тип внутреннего церковного управления, как он нам известен из писаний апостольских, можно назвать открытым, всенародным, общественно-совещательным; несколько иначе это древнейшее управление называется епископально-общинным. Этот тип сменился другим очень рано, а в настоящее время, при крайнем усложнении общественных отношений, может считаться идеальным, но решительно неосуществим на деле. Из первоначальной однородности в церковной жизни и управлении выделились три существенных начала, стройное сочетание которых и дает истинно канонический характер церковному управлению: власть епископа, участие в управлении пресвитеров и вообще клира, участие в управлении мирян.

Власть епископа в управлении вверенной ему епархией настолько ясно утверждается канонами, что этот предмет не нуждается в особом рассмотрении.

Участие пресвитеров в управлении Церковью и особенно в распоряжении церковными имуществами определенно указывается правилами (Апост. 41-е; Антиох. 24-е, 25-е; Вас. Вел. 89-е; Феоф. 7-е; Карф. 42-е). Без ведома пресвитеров епископ не распоряжается церковными имуществами, и ничто из этих имуществ не должно быть от них сокрыто. В 58-м правиле апостольском содержится указание на то, что пресвитерам поручались и другие дела церковного управления: здесь говорится о пресвитере, не радящем о причте и о людях, а толковники по этому поводу рассуждают: «И пресвитерам установлено стоять там (в алтаре на возвышении) и сидеть вместе с епископом, дабы и они с возвышенного места могли надзирать за народом и благоустроять его, как сотрудники, данные епископу» (Зонара) «потому что и они сидят близ епископов на высших кафедрах» (Вальсамон).

Но что касается организации такого участия пресвитеров в епархиальном управлении, то на этот счет мы имеем лишь неопределенные указания. Пресвитеры называются советниками епископа, собрание их обозначается именами βουλή, σύστηρα (Постан. Апост., Игнатий Бог.), senatus (Иероним), т. е. советом, коллегией, сенатом. Толковать эти термины в смысле наименования организованных учреждений и судить об их составе и деятельности по аналогии с одноименными гражданскими учреждениями было бы далеко не безошибочно. «Весьма вероятно, — говорит один из наших старых исследователей (иером. Павел), — что епископ, не избирая себе постоянных советников из пресвитеров, держал совет иногда только с некоторыми из них по своему произволу и удобствам сношения с ними, увеличивая число своих советников, смотря по важности дел и решений, а иногда советовался со всеми вместе».

В древней русской Церкви, в помощь епископу при управлении епархией, был так называемый клирос, крылос. Упоминания об этом учреждении в па-

мятниках многочисленны и встречаются на протяжении веков (от XII до XVII), но при всем этом не достаточно определенны. Судя по тому, что отдельно перечисляются «игумени и попове и черньци и пресветлый клирос сборныя церкве» (Летопись), надо полагать, что члены клироса выделялись из ряда прочего духовенства, составляя своего рода присутственное место «оффицию» (officium), как это выражено греческим термином в одном из позднейших (XVII в.) южнорусских памятников. Состоя в чинах должностых лиц при архиерее, члены крылоса были или могли быть в то же время приходскими священниками, как это было и у греков. Поэтому и учреждение клироса могло происходить так, как это сказано о епископе XVI века: «...созвал священников и, посоветовавшись с ними, учинил клирос (очевидно, из их среды), и предоставил ему власть держать, как и у иных епископов». Что же касается пределов этой власти и способов ее осуществления, то относительно этого точных сведений не имеется. Весьма вероятно, что в данном отношении существовала практика весьма разнообразная, в зависимости от личных свойств епископа и особенностей жизни, пока общее направление нашего исторического развития не привело в московской Руси к замене клиросного управления приказным.

Развитие этого приказного начала, подправленного заимствованными со стороны условиями коллегиальности, повело наконец к организации консисториального управления, в котором и выражается в настоящее время участие пресвитеров в епархиальном управлении. Оставляя до времени подробное рассмотрение строя современной консистории, здесь следует отметить лишь некоторые черты общего характера. Первоначально, по указанию Дух. Регламента, консистория предполагалась, как учреждение временное, «через обычное», «если необходимая зайдет нужда, вне епархии епископа держащая... также если и немощь приидет тяжкая и управлять дел весьма не допускающая». Это вспомогательное значение консистории, как исполнительного органа епископской власти, со временем выразилось в том, то консистория оправливала архиерейскую волю, словесно или письменно выраженную, в форму указа и представляла архиерею справки из прежних указов. Но в дальнейшем своем развитии консистория явилась учреждением смешанного, т. е. государственно-церковного характера: по своей зависимости от архиерея и Св. Синода, по основаниям своей деятельности и по предметам ведения, она — учреждение церковное; но в то же время она есть «присутственное место», и этим обозначением ей придаются значение и сила, присущие органам государственной юрисдикции.

Приведенное выше предположение, что епископ, не ограничиваясь содействием некоторых пресвитеров, иногда советовался со всеми вместе, находит себе полное подтверждение в практике древней русской Церкви. Кроме пресвитерских советов, или клиросов, у нас были общие епархиальные соборы, или «сборы». Ежегодно на первой неделе Великого поста (сборное воскресенье) собирались в епархиальный город все священники и диаконы епархии, чтобы получить благословение от своего владыки и назидание его относи-

тельно пастырской деятельности. «На сбор приходи, — гласит святительское поучение новопоставленному иерею, — на исправление церковных вещей, на принятие истинного разума». Были и чрезвычайные соборы, созывавшиеся архиереем по каким-либо особым обстоятельствам церковной жизни. «Который священник, игумен, или поп, или диакон (состав собора), — говорится в грамоте, — на тот сбор и на то великое дело не поедет, той да приемлет казнь церковную»... Наши так называемые съезды духовенства можно рассматривать, таким образом, как восстановление давнего, на время упразднившегося, учреждения. Конечно, при этом не нужно забывать, что возрождение древнего обычая вызвано было не только (или не столько) стремлением согласовать — церковное управление с канонами и обычаями древней Церкви, но и желанием дать подчиненному духовенству те начала самоуправления, которые вводились в то время и в другие области русской жизни. Параллельно с учреждением съездов введено было выборное начало, распространенное даже на лиц административных, каковы благочинные. По многим условиям, задатки самоуправления в духовенстве не получили дальнейшего развития, и самые основания такого строя не могут считаться вполне обоснованными и не вызывают согласной оценки. Это обстоятельство, несомненно, содействует хаотическому состоянию наших епархиальных учреждений. Быть может, следовало бы признать наличность известных корпоративных нужд и интересов духовенства, как определенной общественной группы, и точно определить законные пределы этих нужд и потребностей и пути к их удовлетворению.

Труднее представляется вопрос об участии в церковном и — в частности — епархиальном управлении мирян. Насколько ясно и общепризнано соучастие всей Церкви в делах управления во времена апостольские (Деян. 6:5; 11:29; 1 Кор. 5:4), настолько же неопределенно обстоит этот вопрос во времена последующие. Впрочем, необходимо отметить, что эта неопределенность зависит не только от свойств самого предмета, но и оттого, что к нему нередко пытаются приложить чуждую меру юридического начала, изыскивая основание для права там, где это понятие не отвечает существу дела. Свидетельства II и III веков говорят о том, что при постановлении священника (и епископа) требуется присутствие народа (Ориген, Киприан), что народ вполне (maxime) имеет власть избирать достойных священников и отвергать недостойных, что добрые епископы полагали себе за правило ничего не делать без совета со своим клиром и без согласия народа, которому также за его веру и страх должна быть воздана честь (Киприан), что самый суд церковный, как бы некая божественная цензура, происходит в собраниях, на которых председательствуют старейшины, получившие эту честь по общему свидетельству (Тертуллиан). Но уже к VI веку этот порядок существенно изменился, а император Юстиниан ограничил число мирян — избирателей кандидата на епископство только «первыми» гражданами города. В епархиальном управлении миряне являются теперь только в качестве чиновников или органов власти епископа; непосредственное же их участие в церковных делах получило вид ктиторства, патронатства, построенного не на подлинно канонических основаниях, а си-

лой частного гражданского права. Весьма большое значение имело при этом и то обстоятельство, что отдельные церковные учреждения и церковно-правительственные должности получили характер публичных учреждений, находившихся под контролем государственной власти и нередко в прямой зависимости от последней. Но в существе своем участие мирян в церковном управлении никогда Церковью не отвергалось и, при изменении государственных и общественных отношений, являлось вновь в той или другой форме. Известно значение в жизни древней русской Церкви общины, мира, веча. На греческом Востоке турецкое иго заставило иерархию искать себе опоры в народе, как «защитнике благочестия». То же было и у нас, в южнорусской Церкви, хотя здесь и высказывались опасения в том смысле, что миряне, слишком близко припущенные к делам Церкви и начитавшиеся правил, «сами себе закон бывают». В православных Церквах Австро-Венгрии мирской элемент получил даже преобладающее (по крайней мере — численно) значение в церковном и — в частности — епархиальном управлении, в ущерб канонам. Замечательно при этом, что ученый и благочестивый канонист, митрополит австрийских румын Андрей Шагуна, все-таки усматривает в развитии такого церковного строя, что «свет Евангелия и правил Церкви успел рассеять мрак абсолютизма, который лишает христиан всяких церковных прав, осуждая их, как бесправную массу народа, на слепое послушание властительским повелениям». Глубокие перемены, происходящие в русской жизни, несомненно, и у нас ставят на очередь вопрос о деятельном участии мирян в церковной жизни. На справку можно привести пример из прошлого Самарской епархии. По правилам для съездов духовенства по благочиниям 1867 года, на эти съезды могут быть приглашаемы учителя народных школ, церковные старосты и председатели попечительств; члены приходских попечительств допускаются, по желанию их, с правом совещательного голоса, а также и все желающие из православных — без права голоса.

Связующим и направляющим началом церковного управления является церковная *власть*. В епархиальном управлении носитель власти есть епископ, ответственный в порядке управления перед высшей иерархической властью; такая власть есть собор епископов.

Пресвитерство в своем целом составляет *совет* при епископе. Отдельные пресвитеры и другие клирики получают от епископа полномочия должностных лиц для определенных действий по церковному управлению.

Православный народ *присутствует* при осуществлении церковной власти. Он поддерживает церковную власть своей верой и благочестием и являет свое согласие с действиями церковной власти, направленными ко благу Церкви. Отдельные лица из народа могут получать полномочие от церковной власти для определенных действий по церковному управлению.

В области церковной жизни могут быть местные нужды и корпоративные интересы. Эти нужды и интересы наиболее целесообразно могут быть обслуживаемы посредством *союзов*. Деятельность союзов, поскольку она касается блага Церкви, подлежит контролю церковной власти.

2. Желательные изменения в современном строе духовных консисторий

Так как духовная консистория в настоящее время является центральным при епископе органом епархиального управления, то и самое преобразование должно коснуться главным образом этого учреждения. Поэтому полезным представляется рассмотреть, какие именно перемены желательны в современном строе духовных консисторий, согласно указаниям практики и по соображению с новейшими изменениями в государственном законодательстве. Такое рассмотрение удобно провести по тем предметам, которые подлежат ведению различных столов консистории, согласно местному их распределению.

1-й стол

1) Ведению 1-го стола подлежит проповедание слова Божия христианам и иноверцам. Правила касательно проповеди слова Божия изложены в ст.ст. Устава дух. конс. 8, 9, 10, 11, 12 и 13. Вопрос о лучшей постановке проповеди сводится здесь существенным образом к установлению надзора за этим делом со стороны епархиальной власти. Общее убеждение всего духовенства епархии, выраженное во многих ходатайствах перед епархиальной властью и постановлениях съездов, сводится к признанию непригодности и ненужности (даже оскорбительности для духовенства) всей этой регламентации.

Далее, Устав дух. конс. (ст. 15) требует, чтобы епархиальное начальство прилагало особое попечение, чтобы миряне ежегодно исповедывались и приобщались Св. Таин. В этих видах ведутся вероисповедные росписи, представляемые преосвященному (ст.ст. 16, 17), указываются меры увещания по отношению к небытчикам, и, в случае безуспешности этих мер, предписывается сообщать о небытчиках гражданскому начальству. В силу изменившихся условий жизни и — в частности — Высочайшего указа 17 апреля 1905 года, требуется изменить порядок, установленный ст.ст. 15, 16 и 17 Устава дух. конс. В лучшем случае вероисповедные росписи (в одном экземпляре) могли бы служить для причта лишь средством проверять наличность действительных членов прихода, между прочим при определении состава приходского собрания (схода).

Следует выделить из Устава дух. конс. статьи, относящиеся к деятельности епархиального архиерея, например 18, 19, 20, 23, тем более, что предписываемые здесь меры или не имеют административного характера, или сводятся к обращению за содействием к гражданской власти.

Статьи 22, 25—31 Устава, трактующие о том, как поступать священнику в отношении к иноверцу и нехристианам, ищущим присоединения к Церкви православной, уместнее не в консисторском Уставе, а в особых правилах или наставлениях для православных пастырей.

Статьи 1-й главы Устава дух. конс. 7, 14, 21, 24, 32, с одной стороны — выражающие известного рода пожелания и, с другой — требующие лишь до-

несения Св. Синоду и сообщения гражданской власти без дальнейшего указания производства дела, должны быть или отменены, или переработаны в форму точно определенного наказа или инструкции.

По вопросу о совращении в раскол, в магометанство и проч., отнесенному также к ведению 1-го стола, следует заметить, что в настоящее время такое совращение может, по смыслу законов, иметь разные виды. Если это простой переход из православия, не сопровождающийся давлением извне, например насилием, то он допустим для переходящих из православия в иное христианское исповедание. Излишне, думается, то или иное участие епархиального начальства и в делах о совращениях, пока еще караемых законами, ибо дела эти относятся к ведению государственного суда, и нежелательно, чтобы консистория имела здесь значение лишь передаточной инстанции.

2) По вопросам, касающимся богослужения, ст.ст. Устава 34—36 должны разделить судьбу ст.ст. 21—22, 25—31 и под., указанных ранее, т. е. войти в состав особого постановления пресвитерам. Ст.ст. 37—38 должны войти в состав Уложения по церковному суду, так как говорят о нарушениях святости богослужения, т. е. о преступлениях, ведать которые надлежит судебной власти.

3) Из главы IV «о духовенстве» могли бы быть исключены ст.ст. 68 и 69, гласящие о исповеди духовенства и составлении ведомостей, в которых делаются отметки о бытии или небытии духовенства на исповеди и которые затем представляются епархиальному преосвященному на усмотрение. Дело исповеди должно бы быть освобождено от таких бумажных формальностей.

4) Наконец, на 1-й стол возложено: а) определение степеней родства, очевидно — на прошениях, ходатайствующих о разрешении браков в родстве, и б) разрешение браков несовершеннолетних и в родстве.

Во избежание излишних трат для просителей и канцелярской проволочки, надлежало бы или совсем отменить примечание к 3 ст. I ч. X тома о разрешении браков до совершеннолетия, или возраст, установленный для вступления в брак, вообще понизить на полгода.

2-й стол

1) Ст.ст. 83 и 84 подлежат изменению. По общему уставу о паспортах, все имеют право получить — откуда следует — паспортную книжку, как удостоверение личности. При имении такой книжки, духовное лицо должно бы иметь право отлучаться в другие епархии по получении разрешения от епархиального начальства без особых паспортов, получение которых сопряжено с излишней тратой времени и излишней перепиской. Таким разрешительным документом могла бы служить просьба об отпуске с резолюцией на ней епископа и печатью канцелярии епископа. Ст. 84 подлежит отмене. Духовенство, ввиду обременительности и бесполезности личной явки в столичных консисториях и у обер-прокурора, за весьма редкими исключениями, статьи этой совсем не выполняет. Подлежит соответственному изменению и ст. 85.

2) Ст. Уст. дух. конс. 86 касается снятия священнослужительского сана и сложения монашества по прошениям. Следовало бы эти дела предоставить епископу, который и подает сан священный и монашество, не испрашивая на то разрешения Св. Синода. Относящаяся к этому предмету ст. 428 IX т. о производстве желающим снять сан трехмесячного увещания подлежит отмене, как не достигающая цели и только вносящая в дело излишние стеснения.

Справедливо было бы — всем, сложившим сан по прошениям и имеющим права гражданской службы, предоставить вступать в гражданскую службу, не ожидая истечения срока, положенного т. III Св. Зак. о служ. Правит.

3) По поводу ст. Уст. 87: следовало бы опустить в клировых ведомостях 6-ю графу формулярных списков с отметкой о поведении членов причтов. В формулярных списках гражданских чиновников таких отметок не полагается, и не видно, почему бы представители православного духовенства нуждались в особых мерах наблюдения за их поведением. О проступках против благоповедения и неисправности по должности членов причтов благочинные, в случае недействительности принятых ими мер исправления, обязываются доносить епископу. Отсутствие таких донесений может служить совершенно достаточным показателем удовлетворительного состояния членов причтов в указанных отношениях.

4) По поводу ст. Уст. 91 является вопрос: не следует ли эту статью о представлении духовных лиц к наградам отменить совершенно? Известно, что награды духовным лицам являются у нас сравнительно недавним обычаем, и весьма сомнительно, принес ли этот обычай хотя малую пользу Церкви. Если же совершенное упразднение наград признано будет невыполнимым, то представление к наградам следует предоставить не благочинным, а благочинническим советам. Ходатайства о сложении с духовенства ремарок, каковое сложение, по ст. 684 III т. Св. Зак., составляет также награду, предоставить также благочинническим советам. Следовало бы также отменить награды светским лицам за заслуги по Духовному Ведомству или, по крайней мере, упростить это дело, так как трудно не только благочинным, но и консистории разбираться в массе относящихся сюда циркуляров.

5) Ст.ст. Устава дух. конс. 95 и 96 должны быть переработаны в соответствии с новым строем приходской жизни и управления, причем необходимо обозначить точные пределы причта в отношении избрания церковного старосты и его деятельности. На этой почве в настоящее время возникает множество недоразумений и жалоб, вредно отражающихся на ходе церковно-приходской жизни и — в частности — хозяйства.

3-й стол

Специальным предметом ведения этого стола и являются вопросы церковного хозяйства. Правила ведения церковного хозяйства, определяемые ст.ст. Устава дух. конс. 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 145, 148, 151 подлежат пересмотру и изменению в соответствии с теми изменениями, какие

будут внесены в приходскую жизнь вообще и в отношения между причтом и приходом, с одной стороны, и высшей епархиальной властью — с другой. Ведение денежной отчетности и описи церковного имущества, периодическое свидетельствование церковных сумм, обсуждение вопросов о лучших способах их хранения и употребления, о приобретении нужных для церкви предметов и о способах материального обеспечения духовенства — все эти проявления церковно-хозяйственной жизни прихода должны протекать при постоянном и живом участии прихожан, но под непременным и точно определенным контролем епархиальной власти. В частности, вполне возможно было бы предоставить приходам, испросив благословение епископа на постройку новой церкви или капитальный ремонт существующей, входить непосредственно в сношения с строительным отделением по выработке планов и фасадов церковных построек, а также смет к ним, причем за епархиальным начальством осталась бы только обязанность наблюдать за соответствием возводимых сооружений их православно-богослужебному назначению. Освидетельствование произведенных работ должно производиться благочинным (ст. 51) также при участии прихожан.

В таких чертах могут быть намечены изменения в существующем строе духовных консисторий. Во всем изложенном предполагалось, что судные дела будут совершенно выведены из круга ведения консисторий и переданы особым судебным учреждениям. В соответствии с предполагаемыми изменениями, существенные перемены должен испытать и порядок консисторского делопроизводства — в смысле его упрощения и решительного сокращения числа бумаг, в настоящее время подавляющего консисторию и угрожающего возрастать с каждым годом.

3. Заключение

Существующие установления епархиального управления применительно к основным задачам церковного управления вообще, могут быть расположены в таком систематическом порядке:

I. Степени церковной власти в епархии:
1) Епископ.
2) Благочинный.
3) Священник.

II. Церковно-правительственные учреждения в епархии:
1) Духовная консистория.
2) Благочиннический совет.
3) Причт.

III. Соборно-совещательные установления:
1) Епархиальный съезд.
2) Благочиннический съезд.
3) Приходский сход.

Учреждение консистории является разработанным и испытанным на деле путем долголетней практики; епархиальные съезды духовенства, так или иначе, тоже имеют за собой прошлое. Задача преобразования заключается в том, чтобы, видоизменив состав и круг действий консистории и определив точнейшим образом состав и круг действий епархиального съезда, около этих основных учреждений, вспомогательных при епископе, разработать всю систему епархиального управления. Трудно рассчитывать, чтобы эта система слишком скоро проникла всю жизнь местной Церкви, и тем более необходимо поставить сразу на твердую почву устроение центральных органов управления.

Полномочным носителем церковной власти является в своем пределе *епископ*. Он раздает полномочия на те или другие церковно-правительственные действия — по округам *благочинным* и по приходам — *священникам*. В силу этого ему принадлежит власть назначать тех и других. Но это право не исключает возможности ходатайства со стороны прихода о назначении к нему священником того или другого лица. Целесообразность таких приходских выборов обусловливается степенью сознательного и благочестивого участия прихожан в жизни их церкви. Инструкция благочинным подлежит переработке согласно переменам, какие будут произведены в строе приходской жизни и консисторского управления.

Место консистории мог бы занять *пресвитерский совет* при епископе. С выделением в особое учреждение церковного суда, с сокращением дел и упрощением делопроизводства, пресвитерский совет с канцелярией при нем мог бы состоять не из большого числа лиц и, в то же время, обнаруживать плодотворное влияние на ход церковной жизни в епархии. Совет составляется из четырех членов: два члена назначаются епископом, и два избираются епархиальным духовенством на съезде. Желательно, чтобы все члены получали жалованье, хотя бы в размере настоящего жалованья члена консистории; если же это окажется невозможным, жалованье выдавать двоим из членов: одному по назначению и другому выборному. Целесообразным представляется назначать и избирать членов совета на определенный срок (3—4 года) с правом переизбрания. Один из членов назначается от епископа председателем совета; секретарь также назначается епископом, преимущественно из лиц духовных. Являясь высшим церковно-правительственным учреждением в епархии, совет имеет постоянное и непосредственное отношение к епархиальному съезду или собранию. Он подвергает предварительной разработке подлежащие рассмотрению собрания вопросы, блюдет за выполнением утвержденных постановлений собрания и имеет контроль над действиями вспомогательных учреждений, обязанных руководствоваться постановлениями собрания. Таковы: попечительство, комитет свечного завода.

Епархиальное собрание составляется из выборных представителей духовенства в сане священника, по одному от благочиннического округа и выборных представителей от народа, по одному от того же округа. Выборы представителей, сроком на 3—4 года, производятся на благочиннических собрани-

ях в полном их составе. Избранные могут получать от своих округов денежное пособие для поездки в епархиальный город и пребывание в нем во время собрания. В собрании принимает участие один из членов пресвитерского совета, по назначению от епископа. Он открывает собрание, после чего председатель собрания, товарищ его и секретари избираются самим собранием. Занятия собрания проходят по программе, составляемой советом и утверждаемой епископом. Новые вопросы могут быть вносимы по заявлению не менее 10 членов собрания. Кроме тех вопросов, которые подлежат рассмотрению епархиальных съездов духовенства в настоящее время, епархиальное собрание имеет своей задачей: выслушивать постановления областных Соборов епископов и наставления епархиального архиерея, обсуждать вопросы, относящиеся к распространению и укреплению веры, поддерживанию религиозного образования и т. д. По усмотрению своему архиерей обращается к собранию или в полном его составе, или только к духовным его членам, как например с наставлениями по вопросам пастырской практики. Духовные члены собрания могут быть уполномочены своими избирателями — духовными и к обсуждению корпоративных нужд духовенства, как например состояние эмеритальной кассы, и по этим вопросам совещаются отдельно от представителей народа. Постановления собрания представляются епископу и, по его утверждении, направляются к исполнению в пресвитерский совет. Состав вспомогательных учреждений (комитетов) избирается на срок или на неопределенное время собранием. Окружные съезды по делам духовных училищ считаются окружными отделами (секциями) епархиального собрания и действуют в том же порядке, как и собрание, при участии одного из благочинных, по назначению от епископа.

Благочиннические советы составляются при благочинных по избранию окружного духовенства сроком на 3—4 года, соответственно организации совета пресвитеров. Круг действий этих советов, в соответствии с уставом совета пресвитерского и измененной инструкцией благочинным, должен быть определен с точностью, так чтобы эти учреждения не по имени только, а в действительности могли служить посредствующим звеном между пресвитерским советом и причтами. Благочиннический совет вырабатывает программу вопросов, подлежащих обсуждению благочиннического собрания, и следит за выполнением утвержденных постановлений этого собрания.

Благочиннические собрание составляется из всех членов причтов округа и представителей от народа, по одному от каждого прихода. Представители эти избираются приходскими собраниями. Благочинническое собрание созывается по инициативе благочиннического совета, в определенное время или по мере надобности. Созывает его благочинный, но председательствует на нем один из членов-священников по избранию. Собрание обсуждает дела, касающиеся всего округа; кроме того, по инициативе отдельных членов собрания, оно может ставить вопросы и общего характера, касающиеся всей епархии, для передачи их к разработке в пресвитерский совет, откуда они переходят на рассмотрение епархиального собрания. Постановления благочиннического

собрания представляются чрез благочинного на утверждение преосвященного и по утверждении передаются к исполнению в благочиннический совет. Собранию предоставляется организовать вспомогательные учреждения или комитеты, например для заведования благотворительными или просветительными предприятиями в округе. Деятельность таких комитетов находится под контролем благочиннического совета.

Низшим церковно-правительственным учреждением является *причт*, под настоятельством священника вмещающий в себе и избираемого приходом церковного старосту, а в многочисленных причтах — и его помощника. Причт блюдет интересы приходской церкви и разрабатывает вопросы, подлежащие обсуждению приходского собрания.

Приходское собрание составляется из всех прихожан православных, не опороченных в деле веры, созывается по мере надобности и по заявлению прихожан священником и действует при выборном председателе. В состав собрания входят и все члены причта. Предметы ведения приходского собрания: благоустройство местной церкви и попечение о материальном обеспечении причта и о всех благотворительных и просветительных учреждениях, могущих существовать на иждивении прихода. Собрание избирает церковного старосту и его помощника, а также представителя от прихода в состав благочиннического собрания: таким представителем может быть тот же церковный староста или отдельное лицо. Постановления приходского собрания представляются благочинному, который задерживает исполнение этих постановлений, если усматривает в них нарушение законов, и в случае протеста на постановление со стороны причта. Решение таких вопросов принадлежит епископу. Точно так же епископу через благочинного представляются постановления приходского собрания, касающиеся дел важнейших, как например построение храма. За выполнением постановлений приходского собрания наблюдает причт, который ведет и письменную часть собрания.

Вне прямой зависимости от представителей церковной власти и церковно-правительственных учреждений могут находиться разнообразные *союзы*, ставящие своей целью попечение об интересах общих или корпоративных, повсеместных в епархии или порайонных. Таковы могут быть общества взаимопомощи, эмеритальные кассы, просветительные и благотворительные братства, общества миссионерские и другие. Учреждаемые на общих, определяемых государственными законами основаниях, союзы эти, если желают содействовать нуждам Церкви, должны испрашивать благословение от епископа. Наблюдение за деятельностью союзов епархиальная власть может иметь через посредство духовных лиц, входящих на правах членов в состав союзов и управляющих их делами комитетов.

Вся описанная организация должна состоять вне гражданской местной и областной организации. Волостные сходы, земские уездные и губернские собрания и другие соответствующие им учреждения не должны иметь прямого отношения к лествице церковно-правительственных должностей и учреждений. Организация государственного местного и областного управления по не-

обходимости должна иметь вневероисповедный характер, обнимая интересы всего населения, без различия религии, и допуская в состав своих учреждений инославных и иноверцев. Организация церковного местного и областного управления должна быть проникнута духом строго православным, и допустить к участию в церковных делах может, без сомнения, только православных.

Об участии священнослужителей в общественных учреждениях

В прямой связи с изложенными выше положениями об отношении между гражданской и церковной административными организациями стоит частный вопрос об участии священнослужителей в общественных и государственных учреждениях. Положение о Государственной Думе 6 августа 1905 года, в связи с последовавшими заявлениями Верховной Власти, дает этому вопросу жизненный, практический характер.

Канонами воспрещается членам клира соединять с духовными и государственные должности, военные или гражданские, «совмещать и римское начальство и священническую должность» (Апост. 83-е) и «вдаваться в народные управления» (Апост. 81-е; то же: VII Всел. Соб. 10-е, Конст. Двукр. 11-е). По характеру римско-византийского государственного управления, здесь разумеется совмещение духовного сана с гражданскими *административными* должностями; правила не могли предвидеть современного нам политического и общественного строя и потому ничего не говорят о дозволительности или недозволительности для духовных лиц пользоваться общими для всех политическими и гражданскими правами. Впрочем, практика церковной жизни и в древности расходилась с буквальным смыслом канонов, и предстоятели Церквей не только сосредоточивали в своих руках многие государственные функции, но бывали прямо и гражданскими правителями.

Итак, нет оснований лишать духовенство общих всем политических и гражданских прав и удерживать его от участия в политической и общественной жизни. Мало того: это участие могло бы быть весьма полезно для государства и общества, так как представляло бы возможность христианского воздействия на устроение политической и общественной жизни. Закон 6 августа предоставляет священникам политические права не как священникам, а как обладателям известного ценза; в дальнейшем развитии избирательного права можно ожидать последовательного проведения той же основной точки зрения. Духовные лица будут пользоваться правами не как духовные лица, а как граждане, наравне с другими гражданами, и быть представителями прежде всего общенародных интересов.

Но, если бы государственное законодательство призвало к участию в общем деле представителей Церкви, как таковых, а не как частных лиц, то и это не стояло бы в противоречии с канонами и действительной пользой Церкви. При общей смене государственных и общественных отношений, твердый и авторитетный голос в защиту православной Церкви не остался бы без влияния на ход преобразований.

Что же касается общего характера такого участия духовенства в политических и общественных учреждениях, то в этом отношении уместно припомнить слова одного из наших известных канонистов. Членам клира строго воспрещается: 1) политическая притязательность и присвоение себе во имя религии прав на народное управление, не признанных учреждениями страны; 2) вмешательство в страстные агитации и интриги враждебных друг другу политических партий, чуждое достоинства и нравственной сдержанности, свойственной служителю Церкви; 3) отожествление известных политических направлений с религией и употребление ее для политических целей; 4) забвение обязанностей своего служения ради интересов политики.

Пересмотр законов, касающихся приобретения Церковью собственности

Существующие законы обязывают — на приобретение церквами, монастырями и архиерейскими домами недвижимой собственности путем купли, дара или пожертвования испрашивать Высочайшее разрешение (Св. Зак. т. X, ч. I, ст. 1429) или соизволение (там же ст. 985). Если по прежней практике предписанное законом ограничение не сопровождалось ущербом для интересов Церкви, то нет оснований предполагать, что так же будет и в реформированном государстве. Ставить имущественные права Церкви в зависимость от изменчивой политики законодательных учреждений не представляется совместимым с истинными потребностями не только Церкви, но и самого государства. В отношении церковной собственности должны действовать те же законы, какие действительны по отношению ко всякой другой собственности, имеющей собирательный характер. И так как эти законы, несомненно, будут ограждать свободу приобретения и отчуждения собственности, то и в отношении к Церкви надлежит настаивать на праве свободного от всяких специальных ограничений приобретения и отчуждения владений. При этом, в интересах Церкви, необходимо лишь обусловить каждый акт приобретения или отчуждения церковной собственности формальным разрешением церковной власти, причем на определенную сумму акты эти могли бы разрешаться епископом, на суммы же более значительные — Собором епископов при митрополите. Этим существенно упростилась бы громоздкая процедура, установленная, например, для принятия в Церковь пожертвований статьей 985. (Консистория — епископ — Синод — Высочайшая власть.)

Виды приобретения собственности на имя Церкви, как лица собирательного, в нынешнем законе (X т., ч. I, ст. 689) перечисляются так: «Права на имущества могут приобретать... епархиальные начальства, монастыри и церкви». Здесь опущена категория «духовенство», которому настоит надобность в приобретении в собственность для его нужд и на его средства недвижимого имущества и которое в настоящее время лишено, таким образом, прав юридической личности. При рассмотрении вопроса о том, каким образом духовенство в системе существующего законодательства могло бы получить такие права, необходимо отметить следующее: 1) Понятие «духовенства» не

вполне подходит к понятию «сословие», так как сословное положение передается по наследству, а дети духовных, как известно, к духовенству не подлежат. Понятие «духовенства» скорее означает объединение по профессии, корпорацию. 2) Исчисляя коллективные юридические лица, правомочные к приобретению прав на имущества, закон, когда говорит о сословии, то тотчас поясняет это понятие в специальном смысле (ст. 698): «сословия лиц, как-то: товарищества, компании, конкурсы». Объединения людей по профессии, корпорации, как юридического лица, наш закон не знает. 3) Закон предоставляет права юридических лиц некоторым сословиям и общим (вне сословным) учреждениям в лице их исполнительных органов, как например мещанскому обществу — в лице мещанской управы, земским учреждениям — в лице уездных и губернских управ. Порядок приобретения и отчуждения имуществ при этом является в таком виде: мещанское общество, земское собрание делают соответственное постановление, мещанская управа, земская управа приводят это постановление в исполнение и заключают надлежащий акт, выдавая на то доверенность одному из своих членов. По аналогии с этим, возможно было бы предоставить права юридических лиц епархиальному и окружному духовенству в лице пресвитерского совета и благочиннических советов, причем имущественные акты могли бы совершаться: 1) на имя епархиального духовенства — пресвитерским советом по постановлению епархиального собрания в составе духовных его членов (консисторией по постановлению епархиального съезда); 2) на имя духовенства округа — благочинническим советом по постановлению благочиннического собрания (съезда) в составе духовных его членов. В том и другом случае постановления собраний, по общему порядку, должны предварительно восходить на утверждение епархиального епископа.

Преобразование духовно-учебных заведений

1. Основания

По уставам 1884 года, духовным училищам усвояется двоякая цель: «первоначальное образование и приготовление детей к служению православной Церкви»; целью духовных семинарий ставится исключительно «приготовление юношества к служению православной Церкви». Ввиду этого учебный план духовных семинарий расположен так, чтобы направлять обучение к означенной цели, и предметы специально богословские разбиты по всему протяжению курса, начинаясь Свящ. Писанием в первом классе и постепенно осложняясь количественно и качественно с каждым следующим классом. Но такая стройность и целесообразность не вполне выдержана даже в уставе и терпит полное крушение в практическом применении устава к потребностям жизни. Рядом с предметами церковно-богословскими семинарский устав уделяет место и предметам общего образования, необходимость которых (например, математика) в целях приготовления к служению Церкви по меньшей мере проблематична. Правда, не было недостатка в попытках придать и свет-

ским предметам (например истории) церковно-богословский характер; но, помимо того, что указания подобного рода большей частью оставались на бумаге, сама искусственность таких сближений одинаково должна быть осуждена и с точки зрения интересов Церкви и с точки зрения здравой педагогики. С другой стороны, силой вещей духовные училища и семинарии являются наиболее доступными для детей духовенства и единственно доступными для духовных сирот учебными заведениями; будет или не будет духовный юноша служить Церкви, судьба проводит его через семинарию, как заведение общеобразовательное. Общеобразовательный характер присущ духовной школе с первых времен ее существования, постоянно в той или другой мере признавался общими законами, допускавшими семинаристов к слушанию курсов высших учебных заведений гражданского ведомства, и, хотя в ограниченной мере, но признается в этом смысле и за семинарией 1884 года. Но и помимо того существенного соображения, что духовная школа является как бы собственной общеобразовательной школой духовенства, необходимо принять во внимание и то, что предопределить будущую судьбу и будущий род служения ребенка школьного возраста никто не имеет ни возможности, ни права. Наконец, расположить систему образовательных и воспитательных приемов в направлении, чтобы из всех случайно порученных детей выходили добрые служители Церкви, несмотря на разнородное могучее влияние семьи и общества, едва ли возможно для самой совершенной организации. И, кроме того, чем ближе наша церковная жизнь будет развиваться в духе соборности и общенародности, тем меньше потребуется от священника специфических расположений и приемов, и тем более будут от него требовать общечеловеческого развития на основах глубоко продуманного и широко усвоенного христианского миросозерцания.

Итак, духовная школа должна быть, прежде всего, общеобразовательной школой для детей духовенства. Возможно возражение, что раз духовные школы содержатся в значительной доле своих средств за счет доходов Церкви, а казенными пособиями пользуются в счет тех сумм, которые Церковь получила в возмещение за свои земельные имущества, то справедливо ли употреблять эти — и в том и в другом случае церковные — средства на нужды одного духовенства? Не следует ли лишить духовенство этой привилегии и, если духовным школам предстоит продолжить свое существование, не следует ли их открыть одинаково для всех желающих? В ответ на это необходимо указать, что, как бы ни изменились в будущем условия церковной жизни, все же, несомненно, значительное большинство священнослужителей по-прежнему будет выходить из духовных семейств, так как примеры родителей и родственников полагают явственную печать на склонности каждого и служат житейской подготовкой к служению. Во-вторых, наше духовенство, плохо и ненадежно обеспеченное в материальном отношении, имеет право надеяться, что Церковь, которой оно служит, оставит за ним вековое преимущество — пользоваться поддержкой в воспитании детей, преимущество, столь высоко ценимое духовенством. Наконец, если в духовных школах окажутся свободные

места, нет оснований отказывать в приеме и всем желающим, без всякого процента или иного ограничения.

Признав за семинарией значение общеобразовательной школы, возможно было бы построить ее по точному образцу средних школ Министерства народного просвещения. Более того: оставив за духовенством право на помощь в воспитании детей, возможно было бы помощь эту организовать в виде субсидий на обучение детей в учебном заведении по выбору родителей; в этом случае семинарии совсем прекратили бы свое отдельное существование. Ни того, ни другого решения вопроса нельзя допустить по следующим соображениям. Нет никаких оснований отказываться от того значения, какое исторически признано за Церковью в деле организации среднего образования вообще и — в частности — образования духовного юношества. Духовная школа, при всех ее возможных недостатках, сделала большое дело в истории русского просвещения и может продолжить это дело даже при современных исключительно тяжких условиях. Общеобразовательная школа Министерства народного просвещения находится еще в процессе переустройства; в гимназиях каждый год составляется временный учебных план, и не видно, чтобы переустройство это близко было к своему завершению. Средние школы других ведомств или носят на себе печать специализации, или по новизне своей все еще испытывают под собой почву для своего укоренения. Между тем, в исторически сложившемся типе духовной школы есть такие особенности, которые и ценны сами по себе и, быть может, сослужат свою службу даже по отношению к другим школам: или как пример для них, или как общественно необходимое восполнение их односторонности. К особенностям нашей школы относятся: искусство владеть письменной речью, развитие формального мышления и, вообще, философский характер образования, религиозно-богословское обоснование образования. Трудная задача переустройства духовной школы и состоит в том, чтобы, с одной стороны, сохранить действительно ценные черты в характере это школы, и с другой — освободить ее от все еще заметных уз схоластики и приблизить к живым требованиям современной действительности.

Поставив на надлежащее место задачу — сохранить за духовной школой ее характер школы общеобразовательной, следует далее определить вторую, важнейшую задачу — организовать учебно-воспитательную подготовку служителей Церкви. По общему признанию, задача эта выполняется современными семинариями далеко не достаточно: с одной стороны, замечается скудость в образованных кандидатах на священство, и с другой — самые эти кандидаты признаются не вполне подготовленными к своему служению. Оценить это явление в полной его мере, как со стороны количественной, так и со стороны качественной, — дело весьма не легкое. Некоторым кажется, что старые семинарии выпускали лучших священников; говорят даже, что сама учебно-воспитательная подготовка в старину была солиднее и ближе к духу церковности. Другие говорят, что нынешние семинарии задаются слишком широкими научными целями, и что для подготовки сельских пастырей требу-

ется более скромный и доступный круг знаний и навыков; тогда пастыри эти ближе будут к народу. Идеализация старой семинарии и прежних наших священников, как она ни естественна сама по себе, не должна все-таки загораживать собой того несомненного факта, что учебный строй новой семинарии, несомненно, выше старого строя, при котором десятки учились, а сотни только числились учащимися, — что только в реформированной семинарии развилась и школьная наука, представленная в последнее время значительным числом деятелей и обширной литературой. Причины, побуждающие современных семинаристов искать себе дороги вне службы Церкви, значительной своей частью выходят далеко за пределы школы и коренятся в совокупности многих условий церковно-общественной жизни. Да и сам процент уходящих в светское звание сильно колеблется в зависимости от местных особенностей и, например, в Самарской семинарии вообще не был слишком значителен. Если в чем бесспорно грешит современная духовная школа (наряду с другими школами), то это — в значительном количестве отстающих и выпадающих из школы воспитанников, так что к концу курса доводится такое их число, что всякая его убыль может быть чувствительна для интересов церковного служения. Что же касается сокращения научности в обучении, то, при современных повышенных требованиях, предъявленных к служителям Церкви, приходится думать не о сокращении, а об усилении научного характера духовно-школьного курса, понимая такое усиление не в количественном, а в качественном его смысле: не в смысле умножения предметов и числа учебных часов, а в смысле строго научной обоснованности сообщаемых сведений и дидактических приемов. Наша богословская наука и служащая ее выражением литература вызывают различные неблагоприятные толки. Но это — слишком еще нежные и плохо укоренившиеся на нашей суровой почве растения; требуется великая осмотрительность и бережность в обращении с ними, чтобы вместе с плевелами не исторгнуть и пшеницу.

2. Общеобразовательная школа: духовные училища и семинарии

Задачи общего образования в настоящее время выполняются духовными училищами и семинариями. В интересах объединения учебно-воспитательного дела следовало бы предпочесть этим двум разрядам школ единую школу, которая и вела бы учащегося с начала и до конца общеобразовательного курса. Тогда ученику не пришлось бы переживать той ломки, которая в настоящее время неизбежна при переходе из училища в семинарию. Но соображения житейского удобства и давнишняя практика дела побуждают стоять за сохранение духовных училищ: при их существовании дети остаются ближе к родителям, и содержание учащихся обходится дешевле. Можно указать и еще мотив, заслуживающий внимания; при должной постановке, духовные училища могли бы быть маленькими культурными центрами для уезда, столь глухого и первобытного и до настоящего времени. Оставляя таким образом по-прежнему духовные училища, нельзя не обратить внимания на заявление, идущее от

самих училищ, что училищный курс, служа подготовкой к семинарии, в то же время должен представлять собой нечто законченное, так, чтобы ученики, почему-нибудь лишенные возможности продолжать образование, имели в своем распоряжении достаточный круг знаний и навыков. Но, признавая вообще справедливость такого требования, нельзя допустить, чтобы училищный курс продолжался долее нынешних 4-х лет, так как за этими пределами начинается уже юношеский возраст, которому семинария должна дать другую пищу, и так как семинарский курс едва ли может быть сокращен по числу лет обучения без вреда для самого дела. Наконец, печальные опыты последнего времени показывают, что учебные заведения с промежуточным (выше низшего и ниже среднего) курсом являются предметом особенного недовольства учащихся, стремящихся уровнять такие заведения с школами высшего типа.

Вопрос о продолжительности всего общеобразовательного курса всего проще решается тем, что в состав этого курса вводят четыре года училища и первые четыре года семинарии. Но давно уже и с разных сторон слышатся возражения против 8-летнего общеобразовательного курса, и, может быть, действительно для детей общего образования, при планомерной и тщательной его постановке, достаточно было бы 7 лет обучения; обходятся же семью годами даже теперешние реальные училища.

Труднее решить капитальный по своему значению вопрос — о концентрации обучения соответственно возрасту и потребностям учащихся. Старая наша школа, следовавшая по пути школы еще старейшей, практиковала концентрацию обучения в таком виде: грамматика (этимология), синтаксис, риторика, философия; высшим курсом являлось богословие. На эти пять курсов полагалось по 2 года, всего 10 лет, и, кроме того, проходился курс приготовительный, также в 2 года. Значения стройности этот план не утратил и до настоящего времени; но это формальное преимущество скрывает под собой внутреннюю несостоятельность. Ход научного развития и потребности жизни выдвинули на первый план две группы дисциплин — обществоведение и естествоведение; из первой группы наша школа давно уже знает историю; вторая группа кое-как предоставлена географией и физикой, не имеющей у нас присущего ей характера науки математической. При распланировке учебного курса по образцу прошлого, обществоведение и естествоведение по-прежнему остаются не у дел, и даже для такого важного в образовательном смысле предмета, как история, не находится собственного помещения. Преобразованная духовная школа должна определенно установить свои отношения к естествознанию, предоставив ему должное место в учебном плане, преимущественно в курсе училищ, и поставить на солидную почву преподавание истории, присоединив к ней необходимые в настоящее время сведения из других общественных наук. Древние языки в духовной школе могли бы оставить за собой приблизительно то же место, какое занимают в ней в настоящее время, служа вспомогательным, но отнюдь не главным образовательным средством и подготовляя учащихся к пользованию источниками древнего знания. Но во всяком случае, роль древних языков в училище должна быть сведена к наимень-

шему, если только не окажется возможным совершенно освободить училища от этих предметов. И вообще из области языкознания для училищ были бы предпочтительнее новые языки, при том, впрочем, условии (правда, трудно осуществимом), чтобы для них нашлись преподаватели, вполне владеющие современными методами обучения.

При дальнейшей организации дела, отличительным признаком духовной школы должен служить элемент религиозно-богословский и философский. Драгоценным орудием религиозно-богословского образования и воспитания является изучение Св. Писания, которое и должно остаться в новой семинарии главным богословским предметом обучения. И так как семинарское образование должно носить в себе законченный характер, то желательно, чтобы на протяжении общеобразовательного курса прочитано было Св. Писание не только Ветхого, но и Нового Завета. Конечно, странно было бы опасаться, что после такого изучения нечего будет делать по Св. Писанию на курсах специально-богословских. Училищный курс останется при так называемом Законе Божием в обычном его круге.

Вопрос о преобразовании школьного преподавания Закона Божия, весьма важный и требующий большого к себе внимания, представляет собой вопрос общего характера и имеет отношение не к одним духовным училищам. Кроме Закона Божия и Св. Писания, при 8-летнем общеобразовательном курсе духовной школы в курс этот следует ввести церковную историю в виде законченного изучения древней истории Церкви (до разделения) и краткой характеристики новейших Церквей и других христианских обществ. Круг философских изучений, при 8-ми годах обучения, может быть оставлен в нынешнем его виде; но, если признано будет возможным сократить общий курс обучения до 7-ми лет, то из философских предметов необходимо оставить логику, психологию и введение в философию, понимая под этим ознакомление с основными вопросами философского исследования (проблемами философии).

Само собой разумеется, что воспитанники, прошедшие полный общеобразовательный курс духовной школы, должны иметь доступ во все высшие учебные заведения наравне с питомцами школ министерских.

Необходимым условием устойчивого благосостояния реформированной таким образом духовной школы является тщательный и коренной пересмотр воспитательной части, при живом участии лиц, непосредственно заинтересованных в деле воспитания духовного юношества.

3. Богословское училище

По семинарскому уставу 1867 года, богословские курсы отнесены были на 5-й и 6-й классы духовных семинарий, причем в эти классы открыт был доступ так называемым «начетчикам», т. е. лицам, не получившим систематического образования, но путем самостоятельной работы достаточно подготовившимся к слушанию богословских наук. Возможно образовать подобным же образом богословскую школу и при реформированной семинарии. Но мно-

гие соображения говорят в пользу того, что богословское училище должно представлять собой учебное заведение, совершенно отдельное от семинарии. Желательно, чтобы слушателями богословского училища были люди, сознательно решившиеся посвятить себя на служение Церкви или, по крайней мере, испытать себя в подготовке к такому служению, — будут ли то юноши, только что кончившие семинарию или другую общеобразовательную школу, или взрослые люди, подготовившиеся самостоятельно к изучению богословия. При таком неоднородном по возрасту составе слушателей, при известном различии их подготовки и при явно выраженной цели учреждения, совершенно необходимо внести во внутренний распорядок училищной жизни объединяющее начало, которое может быть выражено словом: церковность. На этом начале должна созидаться вся внутренняя жизнь училища. Так, например, в видах созидания надлежащего настроения и в видах практического усвоения необходимых для пастыря навыков, совершение богослужения в богословском училище должно занимать особенно важное место. Характер самых занятий должен быть отличен от обычной школьной нормы: должно быть больше самостоятельности, с одной стороны, и больше ответственности — с другой; больше простора для личных симпатий к тому или другому частному предмету или вопросу, и больше отчетливости в усвоении обязательного для всех. Руководителями богословского училища должны быть лица исключительно духовные, жизненно знакомые с пастырством; руководителями семинарии вполне и без исключения могут быть и лица светские. Если, таким образом, богословское училище и внутреннее и внешне должно быть организовано отлично от общеобразовательной школы, то связывать их в одно учреждение значит — стеснять и то и другое: или богословское училище будет налагать на семинарию несвойственный ей характер, или семинария нарушит строй богословского училища; или на мальчиков распространится режим, рассчитанный на зрелых людей, или зрелые люди окажутся на положении мальчиков. Этого рода неудобство испытывается и современными семинариями; в будущем возможно ожидать еще бóльшего его обострения.

Учебный план богословского училища придется разработать применительно к богословскому курсу нынешних семинарий, пользуясь всеми — отрицательными и положительными — показаниями многолетнего опыта. И здесь в известных пределах должно быть применено начало концентрации с устранением той дробности, какая теперь замечается в богословском курсе семинарий. С другой стороны, в богословском училище, ввиду возможности разнообразного состава слушателей, их запросов и потребностей, наконец — и ввиду новости дела, возможно предоставить училищной корпорации в намеченных уставом общих и широких рамках свободу распределения предметов и занятий на каждый данный семестр. Общая продолжительность богословского курса, в зависимости от продолжительности курса семинарского, может быть 2 или 3 года. Если общеобразовательный курс будет продолжаться 7 лет, тогда первый год богословского училища мог бы быть посвящен изучению истории философии, основного богословия и церковной исто-

рии, — в некоторых чертах соответственно 4-му классу нынешней семинарии. Это был бы хороший подготовительный курс для слушателей из сторонних учебных заведений. При двухлетнем курсе первый год мог бы напомнить нынешний 5-й класс, с присоединением патрологии, которая явится повторением и продолжением пройденного уже курса церковной истории. Во всяком же случае, во главе дела должно быть изучение Св. Писания и пастырского богословия, и в самом широком смысле слова.

Существенное значение имеет вопрос: даст ли предполагаемая в этих чертах реформа духовной школы вполне достаточную подготовку служителям Церкви и даст ли достаточное число таких подготовленных служителей? Не может быть сомнения в том, что при раздельности и ясности поставленных духовным школам задач, при взаимной независимости школ общеобразовательной и специально богословской, выполнение той и другой задачи пойдет гораздо успешнее, жизнь той и другой школы будет идти правильнее. Все это говорит в пользу того, что и подготовка к служению Церкви пойдет успешнее, чем в настоящее время. Не так ясен ответ на второй из поставленных выше вопросов. Можно с большой вероятностью предполагать, что большинство тех семинаристов, которые сейчас идут в духовное звание, и тогда пойдут в богословскую школу и далее на духовную службу. Если же те или другие не пойдут в духовное звание, то не вследствие известной организации духовной школы, а по причинам общего характера, которые нарастают вместе с усложнением жизни и общественных отношений. Пастырство все более и более становится подвигом; учебное же заведение может быть школой подвига не силой своей организации, а исключительными дарованиями руководящих им лиц. Остается далее надежда, что богословская школа будет пополняться слушателями из сторонних школ и из людей самостоятельной подготовки. Правда, «начетчики» 1867 года были немногочисленны, и притом это были большей частью псаломщики и диаконы из недоучившихся семинаристов, ищущие прав на высшие степени; но надо припомнить, что их принимали обыкновенно очень неохотно: среди воспитанников семинарии они составляли резавшее глаз пятно. При самостоятельном положении богословского училища и при эластичности его курсов, прием сторонних лиц будет легче и войдет в порядок вещей без затруднения. Возможно, что некоторые пойдут в науку (и особенно на первых порах) не по призванию, а ради прибыльного на известную мерку священнического места; но от таких искателей, даже из духовного звания, не застрахована и нынешняя семинария. Предполагаемое училище даст бóльшую возможность предоставить слушателям способы к серьезному испытанию их склонностей и расположений.

При надлежащем устроении богословского училища на него можно бы возложить и важную обязанность распространения (популяризации) богословских знаний в населении, по крайней мере — городском. Популярные богословские курсы, по возможности систематические, способствовали бы уяснению и укреплению церковно-религиозных интересов, и в то же время служили бы первоначальной подготовкой для тех благочестивых мирян, которые

расположены посвятить себя на служение Церкви и из числа которых, по надлежащем обучении, могли бы явиться достойные кандидаты на духовные должности.

Прилагается при сем мнение правления Самарского духовного училища.

Мнение правления Самарского духовного училища по вопросу о реформе духовно-учебных заведений

Неудовлетворительность существующих духовно-учебных заведений сознается всеми, имеющими с ними тесное соприкосновение. Высшая церковная власть жалуется, что семинария не располагает прошедших ее курс к священнослужению. Учащиеся недовольны тем, что обучение в семинарии с юных лет обрекает их на церковное служение, хотя бы они не чувствовали к тому никакого призвания, так как семинария не дает им ни сведений, нужных в практической жизни, ни диплома для поступления в высшие учебные заведения. Поступившие в епархиальное ведомство сожалеют, что училище и семинария не подготовили их даже к церковному служению. Ввиду всего этого, общество и периодическая церковная печать считают необходимым реформировать духовно-учебные заведения так, чтобы общеобразовательные предметы и специально-богословские были совершенно обособлены друг от друга в двух отдельных взаимно независимых школах. Общеобразовательная школа должна быть устроена по типу светских среднеучебных заведений и давать окончившим ее курс право поступать во все высшие учебные заведения. В богословское училище с 2-х или 3-х годичным курсом поступают юноши из всех сословий, прошедшие среднюю школу какого бы то ни было типа или ведомства, добровольно, по призванию желающие посвятить себя церковной деятельности.

Вполне признавая необходимость и неотложность коренной реформы духовных училищ и семинарий, правление полагает, однако, что вышеизложенный проект не соответствует нуждам Церкви.

1) Как и существующий порядок, он не гарантирует Церковь от служителей не по призванию. Окончивший среднюю школу юноша 17—18 лет, не испытавший своих сил и склонностей в практической деятельности, очень легко может временное настроение принять за серьезное призвание. А возможны случаи поступления в богословское училище и не по ошибке, а по сознательному расчету, так как для лиц из бедных классов населения священническая должность представляется заманчивой и в чисто денежном отношении. И Церковь вынуждена будет мириться с принятием непризванных служителей, если количество чувствующих в себе призвание будет меньше числа свободных вакансий, так что выбирать достойных будет не из кого. Таково положение в настоящее время, и таким оно останется до тех пор, пока церковная жизнь будет проявляться почти исключительно в богослужении; пока приход, приходское попечительство и братства не будут реорганизованы так, чтобы получили возможность проявлять во взаимопомощи начала христианской

любви. Только в среде деятельных христиан может возникнуть призвание к христианской деятельности. Никакая школа сама по себе не может возбудить такого призвания, а если и возбудит склонность, то эта склонность вскоре остынет от соприкосновения с инертной массой прихода.

2) Не окончившие почему-либо всего курса общеобразовательных классов или окончившие, но не имеющие средств продолжать обучение в высших учебных заведениях, не избавляются от необходимости искать в церковных должностях материального обеспечения, ибо никакая общеобразовательная школа не дает уменья устроиться в практической жизни; это дается только в специальных школах: мореходных, технических, коммерческих и т. п.

3) Проектируемая школа не обеспечивает Церкви достаточное количество образованных служителей. Богословское училище, если в него будут поступать уже прошедшие курс средней школы, тем самым получает значение высшего учебного заведения, через которое пройдут очень немногие. На все церковные должности не достанет лиц, прошедших эту богословскую школу, и недостающее количество по необходимости будет набираться из не прошедших ее, т. е. из не получивших уже никакого богословского образования.

С своей стороны правление училища признает желательным, чтобы реформа духовно-учебных заведений была произведена на следующих основаниях:

I. Сохраняется существующее разделение духовной школы на училище и семинарию. В духовное училище поступают дети из всех сословий, умеющие свободно читать по-русски и по-славянски, знающие главнейшие молитвы, символ веры и заповеди десятословия, таблицу умножения и первые четыре арифметических действия над отвлеченными числами. Курс училища — пятилетний и вполне законченный как в общеобразовательном, так и в богословском отношениях, так, чтобы прошедший его был достаточно развит и подготовлен к занятию должности псаломщика и диакона. Ни классические, ни новые языки в нем не преподаются, ибо они обременяют неокрепшую еще память детей громадным количеством ненужных для развития слов, форм и оборотов чуждой и даже мертвой речи. И это в то время, когда пробуждающийся детский ум особенно чуток к восприятиям внешнего мира, жаждет осмыслить окружающее его и неустанно возбуждает самые живые вопросы. Поэтому программы училищного курса должны быть составлены так, чтобы, не гоняясь за отвлеченной полнотой и стройностью системы каждого предмета, опустить все ненужные подробности и сообщить самое существенное и важное; сообщить так, чтобы изученное стало не бременем памяти, а материалом для мышления, и в таком количестве, чтобы ученик самых посредственных способностей имел возможность и время не только понять, но осмыслить и усвоить преподанное, т. е. поставить в связь со всем материалом, изученным ранее.

В училище преподаются: 1) священная история Ветхого и Нового Заветов; 2) христианское вероучение и нравоучение, но не по катехизису Филарета, а в обыкновенном удобопонятном, систематическом изложении; 3) церковно-богослужебный устав с объяснением богослужения; 4) краткая церков-

церковная история всеобщая и русская; 5) церковное пение; 6) русский язык с церковно-славянским, заканчивающийся элементарным разбором главнейших типов литературных произведений; 7) арифметика, заканчивающаяся решением задач тройных правил на общих числах; 8) самая элементарная геометрия, излагающая преимущественно измерение геометрических фигур и тел; 9) элементарная всеобщая и русская история, но не эпизодического характера, а по преимуществу культурного; 10) география всеобщая и Российской империи; 11) природоведение, включающее в себя простейшее знакомство с человеческим организмом и гигиеной; 12) физические упражнения и ручной труд. Подробные программы учебных предметов должны быть выработаны при деятельном участии учителей духовных училищ и семинарий.

Рациональный подбор учебного материала, несомненно, ослабит крупное зло наших учебных заведений — высокий процент малоуспешных, оставляемых на повторительный курс и увольняемых из училища. В видах еще бóльшего понижения этого процента желательно, чтобы учебные семестры определялись не годами, а полугодиями. При этом остающийся на повторительный курс в том же классе терял бы не целый год, а только полугодие; останавливался бы непосредственно на том, чтó его затрудняет, а не был бы вынуждаем до конца года изучать последующие отделы, когда не усвоены еще предыдущие. Для детей же, совершенно отсталых по малоспособности и «трудных для воспитания», должны быть устроены особые училища, хотя бы по одному на несколько епархий. В эти училища должны быть призваны лучшие силы педагогического персонала, и учебный материал распределен не на 5 лет, а лет на 6.

Как учебные заведения с законченным курсом, духовные училища должны состоять в непосредственном ведении начальства местного академического округа и под наблюдением местного епархиального преосвященного. Смотритель училища выбирается съездом окружного духовенства.

II. Духовная семинария с шестигодичным курсом имеет 3 класса общеобразовательных и 3 класса специально-богословских. В общеобразовательные классы поступают воспитанники, окончившие полный курс духовных училищ и удостоенные перевода в семинарию. Здесь изучаются только общеобразовательные предметы в таком количестве и объеме, чтобы училищный курс был концентрически дополнен до объема курса светских среднеучебных заведений, и философские предметы: логика, психология и философия. Здесь же изучаются, по выбору учащихся, один из классических и один из новых языков. Можно рассчитывать, что юноши около 16 лет, с окрепшей памятью, наблюдательностью и мышлением, усвоят языки с большей легкостью, чем изучаются они теперь, если только программы и учебники сих предметов приноровлены будут к практическому изучению языка. Окончившие курс общеобразовательных классов семинарии получают свидетельства, дающие им право поступать в университеты без экзамена.

III. В специально-богословские классы поступают лица всех сословий и возрастов — без экзаменов, если они имеют свидетельство об окончании кур-

са среднеучебного заведения какого-либо ведомства, — и по экзамену в объеме общеобразовательного семинарского курса, если они не имеют соответствующего диплома. Здесь изучаются: 1) Священное Писание в такой постановке, чтобы достигалось действительное знакомство с Библией и уменьи пользоваться ею; 2) догматическое богословие; 3) нравственное богословие; 4) обличительное богословие, излагающее приемы пастырского обращения с иноверцами, лицами иных исповеданий, сект и раскола; 5) литургика; 6) гомилетика; 7) церковная история всеобщая и русская; 8) церковное право и делопроизводство приходской церкви; 9) церковное пение. Изложение сих предметов должно давать положительное богословское знание, приноровленное к нуждам священнослужения, а не квазинаучный перечень и разбор всевозможных исследований и гипотез. Подробные программы семинарского курса должны быть выработаны при деятельном участии наличных преподавателей семинарии.

По вопросам о смешанных браках и о клятвах Московского Собора 1667 года

На рассмотрение будущего Всероссийского Поместного Собора, нам кажется, следует внести вопрос о так называемых «смешанных браках», а также вопрос о смысле и значении клятв большого Московского Собора 1667 года.

I. О «смешанных браках»

Именным Высочайшим указом Правительствующему Сенату от 17 апреля 1905 года всем исповеданиям дана полная свобода, объявлена полная веротерпимость, причем пунктом 11 этого указа старообрядцы (по церковному — «раскольники») и сектанты уравнены, в отношении заключения ими с православными смешанных браков, с лицами инославных исповеданий. Таким образом, по смыслу указа 17 апреля, старообрядцы и сектанты имеют право вступать в брак с лицами православными, без формального присоединения по известному чиноположению к православной Церкви, и требовать совершения «таинства» брака в православной церкви, что уже и практикуется.

Но ведь это — закон гражданский, и примириться с ним христианская совесть пастыря православной Церкви не может. Закон этот, о котором православная Церковь, в лице своих архипастырей, не сказала еще своего слова, суждения, вызывает массу недоумений, сомнений, а в простом народе вызывает массу недоумений, сомнений, а в простом народе вызывает и большой соблазн. Старообрядчество, враждебное православной Церкви, осуждено, ведь русской Церковью на Соборе 1667 г., — Соборе, на котором, помимо русского патриарха, помимо русских архипастырей, присутствовали и Восточные святители, в том числе и два патриарха. Ведь о расколе, который учит, что «господствующая (т. е. православная) Церковь — не Церковь, что она заражена антихристовой скверной, что ее таинства — не таинства, что пастыри ее —

не пастыри, а лжепастыри, волки, что в ней все скверно и не благочестно», и даже раскол поповщины учит, что наша Церковь заражена ересями, безблагодатна, что она ни более, ни менее, «как блудный Вавилон», — православная Церковь высказала следующее суждение: «Аще же кто не послушает повелеваемое от нас и не покорится святой восточной Церкви и сему священному Собору, или начнет прекословити и противлятися нам: и мы такового противника, данной нам властью от всесвятого и животворящего Духа, аще ли будет от освященного чина, извергаем, и обнажаем его всякого священнодействия, и проклятию предаем. Аще же от мирского чина будет, отлучаем, и чужда сотворяем от Отца, и Сына, и Святого Духа; и проклятию, и анафеме предаем, яко еретика и непокорника; и от православного всесочленения, и стада, и от Церкви Божия отсекаем, дондеже уразумится и обратится в правду покаянием, и пребудет по упрямстве своем до скончания своего, да будет и по смерти отлучен, и часть его, и душа его со Иудой предателем, и с распеншими Христа жидовы, и со Арием, и со прочими проклятыми еретики» (см. соборн. Деян. л. 7). Это соборное определение узаконено «в вечное утверждение и умное воспоминание» (7 л.об.). — Таким образом, раскольники осуждены Собором 1667 г. и преданы отлучению и проклятию, как «еретики и непокорники». Каким же образом православный священник может, без раскаяния и должного присоединения к православной Церкви, венчать, совершать таинство брака, поминать в молитвах и просить низведения Божия благословения и благодати Св. Духа на человека, отлученного Церковью, осужденного как бы «еретика и непокорника» и преданного проклятию? Разве это возможно? Разве может примириться с этим совесть православного пастыря — тем более, что церковными канонами подобные браки безусловно воспрещены?

Ап. Павел в послании первом к Коринфянам писал: «Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе». Это место древние отцы и учители Церкви вообще понимали так, что православные христиане могут вступать в брак только с православными, т. е. одноверными себе (см. у Тертуллиана, Киприана, Иеронима, Феодорита и др.). Так Феодорит: «Точию о Господе, т. е. идти замуж за верного, благочестивого» (т. VII, 220 с.). Св. Амвросий писал: «Если, именно, супружество должно быть освящено покрывалом священническими благословением, то можно ли будет назвать его супружеством, коль скоро не будет согласия в вере? Если молитва должна быть общей: то может ли у разноверных быть общей супружеская любовь? Случалось, многие, быв увлечены любовью к женам, потеряли свою веру, подобно тому, как народ отцев в Беелфегосе (письмо 70-е).

Лаодикийского Собора: «Не должно церковным, без разбора, совокупляти детей своих брачным союзом с еретиками» (пр. 10-е). Того же Собора 31-е правило: «Не подобает со всяким еретиком заключати брачный союз, или отдавати таковым сынов или дщерей, но паче брати от них (и то когда?), аще обещаются христианами быти». Выражение: «не подобает со всяким еретиком» — употреблено вместо: «ни с каким» (см. Матфей Власт., Синтагма, с. 122).

Карфагенского Собора: «Заблагорассуждено, чтобы дети состоящих в клире не совокуплялись браком с язычниками или с еретиками». Аристин: «Но и дети мирян не совокупляются в общение брака с еретиками» (10-е правило).

Вселенский четвертый Собор: «Понеже в некоторых епархиях позволено чтецам и певцам вступати в брак, то определил святый Собор, чтобы никому из них не было дозволено брати себе в жену иноверную; чтобы родившие детей от такового брака, и прежде всего уже крестившие их у еретиков, приводили их к общению с кафолической Церковью; а не крестившие не могли крестити их у еретиков, ни совокупляти браком с еретиком, ни иудеем, или язычником, разве в таком случае, когда лицо, сочетавающееся с православным лицом, обещает перейти в православную веру. А кто преступит сие определение святого Собора, тот да подлежит эпитимии по правилам» (14-е правило).

Зонара: «Это установил и Лаодикийский Собор в 10-м и 31-м правиле и Карфагенский в 21-м правиле, а пространнее определил Вселенский Собор, бывший в Трулле царских палат. Но Карфагенский Собор подобно настоящему правилу, рассуждает об одних клириках, а Лаодикийский и Трулльский воспрещают вообще всякому православному сочетаваться браком с еретиками и повелевают уничтожать таковой брак, если он состоялся» (полн. Кормчая 213 с.).

Аристин: «Православному мужу совокупляться браком с еретической женой, или обратно, запрещают и 10-е и 31-е пр. Лаодикийского Собора, и 72-е Трулльского шестого Собора, и настоящее правило» (214 с.).

Вальсамон: «Брак, заключенный с еретиком, уничтожается. А я думаю, что вместе с уничтожением, таковые подвергаются и эпитимии по настоящему правилу» (ibid. 315 с.).

Шестой Вселенский Собор: «Не достоит мужу православному с женой еретической браком совокуплятися ни православной жене с мужем-еретиком сочетаватися. Аще ли будет усмотрено нечто таковое, соделанное кем-либо, брак почитается нетвердым, и незаконное сожитие расторгати. Ибо не подобает смешивати несмешаемое, ниже совокупляти с овцой волка, и с частью Христовой жребий грешников. Аще же кто постановленное нами преступит, да будет отлучен» (72-е пр.). — Аристин: «Брак с еретиком не имеет силы».

Вальсамон: «Брак есть общение и соучастие в божественном и человеческом праве. Соответственно сему, св. отцы определяют, чтобы православный муж не сочетавался по закону брака с еретической женой, или обратно; но, если бы когда-нибудь случилось что-нибудь такое, определяют расторгать таковое сожитие, как несостоятельное. Ибо какое, говорят, будет общение у волка с овцой, когда они во всем противоположно думают и враждуют по причине различия образа их жизни? И не только определяют расторгать такое сожительство, но и подвергать отлучению того, кто дерзнет сделать что-либо таковое» (см. полн. Кормч.). — Так и в Номоканоне при Большом Требнике: «Нелепо есть православному мужу со еретической совокупитися женой, ниже со еретическим мужем жене православной; аще же и будет, нетвердый да вменится брак, и беззаконное да разрешится сожитие… Аще же

да вменится брак, и беззаконное да разрешится сожитие... Аще же кто преступит повеленное, да отлучится» (58-е пр.). Номоканон разрешает только в том случае, если неправославное лицо даст обещание принять православие, после чего уже и должен быть заключен брак.

В русской Церкви, особенно в продолжение так называемого московского периода нашей истории, канонический принцип, не допускавший браков православных с неправославными, сколько известно, нарушен был только однажды — браком дочери великого князя Ивана III, Елены, с литовским вел. князем Александром... Но вскоре между тестем и зятем возникла сначала неприязненная переписка, а потом и кровопролитная война — главным образом по тому поводу, что последний, вопреки формальному обязательству, данному им при заключении брака, употреблял различные меры к отвращению своей жены от православия. Все дальнейшие попытки инославных государей породниться с русскими царями через браки детей обыкновенно оставались безуспешными вследствие того, что каждому искателю руки русской царевны предъявлялось требование принять православие.

Только в эпоху политических и социальных реформ Петра Великого указанный канонический принцип потерял у нас прежнюю безусловно обязательную силу. В 1721 году Св. Синод, по настоянию государя, издал в качестве дополнения к Духовному Регламенту рассуждение о смешанных браках и, на основании примеров из греческой и русской истории, доказывал дозволительность подобных браков. Но указанные примеры в Регламенте доказывают только одно, что светская власть, — а не духовная, не Церковь, — не обращала внимания на строгое запрещение подобных браков церковными канонами, и наши пастыри, под давлением светской власти, молча сносили этот непорядок.

Если «всякое вообще безразличное общение православных с людьми, чуждыми вере или отлученными от Церкви, не может быть одобрено Церковью, которая печется о сохранении в своих сынах нравственной чистоты мыслей, чувств, всей жизни (Апост. 45-е, 65-е, 71-е; Лаодик. Соб. 32-е, 37-е, 39-е и пр. правила), тем менее она может дозволять между ними брачные союзы, которые по свойству своему должны теснейшим образом соединять сочетающихся и, следовательно, будут в них соединять разномыслящие в самых важных предметах (в вере и благочестии) души, в едином союзе их смешивать чистое с нечистым, свет со тьмой, преданность в вере с враждой против нее... Ведь брак, по понятию православной Церкви, есть таинство; какое же участие может иметь, или даже может ли быть допущено к участию в таинстве лицо, не принадлежащее к Церкви?» (см. у Иоанна Смоленского, т. II, 288—289). Как может священник совершать брак (даже молиться) раскольника или сектанта с православной, или наоборот? Апостольское десятое правило гласит: «Аще кто с отлученным (а они ведь отлучены, преданы Церковью проклятью) от общения церковного помолится, хотя бы и в доме, да будет отлучен». «Кто входил в общение, — говорит знаменитый канонист, преосвященный Иоанн Смоленский, — молитвы с отлученными, хотя бы и частное, дома, тот пока-

зывал неуважение к церковному суду, нарушал чистоту и благочиние Церкви, или считал за ничто те грехи, за которые виновный был осужден на отлучение, а потому — и справедливо — и сам подвергался тому же наказанию... Правило апостольское в особенности падает на еретиков и раскольников, которые все, доколе упорствуют в своих заблуждениях, признаются отлученными от Церкви: молитвенное общение с ними православных строго запрещается правилами» (Апост. 45-е, 65-е; Антиох. Соб. 2-е; Лаодик. Соб. 6-е, 9-е, 38-е прав.). — Добавим к этому: в правилах сказано, что епископ или священник, сообщающийся с отлученным, «да будет и сам вне общения церковного». По возбужденному вопросу желательно слышать голос Собора российских архипастырей.

II. Вопрос о клятвах Собора 1667 года

Вопрос о клятвах Собора 1667 г., несмотря на разъяснение его Синодом (от 1 марта 1886 г.), доселе еще волнует упорных приверженцев старины — раскольников, осужденных сказанным Собором; смущает немало и православных молящихся двоеперстно, и нетвердых еще «соединенцев-единоверцев».

Обычно старообрядцы понимают суд Собора 1667 г. так: «Клятвы Собора 1667 г., не касаясь прошлого, положены якобы на всех тех, которые, несмотря на последовавшее на Соборе воспрещение употреблять старые, до-Никоновские обряды, продолжают держаться их и после Собора; мало того, Собором 1667 г. якобы осуждены и самые обряды». Мы же, православные, толкуем, что клятвы Собора 1667 года, не касаясь ни употребления местных обрядов русской Церкви, ни тем менее самых обрядов, наложены были Собором только на тех, кто из-за этих обрядов удалился от церковного общения, хуля Церковь и ее тайны; так что и после соборного определения 13 мая 1667 года члены русской Церкви не лишились возможности оставаться в общении с Церковью, не покидая до-Никоновских обрядов. В подтверждение своего мнения мы, православные, указываем на «изъяснение» Синода от 1 марта 1886 года и на учреждение так называемого единоверия.

Относительно первого, т. е. синодального «изъяснения» нам обычно указывают, что «Синод» — не Собор, что это — не голос всей Церкви; и возражение это усиливается голосом и богословской литературы и литературы светской, доказывающей, особенно в последнее время, неканоничность нашего Синода.

Относительно разрешения единоверцам употреблять старые до-Никоновские обряды и отправлять службу по старопечатанным книгам, патриаршим, — указывают, что ведь на Соборе 1667 года, помимо русских епископов и патриарха Иоасафа II, участвовали и святители Восточной Церкви, в том числе и два патриарха — Антиохийский и Александрийский; поэтому Синод, как не имеющий достоинств правильного церковного Собора, не имел права, без сношения с Восточными патриархами, разрешить единоверцам употреблять «старые обряды».

Правда, православные миссионеры обычно указывают, что Собор 1667 года имел суждение об обрядах, что Церковь вправе изменять обряды и даже совсем отменять, а в случаях надобности, οἰκονομίας χάριν, т. е. ради домостроительства, и паки разрешать то, что̀ когда-то и было запрещено; и самое главное, что православная Церковь, изменив «старые обряды», пожалуй и запретив, с клятвой, безусловно их употребление, не погрешила, не утратила чистоты веры, благочестия, что̀ и могло только быть «благословной виной отделения старообрядцев от православной Церкви. — От Собора русских архипастырей было бы весьма желательно получить разъяснение смысла и значения клятв Собора 1667 года, что̀, несомненно, успокоило бы весьма многих, особенно единоверцев, да и миссионеры могли бы иметь в руках документ, заграждающий уста ложным толкованиям деяний Собора 1667 года.

№ 24,
преосвященного Кириона, епископа Орловского,
от 22 ноября 1905 года

Предположения об устроении управления в российской Церкви, о расширении сферы полномочий епархиальных съездов духовенства, о реформе церковного суда, духовно-учебных заведений, о допущении священнослужителей участвовать в общественных учреждениях и о вере

А.

Краеугольным камнем, долженствующим лечь в основание устроения церковного управления, является: 1) восстановление самостоятельности русской патриаршей Церкви, возвращение ей свободы внутреннего самоопределения и 2) проведение соборного начала в церковном управлении.

Существовавшее в России в течение почти 200 лет служебно-подчиненное положение Церкви в отношении к государству никоим образом не может быть признано полезным для дела церковного. Не говоря уже об основаниях догматических, в силу которых Церковь пользуется самостоятельностью внутренней жизни, как учреждение вечное и божественное, призванное служить не временным мирским интересам, а вечным целям спасения во Христе, и об основаниях канонических, коими навсегда была определена независимость церковного управления, — освобождение Церкви от внешних стеснений требуется современными условиями религиозной жизни общества. С освобождением религиозной совести от внешних стеснений, ставивших известные пределы иноверию, инославию и старообрядчеству, духовная религиозная жизнь вне православной Церкви потечет отныне свободной и широкой волной, независимо от внешних условий государственной жизни. Только Церковь православная окажется ограниченной в своем самоопределении государственными целями и интересами, и в таком положении голос служителя ее не сможет противостоять свободному, искреннему и независимому голосу исповедников иноверия и инославия. Как бы искренно и убежденно ни звучал голос служителей православной Церкви, он всегда будет заподозриваем в служении сторонним, государственным соображениям и потребностям. Только независимая и свободно самоуправляющаяся Церковь сможет поддержать в чадах своих чистую веру в себя и может проявить всю силу плодотворного влияния на все стороны человеческой жизни.

Но чтобы освобожденная от государственной зависимости Церковь нашла сама в себе истинную каноническую свободу, она должна восстановить в полноте и неприкосновенности каноническое церковное устроение.

Несомненно, что только соборное начало, проведенное через все постепенные единицы церковного общения, способно установить правильные основы церковной жизни, дать Церкви нашей завещанную и охраняемую канонами свободу и призвать к живому общению в вере и любви Христовой всех членов ее, как членов живого тела Христова. Этим соборным началом должен организоваться и одухотворяться приход, соборное начало должно проникать и оживлять жизнь епархии, и русским Поместным Собором должна управляться русская Церковь.

Для блага Церкви требуется, чтобы на русском Поместном Соборе, кроме непременных членов его — епархиальных архиереев, присутствовали и выборные от белого, монашествующего духовенства и мирян, с правом законосовещательного голоса. Одни епископы сами, без участия духовенства епархии, не могут быть на Соборе выразителями церковного сознания, устами своей верующей паствы. Они, по причине обширности своих епархий и многочисленности пасомых, поставлены в невозможность близко знать свою паству и даже подведомственное им духовенство, не имеют по той же причине тесной связи со своей паствой. Поэтому они не могут быть сами по себе выразителями голоса своих паств. Необходимо, чтобы на Соборе присутствовали избранные представители от духовенства епархий, которые близко стоят к народу, живут его жизнью и знают его религиозное состояние. И древняя каноническая практика и запросы современной жизни требуют участия на Соборе монашествующего, белого духовенства и мирян. Только в этом случае Собор приобретает нравственный авторитет и силу для обновления церковной жизни.

Участие мирян на Соборе нельзя не признать желательным. В наши дни заметен очень сильный интерес к вопросам Церкви у многих образованных мирян; среди них в настоящее время есть очень много высоких носителей богословской мысли и знания, совершенной духовной жизни. Отсутствие их голоса на Соборе было бы великим ущербом для дела Церкви, повело бы к неполному отображению на Соборе богатства церковной жизнедеятельности и полноты церковного сознания. Особенно необходимо участие низшего духовенства и мирян на первом Соборе русской Церкви, имеющем определить дальнейший ход церковной реформы.

Как свидетельствуют исторические данные, такое участие пресвитеров и мирян на соборных заседаниях допускалось в древней Церкви и никем не оспаривалось и не отвергалось. Например, на первом Вселенском Соборе, кроме 318 «отцев», присутствовало много лиц, явившихся для рассуждения о вере. Точно так же и на втором Вселенском Соборе присутствовали пресвитеры, как выразители голоса народного сознания.

Поместный Собор председательствуется первоиерархом российской Церкви, который имеет кафедру в царствующем граде и носит высокий почетный титул всероссийского патриарха. Для приведения в исполнение постановлений Поместных Соборов и для постоянного ведения общецерковных дел, каждый Собор Поместный выделяет из себя постоянный священный Синод, из епископов и пресвитеров, который, под председательством патриарха, про-

должает дело соборного управления Церковью до собрания следующего Собора.

Соборное начало также должно лечь в основу областного и епархиального церковного управления. Для правильного и благоплодного устроения епархиального управления требуется, прежде всего, теперешние епархии раздробить на более мелкие церковно-административные единицы. Значительный объем нынешних епархий, обременение епархиальных епископов массой дел отдаляет епископов от их паств и часто лишает их возможности воздействовать на последнюю. Только сокращение епархиальной территории до четырех-пяти уездов губернии даст возможность епархиальному епископу ближе стать к своей пастве и входить в непосредственное знакомство с духовным настроением пасомых. Этой же цели должен содействовать и сам способ управления епархией. Епископ должен совершать свое пастырское служение совместно с сонмом пресвитеров, как своих советников, служителей и сотрудников (Вас. Вел. пр. 89-е; Антиох. Соб. 95-е; Карф. пр. 42-е и др.).

Епархии группируются в более обширные округа, в зависимости от местных интересов, культурно-исторических и этнографических условий края. Сформированные таким путем, церковные округа послужат залогом самобытности церковной жизни, свободного и широкого раскрытия местных церковных сил и, вместе с тем, истинно-канонического осуществления начала соборности в управлении. Представляется совершенно очевидным, что, при обширности русской Церкви, при разнородности этнографического состава населения империи, при разнообразности исторических традиций отдельных областей, единая центральная власть Всероссийского Поместного Собора не в состоянии будет охватить всех местных церковных интересов и по необходимости будет искать восполнения в местном церковном самоуправлении. Поэтому учреждение отдельных автономных церковных областей является делом не только полезным, но и неизбежным.

В основание организации областного церковного управления должны быть положены следующие начала: а) разделение русской Церкви на округа должно быть установлено применительно к культурно-историческим, этнографическим и бытовым особенностям края. б) В компетенцию областного управления входят лишь те предметы, рассмотрение которых имеет специальное значение для местной церковной жизни; в остальных же сферах оно регулируется общими церковными установлениями, вырабатываемыми на Всероссийском Поместном Соборе. в) В интересах нормального течения церковной жизни в Грузии, во внимание к церковно-историческому прошлому грузинского народа, церковная автономия там должна быть возвышена до автокефалии, как это было там сто лет тому назад. г) В главном городе области находится кафедра митрополита, который в определенные сроки собирает областные соборы. д) Митрополит не может вмешиваться в дела чужого епархиального управления; он не имеет сам, помимо Собора, никакой власти над епископами своей области и так же, как прочие епископы, единолично ведает только свою частную епархию. Таким образом, митрополиту, согласно с канонами, принадлежит не какое-либо пре-

имущество церковной власти, а только преимущество церковной чести, как собирателя в определенные сроки церковных соборов и председателя на этих соборах.

Наконец, это же соборное начало должно одухотворять и простейшие единицы церковной жизни — приходы, в которых, при местном единении членов прихода, должны развиться общие интересы не только внешнего характера, как например заботы о благоустройстве храмов, церковных домов, но и внутреннего, как-то: религиозно-нравственное просвещение, благотворение и проч. Душой приходской жизни должен быть естественно священник, который вносит в эту жизнь и возбуждает в ней сознание духовных нужд и настойчивую потребность удовлетворения их. Чтобы такая деятельность его была свободна от внешних нравственных и материальных стеснений, он должен быть освобожден: а) от теперешней экономической зависимости от прихожан и б) от исполнения полицейско-сыскных обязанностей при совершении браков, погребений и т. д.

Приходы, епархиальное и окружное духовенство в своей совокупности должны быть признаны за юридические лица, имеющие право приобретать недвижимые имущества в полную свою собственность; а также желательно возбудить вопрос об отмене того ограничения права приобретения не только церквами, но и монастырями и архиерейскими домами недвижимой собственности, которое выражено в законах гражданских и которое обязывает на приобретение движимости путем купли, дара или пожертвования испрашивать Высочайшее соизволение.

Б.

В тесных пределах епархиальной жизни одним из наилучших средств для оживления церковной жизни было бы правильное устроение епархиальных съездов духовенства. При достаточном расширении круга их ведения, при правильной организации их состава, при представлении свободы суждения они в высокой степени подняли бы духовную жизнь в Церкви. Для пастырей Церкви они служили бы постоянной и плодотворной духовно-воспитательной школой. Теснее сближаясь на них на почве общего служения, знакомясь с разнообразными проявлениями церковной жизни в более широком размере, чем это возможно в пределах прихода, обогащаясь друг от друга пастырской опытностью и знанием, — пастыри Церкви удалились бы с подобных съездов духовно ободренными и обновленными, с запасом новых сил и знаний, с новой духовной смелостью в трудах пастырского служения. Для мирян от такого устройства епархиальных съездов была бы уж та великая польза, что они могли бы иметь более достойных и более деятельных пастырей, а если бы признано было возможным допустить их непосредственное влияние в съездах, общий подъем местной церковной жизнедеятельности обнаружился бы еще сильнее. Вместе с тем, эти съезды служили бы лучшим вспомогательным органом для деятельности Всероссийского Поместного Собора, доставляя ему

постоянный, всегда обновляющийся и жизненный материал для соборных суждений и определений.

В этих видах желательно, чтобы: 1) полномочия епархиальных съездов были расширены так, чтобы их ведению подлежали не только вопросы материальные и церковно-хозяйственные, но прежде всего вопросы веры и нравственности и вопросы пастырского душепопечения, как например вопросы о духовном просвещении, о борьбе с расколом и сектантством; вопросы церковно-хозяйственные совершенно не устраняются из их ведения, но они не должны занимать первенствующего места; 2) епархиальные съезды должны быть не случайно созываемым собранием пресвитеров, а постоянно действующим учреждением в епархии, установленным в порядке церковного законодательства вспомогательным и совещательным органом при епархиальном архиерее; собрания съездов назначаются не менее одного раза в год; 3) в составе съездов, кроме пресвитеров, должны принимать участие и низшие клирики — диаконы и причетники, а также миряне; 4) пресвитеры и низшие клирики уполномочиваются для присутствования на съездах свободным избранием духовенства на окружных благочиннических собраниях, а миряне избираются известной группой, концентрацией церковных приходов.

В.

Признавая, что недостатки современного церковного суда зависят: 1) от излишней централизации судебного производства, благодаря чему на рассмотрение высшей епархиальной власти — епископа и духовной консистории — восходят все даже малозначительные дела, которые только затрудняют надлежащее отправление церковного правосудия; 2) от объединения в одном и том же учреждении (консистории) власти судебной и административной, вследствие чего всегда открывается широкая возможность, вместо независимого и беспристрастного рассмотрения дела, пользоваться административными средствами и соображениями; 3) от принятой в церковном судопроизводстве системы бумажно-формальных доказательств, вносящей в живое дело правосудия канцеляризм, медлительность решений и односторонность расследования, — признается справедливым и желательным в основание реформы церковного суда положить следующие начала:

а) Вместо консистории, как отжившего учреждения и несоответствующего имеющему возникнуть новому строю, — при епископе, под его непосредственной властью, должен функционировать совет пресвитеров, постановления которого имеют восходить на одобрение и утверждение епископа. Совет должен состоять из пяти членов, избираемых на епархиальных съездах на известный срок из лиц, получивших богословское образование и прослуживших не менее десяти лет в священном сане, причем один из членов совета избирается из монашествующего духовенства.

б) В каждой епархии должны быть организованы следующие низшие судебные инстанции: 1) избираемый на два или три благочиннических округа на

определенный срок, не занимающий никакой административной должности судья-пресвитер; его ведению подлежат дела второстепенного значения и по преимуществу мирового характера; 2) съезд судей уезда, как апелляционная и кассационная инстанция на постановления окружного судьи.

в) Епархиальный суд пресвитеров, с одной стороны, является, как апелляционная инстанция по отношению к низшим судебным инстанциям в епархии, с другой — как самостоятельное при епископе церковно-судебное установление, ведающее те судебные дела, которые превышают сферу полномочий окружного судьи.

г) Вне отдельных епархий стоят: 1) апелляционный суд перед митрополитом и 2) соборный суд поместной российской Церкви.

д) Процессуальная сторона церковного суда должна быть построена на тех же началах, на которых организован современный гражданский суд, а именно: на всех своих инстанциях суд должен быть состязательный, гласный, устный, руководствующийся не формальными данными предварительного следствия, а личными показаниями свидетелей и непосредственным убеждением судящей совести.

Г.

Неудовлетворительное состояние учебно-воспитательного дела в наших духовно-учебных заведениях признается теперь всеми, а равно признается ненормальным и вся организация, весь строй нашей духовной школы. Нельзя не сознаться, что в этом общем осуждении школы духовной есть большая доля правды. Прежде всего, бросается в глаза ненормальное явление, что значительная часть лучших учеников семинарии по окончании богословского образования уходит из Духовного Ведомства и отказывается посвятить себя на служение Церкви. Главнейшей причиной этого прискорбного факта является узкий сословно-профессиональный состав учащихся в духовной школе. В большинстве случаев в духовную школу поступают дети самого же духовенства, причем с самых ранних лет они как бы уже обязываются подготовлять себя к пастырскому служению, проходить известный ограниченный цикл науки, подчиняться соответствующему воспитательному режиму. Нельзя, конечно, не признать такое специальное подготовление к пастырству с ранних детских лет искусственным, равно как нельзя предположить, чтобы призвание к пастырскому служению определялось сословным происхождением. Отсюда и происходит, что многие юноши, обучающиеся в духовных школах, вступив в пору сознательной, критической мысли, видят себя совершенно не призванными к тому делу, для которого готовило их учебное заведение, и нередко кончают резким разрывом с воспитавшей их школой.

Реформа духовно-учебных заведений должна направляться на встречу двух потребностей: с одной стороны, потребности создать такую школу, где бы все дети духовенства, независимо от будущего их жизненного положения, могли получить законченное среднее образование; с другой — необходимости

иметь такую богословскую подготовительную школу, которая, рассчитывая уже на более или менее зрелый возраст поступающих и, следовательно, до известной степени на сознательный выбор будущего жребия, подготовляла бы к пастырству только лиц, расположенных к этому служению. Совершенно очевидно, что этим потребностям не может удовлетворить предположение создать особые богословские училища с сокращенным общеобразовательным курсом, куда опять питомцы поступали бы с ранних детских лет. Такие училища, во-первых, так же, как и теперешние духовно-учебные заведения, не устраняли бы возможности частых ошибок при выборе абитуриентов; во-вторых, грозили бы высокое дело подготовления к пастырскому служению превратить в род профессионально-технической выучки; в-третьих, не давали бы будущим пастырям Церкви возможности быть в достаточной степени осведомленными не только в области богословских знаний, но и в сфере общего образования. А между тем едва ли может быть сомнение, что служителям Церкви последнее столь же необходимо, сколько и специальная подготовка, дабы уметь дать ответ всякому вопрошающему об уповании (1 Петр. 3:15).

Естественным исходом для достижения вышеуказанных целей, по-видимому, представляется тот, чтобы отдельно учредить особые общеобразовательные епархиальные гимназии и отдельно — специально-богословские школы для подготовления к священству. Но и этот исход, по крайней мере — для ближайшего времени, представляется не вполне желательным, и вот по каким соображениям. За современной духовной школой, как бы она ни была далека от полного осуществления постановленной для нее задачи, успели сложиться определенные исторические традиции, в силу которых она бесспорно ближе стоит к целям священнослужения, чем обыкновенная светская школа. Обучающиеся в ней воспитанники, хотя во многих случаях и не проявляют никакой склонности к пастырскому служению, — взятые в целой своей массе все-таки больше таят в себе скрытых предрасположений к нему, чем это можно ожидать от юноши светской школы; и, разумеется, в интересах духовной школы — не погашать эти предрасположения, а развивать и укреплять их. Затем, если и отвергать мысль о специальном пастырском приготовлении с детских лет, однако нельзя вместе с тем не пожелать, чтобы общеобразовательная духовная школа была по крайней мере не враждебна в отношении к Церкви. Между тем, о современной светской школе, взятой в ее целом, во всех ее жизненных элементах, нельзя сказать, чтобы она вполне соответствовала духу церковному; и поэтому было бы опасным экспериментом, сразу порывая все связи с прошлым, теперешние духовные школы превращать в министерские и частные гимназии.

Основываясь на этих соображениях, в вопросе о реформе духовно-учебных заведений признается наиболее целесообразным возвратиться к принципам устава 1867 года и в основание предстоящей реформы положить следующие начала:

1. Выделение духовных училищ в особые подготовительные школы должно быть упразднено; и семинарии и духовные училища должны составить единую духовную школу с 10-летним курсом обучения.

2. Общее образование в школе должно быть строго отграничено от специального. Для общеобразовательных предметов назначаются первые семь лет обучения; для богословских наук — три последних года.

3. Программы и учебные планы богословских предметов должны быть пересмотрены и приспособлены к современным условиям пастырского служения.

4. Программы по общеобразовательным предметам также должны быть изменены и приведены в точное согласие с программами министерских гимназий.

5. Духовная школа, как специальная, так и общеобразовательная, оставаясь епархиальной, должна быть всесословной. Всякие ограничения касательно приема иносословных воспитанников должны быть отменены. При этом, однако, признается справедливым — не уменьшать отпускаемых на содержание духовно-учебных заведений специально церковных сумм, так как по строгому рассуждению они составляют достояние не только духовенства, но и церковного общества.

6. Полные права на занятие священнических мест даются лишь окончившим богословские классы духовной школы; ученикам же, прошедшим одни общеобразовательные классы, должны быть предоставлены полные гимназические права, т. е. права на государственную службу и право поступления во все без исключения высшие светские учебные заведения.

7. Несмотря на разделение богословских и общеобразовательных классов и не имея в общеобразовательных классах нарочной цели подготовлять к пастырскому служению, воспитание в духовной школе во всяком случае должно способствовать к утверждению в воспитанниках доброй христианской настроенности.

8. Начальствующие лица и преподаватели должны быть избираемы всем наличным составом педагогического собрания правления семинарии.

9. Материальное и правовое положение начальствующих лиц и преподавательского персонала должно быть во всех отношениях уравнено с положением служащих в гимназиях Министерства народного просвещения.

В частности, относительно женских духовно-учебных заведений (епархиальных училищ) признается справедливым высказать тот взгляд, что нет оснований выделять их в какой-то особый незаконченный тип общеобразовательной женской школы. На место теперешних епархиальных училищ должны быть учреждены обычные полноправные женские гимназии епархиального ведомства. Для этого: а) учебные программы училищ должны быть сравнены с гимназическими и, сверх 6-ти существующих классов, открыты седьмой и восьмой; б) права, даваемые училищами, приравнены к гимназическим; в) положение преподавателей и воспитательниц в окладах жалованья, в правах по службе и в правах на пенсию уравнено с материальным и нравственным положением преподавательского и воспитательского персонала в женских гимназиях; г) в таком же виде должно быть изменено положение начальницы училища; д) должность инспектора классов должна быть поставлена так, чтобы он имел возможность не обременять себя большим количеством уроков в ущерб инспекторским обя-

занностям, и положение его должно быть приравнено к положению инспектора в мариинских женских гимназиях и институтах благородных девиц; е) председатель совета училища, назначаемый из представителей духовенства, сохраняет свое место лишь при обсуждении вопросов экономических; в делах по учебной части председательствование в совете принадлежит инспектору классов; в вопросах по воспитанию — начальнице училища.

Д.

Нельзя не признать желательным, чтобы духовенство допущено было к самому живому участию в общественных городских и земских учреждениях и сельских сходах, и не в качестве только депутатов епархиального начальства, а в качестве гласных, избираемых свободным желанием общественных собраний, в которых священнослужители являются равноправными членами — избирателями и избираемыми. Такое непосредственное участие духовенства в мирских делах не только не противоречит служению пастырей Церкви, как проводников вечных начал в сознание и жизнь народную, но, напротив, оно даст духовенству широкое поприще для насаждения святых начал добра, правды и любви при самых жизненных столкновениях людей друг с другом, при борьбе за разнообразные интересы и потребности. Нужно только желать, чтобы священнослужители, участвуя в общественно-государственных учреждениях, избегали партийности, возвышались над всеми политическими партиями и вносили в общественные суждения чисто пастырское влияние мира и безусловной правды и справедливости.

Е.

Одним из главных вопросов, подлежащих обсуждению Собора, будет вопрос об отношении Церкви к старообрядцам и сектантам, иначе говоря — вопрос о нашей внутренней миссии. Несомненно, что наше расколо-сектантство есть результат религиозного невежества народа и протест против различных недостатков современного строя, современной религиозно-нравственной жизни православных. Посему и главными средствами для борьбы с расколо-сектантством являются: с одной стороны, самое широкое распространение религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви, а с другой — реформы нынешнего церковного строя и заботы о возможном усовершенствовании христианской жизни и богослужебной практики.

Первым, главным и лучшим миссионером может и должен быть приходской священник. Для сего нужно только дать ему надлежащую подготовку и предоставить возможность широкой и свободной деятельности. Учить православной вере и христианской жизни священники должны в церквах и школе, на улицах и по домам посредством проповедей, чтений, собеседований, классных уроков, раздачи книг и листков и примером собственной жизни. Обучение детей грамоте не входит в задачу церковного учительства, является непо-

непосильным бременем для духовенства, почему часто и не достигает своей цели. Непременными помощниками священника в деле церковного учительства должны быть диаконы и псаломщики с полным богословским образованием, которые через свое служение в клире практически подготовляются к священству. Высшее же и непосредственное руководство пастырями и миссионерами должно принадлежать епархиальному архиерею, который обязан и сам возможно чаще посещать расколо-сектантские местности.

Что касается преобразований церковной жизни, то на Всероссийском Соборе следует обсудить, насколько вообще каноны и богослужебная практика Церкви отвечают на христианские запросы настоящего времени. Мысль христианина, сверяющего современную христианскую жизнь с древними канонами и не находящего соответствия между ними, смущается и идет или к совершенному отрицанию предания церковного, или к уклонению в раскол, или в полный индифферентизм. В частности, только на Соборе может быть решен вопрос о принятом в православной русской Церкви богослужебном уставе. Этот устав составлен применительно к монастырскому обиходу, при котором круг ежедневного богослужения распадается на девять отдельных служб в определенные часы суток. Соединение девяти служб в три «третицы», как показывает практика современных монастырей, не нарушает цельности и смысла входящих в состав их молитв и песнопений. Совершение же всего круга суточного богослужения в один раз (утром) или в два раза (вечером и утром), как это обычно бывает в приходских церквах, нарушает смысл, цельность и гармонию церковного устава. Нет возможности изменить мирскую жизнь применительно к монастырскому уставу. Посему было бы в высшей степени полезно создать такой богослужебный устав для приходских церквей, который бы оставил в составе богослужебных молитв и песнопений все существенное, как наследие древней Церкви, но расположил эти чтения и песнопения в соответствии с часами и характером службы, без томительной длинноты и многократных однообразных повторений. Сам язык наших богослужебных книг, сохранивших греческое построение речи и словопроизводство, совершенно скрывает, часто даже искажает до ереси смысл и содержание молитв, богослужебных чтений и песнопений. Только немедленным исправлением этого языка до возможности понимания его не учившимся славянской грамоте есть надежда поддержать любовь нынешнего поколения к церковно-славянскому тексту. Конечно, во избежание повторения печальных последствий Никоновского исправления, выпуск новоисправленных богослужебных книг не должен упразднять и умалять значения ныне существующих книг. Мало того: в церквах среди раскольнического населения, а также для обратившихся из раскола, нужно разрешить совершение не только частного, но и общественного богослужения по старопечатным книгам.

Не менее важно на Всероссийском Соборе было бы дать авторитетное разъяснение некоторым вопросам, которые выдвигаются неотложной нуждой нашего времени. К таким вопросам, между прочим, принадлежат вопросы о постах, храмах, одеянии белого и монашествующего духовенства и т. п.

№ 25,
преосвященного Тихона, архиепископа Алеутского и Северо-Американского,
от 24 ноября 1905 года

Суждения по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе всероссийской Церкви

1. О разделении российской Церкви на митрополичьи округа

Определением Св. Синода от 18—22 марта 1905 г. предположено восстановить в России патриаршество. Это не только бы отвечало достоинству и величию русской Церкви, но и управление ее более бы приближало к строю, начертанному в канонах. Желание соблюсти этот строй вызывает и другую реформу в нашей Церкви — разделение ее на митрополичьи округа. Как известно, у нас и теперь есть митрополиты; но от прочих епископов они отличаются титулом, а не правами. Между тем, по канонам митрополит есть «начальствующий в области», и епископы каждой области должны почитать его, яко главу, и ничего превышающего власть их не делать без его рассуждения. Кроме канонических оснований, за разделение на митрополичьи округа говорят и практические соображения: русская Церковь слишком обширна, а высшее церковное управление обременено массой дел, из которых многие можно передать в округа. Вполне также можно присоединиться и к мысли, высказанной в предложении г. обер-прокурора от 28 июня 1905 г. за № 100, что «нельзя отрицать существования особливых задач, подлежащих церковному управлению в разных территориях империи и служащих жизненным основанием к установлению областных или окружных автономий (как например, в Западном крае, в восточных губерниях, на Кавказе)». Опасаться при этом, что разделение на митрополичьи округа будет находиться в противоречии с началом государственного единства, нет достаточных оснований: округа эти — только части одной и той же Церкви, высшее управление которой находится в столице империи; несмотря на некоторые местные особенности, в областях все же остается *едина вера*, а единство ее есть уже само по себе крепкий нравственный цемент, сплачивающий разноплеменное население в единую семью.

Что касается самого деления России на митрополичьи округа, то положить в основу его какой-нибудь один принцип, например географический или этнографический, конечно нельзя: в одних случаях необходимо и вполне естественно класть в основу деления первый, в других — второй, в третьих — иметь в виду минувшую историю входящих в состав империи православных народностей. Сообразно с сим, небезосновательным представлялось бы разде-

ление России на такие митрополичьи округа: 1) Новгородский, в который входят все северные губернии за исключением Петербурга, где проживает архиепископ Петроградский — патриарх Всероссийский; 2) Виленский для Западного края (епархии, бывшие униатскими); 3) Киевский для Юго-Западного края; 4) Московский для центральной России; 5) Казанский для восточных губерний и Поволожья; 6) Тифлисский для Кавказа (следовало бы экзарха Грузии именовать католикосом); 7) Томский (или Тобольский) для Западной Сибири с Туркестанским краем, и 8) Иркутский для Восточной Сибири, куда можно причислить и китайскую и японскую православные Церкви. А Северо-Американскую епархию следует преобразовать в *экзархат* российской Церкви в Северной Америке. Дело в том, что в состав ее входят не только разные народности, но и разные православные Церкви, которые, при единстве в вере, имеют каждая свои особенности в каноническом строе, в богослужебном чине, в приходской жизни, особенности эти дороги для них и вполне терпимы с общей православной точки зрения. Посему мы не считаем себя вправе посягать на национальный характер здешних Церквей, напротив — стараемся сохранить таковой за ними, предоставляя им возможность быть непосредственно подчиненными начальникам их же национальности. Так, в прошлом году здесь сирийская Церковь получила своего епископа (преосвященного Рафаила Бруклинского), который считается вторым викарием Алеутского епархиального архиерея, но в своей области является почти самостоятельным (таким же является и преосвященный Аляскинский); сербские приходы ныне подчинены непосредственно особому начальнику, который пока еще в сане архимандрита, но в ближайшем будущем может быть возведен в сан епископа. Желают иметь своего епископа и здешние греки, о чем и хлопочут перед афинским Синодом. Словом, в Северной Америке может образоваться целый экзархат православных национальных Церквей со своими епископами, возглавляемыми экзархом — русским архиепископом. В своей области каждый из них самостоятелен; но дела, общие для всей американской Церкви, решаются соборне под председательством русского архиепископа. Через него сохраняется связь американской Церкви со всероссийской Церковью и известная зависимость от нее; причем не следует упускать из виду того обстоятельства, что жизнь в Новом Свете по сравнению со старым имеет свои особенности, с которыми приходится считаться и здешней Церкви, а посему этой последней должна быть предоставлена большая автономия (автокефальность?), чем другим русским митрополиям. В состав проектируемого Северо-Американского экзархата могут входить: 1) архиепископия Нью-Йоркская, коей подчинены русские церкви в Соединенных Штатах и Канаде; 2) епископия Аляскинская, обнимающая церкви православных жителей Аляски (русских, алеутов, индейцев, эскимосов); 3) епископия Бруклинская (сирийская); 4) епископия Чикагская (сербская); 5) епископия (?) греческая.

Чтобы покончить с вопросом о разделении России на митрополичьи округа, не лишним почитаем сказать, что епископы видных городов, хотя бы состоящие под митрополитом, могут носить титул архиепископов, особенно те,

которые имеют викариев. Относительно этих последних следует, впрочем, пожелать, чтобы они являлись помощниками епископов, были в тех городах и уездах, по коим называются, самостоятельными и чаще в них проживали. Вообще следует урегулировать положение викарных архиереев и дать им больше прав, чем теперь они имеют.

2. О преобразовании епархиального управления и суда

Епархиальное управление тоже нуждается в преобразованиях. В настоящее время главным органом этого управления является консистория, на которую раздается много нареканий и со стороны мирян и со стороны самого духовенства. Устав консисторий — устаревший, и проникнут он крайним формализмом, мертвящим «дух жив». Настоит надобность в пересмотре этого Устава, так, чтобы сама консистория по духу своему приближалась к «совету старцев» (пресвитеров), бывшему при древних епископах. Она не должна служить «средостением» между епископом и клиром и паствой. «Чем менее архиерей сдаст дел в консисторию, — пишет Волынский преосвященный в своем отзыве, — тем лучше будет для Церкви; так, определение на места, переводы клириков, различные решения по делам богослужебным должны идти вне консисторий и сдаваться туда уже в решенном виде. Архиерей должен пользоваться существующими административными учреждениями как можно меньше, а должен сам непосредственно входить в отношение с обращающимися к нему». Консистория скорее всего должна ведать хозяйственные и денежные дела, а также быть судебным учреждением.

Мы не находим нужным и согласным с канонами Церкви выделять из консистории церковный суд в особую организацию, о чем многими писалось в 70-х годах прошлого столетия. Но это, однако, не означает того, что суд консисторский совсем не нуждается в реформах. Напротив, таковые нужны и в составе его, и в круге судных дел, и в порядке судопроизводства. В состав «судного стола» в консистории, кроме назначаемого от епископа, должно входить два духовных лица, выбираемых от духовенства на епархиальном съезде. По поводу выборного начала у нас приходится встречаться с двумя крайними мнениями: одно готово видеть в выборном начале спасение от всех и всяких зол, почему и пропагандирует его там, где на нем и нет особой надобности: другое совсем забраковывает его, видя в нем выражение «парламентаризма», республиканского духа. Но в истинной Церкви Христовой, где не должно быть обладания (мирского) и господства одних и борьбы и пререкословия других, где, напротив, все должны искать общего блага, объединяться в дружной, согласной работе, — выборное начало может быть применяемо не без пользы во многих областях. Так, может быть оно допущено и в выборе духовных судей, и в выборе благочинного (если сего последнего считать не только за орган епископской власти, но и за выразителя и «печальника» перед епархиальным начальством за нужды духовенства и церквей его округа, каковых нужд во многих епархиях архиерей не может лично видеть).

Что касается предметов консисторского суда, то из него следует выделить в гражданский суд бракоразводные дела, оставив за Церковью право признавать или не соглашаться с постановлениями по ним гражданской власти и самой определять, кому может быть разрешен другой брак по разводе. Гражданскому суду должны подлежать и духовные лица, обвиняемые в нарушении общественной тишины и порядка, в оскорблении кого-либо, в буйстве и т. п. Нередко виновный судится теперь за это духовным судом и подвергается наказанию меньшему, чем по суду светскому, что̀ вызывает нарекания и расслабляет само духовенство.

Нарекают также и на самую процедуру консисторского суда, каковую̣ тоже следует реформировать применительно к новейшим приемам судопроизводства. В особенности желательны улучшения в постановке так называемых «следствий» над духовенством, которые, даже оканчиваясь оправданием обвиняемого духовного лица, сильно подрывают авторитет его в глазах прихода. Тут нужно предоставить архиерею бо́льшие права заменять следствия негласным дознанием.

Говоря о преобразованиях и улучшениях в епархиальном управлении, следует пожелать также изменений и улучшений и в постановке епархиальных съездов духовенства. Они возникли для изыскания средств на удовлетворение материальных нужд в епархии — духовно-учебных, миссионерских и благотворительных учреждений. Но не всегда же духовенству оставлять слово Божие и служить трапезам (Деян. 6:2). Почему за ним не признать права вместе собраться и поговорить о служении слову Божию, о предметах духовной жизни, пастырского руководства, миссионерства, борьбы с ересями и т. п.? Теперь в иных епархиях рассуждают об этих предметах на «пастырских собраниях». Следует повсюду расширить круг деятельности или ведения епархиальных съездов внесением вопросов, касающихся всех сторон церковно-приходской жизни: веры, просвещения, благочиния, благотворения. А что касается материальных, денежных, хозяйственных вопросов, то, для обсуждения их, на съезды должны быть обязательно приглашаемы и представители от мирян, в особенности старосты и попечители церковные: ведь церкви являются плательщиками всяких раскладок, и нет ничего удивительного в том, что теперь нередко старосты не хотят платить раскладок, устанавливаемых съездом, раз никто их не спрашивал при наложении платежей. При участии мирян на епархиальных съездах самые съезды могли бы походить на церковные конвенции, практикуемые в Америке, например, у епископалов; на них бывают общие заседания духовенства и мирян, и частные — одного духовенства, касающиеся дел чисто духовных. Такое участие мирян придало бы церковной жизни бо́льший характер церковности и способствовало бы оживлению ее.

3. О благоустройстве прихода

Наряду с епархиальным управлением и приходская жизнь нуждается в улучшении. Нельзя отрицать того, что во многих местах России приходская

жизнь идет очень вяло; связь прихода с церковью — слабая, выражающаяся только в отправлении треб и в хождении в церковь по праздникам, просветительные и благотворительные учреждения в таких местах отсутствуют, голос священника слышится редко, и мало кто с ним считается. Обо всем этом за последнее время написано очень много, и раздаются громкие голоса об оживлении приходской жизни, о восстановлении древнего значения прихода, о том, чтобы предоставить приходской общине не только заведование материальными нуждами церкви, призрения и просвещения, но и само избрание кандидатов клира. Трудно возражать против того, чтобы признать приход за юридическое лицо, имеющее право собственности (теперь этого пока еще нет и, стало быть, надлежит сделать в этом изменения в нашем законодательстве, как и вообще по вопросу о приобретении церквами, монастырями и духовенством собственности), и против того, чтобы приходская община, во главе со своим священником и выборными попечителями, сама ведала и распоряжалась своим хозяйством; конечно, все это делается не без ведома и контроля епархиальной власти. Так именно обстоит дело в большинстве приходов в Северной Америке. Здесь церкви составляют собственность конгрегации (прихода); но и там, где они записаны на имя епископа, их содержит сам приход. Обычно бывает годичное собрание прихожан («рочный митинг»), на котором выбирается церковный «уряд» — кураторы (староста, кассир и попечители); на этом митинге дается отчет в приходе и расходе за весь год; в иных приходах дается отчет по полугодиям и даже месяцам; на кураторах лежит обязанность собирать с прихожан «рочное» (годичный взнос на церковь от 5 долларов и свыше) и ходить «по коллекте» (собирать пожертвования). Приход не только содержит церковь, но и платит жалованье своему священнику и «дьякоучителю» (в разных местах неодинаково); по взаимному соглашению между священником и прихожанами, на митингах устанавливается плата за требы; все это заносится в «статуты», которые утверждаются епископом. Если нет церковного дома, то приход нанимает и квартиру (с мебелью, освещением и отоплением) для священника, помещение для школы, в иных местах и для читальни. В каждом приходе есть братство (а в многолюдных приходах и по нескольку братств). Братство обязательно носит церковный характер: выбирает какого-либо святого (или праздник) в покровители (патроны), из своих доходов делает отчисления на содержание церкви, священника, школы, на ремонт и украшение храма; кроме сего, оно преследует и благотворительную цель — выдает «запомоги» своим членам в случае их болезни, увечий, безработицы; при братстве бывает и полюбовный суд членов. Вообще, братства здесь очень популярны и вместе с «Православным обществом взаимопомощи», в котором они объединяются и которое тоже от себя помогает при постройке церквей и в просвещении народа, много способствуют оживлению церковно-приходской жизни.

Однако и у нас нет еще выбора священников, и пока введение его мы считаем преждевременным. Тем более следует сказать это последнее о России. Сам по себе принцип выборного духовенства — законный, введение его жела-

тельно, и необходимо стремиться к осуществлению его. Но приступить к этому повсюду *теперь же* и с этого начать восстановление древнего строя в приходе — это значит, по образному выражению преосвященного Волынского, «предлагать тяжко больному жирную, грубую пищу, полезную для рабочего, но смертельную для больного»; в своей записке преосвященный подробно раскрывает болезнь современной церковной общины, делающую ее *теперь неправоспособной* для избрания достойного пастыря. Затруднения при проведении выборного начала представляют также и наши духовные школы, которые почти монополизировали у себя право выпускать кандидатов во священники. Тут мы подходим к вопросу

4. Об усовершении духовно-учебных школ

Главный недостаток наших духовных школ тот, что они преследуют две цели, которые сами по себе весьма почтенны, но на практике не всегда мирно уживаются. Духовные школы существуют, во-первых, для того, чтобы давать воспитание детям духовенства, во-вторых, — чтобы подготовлять кандидатов на священство. Но ведь такими кандидатами могут быть дети не одного духовенства, а и других сословий; между тем иносословные, хотя и принимаются в духовные школы, но в весьма ограниченном проценте, чем закрывается прилив в клир новых сил из мирян. С другой стороны, не все же дети духовенства желают идти в духовное звание, а их насильно к тому принуждают, так как из семинарии другого выхода почти нет. И вот отсюда начинаются постоянные недовольство, ропот, бунты семинаристов; желая чем-нибудь их успокоить, учебное начальство вводит разные послабления в строе семинарской жизни, старается придать семинариям светский характер, что̀ отзывается прямым ущербом в достижении другой цели их — подготовлять кандидатов священства, служителей Церкви Божией. В результате в кадры клира вступают иные не только не желающие этого, но и сами нежелательные для него. Кто и что̀ выигрывает от такого порядка или, лучше сказать, беспорядка?

Думается, что самый естественный выход из такого положения тот, что в епархиях должны быть особые богословские школы (дело не в названиях, можно оставить и старое имя семинарии), в которые бы поступали безразлично дети всех сословий, окончившие курс средних учебных заведений и чувствующие влечение к духовному званию; науки в этих школах преподаются духовные, строй жизни их — строго церковный, и выход из них один — служение Церкви. Нынешние же духовные школы могут быть превращены в среднеучебные заведения Духовного Ведомства, в которых духовенство воспитывает своих детей; но курс их должен быть общеобразовательным, чтобы окончившие его могли идти, если пожелают, в высшие учебные заведения; а кто чувствует призвание к духовному служению, тот, по окончании его, поступает в богословскую школу.

Так подготовляются кандидаты во священство не только в инославных церквах, но и в Австрии у православных и униатов. Вопрос, однако, в том, кто

будет содержать такие школы Духовного Ведомства? На церковные средства? Но эти средства пойдут на содержание богословских школ. И едва ли Церковь станет давать деньги на обучение тех, которые, быть может, и не будут служить ей. Правительство? Но оно и без того содержит среднеучебные заведения для всех вообще, куда могут поступать и дети духовенства; значит, нет резона содержать еще школы для этих последних. А само духовенство едва ли будет в силах содержать свои особые школы.

С другой стороны, как ни неудовлетворительны теперешние духовные школы наши, но все же не хочется посягать на их существование. Ведь иные из них существуют более полуторых сот лет, из них вышло значительное число замечательных многоплодных деятелей на всех поприщах церковного, государственного и общественного служения. Посему не проще ли и справедливее будет проектируемые богословские школы устроить при теперешних семинариях? Т. е. в духовные училища и семинарии, где обучаются дети духовенства, должны быть введены программы общей средней школы, но с удержанием характера и строя жизни церковного, из детства сродного духовенству; при семинарии существуют богословские курсы (трехгодичные), на которые поступают, по желанию, окончившие общеобразовательный курс в семинарии и из других светских учебных заведений; на курсах этих обучение и воспитание — строго церковное, такое, которое нужно для будущих пастырей. При такой постановке дела сам собой снимается с очереди вопрос о содержании духовных школ: по-прежнему в этом будут принимать участие и Церковь, и Правительство, и духовенство.

Нам остается сказать

5. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях и о других предметах, о коих может быть речь на будущем Всероссийском Соборе

Иные — против участия священнослужителей в общественных учреждениях, так как через это пастыри вводятся в круговорот мирских дел и суеты житейской, что̀ несогласно с их прямыми обязанностями и вечными началами пастырского служения. Против этого, однако, можно возразить, что пастырь есть руководитель совести христианина, его духовной жизни; а духовные, чисто христианские начала должны отражаться и проводиться и в область мирских дел, особенно в христианском государстве. И кому же, как не духовенству, лучше всего напоминать в общественных учреждениях об этих началах? И теперь ли, когда Правительство охотно приглашает выборных людей к сотрудничеству, духовенству проявлять недеятельность и безучастие? И время ли отказываться от влияния Церкви на государство, когда обстоятельства слагаются так, что православная вера из господствующей в государстве становится только терпимой, а в иных местах даже и не терпимой?

Нужно только, чтобы духовные заседатели в общественных учреждениях мыслили себя именно как представители Церкви и проводили бы там ее взгляды, а не свои, хотя бы и гуманно-либеральные.

Что касается других предметов, о которых может быть речь на Соборе, то, вероятно, таковых наберется не мало. И лучше представителям церковной власти самим поднимать и обсуждать их, чем быть вынуждаемыми к тому г. Розановым и прочими «новопутейцами».

Из таких вопросов в предложении г. обер-прокурора указывается на отношение православной Церкви к старообрядцам и иноверцам после указа о веротерпимости. В связь с этим может быть поставлен вопрос о «единоверии» (о епископе, ведающем единоверческие дела и заседающем в Св. Синоде) и о клятвах Московского Собора 1666 г., каковыми до сих пор смущаются иные, держащиеся старых обрядов. Для Американской миссии важно также подучить разрешение вопроса об отношении к англиканам и их иерархии, а для всех заграничных Церквей — разрешение вопроса о календаре. Необходимо также представителям разных православных Церквей, живущим за границей, согласовать практику в литургической и канонической областях, чтобы инославные видели, что у нас действительно «едина вера». Для русской Церкви важно иметь новый славянский перевод богослужебных книг (теперешний устарел и во многих местах неправильный), чем можно будет предупредить требование иных служить на русском обиходном языке. Нелишне, кажется, ввести некоторые изменения и в самые богослужебные чины, например, сократить часто повторяемые эктении, читать гласно некоторые тайные молитвы. Может зайти также речь о постах, о снятии священного сана, о желании восстановить его и т. п.

Многие из этих вопросов — общие всей Церкви, и посему при суждении о них необходимо слышать голос представителей восточных и славянских Церквей. В высшей степени желательно пригласить таковых на Всероссийский Собор (такими представителями могли бы быть настоятели подворий в Москве). А еще более желательно, после Поместного Собора в Москве, иметь Собор всех православных Церквей: в нем ощущается большая нужда, и созвание его принесло бы несомненную пользу святой Церкви православной.

№ 26,
преосвященного Афанасия, архиепископа Донского,
от 3 декабря 1905 года

На основании циркулярного указа Св. Синода от 27 июля 1905 года, имею долг благопокорнейше представить соображения по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви.

I. По вопросу о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов

Этот вопрос стоит в связи с учреждением областных соборов для решения дел церковных второстепенной важности.

Введение соборного управления в российской Церкви желательно. Оно имеет для себя основание в практике древней Церкви и церковных канонах и могло бы выразиться в следующем: а) русская Церковь делится на округа; б) епископы епархий, входящих в состав округа, составляют соборы для обсуждения церковных вопросов; в) одному из епархиальных епископов присвояется преимущество чести и власти, и он председательствует на соборе.

А) Разделение русской Церкви на округа, согласно указаниям практики древле-вселенской Церкви, должно обусловливаться или историческими и этнографическими особенностями обособляемых округов, или приспособлением к правительственным административным единицам империи. Основываясь на этих началах, можно разделить русскую Церковь на следующие округа: 1) Северно-Русский или Новгородско-Петербургский; 2) Средне-Русский или Великорусский-Московский; 3) Южно-Русский или Малорусский-Киевский; 4) Новороссийский-Одесский; 5) Западно-Русский или Белорусский и Литовский-Виленский; 6) Восточно-Русский — Казанский (епархии волжские и уральские); 7) Кавказский; 8) Томский; 9) Иркутский.

Б) Областные Поместные Соборы состоят из всех епископов округа. Они назначаются не менее одного раза в год. К участию в соборных заседаниях допускаются пресвитеры и диаконы, а также миряне с правами совещательного голоса. На областных соборах обсуждаются вопросы по предметам христианского вероучения и нравоучения, христианского благочиния и богослужения, благотворительности, миссионерского дела, духовной школы, церковных имуществ. Не имея в отношении к этого рода делам права законодательных постановлений в тех случаях, когда требуются единообразные и, следовательно, общецерковные мероприятия, окружные соборы пользуются широким правом инициативы в возбуждении вопросов по означенным делам для представления их после предварительной разработки Поместному Собору Всероссийской Церкви, и в изыскании способов наиболее целесообразного примене-

ния к местных потребностям состоявшихся уже общих постановлений Всероссийского Поместного Собора.

В отношении судебном окружные соборы составляют вторую судебную инстанцию по всем делам, подлежащим первоначальному ведению епархиального церковного суда, т. е. во всех случаях обжалования постановлений последнего.

В) Главный епископ округа, именуемый митрополитом, избирается собором всех областных епископов и утверждается, по избрании, в своем служении высшей церковной властью; служение его пожизненно; только нарушение им канонов церковных может быть основанием к устранению его. Митрополит созывает окружные соборы и председательствует на них; следит за исполнением постановлений как окружного собора, так и Поместного Собора Всероссийской Церкви; принимает жалобы на епископов округа от клириков и мирян и представляет их на суд Собора. Сам же митрополит ответствен перед высшей церковной властью и ей только подсуден.

II. По вопросу о преобразовании церковного управления и суда

В области епархиального управления наиболее желательным представляется пересмотр Устава духовных консисторий и реформа церковного суда. Судья не видит ни обвинителя, ни обвиняемого, ни свидетелей, и в своих приговорах основывается на бумажном изложении дела. Отсюда громадная переписка, которая, однако же, не является достаточным выражением истины. Желательна в суде гласность, причем, в видах скорости суда, необходимо несколько инстанций. Суд первой инстанции может быть назван судом благочинническим; состав его — три члена, избираемые духовенством округа из более опытных пресвитеров на три года; утверждение в должности судьи принадлежит епископу; увольнение прежде срока допускается только по суду. Ведению благочинического суда подлежат дела по жалобам на личные оскорбления, наносимые духовными лицами духовным и светским лицам, немиролюбивые отношения членов причта между собой и прихожанами, неправильность раздела братских доходов, неправильное разделение частей прихода между несколькими штатами причта, небрежное ведение метрических и исповедных книг и других церковных документов, домашние и семейные неурядицы членов причта. Приговоры поставляются по внутреннему убеждению судей. Приговоры по делам о проступках, за которые в законе определяются одни лишь замечания или выговоры без внесения в послужной список, или денежное взыскание не свыше трех рублей, и решения по имущественным искам не свыше 25 р. считаются окончательными и обжалованию не подлежат.

Суд второй инстанции — епархиальный. Он гласно производится в присутствии консистории. Дела, которые поступают в епархиальный суд из первой инстанции, решаются здесь окончательно. На решения же дел, начинающихся в епархиальном суде, может быть апелляция к областному собору. Же-

лательно, чтобы бракоразводные дела начинались и производились в суде светском, который, по окончании производства, сообщал бы о своих решениях духовному начальству для расторжения брака, как таинства. Настоит, далее, крайняя нужда в том, чтобы в должностях членов консистории состояли бесприходные священники, с содержанием не менее 2000 руб. в год, подобно тому, как должности наблюдателей школ в настоящее время занимают бесприходные священники; члены консистории — приходские священники отвлечены от занятий по консистории обязанностями службы по приходу, а Великим постом, по пятницам и субботам, не могут быть в присутствии совсем; поэтому решение дел замедляется. Существующие штаты чиновников консистории желательно увеличить, возвысив их оклады и пенсии применительно к современным потребностям, с целью привлечения на службу лиц более образованных; в состав штатных чиновников консистории следует допускать и священнослужителей на общих основаниях.

Из ведения консистории должны быть изъяты и переданы в низшие инстанции дела о ремонтах в церквах, не соединенных с изменением плана церкви и не касающихся живописи, иконостаса и престола. Дела об определении и увольнении законоучителей следует передать в ведение училищных советов.

III. По вопросу о порядке приобретения церковной собственности

Желательно, чтобы церкви получили право приобретать собственность путем купли или пожертвования на общих основаниях, не испрашивая Высочайшего соизволения, ввиду того, что такой сложный порядок с его формальностями может смущать жертвователей, а при покупке собственности причиняет даже убытки. Во избежание же приобретений ненужных, невыгодных, спорных, на приобретение испрашивается только разрешение епархиального начальства. Желательно далее, чтобы духовенству епархии были предоставлены права юридического лица, во избежание фиктивности в закреплениях имуществ; таковые права могли бы быть предоставлены епархиальному съезду, съезду духовно-училищных округов, съезду благочиннических округов, епархиальному училищному совету, его отделениям.

IV. По вопросу о приходе

Желательно, чтобы приход принимал более живое и деятельное участие в просветительной и благотворительной деятельности Церкви вообще, и в пределах прихода — в особенности; возбуждению прихода к такому участию могли бы послужить периодические (не менее двух раз в течение года) церковно-приходские собрания и их исполнительный орган — постоянно действующий церковный совет; этот последний состоит из выборных приходом лиц и членов причта, и под председательством священника ближайшим образом ведает дела прихода, подготовляет доклады к предстоящему церковно-

приходскому собранию и приводит в исполнение постановления последнего. Собственно церковные денежные средства должны, как и в настоящее время, быть в заведовании церковных причтов и старосты — с тем только, чтобы старосты давали отчет церковно-приходскому собранию в расходовании этих средств. Что же касается выбора приходом членов причта, то, при повсеместной материальной зависимости духовенства от прихода и при неразвитости прихожан, выборное начало не может быть допущено в настоящее время, так как есть опасность злоупотреблений со стороны прихода по отношению к духовенству в смысле подыскания себе членов причта, согласных на более скромное вознаграждение, но не удовлетворяющих требованиям, которые должны быть предъявляемы к клирику. Вообще же следует сказать, что никакая, даже самая лучшая, организация церковно-приходской жизни не может быть плодотворной, если во главе прихода не станет образованный, проникнутый идеей своего самоотверженного служения пастве священник, который и при современной организации прихода сделает весьма многое. Пояснением этого может служить нижеследующее изображение деятельности приходского священника, представленное одним сельским благочинным Донской епархии.

«В благоустроенном приходе священник пользуется громадным влиянием на своих прихожан всех сословий. Чем приобретается это влияние, всякому известно, кто внимательно присматривался к отношениям между пастырем и пасомыми. Нравственная жизнь, серьезное и усердное отношение к пастырским обязанностям, всегда ласковое, но вместе с тем не угодливое, а справедливое отношение ко всем без различия прихожанам, — вот те качества, обладая которыми священник все может сделать в приходе, ко всему может склонить даже самых несговорчивых прихожан.

«В благоустроенном приходе представители от прихожан обязательно участвуют в поверке каждый месяц всех церковных доходов и расходов; от них ничего не скрывается. Заподазривание поэтому священника в нелегальном расходовании церковных денег здесь немыслимо. Через этих представителей все прихожане прекрасно осведомлены о положении церковной кассы и поэтому никогда не отказываются придти на помощь своим достоянием, если оказывается недостаток в церковной кассе для поддержания их храма в подобающем благолепии. Опасение, что если прихожане узнают, куда расходуются церковные доходы, то станут препятствовать этому, преждевременно и пока ни на чем не основано. Правдивое и своевременное разъяснение со стороны хотя бы благочинного о необходимости и пользе тех или других сборов удовлетворяет и будет удовлетворять, по крайней мере, сельских прихожан. Вообще самая широкая гласность в деле пользования церковными доходами непременно будет поддерживать известный интерес у прихожан к храму.

«В благоустроенном приходе церковно-приходское попечительство, выбранное, благодаря доверию к священнику, по его же указанию, влиятельно, а потому и весьма деятельно. Постепенно такое попечительство устроило причтовые помещения, заботится об их ремонте; устроило школу и не оставляет заботиться о ней, снабжая ее всем необходимым; имеет волшебный фонарь с

необходимыми картинами для устройства религиозно-нравственных чтений, которые и ведутся способными на то прихожанами под руководством священника. Средства у попечительства получаются, главным образом, от доброхотных пожертвований, собираемых самими попечителями, по мере надобности. Но для того, чтобы не обременять прихожан частыми сборами, попечительство, при помощи состоятельных прихожан, иногда делает посевы. При даровой земле (в станицах), даровой же вспашке ее, такие посевы бывают весьма выгодны, и попечительство иногда располагает довольно значительными средствами, позволяющими ему широко пользоваться помощью даже при значительном ремонте храма, когда церковных средств не хватает, а прихожане обременены другими какими-либо платежами. В благоустроенном приходе и общество трезвости является действительным, благодаря опять-таки энергии священника. Случается, что такое общество насчитывает у себя до двухсот членов, большинство которых решило навсегда отказаться от употребления спиртных напитков. Трезвенники раз в две недели, а где и каждую неделю, собираются на молебен, после которого беседуют, обмениваются приобретенными сведениями по вопросу о трезвости и т. п. В таком приходе, по отзыву обывателей, пьянство весьма много уменьшилось. В благоустроенном приходе есть, наконец, еще что-то вроде братства, цель которого исключительно состоит в том, чтобы хотя в воскресные дни напитать особенно бедных прихожан, нуждающихся нередко даже в куске насущного хлеба. Организация такого братства — самая несложная. Выбирает священник пять-шесть уважаемых и честных старух, и идут эти старухи по приходу, собирают топку, муку и другие жизненные продукты. Одной из этих старух поручается все это на хранение и заведование, а остальные являются только помощницами при приготовлении кушаний. Учреждение, говорю, очень несложное, а между тем тридцать-пятьдесят бедняков хоть раз в неделю имеют возможность поесть вкусно и сытно.

«Из всего вышесказанного ясно вытекает, что благоустройство прихода единственно зависит от священника, потому что пока он один — представитель прогресса в деревне, ему одному пока принадлежит инициатива проведения в жизнь народа начал культуры. К великому сожалению, священник не может всецело отдать себя на служение приходу, потому что самому ему приходится заботиться если и не о насущном куске хлеба, то об изыскании средств для воспитания детей. Наблюдение показывает, что бóльшая половина энергии священника уходит именно на последнее, на добывание средств; и не священники поэтому виноваты в том, что благоустроенный приход — явление сравнительно редкое».

V. По вопросу об усовершенствовании духовных школ

Ввиду того, что богословские науки, как условие успешного их усвоения, предполагают развитую созерцательную мысль, а также ввиду цельности и единства в их изучении, желательно было бы, чтобы они преподавались в выс-

ших классах (5 и 6) семинарии. Необходимым условием их благотворного воздействия на мысль и сердце учащихся является то, чтобы сами учащие были проникнуты истинами Христова учения; тогда не будет места узости и сухости в преподавании богословских наук; тогда преподаватель будет в состоянии возвыситься над учебниками, в которых часто дается только сухой перечень текстов или сухая классификация явлений нравственной жизни, только тогда преподавание будет жизненным и будет содействовать подготовлению учеников к пастырству. Поэтому желательно, чтобы преподавателями богословских предметов и особенно учения о богослужении были лица духовного сана; двое из этих преподавателей могли бы быть духовниками воспитанников.

В частности, догматическое богословие естественнее всего преподавать в связи с апологетикой, так что в особой кафедре обличительного богословия не представляется надобности. История русского старообрядчества и сект могла бы быть преподаваема в связи с историей русской Церкви, при увеличенном количестве уроков по этому предмету. Учебники должны быть согласованы так, чтобы одни и те же сведения не повторялись, а сообщались только в каком-либо одном из них, потому что такое повторение и время отнимает, и часто ведет к обратным результатам, т. е. повторяющиеся в различных учебниках одинаковые сведения — наставниками нередко игнорируются, в надежде на то, что они будут сообщены другим преподавателем, особенно если между наставниками не бывает предварительного соглашения по этому вопросу; желательно, чтобы все относящееся до учения о богослужении было объединено в литургике.

В семинарии, далее, необходимо значительно сократить уроки по латинскому и греческому языкам и пользоваться уроками по этим предметам для более широкого, чем теперь, ознакомления со святоотеческими творениями и для перевода песнопений и молитвословий с греческого языка на русский. Сокращение уроков по древним языкам даст возможность расширить круг общеобразовательных наук. Эти последние преподаются в четырех классах училища и первых четырех классах семинарии. Курс духовных училищ необходимо освободить от преобладания в нем классических языков и оживить введением в него предметов, действительно образующих ум и сердце или практически полезных; таковы, например, краткая отечественная история и история русской Церкви, естествоведение, новые языки, рисование. Количество уроков по географии и арифметике желательно увеличить. В курсе семинарии желательно ввести обязательное преподавание каноники, тригонометрии, космографии, физиологии, новых языков, естествоведения, законоведения, истории европейской литературы и увеличить количество уроков по Священному Писанию Нового Завета, по гражданской истории, по математике, по физике. Желательно, чтобы воспитанникам, не чувствующим призвания к пастырскому служению, был открыт из 4-го класса семинарии доступ в университет и другие высшие светские учебные заведения и, с другой стороны, чтобы в богословские классы семинарии был открыт доступ без экзамена для

воспитанников, окончивших светскую среднюю школу. Далее, представляется делом необходимости — безусловно устранить всякие сословные ограничения при приеме учащихся в духовные школы, так как настоящее ограничение вызывает неудовольствие среди иносословных, соединяемое с нареканиями на духовенство, что оно на церковные (народные) средства содержит только своих детей.

Что касается епархиальных женских училищ, то представляется делом большой важности преобразование их в семиклассные или учреждение при шести существующих классах 7-го дополнительного для того, чтобы воспитанницы училищ, прошедши семиклассный курс применительно к программам женских гимназий, имели возможность поступать в высшие женские учебные заведения наравне с окончившими курс в гимназиях и институтах. Начальнице училища следовало бы увеличить жалованье, по крайней мере, до 700 руб., а воспитательницам — до 400 руб. Постоянных и самостоятельных преподавателей в епархиальных училищах желательно иметь, но на это можно рассчитывать только по сравнении их окладами жалованья и правом на пенсию с преподавателями мужских духовно-учебных заведений.

VI. По вопросу об епархиальных съездах

Епархиальные съезды, как вспомогательные при епископе органы управления, остаются в подчинении власти епископа, который и созывает духовенство на съезд. Но, не нарушая прав епископской власти, они имеют и известную самостоятельность, так, чтобы их решения служили действительным выражением мнения духовенства и всей епархиальной Церкви. Съезды созываются через каждые два года. В деятельности они должны сообразоваться с решениями благочиннических съездов; эти последние созываются по благочиниям не менее одного раза в год и имеют в своем составе всех членов клира и представителей от мирян, например церковных старост. На этих съездах возбуждаются вопросы для внесения в епархиальный съезд, а также предварительно обсуждаются предметы, подлежащие, по предложению епархиального начальства, обсуждению на епархиальных съездах. Кроме этой подготовительной работы, предметом занятий на благочиннических съездах служит обсуждение вопросов пастырской практики, увещание немиролюбивых членов причта, а также выбор должностных лиц по благочинию и депутатов на епархиальный съезд. Чтобы благочиннические съезды вполне удовлетворяли целям подготовительной к епархиальным съездам инстанции, для этого в Донской епархии, задолго до епархиального съезда, из консистории рассылается по благочиниям программа деятельности предстоящего съезда, а также духовенство осведомляется о ней через «Епархиальные Ведомости». Благочиннические съезды обсудят вопросы программы, и, таким образом, представитель от благочиния явится на съезд действительным выразителем мнений выбравших его. Кроме выборных депутатов, на епархиальные съезды в Донской епархии являются благочинные, как лица, стоящие под ближайшим руковод-

ством архиепископа, хорошо знакомые с жизнью приходов, получающие в частых беседах с архиепископом советы и указания для должного пастырского воздействия на жизнь приходов.

Помимо вопросов экономического характера, епархиальным съездам надлежит предоставить право обсуждать вопросы веры и нравственности и вопросы церковно-богослужебной практики, а также вопросы по организации благотворительных учреждений для духовных и мирян.

VII. По вопросу об участии священнослужителей в общественных учреждениях

Необходимо, чтобы пастыри разнообразными способами старались влиять на мирскую жизнь пасомых в смысле возвышения нравственности и достижения внешнего благосостояния. Апостольские правила запрещают пастырям гражданскую и военную службу, адвокатуру, торговлю, поручительство за кого-либо в судебных местах, по подрядам; запрещают принимать звание мировых судей, членов ссудо-сберегательных касс. За исключением этих, канонически запрещенных, случаев, духовенству необходимо участвовать в училищных советах Министерства народного просвещения, земских школ и вообще в просветительных учреждениях, и желательно его участие в органах общественного и городского самоуправления, в Государственной Думе.

VIII. По вопросу о положении православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверцам по издании Высочайшего указа 17 апреля сего года о веротерпимости

Новое положение православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверцам вызывает к деятельности все духовные силы, какими только может располагать Церковь в борьбе с заблуждением.

Существенно необходимым для подготовления кандидатов священства к миссионерской деятельности является более основательное изучение Библии в духовной семинарии, участие воспитанников 5-го и 6-го классов семинарии в миссионерских собеседованиях на месте и в поездках с миссионерской целью.

Настоит крайняя нужда в том, чтобы церковное богослужение достигало той великой цели, какую оно имеет в деле воспитания и спасения православных христиан, чтобы оно вполне удовлетворяло религиозным потребностям благочестивых людей. Для этого необходимо богослужебный язык в молитвословиях и песнопениях приблизить к пониманию простого народа через исправление и упрощение церковно-славянского текста; вводить в храмах общее пение некоторых молитвословий; настойчиво требовать, чтобы богослужение совершалось неспешно, внятно и благоговейно. По воскресным и праздничным дням, особенно в приходах, зараженных сектантством, необходимо совершать в приходских храмах торжественное служение вечерен с общим пением.

Учительная деятельность пастырей должна быть усилена. В храме, в школе, при посещении домов, всегда и при всяком случае пусть священник наставляет своих прихожан в вере и благочестии; и проповедь его будет действительна, если будет доступна по своей форме изложения, если не будет сухим схоластическим изложением учения христианского и, главное, если будет искренней, если жизнь самого пастыря не будет стоять в противоречии с его словом. В приходах, где есть сектанты, проповедь священника должна иметь апологетический характер.

Необходимо, чтобы дела миссии противостарообрядческой и противосектантской обсуждались на съездах духовенства по округам из двух-трех благочиний, под председательством одного из благочинных, по избранию съезда.

№ 27,
преосвященного Макария, епископа Якутского,
от 19 октября 1905 года

Во исполнение циркулярного указа Святейшего Синода, от 27 июля 1905 года, за № 8, о доставлении сведений, необходимых для подготовительных работ по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви, имею честь донести:

1. Ввиду территориальной обширности Якутской области, окружные города которой отстоят от областного (епархиального) города на сотни и тысячи верст, при крайних неудобствах путей сообщения, с самым первобытным способом передвижения по таковым, лишающим возможности причты и жителей, особенно северных округов, благовременно получать распоряжения начальства для удовлетворения своих религиозно-нравственных нужд, а особенно в случаях перемен в наличном составе причтов, за смертью или выходом за штат членов сих причтов, причем неизбежно является задержка в назначении и отправлении к местам служения новых лиц, — признавалось бы желательным: предоставление местному архиерею, вкупе с избранным собором духовенства, большей автономности в деле разрешения назревших вопросов церковно-общественного значения. Подчинение в этом случае предполагаемому автокефальному митрополиту в Иркутске, за расстоянием почти 3000 верст, при полном неудобстве путей сообщения, явится не меньшею задержкой в разрешении вопросов, чем сношение даже со столицей.

2. В вопросе о реформе органов епархиального управления, признавалось бы полезным некоторое изменение устаревших форм делопроизводства консистории, так как в нем есть много излишних формальностей, как например — ведение настольных реестров, составляющее двойной труд для столоначальников и регистратора. В устранение сего, можно было бы обойтись резолюцией члена консистории на самой бумаге для внесения готового доклада присутствию. Разные публикации по епархии могли бы исполняться через «Епархиальные ведомости», в последнем случае уменьшился бы труд благочинных епархии. Бракоразводные дела могли бы с бóльшим удобством быть рассматриваемы гласным гражданским судоговорением. Но особенно ярким примером запутанности консисторского делопроизводства служит еще более ненужная формальность по денежной части, когда, например, адресуемые причтами деньги, хотя бы на выписку венчиков и листов разрешительной молитвы, достигают своего назначения после довольно долгой процедуры, особенно деньги, высылаемые по почте, причем требуется, чтобы 1) повестка почтовой конторы была записана во входящий реестр, 2) на ней пишется доверительная надпись на получение казначеем консистории означенных денег, 3) это вносится в исходящий реестр и 4) особую книгу повесток, 5) получен-

ные деньги записываются в настольный денежный реестр присутствия, 6) затем передается бумага секретарю для пометки времени поступления, 7) секретарем передается регистратору для надписи о заприходовании денег казначеем, 8) регистратором, по исполнении, передается члену для подписи, 9) затем — казначею для заприходования по книге. После сего бумага записывается 10) во входящий регистратора и 11) настольный реестр стола, где дается резолюция об исполнении, и 12) только после всего этого пишется предписание казначею о выдаче венчиков и листов.

Желательно при этом, чтобы лица, состоящие у кормила епархиального управления, были духовно и юридически образованными, еще на школьной скамье ознакомленными с духом евангельского учения любви и нелицеприятия к людям. В сем случае казалось бы более удобным замещать должности секретаря и столоначальников консистории лицами, носящими священный сан, с назначением их на штатные, без содержания от казны, места при церквах гор. Якутска, но с правом получения пенсии по занимаемой должности. Равно и числящаяся по консистории должность личного секретаря при архиерее, как совершенно непродуктивная, но обеспечивающая чиновника приличным содержанием, должна бы быть предоставлена лицу в священном сане. Последнее соображение особенно важно в видах, например, сопутствия секретаря преосвященному в поездках по огромнейшей епархии, отрывающих его от епархиального города на несколько месяцев всякий раз.

3. По благоустройству прихода в религиозно-нравственном отношении, просветительном и благотворительном отношениях, видную роль в жизни якутских приходов могли бы иметь приходские общины; но устройство их в Якутской епархии невозможно, вследствие разбросанности населения, кочевой и бродячей жизни прихожан — инородцев Якутской области. Хотя в настоящее время прихожане через особо доверенных лиц и церковных старост, в количестве обыкновенно 5—6 человек, и участвуют в обсуждении некоторых мероприятий по благоустройству приходов, но таковое участие их по преимуществу сводится к разрешению вопросов лишь по постройке храмов и причтовых домов, ремонтам их и содержанию церковной прислуги. Нельзя при этом отрицать и проявления среди прихожан стремления к просвещению и благотворению, выражающегося в открытии школ и добровольных пожертвованиях на разные епархиальные и общеимперские нужды; нельзя не видеть в этом и значительного возрождения приходских общин, которые, при добром усердии духовных руководителей приходов — пастырей Церкви, могли бы более совершенствоваться, принося собой обильный плод христианского делания на ниве Божией.

4. Ввиду того, что Якутская духовная семинария и соединенное с ней училище лишь только два года назад получила правильную внешнюю организацию с одногодичными классами, да и программа учебных предметов ее поставлена в надлежащие рамки, с включением в курс семинарских наук и таких наук и таких полезных знаний, как медицина и сельское хозяйство, столь необходимые для священника в домашнем быту и житейской практике, когда

народ-паства видит в священнике помощника и врачевателя не только недугов душевных, но и телесных, причем священник в глазах народа становится единственным близким существом, готовым во всякое время оказать посильную помощь нуждающемуся, — и предполагая, что Якутская семинария в настоящем ее положении вполне удовлетворяет требованию иметь в Якутской епархии достаточный контингент образованных и дельных священников, — следует признать настоящий тип Якутской семинарии удовлетворяющим для епархии.

5. Принимая во внимание Высочайшее повеление от 9 февраля 1863 года, за № 39272, коим разрешено церквам Камчатской епархии (в состав которой входила и Якутская) приобретать дома, необходимые для помещения причтов, в собственность церквей, а также продавать их, по усмотрению местного преосвященного, с совершением в надлежащих присутственных местах крепостных актов, без испрошения на то каждый раз Высочайшего соизволения, — благовременно заявить о необходимости для отдаленной Якутской епархии утверждения права приобретения церквами недвижимости путем купли, дара или пожертвования без испрошения Высочайшего соизволения, и о предоставлении духовенству, как отдельному государственному сословию, прав юридического лица по приобретению собственности.

6. Вследствие отдаленности и разбросанности сельских приходов Якутской епархии и своеобразной, в силу местных условий, жизни инородцев-прихожан, находящихся еще на низшей ступени своего умственного и нравственного развития и нуждающихся посему в самой деятельной поддержке со стороны пастырей Церкви для отвлечения от различных суеверий и предрассудков, — признать особенно желательным устройство в Якутской епархии правильно организованных епархиальных съездов духовенства, для обсуждения нужд как духовно-учебных заведений, так и других епархиальных потребностей: миссионерских, благотворительных и церковно-хозяйственных, с привлечением к участию на них участковых благочинных, выборных священников (по одному) от каждого благочинического участка и церковных старост, с целью бóльшего взаимодействия пастырей с пасомыми, в лице их доверенных (старост), могущих быть особенно полезными на съездах, при разрешении чисто материальных нужд приходов.

7. Участие духовенства в городских и земских учреждениях признавалось бы более чем желательным, особенно ввиду предполагаемого введения в Сибири земских начал народной жизни, когда, быть может, каждый приход будет представлять из себя земскую единицу, в которой духовенству придется, без сомнения, иметь видную долю участия для урегулирования церковно-приходской жизни.

Посильное вырешение настоящих вопросов состоялось на братских собраниях о.о. членов духовной консистории, почетных лиц духовенства, начальствующих и преподавателей духовной семинарии.

№ 28,
преосвященного Гурия, епископа Симбирского,
от 2 декабря 1905 года

К вопросу об учреждении митрополичьих округов в русской Церкви

Учреждение митрополичьих округов в русской Церкви весьма желательно, и оно не противоречило бы церковным канонам и практике православно-восточной Церкви. Нельзя отрицать существование серьезных причин, которые вызывают благовременность и необходимость разделения русской Церкви на несколько митрополий с относительной автономией. Территория, занимаемая православной Церковью в Русском государстве, чрезвычайно велика; в силу уже одного этого центральная церковная власть обременена множеством дел по церковной администрации, суду и т. д.; нужно признать в высшей степени затруднительным для нее подробный надзор за всеми сторонами жизни русских христиан далеких окраин, ознакомление с местными духовными нуждами и потребностями и изыскание средств к удовлетворению этих последних. Разделение русской Церкви на несколько митрополий облегчило бы высокий труд центральной церковной власти по удовлетворению духовных нужд разноплеменных русских христиан, по защите православия от инославной и иноверной пропаганды, по усилению более плодотворной деятельности православной миссии. Сибирь можно было бы разделить на две митрополии: Восточно- и Западно-Сибирскую; далее, могут быть организованы митрополичьи округа в Приволжском крае, на Кавказе, в южнорусских епархиях, в Западном крае.

Необходимость и польза открытия особой митрополии в Приволжском крае, с присоединением к ней восточных епархий (до Уральских гор), вызывается наличностью многочисленного инородческого, иноверного и старообрядческого населения. Инородцы не все еще просвещены христианством; крещенные часто не тверды в вере и служат благоприятной почвой для иноверной (главным образом магометанской) и старообрядческой пропаганды. Все это серьезно озабочивает местную иерархию и возлагает на нее сложную задачу выработать строго согласованную с местными нуждами программу просветительной, миссионерской и противосектантской деятельности. При учреждении Приволжской митрополии местом пребывания митрополита нужно сделать гор. Казань, так как Казанская кафедра издавна служила просветительным и миссионерским центром для всего Приволжского края и прилегающих к нему восточных епархий. Митрополит избирается епископами своего округа, утверждается центральной церковной властью. Епископы митрополичьего округа избираются также местными епископами с непременным

участием митрополита, который утверждает избрание и совершает посвящение избранного. Постановление епархиального епископа без согласия митрополита, а последнего — без согласия центральной церковной власти, считается незаконным и, следовательно, недействительным. Митрополиту принадлежит право созывать под своим председательством соборы из епископов своего округа, где решаются важнейшие вопросы, возникающие во всей подведомой ему области, изыскиваются меры к удовлетворению духовных потребностей края, и разрешаются разногласия между епархиальными съездами и епископами. Митрополит представляет центральной церковной власти ежегодный отчет о состоянии подведомого округа.

Едва ли есть серьезные основания опасаться, что организация митрополичьих округов вызовет гражданский сепаратизм. Данные русской церковной истории относительно отделения Киевской митрополии от Московской свидетельствуют, что это отделение было вызвано *прежде* последовавшим *гражданским* подчинением населения епархий Киевской митрополии литовско-польскому правительству; когда же Малороссия в гражданском отношении подчинилась московскому государю, то вслед за тем и Киевская митрополия подчинилась московскому патриарху. В пределах Константинопольского патриарха существует с древних времен и доселе несколько митрополий, не отделяющихся от церковной юрисдикции патриарха. Некоторые же митрополии приобрели автокефальность уже после того, как население их приобрело политическую самостоятельность (например Сербия, Болгария, Эллинское королевство). Пока не ослабеет государственное единство нашего отечества, церковные митрополичьи округа могут существовать в нем без вреда для этого единства и с пользой для задач самой Церкви.

Об организации епархиального управления

На каких основаниях может быть организовано епархиальное управление? На этот вопрос может быть дан только один ответ: древняя Церковь православная оставила нам каноны и завещала хранить их.

По канонам церковным, во главе епархии стоит епископ (Апост. пр. 38—39-е). Ему присвоена полнота власти — управления, учения и священнодействия. Епископу неопустительно должно быть при делах церковных (Апост. 81-е), должно удерживать священноначальственное попечение с духовной крепостью (посл. III Собора). Епископу надлежит управлять своей епархией с приличествующей осмотрительностью, поставлять пресвитеров и диаконов, совершать миро, и разбирать все дела с рассуждением (Антиох. 9-е; Карф. 6-е), рукополагаемым в степени причта — предварительно внушать постановления соборов (Карф. 25-е). Епископ должен получать сведения о служителях церковных и иметь о них список, с означением, кем кто определен и как живет (Вас. Вел. 89-е). Он отвечает перед Богом за души вверенных ему Промыслом

Божиим чад Церкви (Апост. пр. 39-е). Получив такие нравственно-ответственные права и обязанности, епископ, конечно, имеет необходимость принимать такие действия, которые, по его воззрению, ведут к успешному достижению последней цели его служения.

В первый, апостольский век христианства епископ непосредственно управлял Церковью, ибо знал лично всех своих немногочисленных чад, глашал их по имени. С умножением христианства епископ стал приглашать в помощь себе лиц, отличающихся доброй нравственностью, под именем хорепископа (Антиох. 10-е), а затем периодевта, каковое звание у нас соответствовало в старину поповским старостам, а ныне благочинным. Кроме этих должностей, по свидетельству церковной истории, при епископе состоял еще совет из пресвитеров, при содействии которого он управлял епархией.

Дабы и в мелочах, которые в церковном деле имеют некоторое значение, стать ближе к золотому веку христианства, следует присвоить существующим ныне консисториям название совета пресвитеров, члены которого, а равно и делопроизводитель оного, избираются и утверждаются епархиальным епископом или, по предложению епископа, избираются духовенством.

Для того чтобы совету можно было с должной тщательностью рассматривать дела, следует весьма многие мелочи, как-то: выдачи документов, бланков, а также собрание справок, передать в непосредственное заведование или члена совета пресвитеров, или канцелярии. Чтобы не обременять епископа множеством ничтожных дел, следовало бы их решать окончательно советом; таковы: об утверждении в должности членов благочиннических советов, попечительных советов по эмеритуре и библиотекарей; о выдаче лицам духовного звания свидетельств о правах состояния; о назначении депутатов от духовенства на земские, городские очередные собрания, училищные съезды, экзамены, для привода к присяге и духовников; о выдаче копий с послужных списков, посемейных списков и разного рода удостоверений и свидетельств; об открытии народных библиотек и читален и о назначении за таковыми наблюдателей; о взыскании священнослужителями с прихожан жалованья по приговорам и руги; о взыскании с лиц духовного звания долгов разных и недоимок; раздел между духовенством доходов по прошениям и спорам; назначения следствий и преследования по делам: а) об удостоверении о действительности события браков и рождения от законного брака и б) о пропусках и неправильной записи в метрических книгах; выдача метрических свидетельств и справок и доставление сведений из метрических книг разным присутственным местам и лицам; производство сборов денежных пожертвований по церквам епархии: а) в неделю Ваий в пользу Православного Палестинского Общества, б) в неделю православия в пользу Православного Миссионерского Общества, в) в пользу Общества Красного Креста по полугодиям и в 25-ю неделю по Пятидесятнице, г) в неделю о слепом в пользу слепых и, кроме того, все временные сборы во исполнение определений и указов Святейшего Синода; устройство кладбищ при приходских церквах и погребение тел умерших на старых закрытых кладбищах; распоряжение о нарезке печатей для церквей и благочинных; плата денег за лечение больных ду-

ховного звания и дела, возникающие по неправильному ведению приходо-расходных книг по церквам и монастырям епархии, и поверка оных.

Для всестороннего ознакомления с нуждами приходской жизни епархии епископ, как и ныне, собирает съезд представителей от духовенства.

Епархиальные съезды, как важнейший орган общения епископов с подведомыми им паствами, должны получить особенное значение в епархиях. Таким съездам необходимо быть по крайней мере однажды в год. На эти съезды могут являться по одному депутату от духовенства и по одному депутату из мирян — по Симбирской епархии — от 20 церквей, или менее, смотря по удобству в территориальном отношении; причем депутат от духовенства получает содержание от избравших его, а миряне — от церковно-приходских попечительств или также от избравших их. Здесь члены собрания могут делать заявления, высказывать мнения, принимать участие в обсуждении вопросов, пожалуй, — предлагать проекты и решения их; но право окончательного постановления или утверждения решений должно принадлежать архиерею. Архиерей, собственно, есть ответственный (нравственно и официально) правитель епархии; и никакое постановление какого бы то ни было епархиального собрания, никакое мнение большинства не может освободить его от ответственности за какую-нибудь принимаемую меру, если эту меру не одобряет его собственная мысль и совесть.

Поэтому епархиальные съезды при архиереях могут иметь лишь совещательное, а не правительственное значение. Правительственная власть в епархиях должна оставаться в руках архиереев. Епархиальные съезды должны собираться затем, чтобы дать возможность архиерею ближе ознакомиться с мнениями и потребностями паствы, и помогать ему советами лучших людей в управлении паствой, а не стеснять его власть и не противодействовать ей. Разумеется, и власть архиерея, при открытом — так сказать — проявлении и обсуждении ее распоряжений перед лицом представителей целой епархии, не станет вдаваться в произвол и упрямство, сознавая, что члены съезда выражают по тому или другому вопросу не лично им принадлежащие мнения и суждения, а всему духовенству, вверенному его управлению. Едва ли какой-нибудь архиерей, по одному упрямству, без всяких оснований, стал бы отвергать мнения и меры, предъявляемые лучшими людьми его епархии, от лица всей епархии и ради ее интересов. Что же касается до мнений и желаний, то в предъявлении их должна быть предоставлена членам собрания полнейшая свобода. В случае неутверждения постановления епархиального съезда епископом предоставить съезду апеллировать на это в митрополичий собор, решения которого в данном случае должны быть окончательны. На епархиальных съездах обязательно присутствуют члены совета пресвитеров, для ближайшего ознакомления с нуждами церковно-приходской жизни непосредственно от представителей духовенства и живого обмена с ними, по предметам ведения съездов, мнениями.

Что касается до существа дел, подлежащих ведению епархиальных съездов, то сюда же могут быть представляемы на рассмотрение епархиальные

дела всякого рода: вопросы, касающиеся епархиального управления, церковного хозяйства, духовного образования пастырей, религиозного образования народа, народной веры и нравственности, распространения неправильных учений в народе, состояния духовно-учебных и благотворительных заведений епархии и т. д. Но по преимуществу дела и вопросы церковно-приходской жизни новые, по которым нет установившихся мнений и определенной практики, должны обращать на себя особенное внимание епархиальных съездов.

С полным вниманием также должны быть рассматриваемы предъявляемые здесь заявления на неисправность самых органов духовной администрации, постоянно действующих (т. е. пастырских советов), на неудовлетворительное состояние духовно-учебных заведений и т. д., но с тем, чтобы эти заявления были обоснованы фактически, но никоим образом не основывались на слухах. Значительную часть вопросов, подлежащих обсуждению на съезде, необходимо оповещать заблаговременно, чтобы депутаты и сами доверители их могли составить предварительно сколько-нибудь определенные мнения по этим вопросам. Но это не должно стеснять членов съезда в предъявлении на собрании вопросов новых, заблаговременно и не указанных, но обсужденных на окружных съездах духовенства. Право делать заявления всякого рода должен иметь всякий член съезда как от лица того округа, которым он послан, так и от своего собственного лица.

При рассмотрении предъявляемых дел и вопросов епархиальный съезд может разделяться на несколько отделений. Общие религиозные и церковные вопросы могут рассматриваться всеми членами съезда — духовными и мирянами. К участию в обсуждении вопросов, касающихся собственно клира, депутаты-миряне не должны быть обязываемы. По иным специальным вопросам, например — по рассмотрению отчетов, смет, инструкций и проектов разных епархиальных заведений, могут быть избираемы особенные комиссии, обязанные, конечно, свои заключения представлять съезду в целом его составе. Все вопросы должны быть обсуждаемы открыто, кроме выбора лиц в разные должности, производимого закрытой баллотировкой. В закрытых баллотировках и открытых голосованиях разных вопросов всем членам съезда должно быть предоставлено одинаковое право.

Все вопросы, мнения и постановления, предъявляемые на епархиальных съездах, должны быть возможно тщательно записываемы, чтобы эти записи представляли отчетливую хронику епархиальной жизни и, вместе с тем, давали материал для проверки правильного течения ее высшей церковной властью. Окружные митрополиты или архиепископы, на рассмотрение которых должны представляться эти записки, на основании их и собственных личных обозрений округа, могут составлять понятия о течении религиозной жизни и деятельности церковной администрации в различных епархиях, находящихся в их округах.

При обсуждении организации епархиального управления остановил на себе внимание вопрос: следует ли оставить в настоящем виде должность бла-

гочинного? По общему мнению, должность благочинного следует совершенно уничтожить; при этом руководительство в церковно-религиозной деятельности духовенства следует поручить духовнику, административные же распоряжения консистории — циркулярные должны печататься в «Епархиальных Ведомостях», а частные — направляться непосредственно к подлежащим лицам. В настоящее время, при развитии путей сообщения, при улучшении почтового, телеграфного и даже телефонного сообщения, уничтожение должности благочинного послужит даже к ускорению дела; все церковные документы будут контролироваться членами совета пресвитеров.

Вместо благочинных желательно было бы ввести в практику жизни духовенства епархии «братский суд чести священно- и церковнослужителей», под руководством духовников, цель и задача какового должна состоять не в том, чтобы подвергать суду карательному провинившихся собратьев, а принимать все меры, в духе любви Христовой, к тому, чтобы влиять на исправление нравов, в чем бы ни проявлялись уклонения последних от нормы христианской жизни, особенно когда они вызывают в большей или меньшей степени соблазн в прихожанах. Особенно в этом добром и нравственном влиянии на несчастных собратий, сбившихся с пути жизни под влиянием алкоголизма, — что̀ составляет наиболее распространенный порок в духовенстве, — должны принимать священно- и церковнослужители ближайших сел: священники — на священников, диаконы — на диаконов, псаломщики — на псаломщиков... Можно надеяться, что взаимно братское влияние с сердечным участием в несчастном положении собратий может сопровождаться пользой для последних, как и в других случаях непохвальных, тем более — предосудительных их поступков и действий, роняющих в глазах народа честь и достоинство священно- и церковнослужителей. Если принимаемые братские меры к прекращению недобрых, тем более — порочных поступков и действий, цели не достигают, то духовник нравственно обязан секретно сообщить о том епископу, на его усмотрение и суд.

О порядке приобретения Церковью собственности

Относительно порядка приобретения церквами и духовными учреждениями недвижимой собственности, закон (ст. 1429, т. X) обязывает церкви и учреждения на приобретение недвижимости путем купли, дара или пожертвования испрашивать Высочайшее соизволение. Первоначально узаконения, коими ограничено было, а потом и вовсе отменено приобретение духовными учреждениями недвижимости, относились только к архиерейским домам и монастырям и истекали из убеждения Правительства в необходимости, с одной стороны, положить предел чрезмерному увеличению монастырских имений, а с другой — поддержать дух подвижничества, начавший ослабевать от привлечения в обители богатства (Акты арх. эксп. т. I, № 227; Акты истор. № 154, VI, XXX; Собр. гос. грам. и догов. I т., 202; Улож. 1649 г. гл. XVII, ст. 42; П.С.З. 29 мая 1810 г. № 27246). Только в XIX ст., после разрешения

монастырям вновь приобретать имущества, но не иначе как с особого на каждый случай Высочайшего соизволения, тот же порядок Высочайше утвержденным 4 января 1819 г. (П.С.З. № 27692) положением Комитета Министров распространен на приобретение недвижимых имуществ также и церквами. Но очевидно, что ни одно из означенных побуждений к изданию ограничительных постановлений относительно монастырей не может иметь применение к приходским церквам; некоторые монастыри, действительно, могут привлекать к себе пожертвования или приобретать покупкой имущества, превышающие много более иногда меру действительной потребности; но в пользу приходских церквей и их причтов могут поступать по дару или покупкой такие незначительные имущества, какие необходимы только на обеспечение существования храма и приличного содержания причта, которые по своей незначительности не могут нарушить должного отношения церковного достояния в общей массе недвижимых имуществ. Если указанное ограничение само по себе не является препятствием к совершению актов укрепления за церквами на приобретаемое имущество, то самый процесс продолжительного делопроизводства в таком порядке представляет большие неудобства в деле приобретения недвижимости как при покупке имущества, так и при даре, от чего нередко, при причине продолжительной переписки, при выгодной покупке имущества, продавцом уничтожается предварительный договор, когда по личным соображениям продавца он находит для себя неудобным откладывать совершение купчей крепости; а на приобретение дара церковь теряет право в том случае, когда даритель, выдавший при жизни на имя церкви или причта письменное заявление о своем даре, умирает до получения Высочайшего соизволения, не оставив духовного завещания, в уверенности, что дар его принят. Необходимость отмены 1429 ст. X т. в принципе признана самим Святейшим Синодом; так, определением Святейшего Синода 18 марта 1904 г. № 1533 дела, возникающие по завещанию частных лиц о пожертвованиях недвижимых имуществ, постановлено передать из центрального управления Духовного Ведомства в подведомственные учреждения оного; но это определение Святейшего Синода остается на бумаге и не вошло в действие, так как сама статья закона (1429) не отменена; по крайней мере, в этой части и самое определение Святейшего Синода не вошло в Свод Законов. Опасение, выраженное в «предложении» г. обер-прокурора Святейшего Синода, что церкви без синодального контроля могут приобретать имущества ненужные, невыгодные, спорные и т. п., не имеет никакого основания, так как, предварительно приобретения имущества путем покупки или дара, будет соблюдаться тот же порядок, который изложен в определении Святейшего Синода от 19 мая — 10 июня 1878 года № 806 и отчасти в 106-й ст. Уст. дух. конс., который и в настоящее время служит гарантией правильности и выгоды приобретения недвижимости церквами и учреждениями; не доверять последним в деле приобретения недвижимости нет основания. Ввиду изложенных неудобств, вызываемых 1429 статьей, желательна отмена ее в том смысле, чтобы разрешение на приобретение церквами и духовными учреждениями недвижимости было

предоставлено, за исключением монастырей, епархиальному преосвященному, оставив в силе 106, 126 и 137 ст.ст. Уст. дух. конс. относительно участия в таких делах консистории или имеющего ее заменить учреждения, если таковая состоится. Собрание формальных удостоверений о неимении препятствий к принятию дара или покупке имущества оставить на обязанности канцелярии епархиального управления, так как духовенство, особенно сельское, в опасении хождения по разным присутственным местам, может быть вынуждено отклонять дар или отказываться от выгодной покупки. Относительно церковных земель, отведенных прихожанами на довольствие причта, желательно сохранить во всей силе 146 ст.т. IX изд. 1900 г. о неотчуждаемости сих земель, за исключением случаев, указанных в законе; отчуждение прочей церковной недвижимости производить с разрешения епархиального преосвященного, но не свыше 10 000 рублей; свыше сей суммы — с разрешения центрального правления.

Касательно права на приобретение недвижимого имущества, статью 698 X т. I ч. желательно пополнить включением в число юридических лиц, имеющих по сей статье право на приобретение недвижимости, нижеследующие епархиальные учреждения, как-то: епархиальное попечительство о бедных духовного звания, свечные заводы, эмеритальные кассы, братства и др., а равно и само епархиальное духовенство.

В заключение же нельзя не сказать, что было бы делом большой несправедливости — не признать за епархиальными учреждениями духовенства в законе права на владение движимыми и недвижимыми имуществами в том виде, как оно признано п. 4 отд. II Высочайше утвержденных 17 апреля 1905 года положений Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости за старообрядческими и сектантскими общинами.

О посредствующем органе между епископом и епархиальными учреждениями

В целях сокращения бумажной переписки разных епархиальных учреждений: попечительств о бедных духовного звания, свечных заводов, эмеритальных касс, миссионерских братств и других подобных учреждений с епархиальным преосвященным, — переписки, обременительной для епископа и отнимающей у него массу времени, — желательно предоставить управлениям и комитетам таковых учреждений полную самостоятельность в ведении дел, подлежащих их ведению. Все поименованные и впредь имеющие быть открываемыми епархиальные учреждения учреждаются, за исключением попечительств о бедных духовного звания, по инициативе самого епархиального духовенства, содержатся на его же, духовенства, средства с небольшим пособием от церквей; посему направление общей деятельности сказанных учреждений, контроль их действий, отчет в израсходовании денежных сумм предоставить епархиальным съездам духовенства, которые, по рассмотрении на своих заседаниях всех вопросов, предложенных их рассмотрению, представляют

свои отзывы, замечания и предположения на усмотрение и заключение епархиального преосвященного, причем епархиальные съезды, по самому характеру подобных отношений к епархиальному преосвященному, будут представлять собой готовый посредствующий орган между епархиальными учреждениями и епископом, об учреждении какого органа выражено пожелание и в «предложении» г. обер-прокурора Святейшего Синода.

Об участии священнослужителей в общественных учреждениях

По вопросу об участии священнослужителей в сельских, земских и городских общественных учреждениях, как сказано в предложении Святейшему Синоду г. обер-прокурора, существуют два совершенно противоположных течения, имеющие убежденных сторонников из числа представителей церковного управления и богословской науки. По одним — такое участие, вводящее пастырей в круговорот мирских дел, совершенно несогласно с прямыми обязанностями и вечными началами пастырского служения. По другим — участие в общественных учреждениях пастырей Церкви, которым не должны быть чужды и мирские нужды своих пасомых, открывает широкое поприще для проведения и в этой области чистых христианских начал и для утверждения своего нравственного просветительного влияния. Но, по дальнейшему смыслу предложения, вышеозначенный вопрос может получить правильное разрешение не на одних теоретических основах, а и на существующих условиях действительной жизни и взаимоотношений. Следовательно, уже самим предложением г. обер-прокурора Святейшего Синода поставляется в задачу осветить этот вопрос со стороны потребностей действительной жизни и взаимоотношений между священнослужителями и населением. Что̀ же говорит действительная жизнь, и какие указания она дает для решения этого вопроса? Отвечая на это, должно сказать, что никто другой не стоит так близко к народу и не знает его нужд и потребностей духовных и материальных, как приходские священнослужители. Соприкасаясь самым тесным образом с народом по обязанностям своего служения, священнослужители, и особенно пастыри Церкви, имеют полную возможность быть осведомленными о всех запросах его, проникать в его думы, настроения и надежды, давать целесообразные советы и указания и, вообще, руководить его в устроении благополучия земной жизни в тесном единении с началами и целями жизни вечной. Таким образом священнослужители, и по задачам своего служения, и по положению в среде местного населения, являются ближайшими руководителями последнего. И нужно сказать, что простой деревенский народ так именно и смотрит на своих священнослужителей — пастырей. Опыт показывает, что помимо запросов духовно-нравственного и религиозного характера, с которыми народ обращается к священнослужителям, он нередко обращается к ним за советами и указаниями и практического значения — при выдающихся общественных делах,

подлежащих решению сельских собраний. Но влияние священнослужителей на течение общественных дел в лучших случаях этим только и ограничивается, так как доступ в самые собрания им законом не предоставлен. А между тем присутствие их здесь было бы и весьма желательным и, несомненно, благополезным для самого же сельского населения. Кто не знает, как часто непроизводительно и даже с прямым ущербом не только для материального, но и нравственного благосостояния расходуются общественные суммы? Кому неизвестно, что выборы в общественные должности, а равно и материальные сделки по разного рода отраслям сельского общественного хозяйства, нередко сопровождаются попойками? Можно с несомненностью полагать, что обязательное присутствие пастырей, с правом голоса, на сельских и волостных собраниях могло бы быть сдерживающим средством для народа и способствовало бы к устранению таких прискорбных явлений, а равным образом содействовало бы и более правильному и целесообразному решению самих дел и особенно — по предмету выбора должностных лиц, нравственная и экономическая благонадежность которых, под влиянием партийности или по особым побуждениям отрицательного характера, представителями обществ не всегда принимается во внимание. Кроме того, в круг ведения сельских и волостных собраний входят такие предметы, по которым мнение приходских священнослужителей представляется прямо-таки необходимым, каковы, например, вопросы о мерах общественного призрения и учреждения училищ.

Обращаясь засим к вопросу об участии священнослужителей в земских учреждениях, т. е. в уездных и губернских земских собраниях, следует с положительностью признать, что и здесь необходимость присутствия священнослужителей никак не может быть отрицаема. Названные земские учреждения ведают, по Положению оных, дела о местных пользах и нуждах уездов и губерний и, таким образом, обнимают своей деятельностью нужды всего населения уездов и губерний. В обсуждении таких вопросов, подлежащих ведению названных учреждений, каковы: а) попечение о призрении бедных и сирых, б) участие в мероприятиях по охранению народного здравия и изыскание способов к обеспечению местности в санитарном отношении и в) попечение о развитии средств народного образования и др. под., — голос священнослужителей, как опытно и ближайше знающих все местные условия и потребности, не только не был бы лишним, но мог бы принести большую пользу для целесообразного применения тех или иных мероприятий. За необходимость участия в земских учреждениях священнослужителей говорит и то обстоятельство, что при всяких общественных бедствиях, как например, при неурожае и пожарах, когда пострадавшим организуется общественная и благотворительная помощь, и при эпидемических заболеваниях, они почти всегда поставляются во главе местных организаций помощи того или другого рода, и уже тем самым как бы признаются самыми компетентными в местной среде лицами для руководительства указанными мероприятиями.

Что касается, наконец, участия священнослужителей в городских общественных учреждениях, то за неоспоримую целесообразность и желательность

такового говорит уже наличность значительности в числе подлежащих ведению их предметов таких дел, осведомленностью которых более всего обладают по своему положению священнослужители. Так, городским общественным учреждениям вверяется Положением попечение о призрении бедных и прекращении нищенства; а кому, как не городским священнослужителям, известна приходская беднота, и кто другой, как не они же, может указать из обращающихся за помощью действительно нуждающихся по своей физической неспособности к труду в помощи и людей, сделавших нищенство своим ремеслом, при полной способности к снисканию себе пропитания личным трудом? Поэтому-то, конечно, нередко заведующие благотворительностью по городскому общественному управлению от ищущих себе материальной помощи и требуют удостоверения бедности от приходских священнослужителей. Далее, в обсуждении таких дел, входящих в круг ведения городского общественного учреждения, как охранение общественного здравия и развитие средств народного образования, священнослужители могли бы, без сомнения, давать ценные указания своего опыта и широких наблюдений. А в вопросах предоставляемого городским общественным управлениям попечения об устройстве православных храмов и поддержании их в исправности и благолепии, а равно попечения об учреждениях, имеющих целью укрепление религиозного чувства и поднятие нравственности городского населения, они должны быть признаны безусловно самыми сведущими и авторитетными лицами.

Таким образом, указания житейского опыта с положительностью говорят за желательность, целесообразность и необходимость открытия священнослужителям широкого доступа во все ведающие народные нужды и потребности общественные учреждения; и если этот доступ в настоящее время в одни из сих учреждений (сельские и волостные сходы) закрыт совершенно, а в другие (городские и земские собрания) хотя и открыт, но с ограничением представительства одним лицом по назначению епархиального начальства, то с житейско-практической точки зрения это следует признать явлением ненормальным, — почему нельзя не выразить пожелания, чтобы в будущем священнослужителям в лице настоятелей приходских церквей были предоставлены по участию в этих учреждениях все те права, какими пользуются лица других сословий.

Ввиду изложенных соображений представлялось бы необходимо нужным узаконить, чтобы: а) на сельских сходах имел обязательное участие, с правом решающего голоса, настоятель приходской церкви, а на волостных сходах — настоятели церквей входящих в состав данной волости сел; б) в земские уездные и губернские собрания священнослужители избирались на одинаковых основаниях с гласными других сословий, и в) в городских общественных учреждениях присутствовали все настоятели местных приходских церквей, с правом передачи своих полномочий в уважительных случаях, вследствие которых сами они не могли бы присутствовать в собраниях оных, своим помощникам — священникам.

По вопросу о пересмотре законоположений существующего органа епархиального суда и преобразовании оного согласно с каноническими соборными правилами

Вопрос о преобразовании церковного суда — вопрос не новый. В 70-х годах прошлого столетия этот вопрос был предметом суждений в различных слоях общества. Обсуждался он и в Духовном Ведомстве, как видно из предложения Святейшему Синоду бывшего обер-прокурора г. Победоносцева. Ближайшим поводом к возбуждению общего интереса в вопросе о церковном суде служила, нужно полагать, реформа светского суда по началам Судебных Уставов 20 ноября 1864 года. Начала, положенные в основу этих законов, о полном отделении власти судебной от административной и об установлении независимой от суда власти обвинительной, желательно было провести и в суд Церкви и на этих началах преобразовать церковный суд.

Так как жизненный опыт подметил в существовавшем и существующем доселе духовном суде многие и очень важные недостатки, то нарекания, иногда и несправедливые, на существующий строй церковного суда не переставали раздаваться во все последующее время и до наших дней. А теперь в особенности всюду — и в обществе и в печати — раздаются очень резкие суждения о несовершенствах духовного суда, причем слово осуждения не оставляет в покое и лиц, ведающих этот суд, относя несовершенства духовного судопроизводства к нравственным недостаткам судящих. Указывают несовершенства духовного суда как в устройстве его, имея в виду объединение власти судебной и административной в духовных консисториях, так и в самом судопроизводстве, основанном на обязательности формальных доказательств, без предоставления судьям права постановлять решения по внутреннему убеждению, слагающемуся из совокупного рассмотрения обстоятельств дела; указывают на отсутствие публичности и гласности в духовном суде, что̀ будто бы набрасывает некоторую тень на достоинство самого правосудия; указывают на недостатки в следственном производстве и т. п. Справедливость указанных недостатков отрицать никто не будет, что̀, между прочим, и служит основанием убеждения в необходимости преобразовать судебную часть в Духовном Ведомстве.

Но прежде чем говорить о возможных и желательных изменениях в области суда духовного, необходимо кратко заметить, что̀ при решении данного вопроса должно служить главным и основным началом, от которого нельзя отступать, не нарушив целости и единства церковных установлений. Так как служение церковное есть особенное, отличное от других служений мирского характера, есть служение специальное, и проступки против этого служения носят чисто нравственный церковный характер, ничего общего не имеющий с нарушением каких-либо личных выгод и частных имущественных прав, то и значение духовного суда состоит не в охранении этих личных выгод и не в восстановлении нарушенных каких-либо частных имущественных прав (что̀ составляет предмет ведения суда светского), а в охранении целости и чистоты прав Церкви, ее законов и порядков. А поэтому главными основными начала-

ми в вопросе об усовершенствовании суда духовного должны служить не начала, положенные в основание законов гражданских по уставам 20 ноября 1864 года, — началам этих законов может быть усвоено второстепенное значение, — а начала именно церковные, выраженные в Священном Писании и церковных правилах; авторитетность этих источников церковного законодательства непререкаема.

Обращаясь к этим авторитетам, мы видим, что судебная власть в Церкви усвояется святым апостолам и их преемникам — епископам: 1 Тим. 5:19—20; пр. Апост. 32-е; I Всел. Соб. пр. 5-е; IV Всел. Соб. пр. 7-е, 23-е; Антиох. Соб. пр. 4-е, 6-е, 12-е; Карф. Соб. пр. 28-е, 37-е, 117-е, 121-е, 139-е; Сард. Соб. пр. 13-е, 14-е и др. Этому церковному суду подвергаются не только клирики, но и миряне: пр. Апост. 31-е, 43-е, 48-е, 51-е, 57-е, 63-е, 64-е, 66-е, 69-е, 70-е, 84-е; I Всел Соб. пр. 5-е; IV Всел. Соб. пр. 8-е; Антиох. Соб. пр. 6-е, 20-е и др. На основании сих законоположений, в сопоставлении с действующими в настоящее время правилами духовного суда, мы должны придти к заключению, что все недостатки духовного суда выражаются во внешней форме, а не в самой сущности суда; слагались эти недостатки под влиянием разных исторических условий и коренятся в самом устройстве этого суда и во внешних отношениях к обществу, а не в лицах, отправляющих духовное правосудие. Поэтому духовный наш суд не нуждается в коренном, радикальном его преобразовании; он требует только улучшений в соответствии с церковными канонами и современным юридическим правом.

На основании высказанных выше соображений проект изменений существующего духовного суда может быть представлен в следующем виде.

I

Право духовного суда в епархии должно принадлежать епархиальному епископу, как существенное и неотъемлемое его право.

Духовному суду подлежат лица белого и монашеского духовенства, церковнослужители и послушники, а также и лица светского звания по проступкам и делам, указанным в 148 ст. Уст. дух. консисторий.

Епископ производит духовный суд в епархии или непосредственно, или через лиц (непременно духовного сана), им назначаемых и утверждаемых. Избираются означенные лица из лиц городского и сельского духовенства, обладающих как теоретическим знанием церковных законов, так и рассудительностью, основанной на жизненной опытности.

II

Признавая практическое значение требования, принятого в Судебные Уставы 1864 года, об отделении судебной власти от административной, — желательно, чтобы и будущий духовный суд был выделен из административного учреждения в епархии, и установлены отдельные самостоятельные органы для

отправления суда в епархии из лиц духовного сана, которые, производя суд, не принимают никакого участия в делах администрации.

Низший орган духовного суда составляют духовные судьи (они же в потребных случаях и следователи). С этой целью епархия разделяется на несколько участков — в зависимости от количества церквей, а также и пределов епархии. В Симбирской епархии желательно разделение на четыре (4) уча-стка.

Духовный судья, имея священный сан, не может быть приходским священником и должен быть свободен от всяких обязанностей, не связанных со званием судьи, чтобы, не отвлекаясь сложностью и разнообразием обязанностей, быть на высоте положения как судьи.

Духовный судья судит единолично, на основании церковных законов, как по общим положениям суда церковного, так и по порядку судопроизводства над священником и прочими членами клира.

Примечание. В случаях, препятствующих судье по уважительным причинам (например, болезнь) нести свои обязанности, его заменяет судья ближайшего к месту судопроизводства участка.

Местожительство духовный судья избирает, по возможности, в центре участка.

Духовный судья, как лицо бесприходное, получает содержание в размере не менее 2500 рублей, с разъездными.

Следующий орган духовного суда есть епархиальный суд, учреждаемый отдельно от административного органа в епархии.

Епархиальный суд состоит из двух лиц священного сана штатных и двух сверхштатных с правом голоса, под председательством местного епископа.

Примечание. Председательствование в суде епископ может поручать одному из членов.

Члены суда, как штатные, так и сверхштатные, назначаются епископом из городского духовенства или, по предложению епископа, избираются духовенством и утверждаются епископом.

Члены духовного суда, для обеспечения их большей самостоятельности и независимости при суде в присутствии своего начальника-епископа, не могут быть увольняемы без прошения от должности судьи. Временному устранению от должностей как члены суда епархиального, так и участковые духовные судьи, подвергаются только в случае предания их суду, а окончательному отрешению от должности они подвергаются не иначе как по приговору суда.

Желательно, чтобы члены епархиального суда штатные не занимали мест приходских священников, а сверхштатные могут быть и приходские. Члены суда штатные получают содержание в размере 2500 руб.; сверхштатные, как приходские, — 400 руб.

Высший орган духовного суда представляет суд соборный при патриархе или митрополите.

Надзор за духовно-судебными установлениями принадлежит высшим в порядке подчиненности судебным местам; за духовными судьями — епархиальным судам, за сими последними — суду соборному.

III

В вопросе о судопроизводстве первее всего обращают на себя внимание два недостатка существующего судопроизводства в духовном суде: а) требование — при постановлении приговора — обязательности формальных доказательств и б) отсутствие гласности. В устранение сих недостатков желательно предоставление духовным судам права постановления приговора не только на основании формальных доказательств, но и по внутреннему убеждению судей, слагающемуся из совокупности обстоятельств, обнаруженных при следствии и суде.

Желательно также допущение в духовном суде гласности и публичности, с устранением канцелярской тайны. Устранением этих недостатков в духовном судопроизводстве, с одной стороны, сохранится должное уважение к каноническим началам суда (Мф. 18:15—16; Ин. 8:17; 2 Кор. 13:1; Апост. пр. 75-е), с другой — духовным судам дано будет необходимое оружие против лиц, небоязненно нарушающих присягу.

Приговор суда должен быть или оправдывающий, или обвиняющий подсудимого, без допущения оставления в подозрении. И при этом каждое дело может решаться не более как в двух инстанциях, причем приговор второй инстанции считается окончательным и обжалованью не подлежит.

О подсудности

Суду непосредственному епископскому подлежат: проступки неведения, нечаянности, каковы — пролитие Святых Даров, потеря дароносицы со Святыми Дарами и т. п., — такие проступки, где не могут быть приложимы формы открытого формального суда (155 ст. Уст. дух. конс. п. *а*); проступки против должности и благоповедения со стороны духовного лица, прежнее поведение которого было неукоризненно, — не произведшие вреда или соблазна, и о чем епископу будет известно непосредственно (155 ст. Уст. дух. конс. п. *б*), но не из жалобы частного лица, что̀ уже указывает на гласность проступка, а от этого и на соблазн; и, наконец, жалобы, приносимые с тем, чтобы виновного исправить архипастырским судом и назиданием без формального судопроизводства (155 ст. Уст. дух. конс. п. *в*). Не следует стеснять право обиженного искать не полного удовлетворения за обиду, а только некоторого, налагаемого не по формальному суду, а по суду архипастырскому; тем более и закон предоставляет доброй воле обиженного — не только искать удовлетворения за обиду, но и совершенно простить обидевшего. Во всех таких случаях епископ вызывает к себе виновного, испытывает его совесть и произносит свой приговор (который обжалованию не подлежит), назначая негласную епитимию.

Духовному судье в участке подсудны те незначительной важности дела, за которые полагаются низшие виды наказания: 1) замечание, 2) выговор без внесения в послужной список и 3) денежное взыскание, а также дела по взаимным спорам между духовными лицами из-за пользования движимой и недвижимой церковной собственностью и церковными доходами. Возникшие такого рода дела по частным жалобам, если могут быть окончены примирением, судья старается прекратить примирением сторон; а при неуспехе разбирает дело и постановляет мотивированный приговор, с изложением показаний свидетелей.

Все дела духовный судья разбирает на месте словесно и, по выслушании сторон, постановляет приговор, который и вносит в установленную для того книгу.

К разбору дела духовный судья приступает или по предписанию духовного начальства, или по сообщениям светских властей, или по частным жалобам потерпевших. Во всех сих случаях духовный судья действует в качестве суда первой инстанции, и приговоры его подлежат обжалованью в епархиальный суд.

Епархиальному суду подлежат дела по протестам против приговоров духовных судей — в качестве второй инстанции и окончательной; затем, дела о проступках духовных лиц против должности и благоповедения, влекущих за собой более строгие взыскания, как-то: заключение в монастырь, отрешение от места и исключение за штат, временное запрещение священнослужения с низведением на должность причетника, лишение сана и монашества и исключение из духовного звания и, наконец, все дела брачные и дела о проступках и преступлениях, подвергающих виновного публичной епитимии.

Во всех сил случаях епархиальный суд действует в качестве суда первой инстанции, и его приговоры и решения подлежат обжалованию в суд соборный.

Соборному суду подлежат дела по протестам и отзывам против приговоров епархиальных судов — в качестве суда второй инстанции и окончательной; затем, дела о настоятелях ставропигиальных монастырей, о членах епархиальных управлений и судов, о протопресвитере армии и флота и о лицах епископского сана. В сих случаях собор действует в качестве суда первой инстанции, и решения его могут быть обжалованы большему собору, решения которого— окончательные.

В делах, подлежащих епархиальному суду, желательно формальное следствие заменить следствием предварительным, причем свидетели сторон и все те лица, коих следователь найдет нужным допросить, допрашиваются без присяги, но с предварением о ней. Обязанности следователя возложить на участковых духовных судей. Этим можно избегнуть тех недочетов теперешних следствий, которые происходят вследствие неопытности лиц, коим поручается производство следствия и кои, будучи привлекаемы к исполнению сих обязанностей временно, не только не интересуются приобретением опытности в сем деле, но даже тяготятся этой обязанностью и при всяком удобном слу-

чае стараются уклониться от нее. Духовный же судья, в качестве постоянного следователя, может приобретать опытность, необходимую для следователя; как лицо, облеченное известными полномочиями и обязанностями, как постоянное должностное лицо, не связанное никакими близкими отношениями с обвиняемыми, духовный судья будет более независим, свободен в действиях, беспристрастен и справедлив.

Духовный судья, в качестве следователя, пользуется прогонными и суточными, на основании прим. к 156 ст. Уст. дух. консисторий.

Предварительное следствие представляется епископу, который дал распоряжение о том. Канцелярия пресвитерского совета, рассмотрев правильность производства следствия, составляет под наблюдением делопроизводителя доклад.

Судоговорение в епархиальном суде ведется гласно, в присутствии сторон, на обязанности коих лежит представить доказательства как обвинения, так и оправдания (свидетелей).

Примечание. В исключительных случаях, по усмотрению епископа, допускается негласное (при закрытых дверях) судопроизводство.

В постановлении приговора епископ участия не принимает, хотя бы и председательствовал, а приговор суда поступает на утверждение епископа, который имеет утвердить приговор или опротестовать.

Приговор в суде постановляется, на основании законов, единогласно или по большинству голосов; при равенстве голосов — записываются мнения обеих сторон; при этом суду предоставляется право, — при наличности обстоятельств, уменьшающих вину, — смягчать наказание.

Более подробная разработка всех отправлений духовного суда не входит в нашу задачу, и потому она нами и не намечается.

В заключение необходимо высказать пожелание, чтобы, при изменениях в духовном суде, было обращено должное внимание на недостатки существующего Устава консисторий.

Отличаясь неполнотой содержания, общностью предписаний и неопределенностью требований, Устав консисторий не может быть признан удовлетворительным. Необходимо издание полного и более подробного и ясного свода церковно-гражданских законов, вполне отвечающего требованиям суда духовного и исключающего необходимость обращаться к Своду гражданских законов, как это рекомендуется 195 ст. Уст. дух. консисторий.

Так как в нашей Церкви и доныне еще нет ни одного официально признанного текста канонического кодекса, а существующие редакции его (Кормчая иосифовского изд., Кормчая никоновского изд., Книга Правил св. апостолов, св. вселенских соборов и св. отцов, изд. 1839 г., и епитимийный Номоканон, помещаемый в Большом и Малом Требнике) весьма разнятся, как в составе канонических статей, так и в тексте одних и тех же правил, то необходимо также позаботиться об усовершении нашей канонической кодификации и издать такой официально признанный текст канонического кодекса, который бы действительно мог служить критерием при оценке как существующе-

го церковного устройства, так равно и при выработке новых форм, улучшений приспособительно к потребностям и запросам церковной жизни.

Что касается вопроса о правах и обязанностях в епархиальном управлении и суде представителя власти обер-прокурора, то решение его предоставляется усмотрению высшей власти.

Устройство православного прихода в религиозно-нравственном, благотворительном и просветительном отношениях

а) Приходский клир

Церковный приход есть религиозно-нравственная община, занимающая определенную территорию, объединяющая все обитающее на последней население вокруг своих центров и предназначенная для воспитания и укрепления своих членов в идеалах единой истинной религии Христовой. А так как сущность христианства — в любви к Богу и ближнему, то эти именно чувства и их следствия и проявления имеет своей целью развить в своих членах православный приход. Главным руководителем прихода в этой деятельности является приходский священник. В настоящее время и в светской и в духовной печати слышатся горькие жалобы на упадок прихода и церковно-приходской жизни, на отсутствие братолюбия, общительности и благотворительности во внутренней жизни прихода. Жалобы — основательные. Как же оживить приход, церковно-приходскую жизнь?

Как на одно из главных средств к оживлению прихода, указывают на восстановление выборного начала по отношению к приходскому духовенству: пусть-де члены приходского клира не будут никому неведомыми пришельцами, а избранниками прихода, излюбленными людьми, руководству которых добровольно подчиняют себя члены прихода; тогда и влияние пастырей на приход будет сильнее, и общительности между клиром и приходом, а также между самими членами прихода будет несравненно больше.

Применение выборного начала по отношению к приходскому духовенству имеет за собой основания 1) в Св. Писании (Деян. 14:23; Евр. 5:1; Тит. 1:5), 2) в истории Церкви первых трех веков, 3) в русском церковном законодательстве (Дух. Регл. приб. к ст. 2) и т. д. Но в древней Церкви избрание пастыря приходом было делом необходимости, так как епископы не имели в своем распоряжении специально подготовленных к пастырству людей (как в настоящее время); роль приходской общины в выборе пастыря была, таким образом, *вспомогательной* по отношению к епископу, была не столько правом, сколько обязанностью. С устранением этой необходимости, а также вследствие разных злоупотреблений, допускавшихся при избрании пастырей (Карф. Соб. пр. 64-е), Церковь своими канонами начинает ограничивать право участия мирян в избрании клира (Лаод. Соб. пр. 13-е; VII Всел. Соб. пр. 3-е), предоставивши право избрания и посвящения клириков епископу.

При возможности в настоящее время всех тех злоупотреблений, при избрании приходом членов клира, на которые указывает 64-е пр. Карфагенского Собора (подкуп влиятельных лиц прихода, закармливание и запаивание прихожан), применение выборного начала по отношению к приходскому клиру является в наше время или невозможным, или, по меньшей мере, затруднительным и по другим причинам.

Кого современная приходская (сельская) община может избрать себе в пастыри? Или а) священника другого, не особенно отдаленного прихода, или б) какого-нибудь своего односельчанина; а) приходский священник, выдающийся по своим умственным и нравственным качествам и по своей пастырской деятельности, иногда бывает всем известен в пределах целого уезда, и потому нет ничего мудреного, что осиротевшая приходская паства пригласит его к себе в пастыри. Но это поведет к переманиванию священников из прихода в приход, что̀ в видах и интересах нравственного влияния пастыря на пасомых не может быть признано желательным; кроме того, в случае уравнения всех приходских священников в средствах содержания (что̀ было бы желательно), подобные приглашения редко будут иметь успех. б) Что же касается самого прихода, то, при нынешнем состоянии просвещения в сельских приходах, он едва ли может из своей среды дать сколько-нибудь достойного кандидата на пастырское место. Постановление в приходские пастыри сельского начетчика или воспитанника второклассной школы, хотя бы прошедшего и дополнительный одно- или двухгодичный богословский курс, едва ли бы принесло надлежащую пользу, если бы они даже были и излюбленными приходом людьми. При быстром росте школьного просвещения народа, которого нужно ждать в ближайшем будущем, сама приходская община поймет умственное убожество своего пастыря и потеряет к нему надлежащее уважение; нечего уже и говорить о сельской интеллигенции, которая презрительным отношением к «темному» пастырю будет подрывать его авторитет в простом народе. Словом, говорить о понижении умственного развития приходского пастыря в то время, когда так настойчиво говорят о необходимости расширения умственного развития пастырей из семинаристов, по меньшей мере несвоевременно.

Итак, по вышеуказанным соображениям, дело избрания приходского клира не может быть в настоящее время предоставлено приходской общине. При существовании в настоящее время учебных заведений, имеющих своей целью готовить молодых людей к пастырству, при существовании поэтому целого комплекта подготовленных к пастырству лиц, по своим умственным и нравственным качествам известных епископу и по большей части совершенно неизвестных приходским общинам, — разумнее предоставить дело избрания кандидатов в состав приходского клира епископу (с советом из пресвитеров и, пожалуй, мирян), с предоставлением права приходской общине, — если ей действительно известно какое-либо лицо, *правоспособное* по умственным и нравственным качествам к занятию известной церковной степени, — ходатайствовать перед епископом о назначении им именно этого лица. Это право и доныне принадлежит приходским общинам de jure (указ Синода от 18 июля —

8 августа 1884 г.), но de facto некоторыми епископами отрицалось и отрицается.

б) Богослужение

Православное богослужение есть одно из главных выражений любви к Богу и лучшая школа для развития общительности среди членов прихода, ибо здесь, в храме, сотни душ сливаются воедино в славословиях, благодарениях и прошениях, соединяются души пастырей и пасомых, клира и народа. Так, по крайней мере, должно быть в идее. К сожалению, настоящая постановка православного церковного богослужения не вполне содействует этому молитвенному слиянию душ пастыря и пасомых. Не говоря уже о многих дефектах нашего богослужения, зависящих от *злоупотреблений* со стороны совершителей богослужения (излишняя торопливость, невнятность чтения и пения, рассеянность совершителей богослужения и собственная непроникновенность молитвенными чувствами), нельзя не остановить своего внимания на одной черте нашего богослужения, *освященной церковной практикой* и однако же ведущей к некоторому разъединению клира и народа. В то время, как клир возносит песни, благодарения и прошения и славословия, народ остается как бы в качестве постороннего слушателя; отсюда поразительная разница в настроении присутствующих за богослужением мирян в православных храмах, с одной стороны, и инославных — с другой, разница не в нашу пользу.

Необходимо привлечь мирян к самому близкому участию в богослужении, необходимо пение церковное сделать всенародным. Пусть оно будет не очень стройное (особенно вначале); но зато — как изменится к лучшему настроение молящихся!

Вторым недостатком настоящей постановки нашего богослужения, причиной малоучастливого к нему отношения мирян, является чрезмерная трудность языка богослужебных книг, богослужебных чтений и песнопений, не только для малограмотных, но и сравнительно образованных мирян. Желать перевода всех богослужебных чинов на русский язык и совершения на русском языке богослужения едва ли удобно: тогда бы наше богослужение утратило свою величественность и торжественность. Но нельзя не признать возможным и необходимым: а) упростить славянский текст богослужебных книг, б) исправить неправильности и неточности перевода их с греческого, особенно в Псалтири и канонах, в) заменить другими некоторые слова и выражения богослужебных книг, которые коробят слух («блядива», «блядующий», «понос», «нескверная» — по отношению к Богоматери, и многое другое).

в) Церковное хозяйство

Внешним выражением любви к Богу, развитие которой в своих членах имеет своей целью православный приход, являются заботы прихода о благолепии дома Божия — приходского храма.

В настоящее время эти заботы, с надлежащей ответственностью за внешнее благосостояние храма перед епархиальным начальством, фактически всей своей тяжестью лежат на приходском священнике, и без того обремененном не менее важными заботами о религиозно-нравственном просвещении и воспитании пасомых. Своевременно было бы часть этой тяжести с плеч священника переложить на плечи прихожан, *расширивши степень влияния и участия прихожан в хозяйстве приходского храма*, и это тем более, что такое расширение прав прихода в храмовом хозяйстве: а) отвечало бы назревающим требованиям со стороны самих приходов, б) служило бы естественным продолжением и дальнейшим развитием политики духовного начальства в этом отношении, — политики, которая состояла в постепенном расширении участия прихода в храмовом хозяйстве. (Справка: Инструкция церковным старостам 1808 г. предоставляет право приходским представителям, *если они не отрекутся*, участвовать в счете месячной церковной выручки — ст. 9; новая инструкция 1890 года это участие представителей прихода при счете месячной церковной выручки *считает обязательным* и предоставляет сверх того прихожанам право распоряжения церковными суммами, оставшимися не израсходованными за удовлетворением нужд общецерковных, епархиальных и нужд местного храма.) В настоящее время это участие выражается только: а) в присутствии двоих представителей прихода при месячном счете церковной выручки, б) в распоряжении церковными суммами, оставшимися не израсходованными за удовлетворением нужд общецерковных, общеепархиальных и нужд приходского храма, с разрешением употреблять эти суммы на просветительные и благотворительные цели в приходе. Так как ежемесячная проверка церковных сумм представителями прихода вовсе не гарантирует прихода и храма ни от неправильного и непроизводительного их расходования, ни от утаек и злоупотреблений; так как, за удовлетворением узаконенных нужд храмовых, общеепархиальных и общецерковных, от церковных сумм обыкновенно ничего не остается или остается очень мало, — то приходские общества, естественно, или не могут пользоваться, или неохотно пользуются и этими предоставленными им правами по храмовому хозяйству, а уполномоченные прихода при проверке церковных сумм, чувствуя свою бесполезность при известной юридической ответственности, часто прямо уклоняются от своей обязанности.

Посему казалось бы, что, за исключением из компетенции прихода церковных сумм, идущих на удовлетворение нужд общецерковных и общеепархиальных, все остальные суммы церковные должны находиться в распоряжении всего прихода и расходоваться согласно его распоряжениям и желаниям. Опасаться нерационального расходования этих сумм, *с забвением нужд собственно храма*, едва ли есть основания, так как и при допущении мирян к распоряжению церковными суммами не устраняется руководящая в этом отношении роль приходского пастыря, и так как современные прихожане скорее пренебрегут нуждами благотворительными и просветительными, но отнюдь не нуждами храма (большой колокол «Глас Божий», хотя бы и не особенно необходимый, предпочтут устройству богадельни и т. п.).

Кроме права распоряжения церковными суммами за указанными выше ограничениями, приходские общества должны получить возможность быть осведомленными о действительном поступлении церковных сумм. В этих видах следует предоставить приходу, по соглашению с причтом, право назначать продажную цену церковным свечам, венчикам и разрешительным молитвам, устанавливать цену за венцы для брачущихся и т. п. А так как церковные свечи в известное время (в Великий пост) поступают в продажу по нескольку раз и, следовательно, по продажной цене их трудно узнать действительную сумму, полученную от их продажи, то приход должен получить право через доверенных лиц учитывать церковного старосту.

Кроме сумм свечной, кружечной и кошельковой, в приходо-расходных книгах церковных числятся суммы так называемые переходящие. Эти суммы, временно поступая в церковь, назначаются на разные нужды общецерковные и общеепархиальные и поступают в особые кружки. Кроме того, на эти же, не имеющие ничего общего с интересами приходского храма, нужды по распоряжениям свыше, производятся особые сборы в большие праздники, когда храмы особенно посещаются народом и когда пожертвования бывают наиболее значительны. Этот десяток кружек, эти специальные сборы лишают приходский храм кружечных доходов и отнимают у прихожан охоту к пожертвованиям. Не мешало бы, оставляя за общецерковной и епархиальной администрацией право предлагать приходским храмам различные специальные сборы и кружки, предоставить приходским общинам право допускать или не допускать в своих храмах подобных сборов и кружек.

Еще бы больше, несомненно, прихожане интересовались хозяйством храма, если бы с храма не бралось обременительных сборов в пользу центрального церковного управления и епархиального; но: 1) избежать этих поборов по многим практическим соображениям в настоящее время невозможно; 2) подобного рода сборы производились, хотя и в меньшем размере, и тогда, когда церковно-приходская жизнь била ключом — при митрополитах и патриархах; 3) в духовно-учебных заведениях, на которые главным образом идут эти сборы и в настоящее время обучается известное число детей мирян, а в будущем, по реформировании их в известном направлении, будет, вероятно, гораздо больше; 4) часть церковно-свечной суммы идет на содержание церковно-приходских — народных школ.

Считая неизбежным употребление известной части церковных доходов на епархиальные нужды, мы, однако, полагаем, что, подобно отчислениям на общецерковные нужды, отчисления на нужды епархиальные раз навсегда должны быть по своему количеству строго определены.

г) Вспомогательные приходские учреждения (попечительства и братства)

Целям оживления приходской жизни служат или, по крайней мере, должны служить приходские попечительства и братства.

Имея своей задачей помощь храму и духовенству, просвещение прихода и благотворение неимущим в приходе, церковно-приходские попечительства являются учреждениями частными, в которых, однако, участвуют в качестве членов — между прочим — избранники прихода, и правильность расходования сумм которых контролируется обществом через особых доверенных лиц общества. Некоторые желали бы реформировать приходские попечительства в таком направлении, чтобы они сделались исполнительными органами всего прихода (приходскими советами), олицетворяемого приходским собранием, и таким образом положить на весь приход in corpore все заботы о религиозно-нравственных, благотворительных и просветительных нуждах прихода, образовать из приходской общины самостоятельную, самодовлеющую единицу.

Но между возложением de jure на приходские общества известных задач и действительным осуществлением приходским обществом этих задач — громадная пропасть. Целое столетие, вплоть до крестьянской реформы Александра II, при господстве крепостного права и усиленной централизации, сельские приходские общества настойчиво отучались от всякой самодеятельности и потеряли к ней, действительно, и склонность и способность. Можно ли одним взмахом пера привить приходским обществам эту склонность и способность? Нет, нужно сначала развить в приходском обществе церковно-приходские чувства, развить путем примера, путем частных учреждений. «Нужно начать с закрепления братолюбивых связей между священником прихода и хотя бы небольшой группой истинно преданных делу церкви прихожан, которые, несомненно, существуют в каждом приходе. Эта связь явится живою ячейкой в приходе, и этот первоначальный кружок самым своим существованием и совершением добрых дел постепенно притянет к себе силой веры и любви других прихожан, и таким образом возникнет естественным путем крепкая приходская община» (*Папков*. «Необходимость обновления православного церковно-приходского строя»).

Пусть же учреждаются в приходах попечительства, пусть учреждаются братства с возможно широкими и разнообразными религиозно-нравственными задачами, пусть они внедряют в приходские общества церковно-приходские мысли и чувства! Когда приходские общества в достаточной мере проникнутся церковно-приходскими идеями, тогда можно будет подумать об учреждении самодовлеющих в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях приходских общин с их приходскими советами в качестве исполнительных органов.

Но, скажут, церковно-приходские попечительства призваны к жизни еще с 1864 года, однако так мало сделали для оживления приходской жизни. Действительно, деятельность церковно-приходских попечительств нельзя признать успешной. Причина этой неуспешности заключается отчасти в самом Положении о приходских попечительствах, отчасти — в ненормальном положении инициатора в церковно-приходской деятельности — приходского священника, в ненормальном положении, лишающем его должного пастырского

влияния на прихожан. Указывая задачи попечительства, Положение на последнем месте среди задач попечительства ставит благотворительную деятельность, не имея, может быть, в виду отметить этим меньшую важность благотворительных задач приходского попечительства сравнительно с другими его задачами. Но как бы то ни было, существующие церковно-приходские попечительства самую малую долю внимания из всех задач попечительства уделяют благотворительности. Между тем, благотворительность нужно бы поставить главной и важнейшей задачей приходских попечительств: 1) видя помощь, оказанную попечительством потерпевшему, например — от пожара, многие прихожане охотно внесут свою посильную лепту в пользу попечительства, не только из чувства христианского сострадания к потерпевшему, но и из-за надежды, при подобных же неблагоприятных обстоятельствах, воспользоваться помощью попечительства; 2) благотворение бедным, составляя нравственную обязанность *каждого* христианина, без различия вероисповедания, если оно будет составлять главную задачу попечительства, может привлечь в попечительство пожертвования даже со стороны инославных и, может быть, раскольников; 3) на этой почве, на почве любви и милосердия к ближнему, может произойти сближение и примирение духовенства и интеллигенции, так как взаимная деятельность их в пользу ближнего будет иметь своим следствием и общность их интересов и взаимное уважение.

Второй причиной малоуспешной деятельности приходских попечительств является, как мы выше сказали, ненормальность положения приходского священника, лишающая его должного нравственного влияния на приход. Эта ненормальность заключается в настоящем способе материального обеспечения духовенства. Нужно избавить приходского пастыря от унизительной необходимости протягивать свою руку к прихожанину после каждой требы. Пусть какое-нибудь общественное или казенное учреждение возьмет на себя обязанность справедливого, соответственно достатку каждого прихожанина, обложения прихода в пользу клира; пусть клир от этого учреждения получает вознаграждение за свои труды. Тогда не будет этого массового бегства молодых людей от пастырства, тогда лучшие люди пойдут в сельские пастыри (ибо деятельность сельского пастыря сама по себе весьма симпатична); тогда отпадет с души пастыря та тягота, которая совершенно сковывает его энергию; тогда и прихожанину будет легче, ибо платить в пользу клира он будет сообразно со своим достатком, равномерно и постепенно; тогда можно будет надеяться на оживление церковно-приходской жизни.

Кроме изменения нынешнего способа материального обеспечения духовенства, в видах усиления пастырского влияния священника на приход и оживления церковно-приходской жизни, нужно предпринять и многое другое: нужно, например, освободить приходского пастыря от всяких полицейских обязанностей, от всего, что̀ пахнет сыском; нужно искоренить из души пастыря воспитанное веками рабское чувство и через то развить в нем сознание своего пастырского достоинства — необходимое условие истинно полезной и истинно благотворной деятельности.

Кроме того, представлялось бы весьма желательным освободить пастырей Церкви и вообще священноцерковнослужителей, в пределах возможного, от лежащей на них тяжелым бременем и много затрудняющей их в исполнении прямых обязанностей своего служения — обязанности по ведению переписки с разного рода светскими учреждениями и лицами, как, например — по доставлению статистических сведений и разнородных справок, удовлетворение предъявляемых которыми требований, часто произвольных и не имеющих границ, нередко обращает их в канцелярских чиновников. Равным образом, не менее желательным является и освобождение их от собирания документальных сведений для установления беспрепятственности ко вступлению в брак жениха и невесты и составления предбрачного обыска, так как строгое исполнение в этом отношении требований закона обычно сопровождается несправедливыми и обидными для священноцерковнослужителей нареканиями в притязательности и неблаговидном желании извлечь себе материальные выгоды, последствием чего нередко бывает возникновение между священноцерковнослужителями и прихожанами ненормальных отношений. Причем казалось бы совершенно возможным, с освобождением священноцерковнослужителей от этой тяжелой обязанности, а) поручить исполнение таковой подлежащим полицейским учреждениям и б) для бóльшего обеспечения правильности совершения браков и предотвращения со стороны брачущихся злоупотреблений, возложить на них и поручителей ответственность перед законами за вступление в брак с нарушением установленных церковными и гражданскими законами правил относительно возраста, родства и др., с тем, чтобы перед совершением браков священноцерковнослужителями от тех и других отбирались собственноручные подписки с удостоверением отсутствия препятствий ко вступлению в брак и с обязательством принять на себя ответственность перед законом за неправильность данных показаний; и в) за священноцерковнослужителями же оставить: производство в церкви установленных оглашений, разбор степеней родства между вступающими в брак, по заявлениям о том как их самих, так и сторонних лиц, и, наконец, совершение самого таинства и внесение о том записи в метрическую книгу. Особенно желательно освобождение от вышеуказанной обязанности священноцерковнослужителей городских, в приходах которых обычно имеется много временно проживающих лиц, собирание о которых требующихся законом предбрачных сведений сопряжено бывает с крайними затруднениями и медлительностью и, при нежелании заинтересованных лиц считаться с требованиями закона, порождает в последних недовольство, которое всей тяжестью обрушивается на голову совершенно неповинных священноцерковнослужителей.

Советы по делам миссионерским и братским

Приходские братства объединяются в своей деятельности в епархиальных братствах, имеющих своими руководителями епархиальных преосвященных.

Православные церковные братства уже успели сослужить службу православию и русской народности в Юго-Западном крае, начиная с XV века. Возникшие во второй половине истекшего столетия братства у нас имеют корень и сродство с древними братствами не только по происхождению, но и по своим внутренним началам: у них тот же дух христианской любви, тот же источник средств существования — добровольная складчина и пожертвования, та же главная цель их существования — посильное служение делу православной веры и русской народности. Различие между прежними и нынешними братствами заключается в том, что тогда они должны были действовать при иноверном правительстве (католическом), ввиду явной опасности православию и русской народности от латинян и домашних изменников православию. Нынешние братства существуют при покровительстве церковной и гражданской власти, призваны на дело, составляющее предмет заботливости той и другой. Правда, в настоящее время, с изданием указа о веротерпимости 17 апреля текущего года, положение братств изменяется в сравнении с тем, какое они имели до этого времени: необходимо более энергичное действие самих братств, ввиду свободы исповедания глаголемых старообрядцев и сектантов, теперь с особенным энтузиазмом старающихся об увеличении числа своих последователей на счет православных.

Не много сравнительно прошло времени после издания указа о веротерпимости, а уже в повременных изданиях появляются такие известия, как например в постановлениях «областного съезда миссионеров южных епархий текущего года». В этих постановлениях сообщается, что «среди сектантов (после указа) обнаруживается сильный подъем духа», что «сектанты сильнее организуются: устраивают всероссийские и местные съезды с сильной помпой, значительно увеличивают состав специальных платных проповедников, проектируют открытие специальных проповеднических школ, усиливают прежние сношения с заграничными братьями по вере, молитвенные собрания обставляют с блеском, при участии своих братий со стороны», и вообще усиливается внешняя организация сектантских обществ. Правда, отмечается в рассматриваемых постановлениях, что с изданием указа о веротерпимости «миссия освободилась от глубоко несправедливых, но упорных нареканий общества в наклонности к сыску, репрессии и соучастии с полицией», что «сектанты, возможно, будут относиться к миссии откровеннее, прямее» и что «ореол мученичества гонимых за веру снят с сектантства»; но, тем не менее, в 1-м пункте постановлений заявляется, что «освобождение сектантов от ограничительных мер Правительства должно вызвать большой подъем энергии среди миссионеров». А мы добавим — и среди членов братств и миссионерских комитетов и комиссий. Не безынтересны, в смысле уяснения современных задач братств и миссионерских комитетов, постановления 6-го «всероссийского старообрядческого съезда в Нижнем Новгороде», разрешенного Правительством, бывшего в начале (2—5) августа текущего года. Участвовали в нем последователи так называемого австрийского толка; присутствовали некоторые именуемые их епископы, представители клира и мирян. — «Со-

веты всероссийских съездов, всероссийского старообрядческого церковно-общественного попечительства» объединяют деятельность братств и приходских общин глаголемых старообрядцев. На августовском съезде сделаны были постановления и распоряжения о выдаче денежных субсидий на построение моленных и старых храмов в Олонецкой, Пермской и других губерниях; об учреждении в Москве особого постоянного совещательного отделения «попечительства» для выдачи справок, указаний, советов и вообще всего того, что̀ может принести пользу именуемым старообрядческим общинам; устав общин был дополнен положениями, что все члены общины, достигшие совершеннолетия, должны быть допускаемы на общие собрания, причем приход считать там, где есть храм; членов совета общины выбирают на три года. Вообще, съезд позаботился об организации приходских общин. Заслушаны далее следующие доклады: об учреждении средних старообрядческих училищ и об училищах вообще, о желании, чтобы старообрядческие священники были и законоучителями в школах, об улучшении церковного пения в школах, о поддержке редакции «Старообрядческого Вестника», об учреждении хранилища древностей в Нижнем Новгороде и т. п., и т. п.

Эти постановления указывают на большую внешнюю организацию последователей австрийского толка и на сплоченность членов разных именуемых старообрядческих братств и попечительств.

Православные существующие епархиальные братства могут быть разделены на два разряда: одни их них имеют чисто миссионерские задачи и цели, а другие имеют и иные, кроме миссионерских, цели. В общем, конечно, так или иначе они стремятся к осуществлению целей, намеченных в правилах, Высочайше утвержденных 8 мая 1864 г., относительно братств: «Православными церковными братствами именуются общества, составляющиеся из православных лиц разного звания и состояния, для служения нуждам и пользам Церкви православной, для противодействия посягательствам на ее права со стороны иноверцев и раскольников, для созидания и украшения православных храмов, для дел христианской благотворительности, для распространения и утверждения духовного просвещения» (§ 1-й прав. 1864 г.). В «Церковных ведомостях» за 1895—1896 годы помещен ряд статей г. А. П. о состоянии епархиальных братств на основании отчетов их за 1894 год. Эти отчеты интересны для сравнения деятельности братств разных епархий. Позволим себе очень кратко привести некоторые данные из отчетов братств: 1) чисто миссионерских и 2) имеющих и другие задачи, кроме миссионерских, — разумеется, более типичные.

Почтенное положение среди миссионерских братств занимает противораскольническое братство Св. Креста в Нижнем Новгороде, по отчету за 1894 г. В пределах епархии трудились 43 миссионера, 8 священников, не числившихся миссионерами, но ведших частные и публичные беседы. Публичных бесед в течение года было 575, частных 87, а всего 662 беседы. Обращено в православие 450 человек. Отделений братства было 18. Программы собеседований с раскольниками печатались заранее в повременных изданиях. В по-

следние годы братство участвует и нравственно и материально в организации бесед с раскольниками, которые ведутся во время Нижегородской ярмарки.

Как чисто противосектантское братство, пользуется известностью Свято-Андреевское братство в Одессе. Число миссионеров в нем с каждым годом увеличивается. Братство стремится к тому, чтобы и окружные миссионеры-священники были свободны от приходов. В 1894 г. в миссионерские библиотеки было приобретено 200 книг; после бесед роздано 62 000 экз. брошюр, листков противосектантских; обратилось из штундистов 116 человек.

Из братств, имеющих — кроме миссионерских, — и другие задачи и цели, остановим внимание на рязанском братстве св. Василия.

Это братство оказывает значительную денежную помощь (1321 руб. в 1894 г.) школам церковным, находящимся в приходах, зараженных расколом и сектантством, снабжает библиотеки этих школ противораскольническими книгами и брошюрами, располагает учителей таких школ, с семинарским образованием, к ведению бесед с отступниками от православия, издает миссионерский журнал «Миссионерский Сборник», содержит епархиального миссионера и некоторых окружных, распространяет по церковным библиотекам проповеднические сборники и разные пособия для внебогослужебных бесед, имеет собственную типографию, приют для детей. При братстве для удобства существуют комитеты: 1) проповеднический, 2) миссионерский, 3) попечительный для заведования церковными попечительствами, 4) распорядительный для заведования хозяйственной частью братства (типография и приют).

Несомненно, что православные братства принесли много пользы святой Церкви. «Но в последнее время, — пишет профессор Н. И. Ивановский, — веяния как-то изменились, живое участие общества стало как-то игнорироваться, сама идея братств — суживаться до простой подачки денег и их раздачи по указаниям и утверждениям властей. Общество таким образом отдалялось от дел, и жизнь многих братств захудала. И примечательное явление: в то время, когда братства наши стали терять свой живой первичный характер и получать формально официальный, когда общество стало мало-помалу сторониться от них, так что местами (конечно, не везде) духовенство одно в них и осталось, — в расколе они получили наибольшее развитие, под названием «попечительств», «духовных советов» при участии мирян, — которые (советы) решают все важные церковные дела и объединяются в советах всероссийских съездов и попечительств»... Итак, мы смело можем указать на необходимость оживления и дальнейшего развития братств, при объявленной свободе расколо-сектантства, чтобы в *борьбе с ним привлечь все слои общества*... Деятельность братств может оживить жизнь церковную и с положительных сторон, выведет ее из тесных рамок и стен разных канцелярий и рабочих бюрократических кабинетов. Братчики, под высшим зорким и любвеобильным только наблюдением епископа, пусть действуют по своему усмотрению, где и как — по указанию жизни — находят лучшим и целесообразным. Всякий пусть скажет свое слово, сделает свое дело в пользу своей Матери-Церкви.

В общем, с отзывом достопочтенного профессора о братствах трудно не согласиться: оживление деятельности братств, через деятельное участие и мирян, необходимо ввиду возможности перехода расколо-сектантского мира из оборонительного в наступательное положение.

Внешняя организация братств, выработанная годами, может остаться прежняя. Епархиальные братства будут объединять деятельность уездных отделений братств, а последние в свою очередь послужат объединяющим центром для городских и приходских братств. Бóльшая доля самостоятельности должна быть предоставлена советам братств епархиальным, уездным и приходским в расходовании местных средств на местные нужды до известных пределов, причем, разумеется, городские братства должны помогать приходским сельским. При советах епархиальных братств, из членов их, с приглашением нужных и сведущих лиц, могут быть организуемы комитеты: проповеднический, с назначением рекомендовать и рассылать выдающиеся сборники проповедей и внебогослужебных чтений в приходы, вырабатывать программу последних и всячески содействовать усилению пастырской проповеди в приходе; миссионерский, школьный, хозяйственный и другие, вызываемые нуждами и потребностями епархии. Члены советов, избираемые на общих собраниях, должны быть одушевлены желанием принести посильную помощь и пользу для дела православия и святой Церкви. Деятельность братств — просветительная, миссионерская и благотворительная.

Выделять миссионерские комитеты в отдельные учреждения от братств в настоящее время не представляется удобным; ныне, по заявлению профессора Ивановского, к миссионерской деятельности должны быть привлечены по возможности все члены Церкви. Вот почему и миссионерские вопросы должны быть предметом интересов всех членов советов братств, хотя в частностях и подробностях они могут быть рассматриваемы в миссионерских комиссиях при братствах на предварительных обсуждениях.

В частности, для плодотворности миссионерской деятельности братств, в советах братств должны принимать деятельное участие епархиальные миссионеры, которые, для оживления миссионерского интереса в членах братств, должны свои годовые отчеты, составленные на основании отчетов окружных миссионеров, представлять в советы братств. Эти же последние, по рассмотрении их миссионерской комиссией при братстве, со своими заключениями представляют их в советы пресвитеров при епископе, вообще — на рассмотрение епархиальной власти. Миссионеры своими докладами ... оживляют миссионерскую деятельность братств, точно так же как и окружные миссионеры подобными же докладами заинтересовывают членов отделений епархиальных братств. Миссионеры могут быть и из разных сословий, лишь бы они были знающие и преданные святой Церкви люди. Вот как изображает современную и желательную деятельность миссионеров маститый расколовед профессор Н. И. Ивановский: «Мы и сейчас понимаем, — говорит он, — миссию не как только ведение публичных бесед. И публичные беседы нужно провести, и в частных домах — где случится — поговорить, и местного священника

поруководить, и совет ему дать, и обратившихся поддержать, а иногда и воспитать, и материальную помощь организовать и оказать, и в церкви при богослужении побывать, с народом православным помолиться, и вразумление ему преподать, и в школу детскую заглянуть, доброе слово сказать детям, или учителя и учительницу направить, и многое другое, чтобы всех расположить к Церкви. Теперь есть разные загородки, частью законовоспретительного, частью административного свойства. Но, с новым положением вещей, сами собой падут эти загородки, и жизнь поставит миссионерский вопрос ребром; тогда обнаружится, что миссионерского дела так много, что на две жизни хватит. И все это нужно делать не начальственно-бюрократически, а душевно побратски». Советы братств заботятся и стараются о более частых съездах миссионеров и пастырей приходов, зараженных расколом и сектантством, для обмена мыслями по миссионерскому делу, для выработки лучших приемов борьбы с отступниками от православия.

Помогая денежной помощью церковным школам (а иногда и свои устраивая), советы братств должны содействовать тому, чтобы в церковных школах второклассных и одноклассных, а по нашему мнению — и в епархиальных женских училищах, было введено, при прохождении Закона Божия, изучение в кратких чертах истории и обличения раскола и сектантства.

Деятельность советов братств, конечно, будет более плодотворна при усилении деятельности приходской миссии. Приходские пастыри должны помнить, что они дадут ответ Богу за свою паству, если кто-нибудь из нее отпадет от православия. А между тем нужно ждать, что расколо-сектантский мир, после закона о веротерпимости, займет воинствующее положение и обрушится на приходы. Вот почему в семинариях, где подготовляются пастыри Церкви, предметам миссионерским «должно быть отведено особо видное место», должно быть по возможности увеличено число уроков, хотя и немного (на 1—2 ур.). Но приходские священники должны, для успеха миссионерского дела, организовать «миссионерские кружки», «братства» из более ревностных к Церкви прихожан, более отзывчивых на нужды духовные и материальные, могущих помочь им в деле борьбы с иномыслием. И теперь в тех приходах и местностях, где в помощь миссионеру и священнику являются 5—10 человек прихожан, хотя и немного знающих, кое-чему научившихся из бесед и чтения книжек, но отличающихся ревностью к Церкви, там борьба бывает успешна и плодотворна. При новом положении вещей потребность в этих кружках значительно увеличится. Устройство кружков-братств должно входить в задачу пастырства, чтобы не остаться ему одиноким против наплыва врагов Церкви. Пастыри укажут членам «кружков» дело, которое они сами распределят между собой. Не нужно писать и подробных инструкций и правил для этих членов: жизнь укажет, что̀ делать. Кружки эти находятся в ведении отделений братств.

Таким образом, епархия должна быть покрыта сетью приходских братств, миссионерских кружков, объединенных в епархиальных братствах с их уездными отделениями.

Положение православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверцам по Высочайше утвержденным постановлениям Комитета Министров от 17 апреля 1905 года об укреплении начал веротерпимости

I. По общим началам веротерпимости

Постановления 17 апреля:

1) Признать, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало.

2) Признать, что, при переходе одного из исповедующих ту же самую христианскую веру супругов в другое вероисповедание, все не достигшие совершеннолетия дети оста-

Прежние законы:

Ст. 38 Уст. о пред. и пр. прест.: «Как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер, запрещается отступить от нее и принять иную веру, хотя бы то и христианскую».

С. 40: «Кто уклонится в иную веру от православия, или жену свою православную принудит или попустит принять иную веру, или детей будет крестить в иную же веру, а наипаче ежели принудит или попустит, оставив православие, быть в иной вере, тот подвергается ответственности на основании постановлений уложения о наказаниях».

Ст. 41: «Отступившим от православной веры лицам воспрещается впредь до возвращения их в православие иметь жительство в имениях их, населенных православными. Имения сии берутся на все сие время в опеку, которая должна учредиться и действовать на основании существующих постановлений; но в ней не могут участвовать ни муж отступившей от православия, ни жена изменившего православию».

То же см. ст. 188 Уложения о наказаниях.

Ст. 190 Улож. о наказ.: «Родители, которые, быв обязаны по закону воспитывать детей своих в вере православной, будут крестить их или приводить к прочим таинствам и вос-

ются в прежней вере, исповедуемой другим супругом, а при таком же переходе обоих супругов дети их до 14 лет следуют вере родителей, достигшие же сего возраста остаются в прежней своей религии.

питывать по обрядам другого христианского исповедания, присуждаются за сие к заключению в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и 4 месяцев. Дети их отдаются на воспитание родственникам православного исповедания или, за неимением оных, назначаемым для сего от Правительства опекунам, также православной веры. Тому же наказанию подвергаются и опекуны, которые будут воспитывать вверенных им детей православного исповедания в правилах другого вероучения. При сем они немедленно устраняются от опеки».

Ст. 188: «Отступившие от православного в иное христианское вероисповедание отсылаются к духовному начальству для увещания, вразумления и поступления с ними по правилам церковным. До возвращения их в православие, принимаются Правительством для охранения их малолетних детей от совращения указанные в законах меры. В имениях их, населенных православными, на все сие время назначается опека, и им воспрещается иметь в оных жительство».

Из сопоставления прежних законов с постановлениями Комитета Министров от 17 апреля усматривается:

а) по смыслу прежних законов, православным воспрещено было совершенно изменять своей вере; по новым — каждому предоставляется полное произволение выбирать ту или иную веру;

б) и не только для себя, но и для детей, ибо дети, не достигшие 14-летнего возраста, в случае перемены веры родителями «следуют за ними» по выражению 2 п. постановлений, а по 1 п. достигшие совершеннолетия сами могут переменить прежнюю веру на новую без ограничения каких-либо гражданских прав;

в) в случае обращения одного из родителей в православие обратившийся лишается права присоединить к православию своих несовершеннолетних детей, которые «остаются в прежней вере, исповедуемой другим супругом»;

г) хотя выписанные статьи прежних законов, имевших в виду обеспечить неприкосновенность веры православных несовершеннолетних детей, а равно и православных, проживающих в имениях отпавших, наложением опеки на имение, — и не отменены прямо и решительно, но должны уже сами собой на практике вовсе не применяться по 1 п. постановлений, так как «перемена веры не влечет за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий». Предупредительные меры прежнего законодательства, очевидно, имели в виду не карательную цель для отпавшего, а возможное его развращающее влияние на веру окружающей среды. Поэтому отмена сих мер грозит большой опасностью для Церкви православной, так как известно, то всякое отпавшее лицо всегда является полным фанатизма в распространении своей новой веры.

Но этим весь вред для православной Церкви новых постановлений не исчерпывается. Конечно, Церковь мало нуждается для поддержания своего достоинства во внешних ограждениях, которые притом в жизни никогда не применялись; а равно и отпадение отдельных слабых в вере личностей не грозит целости всей Церкви. Опасность отечественной Церкви угрожает в другом отношении, а именно: по основным государственным законам «первенствующая и господствующая в империи вера есть христианская православная кафолическая восточного исповедания» (ст. 73 Уст. о пред. и пр. прест.); только «одна она имеет право в пределах государства убеждать не принадлежащих к ней подданных к принятию ее учения о вере» (ст. 78). Посему остальные все иноверцы не только не имеют права пропаганды своей веры среди православных (ст. 93), но и духовенство их лишено права совершения треб для совратившихся православных (ст. 193 Улож. о наказ.). Этого своего господствующего положения, с изданием новых постановлений, православная Церковь лишается и становится в разряде иноверных обществ. Признание отпавшего от православия лица принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало, само собой дает право инославному духовенству совершать требы для совратившегося и возможность влиять через него на его семейство и на других так или иначе соприкасающихся с ним лиц. Таким образом, новыми постановлениями открывается полный простор для инославной пропаганды, и веротерпимость к инославным исповеданиям допускается в явный ущерб государственному положению православия. Посему, в предотвращение стеснения свободы личности в делах веры, с одной стороны, и в ограждение православных от соблазнов пропаганды, я полагал бы целесообразным формулировать новые постановления приблизительно следующим образом:

1) Признать, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно повлечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий. Но в случае совращения отпавшим в новую веру лиц православного исповедания, находящихся от него в какой-либо зависимости, действие сего узаконения прекращается за силой ст. 41 Уст. о пред. и пр. прест. и 188 Улож. о наказ.

2) Отпавшее от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало, когда после надлежащих увещаний получит от своего духовного начальства удостоверение о сознательном и свободном от каких-либо влияний уклонении от православия и настойчивом намерении покинуть оное.

3) Дети отпавших, не достигшие совершеннолетия, остаются в православной вере, и религиозное попечение о них поручается особенному вниманию настоятелей прихода и восприемников сих детей.

4) Разрешить христианам всех исповеданий принимаемых ими на воспитание некрещенных подкидышей, детей неизвестных родителей, крестить по обрядам своей веры.

5) Все законы гражданские и уголовные, ограждающие веру последователей российской православно-кафолической Церкви, а равно и ее господствующее положение в православном Российском государстве — остаются в полной силе и неприкосновенности.

II. По именуемому старообрядчеству и сектантству

1) Установить в законе различие между вероучениями, объемлемыми ныне наименованием раскол, разделив их на три группы: а) старообрядческие согласия, б) сектантство и в) последователи изуверных учений, сама принадлежность к коим наказуема в уголовном порядке.

2) Признать, что постановления закона, дарующие право совершения общественных богомолений и определяющие положение раскола в гражданском отношении, объемлют последователей как старообрядческих согласий, так и сектантских толков; учинение же из религиозных побуждений нарушения законов подвергает виновных в том установленной законом ответственности.

Примечание: Сектанты всех толков не могут быть избираемы на общественные должности волостных старшин, сельских старост и их помощников в местностях, имеющих православное население.

3) Присвоить наименование старообрядцев, взамен ныне употреб-

Этот пункт не может быть принят Церковью, и гражданское Прави-

ляемого названия раскольников, всем последователям толков и согласий, которые приемлют основные догматы Церкви православной, но не признают некоторых принятых ею обрядов и отправляют богослужение по старопечатным книгам.

4) Признать, что сооружение молитвенных старообрядческих и сектантских домов, точно так же, как разрешение ремонта их и закрытие, должны происходить применительно к основаниям, которые существуют или будут постановлены

тельство едва ли имеет компетенцию решать $2^1/_2$-вековой спор в пользу раскола. Название «старообрядец» не выражает сущности отношения именуемого сим термином лица к Церкви, которая вовсе не признает себя новообрядческой. Это наименование дают ей раскольники, и, если Правительство желает переменою имени щадить самолюбие раскольников, то оно тем самым унижает Церковь. Самое точное, справедливое и канонически правильное общее название всем, не соединяющимся с Церковью из-за обрядовой разности, есть «раскольник» — название прежнего законодательства. Но так как это название выражает только отношение отступников к Церкви, а не отношение толков между собой, то в отдельности к каждому лицу, судя по его принадлежности к какому-либо толку, должно быть усвояемо наименование: «раскольник поморского толка», «раскольник австрийского окружнического толка» и т. д. Старообрядчества в общем смысле нет, а есть бесчисленное множество раскольнических партий, толков и согласий, которые ничего общего между собой не имеют, кроме двух-трех одинаковых обрядов. Кроме того, узаконение за раскольниками не соответствующего им названия, при известном уважении народа к старине, может послужить большим для православных соблазном.

для храмов инославных исповеданий.

5) Разрешать старообрядцам и сектантам устройство скитов и обителей, с согласия министра внутренних дел, с тем, чтобы предположения об отклонении ходатайств по сему предмету вносились каждый раз на уважение Комитета Министров.

Примечание: Во всяком случае, как устройство молитвенных зданий, так и устройство скитов и общежитий раскольнических и сектантских, может быть разрешаемо только при отсутствии опасности соблазна для православного населения, удостоверение о чем каждый раз испрашивается от подлежащего епархиального начальства.

6) Присвоить духовным лицам, избираемым общинами старообрядцев и сектантов для отправления духовных треб, наименование «настоятелей» и «наставников», причем лица эти, по утверждении их в должностях надлежащей правительственной властью, подлежат исключению из мещан или сельских обывателей, если они к этим состояниям принадлежали, и освобождению от призыва на действительную военную службу, и именованию, с разрешения гражданской власти, принятым при постриге именем, а равно допустить обозначение в выдаваемых им паспортах, в графе, указывающей род занятий, принадлежащего им среди этого духовенства положения, без употребления, однако, православных иерархических наименований.

Сею статьей созидается и закрепляется санкцией гражданской власти православного государства Российского особая старообрядческая Церковь со своим духовенством, утверждаемым в должностях правительством, с признанием пострига, и тому подобное. Без сомнения, этими правами широко воспользуется одно старообрядческое согласие — австрийское, под знаменем которого соберутся все разрозненные части раскола, и составится, наряду с православной Церковью, особая правительственная, но враждебная православию австрийская Церковь. Едва ли в виды правительства церковного и гражданского может входить устройство внутренних дел раскола в явный вред Церкви. Невмешательство государственной власти во внутренние дела и жизнь раскола — вот предел терпимости в отношении к раскольникам, а утверждение и укрепление религиозных начал законодательным

порядком есть преимущество одной православной Церкви, которая это достоинство приобрела исторически — целым рядом веков созидая и укрепляя Русское государство, и юридически — прежним своим правовым положением среди всех иных вер, расколов и ересей, и наконец —по несоизмеримому численному превосходству своих членов над последователями всех иных вер.

7) Разрешить устройство старообрядцами и сектантами начальных школ и преподавание детям их Закона Божия на нижеследующих основаниях: а) в местностях с значительным старообрядческим или сектантским населением старообрядцам и сектантам разрешается учреждение начальных школ, содержимых на их средства, с тем, чтобы школы эти состояли в ведении Министерства народного просвещения, преподавание в них велось применительно к утвержденным для сего типа программам и было поручено учителям, избираемым учредителями школ, но обладающим образовательным цензом учителей народных училищ и утверждаемым подлежащим учебным начальством; б) в тех же школах, а равно в общих учебных заведениях разрешить преподавание детям старообрядцев и сектантов Закона Божия по вере их родителей с тем, чтобы в случаях, когда преподавание это будет поручено особому наставнику, этот последний назначался также из лиц с указанным выше образовательным цензом.

Поправки: А в общих учебных заведениях детей раскольников и сектантов освободить от слушания уроков Закона Божия.

8) Отменить действующие постановления по отношению печатания и ввоза в империю раскольнических и сектантских книг богослужебных.

Примечание: Действие сей статьи не распространяется на книги полемические, содержащие хулу и поношение Церкви православной и ее таинств.

9) Уравнять в правах старообрядцев и сектантов с лицами инославных исповеданий в отношении заключения ими с православными смешанных браков.	*Замечание*: С этим пунктом православная Церковь никак не может согласиться, как по соображениям литургического и канонического свойства (см. VI Всел. Соб. 72-е пр.; Лаод. Соб. 10-е и 31-е пр.), так и в видах охранения веры своих чад, сочетавающихся браком с лицами, враждебными православной вере. Таким образом, в отношении заключения браков должно действовать прежнее законоположение, требующее от раскольника присоединения к Церкви, если он пожелает получить ее благословение на брак.

По вопросу о составе будущего Всероссийского Поместного Собора для обсуждения церковных реформ собранное мною совещание сочло себя некомпетентным высказывать свое суждение.

К вопросу об усовершении духовно-учебных школ

Вопрос об усовершении духовно-учебных школ был предметом суждения особо образованной мною комиссии из преподавателей Симбирской духовной семинарии и духовного училища и представителей духовенства, под председательством ректора семинарии. На неоднократных заседаниях этой комиссии члены оной не пришли к единомысленному решению по означенному вопросу и, разделившись во взглядах на то, в каком направлении желательно произвести усовершение духовно-учебных школ, представили мне два проекта по этому предмету: один, детально разработанный, от семинарской корпорации (который при сем прилагается), и другой, принципиального характера, от духовенства, составители которого, в числе семи лиц, выразили нижеследующее свое мнение:

«Мы, нижеподписавшиеся члены, избранные от духовенства в комиссию по решению вопроса о преобразовании духовно-учебных заведений, остались при ином мнении в принципиальном решении вопроса о типе школы. Избранные от корпорации преподавателей, во главе с о. ректором, высказались за школу общеобразовательную, с богословскими при ней классами, причем был бы дан воспитанникам ее, по окончании общеобразовательных классов, свободный доступ во все высшие светские учебные заведения; мы же, с своей стороны, желали бы организовать цельную богословскую школу, в коей, с самого начала ее и до конца, и в подборе предметов, и в способе преподавания, и в воспитании, строго и последовательно преследовалась бы одна цель — приготовления пастырей Церкви, и пастырей не богословски только, но раз-

посторонне образованных, для чего полагалось бы расширить круг общеобразовательных предметов и их программы, но с условием, чтобы воспитанникам этой школы, до окончания курса, не было выхода из нее с правом поступления в высшие светские учебные заведения. К желанию устройства подобной школы привели нас следующие соображения: 1) во-первых, в данное время приходится замечать общий упадок нравственности и отсутствие религиозной настроенности, плюс к этому дарована веротерпимость и свобода совести, отчего Церковь находится в тяжелом положении; к представителям ее предъявляются от общества самые разнообразные и разнохарактерные требования, к удовлетворению коих со стороны пастырей требуется и образованность и убежденность, а эта последняя может быть достигнута путем долголетнего с малых лет воспитания детей в духе церковности и развития в них пастырского идеала, выполнение чего и составит главную задачу проектируемой нами школы. 2) Во-вторых, реформы духовных школ — в 1867 году, с предоставлением права поступления из 4-го класса в светские высшие учебные заведения, и в 1884 году, хотя с ограничением права выхода из 4-го класса, но с сохранением того же строя и режима, какой был до 1884 года, — не привели к желанным результатам, так как лучшие воспитанники этих заведений, в первом случае — из 4-го класса, а в последнем — по окончании полного курса, стремились уходить в высшие светские учебные заведения, предвидя для себя род службы более обеспеченный в материальном отношении, чем служение пастыря, и главное — с большей свободой в жизни, пастырями же делались люди более слабые, отчего, понятно, контингент идейных пастырей стал сокращаться, тем более, что представлением права выхода из семинарии в высшие учебные заведения были развязаны, так сказать, руки и преподавателям этих семинарий, кои, т. е. преподаватели, стали исключительно преследовать общеобразовательные цели, игнорируя совершенно задачами приготовления к пастырству и — даже больше того — иронизируя пастырей (так в оригинале). Эта раздвоенность в целях: с одной стороны, официальное приготовление пастыррей Церкви, и с другой, de facto, общеобразовательное, — и была причиной всегдашнего стремления воспитанников к выходу из семинарий и к избранию иного рода службы. Нельзя не признать виновной в том и саму семью. До 1867 года, — повторим, — выхода из семинарий для воспитанников не допускалось; они это знали, знали это и их родители, которые, конечно, поэтому с раннего детства старались подготовить их к своей духовной школе, воспитывая в них любовь к Церкви и ко всему церковному и предупреждая их о том, что они должны будут идти дорогой своих отцов, что̀ дети и имели в виду в продолжение всей своей школьной жизни; а школа старалась укрепить в детях ту благочестивую настроенность, начало коей положено в семье. Ныне, при существовании выхода из семинарии в светские учебные заведения, совсем не то: некоторые дети заранее уже преднамечены своими родителями в то или иное светское учебное заведение, почему и не воспитываются ими в духе церковности; нет у таковых родителей желания воспитать в своих детях любовь к храму Божию, делаются ими послабления и в строгом соблюдении

детьми уставов Церкви, как будто все это для их детей, как не к пастырству намеченных, совершенно излишне. Отсюда ясно, что дети, с самого поступления в школу, с предубеждением относятся к церковному режиму; им он сначала в тягость, а затем уже прямо-таки противен, что̀ доказывается требованием воспитанников семинарий в последней их петиции — о необязательном посещении ими служб церковных; и 3) затем, в-третьих, думается нам, неосновательно, несправедливо и грешно пользоваться церковными средствами для приготовления юристов, докторов, ветеринаров и т. п.; для этой цели есть другие заведения, и на средства из другого источника они содержатся. Да кроме того, судя по тем походам против религии и Церкви современного общества, которые предпринимаются в настоящее время, и при объявленной Правительством полной свободе совести и такой же веротерпимости, граничащей с отделением Церкви от государства, в будущем нельзя рассчитывать на сохранение духовенством русской Церкви имеющихся у него ныне материальных средств, а наоборот, как неизбежное следствие ясного антагонизма общества к православной Церкви, должно за собой повлечь и ухудшение материального положения духовенства, а с тем вместе и полную невозможность в будущем духовенству тратиться на содержание своих детей в высших светских учебных заведениях за свой счет. Почему для самого духовенства в будущем будет ясным, что духовно-пастырская школа должна быть самой подходящей школой и в материальном и в духовно-нравственном отношении по воспитанию своих детей.

Что касается основного возражения противной нам стороны — будто бы юноши проектируемой нами пастырской школы, лишенные права поступления до окончания в ней полного курса в светские высшие учебные заведения, будут испытывать насилие, не имея в себе призвания к пастырству, — то, во-первых, нам думается, при правильном и разумном воспитании мальчиков с самого детства в духе церковности, при выяснении им величия и святости идеала пастырского, немногие будут гореть желанием избежать пастырства; а потом, если — предположим, — таковые и будут, то их ведь никто не обязывает идти по намечаемому для них пути: могут они для себя избрать иную дорогу, в следовании по которой во всяком случае изучение ими Священного Писания и других богословских предметов вреда не принесет. Подобные явления выхода, по окончании полного курса, замечались и в дореформенной школе; и относительно лиц, выходивших в высшие или светские учебные заведения, в жизнь ли на поприща разного рода гражданского служения, нужно заметить, что это были люди во всех отношениях с самыми добрыми отпечатками глубокой религиозности, хотя и не имевшие призвания к пастырству, высокой нравственности и полной трудоспособности на всякого рода поприще, каковыми достоинствами, к сожалению и откровенно говоря, не отличаются воспитанники, уходящие из нашей реформированной школы. Всегда возможное выбытие из пастырской школы воспитанников, не желающих посвящать себя пастырскому служению, может быть восполнено поступлением в эту школу желающих из всех других сословий. Нельзя кстати здесь не ска-

зать о наших низших клириках, вербуемых ныне из самых разнородных сфер, мало желательных, и сплошь и рядом не оправдывающих своего назначения. Во всяком случае, современное псаломщичество должно быть поставлено несравненно ниже по типу прежних клириков, коих давали православной Церкви прежние духовные школы. С водворением же духовно-пастырской школы с режимом строго церковным, конечно, должны быть выходы воспитанников из низших классов этой школы по разным причинам; эти-то воспитанники и будут составлять из себя определенный и желательный контингент для нашего псаломщичества.

В заключение необходимо выразить пожелание, чтобы проектируемая нами духовно-пастырская школа всецело была в распоряжении местного епископа, от которого должны зависеть и определение на все должности в эту школу и увольнение с таковых; практическое применение такого порядка вытекает из наблюдаемого ныне часто ненормального положения, в каком находятся наши духовные школы к своему местному епископу, который, при обнаружениях возможных беспорядков в жизни духовных школ, при полном обнаружении <почасту> нетерпимости некоторых лиц преподавательского персонала, не имеет сил и власти прекращать немедленно замечаемые беспорядки и удалять вредных для школы лиц, а должен все это вести через посредство Учебного Комитета и нередко безуспешно».

Оба вышеозначенных проекта были предложены мною заключительному обсуждению 25 ноября сего 1905 г. в особом собрании, под моим личным председательством, на котором, кроме членов комиссии, присутствовали нарочито приглашенные священнослужители епархиального и уездных городов и один из села. После прочтения того и другого проекта между присутствовавшими на собрании последовал энергичный обмен мнений, причем защитники семинарского проекта, признавая необходимым, чтобы на пастырские места шли лица всесторонне образованные, с ясно определившимся призванием и глубоко убежденные, утверждали, что приготовление таких-то именно кандидатов священства и имеет своей задачей предлагаемый ими проект. Сторонники второго проекта, вполне соглашаясь с мнением, что необходимо, чтобы пастырями Церкви были лица многосторонне образованные, глубоко убежденные и принявшие священнический сан по призванию, в то же время выразили опасение, основанное на печальном опыте 70-х годов, как бы семинарский проект, отводя слишком широкое место общеобразовательным предметам и давая право выходить в светские учебные заведения, совсем не отвлек приготовляемых им кандидатов священства от поступления на епархиальную службу. «Если, — говорили члены из духовенства (за исключением троих), — в семидесятые годы, когда больше было порядка в приходской жизни, когда прихожане лучше относились к своему духовенству, семинаристы чуть не поголовно бежали в университеты и другие светские учебные заведения, то тем более этого нужно ожидать в настоящее время, время полного шатания умов, ослабления веры и упадка нравственности, пренебрежения к Церкви и духовенству и разнузданности крестьянского населения, в чем убе-

ждает нас даже современное брожение среди семинаристов, рвущихся или в университеты, или на гражданскую службу; а потому как бы, при введении семинарского проекта в действие, совсем не запустели священнослужительские места в наших приходах! Кроме того, нельзя согласиться и с постановкой воспитательной части, предлагаемой семинарским проектом, где много отводится места светским развлечениям, где обращено внимание на развитие таких нравственных качеств, какие требуются всяким учебных заведениям (например, трудоспособность, честность, порядочность), но совсем опущено из виду воспитание духа церковности, столь необходимое для пастырской школы». «А потому — заключили сторонники второго проекта, — мы настаиваем на целесообразности преобразования духовно-учебных заведений не по проекту, предлагаемому семинарской корпорацией, а по такому, который бы, не устраняя совершенно общеобразовательных предметов, но и не допуская их в таком количестве, как предлагаемый семинарский проект, всем строем семинарской жизни воспитывал в детях духовенства искреннее расположение идти на служение Церкви в качестве тех или других членов клира, которые оказались бы и достаточно развитыми, и трудоспособными, и с добрым направлением воли. Вот таких-то кандидатов священства мы и желали бы иметь по выходе из их духовно-учебных заведений, по новому преобразованию последних, какое бы название они ни носили, — богословские или церковные, но непременно всесословные». И однако обмен мнений не привел стороны к соглашению; каждая упорно держалась за свой проект.

Не отрицая достоинств семинарского проекта, но вполне разделяя в то же время мнения и суждения за направление школы, проектируемой духовенством, я с своей стороны, для примирения обеих сторон, а главное — чтобы найти возможность удовлетворить потребность современного образования, которому сочувствуют некоторые из родителей детей духовенства и к которому стремятся их взрослые сыновья, не чувствующие в себе призвания к церковному служению, — предложил на обсуждение такое свое мнение: преобразовать духовные училища из четырехклассных в шестиклассные в полном соответствии с гимназическим курсом по всем предметам обучения, но чтобы часть воспитательная в них держалась на должной высоте как по внешней своей постановке, так и особенно по духу сих школ: они должны быть вполне религиозно-нравственными не по форме только, но и в самой действительности, к чему должны прилагаться всякие старания со стороны начальствующих и учащих. Такой воспитательный режим в духовных училищах даст возможность детям и юношам, при глубоком самосознании, определить правоспособность и призвание к той или другой жизни и деятельности, и, соответственно этому, дальнейшее свое образование юноши, не чувствующие в себе призвания и стремления к церковной жизни и служению святой Церкви, беспрепятственно имеют поступать в гимназию, для продолжения образования; для юношей же, которые имеют влечение к духу жизни во Христе и к служению его Церкви, должна существовать всесословная богословская школа с определенным курсом богословских и церковно-исторических предметов.

Объем богословского курса должен вполне соответствовать современным потребностям церковно-пастырского служения, чтобы кандидаты на такое служение выходили из церковно-богословской школы во всеоружии всяких познаний, утвержденные в вере против современных научно-философских и других заблуждений в вере и жизни. Воспитательная сторона таковой школы должна вполне соответствовать ее прямому назначению, но не столько во внешней форме, сколько в духе, а потому начальство оной — ректор и инспектор — обязательно должны быть облечены в священный сан. Этого же желательно и по отношению к преподавателям, особенно по предметам богословий: догматического, пастырского и патрологии... В богословскую школу должен быть предоставлен доступ не только воспитанникам гимназий, но и всех других школ, по влечению их к благочестивой жизни и к церковному служению, причем воспитанники гимназий, по окончании курса в VI классе, принимаются без проверочного испытания, а воспитанники других школ — не иначе как по испытанию и не моложе 16 лет, с отзывами о их благонравии начальства учебных заведений, в которых они обучались, и особенно — их духовников.

С проектом преобразования духовных училищ из четырехклассных в шестиклассные, с гимназическим курсом, согласились и все члены из духовенства, стоящие на стороне семинарского проекта; только при этом выразили желание, чтобы воспитанникам шестиклассных духовных училищ, желающим поступить для продолжения образования в гимназию, предоставлялся всегда свободный доступ и без проверочного испытания, о чем должно быть в свое время возбуждено перед кем следует ходатайство. При этом мною было высказано и такое пожелание, что, если бы кто из сирот духовенства и детей бедных родителей пожелал продолжать образование в гимназии, право на получение должного пособия из средств епархии во время обучения в последней, до поступления в высшее учебное заведение, должно сохраняться за ними. Из семинарской корпорации никто не согласился с проектом преобразования духовных училищ из четырехклассных в шестиклассные, с гимназическим курсом; только преподаватель Лебедев, не принимавший участия в составлении семинарского проекта, накануне настоящего заседания предложил комиссии духовенства свой реферат о принципиальных основах образования и воспитания детей и юношей, для приготовления их к церковному служению. Реферат г. Лебедева вызвал полное сочувствие со стороны моей и всех членов комиссии, с выражением ему глубокой благодарности, причем просили его разработать систему образования церковно-богословской школы.

Проект реформы духовно-учебных заведений (семинарии и училищ)

Общие замечания

По ныне действующему уставу (1884 г.), главной целью духовной школы ставится подготовление к пастырскому служению, к чему и приспособлялась

программа предметов этой школы. Так как подавляющее большинство обучающихся в этой школе — дети духовенства, иносословные же ограничены незначительным процентом, то духовная школа является по преимуществу сословной и притом — профессиональной. Такое суживание контингента лиц, имеющих доступ в эту школу, равно также специализация обучения в ней, нежелательны и гибельны для школы. Нежелательны потому, что ограничение доступа в нее лиц других сословий лишает возможности посвятить себя пастырскому служению тех из них, которые имеют искреннее желание и влечение к этому роду общественного делания, чем ограничивается выбор достойных кандидатов священства и понижается их общий уровень; с другой стороны, дарование кончившим духовную школу права беспрепятственного поступления в пастыри Церкви, при строгом ограничении доступа к другим светским профессиям или к поступлению в недуховные высшие школы, направляет на это поприще тех из них, которые к нему не питают никакого влечения, а даже часто прямо-таки антипатию, и берутся за это дело по необходимости иметь кусок хлеба. Такие лица индифферентны к предметам школьного обучения, они — «невольники науки», оказывающие своей холодностью и небрежностью отношения к делу деморализующее влияние на товарищей. В целях устранения этих недостатков желательно, чтобы духовная школа была «всесословной». Это желание переходит в нравственное обязательство, если посмотреть на источники содержания духовной школы. Эти источники почерпаются из церковных сумм, которые составляются из добровольных даяний прихожан. Несправедливо на эти средства обучать детей только духовенства, когда иносословные имеют по меньшей мере одинаковое право на эту школу. Это — во-первых.

Во-вторых, в настоящее время, равно как и после реформы духовной школы, по преимуществу дети духовенства наполняют и будут наполнять ее. Она для них — самая естественная, доступная и традицией проторенная дорога для получения образования вообще. От нее они ждут и могут требовать не специализованного знания, но общего, знаний таких, которые составляют необходимую принадлежность всякого прошедшего среднюю школу. Чтобы удовлетворить этой законной потребности, духовная школа должна быть «общеобразовательной» с такой серией наук, которая не только приравнивала бы ее к существующим средним светским школам, но и сообщала бы сведения из тех основных отраслей знания, которые воспитанники при желании могли бы продолжать и усовершенствовать в других высших учебных заведениях. Духовной школе общеобразовательной нужны права среднеобразовательных светских школ — для беспрепятственного поступления детей духовенства во все светские высшие учебные заведения, к которым их влечет. Достойный деятель из духовной школы на светском поприще не только не умалит ее достоинства, но составит честь для нее и для своего сословия.

В-третьих, пастыри Церкви выходят из духовной школы. Для специальной подготовки к этому служению при духовной школе должны быть дополнительные классы, которые можно назвать «богословскими». Здесь должны

изучаться специально богословские науки теми из прошедших общеобразовательную школу, кто желал бы посвятить себя на служение Церкви путем пастырства. Общее образование для ищущих пастырства необходимо; чтобы быть учителем других, нужно стоять не ниже их. Среднее же образование, как показывает самое название, — обычная, самая естественная и общепринятая мерка, которой определяется обычный же средний уровень духовного развития общества и человека. Пастырь Церкви является христианским учителем и руководителем общества. Для выполнения своего назначения ему необходимо понимание и знание окружающей его среды, интересов пасомых, и уменье ответить на предлагаемые ему вопросы с их стороны. Последние, при усложнившихся условиях жизни, быстром и всеобщем распространении просвещения, отличаются большим разнообразием и требуют от пастыря, для достойного прохождения своего служения и поддержания авторитета учителя, не одного богословского знания и хотя бы большого, но теоретического развития, а всесторонних знаний и всестороннего развития. Общеобразовательные классы для них «обязательны».

Учебная часть

А) Общеобразовательные классы

Общее образование должно состоять в ознакомлении ученика с возможно бóльшим и разносторонним кругом предметов знания. Это важно как в интересах самого ученика, так и вообще для повышения общего уровня сознательности и успешности школьного обучения. В первом отношении разнообразие предметов обучения содействует и ускоряет самоопределение ученика, предлагая большое обилие средств к обнаружению его личных склонностей и определению своего призвания, к будущему специализированию и выбору профессии; во втором же, кроме упражнения почти всех его сил и способностей, устраняющего тем односторонность в обучении и вытекающую отсюда скуку и индифферентность отношения к делу, оно помогает и дает возможность работать ученику если не с увлечением, то с бóльшим интересом предпочтительно в какой-либо одной области знания, чем развивает его способности и укрепляет его умственные силы. С чего бы это оживление и пробуждение умственной деятельности ученика ни началось, оно составляет одну из задач школьного обучения и не может не содействовать повышению и развитию уже всех его духовных сил, а тем повышать и успешность его занятий в других науках. Поэтому в число наук общеобразовательной школы должно входить не только изучение предметов, содействующих развитию теоретического, отвлеченного мышления ученика, но и сообщающих ему практические, прикладные знания, не только такие, которые направлены в сторону его религиозно-нравственного воспитания, но и эстетического, не только для упражнения и укрепления его духовных сил, но и физических.

Нынешнее деление духовной школы на училище и семинарию следует сохранить в целях педагогических: за такое разделение говорят как теоретические соображения, так и данные опыта; но следует дополнить семинарию богословскими классами, которые также желательно было бы отделить от общеобразовательных классов семинарии. Первые два разряда духовной школы относятся к числу общеобразовательных. К числу предметов общеобразовательных, существующих в училище и четырех классах семинарии сейчас, необходимо присоединить следующие:

1) Обязательное изучение одного из новых языков — французского или немецкого, так как знание их открывает доступ к богатым литературам западноевропейским, пользование и знакомство с которыми необходимо для всякого поступающего в высшие учебные заведения. Да и вообще знакомство с произведениями западных писателей не только в переводах перестало быть роскошью, а стало потребностью всякого образованного человека.

2) Естествоведение в размерах не менее курса гимназий. Сюда должны войти: зоология, ботаника, минералогия, краткие сведения из анатомии и физиологии человека, вообще — природоведение и человековедение. О значении этих наук, как общепризнанном, говорить не приходится.

3) Элементарная медицина и гигиена. Значение их для повседневной жизни громадно, громадна и потребность изучения их. Изучать их следует, однако, в богословских классах.

4) Необходимо расширить программу физико-математических наук до размеров программ гимназий, ввести преподавание космографии, тригонометрии и к физике присоединить элементарный курс химии.

5) Педагогика.

6) Из области юридических наук: основные сведения из государственного права и особенно — гражданского. Первое дает необходимое знание о государственных учреждениях, а второе захватывает многосложную область отношений частных лиц между собой, отношений семейных и отношений по имуществу, т. е. самую обширную область, в которой разобраться мы сейчас совершенно бессильны.

7) Черчение и рисование.

8) Музыка и пение.

Так как речь идет об общеобразовательных классах, когда не предрешается будущая профессия ученика, то последние две группы предметов не должны переходить и суживаться до иконописания и церковного пения.

9) Необходимость занятия огородничеством, садоводством и цветоводством. Эти предметы — более опытного характера. Введение их желательно не только для полноты знания и практического применения теоретических познаний из природоведения, но и как разумное и полезное занятие для школьников. Да и не для одних школьников; они дают и взрослому хорошее упражнение его сил, а при жизни в деревне могут оказать и более важную услугу.

10) Желательно изучение, но также необязательное, и некоторых ремесел, например, токарного, столярного, переплетного и др.

Из существующих предметов в семинарии должны быть исключены из предметов общеобразовательной школы: церковная история, основное богословие, гомилетика, литургика и библейская история (последняя уничтожается совсем) [1]. Должна быть расширена словесность внесением в программу изучения позднейших авторов, изучение же древнего периода достаточно ограничить общим обзором.

В духовных училищах, кроме сейчас существующих предметов, должны быть проходимы: новые языки, естествоведение и человековедение, черчение и рисование, пение, элементарная гигиена, эпизодические курсы истории церковной и гражданской, первой — русской и общей, а второй — только русской, и начала алгебры; изучение церковной истории нужно начинать с истории русской. Остальная серия новых наук должна проходиться в семинарии. Приблизительное распределение всех наук по классам указано в особой таблице. Сочинения в училище должны находиться в ведении одного преподавателя русского языка, в семинарии — нескольких преподавателей.

Продолжительность обучения в общеобразовательных классах — 9 лет: пять классов в училище (не считая приготовительного) и четыре в семинарии. Количество ежедневных уроков можно довести, начиная с третьего класса училища, до пяти, при продолжительности каждого урока не более 50 минут. При девятилетнем обучении в общеобразовательных классах и при пяти уроках ежедневно, весь этот разнообразный курс наук может быть пройден легко и с успехом без обременения учеников и далеко не по детской программе. Удлинение курса обучения желательно и по другой причине: от возраста много зависит сознательность и осмысленность. Переходные экзамены из одного класса в другой следует отменить, оставив их в училище лишь для оканчивающих курс и в семинарии — для оканчивающих общеобразовательный и затем богословские курсы (т. е. в 4-м и 6-м классах), а также для тех учеников прочих классов училища и семинарии, которые не окажут надлежащих успехов в течение года, и только по тем предметам, по которым обнаружена неуспешность.

Для учеников малоуспевающих, для которых обучение в училище и семинарии оказывается непосильным, необходимо открыть особые школы, курс и задачи которых могли бы быть определяемы местным духовенством.

Б) Богословские классы

Означенные классы — специально богословские, и здесь обучаются те из окончивших общеобразовательную школу, кто желал бы посвятить себя пастырскому служению или поступить в духовные академии. Курс обучения продолжается два года. Здесь преподаются науки нынешних 5-го и 6-го клас-

[1] Особое мнение преподавателя В. Гавриловского приложено при сем *особо*.

сов семинарии, за исключением классических и новых языков и дидактики, которые должны быть закончены в общеобразовательной школе. Здесь проходится церковная история, все основное богословие, гомилетика и литургика. Практическое руководство должно быть заменено каноническим правом и пастырским богословием. Гомилетика, после изучения краткой и общей теории построения проповеди, может быть с большей пользой заменена историей проповеди с задачами и приемами изучения образцов церковного ораторства, подобно тому, как это делается при изучении образцов в науке словесности. Из новых наук в богословские классы нужно ввести краткий курс патрологии. Все названные науки составят, так сказать, обязательный, неподвижный курс. Но, кроме их, должны быть вводимы и другие, смотря по потребностям времени и места. Так, в Симбирской епархии, где много язычников — чуваш и татар, полезно взамен языков и обличительного богословия ввести необязательное изучение этнографии чуваш и татар, их религиозных верований и обличение последних, равно как и изучение чувашского и татарского языков. Еврейский язык нужно ввести как предмет, необязательный для учеников. По Священному Писанию, как главному и основному предмету богословских классов, желательно изучение «всей Библии». В богословских же классах может быть проходима и живопись в виде иконописания или — по крайней мере — краткая и наглядная история этого искусства, равно также желательно и ознакомление учеников с памятниками церковной архитектуры и зодчества; преподается и церковное пение. Здесь же изучается медицина и гигиена.

Такой объем знаний, выносимый будущим пастырем по окончании общеобразовательных и богословских классов, даст ему, особенно при служении в деревнях, разнообразные способы полезного существования, в виде ли лечения больных, советов при семейных разделах и спорах, занятия ли огородничеством, садоводством или каким-либо ремеслом. Все это наполнит его досуг, поддержит в нем бодрое и деятельное существование и предохранит от обычного сейчас «опрощения». Будущий пастырь явится, помимо своего церковного учительства и священнослужения, большой и нужной культурной силой, жизненным ядром прихода, его центром, авторитет которого будет высоко стоять не только по сану, но и по действительной ценности.

Чем зрелее по возрасту кандидат священства, тем лучше, а потому лучше вовсе не устанавливать предельного возраста для поступающих в богословские классы под условием окончания ими курса среднего учебного заведения.

Библиотека

Библиотека семинарии разделяется на два вида, как и сейчас: фундаментальную и ученическую. Первая пополняется книгами по рекомендации преподавателей, а вторая — по желанию самих воспитанников, которые составляют список желательных для выписки книг и предоставляют его на утверж-

дение правления. Существующие в настоящее время ограничения по выписке и получению книг в ученическую библиотеку следует отменить, как не достигающие своей цели. Действительность показывает, что ученики гораздо лучше знают тех писателей, которые не допускаются в библиотеки; ознакомиться же с ними, как известно, не представляет никакой трудности. Это — с одной стороны. С другой — открытое чтение учениками книг дает возможность руководить ими и помогать разбираться в разных теориях и взглядах, проводимых в означенных сочинениях. Для воспитанников же богословских классов знакомство с современными писателями даже желательно. В этих сочинениях каждым автором высказывается посильная оценка явлений жизни, изображение ее направления, и часто проводятся и свои теории возможного, по мнению автора, ее переустройства. Для будущего пастыря и строителя жизни необходимо знание ее современного состояния и ее колебаний, нужна и правильная оценка ее, а это дается свободным чтением и разбором современных писателей. Ближайший контроль над ученической библиотекой принадлежит инспектору. В училищах выписка книг и журналов в обе библиотеки всецело зависит от правления.

Воспитательная часть

Задача воспитания для всех учеников духовной школы одна и та же, это — развитие и укрепление в ученике порядочности, под которой разумеется глубокоразвитое чувство и сознание долга, любовь к труду, деликатное отношение к другим, честность и прямота характера. При единстве и одинаковости воспитательной части можно говорить только о разных приемах и способах ее выполнения соответственно возрасту и развитию воспитываемых, т. е. о том, что одинакового режима и мер воздействия для всех не может быть. Это общеизвестно и понятно. Воспитателями могут и должны быть все учащие, даже как преподаватели. Одинаковость взглядов между ними на основные задачи обучения, воспитания и средства воздействия, горячее отношение каждого к своему делу, старание и уменье затронуть в ученике идеальную сторону его природы, пробудить в нем интерес к знанию и т. п., — все это богатые воспитательные средства. Для особенного же успеха воспитательного воздействия необходимо непосредственное отношение воспитателей к воспитуемым, когда делается возможным изучение личных особенностей ученика, а отсюда и соответственных мер воздействия на него. Для последнего же необходимо, чтобы ученики жили в интернате (кроме живущих у родителей и близких родственников), а сами общежития желательно приблизить к домашней обстановке, устроить непременно три отдельных помещения: для классов, внеклассного времени и спальни; сами комнаты для проживания во внеклассное время должны быть устроены для небольшого числа учеников каждая и не должны быть проходными. Надзор за учениками следует поручить преподавателям, и не одному — над всей массой их, а на каждый день и

одновременно нескольким лицам, очередной группе. Этот надзор не должен ограничиваться одним наблюдением над внешним поведением, но должен направляться на установление простых и искренних отношений, которые бы давали возможность воздействия путем совета, а не прещения и приказания. Установление классного наставничества, принятого сейчас в светских женских и мужских школах, нежелательно хотя бы по одному тому, что ученики умеют тонко подмечать некоторые особенности личных взглядов и симпатий наставника, к чему и приспособляют свои действия; это же ведет к нежелательным последствиям. Кроме указанного, действительность обнаруживает и другие недостатки этого института. При надзоре же за каждым учеником и за каждым классом всех преподавателей, такого «своеобразия» отношений и воспитательного воздействия не может быть. При заведовании воспитанием всех преподавателей институт помощников инспектора естественно упраздняется. Однако к установлению такого участия преподавателей в воспитательном деле встречаются при нынешних обстоятельствах экономические препятствия. Для преподавателей нужны квартиры (и значительное количество их) при самом заведении с разными надворными постройками, что̀ потребует значительной денежной суммы, которой нет налицо, и данная задача является неосуществимой. Тогда можно желать лишь увеличения штата помощников инспектора для воспитательных целей, а не для одного надзора; а в таком случае на каждого помощника инспектора должно приходиться не более 50 учеников, и у каждого из помощников должны быть уроки. Улучшение воспитательной стороны дела требует установления такого режима и обстановки жизни учеников, которые бы наполняли время их пребывания в школе возможно разнообразным, облагораживающим и возвышающим содержанием. К разряду таких воспитательных средств нужно отнести устройство ими домашних спектаклей, концертов, литературных вечеров, чтение и разбор самими учениками разных литературных самостоятельных и печатных произведений, посещение театров и общественных концертов, научные и литературные беседы с ними преподавателей, кружки самообразования под руководством преподавателей, устройство экскурсий по разным замечательным в историческом, религиозном, художественном, торгово-промышленном отношении местностям, музеям, заводам, фабрикам и т. п. Должно быть обращено внимание и на физическое воспитание и укрепление, чему более всего содействует движение на свежем воздухе в виде разных игр и упражнений, указания на которые обильно найдутся в педагогиках. Желательно устройство для учеников читальной комнаты с газетами и журналами современной как богословской, так и светской печати, конечно с разрешения и под контролем начальства. В целях улучшения религиозного воспитания следует предоставить ученикам исполнять долг исповеди и св. причастия в домах родителей, под надзором последних.

Воспитанникам богословских классов, как будущим пастырям, должна быть вменена в обязанность практическая, возможная для обучающегося в школе, подготовка к будущему своему служению. Сюда должно входить уча-

стие их в совершении богослужения, уход за храмом, упражнение в проповедничестве с церковной кафедры в приходских церквах и фактическое участие в совершении разных церковных треб и т. п.

Административная часть

Семинарии и училища находятся в ведении правления, состоящего под председательством ректора и смотрителя по принадлежности из всего состава преподавателей и лиц инспекторского надзора с членами от духовенства. Настоящее деление и состав педагогического и распорядительного собраний следует сохранить, ограничив круг деятельности последнего делами только хозяйственно-экономическими; сохранить и способ решения дел большинством голосов. Число членов от духовенства необходимо увеличить: в распорядительном собрании — до двух и в педагогическом — не менее пяти.

Контроль над учебно-воспитательным делом принадлежит епископу, причем по каждому вопросу из жизни школы правлениями должно составляться определенное и мотивированное решение. Однако желательно расширить права правления семинарии, предоставив ему право приводить в исполнение, без предварительного утверждения епископа, все свои решения по хозяйственной части и те решения по части педагогической, которые приняты единогласно всеми членами правления. Епископу же предоставляется право, в случае замеченных им в таких решениях уклонений от устава и т. п., давать правлению предложения с указаниями.

Для бóльшего ознакомления родителей учащихся с состоянием духовной школы и для установления связи и взаимодействия между семьей и школой, желательно периодическое устройство заседаний правления при участии родителей учащихся. Обеим сторонам предоставляется полный обмен мнений по всем вопросам школьной жизни, ознакомление с хорошими и дурными ее сторонами; здесь делаются предложения и изыскиваются средства и пути к устранению недостатков, и обсуждаются предложения о нововведениях. Установлением такого взаимоотношения между семьей и школой к делу воспитания будут привлечены широкие общественные круги, чем установится доверие родителей к школе и внеклассное и — вообще — внеучебное поведение учащихся пойдет в большем согласии с воспитательным режимом школы.

От всех лиц семинарской воспитательной и учащей корпорации требуется ученая степень; то же — и от смотрителя с его помощником и учителей училища. Но преподавателями училища, при нужде, могут быть и кончившие богословские классы семинарии по выбору правления училища и по сдаче пробного урока. Ректор и инспектор семинарии, которым принадлежит непосредственный и ближайший надзор за состоянием семинарии во всех сторонах ее жизни, и которым поэтому за их большей осведомленностью принадлежит и преимущественное право инициативы в возбуждении разных вопросов перед

правлением и разных предложений, касающихся улучшения состояния заведений, должны быть людьми, заслуживающими доверия в глазах правления, и авторитетными. Первое требует введения выборного начала, а второе зависит от заслуженной известности данных лиц по их научным трудам или по засвидетельствованной педагогической опытности. Удовлетворение последним требованиям является значительной гарантией «годности» данных лиц для дела. На должность ректора должны быть избираемы лица, имеющие священный сан. Избрание производится правлением семинарии после обстоятельного обсуждения и закрытой подачей голосов. Ректор и инспектор избираются на пять лет, и представление через преосвященного направляется на утверждение Святейшего Синода. Преподаватели семинарии, а равно и училищ — из лиц, имеющих степень, назначаются Святейшим Синодом по данной о них аттестации академических советов. Правлениям семинарий, равно также и училищ предоставляется право приглашать на свободные вакансии преподавателей из других семинарий и училищ, если означенные правления осведомлены о выдающейся полезности их служения и по состоянию своего заведения найдут желательным иметь их в своей корпорации. В случае согласия такого лица правлением делается представление перед Святейшим Синодом. Смотритель училища и его помощник также выбираются из лиц, опытных по ведению учебно-воспитательного дела, причем в выборах участвуют, наравне с членами правления, равное число представителей окружного духовенства.

Учителя училищ из богословских классов семинарии утверждаются местным епископом.

Для объединения и оживления деятельности учебно-воспитательных корпораций духовной школы желательна организация ежегодных периодических порайонных или всероссийских съездов их.

В последние годы духовная школа испытывает недостаток в преподавателях для замещения существующих вакансий (о чем засвидетельствовано и г. обер-прокурором Святейшего Синода); замечается частая смена начальствующих лиц и частое бегство преподавателей на светскую службу. Одной из главных причин такого большого зла является их материальная необеспеченность. Поэтому желательно увеличить вознаграждение преподавателям, назначив первоначальный оклад в 900 руб. и установив периодические прибавки через каждые пять лет.

По вопросу о советах и правлениях по делам епархиально-училищным желательно предоставить этим учреждениям такую же самостоятельность, какая предположена для правлений семинарий и училищ: все советы и правления по делам епархиально-училищным приводят в исполнение, без предварительного утверждения епископа, все свои решения по делам хозяйственным и те из своих решений по другим вопросам, которые приняты единогласно.

Распределение предметов по классам училища и семинарии (примерное)

№	Предметы, изучаемые в училище и общеобразовательных классах семинарии	Училище					Семинария				№	Предметы, изучаемые в богословских классах семинарии	Богослов. классы	
		I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	V кл.	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.			V кл.	VI кл.
1	Священная история Ветх и Нового Завета	4	4	—	—	—	—	—	—	—	1	Священное Писание Нового Завета	4	5
2	Катехизис с изъясн богослужения	—	—	—	4	3	—	—	—	—	2	Основное богословие	4	—
3	Эпиз курс общей и русск церк истории	—	—	3	—	—	—	—	—	—	3	Догматическое богословие	4	2
4	Русский яз с церк -славянским	5	5	4	4	4	—	—	—	—	4	Нравственное богословие	—	3
5	Немецкий или французский язык	—	3	3	3	3	2	2	2	2	5	Пастырское богословие	—	3
6	Латинский язык	—	—	2	2	2	2	2	2	2	6	Обличит богословие	—	2
7	Греческий язык	—	—	—	3	3	2	2	2	2	7	Общая церк история	4	2
8	Эпиз курс русской гражд истории	—	—	—	—	2	—	—	—	—	8	Русск церк история	2	2
9	География	—	—	3	3	3	—	—	—	—	9	Патрология	—	2
10	Арифметика	4	3	3	2	—	—	—	—	—	10	Каноническое право	3	—
11	Алгебра	—	—	—	—	3	—	—	—	—	11	Литургика	2	2
12	Кратк свед о строении и функциях человеческ орган	—	—	—	1	—	—	—	—	—	12	Гомилетика	3	3
13	Естественная история	—	2	2	2	—	—	—	—	—	13	Истор и облич русск раск и сектантства	3	3
14	Элементарная гигиена	—	—	—	—	1	—	—	—	—	14	Церковное пение	1	1
15	Чистописание	2	2	—	—	—	—	—	—	—	15	Медицина и гигиена	Вне классного времени	
16	Черчение и рисование	2	2	1	—	2	—	—	—	—	16	Еврейский язык		
17	Пение	2	2	2	2	—	—	—	—	—	17	Иконописание		
18	Музыка (внеклассное время)													
	Итого уроков	**19**	**23**	**23**	**26**	**26**						**Итого уроков**	**30**	**30**
19	Священное Писание Ветхого Завета	—	—	—	—	—	5	3	5	5				
20	Гражд история общая	—	—	—	—	—	3	3	3	—				
21	Гражд история русская	—	—	—	—	—	—	2	3	—				
22	Теория и история русской словесности	—	—	—	—	—	4	3	3	4				
23	Логика	—	—	—	—	—	—	2	—	—				
24	Психология	—	—	—	—	—	—	—	3	—				
25	Философия	—	—	—	—	—	—	—	—	5				
26	Педагогика и дидактика	—	—	—	—	—	—	—	1	3				
27	Геометрия	—	—	—	—	—	4	4	—	—				
28	Тригонометрия	—	—	—	—	—	—	—	2	—				
29	Физика и основы химии	—	—	—	—	—	—	2	2	2				
30	Космография	—	—	—	—	—	—	—	—	1				
31	Законоведение	—	—	—	—	—	—	—	—	2				
32	Огородн , садовод и цветоводство	Не обязательны												
33	Ремесла													
34	Гимнастика													
	Итого уроков	—	—	—	—	—	**26**	**28**	**29**	**29**				

Особое мнение преподавателя В. Гавриловского

1) Для будущего пастыря Церкви необходимо изучение «всей Библии», которая поэтому становится предметом подготовительно-профессиональным, специальным, и законное ее место — в классах профессионального, специального же характера, т. е. богословских.

2) Оставление изучения Библии на прежнем основании, т. е. в прежних четырех классах семинарии и приблизительно в том же объеме, полного знания Библии не даст, а даст знание очень скудное, только некоторых ее мест и событий, что как нежелательно сейчас, так и особенно в будущей, реформированной школе, стремящейся создать пастыря во всеоружии знания.

3) Увеличение количества уроков по изучению Библии в общеобразовательных классах, в целях полного ее прохождения, не может дать желаемого результата, так как добрая половина изучающих ее направятся в светские высшие учебные заведения, почему изучение ими Библии в целом виде, как не отвечающее их будущей профессии, явится обременением, вызовет холодность, и тем задержит ее изучение и по необходимости сократит ее программу.

4) Если все-таки будет признано желательным начинать изучение Библии с первых классов семинарии, то я считал бы более целесообразным начинать с книг Нового Завета — Евангелий и посланий апостолов, как более важных для каждого христианина-ученика, какую бы он себе профессию ни избрал по окончании общеобразовательных классов семинарии, когда заканчивается общее образование, лишает их этого существенно важного, обстоятельного ознакомления с христианским учением.

№ 29,
преосвященного Христофора, епископа Уфимского,
от 3 декабря 1905 года

Докладная записка по вопросу о переустройстве церковного управления

В двухвековой период синодального управления Церковь русская управлялась не столько канонами вселенской Церкви, сколько Регламентом, составленным одним лицом, без уполномочия собора, и указами Св. Синода, большей частью — по предложениям обер-прокуроров разных направлений и взглядов, и циркулярными распоряжениями последних, отражавшими не столько действительные потребности Церкви, сколько желания Правительства и самих обер-прокуроров. Все эти указы и распоряжения обер-прокуроров, благодаря возникавшим новым учреждениям в Церкви и управлявшим этими учреждениями лицам, которые плотной стеной окружили Святейший Синод и фактически взяли все управление церковное в свои руки, до того размножились, что нередко примирить их оказывалось трудным при практическом их осуществлении, и, в конце концов, внесли смуту в сознание и жизнь церковную и привели к результатам, благодаря которым возникло множество нареканий и жалоб на Церковь. Все это естественно привело и общество и само церковное правительство к мысли о необходимости переустройства всего церковного управления, сложившегося в двухвековой период Синодального управления, *на канонических началах*. Задача этого переустройства или преобразования церковного должна состоять не в том, чтобы копировать целиком древние формы церковного управления, которые приспособлены были к обстоятельствам своего времени, а чтобы возвратить русской Церкви независимое положение во внутреннем ее управлении и дать такое устройство, которое бы соответствовало ее достоинству и обеспечивало бы ей полную свободу деятельности к осуществлению возложенных на нее задач.

Положение автокефальной русской Церкви среди других Церквей православных, равно как господствующее положение Церкви православной в обширном и могущественном государстве Российском, объединение многочисленных обширных епархий и конкретное представление единой церковной власти, ее отношения к власти государственной, представляемой Государем, ее живого союза с главой государства, ее авторитета и назначения в государстве, как божественно-человеческого учреждения, как творчески-жизненного тела Христова, объемлющего всех право верующих во Христа и Евангелие и являющего видимо силу и пришествие Господа и Спасителя Иисуса Христа и Его Царства на земле, для обращения неверующих и обличения и вразумления

заблуждающихся, — все это требует, чтобы в основу Церкви положено было *соборное начало*, одушевленное *идеей братства* во Христе, *с патриархом во главе*.

Но патриарх не может и не должен быть главой Церкви, в смысле западной церкви. Ни в Евангелии, ни в апостольской практике, собственно говоря, нет оснований для установления или восстановления патриаршества в смысле главенства, даже внешнего. Христос поставил апостолов, а через них епископов, пастырей и учителей и, как Христос не дал никому из апостолов первенства перед другими апостолами, или главенства, сказав им: «Кто хочет из вас быть первым, тот да будет всем слугой», — так и апостолы, по воле Христа — конечно, поставили епископов, пресвитеров и диаконов, дав первым, т. е. епископам, некоторые права и преимущества, необходимые для благоустроения и порядка церковного, и, указав обязанности тех и других, никому не дали ни первенства, ни главенства, которого никому из них самих не дано, дабы свобода, дарованная Христом, сохранялась в Церкви в ее неприкосновенности, оставляя полный простор соревнованию, а с тем вместе чтобы Церковь, как тело Христово, возрастала и укреплялась *духом* и *благодатью*.

Но с умножением числа верующих и с образованием отдельных самостоятельных общин со многими городами и селами, особенно когда христианство стало господствующей религией, — в видах сохранения единства Церкви и бóльшего удобства в управлении отдельными Церквами, естественно должны были образоваться *области церковные*, различные по пространству и значению в церковном и государственном смысле, а с тем вместе естественно должны были установиться неодинаковые взаимные отношения между епископами разных Церквей: одни становились в зависимое, в известной мере подчиненное отношение к другим, и вследствие этого, а также вследствие многих других причин, епископы получали различные иерархические наименования: архиепископа, митрополита, экзарха и патриарха. Все эти именования, не изменяя существа священства, одинаково принадлежащего всем епископам, выражали лишь некоторое административное преимущество, обусловленное временными и местными обстоятельствами, и еще в соборных правилах патриархи, митрополиты, архиепископы — все обыкновенно называются епископами. Если патриарх и называется иногда начальником или главой епископов, то в том же смысле, в каком называется и старший епископ, председательствовавший на соборе. Разумеется, благодаря отчасти свойственному человеку честолюбию, сказавшемуся, как известно, уже среди апостолов, но в самом начале осужденному Основателем Церкви, отчасти влиянию гражданской власти (когда Церковь получила права гражданства), не всегда державшейся в правильных отношениях к Церкви, — с различными именованиями соединялись в разное время и в разных местах неодинаковые права и преимущества: то они суживались, то расширялись; а в западной Церкви злоупотребление этими правами постепенно привели к *единовластию* епископа Римского, или *папизму*. В восточных Церквах, хотя папство и осуждаемо было, но стремление к преобладанию замечалось и между патриархами и, ес-

ли оно не привело к своего рода папизму, то только потому, что судьбы восточных Церквей сложились иначе, чем западных.

В Россию патриаршество перешло уже в готовой форме из Церкви восточной, с теми, вероятно, достоинствами и недостатками, какими отличалось оно в Церквах восточных, и, вследствие недостатка образования в России и других условий, не могло стать выше восточного по достоинствам, а недостатками нередко превосходило его. Пока существовало более или менее правильное понимание отношения между Церковью и патриархом в патриархах и представителях государственной власти, — дела церковные и дела государственные шли более или менее правильным порядком, несмотря на неизбежное на первых порах смешение дел церковных и государственных и потому неизбежное вмешательство Государей в дела церковные и патриархов в дела государственные. Но с течением времени патриаршество, благодаря особенной близости к престолу, незаметно, вследствие неопределившихся и неустойчивых еще отношений между разными учреждениями и сословиями и скорее по воле Государей, чем по собственному желанию, заняло преобладающее, господствующее положение в Церкви не в отношении только мирян и низших членов клира, но и в отношении епископов и высших сановников, и ко времени царствования Алексия Михайловича готово было уже перейти (да почти уже и перешло при патриархе Никоне) в папизм, в чем и упрекали его современники, если бы решительная рука цезаря (Петра I) не положила ему конец. Но тогда одну крайность сменила другая. С падением патриаршества и учреждением Св. Синода появился в Церкви *цезаро-папизм*, который тем более давал себя чувствовать, чем более государственная власть старалась подчинить Церковь государственной политике и чем более служители Церкви, отдаляемые от духа церковного искусственно создаваемыми обязанностями и бумажными делами, становились в свою очередь на государственную точку зрения и служили больше политике государственной, чем живому делу Церкви. Глухая оппозиция, и общая и частная, долгое время ни к чему не могла привести, пока не созрело в настоящее время сознание ненормальности такого положения дел и необходимости его изменения.

Предполагаемая реформа Церкви должна обойти указанные крайности: ни папизма, ни цезаро-папизма не должно быть в Церкви; ни патриаршество не должно переходить в папизм, ни покровительство Государя не должно вести к цезаро-папизму. Полнота Божественной власти должна принадлежать *Собору епископов с пресвитерами и братией*, насколько это возможно в Церкви в настоящем ее виде и составе. Между Церковью и государством в России должен быть тесный союз, как между душой и телом, но должны быть установлены границы. Царь русский — первородный сын Церкви и, как глава государства Российского, — верховный покровитель и блюститель, или, как выражается Константин Великий, епископ внешних дел Церкви, и Церковь в целом и в отдельных членах должны подчиняться Государю и законам гражданским, определяющим внешнюю гражданскую жизнь; но Государю неудобно по принципу и не следует по совести вмешиваться во внутренние дела

Церкви, которые всецело должны подлежать ведению собора и постановленных им лиц иерархии церковной: *кесарева кесареви, а Божия Богови.* Государственная Дума, Государственный Совет, как органы царской власти, и Собор с Синодом, как органы церковной власти, должны стоять параллельно и иметь равную силу и значение — первые для государства, последние — для Церкви. Патриарх должен быть посредником между Собором и Государем; через патриарха Государь изрекает свои желания, до церковных дел относящиеся, которые патриарх предлагает на рассмотрение Собора; Собор через патриарха представляет Государю на благовоззрение свои решения в подлежащих случаях. Государь своей властью не может без суда соборного ни низложить патриарха и епископов, ни переводить последних из одной епархии в другую. Как Собор без патриарха, так патриарх без Собора не могут ни изменений существенных делать в Церкви, ни суд над епископами производить. Права и обязанности патриарха должны быть определены Собором.

В видах децентрализации церковного управления, необходимой для более частых сношений епископов и более скорого, правильного и успешного рассмотрения и решения дел, является необходимым прежде всего *разделение* многих *обширных епархий* на две или даже на три, смотря по географическим и этнографическим условиям, и *соединение епархий в области* под управлением *митрополитов*, с такими же ограничениями власти последних, какие указаны в отношении власти патриаршей, т. е. митрополит, подчиняясь в иерархическом отношении патриарху, сохраняет относительную независимость; но, с другой стороны, ни митрополит без собора, ни областной собор без митрополита ничего существенно важного не могут делать в Церкви. Права митрополитов и епископов должны быть также определены собором.

Разделение России на церковные области не может заключать в себе никакой опасности в политическом отношении, так как Церковь политикой не занимается и не может без особой надобности вмешиваться в дела государственные, если не будет к тому призвана самим Правительством; в церковном же отношении разделение на области принесет несомненную пользу, так как даст возможность епископам и пресвитерам чаще участвовать в соборах, ближе знать друг друга и быть своевременно осведомленными о положении дел в отдельных епархиях и в целой области.

Соборы имеют быть: во-первых, Всероссийский Поместный Собор, во-вторых, — областные соборы, и, в-третьих, — соборы епархиальные.

Кроме соборов, при патриархе, митрополите и епископах должны быть специальные органы, посредством которых они могут осуществлять административные функции, какие предоставлены им будут собором.

В основание церковного управления вообще должны быть положены прежде всего *каноны соборов* и последующие церковные постановления, пересмотренные, однако, на Всероссийском Соборе и согласованные с потребностями времени и положением Церкви в настоящее время.

Но и соборы и другие учреждения и органы могут принять бюрократический характер, если состав тех и других будет ограничен определенным кру-

гом лиц, в виде постоянно неизменного института; поэтому к началу соборному должна придти на помощь *идея братства*, которая бы постоянно обновляла, оживляла и одушевляла как соборы, так и все другие органы церковного управления. Церковь всероссийская, как и вся Церковь Христова, представляет одно великое братство во Христе, которое вправе и даже обязано, и в целом, и в частях, и в отдельных членах, нравственно принимать такое или иное участие во всех делах церковных. По примеру апостольского собора, в состав Собора всероссийской Церкви, как и всех древних соборов, должны входить епископы и пресвитеры с братией. Но само собой разумеется, что возможное в апостольское время, когда верующих было так не много, что они без особого труда могли собраться в одно место, сделалось трудным в последующее время, а в более отдаленное время стало и совсем невозможно, и областные древние церковные соборы не заключали в составе своем всех верующих, а тем более не могли все верующие входить в состав соборов, когда Церковь разрослась и распространилась по всей тогдашней вселенной. И если некоторые Соборы называются Вселенскими, то вовсе не потому, что в них участвовали верующие всей вселенной, а потому, что в Соборах все частные Церкви принимали участие в лице епископа и представителей Церкви из пресвитеров и некоторых мирян. Таковы должны быть и соборы всероссийской Церкви, каковы они и были в древности в России. Но, сколько можно заключить на основании памятников церковных, ни в древней восточной Церкви, ни в древнерусской Церкви строго определенного порядка для соборов установлено не было, вследствие чего соборы представляли нередко арену для борьбы разных религиозных партий, принимавшей бурный характер; в особенности это нужно сказать относительно соборов русской Церкви. Регулировать соборы, повидимому, не оказывалось возможным, а потому они сами собою упразднились и прекратили свое существование. Поэтому, чтобы не повторилось то же и с предполагаемыми ныне соборами, требуется предварительно установить определенный порядок относительно составления соборов. Если на соборе не могут присутствовать не только все верующие, но и священноцерковнослужители, то на собор должны быть избираемы лица, которые бы были облечены доверием других и были бы представителями приходов, епархий, областей и всей поместной Церкви.

Для составления соборов, таким образом, является необходимым введение в Церкви *выборного начала*. Но если и в государстве осуществление выборного начала представляет немало затруднений, то не меньшее затруднение на практике может встретить введение этого начала в Церкви. Вот в этом случае и может помочь делу восстановление приходских братств, но не в смысле благотворительных только учреждений, каковое значение братства получили только в позднейшее время, когда истинная идея братства исчезла из сознания общества, а в смысле живых органов, проникнутых идеей братства во Христе и могущих оживлять и вдохновлять весь церковный организм. Осуществление идеи братства, а вместе и соборного начала, должно быть начато непременно с прихода, как первой единицы церковной.

Приход должен представлять *братство*, которому должны быть близки церковные интересы. Но все братство, все прихожане, само собой разумеется, не могут участвовать в деле церковном непосредственно и в одинаковой степени. В приходе могут быть дела или вопросы религиозно-церковной жизни, имеющие общий интерес, или — по крайней мере — имеющие интерес для большинства и разумению всех или большинства доступные; бóльшая же часть дел могут быть частного характера, для рассмотрения которых требуются лица, обладающие сравнительно большими сведениями, большей опытностью и большим авторитетом. Для рассмотрения и решения дел, всего прихода касающихся, могут быть созываемы *общие* (из большинства прихожан) *собрания*, в которых под председательством настоятеля церкви могут составляться постановления, какие окажутся необходимыми. Для ближайшего же заведования церковными делами в первом из таких собраний избирается *приходский совет*. В основание устройства приходского братства могут быть положены правила, составленные для финляндских православных церквей, с некоторыми изменениями, дополнениями или сокращениями, приспособительно к местным условиям приходской жизни. Приходские братства могут соединяться в *округи* по благочиниям, или как окажется удобным, и такие *окружные братства* могут по временам иметь свои соединенные собрания, когда и где окажется в том надобность, для совместных действий, какие будут требоваться обстоятельствами. В эти собрания избираются депутаты из членов совета приходских братств, а если окажется нужным — и из других достойных членов братства. В таких окружных собраниях избирают по одному, или по два, или сколько укажет надобность, депутатов или представителей для участия в предстоящем епархиальном соборе. В епархиальном соборе, таким образом, могут участвовать, кроме епископа епархиального с членами совета кафедрального или епархиального братства, избранные окружными собраниями приходских братств священники и достойнейшие, известные своей твердостью веры и доброй нравственностью, представители мирян, с правом совещательного голоса. На епархиальном соборе, точно так же, представителями от окружных братств избираются на имеющий быть собор областной депутаты, смотря по делам, преимущественно от тех приходов, дела которых окажутся не подлежащими ведению собора епархиального и имеющими поступить на собор областной. На областном соборе, точно так же, представителями, избранными на соборах епархиальных, избираются депутаты в члены Собора Всероссийского и точно так же — преимущественно от тех епархий, дела которых имеют поступить на рассмотрение такового Собора. Таким образом, на соборах епархиальном, областном и Всероссийском будут принимать участие в слушании и рассмотрении дел избранные и уполномоченные депутаты или представители от окружных братств разных епархий с правом совещательного голоса, и потому постановления собора по справедливости могут быть почитаемы постановлениями епископов с пресвитерами и братиею или всей Церковью и, следовательно, безусловно обязательными для всех верующих Церкви русской, как единодушно, по изволению Святого Духа, изреченные.

Кроме Соборов, ведению которых должны подлежать дела Церкви российской, для осуществления административных функций патриархом, митрополитом и епископами должны быть *избранные на подлежащих соборах органы*: при патриархе должен быть *церковный Синод* из нескольких епископов для рассмотрения общецерковных дел, с советом епархиальным из нескольких пресвитеров и диаконов; при митрополите — *духовный совет* из викарных епископов, нескольких пресвитеров и диаконов; при епископе — из викарного епископа и нескольких пресвитеров и диаконов.

Все остальные учреждения, как-то: Учебный Комитет, синодальный Училищный Совет, епархиальный училищный Совет, попечительство, комитеты свечных заводов и миссионерские комитеты, управления эмеритальных касс, епархиальные съезды, частные приходские общества, попечительства и братства — упраздняются сами собой, как самостоятельные учреждения, и, вместо них, советы братства избирают в нужных случаях на известный срок комиссии из нескольких членов, которым и поручается ревизия духовно-учебных заведений и церковно-приходских школ или заведование отдельными отраслями епархиального хозяйства церковного. Комиссии могут действовать на основании правил, какие установлены для указанных учреждений при самостоятельном их существовании, с сокращениями и изменениями, какие окажутся необходимыми приспособительно к новому устройству. Выбор членов в эти комиссии должен принадлежать общему собранию членов братских советов.

Не будучи подчинены одни другим и не будучи формально поставлены в обязательные отношения, братства, естественно, должны находиться, однако, во взаимной связи и общении между собой. Братства приходские могли бы, когда представлялась бы к тому надобность, командировать членов на собрания епархиальных и других братств. Братство патриаршее, митрополичье и епископское могли бы командировать, в свою очередь, членов на приходские братства с поручениями. Между братствами могли бы быть во всякое время сношения письменные или посредством выборных членов, по разным общим, более или менее трудным, вопросам. Братства правильно могли бы организовать и с бóльшим, чем теперь, успехом вести дело миссии, избирая для этого из своей среды людей, особенно способных к этому делу. Братства могли бы также правильно организовать дело общественной и частной благотворительности и иметь свои специально благотворительные фонды, из которых оказывали бы взаимную материальную поддержку друг другу, а равно оказывали бы своевременную помощь нуждающимся, которые всегда могут быть известны братствам. Такая благотворительная и своевременная помощь нуждающимся со стороны братств сделала бы почти невозможным существование профессионального нищенства: они могли бы устроить общественные богадельни для больных, неспособных к труду. Тогда оказались бы ненужными разные благотворительные общества, лишь разделяющие, а не соединяющие, отвлекающие людей от прямого из дела и часто расходующие собранные деньги на цели совсем не благотворительные и нередко содействующие

праздности и тунеядству, а бедность, нищенство не уничтожающие и не уменьшающие.

Ведению соборов и братств должны подлежать и духовно-учебные заведения, не исключая и академий, останутся ли они в настоящем их виде или будут преобразованы, и будет ли им предоставлена автономия, как светским учебным заведениям, или нет — все равно. Во всяком случае, они должны быть освобождены, соответственно новому государственному и церковному переустройству, от опеки государственной; надзора обер-прокурора или Учебного Комитета и Училищного при Синоде Совета не должно быть [1]. Государственная власть, дав полную свободу: свободу личности, свободу мыслей и свободу печати, свободу совести, — тем самым сложила с себя обязанность надзора за учебно-воспитательными заведениями и сделала совсем ненужным для себя надзор за направлением (какового в государственном или политическом смысле и быть не может при новом государственном устройстве) учебно-воспитательного дела, так что надзор всецело должен быть делом общества, народа, Церкви, ибо в добром направлении учебно-воспитательного дела главным образом заинтересованы родители и общество, или народ и Церковь, для которых школы должны приготовлять благонадежных деятелей. Осуществления этого надзора над духовно-учебными заведениями в более или менее правильном и целесообразном виде общество, народ, Церковь могут достигать именно при посредстве церковных союзов, в виде братств. Это тем возможнее, что в состав братств должны входить и высшие представители Церкви — патриарх, митрополиты, епископы, члены Синода и советов епископских, члены учреждений духовных и светских, и начальники и преподаватели учебных заведений.

Предполагаемый надзор может представляться в следующем виде.

Высший надзор за духовно-учебными заведениями должен принадлежать высшей церковной власти. Академии, семинарии и училища областей патриаршей и митрополичьих должны быть подчинены патриарху и митрополиту. Семинарии в других городах губернских с училищами должны находиться под управлением епископов.

Патриарх, кроме личного обозрения, может осуществлять свой надзор над учебными заведениями производством ревизий, когда окажется нужным, через нарочито избранных советом братства в каждом отдельном случае лиц (духовных и светских) из членов братства с высшим образованием или с достаточным для сего авторитетом. Митрополиты и епископы точно так же могут осуществлять надзор, помимо личного обозрения, через избираемых в совете братства лиц с ответственным образовательным цензом, педагогическими и хозяйственными способностями, смотря по надобности. Отчеты должны быть представляемы патриарху, митрополитам и епископам по принадлежности и рассматриваться в советах братств, а о результатах должно быть докла-

[1] На средства, какие идут на эти два учреждения, лучше бы учредить *ученый комитет* из профессоров академии, но не для контроля и ревизии, а для рассмотрения учебников и ученых сочинений.

дываемо собору и сообщаемо к сведению в советы братств приходских, если признано будет нужным на соборе.

Церковно-приходские училища, если таковые останутся в ведении Церкви, должны быть в ближайшем заведовании приходских братств со священником во главе.

Братствам должен принадлежать контроль над преподаванием Закона Божия и надзор за религиозно-нравственным воспитанием и во всех светских учебных заведениях, будут ли это земские или министерские, через способных и опытных в педагогическом отношении членов, которым должно быть предоставлено право, с ведома и согласия ближайшего учебного начальства, посещать уроки по Закону Божию и вносить в совет братства свои наблюдения — с тем, чтобы, по рассмотрении их, сообщать к сведению подлежащему начальству, с указанием или предложением мер к улучшению преподавания. С другой стороны, представителям светского образования, как членам братства, особенно родителям, должно быть предоставлено право посещать, также с согласия ближайшего духовного начальства, в удобное время духовно-учебные заведения и церковные школы, и свои наблюдения сообщать в советы братств к сведению, с предложением мер к устранению тех или других замеченных недостатков. Этот взаимный контроль, само собой разумеется, должен иметь братский, а не формальный казенный характер, и потому не мог бы быть обидным и унизительным для начальников и преподавателей, каким является контроль чиновников-ревизоров, не могущих ничего узнать в несколько дней и почти всегда склонных к превышению своих прав.

Так как в братствах были бы членами люди всех государственных и общественных учреждений и групп и всех степеней образования, то получилось бы путем таких наблюдений близкое и живое знакомство с церковными и народными школами всех слоев общества; школы стали бы предметом постоянных забот и попечений всего общества: одни — имеющие детей в школе — самолично могли бы осведомляться о ходе обучения и воспитания и об успехах и поведении своих детей; а кто детей в школе не имел бы, или не имел бы времени и возможности лично следить за ходом учебно-воспитательного дела, тот от других мог бы получать сведения, почему-нибудь ему нужные или его интересующие. Таким образом, школы духовные и народные стали бы, с одной стороны, живым детищем Церкви и общества, воспитанники не были бы так далеки и чужды обществу, народу, и школы не подвергались бы неосновательным нареканиям и жалобам на дурное преподавание и обращение с учениками, какие повсюду теперь слышатся.

Выборное начало должно проходить по всем инстанциям, начиная с прихода, но с установленными на Всероссийском Соборе ограничениями, — именно в таком приблизительно порядке: 1) Патриарха и митрополитов избирает Всероссийский Собор в присутствии Государя, который утверждает акт избрания не как, впрочем, глава Собора, а как почетный блюститель и покровитель Церкви в России. В избрании участвуют, кроме епископов, с правом совещательного голоса, представители областных братств (по три лица ду-

ховных и по три из мирян или больше). 2) Епископ избирается на областном соборе епископами области с участием представителей от всех братств областных (по три или больше) и от епархии, в которую избирается (шесть или больше), с правом совещательного голоса. 3) Священник избирается в совете кафедрального братства (в епархиальном городе) с участием представителей от братств округа, в котором находится приход (в числе трех или больше членов и трех представителей от самого приходского братства — одного клирика и двух мирян).

Выбор священников производится: 1) из лиц вполне правоспособных, т. е. окончивших полный курс или в семинариях, если таковые останутся, или в пастырских школах, если таковые будут (как проектируется многими); 2) при отсутствии таких правоспособных кандидатов, могут быть избираемы окончившие и не окончившие курс в высших и средних светских учебных заведениях, если пожелают; но таковые должны подвергаться испытанию при епископском совете в достаточной подготовке к пастырскому служению по составленной для сего программе. Что же касается учительских семинарий, училищ разных типов и церковно-приходских или вообще сельских школ, то прошедшие такие школы или только обучавшиеся в них, могут быть избираемы сначала в псаломщики; и только прослужившие один, два или три года или больше псаломщиками, смотря по способности, усердию и поведению, могут быть избираемы и поставляемы во диаконы по испытанию в совете епископов, равно как и во священники, если по знаниям и по службе окажутся достойными, по прослужении в диаконском сане не менее трех лет. То же должно быть соблюдаемо, но еще с большей осторожностью, относительно лиц, совсем не учившихся в школе, но почитающих себя и другими признаваемых достаточно подготовленными к той или другой должности церковной и могущих быть полезными для Церкви. Таким образом, должности церковные могут быть доступны всем; но избираемы будут, правильно, только подготовленные к сим должностям соответственным образом.

Выборное начало *в учебных заведениях*, по признании за ними автономии, может быть допущено по отношению ко всем должностям и может быть осуществляемо точно так же при участии, вместе с членами корпорации, представителей от братств с различным образовательным цензом, избираемых преимущественно из лиц, имеющих детей в учебных заведениях, в которое выборы производятся, и из лиц, стоящих в близких отношениях к учебному делу, духовных и светских поровну, так, чтобы составилась третья часть корпорации заведения, а в случае нечетного числа — с превышением трети на один голос.

Суд церковный по важнейшим делам над лицами клира должен производиться на соборе: над патриархом и митрополитами — на Всероссийском Соборе, над епископами — на областном соборе, с участием избранных представителей от братств, так же и в таком же числе, как и при избрании этих лиц.

Круг дел, по которым церковно-иерархические лица должны подлежать суду соборному, должен быть строго определен на Всероссийском Соборе;

должны быть строго установлены также, на основании канонических соборных постановлений, условия, при которых жалоба или донос на то или другое иерархическое лицо могут быть приносимы и принимаемы к соборному рассмотрению, с привлечением на собор обвиняемого лица, а равно и ответственность, какой должен подвергаться в том и другом случае жалобщик или доносчик за ложный донос и ложную жалобу на то или другое лицо.

Второстепенные же дела судебные и административные должны подлежать компетенции Синода и областных и епархиальных советов и должны рассматриваться также при участии вместе с постоянными членами совета, лиц, избираемых от братств на каждую сессию из более или менее компетентных по той или другой части членов. Дела же, решение которых предоставлено благочинническим советам, должны решаться на окружных братских собраниях.

При неудовлетворительном решении дела могут быть переносимы из низшей инстанции в высшую; но должны быть строго определены основания для апелляции — в предотвращение волокиты, к какой так склонны многие сутяги.

Дела предбрачные должны быть предоставлены в сельских приходах волостным правлениям, а в городских — полицейским правлениям или учреждениям, которые заменят их; а дела бракоразводные — гражданскому суду, и резолюции суда о расторжении брака должны быть сообщаемы подлежащим духовным советам по принадлежности на окончательное решение.

Проектируемое в общих чертах устройство церковной жизни, при детальной разработке на соборе, — думаю, — с одной стороны гармонировало бы с новым укладом государственной жизни и могло бы, быть может, благотворно воздействовать на последнюю при удачном применении на практике; с другой стороны, оно удовлетворило бы существенным религиозно-нравственным потребностям и стремлениям и духовенства и народа, открывая первому широкий простор к пастырскому воздействию на народ, а последнему — возможность к более близкому и внимательному участию в делах Церкви, к дружному противодействию иноверному влиянию и влиянию людей свободомыслящих и порочных. Пока не *возлюбим братство* в самом широком смысле, как древнецерковную, из существа христианства вытекающую и существу Церкви вполне отвечающую жизненную форму, до тех пор никакие реформы не воскресят настоящую истинную жизнь Церкви, умиравшую именно с угасанием и умиранием в Церкви идеи братства во Христе, от которой теперь остался один звук пустой, а впоследствии и этот звук замрет и исчезнет в хаосе нечеловеческой борьбы страстей, не только не смягченной, но еще более поощренной дарованными свободой, равенством и братством, в западном духе и смысле понимаемыми и к жизни применяемыми. Противопоставить им не на словах, а во всей жизни церковной, свободу, равенство и братство во Христе — было бы задачей, достойной Церкви, и верным залогом победы духа Христова в Церкви над духом мира.

№ 30,
преосвященного Флавиана, митрополита Киевского,
от 11 декабря 1905 года

О составе Собора Всероссийской Церкви

Под именем собора в церковно-каноническом смысле всегда разумелось собрание представителей высшей иерархии, именно епископов, для обсуждения и решения вопросов христианской религии и морали, а также и предметов церковно-канонического характера, относящихся к внутренней стороне церковной жизни.

Соборная форма церковного управления — весьма древнего происхождения; но по вопросу относительно ее происхождения, по вопросу о том, кому принадлежит первоначальное установление соборного института, существуют различные мнения. Главное из них то, по которому первоначальное установление соборов принадлежит Самому Иисусу Христу, Который сказал: «Идеже бо еста два, или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их» (Мф. 18:20). Практическое применение этого божественного установления соборной формы церковного управления усматривается в апостольских соборах, которые приводят в непосредственную связь с церковными соборами вообще. Но это мнение не может быть признано состоятельным. В приведенных словах Спасителя невозможно без особенной натяжки видеть установление соборов, как особенных органов церковного законодательства и управления. Слова эти проще и правильнее можно отнести ко всякому собранию христиан во имя Христово, а более всего к собранию молитвенному (Архим. Михаил: «Толковое евангелие», т. I, с. 334). А потому едва ли апостольские соборы можно привести в непосредственную связь с последующими церковными соборами. Особенности церковной жизни в век апостольский до того были исключительны, что Церковь последующих, даже ближайших столетий, стараясь во всем, во всех своих учреждениях сохранить дух апостольской Церкви, должна была по необходимости изменить некоторые формы ее. Так случилось и с соборным институтом. В апостольских собраниях принимали участие все христиане, как об этом свидетельствует книга апостольских Деяний (гл. I, VI, XV), а на соборах последующего времени решающее значение принадлежит уже одним епископам. Такое изменение произошло, конечно, как оттого, что миряне после апостольского времени не имели уже тех «даров духовных», которыми обладала «братия» апостольского времени, так и от той высоты положения, которое заняла в жизни Церкви епископская власть.

В настоящее время как историки, так и канонисты согласны в том, что право решающего голоса на соборах всегда принадлежало только епископам.

Иначе и быть не может. Епископы суть преемники апостолов, получившие от них все права иерархического служения в Церкви и все полномочие в управлении духовным стадом, почему, как говорит св. Игнатий Богоносец, каждый епископ в своей частной Церкви есть местоблюститель Христа. Вместе с учением и священнодействием епископам принадлежит и вся власть духовного управления.

Первая их обязанность — забота о чистоте истинной веры. Поставляя епископов на высокое служение в Церкви, апостолы заповедали им учить и наставлять других в истинах веры и жизни: «Вникай в себя и в учение; внушая сие братиям, будешь добрый служитель Иисуса Христа, питаемый словами веры и добрым учением; негодных же и бабьих басен отвращайся, а упражняй себя в благочестии; проповедуй сие и учи» (1 Тим. 4:16, 6, 7, 11), пишет апостол Павел Тимофею, — требуя от епископа, чтобы он непременно был учителен (1 Тим. 3:2). Как сами апостолы, проповедуя истинное учение Христа, внимательно в то же время следили за тем, как оно прививалось к сознанию верующих и осуществлялось в жизни, для чего они не раз настойчиво повторяли и выставляли то, что еще не было надлежащим образом понято и усвоено младенчествующими христианами, — так поступать они завещали и епископам: «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием. Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням. Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое» (2 Тим. 4:2—5). В другой раз св. апостол внушает епископу Тимофею, чтобы он согрешающих обличал перед всеми, чтобы и прочие страх имели (1 Тим. 5:20).

Епископ должен воспитать и приготовить и других учителей веры: «Что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить» (2 Тим. 2:2), говорит апостол Павел Тимофею. «Достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении» (1 Тим. 5:17).

Учение составляет, таким образом, одну из существеннейших обязанностей епископа. Вот почему христианские апологеты с особенной силой и настойчивостью утверждали ту истину, что учение Христово могло сохраниться и действительно сохранилось в Церкви только через непрерывное предание епископов, как учителей и хранителей евангельской истины (Ириней, Тертуллиан).

Епископы суть ближайшие преемники и власти апостольской, полномочные правители, пастыри и начальники вверенного им духовного стада. Поручая духовному их попечению и управлению общество верующих, св. апостолы с тем вместе передавали епископам и всю власть в их частной Церкви. И, во-первых, епископы имеют власть над лицами иерархическими — пресвитерами и диаконами, которых они поставляют (Тит. 1:5), судят (1 Тим. 5:19), награждают (1 Тим. 5:17) и возводят на высшую степень, смотря по нрав-

ственному их достоинству и по тому, как они проходят свое служение (1 Тим. 3:13). Таким образом, в первенствующей Церкви диакон и пресвитер ничего не могли совершать без дозволения епископа или вопреки его воле.

Слова Спасителя, обращенные к апостолам: «Слушающий вас Меня слушает, и отвергающийся вас Меня отвергается» (Лк. 10:16), после апостолов относятся по преимуществу к епископам, как руководителям верующих на пути спасения. Верующие поэтому обязаны оказывать им полное доверие и быть у них в послушании. В противном случае они не повинуются Самому Господу, установившему власть в Церкви и оградившему покорность ей страшными угрозами (Мк. 16:15, 16; Лк. 10:16). Без епископа, говорит св. Игнатий Богоносец, и Церковь не именуется.

Согласно с таким назначением епископата в Церкви, исторически выясняется его значение в жизни ее. Значение это сказывается решительно на всех сторонах церковной жизни и во всех областях ее. Частнее, на соборах исключительно епископам принадлежал решающий голос; диаконы и пресвитеры участвовали на соборах только по приглашению епископов.

Такой вывод следует сделать из практики по этому вопросу древнехристианской Церкви.

Определения соборные всегда произносят епископы. У Биния («Concilia generalia et provincialia») постоянно встречается фраза: episcopi dixerunt. Утверждение соборных определений считалось необходимым и со стороны тех епископов, которые должны были присутствовать на известном соборе, но по какой-либо причине отсутствовали. За отсутствующих епископов подписывались обыкновенно пресвитеры и другие клирики, как уполномоченные ими. Так, на первом Вселенском Соборе, за отсутствием Римского епископа, подписались два пресвитера; на втором Вселенском Соборе за своих епископов подписались пресвитеры антиохийские. Изложение веры и правила соборные всегда надписываются именем только епископов: «Изложение», например, «веры трех сот осминадесяти святых отец, собравшихся в Никее»; «Правила двух сот святых и блаженных отец, собравшихся в Ефесе»; «Изложение веры ста пятидесяти святых и блаженных отец, собиравшихся в Константинополе».

Историки постоянно упоминают о том, сколько епископов было на известном соборе; так, на Поместном Соборе Александрийском, осудившем Ария, по счету Созомена, было до ста епископов; на Сардикийский — из западных областей съехалось до трехсот епископов, а из восточных — семьдесят шесть; на Медиоланском Соборе было западных епископов более трехсот и т. д.

Светская власть, обращаясь с грамотами к соборам, обращалась только к епископам, бывшим на известном соборе. Такова, например, грамота Юстиниана, посланная им на V Вселенский Собор: «Блаженнейшим епископам и патриархам (перечисляются имена) и прочим благоговейным епископам, собравшимся из разных стран».

Участвовали на соборах и пресвитеры с диаконами. На первом Вселенском Соборе их было много. Созомен, сказавши о том, что всех епископов

собралось на Никейский Собор около ста двадцати, продолжает: «Вероятно, не малое также число было пресвитеров и диаконов, приехавших вместе с епископами». Римского епископа по причине глубокой старости не было на Соборе; вместо себя он прислал двух пресвитеров «с уполномочием соглашаться на постановления соборные», свидетельствует Феодорит. Этот историк, рассказывая о том, что Константин Великий приказал давать епископам общественные подводы, прибавляет: «То же самое *и их спутникам*», а спутниками этими были пресвитеры и диаконы. «Вместе с епископами прибыло на Никейский Вселенский Собор множество пресвитеров и диаконов», читаем в актах первого Вселенского Собора, когда идет речь о составе Собора. Есть достаточно свидетельств о том, что на поместных соборах в IV веке присутствовали пресвитеры и диаконы. Но все они или посылались на собор епископами вместо себя, или являлись от какой-либо Церкви, за неимением в ней в то время епископа, представителями, или являлись на собор в качестве спутников епископа.

Константин Великий в письме к Сиракузскому епископу, в котором приглашает этого епископа явиться на Арелатский Собор, велит ему взять с собой *по собственному выбору* двух пресвитеров: «Повелев к календам августа собраться в город Арелат, — пишет Константин Великий,— весьма многим епископам из разных и бесчисленных мест, я счел нужным написать и тебе, чтобы, потребовав общественную подводу… взяв с собой *по собственному твоему выбору*, два духовных лица… и с тремя слугами, ты отправился» … В подписях, собранных на Арелатском Соборе, у Биния есть несколько пресвитеров и диаконов, подписавшихся вместе со своими епископами («Concilia gener. et provinc.». S. 266). На Тирском Соборе тоже были пресвитеры и диаконы. Феодорит, говоря о том, что этому Собору велено было отправиться в Иерусалим для освящения храма, прибавляет, что и епископам и их спутникам приказано было выдавать все нужное.

Вообще можно сказать, что на соборах, по желанию епископов, могли присутствовать и присутствовали пресвитеры и диаконы, хотя на некоторых соборах IV века их, по-видимому, не было; по крайней мере, о них совсем не упоминается в актах Соборов: Анкирского, Неокесарийского, Сардикийского и др. Как на обыкновенный состав соборов, указывают на состав Толедского Собора, бывшего в 633 году. В актах заседание этого Собора описывается так: «После того, как пошли (в храм) и сели епископы, призваны были затем пресвитеры, какие по обстоятельствам дела удостоены были права войти; после них входят достойнейшие диаконы, каких пожелали допустить епископы; и, когда образовался венок из седалищ епископских, пресвитеры уселись сзади их, диаконы стояли в виду (in conspectu) епископов; затем входят миряне, какие удостоились чести войти по избранию Собора» (Mansi, t. X, p. 617). Как видим, состав собора зависел от усмотрения епископов.

Если не упоминают ни историки, ни соборные акты о присутствии пресвитеров и диаконов на некоторых соборах, то это, очевидно, по той причине, что они имели второстепенное значение на соборах и о них упоминается

только по особым обстоятельствам, а также и потому, что они могли и не быть на некоторых соборах, так как присутствие их на них не было таким необходимым, как присутствие епископов.

Относительно участия на соборах клириков, низших пресвитеров и диаконов, можно вывести заключение из указания, например, на то, что, на Александрийском Соборе, осудившем Ария, присутствовал весь клир. Уполномоченными от епископов могли быть на соборах и низшие клирики. На втором Вселенском Соборе подписался под актами Атарбий, епископ Птолемаидской области, в лице своего чтеца. На Соборе Селевкийском за отсутствием епископов подписались чтецы. Значит, епископы могли давать полномочия и давали их тем из клириков, кому им угодно было дать. Эти уполномоченные имели такое же значение на соборах, какое имели бы сами епископы, если бы присутствовали на них. Подписи уполномоченных на соборных актах показывают, что они пользовались теми же правами, что и епископы. В ряду подписей уполномоченные почти всегда занимают места своих епископов и подписываются той же формулой, что и епископы, например: «Юлиан, епископ города Мостены, определивши, подписал», — а уполномоченные так: «Роман, — например, — епископ Евдоксиопольский, определивши через пресвитера Василиска, подписал».

Определить значение пресвитеров и диаконов, присутствовавших на соборах самостоятельно, довольно трудно. Из того, что пресвитеры представляются заседающими вместе с епископами на соборах, а диаконы — предстоящими своим епископам, можно вывести только то заключение, что пресвитеры и диаконы пользовались на соборах неодинаковыми правами. Впрочем, и сам термин «самостоятельно» к деятельности пресвитеров на соборах, собственно, неприменим. Пресвитеры на соборы являлись почти исключительно в качестве спутников епископов. Есть только один факт из IV века, повидимому, противоречащий нам, это — скрепление определений второго Вселенского Собора некоторыми пресвитерами, как самостоятельными лицами. Но если в этом случае не упоминается, что они были уполномоченные епископов, то это потому, что не было епископов в тех Церквах, к которым принадлежали пресвитеры, подписавшиеся от своего лица на этом Соборе; по крайней мере, положительно известно, что в Антиохии в то время не было епископов (подписались два пресвитера антиохийских), потому что на втором Вселенском Соборе был рукоположен Флавиан во епископа Антиохийского. В послании этого Собора к Римскому епископу читаем: «Для старейшей, именно апостольской Церкви в Антиохии сирской, собравшиеся как из той самой епархии, так и из восточных диоцезий епископы законно рукоположили епископом благоговейнейшего и боголюбивейшего Флавиана». Можно думать, что и другие пресвитеры по таким же или подобным обстоятельствам являются как бы самостоятельными на этом соборе. Так что из того, что пресвитеры представляются заседающими на соборах вместе с епископами или присутствующими при решениях соборов, а также из того, что пресвитеры в тогдашнем епархиальном управлении составляли совет при епископах, можно вывес-

ти заключение, что пресвитеры пользовались правом совещаний на соборах, были советниками епископов. Диаконы не имели и этого права. Они исполняли служебные обязанности при своих епископах и только в редких случаях, по необыкновенным личным своим дарованиям и познаниям, пользовались правом участия в обсуждении вопросов и совещаниях, как например, на I Вселенском Соборе Афанасий Великий, на IV — архидиакон Аеций, на V — Диодор. Но диакон Диодор, например, ничего не говорит от себя, а все от лица епископов.

Таким же значением пользовался клир и при выборе епископов. Поставление епископа принадлежало епископам и митрополиту области. Но так как епископы обыкновенно избирались из клира той же самой Церкви, для которой рукополагались во епископа, то само собой разумеется, что клирики могли быть и действительно были самыми лучшими советниками епископов при этих избраниях. Они могли хорошо знать всю жизнь избираемых лиц и свидетельствовать поэтому об их достоинстве и недостоинстве, соглашаться на выбор одного и не соглашаться на выбор другого.

В послании отцев II Вселенского Собора Римскому епископу говорится, что рукоположение во епископа совершалось в присутствии клира. Клир, конечно, мог свидетельствовать о достоинстве избираемого лица. Точно таким образом совершалось избрание епископов и на Западе (Биний).

Итак, епископы были главными лицами как на соборах, так и в избрании епископов; а остальной клир был только помощником и советником епископов в этих частях церковного управления.

Когда на Халкидонском Вселенском Соборе произошли споры, то египетские епископы воскликнули: «Зачем кричат клирики? *Собор составляют епископы*, а не клирики". Или: "Мы просим выгнать лишних. Император созывал епископов: Собор составляют епископы; лишние зачем кричат?"

Какое участие в Соборах принимали миряне?

Вскоре после вознесения Господня, на место отпавшего Иуды было произведено избрание в апостолы св. Матфия. В церковном собрании, на котором избран св. Матфий, участвовали и народ — ὄχλος. Еще яснее и определеннее описывается в книге Деяний состав церковного собрания, на котором избраны были диаконы (VI гл. Деян.). Апостолы *созывают* особое нарочитое собрание: «двенадцать» созвали «множество учеников». Слово «ученик» у деописателя употребляется для обозначения обыкновенных верующих (например, ст. 7). «Все множество» соглашается на меру, предложенную апостолами («угодно бысть»). Апостолы, следовательно, созывают собрание, выступают на нем с предложением, устанавливают, как видно из рассказа, качества избираемых и рукополагают избранных. Народ выражает только согласие. На Соборе апостольском (XV гл. Деян.), по случаю разногласия относительно соблюдения обрядов ветхозаветных и в христианстве, были и пресвитеры и вообще вся Церковь. В повествовании деописателя весьма заметно различие в значении на соборе — как апостолов, так и пресвитеров и народа. Пресвитеры были приглашены для обсуждения дела, а народ только присутствовал (6 ст.).

Решающими лицами представляются апостолы. После долгих рассуждений, встал Петр и начал говорить, за ним говорит Иаков, брат Господень, и все собрание соглашается с их словами. Послание в Антиохию пишется от лица всей братии (ст. 23, 25).

Так поступали апостолы; но они нигде не заповедали, что так должно быть всегда, что всегда — во все времена и при всяких обстоятельствах — надо в точности следовать их образу действий. Из этих примеров следует только одно, что участие мирян в соборе допустимо. Это действительно и практиковалось в первые века христианства. Во II веке на соборах по вопросу о праздновании Пасхи были и простые верующие. В III веке на соборах тоже присутствовали миряне. Св. Киприан в одном из своих писем по делу падших признает необходимым пригласить и мирян на собор: «Смиренномудрие, и учение, и самая жизнь наша требуют, чтобы мы, предстоятели, собравшись с клиром, в присутствии народа, которому также за веру его и страх должна быть воздана честь, могли распорядиться всем по общему соглашению». Св. Киприан, впрочем, с самого начала своего епископского служения поставил себе задачей «ничего не делать без совета пресвитериума и согласия народа» (письмо 14).

Актов этого собора не сохранилось. Но св. Киприан в письме к епископу Антониану описывает собор, и из этого описания видно, что собор состоялся именно так, как и предполагалось, с участием епископов, клира, исповедников и мирян. Однако св. Киприан здесь же, в этом письме, между прочим, говорит: «Если бы *число епископов* Африки показалось кому-либо недостаточным, то мы писали по этому делу даже и в Рим к коллеге нашему Корнелию, который и сам со *многими епископами* составил собор и согласился с нашим мнением» (письмо 55). Почему же речь идет здесь только о числе епископов? В письме к Корнелию св. Киприан совместно с 41 епископом пишет (письмо 57): «Мы прежде постановили (statueramus) о падших... изволися *нам* по действию Св. Духа... дарование мира мученикам составляет честь и славу *нашего епископата*». Очевидно, что, хотя на соборе присутствовали и клир и миряне, но решающий голос принадлежал только епископам. Мысль эта подтверждается историей собора 256 г. по поводу перекрещиванья еретиков. Акты этого собора уже сохранились. Вступление к протоколу гласит: «Когда в сентябрские календы многие епископы из провинции Африки, Нумидии, Мавритании сошлись воедино в Карфагене вместе с пресвитерами и диаконами, в присутствии даже огромной части народа, — Киприан сказал: послушайте, любезнейшие *сотоварищи* (collegae)»... и далее в поименном перечне следуют мнения 87 епископов, изложенные в виде кратко мотивированных положений. Итак, в Соборе участвуют клир и миряне, а мнения исчисляются только епископов, и вступительную речь свою епископ Киприан начинает обращением: collegae. Таким образом даже и на Соборах, устрояемых св. Киприаном, не придавалось особенного значения участию на них мирян, хотя из мирян св. Киприан допускал только «исповедников и *лиц, твердых в вере*». С IV века миряне не принимают активного участия в соборных делах. Лаодикийский

Собор, как известно, отнял у них право даже избирать имеющих ставиться во священство (13-е правило). В IV же веке народ был решительно устранен от участия в Соборах и в выборе епископов. Это произошло оттого, что, как было уже сказано, миряне этого времени мало имели сходства с братией апостольского времени.

Такое значение всегда имел епископат в деле соборного законодательства и управления; таким, конечно, оно должно быть и теперь, так как нет никаких оснований и никто не имеет права на коренное нарушение церковного строя и устоев церковной жизни. Как прежде, так и теперь епископы, и никто другой, должны и могут установлять и решать все, что̀ относится к нашему спасению. Никто не имеет у себя данных, на основании которых он мог бы считать епископат слабым для разрешения предстоящих ему на соборе задач. Признавать его таким, значит — и не верить в благодатную помощь Бога, облекшего наших епископов высочайшей церковной властью, и без нужды наносить ущерб силе и достоинству этой власти. Предлагать помощь со стороны клира и мирян, когда со стороны епископов не слышно еще было просьбы о том, есть дело нынешнего настроения и направления умов, все прежнее критикующего и все разрушающего. Все те возражения, которые теперь столь усердно ставят против состава собора из одних епископов, не могут быть признаны достаточно мотивированными и серьезно поставленными.

Указывается на то, что епископы — монахи и что им, как монахам, неизвестна и даже чужда жизнь верующих; указывается на то, что епископы наши — не выборные, а назначенные.

Считаться с этими возражениями, собственно, не стоило бы. То правда, что в нашей Церкви епископы из монахов; но они живут среди верующих и могут поэтому, не живя по-мирскому, знать мирскую жизнь, знать духовные нужды своих пасомых, знать и принимать к сердцу все, чем живет и чем волнуется их паства. Это — простая, самоочевидная истина. Что касается применения выборного начала к епископам, то, если на будущем Всероссийском Соборе оно будет решено в утвердительном смысле, тогда и речь будет иная; теперь же — и в синодальный период жизни нашей Церкви и в патриархальный — начало это к епископам не применялось. Как происходит избрание епископа теперь — неизвестно. С немногими особенностями оно совершалось и в патриархальный период.

Когда нужно было избрать епископа на освободившуюся архиерейскую кафедру, патриарх извещал об этом окружным воззванием (посланием) всех епархиальных архиереев, «сущих под ним», т. е. находящихся в его ведении, приглашая их в Москву на собор по этому делу. Те из архиереев, которые по каким-либо причинам не могли присутствовать на соборе лично, должны были прислать от себя к патриарху грамоты, в коих объяснялись причины, удержавшие их в епархии и не дозволившие им ехать на собор, а также изъявлялось согласие на действия будущего собора; при этом епископы указывали еще, кого они в своей епархии имели «довольна суща на таковое достоинство». Ослушникам же за намеренное и беспричинное противление патриарше-

му призыву на это дело угрожалось лишением сана: «Таковаго божественнаго правила и закона Божия Церкве чужда и обнажена архиерейския чести и сана сотворяют и архиерейскаго числа и причта изгнан да будет, понеже сам отлучился от них». По прибытии архиереев в Москву патриарх приглашал их к себе и, по совещании с ними о предстоящем избрании, назначал самый «день избрания».

Итак, предполагаемый Собор может состояться из епископов русской Церкви, и одни епископы и должны составить этот Собор, пригласив для участия в соборных суждениях, но не для окончательного решения вопросов, тех лиц или пресвитеров и мирян, пригласить кого из них найдут они нужным и полезным для дела. Такая практика была в древней Церкви; так могут поступить и теперь епископы наши. Это, к тому же, будет соответствовать и вообще духу святой Церкви.

В Церкви Христовой, как в учреждении божественном, но вместе состоящем из людей, можно различать двоякий авторитет. Иисус Христос дал Церкви право быть столпом и утверждением истины, верховным судилищем для всех ее членов. Этим божественным правом ей предоставлено действовать через епископов. Кто слушает их, тот слушает Самого Господа; и кто отметается их, тот отметается Самого Господа. Преслушавший суд Церкви, выражающийся в суде ее правителей, есть язычник и мытарь. Но кроме этого авторитета, в Церкви есть и авторитет человеческий, это: единодушие всех ее членов, их общее и согласное исповедание преданного им от Бога учения, их ревность ко благочестию, их святость и т. п. Поражая противников Церкви ее божественным авторитетом, отцы Церкви указывали и на этот последний авторитет. «Напрасно, — говорит блаженный Августин, — еретики, осужденные отчасти судом самого народа, отчасти важностью соборов, отчасти и величием чудес, волнуются вне Церкви: этим трояким осуждением она выразила свой высший авторитет». Вооружаясь против пелагиан, он говорит: «Устрашенные авторитетом Евангелия и еще более поражаемые постоянным верованием, единодушно хранимым всеми христианами, они соглашаются на то, что дети не могут спастись без крещения». Будучи представителем Церкви и ее власти, собор может представлять собой вместе с божественным и этот последний человеческий авторитет ее. Епископы явятся на нем как учители веры, как блюстители ее целости и всего церковного благоустройства; им должен принадлежать на Соборе весь суд, потому что только в их единодушном голосе может выражаться божественный авторитет Церкви, обязательный для христиан. «Изволися Духу Святому и нам», — могут выразить они на соборе такую власть свою.

Присутствие на соборе приглашенных епископами членов клира и мирян даст собору авторитет внешний, который также может иметь свое значение и свою обязательность по крайней мере для тех, кто не может понять или не хочет признать внутренней важности Собора, представляемой голосом епископов нашей Церкви.

Из епископов должен состоять предполагаемый Собор Всероссийской Церкви и тех лиц, кого они пригласят на Собор. Церковной власти нашей не

следует идти по указке со стороны, в особенности — в таком важном вопросе. Тем более не следует церковной власти устрашаться тем, что̀ пишут теперь в светской и духовной литературе о предстоящем Соборе из одних епископов. Пишут и говорят теперь о потере доверия в народе к церковной власти, к епископам, ставленникам Правительства, но не избранникам народным, говорят о тревожных слухах о предстоящем расколе, более страшном, чем тот, который произошел в печальное этой памятью время Никона («Церковный вестник» № 41), говорят о том, что если епископы не выбраны мирянами, то они и не могут быть их представителями, и решение их будет только тогда решением всей Церкви, когда в нем фактически будут участвовать и миряне («Церковный вестник» № 44). Но при чем тут представительство, и какой смысл в этой дани парламентаризму? Епископ является на Собор не как представитель мирян, а как полномочный сам по себе член Собора, обязанный своим высоким положением в Церкви применить Богом данную ему власть и силу на пользу Церкви при посредстве участия на Соборе. Так было всегда раньше в Церкви Христовой, так должно быть и теперь. Устрашают расколом, если на Соборе будут заседать одни епископы; но не страшит ли верующих христиан то положение нашей святой Церкви, в котором она может оказаться, если на предстоящем Соборе с правом решающего голоса будут заседать в подавляющем большинстве люди из светских совсем неверующие или верующие *по-своему*, а из пастырей — те, которые, объясняя народу «для чего нужна свобода», проповедуют теперь не мир и любовь, а меч и кровь? Кто поручится за то, что народ, узнавши о том, какого рода люди заседали и постановляли на Соборе, не отвергнет этот Собор и его решения? Да и само духовенство, во всей массе, согласится ли признать такой Собор за законодательное церковное учреждение? Не произойдет ли тогда раскол еще в бóльших размерах, чем тот, который рисуется в воображении отстаивавших права мирян на самостоятельное активное участие в Соборе? Итак, предполагаемый Собор Всероссийской Церкви должен состоять только из епископов, но могут быть на нем и те пресвитеры и миряне, которых епископы пригласят для совещания, т. е. могут быть на Соборе с правом не решающего, а только совещательного голоса.

Соображения по вопросу о преобразовании существующих органов епархиального управления

А. Духовный суд

I. Духовный суд по Уставу духовных консисторий и гражданский и уголовный суд по Судебным Уставам 1864 года

Духовный суд русской Церкви, существующий в настоящее время, нельзя упрекнуть в излишестве судебных инстанций; их только две: духовная консистория и Святейший Синод. Консистория решает все дела, подлежащие духовному суду, касательно священноцерковнослужителей, кроме дел о лицах

архиерейского сана; Святейший Синод одни решения духовных консисторий контролирует, а другие проверяет по жалобам и исправляет те из них, которые не соответствуют фактическим данным и закону. В этом отношении духовный суд, по-видимому, сходен со светским судом, узаконенным Судебными Уставами 1864 г., на основании коих все дела решаются по существу не более, как в двух судебных инстанциях, переходя в третью — в Сенат — только в порядке кассационном, в случае 1) явного нарушения судом прямого смысла закона или неправильного его толкования, 2) в случае нарушения существенных обрядов и форм судопроизводства и 3) в случае нарушения пределов ведомства или власти, законом предоставленной судебной палате. Но при этом только кажущемся сходстве духовный суд весьма отличен от светского суда в *основных* своих чертах. А именно:

1) В светских судах окончательно и решительно применен принцип разделения судебной власти от административной. Принцип этот, освященный уже продолжительной практикой судов и современной юридической наукой, совершенно отсутствует в духовном суде, как в низшем, который сосредоточен в духовных консисториях, заведующих в то же время и административными делами епархии, так и в высшем — в Св. Синоде, в котором сосредоточено административное управление всей православной русской Церкви. Его, безусловно, необходимо применить в особенности к епархиальному суду, который служит центральным звеном всей реформы епархиального управления, хотя это положение не исключает необходимости и возможности проведения его и в низших инстанциях суда. Не менее важно научное положение и о самостоятельности суда и несменяемости судей, которое проведено в практику судов по судебным установлениям 1864 года. В духовном суде эти положения также отсутствуют.

2) Предварительное следствие в светском суде подведомственно особому институту судебных следователей, которые имеют специальное юридическое образование и практическую подготовку, для чего при судах имеется особый институт кандидатов. Следствие производится в строгом порядке и с соблюдением строго выработанных форм, причем закон предоставляет следователям все средства к успешному производству следствия, как материальные, так и дисциплинарные. В духовном суде совершенно не то: тут нет специальных следователей, а назначаемые для сего лица не имеют никакой юридической подготовки, ни теоретической, ни практической. Права их до того ограничены, что они при производстве следствия находятся в полной зависимости от произвола сторон и свидетелей, по отношению к коим они не имеют никаких прав на дисциплинарные меры. Наконец, все они обременены другими обязанностями по приходу, по школе, часто и по другим учреждениям. В частности, по бракоразводным делам следствие производится самим консисторским судом, но в порядке дореформенного процесса и с безусловным преобладанием лишь прямых улик. Естественно, что такой порядок следствия едва ли способствует раскрытию истины и дает суду необходимый материал для постановки правильного решения.

3) Не лучше дело обстоит и в порядке судопроизводства. Так, в духовном суде нет низшей судебной инстанции для дел меньшей важности, ни единоличной, ни коллегиальной, тогда как светский суд имеет их несколько в каждом уезде губернии. Высшая инстанция для дел духовного суда, в которой могут быть обжалованы судебные решения консистории, как в апелляционном, так и в кассационном порядке, одна и единственная для всей Российской империи — в С.-Петербурге, тогда как светский суд для рассмотрения жалоб, отзывов и протестов в апелляционном порядке имеет значительное число судебных палат в губернских городах.

4) Процесс духовного суда по делам как большей, так и меньшей важности теперь состоит в том, что прошение с жалобами и доносами, а равно и сообщения о проступках, подлежащих духовному суду, от епархиальных архиереев, которым они подаются, сдаются в консисторию, а из консистории, через благочинных, отсылаются к духовным следователям, проходя таким образом через три инстанции, усложняя делопроизводства, и у следователя остаются еще некоторое время без производства, в ожидании командируемого полицейским управлением депутата для участия его при формальном следствии. Произведенное уже следователем дело не раз иногда возвращается следователю из консистории для дополнения, а иногда передается и другому следователю для переследования, отчего к докладу консистории поступает только через несколько месяцев. Такая медленность предварительного следствия объясняется как самым его способом, так и тем обстоятельством, что духовные следователи, не подготовленные юридически для сего дела и незнакомые с следственной частью, заняты множеством дел по занимаемому ими приходу и не имеют достаточно времени для своевременного производства следствия. В самой консистории процесс рассмотрения и решения дел носит частью дореформенный и канцелярский характер. Дела судные и следственные рассматриваются без предварительной проверки следствия и без участия сторон, — как требуется каноническими правилами, — порядком канцелярским, а не публичным, тайно и без состязания заинтересованных в деле лиц или их поверенных, причем, в частности, по делам о расторжении браков следствие производится или полицией, или в самом присутствии консистории при участии депутата от полиции. В этом, очевидно, сказываются остатки влияния старого тайного процесса, давно сданного уже в архив. Решение консистории представляется на утверждение епархиального архиерея, после чего объявляется не в присутственном же зале и публично, — как это бывает в светских судах и как это желательно по смыслу канонических правил и в суде духовном, — а указом через благочинных и уведомлениями через полицейские управления, от которых они переходят через становых приставов и волостные правления уже к заинтересованным лицам. Не таков процесс светского суда. Сложным процессом в нем производятся только дела особенной важности, а все другие дела разбираются без многосложных форм и обрядов, иногда без письмоводства, на словах, и с записью лишь решения, причем процесс этот в известной степени сокращается установлением сроков для апелляций и кассаций. Сроки

же эти обязательны для тяжущихся и строго наблюдаются самим судом. В практике нынешнего духовного суда, обыкновенно, этого не бывает.

5) Ни одно решение консисторского суда не может считаться обязательным, так как, несмотря на утверждение его епископом, оно может быть обжаловано во всякое время, когда только угодно будет жалобщику; окончательных решений консисторский суд совсем не знает. Недовольные решением консистории лица подают на нее жалобы или тому же епископу, требуя переследования дела и нового по нему решения, или обращаются со своими жалобами в Св. Синод, к синодальному обер-прокурору, к генерал-губернатору, губернатору и прочим лицам порознь, а иногда и ко всем одновременно. Такой порядок возможен потому, что в процессуальном порядке духовного суда, помимо дел о расторжении браков и дел увольнения из духовного звания, не требуется обыкновенно от сторон изъявления удовольствия или неудовольствия на его решение, и в большинстве случаев не установлены для сего сроки, а при объявлении этого решения стороны не поставляются в известность, кроме некоторых случаев, когда объявляется, куда они должны подавать жалобы на состоявшиеся решения и какой срок установлен для этого. В подобном же порядке нередко подаются жалобы и на медленность производства в духовном суде, и епархиальному архиерею по одному и тому же делу приходится, так сказать, отписываться одновременно и Св. Синоду, и синодальному обер-прокурору, и генерал-губернатору, и другим лицам, в чем очень ярко оттеняется все неудобство соединения судебной и административной власти в одном учреждении. Напротив, решения не только средних, но и низших инстанций гражданского и уголовного суда подлежат по закону обжалованию только в высших *судебных* же инстанциях и только в определенные сроки.

6) Нельзя также признать удовлетворительным и порядок рассмотрения жалоб, приносимых Св. Синоду на решения епархиального суда. Жалобы эти отсылаются к епархиальному архиерею для представления сведений и заключения по содержанию их. Епархиальный архиерей, обыкновенно, сдает их вместе с синодальным указом в консисторию для составления требуемого Св. Синодом заключения. Консистория же дает это заключение, не предъявляя жалобы противной стороне и не имея в виду ее возражений и новых каких-либо доказательств, чем опять нарушается смысл канонических правил, — и это заключение, если оно согласно со взглядом епископа, представляется Св. Синоду с возвращением жалобы. Нельзя, наконец, сказать и того, чтобы Св. Синод имел достаточно времени для основательного рассмотрения жалоб, поступающих к нему со всех епархий, в особенности если принять во внимание, что заседания его членов бывают только два раза в неделю.

При таком устройстве духовного суда и при таком порядке обжалования его решений, естественно, возникают весьма важные неудобства как для судимых в нем и имеющих в нем дела лиц, так и для самих членов духовного суда и для дел, в нем производящихся. Последствием сего бывает то, что в обществе составляются весьма неодобрительные и часто несправедливые мнения о консисторском суде и причиняется немало огорчений как самим

консисториям, так и епархиальным преосвященным, утверждающим судебные постановления их.

7) В духовном суде не участвуют так называемые присяжные заседатели. Это полезное учреждение не обязательно для духовного суда, как суда по преимуществу сословного и ведающего частью дел, не подлежащих оглашению. Но оно может быть с пользой заменено выборными от духовенства лицами из пресвитеров, которые могут заседать в суде на тех же основаниях, как и постоянные судьи.

8) Наконец, в судебном процессе светского суда необходимо участие прокурора, как представителя и охранителя закона. Прокурор сего суда имеет исключительно судебные функции. В консистории этот орган суда заменен ее секретарем, в лице коего, как и самой консистории, соединены функции судебно-административного характера, и это дает ему ту силу и значение, которые он имеет в сфере епархиального управления. С отделением же судебной власти от административной прокурору духовного суда должны быть предоставлены права органа исключительно судебного ведомства.

Устранения вышеуказанных недостатков, вместе с улучшением духовного суда, нетрудно достигнуть при некотором изменении устройства духовного суда согласно с каноническими правилами и при некотором исправлении настоящего их судопроизводства, даже без особых денежных затрат на эту реформу со стороны казны.

II. Устройство духовного суда

В сфере епархиального управления органы, заведующие судебной частью, имеют неоспоримо первенствующее значение. При установленной каноническими правилами полноте власти епископской, более или менее правильное функционирование судебных органов, споспешествующих осуществлению предначертаний епархиального архиерея по управлению епархией, оказывает то или иное, но всегда неотразимое влияние на все стороны жизни епархиального духовенства, то регулируя нормальные отношения между пастырями и паствой — с одной стороны, то определяя миролюбивые, традиционные отношения между членами причта — с другой. Эти функции духовного суда, естественно, создают известную зависимость его от условий умственного и нравственного развития духовенства и народа и положения самой Церкви в государстве, почему и органы его должны находиться в постоянном соответствии с этими важными факторами церковно-общественной жизни. Отсюда является возможность и необходимость частичного изменения как внешних форм судопроизводства, так и постепенное усовершенствование его внутренней стороны, т. е. собственно материального права Церкви. Но, изменяясь и совершенствуясь в частностях — соответственно с общим развитием государственной и общественной жизни, суд Церкви в основе своей должен иметь принципы постоянные, которые должны стоять столь же непоколебимо и незыблемо, как и сама Церковь. Это — канонические правила и постановления

Вселенских Соборов, в границах коих и должна совершаться вся реформа духовного суда. Ибо только эти правила и постановления, положенные в основание образования и развития восточной Церкви и управляющие религиозно-просветительной деятельностью пастырей Церкви, дают смысл и значение апостольской миссии православной русской Церкви.

Согласование этих правил с требованиями современной жизни и приведение их в одно гармоническое целое составляют первейшую и нелегкую задачу для законодателя в настоящее время, обуреваемое идеями либерализма и радикальных стремлений. Но отсюда отнюдь не следует, что согласование это невозможно и не соответствует положениям церковных канонов. Церковь, как учреждение, призывающее всех людей к совершенствованию, не чуждается постепенного прогресса и, проповедуя христианскую любовь и правду, тем самым поощряет духовно-нравственное развитие народов. Но на этом пути она дает им лишь общие начала просвещения и — в частности — начала юридического самосознания. Осуществление же их в детальных формах, очевидно, составляет ту основу, которая дает возможность применить к органам суда начала современной науки и требования жизни общественной. Эти формы и должны быть определены законодательным путем и проведены в жизнь в интересах самой Церкви и ее чад в возможно непродолжительном времени.

Основные положения касательно суда церковного изложены в следующих словах Спасителя Своим апостолам, переданных евангелистом Матфеем: «Аще же согрешит к тебе брат той, иди и обличи его между тобою и тем единем. Аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего. Аще тебе не послушает, пойми с собою еще единаго или два: да при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол: аще же не послушает их, повеждть Церкви: аще же и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь. Аминь бо глаголю вам: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех» (Мф. 18:15—19). На основании этих слов Спасителя необходимо установить три инстанции суда: 1) суд единоличный и тайный, 2) суд нескольких лиц, не менее двух-трех, открытый или гласный, и 3) наконец, высший суд самой Церкви в лице преемников святых апостолов, которым Иисус Христос сказал эти слова.

Первая форма суда, по смыслу слов Спасителя, не имеет всех точных признаков судебной инстанции. Это — простое воздействие братского убеждения, момент акта мирового, без всякого формального делопроизводства. Как таковой, он может быть, в применении к настоящему времени, согласован с теми положениями относительно архиерейского воздействия на виновного, которые изложены в 155 ст. Устава духовных консисторий 1883 года.

Вторая форма суда, указанная Спасителем, имеет все особенности суда коллегиального, в сферу коего входят все моменты судопроизводства до предания суду высшей инстанции включительно. Но Спаситель, по-видимому, и этому суду, как и суду единоличному, не предоставляет власти карательной. Посему компетенция его, вообще ограниченная, должна простираться на проступки наименее важные и незначительные, разрешение коих не могло бы на-

рушать прав и преимуществ суда самой Церкви с епископом во главе. Суд же самой Церкви, олицетворяемой в лице апостолов и их преемников, является уже третьей, высшей и окончательной формой духовного суда. Имея, как и суд низшей инстанции, коллегиальный характер (ср. Тим. 5:19—21; IV Всел. Соб. прав. 9-е и др.), суд этот имеет все прерогативы действительного суда, которому предоставлено право возмездия за содеянный грех и право вязать и решить.

Таким образом, Самим Спасителем указаны собственно две чисто судебные и безусловно коллегиальные судебные инстанции, в которых дела должны разбираться и оканчиваться в присутствии сторон (ср. также 74-е прав. св. Апост.). Следовательно, *положения о коллегиальности суда и состязательности его процесса* должны остаться нерушимыми и непреложными. В полном согласии с ними находится принятый юридической наукой и практикой современных судов *принцип отделения судебной власти от административной*, который и должен служить, совместно с ними, краеугольным камнем всей реформы духовного суда.

На этих основных началах судоустройства в пределах каждой отдельной церковной области должны быть учреждены, помимо суда епископского и единоличного, две чисто судебные коллегиальные инстанции, в которых дела должны разбираться по существу в присутствии сторон.

Эти инстанции могут быть приурочены к естественным границам епископских епархий или губерний. В пределах их должны быть учреждены: а) уездный суд — в каждом уезде епархии или один на несколько уездов и б) суд епархиальный, во главе с епископом, — в губернском городе или городе, где имеет местопребывание правящий епископ. Кроме того, уже позднейшими правилами апостольскими и постановлениями Вселенских Соборов учреждена еще высшая инстанция суда — областной суд епископов, применение которого также обязательно в русской Церкви.

а) Единоличный суд епископа

Специальный характер допускаемых священноцерковнослужителями правонарушений, обусловливаемый особым родом обязанностей их по отправлению церковных богослужений и треб и установившимися среди духовенства взглядами и убеждениями по вопросам религии и нравственности, создает для них и особый род наказаний, несвойственный светским лицам. С другой стороны, религиозно-просветительная деятельность духовенства со всей совокупностью его правоотношений к Церкви и обществу устанавливает и особенные отношения его к епископу, подобно тому, каковы бывают отношения отца к детям, старшего по опыту и возрасту — к юнейшим. Эти отношения регулируются более или менее точно многими каноническими правилами и постановлениями и вызывают учреждение в мире духовенства особого суда епископского касательно таких проступков против совести и доброй воли, которые свойственны только служителями алтаря и пастырям Церкви и оцен-

ка коих доступна лишь старшему между ними — епископу. Основания суда епископского и более или менее точное определение его содержатся в 155 статье действующего Устава духовных консисторий, которая читается так: «Судопроизводству непосредственно архиерейскому подлежат: а) проступки неведения и нечаянности, требующие исправления и очищения совести священнослужительской иерархическим действием архиерея и неудобоподвергаемые гласности и формам обыкновенного суда; б) вообще проступки против должности и благоповедения, не соединенные с явным вредом и соблазном, замеченные в священнослужителе, которого прежнее поведение было безукоризненно; в) жалобы, приносимые именно с тем, чтобы неправильно поступившего исправить архипастырским судом и назиданием без формального судопроизводства. В таких случаях епархиальный архиерей может поручать непосредственно от себя благочинному или другому доверенному духовному лицу произвесть негласное дознание, и, если справедливость оговора или замечания подтверждается, то вызывать обвиняемого к себе, испытывать его совесть и, смотря по проступку и по признакам раскаяния, отпускать прямо на место с пастырским вразумлением или притом наложить приличную епитимию, с прохождением оной на месте или в архиерейском доме, до двух недель. В епархиях, которые расположены на больших пространствах или где вызов подобных людей неудобен по отдаленности, архиерей поручает вразумление обвиняемого кому-либо из доверенных лиц (например специальным мировым судьям) или подвергает его епитимии, с устранением на означенное время (до двух недель) от священнослужения. На таковые распоряжения архиерея жалобы не допускаются, и сии случаи не вносятся в формулярные списки».

Разумеется, нравственное личное воздействие епископа на виновных не может ограничиваться случаями, перечисленными в сей статье. Оно простирается на весь круг жизни духовных лиц и не подлежит точной регламентации, как и вообще отношения отца к своим детям. Это воздействие обусловливается практикой пастырского служения, отношением духовенства к семье и обществу и — вообще — всей совокупностью условий, из которых слагается весь умственный и нравственный мир духовенства и строй его обыденной жизни.

б) Епархиальный духовный суд

Из вышеизложенного видно, какие недостатки заключаются в современном епархиальном суде и какие необходимы меры для устранения их и для лучшей постановки его делопроизводства. Прежде всего, предварительное следствие должно быть поручаемо специально назначаемым для сего лицам, получившим хотя бы элементарное юридическое образование. Для сего необходимо ввести в состав семинарских наук законоведение — для ознакомления воспитанников хотя бы с основными каноническими правилами и положениями гражданского и уголовного права и процесса. Затем в епархиальном духовном суде, кроме дел, поступающих в апелляционном порядке из уездного суда, должны производиться дела, имеющие исключительно исковой и су-

дебный характер. С учреждением уездных судов, как низшей инстанции духовного суда, епархиальному суду будут подлежать дела по проступкам духовенства против должности, благочиния и благоповедения, дела об оскорблениях наиболее тяжких, наносимых духовными лицами лицам духовным же или светским, — по жалобам их, — дела бракоразводные, в порядке рассмотрения коих, вместе с упрощением форм судопроизводства, необходимо ввести в качестве доказательств виновности подсудимого и косвенные улики, дела по исправлению и восстановлению метрических записей о событиях рождения, брака и смерти, тяжебные дела по спорам о нарушении границ церковных земель и проч., а также те из спорных и наиболее сложных дел, которые будут переданы в суд епархиальным архиереем. В состав канцелярии суда должны входить отделения, состоящие в консистории из столов: по бракоразводным делам, судным и следственным, с тем же составом канцелярских чиновников, как и в консистории. Заведовать этими отделениями должны три постоянных несменяемых члена, назначаемые Св. Синодом по представлению епархиального архиерея, по возможности из лиц, свободных от других обязанностей. Один из них должен быть председателем суда по определению Св. Синода. Кроме того, в состав епархиального суда входят члены по избранию духовенства и назначаемые по одному или по два на сессию суда его председателем по очереди или по жребию. Выборные члены избираются на один год и утверждаются в должности епископом. При суде, как учреждении коллегиальном, состоит прокурор, он же и управляющий канцелярией суда, назначаемый по представлению синодального обер-прокурора Св. Синодом. Он может быть и в священном сане.

Участие его в суде, устраняющее односторонность последнего, необходимо потому, что суду этому подчинены и лица светского звания и что процесс судопроизводства должен быть состязательный, а также в силу того положения, что светский элемент по современным обстоятельствам вообще должен быть допущен к участию в церковных делах, начиная с низших инстанций, каковы приходы. По положениям же новейшей юридической науки, участие его в светском суде даже в делах, где обвиняемыми являются духовные лица, необходимо, как представителя государственной власти, карающей преступления и охраняющей закон. Престиж суда и правосудие от этого не только не страдают, но и выигрывают во мнении общества.

На прокурора епархиального суда должна быть возложена ответственность за правильную постановку всего его делопроизводства, так как члены суда, обремененные пастырской службой по приходу, не могут детально вникать во все его функции.

Постоянные члены и прокурор получают то же содержание, какое получают ныне члены и секретарь консистории, если члены не будут назначаемы из лиц, свободных от других обязанностей.

Порядок судебных заседаний должен определяться приблизительно теми же началами, какие указаны каноническими правилами и применяются уже несколько десятков лет в окружных судах, причем тяжущимся сторонам, со-

гласно всем каноническим правилам касательно суда, должна быть предоставлена и широкая возможность для установления истины.

Обвиняемым должно быть предоставлено право отвода судей (ср. 9-е правило IV Вселенского Собора, 133-е правило Карфагенского Собора и др.).

В заседании суда должна быть проверка предварительного следствия. Посему процесс должен быть состязательным, в присутствии сторон или их поверенных, причем в качестве поверенных в делах по проступкам духовных лиц должны быть лица только духовного звания; по другим делам могут быть допущены светские лица, по бракоразводным же — обязательно последние. При постановке решения должно быть применено положение о внутреннем убеждении судьи, особенно доступное для духовного суда, ведению которого подлежит ограниченное количество лиц, служащих в епархии и, следовательно, более или менее известных наличному составу судей. Решения суда, по большинству голосов, должны быть утверждены епархиальным архиереем и объявляются сторонам в одном из ближайших заседаний суда, при чем единогласные его решения, с которыми не согласен епископ, должны быть переносимы в высшую инстанцию суда — в Св. Синод или в областной суд, в который вносятся также и дела в апелляционном порядке. За неявкой сторон и их поверенных разбор дела отлагается до другого заседания (ср. 74-е правило св. Апостолов). По делам же бракоразводным, если истец не явится на вызов суда и не представит уважительных причин своей неявки, дело прекращается, а если не явится ответчик, дело не останавливается производством и продолжается уже без его участия. Но в делах по проступкам священноцерковнослужителей, если суд находит необходимым поспешить окончанием дела, то, не стесняясь отсутствием сторон, он рассматривает дело и постановляет заочное решение, которое и объявляется сторонам через благочинных. В этих случаях решение бывает окончательным и апелляции не подлежит, так как проступки священноцерковнослужителей суть такие преступные деяния, поспешность в разрешении коих обусловливается существенными интересами Церкви и прихода. По следственным делам об исправлении метрических записей порядок разрешения может быть оставлен прежний.

Необходимо применение давности к проступкам священноцерковнослужителей.

Как уездному духовному суду, так и епархиальному, необходимо предоставить право на окончательное решение некоторых дел, как это и требуется каноническими правилами (ср. 29-е правило Карфагенского Собора).

Общее правило, что суд производится по существу только в двух судебных инстанциях, должно остаться неприкосновенным.

Для апелляций и кассаций должны быть назначены сроки, соблюдение которых должно быть обязательно как для суда, так и для тяжущихся сторон (об апелляции и кассации ср. 17-е правило IV Всел. Соб.; 11-е, 12-е, 37-е, 139-е правила Карфагенского Соб.; 6-е, 12-е и 20-е пр. Антиох. Соб. и 14-е пр. Сардикийского Собора и многие другие). Необходимо упомянуть, что в древнем суде Церкви апелляции и кассации не разделялись.

в) Уездный духовный суд

Значительную массу дел, поступающих в епархиальный суд, составляют дела меньшей важности, каковы дела о простых личных обидах и оскорблениях, наносимых духовными лицами друг другу или светским лицам, дела о пререканиях по разделу братских доходов, как денежных, так и земельных, дела по жалобам на неправильное расходование мелких церковных сумм и т. п. Для сих дел, чрезвычайно обременяющих консисторию и усложняющих ее делопроизводство, желательно восстановить существовавшие и теперь еще существующие в некоторых епархиях духовные правления, переименовав их уездными духовными судами, с простыми формами суда, из которых дела поступали бы в епархиальный суд только в апелляционном порядке (ср. 16-е правило Карфагенского Собора) и дальнейшему обжалованию не подлежали бы, причем необходимо предоставить им право окончательного решения по наименее важным делам. Нет нужды, чтобы этот суд производился ежедневно; достаточно, если он будет открывать свои заседания в продолжение нескольких дней ежемесячно. Суд этот согласно каноническим правилам должен быть коллегиальный, так как этот суд — сословный и потому легко может быть заподозрен в пристрастии, если приговор его будет зависеть от одного лица; порядок заседания и вообще делопроизводство его должны быть те же, что и в суде епархиальном. Члены его, в количестве не менее трех, должны назначаться епархиальным архиереем по представлениям суда епархиального или по его личному усмотрению. Следует допустить в состав его членов также и выборных от духовенства лиц. Уездные суды должны быть в каждом уездном городе или по одному на несколько уездов, в пунктах наиболее населенных, где могут иметь местопребывание и викарные епископы, что̀ по условиям современного положения православия представляется необходимым.

III. Святейший Синод

37-м правилом апостольским, 5-м правилом I Вселенского, 19-м правилом IV Вселенского и 20-м Антиохийского Соборов постановлено: всем епископам области собираться два раза в год на Поместный Собор, под председательством митрополита или епископа первой кафедры в области (16-е пр. Антиохийского Собора), на четвертой неделе Пятидесятницы и около 15 октября. Собору этому, согласно 5-му правилу I Вселенского Собора и другим каноническим правилам, предоставлено право, помимо других дел по вопросам веры и управления Церковью, разбирать жалобы на епископов области; т. е. областному суду подведомственны все жалобы на судебно-административные распоряжения епископов по управлению епархией, содеянные ими как лично, так и при участии подчиненных учреждений и доверенных лиц. Следовательно, Собор этот должен быть и судом апелляционным по отношению к епархиальному суду.

Так должно быть по каноническим правилам. Но учреждение областного собора епископов, как апелляционной инстанции, желательное в общем строе духовного суда, встречает такие препятствия, которые непреодолимы для Ведомства Православного Исповедания. А именно, для состава сего суда и его канцелярии потребуется ассигнование известной, довольно значительной, суммы денежных средств. Духовное Ведомство такими средствами не обладает. Посему средства эти необходимо было бы обратить на счет государственной казны. Так как и государственная казна дать их в настоящее время не может, то учреждение областного собора епископов в качестве особой апелляционной инстанции не может быть осуществлено до более благоприятного времени. Ввиду этих соображений, а также устранения вообще сложности процесса, необходимо оставить прежний порядок апелляций и кассаций, т. е. апелляционной и кассационной инстанцией духовного суда должен служить Св. Синод, в котором судебное отделение должно быть отделено от административного, а в составе его должна быть резко проведена грань между апелляциями и кассациями.

В Св. Синод поступают как апелляционные, так и кассационные жалобы на решения епархиального суда. В нем же будут производиться как общие дела административного и хозяйственного характера всей русской Церкви, так и по управлению ставропигиальными монастырями и лаврами. Ему же принадлежит право разработки, толкования и издания всех законоположений и мероприятий по Духовному Ведомству. Наконец, в Св. Синоде должен быть сосредоточен собственно суд над епископами, касательно личных их проступков.

При такой постановке судоустройства и судопроизводства и епархиальный суд и Св. Синод будут освобождены от дел меньшей важности, и через это значительно облегчится их труд. Духовный суд будет ближе к обвиняемому, обвинителям и свидетелям, и будет соответствовать как юридическим, так и каноническим положениям. С улучшением его восстановится и честь теперь порицаемого консисторского суда, и прекратятся часто неосновательные жалобы на его решения разным административным лицам, которые к духовному суду никакого отношения не имеют и иметь не могут.

Б. Административное управление епархией

Многочисленность и сложность возлагаемых на епархиального архиерея обязанностей по управлению вверенной епархией и возникновение за последние годы при епархиальном управлении многих новых учреждений, каковы, например: советы и правления по делам духовно-училищным, эмеритальных касс, епархиальных свечных заводов и т. п., в связи с осложнившейся вообще церковно-общественной жизнью, вызывают крайнюю необходимость в учреждении новых епархий и увеличении числа их путем разделения существующих уже епархиальных округов на более мелкие самостоятельные единицы. Но так как неизбежно соединенный с этим значительный расход может быть обременителен в настоящее время по тяжелому состоянию государственной

казны, то указанная выше — радикальная по своему существу и весьма полезная сама по себе — мера может быть заменена паллиативной и временной, заключающейся в учреждении при епархиальных архиереях новых викариатств на местные средства, причем необходимо, чтобы как вновь назначенные викарии, так и существующие уже ныне имели свое местопребывание в тех городах, именем коих они называются. Мера эта обусловливается требованиями непосредственного и постоянного архипастырского надзора, руководства и воздействия на духовенство и паству, а также изменившимися, с изданием закона 17 апреля 1905 года о веротерпимости, условиями настоящего положения православия и миссии в отечестве.

Викарные епископы суть ближайшие помощники епархиального архиерея в многотрудном деле управления епархией. В своей деятельности они подчиняются личным указаниям правящего епископа и ведают все дела, кои будут им поручены на общих ли существующих ныне основаниях или даже с некоторым расширением их прав и обязанностей. Для пользы дела желательно последнее.

Кроме викарных епископов, в помощь епархиальному архиерею при нем же должен быть учрежден *совет пресвитеров* для заведования всеми административными, хозяйственными, миссионерскими и прочими делами епархии, за исключением судебных, как подлежащих ведению особого учреждения — епархиального суда.

Желательный состав совета пресвитеров нижеследующий. В нем председательствует епархиальный архиерей, а за его отсутствием — один из викариев, по его назначению. Действительные или штатные члены, в определенном числе, утверждаются в должностях своих — по представлению епархиального архиерея — Св. Синодом и получают присвоенное сим должностям содержание. Ректор духовной академии (где есть) и ректор духовной семинарии — непременные члены пресвитерского епархиального управления, без особого содержания. Кроме перечисленных лиц, епархиальному архиерею должно быть предоставлено право приглашать, в качестве сверхштатных членов пресвитерского совета, без содержания, но во всем остальном на правах штатных членов, почетных лиц из местного монашествующего и белого духовенства, могущих принести пользу делу епархиального управления своими знаниями, опытом житейским и трудолюбием. Совет пресвитеров должен иметь общие свои собрания один или — при накоплении дел — два раза в неделю, не более. Штатные же члены собираются для своих занятий в определенные часы ежедневно, за исключением праздничных и других дней, перечисленных в ныне действующем консисторском Уставе.

Для канцелярских занятий в совет пресвитеров переводятся из нынешней консистории существующие отделения (столы), заведующие административными, хозяйственными и миссионерскими делами, с тем же составом чиновников, как и в консистории. Секретарем же при совете может быть нынешний секретарь епархиального архиерея. В ближайшем ведении секретаря находится вся канцелярия совета.

Порядок и условия делопроизводства совета определяются общими положениями, изложенными во II т. Свод. Зак., с тем непременным условием, чтобы все протокольные и журнальные определения получали силу не прежде, как по утверждении их подписью правящего епископа или особой его резолюцией.

Более или менее подробный перечень дел, подлежащих ведению совета пресвитеров, должен быть определен особым положением (уставом).

В круг власти епископской должны, как и ныне, входить дела по учреждениям Духовного Ведомства местной епархии, каковы: духовно-учебные заведения, училищный совет, епархиальное попечительство, общество или касса взаимного вспомоществования духовенству епархии, свечной завод, разные благотворительные и просветительные общества и комитеты, епархиальные съезды духовенства и прочее. Ему же должен принадлежать надзор за преподаванием Закона Божия в светских учебных заведениях.

Права и преимущества, условия и порядок делопроизводства названных епархиальных учреждений определяются специальными их уставами, которые могут подлежать изменению и развитию соответственно нуждам духовенства, потребностям времени и интересам церковно-общественной жизни.

Личному усмотрению епархиального архиерея должно принадлежать право разрешать дела по всем названным выше подведомственным ему учреждениям единолично или же при содействии совета пресвитеров. В последнем случае в пресвитерском совете обязательно присутствуют: председатель епархиального училищного совета, начальники мужских духовно-учебных заведений, председатели советов женских училищ, епархиального попечительства, управлений епархиального свечного завода, кассы взаимопомощи и др., с совещательным голосом и притом лишь по делам, касающимся сих учреждений.

При преосвященных викариях, имеющих свое местопребывание в уездных городах, также должен быть учрежден малый пресвитерский совет из двух-трех протоиереев или священников, избираемых самим преосвященным викарием и утверждаемых в должностях правящим епископом, бессрочно и без содержания. При преосвященных викариях должна быть особая канцелярия, с делопроизводителем во главе.

За сим, что касается существующего ныне распределения епархий на благочиннические округа, должностей благочинного, помощника его и члена благочиннического совета, самых благочиннических советов и состава их, то сохранение сих округов, названных выше должностей и советов признается необходимым и на будущее время, в общем — с теми же правами и обязанностями (за исключением судебных и исковых дел), какие им теперь присвоены. Но кандидаты в должности благочинного, помощника его и члена благочиннического совета, не менее двух для каждой должности, должны быть избираемы священноцерковнослужителями местного округа. Утверждение сих кандидатов в должностях принадлежит усмотрению и власти правящего епархиального епископа.

Мнение комиссии по вопросу о преобразовании православного русского прихода (здесь же и о духовно-учебных заведениях)

I.

Всестороннему рассмотрению и обсуждению комиссии подлежал вопрос о возможном преобразовании (в смысле усовершенствования) православного прихода.

При самом же начале обсуждения этот вопрос был признан комиссией, состоявшей из специалистов в области церковного права, литургики, пастырского богословия, русской истории и церковно-приходской практики, весьма важным, серьезным и чрезвычайно сложным.

Вопрос о православном русском приходе, прежде всего, касается всего уклада церковной и отчасти общественной жизни в России. Рассматриваемый со стороны своего существа, приход, как малая Церковь Христова, составляет основную первоначальную единицу всей русской православной Церкви. С другой стороны, так как члены церковно-приходской общины являются в то же самое время и членами общества и государства Русского, то приход, справедливо рассматриваемый некоторыми, как мелкая земская единица, тесно переплетается целыми тысячами нитей с общественной и государственной жизнью всего русского народа.

В настоящее время положение православного русского прихода весьма много осложняется еще в зависимости от того, что рядом с ним образовались и существуют ныне совершенно самостоятельные, а в последнее время признанные даже равноправными, различные инославные христианские и сектантские или же старообрядческие приходские общины.

Таким образом, русский православный приход, действительно, составляет основную и первоначальную ячейку всей церковно-общественной жизни русского народа: раз приход будет жить правильной и здоровой жизнью, и весь народ русский будет жить такой же жизнью; и наоборот, расстройство в приходской общине неизбежно отразится неблагоприятными последствиями на всей церковно-общественной жизни русского народа.

Исходя из такого воззрения на православный русский приход и на его чрезвычайно важное значение в жизни Церкви, общества и государства, комиссия, прежде всего, приняла основным своим началом для всех своих последующих работ полнейшую согласованность своих суждений о преобразовании православного русского прихода с требованиями канонов церковных, со свидетельствами истории Церкви вселенской и русской и с пользой и нуждами современной церковной жизни. Создавать соображения о преобразованиях беспочвенных весьма легко и просто; но истинное преобразование, по убеждению комиссии, состоит не в том только, чтобы разрушать все прежнее, созданное вековыми усилиями и трудами многих миллионов людей, но в том, чтобы, устранив действительные недостатки, заменить их такими уста-

новлениями, которые вели бы к несомненному положительному обновлению жизни.

Установив, на основании канонических правил и свидетельств истории, понятие о приходе, границах и составе его, комиссия затем сосредоточила свое главнейшее внимание на следующих основных вопросах: а) о самоуправлении приходских общин; б) о праве прихожан на участие в деле избрания кандидатов клира; в) о приготовлении кандидатов клира; г) о праве прихожан на участие в деле приобретения, заведования и распоряжения церковными имуществами и средствами; и, наконец, д) о желательном устройстве приходской общины и положении ее в области епархиального управления.

а) Конечной целью всех проектов преобразования православного русского прихода, сделавшихся известными через напечатание, является обыкновенно *автономия* прихода или, как сказано в предложении г. синодального обер-прокурора Св. Синоду, право «автономного заведования всеми делами прихода при посредстве местного органа из прихожан». К сожалению, термины: «автономия» и «автономное управление» очень часто, даже почти постоянно, употребляются без ясного и отчетливого разумения смысла их. «Автономия» по буквальному переводу с греческого языка значит: «самозаконодательство». Этим именем в классической древности называлось «право некоторых сословий гражданского общества (особенно высшего дворянства) и целых общин, внутри известных границ, самим себе издавать законы и независимо управлять своими общественными делами». Право автономии из классического греко-римского мира перешло и к западноевропейским народам и государствам, где оно нашло для себя особенно широкое применение в средние века, во время господства феодализма. Но для нашего времени термин «автономия» и обозначаемый им порядок жизни есть простой пережиток.

В частности, Церковь Христова, как свидетельствуют каноны и история, никогда не знала приходов *автономных* в сейчас указанном смысле. Церковь Христова руководится в своей жизни, деятельности и управлении теми законами, какие даны ей Основателем ее Иисусом Христом, установлены, по Его повелениям, апостолами и уяснены Вселенскими Соборами. Законодательная власть в Церкви Христовой принадлежит Вселенским Соборам, а в пределах поместной Церкви — Поместным Соборам, которым, впрочем, принадлежит власть определять законы для жизни и церковного управления членов ее. Этим законам, называющимся специально канонами, должны подчиняться все члены Церкви, ими же должны руководиться в своей жизни, устройстве и управлении все учреждения церковные, например приходы. Право изменять прежние или же издавать новые законы в пределах поместной Церкви может и должно принадлежать только Поместным Соборам ее. Право же наблюдения за точным исполнением всех церковных канонов в пределах меньших церковных единиц, например епархий, может и должно принадлежать только епархиальному епископу. Таким образом, правительственная, т. е. исполнительная и наблюдательная власть в пределах епархии, состоящей из нескольких приходов, принадлежит епископу.

На основании вышеизложенных соображений комиссия пришла к тому заключению, что православному приходу может быть предоставлено право самоуправления, под правительственной властью епископа.

б) Вопрос о праве приходской общины на участие в деле избрания членов клира в современной печати, посвященной вопросу о приходе, является большей частью в виде *вопроса о выборном начале*. К сожалению, с выражением «выборное начало» в современном обычном употреблении его случилось то же самое, что̀ мы видели выше в речи об автономии. Духовные писатели и просвещенные ревнители Церкви, взяв этот термин из современной периодической печати, трактующей о политических вопросах, начали применять его к своим рассуждениям о приходе, весьма часто — без достаточно ясного выразумения истинного смысла его и юридического значения его. Ни каноны церковные, ни история Церкви не знают выборного начала в том виде, как оно употреблялось в гражданской жизни классического языческого мира и как оно развилось впоследствии в парламентарных государствах Западной Европы.

Но в то же самое время Церковь православная, как свидетельствуют о том церковные каноны и история, всегда признавала за приходскими общинами право на участие в деле избрания себе членов клира. Это право прихожан, т. е. людей, построивших на свои средства храм, давших средства на содержание его и служащего в нем церковного клира, столь естественно, что необходимость признания и законности его едва ли следует доказывать. Право это осуществлялось в истории православной Церкви в различных формах и степенях, начиная *с обязанности* прихожан приискать лицо, которое было бы способно совершать богослужение и церковные требы в их приходском храме, и кончая простым свидетельством о добрых качествах кандидатов клира. Это зависело от многих и разнообразных причин и условий: отношения государственной власти к Церкви, общественного устройства того или иного народа, существования или же, наоборот, отсутствия средств (например школ) для приготовления кандидатов клира и др.

В частности, в нашей русской Церкви существовала в разные времена различная практика определения кандидатов клира: сначала — по непосредственному назначению епископов, потом — по избранию ктиторов храма, еще позже — по выбору прихожан, который, опять-таки, не всегда выражался в одинаковой форме, и, наконец, в синодальный период, когда явились специальные школы для приготовления кандидатов клира, начал постепенно и по совершенно понятным причинам утверждаться способ определения кандидатов клира по назначению епископа. Но и в это время, включительно до самого последнего времени, наше церковное правительство никогда не отрицало за прихожанами права на участие в деле избрания членов клира. Так, например, 18 декабря 1880 г. московское губернское земское собрание возбудило ходатайство перед высшим Правительством о признании за приходами прав «юридического лица» и о восстановлении их прав на приобретение имуществ и права избрания клириков. Рассмотрев это ходатайство, Св. Синод в своем

определении от 18 июля — 8 августа 1884 года не признал это ходатайство подлежащим удовлетворению, но при этом разъяснил, что «право прихожан на участие в избрании членов клира в смысле заявления ими епископу своего желания иметь преимущественно известное лицо, или в смысле свидетельства о добрых качествах ищущего рукоположения лица, не было отменяемо» («Церковный вестник», 1885 г. № 8).

Итак, ни канонические, ни исторические свидетельства не противоречат мысли о возможности предоставления приходским общинам права участия в избрании кандидатов клира. Под влиянием последних событий, совершившихся в нашем отечестве, мысль *о возможности* предоставления этого права приходским общинам почти с безусловной принудительностью приближается к мысли *о необходимости* предоставления православным прихожанам права избрания клириков. Теперь, с проведением в жизнь начал веротерпимости, объявленных 17 апреля 1905 года, рядом с православными приходскими общинами явятся полноправные и равноправные с ними сектантские и старообрядческие приходские общины. Таким образом, и в городах и даже в селах теперь рядом будут существовать русские приходские общины, с одной стороны — православные, а с другой — сектантские и старообрядческие. Эти последние пользуются самоуправлением и имеют право участия в избрании себе наставников. Если православные приходские общины останутся попрежнему устраненными от участия в делах церковно-приходских, лишенными права участия в избрании себе пастырей, то невольно является вопрос: помирятся ли они с подобным строем жизни? Не пойдут ли православные в иные общины, переход в которые теперь свободен и принадлежность к которым обеспечена всеми законными правами? Не сделается ли тогда сама принадлежность к православным приходским общинам таким же признаком отсталости, реакции и ретроградства, таким даже «позором» для иных людей, каким уже теперь является принадлежность русских людей к союзу «истинно русских людей»? Не явится ли подобное ограничение прав православных приходских общин только новым и важным орудием в руках ловких пропагандистов на счет православной Церкви в России?..

Но предоставление нашим приходским общинам права избрания членов клира, если бы таковое было признано за ними законодательным путем, имеет как лицевую, так и теневую сторону.

Как на выгодное преимущество избирательного права, указывают особенно на то, что, при действии этого права, возможна бóльшая нравственная связь и близость духовенства к народу; а это весьма важно для усиления духовного влияния церковного клира на его паству.

Но несомненно, — говорят другие, — что выборы членов клира будут сопровождаться многими и большими злоупотреблениями, приведут на практике к поставлению в священные степени лиц недостойных, не к улучшению духовенства, а к понижению его уровня, авторитета и достоинства, поставят духовенство в сильную зависимость от прихожан. История нашей Церкви и современная практика греческой православной Церкви представляют много

примеров, прекрасно характеризующих эту отрицательную сторону введения избирательного права.

На основании всех вышеизложенных соображений комиссия пришла к такому заключению, что, если бы решено было предоставить прихожанам право участия в избрании кандидатов клира, то необходимо было бы обставить это право точными правилами и как можно определеннее регламентировать его. Некоторые из этих правил наметила и комиссия.

в) О духовно-учебных заведениях. Выбор прихожанами членов клира необходимо предполагает приготовление этих последних, вполне соответствующее их будущему служению. В своих суждениях о приготовлении кандидатов, из среды которых епископы могли бы назначать и посвящать членов клира, при участии прихожан, комиссия принимала во внимание и современное положение духовно-учебных заведений, приготовлявших доселе кандидатов на священноцерковнослужительские должности. При современном своем состоянии наши духовно-учебные заведения готовили плохих кандидатов церковного клира. К тому же предполагается преобразование духовно-учебных заведений — низших и средних — на почве расширения общеобразовательного курса в них и возможно большего приближения или даже совершенного уравнения программы их с программой гимназической, равно как с обязательным предоставлением воспитанникам духовных семинарий, по окончании общеобразовательного курса, свободного права к поступлению в светские высшие учебные заведения. Раз нынешние духовно-учебные заведения будут, действительно, преобразованы в таком именно виде, то они, без сомнения, станут готовить не пастырей, но кандидатов в медики, инженеры, агрономы и т. д. Но тогда Церковь и приходские общины будут вправе отказаться от содержания на церковные и приходские средства таких учебных заведений, хотя бы даже в них и воспитывались сыновья членов церковного клира.

Таким образом, сам собой возникает вопрос об устройстве новых школ, специально предназначенных для приготовления кандидатов клира, за счет частью тех средств, какие теперь имеются у церковного правительства и употребляются ныне на содержание духовно-учебных заведений, частью же на церковные суммы и средства приходских общин.

Не входя в детальное обсуждение типа и устройства духовных школ, специально предназначенных для приготовления кандидатов клира, комиссия полагала бы, что желательно было бы иметь низшую церковную школу специально для приготовления будущих диаконов и псаломщиков, и среднюю церковную школу, специально предназначенную для приготовления священников по преимуществу в сельские приходы.

Низшая церковная школа могла бы быть устроена по типу теперь существующих второклассных церковно-приходских школ, с расширенным курсом, приспособленным к курсу средней церковной школы. Такие низшие церковные школы, в которые могли бы поступать дети лиц всех сословий из начальных школ, должны быть устроены во всех уездах епархии, как и обстоит ныне дело с второклассными церковно-приходскими школами.

Средние церковные школы, или богословские курсы, специально предназначенные для приготовления сельских священников, должны соответствовать проектируемым теперь высшим богословским классам духовных семинарий. Богословские курсы могли бы быть сделаны трехгодичными, что̀ дало бы возможность расширить объем преподаваемых в них предметов. На богословские курсы могли бы поступать успешно окончившие курс низших церковных школ воспитанники светских среднеучебных заведений и все вообще лица, чувствующие призвание к церковному служению и имеющие возможность и способность выдержать специальные вступительные экзамены в богословские курсы.

Что касается женских духовных училищ, специально назначенных для воспитания дочерей членов церковного клира, то они в настоящем своем виде, а тем более после проектируемой реформы их по типу женских гимназий Министерства народного просвещения, могут остаться только под тем непременным условием, если духовенство примет содержание их всецело на свои собственные средства, а не на церковные (главным образом) и свои (отчасти), как это делается теперь.

г) В своих рассуждениях о праве прихожан на участие в деле приобретения, заведования и распоряжения церковными имуществами и средствами комиссия обращала свое главное внимание на вопрос *о предоставлении приходу права юридического лица*, который является в данном случае центральным вопросом. Раз приходу будет предоставлено право юридического лица, со всеми преимуществами, какие законом усвояются юридическому лицу, то вопрос о праве прихожан приобретать на свое имя, а следовательно — заведовать и распоряжаться церковными имуществами и средствами, решится сам собой в утвердительном смысле, и наоборот.

Смысл вопроса о предоставлении приходу права юридического лица заключается в следующем. По действующему ныне у нас законодательству, субъектом права в отношении прихода является церковь-храм его, а не сама церковно-приходская община в лице всех ли ее членов или уполномоченных лиц. Поэтому всякое имущество и капиталы, жертвуемые приходу или приобретаемые им, могут и должны быть укрепляемы только за церковью-храмом. Некоторые ревнители Церкви и сторонники мысли о возрождении прихода доказывают, что такое действующее ныне право укрепления имущества и капиталов только за церковью-храмом основывается на неправильном толковании духовными и светскими властями помещенного в ст. 698 зак. гражд. (X т., I ч., ст. 984 и 985) выражения «церковь» лишь в значении храма, т. е. места и учреждения для богослужения и богомоления. Между тем и по каноническим основаниям и по действующим гражданским законам (т. XIII, ст. 501 св. учрежд. и устан. об обществ. презрений изд. 1902 г.), под «церковью» должно разуметь не здание или учреждение, но общину или приход. Такой именно смысл имеют все рассуждения о приходе, как юридическом лице, способном приобретать и владеть имуществами. Суммы и имущества приходских церквей, — говорят защитники проекта, — образуются из приношений и пожерт-

ваний прихожан, что̀ должно давать им право на участие в заведовании церковным достоянием.

Действительно, нельзя отрицать того, что прихожане имеют право участвовать в заведовании церковным достоянием. Да этого, кажется, никто и не отрицает. Существующий порядок хранения и заведования церковным хозяйством, допускающий приход — в лице выборных церковного старосты и двух поверенных от прихожан — к ведению церковного хозяйства, совершенно подтверждает право прихожан на участие в распоряжении церковными имуществами и средствами. Правда, полномочия прихода в данном отношении кажутся некоторым слишком малыми. И этого соображения нельзя не признать заслуживающим внимания. Желательно ввести больше гласности в расходовании церковных сумм, устранить взаимные злоупотребления в этом отношении, установить отчетность и ответственность причтов и церковных старост не только перед церковной властью, но и перед приходом.

Но само собой разумеется, что от такого расширения участия прихожан в заведовании церковным хозяйством далеко еще до предоставления приходу права юридического лица, и одно только такое расширение участия прихожан в заведовании церковным хозяйством не удовлетворит многих. Должно прямо признать, что основным домогательством и последней целью проекта предоставления приходу права юридического лица является стремление к признанию имуществ и сумм приходских церквей достоянием сколько церковным, столько же и общественным (приходским), причем приходской общине принадлежало бы право употребления средств и доходов церковных на дело, не только противоположное тем целям, с какими собраны церковные средства, но иногда даже и прямо чуждое Церкви и ее интересам.

Комиссия не решилась высказаться положительно в пользу перенесения прав юридического лица с церкви-храма на церковь-общину еще и вот почему. Мыслимы случаи, когда церковь-община православная может прекратить свое существование, как таковая, например — в случае перехода ее членов в иное христианское исповедание или в секту и старообрядчество. А между тем мы знаем из истории и из современной действительности случаи, когда имущества и даже деньги жертвуются или храму-церкви, как таковому, или хотя и церкви-общине, но именно как церкви-общине православной.

На основании всех вышеизложенных соображений, а также приняв во внимание и то обстоятельство, что терминология существующего законодательства по вопросу о субъекте права собственности в церковном имуществе заставляет во многом желать большей точности и ясности, равно как и теоретическая конструкция юридических лиц у нас не отличается выработанностью, комиссия пришла к такому заключению, что желательно было бы, чтобы право юридического лица было по-прежнему оставлено за церковью-храмом, и в то же самое время оно было предоставлено и церкви-общине.

В пользу такого своего заключения комиссия может указать на следующие два основания юридическо-практического свойства. В I ч. X т. Св. Зак.

имущества церковные, монастырские и архиерейских домов называются имуществами *установлений*, к которым на практике относятся учебные заведения Духовного Ведомства и разные фонды или капиталы этого Ведомства, имеющие то или другое специальное церковное назначение, хотя закон ни о тех, ни о других как о церковных установлениях не говорит, исчерпывая категорию юридических лиц церквами, архиерейскими домами и монастырями. Отчего, казалось бы, в число этих установлений не включить и церковь — приходскую общину, тем более, что католические и протестантские приходы, а равно и православные приходы в Финляндии, уже пользуются правами юридического лица?

С другой стороны, в практике известен один случай признания церкви-прихода в правах юридического лица, правоспособного к приобретению имущества. В 1902 году Сумский окружной суд предписал нотариусу совершить дарственную запись на ¼ десятины земли, подаренную дворянином Шечковым приходу Благовещенской церкви с. Волынцева Путивльского уезда.

д) Предоставление приходу самоуправления и, в частности, права юридического лица с принудительной необходимостью возбуждает вопрос о желательном устройстве приходской общины и положения ее в области епархиального управления.

Само собой разумеется, что вся жизнедеятельность приходской общины должна проходить и совершаться на точном основании церковных канонов и правил, признанных поместной Церковью, под правительственной властью епархиального епископа. Приходская община должна безусловно подчиняться всем каноническим, т. е. основанным на канонах и правилах, признанных поместной Церковью, распоряжениям епархиальной церковной власти и отдавать этой последней отчет относительно своей жизнедеятельности. При этом приходским общинам должна быть предоставлена полная свобода для того, чтобы они могли доводить до сведения епархиальной и высшей церковной власти все свои нужды и желания, равно как и свои жалобы на возможные злоупотрбления низших органов церковной власти.

Тому же самому должна служить и целесообразная организация, которая должна быть дана приходским общинам и точно регламентирована.

Органами самоуправления приходской общины могли бы быть *церковно-приходское собрание и церковно-приходский совет*.

Церковно-приходскому собранию, состоящему из тех лиц, которые, по ныне действующему законодательству, имеют право избрания церковного старосты, могли бы быть усвоены права общего распоряжения жизнью приходской общины и контролирования за исполнением своих распоряжений. В частности, церковно-приходскому общему собранию могли бы быть усвоены следующие права: 1) избрания членов клира; 2) избрания кандидатов на должность церковного старосты, представителей от прихода для контроля при высыпке денег из церковных кружек, избрания членов-мирян в церковно-приходский совет; 3) утверждения росписи доходов и расходов на следующий

год, равно как и бюджета обложения прихожан; 4) установления правил для заведования и расходования сумм и имущества прихода, равно как и порядка ведения отчетности; 5) заведования устройством и содержанием храма, причтовых помещений и других учреждений — благотворительных и просветительных; 6) решения вопросов о разделении или изменении существующих приходов или учреждении новых.

Церковно-приходский совет, который состоит из священника-настоятеля (председатель), остальных членов причта (непременные члены) и выборных прихожан, должен иметь характер строго исполнительного органа приходского самоуправления. Исполняя решения и постановления общего церковно-приходского собрания, утвержденные епархиальной властью, церковно-приходский совет, в частности: 1) хранит и заведует приходским имуществом и ведет отчетность; 2) составляет роспись приходов и расходов и бюджет обложения прихожан; 3) принимает пожертвования и пособия на нужды прихода, делает раскладку и взимает сборы, разрешенные на церковно-приходском собрании; 4) избирает поверенных прихода по делам в суде и перед другими властями; 5) представляет церковно-приходскому собранию доклады и проекты, вызываемые особенными нуждами прихода, равно как и заключения по каждому поступающему на рассмотрение церковно-приходского собрания делу.

Ввиду величайшей важности всей жизнедеятельности церковно-приходских общин для Церкви и общества, желательно было бы, чтобы вся эта деятельность была точно и ясно регламентирована. Деятельность каждой церковно-приходской общины должна быть подчинена непосредственно надзору благочинного и благочинического совета. В этом последнем могли бы присутствовать, кроме священников, и выборные представители того прихода, дело которого рассматривалось бы в благочинническом совете.

Высшее заведование всеми специально приходскими делами, имеющими преимущественно материальный и хозяйственный характер, должно сосредоточиваться в совете епископов, в том отделении его, которому будет поручена хозяйственная часть епархиальных дел.

Для придания жизнедеятельности русских православных церковно-приходских общин порядка и однообразия, желательно было бы видеть собрания духовенства с участием мирских прихожан по делам специально церковно-приходским.

Такие собрания могли бы устроиться в двух видах: 1) благочинические или же уездные и 2) общеепархиальные.

Благочинические или же уездные собрания по делам церковно-приходским могли бы собираться по благочинническим округам или же уездам, под председательством благочинных или же настоятелей уездных соборов. Общеепархиальные собрания, которые с пользой могли бы заменить такое неопределенное и не имеющее за собой ни строго канонических, ни исторических свидетельств новейшее учреждение, как епархиальные съезды духовенства, должны состоять из представителей от духовенства и от мирян и происходить

непременно под председательством епархиального епископа, или заменяющего его викария, или особо назначенного епископом заместителя его. Общеепархиальные собрания духовенства и мирян в таком виде восстановили бы собой наши прежние соборики епархиального духовенства во главе с архиереями. Присутствие на таких собраниях епархиального архиерея придавало бы им тот авторитет, которого тщетно стараются домогаться теперешние наши епархиальные съезды; а участие в них мирян, представителей приходов, сообщило бы им характер строго соборных совещаний.

Общеепархиальным собраниям представителей духовенства и мирян может и должен быть усвоен только совещательный характер. Они должны быть ни более, ни менее, как вспомогательными органами при епископе. Присвоение таким собраниям какого-либо законодательного характера, а постановлениям их — решающего значения, обязательно внесет двойственность в систему епархиального управления, столь нежелательную для пользы дела.

На общеепархиальных собраниях с таким характером и в таком виде могли бы быть обсуждаемы не только вопросы материального свойства, например, об улучшении быта духовенства, устройстве и содержании церковных школ епархии, призрении заштатного и сиротствующего духовенства и всех вообще нуждах и потребностях общеепархиального хозяйства, но и вопросы религиозно-нравственного характера, например, о нуждах и требованиях пастырской практики,мерах к оживлению церковно-приходской жизни, к поднятию религиозно-нравственного состояния общества, к улучшению отношений между духовенством и прихожанами, о средствах борьбы со старообрядчеством и сектантством, усилении религиозно-просветительной деятельности духовенства и др.

Само собой разумеется, что при такой постановке общеепархиальных собраний представителей от духовенства и мирян на долю съезда депутатов самого духовенства должны остаться только вопросы, касающиеся учреждений, созданных самим духовенством на его собственные средства в видах улучшения его материального положения, каковы, например: кассы эмеритальные, ссудо-сберегательные, единовременных пособий, равно как и вопросы, касающиеся специально пастырского служения и практики, например, суд чести и др., которые было бы признано неудобным отдавать на рассмотрение собраний с участием мирян.

II. Заключительные пункты

1. Реформа православного прихода, в смысле предоставления приходу права автономии и юридического лица, не противоречит каноническим правилам и истории православной Церкви и, с точки зрения требований современной церковной жизни, желательна.

2. Приход есть церковная община, группирующаяся возле храма на началах канонического самоуправления, связанная единством религиозно-нравст-

венных, просветительных и материальных интересов под канонической властью епископа.

3. Приход есть постоянное подразделение православной епархии.

4. Граница приходов, как городских, так и сельских, определяется территориальным началом. Исключительные же случаи решаются церковно-приходским советом, и решения последнего рассматриваются и утверждаются епархиальным епископом.

5. Приход по количеству прихожан должен быть от 2-х до 3-х тысяч душ обоего пола.

6. Если образуется приход по количеству выше нормы, то желательно, чтобы строились новые церкви с отдельными священниками.

7. Автономия есть самоуправление церковно-приходской общины под правительственной властью епископа.

8. Желательно и при современных условиях жизни необходимо предоставить прихожанам право участия в избрании кандидатов клира.

Примечание к параграфу 8: Право участия прихожан в избрании кандидатов клира необходимо обставить нижеследующими правилами и ограничениями:

а) Прихожане имеют право избрать священника или кандидата, имеющего научный ценз. Таким цензом для городского священника должно быть высшее богословское образование, для сельского — среднее. Лица, получившие светское образование — высшее или среднее — и лица с домашним образованием должны выдержать полный испытательный экзамен на священника.

б) Избранное лицо представляется епископу для испытания и признания достойным или нет.

в) При неодобрении избранного кандидата и если со дня освобождения прихода прошло два месяца, епископ сам назначает священника в свободный приход.

г) Жалованье от прихода определяется прихожанами раз навсегда и утверждается епископом; за требы же не должно быть никакой таксы — ввиду различного имущественного состояния прихожан.

д) При избрании кандидата на приход или приглашении священника прихожане, а равно и священник, не имеют права поднимать вопроса о содержании священника и плате за требоисправления.

е) Если правило, изложенное в п. *д*, будет нарушено при избрании, то виновный в сем кандидат навсегда или же на много лет лишается права искать какого-либо места в клире, священник лишается права в течение нескольких лет искать какое-либо новое место, а прихожане на этот раз лишаются права выбора, и епископ сам назначает священника.

ж) Если епископ дознает, что кандидат или священник, ищущий места, допустит подкуп или спаивание спиртными напитками или иные неблаговидные способы получения прихода, позорящие кандидата и деморализирующие приход, а прихожане допустили все это, то кандидат, если он светский, навсе-

гда лишается права вступить в клир, если — священник, лишается и того места, которое раньше имел и, только по истечении не менее года и по раскаянии, может получить незначительное бесприходное место. Прихожане на этот раз лишаются права избрания.

з) Прихожане могут уже служащему священнику прибавить содержание, но с ведома епископа.

и) Прихожане, избравшие священника, раньше года не имеют права просить о перемене священника, если он трезв, честен и аккуратен. Если же и по истечении года прихожане просят удалить, а при расследовании окажется, что священник — достойный пастырь, то он остается на своем месте. В случае же его добровольного перехода в другой приход, избравший его, прихожане на этот раз лишаются права избрания: епископ сам назначает им священника.

і) Прихожане, заявившие себя постоянными неудовольствиями на избранных ими священников, по усмотрению епископа, лишаются права избрания на 5, 10, 15 лет.

к) В исключительных случаях прихожане избирают кандидата на священническое место в присутствии лица, уполномоченного от епископа.

л) Право избрания принадлежит тем лицам, которые, по ныне действующему законодательству, имеют право избрания церковного старосты.

м) В селе в избрании принимают участие и женщины, как представительницы дворов.

н) Священники, назначенные епископом и избранные приходом, перемещаются или лишаются своих мест только по суду.

9. Желательно предоставить приходу право приобретать имущество на свое имя, как гражданского лица.

10. В случае уничтожения прихода имущество становится собственностью церкви-храма и находится в ведении епархиального начальства.

11. Заведование церковным имуществом предоставляется приходу.

12. В управлении церковным имуществом, как принадлежащим приходу, так и находящимся в его заведовании, приход подлежит ведению епархиальной власти.

13. Управление делами прихода вверяется выборному церковно-приходскому совету.

14. Председателем церковно-приходского совета является настоятель храма; прочие члены причта и церковный староста состоят непременными членами совета. Помощник председателя избирается членами совета.

15. Церковно-приходский совет ведает хозяйственное управление церкви, управление благотворительными учреждениями, если эти учреждения принадлежат приходу, как юридическому лицу, или же контролирует управление благотворительными учреждениями, если они устроены на средства братств или частных благотворителей.

16. Бюджет обложения прихожан составляется церковно-приходским советом и утверждается общим собранием прихожан.

17. По окончании года совет отдает отчет в своем управлении общему собранию прихожан и епархиальной власти.

18. Членами церковно-приходского собрания могут быть прихожане обоего пола.

19. Епархиальная власть утверждает постановления церковно-приходских учреждений.

20. Расходы в пределах определенного процента годового бюджета производятся церковно-приходским советом с ведома благочинного.

21. Вся деятельность церковно-приходского совета подлежит ведению и контролю епархиальной власти.

22. Ближайшим органом, контролирующим деятельность церковно-приходских учреждений, является благочиннический совет.

О соединении епархий в митрополичьи округа

Внешнее распространение христианской Церкви в пределах обширной Римской империи началось возникновением небольших христианских общин, одиноко брошенных среди сплошного языческого мира. По мере успеха христианской проповеди росли прежние общины, возникали новые, и все они мало-помалу приходили в территориальное соприкосновение. Этот естественный рост христианской Церкви закончился тем, что прежнее сплошное языческое население заменилось мало-помалу населением христианским. Результатом этого процесса было прежде всего то, что прежние небольшие церковные общины, территориально разобщенные, а потому по необходимости автономные, теперь, не встречая внешних препятствий к объединению, под воздействием уже церковного единства стали соединяться в более сложные единицы, группировавшиеся около выдающихся христианских центров, которые, в силу естественного хода жизни, оказались вместе с тем и центрами национально-культурно-политическими. Из этого видно, что образование таких крупных церковных округов, как например, — митрополии и патриархии, было следствием действия силы не разделяющей (дифференцирующей), а объединяющей (интегрирующей). Другими словами: крупные церковные округа появились не вследствие сепаратизма областей, стремившихся к автономии, а наоборот — вследствие стремления мелких церковных единиц к объединению в крупные церковные единицы. Не нужно выпускать из виду, что, при отсутствии в строе церковной жизни первых веков бюрократической централизации, о церковном сепаратизме областей не могло быть и речи; жизнь не давала для этого повода. Мало того, в тех случаях, когда отдельные области и целые страны под влиянием национальных, культурных и политических побуждений обнаруживали стремление к обособленности, церковное начало, под воздействием присущей ему идеи всеобщего единства, не только не способствовало усилению этого сепаратизма, но, напротив, несмотря на церковную автономию областей, ослабляло его развитие и задерживало его проявление. Не забудем, что

после распадения Римской империи на западную и восточную (395 г.) церковное единение между этими двумя половинами империи продолжалось еще в течение шести с половиной веков (до 1054 г.) при полной церковной автономии этих областей. С аналогичным явлением встречаемся и в церковно-политической жизни русского народа. Несмотря на то, что юго-западная Русь политически отторгнута была от единения с Русью северо-восточной, сознание церковного единства между ними, несмотря на их церковную автономность, не ослабело, а наоборот — в свое время послужило одним из могущественнейших факторов, способствовавших прочному политическому воссоединению юго-западной Руси с московской. Этих исторических факторов не следует забывать тому, кто опасается, что образование митрополичьих округов окажется в противоречии с началом государственного единства, способствуя якобы возрождению идей о культурной и политической обособленности наших окраин в Западном крае и на Кавказе. Повторяем, образование митрополичьих округов, если оно состоится, будет проявлением начала объединяющего, а не расчленяющего, и само по себе пробуждению политического сепаратизма служить не может; оно повлечет за собой ослабление бюрократической централизации, но и только.

Объединение мелких церковных общин в крупные автономные округа в древней Церкви повлекло за собой весьма важные практические результаты, сущность которых особенно отчетливо выступает в 20-м правиле Антиохийского Собора (341 г.), по которому епископы митрополичьих округов обязаны собираться на Собор два раза в год «ради нужд церковных». Выполнение этого требования было бы невозможно, если бы Церковь состояла из отдельных, ничем не объединенных епископий, разбросанных на огромном пространстве тогдашней Римской империи. А между тем Церковь, построенная на соборном начале, без практического применения этого начала не могла бы жить своей нормальной жизнью. Жизнь объединенных в округа церковных общин, управлявшихся соборами под главенством окружных епископов, и была истинным показателем нормальной организации Церкви, здоровая жизнь которой невозможна там, где соборное начало не функционирует.

Если теперь от древней вселенской Церкви обратимся к нынешней русской Церкви и взглянем на ее внутреннюю организацию с точки зрения вышеуказанной нормы, то тут прежде всего встретимся со следующим характерным явлением. На громадном пространстве Российской империи, превосходящей объемом своей территории древнюю Римскую империю, разбросаны десятки отдельных епархий, механически связанных, но истинно церковной связью не объединенных. Рядом с этим и, отчасти, как его неизбежное следствие, мы замечаем и другое характерное явление. История нашей Церкви свидетельствует, что вот уже свыше двух столетий голос церковного Собора у нас не раздается, как будто те нужды, ради которых наша мать, древняя вселенская Церковь, предписывала созывать окружные соборы по два раза в год, у нас не существуют. Следствием такого отступления от норм древней Церкви явился целый ряд в высшей степени печальных явлений во внутренней жизни

нашей Церкви, которые, благодаря подъему церковного самосознания, так беспощадно разоблачаются в наши дни, и устранение которых есть дело неотложной необходимости. Выход из этого состояния — один. Необходимо, во-первых, положить конец нынешнему дроблению Церкви на отдельные, внутренне разрозненные епархиальные единицы, соединив их в более или менее крупные округа с митрополитами во главе; во-вторых, призвать к жизни забытое у нас начало соборности, восстановив его действие — прежде всего — во внутренней жизни митрополичьих округов; в-третьих, удалить из внутренней жизни Церкви несвойственное ей бюрократическое начало — путем непосредственного решения на соборах тех дел, которыми завалены ныне консистории и канцелярия Св. Синода; и, в-четвертых, приблизить епископскую власть к пастве посредством открытия в уездах епископских кафедр.

Выходя из представленных выше фактических данных и общих соображений, в основу внутренней организации преобразованной Церкви можно положить следующую схему.

Российская Церковь, возглавляемая патриархом, состоит из отдельных округов, образуемых путем объединения около центрального города округа ближайших к нему архиепископий и епископий с кафедрами в губернских и уездных городах.

Во главе округа стоит митрополит. Митрополит избирается Всероссийским Собором и, по утверждении Верховной Властью (если это признано будет необходимым), поставляется патриархом, если он не будет иметь епископского сана. Архиепископы и епископы избираются собором округа и, по утверждении, поставляются митрополитом округа.

Округ управляется митрополитом совместно с собором округа. В состав собора, под председательством митрополита или его заместителя, входят архиепископы, епископы и представители от черного и белого духовенства.

Примечание 1. В случае невозможности архиепископу или епископу присутствовать на соборе, их место занимают присланные ими на собор их заместителя.

Примечание 2. Миряне могут присутствовать на соборе с правом совещательного голоса.

Кроме избрания архиепископов и епископов, ведению собора подлежат все дела, касающиеся внутренней жизни округа в сферах управления, суда и финансов.

Что же касается самого факта группировки нынешних епархий по округам, то в основание ее естественно положить следующие соображения: 1) удобство сообщения, 2) особенности языка и быта населения данного края, 3) присутствие в данной местности населения иноверного и инославного исповедания и 4) естественное тяготение населения той или другой местности к известному центру, вызываемое историческими воспоминаниями, торгово-промышленными интересами и им подобными мотивами.

К вопросу о положении православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверцам по издании Высочайшего указа 17 апреля 1905 года о веротерпимости

1) Репрессивные меры по отношению к разномыслящим в вере вызывают в среде их озлобление против господствующей Церкви и служат одним из главных тормозов к воссоединению с ней. Пример — наш раскол, в течение двух с половиной веков испытывавший на себе всевозможные репрессии и доселе твердо и стойко отстаивающий свои заблуждения.

2) Репрессии привели к тому, что православная Церковь, вопреки своему догматическому определению («есть от Бога установленное общество человеков, соединенных православной верой, священноначалием и таинствами»), стала наполняться и достаточно наполнилась людьми, только формально к ней принадлежащими, чуждыми ей по религиозным побуждениям, — о печальных последствиях чего для Церкви распространяться нет нужды.

3) Так как свобода в религиозных убеждениях есть один из краеугольных камней всякого цивилизованного общества, то репрессии по отношению к разномыслящим с господствующей Церковью всегда вызывали и вызывают, с одной стороны, сочувствие к ним православной интеллигенции, а с другой — упреки как Правительству, не считающему возможным отделять дела веры от интересов политики (притом правильно ли понимаемой?), так в особенности духовенству, опирающемуся в делах религиозных на содействие Правительства.

4) Но самое главное зло от означенных репрессий состояло в том, что они, охраняя православную Церковь *внешними* средствами, содействовавшими долговременной спячке значительной части нашего духовенства, замедляли в нем подъем его духовных сил, имевших быть направленными к утверждению православия и охранению его от напора враждебных сил.

Таким образом, появление Высочайшего указа 17 апреля сего года (о веротерпимости) должно быть объясняемо давным-давно назревшими потребностями — и политическими и религиозными, и отнюдь не должно быть толкуемо как событие, неблагоприятное для Церкви православной. Мысль эта подчеркнута и в Высочайшем указе. «Призывая благословение Божие на дело мира и любви» (веротерпимость), Государь уповает, что «оно послужит к вящему возвеличению православной веры, порождаемой благодатью Господней, поучением, кротостью и добрыми примерами». В последних словах находится и указание, в каком направлении должна быть усилена деятельность православного духовенства.

Теперь время всевозможных реформ. Особенность этих реформ состоит в том, что почти все они являются *запоздалыми* и *скороспелыми*. В запоздалости, без сомнения, виновато Правительство (бюрократия, как теперь говорят), не всегда надлежаще оценивавшее потребности времени. Скороспелость обусловливается смутной годиной, переживаемой нами: реформы как бы насильственно вырываются у Правительства. Отсюда происходят большие неудобства. Одно из них — *не всегда надлежащая последовательность в проведении реформ.*

Издан чрезвычайной важности указ о веротерпимости. Мы его приветствуем, как вызванный насущными потребностями времени. Но едва ли подлежит сомнению, что изданию этого указа должно бы предшествовать тоже давным-давно назревшая широкая реформа в положении православной Церкви. Снимая с православия опеку, Правительство должно пойти навстречу желаниям истинных сынов православной Церкви, стремящихся поставить ее на подобающую высоту через возможно лучшую организацию присущих ей начал и сил, и дать для достижения этой цели материальные средства. С этой реформой Правительство запоздало. Но приготовления к ней идут. Нам остается присоединиться к пожеланиям, чтобы предположенная реформа проведена была с наибольшей для интересов православия пользой. *Тогда положение православной Церкви в отношении иноверцев и сектантов найдет надлежащее для себя русло.*

Какое же положение нашего миссионерства при изменившихся условиях жизни Церкви?

По вопросу о судьбе нашего существующего теперь института миссионеров, ввиду объявленного закона о веротерпимости, в литературе были высказаны разные мнения. Были голоса за совершенное его упразднение. Другие говорили, что дело миссии должно сосредоточиваться в руках *приходских пастырей.* Наконец, высказано мнение, что *вся православная Церковь должна выполнять задачи миссии, сделаться миссионерской.*

Осуществление последней мысли, разумеется, наиболее желательно. И хотя это — идеал, притом мерцающий в самом большом отдалении, тем не менее приближение к нему на известное расстояние не невозможно, в особенности в нашем Юго-Западном крае.

Известно, что в XVI—XVII столетиях в юго-западной России процветали при многих церквах и монастырях братства, оказывавшие в свое время громадные услуги православию своей энергичной деятельностью и, в особенности, своими *религиозно-просветительными учреждениями* (заведение школ и типографий; издание книг учебных, богослужебных, религиозно-нравственных, полемических; заботы о благолепии храмов Божьих; учреждение института проповедников; устройство странноприимных домов и богаделен; борьба за юридические права Церкви и т. п.). С половины XVII столетия братства, вследствие разных исторических обстоятельств (о которых здесь нет нужды распространяться), постепенно стали клониться к упадку и исчезать. Но учреждения, пустившие глубокие корни в народную жизнь при самых неблагоприятных условиях, сохраняют живучесть. Такую живучесть обнаружили и церковные братства. Следы братств или, точнее, некоторое подобие братств можно видеть и до настоящего времени во многих местечках и селах нашего Юго-Западного края. Относительно этого существуют некоторые сведения и в литературе. Я [1] ограничусь личными наблюдениями относительно сего предмета, сделанными мной во время продолжительной поездки для обозрения

[1] Проф. С. Голубев.

одной из губерний Юго-Западного края. Сообщу свои наблюдения в том порядке и постепенности, как они у меня слагались.

Иду в воскресный день в церковь. Совершается литургия. Все в храме обычно. Но вот, перед чтением Евангелия, из ряда предстоящих выделяются человек 15—20, берут в особенном месте хранящиеся в церкви свечи, возжигают их и полукругом становятся около иконостаса. Кончается Евангелие, — свечи тушатся и полагаются на прежнее предназначенное для них место. Начинается великий выход, — повторяется то же самое явление. По выходе из церкви делаю расспросы, интересуясь необычным для меня, как великорусса, фактом, и получаю разъяснение: стоявшие в церкви с возжженными свечами суть братчики. Это — лучшие, большей частью пожилые прихожане; они дают обет — во все праздничные и воскресные дни посещать церковные службы; в определенные дни в году заказывают нарочитые литургии — или заупокойные за умерших братчиков, или торжественные с молебном и водоосвящением. На похоронах умершего брата должны присутствовать все братчики; во время отпевания покойника они стоят с возжженными свечами, с ними же они сопровождают его и к могиле. — Еду в другое село. Оказывается, что и здесь братство существовало; но в недавнее время закрылось. Почему? — Да потому, — объясняют, — что устроен свечной епархиальный завод, и начальство настойчиво требует, чтобы братчики покупали для своих потребностей свечи (большие, на подобие братских) из этого завода. — «Что же, — спрашиваю, — мешает им исполнить это требование?» — При разъяснении получаются новые, весьма интересные подробности. Оказывается, что братчики сами приобретают соты, вываривают их; затем собираются вместе и *при пении религиозных гимнов* собственноручно выделывают свечи. Вываренный мед (питьевой) торжествоенно распивается братчиками во время общего собрания (в дни храмовых праздников). — В других местах встречаемся с новыми подробностями: братчики делают складчины, собирают пожертвования. Многие сравнительно дорогие принадлежности церковной утвари приобретены на собранные таким образом средства. Оказывается, что братчики в некоторые дни, между прочим в день тезоименитства Государя Императора, просят священника отслужить на открытом месте (иногда вблизи лежащей рощи) молебны за здравие Государя, а затем здесь располагаются группами и вкушают принесенные с собой яства и пития.

Эти, хотя бы и очень слабые, следы некогда процветавших в нашем Западно-Русском крае церковных братств свидетельствуют о жизненности в обществе древнеправославных традиций и, при известных, в благоприятную сторону изменившихся условиях церковно-приходской жизни, могут послужить оплотом против замечаемой в наше время даже в простом народе шаткости и неустройства религиозных убеждений. В великорусских епархиях, где нет следов церковных братств, могут быть выдвинуты с означенной целью церковно-приходские попечительства, которым ничто не мешает присвоить столь симпатичное (на основе евангельской любви покоящееся) название братств.

Разумеется, при устроении всего этого дела первенствующая роль должна принадлежать *приходским священникам*.

Указанное заявление, что миссия (понимаемая в смысле охранения православия и расположения к нему разномыслящих) есть главнейшая из обязанностей приходских священников, совершенно справедлива. Эти обязанности прекрасно выяснены в архипастырском послании Высокопреосвященного Флавиана, митрополита Киевского, к пастырям Киевской епархии. «Пастыри Киевской Церкви, — читаем здесь, — исполняйтесь духом святой Христовой веры... Больше теплоты, больше сердечности, больше убежденности в вере, пастыри... Назидайте паству вашу благоговейным, истовым и уставным совершением богослужения... С любовью совершаемое, богослужение наше само в простоте своей является торжественным... Вменяйте себе в святой долг преподавать народу живое пастырское слово... Учите детей своих прихожан в храмах, учите и воспитывайте их в Законе Божием и в школах... Школа приходская — великое орудие в руках пастыря... она есть несокрушимая основа пастырского авторитета в приходе... Учите, пастыри, свою паству и примером своей жизни. Слово располагает, а пример жизни увлекает. Жизнь пастыря — на глазах всех христиан... Добрая жизнь пастыря является лучшим примером для паствы, а недобрая жизнь его служит губительным соблазном».

В послании высокопреосвященного митрополита начертан идеал хорошего пастыря. Но действительность иногда далека от идеалов. Подчеркивается это и в архипастырском послании Высокопреосвященного Флавиана, причем с горечью указывается на враждебное отношение между членами некоторых причтов, возникающее из-за копеечных расчетов при дележе доходов за требоисправления. Выясняется и причина этого печального и, прямо скажем, гибельного явления: это — неопределенное (и в большинстве случаев скудное) обеспечение нашего духовенства. Разумеется, уничтожить это зло всецело зависит от Правительства, и мы полагаем, что православное духовенство, в течение более 900 лет всегда стоявшее на страже интересов Русского государства, всегда принимавшее горячее участие и содействие в созидании, упрочении и охранении сего государства от враждебных на него посягательств, вправе ожидать от Правительства преимущественного внимания в смысле удовлетворения этой насущной для него нужды.

Но это — одна сторона дела, сторона очень важная, но все-таки не самая существенная. Люди, одушевленные известной идеей, и при скудости материального обеспечения будут стремиться к ее осуществлению, готовые положить за нее саму жизнь, примеры чего в обилии представляет наше же духовенство, в особенности за прошлое время. Но для этого нужно, чтобы известные люди были, как я сказал, *одушевлены идеей*, были всецело преданы своему делу, поставляли его целью своей жизни. В таких людях, истинных пастырях Церкви, готовых душу положити за овцы своя, Церковь наша очень нуждается. А на помощь Церкви в данном случае должна придти школа. *Поэтому вопрос о реформе духовно-учебных заведений следует признать одним из самых существенных при предположенной реформе всего нашего церков-*

ного строя. По вопросу этому, как известно, образована особая комиссия. Нам поэтому входить в детали нет надобности. Но общую точку зрения по данному вопросу высказать необходимо. По нашему мнению, духовно-учебные заведения, по крайней мере начиная с семинарии (куда поступают лица уже достаточно взрослые), должны служить не интересам духовенства, *как сословия*, а интересам *исключительно Церкви*, как заведения, специально — от первого до последнего класса — приспособленные *к воспитанию и образованию будущих пастырей Церкви* (к каким последствиям привело смешение двух задач — сделать из семинарии заведения и общеобразовательные и специально духовные, — хорошо известно: *примеры перед глазами*). Само собой разумеется, что при реформе семинарий в указанном направлении в них имеет быть открыт самый широкий доступ для лиц разных сословий (между прочим, и крестьян, что весьма желательно, а при умении устроить церковно-приходские школы и переход из них в духовные училища, и возможно), чувствующих склонность к духовному званию. Естественно, что при указанной реформе должен быть тщательно пересмотрен и круг преподаваемых в семинариях предметов применительно к основной их задаче. При этом пересмотре, разумеется, расколоведение и сектоведение не только не могут быть исключены из этого круга (о чем некоторые уже поговаривают), но им должно быть отведено одно из первенствующих мест. Желательно только, чтобы существенно изменены были программы этих наук (преподавание), страдающие большими (особенно в отделах полемических) дефектами *в научном отношении.*

Когда пастыри Церкви будут состоять и в нравственном и в умственном отношениях на подобающей их званию высоте, когда в помощь им образуются при приходских храмах и окрепнут братства, преследующие цели религиозно-просветительные, — тогда, естественно, дело миссии сосредоточится в их руках, и институт миссионеров должен пасть сам собой.

Но светлая картина, рисуемая нам, есть дело более или менее отдаленного будущего, и теперь говорить об упразднении института миссионеров — преждевременно. Сведущих людей по расколоведению и сектоведению у нас мало, а потребность в них большая. Такими людьми следует дорожить. Но что касается деятельности означенного института, то при оценке ее возможны desiderata, в особенности ввиду условий, созданных указом 17 апреля сего года.

Члены комиссии согласились с мыслями, высказанными в означенном докладе, за исключением одного из основных пунктов, именно, что средние духовно-учебные заведения *должны быть специально, от первого до последнего класса, приспособлены к воспитанию и образованию будущих пастырей Церкви.* Большинство членов комиссии выразило желание, чтобы первые четыре класса семинарий имели характер общеобразовательный и только последние два — специально богословский. Свое мнение означенное большинство мотивировало следующим образом: 1) та постановка учебного дела, которую рекомендует председатель, лишит возможности многих воспитанников семинарии поступать в высшие светские учебные заведения, и они по необхо-

димости, иногда вопреки призванию, будут продолжать учение в богословских классах и затем занимать места священнические, а пастыри, не чувствующие к сему призвания, — плохие пастыри; 2) общее образование для пастырей Церкви так же необходимо, как и для лиц других профессий.

В последнем заседании члены комиссии обменялись мнениями о положении современного института миссионеров, причем пришли к заключению, что далеко не все собеседования их со старообрядцами и сектантами приводят к желаемым результатам. Главная причина этого заключается в том, что не только сектанты, но нередко, следуя им, и наши миссионеры смотрят на подобные собеседования как бы на официальные турниры. Отсюда главная забота борцов при таких состязаниях сосредоточивается на том, как бы обнаружить свою ловкость, увильнуть от удара, искусно подставить противнику ножку и т. п. То же, что̀ составляет душу православной миссии, — святое одушевление, порождаемое непоколебимым убеждением в истинности защищаемых положений, снисхождение к мнениям заблуждающихся, мирное, на основе христианской любви покоящееся изъяснение вероисповедных разногласий, — все это составляет явления далеко не повсеместные. На эти дефекты в институте проповедников при общей реформе Церкви должно быть обращено серьезное внимание. Да и вообще желательно, чтобы в словесные состязания с разномыслящими в вере миссионеры вступали *по возможности реже* (только тогда, когда сектанты искренно желают получить разъяснение, а не стремятся к пустым словопрениям с известными целями).

Так как комиссия, с одной стороны, признает всякие репрессивные меры по отношению к разномыслящим в вере нежелательными, даже вредными, а с другой — уверена в сохранении за православной Церковью первенствующего положения, которое при общей церковной реформе, без сомнения, будет (поколику это вызывается сей реформой) юридически регламентировано, — то в настоящее время поднимать какие-либо нарочитые вопросы об отношении сей Церкви к старообрядцам, сектантам и иноверцам считает излишним.

Относительно характеристики собеседований с сектантами, равно как и требований, которые необходимо предъявить к ним, епархиальные миссионеры представили при сем прилагаемое особое мнение.

Епархиальный миссионер Н. Белогорский представил еще и свой личный труд, при сем прилагаемый, по вопросу о том: «Чего мы должны желать для православной Церкви ввиду изменившегося положения сектантства и иноверия».

Особое мнение епархиальных миссионеров

Считаем долгом своим представить к журналу комиссии, рассматривавшей под председательством проф. С. Т. Голубева вопрос о положении православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверцам по издании Высочайшего указа 17 апреля сего года о веротерпимости, свое особое мнение относительно принятой комиссией характеристики миссионерских

собеседований с раскольниками и сектантами, равно как и требований, которые желательно предъявить к этим собеседованиям.

Характеристика публичных собеседований, занесенная в журнал комиссии, явилась результатом не общего обмена мнений всех членов комиссии, а мнением председателя, с которым одни члены согласились вполне, другие — с условием смягчить употребленные в характеристике выражения. Между тем такая характеристика не согласна не только с фактической стороной дела, т. е. с ведущимися почти повсеместно в России собеседованиями, но и с литературой этого предмета. Как фактическое основание для мнения председателя, служили миссионерские беседы с сектантами в Киеве бывшего викария Киевской митрополии, ныне почившего архиепископа Сергия. Но эти популярные собеседования ни в коем случае не могут считаться типическими миссионерскими беседами. Миссионеры не являются к народу с величием епископского сана, которое нужно было охранять, с целым сонмом священнослужителей, с заранее намеченными вопросами и т. п. Миссионерские беседы — это ответ на смущение, недоумение, отрицание и неверие православной еще или уже сектантской души. Они — ни в коем случае не «словесный турнир», не «желание отбиться от удара» или «подставить ножку». Если бывают примеры и таких миссионерских бесед, то это — примеры отрицательные, возможные во всех областях человеческой деятельности. По таким примерам о миссионерских беседах судить нельзя. Нужно судить о них, во-первых, по тем обязательным для миссионеров правилам, которые даны миссионерам в руководство Св. Синодом и местными епархиальными властями для ведения бесед. Вот что̀ гласят, например, синодальные правила: «§ 8. Миссионерские беседы должны быть открытые, проникнутые духом пастырской кротости и растворяемые христианской любовью. — § 10. Миссионерские беседы должны начинаться совершением обычной молитвы, затем чтением дневного Евангелия, или же простой краткой речью, с объяснением в ней цели прибытия миссионера и с приглашением старообрядцев внимательно выслушать миссионера и беседовать с ним, руководствуясь желанием познать истину. — § 13. Во время собеседований миссионер, в отношении к раскольническим и сектантским совопросникам и вообще к раскольникам и сектантам, должен соблюдать потребные проповеднику и защитнику истины душевное спокойствие, кроткое обращение и снисходительное терпение, не смущаться их дерзостями, но братолюбиво обличать их неприличие, не отвечая безумным по безумию их. К содействию полицейской власти для собственной защиты или охранения на собеседованиях порядка и тишины миссионер может прибегать лишь в крайних случаях, когда, например, станет ясным, что присутствующие на собрании раскольники и сектанты угрожают произвести беспорядок или причинить насилие. — § 15. Предмет беседы, если он не был указан в объявлении, определяется для миссионера предварительно собранными сведениями о лицах, с которыми предстоит беседовать; во всяком случае, миссионеру надлежит являться на беседу и с точно определенным предметом, и с хорошо обдуманным планом собеседования. Вообще, в беседах со старообрядцами миссионеру не-

обходимо прежде и более всего обратить внимание на следующие предметы: а) сообщать правильные понятия о Евангелии, о слове Божием и внушить должное к нему уважение, разъяснить им значение соборных постановлений и святоотеческих писаний; б) стараться утвердить в умах старообрядцев правильное понятие о догмате и об обряде и о существенном между тем и другим различии; в) раскрыть учение о Церкви, существенных и неизменных ее принадлежностях, вечности и неодолимости ее; г) разъяснить, что исполнение заповедей евангельских выше и обязательнее исполнения внешних обрядовых предписаний (Мф. 23:23). — § 16. Каждое собеседование должно начинаться и оканчиваться, может и прерываться, общим пением молитв, псалмов и песнопений».

Во-вторых, о значении миссионерских бесед нужно судить по отношению к ним православного народа и сектантов. Конечно, если эти беседы — только публичный суд над вероучением сектантов, тогда сектанты уклонятся от этих бесед; но для православных собеседования и в этом роде служат для ограждения веры и подъема душевных сил, потрясенных издевательствами сектантов. Обычные миссионерские беседы редко носят этот характер. Они только обучают народ православной вере, обучают живым словом, обучают по первоисточникам нашей веры, по книгам Св. Писания и Предания, а не по учебникам или сборникам различных статей. Миссионерские беседы вскрывают затаенные в душе у народа вопросы, вынаруживают их и посильно разрешают. Это приобрело беседам сочувствие у народа, и в селе нет достаточной аудитории, которая бы вместила всех желающих послушать эти беседы, хотя бы они производились и несколько дней подряд и до глубокой ночи. Как же можно отнестись к этим беседам с нареканием, — к беседам, удовлетворяющим эту жажду народную к слушанию уроков веры православной в защиту ее и в обличение расколо-сектантства? Сами сектанты весьма часто относятся к беседам с любовью, являясь на них без принуждения, часто даже без зова, и находятся часто в самых хороших отношениях с миссионерами.

В-третьих, наконец, судить о миссионерских беседах можно по тем деятелям, которые их ведут. В последние годы на место миссионеров-простецов стали выступать окончившие курсы духовных академий. Эти лица, вступая на путь жизни, не огражденный ни чинами, ни пенсией, материально обеспеченные не лучше причтов самых бедных приходов города, на путь, требующий готовности к перенесению не только бед физических, но и всяческих бед от лжебратий, доказывают этим, что свое богословское образование они отдают на дело действительного служения вере народной. Эта готовность располагает их вести миссионерские беседы только для истинных целей и только соответствующим цели образом. Все нарекания на миссионерские беседы взяты из светской печати, которая отлично знает, каким могущественным орудием в руках Церкви могут быть миссионерские беседы, и которая поэтому их и дискредитирует. Эти нарекания повторяются духовными деятелями книжного направления, которые, знакомясь с миссионерскими беседами, недовольны бывают, что они не так гладки, как в их книжках пишется. Если же эти осуж-

дения высказываются практическими церковными деятелями — приходскими священниками, негодующими на беседы за то, что на них вместе с сомнениями в вере обнаруживаются и многие недостатки церковно-приходской жизни, то устранить это — от миссионеров не зависит.

Миссионерские беседы принесли свою пользу и в прошедшее время церковной жизни: и не в тысячах обращенных сектантов и раскольников к Церкви эта польза, а в той живой мысли Церкви, которую являли миссионеры на защиту ее истины и на обличение лжи. Со свободой веры, объявленной 17 апреля, и с обновлением Церкви на канонических основаниях, миссионерские беседы могут сослужить Церкви еще бóльшую услугу, если они будут надлежащим образом поставлены.

И главное требование, которое можно предъявить, это — чтобы они были делом свободного соглашения между приходом и миссионером. В настоящее время миссионеры получают предписание начальства отправиться в такой-то приход и провести там беседы. Так как беседы являются главным видом миссионерской деятельности, и по числу проведенных бесед как он сам, так и начальство, так, наконец, и духовенство, определяют рачение миссионера о своем деле, то миссионеры и стараются провести бесед как можно больше и во всех посещаемых ими приходах. Это придает их деятельности некоторый характер казенной, служебной исполнительности, создает осложнения в тех приходах, где по местным условиям от бесед следовало бы воздержаться, да и самого миссионера может в конце концов обратить в механика своего дела. Когда восстановится свободная церковно-приходская община, тогда миссионер может и должен являться в приход только по приглашению общины и с благословения своего архипастыря. Свободное слово свободного проповедника, без тени какого бы то ни было принуждения, — вот то требование, которое должно предъявить к миссионерским собеседованиям, чтобы они, при наличности миссионерских сил и способностей, удовлетворяли своему назначению. Все остальные требования сводятся к методике собеседований, которую вырабатывает уже наука и опыт.

Чего мы должны желать для православной Церкви ввиду изменившегося положения сектантства и иноверия

Высочайшим указом о веротерпимости 17 апреля сего 1905 года все существующие в России религиозные секты, исключая изуверных, получили законное право не только на существование, но и право дальнейшего увеличения числа своих последователей путем пропаганды и некоторыми иными способами. Вместе с тем, тем же указом как раскольникам, так и сектантам дарованы такого рода преимущества, которых Церковь православная лишена и доныне.

4-м пунктом Высочайшего указа 17 апреля 1905 года религиозным обществам раскольников и сектантов присвоено наименование «община», признано за ними в законе право на владение движимыми и недвижимыми имущест-

вами, а равно распространено право это на учреждаемые старообрядцами и сектантами богоугодные заведения. Благодаря этому все инославные, раскольнические и сектантские религиозные общины получают право на самую широкую организацию своей религиозной жизни. Православные приходы этих прав внутренней организации и самоуправления не имеют. В настоящей своей организации Православная Церковь отводит мирянам в церковной жизни слишком незначительную роль, низводя ее до обязанности доставлять только денежные средства на те или иные нужды Церкви — без права даже знать, как и куда расходуются собираемые с прихожан денежные суммы. Усиление среди мирян равнодушия к Церкви, нередко переходящего в полное безразличие к вере и озлобление по отношению к пастырям Церкви — является прямым результатом такого положения дела. Восстановление церковного прихода, как малой Церкви, «самоуправляющейся, по присущей ей благодати, под духовным руководством своего приходского пастыря и священника и под надзором своего епископа», является неотложной нуждой православной Церкви. Только в возвращении к этой освященной веками и примером апостольским форме церковной жизни лежит залог успеха предстоящей борьбы Церкви православной с инославием и расколо-сектантством на почве миссионерства.

В тесной связи с восстановлением прихода, как малой Церкви, находится и предоставление православным приходам права выбора членов клира из лиц, признанных епископом к тому достойными. Существующая в настоящее время практика замещения церковных должностей на протяжении многих десятков лет привела к результатам отрицательным. Ослабление между приходским духовенством и пасомыми тесной нравственной связи, формализм, потеря во многих случаях у прихожан не только доверия к своему пастырю, но и полное падение в их глазах всякого авторитета священника, усиление тяжебных дел между теми и другими — является неизбежным последствием забвения той мысли, что пастырь Церкви должен быть свободным избранником народа, вверяющего ему свои души для руководства по пути к спасению. Благодаря таким условиям православный священник в большинстве случаев является одиноким борцом за целость вверенного ему словесного стада против дружных усилий раскольнических и сектантских наставников, опирающихся на полное сочувствие своих собратий-мирян. Со стороны своих прихожан православный священник не только не всегда получает поддержку, но нередко встречает и явное укрывательство и сочувствие сектантской пропаганде. Отсюда — те громадные затруднения и частая безуспешность к подавлению и уничтожению сектантства, раз оно возникло в приходе, которые встречает миссия, несмотря на все затраты ума, энергии и знаний.

Являясь в приход не как избранник народа, а как лицо, командированное для совершения богослужения и исполнения церковных треб, православный священник становится в страшно трудное положение при нашествии иноверческой и раскольнической пропаганды еще и вследствие весьма слабой подготовки к борьбе с нею. Правда, нынешний священник много учился, и по числу

пройденных наук не сравняться с ним не только раскольничьему или сектантскому наставнику, но и католическому ксендзу! А тем не менее сопротивляться их пропаганде ему все-таки крайне трудно. Это доказывает не только факт распространения расколо-сектантства, но и общеизвестное явление, что на публичных собеседованиях о вере с раскольниками и сектантами священники, весьма часто в высокой степени образованные, обнаруживают полное неуменье беседовать о вере с необразованными начетниками. Для успешной борьбы с последними, для опровержения всех их заблуждений, необходимо такое же отчетливое знание текста Св. Писания, какое обнаруживают сектантские проповедники. Между тем кандидаты на священство долго и много времени посвящают изучению не самого Св. Писания, а учебников по Св. Писанию. Отсюда — прекрасное знакомство, так сказать, с наукой о Св. Писании, но не с самым Писанием. Устранить этот весьма важный недостаток, ввиду наступления новых условий для существования расколо-сектантства, является делом, крайне необходимым для миссии.

Священник прежде всего есть пастырь словесного стада. Учительство, а не требоисправление поэтому должно быть первой и главной пастырской обязанностью его. Живая, устная проповедь — вот та форма, в которой естественнее всего предлагать народу учение веры и нравственности христианской. Преимущество в силе и влиянии на слушателей учения в этой именно форме пред всякой другой не нуждается в доказательствах. И мы видим, как велико значение устной, живой проповеди в католичестве и сектантстве. Между тем в основу обучения искусству церковного проповедничества в нашей духовной школе положен принцип писания проповеди и произнесения ее по тетрадке. На живое, пастырское слово как бы наложен православной Церковью запрет существованием в Уставе духовных консисторий статьи об обязательной цензуре для проповедей. И вот, последствием такого обучения и запрета является молчание и отсутствие учительства в громадном большинстве православных приходов. Без живого пастырского слова борьба с пропагандой инославия и сектантства, при наступлении в России полной веротерпимости, — дело совершенно безнадежное. Отсюда — необходимость реформы в деле обучения кандидатов священства искусству церковного проповедничества и отмены в Уставе духовных консисторий статьи об обязательной цензуре для проповедей.

По укоренившемуся обычаю, имеющему, однако, в жизни Церкви православной характер неписанного закона, состав духовенства пополняется главным образом детьми духовенства же. Отсюда — образование особого сословия духовенства не в смысле только известных прав и обязанностей, исключительно предоставленных лицам, несущим службу пастырства, но и в смысле касты, где искусственно удерживаются для духовного служения дети духовенства, а детям мирского происхождения искусственно же затрудняется доступ к приготовлению для этого служения. Между тем многие из лиц духовного звания, окончивших духовно-учебные заведения, совершенно не чувствуют никакого призвания к несению пастырских обязанностей. Будучи же

вынужденными — в силу одного своего происхождения и воспитания — к занятию мест приходских пастырей, они несут свою службу без любви и одушевления и нередко становятся в тягость не только себе, но и прихожанам. С другой стороны, среди лиц других сословий, получивших приблизительно среднее образование, встречаются чувствующие в себе глубокое призвание к духовному служению, но лишенные возможности посвятить себя на служение Церкви в звании пастыря лишь по отсутствию указанных выше условий. Было бы в высокой степени важно для Церкви православной — открыть таким лицам свободный путь для выхода из духовного звания, а лицам других сословий с образованием приблизительно среднеучебных заведений и достигших зрелого возраста предоставлять возможность — после некоторой соответствующей подготовки — ко вступлению в состав пастырей Церкви. Обновленная таким образом в своем составе учащая Церковь, состоящая в значительной степени из лиц, отдавших себя на это служение по любви и сердечному влечению к нему, несомненно, явится более способной к защите интересов православия против посягательства на нее инославия, раскола и сектантства.

В ряду других условий, препятствующих успешному выполнению православным духовенством своих пастырски-миссионерских обязанностей, немаловажное значение играет многочисленность населения прихода. В настоящее время нередки приходы, насчитывающие в своем составе от 2 до 5 тысяч населения. Удовлетворять религиозные нужды прихожан в таких приходах одному человеку является решительно невозможным. Как, например, совершить сообразно чину и важности таинство крещения над 5—6 детьми, принесенными в один день, но не в одно время?! Мыслимо ли совершение надлежащим образом таинства исповеди, когда к священнику в один день или, точнее, в половину дня является несколько сот человек, и не обратится ли она в простой обряд накрывания главы кающегося епитрахилью и прочтения разрешительной молитвы?! А каковы последствия вольной или невольной небрежности в совершении таинств — показывает достигшее уже многих миллионов число раскольников и сектантов. Наконец, самые храмы в многолюдных приходах не в состоянии вместить всех желающих молиться в них, и таким образом многие и многие лишаются влияния такого могущественного религиозно-воспитательного элемента, каким является богослужение православной Церкви. Правда, главным основанием для существования таких многолюдных приходов является желание обеспечить духовенство материальным содержанием. Но ввиду того вреда для религиозной жизни народа, который создается наличностью многолюдных приходов, необходимо, чтобы число прихожан на одного священника не превышало 700—800 человек мужского пола. Что же касается обеспечения материального положения духовенства, то оно должно быть всецело обязанностью государства и должно быть таковым, чтобы устранило необходимость заниматься земледелием и другими промышленными занятиями, а тем более — взимания платы за совершение духовенством своих духовных и пастырских обязанностей.

Важность и высокое воспитательное значение православного богослужения едва ли нуждается в доказательствах. Однако нельзя не сознаться, что в настоящем своем виде православное богослужение в значительной степени теряет ту силу впечатления и влияния на религиозный дух народа, какую оно может и должно иметь. Главной причиной этого обстоятельства служит сам язык, на котором написаны наши богослужебные книги. Во многих случаях он представляет такие трудности для понимания смысла многих песнопений и молитв, которые требуют нарочитого и основательного обучения церковнославянской грамоте. Отсюда громадное большинство молящихся в храмах лишено возможности понимать смысл и значение как читаемого, так и поемого, и принуждено быть лишь холодным зрителем того, что̀ совершается перед его глазами. В этом заключается немалая причина как охлаждения у народа любви к православию, так и увлечения сектантством. Последнее же прямо обвиняет православную Церковь, что в ней Св. Писание и все богослужение совершается на непонятном для народа языке. Приблизить язык богослужебных книг — путем немедленного исправления его — до возможности понимания его всеми православными людьми, сделать понятными красоты, глубину мысли и религиозного воодушевления богослужебных песнопений и молитв, — является для настоящего времени не только необходимой, но прямо священной обязанностью Церкви учащей.

До Высочайшего указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости браки православных с раскольниками и сектантами православной Церковью не допускались. Желавшие же вступить в брак с православными должны были прежде воссоединиться с православной Церковью. Даже при такой осторожности Церкви к бракам с расколо-сектантами были многочисленные случаи притворного воссоединения с целью после заключения брака снова возвратиться к прежней вере, увлекши притом туда же и свою православную половину. 11-м пунктом Высочайшего указа 17 апреля предписывается «уравнять в правах старообрядцев и сектантов с лицами инославных исповеданий в отношении заключения ими с православными смешанных браков». Таким образом, ныне раскольники и сектанты получили возможность совращать православных совершенно открыто, даже не прибегая к тому способу, которым прикрывали раньше свои прозелитические стремления. Православная же Церковь лишена этим указом всякой возможности оградить своих православных чад от уловления в сети расколо-сектантства. Но этого мало. Этой частью Высочайшего указа православная Церковь толкается на дальнейшее противоречие с каноническими постановлениями Вселенских и Поместных Соборов, решительно воспрещающих браки православных с еретиками (Лаод. пр. 10-е и 31-е; Карф. пр. 30-е; IV Всел. Соб. пр. 14-е и VI Всел. Соб. пр. 72-е). Православная Церковь достаточно поплатилась за нарушение церковных канонов и свою уступку государству, разрешив смешанные браки католиков и православных. Не одна тысяча православных в западной и юго-западной России благодаря этому сделалась добычей католических ксендзов. Этот опыт может служить лучшим показателем того, какое новое великое зло будет причинено Церкви

православной в случае согласия ее на подчинение государству в вопросе о смешанных браках с раскольниками и сектантами. Наконец, как может Церковь сообщать в таинствах божественную благодать тому, кто признает ее за Церковь не Христову, а антихристову? Не будет ли это метанием бисера перед свиньями? Поэтому для святости и чистоты самой православной Церкви, для охранения вверенных ее водительству чад православных от раскольнического и еретического расхищения, необходимо отказаться от допущения смешанных браков вообще, приняв в руководство каноны Церкви вселенской. При решении вопроса о смешанных браках в таком именно смысле сам собой уничтожается и вопрос о вере для детей от смешанных браков, переданный Комитетом Министров на обсуждение Особого Совещания.

4-м пунктом Высочайшего указа 17 апреля о веротерпимости разрешено христианам всех исповеданий — принимаемых ими на воспитание некрещенных подкидышей и детей неизвестных родителей крестить по обрядам своей веры. До издания этого указа все дети неизвестных родителей должны были быть крещены в православную веру. Как велико число подкидышей бывает ежегодно, показывают следующие статистические данные: в 1890 году число детей, принесенных в воспитательный дом г. Петербурга и — следовательно — крещенных в веру православную, составляло 9578 человек; в Москве в 1889 году — 16 636 человек; а в г. Киеве на содержании Приказа общественного призрения ежегодно поступает не менее 2000 человек. Следовательно, во всей России ежегодное число подкидышей, крещенных по православному обряду, считается десятками тысяч. Сколько же тысяч младенцев, благодаря последнему указу, попадут в руки инославных, раскольничьих и сектантских обществ и навсегда будут лишены надежды получить воспитание в истинной вере?! Несомненно, что для многих расколо-сектантских обществ (особенно хлыстов, скопцов и т. п.) дозволение брать и крестить подкидышей в свою веру явится одним из новых и довольно обильных средств приумножения числа своих последователей. Древнехристианская Церковь, сделавшись господствующей, решительно выступила на защиту брошенных детей и, когда государство по чисто финансовым соображениям отказывалось принимать всех брошенных детей, заботу об этих детях брала на себя. У приходских храмов она устраивала чаши, куда могли класть младенцев, которых священники отдавали на воспитание частным лицам. Тогда же стали возникать и специальные заведения для призрения брошенных детей, так называемые брефотрофии. Если государство слагает в себя почему-либо заботу о том, чтобы дети неизвестных родителей были крещены и воспитаны в вере православной, и готово бросить их в руки разных христианствующих изуверов, то Церковь православная не должна равнодушно смотреть, как невинные создания, дети в большинстве случаев православных родителей, будут лишены величайшего счастья принадлежать к истинной, единой спасительной вере. Она обязана позаботиться об организации призрения таких детей и воспитания их в вере православной.

Со времени издания Высочайшего указа о веротерпимости во всех — можно сказать — концах России произошли многочисленные съезды предста-

вителей как раскола, так и сектантства. Главным предметом совещаний был вопрос о возможно лучшей постановке расколо-сектантской пропаганды. Результатом этих совещаний явилось решение увеличить в значительной степени число своих миссионеров, создать возможно большую сеть расколосектантских школ и, наконец, учредить специальные миссионерские школы для приготовления специальных миссионеров по образцу Гамбургской баптистической миссионерской школы. Зная энергию и настойчивость как раскольников, так и сектантов в достижении намеченных ими целей, достаточно засвидетельствованную на протяжении всей истории их существования, можно быть заранее уверенным, что при новых льготных для них условиях количество совращений из православия в раскол и сектантство будет увеличиваться весьма быстро и значительно. Малая подготовка православного приходского духовенства к активной защите учения Церкви православной на публичных беседах — факт общепризнанный. Но и помимо этого сложность пастырских обязанностей не позволяет духовенству отдаться изучению миссионерского дела вполне. Было бы посему крайне своевременным поставить вопрос не об упразднении института современной миссии, как это сделано было на некоторых епархиальных съездах духовенства, но о привлечении и увеличении числа способных и вполне подготовленных борцов за православие против ожидаемого натиска сектантской и иноверческой пропаганды. Необходимо устраивать курсы для подготовления к делу миссии лиц как духовного, так и светского сословия. Издание церковной газеты, возможно широкое распространение среди народа противосектантских и противораскольнических листков и брошюр, развитие в приходах вкуса к общему пению во время богослужения — является насущной потребностью настоящего времени. Сам институт миссионеров страдает в настоящее время отсутствием надлежащей организации, вследствие чего каждый миссионер работает в своей епархии вне всякой связи с другими миссионерами и без общей программы. Лучшим средством для выработки как самой организации миссии, так и программы действий ее при новых условиях церковной жизни, созданной Высочайшим указом, было бы созвание всероссийского миссионерского съезда.

Мнение комиссии по вопросу об участии священнослужителей в общественных учреждениях

Приступая к разработке вопроса об участии духовенства в общественных учреждениях, комиссия подвергла данный вопрос тщательному и всестороннему обсуждению как с точки зрения канонической и церковно-исторической, так и с точки зрения действующего законодательства, а равно и тех требований, какие предъявляет пастырю современная жизнь русского общества.

Пастырское попечение об удовлетворении не только духовных нужд пасомых, но и об устроении их внешней «телесной» жизни, одобряемое отцами Церкви (св. Василий Великий, св. Григорий Двоеслов), по мнению комиссии, не противоречит и канонам церковным. Эти последние, запрещая пастырям

принимать на себя мирские занятия из корыстных целей и притом такие, которые могли бы служить препятствием к выполнению прямых пастырских обязанностей (Апост. пр. 20-е, 44-е, 83-е; VII Всел. Соб. пр. 10-е), в то же время внушают пастырю «иметь попечение о лицах, которым нужно оказать церковную помощь» (VI Всел. Соб. пр. 3-е), «заступати вдовицу и сирот и немощная управляти и не дати в руце обидящим стяжание их» (толк. слав. Кормч. на 6-е Апост. пр.).

Не противореча канонам церковным, участие духовенства в общественной жизни народа оправдывается и историей нашей Церкви. Последняя свидетельствует, что духовенство издревле принимало весьма близкое участие в государственных и общественных делах то в качестве официальных советников князей русских (совещание св. Владимира с епископами по вопросу о мерах против разбойников), то в качестве председателей советов, как то было в Новгороде (проф. Ключевский: «Русская история»), то в качестве непременных членов земских соборов («освященный собор»). Присутствуя на этих последних, представители духовенствва являлись как бы стражами христианской совести и, уклоняясь иногда от прямого ответа на обращенные к ним вопросы, которые не имели непосредственного отношения к христианской Церкви, одним своим присутствием делали затруднительным и даже почти невозможным отступление в делах государственных от вечных начал христианской нравственности и существенных целей и интересов христианской Церкви. Приходское духовенство также принимало всегда самое близкое и непосредственное участие во всех делах своей общины, особенно в делах благотворительности и насаждения грамотности (исследования Папкова и др.). Низшие члены причта были при этом даже как бы общинными секретарями («дьяки»).

Исторические права духовенства на участие его в общественной деятельности признавало и законодательство нового времени. По земскому положению 1864 года духовенство имело избирательные права не только для представительства по церковной земле, но и по личному имущественному цензу; а равно священнослужители могли быть избираемы и в гласные от крестьян.

Новым земским положением 1890 года духовенству был закрыт доступ в земства. Оставлен лишь один представитель Духовного Ведомства, командируемый епархиальным начальством. Мотивом такого распоряжения выставлялось желание оградить духовенство от возможности вмешательства его в общественно-политическую борьбу партий. Но данный мотив комиссия не считает основательным. Православное духовенство никогда не обнаруживало тяготения к партийности, столь свойственного католическому духовенству с его стремлениями к светской власти. Православные пастыри не забудут, что, являясь членами общественных собраний, они не перестают быть и пастырями, долг коих — стоять выше партийности, вносить примиряющее начало в отношения враждующих сторон, подобно тому, как древнерусские иерархи во время княжеских усобиц не становились на сторону одного князя, но считали

своим пастырским долгом одинаково всем говорить правду, одинаково всех князей «востягивати от кровопролития».

Отмеченное миротворческое значение духовенства особенно необходимым является ввиду тяжелых обстоятельств переживаемого времени, когда различные элементы русского общества находятся в состоянии вражды и смуты. Среди лихорадочных движений, охвативших русское общество, чувствуется особенная нужда в людях законности и порядка. И теперь, когда с высоты царского престола призываются на общественную работу «все верноподданные, радеющие об общей пользе и нуждах государственных», когда положением о Государственной Думе священнослужителям предоставлено право участвовать в выборах членов Думы, когда само общество через печать настойчиво призывает духовенство к делу, — пастыри церковные нарушили бы долг свой, если бы уклонились от общей работы и остались глухими к призывам жизни и общества.

Принимая во внимание сказанное, комиссия признает не только допустимым и желательным, но и прямо необходимым ближайшее и непосредственное участие духовенства во всех событиях и явлениях общественной жизни русского народа.

Частнее, желательно, чтобы духовенство обратно получило свое историческое право на непосредственное участие в жизни сельской общины. Священнику хорошо известна жизнь прихода; по своему развитию он стоит несравненно выше своих прихожан; для благотворного воздействия на своих пасомых он должен пользоваться всеми обстоятельствами приходской жизни; нравственное влияние его должно простираться на всю жизнь духовных чад. Всюду и везде он должен быть «своим» для духовных детей; присутствие его среди них желательно при обсуждении всех дел и обстоятельств сельской жизни; особенно же оно желательно и необходимо при обсуждении дел, касающихся Церкви и отечества. Поэтому священник должен участвовать в сельском сходе непременно с правом голоса. Регламентировать правилами его права и обязанности в сельском сходе не следует. Пусть сам священник определяет себя в смысле действования в собраниях своих прихожан. Одного нужно пожелать и одно рекомендовать священнику, чтобы у него ни на одну минуту не выходило из памяти, что он — «духовный» пастырь и поставлен Богом не для мирского властвования.

Что касается участия духовенства в земском и городском самоуправлении, то комиссия, опираясь на мнения своих членов, близко стоящих к этому делу, признала такое участие безусловно необходимым. Принимая же во внимание то обстоятельство, что по действующему земскому положению члены от духовенства оказываются ограниченными в своих правах, будучи лишены права быть избираемыми в комиссии (кроме училищной), а равно и участвовать в баллотировке при выборах, комиссия, в видах увеличения благотворного влияния на земское дело членов-пастырей, признала желательным, чтобы члены от духовенства были уравнены в своих правах с прочими гласными. Желательно было бы также не лишать духовенство и общегражданских прав,

т. е. права участвовать в земских и городских собраниях и по личному цензу, помимо участия в них депутата — представителя от целого ведомства.

Заканчивая свои работы и признавая пользу и безусловную необходимость участия духовенства в общественных учреждениях, комиссия не может не выразить своего горячего пожелания, чтобы духовно-учебные заведения обратили внимание и на эту сторону будущей деятельности своих питомцев и давали бы этим последним такое образование и направление, чтобы по выходе из школы они могли стать не только добрыми пастырями, но и достойными общественными деятелями в духе начал христианских.

О порядке приобретения Церковью собственности

Право приобретения Церковью собственности существенно ограничено в двух отношениях: 1) право приобретения недвижимого имущества не только церквами, но и монастырями и архиерейскими домами, утверждается Высочайшим соизволением; 2) за духовенством, как сословием, не признается прав юридического лица на приобретение недвижимого имущества. Первое ограничение, по условиям настоящего времени, не представляет для себя никакой необходимости и создает только лишь излишнее затруднение и замедление при приобретении церквами, монастырями и архиерейскими домами недвижимой собственности. Бывают и такие случаи, когда ограничение это является *препятствием* к приобретению церквами недвижимой собственности. Таковы, например, все те случаи, когда епархиальное начальство затрудняется возбуждать ходатайство о Высочайшем соизволении на приобретение церквами недвижимого имущества *по незначительности его размера.* Особенно много подобного рода случаев возникает в практике церковно-приходских школ. Земельное имущество не укрепляется за школами потому лишь, что размер его — от 50 квадр. саж. до 1 десятины — не позволяет ходатайствовать о Высочайшем соизволении на укрепление его за церковью. Между тем, отсюда проистекают весьма печальные последствия для церковно-приходских школ. Школы эти волей-неволей устраивались и устраиваются на земле, не принадлежащей церквам, а по закону, чья земля, тому принадлежит все находящееся на ней и в недрах ее. Вследствие этого было уже не мало случаев, когда церковно-приходские школы не только закрывались, но и сами их здания переходили из ведения Церкви в другое ведомство. Таким образом, на ограничении права церквей приобретать для своих нужд недвижимое имущество Высочайшим соизволением создалась шаткость существования церковно-приходских школ, построенных на не принадлежащей церквам земле. То же ограничение служит причиной отказа церквей от приобретения незначительного по размерам имущества, несмотря на его выгоду и даже необходимость для них. Второе ограничение — непризнание за духовенством прав юридического лица на приобретение недвижимого имущества — лишает духовенство возможности быть действительным собственником таких имуществ, которые оно приобретает для своих нужд и на свои средства. Таково,

например, имущество духовно-учебных заведений. Имущество это создается на средства церквей и духовенства; между тем фактическим собственником его, по 698 ст. X т. Свод. Зак. г. ч. I, изд. 1887 г., являются сами духовно-учебные заведения или, вернее, центральное учреждение, ведающее ими.

На основании приведенных соображений комиссия постановила признать желательным: 1) в видах упрощения порядка приобретения недвижимой собственности церквами, монастырями и архиерейскими домами отменить ограничительное требование Высочайшего соизволения на это приобренеие и заменить его для архиерейских домов, монастырей и для общеепархиальных учреждений разрешением Святейшего Синода, а для приходских церквей — разрешением епархиального начальства; 2) предоставить духовенству право юридического лица на приобретение недвижимой собственности наравне с дворянскими, городскими и сельскими обществами и земскими учреждениями и соответственно этому дополнить ст. 698 X т. ч. I Свода Законов.

№ 31,
преосвященного Антония, епископа Тобольского,
от 19 ноября 1905 года

Во исполнение указа Вашего Святейшества, от 27 июля 1905 года за № 8, долг имею почтительнейше донести, что мною собраны были в городе Тобольске, в моем помещении, наиболее заслуживающие доверия и наиболее способные оказать мне содействие в разработке вопросов, предложенных на обсуждение в приложенной к упомянутому указу докладной записке бывшего г. обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, лица.

Составлено было шесть протоколов о результатах заседаний и три подробные записки: 1) о реформе духовно-учебных заведений, 2) об устройстве церковно-приходских общин и 3) об отношении противораскольнических православных миссий к расколу старообрядчества после издания Высочайшего манифеста о религиозной веротерпимости.

На вышеозначенных заседаниях было постановлено следующее.

1) Весьма желательно усиление соборного начала в управлении и в деятельности пастырей русской Церкви, именно — установленное канонами святой православной Церкви собирание, по мере надобности, Соборов Поместных из епископов всей русской Церкви, а также, по крайней мере, ежегодно, соборов областных под председательством высокопреосвященнейших митрополитов или архиепископов (при разделении всей Российской империи на митрополии и архиепископии) из епископов, им подведомственных; сверх того, ежегодно собрание в каждой епархии так называемого «общеепархиального собрания о.о. депутатов духовенства» (по двое из каждого благочиния — приблизительно) для содействия местным епископам, где это потребуется, и для выяснения религиозных потребностей в жизни епархий и для объединения деятельности всего духовенства епархий в местном общении с их епископами. По обычаю древнецерковному, для блага Церкви и в качестве наиболее сведующих лиц признано полезным приглашать (кроме епископов) на соборы Поместные и областные — с правом совещательного голоса — профессоров духовных академий для выяснения и разработки тех или других вопросов из области наук богословских и в особенности по каноническому праву, церковной истории и по наиболее целесообразной постановке учебно-воспитательной деятельности в духовно-учебных заведениях.

Сверх того, с правом также совещательного голоса признано полезным приглашение на вышеупомянутые соборы авторов тех проектов по реформам церковной жизни, которые большинством голосов членов того или другого собора будут признаны полезными и благовременными для их осуществления.

Выражено было желание, чтобы каждого епископа в поездке его на Поместный или областной собор сопровождали избранные на общеепархиальных собраниях двое клириков и двое из благочестивых и посвятивших себя на служение Церкви мирян — в качестве свидетелей всего, что̀ будет происходить на заседаниях Собора, кроме, конечно, тех собраний, которые по содержанию рассматриваемых на них церковных дел будут происходить без свидетелей.

2) Постановлено, что как Поместные, так и областные соборы и общеепархиальные (ежегодные) собрания о.о. депутатов духовенства, во всех *без исключения* своих действиях всегда должны руководиться канонами святой православной Церкви и сообразоваться с их внутренним смыслом и назначением, а также с состоявшимися постановлениями (каноническими) Соборов Поместных в русской Церкви.

3) Постановлено: состоявшиеся решения вопросов, помещенных в прежде упомянутой докладной записке г. обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, в настоящее время не представлять Святейшему Синоду, а иметь их в виду при самом обсуждении этих вопросов на предстоящем Поместном Соборе Всероссийской Церкви, когда эти вопросы посредством живого обмена мыслей будут выяснены в возможной полноте и со всех сторон.

4) Постановлено, что, по связи одних вопросов с другими, на предстоящем Соборе сама собой возникнет неотложная надобность в обсуждении и решении многих других вопросов, которые не помещены в докладной записке бывшего г. обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева.

В заключение члены происходившего под моим председательством собрания выразили желание, чтобы Святейшим Синодом было разрешено заблаговременно, до созыва предстоящего Поместного Собора Всероссийской Церкви, созвать общеепархиальное собрание о.о. депутатов духовенства Тобольской епархии, ввиду важности дела, по двое от каждого благочиния (включая сюда и монастыри епархии), 1) для выяснения особенных нужд Тобольской епархии и 2) для выбора двух клириков и двух благочестивых и ревностных в служении православной Церкви мирян для сопровождения местного епископа, в качестве свидетелей, в поездке на предстоящий Поместный Собор и для присутствования (без права голоса) на тех заседаниях сего Собора, на которые будут допущены посторонние для Собора лица.

№ 32,
преосвященного Антония, епископа Волынского,
от 8 декабря 1905 года

Третья докладная записка

Духовная школа

Нам предстоит изложить здесь свои мысли о духовной школе. Обильная литература по сему предмету более или менее единодушно выходит из сознания ненормальности настоящего ее положения, при коем школа должна одновременно удовлетворять двум несовместимым целям — сословной и профессиональной.

Постановка вопроса в литературе

Автономия духовных академий

Однако, соглашаясь в этом исходном пункте своих рассуждений, авторы далее расходятся по совершенно противоположным дорогам. Именно, авторы-монахи и авторы не духовного сословия указывают на незаконность сословной монополии и состава духовной школы при ее предназначении, которое должно быть строго церковным; напротив того, авторы из духовно-учебного персонала, но светского звания, стараются не только отстоять современное светское направление сей школы, но еще более омирщить его, выделив для специального духовного воспитания учащихся только два выпускных класса семинарии. Записка К. П. Победоносцева справедливо упоминает о том, что сословно-мирской характер устава духовно-учебных заведений 1867 года, действовавший 17 лет, до крайности ослабил церковный и нравственный уровень учащегося юношества и придавил, понизил самую науку в сторону плагиатизма с протестантских систем и монографий; но для авторов современных проектов школьных преобразований этот устав является, напротив, предметом самых напряженных вожделений, а теперь, во время настойчивых притязаний академических корпораций на университетскую автономию академий, и тот устав представляется недостаточно либеральным: им требуются уже не преподаватели-миряне, но и миряне-ректора, и независимость преподавания от догматических символов, так что они полагают вполне нормальным, чтобы в духовных академиях, содержащихся на счет Церкви и помещающихся в стенах святых лавр, например в обители преп. Сергия, читались лекции о том, будто Иисус Христос был простым человеком, чтоб студенты доказывали на экзаменах, что человек произошел от обезьяны, опровергали бы в диссертаци-

ях бессмертие души и получали за это ученые дипломы, а с ними и неотъемлемое право на преподавание богословских предметов в семинариях, Закона Божия в гимназиях, и на получение сана священнического, а затем и архиерейского, хотя бы в женатом положении.

Пользуясь современным общественным экстазом, профессора эти в лекциях и в неофициальных речах возбуждали студентов к забастовкам, пока не добьются такой же автономии управления и преподавания в академиях, а преподаватели семинарий в таком же смысле действовали на учеников последних. Когда в начале нынешнего гражданского года забастовки по академиям не удались, то не желавших бастовать студентов профессора осыпали насмешками, курили на лекциях папиросы, и до того опутали учащихся, что студенты, разосланные ныне из академии, только дома расчухали, чего ради было им крыть чужие крыши и лезть на стены из-за административных привилегий своих профессоров, ничем теперь не рискующих, а самим бесцельно терять целый учебный год, а может быть, и два. Более честные профессора-отрицатели, но охваченные крайним настроением времени, оставили академическую службу и поступили в революционное «Общество христианской борьбы» (очевидно, с жалованьем), а менее честные отрицатели находят возможным состоять в этом обществе, продолжая числиться на церковно-государственной службе и получать жалованье, не исполняя служебных обязанностей при забастовке, ими же созданной.

Итак, после подобного печального предисловия не придется ли согласиться с одним маститым архипастырем, который говорил мне, что о реформе духовной школы и толковать не стоит: должно всю ее разогнать, разломать, вырыть фундаменты семинарских и академических зданий и взамен прежних на новом месте выстроить новые и наполнить их новыми людьми?

Не придется ли согласиться с мыслящими таким же образом светскими писателями народного, славянофильского направления, которые, будучи весьма недовольны современным духовенством, выводят все исчисляемые ими пороки священников, т. е. маловерие, равнодушие, неспособность учить народ, пьянство, жадность, незнание ни св. Библии, ни церковного устава, а равно и многие другие пороки — из недостатков духовной школы? Когда последняя подпадает под перо любого светского писателя, даже самого церковного направления, например Достоевского, то ни сама в себе, ни в своих питомцах, она не встречает у автора никакого сочувствия. Даже более, огромное большинство писателей и вообще представителей общества не могут говорить о духовной школе без некоторого недоброжелательства и раздражения.

Ей приписывают вину в том, будто бы наши священники — чиновники, не любящие народа самоуверенные паны, будто бы чем они образованнее, тем черствее и тем менее способны к руководству душой и совестью прихожан или учеников.

Эти писатели находят в духовенстве полное отсутствие духовной опытности, отсутствие духовного воспитания, встречают в них знание всего того, что̀ совершенно не нужно священнику, и незнание всего того, что̀ ему нужно.

Напротив, академические профессора и духовные журналисты во всех своих проектах и программах заботятся о расширении светского образования духовного юношества, об освобождении его даже от того небольшого количества духовных упражнений, без коих не только нельзя готовиться в священники, но и принадлежать к Церкви; разумеется ежевоскресное посещение церковной службы, соблюдение постов и ежегодное говение, за нарушение каковых правил христианин вовсе отлучается от Церкви (Апост. 69-е и 9-е; Антиох. 2-е; VI Всел. Соб. 66-е; Гангр. 19-е; VI Всел. Соб. 80-е; Гангр. 5-е).

Наговорившись о нежелательности подневольных служителей Церкви, о необходимости свободного избрания священства, о внутреннем призвании к нему, эти писатели, кажется, должны бы затем излагать теорию духовного воспитания, указать средства для поддержки и поднятия в юношах теплоты веры, духовной ревности и разумного усвоения Божественного закона; но не тут-то было. Внимание и симпатия авторов всецело устремляются на тех юношей, которые «не чувствуют в себе ни пастырского призвания, ни желания изучать богословские науки». Эти-то юноши, по мысли авторов, являются хозяевами духовной школы; их чисто светским интересам и дальнейшей светской карьере школа должна предоставить все благоприятные условия, на их образование должно обирать святые храмы (конечно, без разрешения жертвователей), а для тех, которые при подобной мирской постановке школы все-таки каким-то чудом сохранят расположение быть служителями Христа, тем — так и быть — отдать два лишних года, но под управлением тех же светского звания педагогов и под крышей той же светской подготовительной к университету школы. И если таким писателям возражают, что, при полной возможности выйти из четвертого класса омирщенной светской семинарии в университет, едва ли кто пожелает взамен университета поступить в пятый (духовный) класс семинарии (еп. Стефан), то «Церковный Вестник» весьма развязно им отвечает, что пусть лучше будет меньше священников, но зато хороших.

В восьмидесятых годах и ранее окончившие курс классических гимназий могли почти без подготовки поступать не только в предпоследний класс семинарии, но прямо в духовную академию; но до 1881 года от 1867 таких юношей едва ли нашлось 10 *человек на всю Россию*, а в дальнейшие годы все-таки не находилось и по 10 человек в год на все четыре академии. Если допустить, что из светских семинарий (сословных гимназий) в богословские классы перейдет в 10 раз более учеников (хотя и это весьма, весьма сомнительно), т. е. по 100 в год на всю Россию, то это будет ровно в 15 раз менее, чем ежегодно требуется священников. В таком случае не лучше ли вовсе прикрыть все академии, семинарии и духовные училища и обратить ежегодно выбрасываемые на содержание их миллионы на более целесообразное церковное назначение?

Не ясно ли, что все эти авторы более чем равнодушны к нужде Церкви в добрых пастырях, к пастырскому воспитанию и к православно-богословской науке? Что они заинтересованы только сословными притязаниями и доставле-

нием духовному юношеству легчайших путей к выходу в светские привилегированные сословия на счет Церкви Божией? Что весь такой порядок на юридическом языке следует назвать святотатством, т. е. похищением чужой церковной собственности, а на языке морали — предательством, когда под видом служения какой-либо идее стараются ее разрушить до корня? Если быть откровенным до конца, то, конечно, должно будет признаться, что для либеральных педагогов-писателей даже не воспитательное дело, и конечно, не наука являются предметом попечений: они заботятся не об учениках, не о студентах, но о себе самих, как и вообще все современные либеральные круги.

Будучи ренегатами духовного звания, могут ли они находить удовольствие в том, чтобы служить в подчинении у епархиального архиерея, у ректора-монаха или протоиерея? Богословская производительность мысли невозможна без некоторого религиозного энтузиазма, без основательной осведомленности в источниках Божественного Откровения. Лишенные того и другого, наши профессора-публицисты не могут, конечно, и студентов заинтересовать своими лекциями. Философские предметы им еще кое-как удаются, а в богословии кроме рутины, кроме Макарьевской схоластики, они ничего дать не могут, и их аудитории пустуют. Хотя в уставах академии требуется обязательное посещение лекций, но студенты являются почти на все лекции по очереди: в лучшем случае — по 8 человек вместо 50 или вместо 100 (когда предмет читается двум курсам), а в худшем — по 4 человека. К такому порядку вещей приноровлены и сами аудитории. Так, в некоторых академиях двухкурсовые лекции для 130 обязательных слушателей читаются в аудитории, вмещающей только 40 человек, а бывает налицо человек 8, 5 или 3.

Заметьте, что так относятся к лекциям студенты *академии*, т. е. не только те, что проводят время в праздности, в кутежах и т. п., но люди трудящиеся, любящие книжку, и притом книжку богословского содержания. Не имея возможности заинтересовать их своим залежалым литературным товаром, профессора-либералы несытым оком взирают на Трубецких, Соловьевых и Лебедевых, и особенно на профессоров-тюбингенцев, которые приводят в восторг молодую орду своими кощунственными выходками над святыми, своим бесшабашным отрицанием книг Священного Писания, таинств Церкви, приснодевства Богоматери, Божества Спасителя и пр. и пр. Сколько заманчивого материала для плагиата, для рукоплесканий, а взять его целиком и открыто — пока невозможно.

Вот почему этим мыслителям, всю жизнь подвизавшимся в плагиатировании, так хочется автономии преподавания, без коей, при неспособности к самостоятельному труду, им придется всю жизнь мириться с положением ученой мебели в академии, со значением своих лекций, как мертвого обряда, который мог бы исполнять и грамотный швейцар. Конечно, речь не о всех профессорах и не о большинстве, но наиболее настойчивые претенденты на автономию и являются именно такими бездарными и непросвещенными импотентами ученой мысли.

Итак, изъяснив психологию академических автономистов и их попечения о том, чтобы и средняя школа была как можно менее богословской, обратимся к подобным же неразумным проектам людей более искренних.

Разделение школы сословной и школы профессиональной

Нельзя отрицать того, что мысль о превращении четырех младших классов семинарии в четыре старших класса гимназии, как это почти и было в уставе 1867 года, разделяется и людьми благонамеренными, но не дальновидными. — Они говорят: пусть уйдет от нас нерелигиозный элемент учащегося юношества, а мы останемся в двух старших классах с любителями пастырского подвига и эти два класса поставим уже совсем на церковный, на монастырский лад. Если бы дело было так просто, то для чего же понадобилось Св. Синоду так долго хлопотать над переделкой устава в 1884 году? Были ли ученики старших классов тогдашних семинарий благочестивее восьмидесятников? Совсем напротив.

Были ли студенты академий 70-х и начала 80-х годов церковнее позднейших? Совсем наоборот. В академиях было столько студентов, сколько казенных стипендий, а иногда и того менее. В академию шли семинаристы, не желавшие бороться с нуждой в университете; таковые же семинаристы переходили и в 5-й класс семинарии вместо того, чтобы из 4-го идти прямо в университет, как и делала иногда половина всего класса, иногда две трети, а иногда и три четверти. Целесообразно ли содержать Церкви подобные школы? Допустят ли это миряне, наблюдающие за расходами церквей? Ведь о даровании им права широкого контроля в этой области тоже не молчат либеральные писатели. Количество просвещенных кандидатов на священный сан уменьшится до крайности (рассчитывать на приток лиц, окончивших средние заведения, в 5-й класс семинарии — смешно, ибо вышеприведенная статистика нам это достаточно показала), да и качество их не повысится, как это видно из толстовской эпохи недавнего прошлого.

И подлинно, примите же во внимание, что при таком порядке вещей, когда младшие и средние классы семинарий будут подготовительной школой к университету, этой идеей увлекутся и все ученики ее, исключая два-три процента. Кто предпочтет быть сельским священником, а не губернатором, или даже — при ожидаемой демократии — министром? И поверьте, что в богословский класс семинарии поступит несколько единиц из сотни не потому, чтобы они с детства оставались верны служению Церкви, а потому, что они во второй половине четвертого класса семинарии увидели, что им не на что будет учиться в университете. Вместо того, чтобы с детства или с юности готовить себя к предстоящей перспективе сельской приходской жизни, им придется разрушать воздушные зáмки богатства и знатности перед суровой действительностью за два года до вступления в нее, — и вот они, совершенно чуждые церковной освоенности, не привыкшие ни молиться, ни читать слово Божие, с чисто светскими, правовыми взглядами на все, с дарвинизмом и марксизмом,

господствующим в светской учащейся среде, возьмутся за изучение св. Библии, не зная читать по-славянски, не понимая по-гречески (ибо в духовном училище и в младших классах семинарии предполагается подогнать все курсы к гимназическим), начнут они набивать свою голову догматикой, каноникой, гомилетикой. Что̀ из этого выйдет, кроме сумбура, недоумений и кощунства? Вы сошлетесь на любезных нашим либералам протестантов? Но в германских гимназиях Библия проходится вся целиком, и их пасторы, окончив курс гимназии, поступают на теологический факультет не с тем духовным невежеством, с каким получают аттестат зрелости наши гимназисты. Это — во-первых. Во-вторых, для лютеран не существует ни литургики, ни каноники, ни археологии, ни церковной истории в нашем смысле. Все это может занимать последовательно лютеранина в такой степени, как интересует православного богослова история древних ересей или религия древнего мира. Там собственно пастырское приготовление исчерпывается изучением Библии да краткой системой символики и этики. Отрицание Церкви и духовного подвига делает ненужным церковную, христианскую дисциплину для богословов; их пастор — это тот же светский человек, который раз в неделю должен сказать богословскую лекцию да прочитать две-три молитвы. А выделать православного священника из современного гимназиста-забастовщика в два года — это такой рецепт, предлагать который можно только в насмешку.

Итак, мы почитаем гибельным для Церкви и беззаконным в отношении церковного имущества изложенный проект духовных либералов о секуляризации духовных училищ и четырех классов семинарии от Церкви и о превращении их в гимназии духовного сословия, существование каковых и оправдать невозможно, да и не позволят его народные учреждения вроде Думы, а в приходском самоуправлении такой порядок будет встречать постоянный протест.

Гораздо практичнее и разумнее проект преосвященного Стефана, епископа Могилевского, разосланный всем архиереям. В силу этого проекта семинария разделяется на сословную и духовную не с пятого, а с третьего класса. Преимущества такого деления многочисленны и весьма ценны: 1) на специально-духовное образование получается не два, а четыре года; 2) выбор между тем и другим делается юношами в гораздо лучшем для интересов религии возрасте, т. е. в 16 лет, когда они еще невинны (половые похоти — главный враг религиозности) и не наглотались дарвинизма и нигилизма; 3) предпочтение светской карьеры менее заманчиво, ибо выбор делается не между богословскими курсами семинарии и университетом, а между первым классом семинарии и седьмым гимназии, куда должен переходить юноша, окончив два класса семинарии, если он не желает быть богословом и священником; 4) меньшее количество затраты церковных денег пойдет на сословные интересы, а большее — на законные, профессиональные; 5) в третий класс семинарии будет поступать без экзамена хоть не большое, но все же сколько-нибудь заметное число учеников средней светской школы, окончивших 6 классов оной, тогда как окончившие полную среднюю школу, развращенные и поколебленные в вере, уже не предпочтут семинарии университету.

Итак, мы заявляем свое мнение в том смысле, чтобы младших два класса семинарии перечислить к духовным училищам, придав последним характер *отчасти* шестиклассной прогимназии, а духовную семинарию сделать четырехклассной с чисто духовной дисциплиной и духовными наставниками, причем принимать в нее без экзамена окончивших 6 классов светской школы, а также окончивших школу церковно-учительскую, а касательно окончивших шестиклассное духовное училище хлопотать перед гражданской властью о допущении их без экзамена в 7-й класс гимназий, реальных училищ и кадетских корпусов.

Однако прежде чем перейти к частнейшим пунктам такого положения вещей, должно возвратиться к вопросу о том, не следует ли вовсе уничтожить духовно-сословные училища, по-видимому, так плохо зарекомендовавшие себя в последнее время, и уничтожить всякие преимущественные права детей духовного сословия в отношении к духовной школе, а сделать ее всесословной от самого младшего возраста. Вопреки ожиданию многих, мы ответим на это отрицательно.

Много горькой правды можно говорить по адресу духовного сословия и духовной школы. Но правда эта будет правдой до тех пор, пока мы будем стоять на точке зрения принципиальной, на сравнении наших священников, семинаристов и академиков, с тем, чем бы они должны быть по христианскому учению. Если же мы перейдем на почву практическую и спросим: может ли нам представить в духовную школу лучший педагогический материал дворянство, купечество, мещанство, крестьянство, — то придется ответить отрицательно. Конечно, если мы для всех сословий откроем существующее число казенных или епархиальных вакансий первого класса духовного училища, то конкуренция из бедных сословий откроется огромная; но ведь сюда явятся не только те дети, которые одарены высшими духовными стремлениями, но и все бедняки, желающие вывести в люди своих детей. На лбу у них не написаны руководящие ими побуждения, и придется давать предпочтение тем, которые лучше выучили и грамоту и начала арифметики да грамматики. В наше время всякое казенное воспитание, хотя бы с самым специальным предназначением, есть огромная находка для бедных классов общества и народа, а воспользоваться этим воспитанием в ту или иную сторону — это уже будет зависеть от каждого воспитанника, ибо принудить его с десяти лет к духовному званию — невозможно, а подобрать таких педагогов, которые бы, по подобию католических семинарий, подогнали под один тип всех воспитанников — тоже немыслимо с 10 лет; а если духовные училища вовсе упразднить и набирать семинарии из окончивших 4 класса гимназистов, то таковых в России окажется слишком малое число сравнительно с потребным количеством священников.

Еще достойнее внимания то обстоятельство, которое мне, как воспитаннику мирской школы, близко ознакомившемуся со школой духовной, особенно приметно. Дети духовенства, воспитанные около храма смиренными богомольными матерями и еще более богомольными бабушками, совсем иные,

чем дети других интеллигентных сословий. Терять их для Церкви, вмешивать их в ту пучину разврата и безбожия, в которой погрязают ученики светской средней школы, значит лишать Церковь ее лучших сынов и нравственно губить лучшее сословие. Мы положительно утверждаем, что дети клириков, пока они в семье, — дети святые. Они таковы даже у плохих родителей, потому что даже порочные члены клира почти все — добрые семьяне и, погрязая в пороках сами, они все-таки желают видеть иными своих детей. Если бы последних не портила бурса, а особенно семинария, то лучших служителей Церкви и искать бы не надо: должно только семинарию устроить так, чтобы она их не портила. Хороши и дети крестьянские; им не следует преграждать доступ в духовную школу, но должно помнить, что для них эта школа (особенно при даровом воспитании) представляет собой все соблазны, которые неизбежно соединены с переходом от бедности к (сравнительному) богатству, от ничтожества общественного к знатности, каковым, конечно, является в глазах крестьянина звание священника. Многие ли из крестьянских детей сохранят взгляд на священство, как на подвиг, а не на лакомый кусок, как на служение ближним, а не собственное наслаждение?

Крестьянин хорош, пока он крестьянин; но вскарабкавшись на высшие ступени общественной жизни без подвига и послушания (без чего ему не достигнуть в монастыре звания иеромонаха или даже монаха), а только через счастливый случай попасть на казенную стипендию в роскошную — с его точки зрения — духовную школу, он становится весьма честолюбив, самолюбив и малорелигиозен. Мы наблюдали много семинаристов из крестьян и мещан. По большей части, главные их стремления направлены на то, чтобы как можно менее походить на мужиков, и они стараются вовсе расквитаться со всем добрым, что̀ они получили в деревне от родителей и соседей. И это — при настоящих условиях школы, когда войти в нее и в ней учиться крестьяне и мещане могут только с большими усилиями и расходами, т. е. при решительном ее предпочтении перед другой школой; а если казенное воспитание в духовной школе окажется доступным всем желающим и притом почти единственной дверью от положения пахаря или чернорабочего к почетному и обеспеченному (сравнительно) положению священника, то в нее, конечно, жадно бросятся все те натуры, которые одарены силой борьбы за свое личное благополучие, что̀, конечно, всего менее совпадает с желательным настроением служителей Божиих.

Не говорим о детях дворян и чиновников, весьма охочих до казенного воспитания, ибо безрелигиозный быт этих семей ничего доброго не обещает для Церкви; а если им открыть доступ в духовную школу без этого материального преимущества, то они и сами туда не пойдут, исключая единиц. Правда, должно внести в законодательство весьма сильные гарантии на то, чтобы исключительно религиозные дети крестьян, мещан, дворян и купцов не были лишены возможности вступить в духовную школу, как это, к сожалению, ныне бывает; но все же, по нашему глубокому убеждению, духовная школа потеряет очень много, если вовсе оторвется от своей сословной почвы,

от преданий как духовного сословия, так и доброго предания своего, специально бурсацкого, семинарского, академического. Многие из этих преданий должно уничтожить, как противные духу веры, но если уничтожить все, то наша духовная школа останется без почвы, на воздухе, на голых отвлеченных принципах, о которых можно красно говорить, но которыми невозможно поддержать даже и ту степень добра, трудолюбия, правдивости и религиозности, которая наблюдалась в духовной школе доныне и, при всех ее недостатках, все-таки возвышала ее над мирской школой на неизмеримую высоту во всех отношениях.

Наш проект

Духовные училища

Итак, мы предполагаем состав духовной школы в следующем виде. Воспитание пастыря Церкви начинается с духовного училища, курс которого состоит из шести классов, причем главной целью воспитания должна быть отнюдь не сословная, отнюдь не подготовительная к седьмому классу гимназии. Школа должна быть профессионально-церковная, но с таким расположением предметов, чтобы те дети, коим не привилось религиозное развитие, имели возможность переходить в седьмой класс гимназии. Состав учеников должен определиться так, чтобы три четверти стипендий шли на детей клириков, а одна четверть предоставлялась лучшим из остальных, независимо от сословий, и две стипендии — непременно иносословным. Курс духовных училищ не должен ничего терять из теперешней богословской программы ни по числу уроков Закона Божия, ни по числу уроков пения. Возможна уступка уроков по древним языкам, с тем, чтобы они проходились уже семинаристами и притом лишь в такой мере, в какой усваивают прилежные семинаристы язык еврейский, т. е. настолько, чтобы научиться при помощи словаря переводить с древнего языка на русский. Не будет беды, если в духовных училищах уступка мирской школе выразится в усилении наук математических и во введении наук естественных, без чего невозможно ученику перейти в гимназию.

Далее, ни в каком случае нельзя будет допустить ослабления религиозных упражнений учащихся, т. е. сокращения или уменьшения церковных служб, постов, говений и пр. Напротив, должно настойчиво потребовать, чтобы духовные училища перестали быть беспоповщинскими школами, *единственными теперь во всей России*, ибо во всякой мирской школе есть отец-законоучитель, а в духовных училищах их заменяют ренегаты духовного звания, а службу совершает нанятый крестцовый иерей. Возможно ли церковно-религиозное развитие учащихся, когда они видят, как пьяный смотритель-мирянин вваливается в алтарь в шубе и калошах, с палкой, и, стоя между северными и царскими вратами, покрикивает на подобострастно вертящегося священника: «Ну ты, поп, сегодня поскорее отхватывай всенощную — мне надо на вторые именины поспевать»?

Начальство не встретило бы решительно никакого затруднения, если бы ввело теперь же требование священного сана для смотрителей и помощников смотрителя духовных училищ и тем одним уже изменило бы жизненную перспективу учеников, которым ныне учителя их внушают: «Если будешь учиться на двойки, будешь дьячком, если на тройки, будешь попом, а если на четверки и пятерки, то доучиться до академии и будешь барином, как я». И эта точка зрения разделяется всем учащимся духовным миром, начиная от ученика приготовительного класса духовного училища до студента четвертого курса духовной академии.

Что касается до преподавания семинарского курса, богословских предметов, то оно подлежит существенному видоизменению, будут ли или не будут два младшие класса нынешней семинарии перечислены к училищу. Учить 14-летних детей толкованию св. Библии наравне с 20-летними юношами — это неразумно. Толкование Библии и, в частности, книг Закона — не детское дело. Для детей должно и религию преподавать в пределах детского сознания, а не с опровержением дарвинизма (начало книги Бытия) и не с системой морали (Исход и пр.). Вообще, курс Священного Писания следует отнести к старшему возрасту, а в 5-м или 6-м классах духовных училищ должно преподавать историю Церкви, начиная с житий св. апостолов, без всякого изложения еретических систем, а в форме повествовательной, — применительно к книге, изданной Победоносцевым. Следует заставить этих подростков полюбить святых угодников и вместить их в своем сердце так, как вмещает грамотная часть русского народа. К церковной истории должно прилагать и очерки церковной географии, т. е. описание важнейших исторических святынь с показанием картин святых обителей, с указанием места нахождения святых мощей и чудотворных икон, чтобы будущий священник не оказывался, как теперь, невеждой в том, что̀ знают все русские богомольцы, чтобы его религиозное чувство складывалось на тех же основаниях, как у всего церковного народа.

О духовных семинариях

Состав учащихся. Сословный характер четырехклассной духовной семинарии уже не должен поддерживаться искусственно, дабы учащиеся знали, что они пользуются благами духовного просвещения не потому, что они дети клириков, а потому, что сами посвятили себя служению Церкви. Посему для окончивших курс духовного училища доступ в семинарию и на казенное содержание должен быть открыт независимо от их сословного происхождения; точно так же и окончившие 6 классов средней гражданской школы могут быть принимаемы в семинарию во внимание к их благочестивому намерению, но казенного содержания следует удостаивать лишь тех, которые сдадут приемный экзамен по истории Церкви и церковному уставу.

Учащимся̀ должна быть присвоена духовная одежда, по подобию слушателей миссионерских курсов в Казани или студентов Казанской духовной академии, разрешенной Св. Синодом для желающих в 1879 году. Учащиеся

должны говеть 4 раза в год, исполнять по уставу поклоны и посты, содержать святую службу без сокращений и по очереди исполнять ее ежедневно. В двух старших классах они должны произносить поучения в храме и, начиная с младших, во время каникул посещать местные святыни, вникать в народное благочестие, притекать к опытным старцам и призываться для наблюдения пастырского служения лучших священников епархии. Желательно, чтобы в семинарии было 120—200 учеников.

Состав учебного курса. Он должен руководиться 2-м правилом VII Вселенского Собора, к сожалению, совершенно неизвестным нынешней школе, как неизвестны ей и прочие правила.

«Поелику мы в псалмопении обещаем Богу: во оправданиих Твоих поучуся, не забуду словес Твоих (Пс. 118:16); то и всем христианам сие сохраняти есть спасительно, наипаче же приемлющим священническое достоинство. Сего ради определяем: всякому имеющему возведену быти на епископский степень, непременно знати Псалтирь, да тако и весь свой клир вразумляет поучатися из оныя. Такожде тщательно испытывати его Митрополиту, имеет ли усердие с размышлением, а не мимоходом, читати священныя правила (т. е. Книгу Правил — сравни Карф. Соб. прав. 25-е) и святое Евангелие, и книгу Божественного Апостола, и все Божественное Писание, и поступати по заповедям Божиим, и учити порученный ему народ. Ибо сущность иерархии нашея составляют Богопреданныя словеса, то есть истинное ведение Божественных Писаний, якоже изрек великий Дионисий. Аще же колеблется и не усердствует тако творити и учити: да не рукополагается. Ибо пророчественно рек Бог: яко ты умение отвергл еси, отвегу и Аз тебе, еже не жречествовати Мне (Ос. 4:6)».

Итак, клирик должен знать Божественное Откровение в его подлиннике, т. е. Священное Писание и Священное Предание, которое изложено в Книге Правил. Последнюю знали и знают в совершенстве русские начетчики; но школьные богословы ее вовсе не знают, ибо, отвергнутая латинянами и униатами, книга эта не вошла в курсы и наших сословных школ, устроенных по латинскому образцу, да и перепечатываться перестала с тех пор на долгое время.

Пока Церковь жила вне общения с западными ересями, она не знала посредств, заменявших для ее чад священную Библию, не знала священных историй, ни кратких курсов истории церковной, ни кратких катехизисов. Она предлагала юношеству сами источники Божественного Откровения с толкованиями богопросвещенных отцев. Можно, пожалуй, допустить их сокращенное и упрощенное изложение для детей; но зрелому христианину, а тем более клирику, должно читать саму Библию с толкованиями, а не одни исагогические учебники да краткие выдержки из текста, как это теперь делается. Исагогику, как не церковную доктрину, да притом и содержащую, по большей части, праздные вымыслы протестантов, должно сокращать до нескольких строк на каждую священную книгу, а прочитывать ее в классе с толкованиями непременно всю. Поэтому в четырехклассной семинарии шесть ны-

нешних курсов Священного Писания должно распределить так, чтобы в двух младших классах, при шести недельных уроках, проходить Ветхий Завет до книги Иова и Псалтирь, а в старших — при двенадцати уроках — Иова и книги Соломона, пророчества, Евангелия и Апостол. Книгу Правил должно проходить в третьем (нынешнем пятом) классе, вместе с литургикой, а пастырское богословие — в четвертом.

Богословие нравственное с гомилетикой и педагогикой можно сократить, ибо здесь больше набора слов, чем научного содержания; их должно существенно переработать, как равно и догматику, науку более определенную, но подпавшую под сильное влияние латинства и отклонившуюся от православных образцов преп. Иоанна Дамаскина и других.

Нельзя сократить курса наук философских, ни литературы, ни апологетики, ни гражданской истории, ибо пастырю приходится иметь дело с жизнью и людьми, а эти три доктрины соотносят слово Божие с разумом и жизнью человека и общества.

Мы много думали над всем этим и могли бы приняться за разработку подробного проекта расписания учебных предметов; но это — дело уже отдельных комиссий, а здесь достаточно утвердить принципиальную точку зрения.

Состав учащихся. В разосланной Св. Синодом записке Победоносцева говорится о том, что до 1867 г. семинарское обучение и воспитание отличалось многими добрыми качествами, которые затем были утеряны и восстановить которые взялся устав 1884 года. Далее говорится о том, что в последнее время, при частой перемене начальников, в семинариях начались бунты; здесь разумеется, конечно, начальство монашеское, против которого теперь воздвигнуто гонение в периодической сословно-духовной печати. Да ведь такое именно начальство и с не менее частыми переменами управляло всеми семинариями до 1867 года, когда они были так хороши, по мнению автора. Почему же это начальство теперь явилось нежелательным? Замечательно, что вопреки записке семинарские бунты, умножившиеся от 1895 года, а с 1901 года ставшие повсеместными, открылись именно в тех семинариях, где начальники — протоиереи и статские советники — сидели весьма подолгу. Особенно грандиозные бунты были тогда в семинариях Калужской, Тобольской, Вятской, Рязанской, Полтавской, Ярославской, Вологодской, Пермской, Смоленской, Таврической, Одесской, — везде, где маститые (а иногда весьма достойные) протоиереи-ректора и инспектора-миряне сидели по 10 и по 20 лет — и нередко *одебелевали.* В дальнейшие годы бунты сделались эпидемическими и не щадили никаких педагогических составов.

В последних книжках «Волынских Епархиальных Ведомостей» помещена правдивая характеристика протоиерейского периода семинарий. Мы не будем ее повторять, но укажем вкратце, в чем незаменимы начальники-монахи в деле воспитания пастырей Церкви.

1) В усвоении любви к церковной службе и понимании ее. Ректора-протоиереи, принявшие священный сан уже из чиновников, церковной службы во-

все не знают и не любят. Осмысленное и благоговейное священнослужение вы встретите только в тех епархиях, где ректора и инспектора были монахи.

2) В близком духовно-руководственном отношении к ученикам. Педагог-монах, не имеющий своих детей, любит чужих. Он мыслит себя прежде всего их духовным пастырем, а педагог семейный связан с питомцами началами юридическими. Таково же бывает и отношение приходских пастырей к народу; священники — духовники и проповедники встретятся вам в тех епархиях, где пастырями и воспитателями были монахи, а иереи подстриженные, в штиблетах и с ружьями под постелью — в епархиях с мирскими педагогами.

3) Личная праведность священника, как главное условие пастырского успеха, — эта идея прививается педагогами-монахами, а там, где их нет, семинария учит своих питомцев борьбе за существование, а личную их жизнь отрешает от их пастырской деятельности; там священники служат без правила, *пожирают в посту говядину*, по примеру своих педагогов и, по их же примеру, копят деньги, а свои общественные стремления направляют только в сторону интересов сословия, народа же приходского и знать не желают.

Посему мы утверждаем, что главные воспитатели семинарии должны быть монахи, а иереями их заменять можно только при оскудении монашества, да притом — такими иереями, которые уже отличились своим добрым влиянием на учеников, а не только жаждут повышения их должности преподавателя.

Но если можно допускать в начальники духовной школы семейных священников, то мирян, которые предпочли звание титулярного советника апостольскому жребию, отнюдь не должно призывать для воспитания пастырей. Как может направить другого к подвигу тот, кто сам от него уклонился? Как может внушить мужество Христову воину тот, кто сам покинул Его знамя по любви к миру, по равнодушию к святой вере? Это — нелепость, к которой мы притерпелись и не замечаем ее даже теперь, когда она дошла до самых невероятных пределов, когда профессора духовных академий просят об удалении из них всех духовных лиц, хотя гораздо естественнее просить об удалении из них всех лиц светских.

Напрасно думают, что это сделать трудно. Не нужно изгонять почтенных людей, преподающих теперь богословие в мирском звании, но заменять их должно не иначе, как лицами духовными, ибо из состава нескольких училищных корпораций каждой епархии всегда таковые найдутся. И когда студенты академий с первого курса будут знать, что для занятия должности преподавателя богословских предметов в семинарии следует принять священный сан, то многие из них к тому и начнут готовиться. Глупая и отдающая кощунством фраза возражателей: «Что̀ прибавит мне ряса?» должна получать такой ответ: «Гению добра и гению зла условия его быта мало помогут, но средний человек, каковых везде 95%, весь определяется этими условиями. Сравните обычный тип 50-летнего священника и таковой же мирского преподавателя семинарий. Первый весь уже проникся религиозным церковным духом, а последний вовсе его потерял и омирщился; а когда они оканчивали курс, то были

совершенно одинаковы в этом отношении, и какая-нибудь случайность одного подвигла в служители Церкви, а другого в чиновники».

Насколько священный сан постепенно видоизменяет личность своего носителя, настолько вся корпорация, состоящая из лиц священного сана, проникнется совершенно иным духом, чем нынешние семинарские корпорации, и передаст этот дух школе. Тогда религия и религиозность будут явлениями не только терпимыми в духовной школе, как теперь, а станут ее всепроникающей нравственной атмосферой.

Училище начетчиков

Утверждая несовременность выборного духовенства, указывая на неправоспособность современного прихода находить в своей среде достойных пастырей, мы, однако, не отрицали, да и не имели возможности отрицать той указываемой славянофилами истины, что желаемый ими строй священства есть истинно церковный, православный, что священство не есть профессия, получаемая смолоду и по наследству, что, далее, при нормальном строе приходской жизни, лучший из низших клириков избирается во иереи, а лучший из мирян — в клирики. Такого порядка нельзя ввести теперь, но было бы противным православию не стараться о том, чтобы постепенно к нему приближаться.

Как же это сделать? Прежде школой или самоучителем священства было прохождение низших степеней клира; теперь такое прохождение не сопряжено с духовным саморазвитием клирика, но нет ничего невозможного в соединении первого с последним и притом постепенно. Первая ступень нарочитого подготовления к священству достойных мирян должна достигаться церковной властью, а когда затем приход приобретет большую силу духа, можно будет передать вторую ступень этого пути приходам.

Мы разумеем уже входящее в практику на окраинах учреждение архиереями училищ или курсов для взрослых и даже пожилых ревнителей веры (крещенных инородцев и русских), с двумя или тремя классами. Училища эти должны устраиваться непременно в монастырях под управлением ученых монахов, по возможности без допущения мирян в учебно-воспитательный персонал. В духовной одежде, в подчинении монастырской дисциплине, изучают эти ревнители веры, во-первых, святую службу (что̀ никак не удается воспитанникам современной церковной школы), затем Священное Писание, богословие Иоанна Дамаскина, литургику, святых отцов и обличение раскола. Они упражняются в поучении народа, в оглашении крещаемых или присоединяемых от раскола и ереси. Такие слушатели монастырских или начетчицких училищ набираются из учителей с известным цензом и из прочих ревнителей веры, по соответственным рекомендациям. Но еще лучше, если наиболее благоговейные псаломщики, диаконы и монастырские послушники, — не те, что уволены за пьянство из училищ, а взятые из народа и сохранившие любознательность, — будут набираться в эти училища и затем удостоиваться иерей-

ского сана. Это — первая ступень развития таких учреждений. Начать ее можно даже с того, — где нет материальных средств, — чтобы таких штатных псаломщиков собирать на 3 месяца для обучения основам богословских наук.

Мы далеки от желания нарочно и активно вытеснять таким образом семинаристов из клира: пусть будет таких училищ столько, сколько не хватает на епархию студентов семинарии для священства. Ведь в Сибири, и на Кавказе, и около Сибири в Европейской России их не хватает на 50, на 70, на 90% имеющихся вакансий. Естественно, что, пока подобные училища будут содержаться на средства епархий, их будет мало, и сами они будут малолюдны. Но, по мере ознакомления приходов с добрыми плодами монастырского воспитания, люди, исполненные призвания, сделаются наиболее желательными для прихожан пастырями, как близкие к народу, исполненные и опытом возраста и опытностью духовной руководители совести, а не бездушные требоисправители. Тогда можно будет предоставить приходам избирать, сверх своего штатного клира, сверхштатными клириками ревнителей духовного просвещения и, снабжая их средствами, представлять в монастырское училище, в качестве приходского стипендиата, а затем числить их кандидатами на иерейскую должность в приходе, когда таковая освободится, а если она не освободится скоро, то предоставлять их в ведение архиерея для других приходов. Таков путь к постепенному соединению образовательного ценза клириков с идеей их избрания прихожанами из своей среды, и путь, думается, единственный, которому, если и суждено осуществиться, то постепенно и нескоро.

Повторяем снова, что здесь вовсе нежелательна борьба против образования семинарского. Не семинаристы будут оказываться без мест при самом даже успешном выполнении такого плана, но, после теперешней эпохи забастовок и требований автономий, епархии останутся без образованных кандидатов священства гораздо раньше, чем успеют привиться к жизни проектируемые училища для взрослых, чему пример мы видим в Казанских миссионерских курсах, ученики коих разбираются архиереями различных епархий нарасхват, и притом в такие приходы, куда семинаристов все равно не заманишь.

Правда, дело изменится, если бы семинарии были изменены по нашей идее; но тогда они будут немноголюдны, а с другой стороны, при открытии в них доступа светского образования юношам, немноголюдными окажутся и начетчицкие училища. Наконец, если суждено так могуче возродиться нашим приходам, то и священников понадобится не один на полторы тысячи мирян, как в настоящее время, но втрое больше, как было в древности. Сама программа учебных предметов этих училищ, а равно и учреждение дисциплины, требует точной и усердной разработки, от которой мы бы не отказались, если бы общая мысль встретила сочувствие. На такое сочувствие мы рассчитываем потому, что иерархам необходимо иметь резервы для пополнения духовенства, ввиду современной деморализации семинарий.

В полученной сегодня книжке «Церковных Ведомостей» отпечатан проект Учебного Комитета о новых семинарских программах. Много дельных

улучшений внесено в последние, хотя и много спорных предложений; но нас особенно заинтересовало основное положение реформы, хотя и высказанное несколько украдкой. Именно: Духовно-учебный Комитет полагает, что духовная школа за 200 лет своего существования заслужила вполне достаточное право на дальнейшее существование в своем прежнем виде, и что поэтому реформа не должна посягать на ее существеннейшие положения, а касаться только частностей.

Нам думается, что современное положение четырех забастовавших академий, петиции профессоров об автономии, забастовки и грандиозные, соединенные с наглым кощунством и богохульством, забастовочные скандалы десятков семинарий и духовных училищ, бесстыдные вакханалии мысли в резолюциях духовных съездов, революционные выходки десятков столичных священников и профессоров против своего архипастыря за правдивое слово — все эти плоды духовно-учебного строя представляют похвальное заявление Духовно-учебного комитета прямо изумительным.

С своей стороны, признавая вопиющие безобразия духовно-учебного мира явлением, хотя и ужасным, но все-таки развившимся на поверхности его, а не из самой сердцевины духовного сословия, мы бы изменили мысль Учебного Комитета так: строй духовно-учебных заведений, как унаследованный из мира западных еретиков и доведший дело духовной школы до крайнего безобразия, хотя и подлежит существенному и радикальному изменению, но так, чтобы добрые и высокопочтенные качества духовного сословия и достойные высокого уважения и сочувствия предания духовной школы не были утеряны.

Духовные академии

Думается, что с них-то и надо начать реформу, и в них-то она должна быть наиболее радикальной. Начать ее надо, конечно, с того, чтобы всех студентов признать исключенными и, выработав к лету новый устав, принять лишь тех из них, которые изъявят готовность ему подчиняться. Если таковую готовность изъявит половина студентов, то собрать их в две академии, если четверть — то в одну. Подобным же образом предложить продолжение службы и профессорам-автономистам, ибо несомненно, что в двух, а может быть, и в трех академиях студенты именно ими приведены к забастовке при помощи столичных либеральных иереев-декадентов.

В прошлом учебном году мне пришлось случайно принять самое горячее участие в борьбе против забастовки; забастовки не было, но и ученья настоящего в академиях не было. Быть может, лучше было бы их закрыть с начала 1905 года, а ныне и приема не делать, но собрать студентов уже в преобразованные академии.

И это потому, что раз допущенная забастовка, раз допущенное предпочтение политической агитации перед самым существованием школы, как таковой, — это такая деморализация, после которой поднять авторитет науки и

самого процесса изучения почти невозможно. Ведь университета в России нет уже десять лет. Есть чучело, форма университета, но ученого и учебного дела нет и не будет долго. Впрочем, что̀ прошло, того не поправишь; а нужно создавать нечто совсем новое.

Дело учебное

Если мы забудем об академиях последнего пятилетия, об академиях сходок, петиций и забастовок, а возьмем академии восьмидесятых и 90-х годов, то мы встретимся с одним постоянным диссонансом в их учебной жизни, не раз указывавшимся и покойным митр. Иоанникием и К. П. Победоносцевым, хотя не в достаточно определенной форме. Мы хотим сказать, что и содержание лекций и руководство письменными работами студентов приняло в академии характер не высшей образовательной школы, а школы подготовительной к профессорской, т. е. специально ученой деятельности. Такое преподавание было бы целесообразным, если бы все студенты на всю жизнь посвящали себя деятельности специально ученой; но, поелику таковой посвящали себя средним числом по два человека с курса, то для остальных 70-ти или 50-ти студентов и характер преподавания и характер письменных работ представлялся педантично-скучным и бесцельным, и они не учились, на лекции не ходили, книг ученых не читали, из девяти семестровых и десятого кандидатского сочинений писали усердно одно-два на интересную для автора тему, — и выходили в жизнь никудышниками или, наоборот, готовыми на любое дело вообще и без всякого определенного расположения в частности.

Того, что̀ называется мировоззрением, у них не ищите, исключая немногих: самый простой вопрос в области понимания христианства или его защиты ставил их в тупик, если на него не было прямого ответа в курсе апологетики или полемики. Оценить с христианской точки зрения новые явления жизни они совершенно неспособны, как показывает духовная периодическая печать гапоновского направления. Лучшие из них, добросовестно и строго исполнявшие учебные требования, т. е. два-три человека на курс, выработали способность увлекаться самыми частными вопросами той или иной богословской доктрины и разрабатывать оные современным научным методом, заключающимся в том, чтобы тщательно собрать мнения ученых протестантов и отрицателей, расположить их по группам, отдать каждому дань справедливого уважения, а по существу вопроса не сказать ничего или, в лучшем случае, согласиться с каким-либо мнением, не прибавив от себя ни одного нового довода, не установив ни на что собственной точки зрения. Диссертации плагиатируются без зазрения совести, и докторские по преимуществу; первоисточники наук неизвестны даже профессорам и не были на глазах у студентов; направления отрицательной мысли не подвергаются разбору, пока не найдется немецкий образчик; ни толстовщина, ни марксизм, ни ницшеанство не получают критической оценки; а главное, жизнь и мысль Церкви совершенно не отражаются на жизни академий.

Впрочем, говорить об упадке даже чисто научной, чисто учебной жизни академий — конца не будет. Скажем вкратце, какие перемены необходимо ввести в учебное дело.

1) Должно отменить значительное число наук, не связанных с богословским факультетом и навсегда приговоренных к крайне неудовлетворительному преподаванию духовных профессоров, неспособных к изучению сих наук по своей неподготовленности. Это — гражданская история древняя, гражданская история новая, история европейских литератур, языки латинский и греческий, да, пожалуй, и русская гражданская история. Большей частью эти науки сосредоточиваются на младшем курсе академии, и они-то бывают причиной быстрого *обленения* прилежных семинаристов, поступающих в академию. Нет никакого смысла читать эти огромные доктрины по два часа в неделю один год; нет никакой возможности усвоить их и преподавать не знающему новых языков сельскому провинциалу.

Должно упразднить выдуманные немцами науки библейской истории и библейской археологии, коих содержание целиком входит в курсы Священного Писания, и не заставлять студентов слушать одно и то же в четырех-пяти учебных курсах. Так, повествование о пророке Ионе в одной академии изъяснялось на кафедре Св. Писания обоих Заветов, библейских археологии и истории, догматики (о Божественном вседержительстве против теории иеговистов-элогистов) и апологетики. Такая бессмысленная многопредметность лишает студентов возможности прослушать хоть один полный курс науки и угощает их одними монографиями по каждому предмету, причем профессора утешают их обещанием знакомить их с научным методом; но поелику этот метод (историко-критический) — один во всех академических науках, то и подобное преподавание их при смежности их содержания превращается *в сказку про белого бычка.*

2) Должно преподавать содержание науки, а не литературу науки только. Внимательный студент (а таких немного), пожалуй, будет долго помнить, как спорили русские историки о такой-то летописи, как зародилась и развивалась в Германии теория Второ-Исаии и позднейшего происхождения Второзакония, как опровергалась и защищалась в науке подлинность послания ап. Варнавы; но содержания ни самой летописи, ни книги пророка Исаии, ни послания Варнавы он так и не узнает никогда. Мы думаем, что и из учившихся студентов содержание церковной истории знают только слушатели Ф. А. Курганова, содержание истории философии — слушатели М. И. Каринского, содержание истории богослужения — слушатели Дмитревского; а прочие студенты слышали по этим предметам лишь монографии, либо краткие обзоры литературы, а равно и по большинству прочих предметов.

3) Частнее, студенты должны изучать первоисточники науки, и в исследовании сих последних должны заключаться их письменные работы, а не в комбинировании и плагиатировании ученых споров протестантских партий; ведь добрая половина академистов Библии не открывает за четыре года!

С упразднением не факультетских, никем не изучаемых, вышепомеченных наук, следует увеличить число лекций по Св. Писанию до 12 по Ветхому Завету и до 10 по Новому Завету. Патристику нужно непременно проходить за весь церковный период и на нее уделить тоже не менее 16 лекций; тогда можно будет значительно сократить число лекций на преподавание систем (догматики, этики, пастырского богословия, гомилетики), а по кафедре церковного права изучать его источники. Нужно признаться открыто в том, что системы православного богословия суть еще нечто искомое, а потому должно изучать тщательно его источники, а не списывать системы с учений еретических, как это делается у нас уже 200 лет.

4) Науки философские, апологетику и русскую литературу должно сохранить в широких объемах. Без философского развития невозможна систематизация и богословского материала, невозможно и уяснение себе современных заблуждений науки и жизни с христианской точки зрения. — Самой жизни духовные юноши не знают; вступая в нее пастырями и законоучителями, они остаются непонятыми обществом и учениками, и в свою очередь их не понимают. Зеркало жизни — это литература; литература русская есть высшее проявление русского гения и может служить священнику ключом к тому, чтобы овладеть мыслью и чувством общества и привести его к вере. Апологетика и философия в этом ему помогут; литературу должно изучать особенно новейшую.

Воспитание в академии

Более существенная реформа студенческого быта в академиях уместна будет тогда, когда появятся выпуски из реформированных от корня семинарий. Теперь было бы уместно одну из академий сделать чисто духовной, с чем соглашался еще митрополит Иоанникий в беседе со мной в 1893 году. Пусть бы хоть в одну академию собирались юноши, желающие быть священниками и монахами; пусть их наставники будут духовные лица хотя бы на богословских кафедрах, а они пусть носят духовную одежду, блюдут ежедневную по очереди церковную службу и т. д. В духовных журналах много пишут о нравственных стеснениях, испытываемых либеральным студентом в духовной академии (хотя эти стеснения вымышлены), но не пишут о действительных стеснениях и страданиях благоговейно настроенных, церковного духа юношей, законных сынов академии, претерпевающих в студенческом быту такую же пытку, как Исаак от Измаила. Как они прячутся для молитвы, как уединяются по коридорам во время попоек, как принуждены бывают слушать богохульства товарищей и циничные кощунства профессоров, каково им есть в Великом посту рыбу, слушать часовую всенощную, видеть смех на клиросах, чтение романов в рядах невольных богомольцев и пр. и пр. Дайте этим мученикам христианства *свободу вероисповедания*, соедините их в одну академию прежде, чем их или развратила, или притупила и ожесточила среда буйных товарищей и профессоров-скептиков. Пусть будет хоть одна духовная академия, достойная своего имени.

А прочие три? Пусть они влачат свое сомнительное существование до новых абитуриентов из преобразованных семинарий; но, взамен автономии, избавьте Церковь Божию и бедных студентов от неответственных профессоров, которые раз в жизни спишут курс с немецкой книги и читают его 40 лет. Если они любят толковать, вместо Библии, об ответственных министрах, то да будут они ответственными профессорами. Пусть Св. Синод непременно раз в три года посылает кого-либо из архиереев на ревизию академического преподавания, пусть посылает ассистентами на экзамены почетных членов преобразованного Духовно-учебного Совета (Комитета) из отставных профессоров. Пусть покрепче вникают члены Св. Синода в пересмотр академических диссертаций не только со стороны православия, но и со стороны научности. Не так это мудрено, как стараются представить профессора-автономисты. Самое избрание профессоров должно происходить при более живом участии митрополитов, ибо кумовство, интриги и зависть стоят на пути талантов к ученой кафедре. Затем необходимо восстановить добрый обычай дореформенной эпохи, когда митрополиты и Св. Синод сам предлагал корпорациям разработку исторических источников, а также богословских систем, и когда (до времени Петербургского митр. Исидора) сочувственно поощряли производительность академической мысли. Вот главные идеи о средствах избавить академии от их глубокого падения, а частнейшая их разработка подлежит рассмотрению в комиссии. Ректоры их должны быть епископы, инспектора — архимандриты, профессора — по возможности в священном сане.

В заключение наших мыслей о желательной постановке духовной школы упомянем о прочитанной нами записке московских профессоров касательно академической автономии. Записка эта восхваляет выборное начало, но забывает, что в Московской академии оно не было увенчано успехом: при выборном ректоре и инспекторе в 1876—1887 годах наука не процветала, а хозяйство академии подвергалось разграблению начальников, за что они и были уволены по доносу студентов. Записка издевается над одним инспектором-монахом, который в продолжение целого года не прочитал ни одной лекции; а выборный инспектор Горский не читал лекций по своей кафедре библейской 35 лет, а ограничивался преподаванием еврейской этимологии. Такой ложью, а отчасти и издевательством исполнено все содержание записки, большая часть авторов которой подлежали, а некоторые и теперь подлежат увольнению со службы за непредставление магистерских диссертаций, каковые по уставу академий обязаны представить через два года по поступлении на доцентскую должность, а они не представили ее в продолжение 5-ти, 7-ми, 12-ти и даже 16-ти лет. Явное сочувствие революционерному университетскому движению, явное желание уничтожить в России просвещенную иерархию через истребление в академии монашества (главная цель записки) показывает со всей ясностью, что авторы ее проникнуты враждебным отношением к православной Церкви и желали бы ее подчинить протестантскому влиянию; а потому должно думать не о том, чтобы академию вручить таким писателям, а о том, как бы ее вовсе освободить от подобных сотрудников. То же должно ска-

зать и о прочих академических профессорах-автономистах. Напротив, высшая церковная власть должна внимательно следить за избранием новых академических преподавателей, ограждая выборы от влияния кумовства, интриг и зависти молодым талантам. От последней пострадала Казанская академия, устранив кандидата на кафедру гомилетики иеромонаха Михаила; также Московская, не допустив в свою среду известного противосектантского миссионера Д. Боголюбова на кафедру обличения сектантства. При выборном ректоре протоиерее Смирнове получение кафедр и прочих академических должностей было связано с женитьбой на одной из его восьми дочерей; подобное же было и в Киевской академии при выборных инспекторах. Петербургская академия устранила, ради кумовства, кандидатуру на философские кафедры таких лиц, как Вл. Соловьев и Н. Аксаков, и предпочла им сына протоиерея Дебольского. Советы профессоров вообще совершенно напрасно присваивают себе монополию преданности науке, а церковной власти — пренебрежение к интересам последней. Напротив, индифферентизм и чисто семейное начало в отношениях к научным интересам — к выбору стипендиатов, новых доцентов, к распределению стипендий и присуждению ученых степеней, это — печальные свойства вырождающихся ученых обществ, умеющих ревновать только о приобретении себе новых прав, не оправдав законного пользования уже данными им привилегиями, за что и подлежат они Господню слову: *От неимущаго же, и еже мнится имея, взято будет от него* (Мф. 25:29). Напротив, действительно работавшие ученые мужи академий сами приглашаются начальниками для авторитетного совета и сохраняют влияние на дела, не домогаясь оного.

№ 33,
преосвященного Иоакима, епископа Оренбургского,
от 9 декабря 1905 года

Во исполнение циркулярного указа Святейшего Синода от 27 июля 1905 г., за № 8, и применительно к докладной записке бывшего обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, приложенной для соображений к помянутому указу, долг имею почтительнейше представить на благоусмотрение Святейшего Синода нижеследующее:

1. Состав Поместного Всероссийского Собора, предположенного к созыву

Всеобщая практика древней вселенской Церкви, утвержденная законодательно многочисленными канонами (Апост. прав. 37-е; I Всел. Соб. 5-е; IV Всел. Соб. 19-е; VI Всел. Соб. 1-е, 2-е, 8-е; VII Всел. Соб. 6-е; Ант. 20-е; Карф. 87-е; Лаод. 40-е и др.), не оставляет никакого сомнения в том, что Собор должны составить только епископы, как носители полноты благодати Христовой и власти апостольской. Пресвитеры могут быть допущены на Собор, как представляющие собой лице епископа своего, по уважительным причинам не могущего лично участвовать в Соборе, или как представители вдовствующих епархий, по одному от епархии. Равным образом, пресвитеры и миряне могут присутствовать на Соборе или в качестве слушателей, или ученых канонистов для представления Собору потребных справок и для записи соборных деяний, но без права голоса и по особливому от Святейшего Синода выбору и значению в последнем случае.

2. О восстановлении патриаршества

Соборно-патриаршая форма церковного устройства представляет собой наиболее совершенную форму организации высшего поместного церковного управления, выработанную на чисто церковной почве, путем долгого жизненного опыта. После отмены патриаршества учреждением Св. Синода она долгое время не переставала быть предметом искренних желаний как в среде иерархии, так и православного народа. В наше время восстановление патриаршества, если бы оно последовало, встречено было бы всеобщим сочувствием. Самым веским основанием для замены патриаршего управления синодальным выставлялся в свое время политический мотив, что простой народ мыслит патриарха «самодержцу равным»; но едва ли этот мотив имел для себя даже в то время реальное основание. Принцип канонического приматства не имеет никакого сходства с римско-католическим папством. Из 34-го апост.

правила, формулирующего приматство, легко видеть, что в нем нет ничего напоминающего абсолютизм папства: по духу и букве канонов вселенской Церкви примас, какой бы высокой честью ни отличен был от прочих епископов поместной Церкви, не имеет никакого преимущества перед ними по иерархической степени: он — такой же смиренный епископ, как все они; он сам рукополагается и судится Собором епископов, как и каждый епископ; без совета с ними и он ничего не творит вне своей епархии, как и каждый из них.

Восстановление патриаршества в русской Церкви весьма желательно по многим причинам. Уже то одно важно, что во главе Церкви будет стоять один высший архипастырь, направляющий течение церковных дел и порядков, могущий быть постоянным предстателем за Церковь перед государственной властью, для чего ему должна быть предоставлена широкая возможность непосредственного доступа к Государю, а не мирянин — с правами в административном отношении более широкими, чем патриаршие (если не de jure, то de facto). Затем, восстановление патриаршества требуется самым внешним положением и значением русской Церкви среди православных других Церквей. Церковь наша — самая сильная, обширная между всеми восточными Церквами, во многих отношениях являясь для них опорой. За что же ей быть лишенной того права — иметь высшего иерарха, каким пользуются другие, менее значительные Церкви? Наконец, восстановление патриаршества в России может оказаться необходимым для более правильного развития отношений нашей Церкви к другим православным Церквам. Вопреки началу братского общения, составляющему основу православия, сношения между поместными Церквами сделались весьма редки. Ни в нашей Церкви не бывает Соборов, на которых бы присутствовали пастыри других Церквей; ни на Соборах, составляющихся в других Церквах, наши пастыри не принимают участия. Накопилось много вопросов, которые настоятельно требуют разрешения и которые не могут быть решены в отдельных Церквах без сношения с другими (например болгарский церковный вопрос, старообрядческий у нас). Сношения межцерковные, несомненно, должны восстановиться и оживиться. Вновь должны быть созываемы Соборы, на которых архипастыри русской Церкви могли бы участвовать вместе с архипастырями других Церквей в решении общих церковных вопросов. Но чтобы на этих Соборах архипастыри русской Церкви могли иметь соответствующее ее положению значение и влияние, необходимо, чтобы они имели и степени церковные не низшие архипастырских степеней других Церквей.

Патриарх должен быть избираем Собором епископов местной Церкви. По особенной важности этого дела соборному избранию патриарха вполне достойно совершаться или в личном присутствии самого Государя или, по крайней мере, в присутствии его чрезвычайного уполномоченного. С другими патриархами общение новоизбранного открывается пастырскими грамотами.

Патриарх имеет жительство в столице империи — С.-Петербурге. При патриархе состоит патриарший наместник, например митрополит или архиепископ Новгородский, который бы мог заменить патриарха в Святейшем Си-

ноде во время болезни последнего или в случае его смерти; наместник патриарший имеет жительство в Петербурге и является непременным членом Синода и заместителем патриарха.

3. Патриарший Синод

В промежуток между Соборами (Поместными) высшая исполнительная власть по применению законов, административной и судебной частям должна принадлежать первосвятителю русской Церкви, причем он действует не лично, а через посредство председательствуемого им «Освященного Собора» или Святейшего Синода. Святейший Синод, с председателем во главе, в каноническом отношении может иметь двоякое значение: а) исполнительного органа Поместного Собора и б) канонического Собора, «меньшего» однако, чем полный Поместный Собор всех иерархов поместной Церкви. Но при этом нужно, чтобы Св. Синод действительно был собранием епископов, чтобы он имел церковный характер. Для этого необходимо изменить сам способ назначения членов Синода. Состав членов Синода должен быть точно определен по соображению с потребностями церковными и огражден от всяких случайных и произвольных перемен. Несомненно, будет лучше, если члены Синода будут частью переменные, а частью постоянные. Постоянными членами Св. Синода могли бы быть епископы и архиепископы без кафедр, но которым вверено было бы руководительство высшими вспомогательными учреждениями при Святейшем Синоде; например, один мог бы быть председателем Учебного Комитета при Св. Синоде, другой — Училищного Совета, третий заменил бы протопресвитера армии и флота и т. д. Таких постоянных членов Св. Синода, по моему мнению, должно быть пять, независимо от патриаршего наместника и самого патриарха, как председателя. Переменных же членов в Св. Синоде может быть шесть, из епархиальных преосвященных, которые бы приглашались на заседания Святейшего Синода на полгода, примерно — один с 1 января по 25 июня, а другие с 1 июля по 20 декабря, и притом не по выбору или назначению, а непременно по очереди. Такое приглашение по очереди епархиальных преосвященных для участия в деяниях Св. Синода было бы весьма плодотворно. Принимая во внимание количество епархий в российской Церкви 70—80 и участие в Св. Синоде ежегодно 12 епархиальных епископов (по шести в полугодие), в течение шести-семи лет все епархиальные епископы поместной российской Церкви получили бы возможность участвовать в патриаршем Соборе. Это содействовало бы, смею думать, и плодотворности деяний высшего церковного правительства через личное выяснение епархиальными преосвященными многоразличных нужд вверенных им епархий. Это полезно было бы и для преосвященных, которые получили бы возможность входить во взаимное братское общение между собой для пользы Церкви Божией, знакомиться с положением всей российской Церкви и приобретать опытность правления. Это полезно было бы и всероссийскому патриарху, который бы приобретал знание своих соработников на ниве Христовой непо-

средственно, путем продолжительного взаимного общения, а не по случайным встречам или понаслышке. При такой постановке дела всякая епархия может иметь в Святейшем Синоде свое представительство, хотя и не постоянное, и Св. Синод с надлежащим вниманием может обнимать религиозно-нравственные потребности всей Русской земли. Всем членам Синода должен принадлежать при решении дел не только совещательный, но и решающий голос.

Общий Собор русских иерархов должен быть завершением к развитию соборного начала и высшей инстанцией церковного управления во всей стране.

4. Разделение российской Церкви на митрополичьи или архиепископские округа

При вышеизложенной организации высшего церковного правления — Святейшего Синода с патриархом во главе, разделение российской Церкви поместной на митрополичьи или архиепископские округа представляется излишним и не вызываемым необходимостью. Практика древней вселенской Церкви, канонически выраженная в 34-м апост. правиле, не имеет обязательного применения в российской Церкви. На основании 34-го апостольского правила, практика древней вселенской Церкви была такова: епископы, например, народа римского, населяющего Италийский полуостров, признавали первым епископа Римского; епископы народа греческого, населяющего Балканский полуостров, — Константинопольского епископа; епископы народа сирийского — епископа Антиохийского; епископы народа еврейского — епископа Иерусалимского; епископы Египта — епископа Александрийского и т. д. Главные епископы сначала именовались архиепископами, а потом им присвоен титул патриархов. В соответствии с сим епископы народа русского, при восстановлении патриаршества, будут признавать своим первосвятителем всероссийского патриарха. Русскую Церковь составляет главным образом народ русский. Если же есть члены Церкви из нерусских народностей, населяющих Русское государство, то они или малочислены, например, — из татар, армян, поляков, немцев, или сами народности незначительны, например, эсты, латыши, киргизы, чуваши и пр., или они живут смешанно с русским населением и таким образом не могут составить своего особого народного округа и не имеют своих отдельных епископов. Правда, обширное государство Русское, составляющее поместную Церковь русскую, представляет в различных частях своих и разные местные религиозно-нравственные условия жизни: в одних местах приходится бороться с латинской ересью, в других — с лютеранской, в иных — с исламом, а в иных — с расколо-сектантством и язычеством. Но для успешности и единства направления в действиях священноначалия требуется не разделение Церкви на округа, а соборы епископов для совместных суждений о нуждах Церкви данной местности. Они могут быть созываемы по указанию патриаршего Собора, как центрального управления, объединяющего действия всего священноначалия поместной русской Церкви. К сему надо присовокупить, что при разделении русской Церкви на 8 или 9

архиепископских округов, с известными полномочиями и делопроизводством по окружному управлению, естественно придется призвать к бытию известные институты (вроде Грузино-Имеретинской синодальной конторы), которые ведали бы окружные дела, ибо один митрополит или архиепископ не может сам вести всю канцелярскую работу, не может этого делать и через местную консисторию, обремененную делами по епархиальному управлению. Такие окружнические правления потребуют на свое содержание немалых денежных средств, в каковых чувствуется крайний недостаток на удовлетворение неотложных нужд и существующих учреждений.

Впрочем, сказанное составляет мой личный взгляд по возбужденному вопросу. Соображения по сему же вопросу местной комиссии, образованной применительно к циркулярному указу Св. Синода от 27 июля за № 8, также заслуживают внимания, особенно если сохранен будет существующий порядок относительно состава Св. Синода и вызова членов оного. Помянутая комиссия высказалась решительно за разделение поместной русской Церкви на митрополичьи или архиепископские округа по следующим соображениям:

Возрождение и оживление прихода, от чего справедливо ожидают благодетельных последствий для народной и государственной жизни вообще, возможно только при условии децентрализации центрального управления, когда инициатива во многих делах, а равно и окончательное вершение их будут перенесены из центра в области и епархии. (Положения, внесенные в Комитет Министров высокопреосвященным митрополитом Антонием, «Церковный вестник» 1905 г. № 453.)

Возрождение прихода не достигло бы того благотворного значения для целой Церкви, какое оно, несомненно, может иметь, если дело ограничивать восстановлением только особного, автономного существования приходов, как мелких церковных единиц. Эти единицы должны быть связаны между собой духовным общением, духовными интересами. Особное, автономное существование приходов без такой связи может легко привести прихожан к мысли о самодовлеемости каждого отдельного прихода, каковая не замедлит выразиться в форме грубо эгоистичного отношения к общеепархиальным и общецерковным интересам, внося, таким образом, в церковную жизнь не улучшение, а ухудшение. Мелкие церковные единицы должны слиться в обширнейшее общество — епархиальное, с центральным пунктом — епархиальным епископом. Для этого необходимо, чтобы, наряду с епархиальной правительственной организацией, существовал орган общественно-епархиального управления — ежегодное епархиальное собрание. Оно должно служить живым органом, через который будут публиковаться веления высшей церковной власти, доходя до крайних точек церковного организма — приходских обществ и единиц, их составляющих, и через который обратно будут восходить голоса этих единиц к центральной церковной власти.

Как соседние приходы, объединенные общностью духовных интересов, во главе с епископом образуют епархии, так соседние епархии, также связанные общностью интересов и задач, образуют митрополический округ, в управ-

ление которым также должно быть введено соборное начало. Никакие переустройства собственно церковной администрации сами по себе не могут еще возвысить жизненного строя Церкви, если вместе с тем не будут возбуждены и возвышены в Церкви внутренние духовные силы, составляющие само существо религиозной жизни, т. е. вера, благочестие, преданность церковным интересам, живая христианская любовь и т. д. Но эти внутренние духовные силы могут иметь надлежащее воздействие на правильное развитие и отправление самих административных форм только при условии различных применений соборного начала к управлению жизни церковной. Соборное начало в церковном управлении есть наилучшая охрана этого управления от перехода в бездушно-административный механизм. В жизни древней вселенской Церкви этому началу предоставлялось широкое участие; и у нас на Руси, в прежние времена, соборное начало имело довольно значительное развитие в церковной жизни, начиная с низших ступеней ее в приходах и оканчивая самыми высшими инстанциями церковного управления, где при митрополитах и патриархах собирались со всей земли Русской соборы для рассмотрения важнейших дел церковных, а иногда и государственных.

Существование особливых задач, подлежащих церковному управлению в разных территориях Русского государства, служит жизненным основанием к установлению областных и окружных автономий. Западно-Русский край представляет обширное поле для охраны православия в борьбе с иноверием; множество инородцев, ожидающих света Христова учения, и пропаганда ислама в восточных губерниях и областях России вызывают к неутомимому христианскому деланию под одним общим систематическим руководством областного представителя Церкви; такое же обширное поприще для проповеди христианства представляют многочисленные племена Кавказа, где также требуется противодействие пропаганде исламизма; противодействие быстрому распространению рационалистических и мистических сект преимущественно на юге России призывает местных архипастырей к совместной объединенной деятельности. Поэтому основной идеей при разделении России на церковные округа должна быть не только одна географическая близость епархий, но еще более их этнографическая близость, однородность: епархия с определенным населением и бытом должна тяготеть к другим епархиям, живущим в одинаковых с нею условиях, болеющим одинаковыми нуждами, имеющим одни и те же задачи.

По существенным географическим, этнографическим и историческим основаниям, округа могли бы быть, например, такие: 1) Северно-Русский или Петербургский (с включением сюда православных финляндских и остзейских церквей); 2) Срединно-Русский — Московский; 3) Южно-Русский (Малорусский) — Киевский; 4) Новороссийский — Одесский; 5) Западно-Русский — Виленский, со включением в него православных церквей, находящихся в бывшем царстве Польском; 6) Восточно-Русский — Казанский: епархии волжские и уральские; 7) Кавказский; 8) Восточно-Сибирский; 9) Западно-Сибирский.

Введение в церковной администрации разделения по округам представляется весьма полезным, между прочим, в том отношении, что оно более открывает возможности к самостоятельному устроению церковной жизни в различных округах, применительно к их местным особенностям.

Установление церковных округов выдвигает на первое место главных окружных епископов — архиепископов или митрополитов. Митрополитом может быть или старейший по службе из епископов известного округа, или епископ главного окружного города. Так как архиепископами желательно иметь пастырей ревностнейших и опытнейших в церковном управлении, то одним старшинством службы или епископством в главном окружном городе не может быть решен раз навсегда вопрос о даровании епископам архиепископских прав и степени. Вопрос этот в каждом отдельном случае должен быть решаем высшей церковной властью — Св. Синодом или окружным (митрополичьим) собором. Так как окружное епископское управление в известных случаях может иметь отношения и к гражданскому управлению, то на утверждение архиепископов-митрополитов в их должности необходимо соизволение Высочайшей власти.

Кафедре архиепископа всего удобнее быть в главном окружном городе (Петербург, Москва, Киев, Одесса, Казань, Вильна, Тифлис, Томск и Иркутск).

Архиепископу, заведующему целым округом, невозможно вместе с тем непосредственно заведовать и всеми делами той епархии, в которой он будет иметь жительство. Ему нередко и подолгу придется отлучаться из этой епархии для присутствования в Синоде, для обозрения других епархий, на соборы, собирающиеся по важнейшим церковным вопросам или по поводу избрания епископов, и т. д. Епархия в это время не может оставаться без архипастыря. Поэтому при архиепископе в окружном городе всегда должен быть епископ, заведующий делами местной епархии, в качестве архиепископского викария.

Предоставление архиепископам некоторых прав не только требуется канонами, но и желательно в целях объединения, согласованности епископских действий. Сюда относятся: надзор над прочими епископами округа, братское руководство ими и — в случае нужды — предстательство за них перед высшей церковной и государственной властью, созывание окружных соборов и председательство на них (Антиох. Соб. 341 г. пр. 9-е, 16-е и 20-е), участие в избрании епископов своего округа и непременно в рукоположении их (I Всел. Соб. пр. 4-е, 5-е и 6-е), наконец — присутствование в Св. Синоде, на правах члена его.

Весьма желательно, чтобы посвящение новоизбранных епископов совершалось в кафедральном соборе епархии, для которой посвящается избранный. В таком случае не только духовенство, но и миряне этой епархии могут принять живое участие в молитвах о ниспослании высшей благодати священства новохиротонисуемому архипастырю, услышать те обеты, какие он принимает на себя, и то живое пастырское слово, с которым новопоставленный епископ обычно обращается к присутствующим. Далее, пребывание в течение не-

скольких дней окружного митрополита и епископов ближайших епархий в кафедральном городе той епархии, для которой посвящается епископ, может быть весьма полезно и для ближайшего братского руководства вновь посвященного епископа в архиерейском служении и в управлении епархией. В этом случае он может получить гораздо более, чем в столице, где местные интересы его родной епархии никому не могут быть близки.

При восстановлении архиепископских округов должен восстановиться и древний обычай созывания областных или окружных соборов. Такие соборы, как организация братского совета и помощи,— такое же необходимое учреждение для церковной жизни округа, как Поместные Соборы для целой поместной Церкви. Они представили бы святителям возможность частого взаимообщения «усты к устам», являясь в то же время полезным помощником Св. Синоду. Окружные соборы могли бы организоваться по образцу Поместных Соборов древней Церкви, т. е. совместить совещание по вопросам принципиально руководственным с деятельностью распорядительной и судебной. Необходимость окружного суда, как второй инстанции, чувствуется особенно настойчиво. Такой суд, оставаясь судом местным, не был бы обременен чрезмерным множеством дел, гораздо больше обеспечивал бы правосудие и избавил бы Св. Синод от грустной необходимости передоверять фактическое обсуждение судных дел вовсе не епископскому суду. Составляя как бы отделение Св. Синода и подчиняясь ему как апелляционной и кассационной инстанции, окружной собор решает судные и административные дела, касающиеся местного края и второстепенного значения; более существенные идут на суд Св. Синода, а имеющие общецерковную важность — на обсуждение Поместного Собора.

По правилам древней Церкви, окружные соборы должны собираться дважды или, по крайней мере, однажды в год. Архиепископ или митрополит является докладчиком и руководителем совещаний, но с голосом, равным другим членам Собора. Предметами занятий окружных соборов могут быть: рассмотрение и принятие общих мер по церковному управлению, братские епископские собеседования о состоянии епархий и о мерах к лучшему их устроению, обсуждение недостатков, замеченных архиепископом в управлении одной или другой епархии, рассмотрение жалоб, приносимых епархиями на епископов и консистории. Свои решения окружной собор или приводит в исполнение собственной властью и ответственностью, или представляет на утверждение Св. Синоду».

5. Епархиальное управление

Священноначальническая власть епархиального епископа должна обнимать все стороны церковной жизни в пределах епархии. Ограничение власти епископа подчинением ее какому-либо епархиальному институту, или отделение от власти епископа каких-либо сторон жизни Церкви, или вообще ослабление епископской власти — не может быть полезно для Церкви Божией. Это будет пося-

гательством на богодарованные полномочия епископов, строго определенные церковными канонами и освященные практикой вселенской Церкви и русской, «ибо епископам вверены людие Божии, и они должны дать ответ о душах их» (Апост. прав. 39-е). Всякое ослабление власти епископской поведет к ослаблению и церковно-религиозной жизни, и без того невысокой ныне, особенно в так называемом образованном обществе, и скажется прежде всего нестроениями в клире и упадком церковной дисциплины. Не потому ли духовные семинарии так печально заявили себя нестроениями в последнее десятилетие, что власть местного епископа в управлении ими низведена почти к нулю и выражается только в утверждении журналов семинарских правлений.

Существующие ныне епархиальные вспомогательные учреждения, через которые действует епископ, как-то: консистория, епархиальный училищный совет, епархиальное попечительство, миссионерские комитеты, правления и советы духовно-учебных заведений и прочее, следует сохранить, не призывая к бытию «такого действенного епархиального органа епископской власти, который объединял бы в своем ведении всю область епархиального управления»; ибо такой орган еще более умножит бумажное делопроизводство, еще более отдалит епископа от жизни Церкви, еще более будет тормозить дела и замедлять их движение. Из существующих епархиальных учреждений было бы полезно оживить деятельность благочиннических советов, которые большей частью существуют только на бумаге, а равно епархиальных съездов духовенства, которые следовало бы сделать ежегодными, с расширением круга их суждений.

Что же касается судного дела в епархии, на которое слышится так много нареканий, то, оставляя за «владычним судом» прежний круг его действия (применительно к 155—156 §§ Уст. дух. конс.), надлежит, для приведения консисториального суда к большему совершенству и беспристрастию, настоятельно требовать, чтобы таковой вершился не столом и членом консистории, ведающим судный стол, а непременно всем присутствием консистории. При этом полезно было бы для дела — привлечь в помощь присутствию консистории еще двух или трех духовных судей из священников или протоиереев епархиального города, по выбору епархиального съезда духовенства и с утверждения епархиального преосвященного. Духовные судьи могли бы собираться в консисторию один или два раза в неделю для суждений по судным делам вместе с присутствием консистории. Проект реформы церковного суда, составленный комитетом в 1873 г. под председательством архиеп. Макария, по моему мнению, не подлежит приведению к жизни, как не вполне соответствующий каноническому церковному устройству и едва ли могущий послужить во благо Церкви и упорядочить епархиальный суд.

6. Церковно-приходское управление

Для благоустройства прихода следует признать за оным права юридического лица, заведования и распоряжения церковным имуществом и суммами с

тем, чтобы прежде всего удовлетворялись сборы на нужды епархиальных учреждений. Проект устройства православных приходов в Финляндии может быть допущен, с некоторыми поправками и изменениями, и в русских приходах вообще. По вопросам о правах, обязанностях и составе приходского собрания можно признать следующие основные положения: 1) церковно-приходские дела решаются на церковно-приходском собрании. 2) Церковно-приходское собрание составляется из глав отдельных семейств православного исповедания, жительствующих в приходе не менее одного года и исполнивших долг исповеди и св. причастия. 3) Члены причта с церковным старостой участвуют в приходском собрании, каждый с правом голоса, причем настоятель прихода есть председатель приходского собрания. Но если в приходе есть лица высокопоставленные или владетельные (помещики), могущие оказать приходу особую пользу, то таковые могут быть избираемы председателями приходских собраний, с согласия настоятелей приходов. 4) Приходское собрание собирается не менее двух раз в год, в первые воскресные дни — после нового года и Петрова поста. 5) Дела решаются большинством открыто поданных голосов, но с предоставлением настоятелю прихода <права> останавливать решения, с коими он не согласен, и таковые в недельный срок представляются на усмотрение благочиннического совета. 6) Приходское собрание избирает из среды прихожан церковного старосту, представителей для ежемесячного контроля церковных сумм, членов церковно-приходского попечительства или совета, контролирует деятельность церковно-приходского совета, утверждает смету прихода и расхода по церкви на будущий год, рассматривает отчетность за предыдущий год, устанавливает правила для заведования церковным хозяйством и имуществом, постановляет решения по делам о сооружении и ремонте храма, его содержании, постройке и ремонте причтовых домов, приходских просветительных и благотворительных учреждений, изыскивает средства для удовлетворения вообще церковно-приходских нужд — путем, например, самообложения. 7) Церковно-приходскому собранию предоставляется право просить епархиального преосвященного об определении на вакантные священноцерковнослужительские места при приходском храме угодных приходу кандидатов, с тем, чтобы они удовлетворяли образовательному цензу и отличались благоповедением и не состояли на таких же местах в других приходах. 8) Приходское собрание назначает членам клира определенное жалованье и определяет другие средства содержания их. 9) Органом приходского собрания является церковно-приходский совет или попечительство, в состав коего обязательно под председательством настоятеля прихода входят все члены причта с церковным старостой. Заседания совета должны быть не менее одного раза в месяц. Старший член причта — председатель совета — может останавливать постановления его для предварительного доклада дела приходскому собранию очередному, а в случаях, не терпящих отлагательства — и экстренному. Приходский же совет по полугодиям доставляет отчет в своих действиях приходскому собранию, причем все функции церковно-приходского попечительства передаются церковному совету. 10) Совет может

выделять из своей среды комиссию для ближайшего заведования разными отделами церковно-приходской жизни, каковы: а) церковный — по сооружению и ремонту церквей, кладбищ, часовен, причтовых домов, обеспечению причта и т. п.; б) религиозно-нравственный — по нравственному воздействию на население в целях поддержания добрых нравов через религиозно-нравственные беседы, борьбу с сектантством, пьянством и другими пороками, по учреждению обществ трезвости и т. п.; в) образовательный — по устройству школ, библиотек, читален, книжных лавок; г) благотворительный — по оказанию материальной помощи бедным и учреждению приютов; д) врачебный — по оказанию медицинской помощи больным, учреждению аптек, приемных покоев; е) сельскохозяйственный — по поднятию экономического состояния прихода, распространению сельскохозяйственных знаний, по организации образцовых хозяйств и прочее. Комиссии поступают по указанию приходского совета и ему отдают ежемесячно отчет в своих действиях.

Деятельная церковно-приходская жизнь зависит от религиозно-нравственного состояния и настроенности паствы под водительством пастыря, и возвышение и одушевление этой жизни — преимущественно от пастыря, его усердия, ревности и самоотверженной попечительности. Где пастырь — добрый, там и приходская жизнь отличается благочестием христианским, водится и располагается по духу Христову, особенно в сельских приходах, среди простого христианского населения. Где пастырь — небрежный и ленивый, порочный и алчный, там и жизнь паствы не отличается высотой и оскудевает христианским благочестием. Посему избрание и поставление пастыря и прочих членов причта церковного имеет существенно важное значение для прихода. Ныне назначение священноцерковнослужителей в приходы всецело находится во власти епархиального начальства, которое не всегда достаточно осведомлено о надлежащей подготовке и религиозно-нравственной настроенности лиц, назначаемых на церковные должности; вследствие чего нередко получают назначение такие лица, которые далеко не ответствуют даруемым им полномочиям. Нередко недостойные священноцерковнослужители не только не созидают тела Церкви Христовой и не благоустрояют духовных паств своих, но и разрушают их, и распугивают духовных чад своих своим соблазнительным отношением к обязанностям и зазорным поведением. Такое печальное явление объясняется, с одной стороны, тем, что архиереи преимущественное внимание при выборе кандидатов священства обращают только на образовательный ценз их, а с другой — тем, что самые искатели пастырского служения ищут главным образом куска хлеба в пастырстве, а не руководствуются в избрании пастырского жребия высшими побуждениями — благом Церкви Божией. Посему желательно, чтобы в избрании пастырей и вообще членов причта церковного участвовали приходы, заинтересованные в сем. Но, при современном состоянии церковно-приходской жизни, это участие в избрании причта со стороны прихода едва ли возможно и полезно; ибо, за весьма редкими исключениями, приходские собрания не могут из своей среды выделить на пастырские места достойных в нравственно-религиозном отно-

шении и правоспособных в образовательном отношении лиц, которых они знают вполне, о коих они могли бы ходатайствовать перед архиереем, как вполне ответствующих высоте пастырского служения кандидатах. Других же кандидатов священства, живущих вдали от вдовствующего прихода, приходские собрания не знают, а, следовательно, и избирать их не могут, как лиц им неизвестных, с которыми они не имеют никакой нравственной связи; а если и изберут, то только по просьбе членов причта — родственников последних, или по просьбе самих кандидатов за известное угощение или за обещание (ищущего места) облегчить приход в средствах содержания церковного причта; при этом богословская правоспособность и нравственная высота избираемых едва ли будут иметь первенствующее значение, а скорее всего будут оставляемы без всякого внимания. В сем последнем случае религиозно-нравственный уровень пастырства и вообще клира несомненно понизится, а с ним — и духовная жизнь пасомых. Возвращение к практике первых веков христианства при современном состоянии приходской жизни и современном подготовлении к церковному служению, особенно пастырству, путем образования в духовно-учебных заведениях, а не путем постепенного совершенствования религиозного и нравственного, службой в клире, путем постепенного восхождения от низших клирических степеней к высшим, — едва ли применимо и желательно для блага Церкви. Мы склонны думать, что, при существовании специальных для подготовления кандидатов священства духовно-учебных заведений, надлежит сохранить прежний порядок назначения на священноцерковнослужительские должности властью архиерейской, но с предоставлением права приходам возбуждать ходатайства о своих местных кандидатах на клирические должности, если таковые кандидаты имеются вполне правоспособные в приходе. Но таковые ходатайства не могут быть обязательными к исполнению для архиерея, и самое удовлетворение подобных ходатайств должно совершаться по тщательной проверке епархиальным начальством правоспособности лиц, о коих возбуждено приходом ходатайство.

Что касается вопроса о приобретении церковной недвижимой собственности, то дела этого рода должны вестись тем же порядком, каким ведутся при приобретении недвижимой собственности другими учреждениями и лицами, без испрошения на сие каждый раз Высочайшего соизволения, но с согласия и утверждения епархиальной власти, а в исключительных случаях, когда ценность покупаемого или принимаемого в дар недвижимого имущества велика, примерно свыше 5 тысяч, — с разрешения Св. Синода; но продажи недвижимой церковной собственности — каждый раз с разрешения Св. Синода. При сем должно быть предоставлено право приобретать церковную недвижимую собственность: церквам, монастырям, братствам, школам и другим церковным учреждениям.

7. Отношение православной Церкви к иноверцам

В Оренбургской епархии, в коей числится — при 1 350 000 православного населения — около 100 000 раскольников, сектантов и других иноверцев и около 1 300 000 мусульман и язычников, положение православной Церкви является тревожным и тем более, что, по смыслу манифеста от 17 апреля о веротерпимости, многие из новокрещенных киргиз и татар могут быть утрачены для Церкви, а равно некоторые и из обратившихся из раскола. Главный вопрос — какими средствами следует миссии бороться с иноверческой пропагандой, которая ввиду свободы вероисповеданий может усилиться тем более, что православная Церковь некоторыми узаконениями ставит в затруднительное положение православных, например, в вопросе о смешанных браках с сектантами. Облегчение предбрачных требований, каковых почти нет у сектантов, вполне отвечало бы назревшей потребности. Относительно отпавших в иноверие, особенно в тех случаях, когда отпадение вызвано не убеждением, а силой внешних условий, следовало бы узаконить, чтобы пастыри считали таковых в числе своей паствы и употребляли к ним особые меры духовного воздействия. При массовых отпадениях целыми приходами и при посягательстве отпадших на церковное достояние следует законодательно признать церковное имущество с храмами и другими церковными сооружениями собственностью епархии. Сравнительно малое развитие ислама среди киргиз требует мер охранения их от татарской пропаганды, могущей в короткое время привить киргизам вредный мусульманский фанатизм, с коим потом будет трудно бороться. В видах сближения киргиз с русскими, ныне вполне возможного, надлежит русскому Правительству придти на помощь миссии, ассигновав ей достаточные средства на открытие школ, приютов, благотворительных учреждений, где бы киргизские дети воспитывались вне влияния магометанского фанатизма, в духе русской гражданственности и православной веры.

8. Об усовершении духовных школ

I. Причины и побуждения для реформы духовных семинарий

Недостатки современных духовных школ, особенно семинарий, общепризнаны, и эти недостатки нельзя ни отрицать, ни умалять. Таким образом, реформа семинарий необходима и не терпит отлагательства. Главный вопрос в том, какая реформа. Можно различать реформу, как коренное изменение учебного заведения в его типе и целях, и реформу частную, касающуюся одной или нескольких частей заведения, причем остаются неизменными тип и цель учебного заведения. По-видимому, в указе Святейшего Синода от 2 июля 1905 г., за № 8, и разумеется реформа второго рода, потому что выражено: «Об усовершении духовно-учебных заведений», а не о реформировании их.

До сих пор семинарии в продолжение многих лет (с 1808 г.) были профессиональными духовно-учебными заведениями, в которых преследовались две цели: а) достаточно удовлетворительное общее образование и б) умственное, нравственное и религиозное подготовление учащихся к церковному пастырству. В прежнее время для семинарий возможно было не только практическое достижение этих двух целей, но и достижение идеала в преследовании этих двух целей, — идеала, который в предложении г. обер-прокурора Святейшего Синода изображается так: «До 2-й половины XIX века духовно-учебные заведения отличались устойчивостью учебной и воспитательной постановки и, хотя вызывали нарекания на устарелость и схоластичность приемов обучения и суровости дисциплины, тем не менее выпускали оканчивающих в них курс с весьма развитым мышлением, чрезвычайной трудоспособностью и добрым направлением воли».

Так было прежде. Но с 1901 г. открылись в семинариях такие печальные события, которые показали, что учащиеся в семинариях сделались совершенно неспособными не только к достижению этого идеала, но и к получению основательного общего образования, соединенного в семинариях с изучением богословских наук и с подготовлением к кандидатству на священство. Полная неспособность семинаристов к получению образования в существующих семинариях открывается из бурных волнений с террористическим характером, из эпидемического распространения этих волнений и «перехода их в уголовщину». «В 1902 году до Рождества было закрыто более 23 семинарий» («Сын Отеч.» 6 мая). Другой факт, доказывающий неспособность нынешних семинаристов к обучению в старых семинариях, это — публично заявленное семинаристами недоверие к своему семинарскому начальству в благожелательности его к семинаристам в деле приобретения ими прав и вольностей, несовместимых с духом и целью семинарского образования и воспитания. Наконец, самый характер этих прав и вольностей показывает, что семинаристы более не желают состоять не только кандидатами на церковное пастырство, но и на звание порядочного христианина. Воспитанник Саратовской духовной семинарии 4-го класса пишет в «Рассвет» 10 апреля: «Теперь приходится обращаться к защите печати, которая одна только и может пособить горю семинаристов. Им дорого не пристрастное мнение семинарских педагогов, им дорого общественное мнение. Положение всех семинаристов гораздо хуже положения других учащихся. Для нас желательны следующие реформы: 1) право поступления семинаристов, кончивших курс 4-х классов семинарии, во все высшие учебные заведения; 2) отмена вступительных экзаменов в семинарию из духовных училищ; 3) отмена переходных экзаменов из класса в класс в семинарии; 4) расширение программы преподавания светских наук; 5) разрешение чтения всех книг, дозволенных российской цензурой. Если нам удовлетворят вышеупомянутые требования, то между семинаристами и их начальством не будет никаких поводов к недоразумениям и несогласиям; а если семинаристов и впредь обойдут, не удовлетворивши их законных требований, то всегда будут происходить беспорядки, и напрасно высшая власть и семинарские прав-

ления прибегают к репрессиям. Они никогда не помогут, только озлобляют и будут озлоблять несчастных семинаристов» («Богословский Вестник», июль-август 1905 г.). Противоцерковное направление и непригодность теперешних семинаристов к той цели, которая преследуется в семинариях, ярче всего обнаруживаются в петициях или в требованиях, излагаемых в петициях, — в требованиях свободы в пище, т. е. отмены постов, свободы в хождении к богослужению, свободы в исполнении христианского долга, свободы в собрании учащихся на сходках, и всяких других родов и видов свободы.

Нет надежды, чтобы семинаристы отказались от своих требований, несмотря на всю их нерациональность. Напротив, многие факты говорят о том, что семинаристы с присущей им упрямой настойчивостью будут домогаться удовлетворения своих требований по примеру всяких студентов. Бороться или регулировать эти требования нельзя уже потому, что это значит — бороться со всей интеллигенцией и с литературой как светской, так и духовной. Вся литература встала на сторону требований семинаристов, потому что литература же настроила и настраивает их на все требования. Любимые темы о семинаристах в литературе собраны в статье «Богословского Вестника» за июль-август, что семинаристы голодают (по постам едят постную пищу), живут в грязи; изнывают взаперти («лишены права на послеобеденную бесконтрольную прогулку»); удалены от жизни и современности и скучают в обстановке «по образу монастыря», что̀ было еще в семинариях в XVIII веке; распорядок времени и ежеминутный контроль подавляют индивидуальность, искажают характер; воспитания нет в семинариях, а есть одна дисциплина, уничтожающая личность, самостоятельность, инициативу в нынешних семинаристах, которые выходят в жизнь запуганными, забитыми, неспособными стоять «за человеческие права»; вообще, современная школа, как гигантский пресс, выжала из учеников все соки, взяла все и оставила одну бесформенную массу.

Вследствие таких и подобных, несомненно со злобным замыслом затеянных и широко распространенных по всей литературе, ламентаций о горькой участи семинаристов, об из бесправии, принижении, помрачении семинарской наукой, деморализации богослужениями, церковными порядками, строгостью дисциплины, — семинаристы преобразились. Они глубоко приняли к сердцу прозрачные намеки врагов духовной школы, намеки на свободу от всех отличительных свойств духовной школы, и всей силой души вооружились против своей родной школы. В своей враждебности к школе, к обучению в ней, к порядкам в школе, к воспитателям и учителям семинаристы прошли все ступени постепенно от понятий и чувств, осуждающих школу, до дел презрения и разрушения ее. Сначала стали практиковать нарушение правил о богослужении, посещении классных уроков, о поведении в классе. Участилось нарушение правил тишины, порядка, благочиния и нарушение правила целости и неповрежденности казенных вещей. Все эти нарушения производились не только отдельными лицами, но целым составом учащихся по взаимной стачке и вследствие принуждения и угрозы. Семинарские общежития, в противопо-

ложность своему доброму назначению, сделались очагом происхождения и распространения крайнего своеволия семинаристов, школой развращения младших старшими и вертепом лентяев, похотников, обжор, гуляк, политиканов и атеистов. В семинарских общежитиях сгруппированы юноши и мужи от 15 до 20 и до 24-летнего возраста. В семинариях не принято никакого разделения между столь различными возрастами. От этого невольного совместительства каждое отдельное лицо в общей массе теряет свою личную свободу, волю, разум и невольно и безвозвратно подпадает воле и направлению большинства или указаниям и распоряжением заправил. Всякая праздная или злостная затея, задуманная немногими или одной отчаянной головой, быстро сообщается всей массе или всему общежитию, масса без колебания объединяется чувством общего единодушия, и все общежитники, кто по воле, кто по неволе и принуждению, совершают забастовки, погромы, бунты и т. п. Общежития представляют из себя постоянные, не расходящиеся, <как бы> законные сходки для соглашения и учинения самых беззаконных деяний. Теперь общежития перестали отвечать своему доброму назначению — служить тихим и мирным убежищем для беспрепятственного изучения учебных предметов, для спокойного обмена мыслями, для взаимного обучения и для взаимного воздействия друг на друга в деле приобретения образованности, начитанности, хороших привычек, добродетелей. Напротив, настоящие общежития представляют обширную лабораторию, в которой современная литература и преобладающие общественные политические воззрения с эвдемонистическим и антирелигиозным веянием приготовляют и выводят на свет экземпляры вроде Гапонов и других могущих открыться впоследствии. Мало пригодна для самоотверженного пастырского служения и общая масса, выходящая из семинарских общежитий. Это — заурядная посредственность в умственном отношении, индифферентная часть общества к вопросам веры и нравственности (в противоречие своему назначению), и достаточно обличающая себя своим предпочтением низших благ мира вечным христианским идеалам веры и нравственности. Например, всякому понятен грубо чувственный характер стремлений вдовых священников получить право на второй брак и остаться в священстве. Это значит, что руководители христиан дерзновенно отвергают так называемые жизненные кресты, которые налагает на каждого заурядного христианина Тот, Кто сказал: «Аще хощет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой, и по Мне грядет». Вследствие всего прописанного об общежитиях должно вытекать необходимое заключение, что общежития вредны для самостоятельного независимого развития личности и устойчивости личных достоинств и характера; наоборот, с другой стороны, общежития как нельзя более оказывают содействие развитию в личности рассеянности, подчиненности сторонним влияниям и раболепству перед мнениями большинства. В новых семинариях прежде всего должно избегать многолюдности учащихся в общежитиях.

Главные начала, которые должны быть положены в основание новых семинарий, указываются резкими недостатками существующих семинарий.

1) Многолюдность учащихся в современных семинариях, препятствующая надлежащему влиянию, воздействию и направлению преподавателей и воспитателей на учащихся, в новых семинариях должна быть заменена малолюдностью, благоприятствующей направлять учение и воспитание соответственно определенным лицам и характерам. Это начало малолюдности в новых семинариях достигается само собой уже потому, что семинарии будут состоять из трех классов вместо прежних шести. Нормой количества — допустимого в каждом классе — учащихся должно считать то, при котором наибольшее число оканчивает курс.

2) Тщательный подбор предназначенных к поступлению в семинарии в отношении здоровья, умственных способностей, душевного настроения и качеств характера. Начало подбора для поступающих не могло иметь место в существующих семинариях, потому что прием поступающих обусловливался правом окончивших курс в духовных училищах на поступление в семинарию и происхождением их из духовного звания.

3) Во избежание современного недовольства семинаристов семинарским образованием и воспитанием, по несочувствию семинаристов целям семинарского образования, в новых семинариях от поступающего требуется достоверно засвидетельствованная искренность желания и расположения к семинарскому образованию и служению в пастырском звании. Свободно выраженное желание семинарского образования юношей в 16—18 лет, по окончании общего среднего образования, может быть достаточной гарантией неизменности воли и ее решения на избрание богословской специальности. И эта специальность, избранная сознательно и добровольно, по предпочтению ее всем другим специальностям и по особой склонности к ней, будет укреплять избранника ее в своем избрании по мере прохождения наук богословских и раскрытия истин и правил христианского учения.

4) Указанные три начала, весьма важные для организации новых семинарий, имеют всю свою силу, значение и преобразовательное действие только в том случае, если принято будет четвертое начало — начало разделения и отделения общего образования от специального богословского по месту, по преподавателям, по времени. Общее образование должно получать прежде и в особых общеобразовательных школах светских, какие существуют и будут существовать в данное время, или в шестиклассных духовных училищах. Специальное богословское образование должно проходиться в особых богословских школах (семинариях) при особых преподавателях, если нужно — в священном сане, при особом строе и порядке, соответственных назначению семинарий.

Так как это отделение общего образования есть новая, неизвестная в опыте Духовного Ведомства система и не имеющая примеров среди других профес-

сиональных школ военных, реальных, технических и др., то является необходимость особого объяснения в пользу проектируемого обособления богословского образования от общего. Правда, идея общеспециального образования, действующая в существующих семинариях, есть идея величественная и плодотворная, указывающая путь всестороннего проникновения воспитанника с детских лет в течение всего школьного возраста духом Христова учения и величием христианской нравственности; но эта идея есть и задача длинная, трудная и зависящая от многих условий. Эта задача по обстоятельствам времени сделалась недостижимой. Этой задаче мешают отцы, не всегда расположенные к пастырству своих сыновей, — училища, по своей программе не способные располагать питомцев в пользу богословского образования, — современная литература, отвращающая питомцев от богословского образования. Поэтому прежний способ долговременного, постепенного, хлопотливого и малоуспешного выращивания духовных питомцев, как молодых дерев, от зерна до возраста мужа совершенна, для добрых плодов пастырского делания, — этот способ удобнее и выгоднее в наше время заменить другим, более кратким и простым способом, способом прививки благородных черенков и соков к молодым деревам, окрепшим для противостояния внешним вредным влияниям, к деревам здоровым и богатым своими соками. Проектируемые семинарии или богословские училища, как опытные садоводы, способны производить эту прививку богословских знаний и доброй пастырской дееспособности молодым людям всяких званий, получившим общее образование в светских школах, — производить в трехлетний курс, обучением, наставлением, примером, церковным строем училищных порядков и истинно христианским образом жизни учащихся.

По задачам и условиям организации этих богословских училищ можно надеяться, что, как во времена апостолов, дикая малина — язычники «прицепились», привились «к соку и корню» благородной маслины — призванию евреев в Церковь и заполнили эту Церковь, так и ныне лучшие люди всяких званий, вследствие прививки им богословского образования, без долговременной подготовки к пастырству, наполнят русскую Церковь достаточным количеством достойных пастырей взамен отвергающихся от этого звания.

5) Недостатки теперешних семинаристов религиозно-нравственного характера: сознательное пренебрежение христианскими подвигами и добродетелями — постами, молитвой, богослужениями и т. п., не должны иметь места между учениками новых семинарий как по причине свободного избрания ими богословского образования, так и по причине более зрелого возраста сравнительно с поступающими из духовных училищ. Поэтому пятым основанием для обновления новой семинарии должно положить — полное введение в новой семинарии всего строя и образа жизни учащихся в духе и по уставу Церкви, с соблюдением всех правил о постах, богослужении, развлечениях и увеселениях, без опасения недовольства со стороны воспитанников и упреков со стороны посторонних лиц.

6) Есть еще выдающийся недостаток современных семинаристов, заключающийся в неустойчивости характера и убеждений и в неопределенности

направления. От этого недостатка естественно происходит неспособность к самостоятельной, настойчивой руководственной деятельности в приходе, с одной стороны, с другой — слабость противодействия и борьбы с людьми и внешними влияниями, не благорасположенными к Церкви и к ее интересам. Происходит этот недостаток характера и направления от раздвоенности души учащихся между симпатичными науками общего образования и несимпатичными науками богословского образования, между свободными профессиями и вынужденной профессией церковного пастыря, между школьным режимом светских школ и режимом духовных школ. Такое раздвоение душевных сил порождает раздражение, недовольство, злость и уничтожает всякую возможность умственного и душевного сосредоточения на одном предмете, без чего невозможно равновесие души.

Недостаток характера и направления учащихся не может иметь места в новой семинарии по свободному выбору семинарского образования, по определенности преследуемой семинарским образованием и воспитанием цели и по возможному сосредоточению душевных сил учащихся на предметах богословского образования.

Так как все выгоды и преимущества новой семинарии сравнительно со старой основываются на раздельности богословского образования от общего, то и основное начало устроений новых семинарий — это полное отделение их от общеобразовательных школ, которое и должно быть принято во всей силе и неизменности.

III. Проект семинарского курса для богословского образования

Продолжительность семинарского курса определяется, с одной стороны, количеством учебного богословского материала, с другой — общей продолжительностью всего школьного образования в школах низшей, средней и высшей. Желательно, чтобы общая продолжительность образования в будущих школах не превышала продолжительности образования в существующих школах. Количество учебного богословского материала, измеряемое существующими учебными программами по богословским предметам, может быть пройдено в три года в проектируемых семинариях, причем, в случае нужды или введения дополнительных предметов (греческого языка, медицины, гигиены, живописи), в некоторые дни могут быть назначены пятые уроки, которые для юношей не могут считаться изнурительными. Таким образом, семинарский курс не может быть менее трех лет, но не должен продолжаться и более трех лет, чтобы общая продолжительность среднего образования не превышала существующую продолжительность в 10 лет (7 лет в гимназии и 3 года в семинарии).

Программы учебных богословских предметов для семинарии должны быть соображены с программами духовных академий, а потому могут быть составлены и распределены по классам Учебным Комитетом.

IV. Церковно-практические курсы для приготовления церковнослужителей

После устроения семинарий на новых началах для приготовления кандидатов-священников не меньшую заботу должно составлять устройство школы богословского характера для приготовления диаконов и псаломщиков. Насколько такая школа необходима, настолько же, нужно полагать, Духовное Ведомство будет лишено денежных средств для заведения и содержания этих школ. Ввиду этого, для Духовного Ведомства остается одна возможность — набирать нужных кандидатов из окончивших курс общенародных школ с 4-х или 6-летним курсом учения, теперь из церковных двухклассных и второклассных школ, а впоследствии из подобных низших школ, какие будут устроены Правительством. Такой порядок собирания кандидатов на должности диаконов и псаломщиков можно считать выгодным для Духовного Ведомства во всех отношениях, потому что эти кандидаты по своему образованию будут много образованнее в общих светских науках сравнительно с окончившими курс в духовных училищах, с одной стороны, с другой — они своим общим образованием ничего не будут стоить Духовному Ведомству. После этого на Духовном Ведомстве останется одна забота: как этих кандидатов сделать приготовленными и приспособленными к профессии их на должностях диакона и псаломщика.

Во избежание больших расходов, для подготовления наибольшего числа кандидатов специальную подготовку этих кандидатов на церковнослужительские должности можно устроить не через постоянные и неподвижные, дорого стоящие школы, а через постоянные, в разных местах епархии устраиваемые, вечерние *церковно-практические курсы*, на которых слушатели изучают богослужение, церковное пение, письмоводство, учение веры и правила жизни по Библии и церковную историю. Такие несложные по предметам курсы могли бы вести приходские священники с академическим или семинарским образованием в числе не более трех человек. Такие курсы могли бы быть устрояемы в разных местах епархии: при монастырях, при второклассных школах, в уездных городах, в приходах двухштатных или трехштатных и вообще там, где слушатели курсов по близости к своим семьям не могли бы встретить затруднений в своем содержании на время обучения на курсах. Порядок обучения на курсах вызывается необходимостью следующий. В утреннее дообеденное время каждый курсист одну неделю в месяц употребляет на практику в богослужении в приходской церкви, другую неделю — на обучение детей в школе, неделю — на практику в церковном письмоводстве и неделю — на практику в церковном пении и регентском искусстве. Теоретическое же изучение предметов производится в послеобеденные вечерние часы, свободные для священников от приходских обязанностей, в одной из школ, которая тоже свободна в эти часы от учеников этой школы. Каждый день число теоретических уроков может быть от двух до трех, по одному часу каждый. Продолжительность курсов предполагается от одного до двух лет, а годичные занятия

на курсах могут продолжаться от сентября до августа. Таким образом, общее и специальное образование кандидатов на церковнослужительские должности продолжается от 6 до 8 лет.

Удобство этих курсов — их подвижность. Они могут открываться там, где собирается наибольшее число лиц, желающих учиться на этих курсах. Курсанты живут по квартирам и содержатся за свой счет. В городах курсанты могут составлять церковных хор и за пение получать средства на свое содержание.

Об улучшениях духовных училищ прилагается при сем «проект преобразования духовных училищ», составленный смотрителем Оренбургского духовного училища г. Макарьевым.

9. Об участии духовенства в общественных учреждениях

Высочайшим манифестом 26 февраля 1903 года было провозглашено твердое и неуклонное желание «усугубить плодотворное участие священнослужителей в духовной и общественной жизни их паствы». Способ этого участия сказан был такой: «Поставить задачей упорядочения местного быта сближение общественного управления с деятельностью приходских попечительств при православных церквах, там, где это представится возможным». В этих словах манифеста начертана целая программа преобразования местного общественного управления на началах истинно православных и русских.

Между тем последние два десятилетия господствовала тенденция к устранению духовенства от участия в общественной жизни и ограничению его деятельности сферой чисто духовных интересов. Под влиянием этой тенденции духовенству был закрыт путь к земскому самоуправлению, в котором по первоначальному положению оно пользовалось известными правами, воспрещено также вмешиваться в дела волостных и сельских сходов. Даже в городских думах духовенство не имеет теперь обязательного участия, и депутат от Духовного Ведомства бывает в собраниях думы там, где «епархиальное начальство признает полезным его назначить» (ст. 57 город. полож. 11 июня 1892 г.). Такое отдаление духовенства от участия в общественной жизни справедливо не может считаться нормальным.

В настоящее время, под влиянием общего оживления по поводу ожидаемых церковных реформ, возбужден вопрос о привлечении священнослужителей к участию в делах государственной и общественно-гражданской жизни. Высокопреосвященным митрополитом Антонием внесены были в Комитет Министров положения о желательных преобразованиях в управлении православной Церковью. В этих положениях высказаны желания о предоставлении Церкви и духовенству большей самостоятельности и инициативы, о распространении на православных священнослужителей права быть непременными членами общественно-государственных учреждений, имеющих место в их приходах в случае восстановления прихода, как земской единицы, участвовать в мирском сходе и быть представителями общины перед властями при

желании последней. Признается также желательным предоставить высшим представителям церковной иерархии участие с правом голоса в заседаниях Государственного Совета, Комитета Министров и подобных высших государственно-законодательных учреждений.

Подобные мысли и желания вполне естественны и основываются как на историческом прошлом нашего духовенства, так и на существующих условиях действительной жизни и взаимоотношений. Пастыри наши суть граждане государства. Если каждому гражданину Русской земли гражданство дает известные права участия в гражданской государственной жизни, то же самое гражданство непременно должно давать те или другие права на участие в этой жизни и гражданам духовным. И здравый разум и история вполне подтверждают законность и уместность этих желаний духовенства.

«Первые русские князья, отводя широкое поле для действия духовного суда по делам и отношениям гражданским, открывали тем свободный простор влиянию представителей Церкви на жизнь семейную, общественную и государственную, словом — на все стороны гражданского быта» [1]. Предстоятели русской Церкви, епископы, были первыми и главными сподвижниками русских князей в собирании Русской земли и насаждении в ней идей и начал самодержавия. Так, в период удельной разрозненности и во время монгольского ига власть всероссийского митрополита, опиравшаяся на власть епархиальных епископов, была единственным оплотом, противостоявшим ужасам междоусобицы и бедствиям татарского погрома. И эта власть взлелеяла Русское государство и его властителя до подобающего роста и могущества. Под сенью Христовой представители Церкви воспитали Русское государство до роста Московского царства [2].

Оттого-то епископы Церкви, с митрополитом и потом патриархом во главе, были главными и любимыми советниками, думными людьми князей и царей русских. Князь и царь считал своего епископа своим отцом и богомольцем, во всем с ним советовался, все дела обдумывал и вел с его благословения, все грамоты и указы скреплялись подписью и печатью епископа или митрополита, а потом патриарха. Вот почему в грамотах и указах того времени мы читаем, что они составлены или изданы «по благословению», «по совету» с митрополитом или патриархом: «Мы Великий Государь, советовав (или сгадав) со святейшим отцом нашим и богомольцем... указали».

В далекое старое доброе время духовенство, принимая живое участие в делах общественных и государственных, присутствовало и в боярской Думе, и на земских соборах. Под влиянием тесной связи мирских правителей с церковными сложился еще от времен св. Владимира обычай приглашать в Думу «властей», как называли в древности высших представителей Церкви. И епископы считались действительными членами совещательной царской Думы по своему сану и присутствовали в ней иногда даже целым «освященным собо-

---

[1] Миссионерское обозрение. 1905. № 5. С. 740.

[2] *Барсов Т., профессор.* Проекты улучшения в нашем церковном управлении.

ром». Когда присутствовал в Думе один высший иерарх, — бумаги, бывшие результатом такого собрания, имели обыкновенно такое надписание: «Великий Государь, советовав с святейшим патриархом и говоря с бояры, указал»... Когда же собирался целый «освященный собор» представителей Церкви в царскую Думу, то такое присутствие называлось «Собором», и акты его надписывались так: «Мы, Великий Государь, советовав с отцом своим богомольцем (таким-то) и со всем освященным собором и со всеми бояры и думными людьми, приговорили»)... [1]

Предложение комиссии бояр и выборных служилых людей об отмене, например, местничества в 1682 году обсуждалось Государем с Думой и «освященным собором», который состоял из патриарха, шести митрополитов, трех архиепископов и трех архимандритов. В иной раз «освященный собор» в Думе состоял из митрополита, одиннадцати епископов, 39 архимандритов и игуменов и 9 старцев из важнейших монастырей [2]. В царствование Государя Феодора Алексеевича Дума боярская решила разделить Русское государство на областные наместничества с наследственным вечным наместничеством из великородных бояр, которые бы носили и титла тех царств — Казанского, Астраханского, Сибирского и других, где кто будет... «И на сие дело Государь соизволил, и тому всему, где кому быть, тетрадь, за пометкой думного дьяка, к святейшему патриарху приказал, чтобы он на то дело дал благословение и в исполнении его помогал. Иоаким патриарх и еще многую трудность имел от желающих этого палатских подустителей, и никак не допустил и возбранил всеконечно это делать для того, чтобы учиненные наместники великородные люди, по прошествии нескольких лет, обогатясь и пренебрегши московских царей Самодержавных, не отступили и единовластия не разорили». Ни просьбы, ни угрозы бояр «из подустителей палатских», не могли склонить патриарха на согласие с вредным для отечества проектом и, благодаря энергичному противодействию только одного этого думского епископа, разрушительный проект не был осуществлен, и тем православное епископство еще раз спасло Россию и ее единодержавие [3]...

На думских совещаниях дозволялось высказываться свободно по убеждению. Мнением представителей Церкви особенно дорожили цари русские, что духовные члены Думы царской всегда были охранителями народных интересов и монархических начал, содействуя и мирному устроению государственного порядка. Епископы, как представители идеалов высших, стремились отвратить внешние столкновения государства, сохраняя при этом достоинство отечества, и старались умиротворить всякие внутренние волнения, силой своего всестороннего влияния поддерживая существующий гражданский порядок [4]...

И много веков жизнь русских людей текла под главным воздействием великих неизменных начал православия, проводимых в жизнь представителями

---

[1] Богословский Вестник. 1905, май. С. 162.

[2] *Ключевский В., профессор.* Боярская Дума древней Руси.

[3] Там же. С. 482.

[4] Богословский Вестник. 1905. май. С. 163.

Церкви. Эти начала соответствовали природным свойствам русского народного духа и сделались главной основой всего миросозерцания частной и общественной жизни допетровской Руси, когда вера одушевляла все стороны гражданского быта, все отрасли государственного строя [1]...

Восемь веков благотворно существовавшее на Руси постоянное совещательное учреждение для обсуждения князьями и царями всех дел княжества и царства — Думу боярскую, с присутствием в ней епископов Церкви, — уничтожил стихийным характером своих преобразований Петр Великий. Случайные государственные совещательные органы XVIII века, под различными наименованиями: «Тайных Советов», «Канцелярий», «Конференций», «Экспедиций», «Кабинетов при Высочайшем Дворе», уже больше не знают епископов Церкви как своих непременных членов. А между тем присутствие здесь было бы более чем нелишне в то время.

В настоящее время для призыва опытнейших русских епископов в члены совещательного Государственного Совета и в Государственную Думу нет ничего препятствующего. Побуждений же к призыву в такие современные учреждения русских епископов, как лучших думных мужей отечества, кроме всяких соображений исторических, весьма много и в окружающей нас действительности. Кто из мирских государственных деятелей может, например, знать жизнь народа лучше и вернее, чем представители Церкви — епископы? Многие из них ранее архипастырства были приходскими пастырями, жили непосредственно в народе, одной общей жизнью с народом. Им известны условия жизни не по бумажным отпискам, им известны условия жизни не одного какого-либо сословия или положения людей, а известно положение всех людей, от низших до высших [2]. Через них и голос Церкви будет более слышен в государственном управлении (которое принципиально призывает на себя благословение Церкви), и государственные сановники могут лучше знать взгляд Церкви на тот или другой предмет, да и сами представители Церкви могут тогда непосредственно разъяснять государственным сановникам церковные дела и ходатайствовать о нуждах и потребностях Церкви [3].

Так же точно желательно, чтобы духовенство было выбираемо в земские собрания, в городские думы и участвовало в сельских сходах. Еще не так давно приходское духовенство земских губерний участвовало в земских собраниях и в лице своих представителей могло оказывать такое или иное влияние на решение земских вопросов, касающихся церковно-приходской жизни и вообще жизни сельского населения своих приходов. В последнее время выборное начало заменено здесь другим началом — по назначению духовного начальства. Теперь везде во всех общественных учреждениях, где только полагается представитель от духовенства, такие представители назначаются, если это найдено будет полезным, высшим духовным начальством. Разумеется, и это

---

[1] Миссионерское обозрение. 1905. № 5. С. 741—742.

[2] Там же. С. 752.

[3] Ст. 5 полож. митр. Антония.

хорошо. Но прежние порядки предоставляли духовенству больше прав и более возможности оказывать деятельное влияние на жизнь общества. Само это общество, имевшее дело непосредственно с духовенством, ближе знакомилось с ним, с его нуждами и желаниями, более ощутительно нуждалось в нем и потому с бóльшим вниманием прислушивалось к голосу выборных представителей духовенства, между тем как теперь официальные представители Духовного Ведомства большей частью и в большинстве общественных учреждений ограничиваются молчаливым присутствием при обсуждении самых животрепещущих вопросов, имеющих ближайшее отношение к церковно-приходской и общественно-церковной жизни. Если же иногда такие представители и поднимают голос в защиту интересов церковно-приходской жизни, то на них в большинстве случаев обращают мало внимания. Вот почему теперь сплошь и рядом наблюдается такое явление, что в возбуждении, обсуждении и решении вопросов, имеющих прямое и непосредственное отношение к церковно-общественной жизни и к религиозно-нравственному состоянию нашего общества, духовенство приходское не принимает почти никакого деятельного участия. А вопросы эти весьма важны и обширны. Например, по ст. 4 городового положения 11 июня 1892 г., «городскому общественному управлению предоставляется иметь попечение об устройстве православных храмов и поддержании их в исправности и благолепии, а равно попечение об учреждениях, имеющих целью укрепление религиозного чувства и поднятие нравственности городского населения». Как важно было бы слышать голос духовенства в решении подобных вопросов жизни! А вопросы народного образования, общественной благотворительности — разве могут быть обсуждаемы и проводимы в жизнь без непосредственного участия духовенства?

Наконец, более чем желательно участие духовенства в крестьянских сходах. Сельскому священнику даже трудно исполнять свое пастырское служение без права голоса и участия на сходах. Эти сходы являются средоточием всех жизненных интересов крестьянина и решают часто сложные задачи, с которыми близко соприкасается и деятельность духовенства. Например, вопросы школьного обучения, самообразования, призрения и попечения о сиротах деревни лежат и на пастырской ответственности и требуют помощи от духовенства. Между тем все лучшие планы иногда разбиваются о внешние давления деревенских воротил, и горе тому священнику, который, задумав школу, библиотечку или богадельню, предварительно не запросит старшину или писаря! Участие духовенства на сходах, с одной стороны, сглаживало бы резкость и грубость произвола, с другой стороны — постоянно бы напоминало народу о словах, проповедуемых с церковной кафедры и было бы, так сказать, реальным воздействием пастырей на свою паству. Темная крестьянская масса требует культурного воздействия. Духовенству первому принадлежит право такого воздействия как по его опытности и близости к духовным и материальным нуждам крестьянской жизни, так и по доверию и авторитету, каким оно пользуется среди крестьян.

Проект преобразования духовных училищ

(Заключительные тезисы подробно мотивированного проекта, составленного смотрителем Оренбургского духовного училища Ф. Макарьевым)

1. Современное духовное училище, сохраняя свое настоящее имя, с коим связано немало и добрых воспоминаний в истории духовного просвещения, преобразуется во *всесословную, общеобразовательную и вместе конфессионально-церковную 6-классную* школу, как бы в духовную прогимназию.

Освобождение духовной школы от ее настоящего узкосословного характера, когда прием иносословных детей ограничен лишь 10% общего количества вновь поступающих, да и то при наличности свободных вакансий после приема детей местного духовенства, нельзя не признать, по существу, весьма желательным, во-первых, потому, что совместное обучение и воспитание в духовных школах детей духовенства с детьми других сословий, без сомнения, теснее сблизило бы духовенство с сими последними и постепенно сгладило бы настоящее тягостное для него самого и вредное для пастырского дела отчуждение его, как сословия «не от мира сего», хотя и призванного к служению миру сему; во-вторых — потому, что, раз духовные училища, при их до некоторой степени конфессиональном характере, будут вместе с тем и строго общеобразовательными, сближенными по курсу наук со светскими средними школами, то в таковые духовные школы, как можно думать, охотно будут поступать и дети из хороших, благовоспитанных, благочестиво настроенных и преданных Церкви иносословных семейств, следовательно — такие дети, которые могут только усилить численно и улучшить качественно все более и более редеющий ныне контингент будущих служителей Церкви; в-третьих — потому, что только при условии общедоступности духовных училищ для всех сословий, думается нам, и может сохранить за собой духовенство столь широко практикуемое им ныне пользование церковными доходами для содержания училищ, без опасения, что оные денежные ресурсы будут отобраны у него и употреблены на иные народно-просветительные или благотворительные цели. Считаем, однако, нужным оговориться, что, высказываясь за открытие духовных училищ для всех сословий, мы заранее обусловливаем эту уступку духовенства, если и ему, в виде справедливой и необходимой компенсации, обеспечена будет возможность (например, путем назначения духовенству приличного его положению жалованья или — учреждения достаточного числа особых стипендий) воспитывать своих детей в светских среднеучебных заведениях на таких же приблизительно льготных началах, как и ныне, когда сироты содержатся даром, а не сироты имеют возможность платить за *полное* содержание в училищных общежитиях лишь от 70 до 100—115 р. в год. В противном же случае, вынуждаемое по-прежнему воспитывать своих детей только в духовных школах, оно будет и из последних вытесняться под напором широкого прилива иносословных детей, — что̀ было бы вопиющей несправедливостью и нарушением исторически сложившихся прерогатив ду-

ховенства в отношении к созданным его трудами и усилиями духовным школам.

Сочетание в учебном курсе училищ элементов общеобразовательного и конфессионально-церковного даст возможность питомцам училища, с достаточно уже определившимися ко времени окончания курса личными наклонностями и тяготениями, более или менее сознательно и свободно избрать себе тот или иной вид дальнейшего образования, тот или другой путь жизни, а именно: или поступить в духовную, также реформированную, уже специально-богословскую семинарию (с 3 или 4-годичным курсом), если окончивший училище воспитанник тяготеет к пастырскому служению Церкви, или перейти в соответствующий VII класс светской среднеобразовательной школы, если в его юной, но уже мыслящей душе предносятся иные, также законные и благородные идеалы жизни, или же, при нежелании или невозможности продолжать образование в той или другой школе, — посвятить себя служению Церкви в низших должностях клира (псаломщика или диакона).

Установление же именно шести классов в преобразуемом училище мотивируется, во-первых, тем, что, по ныне действующему распределению учебных предметов в мужских гимназиях по классам, к VII классу заканчиваются курсы основных, наиболее важных для общеобразовательных целей предметов, каковы: священная история, катехизис, богослужение, церковная история, русский язык, арифметика, алгебра, геометрия, география, природоведение и рисование; во-вторых — тем, что к этому времени, к возрасту в 16—18 лет, и под влиянием вышеотмеченных, только что законченных наук, у воспитанников могут естественно сложиться уже более или менее определенные стремления в ту или другую сторону по разным распутиям науки и жизни; в-третьих, тем соображением, чтобы отделением двух младших классов семинарии к училищу, с одной стороны, уравновесить численный состав питомцев той и другой духовной школы и таким образом значительно ослабить одно из серьезных зол современных семинарий — чрезмерное переполнение многих из них (до 700 чел.!), с другой — целесообразнее в воспитательном отношении распределить воспитанников между оными школами даже и по самому возрасту, с сосредоточением в училищах детей или еще только переходящих от детского к юношескому возрасту (от 10 до 16—18 лет), требующих и соответствующего, более или менее педантично-регулярного режима, в семинариях же — юношей (от 16 до 20—24 лет), в значительной степени уже самодовлеющих и потому нуждающихся в несколько ином режиме.

2. Для осуществления *общеобразовательной* задачи учебный курс преобразуемого училища как по составу учебных предметов, так и по их программам, сближается почти до полного тождества с курсом первых шести классов нормальной среднеобразовательной светской школы (см. далее таблицу), лишь с теми незначительными изменениями, кои вызываются необходимостью, с одной стороны, сообщить училищному курсу более или менее законченный общеобразовательный характер (для чего преподается в VI кл. *словесность*, изучаемая в гимназии в VII и VIII кл., а в V и VI кл. — *физика*, прохо-

димая в гимназии в VI и VII кл.), с другой — согласовать общеобразовательную задачу с задачей конфессионально-церковной. Для достижения же сей последней задачи, во-первых, в состав училищного учебного курса вводятся (или, точнее, сохраняются) такие необходимые церковные церковно-практические предметы, как церковно-славянский язык, церковный устав и церковное пение, кои в светской среднеобразовательной школе или вовсе не изучаются, или изучаются лишь теоретически и вообще в весьма недостаточной степени; во-вторых, во внутреннем укладе школьной жизни воспитанников поддерживается сравнительно более строгий религиозно-нравственный режим и всячески прививается живая и нелицемерная любовь к православно-русской церковности.

Греческий язык, изучаемый ныне в гимназии лишь факультативно, как предмет необязательный, без всякого ущерба для образовательных целей училища может быть вовсе *исключен* из состава училищных наук и перенесен в преобразуемую духовную семинарию, как специально-богословскую школу, для которой, как и для духовной академии, он имеет безусловно важное вспомогательно научное значение при изучении специально-богословских наук.

Само собой разумеется, что состав общеобразовательных предметов училищного курса, согласованный с современным составом учебных предметов гимназического курса, в случае могущих последовать каких-либо изменений в последнем, должен быть также подвергаем соответственным изменениям.

3. Постановке преподавания всех вообще учебных предметов и в частности Законов Божия должен быть придан более *жизненный* и *идейный* характер. Так, в курсе *священной истории Ветхого Завета* должен всецело господствовать элемент *мессианский*: пророчества, прообразы, а из событий лишь такие, кои имели провиденциально-мессианское значение в исторической жизни еврейского народа, и тщательно должно быть устранено все то, что̀ не имело сколько-нибудь близкого отношения к мессианской идее Ветхого Завета. — В дополнение к *катехизису* и параллельно с изучением его желательно было бы знакомить учащихся с выдающимися, наиболее характерными поучительными *примерами живой веры и благочестия* из жизни святых Церкви Христовой, в виде особо подобранного сборника таковых примеров. Для более сознательного и практически целесообразного учения *церковного устава*, сей последний следовало бы *пересмотреть* в целях приведения его в более стройную систему и согласования с действительными потребностями мирского (а не монастырского) уклада жизни.

4. В помощь школьной инспекции было бы весьма желательно создать в преобразуемом училище институт *классных наставников*, на коих могло бы быть возложено ближайшее и непосредственное нравственно-воспитательное воздействие на учащихся, — что̀ в значительной степени подняло бы и упрочило бы нравственный авторитет преподавателей и вместе с тем, без сомнения, содействовало бы более успешной постановке всего учебно-воспитательного дела, хотя бы уже потому, что тогда все педагоги школы естественно

объединились бы в чувстве солидарности, заинтересованности и одинаковой ответственности за положение дел в школе.

5. Для обеспечения преобразуемых духовных школ действительно *призванными и специально подготовленными педагогами*, правоспособными надлежаще поставить новую школу на столь желанный новый путь, следовало бы при существующих духовных академиях учредить особые *специально-педагогические отделения*, где студенты, предназначающие себя к педагогическому делу, получали бы широкую и основательную, не теоретическую только, но и практическую подготовку к оному делу.

6. *Начальственные должности* в преобразуемых духовных школах замещаются лицами, не только удовлетворяющими своему назначению по образовательному цензу и *педагогической опытности*, но вместе с тем и *желательными* для тех, кто непосредственно заинтересован в благосостоянии данной школы, т. е. лицами, *выбираемыми*, по возможности, из местных кандидатов в соединенном собрании местных духовно-педагогических корпораций и представителей духовенства, с местным же преосвященным архипастырем во главе.

7. Наконец, в целях привлечения возможно лучших сил к педагогическому делу, представляется необходимым *возвысить* всеми возможными способами *служебное положение педагогов* духовной школы и особенно *улучшить их материальное содержание* настолько, чтобы они могли всецело, «с радостью, а не воздыхающе», отдаться своему излюбленному, многотрудному и благоплодному делу.

Расписание учебных предметов в преобразуемом духовном училище (по сравнению с мужской гимназией)

№	Название предметов	Количество уроков													
		I кл.		II кл		III кл.		IV кл		V кл.		VI кл.		Всего	
		Гим.	Учил	Гим	Учил	Гим	Учил	Гим	Учил	Гим	Учил	Гим.	Учил	Гим.	Учил.
1	Священная история	2	2	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	4	4
2	Катехизис	—	—	—	—	—	3	2	3	1	—	—	—	3	6
3	Богослужение прав. Церкви	—	—	—	—	2	—	—	—	—	1	—	2	2	3
4	Церковная история	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	2	3	3
5	Гражданская история	2	2	2	2	2	2	3	3	4	3	3	2	16	14
6	Русский язык	5	4	5	4	4	3	4	3	3	3	5	3	26	20
7	Церковно-славянский язык	—	1	—	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	4
8	Словесность	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	3

Продолжение таблицы

№	Название предметов	Количество уроков													
		I кл.		II кл		III кл		IV кл		V кл		VI кл		Всего	
		Гим	Учил	Гим	Учил	Гим	Учил	Гим	Учил.	Гим	Учил.	Гим	Учил.	Гим.	Учил.
9	Латинский язык	—	—	—	—	5	3	5	4	5	4	5	4	20	15
10	Немецкий язык	5	4	3	3	3	3	3	3	3	3	3	2	20	18
11	Французский язык	—	—	6	4	3	3	4	3	4	3	3	2	20	16
12	Арифметика	4	4	4	4	2	2	—	—	—	—	—	—	10	10
13	Алгебра	—	—	—	—	2	2	2	2	2	2	2	2	8	8
14	Геометрия	—	—	—	—	—	—	2	2	3	3	2	2	7	7
15	Физика	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	3	2	3	4
16	Природоведение	2	2	2	2	2	2	—	—	—	—	—	—	6	6
17	География	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	—	—	10	10
18	Рисование	2	2	2	2	1	1	—	—	—	—	—	—	5	5
19	Чистописание	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
20	Церковное пение	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	2	—	7
	Итого	**26**	**26**	**28**	**27**	**28**	**28**	**27**	**27**	**28**	**28**	**28**	**28**	**166**	**165**

№ 34,
преосвященного Гурия, архиепископа Новгородского,
от 13 декабря 1905 года

Во исполнение указа Святейшего Синода от 27 июля сего года, за № 8, коим предписано епархиальным архиереям войти в обсуждение вопросов, изложенных ниже, при участии лиц, заслуживающих доверия и способных оказать в этом деле содействие, а именно: а) о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов, б) о преобразовании церковного управления и суда, в) о приходе, г) об усовершении духовных школ, д) о порядке приобретения церковной собственности, е) об епархиальных съездах, ж) об участии священнослужителей в общественных учреждениях и з) о предметах веры ввиду дарованной старообрядцам и другим сектам веротерпимости, и свои соображения по этим вопросам представить к декабрю сего 1905 года, мною была образована комиссия из духовных лиц и светских (наставников семинарии) под председательством преосвященного Феодосия, епископа Кирилловского.

Ныне преосвященный Феодосий представил мне журналы заседаний комиссии по всем вышеизложенным вопросам и, сверх сего, журнал по вопросу о Поместном Соборе и высшем церковном управлении в России, каковой вопрос, хотя и не поименован в указе Святейшего Синода, но комиссия признала необходимым обсудить <этот вопрос> как основной для решения всех означенных вопросов, предложенных ей на обсуждение.

Рассмотрев означенные журналы, я нашел, что соображения комиссии, в них изложенные, о необходимости реформ в церковном управлении могут быть пригодны, как материал для суждения на Поместном Соборе об изменениях и улучшениях в формах и органах церковного управления в России, а потому считаю долгом представить оные на усмотрение Святейшего Синода. Но так как я лично не участвовал в заседаниях комиссии, образованной мною в Новгороде, за отсутствием моим из Новгорода, то я считаю нужным со своей стороны сделать некоторые примечания к тем соображениям комиссии по некоторым вопросам, ею обсужденным, которые не вполне совпадают с моим взглядом. Так:

1. В журнале от 16 и 23 сентября комиссия, рассуждая о составе Святейшего Синода, предполагает, что он должен состоять из 12-ти архиереев, из представителей черного и белого духовенства и из представителей от мирян. По моему мнению, для ежегодного присутствования в Святейшем Синоде достаточно вызывать от шести до восьми архиереев, в том числе следует считать и трех митрополитов; иначе слишком большое число епархий будет лишено непосредственного управления епархиальных архиереев. Число пред-

ставителей от белого духовенства не должно превышать двух; а в представителях от черного духовенства совсем нет никакой нужды, так как монашеская жизнь и порядки в ней хорошо известны архиереям. Что же касается до представительства от мирян в Святейшем Синоде, то этих представителей нет нужды вызывать из епархий: их назначает в Синод Государь Император по личному усмотрению, как ныне он имеет своих представителей в Синоде в лице обер-прокурора Святейшего Синода и его Товарища.

2. В журнале от 23 сентября комиссия излагает свои мысли по вопросу об епархиальном суде. Хотя я и согласен с мнением комиссии о том, что судебная часть в епархиальном управлении поставлена неудовлетворительно, и желательно отделить ее от консистории и передать в особое, независимое от консистории, судебное учреждение с особыми членами суда и с особыми духовными следователями при суде — с обязательством выезда первых в разные места епархии для производства суда, но для меня совершенно представляется неясным вопрос о том, как можно осуществить этот проект епархиального суда без ассигнования из казны значительной суммы на содержание членов суда, духовных следователей и их канцелярию, а также и на проезды для судебных сессий в разных местах епархии. Из приходских священников большей части наших губернских городов нет возможности найти более или менее свободных, которые могли бы без особого затруднения принять на себя отправление обязанностей членов духовного суда и следователей, ибо все они, кроме исполнения непосредственных своих обязанностей по пастырскому служению, имеют у себя разнообразные внешние занятия; так, большая часть из них состоят законоучителями или в городских школах или церковно-приходских при церквах, многие из них состоят выборными или назначенными от начальства членами разных учреждений: консисторий, семинарий и духовных училищ — мужских и женских, попечительств о бедных духовного звания, епархиальных училищных советов и их отделений, правлений свечных заводов и эмеритальных касс и т. п., так что некоторые священники исполняют обязанности по двум и трем должностям. Очевидно, при недостатке священников в губернских городах, особенно с высшим образованием, и при их многообразных занятиях не представляется возможности выбора из них в члены проектируемого комиссией духовно-судебного учреждения, а назначать таковыми членами свободных духовных лиц с особым жалованьем епархиальное духовенство на свои средства не может, будучи обременено взносами на разные нужды епархии, особенно — на воспитание своих детей и на призрение сирот и бедных духовного звания. По моему мнению, нет нужды выделять судебную часть из ведения консистории. Достаточно, для более правильного и беспристрастного разбора в ней судебных дел, назначать в состав членов консистории двух или трех членов, выбранных епархиальным съездом депутатов духовенства на определенное число лет (например на шесть) и утвержденных в этом звании епархиальным архиереем. Эти члены от духовенства обязательно присутствуют при решении судебных дел в консистории, а по прочим административным делам могут присутствовать только в особо

важных случаях по предложению архиерея или приглашению консистории для совокупного обсуждения предлежащего дела; хотя они могут присутствовать в консистории и во всякое другое время в качестве членов, но это присутствие для них не обязательно. Для наблюдения же за правильным производством следствия над духовными лицами и для предварительного разбора произведенного депутатом следствия желательно иметь особое духовное лицо, совершенно свободное от посторонних занятий, с приличным вознаграждением, которое исключительно было бы занято этим делом и давало ему правильное течение.

3. В том же журнале комиссия рассматривает вопрос об учреждении при епископе особого органа, который бы объединял и направлял к одной цели все действия разнообразных учреждений, существующих в епархии. Я совершенно согласен с мнением комиссии о том, что нет нужды учреждать при епископе такой орган, ибо этот орган, составленный из лиц мало компетентных в делах специальных епархиальных учреждений, может только замедлять ход дел, а иногда давать им и ложное направление, не соответствующее целям специальных учреждений. В епархиях все духовные учреждения — коллегиальные, состоят из членов, специально знакомых с делами, к их ведению относящимися, а потому для санкции постановлений их по тем или другим делам требуется только утверждение епархиального архиерея, а не обсуждение и пересмотр их в особом епархиальном учреждении; с другой стороны, этот новый орган мало облегчит труд епархиального архиерея, а напротив, еще увеличит его, особенно если формально поведет свое дело. В случаях же сомнительных, когда епархиальному архиерею потребуется справка из другого епархиального учреждения, он всегда имеет возможность пригласить к себе тех или других лиц, которые могут доставить ему нужные справки и своим знанием дела помочь ему в окончательном решении того или другого постановления разных епархиальных учреждений. Но, вместе с сим, я не согласен с мнением комиссии о том, что объединяющим органом, контролирующим все епархиальные учреждения, для епископа должен быть епархиальный съезд депутатов духовенства. Этот съезд, конечно, имеет право контролировать действия тех учреждений, которые основаны самим духовенством или содержатся на его средства, например свечного завода, эмеритальной кассы и отчасти духовно-учебных заведений мужских и женских по их экономической части, поскольку эти заведения содержатся на его средства; но контроль епархиального съезда не должен простираться на действия тех епархиальных учреждений, которые, как учреждения правительственные, руководствуются в своей деятельности определенными законами и отдают отчет в ней высшей власти. Конечно, желательно расширение сферы деятельности епархиальных съездов духовенства, и им следует предоставить обсуждение вопросов не только экономических, но и других по их пастырской деятельности, вызываемых обстоятельствами времени; но это обсуждение вопросов по пастырской деятельности и по разным нуждам епархиальной жизни должно иметь совещательный характер и быть представляемо на окончательное решение епар-

хиального архиерея, от которого и будет зависеть дать тот или другой ход обсужденным на епархиальных съездах вопросам.

4. В заседании от 5 октября комиссия обсуждала вопрос о церковном приходе и о праве его избирать себе членов причта и иметь более близкое участие в церковном хозяйстве. Комиссия остановилась на мысли, что следует утвердить право за прихожанами избирать себе членов причта, хотя не скрывает от себя и тех злоупотреблений, которые могут быть при выборном начале. Я со своей стороны, не возражая в принципе против выборного начала, однако ж нахожу, что повсеместное применение его в приходах, при обширности епархий и при настоящем состоянии приходов, окажется крайне неудобным и не полезным для приходов; ибо, с одной стороны, выбор священнослужителей в приходах неизбежно повлечет за собой излишнюю переписку между епархиальным начальством и прихожанами и будет таким образом задерживать своевременное назначение и посвящение лиц на свободные священнослужительские места, особенно — для приходов, отдаленных от центра епархиальной жизни; а с другой — такой выбор священнослужителей по приходам, за недостатком лиц правоспособных к занятию священнослужительских мест, может падать на лиц, мало годных к служению в Церкви Божией, а иногда будет производиться под давлением внешних влияний или даже сопровождаться злоупотреблениями как со стороны избирателей, так и со стороны избираемых лиц. Конечно, нельзя отнимать у прихожан права заявлять епархиальному архиерею об имеющихся у них кандидатах на замещение открывшихся священнослужительских мест в их приходах, и эти заявления должны быть принимаемы епархиальным архиереем во внимание и уважаемы, если представляемые кандидаты правоспособны и к определению их на указанные места не имеется никаких законных препятствий; но нельзя вводить во всеобщее правило по вышеизложенным причинам, чтобы назначение лиц на священнослужительские места производилось по предварительному выбору прихожан. Что касается участия прихожан в распоряжении церковным хозяйством, то они и ныне не лишены этого права в лице выборных ими церковных старост и представителей от прихода; и на будущее время призываются к этому участию в лице членов совета приходских собраний. Но надобно иметь в виду, что приход в лице своих уполномоченных может оказаться очень требовательным по отношению к церковной кассе и направлять ее на удовлетворение ближайших своих нужд прихода, совершенно упуская из виду общецерковные нужды. Пока содержание духовно-учебных заведений не будет принято всецело на средства казны, необходимо оградить от притязаний прихожан ту часть церковного дохода, которая Правительством и епархиальным управлением отчисляется на содержание означенных учебных заведений; ибо священнослужители со своими семействами, кроме добровольных приношений от прихожан, должны питаться и от алтаря Господня, которому служат.

Журналы комиссии по проекту церковных реформ

Заседание 16 и 23 сентября 1905 года

Предварительно обсуждения вопросов, подлежащих рассмотрению и разрешению Всероссийского Собора, согласно определению Св. Синода от 18—23 марта сего года, комиссией выражено было желание представить свои соображения о самом Соборе, о его составе и порядке созвания, затем — о формах высшего церковного управления.

Необходимость рассмотрения этих вопросов, по мнению комиссии, вызывается тем, что все другие предложенные на ее обсуждение вопросы: о разделе России на церковные округа под управлением митрополитов, о преобразовании епархиального управления и суда, о восстановлении прихода и прочие, — находятся в теснейшей связи с устройством высшего церковного управления: а) без определения форм управления *целой* Церкви, нельзя правильно судить об управлении в части — в епархии; б) канонические нормы, положенные в основании высшего церковного управления, должны проникать весь строй церковной жизни, от высшего церковного учреждения до низшего.

О составе Собора

Исходя из того бесспорного положения, что церковное управление должно быть соборным, комиссия полагает, что соборность по отношению к устройству высшего церковного управления должна осуществиться в следующих формах.

Во главе русской Церкви стоит Всероссийский Поместный Собор, созываемый периодически по требованию нужд времени для канонического обсуждения предметов веры и важнейших мероприятий в церковной жизни.

На Соборе участвуют все епархиальные епископы (I Всел. Соб. 5-е, IV Всел Соб. 19-е и VI Всел. Соб. 8-е). В случае невозможности кому-либо из них прибыть на Собор к участию на нем допускается местоблюститель (Карф. 27-е) отсутствующего епископа. Каждый из епископов имеет равный голос. Председательство на Соборе принадлежит иерарху царствующего града.

Кроме епископов, на Соборе присутствуют представители от белого и монашествующего духовенства и от мирян. По убеждению комиссии, каноны, церковная практика и особые условия современной жизни требуют непременного участия на Соборе как клира, так и мирян.

Участие на Соборе пресвитеров, опирающееся на исторические примеры (I Всел. Собора, Карфагенского, Эльвирского), вызывается следующими мотивами:

а) пресвитеры, пресвитериум — необходимые вспомогательные органы епископского управления; если в совете епископа необходима их помощь, то столь же необходима она и на Соборе епископов;

б) пресвитерам ближе всех известны нужды приходской жизни; одни епископы, при обширности наших епархий, при частых перемещениях с одной кафедры на другую, не всегда могут обнять все нужды епархии;

в) согласие и единодушие собравшихся будет полнее при соборном общении архипастырей с сопастырями.

Участие на Соборе монашествующего духовенства вызывается особливым значением их как в истории русской Церкви, так и в современной церковной жизни, существованием особых интересов и задач монастырей, которые правильнее могут быть истолкованы при наличии представительства на Соборе от монастырей. На Соборах Русской Церкви, как известно, присутствовали и монашествующие.

Представители белого и монашествующего духовенства, присутствующие на Соборе, должны быть лицами, свободно избранными самим духовенством. Только при этом условии следует признать их присутствие на Соборе полезным, так как они будут выразителями мнения приходского духовенства.

В частнейшее развитие мысли о представительстве на Соборе от белого и монашествующего духовенства, комиссией было высказано:

По вопросу о числе сих представителей: признается достаточным допустить по одному лицу от каждой епархии из среды белого духовенства; число монашествующих представителей определяется известным количеством монастырей.

Выборы представителей на Собор от белого духовенства приурочиваются к благочинническим округам и к съезду епархиального духовенства.

Засим поставлен был вопрос о правах представителей на Соборе от духовенства: участвуют ли они на Соборе с правом решающего голоса или только совещательного? Мнения членов комиссии по сему вопросу разделились: одни указывали на то, что им надлежит предоставить только совещательный голос, другие — совещательный и решающий. Большинство оказалось на стороне первого мнения, причем в качестве мотивов своего мнения большинство указывало на то, что:

а) равноправие на Соборе епископов и пресвитеров противоречит каноническим отношениям между ними («пресвитеры и диаконы без воли епископа ничесоже да не совершают» — 30-е Апост. прав.);

б) совещательный голос пресвитеров вполне достаточен для епископов по своей нравственной обязательности.

Вопрос о праве участия на Всероссийском Соборе представителей от мирян комиссия единодушно разрешила в положительном смысле. Основания к такому решению следующие.

1) Среди многих канонических свидетельств об участии мирян на Соборе (на Соборе апостольском участвовали епископы, старцы и народ — гл. XV Деяний Апостол.; I Всел. Собор и другие), комиссия не могла не припомнить канонического послания восточных патриархов: «У нас, — говорится в послании, — ни патриархи, ни Соборы никогда не могли внести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия есть само тело Церкви, т. е. самый на-

род». Лишать мирян права участия на Соборе, обсуждающем предметы веры и церковной жизни, значило бы встать в противоречие с православным понятием о Церкви.

2) Участие мирян на Соборе обусловливается самой целью созвания Собора — восстановлением церковного строя на канонических соборных началах; восстановлять соборность без единения с мирянами представляется делом невозможным.

3) Необходимо присутствие на Соборе представителей от мирян для придания полного церковного авторитета Поместному Собору, для установления полноты в единстве клира и мирян, для того, чтобы духовные нужды и запросы мирян были выслушаны в живом соборном общении пасомых с пастырями Церкви.

4) Церковная жизнь в России органически связана с общественной жизнью; нельзя поэтому церковно-общественные вопросы разрешать без участия представителей от мирского общества.

5) Не может, наконец, комиссия не обратить внимания и на то, что, когда стало известным решение церковной власти о созвании Поместного Собора, светская и духовная печать почти единодушно указывала на необходимость участия на Соборе представителей от мирян. Здесь можно было встретить имена, известные ученостью, знаниями церковной истории и права и ревностью о благе Церкви.

Представители мирян на Соборе избираются самими мирянами. Порядок их избрания с удобством может быть приурочен к существующей церковной организации: к приходу, благочинническому округу и к епархиальному съезду. Число представителей на Соборе от мирян не должно быть более 1 на каждую епархию.

Представителям от мирян на Соборе принадлежит совещательный голос. Основания к этому следующие:

а) практике церковной неизвестно участие мирян на Соборах с решающим голосом, как это видно из того, что в сохранившихся церковных актах нет подписи мирян, хотя известно, что они участвовали в соборных рассуждениях (например, на I Всел. Соборе);

б) участие прихожан с совещательным голосом налагает на решающую волю епископов нравственную обязанность отнестись к их заявлениям так, как того требует польза Церкви.

О Святейшем Синоде

Постоянное высшее церковное управление сосредоточивается в Святейшем Синоде. Организация этого учреждения должна быть проникнута соборными началами. Соответственно каноническому принципу соборности, устройство Синода представляется в таком виде. Синод состоит из избираемых на Поместном Всероссийском Соборе епархиальных епископов, числом не менее 12. Все члены Собора имеют равный голос. Бессменное председатель-

ство в Синоде принадлежит иерарху царствующего града; ему, ради высокого положения русской Церкви в православном мире, усвояется титул патриарха. В Синоде наравне с другими членами он имеет одинаковый голос. Как епархиальный архиерей, он зависит от Синода, получает от него указы. Патриарх ничего не может делать без Синода в делах, подлежащих ведению Синода. Как председатель Синода, патриарх имеет право личного доклада Государю Императору по делам церковным, а также право представительства, лично или через своего уполномоченного, от Синода во всех высших гражданских учреждениях.

По вопросу о составе Св. Синода, комиссия высказалась за допущение к участию в нем представителей белого и черного духовенства с решающим голосом и от мирян с совещательным — по тем же мотивам, которые послужили для комиссии основанием к допущению клира и мирян участвовать на Поместном Соборе. Число представителей в Синоде от клира и мирян должно быть менее числа епископов.

Заседание 23 сентября 1905 года

О церковных округах

В заседании 23 сентября комиссия обсуждала вопросы, намеченные синодальным определением 18—23 марта сего года, в частности: о разделении России на округа под управлением митрополитов, с предоставлением им права созывать областные соборы и с передачей в их ведение из Высшего Церковного Управления дел второстепенной важности.

По мнению комиссии, для того, чтобы признать целесообразность и необходимость разделения России на церковные округа, предварительно надлежит определить права митрополичьих округов, их юрисдикцию. Если под именем митрополичьего округа разуметь особую инстанцию — судебную и административную, среднюю между епархиальным судом и управлением и высшим, то образование церковных округов с такой компетенцией нежелательно по следующим обстоятельствам.

1) С передачей части судных дел в митрополичьи округа нарушается принцип единства суда, ныне сосредоточенного в одной высшей инстанции — в Св. Синоде. Предположив, что суд митрополичьего округа будет не окончательный, нельзя не видеть, что митрополичья инстанция будет излишней, так как недовольные первой и второй судебной инстанцией будут приносить жалобы Святейшему Синоду, и таким образом количество дел в Синоде не уменьшится, сами дела усложнятся еще большей перепиской.

2) При митрополии, ведающей суд в своем округе, необходимо будет образование постоянного учреждения, притом из лиц епископского сана, так как таковому учреждению предоставляется власть проверять и изменять решения епархиальных архиереев, что на практике встретит непреодолимое затруднение в том отношении, что потребует частого отсутствия архиереев из епархий

для участия в соборном митрополичьем суде. Периодически же созываемый для того собор при митрополичьем округе внесет чрезмерную задержку в отправлении правосудия.

3) То же рассуждение (пункт 2-й) и еще в большей степени приложимо и к административным делам, требующим скорейшего рассмотрения со стороны постоянного органа управления.

4) Централизация административных епархиальных дел в митрополичьем округе принесет лишь один вред; в делах епархиального управления следует, напротив, стремиться к децентрализации, с предоставлением епархиальному управлению возможно широкой самостоятельности, с передачей из Св. Синода на окончательное разрешение епархиальной власти многих административных дел (как например, открытие самостоятельных приходов и увеличение состава причтов, утверждение в должности настоятелей и настоятельниц монастырей, отдача в аренду церковных и монастырских земель, приобретение имуществ в пользу церквей и монастырей и отчуждение их и прочее).

5) Восстановление церковного митрополичьего округа, с автономией в области суда и администрации в пределах округа, без нужды и видимой пользы нарушить церковное единство.

Но образование церковных округов под общим руководством митрополита полезно и желательно на следующих началах:

Окружной митрополит имеет право и обязанность созывать на собор епископов своего округа и председательствовать на нем. Окружной собор, не будучи судебно-административной инстанцией, главнейшим образом имеет своей задачей установление между архипастырями единства духовного воздействия на пасомых, выработку общих мероприятий пастырских, миссионерских, религиозно-просветительных и т. п. В пользу целесообразности учреждения церковных округов на таких началах комиссия приводит следующие соображения:

1) Ныне епархиальный архиерей, предоставленный самому себе, не имеет живого братского взаимообщения с другими архиереями; вместо того принужден руководствоваться одними формальными предписаниями Св. Синода.

2) Восстановление окружных соборов оживит церковную жизнь.

3) Восстановление окружных соборов, под главенством митрополитов, вызывается весьма часто потребностью времени и отдельных мест, особливостью задач, подлежащих церковному управлению в разных территориях империи. В Западном крае, на Кавказе, в Сибири и в разных местах средней России общее руководство в пастырском и миссионерском деле со стороны митрополита и областного собора принесет несомненную пользу.

4) Наконец, соборы в округах или митрополиях имеют за собой каноническое основание. Древнейшие и важнейшие из относящихся сюда правил суть апостольские 34-е и 37-е. «Епископам всякого народа подобает знати первого из них и признавати его, яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения, творити же каждому только то, что касается до его епархии и до мест к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без

рассуждения всех. Ибо тако будет единомыслие». Второе читается: «Дважды в году да бывает собор епископов, и да рассуждают они друг с другом о догматах благочестия, и да разрешают случающиеся церковные прекословия».

Деление России на церковные округа в указанном смысле должно простираться и на окраины. Здесь особенно нужно общее систематическое руководство в деле пастырства одного областного представителя Церкви — митрополита. Выраженное в предложении г. синодального обер-прокурора опасение, как бы восстановление митрополичьих округов на окраинах не вызвало возрождения идей культурной и политической обособленности наших окраин от государства, — отпадает само собой, так как оно имело бы основание только в том случае, если бы за окружным митрополитом с Собором архипастырей области признавать автономию в полной мере, т. е. независимость от всероссийского Синода в суде и управлении; но дарование такой автономии для округов и областей, по мнению комиссии, не вызывается необходимостью.

При обсуждении вопроса о границах церковных округов членами комиссии высказано было желание, чтобы наиболее обширные по территории и количеству народонаселения епархии были разделены на несколько самостоятельных епархий. Только таким путем можно облегчить епископское служение и сблизить епископа с паствой. Некоторые члены комиссии указывали, что при осуществлении мысли об образовании в пределах нынешней епархии нескольких самостоятельных епархий, из них и возможно было бы учредить митрополичий церковный округ, с митрополитом главного города во главе. Большинство членов комиссии высказалось за расширение границ церковных округов, приняв во внимание исторические, бытовые, культурные и другие особенности населения, входящего в состав церковного округа, а также высокое положение некоторых епископских кафедр по историческим воспоминаниям (Московская, Киевская, Новгородская) или по современному положению в центрах культурной жизни (Казанская, Харьковская и прочие).

Заседание 28 сентября 1905 года

Заседание комиссии 28 сентября было посвящено обсуждению вопроса о преобразовании епархиального суда и управления согласно с каноническими соборными началами.

Об епархиальном суде

Епархиальный современный суд заключает в себе следующие недостатки:

1) Смешение функций обвинительной и судебной власти; консистория предает суду и сама же производит суд и произносит приговор.

2) Назначение следствия по делам мелочным: по всем бумагам (кроме перечисленных в ст. 155), поступающим в консисторию, — говорится в 156 ст.

Уст. дух. конс., — консистория назначает следствие; а так как назначением следствия определяется предание суду, то никто из духовных лиц не гарантирован от суда: достаточно простой жалобы на духовное лицо, часто необоснованной, чтобы консистория, руководствуясь вышеприведенной статьей Устава, назначила формальное следствие, и лицо, оговоренное в проступке, подвергается незаслуженному испытанию.

3) Следствие производится лицами, весьма часто мало к тому подготовленными, без соблюдения форм производства следствий (постоянные ошибки: следователи не указывают в своих постановлениях, почему ими вызывается тот или другой свидетель, не делают очных ставок при разногласии свидетелей, неточно записывают свидетельские показания, неправильно устраняют от свидетельства под присягой свидетелей, вносят не идущие к делу обстоятельства и т. п.).

4) Духовным следователям не дано никакого наказа или инструкции, которой они должны руководствоваться. Одни из них производят следствия по законам о судопроизводстве — Св. законов изд. 1857 г., другие — по Судебным Уставам 1864 г., многие руководствуются не столько законами, сколько своим личным усмотрением.

5) Следствие, произведенное весьма часто с нарушением самых элементарных требований законов о следствиях, полагается в основу всего дальнейшего судебного процесса, состоящего лишь в том, что столоначальник под руководством секретаря составит из следствия записку, и на основании этой записки члены присутствия сделают постановление, которое архиерей и утверждает или полагает свое решение. Выходит, таким образом, что постановляющие приговор не видят лиц и не слышат голоса тех, кого они судят, равно как и свидетелей: они судят по бумагам. В епархиальном суде отсутствует важнейший момент судебного процесса: поверка предварительного следствия (так называемое судебное следствие), показание перед судом обвинителей, обвиняемого и свидетелей.

6) Способ судопроизводства: закрытый, без состязания обвинителя и обвиняемого.

В устранение указанных недостатков в судебной части, по мнению комиссии, представляется необходимым:

1) Учредить в епархиях судебные инстанции, совершенно независимые от административного органа управления (консистории).

Таковых инстанций должно быть две: дела маловажные, не влекущие за собой тяжкого наказания, как отрешение от места, низведение на низшую церковную степень, снятие сана, разбираются уездной судной комиссией, состоящей из выборных и назначенных архиереем духовных лиц, утверждаемых в звании судей властью епископа. Решение уездной судной комиссии представляется на утверждение епархиального архиерея. В случае своего несогласия с решением комиссии архиерей или сам решает дело, или передает его в другой состав комиссии, или передает дело во вторую судебную инстанцию — епархиальный суд.

Отдельно от консистории учреждается епархиальный суд. Суду второй инстанции подсудны дела наиболее важные, влекущие за собой тяжкие церковные наказания.

Епархиальный суд, под председательством по возможности епархиального архиерея, состоит не менее как из 4-х членов пресвитерского сана.

Епархиальный архиерей может поручить председательство на суде старшему пресвитеру по своему усмотрению, где нет викарного преосвященного.

Два члена епархиального суда избираются депутатами от духовенства и — по представлению епархиального архиерея — утверждаются Св. Синодом, а остальные двое утверждаются Синодом по выбору и представлению архиерея.

Святейший Синод утверждает требуемое штатом число членов и столько же кандидатов, которые занимают их место в случае их выбытия или законного отсутствия.

Члены епархиального суда определяются на известное число лет (например на 6).

Заседания епархиального суда могут быть открываемы во всех местах епархии.

Способ судопроизводства в епархиальном суде должен быть открытый, кроме дел, не подлежащих огласке, обвинительно-состязательный.

По опросе свидетелей, обвинителя и обвиняемого, после объяснений тяжущихся сторон, суд должен определить наказание в случае обвинительного исхода процесса, и затем мнения членов и приговор при протоколе восходят на утверждение архиерея, который по своему усмотрению и полагает окончательное решение. На решения епархиального суда приносятся жалобы Святейшему Синоду, которому и принадлежит высшая судебная власть.

2) Обращаясь к частностям судебного процесса, комиссия признает крайне необходимым:

а) начало судебного процесса обставить требованиями, ограждающими спокойствие и честь духовных лиц, установив правило, чтобы без достаточной причины никто из них не был привлекаем к суду;

б) учредить особую для каждой епархии должность судебного следователя из лиц иерейского сана, облеченных доверием архиерея, по его избранию, отличающихся знанием судопроизводства и образованием;

в) издать для них в руководство особый наказ;

г) необходимо расширить компетенцию архиерейского непосредственного суда (ст. 155 Уст. дух. кон.) для избежания формального судопроизводства по маловажным делам (взаимная вражда между членами причтов, невнимательное отношение членов клира к своим обязанностям и т. п.);

д) надлежит составить правила судопроизводства и уложение о наказаниях за преступления и проступки, подлежащие ведению церковного суда.

Суду духовному подсудны в настоящее время и светские лица по делам, между прочим, о расторжении браков.

Неудовлетворительность бракоразводного процесса справедливо признается вопиющей с его теорией формальных доказательств (как, например, требование очевидцев — свидетелей прелюбодеяния — ст. 249 Устава), с опросом свидетелей не присутствием консистории, решающим дело, а полицией, со стеснением совести судей формальными законами, с крайне ограниченной сферой поводов к расторжению браков (например, жестокое обращение одного супруга с другим, посягательство на жизнь другого супруга, неспособность — послебрачная — к брачному сожитию, заразная болезнь, неизлечимая душевная болезнь, — все эти причины не дают основания к разводу).

Комиссия полагает, что как брачное судопроизводство, так и само брачное право должно быть пересмотрено вновь и приведено в соответствие с разумными требованиями жизни.

Для упорядочения бракоразводного процесса желательна передача дел о расторжении браков в ведение суда гражданского. Против такой передачи обыкновенно возражают, что суду гражданскому нельзя разбирать иск, имеющий предметом расторжение, уничтожение союза, освященного таинством православной Церкви; предмет иска, — говорят, — исключительно церковный, а, следовательно, юрисдикция должна быть церковная же.

По мнению комиссии, в делах бракоразводных должна быть двоякая подсудность — на том основании, что и сам институт брака двоякого рода: гражданский союз (область семейственных прав) и церковный — освящение союза таинством.

Двойственная подсудность бракоразводных дел могла бы выражаться так: суд гражданский устанавливает факты нарушения брачного союза, дающие повод к расторжению, а суд духовный на основании данных суда гражданского расторгает брак, как таинство. Таковая подсудность в некоторых бракоразводных делах ныне уже и практикуется (например, за ссылкой в Сибирь, за преступления против союза родственного). Распространение такого порядка на все бракоразводные дела, как кажется, соответствовало бы общему желанию, выражаемому и в обществе, и в печати.

О консисториях и о других органах епархиального управления

Епархиальное управление сосредоточивается в консистории.

По своей идее она соответствует древнему совету пресвитеров при епископе — пресвитериуму.

1) К сожалению, на практике она давно уже утратила черты пресвитериума: между епископом и консисторией нет живого постоянного общения, личного и общего рассуждения об устроении церковных дел. Епископ не присутствует в консистории, и консистория — не совещательный орган при епископе, а особое от него присутствие, решающее дела по формам и уставам.

2) Консистория. Хотя и присутственное место, тем не менее, по уставу, не имеет права делать никаких самостоятельных, даже предварительных, распоряжений (кроме назначения депутата и т. п.) без разрешения архиерея; по вся-

кому самому маловажному или обыкновенному делу она составляет журналы и представляет их на утверждение архиерею. Не излишним представляется перечислить здесь хоть часть таких дел: выдача разного рода документов, копий, справок, разрешение обычного церковного ремонта, сношение с присутственными местами по производящимся делам, разрешение различных запросов со стороны духовных и светских просителей на основании существующих законов, пересылка переходящих сумм и т. п. — на все это испрашивается письменное разрешение, составляются протоколы, журналы и доклады.

Не имея никакой самостоятельности, консистория в силу этого отдалилась от духовенства и просителей, сносясь с ними только при помощи бумаг.

Обилие этих бумаг, в связи с устаревшими формами делопроизводства, поглощает у консистории столько времени, что она не выходит из круга канцелярских дел. Лишенная личного руководства архипастыря, консистория не может проявить инициативы в пастырском и миссионерском деле, в устроении приходской жизни.

Итак, консистория, как орган епархиального управления, нуждается в коренном переустройстве. Какие же должны быть положены начала в основу этого преобразования? Обращаясь к древним каноническим нормам епархиального устройства, мы видим, что оно было соборное, общественно-совещательное. Власть епископа, представителя интересов целой епархии, должна проявляться в соборной форме, при обязательном содействии пресвитеров. Св. Киприан не хотел без согласия пресвитеров посвящать и чтеца (письмо 33); Корнилий, еп. Римский, не хотел без совета пресвитеров принимать в Церковь Максима из новациан; пресвитеры подают свой голос на епископском суде (Епиф. о ер. 75; Евс. Истор. 6, 43, 7, 28, 30).

Канонические черты близости, общего рассуждения епископа и пресвитериума и надлежит восстановить. Консистория должна быть постоянным совещательным органом при епископе, близко стоящим к нему; епископ председательствует в консистории при рассмотрении важнейших дел епархиального управления, лично и непосредственно руководит ее занятиями.

В других менее важных делах консистории должна быть предоставлена необходимая самостоятельность, дабы без нужды не обременять епископа бумагами. Кратко: как присутственное место, консистория самостоятельна и руководится только законами; как совещательный орган епископа, она решает дела под его личным руководством и председательством. Круг самостоятельных дел консистории должен быть точно обозначен в законе.

Присутствие консистории должно состоять из 6 человек, наполовину назначаемых Св. Синодом по представлению архиерея, наполовину из выборных духовенством на определенный срок лиц пресвитерского сана, утверждаемых в сем звании Св. Синодом. Двоякий принцип: назначения и выбора членов присутствия — мотивируется тем предположением, что назначенные члены, как более постоянные, будут иметь опыт, знание законов и канцелярской техники, выборные же внесут связь учреждения с приходским духовенством, сделают консисторию отзывчивой к интересам и нуждам времени;

опираясь на сочувствие избирателей, избранные члены консистории с полной откровенностью будут высказывать и проводить взгляды духовенства.

Как осуществить выборное начало по отношению к членам консистории? Комиссия предвидела затруднение на практике в том случае, когда избранниками окажутся лица из среды сельского духовенства. Как их вознаградить, кому поручить заведование приходом? Большинство членов комиссии находило, что духовенство кафедрального города представляет достаточную среду для выборов из них в члены консистории; другие указывали на желательность иметь в консистории представителей из среды сельского духовенства, оставляя открытой материальную сторону вопроса и высказывая предположение, что само духовенство изыщет способы вознаградить выборного члена консистории.

Параллельно с консисториями, в последней четверти прошлого века во всех епархиях возник целый ряд епархиально-административных учреждений, совершенно обособившихся от консисторий, каковы: советы и правления по делам училищным, миссионерским, братским, епархиальных съездов, вспомогательных и эмеритальных касс, свечных заводов и других. Все эти учреждения объединяются в лице епархиального епископа. Но, при разнообразии и обособленности сих учреждений, одному епископу без посредствующего органа, соображающего всю совокупность дел и интересов епархиальных учреждений, крайне затруднительно направлять их к правильному и согласному действию. Таким образом, возникает вопрос, требующий предварительной разработки, об организации такого действенного епархиального органа епископской власти, который объединял бы в своем действии всю область епархиального управления.

Комиссия признает глубоко справедливой ту мысль, что епископу в настоящее время крайне затруднительно (почти невозможно) одному «направлять перечисленные учреждения к правильному и согласному действию» (как говорится в предложении г. обер-прокурора Св. Синода), что над ними необходим действительный контроль, что необходимо в помощь епископу образовать объединяющее учреждение. Вопрос, следовательно, сводится к тому, как организовать это объединяющее учреждение.

Соединение существующих ныне епархиально-административных учреждений в одно, под общим руководством епископа, по мнению комиссии, представляется невозможным. Образование независимых от консистории епархиальных учреждений вызвано самой жизнью, особыми задачами сих учреждений, ничего общего не имеющими между собой, как например: консистория и свечной завод, эмеритальная касса и учебно-школьное дело и прочее; способ ведения дела в этих учреждениях различен; на всех этих поприщах нужны люди особой подготовки и знаний. Потребуется слишком большой состав членов такого соединенного присутствия и большая при нем канцелярия; то и другое вызовет новые расходы, источников на покрытие которых не предвидится.

Если нельзя слить воедино учреждения, ведающие отдельные отрасли епархиального управления, не полезно ли проектировать над ними новое уч-

реждение, высшее по отношению к ним? И на этот вопрос комиссия со всей решительностью (большинством всех голосов против одного) отвечает отрицательно по следующим причинам.

Если в состав нового учреждения войдут лица, не участвующие в учреждениях, то они не внесут действительного знания и пользы при обсуждении дел; если же они будут в то же время и членами епархиальных учреждений, тогда невозможно будет установить контроль над существующими ныне учреждениями.

Такой объединяющий постоянный при епископе орган управления обречен на формальную бумажную работу: на проверку журналов существующих учреждений и на составление новых журналов.

Основной недостаток в строе епархиального управления — чрезмерная централизация власти в лице епископа, отсутствие самоуправления, недоверие к отдельным учреждениям. Отсюда — обращение к епископу посредством журналов, докладов по всем делам, не исключая самых маловажных и обыкновенных. Руководство со стороны епископа принимает характер постоянного бумажного, мало действительного контроля. Члены комиссии, близко знакомые со способом ведения дел во всех епархиальных учреждениях, единогласно свидетельствуют, что обращение со стороны учреждений к епископу по всем делам увеличивает без нужды переписку, замедляет дело, лишает их инициативы, что необходимо предоставить им определенную самостоятельность.

Между тем учреждение постоянного объединяющего органа при епископе еще более закрепит старый порядок (обращения по всем делам к высшей власти) с той разницей (притом — в худшую сторону), что в настоящее время единоличная власть архиерея решает дело быстро, чего, естественно, нельзя ожидать от коллегиального учреждения.

По мнению комиссии, объединить епархиальные учреждения следует не канцелярским способом — путем создания нового такого же учреждения, а началами общественности и самоуправления, предоставив самому духовенству открыто, гласно обсуждать действия епархиальных учреждений и заявлять своему архипастырю о том, насколько правильны и согласованы действия епархиальных учреждений, насколько успешно отражается на практике их деятельность.

Таковым, объединяющим учреждения, органом при епископе и должен быть ежегодный епархиальный съезд депутатов духовенства (древний Собор пресвитеров).

Надлежит лишь расширить круг его деятельности, предоставив ему заботиться о пользах и нуждах епархии под руководством своего архипастыря.

Ни одна отрасль епархиального управления не должна быть чужда съезду духовенства. Само духовенство епархии (а в лице его — съезд) должно направлять к благу административные действия епархиальной власти, заботиться об исполнении своего пастырского долга, о способах устранения недостатков в своей среде, о развитии в приходе церковно-приходских попечительств,

о правильном употреблении церковных денег и т. п. (область ведения консистории), о миссионерской деятельности (ведение братства), о наилучшем способе к постановке народного образования (ведение училищного совета), о ведении церковно-свечного хозяйства (ведение свечного завода), об обеспечении престарелых и немощных лиц своего звания (ведение попечительства и эмеритальной кассы), наконец — о правильной постановке воспитательной и хозяйственной части в семинариях и училищах, воспитывающих их же детей и существующих отчасти и на их средства.

Епархиальный съезд духовенства, пекущийся о пользах и нуждах всей епархии, и должен быть для архиерея объединяющим все епархиальные учреждения органом, контролирующим и направляющим их к общей цели.

Заседание 5 октября 1905 года

О приходе: о его современном положении и о мерах к его благоустройству

В заседании комиссии 5 октября обсуждался вопрос о приходе: о современном положении прихода, о причинах его упадка и о его восстановлении.

Неустройство нашей церковной жизни всеми сознано: миряне утратили свой голос в церковных делах, живая и тесная связь между духовной иерархией, священством и мирянами ослаблена, а вследствие этого нравственное влияние духовенства на прихожан уменьшается. Справедливо признано, что вся церковная жизнь ожидает обновления. Но едва ли не настоятельнее всего требуется упорядочение приходской жизни, всем близкой, где каждый из мирян может принять участие. Если приход будет связан церковными интересами, если в нем будет господствовать христианская дисциплина и прихожане под руководством своих пастырей, близких им и пользующихся их доверием, будут усовершать свою религиозно-нравственную жизнь, то тем самым будет положено прочное начало к обновлению церковной жизни. Для этого прежде всего необходимо восстановить утраченное значение прихода в церковных делах. В настоящее время приход существует лишь по названию (в смысле известного территориального церковного округа); в церковно-общинном, юридическом смысле его нет: приход не имеет никаких прав, он безгласно подчиняется авторитету епархиальной власти в самых близких ему религиозно-общинных делах. Ставится ли в приход священник, переводится ли он от них, прихожан не спрашивают, угодны ли им эти распоряжения; пред епархиальной властью у них нет ни блюстителя, ни защитника их интересов. Если бы прихожане пожелали употребить церковные средства на дела просвещения и благотворительности, епархиальная власть может указать им, что они не имеют права распоряжаться церковным достоянием. Так с одной стороны идут распоряжения, без согласия, без всякого участия прихожан, с другой стороны требуется одно безропотное подчинение. Образовалось начальство и подчиненные наподобие светских учреждений, причем голос прихожан, в

этих, во всяком случае, не церковных отношениях, затерялся совсем. При таких условиях приходская жизнь не могла развиваться, и упадок прихода стал неизбежен: у него отнята душа его — церковная свобода, самодеятельность, право участия его в церковных делах, выражающееся в избрании, при известных условиях, себе пастырей и в заведовании и распоряжении, под руководством епископа, церковной кассой.

Для возрождения прихода необходимы два условия: участие прихожан в избрании себе священнослужителей и право заведования и употребления церковного достояния.

Право участия верующих мирян в избрании священнослужителей основывается на примере апостольской Церкви. Верующий народ участвует в избрании ап. Матфея (Деян. 1:15), избирает первых диаконов (Деян. 6:2 и след.). Это право народа существовало в той или другой форме во все века Церкви. Против него обыкновенно приводится один канон (13 Лаод. Соб.); но канон этот говорит о толпе (ὄχλος), которой следует запретить избрание священнослужителей, но он не запрещает народу или его законным представителям участвовать, согласно установленному порядку, в избрании священнослужителей. По 7-му правилу Феофила, архиепископа Александрийского, прямо требуется свидетельство народа относительно рукополагаемого.

Отстранить мирян от всякого участия в избрании пастырей невозможно без противоречия с православным понятием о Церкви, в которой все верующие суть живые части Тела Христова; миряне должны способствовать общему благу и преуспеянию Церкви под руководством церковной иерархии. Между иерархией и народом должно быть тесное взаимное общение и согласие.

Как же определить границы этих взаимоотношений, в каком объеме надлежит предоставить приходу участие в избрании себе пастырей? Божественное право рукоположения принадлежит только епископу, ему одному. Следовательно, со всей решительностью, как явно антиканоническая, должна быть отвергнута та мысль, будто избрание прихожанами (народом) кандидата священства налагает на епископа обязанность подчиниться избранию и рукоположить избранного. «Руки скоро не возлагай ни на когоже», — говорится в послании ап. Павла; этот апостольский завет вверяет рукоположение совести епископа. Никакое домогательство прихода за избранного не может изменить воли епископа, если он по своей совести не признает избранника достойным рукоположения. Руководство в Церкви принадлежит только иерархии. Но власть иерархии дана божественным правом не для нее самой, а для верующих. Голос мирян за избранника имеет силу не принуждения, а совета ко благу Церкви, содействия епископу в деле управления.

Точнее, избрание прихожанами себе пастырей надо понимать в смысле свидетельства о добрых качествах рукополагаемого, рекомендации его или в смысле желания иметь своим приходским священником то или другое лицо, наконец, — в смысле беспрепятственности к рукоположению известного лица. В древней Церкви в назначении (IV Всел. Соб. 6-е пр.) священнослужителей на места различались два момента: предложение со стороны народа архиерею из-

вестного лица для занятия священнической должности или народное согласие на архиерейское предложение, а затем уже самое рукоположение.

Желательно ли восстановление такого порядка в нашей современной приходской жизни? Будет ли ко благу Церкви призвание к участию прихожан в избрании священнослужителей?

Продолжительное и тщательное рассуждение комиссии привело к следующим результатам:

1) Правильно понимаемое участие прихожан в избрании себе священнослужителей необходимо, как возвращение к идеальному церковному строю. Оно одинаково полезно и для епископа, и для прихожан.

Епископ, в торжественные минуты, при рукоположении произносить: ἄξιος, а за ним эту формулу произносит клир (в древности народ) [1]. Кто же ныне свидетельствует о достоинстве рукополагаемого? От признания ἄξιος осталась одна форма: вместо народного удостоверения о добрых нравственных качествах ставленника представляются архиерею одни только бумаги о происхождении, образовании ставленника. В этом делопроизводстве нет главного: признают ли его своим духовным отцом прихожане, каковы его нравственные качества, по призванию ли он принимает на себя столь высокое звание? Все это в большинстве случаев остается, при существующих порядках, неизвестным епископу. Устав дух. конс., хотя и между прочим, обязывает епископа сдавать дела об определении ставленников на места — в консисторию «для собрания сведений о месте и лице, так и для прочего, по существу и обстоятельствам сих дел, производства». По существу и обстоятельствам именно и требуется, чтобы прежде определения известного лица на приход прихожане высказали о нем свое мнение. Прихожане в таком случае были бы живыми и деятельными членами Церкви и, в единении со своим архипастырем, под его руководством, содействовали бы общему благу. Епископ имел бы опору для суждения о достоинстве рукополагаемого в свидетельстве народа, а не в делопроизводстве.

2) Выборное начало, надо ожидать, улучшит состав священнослужителей. В клир не будут поступать по одним аттестатам неведомые прихожанам лица, для которых духовный сан, как всякая профессия, — лишь средство к жизни. Ныне семинарский диплом открывает доступ в клир. Жизненной подготовки к священству часто бывает недостаточно: сами кандидаты священства не заботятся об этом, зная, что для получения священства достаточно одного диплома. Если к этому прибавить, что в священники поступают часто со школьной скамьи, то будет отчасти понятным, почему наше духовенство все больше и больше отдаляется от прихожан. При восстановлении избрания духовенства настанет другой порядок: прежде чем получить священство, кандидат будет стараться приобрести к себе уважение и расположение прихожан на низших церковных должностях или на службе по народному образованию, зареко-

[1] Участие народа в избрании клириков выражается и в другой формуле, произносимой пред актом рукоположения: «повели», «повелите».

мендовать себя доброй жизнью и настроенностью. Близость пастыря-избранника к приходу начнется с первых же шагов его службы, в любви и доверии к себе со стороны прихожан он будет черпать новые силы для служения пастве. Для другого, в минуты слабости, неодобрение паствы будет служить предостережением и заставит исправить свои недостатки.

3) Согласие прихожан на определение к себе в приход священнослужителей положит конец злу административных перемещений штрафных священнослужителей. Ныне епархиальная власть непригодных священнослужителей перемещает в худшие (т. е. беднейшие приходы) и тем самым наказывает и невиновных, отнимая у бедных прихожан последнее духовное утешение — видеть у себя доброго пастыря.

4) Попутно комиссией высказано было пожелание, чтобы для непригодных священнослужителей облегчен был выход из духовного звания и чтобы сложение сана не сопровождалось никакими ограничениями в праве гражданском (т. XIV Св. Зак. 179 ст.).

5) Материальное положение духовенства зависит всецело от прихожан. При нынешнем порядке назначения на приход священников без их согласия вопрос о плате за требоисправления омрачает совесть пастыря с первых же шагов его службы; сразу же он ставится лицом к лицу с отдельными прихожанами в тяжелое положение: принужден переговариваться о плате при самых неподходящих случаях, настаивать, просить. Иное дело, если бы прихожане участвовали в избрании священников; тогда приход и сумел бы вывести своего священника из затруднительного положения. В отношениях между священниками и прихожанами внесена была бы в этом случае ясность и определенность: священник знал бы заранее, на каких условиях он приглашен, и не старался бы о принудительном увеличении приношений за требы в ущерб своему достоинству и влиянию на паству.

С другой стороны, степень обеспеченности пастыря измеряется расположением к священнику: если прихожане будут ценителями службы священника, то простое благоразумие подскажет ему, что только надлежащим исполнением своих обязанностей он может снискать себе доверие прихожан, что только этим путем он может создать себе благополучие, а не переходом на лучшие места по благоволению власти.

Итак, оставаясь в области идеалов, комиссия находит, что выборное духовенство, близкое к народу, обновленное и улучшенное, внесет в приход новую жизнь, будет влиять на него просвещающим и облагораживающим образом, что восстановление принципа избрания положит начало приходской самодеятельности: вместе с духовной иерархией он будет участвовать в соборном разделении власти, будет сознавать себя деятельным участником в церковной жизни.

Но не могла комиссия не видеть и обратной стороны выборного начала, не могла не войти в обсуждение и практической стороны дела. Достаточно ли развиты прихожане, чтобы воспользоваться своими правами? Не повторятся ли злоупотребления при выборах?

Комиссии предносились следующие затруднения: 1) избрание беспорядочной толпой (ὄχλος — по выражению Лаод. Собора); 2) подкупы мирян со стороны недостойных избранников; 3) избрание невежественных и необразованных лиц; 4) домогательства пред епископом о рукоположении недостойных лиц.

Само собой понятно, что эти возражения говорят не против принципа избрания. Нелогично было бы отрицать сам принцип ради временных и случайных затруднений; следует лишь принять меры к тому, чтобы устранить возможные злоупотребления при избрании. Избрание невежественных и необразованных кандидатов священства и домогательство за них пред епископом не должно иметь места по той причине, что епископ, испытав избранника и не найдя в нем требуемых от кандидата священства качеств, имеет власть отклонить ходатайство прихожан о своем избраннике. Прихожане должны будут подчиниться руководству епископа.

Выборы надлежит упорядочить (чтобы не участвовало сборище).

Необходимо предоставить право и самому духовенству (например — в лице благочиннического округа) свидетельствовать о добрых качествах избираемого приходом лица.

Может быть, в иных случаях окажется полезным определить известный образовательный ценз для кандидатов священства.

Кроме права избрания духовенства, в смысле предпочтительного желания прихожан иметь своим приходским священником известное лицо, приходской общине принадлежит еще право участия в управлении имуществом, под надзором епископа, в частности — церковной кассой. Так было и у нас на Руси. В какой степени выражается участие прихода в этом случае в настоящее время?

Действующие на этот предмет церковные правила изложены в инструкции церковным старостам. Первый параграф ее гласит: «Церковный староста есть поверенный прихода, избираемый в каждой приходской церкви для совместного с причтом приобретения, хранения и употребления церковных денег и всякого церковного имущества, под надзором и руководством благочинного и епархиального начальства». Казалось бы, что раз церковный староста — поверенный прихода, да еще выборный, то он должен был бы давать отчет своему доверителю-приходу и употреблять деньги только с ведома прихода и по его указанию. Но дальнейшие статьи инструкции опровергают это положение: роль старосты оказывается нисколько не похожей на роль поверенного прихода. Прежде всего, во всей своей службе он не зависит от прихода. Для сношения с ним, для поверки денежных месячных поступлений в церковную кассу, прихожане должны избрать двух из среды себя представителей (§ 42), а эти последние приглашаются причтом и старостой присутствовать при счете и при записи в приходо-расходные книги церковных денег, поступивших в продолжение месяца. Вот и весь учет. Дело, следовательно, сводится к простой и бесцельной форме: сколько захочет показать староста, столько и записывается в книги. Так это всеми и понимается, и сама форма учета эта редко где применяется. А между тем весьма распространен обычай даже у

добросовестных старост — не записывать в книги всей церковной доходности, частью из опасения увеличения процента обложения с церквей, частью в видах сбережения денег для будущих потребностей самой церкви. При таких порядках полная бесконтрольность в заведовании и надзоре за церковной кассой ведет ко всяким случайностям и злоупотреблениям.

Расходуются церковные деньги также без участия прихожан и их представителей.

Староста должен во всем подчиняться распоряжениям епархиального начальства (§ 5); все требования консистории относительно сборов и взносов с церквей должны выполняться им немедленно, представляться аккуратно в известные сроки. Исполнив эту повинность, он может уже, как ему угодно, с формального разрешения епархиального начальства, распоряжаться остальными деньгами.

Сборы с церквей достигают иногда до 40%. Раздаются общие сетования на то, что от приходского храма отнимается слишком много на нужды общеепархиальные, сословные, на учреждения, ничего общего с приходом не имеющие.

Итак, ни хранение церковных денег, ни употребление их нельзя признать правильным, даже каноничным. Что нельзя вверять кому бы то ни было бесконтрольное заведование кассой, — это понятно. Но и самое расходование церковных денег подлежит поверке, насколько оно соответствует своему назначению: церковные имения нищих суть имения. Нужды церковно-приходской благотворительности весьма часто находятся у нас в полном забвении.

Неудовлетворительное положение церковной кассы есть прямое следствие устранения от нее прихода. Вывод из этого напрашивается сам собой: необходимо призвать приход к участию в распоряжении церковным достоянием. Это не есть какая-либо новизна даже с точки зрения существующих правил — инструкции церковным старостам: в них подразумевается участие прихожан только в форме неопределенной, поэтому и недействительной.

1) Староста должен быть поверенным прихода, обязанным давать отчет прихожанам в заведовании церковной кассой.

2) Он назначается и увольняется общим собранием прихожан.

3) Он расходует деньги под надзором епископа (или его органов), но с согласия прихожан и причта.

4) Надлежит пересмотреть все существующие сборы с церквей, отменив те из них, какие не касаются интересов общецерковных.

Как установить контроль прихода в заведовании церковной кассой? Для сего должен быть особый орган от прихожан; эти функции с удобством могут быть предоставлены нынешним церковно-приходским попечительствам. Высшая распорядительная власть над церковно-приходским достоянием должна принадлежать общему собранию прихожан под надзором епископа.

Древняя церковная община была крепка проводимыми в жизнь началами любви, милосердия, взаимопомощи. Воскресить церковную благотворительность можно и ныне, предоставив приходу право уделять церковные суммы

на дела христианского милосердия, что̀ в свою очередь оживит приходскую общину и объединит прихожан во имя высшей цели.

О предоставлении приходу права юридического лица

Вместе с предоставлением приходу прав в церковном отношении, необходимо даровать ему и права юридического лица, каковыми являются инославные русские приходы (лютеранские, реформатские и отчасти католические) и даже единоверческие, право свободного приобретения на имя прихода движимого и недвижимого имущества и представительства прихода перед правительством и на суде для законной защиты приходских прав и интересов и приходской собственности.

Нет, кажется, надобности доказывать, что приход должен иметь перечисленные юридические права: церковно-приходская община имеет свою организацию и задачи и свои цели (обеспечение духовенства, благотворительность, просвещение, взаимопомощь), требующие имущественных средств для их выполнения, собственности. Право же собственности предполагает и необходимость ее защиты и распоряжения ею по своему усмотрению. На каком же основании можно отказывать приходу в столь естественном праве, как право юридического лица, каковое право имеют все дозволенные законом учреждения, союзы и организации?

Попутно комиссией поднят был вопрос об облегчительных мерах к приобретению недвижимых имуществ приходскими церквами.

Комиссия полагала бы: предоставить православным приходским церквам приобретать в собственность недвижимые имущества: а) дарственными и завещательными способами — на общем с частными лицами основании, не испрашивая на укрепление их особого разрешения начальства, и б) покупкой на счет церковных сумм — с разрешения епархиального преосвященного, чем и устраняется высказанное в записке обер-прокурора опасение, как бы приходские церкви не приобретали имущества сомнительной ценности.

Заседания 19 и 24 октября 1905 года

Об усовершении духовно-учебных заведений

В печальном положении находятся духовные школы. На протяжении последнего десятилетия волнения в семинариях, выражавшиеся в самых неразумных и буйных проявлениях, не прекращались; десятки семинарий, прервав учение, объявили забастовку; дисциплина среди учащихся упала настолько, что вести правильные занятия с ними оказывается невозможным. Волнения семинарские и забастовки нельзя объяснять только духом времени, общим настроением всех учебных заведений в России: волнения в семинариях появились раньше, чем в других среднеучебных заведениях; очевидно и то, что

правильно поставленная духовная школа, способная привить духовным питомцам истинные понятия о долге, должна была бы предохранить их от волнений и забастовок. В недостатках самой школы главнейшим образом и кроется причина этих явлений.

По мнению комиссии, существеннейшие недостатки современной духовной средней школы таковы.

По отношению к постановке учебного дела:

1) Чрезмерная специализация школы, в ущерб общему гуманитарному знанию, многопредметность и дробление богословских наук; непригодность семинарского обучения, в значительной степени, и для современной пастырской деятельности, по его отвлеченности и несоответствию с потребностями и запросами современной жизни.

2) Отсутствие начал воспитательных в семинарии, вместе с установлением принудительного режима.

3) Частая смена начальствующих лиц в семинарии, делающая неустойчивыми ее порядки и препятствующая единению начальствующих с учащими и учащимися. Семинария перестала удовлетворять даже и тех, кто готовится к пастырской деятельности; в питомцах же, желающих посвятить себя другой деятельности, ищущих выхода в высшие светские учебные заведения, вызывает крайнее недовольство и озлобление, так как, принуждая изучать богословские науки, не предоставляет ни времени, ни возможности получить достаточно удовлетворительную подготовку для поступления в высшие учебные заведения. При существующей специализации духовной школы, принимающей в свои стены питомцев с юных лет, когда воспитанник не может сознательно избрать себе занятия сообразно своим влечениям, нет никакой возможности оградить семинарии от недовольного и опасного элемента — от невольников, обязанных слушать и изучать богословие и подчиниться режиму, пригодному только для будущих пастырей Церкви, для людей, сознательно избравших себе будущее служение.

Система семинарского образования принудительно ведет своих питомцев на служение Церкви, не считаясь с их наклонностями. Но нужны ли для Церкви, полезны ли для нее такие деятели, которые принимают святой сан не по добровольному обету, а потому только, что оказались неподготовленными для светской профессии? Нет: пусть служат Церкви Божией только те, кто по призванию принимает на себя священство, кто по доброй воле, а не по принуждению воспитал в себе это убеждение.

Итак, для того, чтобы не насиловать склонности питомцев, чтобы не вызывать недовольства среди них к воспитывающему их учебному заведению, надлежит разграничить специально богословские курсы от общеобразовательных.

Пройдя общеобразовательный курс в семинарии, питомец духовной школы, вооруженный достаточными знаниями, уже в возрасте, когда вырабатывается сознательный взгляд на свое призвание, может решить, какой путь ему избрать: посвятить ли себя пастырскому служению или отказаться от этого. В

первом случае для него должна быть открыта возможность изучить Священное Писание, богословие и церковно-исторические науки и подготовиться к духовному званию; во втором случае семинария для него окажет ту пользу, что сделает его пригодным и для жизни, дав ему среднее образование и для поступления в высшие школы, доступ в которые для семинаристов должен быть открытым беспрепятственно.

Исходя из этих соображений, комиссия полагает, что по типу своего образования семинария должна быть двоякая — с общеобразовательными и богословскими классами.

При обсуждении вопроса об устройстве общеобразовательных и богословских курсов среди членов комиссии обнаружилось два направления: одни члены (7 голосов) высказывались за совершенное отделение богословских курсов в особые учебные заведения, с особыми преподавателями (в священном сане), с особым режимом; другие — за соединение этих курсов с общеобразовательными, подобно тому, как это было в семинариях до реформы 1884 года.

Большинство (8, с председателем во главе) членов, высказываясь за соединение богословия с общеобразовательным курсом, имело в виду следующие основания:

1) Семинария, лишенная богословских курсов, потеряет присущую ей основную черту духовной школы и вследствие этого, при наличии других однородных учебных заведений, не будет иметь права на самое существование; превратится в сословную школу, не могущую рассчитывать ни на пособие от казны, ни из церковно-приходских сумм.

2) Столь коренная ломка духовной школы, разрывающая связь ее со всем историческим прошлым, не является, по мнению большинства, необходимой; если для будущих пастырей желательно установление особого порядка в семинариях (например, более частое посещение богослужения и прочее), упражнение в добрых навыках, то к выполнению этих задач должно стремиться и можно осуществлять их и в соединенной семинарии. Тем бóльшую будет иметь нравственную ценность благочестивое и церковное направление будущих пастырей, если оно явится плодом не внешнего только режима, а будет делом внутреннего влечения.

Как к идеалу воспитания, надо стремиться — не отделять юношей с определившимися наклонностями к пастырскому служению, от других учащихся, а напротив, теснее сближать их со всеми питомцами школы для того, чтобы они могли оказывать доброе влияние и на других, сообщая всей школе то направление, какое свойственно духовной школе. Это трудно — бесспорно, но не недостижимо.

Семинария до реформы 1884 года, по мнению комиссии, стояла на твердой почве: вместе с достаточным для того времени общим образованием, два последних года она уделяла на изучение богословских предметов. К этому принципу семинарского образования и надлежит возвратиться в настоящее время.

3) Большинство членов комиссии, при отделении богословских курсов от семинарии, видело затруднительность для практического осуществления этого предположения и в материальном отношении, так как пришлось бы создавать новые школы и оборудовать их зданиями и прочим.

Комиссией обсуждался в связи с этим и другой проект, предложенный одним из членов ее и изложенный в особом мнении, именно: о замене первых двух классов духовных училищ двухклассными и второклассными церковно-приходскими школами и об отнесении остальных двух к семинарии. Все прошедшие курс сих школ воспитанники поступают по желанию в семинарию. Проект этот, клонящийся к совершенному уничтожению привилегий духовно-учебных заведений, не встретил сочувствия среди членов комиссии. Комиссия, основываясь на том, что на учреждение духовно-учебных заведений и на их поддержание духовенство затратило громадные суммы из своих личных средств и имеет право на помощь со стороны церквей (Высочайше дарованный сбор со свечных доходов), в коих оно служит, полагала, что к поступлению в духовные школы детям духовенства принадлежит преимущественное право.

Но комиссия отнюдь не желает делать духовные школы кастовыми, а посему высказывается за возможно широкий доступ в училища и семинарии иносословных детей и детей, окончивших курсы в народных школах, в соответствующие их подготовке классы. Существующая ныне норма 10% должна быть возвышена, насколько возможно.

Соответственно высказанному большинством голосов соединению богословских классов с общеобразовательным курсом, комиссия проектировала следующие учебные планы в семинарии.

Богословский курс — трехгодичный. Сюда входят науки: Священное Писание Нового Завета, Священное Писание Ветхого Завета, введение в круг богословских наук (вместо нынешнего основного богословия), нравственное богословие (с отделом пастырского богословия), педагогика, чтение проповеднических образцов (гомилетика), литургика, догматика, обличительное богословие, каноническое право, церковная история общая и русская, церковное пение.

На богословские курсы открывается самый широкий и беспрепятственный доступ без экзамена всем желающим, окончившим курс в средних учебных заведениях всех ведомств.

Курс образовательных наук в семинарии должен быть не ниже курса светских среднеучебных заведений. Кроме того, желательно сохранить следующие науки: историю философии, психологию и логику и греческий язык; латинский же язык сделать необязательным. Необходимо в таком случае сократить уроки церковного пения; Новый Завет и евангельская история должны изучаться во всех классах. В училище на счет сокращения уроков пения и древних языков необходимо ввести изучение новых языков в надлежащей постановке, отечественной истории и природоведения.

Об управлении семинарией

Назначение ректоров семинарии и чрезвычайно частая смена их отзываются вредно на строе наших учебных заведений. Большинством голосов (против одного) комиссия высказалась за выборы ректоров (как и смотрителей училищ).

Право выбора должно принадлежать съезду епархиального духовенства совместно с семинарской корпорацией. Комиссия полагает, что этот порядок наиболее обеспечивает продолжительность службы ректора в семинарии, достоинство избранника и его нравственную связь с духовенством, к голосу коего (в лице его съезда) ректор должен будет относиться с полным вниманием для блага семинарии.

Инспектор и преподаватели семинарии избираются педагогическим собранием.

Комиссией обращено было внимание на зависимость семинарий от Учебного Комитета, причем было указано, что надлежало бы высшее руководство семинариями в учебно-воспитательном отношении предоставить учреждению более компетентному, именно — конференциям духовных академий.

Ревизия духовно-учебных заведений членами конференций, составление программы и учебных планов будет — без сомнения — лучше и правильнее, чем теперь — при чиновниках Учебного Комитета.

О воспитании в семинарии

Кажется, не будет преувеличением сказать, что воспитание отсутствует в нашей школе (как, впрочем, и в школах других ведомств). Наличному составу начальства, на которое только и возлагается по уставу воспитание в семинариях, впору лишь следить за внешними противодисциплинарными поступками воспитанников; 3—4 лица инспекторского персонала, понятно, не могут с успехом нести свои воспитательские обязанности среди 400—500 и более воспитанников.

Как возвысить воспитание в семинариях? Это — наиболее трудный вопрос. Один только выход представлялся комиссии: надлежит призвать к делу воспитания преподавателей семинарии, учредив из них должности классных воспитателей (подобно тому, как в гимназиях).

Для каждого класса семинарии должен быть свой воспитатель, который и ведет свой класс. Он не только следит за дисциплиной; он должен быть их другом-руководителем, сердечно и попечительно относящимся ко всем их нуждам и запросам, направляющим на доброе их волю; он разделяет с ними и часы занятий и часы досуга, доставляя им разумные развлечения; он руководит их чтением, разрешает их недоумения, дает им советы и прочее. Воспитатель несет ответственность за состояние вверенного его попечению класса.

Кто учит, тот должен и воспитывать. Только при этом условии и возможно единство в действиях воспитателей и начальства семинарии, их общая от-

ветственность за учебное заведение, близкое и доверчивое взаимообщение между учащими и учащимися.

При таком порядке институт помощников инспектора является излишним.

Заседание 12 октября 1905 года

По вопросу о предоставлении духовенству, как сословию, права юридического лица по приобретению недвижимого имущества, комиссией выражено было пожелание об осуществлении законодательным путем такого права, наравне с другими сословиями и обществами, так как фактически и ныне духовенство является собственником недвижимого в епархии имущества, укрепляемого фиктивно за епархиальными начальствами (каковы, например, здания под училища, под богадельни, склады, свечные заводы и земли).

Об епархиальных съездах духовенства

В одном из предыдущих заседаний комиссия уже имела случай высказать свое суждение о значении съезда духовенства в строе епархиального управления, как вспомогательного и объединяющего все другие епархиальные учреждения органа при епископе. Переходя к частнейшему выяснению положения епархиального съезда, комиссия полагает:

съезд не должен быть зависимым ни от одного из епархиальных учреждений, постановления его не подлежат пересмотру с их стороны;

съезд обсуждает мероприятия всех других епархиальных учреждений, насколько они соответствуют на практике своей цели.

Все нужды епархии: пастырские, миссионерские, народно-просветительные, церковно-хозяйственные, заботы об образовании своих детей, об обеспечении неимущих и беспомощных лиц духовного звания и прочее, — составляют предмет обсуждения на епархиальном съезде. Кратко: съезд заботится преимущественно о пользах и нуждах епархии; но так как местные нужды бывают теснейшим образом связаны с общецерковными нуждами, то съезду должно быть предоставлено право выражать свои мнения и по вопросам общецерковным. Таким способом комиссия полагает восстановить постоянное взаимообщение между приходским духовенством и епископом — с одной стороны, высшей церковной иерархией — с другой: высшая иерархия будет осведомлена об епархиальной и приходской жизни посредством суждений и постановлений епархиальных съездов.

Постановления съезда, таким образом, двоякого рода: одни касаются местных вопросов, другие — общецерковных. Первые приводятся в исполнение с согласия епископа, если это не выходит из круга его ведения; вторые представляются на усмотрение высшей церковной власти. Постановления съезда не подлежат отмене; в случае несогласия с ними епархиальный архиерей передает их на новое рассмотрение следующего съезда.

Съезд духовенства состоит из выборных, по возможности по одному от каждого благочинического округа, депутатов. Председатель съезда — выборное лицо. В том случае, когда на заседаниях съезда участвует преосвященный, само собой понятно, председательство принадлежит ему.

Заседания съезда должны быть открытые, гласные.

Рассуждая о составе съезда, комиссия высказалась за допущение к участию в его заседаниях мирян, уполномоченных от прихода (в числе, наполовину меньшем сравнительно с духовными депутатами). Необходимость такового участия комиссия видела в том, что прихожане доставляют из церковных сумм пособие на общеепархиальные потребности, почему и приглашение их представителей с решающим голосом, когда обсуждается вопрос о церковном обложении, является делом справедливости.

Об участии священнослужителей в общественных учреждениях

Затем на обсуждение комиссии предложен был вопрос об участии священнослужителей в государственных и общественных учреждениях. Этот вопрос неоднократно восходил на рассмотрение Святейшего Синода. В последнее время Св. Синод обыкновенно отклонял ходатайства о привлечении членов причта в состав учреждений, ведающих исключительно мирские дела, хотя по земскому положению, действовавшему до 1892 года, и по городскому положению 1874 года в городских и земских учреждениях священники участвовали на правах гласных; в настоящее же время в этих учреждениях участвует от духовенства депутат с ограниченными правами. Наконец, по положению о Государственной Думе духовенство снова призывается к участию в качестве выборщиков депутатов в Думу. Ввиду такой неопределенности, является необходимым разрешить этот вопрос принципиально. С канонической точки зрения, не во всяких государственных учреждениях позволительно участвовать духовенству. По 6-му апостольскому канону, «епископ, или пресвитер, или диакон, да не приемлет на себя мирских попечений; иначе да будет извержен из священнаго чина». 81-е правило апостольское повторяет то же самое: «Не подобает епископу, или пресвитеру вдаватися в народныя управленыя, но неупустительно быть при делах церковных. Или убо, да будет убежден сего не творити, или да будет извержен. Ибо никтоже может двум господам работати, по Господней заповеди». 83 канон: «Епископ, или пресвитер, или диакон, в воинском деле упражняющийся и хотящий удержати обое, да будет извержен из священного чина. Ибо кесарева кесареви, а Божия Богови». VII Вселенский Собор, напомнив апостольские каноны священникам, которые пренебрегали своим священническим служением и с большей охотой занимались мирскими делами, и подтверждая наказания, определенные для таких священнослужителей, заканчивает свой канон (10-й) так: «Священник пусть лучше идет учити отроков и своих домочадцев, читая им Божественное Писание, ибо для сего и священство получил».

С точки зрения канонов, нельзя допустить участие священников в учреждениях, ведающих исключительно мирские дела (например, сельские и волостные сходы, ссудосберегательные или кооперативные товарищества, артели и прочее).

Но те же каноны не запрещают участия в таких учреждениях, которые преследуют не одни мирские цели, но благотворительные и просветительные и религиозно-нравственные, каковые цели преследуют между прочим земские учреждения и городское самоуправление. Казалось бы, что участие священнослужителей в этих выборных учреждениях на правах гласных и членов не оказалось бы в противоречии ни с канонами, ни с началами пастырского служения, а между тем открывало бы широкое поприще для проведения в этой области чистых христианских начал и для утверждения своего нравственно-просветительного влияния.

Для разрешения вопроса об участии духовенства в городских и земских учреждениях надлежало бы воспользоваться тем опытом, какой уже представляет история сих учреждений, когда в их состав входили гласные-священники. Насколько известно комиссии, гласные из духовенства являлись полезными деятелями на поприще общественной, земской и городской службы. Признается поэтому желательным восстановить прежний порядок участия духовенства в упомянутых общественных учреждениях на правах гласных.

О церковной веротерпимости и об отношении православной Церкви к старообрядцам

В числе вопросов веры, подлежащих обсуждению предстоящего Собора, комиссия обратилась к рассмотрению вопроса о положении православной Церкви в отношении к старообрядцам по издании Высочайшего указа 17 апреля сего года о веротерпимости.

Положение различных вероисповеданий зависит не от Церкви, а от государственной власти, которая может признать за ними те или иные права, бóльшую или меньшую свободу. Законы 17 апреля и 17 октября объявляют полную веротерпимость. Церковь может лишь одобрить эти акты, проникнутые духом христианства. Что касается церковной веротерпимости, понимаемой в смысле отношения Церкви к другим вероисповеданиям, то о ней не может быть двух мнений: Евангелие заповедует беспредельную любовь ко всякому человеку, какой бы веры он ни был. Заботясь о привлечении в свою ограду всех людей, Церковь не может употреблять никаких иных мер воздействия, кроме тех, какие налагает на нее христианская любовь и кротость. О церковной веротерпимости может быть речь с одной точки зрения: не надлежит ли в настоящее время усугубить меры христианской любви по отношению к вероисповеданиям, отторгшимся от православной Церкви, чтобы облегчить им возвращение в лоно ее?

В этом отношении комиссия не могла не обратить внимания на ненормальные отношения, существующие между православием и старообрядчеством и единоверием.

Собор 1667 г. запретил старые обряды (двуперстие, сугубую аллилуию) с клятвой, предав анафеме содержащих старые обряды: «Сего убо ради повелеваем мы, православнии патриарси со всем освященным собором, с великой клятвой, еже святый символ приимати и глаголати без прилога... и в божественном церковном пении троити аллилуия (алл., алл.,), слава Тебе, Боже; и знаменатися знаменем честнаго и животворящаго креста тремя первыми персты десныя руки, совокупивше я̀ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, по древнему преданию св. апостолов и св. отцев, а Иисусову молитву обще в церквах и домех глаголати: Господи, Иисусе и проч... Сие есть наше толкование и заповедь о святом символе, о аллилуиа, о знамении честнаго и животворящаго креста, о сложении перстов и о Иисусове молитве. Аще же кто будет противлятися нам и всему освященному собору, Богу противляется и уподобляет себя прежним проклятым еретиком, и сего ради наследити имать, якоже и тии еретицы, анафему и проклятие святых и богоносных отцев и святых седми Вселенских Соборов, и в страшный суд о сем осужден будет от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа... Аще кто отныне начнет прекословити о изложенных винах на Соборе сем великом от святейших вселенских патриархов, яже исправиша и узаконоположиша о аллилуиа и о хресте и о прочих винах, яже писана суть в соборном изложении настоящего сего Собора, в лето от Божия по плоти рождения 1667 года, и в книзе Правления жезле: да будет, по апостолу Павлу, в правду самоосужден и наследник клятве сего собора, писанней в соборном деянии его, яко преступник Божий и св. отец правилам противник».

Таким образом, Собором 1667 г. употребление дониконовского обряда на будущее время безусловно воспрещено. Отлучение от Церкви и клятва Собора изречены были на всякого, кто после сего решения отказывался принять новоисправленный церковный обряд.

С этим соборным определением несогласно разрешение, данное Синодом в 1800 году обратившимся к Церкви старообрядцам. Поэтому необходимо клятву Собора «разрешить и разрушить» соборным же актом (подобно тому, как клятвы Стоглавого Собора разрешил и разрушил Собор 1667 г.). Это необходимо сделать и для успокоения совести единоверцев и для того, чтобы устранить смущение желающих перейти в единоверие старообрядцев.

Наконец, необходимо соборным актом уничтожить ограничение церковных прав единоверцев, установленное правилами митрополита Платона, что̀ ставит их в беспримерное в истории православной Церкви положение и несогласное с началом допущенной в 1800 г. свободы обряда.

В числе других вопросов веры, требующих соборного разрешения, по мнению комиссии надлежит поставить следующие:

1. об исправлении перевода Библии на славянский и русский язык;
2. об исправлении славянского перевода богослужебных книг;
3. об установлении единообразия в богослужении.

№ 35,
преосвященного Арсения, епископа Псковского,
от 8 декабря 1905 года

Замечаемые ныне нестроения в церковной жизни происходят главнейше из одного источника — уклонения от лежащего в самой основе церковной жизни *начала соборности*. Соборное начало выражает самый характер внутренней жизни, внутреннего устроения и управления единой, святой, *соборной* и апостольской Церкви; оно проявляется еще во время апостолов, несмотря на всю полноту благодатных их полномочий. «Трудно и едва ли даже возможно, — говорит один канонист (проф. Заозерский), — отыскать в действиях апостолов какой-либо намек на то, чтобы они действовали когда-либо секретно от верующих, предпринимали какие-либо меры, не посоветовавшись предварительно со всей Церковью данного места; напротив, в Деяниях Апостольских находится множество свидетельств в пользу того, что они раскрывали пред верующими свои планы и осуществляли их по совещании с ними и при содействии их». С распространением Церкви Христовой получают все большее развитие и соборы, которые из простейшей формы — дружественного собеседования пастыря с пасомыми — постепенно переходят в многочисленные собрания членов Церкви, клира и мирян, являясь важнейшими органами церковного управления и простираясь на все области церковной жизни. При посредстве этой истинно христианской формы управления Церковью раскрыта полнота христианского учения, ограждена непререкаемая его истинность, и определены незыблемые устои внутренней жизни Церкви. По правилам Церкви (правила 37-е Апост., 5-е Первого, 19-е Четвертого и 6-е Седьмого Вселенских Соборов), созыв Соборов не только является обязательным, но не исполнявшие постановлений о сем иерархи даже подвергались епитимии, а противящиеся созыву Соборов представители внешней власти — и отлучению от Церкви. Преемство соборного управления в православных Церквах Востока и Запада не прерывается вообще до сего дня. В русской же Церкви последний Поместный Собор происходил более двух веков тому назад, и за все время синодального управления члены Церкви не имели духовного утешения слышать соборный ее голос, и органы, в коих выражалось начало соборности, не получили развития. Ввиду сего представляется существенно важным и необходимым периодический созыв Поместных Соборов русской Церкви, кои имеют быть и в будущем, как были ранее, основой церковной организации.

Предположенный к созыву первый Поместный Собор русской Церкви представляет особую важность — между прочим — и в том отношении, что условия, при которых он фактически будет осуществлен, послужат основанием организации дальнейших русских церковных соборов; поэтому определе-

ние сих условий требует чрезвычайной внимательности и осторожности. Основным вопросом при созыве первого русского Поместного Собора является вопрос о составе последнего.

Состав Собора

Будучи членами Церкви, верующие составляют единое тело ее, которое, по словам одного православного канониста-иерарха (еп. Далматинского Никодима), «только тогда будет здорово и будет преуспевать, когда все члены его будут иметь полную жизненную силу и когда между ними будет правильная общественная связь и единство. Без сего единства всех членов Церкви, без совместного действия их по собственному произволению в пользу общего блага, неизбежно должен пострадать хотя какой-нибудь из членов, и, наконец, самая цель Церкви не будет достигнута. Согласно с сим, необходимо является потребность, чтобы каждый член Церкви, без различия своего положения в ней, содействовал по силам и способностям своим общему делу, ради которого существует и сама Церковь, и, следовательно, это содействие входит в обязанность как иерархии, так и верующих мирян». Восточные патриархи в послании своем учат, что как народ без клира, так и клир без народа не составляют Церкви. Указанное начало внутреннего взаимодействия и проникало собой всю жизнь древнехристианской Церкви. Представители церковного авторитета и христианский народ, как это видно из памятников древнехристианской Церкви, находились между собой в самых близких и тесных отношениях; миряне составляли живую и деятельную силу Церкви, бывшую в гармоническом единении с иерархией. Единение это выражалось прежде всего в совместном участии в соборах.

В состав первого церковного Собора, кроме апостолов, входили «старцы» (пресвитеры) и «все множество», «вся Церковь» (Деян., XV). В соборах II века против монтанистов принимали участие вообще верующие. О составе одного из соборов III века имеется следующее определенное указание св. Киприана: «Надлежит, составив общий совет с епископами, пресвитерами, диаконами, исповедниками и твердыми в вере мирянами, рассудить о деле падших». На Поместных Соборах Эльвирском (IV в.), Римских (V и VI в.), Константинопольском (VI в.), Равеннском (X в.), а равно на Вселенских Соборах видим участниками, кроме епископов, и представителей других степеней клира, а равно мирян. Такая последовательная полнота церковного представительства на соборах древнехристианской Церкви не была случайным явлением, а выходила из определенного и ясно выраженного сознания Церкви. «Церковь, — по словам св. Киприана, — есть народ, соединенный со своим епископом, стадо, прилежащее пастырю; Церковь обитает в епископе, клире и верном народе». Еще яснее выражено это сознание в послании восточных патриархов: «У нас ни патриархи, ни Соборы никогда не могли внести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия есть само тело Церкви, т. е. самый народ». Последовательная практика и указанное определенное сознание Церкви ясно

предсказывают, каков должен быть состав русского Поместного Собора. Последний не может состоять из представителей одной какой-либо церковной степени, например — епископской, ибо тогда он, — по справедливому замечанию одного светского писателя, — в такой же степени осуществлял бы идею нормального, канонического собора, в какой «требование созыва свободно избранных представителей народа осуществил бы съезд губернаторов и генерал-губернаторов, съехавшихся для выбора из своей среды министра-президента или министра внутренних дел». Вообще, при одностороннем представительстве на церковном соборе может не быть принята во внимание вся полнота нужд Церкви, не по каким-либо групповым интересам, как это нередко высказывается (таким интересам не может быть места в Церкви и тем более — на церковном соборе), а единственно в силу чрезвычайного разнообразия нужд церковных, кои посему должны иметь возможно более разнообразных своих выразителей. Таковыми, кроме епископов, являются прежде всего представители белого духовенства, ближайшие и непосредственные пастыри церковного стада; они и могут представить богатый и ценный материал для соборных суждений о действительных нуждах Церкви. Также справедливым и желательным представляется присутствие на церковном соборе и верных мирян. «Нам нужно попытаться, — справедливо говорит проф. Заозерский, — привлечь на собор те нравственно-интеллектуальные силы, которые могут быть в распоряжении иерархии, но, благодаря своему положению, действуют созидающим образом одиноко, вразброд. Богословы, ученые, литераторы, публицисты, художники, люди житейской и юридической практики, как и лица высокой духовной опытности из белого духовенства и монашеского старчества должны получить почетное место на соборе, как желательные советники».

Призываемые на собор члены Церкви из среды белого духовенства и мирян, само собой разумеется, не могут иметь здесь права решающего голоса — согласно прямому учению Церкви о епископстве, как непрерывно-преемственной в ней апостольской степени, так и по определенной предшествующей практике Церкви, которая решающий голос на соборах предоставляла всегда только епископам, число коих на соборе всегда обозначается точной цифрой при общем упоминании о других участниках церковных соборов.

Что касается способа избрания лиц белого духовенства и мирян, то, за отсутствием ныне вполне соответствующих для сей цели церковно-народных учреждений, представлялось бы целесообразным воспользоваться в этом случае окружными и епархиальными съездами, расширенными участием в них мирян, соответственно церковно-бытовым особенностям различных епархий. Выдающиеся же ревнители Церкви и представители богословской науки могли бы быть приглашаемы особо.

Будучи существенным элементом церковного строя, начало соборности должно проникать собой все стороны церковной жизни, быть последовательно проведено через все составные части церковной организации — приход, епархию, митрополию и вообще всю русскую Церковь. Только при этом усло-

вии возможно освобождение связанных сил Церкви и оживление ее внутренней жизни.

Об организации прихода

Основой церковной жизни является *приход*, от жизнеспособности которого зависит жизнедеятельность и всего церковного организма. Поэтому с обновления строя приходской жизни и нужно начинать дело церковного переустройства.

По новейшим исследованиям о древнерусском приходе, вызвавшим большой интерес к этому предмету как в светском обществе, так и в церковных кругах, православный русский приход был не территориальной только, как теперь, единицей, но живой и деятельной, правильно организованной общиной, простейшим членом церковного и государственного тела. Главнейшей чертой его устройства было широкое самоуправление. Община строила себе храм, который тем самым являлся общинной собственностью, пользовалась правом избирания себе своего духовного отца и представляла епископу «заручные грамоты» об избранном кандидате для его посвящения, вступала в соглашение с церковным причтом относительно его содержания, имела приходскую церковную собственность и через своих выборных лиц — церковного старосту — вела церковное хозяйство и отбывала церковные повинности перед духовной властью. Внутри прихода все учреждения ведались и поддерживались на средства приходской общины; в приходах были школы или, по крайней мере, «учительные люди» (мастера), существовали благотворительность и общественное призрение (келии для нищих на погостах); община оберегала общественные нравы и семейную жизнь и даже имела право суда над своими сочленами — суд так называемых «братчин». В северной Руси указанные начала церковно-приходской жизни особенно определенно выражались во вверенной ныне моему смотрению древней Псковской области, а равно и в области Новгородской. Но наибольшего развития достигли эти начала в южной Руси, под влиянием исключительных здесь условий религиозной жизни. Орудием упорной и сознательной борьбы за свою религиозную и национальную свободу явились здесь со стороны православного населения — братства. «Первое — да при храме… братство церковное, любовию связуемо, неразрушно и вечне пребывает; второе — да типография станет во преподавание книг божественнаго учительства; третие же — гимнасион да будет во обучение юным и предложение художества письмен и учений внешних же и божественных», — так определяет главные цели своего существования Львовское братство в предисловии к одному из своих изданий. Каждое братство, сколько-нибудь прочно поставленное, старалось «для науки деток малых школу имети и бакаляра в ней ховати и там детей письма греческаго и русскаго учити давати»; передовые же братства устраивали высшие школы, причем преследовалась в данном случае главная цель — произвести искусных священников не только в городах, но и в селах, так как только через образован-

ных священников могла поддерживаться православная вера, против которой направлены были все усилия польско-католической власти. Взгляды, какими руководились братства при устройстве школ, определенно выразились в послании киевских братчиков к царю Михаилу Феодоровичу: «Училище отрочатом православным милостию Божиею языка славяно-росскаго, еллиногреческаго и прочих даскалов великим иждивением устроихом, да не от чуждаго источника пиюще, смертоноснаго яда западния схизмы упившеся, ко мрачно темным римляном уклонятся». По образцу сих значительных братств и рядом с ними существовало много мелких братств по городам и селам, причем во всех случаях братства эти ставили себе целью заботиться о храме, о бедных и больных прихода (устройство так называемых «шпитателей»), о школе; в братских сельских школах обыкновенно обучали дьячки-«бакаляры», отчего и до сих пор в Малороссии псаломщические дома сохраняют в народе традиционное название «школ».

Изменение условий государственной и церковной жизни при Петре Великом коренным образом повлияло и на жизнь православного прихода. В соответствии с известными течениями и направлениями в жизни государственной и общественной русский приходский строй получил в своем существе столько уклонений от первоначальной идеи, а в формах правления и быта — столько новых особенностей, что они в своей совокупности значительно изменили его первоначальный облик, и в то же время отчасти понизили жизненность его влияния на духовную жизнь народа. Постепенно атрофируя, под давлением общих условий, наиболее живые и действенные стороны своего первоначального устройства, церковный приход, тесно сплачивавший прежде самые разнообразные общественные элементы на почве христианской веры и нравственности, обращается во многих случаях в формальное учреждение и накопляет в своей внутренней жизни много явлений отрицательного свойства. «Куча камней, не соединенная никаким цементом, — говорит один писатель, — более имеет связи, чем члены приходской Церкви; ежели один камень возьмешь из кучи, непременно другой соседний камень пошевелится; а бери любого члена в приходе, обижай его и делай с ним, что̀ хочешь, — все другие члены, за небольшими исключениями, и не тронутся с места, пальцем не шевельнут, только бы их не трогали. Но неужели такие отношения наши правильны? Неужели здесь — все, чего от нас требует православная Церковь?»

Столь безжизненное положение основной церковной ячейки — прихода вызывает серьезные опасения за направление религиозно-нравственной жизни членов современной Церкви. Ревнителями святой Церкви указывается, что возрождение древнерусского прихода, с его внутренней организацией и формами внешнего устройства, произвело бы животворную перемену во всем строе современной приходской общины, влило бы новую жизнь и силы в ее организм; так как наиболее характерной особенностью древнерусского приходского уклада было самоуправление прихода, «то начало это и должно быть положено во главу приходского устройства; возрожденный приход должен быть автономен и прежде всего должен быть признан юридическим лицом»,

учреждением с известными правами и преимуществами; как фактический владелец храмового имущества, приход должен иметь право широкого и всестороннего контроля над действиями лиц, непосредственно заведывающих церковным хозяйством; постоянное взаимообщение в сфере материальных и религиозно-нравственных интересов будет способствовать закреплению связи между приходом и священником, причем связь эта еще более укрепится в том случае, если будет восстановлен выбор прихожанами кандидата во священство.

Нетрудно видеть в изложенных предположениях излишек теоретичности, оптимизма и даже утопичности. Воссоздание полностью старых форм жизни невозможно уже потому, что жизнь не может остановиться и застыть в строго определенных формах, а в постоянном течении своем вырабатывает все новые внешние формы, соответственно изменяющимся потребностям и условиям. Нельзя поэтому признать правильной мысль о необходимости полного восстановления древнерусского прихода во всей его прежней организации и устройстве; но вечно жизненный принцип соборности, одухотворявший жизнь приходской общины в прежнее время, может обнаружить столь же благотворные последствия и теперь; с этой точки зрения вопрос о возрождении прихода заслуживает самого серьезного внимания.

Возрождение прихода на основах христианской общительности и взаимодействия могло бы возгреть живое отношение к религиозно-нравственным интересам приходской жизни со стороны всех членов приходской общины — не только духовных, но и светских. На примерах иноверческих и единоверческих приходов можно видеть, какую живую религиозную силу являет приход, объединенный общностью интересов.

Из всех функций деятельности предположенного к восстановлению прихода могут вызывать сомнение, в сущности, лишь две: самостоятельное ведение приходского хозяйства и выбор членов причта.

Что касается первой из указанных функций, то, по-видимому, следует признать полную желательность включения ее в программу приходской деятельности. Историческим прототипом древнерусского прихода в отношении имущественного владения была первоначальная христианская община, которая имела общее церковное имущество для удовлетворения всяких нужд своих братий (Деян. 2:44—47; 4:32, 34, 35); ученые канонисты (главным образом П. Соколов, иеромонах Михаил) в достаточной степени выяснили положительные имущественные права христианской общины по греко-римскому праву. Ввиду сего имущественные права прихода могут подлежать разъяснению не с принципиально-юридической точки зрения, которая представляется ныне бесспорной, а скорее — с исторической стороны, в смысле фактического разъяснения тех условий, при которых русский церковный приход лишен был прав юридического лица. Исследователи, занимавшиеся сим вопросом (Д. Самарин, И. Аксаков, А. Папков), указывают в этом отношении как на основную причину такого лишения, на общую церковно-правительственную политику XVIII в., постепенно отменявшую прежние автономные права приходов и ис-

торгавшую заведование церковным хозяйством из рук прихода; отнятие в 1808 году «экономических сумм» у приходских церквей (около 6 млн. руб.), издание стеснительных правил отчуждения и закрепления земель исключительно лишь за церковью — окончательно заглушили внутреннюю жизнь приходской общины, обратив ее в простое собрание домов, приписанных к известному храму.

Ненормальность такого положения дела, давно сознанная, вызвала особые меры с начала шестидесятых годов минувшего столетия. Особое Присутствие по делам православного духовенства (1862—1885 гг.) высказалось против нынешней системы ведения церковного хозяйства через посредство причта и церковного старосты, под высшим наблюдением духовного начальства, так как она ведет к «терпимому святотатству» — сознательной утайке церковных сумм и, вообще, не обеспечивает их целость и неприкосновенность. Изданные в 1864 году, в устранение сего нестроения, правила о братствах и церковно-приходских попечительствах, при всем своем бесспорном положительном значении, не могли возродить коренным образом приходской жизни. Произошло это от недостаточно широкой сферы деятельности, отмежеванной сим учреждениям, а главное — оттого, что ими призывалась к приходской деятельности не вся приходская община в ее целом, а лишь некоторые отдельные ее члены или группы; деятельность прихода как живой христианской общины, как основной ячейки церковной жизни, указанными учреждениями не затрагивалась и остается ныне в положении разве лишь немного лучшем, чем была до издания правил 1864 года.

Все это, казалось бы, не может не говорить о необходимости создания таких условий, которые содействовали бы пробуждению жизни в приходах, возгреванию чувств христианской общительности и взаимодействию в достижении общих религиозно-нравственных целей прихода, как малой Христовой Церкви. При таких условиях жизнь православного прихода, являя незаменимую почву для пастырского руководительства, представляла бы несокрушимый внутренний оплот против самых сильных тлетворных влияний в области веры и нравственности, — что̀ имеет особенное значение в настоящее время при объявленной свободе исповеданий.

Как на первую меру в сем отношении следует указать на предоставление приходу прав «юридического лица», *правомочного приобретать имущества* предоставленными в законе способами и средствами. В сущности, это будет не столько законодательным расширением, сколько более определенной юридической формулировкой прав прихода, так как и нынешние законодательные по сему постановления, правда — неясные и неопределенные, не только не заключают в себе прямого отрицания прав прихода, как юридического лица, но и заключают в себе данные, достаточные для утверждения таких прав за приходом. В юридической литературе по поводу неупоминания православного прихода в перечне юридических лиц в ст. 698 т. X ч. I указывалось, что перечисление юридических лиц в указанной статье только примерное, и что умолчание в законе о православном приходе, как юридическом лице, не мо-

жет служить основанием к отрицанию за ним подобного значения, что ст. 501 т. XIII Св. Зак., уст. об обществ. призр., убеждает в существовании в наших законах понятия о «церкви» как о «церковной общине», и что даже Высочайше утвержденная 12 июня 1890 года инструкция церковным старостам также устанавливает понятие о приходе, как о церковной общине с известным кругом прав и обязанностей (журнал «Право», 1903 г., № 1). На той же точке зрения стоит, по-видимому, и юридическая практика; так, Сумский окружной суд признал за приходом Благовещенской церкви с. Волынцева, Путивльского уезда, права юридического лица, предписав нотариусу совершить дарственную запись на ¼ десятины земли, подаренной дворянином Печковым означенному приходу.

Уместно при сем упомянуть, что в ст. 698 т. X ч. I Зак. Гражд. в числе юридических лиц, способных к приобретению недвижимого имущества, не упомянуто и духовенство как сословие, что̀ на практике ведет к фактическому закреплению недвижимой собственности духовенства за различными епархиальными учреждениями, имеющими права юридического лица. Ограничение это также едва ли может быть признано справедливым, как препятствующее развитию взаимодействия и самопомощи духовенства и тем отнимающее у него одно из наиболее существенных средств материального обеспечения и — вместе с тем — устранения тяжелой материальной зависимости от прихожан.

Естественным последствием признания за приходом прав юридического лица явилось бы предоставление приходу права участвовать вместе с духовенством в заведовании церковными суммами и имуществами под наблюдением местного и епархиального начальства или, по крайней мере, наблюдать за их законным употреблением и получать в том отчет.

Предположение это также не заключает в себе существенного противоречия существующему и ныне порядку заведования церковным достоянием. И правилами о попечительствах, и инструкцией о церковных старостах прихожане в некоторой мере привлекаются к участию в церковном хозяйстве, но только участие это слишком ограничено и пассивно, а потому призыв к нему и встречает обыкновенно такое безразличное отношение со стороны прихожан. Более широкие права по заведованию и распоряжению церковным имуществом со стороны всего православного прихода, — следует с уверенностью ожидать, — вызвали бы и более живое отношение со стороны приходской общины к ее материальным и духовным интересам, что̀ сопровождалось бы большей заботой о храме и о всех религиозно-благотворительных и просветительных учреждениях приходской общины, чем это замечается в настоящее время. Все это, само собой разумеется, не исключает ограждения прав тех учреждений, которые содержатся ныне на церковные средства.

Значительно более сложным представляется вопрос о предоставлении приходу избирательных прав по отношению к причту. Выборное начало применяется в некоторых приходских общинах на Западе и — в общем — сопровождается последствиями благоприятными для религиозно-нравственных их

интересов; но там начало это применяется во всех сферах жизни не только церковной, но и гражданской, и население в достаточной степени применилось там к целесообразному пользованию избирательной формой. В нашем отечестве условия гражданской и церковной жизни до сих пор направлены были по такому пути, который не мог создать указанной традиции; посему признание у нас в полной мере такого порядка замещения приходских мест, прежде чем народная масса не научится надлежаще применять избирательное право, поставило бы приходское духовенство в крайне зависимое от прихожан и беспомощное положение, как это видно из примера Уральской области, где до половины прошлого века правом избрания священников пользовалось Уральское войско. На ходатайство в 80-х гг. минувшего столетия о восстановлении приходских выборов причта на древнерусских исторических началах Св. Синод высказал, что «восстановление ныне приходских выборов было бы, в сущности, поворотом к прежним временам невежества, из которого наше отечество вышло рядом многовековых усилий, и могло бы повести к прежним злоупотреблениям» (Опред. Св. Синода в «Церковном Вестнике» 1885 года № 8).

Тем не менее нельзя не признать, что избирательная система заключает в себе много драгоценных сторон, которые весьма полезно было бы использовать ко благу Церкви. В древнехристианской Церкви она являлась одним из действительных средств сближения избирателей с избираемыми и порождала между ними тесную нравственную связь, как первейшую основу широкого влияния иерархии на дела общины. Весьма полезно было бы посему сохранить в возможной мере принцип живого участия прихожан в избрании себе пастыря. Св. Синод, высказавшись (в определении своем от 18 июля — 8 августа 1884 года) против самостоятельных выборов приходом членов причта, ясно указывал при этом, что «право прихожан в смысле заявления ими епископу своего желания иметь преимущественно известное лицо, или в смысле свидетельства о добрых качествах ищущего рукоположения лица, не было отменяемо и, как показывают восходящие в Святейший Синод дела, нередко применяется и в настоящее время». Настоящим своим определением Святейший Синод признает за приходом инициативу в деле замещения свободной священнослужительской должности в приходе, оставляя за духовной властью окончательное утверждение приходского выбора или отказ в том случае, если избранный кандидат не удовлетворяет необходимым для священнослужителя требованиям. Это право духовной власти должно быть признано *безусловным*, так как оно определенно предписывается церковными канонами и подтверждается всей практикой православной Церкви. Но нужно поставить приходские выборы в такие условия, чтобы результаты их не находились в противоречии с требованиями, предъявленными церковной властью. Отрицательные стороны избирательного права, составляющего существо церковной практики в замещении иерархических должностей, заключаются именно в тех злоупотреблениях, какие представляют фактическое нарушение избирательного права со стороны избирателей-прихожан; но эти замечаемые в действительности

отступления от данного принципа не могут вообще служить основанием к отрицанию его правильности и лишь указывают на необходимость устранения отрицательных явлений в приходских выборах. Для предотвращения злоупотребления в данной области и — главным образом — для устранения возможности выбора несоответствующих кандидатов, можно было бы ясно и точно определить требования со стороны образовательного ценза и нравственных качеств, каким должны удовлетворять кандидаты священства, и затем обусловить приходские выборы указанными требованиями. Если приход действительно возродится и обнаружит живые силы, то, с одной стороны, кандидатам пастырства представится на приготовительных к нему ступенях полная возможность обнаружить перед избирателями свои действительные достоинства и пригодность к пастырскому служению, а с другой — выбор кандидата на священную должность со стороны исполненной истинного христианского духа приходской общины будет действительно авторитетным свидетельством в глазах духовного начальства, которое притом же имеет все пути удостовериться в справедливости такого свидетельства. Следует иметь в виду, что и в настоящее время назначение епархиальной властью на духовные должности часто совершается без близкого непосредственного знакомства с назначаемым кандидатом и лишь на основании свидетельств органов епархиального управления; нельзя не видеть в этом некоторой односторонности установившейся практики, что̀ нередко ведет в действительности к ошибочным назначениям, которые в значительной мере могли бы быть устранены, если бы был введен корректив в виде надлежаще поставленных приходских выборов. Во всяком случае, по нашему убеждению, в настоящее время и при настоящих условиях, право избрания священнослужителей должно принадлежать епархиальной власти, которая, конечно, может принимать во внимание и свидетельство «от внешних», т. е. от прихожан.

Возрождение прихода выдвигает важный вопрос *об участии приходского духовенства в области материальных и вообще гражданских отношений паствы*. Такое участие представлялось вполне естественным еще с того момента, когда возник вопрос об освобождении сельского населения от крепостной зависимости и когда редакционная комиссия по составлению Положения 19 февраля 1861 года пришла к мысли, что «разделение на приходы может оказаться особенно полезным в более или менее близком будущем, при неминуемом, со временем, слиянии всех сельских сословий, представляя готовую, так сказать, рамку, в которую легко, удобно и охотно уложатся все новые элементы». От осуществления такого намеченного для будущего предположения о слиянии всех членов прихода в общности интересов пришлось отказаться по условиям того времени; но в самое недавнее время дело это вновь поставлено на очередь Высочайшим манифестом от 26 февраля 1903 года, каковым манифестом «поставляется задачей дальнейшего упорядочения местного быта сближение общественного управления с деятельностью приходских попечительств при православных церквах там, где это представится возможным». Если современные приходские попечительства и при всей ограни-

ченности своих задач имеют, по Монаршему предначертанию, оказать существенное влияние на упорядочение местного быта, то тем более должны быть призваны к тому возрожденные на началах внутреннего самоуправления приходские общины. Роль приходского духовенства, как руководителя жизни церковных общин, представляется в этом случае насколько важной, настолько же и разносторонней. Облегчение тяжелых внешних условий жизни, порожденных несовершенством жизненного строя, защита слабых и бедных от несправедливости и грубого эгоизма сильных и богатых, развитие широкой приходской благотворительности и просвещения в истинно христианском духе, — это те могущественные пути, которыми духовенство, наряду с религиозно-богослужебной деятельностью, и может наиболее успешно и действенно придти к цели своего служения. Участие духовенства в разнообразных проявлениях приходской жизни должно иметь конечным результатом такое проникновение общественных дел религиозным духом, что все внешние стороны жизни, все общественные силы будут развиваться под сенью церковного влияния.

Само собой разумеется, не может быть в данном случае допущено вторжение Церкви в область изменчивых политических интересов, в ожесточенную партийную борьбу, равно как не может она быть орудием политических планов государства: «Церковь тогда только может быть нравственной опорой государства и иметь благотворное влияние на его членов, когда она живет своей самостоятельной жизнью, когда ее силы не истощаются и не искажаются давлением других внешних сил» (протоиерей Иванцов-Платонов).

Строй епархиального управления

Начало выборного самоуправления не может быть ограничено пределами приходской жизни. Такое ограничение принесло бы существенный вред Церкви, ибо тогда живая сила отдельных приходских общин была бы совершенно дезорганизована и в конечном результате могла бы направиться в различные и притом нежелательные стороны. Если бы признано было целесообразным применить принцип самоуправления в низших ячейках церковного организма, то представлялось бы безусловно необходимым распространить его и на всю область епархиальных отношений. Епархиальное устройство наше вызывает много разнообразных и, по существу, справедливых нареканий. По характеристике одного из наших канонистов, «весь епархиальный строй у нас представляет систему правительственных учреждений и чиновников, действующих замкнуто в своем районе и связанных между собой внешней официальной субординацией; в то же время все они действуют изолированно от остальной паствы или «членов Церкви»; получается, будто весь епархиальный строй намеренно преследует разобщение членов Церкви, вместо того чтобы служить общению и сплочению в единый крепкий духовно организм». Нельзя, действительно, не признать, что настоящее епархиальное устройство ставит духовенство в изолированное положение от народа и в то же время отчуж-

дает верный народ от деятельного участия в церковной жизни. Для того, чтобы достигнуть составляющего основу Церкви единения всех верующих, пастырей и пасомых, необходимо установить более близкую связь приходских единиц с органами епархиальной власти, приспособив для сего организацию и этой последней. Это было бы не нововведением, а наоборот, — возрождением того принципа, который одухотворял древнехристианское церковное устройство. Во всех случаях епископ, клир и народ составляли одну общину, одну церковно-административную единицу. При епископе находилось несколько пресвитеров, которые составляли совет епископский (пресвитерский) и без совещания с коими епископ не предпринимал ничего важного; миряне также не лишены были участия в церковных делах. Верующие взаимно были связаны единством интересов, и вся жизнь общины носила возвышенный нравственный характер. Это должно быть объяснено не только высотой чувств первых христиан, но и в значительной мере обусловливалось теми простыми и совершенными началами, которые проникали устройство церковной общины. Те же вечно живые начала христианского единения должны быть положены и в основу современного епархиального устройства, насколько это возможно при условиях современной жизни. Для сего, казалось бы, не настоит надобности в создании новых органов епархиального управления; с полным успехом можно бы воспользоваться существующими ныне органами, сообщив им иную постановку в духе выборного самоуправления.

Немалое значение в этом случае могли бы иметь существующие ныне *окружные* и *епархиальные съезды*. Последние представляют собой отголосок и развитие древнего обычая русской Церкви — ежегодного приезда приходского духовенства каждой епархии к своим епископам на так называемые соборы («соборное воскресенье») для рассуждения о всяких церковных делах и о разных недоуменных вопросах по церковной практике и по приходским нуждам. Главными недостатками существующего положения о съездах являются: нерегулярность их созыва и ограниченность круга их ведения. Они созываются по усмотрению епархиального епископа для выбора членов правления от духовенства в духовные училища и семинарии и для изыскания средств к безбедному существованию духовных школ. Доказательством жизненности этого органа епархиального устройства может служить то, что во многих случаях съезды духовенства захватывали значительно более широкую область епархиальных дел, чем это указывалось положением, — народное образование, благотворительность и взаимопомощь в среде духовенства, миссионерство и др. С распространением компетенции епархиальных съездов на более широкую область епархиальных дел, с установлением регулярного их созыва, со введением в состав съездов светских представителей от приходов, епархиальные съезды явились бы действительным органом епархиально-общественного управления, связующим приходское устройство с епархиальной властью. С установлением такого органа не было бы места тем нередко вызываемым опасениям, что приходские общины, если им будет предоставлено распоряжение имуществом прихода, могут отказывать в поддержке общеепархиальных уч-

реждений; когда приходы будут иметь своих представителей в общеепархиальном органе, то решения сего органа, компетентного в общеепархиальных нуждах, не могут не быть обязательными для отдельных приходов. Само собой разумеется, что, при осуществлении такого предположения, пришлось бы прямое представительство приходов на епархиальном съезде ограничить посредствующим окружным представительством — как ввиду многочисленности вообще приходов в епархии, так и для сокращения необходимых издержек при поездках выборных в епархиальный город.

Епархиальные съезды должны именоваться *епархиальными соборами*, в состав которых входят не только священнослужители, но и церковнослужители и мирские представители епархиальной Церкви, избранные на окружных съездах. Во главе собора, согласно каноническим правилам, стоит епархиальный епископ, как предстоятель местной Церкви.

При изменениях в строе современной русской Церкви не может быть оставлена без внимания *консистория*, настоящее устройство которой имеет формально бюрократический характер.

По каноническим церковным постановлениям, епископ правит Церковью «по совету и чрез пресвитеров». «Епископский совет», в котором епископская власть действует через пресвитеров, есть духовная консистория. По существующим законоположениям, положение консистории по меньшей мере в настоящее время странное и ненормальное. Консистория — «совет пресвитеров» при епископе; но в этом совете епископ не председательствует, и все сношения епископа с «советом» производятся при посредстве бумажного делопроизводства. Фактическим председателем органа епархиального управления и суда является обыкновенно, по естественному ходу дела, секретарь консистории, который дает направление и руководство ее деятельности. Так как секретарь консистории назначается обер-прокурором Святейшего Синода и находится в непосредственном его подчинении, то и консистория, которая должна бы являться органом власти епархиального епископа, на самом деле подчинена через секретаря обер-прокурору Святейшего Синода. Эта двойственность власти, эта неопределенность и спутанность консисторской организации, будучи не согласной с каноническими правилами Церкви, исключает всякую возможность правильной деятельности епархиального церковного управления. Для уничтожения этой двойственности и спутанности власти требуется или вполне подчинить консисторию епископу, предоставив членам консистории лишь право совещательного голоса, причем и вся ответственность по епархиальному управлению должна лежать на одном лишь епископе, или же дать консистории некоторую самостоятельность в решении подведомственных ей епархиальных дел.

При многосложности епархиальных дел и обязанностей, лежащих на епископе и отдаляющих его от живого и непосредственного общения с паствой, необходимо произвести реорганизацию епархиального управления: а) все важнейшие епархиальные дела должны решаться в консистории под непременным председательством епископа, причем в «епископский совет», в реше-

нии особенно важных дел, могут приглашаться и другие пресвитеры кроме членов консистории. б) Консисторские дела, не имеющие прямого отношения к епископскому управлению, можно предоставить решению консистории журнальным порядком, без утверждения журналов епископом; таковы, например, дела о выдаче метрических выписей, свидетельств о правах по рождению, паспортных книжек и других документов, выдаваемых из консистории, сношения с различными правительственными и общественными учреждениями, дела о пожертвованиях и духовных завещаниях, хозяйственные распоряжения по надзору за церковно-причтовым достоянием, сдача в аренду церковных земель и домов и т. п. в) Многие дела, подлежащие в настоящее время ведению епархиального управления, должны быть переданы в соответствующие гражданские правительственные учреждения; таковы, например, бракоразводные дела, дела по приобретению церквами и духовенством недвижимой собственности, дела по духовным завещаниям, вообще все дела, в которых консистория является лишь передаточной инстанцией между духовенством и гражданскими правительственными учреждениями. г) Некоторые дела из ведения консистории могут быть переданы в ведение благочиннических пастырских собраний духовенства. Сюда относятся не только дела, которые указаны в правилах о благочинных советах, но и многие другие дела, которые в настоящее время только плодят лишнюю бумажную переписку и могут быть выделены из числа дел, подлежащих епархиальному управлению; таковы: дела о распрях и нестроениях в причтах, дела чести, о раздорах причтов с церковными старостами, дела о маловажных дисциплинарных проступках священно- и церковнослужителей и т. п. д) При заботах о расширении и оживлении приходской жизни многие дела могут быть с пользой переданы в ведение местных церковно-приходских попечительств; таковы все дела, касающиеся ревизии приходорасходных книг, поверки документов по ремонту и постройке церквей и церковных домов, сдачи в аренду земель и домов и т. п. е) Сам порядок канцелярского делопроизводства консистории с его бумажным формализмом, представляющим из себя пережиток давно прошедшего времени, должен быть упрощен, видоизменен и сокращен. Многое, существующее ныне в канцелярском делопроизводстве, должно быть совершенно уничтожено; так, например, вместо бесцельной записи входящих бумаг в общие реестры секретарь может передавать все бумаги, поступающие в консисторию, непосредственно столоначальникам под расписку их в дежурной книге; может быть отменено составление записок в судных делах, двойное писание резолюций членов консистории в настольных реестрах и на самих бумагах, подробное вписывание содержания всех бумаг в настольных реестрах и т. п.

Церковный суд

В ряду дел, подлежащих ведению консистории, особенного внимания заслуживают *судебные ее функции*. При обширности сферы ведения консистор-

ского суда, правильная его постановка представляется делом громадной — и принципиальной и практической — важности. Между тем едва ли в каком-либо другом вопросе церковной жизни так единодушно сходились все — и писатели-теоретики и практические церковные деятели, как в вопросе о неудовлетворительности духовного суда. Профессор-канонист Н. Заозерский называет консисторское судопроизводство «и нецелесообразным и недостойным православной Церкви»; «действующий консисторский процесс — характера гражданского, создавшийся постепенно под сильным влиянием прежнего общегосударственного гражданского права, в настоящее время уже нигде не действующего; ... формальная теория доказательств, оставленная всюду, обусловливает собой многие весьма ощутительные недостатки консисторского процесса. С канонической точки зрения весь этот архаический процесс не только не может быть защищаем, но и прямо должен быть отменен, и чем скорее, тем лучше. Суд по внутреннему убеждению и порядок судопроизводства по уставу 1864 г. ближе подходит к православно-каноническому процессу, чем доныне действующий консисторский процесс»... Не кажется после этого удивительным такой отзыв православного священника, появившийся ныне в одном из периодических изданий: «Наш духовный суд ничуть не лучше крестьянского суда, накануне упразднения коего мы живем: та же зависимость суда от администрации, та же безапелляционность и те же закрытые двери».

Епархиальному епископу, являющемуся вершителем консисторских судных дел, едва ли не более всего приходится испытывать все неудобства настоящей постановки консисторского судопроизводства. Фактическим духовным судьей ныне является духовный следователь. Так как консисторский суд производится заочно, передопрос на суде не допускается и никакие новые обстоятельства к разъяснению дела, кроме добытых духовным следователем, не могут открыться, то решение суда уже определенно предуказывается следствием, которое из предварительного, как бы должно быть, обращается в окончательное. А между тем духовный следователь вообще не подготовлен к исполнению своих обязанностей, является в своем деле лишь самоучкой и притом тем более беспомощным, что даже руководства, к которым он может обратиться, дают самые разноречивые указания; объективность и беспристрастие духовного следователя также подвергаются большому искушению ввиду близких личных и служебных отношений с тем священником, одного с ним округа, над которым он производит следствие. Результаты следствия лица, не вполне компетентного и не всегда беспристрастного, и являются единственным основанием для постановления судебного решения, которое представляется на усмотрение епископу, у которого еще менее имеется оснований для вполне справедливого решения, так как у него нет даже следственного делопроизводства.

Реформа духовного суда должна начаться с института следователей.

Для создания состава опытных духовных следователей необходимо дать им надлежащую подготовку хотя бы в высших духовно-учебных заведениях,

на что следует обратить внимание при реформе их, введя соответствующее дополнение в курс церковного права. Теоретически подготовленный следователь, в особенности если он начнет свою деятельность под руководством следователя-практика (как это принято в гражданском суде и как это возможно было бы установить со временем и в суде духовном), будет действовать не ощупью, не по собственному соображению, как весьма часто бывает ныне, а на основании ясно и правильно сознанных юридических норм духовного суда. Такой следователь может быть поставлен на более широкий район, даже обнимающий несколько уездов, — что̀ гарантирует бо́льшую объективность его следовательской деятельности. Установлением особых должностных следователей устранена будет медленность — одно из наиболее больных мест консисторского судопроизводства. «Наиболее выдающийся недостаток церковного суда, — говорится в одном из циркуляров Святейшего Синода, — необычайная медленность; лишь по немногим только делам следствия заканчиваются раньше года, по большей же части дела оные продолжаются по году и более; но встречаются дела, по которым следствия тянутся по три, по четыре года».

Для устранения из духовного суда исключительно бумажного производства представляется прежде всего необходимой его децентрализация. Мертвящий формализм настоящего судебного делопроизводства в консистории в значительной степени зависит от того, что здесь сосредоточиваются дела даже о сравнительно неважных проступках духовенства. Если бы большинство этих дел поручено было местной судебной инстанции, — это послужило бы к несомненному улучшению судебного производства. Такие инстанции и существуют уже в виде благочиннических советов; следует только точно определить и расширить их компетенцию, — как это и предлагает учрежденный в 1870 году комитет для составления основных положений по преобразованию духовно-судебной части. Этой инстанции духовного суда, ввиду простоты ее организации, легко и с успехом можно было бы усвоить лучшие стороны гражданских судебных уставов. С учреждением местных — окружных или уездных — судов, судебное делопроизводство консистории было бы сокращено в значительной степени; в общеепархиальную инстанцию духовного суда поступали бы только апелляции на местную инстанцию; право таких апелляций необходимо присвоить духовенству, обусловив при этом, что до решения епархиального суда исполнение приговора приостанавливается.

С сокращением круга судебных дел консистории судебная часть в ней улучшится; сюда будут поступать дела по более важным проступкам, и к делам этим консистория будет относиться с большей внимательностью и осторожностью, чем это делается ныне, при обременении ее массой судебных дел. Если бы при этом было принято представленное выше общее переустройство консисторской организации, то судебная часть консистории могла бы быть поставлена на вполне рациональных юридических началах, причем, ввиду ограниченности круга и сравнительной важности дел, можно бы допустить в этом случае непосредственное присутствие и личные объяснения сторон. Это последнее является идеальной целью духовного судопроизводства.

Наряду с местными и общеепархиальной инстанциями духовного суда должен быть оставлен и допускаемый ныне, по Уставу духовных консисторий, непосредственный архиерейский суд; учреждением этого суда имелось в виду освободить погрешивших духовных лиц от трудностей формального делопроизводства в таких случаях, когда эти лица совершили какие-либо проступки по неведению и нечаянности, или не соединенные с явным вредом и соблазном, совершенные притом в первый раз лицами, до того времени безупречными; с теми же благотворными целями учреждение это должно существовать и далее, как один из наиболее ценных видов пастырского общения с духовенством и непосредственного нравственного влияния на него.

О духовно-учебных заведениях

Ненормальность настоящего положения духовной школы, особенно семинарий, которые, собственно, мы теперь и имеем в виду, не подлежит, конечно, никакому сомнению. Причина этого — несовместимость сословной и профессиональной целей, которым одновременно должны удовлетворять семинарии.

Надлежащая постановка духовной школы касается всего строя церковной жизни, но ближайшее отношение имеет к епархии в вопросе о подготовке достойных кандидатов на места священнослужителей. С этой стороны семинарии не удовлетворяют своему назначению. Что делать? Не будем здесь приводить разных мнений по данному вопросу. Выскажем вкратце свое мнение, не вдаваясь в детальную разработку его, а ограничившись общими принципами, которые, по нашему убеждению, должны быть поставлены в основу настоятельно необходимой реформы духовно-учебных заведений.

Нужно выделить сословную школу для детей духовенства от специально богословской — бессословной. Сословная школа должна состоять из шестигодичного курса и по программам своим должна приближаться к светской общеобразовательной школе, в которую имели бы право поступать учащиеся в духовной сословной школе. Эта школа составится из четырех классов нынешних духовных училищ и двух классов семинарии. Специально же богословская школа должна быть рассчитана на четыре года. Сюда могут поступать без экзамена, по желанию, как окончившие курс шестиклассной сословной школы, так и, по экзамену, окончившие курс церковно-учительских школ и других учебных заведений. В этой школе, как имеющей целью приготовление просвещенных и благоговейных священнослужителей, весь учебно-воспитательный строй должен быть строго церковным.

Таково мое мнение. Из письменных и личных сношений с некоторыми преосвященными и любящими Церковь мирянами я убедился, что оно не единично. Подробная мотивировка его в такой именно постановке сделана в представленной Святейшему Синоду записке преосвященного Стефана Могилевского, с чем, в общем, и мы согласны.

Русская Православная Церковь очень обширна — и по своей территории, и по числу верующих; условия жизни последних в различных местах нашего отечества не одинаковы; сплошь и рядом в иных епархиях возникают насущные, жгучие нужды, каких не испытывают другие епархии. Все это требует от служителей Церкви, по слову апостола, «быти всем вся» для целей религиозно-нравственного усовершения и спасения паствы. Такая непосредственная отзывчивость на запрос паствы весьма затруднительна при централизации церковного управления. В центральном правящем органе, ввиду самого его положения, естественно сосредоточиваются дела, кои по преимуществу обнимают круг более широких интересов — и в отношении их сравнительной важности и даже в отношении более обширного круга верующих, потребности коих имеются в виду при этом. Местные же нужды, выдвигаемые условиями данного церковного района и данной минуты, не могут иметь для себя надлежащего — полного и всестороннего выражения в центральном органе церковного управления. Едва ли следует доказывать, что такого рода вопросы, в силу их местного значения и специфических местных особенностей, могут получить более соответственное разрешение в том случае, если они будут подвергнуты обсуждению на местах, при совместном участии иерархов данного района. Казалось бы, посему, для полного и всестороннего развития жизни Церкви, во всех местных и разнообразных потребностях чад ее, необходимо предоставить ближайшее общее и на единых началах, в полном согласии с общецерковными нормами, действование владык, епархии коих находятся приблизительно в одинаковых условиях религиозно-нравственной жизни. «Децентрализация — альфа в деле восстановления живой церковной деятельности». В пределах русской Церкви сами собой намечаются пункты, к которым тяготеют и около которых должны группироваться окрестные епархии для образования из нескольких разрозненных ныне единиц одного религиозно-нравственного целого в виде митрополичьего церковного округа. Такая практика и имела место в древнехристианской Церкви. Митрополит созывал окружные соборы епископов всякий раз, как настояла в том потребность, председательствовал на соборах, наблюдал за избранием епископов в своем митрополичьем округе и посвящал их, принимал апелляции членов клира на действия епископов и вновь рассматривал дела соборно. Со временем, с развитием централизации церковного управления, митрополичий институт приходил постепенно в упадок, и теперешние митрополиты — как на Востоке, так и у нас — суть только епархиальные владыки без какого-либо расширения их авторитета по отношению к другим окрестным епархиальным архиереям. Восстановление *митрополичьего* института в его древнецерковном значении, применительно к новым условиям и потребностям, явилось бы одним из наиболее действенных путей для осуществления в современной Церкви начала соборности; *митрополичий* институт составлял бы крепкое и живое звено, которым неразрывно соединялись бы меньшие церковные единицы с высшим

органом управления русской православной Церкви, образуя единое живое, соборное тело Церкви.

Что касается числа митрополичьих округов, то, по нашему мнению, достаточно на первое время образовать одиннадцать: в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Вильне, Харькове, Казани, Тифлисе, Астрахани, Тобольске и Иркутске.

Окружное патриаршее управление

Митрополичьи округа должны быть объединены под властью первосвятителя русской Церкви, согласно с церковными канонами. «Епископам всякого народа подобает знати первого из них, и признавати его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения, творити же каждому только то, что̀ касается до его епархии и до мест к ней принадлежащих» (Апост. прав. 34-е). Ради чести русской Церкви, первосвятителю ее более всего приличествует сан патриарха. В лице патриарха русская Церковь приобретет своего представителя, каковым, конечно, никогда не был и не будет первоприсутствующий в Святейшем Синоде, который есть представитель разве Синода, но никак не Церкви русской. Учреждение у нас или, вернее, восстановление патриаршества будет знамением освобождения православной русской Церкви от опеки государства и возвращением к «ее древней, отцами преданной и святыми канонами утвержденной, церковной красоте». Избрание патриарха принадлежит Поместному Собору русской Церкви с соизволения Государя. Патриарх управляет Церковью не единолично, а посредством постоянного Синода, в состав которого входят избираемые на митрополичьих Соборах епископы.

Самым высшим церковно-законодательным учреждением в русской Церкви должен быть Поместный Собор, созываемый периодически по мере надобности. Теперь остается молить Бога, чтобы, во исполнение обещания Государя, скорее наступило «благоприятное время» для созыва Поместного Собора Всероссийской Церкви. *Но предварительно непременно должен быть съезд всех епископов*, так как я уверен, что и среди нас существуют разногласия по иным вопросам веры и церковного управления.

№ 36,
преосвященного Тихона, архиепископа Иркутского,
от 4 декабря 1905 года

О Поместном Соборе Всероссийской Церкви

I

Созвание Поместного Собора есть крайняя необходимость для русской Церкви, которая далеко уклонилась от тех догматико-канонических норм, которые должны быть постоянными и неизбежными руководящими началами церковной жизни.

II. Состав Собора

В состав Собора должны входить:

1) Епископы всех русских епархий со всеми викариями. В случае невозможности присутствовать на соборе, епископ посылает заместителя из белого или черного духовенства или мирян.

2) Представители белого духовенства — в количестве: по одному представителю на каждые 200 сельских приходов приблизительно, и по одному — на духовенство каждого епархиального города. Представители сельского духовенства избираются в каждой епархии на общем епархиальном съезде, составленном из представителей, избранных на благочиннических съездах. Избрание представителей на собор возможно как из числа членов епархиального съезда, так и из лиц, не присутствующих на этом съезде. Выборы происходят путем закрытой баллотировки. Представители городского духовенства избираются на городском благочинническом съезде тем же способом.

3) Представители первоклассных монастырей в России, избираемые братией оных, по одному на каждый монастырь.

4) Миряне — в количестве, равном числу представителей от белого духовенства (по епархиям). Избрание мирян представляет особые затруднения ввиду отсутствия у нас организованной приходской жизни. Наиболее удобным является следующий способ: избрание мирских представителей происходит посредством приходских выборов, дающих членов в съезды мирян по благочиниям; на последних избираются члены епархиального съезда мирян, избирающего представителей на Собор.

5) Представители от духовно-учебных заведений — духовных семинарий и мужских духовных училищ. Избрание этих представителей столь же почти трудно, как и избрание мирян. Предпочтителен следующий способ: члены от четырех духовных академий избираются советами академий по одному на каж-

дую; в каждой епархии избираются: один представитель от духовной семинарии (правлением семинарии) и один — от мужских духовных училищ епархии (на общем съезде депутатов училищ, избираемых правлениями последних).

Примечание. Путевые расходы всех представителей, за исключением епископов, относятся на счет их епархий.

III. Права членов Собора

Члены-епископы имеют право решающего голоса. Остальные члены — право совещательного голоса. Это последнее, в отношении инициативы возбуждения вопросов и их обсуждения, считается равным праву епископов, обладающих исключительным правом окончательного решения. Решение постановляется большинством голосов (решающих). Мнение Собора выражается также большинством голосов (как решающих, так и совещательных).

IV. Организация Собора

Председательствует на Соборе епископ, избранный всеми членами Собора.

Для предварительной разработки материалов, доставляемых епархиями по вопросу о Соборе и его программе, должна быть образована при Святейшем Синоде особая комиссия, состоящая из епископа, членов от столичного духовенства, чинов Синода и профессоров духовных академий (по назначению Синода). Задача ее — составить систематизированный свод материалов, доставленных епархиями в Синод.

При самом Соборе должна быть особая канцелярия, состоящая из лиц, выбираемых председателем Собора и председателями соборных комиссий, имеющих образоваться по предметам, подлежащим соборному рассмотрению, — из числа членов Собора как духовных, так и светских.

Заседания Собора должны быть гласными и открытыми.

V. Разделение русской Церкви на митрополии и соприкосновенные с сим вопросы

1) Приход, как первичный элемент церковного строя, должен иметь возможно меньшее количество душ. Предельный maximum православного населения в приходе — 1000 душ обоего пола. Лишь в крайних случаях, и только в качестве временного явления, возможно допускать 1500—2000 душ в приходе.

2) В отношении *епархий* желательно, чтобы они совпадали с гражданскими уездами, но имели во всяком случае не более 250 приходов (т. е. от 250 000 до 500 000 православных жителей).

3) Дальнейшей административной единицей является *митрополия*. Весьма желательно, чтобы митрополии, соответственно епархиям-уездам, совпа-

дали с гражданскими губерниями и каждый губернский город имел своего митрополита. В случае невозможности немедленного образования митрополий в таком количестве представляется необходимым разделить русскую Церковь, сообразно с относительным количеством приходов, бытовыми, историческими, географическими и этнографическими особенностями, на следующие *двадцать две* (22) митрополии: 1 — епархии Петербургская, Олонецкая, Новгородская, Псковская, Рижская и Финляндия (кафедра митрополита в Новгороде); 2 — епархии Виленская, Гродненская и Царство Польское (кафедра митрополита в Вильне); 3 — епархии Минская, Витебская и Могилевская (кафедра митрополита в Могилеве); 4 — епархии Волынская, Киевская, Екатеринославская (кафедра митрополита в Киеве); 5 — епархии Кишиневская, Каменец-Подольская (кафедра митрополита в Кишиневе); 6 — епархии Курская, Харьковская, Воронежская (кафедра митрополита в Харькове); 7 — епархии Черниговская, Полтавская (кафедра митрополита в Полтаве); 8 — епархии Смоленская, Тульская, Калужская, Орловская (кафедра митрополита в Смоленске); 9 — епархия Московская, Тверская, Ярославская, Владимирская (кафедра митрополита в Москве); 10 — епархии Рязанская, Тамбовская, Пензенская (кафедра митрополита в Рязани); 11 — епархии Архангельская, Вологодская (кафедра митрополита в Вологде); 12 — епархии Костромская, Нижегородская (кафедра митрополита в Нижнем Новгороде); 13 — епархии Тобольская, Пермская, Екатеринбургская (кафедра митрополита в Перми); 14 — епархии Оренбургская, Уфимская (кафедра митрополита в Уфе); 15 — епархии Симбирская, Казанская, Вятская (кафедра митрополита в Казани); 16 — епархии Самарская, Саратовская (кафедра митрополита в Саратове); 17 — епархии Астраханская, Донская, Ставропольская, Ростовская-на-Дону (кафедра митрополита в Ростове-на-Дону); 18 — епархии Владикавказская и Грузия (кафедра митрополита в Тифлисе); 19 — епархии Томская, Омская, Туркестанская (кафедра митрополита в Томске); 20 — епархии Енисейская, Иркутская, Якутская, Забайкальская (кафедра митрополита в Иркутске); 21 — епархии Владивостокская, Благовещенская, Манчжурия (кафедра митрополита во Владивостоке); 22 — епархии Одесская, Таврическая (кафедра митрополита в Одессе).

Примечание. В первую очередь потребно открыть митрополии в Москве, Киеве, Новгороде, Казани, Харькове, Тифлисе и Иркутске.

4) Митрополит избирается всеми епископами митрополии.

5) Не менее одного раза в год должны происходить *митрополитские соборы*, составляемые из всех епископов митрополии, с присоединением по одному представителю от белого духовенства и мирян. Митрополитский собор, решающий дела, касающиеся всей митрополии, является первой судебной инстанцией для епископов и последней апелляционной — для духовенства.

6) Вся русская Церковь, как *патриархия*, имеет во главе *патриарха*, избираемого на Поместном Соборе, составляемом из всех епископов. Патриарх имеет кафедру в С.-Петербурге и состоит Петербургским епископом.

7) При патриархе существует *патриарший собор*, составленный из членов, выбираемых в каждой митрополии из среды епископов или их заместителей. Члены патриаршего собора делятся на две равные очереди (по 11-ти человек) и заседают по полугодиям. Очереди определяются самим собором. Все члены патриаршего собора, не исключая и патриарха, пользуются правом одного решающего голоса. Патриарх — председатель собора. В число членов собора входит и особый единоверческий епископ.

8) Патриаршему собору подлежит следующий круг дел: а) исполнение решений Поместного Собора; б) предварительная разработка вопросов, подлежащих рассмотрению Поместного Собора; в) судебные дела; патриарший собор есть первая инстанция для жалоб на митрополитов и вторая апелляционная — для жалоб на епископов; г) имущественные и денежные дела: α) заведование всеми имущественными и денежными излишками, остающимися за производимым на местах отчислением необходимых сумм на распоряжение местных церковных учреждений; β) высший контроль над местными имущественными и денежными делами.

9) Высшим законодательным учреждением поместной русской Церкви является *Поместный Собор*. Он должен быть созываем не менее одного раза в каждые три года.

10) Состав Поместного Собора и права его членов таковы же, как и первого долженствующего быть созванным Поместного Собора (пункт III).

11) Поместному Собору подлежит следующий круг дел: а) дела веры — учение, культ, внутренняя и внешняя миссия; б) судебные дела: Поместный Собор есть вторая судебная инстанция для митрополитов и первая — для патриарха; в) выбор патриарха; г) снятие сана с епископов; д) деление русской Церкви на митрополии и открытие новых епархий; е) контроль над деятельностью патриаршего собора; ж) сношение с другими поместными Церквами; з) регулирование отношений русской Церкви к государству.

Проект реформы епархиального управления и суда

а) Епископ

1) Во главе управления епархией стоит епископ.

2) По смыслу канонов, митрополичий суд ведает избрание епископов; но, ввиду немногочисленности кандидатов на архиерейский сан в каждом округе и немногочисленности епархий, входящих в состав округа, сие дело следует оставить в России за высшим церковным учреждением — за Патриаршим Синодом, но за епархиями остается право рекомендовать и своих кандидатов.

3) О лице, избранном во епископа, митрополия сообщает верховной государственной власти и, если таковая не будет иметь препятствий, совершает посвящение, согласно каноническим правилам.

4) Посвящение во епископа совершается в том городе, который является его кафедральным городом.

5) К избранию во епископа допускаются как члены клира, так и достойные миряне, признанные таковыми голосом всей паствы, причем если кандидатом во епископа будет лицо не монашествующее, то желательно, чтобы приняло монашество для единообразия, хотя принятие монашества может быть для него и не обязательно. Но епископ, во всяком случае, должен быть или вдовым, или не женатым.

6) Желательно, чтобы кандидатами во епископа были люди, получившие высшее духовное образование. Но, во всяком случае, образовательный ценз их должен быть не ниже среднего.

7) Поставленный на известную кафедру, епископ не может быть ни переводим, ни сам переходить на другую, исключая того случая, когда он будет избран митрополитом или патриархом, или по другим уважительным причинам.

8) Епископ и все помогающие ему органы епархиального управления содержатся на прежнем основании от казны (хотя не исключительно), пока не выработается другого порядка обеспечения их содержанием.

9) Светские награды для епископов должны быть отменены. Для больных и престарелых епископов, не могущих управлять епархиями, на средства казны устраиваются монастыри, где они и пользуются всеми нужными удобствами.

10) Имущество епископа после его смерти переходит в собственность епископской церкви, если о нем не сделано завещательного распоряжения.

11) Жалобы на неправильные действия епископа подаются и рассматриваются митрополичьим или патриаршим собором, причем митрополичий собор является первой судебной инстанцией, патриарший же — апелляционной и кассационной.

12) Признанный виновным, епископ по решению митрополичьего или патриаршего Собора может быть отстранен от управления епархией или подвергнут другому наказанию, но к лишению сана может быть присужден только голосом Поместного Собора русской Церкви.

б) Органы, помогающие епископу в управлении епархией

1) В деле управления епархией епископу помогают: а) епархиальные съезды и б) епархиальный совет пресвитеров.

Епархиальные съезды

2) Епархиальные съезды составляются из избранных на благочинических собраниях депутатов от духовенства каждого благочиния и мирян, по два депутата от каждого благочиния, причем один депутат должен быть лицом, принадлежащим к клиру, другой — мирянином, и уполномоченного от монастырей, который избирается братией сих последних.

3) Съезды бывают обыкновенные, собирающиеся ежегодно в определенное, наиболее удобное для каждой епархии по местным условиям время, и

чрезвычайные, созываемые епископом по мере надобности, но с таким расчетом, чтобы вопросы, подлежащие обсуждению чрезвычайных съездов, могли быть обсуждены предварительно на благочиннических собраниях.

4) Как обыкновенные, так и чрезвычайные съезды собираются в кафедральном городе, где имеет свое местопребывание епископ, который и председательствует на них.

5) Если же епископ почему-либо не может председательствовать на съезде, то депутаты съезда избирают себе председателя закрытой баллотировкой, причем получивший большинство избирательных голосов считается избранным.

6) Ближайшая обязанность как обыкновенных, так и чрезвычайных съездов — быть собором епископа, через посредство которого епископ знакомится с состоянием своей паствы и при посредстве которого обсуждает меры религиозно-нравственного воздействия на паству. Но, кроме того, к обязанностям же съездов относится: во-первых, избрание закрытой баллотировкой членов епархиального совета пресвитеров и кандидатов к ним; во-вторых, обсуждение и решение всех, касающихся епархии, хозяйственных вопросов, с каковой целью съезды рассматривают и ревизуют денежные отчеты совета пресвитеров, а равно и все наличные суммы, рассматривают, утверждают или изменяют составленные последним сметы епархиальных доходов и расходов на каждый год, производят раскладку нужных для содержания епархиальных учреждений налогов, если налоги не покрывают расходов, изыскивают другие источники доходов и прочее.

7) Желательно, чтобы съезды, как соборы, приходили к единогласному решению вопросов, с которыми мог бы согласится и епископ. Но если единогласного решения не будет, то решением считается мнение большинства, к которому присоединится епископ, причем меньшинство, если пожелает, может просить, чтобы мнение его с указанием мотивов было занесено в протокол заседания. Если же между епископом и съездом возникнет существенное разногласие, то дело решается митрополичьим собором.

8) Заседаниями съезда ведутся протоколы, для чего съезд закрытой баллотировкой избирает секретаря.

9) Протоколы съезда немедленно же публикуются в епархиальном органе, причем те постановления съезда, с которыми согласился епископ, т. е. им утвержденные, через 14 дней после их опубликования считаются для всей епархии обязательными.

10) Заседания съезда открыты для православной паствы. Для решения же вопросов, требующих специальных знаний, съезды приглашают сведущих людей, с правом совещательного голоса.

Епархиальный совет пресвитеров

11) Епархиальный совет пресвитеров состоит из десяти избранных съездом духовных лиц: пять из них должны быть постоянными членами, а пять —

очередными, призываемыми по назначению съезда на год или два, смотря по удобству их содержания средствами епархии. Очередные члены совета могут содержаться при архиерейских домах или монастырях епархиального города и служить в храмах их на все время командировки.

12) Если в состав членов совета пресвитеров будут избраны духовные лица того города, в котором живет епископ и имеет свое местопребывание совет, то они несут службу в совете безвозмездно, что̀, однако, не лишает съезд права наиболее потрудившимся из них назначить единовременные денежные награды. Если же в число членов совета будет избран член сельского духовенства, то на все время службы в совете он оставляет приход, на котором его заменяет запасный священник, и пользуется определенным жалованьем из средств казны. Доходы же от прихода поступают в пользу его заместителя.

13) Совет пресвитеров непременно заседает в том городе, в котором имеет свое местопребывание епископ.

14) Заседания совета бывают ежедневно, кроме праздничных дней, начинаются после окончания поздней литургии, т. е. с 11 часов пополудни, и продолжаются до 2 часов пополудни.

15) Заседания совета ведает епископ и, по благоусмотрению своему, присутствует в нем, но заседания его происходят под председательством выборного старшего члена оного.

16) Обязанность совета — помогать епископу: а) в делах административных, б) в заведовании принадлежащими церквам и монастырям суммами и имуществами и вообще всеми доходами и расходами епархиальных средств, в) в контроле хозяйства учебных и благотворительных заведений и г) в деле суда.

17) Как орган, помогающий епископу в административных делах, совет следит за тем, чтобы все подчиненные епископу учреждения и лица исполняли свои обязанности добросовестно, нерадивых побуждает, поступающих незаконно привлекает к ответственности, подыскивает кандидатов для занятия священноцерковнослужительских мест, в конце каждого года составляет отчет о религиозно-нравственном состоянии епархии и ведет все сношения как с подчиненными ему лицами и учреждениями, так и со всеми другими лицами и учреждениями.

18) Как орган хозяйственный, совет хранит и расходует согласно утвержденной съездом сметы епархиальные капиталы, заведует принадлежащими епархии недвижимыми имуществами, т. е. непосредственно и через уполномоченных лиц отдает их в аренду или же эксплуатирует их другим образом, заключает с арендаторами контракты, принимает меры к увеличению доходности имуществ и охране их, собирает с приходов и монастырей определенные съездом налоги, распределяет по благочиниям назначенные для каждого благочиния съездом благотворительные суммы, в конце года составляет для представления съезду отчеты и общие сметы по епархии и хранит все крепостные акты и другие имущественные документы.

19) Как орган контроля хозяйства духовно-учебных и благотворительных заведений, совет фактически и по отчетам следит за правильностью расходования сумм, проверяет благочиннические отчеты и в конце года дает отчет о своей деятельности.

20) Как орган, помогающий епископу в совершении суда, совет совершает судебные функции на основании и в порядке, указанном ниже под лит. *д*.

21) Для лучшего выполнения вышеозначенных обязанностей, члены совета делятся на группы, соответствующие существующим в духовных консисториях столам, причем каждый стол по каждому делу, касающемуся его, подготовляет весь нужный материал, самое же дело решается в общем присутствии всех членов совета.

22) По вопросам, требующим специальных знаний, совет приглашает сведущих людей; для производства же следствий при совете имеется один или несколько судебных следователей, смотря по величине епархий, с платой за их труд, определяемой съездом.

23) Желательно, чтобы следователями были лица, получившие специальное образование.

24) При совете имеется канцелярия, с достаточным числом служащих, с платой за их труд, определяемой епархиальным съездом.

25) Секретарь совета избирается епархиальным съездом из лиц, получивших юридическое образование; съездом же определяется и жалованье ему.

26) В решениях совета секретарь не принимает участия; но он обязан указывать на незаконность решений, однако без права апелляции и кассации решений.

27) В случае допущенного членом совета злоупотребления, он отстраняется епископом от должности и немедленно же предается суду, а место его замещается следующим по большинству голосов кандидатом, причем, если отданный под суд член совета будет оправдан, он снова вступает в число членов совета до окончания срока, на который он избран, в противном же случае не только совершенно отстраняется от должности, но и лишается права быть вновь избранным как депутатом съезда, так и членом совета.

в) Епархиальные средства и доходы

1) По пар. 8 лит. *а* епископ и все помогающие ему органы епархиального управления содержатся не на одни казенные средства епархии. Таковыми должны почитаться: а) принадлежащее епархии недвижимое имущество, б) пособия от имений, принадлежащих архиерейским домам, монастырям, причтам и церквам, и денежные капиталы и в) суммы, собранные по раскладкам съездов с приходов и монастырей епархии.

2) Средства первой категории, т. е. недвижимые имущества и денежные капиталы, составляют неприкосновенную собственность учреждений: средства же второй и третьей — расходуются по утвержденным съездом сметам на содержание епархиальных учреждений.

3) Сумма епархиальных взносов на митрополию и патриархию должна точно соответствовать платежеспособности епархии и определяться на три года: для митрополии — митрополичьим собором всей митрополии, для патриархии же — Поместным Собором.

4) Если, за удовлетворением указанных выше нужд, часть расходных сумм останется свободной, то по решению съезда суммы эти поступают или в неприкосновенный капитал, или же зачисляются в запасный капитал для удовлетворения могущих быть в будущем нужд епархии. Если же расходных сумм не хватает для удовлетворения всех необходимых епархиальных нужд, то возбуждается ходатайство о субсидии из патриархии.

5) Кроме указанных источников епархиальных доходов, для увеличения последних епархии пользуются правом приобретать путем купли или дара недвижимые имущества, устраивать свечные склады, склады церковных вещей и пр.

6) Когда недвижимое имущество приобретается на неприкосновенный денежный капитал или же на капитал запасный, то приобретение делается непременно с согласия всей епархии, для чего совет пресвитеров, собрав все данные о подлежащем покупке имуществе, передает их на обсуждение приходских собраний. После предварительной разработки вопроса о покупке в приходах вопрос этот обсуждается в благочинных съездах и окончательно решается на епархиальном съезде большинством не менее двух третей всего состава съезда.

7) Инициатива покупки недвижимого имущества может принадлежать епархиальному съезду, совету пресвитеров или же благочинническому съезду.

8) В таком же порядке и на таких же основаниях совершается и продажа принадлежащего епархии недвижимого имущества, если почему-либо будет признано более выгодным для епархии продать его.

9) Купчие крепости по покупке и продаже недвижимых имуществ совершаются советом пресвитеров, который после этого и заведует приобретенным имуществом на общем основании.

10) Основание свечных заводов, свечных складов, складов церковных принадлежностей и прочее также требует согласия всей епархии, причем вопрос решается тем же порядком, как и вопрос о приобретении недвижимых имуществ.

11) Заводами и складами заведуют особые избранные съездами комитеты, которые дают отчет совету пресвитеров для представления съезду.

12) Чистая доходность от заводов и складов идет частью на амортизацию затраченного на предприятие капитала или на расширение предприятия, частью — на удовлетворение общеепархиальных нужд.

13) Желательно, чтобы епархиальные имущества не пользовались никакими особыми привилегиями, которые могут поставить их в ложное положение по отношению к обществу, а несли одинаково со всеми другими все общественные и государственные подати и повинности, взамен чего им должны быть предоставлены все права, принадлежащие всем другим имуществам.

1) Для лучшей разработки как религиозно-нравственных, так и хозяйственных вопросов, подлежащих обсуждению епархиальных съездов, а равно для решения хозяйственных дел приходов, и дел судебных, подлежащих приходскому совету и благочинническому съезду, епархии делятся на благочиния, в состав которых входят приблизительно по десяти приходов.

2) Делами благочиний заведуют: а) благочинные, б) благочиннические съезды.

О благочинных

3) Благочинные избираются благочиннических съездами и утверждаются епископом на три года.

4) Благочинные состоят помощниками епископа по управлению епархией на местах.

5) Вознаграждение благочинным определяется благочиннических съездами.

6) В своих действиях благочинные руководствуются особой составленной для сего инструкцией.

О благочиннических съездах

7) Благочиннические съезды составляются из избранных на приходских собраниях депутатов, по два депутата от каждого прихода, причем один депутат должен быть священник, другой — мирянин.

8) Благочиннические съезды бывают обыкновенные, собирающиеся ежегодно перед обыкновенными епархиальными съездами, и чрезвычайные, собирающиеся по приглашению благочинного: а) перед чрезвычайными епархиальными съездами для предварительного обсуждения вопросов, подлежащих решению этих последних, б) по мере накопления других дел, касающихся благочиния.

9) Как обыкновенные, так и чрезвычайные благочиннические съезды собираются в наиболее центральном и, следовательно, наиболее удобном для всех членов съезда месте.

10) Обязанности благочиннических съездов: а) выбор депутатов на епархиальные съезды, б) выбор благочинного, в) обсуждение касающихся благочиния религиозно-нравственных и хозяйственных вопросов, кои через депутатов благочиния предполагается возбуждать на епархиальных съездах, г) предварительное обсуждение вопросов, предположенных к решению на чрезвычайных епархиальных съездах, д) обсуждение хозяйственных вопросов, касающихся благочиния, е) составление сметы прихода и расхода по благочинию, ж) распределение между приходами назначенных на благочиние епархиальным съездом сумм, з) разрешение в качестве второй судебной инстанции

судебных дел, не решенных окончательно приходскими советами, и) побуждение нерадивых к лучшему исполнению лежащих на них обязанностей, і) если побуждения не действуют, сообщение о таких лицах совету пресвитеров для привлечения их к суду, к) жалобы в совет пресвитеров на должностных лиц, допустивших злоупотребления.

11) Депутаты на епархиальные съезды избираются на год. Срок их полномочий начинается со дня избрания и продолжается до следующих выборов, причем члены совета пресвитеров не могут быть избраны в депутаты епархиального, а равно и благочиннического съезда. Срок полномочий депутатов на благочиннические съезды также годовой.

12) Заседаниям благочиннических съездов ведутся протоколы, копии которых пересылаются в совет пресвитеров, во-первых — как документальный материал для характеристики религиозно-нравственного и экономического состоянии епархии, во-вторых — как материал для привлечения к ответственности небрежных и допустивших злоупотребления, и в-третьих — как материал для возбуждения на епархиальных съездах таких вопросов, которые этими последними почему-либо не возбуждаются.

д) Церковный суд

Общие положения

1) Церковь всегда имела право суда над своими членами, каковым правом и пользовалась, во-первых, для исправления согрешающих, во-вторых — для удаления из своей среды тех, кои не поддавались ее воздействию. Это право и для достижения тех же целей должно оставаться за Церковью и теперь.

2) Поэтому суду Церкви теперь, как и прежде, должны подлежать все ее члены, т. е. как миряне, так и члены клира и должностные лица из мирян: первые — в преступлениях и проступках против веры, нравственности и уставов Церкви; последние же, сверх того, и в преступлениях и проступках по сану и должности.

3) В преступлениях и проступках против веры и уставов Церкви, а равно в преступлениях по сану и должности, если эти преступления не затрагиваются интересов гражданского общества, суд Церкви должен быть единственным и окончательным; в преступлениях же и проступках против нравственности суд Церкви не избавляет виновного ее члена, будет ли это мирянин или член клира, и от суда гражданского, если гражданская власть или же те лица, которым преступление причинило ущерб, привлекут его к ответственности, как члена гражданского общества.

4) Если Церковь найдет необходимым отлучить кого-либо из ее членов от общения с ней или же лишить сана духовное лицо, то как отлученный от общения с ней, так и лишенный сана не подвергаются никакому ограничению их гражданских прав. Права их могут быть ограничены только по приговору суда

гражданского и в том лишь случае, если преступление, совершенное ими, подлежит ведению этого последнего.

5) Присуждение гражданским судом преступников к епитимии, как дополнительной мере наказания, имеющее место в настоящее время в уголовном судопроизводстве, должно быть отменено. Церковь сама и по собственному почину должна принимать меры нравственного воздействия.

6) Так как в преступлениях против веры, нравственности и уставов Церкви церковный суд имеет характер преимущественно исправительный, то, в случае исправления виновного, та инстанция церковного суда, которая положила на него наказание, может и сократить его срок или же совсем отменить его до истечения срока.

7) Суд совершается непременно в присутствии лица обвиняемого. Но приговор суда может состояться и заочно, если обвиняемый — после вручения ему повестки о явке в суд — не явится в срок, назначенный для данной местности применительно к местным условиям.

8) Повестки вручаются обвиняемым, обвинителям и свидетелям через благочинного.

9) Решение суда в краткой форме объявляется обвиняемому немедленно по окончании следствия, совещания судей и постановки решения; в окончательной же форме с указанием мотивов решения и законов, на которых решение основано, приговор должен быть написан и подписан судьями по истечении десяти дней со дня заседания.

10) Срок для подачи апелляционной и кассационной жалобы начинает исчисляться со дня объявления приговора в окончательной форме.

11) Обвиняемому, равно как и обвинителю, должны быть предоставлены все средства: первому — для защиты, второму — для обвинения; т. е. судом должны быть вызваны свидетели, допрос которых может уяснить дело, произведен их допрос, должны быть приняты во внимание, если есть, письменные документы, должны быть допущены защита и обвинение, и, если обвиняемый недоволен приговором суда, ему должно быть предоставлено право апелляции и кассации решения в следующую инстанцию.

12) Срок подачи апелляционной или кассационной жалобы оканчивается через месяц после объявления решения в окончательной форме.

13) Как при постановлении приговора, так и при назначении наказания, суд принимает во внимание, совершено ли преступление с умыслом или без умысла и, если с умыслом, то по обдуманному ли ранее намерению, или же хотя и с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления, и сообразно с этим увеличивает или уменьшает меру наказания.

14) Если в преступлении участвовало несколько лиц, то суд должен определить степень виновности каждого участника и сообразно с этим назначать меру наказания.

15) Приговоры церковного суда приводятся в исполнение или приходским советом, или благочинным, или же монастырем, когда виновный приго-

ворен отнести в нем епитимию, смотря по тому, кому из этих органов исполнение будет поручено судом.

16) Если присужденный к наказанию откажется исполнить последнее, то он по новому постановлению церковного суда отлучается от общения с Церковью до раскаяния, после чего и относит наложенное на него ранее наказание. Но если отказ от исполнения постановления церковного суда грозит имущественным интересам Церкви, т. е. в случае растраты церковного имущества, то епархиальная власть имеет право обратиться к содействию гражданского суда, и этот последний не может отказать ей в расследовании дела и привлечении виновного к ответственности.

17) Наказания, определяемые церковным судом, суть следующие: а) для мирян, не несущих каких-либо обязанностей по выборам: выговор, епитимия, устранение от участия в делах прихода и, как результат этого, лишение права быть избранным на какую-либо должность по епархии, отлучение от св. причащения и отлучение от Церкви; б) для мирян, несущих церковные должности: кроме указанных выше, еще денежный штраф и отстранение от должности; в) для членов клира: сверх указанных, епитимия в монастыре, запрещение священнослужения и низвержение из сана.

Инстанции церковного суда и порядок судопроизводства в них

18) Судебная власть в Церкви принадлежит: а) приходскому совету, б) благочинническому съезду, в) совету пресвитеров во главе с епископом, г) митрополичьему собору, д) патриаршему собору, е) Поместному Собору русской Церкви, — что̀, однако, не устраняет мер пастырского воздействия со стороны священника, благочинного и епископа.

19) Для мирян и церковнослужителей низшей инстанцией церковного суда является приходский совет, следующей — благочинический съезд и последней — в порядке только кассационном — совет пресвитеров, за исключением дел об отлучении от Церкви за ересь и раскол и тех денежных дел, в которых истцом или ответчиком является епархия. В этих случаях миряне, если пожелают, могут переносить спорное дело на суд митрополичьего собора, в первом случае — в порядке апелляционном и кассационном, во втором — только кассационном.

20) Для диаконов и священников низшей инстанцией церковного суда является благочинический съезд, следующей — съезд пресвитеров во главе с епископом и последней — в кассационном порядке — митрополичий собор.

Примечание. Для монашествующих низшей инстанцией суда является суд братии, следующими — те же, что̀ и для диаконов и священников.

21) Для епископа низшей инстанцией церковного суда является митрополичий собор, следующей — патриарший и, наконец, Поместный Собор русской Церкви. В этой последней инстанции рассматриваются, впрочем, только дела о снятии сана с епископа и дела по кассационным жалобам.

22) Низшие инстанции церковного суда для каждой категории указанных выше лиц являются по преимуществу примирительными. Главнейшая их задача состоит в том, чтобы прекратить начавшуюся вражду или нестроение в самом начале, с соблюдением интересов истца и ответчика и, если примирение состоится, то дело совершенно прекращается, за исключением дел имущественных и злоупотреблений по должности. Но если примирения не последует, суд постановляет свое решение и налагает на виновного наказание.

23) При наложении наказания общественное положение виновного не должно служить причиной к смягчению наказания: суд для всех должен быть равен, не обращая внимания на лица.

24) Дела в указанных выше инстанциях церковного суда начинаются: а) в приходском совете дела против веры и нравственности священников, после того, как им будут употреблены все меры пастырского воздействия, дела по нарушению уставов Церкви и имущественные по заявлению каждого прихожанина, дела по ссорам и обидам потерпевшей стороны; б) в благочинническом съезде: по апелляционным и кассационным жалобам на решения приходского совета, по жалобам на священнослужителей прихожанами; в) в совете пресвитеров: по жалобам должностных лиц и учреждений и частных лиц.

25) В приходский совет жалоба может быть заявлена словесно; в остальных инстанциях жалобы заявляются письменно.

26) В приходском совете и благочинническом съезде следствие производится в самом же заседании суда, который после этого и постановляет свое решение; в совет же пресвитеров, если последний найдет дело сложным, требующим предварительной подготовки, или же расследования дела потребуется начать немедленно же, предварительное следствие поручается произвести судебному следователю, который и действует по данному ему инструкции, соблюдая при этом все требования закона, которые должен соблюдать и суд.

27) Гражданская власть, если потребуется, должна оказать должное содействие судебному следователю.

28) Дела, подлежащие ведению трех первых инстанций церковного суда, суть следующие:

а) Дела, подлежащие ведению приходского совета:

1) Нарушение благочиния в храме и вне оного мирянами и церковнослужителями, после того как священником будут употреблены все меры пастырского воздействия.

2) Уклонение от исполнения уставов Церкви мирян и церковнослужителей после оказавшихся недействительными мер пастырского воздействия.

3) Порочное поведение членов прихода, мирян и церковнослужителей (пьянство, развратное поведение, нищенство и прочее), после пастырских воздействий священника.

4) Возбуждение раздоров в среде прихода.

5) Ссоры и обиды, нанесенные членами прихода мирянами друг другу, если обиженный и обижающий пожелают обратиться не к гражданскому суду, а к суду Церкви.

6) Ссоры и обиды церковнослужителями друг друга и мирян.

7) Злоупотребления должностными лицами из мирян и церковнослужителей в заведовании приходскими суммами и в расходовании оных.

б) Дела, подлежащие ведению благочиннического съезда:

1) Нарушение благочиния в храме и вне оного священнослужителями после мер воздействия со стороны благочинного.

2) Недобросовестное исполнение священнослужителями своих пастырских обязанностей тоже после мер воздействия со стороны благочинного.

3) Вымогательство священнослужителями платы за совершение треб.

4) Нетрезвая жизнь священнослужителей, после того как меры, принятые благочинным, оказались недействительными.

5) Ссоры и обиды, нанесенные священнослужителями друг другу и мирянам.

6) Злоупотребления священнослужителями в заведовании приходскими суммами.

7) Апелляционные и кассационные жалобы на судебные постановления приходского совета.

в) Дела, подлежащие ведению совета пресвитеров:

1) Ереси и расколы, возникающие в пределах епархии по донесению благочинных.

2) Отступления от православия по донесениям благочинных или по собственному заявлению отступивших.

3) Нарушение священнослужителями целомудрия.

4) Жалобы на мирян, церковнослужителей и священнослужителей и должностных лиц приходов и благочиний, не поддающихся воздействию исправительного и карательного суда двух предыдущих инстанций по жалобам благочинных.

5) Злоупотребления в заведовании хозяйственными делами епархии и вообще преступления по должности лиц епархиального управления.

Меры наказания и исправления

Последним вопросом в деле реформы епархиального управления и суда является вопрос о мерах наказания и исправления согрешающих членов Церкви. Но вопрос этот настолько серьезен, требует такой специальной подготовки (тем более, что некоторые из мер, указываемых канонами, в настоящее время являются совершенно неприложимыми), что я не считаю себя вправе взять на себя задачу выработать их и полагал бы со своей стороны, что решить этот вопрос могла бы только особая комиссия юристов при Поместном Соборе.

Проект устройства церковного прихода

В целях поднятия церковной жизни, так заметно упавшей в последнее время, необходима организация прихода, как юридической единицы. Для

наиболее успешной пастырской деятельности желательно, чтобы каждый приход не превышал 100 кв. верст с населением в 1000 душ православного исповедания; ввиду же трудности образования в настоящее время подобных приходов, могут существовать, как временное явление, приходы, занимающие бóльшую территорию с населением до 2000 душ — с тем, чтобы по мере возможности приближаться к вышеуказанной норме.

Центром приходской жизни служит приходский храм.

Руководителем религиозно-нравственной жизни прихода является приходский священник. В целях единства пастырского дела желательно в каждом приходе видеть одного священника, который для своих пасомых является тем же, чем отец для семейства. Как исключение, сообразно местным приходским нуждам, с согласия прихода и разрешения епархиальной власти может быть назначаемо в приходе и более одного священника. В качестве непосредственного помощника священнику в исполнении последним его пастырских обязанностей по церкви и приходу является диакон. В приходах, не могущих содержать диакона, последнего может не быть. Псаломщик — непременный член причта каждого прихода.

Пастырю Церкви в религиозно-нравственной деятельности помогают: 1) общее собрание членов прихода и 2) приходский совет.

Общее церковно-приходское собрание

Общие собрания прихожан бывают очередные (или постоянные) и экстренные. Первые устраиваются не менее двух раз в год: одно — весной и другое — осенью. Экстренные назначаются по инициативе приходского священника, по заявлению не менее ⅓ членов приходского совета и по распоряжению епархиального преосвященного и губернатора.

Объявления о созыве церковно-приходского собрания составляются письменно настоятелем и сообщаются приходу в первый раз по крайней мере за 14 дней до собрания прочтением в приходском храме, а также вывешиванием в приходской избе, в сельском правлении и на церковных дверях. По делам, требующим спешного производства, собрание может быть созвано и в более короткий срок. Однако на таком собрании не разрешается постановлять решения о расходах или об отпуске сумм на покрытие таковых. В объявлении о созыве общего собрания должны точно обозначаться время и место собрания, а также дела, подлежащие обсуждению.

Состав собрания

Членами общего церковно-приходского собрания являются все прихожане, имеющие не менее 18 лет от роду. Из женщин принимают участие в собраниях только представительницы от хозяйств, если нет главы-мужчины.

Предметы, подлежащие обсуждению общего собрания

Общее церковно-приходское собрание:

а) Избирает членов приходского совета, церковных старост, ревизоров для поверки приходской отчетности. Крайне желательно, чтобы собрание выбирало кандидатов в члены причта. Но, ввиду недостатка на месте — при существующих условиях жизни — вполне достойных кандидатов в члены клира, выборное начало при назначении клириков не может пока иметь широкого применения, а потому члены причта должны быть назначаемы епархиальной властью. При наличности же вполне достойного кандидата собрание представляет его на утверждение епархиальной власти. Избираемый или назначаемый кандидат во священника должен иметь возраст не менее 25 лет. Желательно предоставить ему право самому выбирать, оставаться ли ему неженатым или вступать в брак.

б) Разрешает сборы и постановляет решения о займах на удовлетворение общих потребностей прихода, а также устанавливает правила касательно раскладки и взимания сборов.

в) Утверждает податной и голосовой списки. В податной список вносятся все лица православного исповедания, владеющие землей, отдельным хозяйством и имеющие промысловые занятия. Взносы и обложения должны производиться подоходно.

Примечание. Обсуждение правильности раскладки сборов подлежит общему собранию, состоящему только из лиц, производящих взносы.

г) Определяет правила для заведования и расходования сумм и имуществ прихода, а также устанавливает порядок ведения отчетности.

д) Решает дела, касающиеся содержания и сооружения храма и причтовых домов, устройства и содержания кладбища, открытия и содержания школ, богаделен.

е) Приобретает имущества с разрешения епархиальной власти и дает заключения по касающимся прихода вопросам о разделении или изменении существующих приходов или учреждении новых.

На очередных собраниях обязательно производятся следующие дела: на первом (весной) — поверка податного и голосового списка, отчетности и управления за предыдущий год, а также отчет о том ревизоров; и на втором (осенью) — утверждение сметы прихода и расхода на следующий год, а также выборы ревизоров по отчетности и прочих выборных лиц, должности которых с исходом года сделаются вакантными.

Порядок решения дел на общем собрании

Председательствовать на собрании обязательно должен приходский священник, как высший в приходе руководитель церковной жизни.

Председатель представляет дела на обсуждение и руководит прениями. Дело, не обозначенное в объявлении о созыве собрания, не может быть реше-

но. Если прихожанином будет возбужден новый вопрос, то подобный вопрос может обсуждаться лишь на другом собрании, созванном в надлежащем порядке. По окончании прений по делу председатель предлагает собранию вопросы для окончательного решения этого вопроса, причем каждый вопрос должен быть так поставлен, чтобы на него можно было ответить «да» или «нет». По получении ответа председатель объявляет, какое по его мнению принято решение и, если не будет заявлено требование о баллотировке, то объявляет одобренное мнение, как состоявшееся решение собрания. Решение прихожан определяется большинством; при равенстве голосов окончательным считается мнение, к коему присоединится председатель. При равенстве голосов в выборах вопрос решается жребием. Выборы производятся закрытые, если кто-либо из членов собрания этого пожелает.

Решения общего собрания по делам, касающимся заключения займов или наложения сборов на несколько лет или же продажи или изменение порядка употребления имущества, доставшегося приходу в дар или по завещанию, на определенные в общую пользу прихода цели, представляются на рассмотрение губернатора, который по сношении с епархиальным преосвященным и утверждает их.

Протокол церковно-приходского общего собрания поверяется собранием или назначенными им каждый раз поверенными немедленно по окончании прений, а если это невозможно, то в другое объявленное время, но не позднее 14 дней после собрания, и подписывается председателем и по крайней мере двумя из присутствовавших на собрании членов, или же поверенными, если таковые были назначены для проверки. Изменять решение при проверке не допускается.

Сверенный протокол должен быть прочитан прихожанам в церкви в следующее после проверки воскресенье с указанием порядка обжалования решения собрания.

Протоколы общих собраний с принадлежащими документами хранятся в церковных архивах, где они должны быть доступны благочинному и прочему духовному начальству, посещающему приход.

Кто недоволен решением общего собрания и имеет к этому достаточные основания, может после объявления протокола в церкви обжаловать решение собрания подачей заявлений или епархиальному начальству или губернатору, смотря по роду дел. На обжалование полагается 45-дневный срок.

За порядком на собраниях следит председатель. Он может после предостережения удалить каждого, кто бесчинным поведением нарушает порядок. Если же председатель не в состоянии прекратить беспорядок, то он распускает собрание.

Приходский совет

В состав совета входят все члены причта, церковный староста и выборные общим собранием представители от прихожан. Выборных членов совета

должно быть более числа постоянных. Желательно, чтобы в состав совета входил один из каждых ста прихожан. Члены совета имеют не менее 25 лет от роду и выбираются на 4 года, с выбытием половины каждые два года, если снова не будут выбраны. В случае смерти члена или выбытия его из должности по другой законной причине до исхода срока, на которые он был избран, на следующем очередном общем собрании избирается вместо него другой член на остающееся время. До очередного же собрания обязанности члена принимает на себя кандидат.

Какие члены совета должны по истечении двух первых лет выбыть из состава совета — определяется жребием. Выбранный общим собранием в члены совета прихожанин может отказаться от участия в совете только по уважительной причине.

Председательствует в совете приходский священник, а за его отсутствием — старший духовный член, а за отсутствием всех духовных членов — член из мирян по выбору совета.

Собрания совета

Собрания совета происходят не менее одного раза в месяц. Собирается совет по приглашению председателя или по заявлению не менее ⅓ членов совета. Совет считается не состоявшимся, если не присутствует более половины всех членов и если между присутствующими число выборных не превышает числа постоянных членов. Все члены пользуются каждый правом одного голоса. При равенстве голосов окончательным считается то решение, которое принимается председателем. На совете, по приглашению членов совета, присутствуют и другие прихожане, желательные в данном случае своими советами и сведениями. Правом решающего голоса они не пользуются.

Дела, подлежащие ведению совета

Приходский совет: а) хранит и заведует приходским имуществом, а также ведет отчетность; б) составляет податной и голосовой списки прихода, а также расписки доходов и расходов; в) принимает пожертвования и пособия, распоряжается раскладкой и взиманием сборов, разрешенных на общем собрании прихожан; г) в случае нужды избирает и уполномочивает поверенного являться представителем прихода в суд и перед другими властями; д) входит в общее собрание с представлениями и проектами, вызываемыми приходской жизнью; е) дает предварительное заключение по каждому поступающему на рассмотрение общего собрания делу; ж) распоряжается приведением в исполнение решений общего собрания, если для производства по свойству дела не требуется иного порядка или не последовало другого определения прихода, и з) ведает благотворительными и просветительными учреждениями прихода.

Совет из среды своих членов избирает казначея, на обязанности которого лежит принимать и по указаниям совета хранить и выдавать приходские сум-

мы, а также вести отчетность. Казначей может пользоваться вознаграждением от прихода, если по многочисленным занятиям того заслуживает.

Отчетность представляется приходским советом ревизорам не позднее двух месяцев по окончании отчетного года. Если ревизоры сделают какое-либо замечание по поводу отчета, совет обязан немедленно дать разъяснение, которое с отчетом ревизоров представляется на очередное общее собрание.

Податной и голосовой списки составляются советом ежегодно заблаговременно и объявляются в храме или волостном правлении по крайней мере за 14 дней до очередного общего собрания, на котором эти списки проверяются.

Росписи дохода и расхода на следующий год составляются советом также заблаговременно, чтобы второе очередное собрание могло быть созвано осенью в удобное время. При сборе с прихожан сумм на нужды приходской жизни совет руководится предписаниями, даваемыми на сей предмет общим собранием. Ведомость о раскладке утвержденных собранием сборов составляется приходским советом без замедления.

В заседаниях приходского совета один из членов по выбору совета ведет протокол, который поверяется по окончании заседания или не позже, как в следующем заседании. Особым каждый раз определением поверка протокола может быть поручаема советом двум или нескольким членам вместе с председателем.

Председатель совета обязан принимать все на имя совета поступающие бумаги и представления, а также хранить дела совета и вести им список. Дела совета должны быть доступны благочинному и прочему духовному начальству, посещающему приход.

Приходский совет сам устанавливает порядок занятий в совете и распределяет занятия между членами, если признает это нужным.

Каждый член совета ответствует вместе с прочими членами за денежные суммы, состоявшие в ведении совета, но не обязан вознаграждать убытки, причиненные не по его вине.

Содержание членов причта

Для урегулирования церковно-приходской жизни необходимо предупреждать частый в современном положении Церкви переход членов причта из одного прихода в другой. Для избежания этого весьма ненормального явления, вызываемого преимущественно неодинаковой материальной обеспеченностью священников и прочих членов причта, необходимо установить определенное содержание священноцерковнослужителей по такому приблизительно расчету: в сельских приходах священник получает 1500 руб., диакон — 900 руб. и псаломщик — 600 руб.; в городах, где жизнь дороже, священник получает 2000 руб., диакон — 1200 руб. и псаломщик — 800 руб. Квартира и отопление должны быть от прихода. Церковная земля, кроме усадебной, может поступить в доходную статью прихода, а взамен ее причт

пользуется ругой в положенном количестве. Источником содержания причтов должны быть средства церковные и отчасти приходские: 1) процентные бумаги, принадлежащие в настоящее время церквам и причтам; 2) доходы с имуществ — приходской собственности, если таковая имеется, и 3) приходское обложение. Последний источник должен быть возможно минимальный и может иметь место только в том случае, если церковных сумм окажется для содержания приходского духовенства недостаточно.

Временно, до уравнения числа приходских душ, содержание членов причта должно быть пропорционально наличности душ в приходе сообразно указанной норме (1000 душ в приходе).

Получая определенное содержание, члены причта безвозмездно совершают все обязательные богослужения и требы для своих прихожан. К таковым относятся: а) совершение богослужения по праздничным, воскресным и табельным дням, в дни местно чтимых святых, в общепринятые дни поминовения усопших, во Св. Четыредесятницу и в течение одной недели Успенского поста: б) совершение таинств, отпевание усопших, при отпевании совершается заупокойная литургия и вынос тела на кладбище; в) хождение со крестом по домам прихожан во дни Св. Пасхи, Рождества Христова, Крещения и храмового праздника; г) служение панихид при покойнике и д) совершение очистительной молитвы для родильницы.

Добровольные даяния за совершение необязательных треб поступают: половина — в пользу членов причта и половина — на общие нужды прихода.

На обязанности священников лежит в настоящее время совершение гражданских актов записыванием в особо установленные книги всех совершенных таинств. Весьма желательно было бы освобождение членов причта от совершения актов, имеющих чисто гражданское юридическое значение: священник, как совершитель таин Божиих, не должен вести государственных записей, но при каждой церкви должны вестись церковные записи священника о всех совершаемых им таинствах; копии с этих записей могут выдаваться по требованиям государственной власти.

Внешний вид священника

Как лица, поставленные на особое положение от мирян, священнослужители и по внешнему своему виду должны выделяться из среды других людей, почему одежда их должна быть оставлена той формы, какая узаконилась целыми веками.

Снятие сана

Желательно устранение государственной власти в привлечении к гражданскому наказанию лиц, снимающих с себя священный сан. Лицо, снимающее сан, должно быть подвергнуто только одному церковному суду, ибо самый факт снятия сана есть преступление не против государства, а против

Церкви. Гражданскому суду подвергаются только те из снимающих сан, кои совершили какое-либо уголовное преступление. Число лет священства засчитывается в пенсию.

Пенсии

Признавая необходимым установление вполне достаточного для членов причта содержания, нельзя не указать и на весьма скромное обеспечение членов причта, установленное теперь для них при выходе в отставку. Необходимо, оставив существующие сроки выслуги пенсии, размеры ее увеличить вдвойне против настоящей ее нормы. Пенсионный капитал должен составляться из вычетов на пенсию, производимых согласно существующему порядку с получаемого членами причта содержания. В видах наилучшего обеспечения престарелых и больных членов причта, а также вдов и сирот, должна быть учреждена обязательная общецерковная эмеритальная касса.

Вопросы веры

Основные истины православно-христианской веры могут быть рассматриваемы и полномочно решаемы лишь на Вселенских Соборах. Тем не менее и Поместные Соборы, во-первых, обладают правом постановки новых догматических вопросов в зависимости от условий и состояния современной религиозной мысли, во-вторых — могут делать надлежащие выводы из признанных уже Церковью догматических положений в отношении к возникающим в современном религиозном сознании запросам. С другой стороны, Поместный Собор имеет полное право решать вопросы, прямо не относящиеся к основному содержанию христианской веры, однако тесно связанные с ним. Это — вопросы обрядовые. Имея в виду таковые правомочия Поместного Собора по отношению к вопросам веры, я полагал бы:

1) Поместный Собор русской Церкви должен установить точные и определенные границы неизменяемого догматического содержания христианства, чтобы дать твердый критерий в различении между христианскими современными мнениями о вопросах веры и мнениями, уклоняющимися от смысла и духа христианства.

2) Собор, на основании наличного догматического содержания церковного вероучения, должен дать определенное решение вопросов, наиболее волнующих современное религиозное сознание (вопросы о религиозном воспитании в семье и школе, посте, посещении богослужения и т. п., вопросы об отношениях христианства и человеческой культуры, духа и плоти, Церкви и государства и др.).

3) По отношению к обрядовой области, Собор прежде всего должен рассмотреть вопрос о переводе всего богослужения с церковно-славянского языка на русский или об изменении в словосложении своем церковно-славянского языка в более понятную и близкую к складу русской речи форму. Такой

перевод есть настоятельная необходимость. Церковно-славянский язык непонятен более чем для половины русских людей, а это лишает общественное богослужение его прямого значения — религиозно-нравственного просвещения и воспитания членов Церкви. Однако организация переводческого дела должна быть обставлена с большой тщательностью, чтобы достигнута была и цель перевода — полная понятность богослужения, и в то же время это последнее ничего не утратило существенного из своего содержания.

4) В отношении к составу богослужения, должно быть обращено особое внимание на то, чтобы Церковь не являлась средством в руках государства в преследовании тех или иных политических целей. Церковь должна стоять выше всяких политических партий.

5) Наконец, есть настоятельная необходимость в точном урегулировании самого богослужебного устава русской Церкви. В настоящее время этот устав существует почти номинально, нигде не выполняясь во всей полноте и точности. При соблюдении общей схемы богослужебного устава, частности его подлежат сокращениям и изменениям по личному усмотрению священников. Это обстоятельство заставляет желать установления единообразного и общеобязательного богослужебного устава. Таковой должен быть выработан путем возможного сокращения нынешнего устава, хотя и с сохранением существующего его вида, но уже не подлежит практическому сокращению по усмотрению.

По вопросу о преобразовании духовно-учебных заведений

Что касается преобразования духовных училищ и семинарий, то я полагал бы совершенно необходимым возвратиться к старому уставу, по которому богословские предметы были сгруппированы в двух старших классах. Необходимо уничтожить в семинарии двойственность ее цели и усилить в ней религиозно-нравственное, в духе пастырства, воспитание.

Примечание. Считаю нелишним приложить здесь брошюру о. ректора вверенной мне семинарии по вопросу о реформе духовно-учебных заведений.

(Брошюра под заглавием: «К вопросу о постановке обучения и воспитания в духовных семинариях, составленная ректором Иркутской духовной семинарии архимандритом Никоном, напечатана в Иркутске в июне 1905 года.)

Желательные реформы в православной духовной миссии Иркутской епархии

Православная духовная миссия Иркутской епархии ту организацию, по которой она действует ныне, получила не более как лет 30—35 тому назад. Миссии этой приходилось и приходится иметь главным образом дело с инородцами — ламаитами и шаманистами. В 30—35-летнее свое существование миссия, при поддержке Императорского Правительства, преследовала не одни только христианские идеи, но стремилась и к общегосударственным целям,

т. е. не ограничивалась только одним просвещением инородцев светом христианского учения, но в задачу ее входило и культурное развитие инородцев. Плоды миссии за это время, несмотря на все неблагоприятные условия, на грубость и фанатизм крепко организованного ламства, поддерживаемого — с одной стороны — некоторыми образованными лицами, в коих и поныне еще распространено странное для христианина и русского человека мнение, что гуманность требует сохранения племенных особенностей инородцев, сохранения и развития оригинальных начал их жизни, в том числе религиозных языческих верований, и с другой — нередко представителями высшей правительственной власти в Сибири, находившей христианскую религию слишком высокой для некультурного инородца; несмотря на все это, — повторяем, — плоды миссии были не безуспешны. Так, благодаря миссии, за означенный период времени: 1) просвещено св. крещением свыше 80 000 инородцев обоего пола. Правда, в числе этом, может быть, не десятки, а целые сотни восприняли св. крещение без всякого ознакомления с истинами православной веры; но это — из тех, которые увлечены были к принятию св. крещения массовыми движениями инородцев к православию, когда их крестилось не десятками, а сотнями; все же и эти, раз уже они приняли св. крещение, хотя по увлечению массы, считали себя после крещения вполне русскими и в последующей жизни своей старались исполнять все требования Христовой веры и переменить свой образ жизни на русский. Может быть, и в настоящее время много из новопросвещенных инородцев мало знакомлены с вероучением веры Христовой. Но виновны ли они в этом, и виновата ли миссия!! Православная Русь восприняла св. крещение свыше 1000 лет, но все ли в ней православные христиане вполне ознакомлены со своей верой? 2) Просвещенные светом веры Христовой инородцы, при содействии школы, скоро поняли, что не кочевая беззаботность, а старание и труд составляют прямое назначение человека, а потому, не оставляя прежнего своего кочевого занятия — скотоводства, принялись за земледелие, огородничество, птицеводство и прочее; все это привязало их к земле, благодаря чему образовались целые селения с насельниками, называемыми в Иркутской губернии «ясачными». Жители этих селений прежний образ своей бурятской жизни переменили вполне на русский быт и русскую обстановку. Вообще надо заметить, что буряты, по принятии христианской веры, считают уже низким для себя жить по-бурятски; они даже не любят, когда их, после крещения, называют бурятами, а считая себя русскими, они стараются и во внешнем быту подражать русским. Имеются в Иркутской миссии улусы, где нет почти юрт — обыкновенных жилищ кочевников, а все русские домà; между последними имеются такие, которые могли бы служить украшением любого города, таков, например, улус Боханский. Вот вкратце успехи Иркутской православной духовной миссии за время ее существования. Таковое благотворное влияние миссии на национальный быт инородцев могло бы продолжиться и далее; но дух времени и современное брожение умов заставляют несколько изменить внутренний строй и внешнюю организацию миссионерского дела в Иркутской епархии.

Что же нужно в настоящее время, с одной стороны — дабы посеянные Иркутской миссией в течение 30—35-летнего ее делания семена не заглохли, а с другой — для дальнейшего развития и улучшения миссионерского дела Иркутской епархии?

Для этого необходимо прежде всего озаботиться в возможно скором времени умножением тех христианских учреждений, которые особенно важны для новопросвещенных обращенных инородцев, а именно: 1) миссионерских станов; 2) миссионерских одноклассных школ; 3) устройством исключительно для инородцев школ второклассных, устройством церковно-учительской семинарии; 4) усилением деятельности переводческой комиссии и 5) открытием при всех станах церковно-приходских попечительств.

В частности, для бóльшего успеха христианской проповеди между инородцами нужно:

1) Устройство новых станов в ведомствах: Улейском и Куйтинском Балаганского уезда, в Ново-Кудинском Верхоленского ведомства, в Мондах Иркутского уезда и в стане Коймарском (Парфениевском) Иркутского уезда, где имеется уже значительная крещенно-инородческая паства, должна быть открыта вакансия второго священника, чтобы пастырско-приходское дело и благовестничество не мешали одно другому и не заставляли миссионера разрываться на то и другое.

2) Все имеющиеся в настоящее время в Иркутской миссии станы, а также и все те, которые вновь будут открыты, должны быть переименованы в приходские общины на соборных началах по образцу и проекту русских приходов, с наделением их от казны землей.

3) Из прежней деятельности Иркутской миссии замечено, что чем ближе миссионер стоит к инородцам, чем проще и задушевнее его обращение с ними, тем деятельность его по обращению их в православие идет успешнее; поэтому требуется рекомендовать о.о. миссионерам приобретать доверие и любовь от инородцев, уметь стать в близкие отношения к ним, уметь повлиять на них силой своего характера, если то потребуется, не прибегая ни к угрозам, ни к жалобам; уметь выдерживать себя при всех неприятностях, оскорблениях, с каковыми, может быть, в настоящее брожение умов придется встретиться ему; терпение можно считать первой добродетелью миссионера. Все это, при нравственно-доброй жизни миссионера, несомненно, может повлиять, при помощи Божией, на успех в обращении инородцев к христианству.

4) До настоящего времени миссия действовала преимущественно благовестнической проповедью на некрещенных инородцев. Проповедь эту не только ограничить, но возможно увеличить, и притом на их, по возможности, инородческом языке, рекомендуя о.о. миссионерам пользоваться для этого каждым удобным случаем, как например: при крещении, похоронах, браках и прочее. А так как инородцы, как и вообще все азиаты, по складу своего ума менее всего способны понимать мысль в отвлеченной форме логических понятий, — они любят и легко усвоят себе во всем только то, что̀ облечено в образы фантазии или представлено в картинах, — то необходимо, чтобы предла-

гаемые для изучения христианские истины представлены были им как можно нагляднее. Пособием о.о. миссионерам для этого могут служить картины с изображением событий из священной истории. Приобретение этих картин и рассылка их по станам лежит на обязанности Иркутского миссионерского комитета.

5) Отправление богослужений должно быть истово, торжественно, по возможности — на языке инородческом. Обряды и обычаи православной Церкви должны быть совершаемы для инородцев без всякой платы и притом, по возможности, торжественно. Так, каждый умерший должен быть отпеваем за литургией, причем вынос тела умершего из дома в храм и затем из храма на кладбище должен быть сопровождаем причтом с пением «Святый Боже»; в праздник Рождества Христова, св. Пасхи крещенные инородцы без исключений должны быть посещены о.о. миссионерами со св. крестом, а в праздник Богоявления — со святой богоявленской водой.

6) Твердо и решительно изменить характер деятельности миссионеров по отношению крещения инородцев: они должны крестить только тех инородцев, которые будут искать св. крещения не по каким-либо житейским и другим расчетам, а по искреннему убеждению в превосходстве христианской веры перед их верованиями и по достаточном научении во всех главных догматах веры Христовой.

7) Вслед за благовестной проповедью, за первенствующее средство в деле распространения христианства среди инородцев нужно принять школу. Имея дело с душами, не заросшими терниями человеческих измышлений и не загрязненными пороками, школа является верным и более действительным средством просвещения молодого поколения. Кроме того, она через посредство учеников будет оказывать свое влияние и на взрослое поколение инородцев и, постепенно подтачивая их мировоззрение, которым они живут, заставит их почувствовать религиозный свой голод. А потому желательно, чтобы при всех станах миссии были открыты школы с программой церковно-приходских школ. Школы эти внешним своим видом должны удовлетворять всем требованиям современной гигиены, а внутри обставлены возможно прилично, особенно картинами не одного только религиозного содержания, но и другими, дабы все возбуждало любопытство, удивление и приковывало к себе внимание ребенка. При школах обязательно должны быть огороды, для чего школы наделяются от казны землей в таком же количестве десятин, в каком наделены в настоящее время все народные школы Министерства народного просвещения. В школах для мальчиков должны быть введены ремесла, как-то: столярничество, портняжничество и прочее, а в школах для девочек — рукоделие. При всех школах должны быть библиотеки — как для чтения учащихся в школах, так и для взрослых. Имея в виду, что инородец с любопытством ребенка бросается на все для него невиданное, хорошо было бы для этого украшать школу такими моделями, рассматривание которых принесло бы ему хотя бы небольшую пользу. Библия в картинах должна быть необходимой принадлежностью. Главное заведование школой должно быть возложено на миссио-

нера; преподавание Закона Божия в школе есть его прямая обязанность. В школы принимаются исключительно инородческие дети без различия вероисповедания. Общежития при школах устраиваются на средства самих инородцев.

8) В миссиях Алтайской и Японской деятелями являются, по большей части, природные насельники, как непосредственно знающих и чувством понимающие уклад духовной жизни своих сородичей во всех мельчайших его деталях. Желательно поэтому, чтобы и в Иркутской православной миссии деятелями в миссии были сами инородцы. Но для приготовления таких деятелей нужны миссии особые школы. Такими школами могли бы быть на первое время второклассные и церковно-учительские [1]. Средства на построение второклассной школы должен изыскать Иркутский епархиальный миссионерский комитет, а церковно-учительская школа должна быть построена при резиденции начальника Иркутской духовной миссии, именно в Иркутском Вознесенском св. Иннокентия монастыре и на средства последнего, впредь до постройки этих школ, должно быть увеличено число вакансий для инородческих детей во второклассных школах: Кутулинской, Ангинской, и в Иркутской церковно-учительской семинарии имени Литвинцева; с построением же этих школ все стипендии в означенных школах должны быть переведены в эти вновь построенные школы. Ученье в школах должно происходить по существующим программам для этих школ, но с добавлением изучения медицины, монгольского языка и разговорно-бурятского языка, буддизма, шаманства и всего того, что̀ касается инородцев. В школах этих также должны быть введены ремесла. Окончившие во второклассной школе курс и не пожелавшие продолжать учение в учительской школе — обязательно поступают псаломщиками к миссионерским церквам, а окончившие курс в учительской школе поступают или учителями в миссионерские школы, или священниками в миссионерские станы.

9) Учение в школах ведется как на русском языке, так и инородческом.

10) Служащие в миссионерских школах должны пользоваться правами государственной службы как на производство в чины, так и на пенсию и сравнены в правах: служащие в одноклассных школах — с учителями народных школ Министерства народного просвещения, а служащие во второклассных школах — с правами учителей этих школ.

11) Все миссионерские школы ведению Иркутского епархиального училищного совета не подлежат, а находятся в зависимости от начальника Иркутской духовной миссии и Иркутского комитета Православного Миссионерского Общества. Обязанности наблюдателей за школами исполняют, за известное вознаграждение, благочинные миссионерских церквей. Миссионерскому комитету по отношению к школам даются во всем такие же права, какие даны в настоящее время епархиальным училищным советам к церковным

---

[1] Желательно, чтобы учительские школы в Иркутской миссии были созданы на началах Николая Ивановича Ильминского.

школам. Заведующий учительской школой должен быть лицом отдельным от начальника миссии; лицо это может свободно исполнять и обязанности наблюдателя за всеми школами в миссии.

12) Переводческая комиссия должна быть учреждена при церковно-учительской школе; членами ее состоят все преподаватели этой школы. К трудам по переводческому делу членами комиссии могут быть приглашены и другие лица, хорошо знакомые с бытом и языком инородцев. В программу деятельности переводческой комиссии входит не один только труд по переводу книг Священного Писания, но и труд по изданию учебников и учебных пособий и книг для чтения вообще и по продаже этих изданий. Средство на переводческое дело, а также на посильное вознаграждение трудившихся в этом деле переводческая комиссия, кроме вырученных денег от продажи ее изданий, получает от Иркутского комитета Православного Миссионерского Общества, но не свыше того, что̀ будет отпускать на это дело совет Православного Миссионерского Общества в Москве. В конце каждого гражданского года переводческая комиссия представляет комитету через преосвященного Начальника миссии подробный отчет о своей деятельности и о суммах, ею израсходованных, а также и свои соображения о том, что̀ она имеет издать в будущем году. Миссионерские школы изданиями комиссии снабжаются бесплатно.

13) Церковно-приходские попечительства должны быть открыты при всех станах [1]. На членах этих попечительств должно лежать не только выполнение положения об этих попечительствах, но и заботы: а) о лучшем усовершенствовании крещенных инородцев в истинах православной веры, охранении их от некрещенных инородцев, и б) о расположении некрещенных инородцев к принятию православия.

14) Подача медицинской помощи на средства миссионерского комитета давно вошла в обычай постоянной практики иркутских миссионеров. Искусное лечение высоко поднимает авторитет миссионера в глазах крещенных и некрещенных инородцев. Практику эту нужно возможно более расширить, снабдив все станы миссии лечебниками [2] и необходимыми медикаментами, а о.о. миссионерам рекомендовать более серьезно относиться к делу лечения.

15) Управление миссией лежит на Начальнике оной; он рекомендует перед епархиальным начальством к назначению и увольнению миссионеров, псаломщиков и учителей в одноклассные и второклассные школы; он, с разрешения местного епархиального архиепископа, собирает миссионерские съезды, руководит этими съездами, и о результатах их докладывает местному архипастырю; он предлагает переводческой комиссии к изданию те или другие учебники и учебные пособия, книги и пр.; он руководит всеми миссионерскими школами, кроме школы учительской; последняя по отношению к

---

[1] Церковно-приходские попечительства открываются при станах в том случае, когда станы эти не будут преобразованы в приходские общины на соборных началах.

[2] До сего времени миссионеры пользовались при лечении «Домашней медициной» Флоринского. Книгой этой снабжены были все станы Иркутской миссии.

нему стоит в таком же положении, в каком стоят духовная семинария и духовное мужское училище к епархиальному архиерею; но в особо важных случаях он испрашивает по этой школе указаний местного архипастыря. Сношения с центральным управлением по учительской школе делаются от имени местного архипастыря. Наблюдатели за школами стоят в подчинении начальника миссии и в действиях своих руководствуются его указаниями. Полугодичные и годичные отчеты о школах они представляют начальнику миссии, а последний со своими заключениями передает их в миссионерский комитет. Составление отчета о деятельности миссии лежит на начальнике оной. Вся экономическая часть по миссии остается за миссионерским комитетом, который действует в этом отношении на основании Высочайше утвержденного 21 ноября 1869 г. устава Православного миссионерского Общества, причем по расходам экстраординарным, не предусмотренным по смете, служащие в миссии входят с ходатайствами к начальнику миссии, а последний со своими заключениями передает таковые ходатайства на разрешение комитета.

16) Служащие в миссии священноцерковнослужители пользуются на пенсию правами приходского духовенства.

17) Материальное обеспечение всех служащих в миссии лиц должно быть: учителей одноклассных школ — не ниже содержания учителей народных школ Министерства народного просвещения; учителей второклассной и учительской школ — равно содержанию учителей второклассных церковных школ и церковно-учительской семинарии Иркутской епархии; а священников, диаконов и псаломщиков — не ниже, а выше содержания приходских причтов. Дело об образовании инородцев, ввиду стремления Правительства в последнее время к всеобщему обучению, надо признать делом общерусским, общегосударственным, а потому и все служащие по миссионерским школам должны получать содержание из общегосударственных средств, а священноцерковнослужители — из того бюджета, из которого будет получать содержание приходское духовенство.

№ 37,
преосвященного Питирима, епископа Курского,
от 9 декабря 1905 года

По вопросу о преобразовании духовно-учебных заведений

Нестроения и беспорядки, происходившие в духовных семинариях в последние годы, нередко сопровождавшиеся крайне грубыми проявлениями самоволия и буйства и закончившиеся в текущем году демонстративным прекращением учебных занятий и представлением петиций, не оставляют никакого сомнения в том, что дальнейшее существование духовно-учебных заведений в их настоящем виде невозможно. Даже полное удовлетворение предъявляемых в петициях требований не могло бы привести к желаемой цели: едва ли можно сомневаться в том, что оно послужило бы опасным прецедентом, угрожающим самыми печальными последствиями. Юноши не знают меры. Ободренные успехом, они легко могли бы придти к мысли, что воля толпы выше силы закона, что толпой можно безнаказанно и верно достигнуть всякой льготы, и Бог весть, когда и как можно было бы возвратить их на путь порядка и законности. В ближайшем будущем пришлось бы ожидать, что и в семинариях, по примеру высших учебных заведений, воспитанники стали бы бойкотировать не угодивших им начальников и преподавателей, а затем предъявили бы новые петиции о новых льготах и т. п.

С другой стороны, и великие нужды отечественной Церкви в переживаемое ныне критическое время требуют самого заботливого внимания к тем школам, которые призваны служить главными рассадниками для приготовления достойных кандидатов на служение Церкви. Оживление церковно-приходской жизни, составляющее одну из главнейших забот Церкви и потребностей духовной жизни русского народа, невозможно без оживления в приходском пастырстве пастырского духа, пастырской ревности по Бозе; а последнему едва ли могут послужить нынешние духовные школы, находящиеся, по свидетельству одного из архипастырей, в состоянии религиозно-нравственного разложения, угрожающего самому телу Церкви.

Очевидно, таким образом, что коренное преобразование наших духовных школ составляет настоятельную и неотложную потребность нашей церковной жизни.

Духовно-учебные заведения должны быть так устроены, чтобы они служили исключительно одной своей цели — приготовлению достойных кандидатов для служения Церкви в звании клириков.

Для достижения указанной цели необходимо: 1) выяснить причины, от которых зависит крайне ненормальное состояние настоящих духовно-учебных заведений, приведшее их к разложению, и 2) проектировать такое уст-

ройство духовных школ, при котором устранились бы указанные причины и весь учебно-воспитательный строй этих учебных заведений приведен был бы в полное соответствие с главным назначением их.

I. — Из многих причин ненормального состояния духовно-учебных заведений, на какие указывали и педагогические советы и представители духовной литературы, главными справедливо признаются следующие:

а) Соединение в одном и том же учебном заведении (духовной семинарии) двух целей — средней общеобразовательной школы и специального богословского курса для подготовки к пастырскому служению. Несомненно, что, если смотреть на обе указанные цели, как самостоятельные (а так именно и смотрят ныне многие на семинарию), и требовать, чтобы одно и то же учебное заведение одновременно достигало и той и другой, — то такое требование будет безусловно неосуществимым. Задача общеобразовательной школы полагается в том, чтобы дать вместе с определенной суммой знаний всестороннее и гармоническое развитие силам и способностям учащихся, не наклоняя их преимущественно к тому или иному специальному служению; выбор последнего предоставляется собственному влечению и расположению юноши, окончившего общеобразовательную школу; задачей же школы специально богословской безусловно требуется преимущественное попечение о развитии тех качеств ума, сердца и воли воспитанников, тех навыков и настроений, какие необходимы пастырю Церкви. Соответственно указанным задачам устанавливается и воспитательный режим: иной — в школе образовательной, и иной — в школе специально богословской. Не может подлежать никакому сомнению, что для воспитанников специально-богословской школы, готовящихся к пастырскому служению, нужен режим строго церковный по характеру; высота и важность пастырского служения требуют проникновения духом церковности всего воспитательного строя пастырской школы. Но такой режим неосуществим в общеобразовательных школах; он будет непосильным для юношей, не имеющих в виду посвятить себя на служение Церкви. Что̀ для первых может быть игом благим и добрым, то для последних покажется бременем тяжким и неудобоносимым. Как же поступить в том случае, когда (как в семинариях) в одном и том же учебном заведении воспитываются юноши обеих категорий? С одной стороны, будет несправедливо, — говорят, — подчинить строго церковному режиму воспитанников, не готовящихся к церковному служению, а с другой — будет нецелесообразным, ради снисхождения к последним, оставлять и первых под общим — полуцерковным, полусветским режимом. Средний же путь, путь колебаний между тем и другим неизбежно приведет к той расшатанности, какая и замечается ныне в наших духовных семинариях. Очевидно, что достигнуть одновременно двух целей так же невозможно, как невозможно, по Евангельскому слову, работать двум господам.

б) Переполнение духовно-учебных заведений учащимися, при недостаточном количестве и не всегда соответственном качестве воспитателей, представляет также почти неодолимое препятствие в правильной постановке

учебно-воспитательного дела в этих заведениях. Известно, что в некоторых семинариях число учащихся достигает до 500—600 и более, причем воспитанники помещаются — одни в общежитиях, другие в квартирах, нередко разбросанных по глухим улицам городов. На такое число воспитанников полагается инспектор и два или три помощника инспектора, которым, собственно, и вверяется уставом дело воспитательного надзора и руководства. Но на деле никакого воспитательного руководства при этом не бывает, да при указанном числе воспитанников оно и невозможно. Все дело семинарской инспекции сводится по необходимости к внешнему надзору; очередные дежурные, обязанные с раннего утра до полуночи иметь наблюдение за целыми сотнями воспитанников, едва находят время и силы для того, чтобы поддерживать по крайней мере внешний порядок. Инспекторы семинарии в многолюдных семинариях несут самую тяжелую и самую ответственную службу; но вся энергия их в большинстве случаев уходит на выслушивание жалоб, удовлетворение просьб, разрешение недоразумений и т. п. При таких условиях о воспитании, в смысле нравственного воздействия на умы и сердца воспитанников и нравственного руководительства волей их, не может быть и речи. А потому и нравственный авторитет воспитателей в большинстве случаев незначителен. Воспитанники охотно отдают свои симпатии воспитателям снисходительным и еще легче обнаруживают враждебность к воспитателям требовательным и настойчивым; положение в том и другом случае — одинаково тяжелое для нравственного сознания воспитателей, а потому почти все они и спешат при первой возможности переходить на другие места, хотя бы и менее обеспеченные в материальном отношении, но более спокойные. Необходимо заметить, кроме сказанного, что и самый порядок назначения на должности воспитателей не соображен с важностью и трудностью обязанностей, возлагаемых на них. Не может подлежать сомнению, что для успешного выполнения этих обязанностей главное значение имеют нравственный авторитет и приобретаемый опытом педагогический такт; очевидно поэтому, что на должности воспитателей должны бы избираться наиболее авторитетные и опытные из наставников семинарии; на деле же, как известно, помощниками инспектора назначаются молодые кандидаты, тотчас по окончании академического курса, и притом без всякого соображения с их собственными желаниями и расположениями, а нередко и совсем не расположенные к исполнению этих обязанностей. Само собой разумеется, что такие лица будут только формальными исполнителями долга и при первой возможности постараются перейти на другое место. Теперь пока они задерживаются на местах известным распоряжением, обязывающим их в течение трех лет не просить о перемещении; но такое обязательство, как и всякая принудительная мера, пользы делу не приносит.

в) Богословское образование в семинариях не стоит на должной высоте и не отличается тем жизненным характером, каким оно должно отличаться, чтобы возбуждать интерес юношей к богословским наукам, оказывать должное влияние на умственное направление и нравственное настроение их, а

главное — воспитать в них любовь к служению ближним словом Христовой истины. Уставом 1884 года некоторые из богословских наук расположены в семинарском курсе таким образом, что интерес к изучению их теряется сам собой, независимо от качеств преподавания. В тех видах, чтобы придать богословский характер всем классам семинарии, устав перенес некоторые из богословских наук, которые в прежнее время изучались исключительно в так <тогда> называвшемся богословском классе (что ныне 5-й и 6-й классы), в низшие классы, причем в 3-й класс отнесено изучение первого и важнейшего периода истории Церкви; в 4-й класс, кроме истории Церкви, перенесено изучение небольшой части основного богословия, гомилетики и литургики (по одному уроку в неделю). Вместо ожидаемой пользы, от такого ненормального распределения богословских наук получился на деле один вред; части богословских предметов в 3-м и 4-м классах оказались как бы излишними привесками, не имеющими никакой связи с общим характером и содержанием изучаемых в этих классах наук, и потому не только не возбуждают в юношах живого интереса к богословскому образованию, а наоборот, ослабляют его. Не мало также этому способствует и то обстоятельство, что изучение некоторых весьма важных отделов из поименованных наук приходится вести с воспитанниками, недостаточно подготовленными к сознательному усвоению их; а при таком условии о возбуждении интереса к изучаемому предмету не может быть и речи: все дело ограничивается обычно в таких случаях поверхностным, механическим заучиванием учебников, часто не оставляющим никакого следа. В этом приходится убеждаться почти каждый раз, когда случается обращаться к воспитанникам 5-го и 6-го классов с вопросами из тех частей богословских предметов, которые изучались ими в 3-м и даже 4-м классах. Независимо от указанного неудачного распределения предметов богословского курса, самое преподавание некоторых богословских наук ведется по устаревшим, сухо и отвлеченно составленным руководствам и потому не оказывает того животворного влияния на воспитанников, какое могло бы иметь при ином методе преподавания. Науки церковно-практического характера (литургика, гомилетика, практическое руководство для пастырей Церкви) преподаются в большинстве семинарий преподавателями, не имеющими пастырского сана, а потому не могущими и воспитанников своих увлечь на путь пастырского делания. Притом же и место, занимаемое этими науками в общем составе богословских наук семинарского курса, далеко не соответствует важному значению их для пастырей Церкви. Как на выдающийся пример в этом отношении, можно указать на так называемую гомилетику, науку о проповедничестве. По важности своей в деле приготовления к пастырскому служению эта наука должна бы занимать одно из первых мест в курсе богословского образования; она должна бы научить воспитанников применять к пастырскому делу весь запас своих богословских познаний, выяснить им величие и важность пастырского учительства и великую нужду народа православного в пастырском назидании, воспитать в них любовь к проповедничеству, увлечь их на этот путь высокими образцами и примерами, научить и приучить их говорить просто,

ясно, искренно, не увлекаясь сочинительством и книжными фразами. Для достижения этих целей требовались бы, конечно, как со стороны учителя, так и от учеников немало времени, усердия, труда, упражнения. На деле же, как известно, преподавание гомилетики в семинарии так поставлено, что о достижении указанных целей не может быть и речи. Начинается преподавание гомилетики в 4-м классе ученикам, отдающим почти все учебное время изучению философских наук и физики и не помышляющим еще о пастырском служении; в этом классе, при двух уроках в неделю, изучается теория гомилетики по учебнику протоиерея Фаворова, составленному в половине прошлого века и представляющему собой образец схоластического учебника. Затем в 5-м и 6-м классах, при одном уроке в неделю в том и другом классе, прочитываются и с великим трудом выучиваются наизусть некоторые образцовые проповеди великих учителей Церкви и известных отечественных проповедников, преимущественно говорившиеся в городских соборах перед избранной публикой. Этим и исчерпывается весь курс науки, обучающей проповедничеству. Легко видеть, что изучивший этот курс кандидат священства никакой подготовки к пастырскому учительству из школы не выносит.

г) Господствующий в современном (так называемом интеллигентном) обществе и в современной журнальной и газетной литературе дух свободомыслия и религиозно-нравственного индифферентизма крайне вредно действует на молодые умы и легко увлекает их кажущейся новизной взглядов и в качестве запретного плода. Эта причина нравственного упадка духовных семинарий особенно сильна и потому еще, что не встречает себе достаточного противодействия со стороны педагогических корпораций — воспитателей и преподавателей. Первые, как выше сказано, поставлены в такое служебное положение, при котором не остается у них ни времени, ни сил для того, чтобы внимательно ознакомиться с внутреннею жизнью воспитанников и оказывать желательное воздействие на нее; вторые же, хотя и призываются уставом оказывать содействие инспекции в деле нравственного воспитания, но в действительности остаются только преподавателями, частью вследствие того, что в большинстве своем обременены большим числом уроков и внеклассных занятий, не оставляющим времени для каких-либо других занятий, а частью потому, что так сложились обычные отношения преподавателей к своим обязанностям. Обстоятельство это заслуживает особенного внимания. Опыт показывает, что юноши того возраста, в каком находятся воспитанники средних и старших классов семинарии, легко и охотно подчиняются влиянию тех лиц, которые являются в их глазах умственно авторитетными; а такой авторитет всего легче может быть приобретаем преподавателями наук, владеющими более или менее обширным кругом специальных научных знаний и педагогическим опытом. Очевидно, что непосредственное и живое участие таких преподавателей в деле воспитания могло бы принести большую пользу делу; но такого участия, за исключением единичных случаев, доселе не было.

Немало указывают и других причин ненормального состояния наших духовно-учебных заведений; но и перечисленных достаточно, чтобы убедиться в

настоятельной необходимости коренного преобразования всего учебно-воспитательного строя их.

II. — Из нескольких проектов преобразования духовно-учебных заведений, опубликованных и подвергавшихся обсуждению в печати, а также и на епархиальных съездах духовенства, наиболее целесообразным и удобоосуществимым справедливо признается опубликованный в № 39 «Церковных Ведомостей» проект архимандритов Филарета (бывшего ректора Киевской академии, а впоследствии епископа Рижского) и Михаила (бывшего инспектора Московской академии, впоследствии епископа Курского), видоизмененный в некоторых частностях применительно к изменившемуся строю общеобразовательных школ и к назревшим нуждам церковной жизни.

В главных чертах проектом этим требуется: 1) отделение от семинарии четырех общеобразовательных классов и соединение их с четырьмя классами духовных училищ для образования из них восьмиклассной общеобразовательной школы — гимназии Духовного Ведомства, по учебному курсу равной гимназиям Министерства народного просвещения; 2) образование из двух последних семинарских классов (с присоединением третьего года, если это окажется необходимым) специально-богословской школы; 3) свободный доступ окончившим гимназию Духовного Ведомства в высшие учебные заведения наравне с воспитанниками гимназий Министерства народного просвещения; 4) свободный доступ лицам всех сословий, получившим общее образование, в специально-богословские школы; 5) усиленное преподавание в гимназиях Духовного Ведомства учебных предметов религиозно-нравственного содержания и воспитание учащихся в духе православной веры и христианского благочестия; 6) постановка учебно-воспитательного дела в богословской школе на строго церковных началах соответственно главному назначению этих школ и, в этих видах, вверение воспитательного руководства, а по возможности — и преподавания учебных предметов, в особенности церковно-практических, лицам пастырского сана.

Проект этот заслуживает внимания уже и потому, что он встретил почти общее сочувствие; за него высказалось большинство органов духовной печати и многие епархиальные съезды; за него же, в частности, высказались и представители духовенства и мирян Курской епархии на бывшем епархиальном соборике, и нарочитое собрание начальников, преподавателей и воспитателей курских духовно-учебных заведений; о нем же ходатайствуют и воспитанники духовной семинарии в поданной ими петиции. Такое общее сочувствие служит несомненным свидетельством того, что рассматриваемый проект признается наиболее соответствующим наличным нуждам и духовенства и Церкви; с одной стороны, учреждение проектируемых гимназий Духовного Ведомства предоставит духовенству, как сословию, служащему Церкви, возможность давать детям своим общее образование, не обрекающее их с юных лет на служение Церкви, но открывающее им все другие пути жизни и таким образом предоставляющее их собственному хотению и расположению — поступать или не поступать в богословскую школу для приготовления к пастырскому

служению; с другой стороны, учреждение специально-пастырских школ, в которые имеют поступать юноши из всех сословий, окончившие уже общеобразовательную школу и добровольно избирающие этот путь в то время, когда перед ними открыты и все другие, более привлекательные по внешним условиям пути жизни, дает полное основание надеяться, что не только личный состав учащихся в этих школах будет состоять из юношей, чувствующих призвание к церковному служению, но что в близком будущем и личный состав клира, пополняемый ныне из замкнутого круга духовного сословия, обновится притоком новых сил из других сословий и в особенности из народной среды.

Преимущества проектируемого таким образом устройства духовно-учебных заведений сравнительно с настоящим строем их неоспоримы. Прежде всего, с отделением общеобразовательных классов от специально-богословских сама собой уничтожится та двойственность воспитательных целей, которая служила одним из главных препятствий к правильной постановке учебно-воспитательного дела в семинариях и привела их к настоящей нравственной расшатанности; проектируемые гимназии будут преследовать общеобразовательные цели, придавая религиозно-нравственному элементу в деле воспитания лишь то значение, какое он должен иметь в общей системе воспитания по важности своей; а богословские школы будут преследовать цели специальные, имея в виду приготовление питомцев своих на служение Церкви; воспитанники первых не будут иметь поводов к тем сетованиям, какие теперь нередко слышатся между воспитанниками семинарии, будто духовная школа закрепощает их на служение Церкви и лишает их возможности свободно избирать себе путь жизни по призванию и расположению; воспитанники богословской школы, по собственной воле в нее поступившие, не будут тяготиться строго церковной дисциплиной этой школы; воспитатели в той и другой школе освободятся от крайне тяжелой необходимости колебаться между двумя целями и получат возможность установить и поддерживать в школе порядок, соответствующий назначению ее. Наконец, и самое учебное дело в обоих учебных заведениях пойдет успешнее: ученики общеобразовательной школы, имея в виду свободный доступ для них во все высшие учебные заведения, будут усерднее заниматься, чтобы подготовиться к поступлению в эти заведения; воспитанники же богословской школы, по призванию или, по крайней мере, по собственному избранию в нее поступившие, не будут относиться так безучастно к богословскому образованию вообще и к церковно-практическим наукам в частности, как это замечалось в последние годы в духовных семинариях.

Что касается возражений, какие сделаны были в свое время по поводу проекта архимандритов Филарета и Михаила высокопреосвященным Филаретом, митрополитом Московским (и ныне повторяются многими), то, не сомневаясь в том, что в свое время возражения эти могли иметь силу, легко убедиться в том, что при настоящем положении наших духовных семинарий они утратили значение. Если о семинариях прежнего времени можно было ска-

зать, что в них общее и богословское образование так тесно связаны, что «семинария представляет организм, в котором развивается одна жизнь и на ветвях и листьях общего образования вырастает плод духовного образования», то о настоящей семинарии вернее будет сказать, что в ней два организма — общее образование и специально-богословское — так неудобно связаны, что взаимно мешают свободному развитию друг друга и потому требуют раздельного, самостоятельного существования.

Не имеет также безусловного значения и другое замечание высокопреосвященного Филарета, повторенное затем комитетом, рассматривавшим проект архимандритов Филарета и Михаила, что проектируемые общеобразовательные гимназии Духовного Ведомства не будут давать достаточной нравственной подготовки воспитанникам для поступления в богословские школы, потому что «юноши, воспитывающиеся в этих заведениях, будут возрастать в той мысли, что перед ними открыты все возможные поприща служения, и потому едва ли будут расположены развивать в себе то настроение, какое требуется для пастырского служения». Не отрицая серьезности этого опасения, нельзя, как сказано, придавать ему безусловного значения: а) потому что соединение общеобразовательного курса с богословским в настоящих семинариях не только не содействует развитию у воспитанников того настроения, какое требуется для пастырского служения, но нередко, как показывают многочисленные примеры, вызывает чувства противоположного характера; б) потому что и в отделенных от специально-богословских курсов общеобразовательных училищах (гимназиях) предполагается обратить и несомненно будет обращено внимание на возможно лучшую постановку воспитательной части на религиозно-нравственных началах. Все дело воспитания предполагается поставить так, чтобы, не стесняя лишними ограничениями свободного развития сил и наклонностей воспитанников, в то же время направить все воспитательные средства к тому, чтобы семена веры и благочестия, которые были посеяны в сердца детей в христианских семействах, не подавлялись сорными травами, но развивались так же свободно, как и все другие добрые расположения сердца и наклонности воли их. Задача, несомненно, трудная; но разве она станет легче в том случае, если общеобразовательную школу соединить с богословской и на первую наложить требования последней? Полагаем, что печальные события из жизни семинарий последних лет и даже последних дней дали на это достаточно убедительный ответ.

Нельзя согласиться, наконец, и с теми опасениями, какие высказывались нередко и прежде, и ныне особенно часто повторяются противниками рассматриваемого проекта, будто в случае полного отделения общеобразовательных классов семинарии от специально-богословских едва ли многие из окончивших первые, когда перед ними будут открыты двери университета и других учебных заведений, пожелают поступить на богословские курсы, и тогда легко может встретиться во многих епархиях затруднение при замещении пастырских должностей, а может быть, окажется и вообще недостаток образованных пастырей Церкви. Но: а) от такого опасения едва ли можно освобо-

диться и в том случае, если оставить общеобразовательные классы (с полной программой и правами гимназий) соединенными с богословским курсом, не говоря уже о том, что вредные последствия двойственности целей, преследуемых такой семинарией, могут оказаться гораздо более существенными, чем та польза, какую может доставить такое соединение курсов в смысле увеличения числа поступающих в богословские школы; главное же, б) что само опасение это основывается только на предположениях и кажется вероятным только при наличных условиях. Но условия эти, с осуществлением ожидаемых преобразований в строе церковно-приходской жизни вообще и в положении приходского духовенства в частности, могут измениться в такой степени, что для подобных опасений не останется места. Не надо забывать, прежде всего, что доступ в состав клира будет открыт тогда не для одного сословия, а для всех православных христиан. А потому, если и допустим, что число поступающих в богословские классы, после преобразования духовных школ, окажется меньше того, какое теперь дают духовные семинарии, то с такой же вероятностью можно допустить, что недочет этот будет покрываться лицами, имеющими поступать на служение Церкви из других сословий, как высших, так и низших. Всем известно, что в нашем православном русском народе всегда было и ныне, несомненно, есть не мало благочестиво настроенных людей, томимых жаждой духовной и готовых посвятить себя на служение Церкви. По своей искренней религиозности, по своей глубоко христианской настроенности и ревности по Бозе, эти люди и теперь вполне достойны принятия в состав клира, и если это редко случается, то частью по недостаточной книжной образованности их, а главное потому, что преимущественными кандидатами на это звание признаются дети духовенства. Но когда книжное образование в народе повысится и право поступления в клир будет предоставлено всем сословиям, то из указанного разряда благочестивых христиан всегда найдется достаточное число кандидатов для пополнения состава клира. При некоторых условиях кандидаты эти могут поступать и на богословские курсы, на которых могут пополнять свое книжное образование; но так как в деле пастырского служения преимуществует не тот, кто больше учен, а тот, кто глубже убежден, то и без богословских курсов многие из таких клириков будут достаточно подготовляться к пастырству, проходя низшие степени служения Церкви. Не надо забывать при этом, что эти клирики, выходящие из народа, останутся и по вступлении в клир близкими народу, родственными ему, а потому и слово их будет понятнее народу, и влияние — действеннее.

№ 38,
преосвященного Агафодора, епископа Ставропольского,
от 24 ноября 1905 года

Во исполнение циркулярного указа Святейшего Синода от 27 июля 1905 года, за № 8, по содержанию приложенного к тому указу предложения г. синодального обер-прокурора по вопросу о созыве Собора Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления, долг имею доложить следующее:

I. Высшим управлением российской Церкви, как и других поместных Церквей, должен быть Поместный Собор, с митрополитом или патриархом во главе. О том, из каких лиц должен состоять Собор соответственно каноническим правилам, из одних ли епископов или же вместе с ними из членов клира и мирян, говорится в следующих правилах Вселенских и Поместных Соборов: 5-е правило I Вселенского Собора гласит, «чтобы в каждой области дважды в год были Соборы: чтобы все вообще епископы области, собравшиеся во едино, исследовали таковые недоумения... доколе не заблагорассудит собрание епископов» и прочее. В 37-м правиле св. апостол ясно определено: «Дважды в год да бывает Собор епископов». Так же точно — «Собор епископов» — выражается и IV Вселенский Собор и прибавляет: «А епископам, которые не придут на Собор... братолюбно сказати слово прещения» (прав. 19-е). Св. Поместный Собор Антиохийский называет Поместные Соборы Соборами епископов, о созыве которых «напоминает епархиальным епископам митрополит» (прав. 20-е). То же самое говорится в 87-м правиле Карфагенского Собора и 40-м Лаодикийского о порядке собрания епископов на Собор. VI Вселенский Собор в правиле 8-м и VII Вселенский Собор в правиле 6-м называют ежегодные Поместные Соборы собранием епископов, причем последний прибавляет: «...тогда собравшиеся епископы должны прилежати и пещися о сохранении божественных и животворящих заповедей Божиих». По 64-му правилу VI Вселенского собора, «не подобает мирянину пред народом произносити слово... аще же кто усмотрен будет нарушающим настоящее правило: на четыредесять дней да будет отлучен от общения церковнаго». Отсюда ясно, что Церковь Христова через многократные определения разных Соборов установила собираться на них только епископам, но не мирянам и членам клира с ними. Участие членов клира в Соборах она допускала только тогда, когда эти священнослужители являлись заместителями епископов вдовствовавших в то время их епархий (5 пресвитеров на II Вселенском Соборе) или уполномоченными представителями епископов.

II. Разделение России на церковные округа под управлением митрополитов, с предоставлением им права созывать областные соборы и с передачей в их ведение из высшего церковного управления дел второстепенной важности,

не только желательно, но положительно необходимо. В гражданском и военном управлении мы знаем наместников, генерал-губернаторов с широкими и исключительными полномочиями «до права жизни и смерти включительно», и существование их нисколько не подрывает начал государственного единства; нет поэтому оснований опасаться того, что, если для заведования делами Церкви и жизнью ее будут учреждены областные автономии церковного управления, то оные будут находиться в противоречии с началом государственного единства, якобы способствуя возрождению идей о культурной и политической обособленности наших окраин. Близость автономного представителя церковного управления к вверенной ему области (предполагая, что он будет жить в своей области) — с одной стороны, а с другой — возможность лично (при условии созыва местного собора) выяснять нужды пастве — принесут одно лишь доброе, жизненное паствам сим, установят жизнь пастве, а через них и Церкви, на началах взаимного понимания и доверия, чего недостает в настоящее время.

III. По поводу пересмотра законоположений о существующих органах епархиального управления и суда и преобразования их согласно с каноническими соборными началами я полагал бы следующее. Большая часть недостатков делопроизводства консисторий объясняется тем, что члены их постоянно отвлекаются от епархиальных дел исполнением своих прямых священнослужительских обязанностей, а канцелярии консисторий состоят в большинстве случаев из недостаточного числа скудно обеспеченных и мало подготовленных к службе чиновников. Необходимо поэтому, чтобы члены консисторий были бесприходными пастырями, как епархиальные наблюдатели школ и миссионеры в священном сане, получая, сверх казенного жалованья в 500 рублей, ежегодно еще не менее 1500 рублей каждый от казны или из сумм епархиальных. Средства на покрытие этого расхода из епархиальных сумм должны быть изысканы епархиальными съездами (из прибылей свечных заводов или других источников), с предоставлением сим съездам права избрания членов консистории без указания срока избрания, на тех же основаниях, на каких консистория в настоящее время представляет епископу кандидатов в благочинные. Выборные члены консистории поднимут доверие духовенства и общества к ней, как учреждению не только административному, но и судебному. Пересмотр Устава дух. конс. в соответствии с современными условиями жизни духовенства, с отменой устаревших форм делопроизводства и узаконений по делам судным и бракоразводным, с установлением точно определенного отношения присутствия консистории и секретаря ее, равно прав и обязанностей последнего, несомненно даст лучший внутренний строй консисториям. Если же вменить в обязанность викарным епископам обязательное участие в качестве председателей в заседаниях консистории, с переименованием их хотя бы в епархиальные управления, то этим будет возобновлено начало древнего соборного управления в епархиях. Под влиянием современной периодической печати сложилось в духовенстве общее желание иметь избираемых им благочинных и следователей. Осуществление этого желания допусти-

мо; но опасаюсь, что все выборные должностные лица, как судебные, так и административные, могут повести к ослаблению дисциплины в духовенстве. Выборные духовенством лица будут более служить духовенству, их избравшему, нежели делу, для которого избраны. Для устранения затруднения для епископа направлять к правильному и согласному действию всю совокупность дел и интересов епархиальных учреждений, обособленных от консисторий, каковы советы и правления по делам епархиально-училищным, миссионерским, братским, епархиальных съездов, вспомогательных, эмеритальных касс, свечных заводов и прочее, полезно было бы членов консистории назначать непременными членами тех учреждений. Создание особого органа епархиальной власти, который бы объединял дела всех этих учреждений, было бы, по моему мнению, нецелесообразно, так как лишь отдаляло бы епископа от непосредственного рассмотрения этих дел.

IV. Современная духовная школа не отвечает более нуждам Церкви, духовенства и запросам общественной жизни, так как в силу недостатков своей организации не подготовляет юношества к истинно пастырской деятельности и поставляет в ряды духовенства людей или равнодушных к истинным задачам пастырского служения, или лицемерно исполняющих обязанности, противоречащие их личным убеждениям. С одной стороны, причина этого явления заключается в том, что духовная школа, построенная на сословном начале и преграждающая своим питомцам выход на другие поприща общественной деятельности, тем самым принудительно, а не по внутреннему влечению побуждает молодых людей вступать в духовное звание, не считаясь с природными или выработанными наклонностями и взглядами. С другой стороны, если на наши училища и семинарии смотреть просто как на сословные общеобразовательные учебные заведения, то они — семинарии — недоделанные учебные заведения, а духовные училища — и прямо-таки уродливые. Весь так называемый общеобразовательный курс семинарских наук, если не считать философии, значительно ниже того же гимназического курса. Одна только философия и скрашивает курс семинарских наук. Что же касается училищного курса, то он и вовсе не выдерживает критики. Как подготовительные учебные заведения к семинарии, духовные училища еще до некоторой степени отвечают своему назначению; но так как эти же самые учебные заведения в то же время имеют и свой якобы законченный курс, поскольку питомцам своих школ выдают свидетельства об «окончании полного этого курса», — училища эти представляют какую-то жалкую пародию на стройную структуру низшего учебного заведения. Того, что̀ нужно знать всякому человеку, всякому гражданину, в училищном курсе вовсе нет; а того, что̀ мало применимо в жизни или вовсе не имеет никакого отношения к ней, введено больше, чем с избытком. В то время, как в светских учебных заведениях география проходится в течение пяти лет, в духовном училище она изучается только два года, отчего при изучении ее по необходимости приходится ограничиваться чуть не одной только голой номенклатурой, ничего не говорящей ни уму, ни сердцу. Ни этнографии, ни природоведения, ни отечествоведения — ничего того, без чего

география является сухим, безжизненным предметом, в училище не проходится. Про естественную историю здесь нет и помину. Не только геометрия не преподается в училище, но не преподается и того, что̀ незаметно, постепенно, с внешней стороны, приближается к ней, не преподается даже простого черчения. Ученики после начальной школы проучиваются здесь еще 4—5 лет, оканчивают «полный курс», а выходят из училища — и не имеют решительно никакого представления о жизни своего отечества, ни о прошлой, ни о настоящей, будто бы ученики эти и не русские дети. Зато в том же училище — целая латинская и греческая филология: на оба предмета отведено 16 уроков в неделю. Между тем как о новых языках здесь не имеют и понятия. Исходя из того убеждения, что будущий пастырь должен обладать возможно широким общим образованием, и что школа отнюдь не должна заграждать юношеству путь к свободному, соответствующему индивидуальным наклонностям, выбору рода занятий и общественной службы, нахожу желательной реформу духовно-учебных заведений на следующих началах: а) вместо существующих духовных семинарий и училищ должны быть учреждены средние учебные заведения с 8-летним курсом, с программой обучения, принятой или какая будет принята в светских учебных заведениях общеобразовательного типа, и с предоставлением оканчивающим курс учения права поступления во все высшие учебные заведения; это снимет с духовенства упрек в употреблении церковных, собираемых народом, денег на нужды только одного духовного сословия; б) для прошедших такой 8-летний курс учения, а также и для лиц, окончивших курс в светских средних учебных заведениях, желающих посвятить себя пастырскому служению, должны быть учреждены пастырские классы с 3-летним курсом специальных богословских наук, проходимых ныне в духовной семинарии, но приспособленных к действительным условиям пастырской деятельности и запросам религиозной жизни населения. Изучение Священного Писания и практическая подготовка к живому проповедничеству должны быть положены в основу обучения в пастырских классах. Имея в виду, что как означенная средняя общеобразовательная духовная школа, так в особенности пастырские классы по основной своей цели, по идее, должны подготовлять пастырей Церкви, желательно, чтобы лица учебного и воспитательного персонала этих школы и классов были преимущественно священнослужители. Пока в составе служащих в духовно-учебных заведениях будет двойственность (духовные и светские лица), до тех пор, сколько бы ни было нарочитых указов о воспитании всеми начальствующими и учащими пастырского духа в учащихся, духа этого не много будет в них. Каждый воспитатель должен прежде всего сам иметь то, что̀ желает привить своим воспитанникам. Средняя духовная школа, как подготовительная к пастырским классам, должна быть проникнута духом пастырства; а это возможно только тогда, когда учителя будут одновременно и воспитатели и пастыри. Может быть, все равно, кто преподает географию или алгебру, даже латинский и греческий языки; но совершенно нельзя воспитать пастыря Церкви, не будучи пастырем, а также действительно, а не кажущимся только образом преподать многие науки

семинарии, не нося священного сана. Светский преподаватель может быть прекрасным знатоком Священного Писания, догматики и всех прочих предметов, может обладать уменьем передать свои знания ученикам, познакомить их с подлинным текстом священных книг, а не с учебниками только; но той пастырской настроенности, того пастырского духа, без которого священник — не пастырь, а наемник, он не передаст своим ученикам, потому что сам его не имеет. Светский преподаватель потому именно, что он светский, стал бы в явное противоречие самому себе, если бы он стал действовать на учеников в духе пастырского воспитания. Не противореча себе, он не может внушать своим ученикам любовь к пастырству, когда он сам уклоняется от него. Это хорошо понимают и сами преподаватели. По меньшей мере странно, что светский преподаватель, не будучи сам знаком практически, преподает науку о том, как нужно совершать церковные требы и обряды; учит будущих пастырей, как они должны выходить со Святыми Дарами, нести плащаницу или возносить крест, крестить младенцев, исповедовать кающихся и т. п. Не все равно, что проповедь с церковной кафедры и что речь с народной трибуны, и если последнюю (речь) может держать не только мужчина, но и женщина, то первую может произносить только мужчина и — притом — мужчина в рясе, т. е. лицо, облеченное в священный сан. Сами светские преподаватели литургики и гомилетики в большинстве случаев считают себя словно бы нарядившимся в чужое платье. Еще более странно, что светские лица должны воспитывать пастырский дух своих питомцев, тот дух, какого сами не имеют. Что̀ терпимо в одних лицах, то вовсе непозволительно в других. С точки зрения современного общества не только представляется вполне естественным, что и молодые и пожилые лица танцуют, курят табак, играют в карты, ходят в театры, посещают маскарады, но кажется чем-то ненормальным, если человек ничего этого не делает. С точки зрения общества такой человек не знает «хорошего тона»; от него кадильным пахнет дымам, лампадным маслом отдает. И если еще терпимо, понятно и позволительно, что воспитатели светских учебных заведений позволяют себе всю эту светскость, весь этот лоск и паркетность, то такое же поведение со стороны воспитателей духовно-учебных заведений, воспитателей будущих пастырей, становится уже шокирующим, неудобным и предосудительным. Такое поведение не воспитывает уже в пастырском духе питомцев, а наоборот, дает им основание думать, что никакого особенного духа для пастырей и не нужно. Отсюда и вытекает причина недостатка пастырской настроенности у питомцев современной школы духовной, причина, вытекающая из той раздвоенности образования и воспитания воспитанников духовно-учебных заведений, которая в свою очередь вытекает из современного строя последних. Отделение обучения от воспитания — величайшее зло нашей духовной школы. Светский преподаватель — в лучшем случае только хороший учитель, т. е. передатчик сведений по данному предмету, но не устроитель внутренней жизни учеников, не руководитель ее. И опять формальное оправдание этому — в той неопределенности задач, которые в настоящее время преследуют наши духовно-учебные заведения, кото-

рые по основной идее своей — пастырские школы, на практике же — только общеобразовательные школы Духовного Ведомства, откуда, между прочим, выходят и пастыри Церкви. Дальше, начальствующие, являясь представителями «официального взгляда» на подведомые им учебные заведения, радеют о том порядке, который должен бы быть в школе пастырской; учащиеся же, а иногда и учащие, смотрят на духовные семинарии и училища, как на учебные заведения, хотя сословные, но лишь общеобразовательные, и потому хотят порядков общих, а не специально пастырских школ. Отсюда — вечные недоразумения, недомолвки, взаимное недоверие, непонимание. Начальствующие, памятуя идею духовной школы, ее специальную цель, желают всех своих воспитанников сделать пастырями Церкви; воспитанники же, не имея в себе запросов пастырского духа, ибо в них их не воспитали, не поступаются запросами общечеловеческими. Обучение и воспитание учеников средней духовной школы по преимуществу педагогами-священниками в любви к святой истине и высокому пастырскому служению, и выделение собственно богословского образования от общеобразовательного в пастырские классы, с приданием им совершенно особого, узкоспециального строя как внутреннего, так и внешнего, по типу закрытого учебно-воспитательного заведения, должны устранить все эти недостатки. В деле управления и руководства жизнью реформированной на изложенных началах школы желательно, чтобы начальник школы, преподаватели и воспитатели избирались педагогическим советом, в состав которого входят депутаты от родителей учащихся; все служащие являлись бы лишь исполнителями руководящих указаний и правил, устанавливаемых педагогическим советом, перед которым они ответственны; при замещении должностей начальников и руководителей школы не должны быть предпочитаемы лица монашеского звания, ввиду того, что особенности этого звания не всегда совместны с потребностями жизни, которым должны отвечать задачи среднего школьного образования. Внутренний распорядок жизни школы вообще и учащихся в частности устанавливался бы педагогическим советом соответственно местным условиям и запросам общественной жизни. Признавая необходимым преобразования духовно-учебных заведений на вышеизложенных началах, я сомневаюсь в целесообразности устройства — взамен семинарий и духовных училищ — особых богословских школ с сокращенным курсом общеобразовательных наук, которые могут только понизить умственный и нравственный уровень лиц, посвящающих себя духовному званию, и неспособны будут поднять авторитет пастыря в глазах народа при новых условиях общественной жизни.

V. Вопрос о благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях разрешался бы, по моему мнению, применением существующих положений о церковно-приходских попечительствах или братствах, с соответствующими изменениями их, ко всем прихожанам, по проекту устройства православных приходов в Финляндии. Сомневаюсь в пользе предоставления приходской общине права избрания членов клира. Исполнение священнослужительских обязанностей требует от

лиц, вступающих в клир, особой специальной подготовки; кандидаты же на священнослужительство, обладающие такой подготовкой, т. е. питомцы духовной школы, за редкими исключениями совершенно неизвестны приходским общинам, и трудно, если не невозможно, установить правильный порядок, при котором приходы могли бы не только знакомиться, но и узнавать, различать таких кандидатов, как людей желательных или нежелательных, помимо их образовательной подготовки, по мнению прихода, для занятия священнослужительской должности в известном приходе. Допущение же в клир лиц из прихожан, по избранию их, без специальной богословски образовательной подготовки, было бы, в огромном большинстве, нецелесообразно и положительно вредно для самих прихожан: у нас на глазах есть примеры народного избрания клириков общинами старообрядцев и единоверцев; кто близко знаком с этими общинами, тот знает, что народ в этом отношении не стоял и не стоит на высоте своего права. Напротив, право народа избирать себе священноцерковнослужителей ведет к самым печальным последствиям и большим нестроениям в этих общинах. Нельзя умолчать и о том, что пройдет много времени, пока простой народ сознает, что руководителями у него должны быть люди просвещенные; зачастую приход любит таких руководителей-пастырей, которые были бы снисходительны к недугам его и в то же время находились от него в некоторой зависимости. Предоставить таким прихожанам право избирать себе пастырей — и исполнится речение: «Если слепец слепого поведет, оба в яму впадут». В этом отношении, мне думается, нежелателен иной порядок, как только ныне существующий. Причем, какие бы ни были созданы для благоустройства приходской жизни учреждения и органы, — главой и душой их должен быть пастырь общины; при этом только условии возможно, что посеянное в общине приходской для общего блага принесет плод. Церковный приход составляют и коренные жители, имеющие оседлость в приходе, и временные, так называемые иногородние; но последние правами голоса пользуются тогда, когда они состоят в приходе не менее года. Исходя из мысли, что каждый церковный приход обязан заботиться о своих церковно-приходских делах, необходимо указать, что: а) церковное имущество, а также суммы, поступающие по ныне существующему порядку в церковную кассу, не входят в круг ведения и распоряжения прихода; и потом: б) приходскими делами не должны считаться дела, производство которых, по закону, принадлежит правительственным властям или учреждениям. Органом ведения и распоряжения приходскими делами в приходе должно быть церковно-приходское собрание или церковный совет. Право участвовать в обсуждениях и решениях церковно-приходского собрания принадлежит каждому прихожанину беспорочного поведения. На церковно-приходском собрании председательствует настоятель прихода, и собранию этому надлежит: избирать кандидатов на должность церковных и часовенных старост, представителей от прихода для участия при высыпке церковных сумм, назначать выборных членов-мирян церковного совета и определять церковных сторожей; разрешать сборы и постановлять решения о займах на удовлетворение общих

потребностей прихода, а также устанавливать необходимые правила касательно раскладки и взимания приходских сборов; согласно действующим постановлениям, производить дела, касающиеся сооружения и содержания храма и священнического двора, а также давать заключения по касающимся прихода вопросам о разделении или изменении существующих приходов или учреждении новых. Для улучшения прихода в просветительном и благотворительном отношениях весьма желательно было бы учреждение в каждом приходе церковно-приходского братства. Условие стать братом, членом этого братства, одно: это — желание вступающего в братство: удовлетворять церковным требованиям христианской православной жизни. Найдутся в современном приходе, в настоящем его старом строе, несколько человек искренно благочестивых и преданных своей церкви из числа наличных прихожан, — они и составят основу церковно-приходского братства в приходе и станут его учредителями. Когда число братьев дойдет до достаточной для известного прихода, по мнению епархиальной власти, цифры, братство станет учреждением и начнет действовать в пользу своего прихода. Материальных обязательств от вступающего в братство не надо требовать никаких. Достоинство каждого брата — правая вера и добрые нравственные качества. Основа союза — любовь. Брат от брата помогаем — сила и крепость. Если будет эта сила в живом сознании единой веры, в живом чувстве единой любви, искренней сердечности, то земное, человеческое, потребное для внешней жизни братства, явится само собой, как дань уважения любящего Бога и ближнего сердца: «Сия вся приложатся». — «Господи, — говорил возлюбивший Бога и человека грешный, кающийся мытарь, — се пол имения моего дам нищим, и аще кого чем обидех, возвращу четверицею». Душу надобно пробудить в человеке, сердце человека обратить к Богу и ближнему. «Душа больше есть тела». Это свидетельство св. Евангелия, это воззрение на духовную жизнь человека, это убеждение в значении влияния духовного настроения на отношение к житейским попечениям исключают собой заботы о будущих материальных средствах православного церковно-приходского братства. Принесет брат свою лепту и даст ее братству. Твердая вера в Бога и в святую православную Церковь, ее спасительность, в душах братьев не останутся, не могут остаться неподвижными. «От избытка сердца говорят уста»; сердечная любовь друг к другу и к ближнему вообще — всякому человеку — осветить и согреть своей теплотой и своим светом желания просветить во тьме сидящих, бедствующих духовно и материально братий. Братство озаботится о просвещении находящихся в неведении святой веры и закона Божия; оно взыщет заблудших в вере и в жизни братьев и будет стремиться обратить их на путь истины и добродетели. Такое братство даст твердую почву для процветания в приходе школ для детей и взрослых, кружков ревнителей православия, приютов для сирот и детей беднейших родителей, домов трудолюбия и иных форм многовидного благотворения и просвещения. Возникновение и процветание такого церковно-приходского братства может быть только при усиленном пастырском воздействии приходских священников на свою паству в духе Пастыреначальника

Христа. Чтобы содействовать пастырям в этом отношении, давая им бóльшую возможность и свободу такого воздействования и поставления самих себя на должную высоту пастырского призвания, необходимо видоизменить существующий порядок получения духовенством от прихожан вознаграждения за требоисправления, приняв в пример хотя бы порядок получения лютеранским духовенством этого вознаграждения ежегодно в определенной сумме, взносимой прихожанами по составляемой ими самими раскладке. В современной периодической печати часто появлялись статьи, указывавшие на необходимость освобождения священнослужителей от так называемой «канцелярщины» по ведению различных церковно-приходских книг, в интересах направления всей деятельности пастырей исключительно на пастырское делание. Сомневаюсь в необходимости и возможности освобождения духовенства от этой обязанности, несомой им наравне с духовенством инославных вероисповеданий. Если и возможно бы было возложить эту обязанность на представителей гражданской власти, с весьма значительной тратой на это казенных или общественных денег, то и в этом случае, имея в виду порядок ведения старообрядческих приходских записей полицейскими чиновниками, нельзя быть уверенным в правильности и полноте надлежащих сведений в церковно-приходских книгах, составляемых по такому способу, потому что эта правильность и полнота будет в зависимости не только от исправности чиновников, но и от отношения к этому делу прихожан, из которых многие по разным причинам своевременно не придают должного значения этим записям.

VI. При пересмотре законов, касающихся порядка приобретения Церковью собственности, желательно, чтобы Церковь и духовенство получили те права, какие даны другим соответствующим установлениям и сословиям, без всяких ограничений. Для развития приходской благотворительности и вообще для оживления прихода и правильной организации приходской жизни было бы весьма важно признать приход юридическим лицом с правом собственности, что давало бы приходской организации устойчивость и средства материальные.

VII. Вполне сочувствуя мысли о присвоении епархиальным съездам значения вспомогательного при епископе органа не только по вопросам о материальных, но и о религиозно-нравственных нуждах епархии, я полагал бы желательным предоставление этим съездам права избрания членов консистории или епархиального управления. Все вопросы, подлежащие обсуждению съездов, какого характера они ни были бы, предварительно должны быть обсуждаемы духовенством каждого благочиннического округа для того, чтобы депутат каждого округа был истинным выразителем взглядов, мнений и желаний избравшего его духовенства.

VIII. По вопросу об участии священнослужителей в общественных учреждениях полагаю, что таковое расширение деятельности пастырей Церкви, которым не должны быть чужды и мирские нужды своих пасомых, открывает им широкое поприще для проведения и в этой области чистых христианских начал и для увеличения своего нравственно-просветительного влияния. Для

того же, чтобы голос Церкви был более слышен в государственном управлении (которое принципиально призывает на себя благословение Церкви), а также — чтобы и государственные сановники могли непосредственно от полномочных представителей Церкви знать ее взгляд на тот или иной предмет, и представители Церкви могли непосредственно разъяснять государственным сановникам церковные дела и ходатайствовать о нуждах и потребностях Церкви, желательно было бы предоставление высшим представителям церковной иерархии (нескольким из них, по рангу или выбору Церкви) участия с правом голоса в заседаниях Государственного Совета, Комитета Министров и подобных высших государственно-законодательных учреждений.

IX. На будущем Всероссийском Соборе, несомненно, обнаружатся попытки к возбуждению вопросов, касающихся внутренней миссии русской православной Церкви — и противораскольнической и противосектантской. Ввиду Высочайшего указа 17 апреля возбудятся вопросы именно об отношении Церкви к сектантам и к старообрядцам-раскольникам, приемлющим австрийское лжесвященство в особенности.

Высочайший указ обеспечил «каждому свободу верования и молитвы по велениям его совести». Высочайшая телеграмма о распечатании алтарей на Рогожском кладбище, служа выражением «доверия и сердечного благоволения Его Величества к старообрядцам», свидетельствует желание Государя Императора «прекратить соборным решением тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую может только Церковь». Высочайший манифест 17 октября, узаконив свободу совести, определил положение православной Церкви в отношении и к сектантам и к старообрядцам-раскольникам так, что уже, собственно говоря, не требуется теперь никаких заключений со стороны Церкви. Для всех иномыслящих в вере и жизни остается только уже выражение ими религиозной свободы совести, как оказательство сектантства и раскола. И только в этом отношении может касаться известным образом Церковь к той или другой форме разноверия. Что́ же Церковь может сказать, как отнестись к сектантству, к расколу? Пусть строятся молитвенные дома сектантов, пусть воздвигаются молитвенные храмины раскольников, где будут они свидетельствовать свои верования и совершать молитвы по велениям своей совести. Можно с уверенностью предполагать, согласно Высочайшей воле, с особенной настойчивостью выдвинется вопрос об отношении православной Церкви к старообрядцам-раскольникам, приемлющим австрийское лжесвященство. Каково должно быть это отношение Церкви? Конечно, желательно бы единение старообрядцев с православной Церковью; но два с половиной века разделения, розни и вражды с православной Церковью настолько отдалили старообрядчество от православия, что едва ли возможно теперь это единение. При учреждении единоверия Церковь снизошла к немощной совести старообрядчества настолько, что бо́льшего снисхождения и быть уже не может. Пусть это старообрядчество-раскол допускает полное оказательство своего верования, до открытия алтарей в своих молельнях, до колокольного звона и публичности своих молитвословий. Но «устранить тяжелую истори-

ческую церковную рознь» Церковь может только при единственном условии: если этот вид старообрядчества, как и раскол вообще, сознает ложность своих верований, с покаянием придет в Церковь Божию. Признание же австрийской лжесвященной иерархии «в сущих санах» и введение ее и ее паствы в лоно святой Церкви — и невозможно, и неполезно. Невозможно, — ибо это лжесвященство не канонично и в основе своей и в своем существовании. Неполезно, — ибо опыт учреждения единоверия показал, что приверженцы так называемого «древлеправославия» приняли снисхождение Церкви, как утверждение в Церкви старообрядчества. Так, что расположились в последнее время пожелать, с особенной настойчивостью, учреждения своей особой единоверческой иерархии, поставивши во главе единоверческого епископа, о чем будто бы уже просят Св. Синод. Так если старообрядцы, принявшие единоверие, как единение с Церковью, позволяют себе такие стремления к разделению церковного единения, то чего же можно ожидать от старообрядцев, которые «не суть от двора сего»? Признание лжесвященной иерархии старообрядцев-раскольников «в сущих санах» может надмить эту иерархию и весь раскол гордостью, и они, восприняв равноправие с православной Церковью, не только не придут в единение с ней, а еще более удалятся от нее в горделивом сознании, что правоту их «старой веры» признала наконец сама православная Церковь. И даже, естественно предположить <что> провозгласят ложность святой Церкви. Ибо две взаимоисключающие истины не могут быть в сознании человека. И произойдет тогда еще больший соблазн, «*и будет последняя лесть горши первой*». Нет, Церковь будучи единой, святой и душеспасительной в мире, не может и не должна поступаться ни святыми истинами своего вероучения, ни своими священными правами. Свобода совести — жизнь святой Церкви. Теперь она отделит плевелы от пшеницы. Все, в ком нет святой веры в Бога и в Церковь, отпадут от Церкви. Но те, кто останутся, верные сыны Церкви со священной иерархией, в единстве веры, упования, таинств, жизни, любви во Христе, представят собой Церковь, не имущую скверны заблуждения, неверия или порока — раскола различных видов. Для Церкви Божией настало время, когда надобно с особенной крепостью и высоко держать знамя православия, возвещая миру правду Божию и любовь Божественную, скрепляя себя твердыней неустанной проповеди слова Божия и церковной дисциплины. А всего более добрая православно-христианская жизнь может обращать к Богу и Церкви незнающих святой веры и заблуждающихся в вере и в жизни людей, как написано: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже есть на небесех». Этот язык — всем понятный; самая сильная проповедь веры и самое первое условие — да будет в мире, во вселенной, едино стадо и един Пастырь.

№ 39,
преосвященного Евлогия, епископа Холмского, временно управляющего Варшавской епархией,
от 15 декабря 1905 года

Во исполнение указа Святейшего Синода от 27 июля сего года, за № 8, долг имею почтительнейше представить Святейшему Синоду заключения комиссии, учрежденной почившим архиепископом Варшавским и Привислинским Иеронимом по разработке вопросов, предположенных к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви; при сем считаю нужным присовокупить, что я никакого участия в трудах этой комиссии не принимал и поэтому не могу быть ответственным за правильность ее заключений; некоторых из этих заключений я не разделяю.

Заключения учрежденной архиепископом Варшавским и Привислинским Иеронимом комиссии по разработке вопросов, подлежащих обсуждению Поместного Собора русской Церкви

I. По вопросу о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов

При обсуждении данного вопроса комиссия принимает во внимание следующие соображения. Подготовляемая церковная реформа в России должна иметь своей целью восстановление тех норм жизни и деятельности Церкви, кои установлены правилами апостольскими и соборными. По смыслу и духу Церкви православной, необходимыми и взаимно дополняющими факторами жизни и религиозной и церковной должны быть свобода и подчинение высшему авторитету Собора. Свобода содействует беспрепятственному развитию духовной жизни, а подчинение авторитету соборному предохраняет эту жизнь от всяких возможных уклонений от нормы. Оба эти фактора в своей нераздельности и составляют то основное качество соборности, которым должна регулироваться вся жизнь Церкви во всех ее проявлениях. Церковь соборна, и действия правительства церковного должны выражать желания всех управляемых; идея соборности тожественна с идеей самоуправления. Наиболее верное выражение начала соборности или самоуправления в практическом, жизненном его осуществлении представляет именно областной митрополичий строй Церкви. Поэтому, по мнению комиссии, разделение православной России на церковные округа под управлением митрополитов желательно и необходимо — с непременным условием значительного увеличения числа епископских кафедр в русской Церкви.

При разрешении вопроса, насколько потребен для русской Церкви и соответственен особым условиям церковной жизни в России митрополичий строй, по мнению комиссии следует иметь в виду, что русское православное население русской Церкви по местам живет среди большого числа иноверцев, нерусского происхождения, что̀ создает особые условия религиозной и церковной жизни, требующие и особливых мер и действий со стороны правительства церковного. Между тем центральная церковная власть действует одинаково на всем пространстве Церкви русской; подчинение исходящим от этой власти однообразным распоряжениям, касающимся притом же не только общего направления жизни, но даже незначительных ее проявлений, не может, конечно, создать сколько-нибудь благоприятных условий для местной церковной жизни. Введение в управление Церковью русской митрополичьего строя или окружного церковного самоуправления, кроме того, будет вполне соответствовать ныне уже признанному и правительством гражданским и обществом взгляду, что самоуправление при подчинении высшему авторитету есть самая естественная, наиболее благоприятствующая развитию форма общественно-государственной жизни.

Опасение, выраженное г. синодальным обер-прокурором в его предложении Святейшему Синоду от 28 июня сего года, не будет ли существование автономных митрополичьих церковных округов находиться в противоречии с началом государственного единства, способствуя возрождению идей о культурной и политической обособленности окраин Русского государства, по мнению комиссии, не может остановить введения разделения Церкви на такие округа. Сама государственная власть, следуя голосу прогрессивных общественных деятелей, издает распоряжения, которые явно способствуют возрождению идеи обособленности наших окраин, особенно Западного края и Кавказа, и не находит, что это нарушает государственное единство России; не задача Церкви исправлять то, что̀ делает государство; Церкви следует заботиться о том, что̀ служит к ее благу, — Церкви следует добиваться свободы действий, свободы самоуправления; свобода совести, объявленная 17 апреля сего года, не соединенная со свободой Церкви, послужила только на пользу иноверия и иноплеменников, Церкви же будет постоянным укором и поношением.

Вместе с тем, введение в церковное управление митрополичьего соборного строя послужит делу единства Церкви и объединению русской народности. Централизующий строй поддерживает только внешнее, формальное единство Церкви, но не дает никаких средств для действительного внутреннего общения между отдельными епархиями. Каждая епархия в данное время представляет установление отдельное, обособленное от других епархий, и единственным связующим звеном между ними является общая для всех центральная власть, одинаково действующая на всем пространстве Церкви русской. Только митрополичий соборный строй создаст действительное единство Церкви. Будучи самостоятельной и независимой во внутренней своей жизни, каждая епархия участвует в лице своих предстоятелей и выборных представителей в окружном соборе и таким образом сохраняет согласие и поддерживает обще-

ние и единство с епархиями всего округа или области и, вместе с тем, через общецерковные соборы, на которых участвуют предстоятели и выборные представители от округов, и со всей Церковью. Введение в церковное управление митрополичьего соборного строя послужило бы также к объединению русских людей. Важны, конечно, и политические и экономические вопросы, но в этих вопросах заинтересованы равно все русские подданные без различия национальности; вопрос же о положении и добром состоянии нашей православной Церкви — исключительно вопрос русский и для русских людей. Если бы было введено окружное церковное самоуправление, то вопросом церковным заинтересовались бы все русские люди, создалось бы сильное и чисто русское течение мысли и движение народной жизни, центром какового сделался бы вопрос церковный.

Наконец, комиссия полагает, что преобразование на соборных началах нашей Церкви может и в западных славянах возбудить желание возродить национальные славянские Церкви и таким образом послужить к объединению славянских племен, а равно развить течение к соединению с ней в церквах старокатолической и англиканской. В заключение комиссия высказывает надежду, что Поместный Собор русской Церкви возвратит ей полноту канонического строя и изберет для нее первосвятителя-патриарха; при патриархе образует Синод из чередных епископов, так чтобы в нем всегда присутствовал представитель от каждого митрополичьего округа и сохранялись бы единство управления и последовательность в мероприятиях.

II. По вопросу о преобразовании существующих органов епархиального управления и суда согласно с каноническими соборными началами

Комиссия прежде всего отмечает, что епархиально-консисторский строй управления и суда противоречит тем каноническим началам, которые заложены в основу церковного управления и суда. Следует иметь в виду, что современная русская Церковь во внутренних отношениях своих членов и в управлении своей жизнью руководствуется формально-юридическими началами государственного управления, не только не сродными ей, но и совершенно противоположными тем началам, из которых должна развиваться ее жизнь и которые указаны ей Христом Спасителем. В настоящее время управление церковное построено на принципе внешнего начальствования и подчинения. Епископ теперь есть начальник подчиненного ему духовенства, по формам правления своей власти подобный другим государственным начальникам. Консистория есть орган его начальственной власти как в отношении к духовенству, так и к случайно приходящим в соприкосновение с ней мирянам. В противоположность начальствованию и господству светских властителей, власть церковная должна выражаться в служении верующим, их нравственно-религиозным нуждам; деятельность иерархии, проявляющаяся в совершенствовании верующих и во внутреннем устроении Церкви, представляется под образом служения, которое является следствием ее любви к Церкви и пастве,

и послушание власти церковной должно <основываться> не на внешнем принуждении и силе, а на свободном признании божественного авторитета этой власти, т. е. должно иметь не юридическую, а нравственно-религиозную основу. Таким образом, любовь и свобода — вот те начала, которыми должна определяться жизнь церковная и которыми должны быть запечатлены все отношения членов Церкви, в том числе и те отношения, сумма которых называется церковным управлением. Управление церковное тогда только может носить по существу принадлежащий ему характер духовного служения и тогда только может достигать созидания Церкви Христовой, внутреннего объединения всех верующих, когда в нем отражаются эти начала любви и свободы.

Вместе с тем, епархиально-консисторский строй характеризуется полной отрешенностью от жизни и неспособностью удовлетворить самым насущным действительным ее потребностям. Современный русский епископ стоит вне живого общения со своей паствой; единственным средством такового общения могут считаться только обозрения епархий; но при обширности русских епархий, при необходимости следить за крайне развившимся в епархиальном управлении бумажным производством, эти обозрения не могут быть часты, если же и предпринимаются, то превращаются в кратковременные торжественные шествия, при которых епископ не всегда имеет возможность обнаружить даже богослужебное величие своего сана и ничего не может увидеть, кроме толкущейся толпы народа. Для паствы епископ — государственный сановник, ведающий одну из отраслей государственного управления и надзирающий за подчиненным ему духовенством. О религиозных нуждах и запросах паствы епископ узнает от духовенства; но и последнее за редкими исключениями не может сноситься непосредственно с епископом, а вынуждено доходить до него через посредствующие инстанции — благочинных и консисторию. По отношению к духовенству епископ — только властитель, но не собрат и руководитель. При отсутствии прямых отношений епископа к духовенству и пастве единственным источником сведений о положении дел в епархии, равно как и посредствующим органом управления ее жизнью, является консистория с благочинными. Консистория с подчиненными ей благочинными составляет стену, которая закрывает от епископа епархию и ставит его в изолированное, обособленное отношение как к пастырям, так и к пастве. Сама консистория по своему строю и по принятым отжившим формам и обрядам делопроизводства не имеет связи с живой церковной жизнью; она имеет дело только с бумагами, в которых церковная жизнь обрисовывается далеко не в полном, а иногда и в искаженном виде; поэтому и распоряжения и решения консистории только подавляют и обесцвечивают эту жизнь, задерживая ее естественное развитие. Если принятый в консистории канцелярский формальный способ делопроизводства неудовлетворителен для административного управления, то в области судебной он совершенно уничтожает суд, низводя его на степень усмотрения, так как консистория не видит и не слышит обвиняемых. Обвинителей и свидетелей, и ограничивается только утверждением производимых, по ее поручению, дознаний или формальных следствий.

Крайняя неподвижность, почти полная мертвенность религиозной жизни внутри Церкви и беспорядочное, субъективно-произвольное развитие ее вне и за пределами Церкви — одно их прямых последствий епархиально-консисторского строя управления и суда.

Практически, епархиально-консисторский строй оказался неспособным даже поверхностно-канцелярски следить за всеми отраслями церковной жизни, что́ отмечает и г. синодальный обер-прокурор в своем предложении Святейшему Синоду, указывая на возникновение в последнее время во всех русских епархиях параллельно с консисториями независимых от нее учреждений: советов и правлений по делам епархиально-миссионерским, братским, епархиальных съездов, вспомогательных и эмеритальных касс, свечных заводов, и других.

Таким образом, возникает вопрос об организации такого действительного епархиального органа епископской власти, который соответствовал бы каноническим установлениям, который содействовал бы свободному естественному развитию церковно-религиозной жизни, направляя и удерживая ее на правильном пути, и который объединял бы в своем ведении всю область епархиального управления и суда.

Этот вопрос, по мнению комиссии, может быть вполне разрешен возрождением в русской Церкви древнехристианского совета пресвитеров, как единого, постоянно действующего органа епархиальной епископской власти. В древней христианской и отчасти в русской Церкви пресвитеры являлись не подчиненными епископу, а его ближайшими сотрудниками, составляли с ним одну нераздельную местную церковную власть. Св. апостолами узаконено: епископ должен управлять вверенной ему Церковью не иначе, как при участии собора пресвитеров.

Относительно состава, ведомства и деятельности совета пресвитеров, в связи с условиями современной русской церковной жизни, комиссия приходит к следующим положениям. В русской Церкви, при обширности епархий, членами совета пресвитеров должны быть выборные пресвитеры; формальное право избрания членов совета должно быть предоставлено всем пресвитерам епархии; практическое осуществление этого права может быть предоставлено периодическому епархиальному собору или съезду; продолжительность служения членов совета — пресвитеров ограничивается определенным числом лет. Совету пресвитеров должны быть подведомы все дела церковно-епархиального управления, по всем сторонам жизни — как собственно религиозной, так и хозяйственной, а равно и дела церковно-судные. Совет пресвитеров действует всегда под председательством епископа или, в случае крайней необходимости, уполномоченного им члена совета, и все дела решает открыто, путем живого обмена мыслей; по всем делам церковной подсудности суд должен производиться всем составом совета пресвитеров под личным председательством епископа; суд должен быть гласный, для православных, за исключением тех случаев, когда подлежащее обсуждению преступление может вызвать соблазн; при судопроизводстве должно поверяться личным опросом обвиняе-

мого и свидетелей все предварительное следствие, причем роль докладчика и обвинителя мог бы исполнять один из членов совета пресвитеров, по избранию самого совета, а защитником мог бы явиться кто-нибудь из пресвитеров епархии, по избранию обвиняемого или совета; в судопроизводстве могли бы принимать участие и диаконы в служебной роли — представлять суду обвиняемых, вводить свидетелей, наблюдать за внешним порядком и прочее; вообще, внешняя процессуальная сторона судопроизводства могла бы быть заимствована судом церковным от суда гражданского. При совете пресвитеров состоит епархиальная канцелярия, с значением исключительно исполнительного органа, наподобие нынешних личных канцелярий епархиального епископа. По мнению комиссии, необходимо также улучшение производства следствий и учреждение на выборных началах благочинных советов. В отношении следствий с формальной стороны можно было бы воспользоваться тем лучшим, что̀ дал уже опыт суда гражданского; ввиду важности следствий в судопроизводстве, ведение их полезно было бы поручать не одному лицу, а двум или даже трем, особенно по делам важнейшим. Выборные благочинные советы явились бы органом епархиального управления и товарищеского суда, подведомственным совету пресвитеров и непосредственно соприкасающимся с приходами и приходским духовенством; благочинные советы могли бы окончательно решать менее важные дела, какие указаны будут опытом жизни церковной; деятельность благочинных советов могла бы оживляться и отчасти направляться периодическими съездами духовенства и мирян благочинного округа; благочинные советы могли бы предупредить обременение епархиального управления делами, как к тому же послужат предоставление приходам самоуправления и уничтожение старого канцелярского способа ведения делопроизводства.

III. По вопросу о благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях

Комиссия вполне признает, что благоустроение прихода в свободную самоуправляющуюся церковную общину, на основании общего о сем положения, ныне безусловно и настоятельно необходимо главным образом для оживления и обновления местной церковной жизни и — вместе с тем — для усиления средств внутренней православной миссии. Может считаться общепризнанным фактом, что упадок церковной жизни в современной России является последствием ненормального положения прихода: устранение прихожан от участия в церковном управлении и церковной жизни повлекло за собой и действительное охлаждение их к храму и вопросам веры и нравственности; поэтому в деле церковной реформы вопрос о благоустройстве церковного прихода — один из самых серьезных и важных вопросов, требующих и внимательного к себе отношения и возможно скорейшего практического разрешения. Относительно существующих в приходах попечительств и братств комиссия полагает, что таковые ни в каком случае не могут заменить благоуст-

роенного прихода в отношении управления; при настоящем положении последнего эти учреждения в некотором отношении делают приходское дело; но в благоустроенном приходе они должны или прекратить свое существование, или неизбежно превратиться в подчиненные приходские учреждения, так сказать — в приходские комиссии; существующие попечительства и братства, как организованные кружки прихожан, по мнению комиссии, могли бы составить лишь зерно прихода в первое время существования его, на основании нового положения, и таким образом споспешествовать скорейшему развитию прихода в живую церковную общину.

При определении юридических основ будущего прихода, комиссия, в соответствие идее свободной деятельности общины, признает необходимым, чтобы приход имел определенные границы, именно — чтобы в состав его входили православные жители известной, строго определенной в своих границах территории, чтобы все прихожане, без различия пола, достигшие гражданского совершеннолетия, т. е. 21 года, являлись деятельными членами прихода, участвуя в общих приходских собраниях и в учреждаемых последним исполнительных комиссиях, чтобы за приходом было признано значение юридического лица и право приобретения недвижимых имуществ на общем основании, без каких бы то ни было ограничений, т. е. такие права, без которых приход не имел бы возможности жить жизнью свободной общины. Особенное внимание комиссия останавливает на вопросах о предоставлении приходу прав избрания священнослужителей и распоряжения церковно-приходскими суммами и имуществами на церковно-приходские нужды. Комиссия высказывается в принципе за предоставление приходу этих прав. Исходя из той мысли, что благоустроение прихода существенно необходимо для успеха всей церковной реформы, комиссии признает недопустимым установление каких бы то ни было ограничений прихода в его жизни и деятельности. Только ввиду особого значения для Церкви умственных и нравственных качеств священнослужителей и для экономии епархиальных учреждений церковно-приходской кассы, комиссия находит нужным указать некоторые условия осуществления приходом указанных прав. По отношению к избранию приходом священнослужителей необходимо, по мнению комиссии, чтобы при избрании кандидатов священства присутствовал представитель епархиального епископа, чтобы приход избирал кандидатов священства из лиц правоспособных и известных епархиальному епископу — с тем, чтобы епископ мог испытывать, по усмотрению, лиц, представляемых приходом в качестве кандидатов священства, и назначать в приход священнослужителей по собственному усмотрению, если приход не укажет кандидатов или если кандидаты прихода будут усмотрены им неправоспособными. По вопросу о предоставлении приходу права распоряжаться церковно-приходскими суммами и имуществами вообще на церковно-приходские нужды, меньшинство комиссии предлагает, чтобы за церковной властью было сохранено право производить отчисления от церковно-приходских средств на содержание епархиальных учреждений, существующих ныне вполне или отчасти на таковые отчисления, причем ука-

зывает, что без предоставления церковной власти этого права приходы могут лишить эти учреждения необходимых средств существования. Большинство же комиссий — против такого ограничения, полагая, что оно противоречило бы установленному понятию о приходе и не вызывается необходимостью; несомненно, что приход будет участвовать в лице своих представителей также и в епархиальном управлении, а в таком случае все полезные епархиальные учреждения могут рассчитывать на внимательное отношение к себе и приходов.

IV. По вопросу об усовершенствовании духовно-учебных школ

При обсуждении настоящего вопроса комиссия прежде всего останавливается на разрешении принципиального вопроса, необходимо ли существование особых духовно-учебных заведений общеобразовательного характера и не является ли более целесообразным оставить в ведении духовного начальства только богословское научение кандидатов священства для пастырского служения. Приняв во внимание, что приготовление к пастырскому служению требует не только богословского научения, но также и воспитания в духе церковной дисциплины, и что желательно сохранение школ, которые были бы открыты преимущественно для детей духовенства, комиссия приходит к заключению о необходимости оставления в ведении духовного начальства особой духовной школы с общеобразовательными и богословскими классами, причем, по мнению комиссии, может быть сохранена существующая система духовно-учебных заведений в виде 4-классных училищ, 6-классных семинарий и академий. Комиссия полагает: Церкви необходимы пастыри развитые, стоящие на уровне современного образования; поэтому они должны проходить такую школу, которая в общеобразовательном отношении вполне достигает уровня признанной нормальной светской школы. Только через такую школу пастыри Церкви могут стать сознательными участниками и устроителями современной жизни; только такая школа даст своим питомцам права, какие дает своим питомцам светская школа, и таким образом уничтожит то, обидное для духовенства, положение, при котором воспитанникам духовных семинарий из милости разрешается поступать в окраинные полуинородческие университеты и наполнять ветеринарные институты отдаленных местностей; только такая школа может рассчитывать на материальную поддержку прихожан за счет отчислений от церковно-приходских средств, без каковой поддержки никакая духовная школа существовать не может. Что касается воспитания кандидатов священства в духе церковной дисциплины, то таковое вполне может быть достигнуто во всякой общеобразовательной школе приемами воспитательного характера, некоторыми церковными упражнениями и подвигами духовного делания, а равно прохождением специальных богословских классов. Комиссия находит желательным, чтобы духовная школа в учебно-образовательном отношении стояла на одном уровне с нормальной светской школой, чтобы питомцы этой школы пользовались теми же правами, какие

дает своим питомцам последняя, чтобы духовная школа была открыта для поступления лиц всех сословий и состояний с преимуществом для детей духовенства — главным образом — в смысле облегчения для них условий материального свойства, чтобы богословские классы духовной школы были обособлены от общеобразовательных ее классов и расширены в целях лучшей постановки дела по крайней мере до трехлетнего курса, чтобы лицам, прошедшим нормальную среднюю светскую или духовную школу и засим богословские классы последней, было предоставлено без особого испытания поступать в духовные академии. Относительно выхода из Духовного Ведомства питомцев духовной школы и о возможном вследствие этого недостатке по епархиям кандидатов священства, комиссия прежде всего отмечает полезную для Церкви сторону такого выхода питомцев духовной школы: Церковь освободится от пастырей, принимающих на себя служение по нужде, а не по призванию, и кроме того будет приобретать в среде прихожан лиц, коим понятны и близки ее интересы. Засим комиссия полагает, что понудительные меры по удержанию питомцев духовной школы в Духовном Ведомстве не должны быть принимаемы, так как они могут принести Церкви только вред. К некоторому ограждению интересов Церкви в данном отношении могут послужить, по мнению комиссии, допущение в духовную школу лиц всех сословий и допущение к прохождению богословских классов в качестве начетчиков лиц, окончивших церковно-учительские школы, по прослужении ими в должности учителя церковной школы 1—2 года.

Воспитательная часть в нынешних духовно-учебных заведениях поставлена, по мнению комиссии, неудовлетворительно. У нас нет внутренней связи между воспитателями и воспитанниками; у воспитанников свой мир, недоступный воспитателям, в недра его мы не спускаемся; а между тем там бывает сокрыто не мало чудных перлов, а порой шумят страшные бури, с которыми мы знакомимся только в поздний час так называемых школьных беспорядков. На ответственные начальствующие должности зачастую в последнее время назначались лица с неустановившимися еще, вследствие их возраста, характером и взглядами. Сделавшись начальником и воспитателем почти своих сверстников, такое лицо, не отрезвленное суровым опытом жизни и без надлежащей к тому подготовки, сентиментальничает с воспитанниками, подавая повод к вредной распущенности. Через два-три года следует обыкновенно изменение воззрений этого лица, крутой иногда перелом в противоположную сторону, но уже поздно: воспитательное дело уже испорчено надолго. Такие лица назначаются обычно в надежде, что они будут находиться под постоянным руководством лиц вполне опытных. Но воспитание — дело живое, требующее зачастую непосредственного творчества, быстрых решений, что совершенно недоступно для людей, не выработавших еще определенного мировоззрения и не приобретших житейской опытности. А за постоянными советами и указаниями не находишься и не наездишься. Ввиду означенных обстоятельств надлежит настоятельно желать, чтобы на ответственных постах являлись люди зрелые и искушенные опытом, доказавшие свою умелость в руководстве юно-

шеством, и чтобы это плодотворное служение этих лиц в их должностях продолжалось возможно дольше, чтобы заслуженное ими уважение переходило от поколения к поколению. Значение личности в воспитательном деле, как, впрочем, и везде, чувствуется чрезвычайно. Постоянство, устойчивость, живой искренний пример воспитателя захватывает воспитанников и сильно может влиять на их направление. Во всяком случае, выбор начальствующих лиц должен быть делаем с величайшей осторожностью и тщательностью. Самый нормальный порядок — давать назначение на ответственные места лицам, уже стяжавшим в епархии и учебном заведении авторитетность и уважение, которое они принесут и на новую должность. Изъятия из этого порядка допустимы только в самых крайних случаях. Можно надеяться, что при предстоящей реформе епархиального управления на канонических началах дело назначения в духовные училища начальствующих лиц устроится в желательном смысле. Важен еще состав низших воспитателей, помощников инспекторов и надзирателей. Крупные ошибки при назначении этих лиц будут устранены лишь тогда, когда в семинариях и академиях, откуда выходят кандидаты для замещения указанных должностей, установлено будет действительное, а не фиктивное изучение характеров и наклонностей воспитанников. Наконец, должны быть пересмотрены и разработаны соответственно потребностям времени и здравой педагогики инструкции по воспитательной части. По мнению комиссии необходимо, чтобы в начальствующие лица в духовной школе избирались люди зрелые, опытные, заявившие себя плодотворным служением школьному делу, посредством свободных выборов в среде школьной корпорации; чтобы совершенно не было допускаемо без особо важных исключительных причин перемещение сих лиц из одной школы в другую; чтобы были привлечены к воспитательному общению с питомцами духовной школы также и преподаватели последней, ныне обычно ограничивающиеся только ведением классных уроков; чтобы было увеличено количество низших воспитателей в духовной школе; чтобы, наконец, были пересмотрены и разработаны соответственно потребностям времени и здравой педагогики инструкции по воспитательной части.

V. По вопросу об установлении границ деятельности и указании места и значения в ряду епархиальных учреждений съездов депутатов духовенства

Комиссия находит необходимым, чтобы съездам депутатов духовенства были приданы по особому о сем положению более широкие полномочия, чем какими они ныне юридически пользуются; необходимо, чтобы компетенция съездов была расширена и чтобы в съездах духовенство нашло опору и источник руководства для своей пастырской деятельности, а епархиальные епископы — помощь и ознакомление с местными нуждами, столь потребные в деле архипастырского служения. Комиссия находит желательным преобразование епархиальных съездов в органы епархиального управления со значением и

правами древних епархиальных соборов, с тем, чтобы в состав епархиальных съездов, кроме депутатов от духовенства, были введены также и выборные представители от прихожан. Участие прихожан в епархиальных съездах полезно, как залог общения их с пастырями, и желательно, так как духовные школы и некоторые епархиальные учреждения существуют за счет церковно-приходских средств, т. е. пожертвований прихожан, коим необходимо знать употребление этих пожертвований. При определении границ компетенции епархиальных съездов по новому положению комиссия приходит к заключению, что епархиальным съездам должно быть предоставлено разрешение всех вопросов принципиального характера не только материальных, но и касающихся веры, практики и просвещения, например: ограждение чистоты веры, охранение церковного благочиния, упорядочение и совершенствование пастырской практики, свидетельствование состояния духовного просвещения в епархии в религиозно-просветительной, миссионерской и школьной областях; рассмотрение денежных отчетов всех епархиальных учреждений, ревизия расходования и наличности епархиальных сумм, раскладка церковных податей и сборов, а равно и избрание членов совета пресвитеров. Епархиальным съездам или соборам должны быть также предоставлены и некоторые функции суда: дела, имеющие общественный характер, как-то по преступлениям против целости и чистоты веры, могли бы быть предоставлены компетенции периодического епархиального собора или съезда; последний мог бы судить и другие дела, но только в качестве первой инстанции и ни в каком случае не в апелляционном порядке. Право апелляции не может принадлежать епархиальному собору, так как собор этот, действуя под председательством того же епископа, который стоит и во главе совета пресвитеров, не представляет высшей и большей власти в сравнении с последним; разрешение церковных прекословий и рассмотрение жалоб в апелляционном порядке всегда принадлежало митрополичьему собору. Комиссия высказывает также следующие пожелания, касающиеся организации съездов или соборов: депутат должен быть выразителем мнения своего округа, должен жить интересами округа — с готовностью, в случае необходимости, твердо отстаивать эти интересы; вознаграждение депутату должно быть назначаемо по мере действительной потребности; было бы не бесполезно, чтобы депутат, по возвращении со съезда, давал в ближайшем окружном собрании духовенства подробные сведения о ходе суждений на съезде по всем вопросам; это могло бы служить показателем если не личного участия депутата в суждениях съезда, то, по крайней мере, степени внимательности его к суждениям других: для упорядочения деятельности епархиальных съездов гораздо лучше было бы, если бы вопросы, подлежащие рассмотрению, сдавались не сразу в общеепархиальный съезд, а направлялись предварительно в окружные благочиннические съезды, на которых духовенство могло бы полно и всесторонне обсудить эти вопросы и дать надлежащие и определенные полномочия своему депутату.

VI. По вопросу об участии духовенства в общественных учреждениях

Комиссия признает, что участие духовенства в общественно-государственных учреждениях желательно. Современное русское духовенство должно приложить все старание к развитию своей пастырской деятельности ко благу и нравственному совершенствованию пасомых, должно возвратить себе всю силу плодотворного влияния на все стороны жизни народа. Участие в общественно-государственных учреждениях и дало бы духовенству с большой пользой осуществлять в жизни религиозно-нравственные задачи пастырства, открыло бы для него новые пути для проведения в область государственную и народную чистых христианских начал и новые способы для утверждения своего нравственного влияния. Существует мнение, что участие духовенства в общественной деятельности несовместимо и несогласно с прямыми обязанностями и вечными началами пастырского служения; но оно представляет крайний и неосновательный взгляд, благодаря которому духовенство в настоящее время, при столкновении с социально-бытовой стороной народной жизни, только страдательно ощущает полное свое бесправие и сознает себя в своей деятельности не в мире, а над миром. Опасаются, что духовенство в водовороте гражданской жизни может заразиться духом партийности; но это опасение не может остановить допущения духовенства к общественно-государственной деятельности: участие духовенства в ней может и должно носить внепартийный, примиряющий, хотя и безусловно правдивый, характер. По мнению комиссии, духовенство должно быть допущено в общественно-государственные учреждения и на общем основании с прочими членами последних, т. е. как собственники и как представители Церкви. При частном обсуждении данного вопроса комиссия находит: желательно допущение представителей высшего духовенства в законодательные учреждения страны: достойный голос заслуженных архипастырей мог бы иметь большое значение при разрешении вопросов или установлении законов, когда те или другие отражаются на вере, нравственности и религиозных интересах народа; желательно участие духовенства и в местных органах самоуправления: присутствие пастыря здесь много содействовало бы выяснению всей важности серьезного и неподкупного отношения к общественным делам. Участие духовенства в деятельности общественно-государственных учреждений, несомненно, было бы полезно народу; не говоря о вопросах религиозно-нравственного свойства, пастырь, как близкий к народу, знающий его и стоящий вне партий, был бы осведомленным советником и разумным сотрудником и в вопросах просвещения, благотворительности, хозяйственно-экономических и других.

VII. По вопросу о порядке приобретения недвижимых имуществ церквами и духовенством

Комиссия находит желательным, чтобы ограничение права приобретения церквами, монастырями и архиерейскими домами недвижимых имуществ,

содержащееся в 1429 ст. законов гражданских (Св. Зак. т. X, ч. I), было отменено, так как таковое ограничение не имеет за собой никакого достаточного основания и только ставит указанным учреждениям ненужные затруднения. Вместе с тем комиссия признает необходимым, чтобы ст. 698 тех же законов была дополнена указанием, что недвижимые имущества на общих основаниях может приобретать также и православное духовенство, как сословие, ввиду того, что отсутствие такового указания ставит духовенство в необходимость, в случае приобретения недвижимости на свои нужды, выставлять фиктивного приобретателя.

VIII. По вопросу, какие предметы, относящиеся к познанию, утверждению и очищению от разных заблуждений православной христианской веры, признается желательным внести на обсуждение предстоящего Поместного Собора

В настоящий момент совершается перелом в религиозной жизни русского народа, и таковой разрешается не в пользу православия; многие бросаются в старообрядчество, в штундизм и другие секты, в западное инославие, а то и прямо в безрелигиозность и неверие. Возникает грозный вопрос: русский народ, искони православный, останется ли в преобладающей массе своей преданным отеческой вере? Этот вопрос получает серьезное значение особенно теперь — по введении в России полной свободы совести. Люди русские, которым дорога православная Церковь, должны безотлагательно подумать и исследовать, отчего русские люди бегут из этой Церкви или привыкают обходиться без нее, и что̀ нужно сделать, чтобы восстановить ее обаяние и влияние на народные массы, которое некогда было весьма велико. Церковь проводит свое воздействие на народ посредством своего учения, посредством богослужения и посредством тех норм, которые она издает для руководства верующих в их религиозно-практической жизни и которые входят в понятие церковной дисциплины. Очевидно, что в этих областях церковной деятельности есть нечто неудовлетворительное, ненормальное, отчего и сама эта деятельность становится малоплодной. Засим комиссия находит необходимым следующие поправки в отношении этих сторон церковной деятельности.

Относительно познания и усвоения истин веры и нравственности:

1) Самый верный, самый благоприятный способ усвоения истин веры и нравственности есть чтение и слушание слова Божия; у нас же эти истины стараются усвоить из учебных книг, т. е. из вторых или третьих рук; оттого слово Божие бывает неубедительно, мало подобно словесам благодати, исходящим из божественных уст. Для того, чтобы слово Божие не было только выражением мысли, направленной к уму человека, но движением Бога-Духа к духу человека, нужно усвоить познание веры из первоисточника ее, т. е. чтение и слушание Библии во всех случаях, когда можно обходиться без учебных книг.

2) Обычное изложение веры и нравоучения в богословских системах, учебных руководствах и церковных проповедях слишком отвлеченно, схоластично, формально, не отвечает на запросы современной жизни и потому оказывается без влияния на нее. Не изменяя сущности догматического и нравственного учения, следует изложению его придать больше простоты, конкретности, общедоступности, а главное — жизненности, особенно в церковных поучениях и в школьном преподавании.

3) Учение Церкви редко и не энергично проповедуется, служение слова почти отсутствует. Необходимо сделать проповедание слова Божия постоянным и регулярным в церквах и вне оных. Для этого следует: ввести проповедь ежедневную при каждой службе, как обязательную принадлежность богослужения; в случае затруднительности для священника проповедовать устно при каждом богослужении, восстановить обязательные чтения поучительных книг на вечерне, утрени и литургии; для удобства слушающих церковные поучения и чтения озаботиться устрòйством в церквах в возможно большем количестве приспособлений для сидения, устраивая таковые в боковых и задней (западной) частях храма; чтения и поучения в больших церквах провозглашать не с солеи, а с особого возвышения (амвона), устраивая ближе к средине храма, по примеру древних церквей; для содействия наибольшему распространению в народе познания веры, оказывать широкое моральное и материальное покровительство учрежденным духовными и светскими ревнителями благочестия духовно-просветительным обществам, союзам, братствам, библиотекам и читальням для народа; для оживления религиозного усердия и взаимного назидания в слове Божием, поощрять частные молитвенно-поучительные собрания благочестивых христиан в домах для молитвы, пения псалмов и гимнов церковных, чтения слова Божия и духовной беседы.

4) Возможно, что преподавание Закона Божия священнослужителями в школах государственных, земских и частных, во всех или значительной части их, по разным обстоятельствам прекратится или станет необязательным. Поэтому необходимо организовать при церквах обязательное в известное время, какое будет по местным условиям признано возможным, обучение народа истинам веры и нравственности, молитвам и церковному пению, в виде воскресно-праздничных уроков или в другой форме, привлекая к этому делу особенно благочестивых и способных из мирян.

Относительно богослужения:

1) Необходимейшую принадлежность богослужения с самых первых времен существования Церкви Христовой составляло чтение слова Божия. В настоящее же время чтение слова Божия, и особенно — Евангелия и вообще Нового Завета, не составляет центрального момента в церковном богослужении. Количественный состав ежедневных евангельских зачал подтверждает это: из 356 годичных чтений — 211 чтений заключают в себе по 10 стихов, 130 — свыше 10 и только 15 чтений — свыше 20 стихов. Вследствие такой краткости

евангельских чтений они производят на молящихся слабое, мимолетное впечатление. Желательно удлинение евангельских чтений и вообще чтений из Нового Завета. Это удлинение могло бы быть уравновешено некоторыми возможными сокращениями в богослужении.

2) Ввиду того, что почти единогласно и духовные с мирские ревнители благочестия жалуются на искажение и обезличение церковного богослужения через опущение из него почти всего, что̀ придает ему разнообразие, красоту и содержательность, необходимо, не изменяя уставного восточного типа богослужения и оставив его во всей полноте и неприкосновенности для монастырских храмов, выработать для приходских церквей особую норму устава, приблизительно наполовину сокращенную против монастырской, избрав для сего из многочисленных положенных по уставу переменяемых песнопений (стихир, седальных, канонов и т. п.), то, что̀ есть в этом роде в наших богослужебных книгах наиболее прекрасного, художественно-содержательного, и предписав это избранное обязательно и неотложно выполнять во всех приходских церквах.

3) Псалмы Давидовы, эти образцовые на все времена хваления, хотя и в меньшем против положенного по уставу количестве, выполнять особенно тщательно, расположив употребление их при богослужении таким образом, чтобы все наиболее величественное, поучительное, всемирно-человеческое из Псалтири выслушивалось верующими в церквах. Так как славянский текст псалмов часто невразумителен, возбуждает недоумения, — не лучше ли, где это по состоянию молящихся признано будет возможным, читать и петь псалмы по русскому переводу Св. Писания?

4) Некоторые моления, повторяемые по нескольку раз при одном и том же богослужении, например, эктении, псалмы, начальные молитвы, можно было бы ограничить однократным произношением, где это более уместно.

5) Ввиду несоответствия некоторых молитв и священнодействий всенощного бдения времени, в которое оно обычно совершается, т. е. вечеру или утру, а также большой сложности и продолжительности этой службы, если ее совершать истово, лучше было бы разделить это богослужение на две части — вечерню и утреню и совершать оные в положенное для них время, как это делается в восточных Церквах, оставив совершение всенощного бдения принадлежностью только немногих великих праздников, и тогда совершать оное поздно, так чтобы утренние моления падали уже на утреннее время, после полуночи.

6) В литургии беспрепятственно можно опускать моления об оглашенных и о готовящихся к просвещению (на литургии Преждеосвященных в Четыредесятницу), а также отсутствующие в старопечатных служебниках поминания Государя и Синода на великом входе и многолетствование в конце богослужения.

7) Упростить церемониал архиерейского богослужения, выпустив излишние многолетствования по малом входе, выключив и другие несущественные подробности, иногда представляющиеся странными людям светским.

8) Признавая, что празднование памятей русских святых угодников повсеместно весьма назидательно и благотворно для оживления самосознания народа русского, следовало бы издать распоряжение, чтобы по всем церквам праздновали памяти русских святых в те числа, в которые они положены по верному месяцеслову русских святых, изданному Св. Синодом в 1904 году.

9) Необходимо озаботиться пересмотром текста многих песнопений и чтений, с целью сделать его более понятным и вразумительным; язык славянский богослужебных книг и Св. Писания следует при пересмотре, по возможности, приближать к современному русскому.

10) Так как чины таинств крещения, венчания и елеосвящения чрезмерно длинны и не соответствуют физическому и психическому состоянию лиц, над которыми они совершаются, желательно некоторые молитвы сократить, а иные опустить.

11) Необходимо привлечь молящихся к живому и деятельному участию в совершаемом богослужении; для этого принять целесообразные меры к тому, чтобы постепенно обучить народ общему пению сначала эктений и кратких славословий, а затем и всех песнопений литургии и всенощного бдения.

12) Характер церковного пения имеет величайшую важность в богослужении; чтобы народ полюбил его и охотно принимал в нем участие, оно должно быть строго церковно, молитвенно, умилительно, соответствовать духу и преданиям народа; поэтому следует воспретить всякий произвол и бесчиние в этом важном религиозном деле и принять попечение о том, чтобы русская Церковь скорее украсилась полным кругом своего оригинального пения, выработанного на основе своего исторического церковно-народного пения.

13) Издать обязательное руководство к произношению возгласов, молитвословий и чтений священниками и диаконами, чтобы изгнать из этой области неблагозвучие и неблагоприличие, доходящее иногда до воплей и криков вследствие злоупотребления голосовыми средствами.

Относительно церковной дисциплины:

1) Церковно-канонические нормы, установленные тысячу и более лет тому назад при совершенно иных условиях политических, культурных, социальных, этнографических и даже климатических, не соответствуют современным потребностям жизни клириков и мирян; поэтому необходимо, чтобы, с возобновлением правильной и закономерной канонической деятельности Церкви при помощи регулярных Поместных Соборов, пересмотрены были древние каноны и сообразованы были с запросами и нуждами современной русской деятельности.

2) Замкнутая и отчужденная от окружающего мира жизнь духовенства, сложившаяся под влиянием отчасти древних канонов, а главным образом — позднейших воззрений и обычаев, влечет за собой отсталость, косность и лишает духовенство влияния на жизнь мира. Нужно вновь канонически регули-

ровать жизнь клириков в таком направлении, чтобы жизнь их не отделялась никакими искусственными преградами от жизни мирян, чтобы, сохраняя свое церковно-религиозное настроение и достоинство, духовенство могло участвовать во всех благах современной культурной и общественной жизни, могло свободно вращаться в мире, чтобы иметь возможность понимать его и, по требованию обстоятельств, благотворно влиять на него.

3) Необходимо выработать целесообразную систему пастырского самовоспитания и духовно-нравственной жизни, способствующую образованию высокого и мужественного пастырского характера, стойкого, отданного на служение Богу и спасению ближних.

4) В интересах сближения духовенства с мирянами желательно, чтобы и внешний облик клириков не представлял резких отличий, делающих духовенство чуждым и противоположным окружающему миру. Для этого следует упростить одеяние духовенства, дозволив ему вместо широкой и пышной греческой рясы, введенной у нас во второй половине XVII века, неудобной в северном климате, употреблять иное приличное одеяние, более удобное и более похожее на древнее одеяние русского духовенства, близкое к русскому национальному одеянию.

5) Более половины года (от 178 до 203 дней) православный русский народ должен поститься; особенно обременительны по скудости питания летние посты. В западных епархиях, где православные живут среди преобладающего нередко инославного населения, у которого нет других продолжительных постов, кроме Четыредесятницы, весьма трудно заставить народ поститься в Рождественский, Петров и Успенский посты. Ввиду того, что правилом 69-м апостольским узаконен только пост в Четыредесятницу, в среды и пятницы, а остальные посты определены лишь в XI веке, на местном Константинопольском Соборе, — следовало бы обязательный пост ограничить только средой и пятницей и св. Четыредесятницей перед Пасхой; прочие же посты предоставить благочестивому усердию верующих по их добровольному желанию, за исключением разве нескольких дней перед праздниками Рождества Христова, Успения Пресвятые Богородицы и св. апостолов Петра и Павла, которые рекомендовать всем христианам проводить в посте для достодолжного приготовления к этим праздникам.

6) Запрещение брака в 4-й степени родства весьма стеснительно для современных христиан, возбуждает сильный ропот, способствует различным хитростям, обманам, незаконному сожительству, а в последнее время — и отпадению от православия в такие вероисповедания, где такие браки допускаются. Ввиду того, что браки в 4-й степени родства запрещены лишь Трулльским Собором 692 г., а ранее допускались законами греческих императоров, разрешить и впредь браки в 4-й степени всякого родства.

7) Ограничение расторжения несчастных браков существующими тремя поводами вызывает бесполезные мучения и терзания супругов, брак которых расстроился и дальнейшее сожитие которых представляется ничем не оправдываемым насилием. Желание выйти из тяжелого, несносного положения по-

буждает их нередко искусственно устраивать повод к разводу, пользуясь при этом лжесвидетельством и другими приемами, вносящими неблагопристойность и нечистоплотность в бракоразводное дело. Поэтому следовало бы облегчить расторжение неудачных браков, присоединив иные поводы к расторжению, как те, которые установлены законами греческих царей Льва и Константина, так и новые, какие укажутся потребностями современной русской жизни, например, зверское истязание мужем жены и вообще жестокое обращение одного супруга с другим, заразительная болезнь вроде сифилиса, неизлечимый алкоголизм и умопомешательство — последние в интересах имеющего произойти потомства.

8) По существующей практике русской Церкви, остается только около 100 дней в году, когда можно совершать венчание браков. Это стеснение верующих в освящении своей жизни христианским таинством не имеет достаточного основания и вызывает со стороны православных справедливое недовольство, раздражение и обидное указание на более удобную практику других христианских исповеданий. Поэтому следовало бы разрешить венчание браков во все дни, за исключением дней св. Четыредесятницы и дней обязательного пощения перед праздниками Рождества Христова, Успения Пресвятой Богородицы и св. апостолов Петра и Павла, а также накануне двунадесятых праздников и воскресных дней с началом вечернего богослужения.

№ 40,
преосвященного Агафангела, архиепископа Рижского,
от 20 ноября 1905 года

Во исполнение указа от 27 июля сего года, за № 8, о необходимости подготовительных работ по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви, долг имею доложить нижеследующее.

I. О составе Поместного Собора Всероссийской Церкви

Нередко предлагаемое в периодической печати последнего времени включение в состав Собора, наряду с епископами, представителей клира (белого духовенства) и мирян нельзя признать ни правильным, ни целесообразным.

Древняя вселенская Церковь знала только соборы епископов. В правилах тогдашних Соборов — Вселенских и Поместных, давших навсегда неизменную каноническую основу для всего строя православной Церкви, всюду упоминаются и предполагаются «соборы епископов». Вселенские Соборы называются собраниями «отец», «святых отец» (VI Всел. Соб. прав. 1-е и 2-е), Поместные Соборы рассматриваются как собрания «епископов» (I Всел. Соб. прав. 5-е; IV Всел. Соб. прав. 19-е; VI Всел. Соб. прав. 8-е; VII Всел. Соб. прав. 6-е; Антиох. Соб. прав. 20-е; Карф. Соб. прав. 87-е; Лаод. Соб. прав. 40-е и др.). Если и бывали случаи участия священников в Соборах наряду с епископами (например, участие 5 священников во II Вселенском Соборе), то таковые священники являлись представителями тех епархий, которые в то время не имели епископа или, по тогдашнему выражению, «вдовствовали».

Практическим основанием для привлечения в состав Собора выборных представителей белого духовенства и мирян выставляется отстаивание их интересов перед епископами-монахами. Но единственной целью законного и правильно составленного церковного Собора может быть только благоустроение Церкви и церковной жизни; отстаивание какой-нибудь частью Собора своих «интересов» может только затруднить, а никак не облегчить достижение этой цели. Если же принять во внимание возможные теоретические тенденции этих самонапрашивающихся членов будущего Собора, то нельзя не предусматривать и возможности очень печальных результатов. Среди белого духовенства, к великому прискорбию, начали появляться ораторы и публицисты, желающие отмены постов, упразднения монастырей, предоставления права лицам священного сана носить светскую одежду, посещать театры, вступать в брак, свободно слагать с себя и снова принимать священный сан и т. п. Что же касается мирян (конечно, интеллигентных, которые могли бы войти в состав Собора), то царящая здесь путаница и пестрота воззрения по

церковно-религиозным вопросам, доходящая до прямого отрицания то церковных канонов, то Церкви, то самого христианства, — факт общеизвестный, ярко иллюстрирующийся притом многими статьями современной периодической печати по указанным вопросам. Ясно, что включение подобных элементов в состав Собора, внося рознь и пререкания в его совещания, никак не может обещать ни благоуспешной его деятельности, ни плодотворных результатов этой деятельности для Церкви и церковной жизни.

Вследствие таких соображений желательно, чтобы Поместный Собор Всероссийской Церкви состоял из одних епископов. Если могут быть приглашаемы к участию в совещаниях Собора отдельные лица из среды белого духовенства и мирян, известные, например, своими выдающимися познаниями в области богословской науки и канонического права, то только с правом совещательного, а отнюдь не решающего голоса.

II. О разделении Всероссийской Церкви на митрополичьи округа

Разделение Всероссийской Церкви на церковные округа под управлением митрополитов в настоящее время нельзя не признать желательным. Обширностью ее территории вызывается такое скопление дел, восходящих к высшей церковной власти, которым затрудняется по необходимости своевременное и внимательное их рассмотрение, а разноплеменностью населения и особыми условиями церковной жизни на окраинах выдвигаются для церковного управления такие задачи, осуществление которых требует непосредственной осведомленности о положении дел на месте.

Другая польза от устройства митрополичьих округов усматривается и со стороны судебно-административной. Именно, митрополичий собор должен будет рассматривать жалобы на архиереев в присутствии самого обвиняемого. В настоящее время Святейший Синод, стараясь поддержать авторитет епископов, затрудняется производить над ними следствие через уполномоченных лиц, а потому всякие неправильные действия епископов, которые не касаются каких-либо бумажных промахов и на бумаге всегда могут быть оправданы, остаются без всякого вменения. Изменить такого рода положение дела весьма трудно, ибо Святейший Синод, не обладая иным способом воздействия, кроме чисто юридического, бумажного, должен или поддерживать вышеизложенную практику, или подвергать епископа юридической каре, что̀ совершенно может расстроить епархиальную дисциплину и поощрять уже и без того укоренившуюся страсть к доносам недостойных клириков. Напротив того, изустный суд или простое рассмотрение дела в присутствии обвиняемого прежде всего гораздо удобнее раскроет сущность дела, а затем даст возможность восстановить справедливость, не унижая авторитета обвиняемого епископа и, что̀ особенно важно, оградит епархию от повторения подобных неправильных действий епископа, хотя бы не противоречащих прямо и открыто букве закона, например грубости обращения, недоступности, светского образа жизни, или — напротив — попустительств, допущения временщиков и т. п. Священ-

ные каноны выработали весьма подходящую формулу для подобного рода действий митрополичьих соборов: «Таковому братолюбно сказать слово прещения» (19-е прав. IV Всел. Соб.).

Вопрос о том, какие именно из дел, поступающих теперь на решение центральной высшей власти, могут быть предоставлены рассмотрению этих подчиненных ей окружных инстанций, всего лучше может быть разрешен общим совещанием епископов на Поместном Соборе Всероссийской Церкви; но желательно, чтобы в митрополичьих округах для решения более важных вопросов составлялись раз или два в год кратковременные съезды или соборы окружных епископов.

При самом распределении митрополичьих округов необходимо принимать во внимание как территориальную обширность того или другого района, так и особенности местного уклада жизни в нем, а равно и значение некоторых епископских кафедр в прежнее время. Так, например, было бы недостаточно учредить один митрополичий округ из всей огромной Сибири, с присоединением к ней православного населения Китая и Японии. Также было бы неудобно включить в один митрополичий округ весь Западный и Юго-Западный край. Или: нежелательно было бы при размещении митрополичьих кафедр оставить без внимания такие епархиальные города, как Киев, Москва, Новгород, Казань, Тобольск, Иркутск, и предпочесть им какие-нибудь другие. Ввиду этих соображений представляется наиболее удобным разместить митрополичьи кафедры, как центры митрополичьих церковных округов, в следующих городах: 1) в Новгороде (но не в Петербурге) — для всего северного края Европейской России, для Финляндии и Прибалтийского края; 2) в Москве — для центральной России, или во Владимире, если Москва будет избрана местопребыванием высшей церковной власти; 3) в Тобольске — для Западной Сибири; 4) в Иркутске — для Восточной Сибири; 5) в Казани — для восточной России; 6) в Вильне — для Привислинского края и Польши; 7) в Киеве — для Юго-Западного края; 8) в Харькове — для юга России; 9) в Тифлисе — для Кавказа и Закавказья.

III. Епархиальное управление и церковный суд

Органами епархиального управления, по ныне действующим законоположениям по Духовному Ведомству, состоят: а) викарии, б) духовные консистории, в) духовные попечительства и г) благочинные.

А. Викарии

В 1865 г. Высочайше разрешено учреждать викариатства во всех епархиях, где могут быть указаны местные источники содержания их, без обременения казны. Права и обязанности викариев известны. Но должно сознаться, что институт викарных архиереев, не без натяжек оправдываемый в римско-католическом церковном праве посвящением на фиктивные кафедры в странах

неверных, мало мирится с принципами восточного православного церковного права. До XVIII века у нас на Руси строго соблюдался принцип, выраженный 8-м прав. I Всел. Собора, что в одном городе, или — что̀ то же — в одной епархии, не должно быть двух епископов. Правда, викарный архиерей посвящается в епископа одного из уездных городов данной епархии, в которой учрежден викариат; но это — опять фикция, подобная католическому посвящению епископов «in partibus», потому что викарный архиерей и к тому городу, к которому посвящен, в деле церковного управления имеет такое же отношение, как и к остальным городам епархии, т. е. никакого. Если викариев приравнивать, как это ныне делается в учебниках по практическому руководству для пастырей, к древним хорепископам, то и здесь будет натяжка, граничащая с попранием исторической правды. Дело в том, что хорепископы до IV века были епископами столь же самостоятельными в своих сельских общинах, как и городские в своих, так что и те и другие имели свои особые епархии, в которых таким образом было не более как по одному епископу. Хорепископы с IV века представляют уже анахронизм, противоречивший началам церковного права и подлежавший уничтожению, которого Церковь постепенно и достигала. Конечно, сразу было трудно уничтожить, — и следы этого института, несмотря на ограничительные и запретительные постановления Соборов, могут быть наблюдаемы в течение сравнительно долгого времени и после IV века; но отсюда вовсе не следует, чтобы то положение, которое занимал хорепископ в период Вселенских Соборов — положение среднее между епископом и пресвитером — могло быть рассматриваемо как нечто нормальное и как образец для подражания в настоящее время. А с этой именно точки зрения и нужно смотреть на институт хорепископов, чтобы ссылкой на него оправдывать институт нынешних викарных архиереев. Таким образом, институт викариев должен быть уничтожен как, собственно говоря, неканонический. Целесообразнее открыть новые самостоятельные кафедры в русской Церкви, раздробив многолюдные епархии на две или на три, чем — вопреки канону — иметь в одной епархии более одного епископа.

Б. Духовные консистории

Вместо нынешней консистории образовать при епископе совет пресвитеров, или пресвитериум, характера совещательного. Состав его следующий: при епископе — из 6 членов; при митрополите области — из 8—10. Половина этих членов — выборные, другая половина — по назначению от епископа. Последнее делается с той целью, чтобы не ставить в зависимость от случайностей выбора авторитет и деятельность епископа, как правителя епархии. Те и другие члены пресвитериума утверждаются в своих должностях митрополитом области. Выборные члены служат 3 года до новых выборов, причем, конечно, могут быть опять выбраны; назначенные члены служат пожизненно, если пожелают и если не явится каких-либо законных причин к их увольнению. Все члены пресвитериума получают вознаграждение от казны. Обязан-

ности их те же, что и теперешних членов консистории. Заседания пресвитериума бывают в назначенные дни под председательством епископа, а за его отсутствием — под председательством одного из членов пресвитериума, по назначению от епископа, по преимуществу по очереди. При пресвитериуме должна быть канцелярия, которая находится в ведении секретаря-юриста, как докладчика дел в пресвитериуме, назначаемого епископом из лиц светских или духовных — все равно. Так как бракоразводные дела настоит необходимость передать в суд светский, а дела консистории по постройке церквей, ремонту их и церковных зданий, земельные и церковно-денежные, по справедливости, должны перейти в ведение церковно-приходской общины и ее попечительства, дела же по уклонению в другую веру и исповедание сами собой сократятся, — то в пресвитериум перейдет не более половины дел нынешней консистории. Основоположения настоящей консистории, т. е. ее Устав, за малым изменением его, должен лечь в основание деятельности и пресвитериума, за исключением всех излишних формальностей, так тормозящих делопроизводство в консисториях. Решения пресвитериума и отдельные административные распоряжения епископа могут быть обжалованы недовольной стороной областному митрополиту.

В состав членов пресвитериума, по практике древней Церкви, могут быть избираемы только священники, а — стало быть — и указание в предложении г. обер-прокурора Святейшему Синоду от 28 июля сего года, что члены теперешних консисторий, как приходские священники, отвлекаются исполнением епархиальных дел от своих прямых священнослужительских обязанностей, сделанное, конечно, с целью указать в этом на один из недочетов епархиального управления данного времени, — теряет силу, потому что иначе сделать нельзя. Придется или назначать и выбирать в члены пресвитериума священников, посвящаемых специально с этой целью, т. е. «in partibus», что̀ противно канонам, — или выбирать и назначать только заштатных: в том и другом случае круг выбора и назначения будет очень стеснен.

В. Благочинные

Благочинные должны быть выбранные духовенством на съезде своего благочиннического округа; съезд представляет епископу на утверждение в сей должности до 3 кандидатов. При благочинном должен быть совет из трех священников округа и такого же числа низших клириков, по выбору благочиннического округа на каждый год. Этому совету предоставить право разбирать спорные дела между членами причтов, например — по разделу доходов, мелких исков, раздоров, дела земельные, а также жалобы прихожан на свое духовенство по вымогательству, за отказ или несвоевременное исполнение церковных треб, исков об обидах и оскорблениях личных и проступков духовенства по должности и званию, которые ныне, по Уст. конс., влекут за собой замечания, внушения и выговоры епархиального начальства, без внесения в формуляр. Учреждением этих советов с пользой для дела будет ограничен

столь широкий, по инструкции, круг деятельности благочинных, и они силой вещей освободятся от фискального сыска и станут на степень старших пресвитеров в своем округе, заботящихся более о благе вверенных им благочиний, чем о формальных донесениях и отчетах о них.

Г. Попечительства

Попечительства о бедных духовного звания, отправляя функции общественного призрения по Духовному Ведомству, до полной организации приходской общины должны действовать. Но с учреждением в местных благочинических округах, одном или нескольких, попечительных советов о бедных духовного звания, с целью более успешного и справедливого удовлетворения нужд бедствующих, а также при общинном устройстве прихода, когда нравственная обязанность помощи своим бедствующим клирикам и их сиротам падет на общину прихода, нынешнее попечительство, даже как центральный орган общественного призрения бедных духовного звания, будет излишне, и капиталы его придется ликвидировать в пользу сирот духовенства, обучающихся в духовных школах.

Д. Иные епархиальные учреждения

Для духовно-учебных заведений может быть установлено «Управление духовно-учебным округом» при митрополите области, подчиненное советам духовных академий. Советы и правления миссионерские должны быть в непосредственном заведовании епископа, как первого миссионера епархии. Братства, с развитием церковно-приходской жизни в ее общине, потеряют значение и по силе вещей придут к вымиранию. Вспомогательные и эмеритальные кассы духовенства, как их собственность, должны находиться в бесконтрольном ведении духовенства, и дела их не должны иметь никакого отношения к епископу; ими должны ведать уполномоченные от участников этих касс. Епархиальные свечные заводы должны находиться в ведении и под контролем пресвитериума и епархиальных съездов духовенства.

Е. Суд церковный

В предложении г. обер-прокурора Святейшему Синоду от 28 июля сего года указывается на необходимость пересмотра епархиального суда согласно с каноническими соборными началами. Тут же сказано, что 30 лет назад был учрежден Комитет, работавший над выделением из консистории церковного суда и об организации его в соответствии с канонами церковными и началами гражданской судебной реформы, завершившейся изданием Судебных Уставов 20 ноября 1864 года.

Можно привести *целый облак* свидетельств непререкаемой важности о том, что судебная (а не административная только) власть в Церкви принадле-

жит епископу епархии: слово Божие (Мф. 18:15—19; 1 Тим. 5:19—20); правила апостольские и соборные (Апост. 12-е, 13-е, 32-е; I Всел. Соб. 5-е; IV Всел. Соб. 9-е; VI Всел. Соб. 102-е; VII Всел. Соб. 4-е; Антиох. 4-е, 6-е, 9-е, 12-е, 20-е; Сард. 13-е, 14-е; Карф. 9—12-е, 14—16-е, 29-е, 37-е, 38-е, 52-е, 73-е, 117-е, 121-е, 139-е, 141-е, 142-е и др.); догматико-символические книги, догматические писания и др.

Нельзя не усматривать ошибки вышеупомянутого Комитета в том, что он руководился главным образом желанием провести безусловное отделение администрации от суда в церковном управлении, даже с полным устранением епархиального архиерея от епархиального суда, — и затем стремлением реформировать духовно-судебную часть, выходя не из понятия о Церкви и ее задачах, а из тех начал, на которых совершено было в 60-х годах преобразование суда по гражданскому, военному и морскому ведомствам. Результат деятельности этого Комитета — «Проект основных положений преобразования духовно-судебной части», — как известно, не получил и не мог получить Высочайшего утверждения, как несообразный ни с историей церковного суда, ни с принципами церковного права.

В предложении г. обер-прокурора сказано, что Святейшим Синодом намечен пересмотр церковного суда на началах канонических. Отсюда является необходимость иметь в виду судоустройство и судопроизводство древней Церкви, чтобы иметь суждение, насколько практика настоящего времени соответствует таковой же в деле церковного суда первых времен христианства и времени Соборов Вселенских.

В древней Церкви суд состоял из двух инстанций: суда у епископа и суда на Поместном Соборе. С введением нового административного деления Византийской империи при Константине Великом явилась в церковном суде (как и в церковном управлении) новая инстанция — диоцез. На соборе епископов диоцеза судились дела против митрополитов (II Всел. Соб. 6-е; IV Всел. Соб. 9-е, 17-е). Обвинения и жалобы против экзарха диоцеза подавались: на востоке — Константинопольскому патриарху, на западе — Римскому епископу-папе, а в важных случаях — Вселенскому Собору; апелляции же на суд епископа рассматривались на соборе провинциальных епископов с митрополитом во главе (I Всел. Соб. 5-е; II Всел. Соб. 6-е); на этот последний суд апеллировали собору диоцеза с патриархом во главе.

Этот порядок, за небольшими исключениями, может быть проведен и у нас, когда будут образованы округа с митрополитом во главе и установлены пресвитериумы при епископах, а во главе русской Церкви будет стоять патриарх с его Синодом.

Из подробностей судебного процесса, когда он велся обвинителем, известны следующие: к принесению обвинения по делам церковным допускались только лица, достойные вероятия. В канонах ясно сказано, когда нельзя было допускать к обвинению (см. Апост. 75-е; II Всел. Соб. 6-е; Карф. 8-е, 28-е, 70-е, 143-е, 144-е, 146-е, 154-е и др.). В древности обвинитель должен был вести дело обвинения лично. Неявка в суд обвинителя, кроме кратковременной по уважи-

тельным причинам (Карф. 28-е), прекращала дело. И обвиняемый должен был находиться в суде лично. Неявка в суд обвиняемого без уважительной причины давала основание к осуждению, в чем его обвиняли. Постановка дела зависела от обвинителя, который, предъявляя обвинение, принимал его на свой страх. Он давал при этом торжественное обязательство доказать свое обвинение под опасностью подвергнуться осуждению за недоказанное обвинение. На суде обвинитель и обвиняемый были сторонами равноправными как в деле защиты своих интересов через свидетелей и лично, так и в деле апелляций по инстанциям. К свидетельству не допускались те же лица, которые были лишены права быть обвинителями. Так было дело в древней Церкви.

В настоящее же время церковное судопроизводство есть судопроизводство следственное. В нынешнем консисторском суде дело может быть начато и на основании слухов, и по поводу донесений, сообщений, отношений должностных лиц и присутственных мест, светских и духовных, на основании жалоб (прихожан на клириков — например), и по искам, например — о разводе. Сущность следственного консисторского судопроизводства состоит в том, что результат процесса решительно определяется предварительным следствием, которое производится на месте духовным следователем по распоряжению епархиального начальства. В канцелярии, на основании данных, добытых предварительным следствием, составляется доклад, который выслушивается в присутствии консистории и служит основанием для ее решения по данному делу, причем наличность подсудимых или заинтересованных лиц не требуется, за исключением дел бракоразводных. Об апелляциях можно и не говорить, потому что они удержаны и в консисторском суде на общих канонических основаниях с присоединением — по духу времени — большей формальности, чем в древности. Главные недостатки настоящего консисторского суда, как видно из предыдущего: излишний формализм, разведение бумаг по делам следственным, свобода обвинения и стеснение виновной стороны, которой не дозволяется даже оправдываться иначе как заочно и на бумаге. Такая постановка дела, не оправдываемая практикой древней Церкви, развивает, с одной стороны, канцелярскую волокиту дел, их задержанность, усложняя самое судопроизводство, с другой — открывает широкое поле всякому, кому не лень и позволяет совесть, оговаривать духовное лицо в том или другом преступлении, не боясь строгой, как это было в древности, ответственности за ложные донос и обвинение. Гражданские суды настоящего времени требуют налицо истца и ответчика, не говоря об уголовных, в которых это прямо необходимо; суд духовный судит заочно, полагаясь на одно следствие. Мало того, суд над духовным лицом может быть возбужден не только в порядке жалоб и обвинений, но просто по слухам, по подозрению, едва ли не по анонимным доносам и запискам. Не нужно забывать здесь еще и того, что в проступках против чести и прав частных лиц, по Уст. о налож. нак. мир. суд., в светском суде обвиняемый подлежит наказанию не иначе как по жалобе потерпевших обиду, вред или убыток или же их супругов, родителей, опекунов. Следовательно, если не будет жалобы, то, хотя бы обида и была нанесена, виновный остается

без наказания. Для клириков не то: за причиненные ими обиды они могут преследоваться не только претерпевшими, но и официальными путями, вследствие возбуждения дела благочинническим надзором или совершенно посторонним лицом. И никакая мировая сделка в этом случае между истцом и ответчиком не освобождает клирика от духовного суда и наказания. Конечно, в этих случаях Церковь имеет в виду не одну юридическую сторону, но главным образом смотрит с точки зрения идеала клирика.

Чтобы избежать указанных недостатков нынешнего консисторского суда, следует суд над духовными лицами в пресвитериуме сделать словесный, как и было в древней Церкви, при наличности истца, ответчика и свидетелей, а не следственный только, как в настоящее время; к следствиям следует прибегать только в крайних случаях, как это делала и древняя Церковь. Все стороны на духовном суде должны быть равны при защите своих интересов. Обвинитель, не доказавший обвинения, должен подвергаться более строгому наказанию, чем в настоящее время, когда сплошь и рядом на клеветнический донос приходится отвечать постановлением: «Оставить без последствий» или «В просьбе отказать». Не принимать для суда над клириками доносов по слухам, анонимных и т. п.

Суду церковному и светскому клирики должны подлежать в тех же случаях, каковые указаны в ст. 148, 149 и 155 Уст. конс.; а светские подлежат суду духовному только по проступкам и преступлениям, подвергающим виновных церковной епитимии. По делам о браках, совершаемых незаконно, по делам о прекращении и расторжении браков, по случаям, в которых нужно удостовериться о действительности события браков и рождений от законного брака, — светские люди должны судиться в суде светском; при этом последний суд, в делах о расторжении браков и прекращении их, прежде исполнения своего приговора, должен сообщить пресвитериуму все обстоятельства дела и состоявшегося решения — для церковного расторжения брака или каких-либо нужных пополнений и разъяснений. Все справки по ведению этих дел, как например, из метрических, обыскных и из других церковных документов, светский суд беспрепятственно может получить от причтов или пресвитериума. Подсудность лиц духовного звания по делам брачным, кроме случаев уголовного их преступления, передается в суд духовный для суда и наказания, вместе с делом о них.

Имея в виду передачу дел бракоразводных и брачных вообще в суд светский, не нужно забывать и того, что и в настоящее время некоторые из этих дел ведаются, между прочим, и уголовным судом, как например, брак по насилию, обману, сумасшествию, о многобрачии, кровосмешении и т. п. То обстоятельство, что светский суд в настоящее время не имеет статей закона по разводу и статей наказания по нему, — не препятствие к передаче: не имеет, так будет иметь. На то возражение против этой передачи, что во всех бракоразводных делах (где нет уголовного преступления) по светским законам не полагается никаких возмездий и что главное правонарушение в этих случаях есть церковное, так как имеется в виду расторжение, т. е. уничтожение союза,

освященного таинством Церкви, нужно сказать, во-первых, как уже и выше указано, что церковное расторжение брака и при передаче этих дел в суд светский остается в руках суда духовного; во-вторых, и духовный суд расторгает брак, благодаря более всего приемам светского судопроизводства, а если руководится и правилами, то такими, какими может руководиться и любой судья, как юрист: церковные законы существуют не для одних клириков, а для всех православных христиан. В заключение нужно заметить, что и духовный суд, при расторжении брака, не применяет никакого церковного обряда, чтобы так дорожить оставлением этих дел в Духовном Ведомстве.

IV. Благоустройство прихода

По распоряжению Святейшего Синода, разосланы епархиальным архиереям для руководства при суждении о преобразовании православного прихода всеподданнейшие проекты: «Высочайшего постановления о церковно-приходском собрании и церковном совете православных приходов Финляндии» и «Высочайшего постановления, содержащего некоторые правила о православных приходах Финляндии».

Означенные проекты об устройстве православного прихода в Финляндии имеют целью устроить православный приход — как признанную законом церковно-общественную единицу, как юридическое лицо, и дать постановлениям органов церковно-приходского управления силу обязательную не только для прихожан, но и для посторонних учреждений и лиц.

Все это давно и настоятельно требуется не только для Финляндии, но и для всей России; и без дарования православному приходу значения юридического лица и имущественных прав, права приобретать на свое имя недвижимые имущества, права самообложения, и постановлениям органов приходского управления обязательной силы, — не может быть благоустроена церковно-общественная жизнь, а особенно в Прибалтийской окраине, где лютеранские приходы и их конвенты пользуются таким признанием и правами, если не всегда в силу закона, то в силу обычая.

Ввиду указанных достоинств можно было бы только приветствовать почин, идущий из Финляндии, и пожелать, чтобы он скорее осуществился.

Но, при указанных положительных сторонах, финляндские законопроекты имеют и крупные недостатки, которые, если их не устранить, могут повредить всему делу, как это и случилось с попытками благоустроить православный приход в России, на основании изданного в 1864 году положения о приходских попечительствах и изданной в 1890 году инструкции церковным старостам.

Главные причины, препятствующие русскому приходу благоустроиться и приходским попечительствам достигать, хотя бы в слабой мере, поставленных им целей, суть следующие:

1) Намечая в ст. 5 довольно широко круг ведения приходских попечительств, положение о попечительствах и особенно данные впоследствии разъ-

яснения к нему лишают попечительства необходимых для успешной их деятельности средств. В ст. 6 положения как на источник этих средств указано на добровольные пожертвования, собираемые преимущественно вне приходского храма. Главные же сборы с прихожан на разные церковные нужды, как-то: на украшение храма и другое, так же как остающийся в церковной кассе — за установленными отчислениями — свечной доход, равно как и суммы, отпускаемые из казны или из синодальных средств, или жертвуемые на постройку и обновление церковных и причтовых зданий и на другие церковные нужды, — все эти средства оставлены по-прежнему в исключительном распоряжении церковного старосты и причта; и хотя по положению о приходских попечительствах, священник и староста суть непременные члены попечительства, но упомянутыми церковными средствами они распоряжаются отдельно и независимо от попечительства и совершенно безотчетно перед ним и вообще перед прихожанами.

Такое отстранение прихожан не только от распоряжения собираемыми главным образом с них же церковными суммами, но и от всякого наблюдения за правильным их употреблением, не может способствовать сближению прихода с клиром и взгревать в прихожанах усердие к пожертвованиям на храм и другие церковно-приходские нужды.

2) По положению о приходских попечительствах и инструкции церковным старостам, большинство прихожан лишено права участвовать в приходских собраниях, хотя положение и именует эти собрания «*общими* собраниями прихожан». По ст. 9 положения и ст. 8 инструкции членами приходских собраний, избирающими попечителей, старост и счетчиков церковных сумм, могут быть лишь домохозяева и лица, имеющие по закону право участвовать в собраниях местного городского или сельского общества или же в дворянских собраниях. Для участия же в этих общественных и сословных собраниях требуется такой имущественный и сословный ценз, каким огромная часть православных прихожан не располагает. По крайней мере, православная паства Рижской епархии, за немногими, единичными исключениями, даже в больших и богатых городах, как Рига и Ревель, в огромнейшей своей части, а во многих приходах и вся сплошь, состоит из безземельных батраков и других бедных тружеников, не удовлетворяющих тем требованиям, которыми статья 9 положения и статья 8 инструкции обусловливают право участия в приходских собраниях, и, следовательно, этими требованиями почти вся православная паства Рижской епархии ставится вне церкви. Этим, несомненно, нарушается церковное единство, угашается церковная жизнь. В силу приведенных обстоятельств и условий, хотя в Рижской епархии приходские попечительства и образованы — за немногими исключениями — при всех почти церквах, но большая их часть состоит даже не из десятков, а всего из нескольких, 3—5 членов, и почти не проявляет деятельности, существуя только номинально.

В предложенных для Финляндии правилах о церковно-приходском собрании и церковном совете статья 1 говорит: «Правила сего постановления не относятся к заведованию церковным имуществом, а также суммами, посту-

пающими по ныне существующему порядку в церковную кассу». Таким образом, этой статьей вносится в церковно-приходскую жизнь то же *разделение*, которое не дает устроиться и церковно-приходскому делу в русских епархиях. И пока нынешнее отношение закона к прихожанину и ныне существующий порядок распоряжения церковно-общественным достоянием не будут заменены совершенно противоположными, до тех пор духовенство и староста — с одной стороны, и прихожане — с другой, будут по-прежнему взаимно считать себя друг другу чужими, имеющими разные и едва ли не противоречивые стремления и заботы, и оживления церковно-общественной жизни при таком положении ожидать было бы совершенно напрасно.

Для этого оживления является необходимым прежде всего признать духовенство прихода, — купно по всеми без исключения верующими этого прихода — одной христианской общиной, малой Церковью, недробимой частью единого тела Христова, в котором должен жить и единый дух Христов. В церковном приходе должна быть установлена не противоположность, а общность стремлений к единой *общей* цели — созиданию всего церковно-приходского народа в истинную Церковь Божию, в напоенное Духом Божиим тело Христово. Если же единство жизни во Христе должно быть целью, к которой должен быть направляем церковный приход, то и в положении о приходе не должно быть ничего, от этой цели отдаляющего и прямо ей по духу противоположного.

Точно так же противоречащей духу христианского равенства оказывается и статья 21 финляндских правил, по которой голосам членов приходского собрания усвояется не одинаковое значение, а — соразмерно числу *манталов*, или податных единиц, наложенных на каждого; так что, согласно этому правилу, одни прихожане располагали бы при голосовании каждый одним голосом, а другие имели бы по многу голосов (не более одной десятой части общего числа голосов всего собрания).

Обращает на себя внимание вызываемое, вероятно, местными условиями Финляндии и едва ли могущее где-либо повториться требование статьи 28, чтобы «условия касательно содержания священников и прочих членов причта, а также постройки и содержания их помещений, заключались с подлежащими лицами и изменялись — в присутствии начальника губернии или его поверенного, и уполномоченного от епархиального начальства» и представлялись затем на рассмотрение и утверждение в хозяйственный департамент Сената.

Но если можно воспользоваться некоторыми частностями финляндских проектов при устроении прихода в Рижской епархии, каковы, например, правила, определяющие порядок ведения списков прихожан и выдачи о них разного рода справок и документов, то, в общем, для благоустроения церковно-приходской жизни в Прибалтийском крае представляется более целесообразным взять в основание Высочайше утвержденное 2 августа 1864 года Положение о приходских попечительствах при православных церквах в России и дополнить и изменить это положение соответственно требованиям жизни и указаниям опыта.

1. Клир каждой православной церкви купно со всей его паствой составляют *одну нераздельную церковную общину — «православный приход»* (такой-то церкви). Эта церковная община, обнимая собой настоящее, отшедшие и грядущие поколения ее членов, есть собственник и хозяин всего церковного достояния и приходского имущества и всех церковно-приходских учреждений.

2. Церковной общиной, приходом управляет, под руководством и наблюдением высшей церковной власти, поставляемый к нему, с согласия прихожан, епископом настоятель-священник при сотрудничестве остальных членов клира, на котором лежит преимущественная забота об удовлетворении духовных нужд прихода, и при содействии приходского попечительства, выбранного приходским собранием, обязанного преимущественно пещись об удовлетворении всех хозяйственных нужд церкви, причта и всего прихода и ответственного перед епархиальной властью и приходом.

3. Церковно-приходское собрание состоит, под председательством настоятеля церкви, из всего ее клира и прихожан, достигших 21-летнего возраста, не различая сословного, общественного и имущественного их положения. Мера и виды участия лиц женского пола в приходских собраниях и делах определяются самим приходом — соглашением настоятеля с прихожанами.

4. Приходское попечительство состоит из священно- и церковнослужителей приходской церкви и лиц, выбранных церковно-приходским собранием из числа прихожан. Председателем попечительства может быть, по выбору приходского собрания, священник или другое лицо. В члены приходского попечительства могут быть избираемы собранием или самим попечительством и посторонние, т. е. не живущие в приходе лица; но они должны быть православными и общее их число в попечительстве не должно быть более половины числа остальных выборных его членов.

5. Церковный староста избирается церковно-приходским собранием и действует совместно с попечительством, членом которого он состоит по своей должности.

6. Председатель, староста и члены попечительства избираются на три года. Ежегодно, по рассмотрении церковно-приходским собранием отчета, третья часть выборных членов выбывает: первые два года по образовании попечительства — по жребию, а затем — по очереди.

7. Приходские собрание и попечительство ведают все церковные и общественные дела прихода и распоряжаются церковно-приходским имуществом. Во всех своих распоряжениях и действиях они должны быть единодушны и действовать от лица и для общей пользы всего прихода, проявляя особенную благопопечительность о тех его членах, которые по малолетству, сиротству, телесной или душевной немощи особенно нуждаются в братских о себе заботах, руководстве, содействии и помощи.

Примечания: а) Решение в собрании и в попечительстве дел большинством голосов должно быть, возможно, редким исключением, а не общим правилом приходской жизни.

б) Храм, находящиеся в нем святые иконы, ризница и священная утварь неотчуждаемы, пользование ими зависит от благословения настоятеля. Предметы церковной утвари и ризницы могут быть жертвуемы и приносимы в дар нуждающимся в них другим церквам с общего согласия клира и прихожан.

в) Причтовые земли и доходные статьи сохраняют прежнее свое назначение и остаются в ведении причта.

8. Церковно-приходское собрание созывается настоятелем или попечительством обязательно два раза в год.

Первое годовое собрание созывается в конце года, не позже 27 декабря: а) для рассмотрения и утверждения на предстоящий год смет доходов и расходов приходского попечительства и подведомственных ему приходских заведений — просветительных (как-то: школы, библиотеки и т. п.), богоугодных (больницы, богадельни, странноприимные дома, трапезы для бедных и т. п.), а также доходных статей, как например — от нанимаемой приходом или от сдаваемой внаймы приходской земли, приходской мельницы, мызы, сыроварни, рыбного промысла, продажи в приходе книг, торговли из приходского склада кустарными или ремесленными изделиями прихожан, общественной лавки и т. д.; б) для выбора членов поверочного наряда в числе, определяемом самим собранием, для проверки хозяйственных отчетов попечительства и всех приходских учреждений за истекший год и для поверки наличия всего приходского имущества.

Второе годовое собрание созывается весной, не позже пасхальной седмицы: а) для утверждения упомянутых отчетов, которые вносятся в собрание попечительством с заключениями поверявшего их наряда и со своими по этим заключениям объяснениями, и б) для выбора председателя и членов попечительства, взамен отбывших свой срок и выбывающих по очереди.

На одном из этих обычных собраний, смотря по потребности и удобству, избираются собранием церковный староста и представители прихода на благочиннический съезд — окружной соборик (независимо от священнослужителей прихода — членов съезда по должности). Сверх поименованных дел, обсуждению и решению годовых собраний попечительством могут быть предлагаемы и другие вопросы и дела.

9. Кроме обыкновенных собраний, в важных случаях, например смерти священника, необходимости приобретать или отчуждать приходскую недвижимость, устроить или закрыть какое-либо из приходских установлений, сделать заем или сверхсметный расход и т. п., — по требованию благочинного или по усмотрению попечительства могут быть созываемы чрезвычайные церковно-приходские собрания.

10. В приходских собраниях, когда избирается лицо для замещения освободившейся священнической должности, председательствует благочинный; в

остальных случаях — настоятель прихода или заменяющее его, по его указанию, лицо.

11. О дне и месте назначенного собрания и цели его священник извещает прихожан, объявляя о том в церкви при стечении народа в три предшествующих собранию воскресных или праздничных дня; попечительство же со своей стороны принимает доступные ему меры для оповещения прихожан о времени и месте собрания и о предлагаемых его рассмотрению вопросах. Собрание считается состоявшимся, если явилась одна десятая часть имеющих право участвовать в нем прихожан. При выборе священника собрание должно состоять не менее как из ⅓ имеющих право участия в нем прихожан, и для действительности избрания требуется не менее ¾ голосов всего собрания.

12. При недостаточности средств на удовлетворение настоятельных приходских нужд, собрание может установить обязательный сбор с прихожан и произвести раскладку этого сбора, сообразуясь с достатками и платежной способностью лиц. Обложение и раскладка обязательны для всех прихожан и для православных лиц, владеющих недвижимостью в пределах прихода, хотя бы они проживали вне прихода и не были его членами.

13. Для осуществления таких касающихся церковно-общественной жизни прихода задач, которые не по силам одному приходу, несколько приходов или приходы целого благочиннического округа могут соединяться вместе и иметь общие учреждения, управляемые лицами, избираемыми от приходских попечительств тех приходов, на средства которых они содержатся.

14. Приходское попечительство обязано иметь постоянную заботу об исправном содержании и благолепии приходского храма и приходского кладбища и о возможно более полном удовлетворении хозяйственных и духовных нужд духовенства и всего прихода.

15. Члены приходского попечительства избираются собранием, в потребном числе, по соображению с размерами и разными видами деятельности попечительства и приходского хозяйства и с имеющимся в виду собрания числом лиц, способных работать в составе попечительства с пользой для прихода.

16. Попечительство является законным представителем своего прихода во всех сношениях и сделках, совершая на имя прихода и от его имени купчие крепости на недвижимые имущества, займы и другие обязательства. Обыкновенные сношения ведутся за подписью председателя или заменяющего его лица; для действительности же актов и обязательств необходимы подписи председателя попечительства, священника (если не он председательствует), церковного старосты и двух выборных членов попечительства.

17. На попечительстве лежит обязанность своевременного составления и представления общему собранию смет и отчетов.

Проекты и сметы на постройку, перестройку, обновление и подновление здания самой церкви, по одобрении их собранием, представляются попечительством благочинному, который предлагает их в потребных случаях (когда, например, потребные на работу средства испрашиваются из епархиальных

сумм или особо от казны) рассмотрению благочиннического совета или благочиннического съезда. Сметы на перестройки и возобновление причтовых и других домов в том лишь случае представляются благочинному, если на работы испрашиваются от епархии средства.

18. Всем лицам, имеющим право участвовать в приходском собрании, должен быть составлен и содержим в исправности приходским попечительством особый список. Первоначально, до образования попечительства, список сей составляется священником — настоятелем церкви при содействии приглашенных им для сего прихожан.

Приходский список должен содержать в себе сведения о возрасте, составе семейства, служебном и имущественном положении, промысле или занятии каждого члена приходского собрания, и о том участии, какое он и члены его семейства принимают в приходской жизни.

Если прихожанин желает перечислиться в другой приход, то ему надлежит взять от настоятеля прежнего прихода свидетельство на перечисление. Свидетельство это должно заключать в себе все имеющиеся в приходском списке о перечисляющемся лице и его семействе сведения; эти сведения вносятся в список прихожан нового прихода.

В случае, если желающий вступить в число прихожан не может представить требуемого свидетельства от прежнего прихода, то для внесения его в приходский список нового прихода настоятель этого прихода довольствуется личными заявлениями желающего войти в приход и принимает на себя заботу о получении о нем сведений от настоятеля прежнего прихода.

19. Церковно-приходское собрание и приходское попечительство, состоя в ведении епархиального начальства, в то же время пользуются значением и общегражданских учреждений, и законные их постановления и распоряжения, а также правильно составленные и заключенные ими непосредственно или через поверенных акты и договоры — имеют обязательное значение, и к исполнению их должно быть оказываемо необходимое содействие полицейскими, сельскими, судебными и иными властями и лицами, по принадлежности.

V. Собрания духовенства: окружные «соборики» и епархиальные соборы

По справке оказалось, что существующими законоположениями окружные собрания духовенства, или так называемые «соборики», и епархиальные соборы не предусмотрены. Закон знает только съезды духовенства для решения вопросов исключительно материального свойства: о содержании духовно-учебных заведений епархии, об обеспечении вдов и сирот духовенства и прочее. Но жизнь, как во многих других случаях, так и здесь, оказалась сильнее буквы закона. Действительность показывает, что съезды духовенства, в силу требований жизни, мало-помалу расширили свою компетенцию, указанную законом, и на своих собраниях обсуждают не только материальные вопросы, но и вопросы веры, Церкви и приходской жизни. Сами епархиальные епископы предлагают съездам обсуждать такие вопросы, и высшая церковная власть

смотрит на них, как на существующий факт. Остается только ныне закрепить в форме закона то, что̀ существует фактически. Устройство съездов духовенства, для решения вопросов веры и Церкви, вполне отвечает духу православной Церкви. Основное начало христианской Церкви — это начало соборности, как мы и исповедуем в девятом члене Никео-Цареградского символа веры: «Верую во едину святую *соборную* и апостольскую Церковь». Исходное начало этой соборности можно усматривать в самом догмате о триединстве Божества. Соборен по существу своему и человек: ум, воля и сердце — это триединство основных сил человеческих — можно бы также назвать соборностью человека. Та же соборность положена в основу понятия о Церкви, как теле Христовом. Св. апостол Павел в I Послании к Коринфянам (в 12 гл.) членов Церкви уподобляет членам одного живого организма, которые все живут в согласии и одинаково участвуют в общей жизни организма-Церкви. Апостолы вопросы веры и Церкви решали собором и преемникам своим заповедали поступать так же. 37-е апостольское правило говорит: «Дважды в году да бывает собор епископов, и да рассуждают они друг с другом о догматах благочестия, и да разрешают случающиеся церковные прекословия». Первенствующая Церковь твердо держалась начала соборности. I Вселенский Собор 5-м правилом, IV Вселенский Собор 19-м правилом подтверждают обязательность областных Соборов, преднамеченных 37-м правилом апостольским. Впоследствии, во внимание к отдаленности и затруднениям в сообщениях, 8-м правилом VI Вселенского Собора было положено Соборам бывать один раз в год. То же подтверждено VII Вселенским Собором в 6-м правиле: «Поелику есть правило, которое глаголет: дважды в году в каждой области подобает быти каноническим исследованиям, посредством собрания епископов, а преподобные отцы VI Собора, во внимание к затруднениям собирающихся, определили, без всякого уклонения и извинения, единожды в лето быти собору, и погрешительное исправляти: то и мы сие правило возобновляем, и аще обрящется некий начальник, возбраняющий сие, да будет он отлучен. Аще же кто из митрополитов пренебрежет исполнити сие, не по нужде и насилию, и не по какой-либо уважительной причине: таковый да подлежит епитимии, по правилам». Правда, в указанных правилах говорится только о митрополичьем управлении и о соборе епископов, и их, по-видимому, нельзя было бы применить к какой-нибудь епархии, например Римской. Но уже давно и в обществе, и в печати, и в самом духовенстве жалуются на обширность наших епархий и удаленность епископов от своих паств.

Древние митрополичьи округа по своим размерам уступали нашим губерниям, а отдельные епархии отнюдь не превосходили наших уездов, как не превосходят они и по сие время в греческой Церкви. И у нас самой жизнью выдвигается на очередь вопрос о менее обширных, так называемых уездных епископиях; а в таком случае в каждой епархии возможен собор епископов.

Что же касается мирян, то и их нельзя устранять от активной жизни Церкви. Участие их в решении вопросов Церкви и желательно и полезно.

Между тем чаще и чаще слышатся упреки и обвинения православной Церкви, что общественная жизнь отошла от ее влияния, устрояется и обычно течет, не справляясь с правдой Христовой и жизнью церковной; а многие члены и положительно омертвели для Церкви, не знают ее гласа, не верят ему и даже питают злобу против нее. И это оттого, что они были далеки от Церкви, не принимали живого участия в жизни ее. Всеми чувствуется, что наша церковная жизнь шла и идет не так, как следовало идти. Главную причину этого печального явления нельзя не видеть в том, что из церковной жизни было устранено начало соборности и заменено началом бюрократическим, бумажно-канцелярским, погасившим живой дух в Церкви. Поэтому, если омертвение церковной жизни объясняется уклонением от начала соборности к началу бюрократическому, то спасение должно заключаться в возвращении к началу соборности. Только восстановление начертанного канонами строя церковного самоуправления может обеспечить Церкви правильную жизнь.

По положению о приходе, изложенному в предыдущем отделе, приходскими делами ведает общее собрание прихожан, которое, для постоянного управления приходскими делами, выделяет из себя приходское попечительство, принимающее на себя полномочия общего собрания в промежутки между этими собраниями.

Последовательность требует, чтобы это начало соборного управления, начинаясь от прихода, как низшей единицы, как ячейки церковной жизни, было проведено и дальше по высшим инстанциям церковного управления, чтобы оно коснулось также благочиний и епархий.

Выразителем соборного начала в благочинии должен быть благочиннический «соборик», а постоянным носителем его полномочий — благочиннический совет; в епархии же — епархиальный собор, а постоянным носителем его полномочий — совет пресвитеров при епископе.

Благочиннические «соборики»

1. Ежегодно, не позже как за месяц до епархиального собора, по благословению местного епископа, благочинным созывается благочиннический «соборик» для обсуждения вопросов веры и Церкви, а также школьной и приходской жизни данного благочиния.

2. Полноправными участниками соборика являются все священники благочиния, по одному представителю от остальных членов каждого причта благочиния и по одному представителю от мирян каждого прихода благочиния.

3. Все эти участники пользуются на соборике равным правом голоса.

Примечания: а) Участниками соборика могут быть и другие члены причтов, но только с правом совещательного голоса. б) Соборик может приглашать на заседания, с правом совещательного голоса, и других лиц, могущих быть ему в каком-либо отношении полезными.

4. Представители на соборике от мирян избираются на общих собраниях прихожан.

5. Дела на соборике решаются простым большинством голосов.

6. Руководит собранием председатель, избранный из числа присутствующих священников. Из них же избирается и делопроизводитель.

7. Соборик, для пользы дела, может избирать из своей среды особых докладчиков, обозревателей периодической печати, которые к следующему соборику изготовляют порученные им доклады и вносят их на обсуждение.

8. Постановления соборика представляются через епископальный совет местному епископу с просьбой ввести их в действие или передать на рассмотрение епархиального собора.

9. Дела соборикоов хранятся в благочинническом архиве.

Епархиальные соборы

1. Ежегодно епархиальный епископ созывает епархиальный собор.

2. Председательствует на соборе епархиальный епископ.

3. Епархиальный собор составляется: из членов епископального совета и по три выборных от окружных соборикоов — по одному из священнослужителей, из церковнослужителей и из мирян, также представителей духовно-учебных заведений, братств и монастырей. Епископ, а также и собор, могут пригласить к участию в занятиях и других лиц своей и других епархий с правом совещательного голоса.

4. Епархиальный собор решает вопросы, касающиеся веры и Церкви, духовного просвещения и благоустройства приходской жизни, возбуждаемые окружными соборикоами, епископом и епископальным советом.

5. Епископальный совет определяет порядок занятий собора и приводит в систему вопросы, подлежащие обсуждению собора.

6. Кроме общеепархиальных вопросов, касающихся религиозной жизни и церковной практики местной епархии, ведению епархиального собора подлежит избрание членов епископального совета.

7. Постановления собора, одобренные местным епископом и не требующие утверждения высшей церковной власти, приводятся в исполнение. В случае же разногласия между собором и епископом дело передается высшей церковной власти для окончательного решения.

Вопросы, решение которых превышает власть епархиального собора, передаются высшей церковной власти с просьбой внести их на обсуждение Всероссийского Поместного Собора.

Епархиальный собор избирает представителей из членов собора — духовных и мирян — на Поместный или Всероссийский Собор, если таковое право высшей церковной властью будет предоставлено епархиальным соборам.

VI. О пересмотре законов, касающихся порядка приобретения церковными установлениями недвижимой собственности

Церкви, монастыри и архиерейские дома, по действующим узаконениям, пользуются правами юридических лиц и, как таковые, могут приобретать недвижимые имущества всеми существующими законными способами, как-то: путем купли, дара или пожертвования и завещания. Но во всех этих случаях необходимым условием укрепления за церковными учреждениями приобретаемых недвижимых имуществ является, по закону, испрошение Высочайшего разрешения, для чего епархиальный преосвященный, если не находит препятствий к принятию имущества в собственность церковного установления, и входит с представлением в Святейший Синод, с приложением планов и документов на приобретаемое имущество (ст. 778, 985 и 1429 ч. I т. X Св. Зак. изд. 1900 г. и ст. 435 и 443 т. IX изд. 1899 г.). Ограничение это создалось историческим путем. Русская Церковь с самого своего основания получила от государства право обладать движимым и недвижимым имуществом. Всем церковным установлениям (каковы были епископии, архиерейские кафедры, монастыри, приходы) предоставлено было право приобретать имущества всеми средствами, законом и юридическим обычаем установленными, без всяких ограничений. Государство не только не стесняло права приобретения церковных имуществ, но само заботилось о том и само наделяло разными привилегиями церковные учреждения относительно приобретения и управления имуществами. Но в XV веке в русском обществе явилось убеждение, что владение монастырей землями несовместно с целями монашеской подвижнической жизни, и государственное правительство поставило даже в 1503 году церковному собору вопрос о том — не следует ли изъять из ведения монастырей их имущества. Собор, однако, отстоял на этот раз права монастырей на владение имуществами. Но с половины XV века, на Соборах 1551 года (Стоглаве), 1573 и 1581 гг., было уже постановлено ограничить монастыри и епархиальных архиереев относительно приобретения новых земель какими бы то ни было способами: запрещено было вновь приобретать земли без особого доклада Государю, да и это право предоставлялось только бедным монастырям. Но в действительности постановления этих соборов XVI века не строго исполнялись: некоторые епархиальные архиереи и монастыри продолжали приобретать имущества. Петр I окончательно запретил церковным властям и монастырям вновь приобретать и выменивать имущества и, в интересах государства, нуждавшегося, по случаю разных преобразований, в материальных средствах, возымел намерение обратить все церковные имущества в государственную собственность, с отчислением известной суммы с этих имуществ на церковные установления. Но смерть помешала ему вполне привести в исполнение свой план. Окончательная секуляризация церковных имуществ совершилась уже при Екатерине II. По вступлении на престол она повелела учредить комиссию о церковных имениях, которой было поручено составить правила о переводе церковных имений в ведение государства, а всем церковным уста-

новлениям составить штаты. Кроме выдачи определенной суммы из государственных доходов для содержания штатных церковных учреждений, правительством отведены были каждому монастырю и архиерейскому дому из земель, принадлежавших им, определенные участки, и даны были рыбные ловли, мельницы и подворья. Одновременно последовал отвод в определенном размере земли и приходским церквам. Что же касается запрещения приобретения архиерейскими домами и монастырями недвижимых имуществ, то уже при Елизавете Петровне некоторые церковные власти стали опять получать отобранные прежде вотчины и угодья и получать новые, а при Александре I вновь предоставлено было всем архиерейским домам и монастырям приобретать недвижимую собственность, только не заселенные земли и не без Величайшего каждый раз соизволения (ПСЗ № 21.785, 24.246 и 27.622). Из приведенных кратких исторических данных можно видеть, что установление означенного ограничения находилось в связи с особыми воззрениями государственной власти того времени на Церковь и вызвано было опасением, чтобы в руках церковных властей и учреждений не оказалось слишком большого количества земель, в ущерб интересам государства. Ныне, с изменившимися отношениями между Церковью и государством и с обнаружившимся стремлением Церкви освободиться от опеки государства, не усматривается уже действительных оснований для сохранения в силе означенного ограничения в отношении приобретения церковными установлениями недвижимых имуществ. Этого ограничения не существует, как известно, в отношении приобретения духовно-учебными заведениями недвижимых имуществ; дела об укреплении сих имуществ в собственность духовно-учебных заведений окончательно решаются Святейшим Синодом (ст. 778 ч. I т. X Св. Зак.). Будет справедливым отменить означенное ограничение, как утратившее ныне всякое жизненное значение, — и в отношении приобретения церковными установлениями недвижимых имуществ. Обращаясь засим к вопросу об установлении наилучшего, в интересах церквей, порядка разрешения на приобретение церквами и монастырями собственности, нужно сказать, что, в видах ускорения дел подобного рода, желательна была бы передача их в ведение местного епархиального начальства, за исключением разве только дел, когда приобретается покупкой имущество, стоящее не меньше десяти тысяч рублей. Но войти в детальную разработку означенного вопроса в настоящее время, когда существуют предположения о реорганизации епархиального управления и церковного прихода, не представляется возможным, так как неизвестно — в каком виде совершится церковная реформа и в какие отношения между собой будут поставлены законом органы епархиального управления и церковная община или приход.

Наконец, что касается того, что духовенство, как сословие, лишено прав юридического лица по приобретению недвижимого имущества, то — действительно — это представляется аномалией, не оправдываемой жизнью и подлежащей отмене. Как известно, с конца шестидесятых годов прошедшего столетия предоставлено духовенству учреждать епархиальные кассы, епархиаль-

ные свечные заводы, содержать епархиальные женские училища, параллельные классы в духовных семинариях и училищах и поддерживать упомянутые учреждения епархиальными средствами. Все это указывает, по-видимому, на значение епархиального духовенства, как самостоятельного юридического лица, с имущественными правами. Между тем духовенство, как сословие, лишено ныне права укреплять за собой приобретаемые для своих нужд и на свои средства недвижимые имущества, которые в таких случаях укрепляются, обыкновенно, за фиктивным приобретателем — епархиальным начальством или учебным заведением, имеющими права юридического лица. Такое явное несоответствие действительного положения дела с существующими узаконениями, без сомнения, подлежит устранению: духовенству должны быть предоставлены права юридического лица по приобретению недвижимых имуществ наравне с прочими сословиями и учреждениями (ст. 6984 т. X), но только под условием, если эти имущества жертвуются и завещаются именно духовенству, как сословию или классовой группе, или если приобретаются они духовенством лишь на личные средства, а не на церковные или иные суммы.

VII. Об усовершении духовных школ

Вопрос об усовершении духовных семинарий и училищ и пересмотре ныне действующих уставов их, на основании определения Святейшего Синода от 26 ноября 1905 года за № 6142, передан мною на обсуждение педагогического собрания преподавателей названных учебных заведений. Соображения и заключения по сему вопросу буду иметь честь представить дополнительно, к 1 февраля 1906 года.

VIII. Об участии духовенства в общественной жизни

Желательно ли участие священнослужителей в жизни общественных учреждений или нет?

За участие духовенства в жизни общественных учреждений говорят следующие соображения.

Христианство призвано преобразовать человеческую жизнь на новых началах, на началах любви и правды; иначе говоря, оно призвано водворить на земле Царство Божие. На всех отправлениях человеческой жизни, государственной, общественной и семейной, оно должно бы положить печать *христианственности*. Для достижения этой цели Христово Евангелие должно быть введено в эту жизнь. Закон Христов должен явиться для нее закваской. Но закваска не может храниться в одном сосуде, а тесто в другом, потому что в таком случае невозможно никакое брожение, никакое преобразование.

Относительно слабые успехи христианской религии объясняются именно тем, что жизнь Церкви и жизнь государства и общества шли у нас особыми путями. Общественно-государственный быт христианского мира далеко не во

всем согласован с евангельскими началами и не сполна заквашен христианством. Истинно христианской культуры мир еще не видел, а что̀ видел, то̀ было только суррогат ее. Христианские народы и по сие время далеки от воплощения в своей жизни евангельских начал. По имени называются христианами, а жизнь устраивают на основах языческой культуры. Современная европейская культура своими корнями утверждается на греко-римской почве. Государственное устройство, литература, наука, искусство — все это носит печать греко-римской, т. е. языческой закваски.

В основу законодательства христианских народов полагается римское право. При выработке законопроектов не принимаются во внимание евангельское учение и взгляды Церкви, а имеются в виду только кодексы языческих законов. Благодаря этому один и тот же человек должен руководствоваться двумя законами: как член христианской Церкви — законом евангельским, а как член государства — законом гражданским, причем законы эти между собой не только не согласованы, но иногда находятся даже в прямом противоречии. Что̀ закон религии предписывает как обязательное, то̀ закон гражданский объявляет необязательным (например, о праздновании воскресного дня). Что̀ закон религии запрещает как тяжкий грех, то̀ гражданский берет под свою защиту (например, дома̀ терпимости). Сравнение быта и нравов христианских народов с таковыми же передовых языческих не много говорит в пользу первых. И все это — оттого, что жизнь наша недостаточно заквашена христианством, что закваска стояла далеко от того, что̀ она должна была заквасить. Поэтому необходимо вносить в жизнь возможно больше евангельской закваски.

Нельзя согласиться с мнением, что Церковь должна переродиться в государство, чтобы исчезнуть в нем, уступив место науке, духу времени и так называемой цивилизации. Нужно, как говорит Достоевский, чтобы не Церковь перерождалась в государство, а государство стало Церковью. Государство и общество, усвоившие себе вполне христианство, были бы самим Царством Божиим на земле. Ничего больше и не нужно было бы для них, если бы государство и общество действительно были христианами, не по одному названию только, но и на самом деле.

Задача Церкви и духовенства — стараться всеми силами направлять общественную и государственную жизнь именно в этом направлении. В этих видах желательно, чтобы духовенство принимало самое живое и деятельное участие во всех делах государственной и общественной жизни. И это участие должно быть официальным, предусмотренным государственными законами, а не частным. В христианском государстве и христианском обществе не должны отсутствовать представители Христовой Церкви. И этот принцип необходимо провести сверху донизу, начиная с Государственной Думы и Государственного Совета и кончая мелкой земской единицей, каковой должен бы быть приход. Участие духовенства в городских и земских учреждениях (Гор. пол. 1892 г. § 57 и пол. о зем. учр. § 56 и 57) в таком случае пришлось бы распространить только вниз и вверх.

Особенно желательным и полезным нужно признать участие приходского священника в местных учреждениях и обществах взаимопомощи, просветительных, не говоря уже о благотворительных. Пастырь не может относиться с пренебрежением, тем более с презрением к нуждам пасомых, хотя бы они касались только материального благополучия. Не все могут быть пастырями, большинство по необходимости должно заниматься житейскими делами. Всякий честный труд и доброе занятие заслуживает одобрения. Относясь с равнодушием и пренебрежением к нуждам и потребностям прихожан, пастырь может достигнуть только того, что те ему ответят тем же и с таким же равнодушием и пренебрежением будут относиться к его делу, т. е. к религии и богослужению.

Пастырю Церкви поэтому необходимо входить в положение своих пасомых и заботиться о том, чтобы им жилось хорошо. Ему необходимо давать советы и указания, как лучше устроить свою жизнь не только в нравственном отношении, но и просто в житейском.

До сих же пор духовенство обращало мало внимания на то, как народ живет у себя дома, или же, вернее, в силу разных условий и обстоятельств, оно вынуждалось к молчанию и бездействию, хотя бы и хотело влиять на пасомых своими советами и убеждениями.

IX. О предметах веры

По прямому смыслу Высочайшей резолюции на всеподданнейшем докладе о созвании Всероссийского церковного Собора, каноническому обсуждению его подлежат и предметы веры.

Так как в русской Церкви в течение уже нескольких веков не происходит канонического обсуждения предметов веры на Соборах, то в этой области к нашему времени назрела крайняя нужда в соборном обсуждении многих вопросов веры. Конечно, предметом обсуждения в области веры будет не неприкосновенное содержание догматов веры, а лишь обряд церковный, в который Церковь заключила свое учение. Мысль христианина, сверяющего современную христианскую жизнь с древними канонами церковными и не находящего в них соответствия, смущается и идет или к совершенному отрицанию предания церковного, или к уклонению от Церкви то в раскол и секты, то в полный церковный индифферентизм. Выяснить вопрос о канонах церковных, быть может, лежит в авторитете только Вселенского Собора; но в нашей церковной жизни есть вопросы из этой области важные, неотложные, решение которых может дать и Поместный Собор Всероссийской Церкви и обсудить «предметы, относящиеся к познанию, утверждению и очищению от разных заблуждений православной христианской веры».

Первый предмет, относящийся к познанию православной христианской веры, это — «Пространный христианский катехизис православной Церкви», одобренный Святейшим Правительствующим Синодом и печатаемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению. Желательно, чтобы

это вероизложение русской православной Церкви подверглось соборному рассмотрению, и издано Всероссийским церковным Собором общедоступное изложение православного вероучения с соответствующим ясным православно-христианским мировоззрением.

Далее, на предстоящем Всероссийском Соборе было бы весьма полезно дать церковное, следовательно — единственно авторитетное, разъяснение некоторым вопросам, которые выдвигаются неотложной нуждой нашего времени. К таким вопросам принадлежат вопросы: 1) о Священном Предании, 2) о постах, 3) об иконопочитании, 4) о богослужебном уставе, богослужении и языке богослужебных книг.

1) Священное Предание, как богооткровенный источник вероучения и нравоучения, равный с Священным Писанием, нуждается в надлежащем выяснении понятия о нем (Св. Предания), объеме и значении его, так как в авторитетном решении этих вопросов встречаются затруднения при преподавании Закона Божия в учебных заведениях и при беседах с иноверцами.

2) В наше время трудно найти интеллигентную мирскую семью, даже преданную православной Церкви, сохраняющую устав церковный о постах в точности. Вслед за интеллигенцией идет народ. Причиной упадка столь хранимого древней Русью устава о постах является не столько недостаток должного учительства и примера со стороны священников, сколько перемена воззрений на разного рода пищу и изменяющийся уклад народного быта, в зависимости от новых экономических условий. Необходимо ныне найти идее поста, как благочестивому упражнению не только духовному, но и телесному, более соответствующее настоящим условиям именно русской жизни, чем ныне действующий устав о времени поста и различии в родах пищи, выражение, с устранением противоречий из учения о постах (Треб. патр. Филарета, 85-е пр. Номоканон и др.).

3) Необходимость высокоавторитетного разъяснения вопроса об иконопочитании и о чудотворных иконах возникает под напором проникающих в православную среду иконоборческих мыслей — протестантских в интеллигенции и сектантских в простом народе. Нередко, особенно в простом народе, замечается невежественное, противное существу догмата, почитание и поклонение святым иконам. В силу естественного отвращения от такого идолопоклоннического поклонения и страха божественных прещений, многие православные, особенно побывавшие у сектантов и ознакомившиеся с местами Священного Писания, говорящими об идолах, признавая существо догмата иконопочитания, что «взирающие на иконы побуждаемы бывают воспоминать и любить первообразных им и чествовать их», в немощной своей совести не могут следовать древнему обычаю — «чествовать их лобзанием и почитательным поклонением». Поэтому необходимо, особенно для пастырей Церкви, выяснить, составляет ли такое состояние немощной совести признак иконоборческой ереси и, следовательно, достаточное основание не считать таких лиц принадлежащими к православной Церкви, на что они претендуют. Желательно также выяснение истинного православного взгляда на чудотворные

иконы и на святые мощи угодников Божиих и изыскание мер к устранению заблуждений и злоупотреблений в этой области.

4) Желательно также обсуждение и решение Всероссийским церковным Собором вопроса о богослужебном уставе. Этот устав составлен применительно к монастырскому обиходу, при котором общественное богослужение распадается на 9 отдельных служб в определенные часы суток. Соединение этих 9 служб в три — вечернюю, утреннюю и дневную, как показывает практика монастырей, не нарушает цельности и смысла входящих в состав этих служб молитв и песнопений. Обычное же соединение всего круга суточного богослужения в две отдельные части, как это бывает в приходских церквах, в вечернее и дневное, нарушают этот смысл, цельность и гармонию (красоту) устава церковного. Изменить мирскую жизнь применительно к монастырскому уставу нет возможности, и было бы в высокой степени полезно создать такой богослужебный устав для приходских церквей, который сохранил бы в составе богослужебных молитв и песнопений все существенное, как выражающее нашу веру христианскую и как наследие древней Церкви, но расположил бы эти чтения и песнопения в соответствии с часами и характером службы, без томительной длинноты и однообразных многократных повторений. История богослужебного устава дает основание для подобного рода изменений в нем.

Кроме богослужебного устава, необходимо рассмотреть и согласовать с нуждой и характером настоящего времени и чинопоследования святых таинств. Так, например, желательно предваряющий крещение чин оглашения оставить или перенести, соответствующе изменив его, на время сознательной жизни дитяти, например — на время первой исповеди, или на время церковного совершеннолетия, соединив с катехизацией и сделав последнюю обязательной для всех приходов. Форму отрицания от сатаны, состоящую в дуновении и плевании на пол, можно было бы изменить на более соответствующую настоящему времени форму выражения полного отрицания.

При говении нескольких сот человек зараз, в один день, когда исповедь в силу чисто физических причин состоит только в накрытии главы кающегося епитрахилью и чтении разрешительной молитвы, было бы полезно следовать для этой цели долженствующему быть установленным чину общей исповеди. В деятельности пастырей Рижской епархии бывают такие случаи, в коих они бывают вынуждены прибегать к совершению общей исповеди.

Относительно таинства брака необходимо изменение предбрачных обысков и сокращение числа степеней родства, возбраняющих заключение брачного союза.

В чине елеосвящения необходимо сделать изменение для совершения этого таинства одним священником, как это в действительности бывает.

Сам язык наших богослужебных книг требует самого тщательного исправления. Уже со времени перевода Библии на русский язык встал с неотложностью вопрос о переводе богослужебных книг на язык, доступный пониманию. Но любовь русского народа к славянскому языку и значение его для

соединения всех славянских племен в родной православной вере заставляют желать, чтобы богослужебным языком для православного русского народа оставался славянский язык. Но в таком случае необходимо немедля приступить к исправлению богослужебных книг. Язык их, сохранив греческое построение речи и словопроизводство, совершенно скрывает и весьма часто искажает смысл и содержание многих богослужебных чтений и песнопений. Только немедленным исправлением этого языка до возможности понимания его и неучившимся славянской грамоте возможно сохранить любовь и преданность нынешнего поколения к церковному языку. Конечно, выпуск исправленных богослужебных книг ни в каком случае не должен упразднять и умалять значения существующих ныне, во избежание повторения печальных событий исправлений во времена патриарха Никона.

Далее, в предложении г. обер-прокурора Святейшего Синода указывается «вопрос о положении православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверцам по издании Высочайшего указа 17 апреля сего года о веротерпимости» для обсуждения на Всероссийском церковном Соборе. Сюда нужно отнести также и Высочайший манифест 17 октября сего года о даровании населению Русского государства гражданской свободы и свободы совести. Этими двумя актами положение православной Церкви в русском государстве существенно изменяется. Правда, до сих пор, в разъяснениях министерских к манифесту 17 апреля сего года, православная Церковь считается «первенствующею и господствующею». Но это мало соответствует истине. Положение православной Церкви и православия фактически перестало быть господствующим, и к прежнему вероисповедному положению возврата нет. Смысл возвещенной 17 апреля сего года свободы вероисповедания и 17 октября свободы совести и, соответственно, с сим, положение православной Церкви в русском государстве должно усматривать в следующем. Церковь, пережив времена борьбы с ересями, как за истину, так и за господство в государстве, и времена торжества над врагами своими под щитом государственной власти, вступила теперь у нас, на Руси, в новый период жизни, в период свободного существования своих начал. Православная Церковь должна осуществлять теперь эти начала в жизни народной как без притеснения, так и без покровительства со стороны Правительства, в одной лишь внутренней борьбе с неверием и иноверием. Для этого необходимо, чтобы православная Церковь получила свободу жизнедеятельности. Православная Церковь, как носительница вселенской истины, не может отказаться от воздействия на иноверие в духе свободы и любви. Предстоящий Всероссийский церковный Собор должен, своим всероссийским церковным разумением определить меры для воздействия на старообрядцев и иноверцев и для защиты своих чад от пропаганды иноверия, которая, несомненно, теперь значительно усилится.

№ 41,
преосвященного Иоанна, епископа Полтавского,
от 8 декабря 1905 года

Епархиальное совещание по вопросам об изменениях в строе церковного управления и церковной жизни в России

I. Состав Собора

Относительно состава Собора совещание единогласно высказалось, ввиду церковно-исторической практики, за участие в нем представителей клира, монашества и мирян. Относительно же того, какой голос принадлежит членам Собора последних трех категорий, мнения разделились. И хотя авторитеты (проф. Заозерский, проф.-прот. Иванцов-Платонов, проф. Бродович и др.) в выражениях, не оставляющих никакого сомнения, говорят только о совещательном голосе означенных лиц, тем не менее в собрании большинство высказалось за желательность права решающего голоса. Основанием для сего выставлялось, во-первых, то обстоятельство, что предположенный Собор — не вселенский, на котором вырабатываются догматические определения, а Поместный, для решения церковно-практических вопросов; во-вторых, практика Соборов русской Церкви допускала участие архимандритов и протопопов именно с правом решающего голоса, как показывают их подписи под определениями Соборов; в-третьих, практические соображения говорят за решающий голос и не епископов: а) белое духовенство несет на себе все тяготы приходской жизни, оно более знает приходскую жизнь, чем высшая иерархия, б) сектанты постоянно указывают на рознь, существующую в православной Церкви между паствой и пастырями; лишать белое духовенство и мирян права решающего голоса значило бы как бы подтверждать эту рознь.

Относительно способов выбора уполномоченных на Собор совещание пришло к следующему решению: приход выбирает священника, псаломщика (или диакона) и 2 мирян на благочиннический съезд; благочиннический съезд выбирает 2 священников, 1 псаломщика (или диакона), 1 мирянина на уездный съезд; последний в том же количестве выбирает представителей на епархиальный съезд, а епархиальный, в том же количестве, на Собор. Признанием за псаломщиками (и диаконами) права на особое (от священников) представительство на Соборе (а также и на съездах) справедливее обеспечивается удовлетворение материальных и духовных нужд этого многочисленного класса церковнослужителей и поднимается самый духовный уровень низших членов клира, что̀ составляет неотложную нужду нашего времени. Монашествующие, собравшись под председательством своих настоятелей, избирают по одному

представителю на общеепархиальный съезд, который, в свою очередь, избирает одного депутата на Собор.

II. Разделение России на церковные округа

Затруднительность сношений с центральным управлением по всякого рода вопросам, даже маловажным, вызывает необходимость учреждения митрополий, куда бы могли поступать на разрешение дела меньшей важности и где могло бы осуществляться живое общение епископов соседних кафедр между собой. Разделение это является тем более настоятельным, что в различных областях государства выдвигаются различные задачи церковно-практической жизни. Схема деления намечается в таком виде: в европейской России учреждаются митрополичьи кафедры в городах — Петербурге или Новгороде, Москве, Киеве, Харькове или Одессе, Вильне, Казани, Тифлисе; в азиатской России — восточная митрополия и западная, куда входят и среднеазиатские владения. Имея в виду обширность настоящих епархий и считая необходимой, для успешности пастырского делания, бóльшую близость епископа и паствы, собрание выразило пожелание, чтобы было увеличено в возможных размерах число епископских кафедр, и, в крайнем случае, предоставлено право самостоятельности нынешним викарным епископам с перенесением их кафедр в уездные города.

III. Органы епархиального управления

При обсуждении этого вопроса совещание высказалось за учреждение таких органов, которые в наибольшей степени содействовали бы преуспеянию истинно церковной жизни; в основу преобразования существующих органов должен быть положен принцип полноты состава Церкви и самодеятельности членов ее. Совещание признало необходимым устранить мирские элементы там, где они имеют канцелярский характер, и ввести их там, где их наличность обеспечивала бы полноту жизни Церкви, на всех ступенях ее раскрытия. В тесной связи с этим и как необходимое условие успешного осуществления указанной задачи, признано необходимым устранение из учреждений правящего характера всякого рода дел, не отвечающих задаче *пасения* духовного стада; таковы работы, возложенные на духовенство, но имеющие полицейско-государственное значение, а также бракоразводные дела в процессуальной их части. Наконец, в интересах самодеятельности и оживления церковной жизни, в настоящее время парализованной сосредоточением почти всех дел епархии в консисториях, признана необходимость отнесения значительной их части на места их происхождения, с расширением прав окружного управления (благочиннический округ). Таким образом создается последовательный ряд обновленных учреждений для управления епархией по всем частям на началах соборности.

А. — Во главе епархии стоит епископ. В лице его канонически сосредоточивается церковная власть в епархии. Органами этой власти служат: епар-

хиальный собор, епархиальный пресвитерский совет; в пресвитерском (благочинническом) округе: окружной собор, окружной пресвитерский совет; в приходе: приходский собор и приходский совет.

1. Епархиальные соборы (съезды)

1) Для того, чтобы возбудить жизнедеятельность епархиальных соборов, необходимо значительно расширить область дел, подлежащих их ведению, нужно восстановить все то, что̀ первоначально благоприятствовало их деятельности, и устранить все то, что̀ остановило их рост и вызвало равнодушие к ним духовенства; нужно дополнить состав их допущением мирян. Допущение мирян в состав епархиальных и Поместных Всероссийских Соборов вызывается, прежде всего, требованием истинных интересов самой Церкви, как полножизненного тела Христова, единства всех членов его. В делах чисто церковных ни каноны, ни церковная практика не исключают права мирян на участие в обсуждении дел веры, христианской нравственности. Тем более не может быть ограничения в праве голоса в вопросах экономических (церковно-хозяйственных и общественно-благотворительных) — здесь участие мирян является делом простой справедливости и житейского благоразумия. Духовенством заведены свечные заводы, эмеритальные кассы, приюты для престарелых, школы для своих детей, куда доступ детям иносословных ограничен 10%-ной нормой, и т. д. Почти все эти епархиальные учреждения, при небольшом пособии из личных средств духовенства, заведены и поддерживаются на средства церквей или на прибыль от свечных заводов, которые в свою очередь устроены на средства церквей. А потому в управлении всеми такими учреждениями духовенства должны принимать участие и миряне, как составляющие вместе с иерархией Церковь, которой принадлежат эти средства. Способ избрания на епархиальный собор должен быть тот же самый, который указан для избрания на Всероссийский Собор. Необходимо, чтобы представители на Собор избирались на церковно-окружных собраниях посредством закрытой баллотировки или подачи записок, причем заранее не нужно предрешать, кого выбирать; пусть каждый член собрания выскажется самостоятельно и по совести, кого он считает наиболее способным настоять на выработанной программе пожеланий всего округа. Псаломщики (и диаконы) могут избирать представителем от себя и священника. Срок депутатских полномочий — трехлетний.

2) Епархиальные соборы должны собираться периодически, в определенный ежегодно срок, совпадающий с наиболее свободным временем для духовенства, и должны продолжаться не менее недели. К обсуждению на соборах допускаются вопросы не только те, которые идут от епархиальных учреждений, но и те, которые возникают на местах. Как те, так и другие предварительно обсуждаются на церковно-окружных (благочинных) собраниях, затем обрабатываются в епархиальном городе особой комиссией (при пресвитерском совете), публикуются (за 2—3 мес.) в «Епархиальных Ведомостях» в

виде программы. Посторонние вопросы, не вытекающие из существа опубликованных и не требующие экстренного решения, к обсуждению не допускаются. На епархиальных соборах, кроме уполномоченных от клира и мирян, могут присутствовать и другие священнослужители с правом совещательного голоса; при обсуждении докладов от учреждений присутствует, с таким же голосом, представитель учреждения. Представители печати должны отдавать свои отчеты о заседаниях на предварительную цензуру председателя собора.

3) Необходимо расширить круг дел, подлежащих ведению епархиальных соборов. Так как епархиальный собор должен быть вспомогательным при епископе органом управления, являясь периодическим пресвитерским советом, то, очевидно, круг вопросов и компетенция съездов будут те же, что и у постоянных пресвитерских советов, а именно: вопросы пастырского душепопечения, т. е. наставления и укрепления пасомых в вере и нравственности, епархиального управления в широком смысле, т. е. организации и надзора за всеми административными учреждениями и избранными должностными лицами епархии, руководство народно-школьного, религиозно-просветительного и миссионерского дела, духовно-учебные заведения, благотворительные учреждения, свечной завод и эмеритура, избрание депутатов на областной и Поместный Соборы, избрание членов епархиального пресвитерского совета и должностных лиц в различные епархиальные учреждения.

4) Отношение епархиального собора к епископу должно определяться тем соображением, что первый является вспомогательным при епископе органом епархиального управления; решающий голос принадлежит только епископу; он должен быть и непременным председателем собора.

2. Епархиальный пресвитерский совет

Епархиальный пресвитерский совет составляет административный и судебный орган при епископе по делам: а) строго церковным, б) судебным, в) училищным и г) хозяйственно-благотворительным. Три члена совета — пресвитеры — назначаются епископом, а три остальных избираются на определенный срок (на 5 лет) епархиальным собором и утверждаются в должностях епископом, который, на законном основании, может и не утверждать избранного. Судебную часть ведает особый состав лиц (судьи). Ввиду практической неосуществимости, председательствование епископа во всех заседаниях пресвитерского совета необязательно, тем более что дела некоторых отделов, как благотворительные, не касаются прерогатив епископской власти; епископу принадлежит руководство и утверждение решения совета. При пресвитерском совете учреждается канцелярия с правителем дел и делопроизводителями в отделах совета. Ввиду того, что некоторые дела, ныне ведаемые консисторией, отойдут к окружным пресвитерским и приходским советам, количество дел собственно канцелярского характера значительно сократится.

Б. — Епархия делится на несколько пресвитерских округов, наподобие существующих ныне благочинических, но обнимающих значительно бóль-

ший район (15—20 церквей). Во главе округа стоит старший пресвитер (протопресвитер или протоиерей). Дела округа ведают: окружной церковный собор и окружной пресвитерский совет.

1) Члены окружного собора избираются из клира и мирян церковных приходов округа (порядки выборов см. выше). Председатель собора — старший пресвитер. К делам собора относятся: церковно-хозяйственные, училищные, имущественные и благотворительные по округу; избрание старшего пресвитера, членов епархиального собора, членов окружного совета, судей, следователя по судебным делам, депутата при следствии и других лиц; раскладка взносов на общеепархиальные нужды и прочее. Окружные соборы должны происходить не менее двух раз в год.

2) Окружной пресвитерский совет представляет собой первую низшую инстанцию для решения церковных дел в пределах округа. Кроме председателя — старшего пресвитера, он состоит из членов-пресвитеров, по выбору окружного собора. Совет рассматривает дела по взаимным служебным и имущественным отношениям членов клира и жалобам на причт прихожан; рассматривает и решает недоуменные вопросы по брачным делам; служит посредствующим звеном в сношениях с епархиальным пресвитерским советом; разбирает другие церковные и дисциплинарные дела духовенства, передача коих окружному совету будет узаконена в соображении с назревшей потребностью децентрализации епархиальных управлений. Пресвитерский (окружной) совет — исполнительный орган окружного собора; следовательно, в круг его ведения входят дела: церковно-хозяйственные, училищные, имущественные и благотворительные. Постановления совета по делам, им ведаемым, должны быть окончательными и не должны, помимо точного указания в законе, восходить на перерешение до высшей инстанции епархиального управления; в противном случае, останется ныне существующий консисторский строй управления.

В. — *Приход.* Простейшей единицей, той первичной «клеточкой», из которой должен вырасти и развиваться весь церковный организм, должен быть приход, оживленный путем возбуждения среди его членов более тесного единения на почве сознания единства интересов не только внешних, каковы, например, заботы о благоукрашении храма, но и внутренних, какова забота о религиозно-нравственном преуспеянии. Так как устранение мирян от приходских дел отдаляет их от Церкви и поселяет в них равнодушие к их храму и причту, то для привлечения мирян к Церкви необходимо дать им некоторые коллективные права в приходской жизни. Для возрождения прихода желательно:

1) чтобы приходу были предоставлены права «юридического лица», способного приобретать имущество теми способами, которые предоставлены в законе таким лицам.

2) Чтобы было восстановлено право прихода участвовать вместе с духовенством в заведовании церковными суммами под наблюдением местного епархиального начальства, или, по крайней мере, наблюдать за их законным

употреблением и получать в том отчет. Но при этом приход, как община, заведующая церковным имуществом, по-прежнему остается в зависимости от епархиальной и высшей церковной власти и ежегодно должен отчислять из церковной суммы известный процент на содержание духовно-учебных заведений.

3) Душой прихода должен быть священник; но чтобы деятельность священника была плодотворной, необходимо, во-первых, поднять его умственную и нравственную правоспособность; во-вторых — освободить его от теперешней экономической зависимости от прихожан. Первого можно достигнуть путем преобразования и одухотворения системы воспитания в духовных школах, второго — путем замены ныне практикуемого способа вознаграждения за требы определенным жалованьем. Ввиду современного настроения общества и трудящихся классов, настойчиво требующих от правительства удовлетворения своих материальных нужд и стремящихся освободиться от тяготы уже существующих налогов, а также и ввиду совершающейся перемены государственного устройства, при котором нет оснований предполагать в периодически изменяющемся Правительстве особого сочувствия к положению духовенства, и ввиду, главным образом, того, что материальная зависимость от неустойчивого Правительства может повлечь за собой и ограничение истинно церковной свободы,— решение вопроса признается в настоящее время трудным и несвоевременным. Как наиболее правильный путь может быть указана раскладка платы самими прихожанами, по добровольному их соглашению, по тому способу обеспечения духовенства, какой существует, например, в Финляндии.

4) Предоставление приходским общинам права избрания кандидатов клира хотя и желательно, так как при выборном начале возможна между избирателями и избираемыми более тесная нравственная связь, но в настоящее время неосуществимо в полном виде при современном составе сельской приходской общины, в которой преобладают элементы неразвитого и мало осведомленного в религиозном отношении крестьянства. Однако допустим такой порядок избрания: пресвитерский окружной совет вместе с представителями от мирян в течение двух недель по освобождении места представляет епископу избранного им кандидата; если не последует в означенный срок этого представления, епископ назначает своего кандидата. В том и другом случае кандидат должен удовлетворять узаконенным требованиям образовательного ценза.

5) Необходимо организовать местное приходское управление и укрепить его за приходом в законодательном порядке. Органами такого приходского управления являются «церковно-приходское собрание» и «церковно-приходский совет». Церковно-приходское собрание состоит из всех православных жителей прихода — мужчин и женщин, достигших гражданского совершеннолетия и имеющих законное право на присутствование в собрании и подачу голоса. Для более точного и своевременного выполнения своей задачи приходская община выбирает из среды своей церковный совет, который имеет значение органа как административно-распорядительного, так и исполнитель-

ного. Церковно-приходский совет состоит из священника, церковного старосты и выборных представителей церковной общины. Круг деятельности церковно-приходских собраний и советов обнимает собой прежде всего вообще служение нуждам и пользе церкви и прихода. Затем, в частности: а) поддержание местного священника в деле его влияния на добрую нравственность прихода; б) создание и украшение храмов; в) забота о содержании в должном порядке церковных и других зданий; г) распространение грамотности и образования между прихожанами и устройство и содержание школ в приходе. В связи с развитием религиозно-нравственной и просветительной жизни прихожан должны стоять и дела христианской благотворительности, как-то: забота о вдовах и сиротах, помощь голодающим и бедствующим и т. п.

IV. Духовный суд

1) В началах и взглядах руководителей теперешним духовным судом нет единства и твердости; в законе точно не определена подсудность духовенства. Устав духовных консисторий, Регламент, Высочайше указы и определения Св. Синода не имеют ни связи, ни единства, ни постоянства. Бракоразводный процесс, если он останется в области компетенции духовного суда, устарел; поводы к разводу нуждаются в расширении. Потому необходимо создать точное и ясное духовно-судебное законодательство, основанное на принципах церковных и канонах.

2) Благодаря смешению суда и администрации, епископ лишен внутренней свободы и самостоятельности действий, потому что отправления правосудия не могут определяться одними требованиями закона и правды, но по необходимости подчиняются влиянию самых разнообразных соображений — подчиняются усмотрению. Консистория представляет тоже смешение суда и администрации. Будучи официальной канцелярией при епископе, занимающейся приготовительной разработкой дел для него, она, понятно, при решении дел невольно принимает иногда во внимание личные взгляды епископа. Формы следствия совершенно устарели, и духовно-судебный процесс, с преобладающим значением следственного элемента, облеченный в письменную форму, не представляет достаточных средств для убеждения в истине. Посему необходимо поставить суд вне всякой зависимости от каких-либо сторонних влияний, кроме закона и целей правосудия, и сделать его соборным, состязательным, близким к подсудимым и гласным во всех инстанциях. Если невозможно произвести отделение судебной и административной власти, соединенных канонически в лице епископа, то нет никаких препятствий сделать это в пресвитерском совете при епископе.

3) Судебные дела ведает самостоятельное отделение пресвитерского совета, состоящего из шести лиц: трех по назначению епископа и трех — избранных епархиальным собором. Ведению пресвитерского суда подлежат только те дела, которые возникают после формального следствия, которое ведет избранный окружным духовенством следователь. Следствие произво-

дится без присяги; на нем может присутствовать, по желанию обвиняемого, депутат, который подписывает следственное дело. Пресвитерский совет рассматривает направленное от следователя дело и передает суду обвиняемого или оставляет дело без последствий. В первом случае назначается, в определенный срок, гласное и состязательное судебное разбирательство дела над обвиняемым (в личном присутствии епископа — по возможности), в полном составе судебного отделения совета; докладывает дело один из членов суда. Председательствует один из членов, по избранию. По разборе дела определяется большинством голосов виновность и степень наказания. Для записывания и составления протоколов суда назначается секретарь (из светских). В целях приблизить суд к тем, кто нуждается в нем, разбор дел может производиться выездными сессиями суда, состоящего из трех лиц. В таких случаях состав суда пополняется тремя избранными для этой цели в округе лицами. Во всех случаях решение суда отдается на утверждение епископа. — Непосредственный епископский суд без формального следствия, но с гласными наложениями наказания, как мера нравственного воздействия, оставляется в прежней силе. — Необходимо точно определить, что̀ из судимости вносить в формуляр, так как практика теперешняя, по которой вносится в формуляр всякая судимость, хотя бы и не доказана была виновность, крайне тяжела для духовного лица, репутация которого несправедливо подвергается сомнению.

V. Духовно-учебные заведения

1) Современный строй нашей духовной школы, ее программы и задачи с очевидностью обнаруживают те недочеты, какими она страдала и страдает; вместе с тем, те же самые недостатки и опыт жизни указывают и тот путь, по которому должна пойти реформа этих заведений.

Две основные задачи лежат в основании строя нашей духовной школы: а) чтобы школа эта давала общее образование не ниже среднего уровня (по возможности — даже выше) и б) чтобы она выпускала людей с высоким подъемом пастырского настроения. Первое достигается приближением программ духовной школы к программам других средних учебных заведений; второе — главным образом воспитанием, в связи, конечно, с введением в программы таких предметов и наук, какие способствуют этому и необходимы для пастырского делания. Трудность совмещения этих задач сказалась со всей силой на протяжении существования духовной школы со времени последней реформы (1884 г.). С этого времени, когда закрыт был выход в высшие учебные заведения питомцам семинарий, когда из бессословной она преобразована была в сословную с ограничением доступа иносословным десятью процентами (10%) и когда программы средних учебных заведений далеко ушли вперед сравнительно с программами семинарий и духовных училищ, — начинается понижение общего уровня развития и образования и упадок истинно пастырского настроения у питомцев этой школы. В самом деле, нельзя было к общей массе воспитанников предъявлять те требования пастырского настрое-

ния, какие должны быть предъявляемы к питомцам семинарий по существу дела. С тем вместе, стремление создать в общей массе такое именно, а не иное настроение, понижало ценность воспитательных приемов и заставляло урезать общеобразовательные науки и оценивать их не как самостоятельные, а в качестве наук служебных. Результаты получились далеко не отрадные; школа не только не выпускала, в общей массе оканчивающих курс воспитанников, идеально настроенных пастырей, но и не давала людей, образование которых соответствовало бы, по крайней мере, среднему уровню. Так было после реформ 1884 года. Несколько лучше было, когда действовал устав 1867 года. Но и тогда, благодаря свободе выхода из школы, только сравнительно достигалась вторая задача духовной школы — воспитание и приготовление кандидатов священства — путем избавления школы от элементов, не чувствовавших призвания к пастырской деятельности. Зато общеобразовательный уровень был значительно ниже, чем в других средних учебных заведениях; благодаря этому то же право выхода было стеснено, и им не могли воспользоваться люди с более слабым характером и слабой самодеятельностью.

Отсюда видно, что для того, чтобы школа давала пастырей не только образованных, но и пастырски настроенных, необходимо провести принцип отделения богословских классов от общеобразовательных полнее и прямее; необходимо настоящую школу разделить на общеобразовательную и специально-пастырскую. Притом необходимо разделить так, чтобы общеобразовательная школа не только сохранила лучшие традиции прежней школы, но и сама была подготовительной к специально-пастырской. В таком случае общеобразовательная школа могла бы выпускать из своих стен людей не только с законченным общим образованием, но и с хорошей подготовкой к пастырской школе. Самостоятельное, отдельное существование пастырской школы дало бы возможность, в свою очередь, собрать в ее стенах людей, действительно расположенных к пастырству (доступ в нее должен быть открыт для всех желающих без ограничения сословий и даже возрастов). С другой стороны, обособленное существование этой школы даст возможность провести и приложить к жизни особую систему, способствующую поднятию уровня пастырского образования. Находясь около епископа, подобная школа по типу приближалась бы к тем святоотеческим школам первых веков христианства, которые дали столпов веры и православия.

2) На основе этих принципов корпорация семинарии выработала проект особых программ для общеобразовательной и пастырской школ, которые при сем и прилагаются с дополнительными к ним разъяснениями. При составлении программ для общеобразовательной школы главное внимание направлено на то, чтобы она не только давала законченное вполне общее образование, соответствующее средним светским учебным заведениям, но и давала наиболее подходящий контингент слушателей пастырской школы. В этих целях в прилагаемой программе этой школы: а) отводится значительное место изучению Священного Писания Ветхого и Нового Заветов (12 уроков); б) вводится изучение русской церковной истории (3 урока); в) последний класс общеобра-

зовательной школы, как заканчивающий общее образование воспитанников, должен заканчиваться знакомством воспитанников с христианским мировоззрением; поэтому в этом классе отводится 4 урока для изучения «христианского вероучения и нравоучения» в пределах программы церковно-учительских школ; г) ввиду того, что апологетическое богословие, как самостоятельный предмет, переносится в пастырскую школу, а изучение философии вносит критический элемент в умы учащихся, необходимо бы ввести в качестве противовеса изучение — вместе с начальными основаниями философии — философии религии; д) считая изучение канонического права в пастырской школе в высшей степени затруднительным без пропедевтического курса права, необходимо бы введение изучения законоведения в курс общеобразовательной школы.

Более частные изменения в программе нынешних духовных училищ вызваны следующими соображениями: а) учение о богослужении, ввиду большей его доступности сравнительно с катехизисом, переносится в 3-й класс при 3-х уроках. б) По арифметике количество уроков сокращается до 10; но один урок (одиннадцатый) переносится в 5-й класс (1-й семинарии) для повторения курса. в) Изучение греческого языка начинается с 3-го класса. При 8-ми уроках в училище проходится грамматика языка; в 5-м классе (1-й семинарии) — синтаксис; в 6, 7, 8 (2, 3, 4 семинарии) читаются намеченные проектом Учебного Комитета лаические и христианские писатели. г) Изучение латинского языка начинается со 2-го класса. Начинать изучение его с 1-го класса, когда ученикам неизвестна еще русская грамматика, представляется нерациональным. д) При изучении священной истории Ветхого Завета и Нового желательно непосредственное ознакомление учеников с Библией для большей естественности перехода к изучению Св. Писания. е) Для того, чтобы дать больший простор преподаванию в семинарии физико-математических наук и для приучения учеников училища к оперированию над отвлеченными величинами, являющемуся желательным завершением курса арифметики, в 4-й класс училища вводится преподавание алгебры. ж) Признавая необходимым изучение хотя бы одного из новых языков и считаясь с тем обстоятельством, что практическое изучение их дается гораздо легче в младшем возрасте, — изучение одного из новых признается обязательным с 1-го класса духовного училища. Если ввести изучение нового языка в качестве необязательного в училище, как намечено проектом Учебного Комитета, то этим создадутся трудности при обязательном изучении его в семинарии.

Более частные изменения в программе семинарии таковы: а) По Св. Писанию в 1-м классе проходится Ветхий Завет; во 2-м и 3-м — Новый Завет; в 4-м — христианское вероучение и нравоучение. б) По теории словесности прибавляется 2 урока в целях лучшего ознакомления учеников с важнейшими произведениями иностранной литературы, рекомендуемыми в качестве образцов. в) История литературы переносится в 3 и 4 (7—8) классы. г) По русской гражданской истории увеличено количество уроков с перенесением ее в старшие классы. д) Введено изучение общей и русской церковной истории.

е) По математике увеличено количество уроков. ж) По философии прибавляется один урок для более детального изучения отдела философии религии. з) Гигиена, в виду ее важности, вводится как обязательный предмет. и) Количество ежедневных уроков — 5, по 50-ти минут; в субботу — 4 урока.

Объяснения к программе пастырской школы

а) Богословская пастырская школа прежде всего должна преследовать основательное изучение источников вероучения: Св. Писания и Св. Предания. Поэтому в ней главными предметами являются: Св. Писание Нового и Ветхого Заветов, а также должна быть введена патристика. В виду того, что в общеобразовательной школе предполагается уже знакомство с Св. Писанием Ветхого и Нового Заветом, в пастырской школе эти предметы проходятся параллельно. б) Большое внимание обращается на историю Церкви как науку, показывающую постепенное осуществление в жизни христианских начал. К церковной же истории относится изучение истории раскола и сектантства. Кроме того, проходятся науки церковно-практического характера: литургика, каноника, практическая гомилетика, пастырское богословие и пение. Изучение этих наук преимущественно относится на последние два года и должно быть сопровождаемо практической и человеколюбивой деятельностью. в) Для приготовления кандидатов священства к законоучительской и учительской должности и для предоставления им возможности, хотя бы в самых простых случаях жизни, быть «врачами и телесными», вводится изучение дидактики и народной медицины. г) Завершением и систематизацией богословского ведения является изучение богословия в последнем году. Способ преподавания в пастырской трехгодичной школе желательно лекционно-катехизаторский.

Приблизительная таблица распределения уроков и предметов по классам

Название предметов	Духовное училище				Семинария				Пастырская школа			
	Классы				Классы				**Предметы**	Годы		
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII		I	II	III
Священная история Ветхого Завета	4	–	–	–	–	–	–	–	Священное Писание Ветхого Завета	6	6	–
Священная история Нового Завета	–	3	–	–	–	–	–	–	Священное Писание Нового Завета	6	6	–
Богослужебный устав	–	–	3	–	–	–	–	–	Общая церковная история	6	–	–
Катехизис	–	–	–	4	–	–	–	–	Русская церковная история	–	5	–
Священное Писание Ветхого Завета	–	–	–	–	6	–	–	–	История раскола и сектантства	–	–	5
Священное Писание Нового Завета	–	–	–	–	–	3	3	–	Литургика	3	2	1

Продолжение таблицы

Общая церковная история и история русской церкви	–	–	–	–	–	2	1	1	Каноника	–	–	3
Русский и церковнославянские языки	6	4	5	5	–	–	–	–	Практическая гомилетика	–	3	4
Теория словесности	–	–	–	–	4	3	–	–	Патристика	3	3	–
История литературы	–	–	–	–	–	–	4	4	Пастырское богословие	–	–	2
География	–	2	3	3	–	–	–	–	Богословие	–	2	6
Всеобщая гражд. история	–	–	–	–	3	3	–	–	Педагогика и дидактика	5	Практические занятия	
Русская история	–	–	–	–	–	–	3	2	Народная медицина	–	–	2
Арифметика	4	4	2	–	1	–	–	–	Пение	2	2	2
Алгебра	–	–	–	3	2	2	–	–	**Итого**	**29**	**29**	**25**
Геометрия	–	–	–	–	2	4	–	–				
Тригонометрия	–	–	–	–	–	–	1	2				
Физика, краткая химия и космография	–	–	–	–	–	2	3	2				
Логика	–	–	–	–	–	–	2	–				
Психология	–	–	–	–	–	–	3	–				
Философия	–	–	–	–	–	–	–	6				
Гигиена	–	–	–	–	–	–	2	–				
Законоведение	–	–	–	–	–	–	–	2				
Христианское вероучение и нравоучение	–	–	–	–	–	–	–	4				
Греческий язык	–	–	4	4	3	3	2	1				
Латинский язык	–	4	3	3	3	2	1	1				
Немецкий и французский языки	4	3	3	2	2	2	2	2				
Чистописание	2	2	–	–	–	–	–	–				
Пение	3	2	1	1	1	1	1	1				
Итого	**23**	**24**	**24**	**25**	**27**	**27**	**28**	**28**				

Примечание 1. В качестве необязательных предметов в курс общеобразовательной школы вводятся: естествоведение, иконописание, занятия музыкой, ремесла; в курс пастырской школы в качестве необязательных вводится — кроме указанных изучение еврейского, греческого, латинского и новых языков.

Примечание 2. Желательно во внеклассное время ввести в качестве обязательных физические упражнения для учеников общеобразовательной школы.

Таким образом, предполагаемое совершенное отделение пастырских богословских классов от общеобразовательных не только не порывает окончательной связи между этими школами, но, как видно из программ, общеобразовательная школа является пропедевтической по отношению к пастырской. Такое отделение не вносит даже существенно нового принципа сравнительно со строем существующей школы; переносится только центр тяжести этого разделения. В самом деле, подобный принцип деления проведен в сущест-

вующей школе в отношении духовных училищ и семинарий. Соединением этих органически связанных школ разъединяется менее связанное, и приближается пастырская школа к типу школ святоотеческих.

3) Управление школой сосредоточивается в педагогическом совете. Педагогический совет общеобразовательной школы состоит из лиц педагогического персонала и членов от духовенства (родителей) в том числе, в каком они будут назначены центральным управлением. Педагогический совет, как наиболее компетентный в педагогических вопросах и в деле обучения, выбирает ректора и инспектора. При этом, чтобы провести полнее принцип сближения общеобразовательной школы с пастырской, ректор необходимо избирается из лиц, облеченных священным саном. Инспектор — необходимо лицо светское. С должностью ректора и инспектора необходимо связывается ограничение в количестве уроков ввиду сложности обязанностей, но не стесняется право выбора предметов. Институт помощников инспектора в том виде, как он существует, должен быть уничтожен. Имея в виду, что воспитание неразрывно связано с обучением и что при обучении наиболее ясно узнаются обе стороны (воспитатели и воспитанники) — с одной стороны, и стремление Учебного Комитета пойти навстречу этому предоставлением шести уроков помощникам инспектора — с другой, желательно учреждение должности классных воспитателей. При этом ввиду того, что при общеобразовательной школе предполагается общежитие, некоторые классные воспитатели должны жить вместе с учениками в существующих для того при общежитиях квартирах. Они должны быть ограничены в количестве уроков.

4) Педагогический совет пастырской школы состоит из лиц начальствующих и педагогического персонала. Он избирает не только ректора, но и преподавателей, в целях более идеального подбора сослужащих. При этом преподаватели должны быть из лиц, облеченных священным саном, насколько это практически осуществимо. Обязанности инспектора и воспитателей возлагаются на всех членов совета.

При обеих школах должен быть один духовник.

Высшей административной инстанцией в отношении обеих школ является епископ.

Материальное обеспечение лиц, служащих в духовной школе обоего типа, должно быть не ниже обеспечения служащих других средних учебных заведений.

При осуществлении этого проекта местная епархиальная власть организует на местах педагогические советы с правами автономии.

Примечание 1. Уездные духовные училища остаются с правами светских прогимназий по отношению к гимназиям.

Примечание 2. Желательно дать право поступить в духовные академии и окончившим курс богословской школы по 2-му разряду, а также и женатым священникам.

Курс женских епархиальных училищ (ныне шестилетний) должен быть увеличен еще на один год; приближением его к курсу нормальной средней

школы явится возможность желающим, по окончании курса, поступления в высшие женские учебные заведения.

VI. Пересмотр законов, касающихся порядка приобретения Церковью собственности

Ныне действующий порядок приобретения Церковью собственности, который обязывает испрашивать Высочайшее соизволение на приобретение, стеснителен, вызывая замедление в деле, и не оправдывается соображениями об опасности для Церкви; общие законоположения достаточно могут обеспечивать имущественный интерес Церкви. Желательно также законодательным порядком утвердить за духовенством, как сословием или корпорацией, право юридического лица (в отмену т. X ч. I Зак. Гражд. изд. 1900 г. ст. 698); за последним должно закрепляться имущество, имеющее корпоративный характер, но закрепляемое ныне за фиктивным приобретателем, например, епархиальным начальством или учебным заведением.

VII. Участие духовенства в общественных учреждениях

По положению 6 августа 1905 года духовенство, вместе с другими классами общества, призвано к участию в Государственной Думе и, таким образом, получило возможность влиять на важнейшее отправление государственной жизни — законодательство. Само собой понятно, что это влияние должно распространиться и на другие общественные учреждения, еще ближе стоящие к пастырю и пасомых, и здесь, среди обостряющейся подчас партийной борьбы, духовенство должно возвышать свой голос, исходящий из сознания истинных духовных интересов народа. Посему желательно предоставить духовенству право участия в выборе гласных в думы, земские собрания и другие учреждения по собственному цензу, право участия в сельских сходах — на общих основаниях бессословной общины.

VIII. Познание веры

Жизнь нашей Церкви и духовная жизнь образованной части русского общества за последние два века не мало обнаружила недоуменных вопросов самого существенного свойства. Между Церковью и некоторой частью нашей так называемой интеллигенции возникла целая пропасть. Это особенно ярко обнаружилось при объявлении Св. Синодом отступничества от Церкви графа Льва Толстого, а также на религиозно-философских собраниях, бывших в С.-Петербурге зимой 1902—1904 годов. В отношении некоторых проявлений культурной жизни ныне также существует принципиальное разногласие между Церковью и интеллигенцией. Это наиболее нужно сказать относительно дорогих для светского общества текущей литературы и искусства. Мало того: в недрах самой Церкви слышны голоса разноречивые. То, что̀ одна духовная

академия отметает, как не выражающее собой всей чистоты православного понимания, тò другая духовная академия приемлет. Такое разногласие обнаружилось в особенности между нашими академиями Киевской и Московской при оценке богословских воззрений протоиерея Павла Светлова. Капитальное разногласие на страницах нашей духовной журналистики оказалось недавно и по вопросу об аскетизме и монашестве. Так как в представлении общества часто смешивается голос Церкви с голосами богословских школ, то это разногласие послужило больше к соблазну, чем к уяснению истины. При этом в недрах самой Церкви далеко не исполнено все то, чтò требует для себя в нынешнее время здоровая духовная жизнь. Это наиболее нужно сказать относительно изучения источников нашей веры. Необходимо, чтобы Поместный церковный Собор, насколько возможно, вошел в рассмотрение этих созданных жизнью трудных положений.

В частности, следующие обстоятельства наиболее требуют к себе внимания Поместного церковного Собора:

1) Ветхозаветный греческий текст LXX толковников, с которого сделан наш церковно-славянский перевод, освящен употреблением Христа Спасителя и святых апостолов. А между тем русского перевода с этого греческого текста мы поныне не имеем, так как существующий русский перевод священных книг Ветхого Завета сделан с еврейского текста. Нужда в таком переводе особенно сказывается тогда, когда предъявляются пастырям всякие вопросы о нашем уповании. Посему настоит потреба как в пересмотре существующего славянского перевода священных книг Ветхого Завета, так и в русском переводе тех же книг именно с греческого текста. Необходим такой же пересмотр славянского и русского переводов священных книг Нового Завета.

2) Необходимо издание всей Библии в виде двух параллельных текстов, славянского и русского, и с подстрочными общедоступными толкованиями. Необходимо, сверх того, издание Библии для детей. Издание училищной комиссии не отличается полнотой.

3) Необходимо полное издание на русском языке всех творений святых отцев восточных и западных. Сие послушание отчасти исполняют теперь духовные академии Московская и Киевская; желательно больше напряжения и планомерности в этом деле. Необходимы также нарочитые общедоступные издания, примененные к потребностям пастырей.

4) Нынешняя наша академическая богословская наука большей частью строится по западным образцам, которые совершенно чужды духу нашей Церкви. Дисциплины академические являются плодом исключительно умственного или рассудочного представления, а не плодом жизни сердца во Христе. Излагается наука также рассудочно, без обязательного нравственного переживания лектором и слушателем богословских учений. Вообще, наша академическая наука идет путем рационализма, давая только внешнее знание. Именно в связи с этим стоит и тот странный факт, что литургические и пастырские науки в наших академиях и семинариях доныне поручаются светским наставникам, которые сами никогда не были пастырями, никогда сами не пе-

реживали тех иерейских и пастырских положений и состояний, которые излагают они в своих лекциях. Не так было в тех христианских школах, в которых изучали учение веры и готовили себя к пастырству наши святые отцы. Необходимо вернуть нашу академическую науку на ее истинный святоотеческий путь, на путь того познания истин веры, в котором углубление разумения идет нераздельно с углублением личной веры и благочестия. На этом пути только и возможно самостоятельное, из собственных основ, истинное развитие нашей богословской науки. Это и даст нашим академиям высшую автономию духа, которой они ныне добиваются. Примеру академий последуют семинарии, и это поможет стать им воистину духовными. Тогда служение богословской науке совпадет со служением Богу и Церкви.

5) Нынешнее направление богословской науки значительно отражается на нашем пастырстве, почему среди новых пастырей больше известны бывают произведения современных светских писателей, чем творения святых отцев и особенно аскетические писания. Порывается, таким образом, связь с древними отцами, и это неблагоприятно отражается на жизни духа. Чтобы пастыри Церкви могли быть «всем вся» для своих современников, они непременно должны опереться на духовный опыт и силу своих высоких предшественников. Кроме молитвенного призывания святых отцев, необходимо углубляться в оставленные ими письменные наставления.

6) Ввиду того, что многие в нынешнее время смешивают голос Церкви с голосами богословских школ, и противники обращают это во вред делу Церкви, то необходимо, чтобы Собор открыто признал, что голос Церкви не тождествен с голосами этих школ.

7) В последнее время немало появилось сочинений с богословским содержанием, в которых сомнительна чистота православного учения. Эти сочинения тем более смущают читателей, что выходят из-под пера священнослужителей или заведомых деятелей богословской науки. Таковы, например, сочинения: протоиерея Павла Светлова — «Идея Царства Божия и ее значение для христианского миросозерцания», священника Григория Петрова — «Евангелие, как основа жизни», профессора Михаила Тареева — «Дух и плоть» и др. Вследствие сего необходимым представляется такое учреждение, которое выражало бы собой настоящий голос Церкви о подобных сочинениях и указывало бы православному христианину, как разуметь эти сочинения с православной точки зрения.

8) Нередко теперь раздаются в обществе голоса относительно того, чтобы религия исключена была из предметов обучения как во всяких низших школах, так и в высших. Посему необходимо церковному Собору определенно высказать, что среди христианского православного населения не может и не должно быть школьного обучения и воспитания без непосредственного участия пастырей Церкви.

9) Всеми признается и чувствуется, что нынешнее направление культуры, в особенности направление науки — в виде разных материалистических, позитивных и агностических учений, направление литературы и искусства — в

виде крайнего реализма, символизма и декадентства, не соответствует направлению и духу исторического православного христианства. А между тем с таким направлением и характером культура влияет почти на все стороны нашей общественной и частной жизни. Приходским пастырям, например, очень много приходится считаться с тем неблагоприятным в религиозно-нравственном отношении влиянием на их прихожан, какое оказывают давно существующие в городах и ныне насаждаемые в деревнях библиотеки и театры этого чуждого христианству духа. Поэтому неизбежен вопрос для разрешения его с религиозно-нравственной христианской точки зрения: современная культура, в нынешнем ее направлении и строе, больше ли помогает или больше противодействует осуществлению целей христианства? Необходимо руководящее авторитетное указание Церкви и об этом. Желательно, например, устранение представлений народных накануне праздников.

Утверждение веры

А. Устав богослужения

Многосоставный, благолепный и стройный чин богослужения православной Церкви образовался из простых богослужебных элементов апостольского времени и в своем развитии пережил очень сложную историю. Постепенно происходило точнейшее определение и в нем нарастание церковных служб, а также нарастание молитв и песнопений в службах. Процесс этот продолжается и поныне, так как и ныне, по нуждам времени, составляются и вставляются в службы нарочитые моления, составляются даже особые чинопоследования в прославлении явленных нам новых милостей Божиих и новоявленных Божиих угодников. Мало того: в силу тех аскетических начал, которые положены в основу благочестия в нашей православной Церкви, выработанный в древнейшее время устав богослужения для приходских храмов с течением времени незаметно слился с выработанным в иноческих обителях монастырским уставом. И во всех приходских наших храмах стала совершаться божественная служба по уставам монастырским. Таким образом: а) богослужение наше совершается по монастырскому уставу, б) дневные обязательно совершаемые службы усложнились и продолжают усложняться новыми молитвами и песнопениями, в) к обязательным дневным службам обычно присоединяются по усердию дополнительные акафистные и молебные пения.

Исполнение так сложившегося порядка богослужения, во всей полноте его уставных требований и при обилии совершаемых служб, возможно теперь только в условиях монастырской жизни, и вне монастырской — при наличности высокого подъема религиозного настроения. Так как нынешние христиане, в рядовом течении их религиозной жизни, в большинстве своем менее способны к проявлениям той широты и напряжения молитвенного, на какие способны были христиане в более давние времена, то вследствие сего в обычном богослужении нашего времени неустранимо явились сокращения. Кроме

строгих монастырских обителей, богослужение во всей полноте уставных требований ныне нигде не совершается. Например, не прочитываются сполна все положенные на кафизмах псалмы, не исполняются чтением и пением все положенные стихиры и все положенные каноны. В некоторых военных и домовых церквах сокращения идут еще дальше: из чинопоследования первого часа, например, поется только одна песнь «Взбранной Воеводе». Имеющаяся в уставе формула: «аще настоятель изволит» применяется слишком широко и произвольно. Нельзя не считаться с течением жизни и людскими немощами; но совершенно произвольные сокращения в церковной службе весьма неблагоприятны для дела Церкви. Высшей власти Поместного церковного Собора подобает упорядочить это. Кроме нарушения требований устава богослужения, есть в церковной практике и другие затруднения, которые подобает исправить высшей церковной власти. Таковы, в частности:

1) Нашему уставу богослужения не чужда идея упрощенных или сокращенных служб. Имеются у нас чины вечерни великия и малыя, повечерия великого и малого, имеются последования малого освящения воды и великого освящения воды и великого освящения святых Богоявлений, имеется у нас упрощенный тип дневных служб в Псалтири Следованной. Наименее может подлежать сокращениям божественная литургия, но и в ней нынешняя практика сионской Церкви допускает такое сокращение, по которому после сугубой ектении непосредственно поется херувимская песнь. Таким образом, казалось бы, возможно признать допущенные жизнь сокращения в изменяемых частях богослужения. Но это упрощение должно идти везде единообразно и основательно, его должна прямо и точно определить высшая церковная власть.

2) Существенное значение при богослужении имеет как чтение, так и пение. И то и другое должно быть вразумительным и молитвенным. Однако церковно-молитвенный характер теперь нередко нарушается относительно тех церковных песнопений, музыкальное исполнение которых построено на началах, чуждых духу нашей Церкви. Есть такие музыкальные переложения, которые совершенно чужды смиренно благоговейного молитвенного характера, как, например: «Отче наш» (припис. Моцарту), «Покаяния отверзи ми» (припис. Веделю) и др. Такие композиции недостойны богослужения. Есть музыкальные переложения, в которых при искусственном исполнении их более приковывает к себе внимание слушателя эстетическая сторона, чем молитвенная, как например — недавно появившееся сольное «Верую» Гречанинова и большинство концертов. Такие композиции неудобны для богослужения. Весьма приятны гармонически прекрасные и ласкающие слух звуки, но они при богослужении к себе тянут и низводят молитвенно горѐ обращенный к Богу дух человека. Вместо того духовного приближения к Вышесущему, каковое является в напряженнейшем возведении нашего ума и сердца к Богу, происходит духовно-музыкальное услаждение. Выходит духовный концерт, а не молитва. Вероятно, каждый, кто исследовал свои молитвенные состояния при подобном пении, найдет в себе подтверждение сказанного. Подобает вы-

сказаться высшей власти церковного Собора относительно обязательного характера для церковного пения.

3) Совершение одиночной исповеди и с полным благовниманием к кающемуся является совсем невозможным у нас перед днями храмовыми и великими праздниками, особенно в монастырях, когда множество бывает пришлых для говения богомольцев. В сих случаях исповедь производится по пяти и по десяти человек за один раз. Не благоуместнее ли было бы во всех таких случаях допустить общую исповедь, какую совершает у себя известный Кронштадтский пастырь о. Иоанн? При сем, оставляя одиночную исповедь, как общее правило, не следует ли допустить общую исповедь только для определенных случаев, когда бывает массовое стечение богомольцев, не просящих у священника исповеди одиночной и готовых принять общую исповедь?

4) Необходимо подвергнуть пересмотру вопрос о совершении панихид по усопшим инославным христианам. Часто священник нравственно не может отказать в подобной молитве, чтобы просящих о сем своих православных чад не отослать молиться об усопшем их сроднике в тот инославный храм, к которому принадлежал усопший. Последнее может быть горше первого.

5) Необходимо пересмотреть церковный календарь. С одной стороны, жалуются на обилие у нас праздничных дней, а с другой стороны — дается полное разрешение на исполнение обыкновенных рядовых работ во все праздничные дни. Между тем четвертая заповедь десятословия остается в своей силе. Посему надлежит необходимость точнее определить те великие праздники, в которые православному христианину подобает отдаться исключительно молитве и богомыслию.

6) Существующими правилами воспрещается совершение браковенчаний накануне высокоторжественных дней, а также совершение панихид и погребений в самые высокоторжественные дни. Так как это создает затруднения и неудобства, то желательно изменить эти правила. Кроме того, необходимо пересмотреть все те дни, в которые воспрещается браковенчание, сократить число их.

7) Установленные Церковью посты признаются и соблюдаются теперь редкими из христиан образованного класса. Несоблюдение постов переходит в народ, замечается и в среде духовенства. Для немощных христиан нашего времени некоторые посты являются особенно тягостными; это наиболее должно сказать об апостольском посте или петровках, когда при недостатке рыбы недостает и овощей. И духовник поставлен бывает в крайнее затруднение, когда исповедывающийся у него христианин в несоблюдении постов кается, но впредь соблюдать их не обещает. Желательно, по крайней мере, освобождение от постов больных, престарелых, детей.

8) Проповедническое слово пастыря всегда почитаемо было важнейшей принадлежностью богослужения. Проповедь наиболее имеет значения тогда, когда она исходит от ума и сердца проповедника в виде живого прочувствованного слова. Между тем существующими правилами обязательной признается цензура для проповедей. «Не представленные по каким-либо случая преж-

де произнесения проповеди, — говорится в ст. 9 Устава духовных консисторий, — должны поступать к цензору по крайней мере после произнесения их». Так как запись сказанных импровизаций часто бывает затруднительна, то вышеуказанная статья Устава формально почти отстраняет возможность живого проповеднического слова. Желательна отмена этого правила и подчинение проповеднического слова, если бы оно оказалось недостойным, общему епархиальному суду.

9) Желателен общий пересмотр нашего Типикона, для применения добытых современной литургической и археологической наукой данных к религиозным потребностям нашего времени.

Б. Богослужебные книги

Нужда в пересмотре и новом переводе наших богослужебных книг сознается давно. В начале восьмидесятых годов прошлого столетия известный богослов и подвижник преосвященный Феофан, затворник Вышенский, писал: «Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская и все нравоучение христианское, и все утешения и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем большая часть из сих песнопений непонятны совсем. А это лишает наши церковные книги плода, который они могли бы производить, и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеются. Вследствие сего новый перевод церковных книг богослужебных неотложно необходим... Необходим упрощенный и уясненный перевод богослужебных книг... Необходим новый славянский перевод» (Собр. писем, вып. II, пис. 289). Представлены у нас некоторыми учеными знатоками богослужебной письменности правила и приемы того, как подобало бы исполнить этот новый перевод богослужебных книг, как например — в статье преосвящ. Августина, епископа Екатеринославского (см. «Труды Киевской духовной академии» 1888 г. № 11). Имеются у нас опыты исправления богослужебных книг, каковы изданные Н. И. Ильминским «Учебный Часослов», «Учебная Псалтирь» и «Учебный Октоих». Имеются опыты новых переводов целых служб церковных, как например — переводы, напечатанные в «Душеполезном Чтении» за восьмидесятые годы. Несомненно, что и клиросное чтение, часто являющееся у нас неисправным и невразумительным, вполне улучшиться может только тогда, когда сам текст по языку будет более удобопонятным. Посему необходимо:

1) Пересмотр и новый славянский перевод богослужебных книг.

2) Признавши неотложную нужду в новом славянском переводе богослужебных книг, надлежит определить руководящее основание для исполнения такого перевода. В трудах Ильминского целью нового издания поставлена точная выдержка форм и сохранение чистоты речений древнеславянского языка. В труде епископа Августина целью ставится удобопонятность содержания богослужебных книг. Преосвященный Августин так говорит: «Бого-

служебные песнопения в греческом подлиннике написаны либо стихами, либо так называемой мерной прозой. Но что в подлиннике для природного грека могло в свое время доставлять высокое художественное наслаждение, то самое, в чисто буквальном переводе, для русского или вообще для славянина составляет истинное мучение. Мы сердечно желали бы, чтобы наши богослужебные книги легко могли быть читаемы и без особого труда понимаемы не только лицами, получившими законченное богословское образование (в настоящем своем виде они и для таких лиц содержат в себе много неудобовразумительного), но и людьми среднего уровня образования, незнакомыми с древним греческим языком и разными тонкостями старой славянской грамматики. А для достижения этого, кроме тщательного сличения книг с греческими подлинниками и исправления их по этим подлинникам, необходимо обратить серьезное внимание на упрощение и улучшение самого славянского языка в исправляемом тексте». Те же пожелания относительно упрощения и удобопонятности высказывает и преосв. Феофан. Те же основания удобопонятности положены и в труде святителя Алексия Московского — в исполненном им переводе священных книг Нового Завета. Таким образом, правильность в содержании и возможная удобопонятность в языке должна быть целью нового славянского перевода богослужебных книг.

3) Для школьного и домашнего употребления есть нужда и в русском переводе богослужебных книг. Посему весьма желательно было бы иметь такое издание Псалтири церковного состава и главнейших богослужебных книг, в котором параллельно были бы тексты славянский и русский. Подобные опыты имеются в трудах Евграфа Ловягина — «Богослужебные каноны» и Ивана Ловягина — «Воскресная служба Октоиха».

4) Вообще, желателен при переводе пересмотр молитв и песнопений для возможного смягчения в них тех частей содержания, которые смущают немощную совесть христиан нашего времени. Для примера можно указать в «Последовании ко святому причащению» на ту молитву Метафраста, в которой изложен подробный перечень грехов.

IX. Отношение православной Церкви к старообрядцам, сектантам и иноверцам

Закон 17 апреля 1905 года, объявивши свободу вероисповеданий, создал полную самостоятельность для всех общин инославных и иноверцев, предоставивши им устраивать свою внутреннюю жизнь с наибольшим для себя удобством. Православная Церковь в сем отношении теперь находится в менее благоприятных условиях, так как она лишена нарочитого покровительства от государства и в то же время не получила от него для себя полной свободы. Нужно ожидать, что посредством предстоящего Поместного Собора будет создана необходимая для Церкви свобода на началах канонических.

Закон 17 апреля не устраняет собой пастырского попечения предстоятелей Церкви о заблудших их чадах, а также не устраняет нравственного воз-

действия на окружающих их людей инославных и иноверцев. Но, с признанием со стороны государства полной свободы всех вероисповеданий, меры православных пастырей ограничиваются исключительно средствами внутреннего, нравственного воздействия. Так как в пределах Полтавской епархии имеется незначительное количество старообрядцев и сектантов, и они не обнаруживают своей остроты отношений к Церкви, то справедливым представляется ожидать по этим вопросам опытных указаний от бывшего в сентябре месяце сего года областного съезда миссионеров в Одессе, который по всем касающимся сектантов вопросам изготовил свои заключения, а также изготовил нарочитые данные для Поместного Собора российской Церкви.

№ 42,
преосвященного Никанора, епископа Пермского,
от 7 декабря 1905 года

Соображения по вопросу о реформе духовно-учебных заведений

Комиссия, назначенная его преосвященством, преосвященнейшим Никанором, епископом Пермским и Соликамским, для рассмотрения вопроса о реформе духовно-учебных заведений, пришла к следующим заключениям:

1) Цель наших духовно-учебных заведений заключается в том, чтобы «подготовлять просвещенных священнослужителей». Нет надобности подробно доказывать, что цель эта имеет прочные основания, она разумна и настоятельно вызывается требованиями жизни. Для пастыря Церкви недостаточно знания одной только внешности церковной жизни — знания устава богослужения, умения исполнять разные требы, наблюдения церковных обычаев и обрядов, знания молитв и употребления их по уставу и т. п. Все это, конечно, чрезвычайно важно, и всякому кандидату на священство знать это, безусловно, необходимо, если он действительно хочет служить и не вносить в среду паствы соблазн и смущение религиозного чувства истинно благочестивых людей. Но, как бы ни были законны указанные требования, ими одними пастырь ограничиваться, безусловно, не может. По слову апостола, он должен быть учителен (1 Тим. 3:2); одна из главных обязанностей его заключается в том, чтобы просвещать истиною, очищать понятия, исправлять нравы, руководить к высшему совершенству в духовной жизни; он должен быть в состоянии дать ответ всякому, «вопрошающему его словесе о христианском уповании» (1 Петр. 3:5), силен обличать и заграждать уста непокорным, пустословам и обманщикам (Тит. 1:10—11); одним словом, он должен быть по возможности широко и глубоко образованным человеком. Необходимое всегда, это условие тем тверже и полнее должно быть предъявлено к кандидатам на священство в настоящее время, особенно ввиду объявленной свободы совести и выступления Церкви Христовой в более упорную и серьезную борьбу с вратами ада. Но так как при этом круг ведения пастыря имеет отношение по преимуществу к внутреннему миру человека, то в вопросах собственно духа, в деле руководства людей на пути религиозно-нравственного совершенства в духе святой Церкви, он должен быть по преимуществу сведущ и подготовлен. Отсюда само собой понятно, что о понижении уровня образованности кандидатов на пастырство не может быть и речи, и если церковно-приходским общинам будет предоставлена свобода выбора пастырей, то здесь должно быть твердо поставлено требование, чтобы избранное лицо было вполне правоспособным кандидатом священства.

Таким образом, первое требование, которое должно быть твердо поставлено при обсуждении вопроса о духовной школе, заключается в следующем: цель духовной школы, заключающаяся в подготовлении истинно просвещенных и достойных кандидатов на священство, должна остаться в полной силе и неприкосновенности; об умалении и сужении этой цели не должно быть и речи.

2) По-видимому, наши духовно-учебные заведения должны бы были удовлетворять поставленной цели (подготовлять просвещенных пастырей). Духовные семинарии имеют довольно широкие программы и по общеобразовательным предметам и особенно по специально-богословским курсам, и питомцы семинарии в отношении широты и полноты образования стоят едва ли не выше учеников светских общеобразовательных среднеучебных заведений. При этом в наших духовно-учебных заведениях установлен специальный дисциплинарно-воспитательный режим жизни с преобладающим церковным направлением, под действием которого проходит жизнь питомцев с 10 до 20-летнего возраста. Почему же эти заведения не оправдывают своей цели? Чем объяснить, что большинство воспитанников семинарии идут не по тому пути, по которому они должны бы идти?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует войти в рассмотрение тех условий, при наличности которых семинарии должны выполнять свою задачу. Ведь недостаточно только создать соответствующие программы для данного учебного заведения и поставить ему требование выполнить известную специальную задачу; но должно поставить его в такие условия, которые вполне гармонировали бы с последней, обеспечивая наилучшим образом ее осуществление. В наших духовно-учебных заведениях этих условий нет.

Наши духовные семинарии не имеют строго выдержанного характера в отношении своей цели. Если семинарии призваны к тому, чтобы специально и исключительно заниматься подготовкой кандидатов на священство, то эту одну специальную задачу они и должны преследовать; а между тем курс первых классов ее, в связи с курсом училищным, имеет, за немногими лишь исключениями, характер общеобразовательного среднего учебного заведения. Другими словами, наши семинарии служат двум совершенно разнородным целям: по идее и официально они суть школы профессиональные, а на самом деле, за исключением последних классов, они — заведения общеобразовательные. Таким образом, воспитанники семинарии вплоть до богословских классов стоят не на прямой дороге, ведущей к конечной цели семинарии; они находятся несколько лет в стороне от этой цели, и весьма естественно, что многие из учеников упускают ее из виду и смотрят на семинарию только как на общеобразовательное заведение; если они продолжают учиться в специально-богословских классах семинарии, то единственно только потому, что без этого они не получают прав для поступления в доступные им высшие учебные заведения. Мало того, многие из родителей, если не большинство, в особенности принадлежащее к сельскому духовенству, определяют своих детей в духовно-учебные заведения не потому, что имеют в виду конечную цель

воспитания в семинарии, а просто потому, что эти заведения — их собственные, духовно-сословные, притом более доступные по средствам содержания, а в других учебных заведениях они не имеют возможности и способов содержать своих детей. Здесь, таким образом, ни родители, определяя своих детей в духовно-учебные заведения, ни дети, поступающие в последние, не задаются никакими предположениями о том, что̀ будет с ними по окончании курса и какая устроится их последующая судьба; единственной целью для тех и других служит здесь получение образования, соединенного с известными правами выхода на возможные поприща служения. Отсюда вытекает громадный вред как в отношении конечной цели семинарского образования, так и в отношении жизни заведения вообще — вред, зло которого с особенной резкостью обнаруживается в последнее время. Именно: к тем питомцам семинарии, которые вынуждены искать в ней образования и которые смотрят на нее, как на переходный пункт на светскую дорогу, не могут быть применяемы во всей строгости те требования церковно-нравственного порядка, какие должны применяться к лицам, специально готовящимся к служению Церкви Христовой. А между тем неприменение этих требований ко всем вообще воспитанникам естественно понижает церковно-нравственное настроение будущих служителей Церкви. Если же, наоборот, всецело и во всей строгости поддерживать в заведении церковно-религиозный порядок и применять требования этого порядка ко всем вообще воспитанникам, то в лицах первой категории это вызывает в лучшем случае лицемерие, а то так прямо злобу и ненависть, каковые чувства передаются их сотоварищам по настроению, а иногда и всей семинарии, и в результате получаются забастовки, даже погромы и прочее.

Еще менее пользы, а напротив — больше вреда для конечной цели обучения в семинариях, можно ожидать в том случае, если преобразование семинарий будет осуществлено в смысле сближения курса их с курсом светских среднеучебных заведений, чтобы таким образом дать семинаристам право свободного доступа в университеты. Если и теперь, когда наши семинарии по основной своей идее и официально значатся школами, призванными к подготовке пастырей, если и теперь при наличности массы учеников, не желающих идти в священники, они не могут установить такой порядок и такие условия жизни, которые содействуют сложению истинно пастырского настроения, то еще менее можно будет ожидать этого в том случае, когда за семинариями официально будет признано право давать питомцам беспрепятственный доступ в высшие светские учебные заведения. И в настоящее время лишняя четверть часа в богослужении, прибавка одной стихиры и т. п. вызывают неудовольствие, затаенную, а иногда и открытую злобу у воспитанников, совершенно не понимающих, к чему это нужно им, так как они не хотят быть духовными; при преобразовании семинарий в указанном смысле это может сопровождаться еще более печальными последствиями. Тогда уже официально нельзя будет смотреть на всех воспитанников семинарии, как на людей, приготовляющих себя к духовному служению, а при таком положении дела не

только не может быть речи об *умножении* и *усилении* условий жизни, при которых наилучшим образом обеспечивается воспитание истинно пастырского молитвенного настроения, но и тот дисциплинарно-воспитательный режим в духе церковности, который существует в семинариях, потерпит полное расстройство.

Отсюда вытекает второе положение, которое определенно должно быть поставлено при обсуждении вопроса о преобразовании духовно-учебных заведений и которое заключается в следующем: духовная школа должна быть учебно-воспитательным заведением, которое имеет единую специальную цель — подготовление будущих пастырей Церкви.

3) По уставу духовных семинарий, один только ректор должен быть облечен священным саном, а остальные служащие могут быть лицами светскими, что̀ в большинстве случаев и бывает. При настоящем положении семинарии, при той двойственности задач, которые она в существе дела преследует, такая двойственность состава лиц воспитывающих и учащих может быть и естественна; но, если смотреть на духовную школу, как на такое заведение, которое должно приготовлять пастырей, — это двойственность состава лиц воспитывающих и учащих может быть допущена только с большими ограничениями. И в самом деле: как может говорить о высоте пастырского служения, о высоких радостях и глубоких скорбях его, как может научить совершать даже какой-либо простой молебен, а тем более проповедовать с церковной кафедры, человек, сам практически не испытавший этого святого делания? Светский преподаватель этих и подобных богословских предметов может быть отличным знатоком их, может обладать умением преподавать свои знания ученикам; но той пастырской настроенности, того пастырского духа, без которого священник — не пастырь, а наемник, он не преподаст своим ученикам, потому что сам его не имеет. Светский преподаватель этих предметов, потому именно, что он светский, стал бы в явное противоречие с самим собой, если бы стал действовать на своих учеников в духе пастырского воспитания. Как, на самом деле, он может внушить своим питомцам любовь к пастырству, когда он сам уклоняется от него? И получается, таким образом, фальшь, глубоко вредящая делу духовной школы.

Отсюда само собой вытекает третье положение, которое нужно поставить при суждении о реформе духовной школы: желательно, чтобы не только начальствующие, но даже и учащие и воспитатели в духовной школе были в священном сане, были всецело преданы святой Церкви.

4) Не менее важным условием в достижении духовной школой поставленной ей цели должно признать состав обучающихся в ней воспитанников. При неподходящем составе последних духовная школа, даже при наличности осуществления только что указанного третьего положения, не может нормально и спокойно функционировать. Поставивши своей основной и главной задачей подготовку пастырей, духовная школа начинает это дело с 10 лет, с тем, чтобы к 20 годам выпустить из своих стен вполне подготовленного кандидата на священство. Следовательно, предполагается, что в этот самый эла-

стичный и удобный для всяких воздействий и влияний возраст можно заложить прочные основы тех настроений и наклонностей, которые требуются от пастыря. Верное в теории, это предположение не оправдывается на практике. Оно до известной степени осуществлялось бы только в том случае, если бы школа могла совершенно изолировать учеников от всех посторонних влияний. Но этого обособления достигнуть невозможно, да едва ли это и должно входить в задачу воспитания пастырства, потому что кандидаты на последнее, как будущие руководители народа, должны знать жизнь общества и ее направления. А коль скоро невозможно изолировать питомцев нашей школы от всех внешних влияний, то само собой понятно, что общее направление нашего времени, соединенное с погоней за материальными благами, с одной стороны, и крайним отвращением от каких бы то ни было самоограничений — с другой, не может не вносить разлад в жизнь питомцев школы, притом еще духовно не окрепших, не выработавших твердо определенного направления и потому не могущих противостоять соблазнам мира, более ощутительным, более наглядным, чем те высокие цели, к которым готовит их школа. Чтобы оценить и понять идеальную высоту пастырского служения и всецело отдаться этой цели, нужно иметь более или менее зрелый возраст, нужно пережить многое и многое, чтобы твердо и сознательно сказать себе: «Я ищу служения пастыря и стремлюсь возможно лучше подготовить себя к этому служению». С этой точки зрения открывается едва ли не главный недуг нашей духовной школы, который заключается в том, что масса ее воспитанников составляет элемент совершенно случайный, притягиваемый к духовному лишь только ради своего происхождения от духовных родителей, а не по сознательному влечению или призванию к пастырству, и вся эта масса, с самыми разнообразными личными особенностями характера, наклонностей и настроений, подводится под один знаменатель, подготовляет к одной цели; притом младенцев мы хотим кормить твердой пищей, от людей еще не установившихся требуем настроения и выдержки взрослых и более или менее опытных духовно людей. Под бременем неудобоносимым юные плечи гнутся, кое-где является потребность сбросить с себя это иго, а если не удается это или совесть протестует, то получается самое большее — по совести принимаемая и исполняемая форма, которая со временем обращается в привычку. Ведь каждое дело бывает интересно и понятно, когда имеются налицо соответствующие переживания, некоторый личный опыт, и каждая наука будет интересна лишь тогда, когда она отвечает на появляющиеся запросы духа, удовлетворяет любознательности. С возрастом накопляется духовный опыт, изменяются и интересы: что̀ занятно для мальчика, не привлечет к себе юношу и будет пустым делом для вполне взрослого человека. В нашей школе этой-то приспособляемости к особенностям возраста учеников и не существует. Между тем главное внимание в нашем обучении сосредоточено в области вопросов веры и духа. Эти предметы по преимуществу требуют или специального призвания к их изучению, или довольно богатого духовного опыта, требующего освещения для себя с точки зрения веры: без того и другого для человека все эти вопросы будут представ-

ляться юродством отвлеченного мышления, бесполезной игрой ума, сложными построениями фантазии, может быть, кому-нибудь и нужными, но реального смысла и значения в жизни не имеющими. Самое большее, чем можно заинтересовать ученика при изучении этих вопросов, это — рационализированием истин веры, а не точным изложением их содержания и смысла. Но этого можно ожидать только от учеников последних классов; внизу же не может быть и такого даже интереса. О научном интересе, конечно, и говорить нечего, да он делом и не требуется. Чувство ненужности или безжизненности изучаемого порождает скуку, которая переходит в неуважение к науке, а иногда положительно во враждебное отношение к ней. Но так как науки наши касаются предметов священных, то неуважение и вражда к делу вызывает иногда и *инде* кощунство и, следовательно, ведет к деморализации учеников. Где же выход из этого печального положения? Надо ясно сознать, что нецелесообразно и противно природному порядку развития личности начинать подготовку пастырей с раннего возраста, невозможно без насилия над природой заставлять учеников усваивать вещи, смысла которых и значения в жизни они понимать еще не могут, небезопасно приучать ум смотреть на предметы веры и духа, как на нечто абстрактное, отвлеченное, тогда как они должны быть для души ученика вещами живыми, близкими и священными. Область нашей науки, область веры — дело чрезвычайно деликатное, требующее по преимуществу свободного расположения к себе, природного тяготения; всякое принуждение здесь особенно и неуместно и оскорбительно для самого дела. Чтобы его не было, надо — следовательно — строго разбирать, кому предлагается эта духовная пища, в состоянии ли он принять ее, и не будет ли от этого вместо пользы вред. На основании вышеизложенного должно признать, что начинать подготовку к пастырству с раннего возраста нецелесообразно. Так как для этого требуется наличность соответствующих наклонностей и свободного самоопределения, то во всех отношениях разумнее было бы вести это дело с людьми взрослыми, которые с относительной ясностью могут определить в себе преобладающие наклонности. При этом должно принять во внимание, что влечение к духовному деланию не есть нечто присущее какому-либо определенному возрасту: оно может быть и у юноши, и вполне взрослого человека, и у пожилых людей. Поэтому было бы вполне последовательно допускать к получению богословского образования всех ищущих просвещения духовного без ограничения возрастом или сословием; здесь может быть одно только ограничение, именно, чтобы ищущие духовного просвещения имели свидетельство об окончании курса общеобразовательной школы или обладали познаниями в размере курса этой последней.

Таким образом, четвертое положение, которое должно иметь в виду при преобразовании духовно-учебных заведений, заключается в следующем: в духовную школу, имеющую специальной своей задачей подготовку пастырей Церкви, должны поступать не дети, как теперь, не отвечающие за свое невольное призвание, а сознательные люди, со средним общим образованием, без ограничений каким-либо сословием и возрастом.

Таким образом, из всего вышеизложенного вытекает следующее. Для подготовления просвещенных и достойных кандидатов на священство должна существовать особая специальная пастырско-богословская школа, доступ в которую открыть для всех прошедших общеобразовательное учебное заведение и желающих посвятить себя служению Церкви. Продолжительность курса этой школы будет зависеть от объема программ предметов, направленных к достижению указанной школе цели, но, во всяком случае, она не может быть менее трех лет. Эта школа всем своим строем, всей своей обстановкой должна содействовать сложению в питомцах серьезного, молитвенного, пастырского настроения; в ней должно завести вполне церковный, строгий образ жизни, соответствующий будущему высокому пастырскому служению. И так как в данную школу должны поступать уже не мальчики, как теперь, не отвечающие за свое невольное призвание, а люди сознательные, с определившимся призванием именно к церковной деятельности, к пастырству, которое есть святое дело, подвиг, к которому нужно усердно готовиться, — то, само собой понятно, самая строгая церковная жизнь школы не будет ни страшна, ни бесцельна. Пастырско-богословская школа должна быть непременно вне всяких сословных преимуществ; она должна быть доступной лицам всех сословий, которые заявляют свое желание учиться в ней при надлежащей подготовке к прохождению ее курса, т. е. по успешном окончании общеобразовательной средней школы.

5) Если для подготовления достойных кандидатов на священство должно создать школу особого типа, школу специально-профессиональную, то возникает вопрос о том, что̀ же делать с существующими духовно-учебными заведениями.

Ответ на этот вопрос может быть только один: существующие духовно-учебные заведения, т. е. как духовные училища, так и семинарии, в настоящем их виде упразднить и вместо них устроить восьмиклассное общеобразовательное среднее учебное заведение, равное по курсу и правам с министерскими гимназиями. Но при этом должно иметь в виду следующее обстоятельство. Министерские учебные заведения находятся в процессе преобразования, причем как со стороны учащихся, так и родителей из среды либеральных слоев общества раздаются желания и даже требования относительно предоставления школе полной свободы в деле исполнения учащимися требований религии, с устранением вообще воспитательного руководства жизнью их со стороны учащих. Если реформа средней светской школы будет проведена в смысле осуществления такого рода пожеланий и требований, то весьма возможно, что благомыслящие и благочестивые родители, не говоря уже о лицах духовных, будут избегать отдавать своих детей в эту школу. При организации среднеучебного заведения, имеющего заменить собой теперешние духовные училища и семинарию, это обстоятельство непременно нужно иметь в виду. Поэтому воспитательная часть должна быть поставлена в них возможно лучшим образом, в чем ближайшее участие должны принимать и родители учащихся.

Вышеизложенные соображения о реформе духовно-учебных заведений составлены комиссией на основании прилагаемых при сем записок педагогических собраний семинарии и духовных училищ Пермского и Соликамского.

О реформе духовно-учебных заведений

(Записка педагогического собрания духовной семинарии)

Предложенный духовным начальством вопрос о реформе духовно-учебных заведений самой постановкой своей доказывает, что в духовно-учебном нашем деле не все благополучно, что принятая теперь и проводимая на практике система нашего духовного образования не удовлетворяет предъявляемым ей требованиям, что, словом, школа наша поставленных ей целей не достигает в той мере, в какой это было бы желательно. Зависеть это может или от неправильно поставленных целей, или от неправильно организованных и нецелесообразно применяемых средств к достижению цели. В первом случае, очевидно, школа неповинна ни в чем, так как требуют от нее то, чего она не может дать; во втором случае она, конечно, требует реорганизации в том смысле, чтобы все учебно-воспитательные средства школы наилучшим образом приспособлены были к целям школы. Чего же, собственно, должна коснуться предполагаемая реформа нашей школы — ее целей или средств? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вполне точно определить и то и другое в нашей школе. Цель — подготовление образованных священников для Церкви и вообще священноцерковнослужителей; средствами служат: определенные курсы предметов и определенный дисциплинарно-воспитательный режим жизни с преобладающим церковным направлением, причем под действием этого режима проходит жизнь наших учеников с 10—11-летнего возраста и до 20—22 лет, т. е., значит, все то время, когда по преимуществу формируется характер и закладывается направление жизни человека.

Итак, можно ли школе ставить эту цель, которая фактически ставится духовной школе? Может быть, эта цель искусственно создана и не вытекает вполне из потребностей жизни, не отвечает запросам действительности? Если это так, тогда, разумеется, само собой, что духовная школа не может иметь разумного оправдания для своего существования: преследуя самоизмышленные цели, она будет только уродовать природу тех, которые имели несчастие попасть в нее, и это уродство будет тем печальнее, что продолжается очень долго и притом в возрасте наиболее восприимчивом, — значит, вред в этом случае будет непоправимым. Тогда самой разумной реформой было бы простое прикрытие всех духовных школ. — Немного, конечно, надо сообразительности, чтобы ответить на поставленный вопрос отрицательно; нет, цели духовной школы не искусственно придуманы, они вызываются запросами жизни самой. Где есть хоть какая-либо вера, там есть нужда и в служителях; чем выше и сложнее она, тем более образованные должны быть у нее и служители и защитники ее; пока, значит, будет существовать христианская вера и Церковь, настоятельно будет сказываться и потребность в образованных свя-

щенниках, и, значит, необходимо будут существовать и школы для приготовления их. Значит, и наша школа, как оправдываемая требованиями жизни, должна существовать.

Но, может быть, поставленная цель неправильно понимается, слишком узко толкуется и на практике в применении к делу уродуется, так что вместо вполне жизненной и здравой цели получается жалкая карикатура на нее?

Действительно, внимательное рассмотрение дела показывает, что и понимать цель нашей школы и практически ставит ее надо несколько шире, чем это обыкновенно делается. Обыкновенно от священника требуется знание по преимуществу внешности церковной жизни — знание устава богослужения, умение исполнять разные требы, наблюдение церковных обычаев и обрядов, знание молитв и их употребления по уставу, некоторых практических правил и тому подобное. Нельзя сказать, конечно, чтобы это были исключительные требования, но несомненно, что в этом главное. Да тут нет ничего ни удивительного, ни даже позорного или неправильного. Ведь всякое служение есть своего рода специальность, имеющая круг своих отличных от других специальностей действий и форм. Священство в этом отношении не составляет исключения, и у него есть свой круг внешних форм и действий, которые всякому кандидату на священство необходимо знать, если он действительно хочет служить, а не оригинальничать, заниматься болтовней и вносить соблазн в среду простых людей. Но как бы ни были законны указанные требования, однако одних их для пастыря, безусловно, недостаточно: кроме этого, он должен быть действительно образованным человеком; можно даже так сказать: он прежде всего должен быть образованным человеком, а потом уже пастырем. Понятие «пастырь» по содержанию своему у̀же понятия «образованный человек»; оно есть своеобразная специализация жизни образованного человека, требующая в качестве своего основания от своих служителей преимущественно перед всеми другими служениями — образованности. Священник должен иметь правильные понятия об окружающем его, чтобы быть в состоянии правильно ориентироваться в круге тех явлений, с которыми ему придется иметь дело в качестве руководителя. Это, конечно, не значит, что он должен быть энциклопедистом во всех отношениях; круг его ведения имеет отношение по преимуществу к внутреннему миру человека, поэтому в вопросах духа по преимуществу он должен быть свой человек. В нашей теперешней духовной школе цели образования понимаются у̀же, именно — по преимуществу в смысле специализации священнического служения. Этой узостью взгляда объясняются и сетования на то, что многие ученики духовной школы избегают священства. Да и те, которые идут в священники, всю механику внешних обрядов изучают и усваивают не в школе, где на это дело они могут смотреть лишь со стороны и притом в год лишь несколько раз, а уже на месте — на непосредственном собственном опыте. Значит, и в этой узкой сфере подготовления к священству школа цели не достигает. На основании вышеизложенного с полной основательностью можно сделать тот вывод, что цели нашей

школы должны быть поняты шире: она должна быть своеобразным типом гуманитарной школы богословского характера и со строго выдержанным вероисповедным и церковно-христианским складом. Следовательно, если реформа школы должна коснуться самой цели ее, то не в смысле устранения и замены этой цели, а в смысле лишь расширения ее.

Если сама цель школы ставилась и понималась не вполне правильно, то средства, которые применялись для достижения этой цели, понимаемые в смысле всей вообще постановки учебного и воспитательного дела у нас, и вовсе должны быть признаны не подходящими к делу. Можно, пожалуй, прямее сказать: главная болезнь нашей школы заключается именно в нерациональности учебно-воспитательных средств. Нерациональность эта может заключаться или в нелепости самих по себе средств воспитания, или в их неправильном, нелепом применении, или, наконец, у ненормальности тех условий, в которых применяются эти средства. Рассмотрим в применении к нашей школе эти три предложения. Что̀ нужно школе для того, чтобы приготовить образованного священника? Очевидно, духовная школа должна научить своих питомцев тому, что̀ составляет круг специальных обязанностей — знанию слова Божия, церковных правил, богослужения, обрядов, обычаев, быть довольно обстоятельно знакомым с кругом тех наук, которые касаются жизни духа человеческого — истории, психологии, философии и прочее, а главное — быть проникнутым религиозностью, благочестием и любовью к Церкви. Средства эти определяются существом дела и вполне могут быть названы необходимыми. Они все целиком имеют место и в нашей теперешней школе, где церковность (в идее) лежит краеугольным камнем. Тем не менее школа наша цели своей не достигает и, при всех усилиях, из сотен питомцев своих вырабатывает для священства немногие десятки, да и из них многие не стоят на высоте своего положения. Ясно, что дело — не в средствах самих по себе, а в чем-то другом. — Но может быть, хорошие сами по себе средства, которыми располагает школа, неумело и неправильно прилагаются к делу? Другими словами: может быть, у нас нет ни хороших преподавателей, умеющих заинтересовать учеников своей наукой, ни порядочных воспитателей, которые могли бы подчинять учеников своему влиянию? Несомненно, что от подбора преподавателей и воспитателей многое зависит во всякой школе, а в духовной особенно. Но, к несчастью, с грустью приходится констатировать факт, что после нескольких лет занятий самые лучшие преподаватели теряют энергию и веру в полезность своей работы и не потому, что обленятся, и не потому, что их затягивает тина невеселого существования обывателя, а потому, что их учащиеся не слушают, уроками не занимаются и делом не интересуются или исполняют его по-казенному, *к классу, в очередь, из-под палки.* Это обстоятельство очень сильно расхолаживает идеализм у преподавателя, и беседа его, вначале простирающаяся в широту и высоту, вскоре входит в силу ясно сознаваемой бесполезности своей, в тесные пределы «от сих и до сих», а энергия вся уходит на то, чтобы хоть самое малое и необходимое заставить как-нибудь усвоить. Еще тяжелее положение воспитателя; редкий из воспитателей, если он

действительно хочет воспитывать, а не плыть по течению и не популярничать, не приходит к печальному выводу о почти полной безрезультатности своих усилий. Итак, не отрицая возможности того, что иногда ни преподаватели, ни воспитатели не стоят на надлежащей высоте, мы все-таки должны признать, что причина ненормальностей нашей школы лежит не в этом. Остается, следовательно, предположить, что корень зла надо искать в общем строе нашей школы, в тех условиях, которые определяют весь склад нашей школьной жизни. Тут ненормальность может быть предполагаема или в том отношении, что школа развивает свою деятельность искусственно, не считаясь с реальными условиями жизни, необходимыми для правильного развития каждого дела, или в том отношении, что в ней здоровая пища предлагается еще младенцам, которые не имеют ни вкуса к ней, ни достаточной силы для усвоения ее, которых она, следовательно, не питает, а только обременяет. Но эти ненормальности могут иметь место обе в нашей школе. И действительно, если вообще все почти русские школы оторваны от жизни и искусственно составлены, то о нашей духовной школе это можно сказать с еще бóльшим правом. Искусственной школа бывает тогда, когда, на нее смотрят, как на стоящую вне и над жизнью, которую она призвана реформировать согласно тем целям, которые кладутся в основание школы. Ученики вполне отрываются от семьи и общества, окружаются нравственной и материальной стеной, тщательно охраняются от всяких внешних воздействий; из них оранжерейным образом стараются вырастить тех или иных деятелей для общества, заражая их недоверием к порядочности и разумности жизни его, куда они по окончании курса войдут с сознанием и целью быть обществу не столько слугой, сколько реформатором. Здесь, таким образом, совершается двойной грех: с одной стороны, мальчик вырывается из природных и привычных ему условий, в которых он родился, рос и до известного возраста воспитывался, а во-вторых — в нем вырабатывается высокомерное отношение к этой жизни, от которой он оторван, и понимание которой он утрачивает в школе. Первое нарушает органически правильный рост личности; второе содействует усиленно раздору между обществом и поколением учащихся. Очевидно, дело от этого не выигрывает, а проигрывает во всех отношениях. Но этого мало. Хорошо, если бы школа, отрывая мальчика от родной семьи, устраняя ее живое воздействие, сама приобретала действительное и исключительное влияние на своего питомца. Но ведь на самом-то деле этого нет: питомец школы развивается под весьма сложными внешними, чуждыми для школы и часто враждебными для нее влияниями, и школа, при настоящих условиях ее существования, безусловно, бессильна оградить его от этих влияний. И выходит в результате — отнявши мальчика от здоровой атмосферы (вообще; конечно, есть и исключения) семьи, выбрасывает его на улицу. Это обстоятельно создает вполне понятный раздор между семьей и школой; последней предъявляется обыкновенно обвинение в порче детей, в чем, конечно, она едва ли повинна. Но, разумеется, права вполне со своей точки зрения и семья, предъявляя школе свои претензии. Создается, таким образом, странное положение, где есть налицо вина и нет виноватого. Та-

кой нелепости не могло бы быть, если бы школа была вполне солидарна с семьей, органически с ней связана и, в известном отношении, подчинена ей, являлась бы продолжением ее. Нужно, чтобы в сознании учеников воспитатели и преподаватели были не начальниками, во всяком случае — не людьми посторонними, а прямыми преемниками власти и авторитета отцов, которые поэтому должны иметь ближайшее участие в жизни школы, должны во все продолжение школьного курса не прерывать надзора и влияния своего на своих детей. Этого можно достигнуть через передачу школы Правительством в ведение отцов, то есть надо сделать школу нашу в полном смысле епархиальной под главным управлением епархиального епископа, с правом для родителей обсуждать на съездах ведение экономической и учебно-воспитательной стороны в жизни школы.

Если школа нецелесообразно поступает, отрывая мальчика от семьи, то не больше целесообразности проявляет она и в учебно-образовательном отношении. Этот вопрос требует, в интересах нашей духовной школы, особенно внимательного рассмотрения. Поставивши своей главной и исключительной задачей подготовку священников, школа наша начинает это дело с 10—11 лет с тем, чтобы к 20—22 годам выпустить вполне подготовленного кандидата на священство. Предполагается, следовательно, что в этот самый эластический, удобный для всяких воздействий и влияний возраст закладываются прочные основы тех настроений и наклонностей, которые требуются от священника. Верное в теории, это предположение не оправдывается на практике. Оно до известной степени осуществлялось бы тогда только, если бы школа могла совершенно изолировать ученика от всех посторонних влияний, а с другой стороны — если бы влияние самой школы было вполне однородно в целом и в частностях. Но первого достигнуть нельзя, да и нежелательно, потому что кандидат священства, как будущий руководитель людей, должен знать жизнь общества и ее направления; второе предполагает полное единство в учебно-воспитательном деле, то есть в корпорации, чего, конечно, тоже во многих случаях не имеется налицо. Таким образом, мальчикам в том возрасте, когда еще не выработалось определенного направления, не дается твердо поставленных руководящих начал, и — в результате — подвергаемые различным до противоположности влияниям, в которых они не могут еще разобраться, они фактически предоставляются себе самим и, вполне естественно, склоняются в ту сторону, где видят потворство себе. Интерес и к школе и к делу падает, в жизнь школы вносится разложение, которое одинаково дурно отражается как на воспитателях, так и на воспитываемых. Влияние школы сводится к нулю в положительном отношении, а часто приобретает прямо вредный, гибельный для учеников характер. Вред этот был бы парализован, если бы школа стояла в органической связи с семьей, место которой в настоящее время занимает улица. Это — одна сторона дела. Но главная причина ослабления интереса к школе и, пожалуй, прямо враждебного отношения к ней — не многообразие и разрозненность влияний на питомцев, а нецелесообразность всего строя школы. Главную ложь этого строя должно видеть в том, что она не считается с

личными особенностями характера, наклонностей и настроений своих питомцев, всех их подводит под один знаменатель, а поэтому, может быть, кое-кого и уродует духовно. Если эта ложь ставится в вину вообще средним русским школам, то в нашей духовной она особенно резко проявляется и менее всего должна быть терпима. Зависит это вот от чего: мы младенцев хотим кормить твердой пищей, от людей еще не установившихся требуем настроения и выдержки взрослых и более или менее опытных духовно людей. Под бременем неудобоносимым … (*см. выше в «Соображениях» комиссии, пункт 4*). Поэтому было бы вполне последовательно допускать к получению богословского образования всех ищущих просвещения духовного, без ограничения возрастом. Если применить это положение к нашим теперешним семинариям, то, очевидно, их придется совершенно перестроить: нижние классы соединить с училищами, образовавши, таким образом, одну школу с общеобразовательным курсом реального характера, а старшие классы выделить в особую школу, где и сосредоточить специально богословские предметы с добавлением всего, что̀ необходимо знать каждому образованному священнику.

Из того положения, что в богословскую школу поступать могут только взрослые, само собой вытекает, что она должна стоять по характеру и трудности предметов выше средней школы, и поступать в нее могут только прошедшие курс общеобразовательной школы или, по крайней мере, обладающие познаниями в размере курса этой школы. Но так как цель богословской школы состоит в том, чтобы давать желающим довольно основательное специально-гуманитарное с преобладающим богословским характером образование, то по строю своему богословская школа должна быть вполне самостоятельной и в учебном и в воспитательном отношениях. В питомцы ее могут поступать все, ищущие богословско-церковного просвещения, а не одни только дети духовенства; поэтому по составу своих учеников она должна быть школой всесословной. Но так как, помимо общей цели — давать своим ученикам гуманитарно-богословское образование, в этой школе будет еще и специальная побочная цель — приготовлять из них образованных священников, то заведование школой должно всецело принадлежать духовенству. Если курс предметов этой школы определяется ее общей и главной целью, то весь строй жизни в дисциплинарно-воспитательном отношении должен быть проникнут церковностью и всецело определяться второй специальной целью. Поэтому желательно было бы, чтобы как начальство школы, так и преподавательский персонал был из духовных лиц по выбору.

Вопрос о программах школы и характере комбинации их требует специального рассмотрения людей сведущих.

Нужно сказать еще несколько слов о положении общеобразовательной школы. По общему курсу она должна стоять на одном уровне с общегосударственной школой и пользоваться теми же правами; но по принадлежности она может быть вполне сословной, как существуют, например, сословно-дворянские школы. Но удобнее было бы духовенству отдавать детей в государственные школы, а для облегчения экономического положения устраивать общежи-

тия для них, где можно — кроме того — установить и своеобразный, желаемый отцами режим в жизни пансионеров.

Все вышеизложенное может быть сведено к следующим общим положениям:

1) Теперешняя духовная школа, как узкая по цели и неправильно поставленная в отношении применения своих учебно-воспитательных средств, не должна существовать в своем настоящем виде. Вместо нее должна быть создана другая школа с более широкой постановкой дела.

2) Школа наша должна быть разделена на две школы: среднюю общеобразовательную и специальную гуманитарно-богословскую, откуда можно брать кандидатов на священство.

3) Школа, особенно общеобразовательная, должна находиться в органической связи с семьей и обществом.

4) Специально-богословская школа должна быть образована из старших классов нынешних семинарий с допущением в нее всех обладающих знаниями в пределах курса общеобразовательной школы, без ограничения возрастом.

5) Ввиду этого она должна быть всесословной; но так как в ней только кандидаты на священство и могут получить свою подготовку, то она должна находиться в ведении духовенства, и строй ее должен быть строго церковный и православный.

6) По курсу своему и управлению она должна быть школой с выборным начальством и преподавателями.

Доклад подкомиссии, образованной при Пермском духовном училище, по вопросу о преобразовании духовно-учебных заведений

Неудовлетворительное состояние духовно-учебных заведений в настоящем их виде — общепризнанный факт. Ими недовольны все и — прежде всего — сами учащиеся; недостатки их сознают как начальствующие и учащие в них, так и высшее управление этими заведениями. Эти же две стороны, т. е. учащиеся и управление с начальствующими и учащими, ближе всего и заинтересованы в лучшей их постановке. Поэтому и вопрос о переустройстве их должен быть рассмотрен с точек зрения двух сторон.

Чего же ожидают учащиеся? На это отвечают предъявленные ими петиции начальству, соединенные с многочисленными теперь забастовками. Требования семинаристов более или менее одинаковы и сводятся, в общем, к следующему: 1) приближение программ духовных училищ и семинарий к программам гимназий Министерства народного просвещения, с разделением курса их на общеобразовательный и специально-богословский, и притом приближение такое, чтобы по окончании общеобразовательных классов семинаристы имели свободный выход для продолжения образования во все высшие учебные заведения наравне с гимназистами; не пожелавшие же поступить в эти заведения или поступают на особые дополнительные богословские курсы,

чтобы посвятить себя, по окончании их, на служение Церкви, или избирают иной образ жизни по своему желанию; 2) более свободный режим внеклассной жизни семинаристов с правом для них посещать, без особых разрешений инспекции, библиотеки, театры, музеи, разные собрания, и самим свободно устраивать собрания для обсуждения своих нужд, равно — литературные и вообще образовательные беседы и вечера в стенах заведения.

В защиту первого своего требования семинаристы, если побеседовать с любым из воспитанников старших классов, указывают на то, что не все из них идут и пойдут по духовной дороге, что и с нравственной точки зрения недопустимо, чтобы мальчика, а потом юношу вели по такому пути образования, с которого ему нет иного выхода, как только в духовное звание, и с которого только с великим трудом удается немногим свернуть на путь, ведущий в университет или другое высшее светское учебное заведение, чтобы избрать себе потом иной род деятельности. Справедливо ли это требование семинаристов? Комиссия признает его, безусловно, справедливым. Избрать себе род жизни и занятий по своему желанию — законное право каждого, и стеснять юношу в направлении его дальнейшей, после получения среднего образования, деятельности такой группировкой предметов и объемом программ их, которые лишают его возможности сделать свободный выбор этого направления, — самое вредное как для учащихся, так и для учащих, дело. На почве противоречия между, с одной стороны, являющимися в душе юноши, под влиянием развивающегося самосознания, стремлениями к иному образованию и иной деятельности, кроме церковных, и, с другой стороны, явно мешающей этим стремлением постановкой учебного дела в воспитывающем его заведении — и возникли все волнения и печальные недоразумения между духовным юношеством и корпорацией управляющих им и учащих. Отсюда — и озлобление, питаемое семинаристами к воспитывающему их заведению, делающее невозможным установление искренних отношений между ними и их начальством и наставниками. К этому надо присоединить сознание обидной неравноправности полученного образования с образованием, даваемым гимназиями; ни государство, ни общество не признают семинариста в этом отношении зрелым, хотя на самом деле семинарист не менее, скорее — более умственно развит, чем гимназист. Хорошо понятен и общепризнан и вред для Церкви, проистекающий от вступления в ряды ее служителей людей, не расположенных к этому служению и избравших его за неимением для них иного выхода из воспитавшего их заведения. Итак, образование, даваемое воспитанникам духовно-учебных заведений, должно быть приближено к гимназическому и притом настолько, чтобы оно было ему совершенно равноправно. Этим положением само собою признается несостоятельной и мысль о преобразовании духовно-учебных заведений в богословские училища с упрощенным общеобразовательным курсом, из которых выход на другие поприща жизни, кроме церковного, будет еще затруднительнее, чем для современного семинариста. Нельзя признать ее целесообразной и потому, что новое положение русского общества в силу Высочайшего манифеста 17 октября, дающее полную свободу раз-

витию движений, враждебных Церкви, потребует от ее служителей для борьбы с ними даже большей образованности, чем та, какая дается им теперь. — Кроме общеобразовательных классов, при семинарии или отдельно от нее должны быть еще специально-богословские курсы для всех желающих посвятить себя на служение Церкви по окончании среднего образования в семинарии, или гимназии, или другом каком, соответствующем им, светском учебном заведении.

В каком виде должно быть сделано это сближение программ духовно-учебных заведений с гимназическими, удобнее ли будет при этом соединить духовные училища с семинариями в одно заведение или оставить их разделенными, какова должна быть программа богословских курсов, — этих вопросов комиссия не касается, предоставляя решение их специальной комиссии; непременно желательно только, чтобы или в семинарских программах, или в программах специально-богословских курсов, если не будет места в первых, должны быть оставлены философские науки, совершенно необходимые для просвещенного пастыря Церкви и дающие важное преимущество семинарскому образованию перед гимназическим даже и теперь.

Комиссия переходит теперь к другому требованию семинаристов — к праву свободно располагать собой во внеклассное время. Но к этому требованию, по мнению комиссии, следует отнестись уже совершенно иначе, чем к первому. Насколько естественно и справедливо первое, настолько же нецелесообразно и недопустимо второе. Здесь требования семинаристов находятся в совершенном противоречии с интересами Церкви и с задачей управления духовно-учебных заведений, их начальствующих и учащих, обязанных служить интересам Церкви. Итак, дело преобразования духовно-учебных заведений должно быть рассмотрено теперь и с точки зрения другой, заинтересованной в надлежащей их постановке, стороны — Церкви и служащих ей начальства и учащих этих заведений.

Поставляемая теперь цель духовно-учебным заведениям — приготовлять просвещенных служителей православной Церкви — несомненно, должна остаться без изменения и впредь. Иначе и быть не может, пока заведения эти содержатся, и будут содержаться на церковные средства. Правда, в содержании их поможет Церкви и государство; но пособие, отпускаемое на них из Государственного казначейства, сравнительно небольшое, и притом это пособие отпускается только на семинарии, духовные же училища, более многочисленные, чем семинарии, давно содержатся почти исключительно на церковные средства. Насколько ничтожно личное участие духовенства в содержании этих училищ, видно, например, из того, что Пермское духовное училище получает на свое содержание (помимо взносов за содержание платных пансионеров в училищном общежитии со стороны родителей учеников) из этого источника из года в год одну и ту же сумму — около 1100 руб. (по 3 руб. с причта). А кто дает средства на содержание учебного заведения, тот вправе и требовать, чтобы оно отвечало тем целям, для которых жертвуются эти средства. Право Церкви, как содержательницы духовно-учебных заведений, требовать

от них, чтобы все они, а не одни только специально-богословские курсы, воспитывали именно служителей Церкви, а не просто образованных молодых людей, комиссии представляется неоспоримым. Такая задача духовных школ — единственный резон их настоящего, равно и будущего существования, как отдельных учебных заведений от общеобразовательных средних светских школ; в противном случае, т. е. если отнять у них эту задачу, все они должны быть закрыты совершенно, и вместо них должны быть учреждены одни богословские курсы, куда и поступают все желающие посвятить себя на служение Церкви из получивших среднее образование. Но может ли быть достигнута эта цель, если воспитанники духовно-учебных заведений будут оставлены именно без воспитания? Возможно ли будет духовно-учебному начальству и учащим воздействовать на юношу в соответствующем задаче заведения духе, если он будет ходить всюду, куда пожелает, водить знакомство с кем хочет, вообще, если будет располагать собой и своим внеклассным временем, как ему угодно? При настоящем состоянии интеллигентного русского общества, характеризуемом течениями, ничего общего с религией и Церковью не имеющими и даже прямо им враждебными, — из такого свободно располагающего собой юноши выйдет кто угодно, только не служитель Церкви. Поэтому известные ограничения свободы воспитанника духовно-учебного заведения, имеющие целью предохранить его от вредных навыков и нежелательных влияний на его миросозерцание, необходимы. Но одних ограничений свободы воспитанников для выработки в них добрых навыков и воспитания в них религиозной настроенности, конечно, недостаточно. Ограничения свободы воспитанников существуют и теперь, но это вовсе не ведет к желательным результатам. Нужно живое воздействие самих воспитателей на воспитываемых. Помимо несовершенства программ, важнейший недостаток настоящих духовно-учебных заведений в том именно и заключается, что в них отсутствует это живое воздействие воспитателей на воспитываемых. Существующий в них инспекционный состав достаточен только для внешнего и массового надзора, а не для воспитания в надлежащем смысле этого слова. Штат воспитателей в преобразованных семинариях должен быть, таким образом, увеличен и притом в размере не менее одного воспитателя и одного помощника воспитателя на каждый класс. Конечно, и сам состав воспитателей должен быть на высоте своего призвания. Воспитатели должны быть люди твердых религиозных в духе православной Церкви убеждений, безукоризненного образа жизни, не слишком молоды и всего лучше в священническом сане, фактически подтверждающем такой склад их убеждений и образ жизни; кроме того, они должны быть настолько материально обеспечены, чтобы не иметь нужды смотреть на свою должность, как на переходную на другое, более выгодное место. При такой постановке воспитательного дела в существующей теперь в семинариях должности инспектора особенной нужды не будет; деятельность воспитателей может быть объединяема одним ректором, протоиереем или архимандритом; но он должен быть зато освобожден от заведования хозяйственной частью заведения, очень ответственной и отнимаю-

щей у него много времени, которое он должен употребить исключительно на учебно-воспитательное дело; хозяйственная же часть должна быть поручена особому попечительному комитету из местных духовных и светских лиц, в котором ректор состоит лишь непременным его членом. Вообще, наилучшая постановка института воспитателей должна быть главнейшей задачей духовно-учебного ведомства. Сказанное относится и к духовным училищам в частности, если будет признано нужным сохранить их отдельное от семинарий существование.

Таким образом, более строгий режим жизни воспитанников, его специально-религиозный характер — вот что̀ должно быть отличительной особенностью духовно-учебных заведений от заведений светских. Воспитатели их должны достигнуть, и притом — силой своего личного влияния, без полицейских принудительных мер того, чтобы воспитанники не стыдились своего заведения и звания, к которому оно их готовит, как это бывает теперь, но гордились бы ими, чтобы они охотно даже видимым образом отличали себя от учеников других средних школ ношением особого, приближающегося к духовному, костюма. Таковы результаты воспитания в католических семинариях. Один из профессоров Московской духовной академии, бывший в 1900 году в Риме, вот что заметил на улицах этой столицы католического мира: «Встречаете вы, наконец, и целые толпы питомцев разных католических семинарий и коллегий. Эти мальчики и юноши одеты совсем как патеры — в таких же длинных сутанах и широкополых шляпах, так что даже как-то странно видеть иногда маленького патерчика, лет двенадцати или четырнадцати, представляющего собою точную копию своего прототипа. Приходилось мне, впрочем, часто встречать на улицах Рима католическое духовное юношество и гораздо более эффектной наружности; таковы, например, кроатские студенты из Загреба, в ярко-красных сутанах, подпоясанных темно-малиновою лентою с длинными, спущенными на боку, концами. Католические семинаристы и студенты ходят по городу стройными вереницами, попарно, в сопровождении кого-либо из своих надзирателей или наставников. Наблюдая этих юношей, я невольно удивлялся царящей над ними дисциплине, их образцовому поведению при богослужениях и их замечательной, как видно совершенно искренней и пламенной набожности. Попробуйте-ка наших студентов духовной академии одеть в рясы и водить парами по улицам! Трудно даже и представить себе, какой отчаянный протест и какие серьезные затруднения встретила бы эта попытка. А католический студент охотно подчиняется всему этому, потому что он дорожит своим духовным званием и гордится своей сутаною, как офицер своим мундиром»... (*Соколов*. Поездка в Рим см. «Богословский Вестник» 1900 г., сентябрь). И в нашей православной Церкви есть пример, в этом отношении достойный подражания. Это — Халкинская богословская школа близ Константинополя. Правда, в учебно-научном отношении она стоит ниже наших семинарий; но порядок жизни ее воспитанников, почти монастырского уклада, и вообще внутренний строй этой школы, строго церковный, заслуживают полного уважения.

Тот же строгий режим должен быть применяем и к воспитанникам специально-богословских курсов, как к людям, сознательно готовящим себя к принятию в скором времени священного сана и хорошо понимающим, какой образ жизни приличен кандидатам священства.

Такая подготовка воспитанников духовно-учебных заведений к конечной цели их обучения и воспитания возможна, по мнению комиссии, при непременном существовании при них общежитий и под условием, чтобы все воспитанники помещались в этих последних; приходящих учеников не должно быть. Так необходимо потому, что только общежития могут гарантировать выдержанность предлагаемой комиссией системы воспитания будущих служителей Церкви и приучение их к порядку жизни, соответствующему этой системе.

В выработке твердых религиозных убеждений и нравственной устойчивости в воспитанниках духовно-учебных заведений должны помогать воспитателям и преподаватели предметов — и не словом только, но и своим живым примером. Наставник только обучающий, а не воспитывающий — явление ненормальное, а по отношению к духовно-учебным заведениям — в особенности. В целях лучшего воздействия их на учеников, обязанности классных воспитателей должны быть возлагаемы преимущественно на преподавателей, причем, в таком случае, они не должны быть обременяемы уроками и должны иметь помещение непременно в самом заведении. В тех же целях преподаватели предметов богословских, как в семинариях, так и на богословских курсах, должны быть в духовном сане. В помощь воспитателям может быть восстановлен, если училища и семинарии будут соединены в одно заведение, прежде существовавший институт «старших», из среды самих воспитанников старших и богословских классов; поставленный под надзор воспитателей, он ничего дурного и опасного представлять собой не будет, и в пользу его восстановления уже раздаются голоса в печати. Особенно полезны были бы старшие при номерной системе размещения воспитанников в общежитиях на внеклассное время, наиболее желательной, как избавляющей их от жизни постоянно на виду всех, смягчающей казарменный характер настоящих общежитий и представляющей собой некоторого рода иллюзию домашней жизни. — Важное место в системе воспитания духовно-учебных заведений должно быть отведено также играм на свежем воздухе, физическим упражнениям, спорту, ремеслам, как весьма важным факторам правильного не только физического, но и нравственного воспитания, предохраняющим воспитанников от бесцельного препровождения внеклассного времени, от скуки, и вообще разнообразящим их жизнь. Желательно было бы поэтому, чтобы духовно-учебные заведения находились предпочтительно вне городов и на обширных земельных участках. Это важно было бы и в том отношении, что предохраняло бы воспитанников и от соблазнов городов и уличной жизни и подальше держало бы их от людей, общение с которыми в воспитательном отношении для них нежелательно. Желательны, разумеется, в системе воспитания и облагораживающие искусства, как пение, музыка и живопись.

В детальное обсуждение внутренней организации общежитий и вообще постановки воспитания в них комиссия, как и по вопросу о постановке учебного дела, не входит, не считая это своей задачей; но она считает необходимым ответить на один, весьма существенного характера, вопрос, возможный по поводу ее предположений по этой части: по какому нравственному праву допустим в духовно-учебных заведениях этот особый воспитательный режим, и не будет ли он насилием над личностью воспитанника? Ответ на этот вопрос один: по праву родительской власти. Каждый отец и каждая мать вправе дать своему сыну воспитание в том направлении, какое, по их искреннему убеждению, наиболее правильно и вообще наиболее им желательно. Не может быть речи о насилии над личностью воспитываемых, раз воспитание будет основано не на внешних принудительных мерах, а на живом воздействии воспитателей на воспитанников — с применением ограничений свободы последних, лишь необходимым для выполнения специальных целей заведения, и педагогических мер, допускаемых наукой воспитания. Не нарушается предлагаемым режимом свобода личности воспитанников и потому еще, что каждому из них должен быть предоставлен свободный выход из заведения не только по окончании курса его, но и во время самого учения. Если юноша убедился, что родители его ошиблись в выборе для него учебного заведения, он оставляет последнее беспрепятственно и переходит в соответствующий класс другого учебного заведения по своему выбору. Никаких денежных претензий не должно быть к нему предъявляемо, ибо ясно, что его уход есть результат прежде всего неумело веденного его воспитания.

Что касается самого состава воспитанников и способа их содержания, то в преобразованных духовно-учебных заведениях и эти стороны должны быть изменены — в смысле всесословности учащихся и предоставления вакансий содержания за счет общецерковных сумм нуждающимся детям без различия их происхождения. Мысль, что только дети духовных родителей могут служить надежным контингентом будущих служителей Церкви, — заблуждение, очевидное для каждого, близко и даже не близко стоящего к духовно-учебным заведениям. Кроме того, предоставление существующего теперь права поступать в эти заведения и в будущем почти исключительно детям духовенства стояло бы в противоречии с интересами Церкви, общества и народа.

Для Церкви, для которой нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного, безразлично, из какого сословия будет происходить ее служитель, лишь бы это был верный и убежденный ее слуга; древнехристианская Церковь, пополнявшая ряды своих служителей из людей всяких званий и состояний, не знала духовного сословия. Богомольцы, несущие те или иные жертвы на пользу церкви, разумеется, жертвуют не на воспитание детей духовенства, на каковой предмет употребляются теперь едва не все церковные доходы, кроме не записанных в книги, а именно на благоустройство церкви в различных ее видах. Чем, в самом деле, преимуществует сын духовных родителей, отдаваемый в духовное училище по необходимости, ибо другие учебные заведения

для него недоступны по недостатку средств у родителей, перед сыном светских, благочестивых и добропорядочных, родителей, имеющих полную возможность поместить его в гимназию, но желающих по своим убеждениям, чтобы он обучался именно в духовном учебном заведении? А между тем первого принимают, а второму, несравненно лучше его подготовленному мальчику, в приеме отказывают единственно в силу 10% нормы. Таких примеров в практике приема вновь поступающих в духовные училища сколько угодно. Тяжелы и обидны эти отказы светским родителям. Но куда же денутся при новых порядках дети — сироты духовенства и дети бедных духовных родителей? Им в деле воспитания должен помочь образованный на новых началах приход, если он ценит своих священноцерковнослужителей, или благочинический округ приходов, и помочь на свои местные церковные средства. Возможно, что и в преобразованных духовно-учебных заведениях будут обучаться преимущественно дети священноцерковнослужителей. Дай Бог! Это делало бы и честь духовенству; но пусть его дети занимают свои места в них за свои успехи, прилежание и доброе поведение.

Против проектируемой комиссией постановки учебно-воспитательного дела в духовных школах возможно еще одно капитальное возражение: в силах ли будет церковное управление осуществить на деле такой проект, требующий, без сомнения, значительно бóльших расходов сравнительно с теми средствами, какие употребляются на духовно-учебные заведения теперь? Выход из денежных затруднений при проектируемом преобразовании духовных школ может быть двоякий. Во-первых, число воспитанников может быть сокращено до необходимой нормы, и для епархий малолюдных может быть оставлено по одной семинарии на две епархии, причем, по мнению комиссии, это сокращение вовсе не угрожает уменьшением количества кандидатов на священноцерковнослужительские должности сравнительно с тем, какое дают нынешние семинарии. При проектируемой постановке учебно-воспитательного дела, новые духовно-учебные заведения должны, несомненно, дать бóльший процент юношей, готовых посвятить себя на служение Церкви, чем существующие. Между тем как теперь в семинариях обучающихся много, а кандидатов священства выходит из среды их мало, — в будущих семинариях должно быть наоборот: учащихся будет меньше, но служителей Церкви они дадут больше. — Другой выход, к которому можно прибегнуть — сначала не как к общей мере, но лишь в виде опыта в некоторых епархиях, ввиду новости дела, это — преобразование духовно-учебных заведений исключительно в общежития с изображенным выше внутренним строем их, воспитанники которых получают обучение в местных правительственных гимназиях наравне и вместе с прочими гимназистами. Последний выход рекомендуется потому, что церковное управление, избавляя себя, в таком случае, от расходов на содержание учебного персонала, могло бы употреблять свои средства, и притом — в увеличенном размере, лишь на содержание интерната и постановку воспитания в нем в духе православной веры. Интернаты эти должны иметь свои библиотеки; при них непременно должны быть учреждены приготови-

тельные классы для детей, имеющих поступить в гимназию; кроме того, в них могут быть устрояемы дополнительные к гимназическому курсу уроки по предметам, отсутствующим в гимназических программах, но необходимым для будущих воспитанников богословской школы. Неблагоприятным внешним влияниям, более возможным при обучении воспитанников церковного интерната в гимназиях, должно быть противопоставлено противоборствующее им влияние воспитателей. Последние могут наблюдать, впрочем — по соглашению с учебным начальством, за своими воспитанниками и в стенах самих гимназий. Условия приема в эти общежития — те же, что и в общежития при семинариях. Воспитанники, которые не пожелали бы почему-либо жить в таком интернате и подчиняться его правилам, оставляют его, оставаясь по-прежнему учениками гимназии. По окончании гимназического курса воспитанники общежития, если пожелают, поступают на богословские курсы для приготовления себя к служению Церкви.

В заключение доклада комиссия считает нужным заметить, что проектируемое ею преобразование духовно-учебных заведений, особенно воспитательной части их, не может быть произведено в скором времени и — тем более — сразу; для него потребуется известный срок; преобразование должно вводиться постепенно — по мере подбора преподавателей новых предметов и особенно воспитателей.

Соображения педагогического собрания правления Соликамского духовного училища по вопросу о преобразовании духовно-учебных заведений

Не имея возможности подробно мотивировать каждое положение своих соображений ввиду кратковременности срока, данного для разрешения столь обширного по объему и важного на значению вопроса, как вопрос о преобразовании духовно-учебных заведений, корпорация преподавателей Соликамского духовного училища, при участии членов правления от духовенства, по тщательном обсуждении означенного вопроса (о преобразовании духовно-учебных заведений), пришла к нижеследующим выводам, кои и имеет честь представить правлению семинарии.

I. Общие положения

1) Духовно-учебные заведения устраиваются, прежде всего, для детей духовного звания; но, наравне с ними, по обычному для всех экзамену без ограничения могут поступать и дети других сословий.

2) Духовные училища и семинарии должны по типу подходить к среднеучебным заведениям Министерства народного просвещения, с выделением, однако же, из программ тех и других всего, что̀ преследует узкоспециальные цели образования в оных будущего пастыря,— в особые трехгодичные богословские классы с особым управлением.

Первые (низшие — духовные училища — с 4-годичным курсом и средние — семинарии — с 4-годичным курсом) имеют задачей своей дать детям духовного звания и всем желающим общее образование, одинаковое, а если можно, то и большее, чем в светских средних учебных заведениях, а вместе с тем и подготовить надлежащим образом к слушанию богословских наук в специальных богословских классах, задача которых будет заключаться в приготовлении достойных кандидатов священства.

Первые — должны носить исключительно общеобразовательный характер, а вторые (богословские классы) — пастырско-профессиональный. Низшие, или духовные училища, могут находиться в уездном городе, как и теперь, а средние заведения — семинарии и богословские классы — в губернском городе.

II. Учебная часть

А. В низших духовно-учебных заведениях — училищах

Ввиду того, что не все из поступивших в низшую школу Духовного Ведомства могут продолжать свое образование, желательно, чтобы духовные училища представляли из себя по возможности законченный курс наук и вместе с тем достаточно подготовляли учащихся к прохождению программы в семинарии. А для этого корпорация полагает:

1) Исключить из программы курса духовных училищ латинский и греческий языки, изучение которых, как показала практика, далеко не оправдывает возложенных на них надежд, а между тем оно сопряжено с непосильными почти трудностями для детского возраста.

2) Увеличить количество уроков по русскому языку в старших классах, с тем, чтобы при преподавании этого предмета было обращено особенное внимание на объяснительное чтение русских классиков, как на одно из средств, способствующих развитию учеников. Программу славянского языка для духовных училищ сократить.

3) По арифметике, для более основательной подготовки учеников к прохождению в 1-м классе семинарии алгебры, количество уроков увеличить.

4) Расширить курс географии и прохождение его начать со 2-го класса, увеличив для сего против прежней программы количество уроков.

5) Ввести в программу духовных училищ преподавание русской гражданской истории в III и IV классах и естественной истории во II—IV классах.

6) Преподавание священной истории Ветхого и Нового Завета, катехизиса, устава — объединить в руках одного преподавателя под общим названием «Закона Божия», как это сделано в программах светских учебных заведений; количество уроков оставить теперешнее, но курсы сих предметов сократить. Так, из священной истории Ветхого Завета оставить только то, что̀ имеет догматическое, нравственное и преобразовательное значение; по церковному уставу знакомить только с главнейшими церковными службами.

7) Преподавание пения должно иметь целью не одно только изучение церковных песнопений, но и возможное в пределах времени ознакомление учеников со светским пением.

8) Необходимо ввести в курс низших училищ, наряду с чистописанием, преподавание рисования и черчения.

9) Желательно ввести изучение, хотя бы необязательное, одного из новых языков.

Б. В средних учебных заведениях — семинариях

1) Расширить курс преподавания истории литературы, причем желательно, чтобы при преподавании сего предмета обращалось особенное внимание на произведения классических русских писателей новейшего времени; количество уроков по данному предмету увеличить.

2) Увеличить также количество уроков по логике, психологии и философии; при преподавании психологии обратить внимание на отдел по физиологии, а при преподавании философии — на историю философии, причем преподавание сего предмета должно вестись с научным беспристрастием.

3) Педагогика должна преподаваться при непременном условии практических занятий в образцовой школе.

4) Преподавание математики (алгебры, геометрии и тригонометрии) и физики вести применительно к программе гимназий, увеличив при сем количество уроков по данным предметам, а в особенности по физике.

5) При преподавании общей и русской гражданской истории обращать серьезное внимание на прагматическую связь исторических событий, на так называемую философию истории, а не ограничиваться заучиванием исторических фактов и хронологических данных.

6) Ввести в семинарский курс преподавание законоведения, медицины, новых языков и элементарного курса политической экономии, знакомство с которой при нынешних условиях жизни необходимо иметь всякому человеку, и тем более лицу, могущему быть впоследствии духовным руководителем народа. Вот что̀, например, говорит о сем г. Галахов в своей заметке «Вопросы, требующие соборного решения»: «Людям, совершенно незнакомым с науками политико-экономическими и социальными, очень трудно растолковать такие, например, вопросы, как отношение между трудом и капиталом, или такие явления, как классовая борьба. Но, так или иначе, осмыслить в сознании людей, духовно руководящих русским народом, происходящие явления и притом с религиозно-христианской точки зрения — положительно необходимо» («Церковный вестник» за 1905 г. № 38).

7) В курс преподавания Закона Божия в семинарии должно входить изучение библейской и церковной истории общей и русской. Преподавание первой должно иметь научную постановку, а не ограничиваться изучением одних только священно-исторических фактов; церковная же история должна быть преподаваема вкратце, так как обстоятельное прохождение ее предназначает-

ся в богословских классах; причем преподавание сих предметов нужно объединить в руках одного преподавателя.

8) На уроках пения, наряду с основательным прохождением церковного пения, должно быть ознакомление учащихся в достаточной степени и со светским пением.

9) Желательно, чтобы преподавались в семинарии музыка и сельское хозяйство.

10) Изучение греческого и латинского языков в семинарии не обязательно.

В. В богословских классах

Богословские классы должны быть с трехгодичным курсом. В программу обязательно входят:

1) Священное Писание Ветхого и Нового Завета; преподавание сего предмета должно быть самое обстоятельное.

2) Догматическое, нравственное и основное богословия, которые должны быть объединены в одну науку, причем известное положение богословской науки должно быть рассматриваемо с догматической, нравственной и полемико-апологетической точки зрения.

3) Гомилетика с кратким изложением истории проповедничества, при прохождении которой должно быть обращено главное внимание на выдающиеся образцы современного проповедничества и на практику учащихся в деле проповеди; что же касается теории проповеди, то последняя должна быть, насколько возможно, сокращена.

4) Церковная — общая и русская история с историей старообрядчества.

5) Краткое знакомство с историей церковного права и обстоятельное — с действующим в настоящее время.

6) Пастырское богословие, в коем был бы начертан образ идеального пастыря (по Библии и святоотеческим творениям) в его отношении к современной действительности.

7) Литургика, при изучении которой, наряду со знакомством с церковной археологией и историей богослужения, должно идти основательное изучение устава с объяснением богослужения.

8) Патрология.

Экзамены как при переходе из класса в класс, так и из низшего учебного заведения в высшее — следует отменить; переводить учеников нужно по годичным баллам преподавателей. Постановку баллов на уроках и за месяц также необходимо отменить и оставить только баллы за четверть и годовые. При этом должно ввести проверку знаний ученика по окончании каждого отдела или по полугодиям.

Учебный год желательно начинать с 15 августа, а кончать 15 мая. Уроки должны продолжаться в низших училищах не более 50 минут, с переменами в 10 минут и одной в 25 минут.

III. Воспитательная часть

1) Духовно-учебные заведения должны воспитывать верных сынов православной Церкви и достойных граждан.

Воспитание детей и юношей должно лежать не на инспекции только, а на всех преподавателях заведения. При обсуждении вопросов по воспитанию привлекаются к участию и родители учащихся, причем выборные из них должны участвовать в педагогических собраниях заведения с правом решающего голоса, а все остальные — с правом голоса совещательного, конечно только в том случае, где дело идет о мерах к улучшению воспитательной части, но не в вопросах преподавания.

2) Необходимо пересмотреть каталоги допущенных в духовно-учебные заведения книг и дополнить их внесением сочинений всех писателей, дозволенных общей цензурой.

3) Для разумного использования учащимися свободного времени, предоставить им, под руководством преподавателей, организацию философских, литературных и музыкально-вокальных кружков, преследующих научные и эстетические цели.

IV. Административная часть

1) Епархиальному преосвященному принадлежит общий надзор за духовно-учебными заведениями, причем, однако советы духовно-учебных заведений могут в пределах устава самостоятельно решать текущие дела, лишь доводя о своих действиях до его сведения.

Это обстоятельство наполовину сократит и письмоводство, отнимающее очень много, кстати сказать, времени как у епископа, так и у лиц корпорации, заведующих оным.

2) Желательно также, чтобы низшие учебные заведения были освобождены от контроля семинарий в учебно-воспитательном отношении, так как контингент учащих в первых — таковой же, как и в семинариях.

3) Для обсуждения же вопросов школьной жизни желательны съезды преподавателей духовно-учебных заведений.

4) В низших и средних духовно-учебных заведениях начальники избираются, при участии выборных от духовенства, преподавателями и утверждаются высшим учебным начальством. Права их, как лишь первых между равными, со всеми преподавателями совершенно одинаковые. Отдельная должность помощника смотрителя и инспектора семинарии уничтожается, так как воспитательная часть должна будет лежать на всех преподавателях заведения.

Если при заведении будет общежитие, то совет преподавателей из своей среды выбирает заведующих ими.

5) Делопроизводитель также выбирается из среды преподавателей, и должность его должна быть штатная.

6) Штатной должна быть также и должность эконома училища.

1) Все преподаватели должны участвовать с правом решающего голоса в делах, касающихся хозяйственной части духовно-учебных заведений.

2) Оклады жалованья преподавателям-воспитателям должны быть увеличены сообразно их трудам, причем желательно, чтобы оклады жалованья преподавателям с семинарским образованием были сравнены с окладами преподавателей с академическим образованием, так как те и другие в деле обучения и воспитания несут совершенно одинаковый труд.

Для урегулирования отношений между членами как училищной, так и семинарской корпораций, и для охранения достоинства их, желательно ввести *товарищеский суд*, который бы рассматривал различные дефекты в поведении членов, *роняющие честь заведения*, и принимал бы соответствующие меры к устранению оных (т. е. дефектов).

Наконец, желательно, чтобы при составлении проекта будущего устава духовно-учебных заведений и программ привлечены были к участию все преподавателя или через съезды выборных от учебных заведений, или, по крайней мере, через рассылку им на обсуждение предположенных к введению программ и устава духовно-учебных заведений.

Мнение комиссии по вопросу о реформе органов епархиального управления и церковного суда

Прежде чем говорить о преобразовании органов епархиального управления и церковного суда на началах древнего церковного законодательства и новейших законоположений, необходимо сказать несколько слов о тех богооткровенных и канонических основаниях, коими руководствовалась христианская Церковь в древнее время в отношении епархиального управления и церковного суда. Такими началами в древней христианской Церкви были: богооткровенное слово Божие и апостольские, соборные св. отец правила. Слово Божие, определяющее административную и судебную практику христианской Церкви, как основание этой практики, не может быть оспариваемо, и обязательность его по отношению ко всем сторонам церковной жизни должна остаться навсегда законом неизменным и непреложным. Апостольские и соборные правила, являющиеся по своему внутреннему содержанию развитием начал, указанных в слове Божием, как основание епархиального управления и суда, имеют силу закона как для прежнего, так и для настоящего времени. Но так как кодекс этот вырабатывался практикой жизни первых веков христианства и во многих частях своих носит черты, свойственные лишь тогдашнему времени, то, естественно, в своих частностях, касающихся преимущественно внешних форм жизни, а не основных начал, он не может иметь буквального применения в настоящее время.

Канонические правила имеют для нас силу неизменного и обязательного закона, *как основные, высшие начала или принципы*, которые должны быть

положены в основу церковного управления и суда. В этом отношении мы не имеем права ни отменять, ни изменять их, как об этом сказано во 2-м правиле VI Вселенского Собора. Как практика жизни первых веков христианства наложила свою печать на современный кодекс правовой церковной жизни и принесла в него все, что̀ было полезного и хорошего, так и последующая жизнь, развиваясь и совершенствуясь в своих формах, несомненно, должна отразиться на характере законодательной деятельности не только гражданской, но и церковной, и должна принести в область той и другой новые жизненные формы, более совершенные и применительные к потребностям времени. И действительно, мы видим, что жизнь сказалась на характере гражданского законодательства и, в частности, законодательства судебного. Жизнь в свое время предъявила к нему свои требования, и оно, под влиянием ее, вылилось, по Судебным Уставам 1864 г., в той форме, в какой существует в настоящее время. Нет никакого сомнения, что жизнь представит свои требования и к Церкви, к церковному законодательству, требуя новых форм для выражения законодательных норм применительно к потребностям времени. Да она и предъявила эти требования, что̀ видно уже из самого предложения обер-прокурора Святейшего Синода. Ввиду этого нет основания игнорировать в деле реорганизации епархиального управления и церковного суда требований жизни и введения в устройство того и другого выработанных жизнью новых начал и соответствующих новых форм, без колебания и какого-либо потрясения основных принципов канонического устройства Церкви. Желательность привнесения новых форм, выработанных жизнью, особенно должна иметь место в области церковного суда, где отжившие формы стоят в противоречии не только с требованиями жизни, но и с каноническими установлениями Церкви. В этом отношении, чтоб сообщить церковному суду больше жизненности и функции его сделать более соответствующими требованиям древней каноники, полезно воспользоваться существующими в гражданском суде формами судоустройства и судопроизводства, которые не только в отношении форм, но и в отношении некоторых своих начал, напоминают судебную практику христианской Церкви первых веков, когда канонические нормы суда функционировали в полной силе. Насколько формы современного церковного суда далеки от практики древней Церкви, действовавшей в духе канонических правил, и в каком отношении они должны быть реорганизованы применительно к потребностям времени, об этом скажем ниже; а теперь, после сделанных выше замечаний касательно канонических оснований епархиального управления и суда, перейдем к вопросу об епархиальном управлении и церковном суде в первые времена христианства. В сопоставлении административной и судебной практики первых времен христианства с современной ясно выступят достоинства первой и недостатки второй, и очевиднее будет, в каких отношениях желательны преобразования современного епархиального управления и церковного суда.

Основной единицей епархиального управления в древнее христианское время была епископия или епархия, т. е. христианская община, имеющая во

главе епископа с собором пресвитеров и диаконов. Объем территории, занимаемой епископией, был различный; но в древней Церкви такой объем был очень невелик, и каждый город с принадлежащими ему селениями составлял особую епископию. Правительственная власть в епархии, власть административная и судебная принадлежала епископу. Последний, по высшему уполномочию Самого Основателя христианской религии, и как преемник апостольской власти, имел всю полноту духовной власти, власть управлять, священнодействовать и судить. Эта последняя прерогатива, судебная, усвояется ему как учением слова Божия (Мф. 18:15—19; 1 Тим. 5:19—20), правилами св. апостол и Вселенских и Поместных Соборов и св. отец (Апост. 12-е; I Всел Соб. 9-е; VI Всел. Соб. 102-е; VII Всел. Соб. 4-е; Антиох. и многие другие), так и другими историческими памятниками последующих веков (Апост. постановл., законы императоров Феодосия, Константина, Юстиниана и др.) и свидетельствами многих канонистов (Зонары, Вальсамона, Иоанна Смоленского, Павлова, Соколова, Заозерского и другие). Таким образом, к епископу, как источнику, сводилась вся жизнь поместной Церкви, и в нем сосредоточивалось внутреннее и внешнее единство ее. Но, совмещая в себе полноту духовной власти, епископ, тем не менее, не мог управлять епархией единолично, без помощи пресвитеров и диаконов. Пресвитеры, состоящие при кафедре епископа, издревле составляли совет его по управлению епархией. Этот же совет заседал и на суде епископа с правом голоса. Административные функции этого совета, или так называемого «пресвитериума», состояли в том, что он принимал участие в избрании лиц, поступающих в клир (Вас. Вел. 89-е; Феодос. 7-е), рассматривал особенно важные дела по управлению епархией и, помогая производить суд по преступлениям <против> веры и нравственности, принимал участие в управлении церковными имуществами (Апост. 92-е; Антиох. 24-е, 25-е). В этом учреждении, «совете пресвитеров», нельзя не усмотреть прототип того органа епархиального управления, какой именуется ныне консисторией; но последняя с ее юрисдикцией очень мало напоминает собой древнее учреждение. Это — не совет пресвитеров, заседающий вместе со своим епископом, а особое административно-судебное учреждение, соединяющее в себе функции и административные и судебные и действующее по нормам, во многих отношениях не соответствующим каноническим основаниям. Существенным недостатком этого учреждения является неопределенность его юридического положения, как самостоятельной единицы, в ряду других государственных учреждений, отсутствие в нем такого кодекса, который бы ясно и определенно регламентировал область его компетенции (консисторский Устав в этом отношении является весьма неудовлетворительным), смешение в нем функций административных и судебных и, наконец, существование в нем такой постановки дела, которая влечет за собой массу канцелярского делопроизводства, обременяющего не только учреждение, но — более всего — епархиального архиерея, на рассмотрение которого поступает большинство консисторских решений. Несомненно, древний «пресвитериум» был свободен от современной нам канцелярщины и не обременял своего епископа бумага-

ми. Недостатки современной консисторской организации, в сравнении с древней практикой, особенно резко выступают в области судебной практики.

Как видно из древней церковной практики и письменных памятников (Апост. Пост.), в епархии существовало собственно два судебных органа: а) предстоятель небольшого участка, ограниченного пределами города, селения или деревни с расположенными в них церковными общинами или приходами, и б) епископ, представитель поместной части Церкви — епархии. Первый, называвшийся хорепископом, а потом периодевтом (благочинным), судил единолично, по уполномочию епископов; в круг его юрисдикции входили дела между клириками и мирянами по маловажным спорам и жалобам. Второй судил с «советом пресвитеров» по делам более серьезным. Порядок церковного суда в древней Церкви имел характер преимущественно обвинительный. Из подробностей судебного процесса, как он велся — например — на суде епископов, известно следующее. Прежде всего, к принесению обвинения по делам церковным допускались только лица, достойные вероятия. Не допускались к обвинению: 1) иноверцы, еретики и раскольники (Апост. 75-е; II Всел. Соб. 6-е), 2) изверженные из клира и отлученные от Церкви (II Всел. Соб. 6-е; Карф. 143-е), 3) лица, запятнавшие себя срамными делами (Карф. 15-е), 4) бывшие или состоявшие под судом (Карф. 8-е, 28-е), 5) бывшие уже обвинителями, но не доказавшие своего обвинения, 6) заинтересованные в деле (Карф. 70-е, 144-е, 146-е), рабы против господ (Карф. 144-е), малолетние, имеющие от роду менее 14 лет (Карф. 146-е). Обвинители должны вести дело обвинения лично. Неявка в суд обвинителя прекращала процесс. И обвиняемый также должен находиться на суде лично. Процесс был состязательный и устный. Судьи обязаны были выслушать обе стороны, без чего приговор не мог состояться. При обвинении исследовалась достоверность и доброе имя обвинителя в обществе христиан. Обвинение требовалось подтвердить показаниями достоверных свидетелей. Ложные обвинители и клеветники были наказываемы. Прежде произнесения приговора употреблялись меры для примирения сторон в тяжбах и исках гражданских. Эту обязанность исполняли обыкновенно пресвитеры и диаконы. В случае безуспешности епископ, по выслушании мнений пресвитеров и диаконов, постановлял приговор, который был произносим во имя Христа, как Верховного Судьи.

Из вышеизложенного видно, какие несомненные преимущества имел суд древней Церкви перед современными формами суда. Во-первых, всякое обвинение по церковным делам принималось с крайней осторожностью, и всякий обвинитель, подвергнутый предварительно должной оценке со стороны суда, мог поддерживать обвинение не иначе как личным присутствием в суде. За ложное обвинение он нес наказание. Во-вторых, виновной стороне предоставлялась полная возможность защищать себя путем личного присутствия в суде, где судьи, воочию видя обвиняемого, путем допросов и состязательного ведения дела, старались твердо установить истинность или неправильность обвинения и только после этого изрекали приговор. Если мы обратимся к современному церковному суду, то увидим, что он, к сожалению, не имеет этого

преимущества, особенно последнего. Здесь обвинения к клирикам предъявляются часто лицами, не заслуживающими достойного вероятия, доказывающими сие тем, что обвинение их часто не подтверждается, и ложные доносители не всегда несут достойное наказание. Обвиняемая сторона не имеет здесь твердых гарантий к восстановлению своей иногда всуе попираемой чести и доброго имени, лишена возможности защищать себя вполне. Здесь характер производства — следственный, облеченный в письменную форму. «Судьи не ставятся в непосредственное общение с подсудимым; они сообщаются между собой бумажными способами и притом через третье лицо — следователя. Вся убедительность живой речи и непосредственных впечатлений для судьи здесь не существует». Последнего слова для подсудимого здесь нет, и он все свои оправдания должен излагать письменно, при предъявлении ему следствия. Иногда он требуется и в суд, но в самых редких случаях, и то по усмотрению лишь консистории, когда последняя найдет показания, данные при допросе следователя, неполными или неудовлетворительными. При таком порядке судопроизводства приговор о виновности или невинности подсудимого составляется судьями часто не по внутреннему убеждению, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при судебном разбирательстве, а по мертвым бумагам, прошедшим через руки следователя. Если к этому прибавить недостаточную опытность, а иногда и полную неподготовленность о.о. следователей к своему делу, то не будет ничего удивительного, если иногда суд при решении дел впадает в невольные ошибки.

Кроме сказанного, к весьма существенным недостаткам современного церковного суда относится отсутствие в нем определенного юридического кодекса или полного систематического собрания церковных законов с самым точным указанием — как пределов юрисдикции церковного суда, так и самых деяний и поступков, подлежащих ведению сего суда, и соответствующих им наказаний. Хотя в настоящее время церковных суд и пользуется в решениях своих определенно указанными в законах следующими основаниями церковного суда: Законом Божиим, канонами или правилами св. апостолов, св. Соборов Вселенских и Поместных и св. отец, Духовным Регламентом, действующими в государстве узаконениями и Уст. дух. консист., — но не все из указанных оснований при всей авторитетности и обязательности их для суда, могут иметь в настоящее время одинаковое значение — или вследствие устарелости и недостаточной применительности их к настоящему времени (Апост. и собор. прав., Дух. Регл.), или вследствие их неясности и неполноты (Уст. дух. консист.). Желательно поэтому создать и высшей духовной властью санкционировать к употреблению в церковному суде такой кодекс церковных законов, который бы вмещал в себя все церковные и гражданские узаконения, касающиеся отправления церковного суда, собранные в систематическом порядке.

Итак, из сопоставления современного церковного судопроизводства с древнеканонической практикой мы видим, что современное судопроизводство далеко не совершенно и для улучшения своего нуждается в преобразовании.

Таковое преобразование, несомненно, должно быть сделано в духе соборных канонических правил и применительно к потребностям настоящего времени. Последнее может быть достигнуто, если в области церковного судопроизводства будут привнесены не только формы, но и некоторые начала, заимствованные из гражданских судебных установлений, существующих по уставу 1864 года, как удовлетворяющие требованиям правосудия и потребностям настоящего времени, и тем более, что они во многих отношениях напоминают собой судебную практику первых веков христианства. Значение современных судебных установлений по отношению к церковному суду важно не сколько в отношении процессуальной стороны, которая в достаточной степени была разработана в древней христианской Церкви, столько в отношении некоторых принципов, положенных в основу гражданского суда, применение коих желательно было бы, в целях правосудия, в церковном суде. Государственный суд основан на принципе отделения суда от администрации, т. е. полной самостоятельности его, руководящегося в своих действиях исключительно целями правосудия, а не какими-либо посторонними, хотя бы и административными соображениями, нередко трудно согласуемыми с задачами правосудия, — на принципе гласности судопроизводства и его публичности, устраняющем возможность сознательно лживых и необоснованных жалоб и исков. Применение указанных принципов, разумность коих очевидна сама по себе, могло бы быть введено в судебную практику церковного суда, и притом — без всякого колебания основных канонических установлений Церкви. Речь может быть только о первом принципе, который, в силу основных установлений, указанных в слове Божием и в канонах Церкви, не может иметь полного применения в церковном суде. В христианской Церкви вся полнота духовной власти — административной и судебной — принадлежит епископу, как преемнику апостольской власти: через слово Божие, апостольские и соборные правила проходит идея неразрывного единения в епископе власти административной и судебной; поэтому всецело применять принципы отделения судебной власти от административной к епископу нельзя. Последний должен остаться в своей епархии высшим администратором и судьей. Какие же судебные функции, при новых порядках в церковном суде, должны остаться в ведении епископа?

В ведении его должны остаться как все дела о священнослужителях, подлежащие в порядке 154 и 155 ст. Уст. дух. консист. суду непосредственно архиерейскому, так и высшее наблюдение за теми судебными учреждениями, которые должны существовать в епархии независимо от учреждений административных. В частности, по отношению к епархиальному церковному суду власть епископа выражается в рассмотрении и утверждении представляемого ему консисторией обвинительного акта, по которому духовное лицо предается суду. От усмотрения епископа будет зависеть — утвердить акт и тем самым предать известное лицо суду, или не утвердить, или, наконец, рассмотрев акт, сделать на основании его постановление о наложении на виновного наказания, если усмотрено будет, что поступки виновного лица или неудобны для оглашения в суде, или могут без особого судебного разбирательства получить

достойное возмездие по личному усмотрению епископа [1]. Если обвиняемое лицо, считая себя правым, остается недовольным решением епископа, то может просить его о предании суду. Отказ епископа может быть обжалован в Святейший Синод. Принцип отделения судебной власти от административной может быть вполне применен лишь к вспомогательному органу епископской власти — духовной консистории. Последняя, как учреждение административное, должна быть совершенно отделена от суда, равно как и суд должен представлять из себя учреждение самостоятельное и независимое от консистории. Члены того и другого учреждения должны действовать самостоятельно, каждый в пределах своей компетенции, не руководствуясь в действиях своих соображениями посторонними, не имеющими прямого отношения к их задаче.

Отношение консистории к суду должно выражаться в следующем: в консистории начинаются все судебные дела о проступках священноцерковнослужителей, возбуждаемые по сообщениям присутственных мест, по жалобам частных лиц и по другим обстоятельствам, указанным в 153 ст. Уст. дух. консисторий; здесь же назначаются дознания и следствия, составляются по ним обвинительные акты. Последние от имени консистории представляются на утверждение епархиального архиерея, и только по утверждении акты эти препровождаются в суд, где консистория, в лице представителя своего — секретаря, поддерживает обвинение. Таким образом, консистория по отношению к суду является как бы обвинительной камерой, устанавливающей формулу обвинения и поддерживающей, в лице одного из своих представителей, обвинение в самом епархиальном суде [2].

Нам думается, что такое положение и консистории и суда послужит к вящей пользе того и другого учреждения. Итак, на основании всех высказанных соображений, согласованных с духом канонических правил и началами современного гражданского судоустройства, желательно было бы поместное епархиальное управление и церковный суд преобразовать на следующих основаниях.

Во главе епархии стоит епископ. В качестве вспомогательного органа управления существует консистория, или так называемое «епархиальное управление», в котором заседает «совет пресвитеров», избираемый епархиальным духовенством на 5 лет и утверждаемый Святейшим Синодом по представлению епархиального архиерея. Ведению сего «управления» подлежат дела административного и церковно-хозяйственного характера, в частности следующие: а) личный состав епархиального духовенства, как белого, так и

---

[1] В таком смысле определяется отношение епископа к епархиальному суду по проекту, составленному особым Комитетом, организованным при Святейшем Синоде в 1870 году, под председательством архиепископа Литовского Макария, — отношение, которое, нам думается, стоит в полном соответствии с духом канонических правил, как осуществляющее соединение в одном лице двух функций — административной и судебной.

[2] Такое именно отношение консистории к суду устанавливается проектом церковного суда, составленным профессором Лавровым, бывшим потом архиепископом Литовским, высокопреосвященным Алексием.

монашествующего (за исключением монастырей ставропигиальных), и приходы; б) охранение и распространение православной веры; в) порядок и благочиние богослужений церковных; г) сооружение и благоустройство церквей; д) хозяйство церковное и церковных зданий, равно как земель и угодий, принадлежащих церквам и причтам; е) начатие судебных дел и составление по ним обвинительных актов, представляемых в епархиальный суд. В видах объединения и более правильного и согласного действования существующих в епархии разных учреждений — миссионерских, братских, школьных, свечных заводов и других, полезно было бы и эти учреждения отнести в ведение «епархиального управления», как органа, объединяющего их деятельность и посредствующего между епархиальным архиереем и ими. Совет пресвитеров, заседающий в «епархиальном управлении», решает дела, смотря по важности их, или в окончательной форме, или представляет их на утверждение епископа. Последний присутствует иногда и сам в «совете пресвитеров», и тогда дела, решенные под его председательством, не восходят уже к нему на утверждение, а приводятся в исполнение тогда же. Порядок совместного решения дел много бы облегчил епископа в его трудных делах по управлению епархией, освободив его от чтения и просмотра поступающих к нему от консистории бумаг. В управлении существует особая канцелярия под ведением секретаря. Органом епархиального управления и епископа в епархии являются окружные благочинные, выбираемые епархиальным духовенством на три года, и состоящие при них благочиннические советы из выборных членов.

Рядом с «епархиальным управлением» и независимо от него существует епархиальный церковный суд.

В каждой епархии существуют две судебных инстанции. Первая — уездный духовный судья, избираемый духовенством на пять лет и утверждаемый в должности Святейшим Синодом по представлению епархиального архиерея. Вторая — коллегиальный духовный суд, состоящий из избираемых на епархиальном съезде духовенства на 5 лет и утверждаемых по представлению епархиального архиерея также Святейшим Синодом особых судей пресвитерского сана, числом не менее трех, которые во все время прохождения службы по должности судей считаются несменяемыми. Духовному судье подсудны дела о тех проступках духовных лиц, за которые полагаются низшие виды наказаний, а именно: замечание, выговор без внесения в формулярные списки и денежное взыскание не свыше 15 рублей, а также дела между духовными лицами и учреждениями, возникающие по взаимным искам на сумму до 300 рублей из-за пользования угодьями, предоставленными причту, и церковными доходами. К разбору подсудных ему дел он приступает: а) по предписаниям епархиального управления и сообщениям благочинных; б) по сообщениям светских властей, по жалобам лиц, потерпевших от преступного деяния. Приговор духовного судьи должен быть только осуждающим или оправдывающим подсудимого, оставление в подозрении не допускается.

Епархиальному суду подлежат: а) дела по отзывам и протестам против приговоров и решений духовных судей; б) все дела о проступках духовных

лиц, влекущие за собой выговоры с внесением в формуляр, исключением за штат, отрешением от места и далее в порядке постепенности, кончая лишением сана, с исключением из духовного звания; в) все дела брачные и дела о преступлениях и проступках, подвергающих виновного открытой церковной епитимии. К производству подсудных ему дел он приступает по обвинительным актам, препровождаемым в суд консисторией и предварительно утвержденным епархиальным архиереем.

Каждое дело решается не более как в двух судебных инстанциях. Приговор первой инстанции почитается окончательным и может быть обжалован во второй инстанции в кассационном порядке. По отношению к первой инстанции — уездному судье — второй является епархиальный духовный суд, а по отношению к последнему второй инстанцией считается или собор при областном митрополите, если таковой будет, или судебное отделение при Святейшем Синоде.

Судебные заседания должны быть публичные, если нет к тому препятствий в законе, под председательством старшего судьи. Внешний порядок судопроизводства должен быть аналогичен с судопроизводством, установленным по Судебным Уставам Императора Александра II. Духовные судьи обязаны решать дела по точному разуму существующих законов. Приговор о виновности или невиновности подсудимых постанавливается по внутреннему убеждению судей, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при следствии и суде.

В таких общих чертах представляются преобразованные на началах древнего церковного законодательства и современных узаконений епархиальное управление и церковный суд.

В заключение всего сказанного комиссия считает долгом заявить, что в решении весьма трудного и сложного вопроса о преобразовании епархиального управления и суда, за недостатком времени, не имела возможности войти в детальное рассмотрение сего вопроса и выработать более или менее обстоятельный проект епархиального управления и церковного суда, а остановилась на выяснении лишь общих оснований, на коих желательно преобразовать епархиальное управление и церковный суд.

Мнение комиссии относительно изменения порядка приобретения недвижимостей монастырями и церквами

В законах по сему вопросу изъяснено, между прочим:

Т. IX, изд. 1899 года, статья 435: «Монастырям и архиерейским домам не запрещается приобретать в собственность всякого рода ненаселенные недвижимые имения, как покупкой, так и чрез дар или завещание от частных лиц. Но приобретения таковые утверждаются за ними в собственность совершением узаконенных крепостных актов не иначе, как по исходатайстовании на то, каждый раз, чрез Святейший Синод, Высочайшего соизволения».

Ст. 443: «Церкви в приобретении и обладании собственностью имеют те же права и подлежат тем же ограничениям, как и монастыри. Посему церкви не могут приобретать никаких населенных имений; ненаселенными же недвижимыми имениями они могут владеть и приобретать их вновь, но не иначе, как по особому на то, каждый раз, Высочайшему соизволению».

Зак. Граж., т. X, ч. I, изд. 1900 года, ст. 985: «Пожертвования в пользу архиерейских домов, церквей и монастырей имуществ недвижимых, как-то: домов, лавок и др. строений, а также земель, приемлются не иначе, как вследствие соображений и сношения консистории с кем следует о том, имеют ли завещатели или жертвователи сами право на таковые распоряжения сими имуществами, и соблюдены ли все формы, на подобные случаи установленные. О последствиях своих соображений консистория со своим мнением представляет архиерею, и буде нет никаких препятствий к принятию завещанного или жертвуемого, то архиерей доносит Синоду для испрошения на то Высочайшего соизволения».

Из приведенных законоположений усматривается, во-первых, что дела об укреплении за монастырями, архиерейскими домами и церквами недвижимостей, как покупаемых или жертвуемых, так и завещаемых, подведены под один *общий* порядок, а во-вторых, что каждый раз на принятие таковых недвижимостей должно быть испрошено через Святейший Синод Высочайшее соизволение. Хотя таковое в большинстве случаев и даже — можно сказать — всегда получается, однако представление таких дел на усмотрение Св. Синода и испрошение последним Высочайшего соизволения занимает довольно порядочное время, в несколько месяцев, в течение которых может измениться изъявленное ранее продавцами или жертвователями желание первых продать, а вторых жертвовать, благодаря чему — в особенности при покупке имуществ — могут быть нарушены интересы монастырей, архиерейских домов и церквей. Это заставляет говорить в пользу передачи подобных дел на непосредственное разрешение местного начальства и высказаться за отмену необходимого при таких случаях каждый раз испрошения Высочайшего соизволения, тем более что дела об укреплении за монастырями, архиерейскими домами и церквами недвижимостей завещаемых, подчиненные приведенными узаконениями *общему* порядку испрошения Высочайшего соизволения, Высочайше же утвержденным 10 декабря 1903 года положением особого совещания для рассмотрения предположений ведомств о передаче некоторых дел из центральных и высших правительственных установлений в учреждения местные, *переданы* на окончательное и непосредственное разрешение епархиальных начальств.

Вполне благовременно и желательно, вместе с сим, урегулировать также вопрос и о приобретении недвижимостей в пользу православных церковно-приходских попечительств, прямого и точного указания в законах по каковому вопросу нет. Право приобретать имущества, по ст. 698 Зак. Гражд., т. X, ч. I, изд. 1900 г., признано только за церквами, монастырями и епархиальными начальствами. Но определением Правительствующего Сената, пропечатан-

ным в № 10 «Церковных Ведомостей» за 1901 г., разъяснено, что состоящие в Духовном Ведомстве общества, братства, приюты, богадельни и тому подобные религиозно-просветительные, благотворительные и богоугодные заведения, действующие на основании уставов или правил, утвержденных епархиальными начальствами, либо Св. Синодом, или же светской властью, могут приобретать на свое имя и отчуждать, общеустановленным порядком, недвижимые имущества, без испрошения на то Высочайшего соизволения. Отсутствие в числе указанных учреждений церковно-приходских попечительств нередко является препятствием к совершению нотариальных актов на приобретаемые или жертвуемые попечительствам имения. А потому целесообразным было бы распространить действие упоминаемого разъяснения Прав. Сената и ст. 698 Зак. Гражд. и на церковно-приходские попечительства. Точно так же представляется необходимым предоставить всем епархиальным учреждениям, как-то: свечным заводам, братским кассам, богадельням для духовных лиц, окружным попечительствам, епархиальному духовенству и церковно-приходской общине через своих представителей приобретать всякую недвижимую собственность непосредственно на имя означенных учреждений с разрешения епархиального начальства, но без испрошения каждый раз особого Высочайшего на такую покупку соизволения.

Доклад комиссии по устройству прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях

Настоящее положение русской церковно-приходской жизни далеко уклонилось от строя общины первых веков христианства. Церковно-общественная жизнь древних христиан представляла собой живую, самодеятельную единицу, члены которой связаны были между собой узами совершенного единства, созданного на почве взаимной любви и доверия. Тогда приходская община сама выбирала себе пастыря и назначала ему содержание, строила храм, содержала школу вместе с ее учителем, открывала благотворительные учреждения, сама судила своих сочленов, имела право самого широкого вмешательства в их внутреннюю семейную жизнь, следила за их нравственными поступками и т. п. В современном же строе прихода не только нет живой, тесной связи между членами приходской жизни, но даже — и между пастырями и их пасомыми. Пасомые видят своего пастыря или только в праздничные дни в приходском храме, или же при отправлении им церковных треб. Теперь прихожане собираются для церковных дел только в редких, исключительных случаях, например — для выбора церковного старосты и двух представителей от прихода, а также для избрания председателя и членов церковно-приходских попечительств. Последние по Высочайше утвержденному 2 августа 1864 г. положению заботятся о благоустройстве приходских церквей и причтов в хозяйственном отношении, об устройстве первоначального обучения детей, о помощи бедным и больным прихожанам. Была надежда, что попечительства сблизят прихожан

с церковью, возбудят усердие к храмам, будут содействовать причтам в их пастырской деятельности и вообще нравственно поднимут и оживят церковно-общественную жизнь. Но надежды, возлагаемые на них, не оправдались. В большинстве случаев попечительства влачат жалкое существование, иногда даже только на бумаге. Причины этого нужно искать не в отсутствии интереса прихожан к своей церковной жизни, а в самом положении попечительств, которые должны были пробудить этот интерес. Занимая в отношении церковных причтов служебное положение, попечительства тем самым лишены возможности принять деятельное участие в религиозно-нравственной жизни прихода, находящегося всецело на попечении членов причта, назначенных без ведома прихода высшей епархиальной властью. Между тем религиозно-нравственная сторона жизни прихода требует особенной о себе заботы, так как масса православного русского народа до сих пор живет в неведении основных догматов православной Церкви, не знает общеупотребительных молитв, стоит на очень невысокой степени нравственного развития и т. п. Поднять хоть сколько-нибудь религиозно-нравственный уровень прихода — для священников и членов причта весьма трудная и, можно сказать, непосильная работа. Для осуществления этой цели необходимы совокупные усилия причтов и всего прихода. Но при настоящем положении церковных причтов и приходов это невозможно. Поэтому необходимо церковно-приходскую жизнь организовать заново, и чем организация эта будет совершена скорее, тем лучше.

Ввиду изложенного комиссия, по всестороннем обсуждении, пришла к следующему.

Церковный приход должен ведать всеми делами приходской жизни как в хозяйственном, так и религиозно-нравственном отношении. Он состоит из всех приписанных <в> церкви прихожан, из которых достигшие гражданского совершеннолетия имеют право принимать участие на церковно-приходских собраниях в решении многосторонних дел прихода, составляя из себя в этом отношении сплоченную церковно-приходскую общину, ядро которой составляют церковный причт и выборный приходом для ближайшего заведования делами общины особый совет; количество членов совета определяется, смотря по величине прихода и его хозяйства, самим приходским собранием. В видах более тесного единения церковной общины со своим приходским пастырем и прочими членами причта необходимо, чтобы последние (священники, диаконы и псаломщики) были избираемы самим приходом из лиц, получивших духовное образование и отличающихся своим благоповедением и другими качествами характера, необходимыми для успешного и авторитетного прохождения своей высокой службы. Священники при этом должны быть избираемы из лиц, получивших богословское образование не ниже среднего или же отличающихся *особенной* начитанностью в слове Божием и святоотеческой письменности, и представляемы на утверждение и посвящение местного архипастыря. В случае неимения приходом для избрания в члены причта достойных кандидатов, члены причта назначаются епархиальным епископом, с ведома церковно-приходской общины. Так как современный способ содержания при-

чтов — сборы натурой и ручные подачки за требоисправления — является для первых довольно унизительным, побуждая их вступать в отношении исполнения треб в разные сделки с прихожанами, — его следует заменить другим. Самое лучшее было бы — назначать для членов причта определенные штаты, распределив приходы в этом отношении на категории; необходимая сообразно этим штатам сумма и должна составлять обязательный расход церковно-приходской общины. Такой способ довольствия членов причта, с одной стороны, избавил бы их от унижения перед прихожанами и зависимости от них, а с другой — дал бы им возможность настойчивее требовать от прихожан исполнения христианских обязанностей.

Принимая участие во всех делах прихода, церковная община в лице своих правоспособных членов является два раза в год — весной и летом, а иногда более, смотря по обстоятельствам, на общие собрания, на которых председательствует настоятель церкви, а за невозможностью последнего — избранное на сей случай собранием особое лицо из собрания. Весеннему общему собранию докладывается отчет о внутренней жизни прихода и хозяйственных расходах; для поверки последних избирается из прихожан особая комиссия, которая о результатах своей поверки и докладывает собранию; осеннему же общему собранию докладываются сметы расходов на предстоящий следующий год и план тех мероприятий, которые желательно осуществить в ближайшем будущем. Общее же собрание избирает и всех должностных лиц прихода: церковных старост, заведующих различными отраслями церковного хозяйства — богадельнями, приходскими школами и пр. Все эти избранные лица вместе с причтом прихода составляют особый совет, на обязанности которого лежит исполнение намеченных общим собранием мероприятий и подготовка всех вопросов, подлежащих разрешению собрания.

Как общие собрания, так в частности причт, особенно в лице настоятелей церквей, и совет — главную цель своей деятельности должны видеть в поднятии религиозно-нравственного уровня прихожан.

Первым и самым могущественным средством для осуществления этой цели является приходский храм, как исключительное училище православной христианской веры и благочестия, вход в которое доступен всякому до последнего нищего. В нем приносится бескровная жертва в таинстве евхаристии; совершаемые божественные службы повествуют присутствующим о путях промысла и домостроительства Божия. Находясь в храме при богослужении, каждый невольно отрешается, хотя на время, от житейских повседневных забот и дрязг, углубляясь мыслью в другой светлый мир, где нет места ни людской злобе, ни страстям, а где господствует одна всепрощающая божественная любовь. Чем благолепнее храм и чем внятнее и истовее совершаемое в нем богослужение, тем сильнее пробуждается религиозное чувство у молящихся. Вот почему первой заботой церковной общины и причта должно быть благоукрашение храмов и благолепие служб церковных.

Вторым средством должно признать проповедническую деятельность приходских пастырей, которую следует усилить, не подвергая ее установлен-

ной для него цензуре, и внебогослужебные собеседования с народом, которые по характеру своему близко подходили бы к искренней, задушевной беседе отца с детьми; к ведению внебогослужебных собеседований следовало бы привлечь и некоторых членов приходской общины, отличающихся своей начитанностью и умственным развитием; на этих собеседованиях можно было бы рекомендовать для чтения желающих книги духовно-нравственного содержания, и выдавать таковые из церковной библиотеки, а также распространять среди прихожан листки, книги и брошюры религиозно-нравственного содержания в самом широком масштабе, не только изданные уже и прошедшие духовную цензуру, но даже собственного пастырского авторства. Издание книг, листков и брошюр последнего рода может принести народу громадную пользу, потому что в них пастырь церкви, зная состояние своей паствы, будет касаться известных уже ему сторон жизни своих прихожан.

Наконец, третьим средством должна быть церковно-приходская школа, о лучшей постановке обучения в которой должна иметь неослабное попечение церковно-приходская община. В ней подрастающему поколению, будущим членам прихода, преподаются основы религии и христианской нравственности и закладываются в душу учащихся начатки той церковной дисциплины, существование которой необходимо для всякого благоустроенного прихода. Ввиду сего приходская школа всецело должна находиться в ведении приходского органа — совета, который должен давать ей не только материальные средства, но и указывать кандидатов на должности учителей и учительниц, представляя их на утверждение епархиальной власти, и избирать лиц, наблюдающих за ходом учебного дела. Лица эти могут принадлежать как к духовному, так и к светскому званию. Помимо приходской школы, община может также открывать и другие школы — ремесленные, воскресные, устраивать вечерние курсы, народные библиотеки, читальни и т. п.

Заботясь о религиозно-нравственном просвещении прихожан, церковно-приходская община имеет в то же время и попечение о бедных, сирых и больных прихода. С этой целью она, по мере своих материальных средств, открывает в приходе благотворительные учреждения, как-то: работные дома, богадельни, приюты для неизлечимо больных, ясли и т. п., смотря по тому, в каких учреждениях она более всего будет нуждаться, по требованию условий местной жизни.

На удовлетворение всех нужд и потребностей церковно-приходской жизни, конечно, необходимы значительные средства. Изыскание этих средств также, конечно, должно лежать на обязанности самого прихода. Средства эти слагаются: во-первых, из церковных сумм — свечных, кошельковых и разного рода кружечных сборов. Известно, что при современном строе Церкви церковные суммы находятся почти в бесконтрольном распоряжении церковного старосты, но с образованием приходской общины дело это должно перейти к самой общине, которая должна ведать и распоряжаться этими средствами, за исключением той суммы, которая отчисляется на содержание духовно-учебных заведений. Расходование церковных сумм на нужды приходского храма и

самого прихода, без сомнения, усилит денежный приток в церковную кассу, так как каждый прихожанин будет видеть, что его лепта идет на дело ему близкое и родное; и, во-вторых, из добровольных ежегодных пожертвований прихожан на поддержание тех или других предприятий прихода. Сверх сего, церковной общине должно быть предоставлено право ежегодно составлять списки всех лиц прихода и устанавливать с них сбор по определенной общим собранием прихода раскладке. В случае же недостаточности сумм и после принятия всех мер к увеличению необходимых для покрытия обязательных расходов прихода, к церковной общине должны придти на помощь центральные учреждения духовного управления и само Правительство.

Доклад комиссии по вопросу об епархиальных съездах духовенства и об участии духовенства в общественных собраниях

Соборное начало присуще православию: оно составляет по идее характерную и отличительную черту его. Выразителем этого начала в Церкви русской, до известной степени, с 60-х годов минувшего столетия являются общеепархиальные съезды духовенства. Возродившись первоначально на почве обсуждения и разрешения чисто материальных вопросов и интересов, связанных с узкоспециальными задачами материального обеспечения духовно-учебных заведений — семинарий, мужских и женских училищ, епархиальные съезды с течением времени, по требованию обстоятельств и видоизменявшихся условий самой церковной жизни, постепенно расширяли и расширили до значительных размеров круг своей деятельности привнесением в программу свою вопросов не только общеэкономических, но и религиозно-нравственного характера. Здесь, в расширении задач епархиальных съездов, лучше и нагляднее всего сказалась и сказывается и жизнеспособность их, и неустранимость существования в будущем, как средства к оживлению, направлению на общедоступных разумно-свободных началах всего строя церковно-приходской жизни, как средоточия и объединения разнородных сторон и проявлений этой жизни в одном гармоничном общем целом. Являясь по идее и по существу как бы повторением древних христианских собраний, на которых, как в зеркале, проходила и отражалась жизнь христиан первых веков во всей ее величественно-привлекательной простоте со всеми ее интересами, запросами, объемлющими и захватывающими в полноте все части и стороны этой жизни, епархиальные съезды должны существовать впредь и быть выразителями желаний, нужд и интересов епархии и, сообразно сему, применительно к современным условиям, расширить сферу своих ведения и деятельности до объема, по меньшей мере, епархиальных соборов. Пусть на этих епархиальных соборах духовные и миряне сходятся вместе, вместе обсуждают и решают свои общецерковные дела, изыскивают меры к возвышению религиозности среди пасомых, поднятию нравственных устоев, развитию просветительных, в духе святой веры, учреждений, прилежат преумножению и попечению об удовлетворении — помимо нужд духовных — и нужд материальных паств, путем

созидания и поддержания различных благотворительных мест; пусть те и другие, как члены, как дети единой Матери Церкви, ведают и знают, что в единении, единомыслии, взаимообмене взглядами и воззрениями покоится благо, целость и мощь православия; пусть пастыри и пасомые, связуемые узами любви, в мирных, проникнутых духом кротости взаимных беседах уясняют всесторонне свои взаимоотношения, тщательно раскрывают и уразумевают свои духовные недуги и своевременно, со всякой благорассудительностью, прилагают особые старания к уврачеванию таковых.

Говоря частнее, предметами занятий епархиальных съездов следует признать:

1) Обсуждение вопросов, касающихся благоустроения религиозно-нравственной жизни епархии постольку, поскольку таковые вопросы, вызываясь частными, отдельными случаями и явлениями местной жизни, не противоречат духу, характеру и голосу вселенской Церкви, не выходят за пределы компетенции общецерковных соборов и главной, основной целью своей имеют лишь утверждение христиан в истинах веры Христовой, в насаждении и укреплении в них начатков сознательно-нравственной жизни и христианского благоповедения. Сюда могут быть отнесены заботы и попечения о надлежаще правильной постановке проповеднической деятельности во всех ее видах, развитие внебогослужебных собеседований, чтений и прочее.

2) Изыскание действительных средств и способов к охранению веры, нравственности в епархии и отдельных приходских общинах от нападок и влияния инославных вероисповеданий и врагов святой Церкви. Здесь возможна самая широкая поддержка общемиссионерских учреждений, с подчинением таковых ведению съездов, образование миссионерских инородческих школ и прочее.

3) Разработка надлежащего материала по установлению однообразия в чине отправления служб церковных в согласии с основными положениями богослужебных уставов и соответственно требованиям времени.

4) Заботы и мероприятия по равномерному распределению приходов епархии, по обеспечению духовенства квартирами, определенными и постоянными источниками содержания, в зависимости от поступления по сим предметам отдельных ходатайств.

5) Участие в контроле над просветительными учреждениями епархии, над духовно-учебными заведениями, с предоставлением права съездам вмешиваться в учебно-воспитательную часть сих учреждений и заведений, давать руководственные указания и вообще влиять на внутренние распорядки школы в отношении, главным образом, воспитательного режима в ней.

6) Обзор духовно-просветительной деятельности существующих в епархии монастырей постольку, поскольку таковые соприкасаются с деланием приходского духовенства, с применением мер к объединению таковых.

7) Мероприятия к оживлению и наилучшей постановке местных епархиальных органов печати, наблюдение за направлением их и прочее.

8) Рассмотрение дел, связанных с порядком приращения и использования церковных сумм, не имеющих специального назначения, определения и изы-

скания источников по удовлетворению общеепархиальных, духовно-училищных и частных церковных неотложных нужд.

9) Развитие и поддержка, как нравственная, так и материальная, всех существующих в епархии благотворительных учреждений — попечительств, богаделен, домов трудолюбия и прочее.

10) Высшее заведование и распоряжение хозяйственной частью епархиальных свечных заводов и существующих при них отделений и торговых предприятий по снабжению церквей вином, ладаном, елеем, церковной утварью и прочее.

11) Выборы должностных лиц разных учреждений, ведающих нужды епархии и субсидируемых от нее, начальников учебных заведений — ректора, инспектора семинарии, смотрителей училищ и их помощников, начальницы епархиального женского училища, епархиальных и уездных наблюдателей церковных школ, миссионеров и членов консистории.

12) Право контроля и ревизии всех учреждений и лиц, пользующихся постоянными или временными пособиями из общеепархиальных фондов.

Обнимая, таким образом, внутренний и внешний уклад церковно-приходской жизни епархии, проникаясь живым, непосредственным стремлением влиять и воздействовать на все отдельные стороны ее, съезды епархиальные, при надлежаще правильной организации их, несомненно, отразятся самыми благотворными последствиями и результатами: они оживят и урегулируют взаимообщение паствы с пасомыми, уничтожат рознь между первыми и последними, которая, особенно теперь, стала средостением и тормозом к сближению, слиянию духовенства с обществом; они пробудят в пасомых интерес к вопросам религии, они дадут сильный, ничем не заменимый толчок и самому духовенству относиться к своему великому и ответственному служению с должным вниманием и серьезностью. Найдут в епархиальных съездах и архипастыри наши и высшее церковное управление, в каком бы виде оно ни существовало, крепкую, надежную опору и поддержку всем начинаниям, всем многоразличным предприятиям, направляемым к устроению Церкви Христовой. Так съезды всегда найдут и обильный материал как для характеристики общерелигиозного настроения православных христиан, так и для выяснения степени нужды в тех или иных руководственных указаниях и распоряжениях с их стороны.

Наилучшая и целесообразная, по указаниям опыта и наблюдений над современной жизнью, постановка епархиальных съездов была бы в таком виде:

1) Епархиальные съезды, как вспомогательные органы епископской и епархиальной власти, созываются в резиденции епископа — епархиальном городе, ежегодно в июне месяце, когда и духовенство и миряне более свободны от обычных своих трудов и занятий, когда и самые способы путеследования в епархиальный город в большинстве епархий бывают удобнее. Время созыва первого — по новому положению — епархиального съезда предоставляется воле и усмотрению местного епископа, в пределах указанного

времени; последующие назначаются уже самими съездами. В особо важных случаях созываются и экстренные съезды по усмотрению епархиального архиерея.

2) Продолжительность съездов находится в зависимости от количества дел, предлагаемых обсуждению и разрешению съездов, и, во всяком случае, может и должна быть не менее 10 дней.

3) Предварительно созыва съезда, не позднее 1—2 месяцев до начала открытия такового, составляется программа вопросов, которые и оглашаются во всеобщее сведение на страницах местных «Епархиальных Ведомостей» и других печатных изданий, причем весьма желательно, чтобы в составлении программы участвовали непременно благочиннические съезды и благочинические советы. Лица должностные, частные учреждения, советы и правления училищ, епархиальные училищные советы и их отделения, а равно комитеты свечных заводов, церковно-приходские попечительства также могут давать свои материалы для программы. Сортировку поступившего программного материала для первого съезда, конечно, лучше всего возложить на особо уполномоченных лиц, по назначению владыки, а впоследствии — на особую комиссию из съезда. Особая комиссия или совет из лиц духовных и светских, по избранию съезда, впоследствии, помимо отправления функций епархиальных съездов, составляет при епархиальном архиерее постоянно-коллегиальное учреждение, зависимое от епископской власти и способствующее последней в деле устроения и направления церковно-приходской жизни епархии. Само собой, по опубликовании программы, желателен широкий и свободный печатный обмен мыслями в местных печатных органах и подача всякого рода заявлений и докладов прямо в съезд.

4) Высшее руководительство съездами всецело принадлежит епархиальному архиерею или, по его назначению, викарию. Местный владыка или заместитель его открывает заседание съезда, наблюдает за ходом занятий на нем, вносит для обсуждения свои предложения, преподает архипастырские советы, делает распоряжения подведомым лицам и учреждениям о приведении в исполнение состоявшихся постановлений; в тех случаях, когда постановления съезда окажутся не соответствующими узаконениям или выходящими из компетенции съездов, своей властью приостанавливает дальнейшее направление таковых впредь до нового пересмотра в собраниях съезда, а в исключительных обстоятельствах — до получения разъяснения по поводу их от высшего начальства. Неутвержденные постановления возвращаются в съезд с изложением мотивов и причин неутверждения и вновь пересматриваются съездом, после чего или входят в законную силу, или ждут санкции высшего начальства.

5) Заседания съезда происходят под председательством особого, на каждый съезд избираемого из состава депутатов председателя, который и вступает в отправление своих обязанностей без утверждения епархиального архиерея. В помощь председателю избирается из тех же депутатов и на тот же срок один или два делопроизводителя, смотря по делу.

Вопросы и дела, не требующие наведения справок, заключения сведующих лиц и, вообще, не представляющие особенной важности и значения, рассматриваются по докладу председательствующего в общем собрании; все же остальные, разрешение которых сопряжено с получением справок, сведений, заключений, предварительно передаются на разработку отдельных, по роду самых дел, комиссий, избираемых из состава собрания на каждую сессию, и с выводами последней поступают на окончательное суждение съезда. Количество комиссий может быть образовано по числу отдельных вопросов, сгруппированных в одно и по однородности и сходности содержания.

Права и обязанности председателя съезда определяются особой инструкцией, составленной на съезде и утвержденной высшей духовной властью, в пределах полномочий председателей губернских и уездных земских собраний.

6) Состав епархиального съезда набирается из духовенства епархии по выборному началу, и из мирян — по желанию последних. Выборы депутатов от духовенства проходят через благочиннические съезды на трехгодичный срок, установляемый для всех благочиний епархии с одного времени. Выборы происходят обычным порядком с указанием кандидатов записками и затем закрытой баллотировкой. В звание депутатов могут баллотироваться и псаломщики, и диаконы, обладающие образовательным цензом не ниже духовного училища и отличающиеся исправностью по службе и добрым поведением; но число таковых не должно превышать больше одного диакона и псаломщика на уезд, причем, в целях предоставления возможности пройти на каждый съезд псаломщику и диакону от данного уезда, может быть установлена очередь между уездными благочиниями; депутатами могут быть и благочинные, если должность благочинного будет выборная. Каждые 10 церквей дают своего представителя на епархиальный съезд, включая в число это и церкви бесприходные, и по одному кандидату на случай болезни или невозможности по каким-либо причинам явиться на съезд последнему. Расходы по поездкам депутатов на епархиальные съезды и на продовольствие их за время течения сессии покрываются из общеепархиальных источников, по распределению самих съездов.

Участие мирян в собраниях епархиальных съездов, с правом решающего голоса, пока можно бы ограничить предоставлением явки на эти съезды, по желанию, церковным старостам и председателям попечительств, как лицам, уже аккредитованным приходами и заинтересованным в разрешении тех или иных общеепархиальных дел и вопросов. Число таковых представителей на первое время достаточно было бы ограничить 3-мя на каждый уезд, предоставив право благочинническим съездам уезда установить в этом отношении также очередь. Расходы по представительству на епархиальных съездах миряне изыскивают сами из собственных источников.

На собрания епархиальных съездов приглашаются, с правом совещательного голоса, начальники учебных заведений и епархиальных учреждений по делам и вопросам, относящимся до сих заведений и учреждений, если съезд найдет это нужным.

7) В решении и рассмотрении предметов, вносимых в съезды, допускается самый широкий и свободный обмен мнений, исключающий какие-либо стеснительные и ограничительные меры, при полной уверенности, что свобода суждений отнюдь не будет и не должна налагать на высказывающих эти суждения дисциплинарной или в административном порядке ответственности. Власть председателя в подобных случаях простирается лишь до ограничения говорящего в пределах законности и объема решаемого вопроса.

Заседания епархиальных съездов желательно сделать гласными, открытыми для сторонней публики, за исключением разве редких особых случаев, которые каждый раз и допускаются с общего согласия представителей съезда.

Представительство духовенства в общественных собраниях, включительно до мирских сходов, несомненно, в высшей степени желательно и имеет за собой неоспоримые основания и преимущества. Не говоря уже о том, что присутствие такового представителя в земских и городских собраниях, особенно в первых, где значительный процент составляет крестьянское сословие, не только является сдерживающим и умеряющим широкие, и нередко практически бесцельные и малосущественные порывы и размахи интеллигентов-гласных, но и может в известной степени содействовать проведению в общественную жизнь народа благих и полезных начинаний, усовершенствованию и развитию культурных начал и прочее. Если спокойный, уравновешенный, прямодушный голос духовного депутата и ныне, при всей приниженности, забитости его внешними формами и условиями, властно иногда *импонировал* в земских и городских собраниях, если изредка к этому голосу прислушиваются хотя бы одни гласные из крестьян, то вне сомнения, что при увеличении числа духовных депутатов на сих съездах и собраниях, при даровании им равноправного со всеми другими представителями решающего голоса, значение и сила их в обсуждении общественных вопросов расширится значительно и может послужить добрым средством к обоюдному слиянию жизненных интересов, направлению их к достижению и преследованию хороших, общеполезных целей. Не лишним, конечно, был бы голос пастырей и на сельских волостных сходах, где решаются мирские дела, где чаще всего отсутствует правильное освещение и разъяснение истинных нужд народа, где царит произвол и насилие, где право сильного и смелого часто возводится в общий принцип. Допущение духовенства на эти сходы, однако, возможно лишь при условии совершенной реформы нашего сельского самоуправления, в том случае, когда и волостной писарь и земский начальник будут ограничены в проявлении своей власти, когда устранится весь нынешний хаотический беспорядок сельских собраний; иначе участие духовенства окажется бесполезным для дела и вредным для него самого, породив нежелательные столкновения с сельской всевластной администрацией.

Число представителей духовенства в уездных земских собраниях можно было бы оставить прежнее, по положению 1870 года, т. е. по количеству земельных цензов, в губернском — по крайней мере по одному с каждого уезда, в общественных городских собраниях — от 3 до 5 и более, смотря по населе-

нию города, и на волостных сельских сходах — по одному в лице настоятеля приходской церкви.

Доклад комиссии по церковно-школьному делу

Святейшим Синодом признается неотложная надобность в реформировании и переустройстве церковного прихода и церковного управления, и это переустройство на тех или других основаниях в недалеком будущем совершится; а в таком случае школа церковная несомненно должна оказаться в новых жизненных условиях, и таким образом, в связи с ожидаемым церковным переустройством, естественно возникают вопросы о церковной школе.

В числе их первый вопрос — таковой: должна ли и в реформированной приходской общине остаться церковная школа в ее настоящем виде или, напротив, не следует ли объединить все начальные народные школы под одним общим названием и таким образом отказаться от школьного просвещения народа в духе заветов и требований православной Церкви?

Принимая во внимание широкое развитие церковно-школьного дела в настоящее время, его прочную организацию, сочувственное отношение к церковным школам со стороны православного населения, громадные затраты на это дело со стороны Духовного Ведомства, наконец — имея в виду, что церковная школа, как показал опыт, несомненно служит незаменимой помощницей православной Церкви в борьбе с расколом и сектантством, что̀ особенно важно именно в настоящее время, когда — по издании Высочайшего указа 17 апреля сего года — иномыслящим предоставлена свобода вероисповедания и многие льготы, положение же самой Церкви православной осталось без изменения, — комиссия пришла к такому заключению, что церковная школа попрежнему должна быть оставлена и в переустроенной церковной общине.

Решивши в положительном смысле первый вопрос, комиссия должна была рассмотреть и следующий, естественно вытекающий из такого, а не иного решения первого вопроса: если церковная школа должна быть сохранена и в реформированной приходской общине, то на какие средства она должна содержаться?

Мнения участников комиссии по данному предмету разделились. С одной стороны высказано было то положение, что содержание каждой в отдельности церковной школы всецело должно быть отнесено на обязанность той общины, нужды которой обслуживает данная школа, каковой порядок, по мнению лиц, высказавших это положение, должен иметь те осязательные последствия, что община более, чем теперь, будет заботиться о своей школе, будет видеть сами плоды школьного просвещения и научится ценить церковную школу еще более настоящего. Другая часть членов комиссии высказалась за равномерное обложение общины вообще на школьные нужды епархии, по тем соображениям, что таковой порядок даст возможность поставить школьное дело на достаточно твердой почве во всех приходах и, в частности, в беднейших, которые по ограниченности своих средств были бы не в состоянии обставить свои

школы должным образом. Последнее мнение большинством голосов было признано наиболее отвечающим современным условиям церковно-школьного дела.

Третий вопрос, подвергнутый комиссией обсуждению, был следующий: какие взаимные отношения должны быть у приходской общины и церковной школы? Принимая во внимание, что настоящий порядок отношений приходских обществ к школьному делу имеет свои недочеты, из которых главный — разобщенность между общиной и школой, между тем как взаимная живая связь безусловно имеет многие хорошие стороны, а также имея в виду и то обстоятельство, что школы при новом строе будут почерпать свое содержание главным образом из средств общины, комиссия пришла к мысли, чтобы община принимала самое живое и деятельное участие в жизни школы в лице лучших своих представителей, избранных из среды ее, что̀ и может быть достигнуто учреждением школьных коллегиальных попечительств, с предоставлением последним права входить во все стороны школьной жизни, не исключая и смены учащих лиц, а с другой стороны — с возложением на эти попечительства забот и попечений о том, чтобы школьная жизнь протекала в возможно лучших условиях.

Обсуждая четвертый вопрос: желательна ли будет тогда церковно-школьная инспекция, или в ней, по организации коллегиальных школьных попечительств, не будет надобности? — комиссия, ввиду того, что опыт показал уже, как труд школьной инспекции плодотворен и дело школьное с каждым годом все далее и далее идет по пути к улучшениям, пришла к тому положению, что без контроля инспекции школьное дело обойтись не может, как это показывает и опыт общинных школ, как например — в Англии; кроме сего, комиссия признала желательным, чтобы инспекция выбиралась духовенством и на срок — например — не менее 5—6 лет, чтобы инспекция совершенно была свободна от приходских обязанностей, и даже могли бы избираться на наблюдательную должность и светские лица.

Последний вопрос, касавшийся собственно самого типа церковных школ при будущем обновленном церковном строе, комиссия разрешила в том смысле, что прежнее подразделение церковных школ на церковно-приходские и грамоты желательно было бы уничтожить и признать за нормальный тип церковной школы — школу церковно-приходскую.

Доклад комиссии по вопросу о положении православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверующим по издании Высочайшего указа от 17 апреля сего года о веротерпимости

Ввиду того, что предложенный на обсуждение комиссии вопрос очень сложен и по существу требует детального рассмотрения и обсуждения, комиссия нашла нужным раздробить его на следующие части: 1) каково было положение Церкви в отношении к отщепенцам и иноверующим до указа о ве-

ротерпимости, и удовлетворяло ли это положение как последователей православия, так и иномыслящих; 2) должна ли по существу измениться деятельность миссии православной Церкви после упомянутого указа, и при каких условиях можно ожидать в настоящее время плодотворности миссии в борьбе с расколом старообрядства и, 3) не наступила ли необходимость в «соборном» пересмотре всей церковной реформы, произведенной при патриархе Никоне, а также переоценке отношений Церкви к старообрядцам.

При решении комиссия, ввиду того, что в епархии сектантов — ни рационалистов, ни мистиков — не обретается, обсуждать вопрос о положении православной Церкви в отношении к сектантам нашла для себя весьма трудным, в силу практического незнакомства с сектантством, и решила уяснить положение Церкви в отношении только к старообрядцам.

При решении первого вопроса комиссия пришла к тому заключению, что положение Церкви в отношении к иномыслящим до указа от 17 апреля нельзя было назвать строго нормальным. Церковь охранялась от старообрядцев почти одними полицейскими мерами и средствами. Вся бесполезность этих мер теперь достаточно ясна; они ни к чему доброму не привели: число старообрядцев не уменьшалось. Старообрядцы не только не шли на соединение с Церковью, но еще более удалялись от нее. Меры полицейского воздействия в них все более и все сильнее возбуждали вражду и ненависть к Церкви. Правда, применялись широкие меры и миссионерского влияния на заблуждающихся, но и здесь часто сказывалось тяжкое влияние полицейских мероприятий, и нередко искажался сам характер отношений миссии к заблуждающимся. И миссия Церкви при бывших условиях не могла получить каких-либо довольно ощутительных результатов. Старообрядцы прикрывались личиной преследуемых, «мучеников», и фанатизм их рос, усиливался. После же издания указа о веротерпимости этот фанатизм, служивший раньше для старообрядцев главным препятствием к беспристрастному расследованию истины, должен сам собой ослабеть, уменьшиться. Раньше старообрядцы упрекали Церковь, что она стремится привлекать их к себе не столько словом убеждения, сколько разными репрессиями; теперь это обвинение само собой падает. В этом отношении положение Церкви в борьбе со старообрядством изменилось и стало в более нормальные условия. Но в общем положение Церкви не улучшилось, потому что реформа 17 апреля совершилась быстро и без подготовки Церкви к новому порядку.

Если раньше старообрядцы, в силу существовавших гражданских законоположений, не пользовались одинаковыми с православными правами в удовлетворении религиозных нужд и потребностей, то теперь прежние ограничения почти уничтожились, а православие осталось на старом положении, каковое, по заключению комиссии, для Церкви при современных условиях не может быть благодетельным. И в церковном управлении, и в самом строе и характере церковной жизни необходимы самые широкие реформы. В частности, необходима реформа миссии. Право свободно проповедовать истины православия за Церковью оставлено. Отсюда комиссия, решая второй вопрос, нахо-

дит, что если раньше миссия считалась полезной и нужной для Церкви, то тем более необходима она в настоящее время, когда православная Церковь и отщепенцы, так сказать, стали друг перед другом лицом к лицу. По существу миссия Церкви не должна измениться, только главное и преимущественное ее внимание должно быть обращено на ограждение православных от заражения расколом. Если раньше старообрядцы разными путями старались распространять свои убеждения, то тем более это они будут делать теперь, когда закон о пропаганде смягчен, когда дана возможность переходить из одного христианского исповедания в другое. Необходимо парализовать пропаганду старообрядства, в силу чего комиссия находит неотложным устройство миссии приходской. Когда будет возобновлена жизнь прихода, когда каждый прихожанин будет считать себя членом единой приходской семьи, тогда прозелитизм раскола сам собой уменьшится, если не уничтожится. Для большей же плодотворности миссии и для привлечения к Церкви отщепенцев необходимо устройство в каждом зараженном расколом приходе особых, так называемых миссионерских комитетов, деятельность которых выражается в том, что члены комитета зорко следят за жизнью местного раскола, отмечают в ней каждое новое явление, распространяют листы и брошюры противораскольнического содержания, смотрят и за православными, чтобы кто-нибудь из них не уклонился в раскол и т. д., словом — являются главными борцами за интересы Церкви против местного раскола. Но первым борцом должен быть пастырь, свободно избираемый прихожанами и, так или иначе, прикрепленный к приходу. По существу своего служения он должен дать ответ о своем уповании каждому вопрошающему. Однако дело миссии среди старообрядцев год от года становится настолько трудным и многосложным, что приходский священник не может вести его один, без посторонней помощи. Приходский священник, имея мало свободного времени, следит за общей миссионерской литературой, а эта литература все увеличивается, все расширяется. Наконец, к старообрядцам могут наезжать их главари, начетчики вроде Коновалова, Мельникова, Перетрухина и т. п., борьба с которыми приходскому священнику будет едва ли под силу.

Ввиду изложенных и подобных явлений, комиссия находит, что, кроме приходской и священнической миссии, должна быть миссия, обнимающая собой известный округ. Должны быть особые миссионерствующие лица, всецело занятые только одним делом миссии, которые бы собирали сведения о расколе от миссионерских комитетов и, когда нужно, производили бы собеседования, в случаях необходимости — публичные, но главным и преимущественным образом частные, келейные, когда страсти не разгораются и является возможность беспристрастно исследовать истину. При таком порядке дело миссии может быть плодотворным. Миссия будет не только охранять православных от уклонения, но и заблуждающихся привлекать в лоно Церкви. Кроме этого, комиссия постановила, что окружной миссионер должен быть избираем приходскими священниками и миссионерскими комитетами из лиц как духовного, так и светского звания, на срок не менее пяти лет.

Наконец, при решении третьего вопроса, комиссия после продолжительных дебатов пришла к заключению, что главнейшим и величайшим актом борьбы с расколом явился бы «соборный» пересмотр клятв соборов 1666—1667 годов, а также переоценка бывших отношений Церкви к старообрядцам. Клятвы соборов и доселе продолжают смущать совесть не только старообрядцев, но и единоверцев. Они в настоящее время служат основным тормозом, препятствующим старообрядцам соединиться с Церковью. Как бы ни объясняли эти клятвы, как бы ни разъясняли их, старообрядец останется при том убеждении, что если клятвы наложены собором, то собором должны быть и сняты или разъяснены. Тогда бы сами собой пали преграды для соединения старообрядцев и православных. Нужно также переоценить бывшие отношения Церкви к старообрядцам после соборов 1666—1667 годов. Эти отношения не всегда были последовательны. До 1763 года Церковь, — говорят старообрядцы, — называла старые обряды еретическими, а потом дозволила их употреблять единоверцам, т. е. старообрядцам, соединившимся с Церковью. Чтобы не смущать немощную совесть старообрядцев и отнять у них главные поводы к обвинению Церкви, Церковь могла бы созвать «собор соединения», на котором бы все то, что̀ смущает старообрядцев, было объяснено и разъяснено.

Доклад комиссии по вопросу о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов

Исходным пунктом церковного преобразования в России или — лучше сказать — возвращения к древним и правильным церковным порядкам должно быть признание того основного положения, что Церковь в государстве есть самостоятельный духовный организм, который не может управляться подобно другим отраслям государственного управления (другим ведомствам или министерствам), но который должен жить и развиваться по своим внутренним началам и законам. Из признания самостоятельности церковной не следует такого вывода, что между Церковью и государством не должно быть никакой связи, никакого взаимообщения. Напротив, желательно, чтобы между Церковью и государством существовало возможно близкое взаимообщение, так как они имеют своими членами одних и тех же живых людей, чтобы Церковь и государство помогали друг другу в достижении целей жизни. Но у государства есть своя область задач и целей — внешняя охрана людей и устройство общественного быта их в его временном земном состоянии, у Церкви своя — религиозно-нравственное воспитание людей по идеалам вечной жизни.

Внутреннее управление делами Церкви должно быть безусловно предоставлено самой Церкви. Только тогда Церковь может жить полной и правильной жизнью, только тогда может иметь надлежащее нравственное влияние на народ, когда во внутренней жизни своей она будет устрояться и управляться самостоятельно на основании дарованных ей от Бога прав и установленных канонов. Каков должен быть характер этого внутреннего, самостоятельного церковного управления, — это ясно определяется историей Церкви, определя-

ется самим названием, какое дает себе Церковь в своем исповедании веры. Церковь называет себя *соборной*; характер церковного управления должен быть *соборный*. Сами апостолы, при всей особенности дарованных им благодатных полномочий, находили нужным для решения важнейших церковных дел собирать соборы (Деян. гл. XV). И соборы сослужили великую службу Церкви уже в древние времена. Они раскрыли само учение Церкви, они освободили ее от множества заблуждений, они выработали правила для внутреннего устройства церковной жизни. Как часто в древней Церкви считалось нужным собирать соборы, — это видно из того апостольского правила (Апост. пр. 37-е), коим предписывалось каждому митрополиту иметь в год два таких собрания, — правила, которое подтверждено было I Вселенским Собором (пр. 5-е) и IV Вселенским Собором (пр. 19-е).

Для того, чтобы соборное управление Церковью нашло для себя правильное жизненное применение, для этого, при существовании высшего центрального церковного соборного управления (с митрополитом или патриархом во главе, если будет восстановлено звание патриарха), находящегося в столице России, весьма полезно было бы разделение России на церковные округа или области с постановленными во главе их митрополитами или архиепископами. Это разделение напоминало бы собой существование в древней Церкви архиепископий с архиепископскими округами, когда со званием архиепископа соединялось действительное отправление высшей церковной власти, заведующей целым церковным округом и созывающей областные соборы.

Разделение русской Церкви на округа или — точнее сказать — введение в церковной администрации России разделения по округам, сообразно с существующими географическими, этнографическими и историческими основаниями, полезно было бы для поддержания в епархиальном управлении единства, контроля, братски церковного совета и руководства. Кроме того, такое разделение полезно было бы еще в том отношении, что оно более открывало бы возможности к самостоятельному устроению церковной жизни в различных округах, применительно к их местным особенностям, как например, в Западном крае, представляющем, по справедливому замечанию в предложении г. обер-прокурора Св. Синода по данному вопросу, обширное поприще для охраны православия в борьбе с иноверием, или в восточных губерниях России, где еще множество инородцев ожидает света Христова и где пропаганда ислама вызывает к неутомимому христианскому деланию под одним общим систематическим руководством областного представителя Церкви.

В указанных видах, протоиерей А. М. Иванцов-Платонов предлагает ввести такое примерное церковно-окружное разделение в России: 1) Северно-Русский или Новгородско-Петербургский округ (с включением сюда православных финляндских и остзейских церквей); 2) Срединно-Русский или Великорусский — Московский; 3) Южно-Русский или Малорусский — Киевский; 4) Новороссийский — Одесский; 5) Западно-Русский или Белорусский и Литовский — Виленский (с включением православных церквей, находящихся в бывшей Польше); 6) Восточно-Русский — Казанский: епархии поволжские,

уральские и кавказские; это обширный по пространству и разносоставный по населению округ, с бóльшим развитием церковной и народной жизни в означенных местностях, мог бы быть разделен, и прежде всего должны быть выделены, по мнению комиссии, в особую церковно-областную единицу епархии кавказские; 7) наконец, округ Азиатско-Русский или Сибирский, где могло бы быть учреждено гораздо большее количество епархий, сравнительно с нынешним, а затем впоследствии произойти и разделение округа на две половины — Восточно-Сибирскую и Западно-Сибирскую. При рассуждении об округах церковных само собой нужно иметь в виду и то, что всякое разделение на округа не есть что-либо неизменное и раз навсегда установленное. Требования жизни сами покажут, какие изменения и поправки нужно внести в первоначально принятую схему разделения, сообразно изменившимся условиям времени.

Существенные черты областного церковного управления, как они определились в истории и канонических установлениях Церкви, состоят в том, что церковные области или округа не представляют собой лишь посредствующий передаточный орган высшего, центрального управления. Это — не ряд единоличных или коллегиальных исполнительных инстанций, не имеющих права за своей ответственностью предпринять ни одного сколько-нибудь важного решения и являющихся лишь проводниками распоряжений центральной власти. Каноническое областное управление обязательно предполагает известную долю церковно-правительственной автономии областных единиц, свободы внутреннего самоуправления и широты в постановке и обсуждении вопросов местной церковной жизни. Но автономия областных Церквей сама собой предполагает *соборное* начало самоуправления. Во главе каждой областной поместной Церкви стоит собор всех ее епископов под высшим руководством главного епископа области — архиепископа или митрополита, который, на основании 8-го правила VI Вселенского Собора и 6-го правила VII Вселенского Собора, назначает не менее одного раза в год окружной собор. С другой стороны, областное церковное управление вовсе не тождественно с понятием автокефальности Церквей: будучи автономны, церковные округа не автокефальны. Все они суть органы единой автокефальной Церкви (российской), являющейся в свою очередь органической частью вселенской Церкви, — но органы живые, самодействующие, а не простые пружины центрально-административного механизма. Пользуясь известной самостоятельностью, все церковные области в то же время объединены единством высшего управления, все одинаково подчиняются Вселенскому Собору или общему Собору российской Церкви и ее главному предстоятелю — патриарху или митрополиту, первенствующему члену Святейшего Синода. Сам строй областного церковного управления должен быть организован на основании церковных канонов, в которых содержится указание относительно окружного управления, полномочий областных Соборов, характера и объема власти митрополита; словом, канонические начала управления должны лечь в основу при осуществлении в Церкви системы областного управления с окружными соборами.

Не входя в детальное рассмотрение организации областного управления, так как точное определение ее должно быть задачей знатоков канонического права, а окончательная регламентация такового управления должна принадлежать Всероссийскому церковному Собору, комиссия считает для себя возможным коснуться этой стороны вопроса с канонической точки зрения лишь в общих чертах.

Областной собор, составляющийся из всех епископов округа, при участии низших священнослужителей и мирян с правом совещательного голоса, рассматривает вопросы по предметам христианского вероучения и нравоучения, благочиния и богослужения, церковного управления и хозяйства, духовно и церковно-школьного образования, возбуждаемые местной жизнью. Не решая их окончательно сам, но подвергая лишь предварительному обсуждению и разработке, областной собор представляет их высшему, центральному церковному правительству для рассмотрения и решения их Всероссийским Поместным Собором, созывающимся в 2—3 года раз. В этом главное значение областных соборов. Гласное обсуждение указанных предметов возбудит и будет поддерживать общий интерес к делам Церкви, а обязательное представление этих вопросов на решение общего собора, периодически собираемого, сделает невозможным застой в жизни Церкви. В круг ведения областного собора входит также санкция избраний епархиальной Церковью архиереев на вакантные кафедры и рукоположение их по утверждении избрания высшей церковной властью, затем — приведение в исполнение в пределах округа постановлений общего Собора Всероссийской Церкви и обсуждение недостатков, замеченных архиепископом в управлении какою-либо епархией. Наконец, в среде судебной областному собору принадлежат права первой и второй судебной инстанции. В качестве первой инстанции собор разрешает споры между двумя епископами и разбирает жалобы епархий и отдельных клириков и мирян на своего епископа; в качестве второй инстанции собор рассматривает все дела, подлежащие ведению епархиального церковного суда, т. е. во всех случаях обжалования постановлений последнего. Свои решения областной епископский собор или приводит в исполнение собственной властью, или в случаях важных, например в случае отрешения епископа от управления епархией, представляет на утверждение высшей церковной власти; но в случае несогласия ее с решением областного собора последнее не отменяется ею, а лишь передается на окончательное решение очередного высшего собора иерархов всей русской Церкви.

Что касается власти главного епископа области, митрополита или архиепископа, то она — только административно-исполнительная. Он созывает областные соборы и председательствует на них, подготовляет дела, подлежащие рассмотрению их; принимает жалобы на епископов и епархиальные суды, производит предварительные расследования по ним и потом передает их на рассмотрение областного собора; обозревает епархии подвластных ему епископов и вообще контролирует действия последних. Сам митрополит состоит в непосредственном подчинении у высшей церковной власти, перед нею только он ответствен и ей только подсуден.

Имея в виду существование в некоторых наших окраинах сепаратных стремлений, предполагают, что введение областной церковной автономии будет содействовать подобным стремлениям и таким образом отразится неблагоприятно на целости государственного организма. В ответ на это опасение необходимо сказать, что в настоящее время националистические и сепаратные стремления питаются обыкновенно другими мотивами — этнографическими, культурно-историческими и т. п., но не церковно-религиозными. Поэтому, если где они возникли, они будут существовать и помимо областной церковной автономии; последняя едва ли может придать им особенную жизненность. Бороться с такими стремлениями должно государство, а не Церковь. Кроме того, как уже сказано было, система церковного областного управления не исключает единства верховной власти Церкви. Поместные областные Церкви не суть Церкви автокефальные; они должны будут все находиться в одинаковом подчинении у высшего органа русского церковного правительства — Поместного Всероссийского Собора и у Св. Синода или у всероссийского патриарха с находящимся при нем Синодом. И окраинным православным Церквам, — каковы, например, грузинская или эсто-латышская, — будет предоставлена не автокефальность, а лишь обычная для всей русской Церкви областная автономия. Введение в русской Церкви областного управления, организованного по каноническим установлениям Церкви, открыв широкую дорогу началу соборности и предоставляя простор для проявления местных церковных сил, можно надеяться, вызовет всестороннее оживление церковной жизни и возвратит Церкви ее теперь значительно утраченное влияние на общество.

Отзыв относительно прошения единоверцев города С.-Петербурга на имя Святейшего Синода о даровании единоверцам отдельного епископа с правами члена Святейшего Синода в лице преосвященного Антония, епископа Волынского

Не отрицая важности объединения управления единоверческими приходами, отличающимися от приходов православных церквей некоторыми особенностями в организации своего быта и преимущественно богослужебного чина, комиссия находит, тем не менее, некоторые практические неудобства к полному удовлетворению данной просьбы единоверцев.

Один единоверческий епископ, объединяющий в своих руках управление единоверческими церквами, рассеянными по всей европейской и азиатской России, физически не в состоянии будет осуществить на самом деле личное наблюдение над этими церквами, и, стало быть, управление это по необходимости будет в общем канцелярского характера, а не живое, основывающееся на личном воздействии управляющего епископа. Отсюда вытекает, что и для сохранения благочиния и строго уставного богослужебного строя в единоверческих приходах (на нарушения которых, по причине религиозно-нравственного оскудения, проникающего и в единоверческую среду, жалуются в своем прошении единоверцы), отдельный и единственный единоверческий

епископ поможет мало. Самодеятельность единоверческих церковных общин, в связи с устойчивостью в среде их отличающего их от православных приходов уклада, по-прежнему, и при существовании отдельного епископа, останется главной гарантией благочиния в них и уставности их богослужения.

Лучшего устройства управления единоверческими церквами можно достигнуть и без выделения их из-под ведения епархиальных архиереев, хотя и на началах, близких к указанным в прошении с.-петербургских единоверцев. Управление ими, в целях объединения его, должно быть сосредоточено действительно при Св. Синоде в руках одного из его членов, но он управляет единоверческими церквами не в качестве отдельного единоверческого епископа, а лишь в качестве непременного члена Святейшего Синода по единоверческим делам; все распоряжения по этому управлению подготовляются им, но одобряются Синодом и исходят от имени Синода, и сама ревизия единоверческих церквей производится им лишь по уполномочию от Синода же. Такой постановкой управления достигнутся те же цели, какие указываются в прошении единоверцев, и не нарушатся канонические права епархиальных архиереев. Еще лучше было бы, если бы такой член Синода был назначен по выбору самих единоверцев, чем гарантировалась бы правильность его отношений к единоверию и продолжительность его служения в принятом на себя звании; отдельной епархии ему не поручается. Таким образом, единоверческие приходы по-прежнему останутся под ближайшим надзором епархиальных архиереев, посвящающих для них и клириков (как это допускают и единоверцы в своем прошении), каковой надзор без сомнения действительнее, чем надзор отдельного единоверческого епископа из отдаленного Петербурга, и вместе с тем достигнется единство в устройстве и направлении внутренней жизни этих приходов. Опасаться действий со стороны епархиальных архиереев, не соответствующих интересам единоверия (на что̀ жалуются единоверцы в своем прошении теперь), и при таком устройстве высшего управления последним, вполне обеспечивающем контроль над местным управлением единоверческими церквами, нет оснований.

Как на прецедент к уважению своей просьбы, единоверцы указывают на существование отдельного управления военным духовенством. Но целесообразно ли устройство управления этим духовенством, поставляющего последнее вне ближайшего надзора со стороны авторитетной власти — епархиальных архиереев, это еще вопрос.

Как усматривается из прошения, единоверцы и сами сознают недостаточную основательность своей просьбы. «Дело однакож не в учреждении, — говорят они в прошении: — Успех единоверия будет зависеть от лица, которое будет управлять единоверием…», и потому целесообразность своего проекта обусловливают непременным назначением отдельным единоверческим епископом преосвященного Антония, епископа Волынского и Житомирского, как лица, могущего быть идеальным посредником между единоверцами и Св. Синодом. Но, как бы ни были высоки достоинства известного лица, связывать только с ним введение реформы в каком бы то ни было управлении, а не из-

менять его в силу необходимости самой реформы, не следует. Впрочем, не может быть, конечно, никаких препятствий к тому, чтобы преосвященный Антоний Волынский был призван в Св. Синод в качестве члена его, заведующего единоверцами на изложенных выше основаниях.

Мнение по поводу того, что на Всероссийском церковном Соборе обнаружатся попытки к возбуждению вопросов, помимо намеченных Святейшим Синодом

1. Относительно предполагаемого на Всероссийском церковном Соборе «вопроса о положении православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверцам по издании Высочайшего указа 17 апреля сего года, о веротерпимости» следует с уверенностью ожидать, что вопрос этот может быть предметом обсуждения названного Собора; но при этом, без сомнения, будет принято во внимание что *общие вопросы веротерпимости*, вопрос об отпавших от православной веры, о правах старообрядцев и сектантов, а также вопросы, касающиеся инославных христианских и иноверных нехристианских исповеданий, уже обсуждались Комитетом Министров в заседаниях 25 января, 1, 8, 15 и 22 февраля и 1 марта; и положение Комитета Министров, напечатанное в 20, 21, 22, 23, 24 и 25 номерах «Церковных Ведомостей» за текущий год, с проектируемых в этом положении *Особым Совещанием* для подробной разработки некоторых сторон указанных вопросов, удостоилось Высочайшего утверждения 17 апреля сего года. Не подлежит посему сомнению, что проектированное Особое Совещание всесторонне рассмотрит порученные ему Комитетом Министров вопросы, и ко времени созвания Всероссийского церковного Собора разъяснения эти будут опубликованы в печати и могут быть предметом обсуждения Собора.

2. В частности, относительно того, какие могут возникнуть в *Пермской епархии* вопросы и факты в применении к жизни Высочайшего указа 17 апреля, — сказать теперь трудно. В случае же, например, преступной пропаганды инославия или иноверия, а равно унижения православия в Пермской епархии, эти факты должны всесторонне обсуждаться на благочиннических, миссионерских и епархиальных съездах духовенства епархии и особым докладом представляться его преосвященству, от коего будет зависеть дать делу дальнейший ход перед подлежащими властями, если порядок ведения означенных дел не будет установлен Всероссийским церковным Собором. Но вполне естественно надеяться, что все стороны вопросов о веротерпимости и положении православной Церкви в государстве будут точно разрешены на Соборе.

3. Переходя к обсуждению того, какие *другие* вопросы и предметы веры, кроме вопросов церковного управления, могут быть предметом обсуждения Всероссийского церковного Собора, избранная Пермская комиссия прежде всего выражает уверенность, что *догматы веры должны оставаться неприкосновенными* — изменение их лежит в авторитете только Вселенского Собора, но что в нашей церковной жизни есть важные и неотложные вопросы, ре-

шение которых может принять на себя и Поместный Собор Всероссийской Церкви; это вопросы: 1) об изменении принятого православной русской Церковью богослужебного устава, как составленного прежде применительно к монастырскому обиходу, совершенно особенному в сравнении с церковно-приходской жизнью; 2) о рассмотрении и изменении чинопоследования некоторых таинств, например чина оглашения при совершении таинства св. крещения, отрицания от сатаны; введения при многолюдстве общей исповеди, изложения чина елеосвящения для одного священника и т. п.; 3) об исправлении языка богослужебных книг, как непонятного для большинства верующих; 4) о соблюдении постов применительно к условиям современной жизни; 5) об устройстве храмов в многолюдных селениях в виде простых зданий, отличающихся святостью своего назначения; 6) о правильном иконописании и иконопочитании, которым соблазняются не только иноверцы, но и православные русские люди и 7) о введении единства обрядов при погребении православных христиан.

Эти и подобные им вопросы, конечно, могут возбуждаться прежде всего путем печати, затем быть предметом обсуждения епархиальных съездов духовенства, вноситься этими съездами особым докладом епархиальному преосвященному, а последним — на Поместный Собор; но, чтобы указанные выше и подобные им вопросы стали предметом обсуждения Всероссийского церковного Собора, необходимо требовать от печатных статей и изданий всестороннего исследования того или другого вопроса с канонической и исторической точек зрения, в чем несомненную пользу могут оказать представители богословской науки.

№ 43,

преосвященного Димитрия, архиепископа Херсонского,

от 12 декабря 1905 года

Долг имею почтительнейше доложить Святейшему Синоду, что, во исполнение указа от 27 июля сего года за № 8, я своевременно составил для обсуждения вопросов, предположенных к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви, три комиссии, для рассуждений которых дал руководящие указания. Первая комиссия — по вопросам об усовершенствовании духовных школ, под председательством ректора семинарии, из преподавателей семинарии и Одесского духовного училища; вторая — о благоустройстве церковном и приходском, из лучших одесских священников, под председательством кафедрального протоиерея; третья о церковном управлении и суде, из членов консистории при секретаре консистории. Все три комиссии представили мне свои соображения, которые долгом почитаю при сем препроводить на благоусмотрение Святейшего Синода.

К сему вынужден с сожалением присовокупить, что вторая комиссия в обсуждении весьма важных церковных вопросов слишком поддалась влиянию легкомысленных, но пытающихся обосноваться на канонах церковных, толков о преобразовании Церкви, нашедших себе место и в постановлениях различных епархиальных съездов, и в общественных кругах духовенства и в литературе. Я счел долгом представить это суждение комиссии в неприкосновенном виде, как официальную иллюстрацию к нынешнему настроению, казалось бы, даже лучших представителей епархиального духовенства.

Соображения первой комиссии

Образованная по предложению его высокопреосвященства комиссия из представителей Одесской духовной семинарии и Одесского духовного училища, для обсуждения вопроса об усовершении современных духовно-учебных заведений, наметила для своего рассмотрения следующие вопросы:

1) Достоинства и недостатки современных духовно-учебных заведений.

2) Разбор некоторых проектов усовершения современных духовно-учебных заведений и — в частности — проекта, напечатанного в «Церковных Ведомостях» за 1905 год № 39, рекомендующего отделение общеобразовательной школы от богословской.

3) Желательный тип общеобразовательной школы для детей духовенства.

4) Желательный тип специальной богословской школы для подготовления к пастырскому служению.

Вопросы эти были распределены между отдельными членами комиссии для более подробного рассмотрения. По прочтении и обсуждении представленных по каждому вопросу в отдельности докладов, комиссия пришла к следующим общим выводам:

По первому вопросу:

1) Современные толки о совершенной непригодности для своей цели духовно-учебных заведений преувеличивают недостатки этих заведений.

2) Существующие духовно-учебные заведения имеют свои достоинства:

а) они, при благоприятных условиях в настроении питомцев, и теперь достигают своей цели — подготовления лиц, достойных быть пастырями Церкви;

б) в учебном отношении достоинством духовной школы является сравнительно высокое умственное развитие ее питомцев и воспитание в них заметной трудоспособности;

в) постановка материальной стороны позволяет бесплатно содержать почти три четверти питомцев духовной школы.

3) При отмеченных достоинствах, настоящая духовная школа имеет важные недостатки:

а) она страдает краткостью программ для одних предметов и излишеством уроков — для других, иногда даже излишеством самих предметов; причина этого — желание совместить в духовной школе две школы: общеобразовательную — для воспитания детей духовенства и богословскую — для удовлетворения нужд Церкви воспитанием пастырей;

б) в ней слабо поставлено библиотечное дело, нормальная постановка которого необходима для успешного ведения дела в школе;

в) ее преподаватели крайне не обеспечены материально, а воспитателей в ней очень мало; служащие же воспитатели обременены непосильным трудом;

г) воспитательная сторона в современной школе сильно страдает от того, что в ней воспитывается много лиц единственно ради получения прав и совершенно нерасположенных к служению Церкви; эта нерасположенность в значительной степени усиливается условиями внешкольной жизни питомцев и мыслью, что, по выходе из духовной школы, их ждет тяжелое служение на плохо обеспеченном (в смысле способов обеспечения) пастырском поприще и что им закрыт выход в высшие учебные заведения;

д) на учебно-воспитательной стороне духовной школы, несомненно, невыгодно отражается соединение с административными и учительскими обязанностями обязанностей хозяйственных;

е) такое же действие на учебно-воспитательную сторону духовной школы производит частое перемещение лиц административно-педагогического персонала, особенно ректоров и инспекторов.

По второму вопросу:

Проект реорганизации духовной школы, напечатанный в «Церковных Ведомостях» за 1905 год № 39, по рассмотрении его в комиссии найден заслу-

живающим особого внимания, как предрешающий многие вопросы по усовершению современной духовной школы.

Руководствуясь его указаниями, комиссия находит, что необходимо из существующих духовных школ образовать два типа учебных заведений: 1) общеобразовательные по типу гимназий с семилетним или восьмилетним курсом училища и 2) профессиональные богословские курсы для подготовления к пастырскому служению или пастырские семинарии.

А) Первый тип школы должен обслуживать нужды духовенства по воспитанию и обучению детей. В соответствии с этим:

1) Школы первого типа по количеству классов, по программам учебных предметов и по правам на поступление в высшие учебные заведения должны быть равны средним общеобразовательным школам Министерства народного просвещения, но с тем, чтобы, открывая детям духовенства доступ ко всякому образованию, они в то же время давали возможную (лучшую сравнительно со светскими средними школами) подготовку желающим поступить в специальные богословские школы, почему воспитательный строй и порядок жизни в них, и отчасти состав учебного курса, должны иметь некоторые специфические особенности.

Примечание 1. В соответствии с таким назначением общеобразовательных духовных училищ, в эти училища могут быть принимаемы, при наличности свободных вакансий, и дети из других сословий.

Примечание 2. Смотря по местным условиям, для удобства в управлении и в содержании духовенством своих детей, духовные училища в епархии можно устраивать в разных видах: с полным количеством классов или же в виде низших и высших классов особо.

2) Специфические особенности общеобразовательной школы должны заключаться:

а) в строго православном направлении воспитания;

б) в преподавании Закона Божия в размере, не меньшем сравнительно с объемом этого предмета в нынешних классических гимназиях;

в) в обязательном изучении церковного пения и церковно-славянского языка;

г) в изучении греческого языка, хотя бы только в старших классах.

Б) второй тип школы — богословские курсы или пастырская семинария — имеет целью приготовление к пастырскому служению лиц, желающих посвятить себя этому делу.

1) Этот тип школы должен иметь трехгодичный курс наук (богословских и некоторых прикладных), обеспечивающий вполне достаточное подготовление к прохождению пастырского служения, с соответствующим воспитательным режимом, внешними порядками и организацией учебного строя. Принимаются на курсы лица всех званий и сословий, не моложе семнадцатилетнего возраста, обладающие образованием не ниже среднего, вполне сознательно и свободно желающие посвятить себя на служение Церкви Христовой.

Примечание 1. Все такие лица поступают в семинарию без экзамена; все же остальные, по возрасту и со стороны своего настроения удовлетворяющие указанным условиям, принимаются по особому вступительному экзамену.

Примечание 2. Лица, окончившие курс обучения с отличием, получают право на поступление в высшую духовную школу — в академию — без экзамена.

Примечание 3. В качестве вольнослушателей могут быть принимаемы так называемые начетчики, и в исключительных случаях — даже семейные лица, впрочем, без права жить в общежитии.

2) Ученики семинарии в продолжение всего курса учения живут в здании семинарии и подчиняются всем требованиям семинарского общежития.

3) Обязательно участвуя в совершаемых в семинарском храме богослужениях в качестве чтецов, певцов и проповедников, учащиеся практически подготовляются к выполнению обязанностей приходского пастыря.

4) В частности, учебный курс пастырской школы должны составлять следующие предметы:

а) Священное Писание Ветхого и Нового Завета;

б) основное богословие;

в) нравственное богословие;

г) догматическое богословие с обличительным;

д) общая церковная история и история русской Церкви;

е) литургика;

ж) церковное право;

з) теория и практика проповедничества;

и) расколо- и сектантоведение;

і) педагогика (теория воспитания, обучения и история педагогики);

к) обзор философских учений.

Необязательные предметы: греческий язык, еврейский язык, новые языки, сведения по гигиене (общий) и сельскому хозяйству.

Примечание 1. Метод преподавания должен быть по преимуществу лекционный, с репетициями в конце каждой учебной четверти.

Примечание 2. По всем предметам учебного курса учащиеся в пастырской семинарии пишут под руководством преподавателей сочинения, пользуясь лучшими пособиями из фундаментальной библиотеки. По педагогике, кроме того, учащиеся ведут практические занятия в образцовой школе, которая должна быть при семинарии.

5) Желательно, чтобы учебно-воспитательные корпорации епархиальных учебных заведений — училищ и пастырских семинарий, состоя под ближайшим начальством епархиальной и высшим — центральной духовных властей, получили большую свободу коллегиального самоуправления по учебной и воспитательной частям.

6) Необходимо, чтобы начальство и лица учебно-воспитательного персонала училищ и семинарий совсем были освобождены от непосредственного заведования хозяйственной частью, которая должна быть передана в ведение особых лиц.

7) Для лучшей постановки учебно-воспитательного дела в училищах и семинариях необходимо, чтобы служащие здесь материально были вполне обеспечены, независимо от того, из каких источников будут поступать средства на содержание епархиальных духовно-учебных заведений.

8) Для той же цели необходимо, чтобы библиотеки — фундаментальная и ученическая — и вообще учебно-воспитательные учреждения в училищах и семинариях были обставлены возможно лучше, для чего опять-таки требуется наличность вполне достаточных материальных средств.

В заключение комиссия, работавшая над составлением настоящего доклада, считает нужным отметить, что всеми ее работами руководила одна главная мысль, что специальная богословская школа должна существовать отдельно самостоятельно, какая бы организация не была дана общеобразовательной школе для детей духовенства.

Соображения второй комиссии

Комиссия по обсуждению вопросов, подлежащих решению будущего Собора Всероссийской Церкви, по всестороннем обсуждении предложенных ей вопросов, пришла к следующим решениям их:

I. О благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях

Не подлежит сомнению, что в жизни православных приходов, особенно городских, в настоящее время не существует оживленной единодушной работы пастырей и пасомых в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях. Напротив, отмечается нередко полная разобщенность и даже антагонизм между пастырями и пасомыми в приходских делах. В литературе духовной и светской, и на собраниях и съездах духовенства в последние годы всесторонне обсуждался вопрос о переустройстве приходской жизни с целью оживления ее. Вопрос этот решается различно. По мнению одних, не нужно никаких реформ в нынешнем приходе, потому что никакие реформы делу не помогут, а требуется только, чтобы пастыри свято исполняли свой пастырский долг, вложили в свою деятельность любовь к пасомым, бескорыстие, усердие и пастырскую настойчивость во всех своих добрых начинаниях. Пасомые услышат голос своего пастыря и пойдут за ним. По мнению других, требуются реформы во всем строе приходской жизни, требуются такие учреждения, которые сплотили бы приход в отдельную автономную единицу, с предоставлением ей забот обо всех нуждах прихода в религиозно-нравственном, просветительном, благотворительном и хозяйственном отношениях. Комиссия, признавая неоспоримое значение авторитета личности пастыря в жизни прихода, полагает, что пастырь без деятельного участия

самого прихода не в состоянии единолично исполнить все требования, предъявляемые к нему современной жизнью, и:

1) Считает необходимым, для оживления и обновления приходской жизни, привлечь мирян к широкому и деятельному участию во всех сторонах приходской жизни.

2) Чтобы участие мирян в приходской жизни было более жизненно и продуктивно, желательно предоставить приходу в лице его представителей право юридического лица, способного приобретать имущество теми способами и средствами, которые предоставлены таким лицам в законе.

3) Местным органом для этой цели служит «церковно-приходское братство», число членов которого должно быть не менее 12 человек из прихожан обоего пола, православного исповедания, трезвого поведения и доброй жизни, в возрасте не менее 30 лет. Настоятель церкви (или другой священник) состоит председателем братства или товарищем его, а все остальные члены причта и церковный староста — непременными членами его. Все члены братства избираются приходом на три года, а избрание председателя утверждается епископом. Собрания братства бывают ежемесячно, а в экстренных случаях — по приглашению председателя.

4) Ведению «церковно-приходского братства» подлежат: просветительная и благотворительная деятельность, благоустройство религиозно-нравственной жизни общества, а также развитие и улучшение материального обеспечения церкви и ее причта.

5) Одной из самых главных задач братства желательно поставить попечение о возможно лучшем и широком образовании духовенства, так как это служит первым и главным залогом высокого состояния приходской единицы во всех отношениях. Поэтому братство обязано отделять из церковных доходов назначенную епархиальным начальством часть на нужды духовно-учебных заведений. В этих же целях братство должно заботиться о самом широком развитии школьного дела в приходе, о поддержании нормального хода учения и об улучшении образования и воспитания в приходе. В городских приходах желательно участие членов братства в советах и деятельности родительских кружков, образуемых при гимназиях.

6) В заботах о религиозно-нравственном состоянии прихода братство учреждает библиотеки, устраивает, где найдет возможным, чтения церковно-исторического, догматическо-катехизического и поучительно-бытового характера. Кроме того, братство прилагает все старания к утверждению христианского воспитания и развитию добрых нравов в обществе, выражая одобрение или порицание обратившим на себя общее внимание действиям прихожан — или своими постановлениями, о которых извещается весь приход, или путем печати; а в чрезвычайных случаях братство может обращаться и к законному суду, каждый раз предварительно уведомляя об этом епископа.

7) Благотворительная деятельность братства может проявляться в самых широких размерах, как-то: учреждении больниц, приютов, богаделен, и во всех видах призрения общественного и частного.

8) Братство заботится не только о всех вообще материальных нуждах храма, но и о возможном его благолепии, а во время совершения богослужения наблюдает за благочинием стоящих в храме.

9) В числе главных забот братства состоит и попечение о материальном благосостоянии приходского духовенства, устройстве соответствующих и достаточных помещений для причта и изыскании определенной нормы постоянного его содержания, так как от обеспечения причта в значительной степени зависит плодотворность его деятельности.

10) Но функции «церковно-приходского братства» не могут быть абсолютно автономными. Церковный приход, как известная единица, входит в состав епархии, управляемой епископом; а потому все действия прихода находятся под контролем епископа, которому ежегодно представляется отчет о деятельности братства.

11) В вопросе об избрании новых членов причта желательно предоставить прихожанам право участия в этом избрании совместно с окружным духовенством. Участие это может выражаться в рекомендации известных обществу и окружному духовенству и во всех отношениях достойных кандидатов. Но окончательное избрание и назначение членов причта зависит от епископа.

II. О приобретении Церковью и епархиальным духовенством собственности

Хотя существующее в законах гражданских и о состоянии требование испрашивать Высочайшее соизволение на приобретение церквами недвижимости путем купли, дара и пожертвования и ограждает Церковь от ненужных, невыгодных, спорных и т. п. имуществ, но оно же и затрудняет Церковь в приобретении имуществ, потому что, пока дело об исходатайствовании Высочайшего соизволения пройдет через консисторию и Святейший Синод, проходят иногда годы, и материальное состояние продавцов, дарителей и жертвователей настолько изменяется, что продажа, дар или пожертвование становятся невозможными. Поэтому комиссия считает желательными отмену закона об испрошении Высочайшего соизволения на приобретение церквами недвижимости и предоставление Церкви права на приобретение недвижимости общеустановленным порядком, как это, по определению Правительствующего Сената (31 января 1900 г.), предоставлено находящимся в Духовном Ведомстве обществам, братствам, приютам, богадельням и т. п. религиозно-просветительным, благотворительным и богоугодным учреждениям. Все требуемые в настоящее время формальности, обеспечивающие законность и неоспоримость покупки, дара и пожертвования, при таком порядке остаются в силе, но сам ход дела по приобретению ускоряется. Что касается вопроса о предоставлении духовенству, как сословию, прав юридического лица и приобретение имуществ наравне с другими сословиями и учреждениями (ст. 698, т. X, ч. I, изд. 1900 г.), то, по мнению комиссии, желательно изменение ст. 698 в том смысле, чтобы духовенство было признано сословием, имеющим права юри-

дического лица наравне с другими сословиями, если вообще сословия останутся в переустраиваемом Русском государстве.

III. О вопросах, подлежащих решению епархиальных съездов, и о назначении съездов в ряду епархиальных учреждений

Епархиальные съезды за короткое время своего легального существования (с 1867 г.) блестяще выполнили свои первоначальные задачи, в силу назревающей необходимости широко раздвинули рамки своей деятельности и доказали свою дееспособность быть сильным и влиятельным органом во всех функциях жизни епархии.

Требуется теперь определить область тех дел, которые подлежат ведению епархиальных съездов.

Прежде всего, необходимо изменить их название: называть их не съездами, а епархиальными соборами, или, для избежания смешения понятий, епархиальными собраниями.

Епархиальные соборы должны объединить все епархиальные учреждения, давать им жизнь, направление и материальные средства. Посему ведению епархиальных соборов, по мнению комиссии, должны подлежать следующие дела:

1) Экономическое и материальное состояние духовно-учебных заведений епархии, в том числе и духовной семинарии.

2) Экономическое и материальное состояние всех епархиальных благотворительных учреждений (свечных заводов, попечительств, приютов и т. п.).

3) Избрание начальствующих лиц в духовно-учебных заведениях епархии, как это было по уставу 1867 г., а именно — ректора духовной семинарии, смотрителей духовных училищ и начальницы епархиального женского училища.

4) Избрание членов пресвитериума (пресвитерского совета), имеющего заменить собой консисторию.

5) Избрание членов епархиального попечительства, заведующих свечными заводами, богадельнями, приютами и прочее.

6) Отчеты духовно-учебных заведений не только экономические, но и по учебно-воспитательной части сих заведений, по которым, кроме сведений, доставляемых членами правлений от духовенства, духовенство могло бы знакомиться с внутренней жизнью сих заведений, к сожалению — теперь совершенно для него закрытой.

7) Отчеты о состоянии благотворительных учреждений епархии.

8) Отчеты об общем ходе религиозно-просветительного школьного и миссионерского дела в епархии.

9) Избрание кандидатов в епископы епархии.

10) Избрание представителей от духовенства епархии для присутствования в заседаниях Собора Всероссийской Церкви, участие каковых желательно на Соборе.

Указанные юридические права епархиального собора согласуются с церковными канонами и потому достаточно обеспечивают неприкосновенность канонических прерогатив епископа, являясь в то же время сильным и влиятельным вспомогательным органом при епископе в материальных, экономических, религиозно-просветительных и административных нуждах епархии.

IV. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях

Участие пастырей Церкви в городских, земских и сельских общественных учреждениях, по мнению комиссии, желательно по следующим соображениям:

1) Духовенство, большинство которого состоит на службе в селах, в числе средств содержания имеет и землю, которую или само обрабатывает, или отдает под обработку другим лицам; и в том и в другом случае для поддержания своего материального состояния оно должно заниматься хозяйством, отдавая ему, особенно летом, значительное количество своего времени. Следовательно, мирские дела, по самому положению у нас духовенства и способам его обеспечения, уже далеко не чужды ему.

2) Ближайшее и подробное знакомство духовенства с местными нуждами может быть весьма полезно при обсуждении этих нужд в общественных учреждениях.

3) Так как церковно-приходские школы в большинстве случаев субсидируются общественными учреждениями, то при обсуждении вопроса об этих субсидиях необходимо часто слово священника в защиту церковных школ при нападках на них.

4) Местная практика показывает, что к представителям от духовенства в общественных учреждениях (земствах и думах, особенно в первых) относятся с полным уважением, и мнения их выслушиваются там с полным вниманием.

5) В общественных учреждениях, ввиду дарованной свободы слова, будут подниматься вопросы о действиях священников в приходах, о плате за требоисправления и т. п.; в этих случаях нужно будет и слово духовенства.

6) Духовенство в общественных учреждениях, где при свободе слова явятся представители разных партий политических, может оказать существенную и авторитетную поддержку умеренным и благомыслящим.

7) Участие духовенства в общественных учреждениях не только не умаляет теперь уважения и почтения к нему в глазах православных, но, несомненно, и возвышает.

8) Желательно, чтобы представители от духовенства в общественные учреждения выбирались съездами духовенства же и являлись полноправными членами общественных учреждений, в которые они выбираются, так как лишение каких-либо прав в данных учреждениях (например, права участия в закрытой баллотировке) ставит представителей духовенства часто в очень неловкое положение и умаляет их значение в глазах других членов учреждения и той посторонней публики, которая присутствует на всегда публичных собраниях и заседаниях этих учреждений.

Соображения третьей комиссии

Члены Херсонской духовной консистории и секретарь, составив из себя комиссию, по обсуждении вопросов, изложенных в предложении г. обер-прокурора Святейшего Синода от 28 июня 1905 года, за № 100, мнение свое выразили письменно в нижеследующих пунктах:

I. *О пересмотре законоположений о существующих органах епархиального управления и суда и о преобразовании оных согласно с каноническими соборными началами.* В предложении г. обер-прокурора Святейшего Синода выдвигается «вопрос об организации такого действенного органа епископской власти, который объединял бы в своем ведении всю область епархиального управления». Необходимость создания такого органа мотивируется существующим «многообразием» епархиальных учреждений и их «обособленностью», при которых епархиальному епископу «крайне затруднительно направлять их к правильному и согласному действию». По мнению комиссии, создание нового проектируемого предложением органа не упростило бы задач епархиального управления и не облегчило бы труд епископа. Если предположить, что такой орган должен быть создан путем объединения всех ныне существующих епархиальных учреждений, то, очевидно, что от этого дело нисколько не выиграет, так как несколько несовершенных учреждений, будучи соединены все вместе, не сделаются от того совершеннее. Если же таковой орган представлять как совершенно новое учреждение, нечто вроде совета при архиерее, предварительно рассматривающего все восходящие к епископу дела и представляющего их с своим мнением, то и в этом случае следует ожидать не облегчения, а еще бо̀льшего усложнения труда епархиального архиерея по следующим причинам: во-первых, новому посредствующему органу придется иметь дело с теми же самыми епархиальными учреждениями, которые ныне признаются несовершенными по своей организации; во-вторых, новый посредствующий «действенный орган епископской власти», кроме викарных епископов, будет иметь своими деятелями все тех же более даровитых и опытных священнослужителей, которые и в настоящее время разделяют с епископом труд епархиального управления в качестве членов различных епархиальных учреждений. Так как в предложении г. обер-прокурора определительно выражено, что «при настоящем положении Государственного Казначейства ни о каком воспособлении к ассигнуемым средствам на содержание епархиального управления не может быть речи», то несомненным представляется, что члены нового «действенного органа», так же как и члены существующих епархиальных учреждений, будут стеснены в своей деятельности приходской службой, составляющей главный источник их содержания. При таких условиях естественно ожидать, что и новый «действенный орган» не только не исцелит недугов епархиального управления, но и сам не чужд будет тех самых недостатков, которыми страдают существующие епархиальные учреждения, и прежде всего — духовная консистория. Реформа епархиального управления, по мнению комиссии, и должна быть направлена прежде

всего к тому, чтобы исправить недостатки в организации этих учреждений и поставить их в нормальные условия для деятельности, а не к ломке их и не к созданию новых, быть может, столь же несовершенных и, во всяком случае, не необходимых органов.

В чем недостатки существующего административно-судебного органа епархиального управления, — это кратко, но верно выражено в предложении г. обер-прокурора в следующих чертах: «Как учреждения административные, консистории с их присутствиями из членов, постоянно отвлекаемых от епархиальных дел исполнением своих прямых священнослужительских обязанностей, при канцелярии из недостаточного числа скудно обеспеченных и большей частью мало подготовленных к службе чиновников, при соблюдении устаревших форм делопроизводства, обременены формальным письменным производством». В первый раз признается с такой высокоавторитетной стороны, что предъявляемые к консисториям требования далеко не соответствуют тем условиям, в какие поставлены эти учреждения.

В самом деле, консистория, по Уставу, есть учреждение коллегиальное; коллегиальность решений, по идее Преобразователя, должна была обеспечивать их правильность и беспристрастие. «Известнее бо взыскуется истина соборным сословием, нежели единым лицем» (Регламент, ч. I, п. 1). Но на практике идею коллегиальности современные консистории давно уже не осуществляют по следующим причинам. По требованию 313 ст. Устава, «все члены, исключая токмо отсутствующих», «должны участвовать в слушании и решении дел». По статье 309, «присутствию докладываются все вступающие в консисторию дела и бумаги *без изъятия*». Кроме того, каждый член обязан, совместно с секретарем, иметь в своем наблюдении один из столов консистории (ст. 295). Таким образом, на каждом из членов лежит столько важных, ответственных и тяжелых обязанностей, что успешное их выполнение под силу только лицу, совершенно свободному от других занятий. Между тем присутствие консистории в нормальном своем составе насчитывает всего четырех членов, и те почти всегда имеют приходы и, кроме того, какие-нибудь посторонние занятия, чаще всего — законоучительство в учебных заведениях, и потому не имеют возможности посвящать консисторским делам достаточно времени. О регулярном посещении присутствия поэтому не может быть и речи. Впрочем, даже при полной аккуратности членов в посещении присутствия, в их распоряжении всего около 240 или 290 присутственных дней в году (последняя цифра верна, если считать все субботы, а также и среды Великого поста, в которые члены должны посещать присутствие по мере возможности и по требованию дел). Если предположить, что ежедневно члены посвящают на «слушанье» и «решение бумаг» по 5 часов (от 9 час. утра до 2 час. дня), то, при 20 000 бумаг, ежегодно поступающих в Херсонскую духовную консисторию, окажется, что о.о. члены «выслушивают и решают» 70—85 бумаг в день или 14—17 в час. Таким образом, на решение всякой бумаги, какого бы сложного дела она ни касалась, присутствие может уделить не более 4 минут. Неудивительно, что на практике в некоторых консисториях бывает совсем иное.

В циркулярном указе Святейшего Синода от 24 октября 1866 года, за № 19, читаем следующее извлечение из отчета по ревизии одной из консисторий: «Доклада и слушания дел в присутствии консистории не было; не бывает в собственном смысле и самого присутствия. Члены консистории поодиночке являются в камеру присутствия, когда кому случится, и занимаются там просмотром и подписанием бумаг. По заведенному издавна порядку, взамен предписанного 307 ст. Уст. дух. конс. доклада дел секретарем или под его руководством столоначальником, каждый член, заведующий столом, при участии столоначальника, или этот последний, по указанию своего члена или по собственному уразумению, составляют проект журнальной статьи или протокола с измышленным ими решением и представляют оные к подписи прочих членов. Иногда случается, что секретарь или кто-либо из членов не соглашаются с проектированным решением; тогда проект подвергается обсуждению всех или нескольких членов. Но такие случаи составляли только исключение, и притом редкое, — в прямое нарушение 309 ст. Уст. дух. конс. Черты эти вполне известны всем служившим и служащим в консисториях. Отсюда следует, что духовные консистории еще 40 лет назад на практике представляли собой совершенно не то, чем они должны быть по своему Уставу. Несмотря на ревизии, на карательные и исправительные меры по отношению к членам, секретарям и прочим служащим, таковыми консистории остались и до настоящего времени, как свидетельствует о том действительность, констатированная в предложении г. обер-прокурора. Что касается канцелярий духовных консисторий, то к характеристике их, данной в «предложении», нельзя ничего прибавить: действительно, помянутые канцелярии составлены из недостаточного числа скудно обеспеченных, мало подготовленных к службе чиновников, обремененных притом же иногда непосильной работой, что̀ порождает известную всем «консисторскую волокиту» и нередко злоупотребления на почве мздоимства.

Очевидно таким образом, что несовершенство консисторий зависит не столько от лиц, сколько от несоответствия требований Устава духовных консисторий тем условиям, в которых находятся эти учреждения с давнего времени. Не подлежит сомнению, что самое совершенное по идее учреждение, будучи поставлено в ненормальные условия и несоответственно организовано, неминуемо должно навлечь на себя одни только нарекания. Посему при пересмотре законоположений о существующих органах епархиального управления и — в частности — о духовных консисториях надлежит поставить членов епархиальных учреждений, а равно и канцелярии их, в такие условия, чтобы возложенный на них труд не был для них непосильным. Для сего необходимо освободить членов консистории от всякой другой посторонней службы, как например, — приходской и учебной; для того же, чтобы привлечь на службу лучших и способнейших людей, следует дать членам епархиальных учреждений вполне достаточное обеспечение. Обновленному таким образом органу епархиального управления не следует предъявлять неисполнимых требований: должно освободить присутствие от бесцельного выслушивания всех

бумаг «без изъятия» (ст. 309 Уст. дух. конс.), разделив дела на разряды, по большей или меньшей важности их, причем менее важные епископ может предоставить членам разрешать и приводить в исполнение собственной властью. Коллегиальному же решению должны подлежать только более важные и сложные дела (ср. ст. 497—501 общ. учр. губерн., т. II Св. Зак., изд. 1892 г.). Вместе с тем, необходимо значительно усилить состав канцелярий духовных консисторий или другого наименования учреждений (если таковыми будут заменены ныне существующие), соответственно действительной потребности. Так как, при скудном обеспечении, в помянутые канцелярии невозможно привлекать способных и вполне подготовленных чиновников, то необходимо и чиновникам дать вполне достаточное материальное обеспечение.

Для облегчения тяжкого бремени епархиального управления возможно передать некоторые роды дел (как например — пререкания между членами причтов относительно раздела доходов, об обидах и оскорблениях, и мелкие хозяйственные дела церквей) на окончательное решение благочинных и их советов. Но предварительно необходимо поставить и благочинных в нормальные условия для деятельности: возвысить их авторитет, освободить от обязанностей приходской службы, обеспечив вполне достаточным содержанием. В настоящее время существующие благочиннические советы мало облегчают епархиальные начальства, так как заинтересованные в деле стороны почти всегда пользуются правом апелляции к епархиальному начальству, не стесняясь тем незначительным денежным штрафом, который налагается на виновных в случае признания апелляции не заслуживающей уважения. Передача некоторых родов дел на окончательное решение благочинных и их советов, при условии возвышения авторитета благочинных, их прав и ответственности, и при должной организации благочиннических советов, послужит значительным облегчением бремени епархиального управления. К тому же облегчению как епархиальной власти, так и приходских причтов, послужило бы освобождение последних от посторонней для них обязанности вести метрические книги, как акты гражданского состояния. В настоящее время значительная часть взысканий, налагаемых на духовенство, причиной имеет погрешности в ведении метрических записей, а канцелярии консисторий крайне обременены делами об исправлении таковых записей и просьбами о выдаче метрических свидетельств. Освобождение духовенства от этого дела вместе с тем освободило бы приблизительно около ⅓ наличных канцелярских сил в консисториях и соответствующим образом усилило бы работоспособность канцелярий.

По вопросу о преобразовании *духовного суда* прежде всего должно отметить несовершенство существующего института духовных следователей. Избираемые епархиальным начальством, хотя и из наиболее деятельных и усердных священнослужителей, следователи эти в значительном большинстве не обладают ни опытом, ни элементарными юридическими познаниями, и не располагают достаточным временем для исполнения своих обязанностей, так как отвлекаются от последних приходской службой. При этом следователи не всегда стоят на высоте понимания своего долга, нередко обнаруживая в своем

деле пристрастие; епархиальные начальства в таких случаях лишены возможности строго судить неправильные действия следователей, к оправданию которых всегда может служить ссылка на малоопытность и на отсутствие однообразного и авторитетного руководства при производстве следствий. Ввиду сего для улучшения следственной части в Духовном Ведомстве, необходимо поставить надлежаще институт следователей. В высшей степени желательно иметь особого для каждого благочиния, свободного от посторонних обязанностей духовного следователя или, по крайней мере, по одному следователю на каждый уезд. Но, при отсутствии необходимых денежных средств, представляется возможным должность следователя соединить с должностью благочинного, если последний будет освобожден от приходской службы, предоставив ему право в некоторых случаях возлагать свои обязанности на членов благочиннического совета. Что касается собственно судебной части, то улучшение ее находится в полной зависимости от усовершенствования организации консисторий, как таких вспомогательных учреждений епископской власти, в которых сосредоточивается духовный суд. При этом отнюдь не следует упускать из вида, что каноны церковные указывают в каждой церковной области (епархии) одного полноправного судью и начальника словесного стада и пастырей Церкви — епископа. Посему выражаемые в последнее время некоторыми мирянами и духовными пожелания касательно предоставления епархиальным съездам духовенства прав апелляционной инстанции или права протеста судебных решений епархиальной власти — как навеянные новейшими политическими тенденциями, не могут быть признаны соответствующими духу Церкви. «Епископу вверены людие Господни, и он воздаст ответ о душах их» (39-е прав. Апост.). Посему и суд над пастырями принадлежит безраздельно одному архипастырю, и от него одного зависит избрать себе тех или других сотрудников в деле церковного управления и суда. С недавнего времени в некоторых епархиях среди духовенства пропагандируются «суды чести», долженствующие, по мысли инициаторов, упразднить всякий другой духовный суд над недостойными пастырями. Не следует забывать, что идея такого суда провозглашена еще апостолом, который в послании к Коринфянам увещал верных: «Измите злаго от вас самех» (1 Кор. 5:13). Но такой идеальный суд предполагает наличность столь тонкого и высокого понимания долга и нравственно чуткого настроения совести всех вообще пастырей и каждого из них в отдельности, которые в наше время всеобщего упадка нравов и ниспровержения многих идеалов могут быть только предметом горячих пожеланий и усердных молитв.

II. *О благоустройстве прихода.* Возрождение и оживление приходской жизни — такая высокая цель, для достижения которой не следует щадить средств и жалеть о жертвах. Но некоторые ревнители Церкви ожидают такого возрождения прихода от передачи в полное его заведование и распоряжение материальных средств церкви и избрания кандидатов клира. Напрасно было бы ожидать возрождения «приходской», т. е. истинно церковной жизни на столь зыбкой почве. Ни в Евангелии, ни в истории первоначальной христиан-

ской общины, ни в позднейшей истории Церкви мы не найдем примеров, подтверждающих эту теорию. Расцвет приходской жизни в давно минувшие века, живой интерес членов христианской общины к ее материальным делам, их горячее и единодушное участие в благотворительной и просветительной деятельности Церкви, — все это было обусловлено глубоким проникновением всех и каждого из членов церковной общины святыми истинами веры Христовой. Но пока нет проповеди живой и действенной, нет и веры плодоносящей. Поэтому только живая личность доброго пастыря, не ищущего своего, всех согревающего любовью и пасомых объединяющего во взаимной любви, являющего «образ верным» и словом и жизнью, может быть тем средоточием, вокруг которого должно возникнуть истинно христианское единение членов общины, возродиться истинно церковный приход. Одно же дарование приходу права заведования и распоряжения материальными средствами церкви будет служить лишь приманкой для худших элементов прихода, для «любящих первенствовать» (3 Ин. 1:9), но не соблазнить тех истинных сынов Церкви, которые «звание и избрание» свое видят в доброй христианской жизни, в молитве и слышании слова Божия, а не в заведовании церковной кассой.

В настоящее время часто раздаются голоса и таких ревнителей, которые в автономии прихода видят один из способов к удержанию материальных средств приходских церквей от траты на «общеепархиальные нужды», и к более производительному, по их мнению, употреблению этих средств на украшение храма и другие «ближайшие» его нужды. Даже из уст иереев раздаются жалобы на «поборы» с церквей, причем указывается, что вследствие непосильных взносов на общеепархиальные нужды храмы лишаются того благолепия, которого могли бы достигнуть при других условиях. Если пожеланиям сих ревнителей внешнего церковного благолепия суждено осуществиться, то в непродолжительном времени нам предстоит быть свидетелями печального и для Церкви и для государства упразднения существующих духовных школ, за отсутствием средств на содержание их. Вследствие этого епископы будут крайне затруднены в выборе кандидатов клира и вынуждены будут на просьбы приходов о назначении священноцерковнослужителей предлагать самим прихожанам приискивать кандидатов на священнические и причетнические места. Таким образом, само собой осуществится и другое пожелание «ревнителей прихода» — выбор прихожанами кандидатов клира, — и в деле духовного просвещения и пастырства русская Церковь, при содействии «ревнителей прихода», сделает большой шаг назад. Несколько столетий тому назад, с развитием духовных школ, русские приходы мало-помалу получили образованных пастырей; в XX столетии они получат «право иметь полуобразованных начетчиков, вроде тех «попов Иванов», с которыми наши предки учиняли в XVII веке «рядные записи». Истинные ревнители прихода едва ли могут радоваться такому «опрощению» приходов и пастырей.

Таким образом, если признать сохранение существующих духовно-учебных заведений жизненным вопросом Церкви, то, прежде чем передать в полное распоряжение приходов материальные средства церквей, предстоит не-

легкая задача вкоренить в сознание как рядовых прихожан, так и многих из пастырей, ту истину, что приходская лепта не пропадает бесследно, и в большей части своей идет на дело воспитания и обучения тех добрых и просвещенных пастырей, которые составляют лучшее украшение приходов и храмов, истинное их «благолепие». В наше время оскудения веры и усиления неверия и сектантства пастырю более, чем когда-либо, необходимо быть во всеоружии знаний не только богословских, но и естественнонаучных и философских, чтобы готовым быть дать ответ совопросникам и оградить паству от волков хищных. Поэтому не только уничтожение существующих духовных школ, но и проектируемое в предложении г. обер-прокурора устройство вместо них «богословских училищ», с сокращенным общеобразовательным курсом, должно быть признано не соответствующим запросам времени.

Высказываясь против безусловной передачи материальных средств церквей в полное распоряжение приходов, комиссия не может не выразить пожелания, чтобы прихожане приняли более деятельное участие в церковно-хозяйственных делах. В настоящее время полноправными распорядителями в церковном хозяйстве являются причт и староста. Для большей правильности в распоряжении свободными остатками церковных доходов, возможно было бы образовать особые церковные советы из почетных прихожан, которые сообща с причтом обсуждали бы церковные нужды и определяли бы наиболее целесообразное употребление церковных средств. Таким образом, приход в лице своих выборных получил бы законное право контроля над употреблением средств церкви; вместе с тем, были бы ограничены возможные злоупотребления и произвол со стороны причтов и старост. Ныне существующие «представители от прихода» не обеспечивают действительности приходского контроля, так как приглашаются присутствовать лишь при месячной «высыпке и счете» сумм церковных, и потому не бывают в курсе дела. Что касается состава церковных советов, то они могли бы состоять из почетных прихожан, облеченных доверием прихода, и могли бы даже совпасть с приходскими попечительствами, если бы только эти последние были поставлены в более нормальные и определенные отношения к епархиальной части. Существующее положение о приходских попечительствах весьма двусмысленно определяет отношения попечительств к епархиальной власти и к причту. С одной стороны, попечительства находятся под покровительством духовной власти (§ 18), и вся деятельность их приурочена к нуждам прихода и церкви (§§ 1, 5 и др.), с другой стороны, эти учреждения находятся вне всякого действительного контроля со стороны епархиального архиерея. Опыт показал, что такая независимость приводит иногда к дурным последствиям: некоторые попечительства (или вернее — честолюбцы, случайно попавшие в руководители их) делают попытки захватить в свое заведование все хозяйство церквей, некоторые же ставят себе задачи, совершенно чуждые Церкви, как например, — устройство спектаклей в праздничные дни, — продолжая в то же время носить наименования: «Знаменское, Крестовоздвиженское церковно-приходское попечительств», и т. п. К сожалению, положение о попечительствах не указывает

епископу никаких способов к устранению подобных аномалий. Этот пробел в положении необходимо устранить.

Относительно предоставления приходам права выбора кандидатов клира должно признать, что справедливые желания прихожан иметь священноцерковнослужителями лиц, известных им с хорошей стороны, должны быть принимаемы епископом во внимание и по возможности удовлетворяемы. Но возведение такого порядка в безусловный принцип неприемлемо уже по практическим соображениям: много ли могут указать прихожане в каждом отдельном приходе (особенно в сельском) таких кандидатов, которые не только по нравственным качествам, но и по образованию соответствовали бы требованиям времени? Главное же, не следует упускать из вида, что епископ, архипастырь, есть крайний судья того, способно ли то или другое лицо принять бремя пастырства; вправе ли архиерей преподавать благодать священства тому, кто, по его собственному убеждению, не может «право правити слово истины»? На этот вопрос ответ может быть лишь отрицательный.

III. Относительно *пересмотра законов, касающихся порядка приобретения Церковью собственности*, не может быть двух мнений. Упрощение и приближение сего порядка хотя бы к тому, каким приобретаются имущества частными лицами, было бы делом справедливости, освободив Церковь от излишних стеснений.

IV. Предположение о присвоении *епархиальным съездам* духовенства значения вспомогательного при епископе органа не только по вопросам о материальных, но и о религиозно-нравственных нуждах, должно приветствовать. Если епархиальные съезды вышли из тесных границ, которые определены были им семинарским уставом 1867 года, то это несомненно вызвано было требованиями самой жизни и утверждено сочувствием и благожелательностью тех архипастырей, которые видели в епархиальных съездах орган «вспомогательный», нисколько не узурпирующий их права. Если архипастыри столь же сочувственно и благосклонно будут выслушивать голос епархиального духовенства и в других епархиальных делах, по указанию жизни и опыта, то и этому нужно только радоваться, так как это будет содействовать укреплению между архипастырем и пастырями сыновне-отеческих отношений. Прискорбны были бы лишь такие (ненормальные) проявления деятельности съездов, которыми нарушались бы иерархические права епископа.

V. Что касается вопроса *об участии священнослужителей в общественных учреждениях*, то, после издания положения о Государственной Думе, к участию в которой волей Монарха привлечено и приходское духовенство, не может уже быть сомнения не только в дозволительности, но и в обязательности для духовенства участия в общественно-государственных делах; долг «пастыря» не исключает долга «гражданина». Остается только выразить горячее пожелание, чтобы эту новую и серьезную свою обязанность православно-русское духовенство выполнило не только за страх, но и за совесть, как дело Божие, в котором небрежность и теплохладность могут принести вред и Церкви, и государству.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

Историческое введение 3
№ 1, преосвященного Гедеона, епископа Владикавказского 39
1) По вопросу о преобразовании церковного управления и суда.... 39
2) По вопросу о преобразовании прихода 41
3) По вопросу об усовершенствовании духовных школ 41
4) По вопросу о порядке приобретения церковной собственности 41
5) По вопросу о епархиальных съездах и об участии священнослужителей в общественных учреждениях 42
№ 2, преосвященного Арсения, архиепископа Харьковского 43
Всероссийский Поместный Собор 43
Место Собора 43
Состав членов Собора 44
Порядок рассмотрения и разрешения дел 46
Митрополии 46
Усовершенствование епархиального управления 48
Усовершенствование духовного суда 48
Объединение епархиальных учреждений 49
О приходе 50
Об усовершенствовании духовно-учебных заведений 53
О порядке приобретения Церковью собственности 55
О епархиальных съездах 56
Об участии священнослужителей в общественных учреждениях .. 59
Особые вопросы 60
№ 3, преосвященного Вениамина, епископа Калужского 61
Протоколы заседаний комиссии по разработке вопросов, предположенных к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви 61
Протокол № 1 61
Протокол № 2 63
Организация церковного управления 63
Уездная церковная организация 64
Протокол № 3 65
Епархиальная организация 65
Протокол № 4 67
Областное управление. Церковные, под управлением митрополитов, округа 67
Высшее церковное управление 68
Протокол № 5 69

Церковный суд 69
Протокол № 6 70
О духовно-учебных заведениях 70
№ 4, преосвященного Михаила, епископа Минского 73
1. О составе ожидаемого собора Всероссийской Церкви 73
2. О разделении России на церковные округа 73
3. О преобразовании церковного управления и суда 74
4. О благоустройстве прихода 75
5. Об усовершенствовании духовных школ 76
6. О предметах веры 79
7. Епархиальные съезды 81
8. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях 83
№ 5, преосвященного Паисия, епископа Туркестанского 87
№ 6, преосвященного Алексия, епископа Вологодского 94
Журналы совещания по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви 94
Журнал 1 сентября 1905 года 94
О разделении России на церковные округа под управлением митрополитов 94
Журнал 8, 15 и 22 сентября 1905 года 97
О благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях 97
Общие правила 98
О приходском собрании 98
О приходском совете 99
Журнал 29 сентября 1905 года 100
О консисторском делопроизводстве, о благочинных советах и благочинных собраниях духовенства 100
О консисторском делопроизводстве 100
Благочинные советы 101
Благочинные собрания духовенства 103
Журнал 6 и 13 октября 1905 года 107
По проекту основных положений преобразования духовно-судебной части, составленному Высочайше утвержденным 12 января 1870 года Комитетом 107
Журнал 19 и 27 октября 1905 года 109
Об усовершенствовании духовных школ 109
Журнал 3 ноября 1905 года 111
О порядке приобретения Церковью собственности 111
Журнал 10 ноября 1905 года 115
Об участии священнослужителей в общественных учреждениях 115
№ 7, преосвященного Симеона, епископа Екатеринославского 118
№ 8, преосвященного Стефана, епископа Могилевского 124

I. Приходская церковная j,община 124
II. Епархиальное управление 129
III. Высшее церковное управление 137
IV. Предстоящий Поместный Собор 145
№ 9, преосвященного Антония, епископа Черниговского 148
Журналы особого совещания по вопросу о назревших реформах в управлении российской православной Церкви 148
Журнал 6 октября 1905 года 148
Журнал 13 октября 1905 года 149
Журнал 19 октября 1905 года 150
Журнал 3 ноября 1905 года 153
Журнал 10 ноября 1905 года 155
№ 10, преосвященного Антония, епископа Волынского 158
Первая докладная записка 158
1. О составе ожидаемого Собора Всероссийской Церкви 158
Вторая докладная записка 166
Пункт 2. О разделении русской Церкви на митрополичьи округа 166
По 3-му пункту 168
№ 11, преосвященного Анастасия, архиепископа Воронежского 182
Соображения особого совещания по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви .. 182
I. О церковном приходе 182
II. О епархиальном управлении 185
III. О епархиальных съездах 189
IV. Разделение русской Церкви на округа под управлением митрополитов 190
V. Высшее церковное управление 191
VI. Участие духовенства в общественных учреждениях 191
VII. О преобразовании духовно-учебных заведений 192
VIII. О пересмотре богослужебных книг 194
IX. О сокращении для приходских церквей богослужебного чина 194
X. О пересмотре канонических постановлений 194
XI. О составе Поместного Собора 194
№ 12, преосвященного Серафима, епископа Полоцкого 195
№ 13, преосвященного Никанора, епископа Гродненского 225
№ 14, преосвященного Владимира, епископа Кишиневского 226
I. По вопросу о возможности и желательности введения областного церковного управления в русской Церкви 226
II. По 2-му пункту синодального определения 230
III. 233
IV. По вопросу о реформе духовной школы 237
V. По вопросу о пересмотре законов, касающихся порядка приобретения Церковью собственности 238
Обязанности и права съездов 241

VII. ... 243
VIII. О предметах веры и по вопросу о положении православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверцам ... 244
Мнения общеепархиального съезда духовенства Кишиневской епархии по вопросам о реформе церковного управления и духовной школы, а также и по другим вопросам церковно-общественной жизни ... 245
Мнение кишиневских епархиальных миссионеров ... 246
№ 15, преосвященного Питирима, епископа Курского ... 251
По вопросу об участии представителей Церкви в общественных, городских и высших государственных учреждениях Российской империи ... 251
№ 16, преосвященного Никона, епископа Владимирского ... 256
По вопросу о составе предполагаемого Собора Всероссийской Церкви ... 256
По вопросу о порядке для избрания на Соборе представителей от клира и мирян ... 260
По вопросу о подготовительном органе работ по Собору, организации при нем временного руководственного органа, порядка рассмотрения и решения дел Собором ... 261
I. По вопросу о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов ... 262
II. По вопросу о пересмотре законоположений о существующих органах епархиального а) управления и б) суда и о преобразовании оных согласно с каноническими соборными началами 266
А) Епархиальное управление ... 266
Б) Церковный суд ... 269
III. По вопросу о благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях 272
IV. По вопросу об усовершении духовно-учебных школ ... 281
Богословские классы ... 288
V. По вопросу о пересмотре законов, касающихся порядка приобретения Церковью собственности ... 292
VI. По вопросу об епархиальных съездах духовенства ... 293
VII. По вопросу об участии священнослужителей в общественных учреждениях ... 302
Мнения корпораций Владимирской духовной семинарии и Владимирского духовного училища по вопросам о духовно-учебной реформе ... 303
№ 17, преосвященного Питирима, епископа Курского ... 309
По вопросу о том, насколько необходимо в настоящее время Высочайшее соизволение на укрепление за церквами и монастырями недвижимых имуществ ... 309

№ 18, преосвященного Димитрия, архиепископа Казанского 314
Предположения Казанского епархиального начальства об усовершенствовании духовных школ 314
А) Духовные училища 315
I. Учебная часть 315
II. Часть воспитательная 316
III. Часть административная и экономическая 317
Б) Духовные семинарии 317
I. Часть учебная 317
II. Часть воспитательная 322
III. Часть административная и экономическая 323
В) Духовная академия 323
I. Часть учебная 323
II. Часть административная 325
III. Общие положения 328
Мнение профессора Я. Богородского 330
О сроке службы профессоров академии 336
О назначении ректора и инспектора академии 336
Об отношении академии к местному архиерею 336
№ 19, преосвященного Питирима, епископа Курского 337
По вопросу о преобразовании духовного суда 337
I. Канонические начала церковного суда 337
II. 341
№ 20, преосвященного Георгия, епископа Астраханского 350
Ответы на запросы, изложенные в указе Святейшего Синода от 27 июля 1905 года, за № 8 350
I. О разделении России на церковные округа под управлением митрополитов 350
II.О преобразовании церковного управления и суда 353
III. О приходе 357
IV. Об усовершенствовании духовных школ 362
V. О порядке приобретения церковной собственности 364
VI. О епархиальных съездах 367
VII. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях 370
VIII. О предметах веры 373
№ 21, преосвященного Иоанникия, епископа Архангельского 377
О желательной постановке миссионерского дела в соответствии с манифестами 17 апреля и 17 октября 1905 года 383
Представленные при созыве преосвященного Архиерейского предположения местной комиссии по разработке вопросов, подлежащих рассмотрению и разрешению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви 394
I. О Соборе Всероссийской Церкви 394

II. О разделении Всероссийской Церкви на митрополии 402
III. Об епархиальном управлении и суде 406
IV. О благоустройстве прихода 409
V. О порядке приобретения приходскими общинами недвижимой собственности 413
VI. О епархиальных съездах духовенства 414
VII. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях 416
VIII. О способах познания и утверждения веры среди народа и охранения ее от искажений и извращений 419
Соображения о постановке духовно-учебных заведений по учебной и воспитательной частям 423
Журнал благочиннического съезда 2-го округа Онежского уезда, Архангельской епархии 439
Журнал благочиннического съезда 3-го округа Холмогорского уезда 440
Объяснительная записка благочинного 3-го округа Холмогорского уезда 441
Журнал благочиннического совета 3-го округа Архангельского уезда от 15 октября 1905 г. 442
Журнал благочиннического съезда 3-го округа Онежского округа 444
Журнал благочиннического съезда 5-го округа Шенкурского уезда 451
1. О Соборе Всероссийском 451
2. Разделение Всероссийской Церкви на церковные округа под управлением митрополитов 452
3. Об органах епархиального управления и суда 452
4. О благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях. Исторические и канонические соображения о выборном начале духовенства 452
5. Об усовершенствовании духовно-учебных школ 454
6. О епархиальных съездах 454
7. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях 454
8. Соображения о сокращении существующих богослужебных чимнов и об установлении новых чинопоследований 454
9. О положении православной Церкви в отношении к старообрядцам 456
Проект преобразования консистории, составленный священником М. Поповым 456
Инструкция при ревизии причтов епархии, о.о. благочинных и монастырей 459
№ 22, преосвященного Питирима, епископа Курского 464

По вопросу о разделении православной российской Церкви на митрополичьи округа ... 464
№ 23, преосвященного Константина, епископа Самарского ... 474
О составе ожидаемого Собора Всероссийской Церкви ... 474
По вопросу о разделении Церкви русской на округа под управлением митрополитов ... 478
По вопросу о благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях ... 488
О реформе суда духовного ... 502
Часть I. Материальное право ... 503
Часть II. Формальное право, или процесс ... 510
Глава I. Судоустройство ... 510
1) Низшие судебные органы ... 523
2) Епархиальный суд ... 525
3) Собор при митрополите или архиепископе ... 526
4) Верховный суд в русской Церкви ... 528
Глава II. Судопроизводство ... 528
Преобразование епархиального управления ... 540
1. Основания ... 540
2. Желательные изменения в современном строе духовных консисторий ... 545
1-й стол ... 545
2-й стол ... 546
3-й стол ... 547
3. Заключение ... 548
Об участии священнослужителей в общественных учреждениях . 552
Пересмотр законов, касающихся приобретения Церковью собственности ... 553
Преобразование духовно-учебных заведений ... 554
1. Основания ... 554
2. Общеобразовательная школа: духовные училища и семинарии ... 557
3. Богословское училище ... 559
Мнение правления Самарского духовного училища по вопросу о реформе духовно-учебных заведений ... 562
По вопросам о смешанных браках и о клятвах Московского Собора 1667 года ... 565
I. О «смешанных браках» ... 565
II. Вопрос о клятвах Собора 1667 года ... 569
№ 24, преосвященного Кириона, епископа Орловского ... 571
Предположения об устроении управления в российской Церкви о расширении сферы полномочий епархиальных съездов духовенства, о реформе церковного суда, духовно-учебных заведе-

ний, о допущении священнослужителей участвовать в общественных учреждениях и о вере ... 571
№ 25, преосвященного Тихона, архиепископа Алеутского и Северо-Американского ... 581
Суждения по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви ... 581
1. О разделении российской Церкви на митрополичьи округа . 581
2. О преобразовании епархиального управления и суда ... 583
3. О благоустройстве прихода ... 584
4. Об усовершении духовно-учебных школ ... 586
5. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях и о других предметах, о коих может быть речь на будущем Всероссийском Соборе ... 587
№ 26, преосвященного Афанасия, архиепископа Донского ... 589
I. По вопросу о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов ... 589
II. По вопросу о преобразовании церковного управления и суда .. 590
III. По вопросу о порядке приобретения церковной собственности 591
IV. По вопросу о приходе ... 591
V. По вопросу об усовершенствовании духовных школ ... 593
VI. По вопросу об епархиальных съездах ... 595
VII. По вопросу об участии священнослужителей в общественных учреждениях ... 596
VIII. По вопросу о положении православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверцам по издании Высочайшего указа 17 апреля сего года о веротерпимости ... 596
№ 27, преосвященного Макария, епископа Якутского ... 598
№ 28, преосвященного Гурия, епископа Симбирского ... 601
К вопросу об учреждении митрополичьих округов в русской Церкви ... 601
Об организации епархиального управления ... 602
О порядке приобретения Церковью собственности ... 606
О посредствующем органе между епископом и епархиальными учреждениями ... 608
Об участии священнослужителей в общественных учреждениях 609
По вопросу о пересмотре законоположений существующего органа епархиального суда и преобразовании оного согласно с каноническими соборными правилами ... 612
О подсудности ... 615
Устройство православного прихода в религиозно-нравственном, благотворительном и просветительном отношениях ... 618
а) Приходский клир ... 618
б) Богослужение ... 620
в) Церковное хозяйство ... 620

г) Вспомогательные приходские учреждения 622
Советы по делам миссионерским и братским 625
Положение православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверцам по Высочайше утвержденным постановлениям Комитета Министров от 17 апреля 1905 года об укреплении начал веротерпимости 631
I. По общим началам веротерпимости 631
II. По именуемому старообрядчеству и сектантству 634
К вопросу об усовершении духовно-учебных школ 638
Проект реформы духовно-учебных заведений 643
Общие замечания 643
Учебная часть 645
А) Общеобразовательные классы 645
Б) Богословские классы 647
Библиотека 648
Воспитательная часть 649
Административная часть 651
Особое мнение преподавателя В. Гавриловского 654
№ 29, преосвященного Христофора, епископа Уфимского 655
Докладная записка по вопросу о переустройстве церковного управления 655
№ 30, преосвященного Флавиана, митрополита Киевского 666
О составе Собора Всероссийской Церкви 666
Соображения по вопросу о преобразовании существующих органов епархиального управления 675
А. Духовный суд 675
I. Духовный суд по Уставу духовных консисторий и гражданский уголовный суд по Судебным Уставам 1864 года 675
II. Устройство духовного суда 679
а) Единоличный суд епископа 681
б) Епархиальный духовный суд 682
в) Уездный духовный суд 685
III. Святейший Синод 685
Б. Административное управление епархией 686
Мнение комиссии по вопросу о преобразовании православного русского прихода 689
I. 689
II. Заключительные пункты 698
О соединении епархий в митрополичьи округа 701
К вопросу о положении православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверцам по издании Высочайшего указа 17 апреля 1905 года о веротерпимости 704
Особое мнение епархиальных миссионеров 709

Чего мы должны желать для православной Церкви ввиду изменившегося положения сектантства и иноверия ... 712
Мнение комиссии по вопросу об участии священнослужителей в общественных учреждениях ... 718
О порядке приобретения Церковью собственности ... 721
№ 31, преосвященного Антония, епископа Тобольского ... 723
№ 32, преосвященного Антония, епископа Волынского ... 725
Третья докладная записка ... 725
Духовная школа ... 725
Постановка вопроса в литературе ... 725
Автономия духовных академий ... 725
Разделение школы сословной и школы профессиональной .. 729
Наш проект ... 733
Духовные училища ... 733
О духовных семинариях ... 734
Училище начетчиков ... 738
Духовные академии ... 740
Дело учебное ... 741
Воспитание в академии ... 743
№ 33, преосвященного Иоакими, епископа Оренбургского ... 746
1. Состав Поместного Всероссийского Собор, предположенного к созыву ... 746
2. О восстановлении патриаршества ... 746
3. Патриарший Синод ... 748
4. Разделение российской Церкви на митрополичьи или архиепископские округа ... 749
5. Епархиальное управление ... 753
6. Церковно-приходское управление ... 754
7. Отношение православной Церкви к иноверцам ... 758
8. Об усовершении духовных школ ... 758
I. Причины и побуждения для реформы духовных семинарий 758
II.Отличительные качества новых семинарий ... 762
III. Проект семинарского курса для богословского образования .. 764
IV. Церковно-практические курсы для приготовления церковнослужителей ... 765
9. Об участии духовенства в общественных учреждениях ... 766
Проект преобразования духовных училищ ... 771
№ 34, преосвященного Гурия, архиепископа Новгородского ... 776
Журналы комиссии по проекту церковных реформ ... 780
Заседание 16 и 23 сентября 1905 года ... 780
О составе Собора ... 780
О Святейшем Синоде ... 782
Заседание 23 сентября 1905 года ... 783
О церковных округах ... 783

Заседание 28 сентября 1905 года 785
Об епархиальном суде 785
О консисториях и о других органах епархиального управления 788
Заседание 5 октября 1905 года 792
О приходе; о его современном положении и о мерах к его благоустройству 792
О предоставлении приходу права юридического лица 798
Заседания 19 и 24 октября 1905 года 798
Об усовершении духовно-учебных заведений 798
Об управлении семинарией 802
О воспитании в семинарии 802
Заседание 12 октября 1905 года 803
Об епархиальных съездах духовенства 803
Об участии священнослужителей в общественных учреждениях 804
О церковной веротерпимости и об отношении православной Церкви к старообрядцам 805
№ 35, преосвященного Арсения, епископа Псковского 807
Состав Собора 808
Об организации прихода 810
Строй епархиального управления 817
Церковный суд 820
О духовно-учебных заведениях 823
Митрополичье областное управление 824
Окружное патриаршее управление 825
№ 36, преосвященного Тихона, архиепископа Иркутского 826
О Поместном Соборе Всероссийской Церкви 826
I. 826
II. Состав Собора 826
III. Права членов Собора 827
IV. Организация Собора 827
V. Разделение русской Церкви на митрополии и соприкосновение с сим вопросом 827
Проект реформы епархиального управления и суда 829
а) Епископ 829
б) Органы, помогающие епископу в управлении епархией 830
Епархиальные съезды 830
Епархиальный совет пресвитеров 831
в) Епархиальные средства и доходы 833
г) Благочиния 835
О благочинных 835
О благочиннических съездах 835
д) Церковный суд 836

Общие положения 836
Инстанции церковного суда и порядок судопроизводства в них 838
Меры наказания и исправления 840
Проект устройства церковного прихода 840
Общее церковно-приходское собрание 841
Состав собрания 841
Предметы, подлежащие обсуждению общего собрания 842
Порядок решения дел на общем собрании 842
Приходский совет 843
Собрания совета 844
Дела, подлежащие ведению совета 844
Содержание членов причта 845
Внешний вид священника 846
Снятие сана 846
Пенсии 847
Вопросы веры 847
По вопросу о преобразовании духовно-учебных заведений 848
Желательные реформы в православной духовной миссии Иркутской епархии 848
№ 37, преосвященного Питирима, епископа Курского 855
По вопросу о преобразовании духовно-учебных заведений 855
№ 38, преосвященного Агафодора, епископа Ставропольского 864
№ 39, преосвященного, Евлогия, епископа Холмского, временно управляющего Варшавской епархией 875
Заключения учрежденной архиепископом Варшавским и Привислинским Иеронимом комиссии по разработке вопросов, подлежащих обсуждению Поместного Собора русской Церкви 875
I. По вопросу о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов 875
II. По вопросу о преобразовании существующих органов епархиального управления и суда согласно с каноническими соборными началами 877
III. По вопросу о благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях 880
IV. По вопросу об усовершенствовании духовно-учебных школ .. 882
V. По вопросу об установлении границ деятельности и указании места и значения в ряду епархиальных учреждений съездов депутатов духовенства 884
VI. По вопросу об участии духовенства в общественных учреждениях 886
VII. По вопросу о порядке приобретения денежных имуществ церквами и духовенством 886

VIII. По вопросу, какие предметы, относящиеся к познанию, утверждению и очищению от разных заблуждений православной христианской веры, признается желательным внести на обсуждение предстоящего Поместного Собора 887
Относительно познания и усвоения истин веры и нравственности ... 887
Относительно богослужения ... 888
Относительно церковной дисциплины ... 890
№ 40, преосвященного Агафангела, архиепископа Рижского ... 893
I. О составе Поместного Собора Всероссийской Церкви ... 893
II. О разделении Всероссийской Церкви на митрополичьи округа 894
III. Епархиальное управление и церковный суд ... 895
А. Викарии ... 895
Б. Духовные консистории ... 896
В. Благочинные ... 897
Г. Попечительства ... 898
Д. Иные епархиальные учреждения ... 898
Е. Суд церковный ... 898
IV. Благоустройство прихода ... 902
Положение о православном приходе при церквах Рижской епархии ... 905
V. Собрания духовенства: окружные «соборики» и епархиальные соборы ... 908
Благочиннические «соборики» ... 910
Епархиальные соборы ... 911
VI. О пересмотре законов, касающихся порядка приобретения церковными установлениями недвижимой собственности ... 912
VII. Об усовершении духовных школ ... 914
VIII. Об участии духовенства в общественной жизни ... 914
IX. О предметах веры ... 916
№ 41, преосвященного Иоанна, епископа Полтавского ... 920
Епархиальное совещание по вопросам об изменениях в строе церковного управления и церковной жизни в России ... 920
I. Состав Собора ... 920
II. Разделение России на церковные округа ... 921
III. Органы епархиального управления ... 921
1. Епархиальные соборы (съезды) ... 922
2. Епархиальный пресвитерский совет ... 923
IV. Духовный суд ... 926
V. Духовно-учебные заведения ... 927
Объяснения к программе пастырской школы ... 930
VI. Пересмотр законов, касающихся порядка приобретения Церковью собственности ... 933
VII. Участие духовенства в общественных учреждениях ... 933

VIII. Познание веры 933
Утверждение веры 936
А. Устав богослужения 936
Б. Богослужебные книги 939
IX. Отношение православной Церкви к старообрядцам, сектантам и иноверцам 940
№ 42, преосвященного Никанора, епископа Пермского 942
Соображения по вопросу о реформе духовно-учебных заведений 942
О реформе духовно-учебных заведений 949
Доклад подкомиссии, образованной при Пермском духовном училище, по вопросу о преобразовании духовно-учебных заведений 955
Соображения педагогического собрания правления Соликамского духовного училища по вопросу о преобразовании духовно-учебных заведений 963
I. Общие положения 963
II. Учебная часть 964
А. В низших духовно-учебных заведениях — училищах 964
Б. В средних учебных заведениях — семинариях 965
В. В богословских классах 966
III. Воспитательная часть 967
IV. Административная часть 967
V. Экономическая часть 968
Мнение комиссии по вопросу о реформе органов епархиального управления и церковного суда 968
Мнение комиссии относительно изменения порядка приобретения не движимости монастырями и церквами 976
Доклад комиссии по устройству прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях 978
Доклад комиссии по вопросу об епархиальных съездах духовенства и об участии духовенства в общественных собраниях 982
Доклад комиссии по церковно-школьному делу 988
Доклад комиссии по вопросу о положении православной Церкви в от ношении к старообрядцам, сектантам и иноверующим по издании Величайшего указа от 17 апреля сего года о веротерпимости 989
Доклад комиссии по вопросу о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов 992
Отзыв относительно прошения единоверцев города С.-Петербурга на имя Святейшего Синода о даровании единоверцам отдельного епископа с правами члена Святейшего Синода в лице преосвященного Антония, епископа Волынского 996

Мнение по поводу того, что на Всероссийском церковном Соборе обнаружатся попытки к возбуждению вопросов, помимо намеченных Святейшим Синодом 998
№ 43, преосвященного Димитрия, архиепископа Херсонского 1000
Соображения первой комиссии 1000
Соображения второй комиссии 1004
I. О благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях 1104
II. О приобретении Церковью и епархиальным духовенством собственности 1006
III. О вопросах, подлежащих решению епархиальных съездов, и о назначении съездов в ряду епархиальных учреждений 1007
IV. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях 1008
Соображения третьей комиссии 1009

Общество любителей церковной истории
предлагает Вам приобрести вышедшие из печати номера журнала

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Первый и единственный в России журнал церковной истории,
издаваемый Обществом любителей церковной истории при участии
Издательства Крутицкого патриаршего подворья

Краткое содержание вышедших номеров:

№ 1 (1998)

Протопресвитер Василий Виноградов. О последних днях жизни Святейшего Патриарха Тихона
Новые материалы к биографии архиепископа Иоанна (Шаховского)
Наталия Китер. Православная Церковь в СССР в 1930-е гг.
Памяти протопресвитера Георгия Шавельского
Протопресвитер Георгий Шавельский. Церковь и революция
Экономическое положение Российской Церкви в начале XX века
Из истории Соловецкого монастыря

№ 2—3 (1999)

Новые материалы о преследовании в за веру в Советской России
Публикация материалов о гонениях на Церковь из архива Политического Красного Креста. Опросные листы, письма и карточки арестованных священнослужителей и мирян, в том числе Патриарха Сергия (Страгородского), Митрополитов Петра (Полянского), Серафима (Чичагова), Иосифа (Петровых), Кирилла (Смирнова), архиепископов Луки (Войно-Ясенецкого), Андрея (Ухтомского), Феодора (Поздеевского), епископа Илариона (Троицкого), Серафима (Звездинского), Афанасия (Сахарова), протопресвитера Александра Хотовицкого, архимандрита Георгия (Лаврова) и многих других.
Воспоминания проф. Н. Н. Глубоковского о Московской и Петербургской духовных академиях
Архиепископ Никон (Рождественский). О влиянии «темных сил» на церковную жизнь начала XX столетия
Политика нацистской Германии по отношению к Православной Церкви на оккупированных территориях СССР

№ 4—5 (1999)

Материалы по истории Православной Церкви на Американском континенте.

Митрополит Вениамин (Федченков). «Раскол или единство?»

Архиепископ Иоанн (Шаховской). Православие в Америке

Святейший Патриарх Сергий о положении Православной Церкви в Америке

Протоиерей Олег Бондырев. Воспоминания эмигрантского священника

Русские богословы и церковные историки в европейской эмиграции XX в.

Дни примирения. О попытке воссоединения Русского Западно-Европейского Экзархата с Московской Патриархией

Из истории борьбы за русскую церковную собственность во Франции в начале 20-х годов (по секретным документам французских специальных служб)

Русская Православная Церковь в Дании

Церковный композитор Артемий Ведель

№ 6—7 (2000)

Проф. В. З. Завитневич. Св. блгв. князь Владимир как политический деятель

Значение великой московской смуты в жизни допетровской Руси

Б. И. Сове. Соборное дело Церкви

Пророк евхаристического возрождения — св. прав. Иоанна Кронштадтский

Образ о. И. Кронштадтского по новым материалам архивных документов

Духовная грамота свт. Ионы (к вопросу об автокефалии Русской Церкви)

Революция 1917 г. и «демократизация» Русской Церкви

Проф. Д. В. Поспеловский. Сталин и Церковь

Обзор новых книг

№ 8 (2001)

Проф. С. В. Троицкий. История карловацкого раскола

Протопресвитер Андрей Карпович. Воспоминания из австрийского плена в годы войны

Проф. Гюнтер Шульц. 1914—1918 гг. как поворотный пункт в церковной истории России

Проф. М. И. Одинцов. Поместный Собор 1917—18 гг.: споры о церковных реформах.

Е. В. Белякова, Н. А. Белякова. Обсуждение вопроса о диакониссах на Соборе 1917—1918 гг.

Д. А. Агеев. Миссионерское служение св. Иннокентия (Вениаминова) в архиерейском сане

10 лет издательству Крутицкого Патриаршего Подворья

Юбилей пастыря (к 75-летию протоиерея Валентина Чаплина)

№ 9 (2002)

Воспоминания современника о Патриархе Тихоне
Воспоминания духовной дочери преп. Серафима Вырицкого
о церковной жизни в СССР во времена гонений на Церковь
Новые материалы по истории «обновленческого» раскола
в Русской Церкви (1922—1946)
Священник Сергий Желудков. Воспоминания об о. Александре Боярском
С. С. Михайлов. Из истории единоверия в Московской епархии в XIX столетии
И. Б. Шабров. Православное духовенство на выборах
в III и IV Государственную Думу
Проф. М. И. Одинцов. Арсений (Стадницкий), митрополит Ташкентский
и Туркестанский
Христофор, архиепископ Пражский. Истоки Православной Церкви в Чехии
Бурега В. В. Проблема юрисдикции Православной Церкви в Чешских землях
и в Словакии в XX веке
«Путь моей жизни». Воспоминания митр. Евлогия (Георгиевского).
Указатель имен к изданию 1994 г.

№ 10 (2003)

Проф. Н. Ф. Каптерев. Власть Патриаршая и архиерейская в древней Руси
в их отношении к власти царской и к приходскому духовенству
Проф. Н. А. Бердяев. Церковная смута и свобода совести
Проф. Н. А. Бердяев. «Живая Церковь» и религиозное возрождение в России
Новые материалы о жизни академика Е. Е. Голубинского
(по документам из семинарского архива)
Публикация документов из архива Управления Федеральной службы безопасности
Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
А. А. Федотов. Архипастыри земли Ивановской
С. С. Михайлов. Из истории старообрядчества на территории Московской области
в 1940—1950-х годах
М. В. Шкаровский. Во главе Петроградской автокефалии
В. Б. Заславский. Из истории православия Средней Азии
Протодиакон Сергий Голубцов. Протопресвитер Николай Колчицкий,
жизнь и деятельность 1890—1961 гг.
Левитин-Краснов А. Э., Шавров В. М. «Очерки по истории русской церковной смуты»
Указатель имен к изданию 1996 г.

Адрес для писем и заказа журналов: 117311, г. Москва, а/я 148.
Письма и заказы журнала просим адресовать на имя главного редактора.
Телефон редакции: (095) 276-34-55
Принимаются заказы на пересылку отдельных номеров и полного комплекта журнала
за 1998—2004 гг. по почте наложенным платежом.
Спрашивайте в православных книжных магазинах

В серии «Материалы по истории Церкви» вышла в свет

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Академика Евгения ГОЛУБИНСКОГО

Репринтное воспроизведение издания Императорской Академии наук.
В 4-х книга (2 тома, каждый из которых состоит из 2 полутомов).
С приложением в отдельной книге биографии и библиографии автора, указателя имен к книге и воспоминаний Е. Е. Голубинского.

По авторитетной оценке профессора А. В. Карташева автор «Истории Русской Церкви» академик Е. Е. Голубинский есть «...великан науки, умеющий (...) во мраке прошлого оживлять лица и факты и делать их понятными».

Предлагаемый читателям труд (общий объем которого приближается к 4000 страниц) является первым и пока единственным опытом строго научного написания истории Русской Церкви в X—XVI вв., необходимым как специалистам, так и всем желающим узнать подлинную историю Церкви и государства в Древней Руси.

Телефон для справок и заказов в Москве: (095) 276-34-55

В серии «Материалы по истории Церкви» вышла в свет книга

Вышел в свет изданный Обществом любителей церковной истории и Издательством Крутицкого подворья сборник

«ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ» РАСКОЛ. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ И КАНОНИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

(М., 2002, 1069 с. большого формата, с иллюстрациями)

Книга состоит из нескольких частей, причем большинство собранных материалов публикуется впервые.

Самой ранней является работа профессора С. В. Троицкого «Что такое «Живая Церковь?». Ее автор — современник и свидетель описываемых драматических событий, блестящий канонист. Проведенный им анализ канонической стороны деятельности обновленцев не потерял актуальности до сих пор.

Второй материал сборника — фундаментальная монография А. И. Кузнецова «Обновленческий раскол в Русской Церкви», изданная по авторской рукописи. Основанная на огромном фактическом материале, книга А. И. Кузнецова написана живо и легко и представляет собой увлекательное чтение. Кроме того, работа Кузнецова является не только исследованием, но и уникальным историческим источником. Завершает книгу составленный митрополитом Мануилом (Лемешевским) «Каталог русских архиереев-обновленцев», также публикующийся впервые.

Книга снабжена указателем имен и научно-справочным аппаратом. Биографии обновленческих иерархов, данные митрополитом Мануилом, дополнены из разных источников, в том числе и архивов. При составлении библиографических справок широко использовалась база данных Православного Св. Тихоновского Богословского Института (ПСТБИ).

В предисловии составителя читателям предложена краткая история «обновленческого» раскола в Православной Российской Церкви в свете новых опубликованных исторических документов. Это общее введение в литературу вопроса, обзор основных мнений, которые высказывали исследователи о природе обновленчества. В кратком экскурсе по истории «обновленчества» впервые использованы многие архивные документы, опубликованные в последнее десятилетие.

Кроме биографий, содержащихся в словаре митр. Мануила, в книге приводятся подробные биографические справки об основных лидерах обновленческого движения — (эти сведения подготовила сотрудница ПСТБИ Н. А. Кривошеева).

В серии «Материалы по истории Церкви» вышли следующие книги:

Кн. 1. *Митр. Гедеон (Докукин).* История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России.
Кн. 2. *Прот. Сергий Гаккель.* Мать Мария.
Кн. 3. *Митр. Евлогий (Георгиевский).* Путь моей жизни (Воспоминания).
Кн. 4. *Прот. Петр Смирнов.* История христианской православной Церкви.
Кн. 5. Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии (сборник).
Кн. 6. *Протопресвитер Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. Воспоминания.
Кн. 7. *Митр. Нестор (Анисимов).* Мои воспоминания.
Кн. 8. Российская Церковь в годы революции (сборник).
Кн. 9. *А. Левитин-Краснов, В Шавров.* Очерки по истории русской церковной смуты.
Кн. 10. *П. В. Знаменский.* История Русской Церкви.
Кн. 11, 12. *Протопресвитер Георгий Шавельский.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота (2 тома).
Кн. 13. *Архим. Феодосий (Алмазов).* Мои воспоминания. Записки соловецкого узника.
Кн. 14. Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917—1950 гг. (сборник).
Кн. 15. *Л. Л. Регельсон.* Трагедия Русской Церкви.
Кн. 16—19. *Е. Е. Голубинский.* История Русской Церкви (тт. 1—4).
Кн. 20. *А. Ю. Полунов, И. В. Соловьев.* Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского.
Кн. 21. *Архим. Киприан (Керн).* Отец Антонин Капустин начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме.
Кн. 22. *Архим. Сергий (Страгородский).* По Японии. Записки миссионера.
Кн. 23. *Прот. Владимир Рожков.* Церковные вопросы в Государственной Думе.
Кн. 24. *М. В. Шкаровский.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве.
Кн. 25. *А. П. Доброклонский.* Руководство по истории Русской Церкви.
Кн. 26. *С. В. Римский.* Русская Церковь в эпоху великих реформ.
Кн. 27. «Обновленческий» раскол. Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики.
Кн. 28—30. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. Обзор Деяний. Первая сессия, вторая сессия, третья сессия.
Кн. 31. *П. И. Малицкий.* Руководство по истории Русской Церкви.
Кн. 32. *М. В. Шкаровский.* Нацистская Германия и Православная Церковь.
Кн. 33—34. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Часть 1, часть 2.
Кн. 35. *Уильям Флетчер.* Митрополит Николай (Ярушевич) (*готовится к печати*).
Кн. 36. *Митрополит Феодосий (Процюк).* Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине с 1917 по 1943 годы (*готовится к печати*).
Кн. 37. *М. В. Шкаровский.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935—1945 годов (сборник документов).

К сведению читателей!

Книги, выпущенные Издательством Крутицкого Патриаршего Подворья и Обществом любителей церковной истории, можно приобрести, в частности,

в Москве:

в магазине и Издательстве Крутицкого Патриаршего подворья
109044, г. Москва, Крутицкая ул., 13
(ст. м. «Пролетарская», «Крестьянская застава»). Тел.276-34-55

в книжной лавке Храма св. Косьмы и Дамиана на Маросейке
101000, г. Москва, ул. Маросейка, 14/2, стр. 3
(ст. м. «Китай-город»). Тел. 206-97-52

в книжном магазине при Синодальной библиотеке Московского Патриархата (б. Андреевский мон.)
117334, г. Москва, Андреевская наб., 2
(ст. м. «Ленинский проспект»). Тел. 135-73-61

в книжной лавке Храма Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке
102009, г. Москва, Газетный пер., 15
(ст. м. «Охотный ряд»). Тел. 292-05-63

в Санкт-Петербурге:

в книжном магазине «Слово»
Малая Конюшенная ул., д. 9
Тел. (812) 311-20-75, факс 312-52-00

в Минске:

на книжном складе Минской Епархии
г. Минск, ул. Освобождения, 10
Тел. 23-66-40; 23-46-01 (деж.), факс 23-25-05

По почте *книги можно заказать через Издательство Крутицкого подворья*

Формат 70x100 $^{1}/_{16}$ Тираж 500 экз.
Заказ № 9558

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер.,

В серии «Материалы по истории Церкви» вышли следующие книги:

Кн. 1. *Митр Гедеон (Докукин)* История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России.
Кн. 2. *Прот. Сергий Гаккель*. Мать Мария.
Кн. 3. *Митр. Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни (Воспоминания).
Кн. 4. *Прот. Петр Смирнов*. История христианской православной Церкви.
Кн. 5. Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии (сборник).
Кн. 6. *Протопресвитер Василий Зеньковский*. Пять месяцев у власти. Воспоминания.
Кн. 7. *Митр Нестор (Анисимов)*. Мои воспоминания.
Кн. 8. Российская Церковь в годы революции (сборник).
Кн. 9. *А Левитин-Краснов, В Шавров*. Очерки по истории русской церковной смуты.
Кн. 10. *П. В Знаменский*. История Русской Церкви.
Кн. 11, 12. *Протопресвитер Георгий Шавельский*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота (2 тома).
Кн. 13. *Архим. Феодосий (Алмазов)*. Мои воспоминания. Записки соловецкого узника.
Кн. 14. Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917—1950 гг. (сборник).
Кн. 15. *Л. Л. Регельсон*. Трагедия Русской Церкви.
Кн. 16—19. *Е. Е. Голубинский*. История Русской Церкви (тт. 1—4).
Кн. 20. *А. Ю. Полунов, И. В. Соловьев*. Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского.
Кн. 21. *Архим. Киприан (Керн)*. Отец Антонин Капустин начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме.
Кн. 22. *Архим. Сергий (Страгородский)*. По Японии. Записки миссионера.
Кн. 23. *Прот. Владимир Рожков*. Церковные вопросы в Государственной Думе.
Кн. 24. *М. В. Шкаровский*. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве.
Кн. 25. *А. П. Доброклонский*. Руководство по истории Русской Церкви.
Кн. 26. *С В. Римский*. Русская Церковь в эпоху великих реформ.
Кн. 27. «Обновленческий» раскол. Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики.
Кн. 28—30. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. Обзор Деяний. Первая сессия, вторая сессия, третья сессия.
Кн. 31. *П И Малицкий*. Руководство по истории Русской Церкви.
Кн. 32. *М В. Шкаровский*. Нацистская Германия и Православная Церковь.
Кн. 33—34. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Часть 1, часть 2
Кн. 35. *Уильям Флетчер*. Митрополит Николай (Ярушевич) (*готовится к печати*).
Кн. 36. *Митрополит Феодосий (Процюк)*. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине с 1917 по 1943 годы (*готовится к печати*).
Кн. 37. *М. В. Шкаровский*. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935—1945 годов (сборник документов).

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Книга 33

ОТЗЫВЫ

ЕПАРХИАЛЬНЫХ АРХИЕРЕЕВ

ПО ВОПРОСУ

О ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЕ